РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

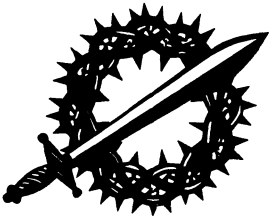
КАДЕТЫ И ЮНКЕРА В БЕЛОЙ БОРЬБЕ

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

КАДЕТЫ И ЮНКЕРА В БЕЛОЙ БОРЬБЕ И НА ЧУЖБИНЕ

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2003

ББК 63.3(2)-8
К13

Серия основана в 2000 году

Под общей редакцией авторов проекта
членов Российского Дворянского Собрания
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА

Оформление художника И.А. Озерова

К13 **Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине/** Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. — 927 с.

ISBN 5-9524-0306-9

Книга представляет собой 11-й том серии, посвященной истории Белого движения в России по воспоминаниям его участников. Посвящен он кадетам и юнкерам — самым юным участникам Белой борьбы. Тесно связанная с традициями своих семей и учебных заведений, военная молодежь отличалась высокой степенью патриотизма и непримиримым отношением к большевикам, разрушителям российской государственности. Юнкера и кадеты внесли весомый вклад в Белое дело и сохранение русского воинского духа на чужбине.

Материалы тома практически неизвестны широкому читателю. Они снабжены уникальным справочным аппаратом, биографическими справками об авторах и героях очерков.

Книга входит в реализуемый издательский проект «Россия забытая и неизвестная» и имеет целью формирование новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© С.В. Волков, составление, предисловие, комментарии, 2003
© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2003
© ЗАО «Центрполиграф», 2003

ISBN 5-9524-0306-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одиннадцатый том серии «Белое движение в России» посвящен участию в белой борьбе кадет и юнкеров. Военная молодежь была, пожалуй, наиболее активной частью участников Белого движения. Тесно связанная традициями своих семей и учебных заведений, она отличалась высокой степенью патриотизма и наиболее непримиримо относилась к разрушителям российской государственности. Естественно, что в кадетских корпусах революционные нововведения встретили самую непримиримую оппозицию, а кадеты по сравнению с другими социальными группами дали из своей среды наибольший процент добровольцев белых армий.

Например, из 235 погибших выпускников Одесского корпуса 70 погибли в Первой мировой войне, а 128 — в белых армиях, и еще 32 — в борьбе с большевиками после Гражданской войны. В Гражданской войне погибло 47 кадет 1-го Сибирского кадетского корпуса и еще 8 — в партизанских отрядах в СССР после ее окончания. Участвовали в Белом движении и почти все питомцы Хабаровского корпуса.

Практически все военно-учебные заведения к началу 1918 года были разгромлены большевиками, но в белых армиях некоторые из них на базе сохранившегося кадра были восстановлены и продолжали существовать до конца Гражданской войны и даже в эмиграции.

13 ноября 1917 года в Екатеринодар прибыло Киевское Константиновское военное училище в составе 25 офицеров и 131 юнкера, большинство которых погибло в Кубанских походах, но 1 января 1919 года был открыт новый прием (67-й выпуск), а 3 сентября — еще один (68-й выпуск), и на момент эвакуации в училище числилось 37 офицеров и чиновников и 342 юнкера. В начале 1918 года на Кубани на основе 1-й Киевской Софийской школы прапорщиков было открыто

Кубанско-Софийское военное училище. Кубанское генерала М.В. Алексеева военное училище (созданное в 1917 году из школы прапорщиков казачьих войск в Екатеринодаре) возродилось после 2-го Кубанского похода и летом 1920 года насчитывало 28 офицеров и чиновников и 307 юнкеров. Сергиевское артиллерийское училище, закрытое большевиками в январе 1918 года (12-й выпуск не закончил курса), было восстановлено в октябре 1919 года и в начале 1920 года насчитывало 50 офицеров и 400 юнкеров. 31 января 1919 года в Екатеринодаре был сформирован кадр двух военно-училищных курсов. В июле 1919 года одни из них развернулись в Ставрополе и впоследствии были преобразованы в Корниловское военное училище, другие — в Ейске — в Александровское. Училища были одними из самых надежных частей армии и часто бросались на самые опасные участки фронта, неся большие потери.

В состав Белой армии на Юге входил также ряд восстановленных кадетских корпусов: Донской, Владикавказский и восстановленные еще при гетмане Киевский, Сумский, Полтавский и Одесский. 17 октября 1919 года был открыт Морской корпус в Севастополе (первоначально — на 260 человек; в это время в армии служило более 50 морских кадет и гардемарин). Полтавский корпус 21 ноября 1919 года был переброшен во Владикавказ. После эвакуаций начала 1920 года Донской корпус оказался в Египте (куда был эвакуирован из Новороссийска), Одесский, Киевский и рота Полоцкого (совместно размещавшиеся в Одессе, за исключением около 350 кадет, оставленных в городе) — в Югославии (где из них был создан Первый Русский кадетский корпус). В Крыму из остатков Владикавказского и Полтавского был создан просуществовавший в Ореанде до эвакуации Крымский кадетский корпус, из Сумского — интернат в Феодосии и из остатков Донского — Второй Донской в Евпатории.

На Востоке, ввиду недостатка офицерских кадров, в 1918—1919 годах действовало довольно много военно-учебных заведений, открытых заново. Все они комплектовались юнкерами, не закончившими курса из-за революции, кадетами и добровольцами из выпускников гражданских средних учебных заведений, а также присланными из полков отличившимися солдатами. Большинство училищ рассчитывалось на полный курс мирного времени, но на практике все они были сокращенными. Выпускники военных училищ производились, как правило, в подпоручики. Инструкторские школы (Екатеринбургская, Челябинская, Иркутская и Томские военно-окружные курсы), созданные весной 1919 года (бывшие Егерские батальоны, в которые по мобилизации зачислялись лица с правами по образованию), были

рассчитаны на двухмесячный курс, после которого юнкера выпускались портупей-юнкерами в части и после месячного пребывания в строю производились по рекомендации командира части в подпоручики. Всего до конца 1920 года военные училища дали 6500 офицеров, в том числе 104 инженерных войск, более 500 артиллеристов, около 400 кавалеристов.

Продолжал действовать на Востоке и ряд кадетских корпусов: Оренбургский Неплюевский, 2-й Оренбургский, 1-й Сибирский и Хабаровский, а также эвакуированный в свое время на Волгу Псковский. Их кадеты, начиная с конца 1917 года, принимали участие в боях рядом с юнкерами военных училищ. Сибирский и Хабаровский корпуса дали выпуски в мае 1919-го, январе 1920-го, мае 1921-го и в мае 1922 года, пошедшие на комплектование военных училищ. Хабаровский корпус за годы Гражданской войны всего выпустил 288 человек (в 1918-м — 45, 1919-м — 54, 1920-м — 71, 1921-м — 56 и 1922-м — 62). При эвакуации Приморья в Сибирском корпусе насчитывалось 38 человек персонала и около 180 кадет, в Хабаровском — 48 и 155 соответственно.

Созданные в Белой армии на Юге России военные училища практически все свои выпуски сделали уже в эмиграции. Константиновское военное училище, открывшее прием по полному курсу в январе и сентябре 1919 года, за 5 лет сделало 3 полных (двухлетних) и 2 ускоренных выпуска — всего 343 офицера. В Галлиполи 5 декабря 1920 года были произведены в офицеры 114 юнкеров его 67-го выпуска (первого набора в Белой армии), 4 июня 1922 года — 109 человек 68-го выпуска, в 1923 году — юнкера 69-го выпуска. Александровское и Корниловское военные училища сделали первый выпуск (107 и 69 человек) 29 июня 1921 года в Галлиполи. Последнее всего дало 5 выпусков офицеров с чином подпоручика (считая и ускоренный 29 января 1920 года).

Николаевское кавалерийское училище было воссоздано в Галлиполи в середине февраля 1921 года (из сформированного в Крыму Учебного дивизиона) и существовало в Белой Церкви (Югославия) до 1923 года. Оно произвело 4 выпуска (5 ноября 1922-го, 12 июля и 2 сентября 1923 года и перед закрытием — выпуск эстандарт-юнкеров, произведенных в корнеты 7 марта 1924 года) — всего 357 человек. Сергиевское артиллерийское училище сделало первый (13-й по общему счету) выпуск (127 человек) 29 июня 1921 года в Галлиполи (несколько юнкеров, принадлежавших к 12-му выпуску, разогнанному большевиками в 1918 году, были произведены в офицеры еще зимой 1920/21 года), и был произведен новый набор. Еще три вы-

пуска сделаны в Тырново (Болгария), причем последние два (15-й и 16-й выпуски) — весной и летом 1923 года. Николаевское (Николаевско-Алексеевское) инженерное училище возникло в Галлиполи в виде курсов, в середине февраля 1921 года преобразованных в училище, а 11 июля осуществлен новый прием. Кубанское Алексеевское училище сделало последний выпуск 1 сентября 1922 года в Болгарии.

Если военные училища прекратили свое существование как учебные заведения до 1924 года (сохранившись в виде кадра и офицерских сотен из последних выпускников), то кадетские корпуса действовали гораздо дольше. В 1922 году за границей оказалось примерно 2 тысячи кадет, сведенных в корпуса: Донской в Египте (Исмаилия), Русский в Сараево (Югославия), Крымский (579 кадет) в Белой Церкви (Югославия), Второй Донской в Билече (Югославия), Морской в Бизерте (Тунис), Омский и Хабаровский (около 400 кадет) в Шанхае (Китай). В 1924 году Омский (выпустивший в 1923 году 43 человек и в 1924-м — 36) и Хабаровский (выпустивший в 1923 году 41 человек и в 1924-м — 65), перевезенные в Европу, были влиты в другие корпуса, а Донской, расформированный в Исмаилии осенью 1922 года, был воссоздан на базе Второго Донского.

Морской корпус просуществовал в Бизерте до 1925 года. При эвакуации он имел 235 гардемарин, 110 кадет, 60 офицеров и преподавателей. За время его существования через корпус прошло 394 человека, 300 из которых получили аттестаты. Последний выпуск был сделан в июне 1925 года. Крымский кадетский корпус провел через свои ряды более 1000 кадет (до 75 процентов его кадет в Крыму участвовали в боях, из них 46 георгиевских кавалеров) и 150 чинов персонала. При эвакуации он насчитывал 650 кадет (в том числе 108 воспитанников Феодосийского интерната) и 37 чинов персонала, к моменту закрытия — 250 и 44 соответственно. 103 кадета перешло в Донской корпус, остальные — в Русский. Полный курс окончили 604 (616) кадета. Донской Императора Александра III кадетский корпус существовал до 1933 года в Горажде (Югославия). Среди его кадет также было много участников войны (например, из 36 кадет выпуска 1924 года — 28, в том числе 9 георгиевских кавалеров). Его персонал насчитывал более 35 человек в Египте и более 70 в Югославии.

Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус был создан в Югославии (Панчево и Сисак, затем Сараево и с 1929 года — Белая Церковь) 10 марта 1920 года из остатков Одесского и Полоцкого (165 кадет и 21 чин персонала) и

Киевского (95 кадет и 18 чинов персонала) корпусов, эвакуированных из Одессы. Он просуществовал до осени 1944 года, приняв в свой состав персонал (в разное время в нем служило 175 человек) и кадет упраздненных Крымского и Донского корпусов. В апреле 1945 года остатки его были интернированы в Зальцбурге (Австрия). Корпус за 24 выпуска окончили 906 кадет, и в 1944/45 году в нем оставалось более 190 кадет и около 40 чинов персонала. В Югославии умерло 50 кадет и 22 чина персонала. Из выпускников корпуса 43 поступили в Николаевское кавалерийское училище, 113 окончили Югославскую военную академию и были югославскими офицерами, более 200 окончили университеты. Русский корпус-лицей имени Императора Николая II в Версале создан 1 ноября 1930 года и просуществовал до конца 50-х годов. Первый выпуск (9 человек) был сделан в 1937 году.

Кадеты держались за рубежом весьма сплоченно, издавая свои органы печати, таковы, например, издания 2-го Московского корпуса — «Кадеты» (Париж, 1948—1950), 3-го Московского — «Досуг Московского Кадета» (1952—1959) и «Кадетская заря» (1952—1953), Суворовского — «Суворовцы» (Нью-Йорк, 1953—1967), «Досуг Одесского кадета», «Кадет Сибиряк-Александровец», «Досуг кадета-Псковича», «Семейные вечера» (Крымского корпуса), а также издания общекадетских объединений в различных странах, в частности «Кадетская перекличка», «Информация Генерального Секретариата Союза Российских кадетских корпусов» (1961—1968), органы Союза Российских кадетских корпусов во Франции газета «Вестник» (Париж, 1955—1959) и журнал «Кадет» (1963—1964), Общекадетского объединения в Аргентине — «Военная библиотека» и «Кадетское письмо», Венесуэле и Сан-Франциско («Бюллетень объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско»), а также журнал «Кадетский голос из провинции» (Риуперу, Франция, 1942—1967).

В настоящем издании собраны воспоминания кадет и юнкеров об участии в Гражданской войне и жизни в эмиграции. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати. Эти воспоминания (за исключением очерков В. фон Берга, П. Варнека, Н. Кнорринга и А. Маркова) никогда в России не публиковались.

Содержание тома разбито на несколько разделов. В 1-м разделе публикуются воспоминания о последних днях военно-учебных заведений в революционные месяцы, во 2-м — о кадетских корпусах и военных училищах на Юге России, в 3-м — на Востоке, и в 4-м разделе собраны воспоминания о жизни кадет и юнкеров за рубежом.

Как правило, все публикации приводятся полностью. Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Возможны разночтения в фамилиях участников событий и географических названиях, в названиях воинских частей и организаций; их правильное написание в комментариях.

КАДЕТЫ И ЮНКЕРА В БЕЛОЙ БОРЬБЕ И НА ЧУЖБИНЕ

Раздел 1

А. Марков[1]

КАДЕТЫ И ЮНКЕРА В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ[2]

Воспитанные в твердых принципах службы за Веру, Царя и Отечество, кадеты и юнкера, для которых эта формула являлась смыслом и целью всей их будущей жизни, приняли революцию 1917 года как огромное несчастье и гибель всего, чему они готовились служить и во что верили. Красный флаг, заменивший русский национальный, они сочли, с первых же дней его появления, тем, чем он в действительности и был, а именно грязной тряпкой, символизирующей насилие, бунт и надругательство над всем для них дорогим и священным.

Хорошо зная об этих настроениях, которые кадеты и юнкера не считали нужным скрывать от новой власти, она поспешила в корне изменить быт и порядки военно-учебных заведений. В первые же месяцы революции Советы поспешили переименовать кадетские корпуса в «гимназии военного ведомства», а роты в них — в «возрасты», строевые занятия и погоны отменить, а во главе корпусной администрации поставить «педагогические комитеты», куда, наряду с офицерами-воспитателями, директорами и ротными командирами, вошли и стали играть в них доминирующую роль солдаты-барабанщики, дядьки и военные фельдшера. Помимо этого, революционное правительство в каждый корпус назначило «комиссара», являвшегося «оком революции». Главной обязанностью таких «комиссаров» было прекращать на корню все «контрреволюционные выступления». Офицеры-воспитатели стали заменяться штатскими учителями, под именем «классных наставников», как в гражданских учебных заведениях.

Все эти реформы кадетская среда встретила единогласным возмущением. При первых же известиях о начавшейся в разных местах России Гражданской войне кадеты стали массами покидать корпуса, чтобы

вступить в ряды белых армий, сражавшихся против большевиков. Однако как молодежь, воспитанная в твердых принципах воинской чести, кадеты в лице их строевых рот, прежде чем покинуть навсегда родные корпуса, приняли все от них зависящие меры, дабы спасти свои знамена — символ их воинского долга, — не допустить, чтобы они попали в руки красных. Кадетские корпуса, которым удалось в первые месяцы революции эвакуироваться в районы белых армий, взяли знамена с собой. Кадеты же корпусов, оказавшихся на территории советской власти, сделали все от них зависящее и возможное, чтобы скрыть свои знамена в надежных местах.

Знамя Орловского Бахтина корпуса тайно было унесено из храма офицером-воспитателем, подполковником В.Д. Трофимовым, совместно с двумя кадетами и спрятано в надежном месте при очень трудных обстоятельствах. Кадеты Полоцкого кадетского корпуса, с опасностью для собственных жизней, спасли знамя из рук красных и вывезли его в Югославию, где оно затем было передано Русскому кадетскому корпусу. В Воронежском корпусе кадеты строевой роты тайно вынесли из храма знамя, а на его место в чехол положили простыню. Исчезновение знамени красные заметили лишь тогда, когда оно находилось уже в надежном месте, откуда было затем вывезено на Дон.

Среди известных случаев спасения знамен, принадлежавших кадетским корпусам, самое значительное дело было совершено кадетами-симбирцами, которые, вместе со знаменем своего корпуса, спасли и хранившиеся с ним два знамени Полоцкого кадетского корпуса.

Это славное дело выделяется не только числом спасенных знамен, но и количеством лиц, принимавших в этом то или иное участие.

К началу марта 1918 года Симбирский кадетский корпус уже находился под контролем местных большевиков. У входа в корпусное здание стояли часовые. В вестибюле располагался главный караул с пулеметами. Знамена находились в корпусной церкви, дверь которой была закрыта на ключ и охранялась часовым. А рядом, в столовой, был караул из пяти красногвардейцев.

О намерении большевиков отобрать знамена сообщил пришедший во 2-е отделение 7-го класса полковник Царьков, один из корпусных преподавателей, особенно любимый кадетами. Поцеловав близстоявшего кадета, полковник этим намекнул кадетам на их обязанности в отношении корпусной святыни.

Отделение поняло намек и, не оповещая других кадет, составило план похищения знамен, в исполнении которого приняли участие все без исключения кадеты славного второго отделения, выполняя полагающиеся, сообща продуманные и распределенные задачи.

Кадетам А. Пирскому и Н. Ипатову[3] посчастливилось незаметно снять слепок ключа от церковной двери. А вечером, когда хитростью удалось отвлечь внимание часового и караула, заготовленным по слепку ключом открыли церковь, сорвали полотнища и, охраняемые всюду расставленными «махальными», доставили знамена в свой класс. Снимали знамена: А. Пирский, Н. Ипатов, К. Россин[4] и Качалов — прикомандированный кадет 2-го Петербургского кадетского корпуса.

Большевики, утром заметившие исчезновение знамен, производили обыски во всех помещениях корпуса, но безрезультатно. Знамена, очень находчиво, были скрыты в классе же, на дне бочонков с пальмами. Но возникла новая задача — вынести знамена из корпуса. Через два дня, когда по сговору предстояло передать знамена находившемуся в городе прапорщику Петрову, который лишь в 1917 году окончил Симбирский же корпус, — решили действовать на ура. Самые сильные кадеты отделения спрятали знамена за пазуху, их окружили толпой и разом кинулись через швейцарскую, мимо растерявшихся часовых, на улицу.

Потом, когда передача знамен уже была произведена, вернулись в корпус и объяснили свою выходку желанием подышать свежим воздухом, прогуляться.

В дальнейшем, уже после роспуска корпуса, большевики арестовали целый ряд корпусных офицеров, обвиняя их в сокрытии знамен. Находившиеся еще в городе кадеты славного 2-го отделения собрались для обсуждения вопроса — как бы выручить из тюрьмы офицеров, даже не знавших, где находятся знамена. Кадеты А. Пирский, К. Россин и Качалов предложили, что они сознаются большевикам в похищении знамен, а при допросах будут заявлять, что знамена увез Н. Ипатов, который больше месяца тому назад уехал в Маньчжурию.

Так и поступили. Воспитатели вышли из тюрьмы, а их места заняли кадеты. Но Бог вознаградил их дух: так получилось, что суд признал их невиновными... А от мести большевиков им удалось сбежать.

Знамена переданы были на хранение сестре милосердия Евгении Викторовне Овтрахт. Она спрятала их и передала в руки генерала барона Врангеля после занятия добровольцами города Царицына. Приказом за № 66 от 29 июня 1919 года за этот подвиг она была награждена Георгиевской медалью. В январе 1955 года знамя, спасенное г-жой Овтрахт, ставшей игуменьей Эмилией, прибыло в США и ныне находится в митрополичьем храме Синода Зарубежной Церкви.

Кадеты Омского корпуса в 1918 году, получив от красного командования приказ снять погоны, вечером того же дня собрались всем корпусом в сборной зале, сложили все погоны в гроб, который затем старшими кадетами был зарыт в землю. Знамя Сумского кадетского

корпуса, ныне также находящееся в США, спасено с опасностью для его жизни кадетом Димитрием Потемкиным[5].

В Белой борьбе за Россию против красных первыми выступили в октябре 1917 года Александровское военное училище и кадеты трех московских корпусов. Юнкера несколько дней подряд защищали Москву от захвата ее большевиками, причем 3-я рота училища, даже и после поражения не пожелавшая сдать оружия, была красными уничтожена поголовно. Узнав о выступлении юнкеров-александровцев против красных, строевая рота 3-го Московского Императора Александра II корпуса немедленно присоединилась к юнкерам и заняла позицию вдоль реки Яузы, в то время как строевая рота 1-го Московского корпуса прикрывала юнкерский фронт с тыла. Под огнем превосходившего их числом противника юнкера и кадеты, расстреливаемые со всех сторон, стали отходить к реке Яузе, где и задержались. В это время строевая рота 2-го Московского корпуса, построившись в сборной зале под командой своего вице-фельдфебеля Слонимского, обратилась с просьбой к директору корпуса разрешить выйти на помощь юнкерам и кадетам двух других корпусов. На это последовал категорический отказ, после чего Слонимский приказал разобрать винтовки и со знаменем во главе повел роту к выходу, который загородил собой директор корпуса, заявивший, что «рота пройдет только через его труп». Правофланговыми кадетами генерал был вежливо отстранен с пути, и рота явилась в распоряжение командующего сборным юнкерско-кадетским отрядом на реке Яузе. Кадеты трех московских корпусов и юнкера-александровцы покрыли себя в эти дни бессмертной славой в борьбе с красными. Они бились в течение двух недель, доказав на деле, что значат для русского кадета и юнкера товарищеская спайка и взаимная выручка.

В дни большевистского переворота в октябре 1917 года с оружием в руках сражались против большевиков в Петрограде почти все военные училища во главе с особенно пострадавшим в этой борьбе Николаевским инженерным.

Морской кадетский корпус в Петрограде в первые дни революции подвергся нападению бунтующей черни и солдат, во главе с вышедшими из повиновения нижними чинами лейб-гвардии Финляндского полка и запасных частей. Директор Морского корпуса адмирал Карцев приказал раздать оружие гардемаринам и старшим кадетам, и корпус оказал бунтовщикам вооруженное сопротивление.

Желая спасти гардемаринов и кадет, директор Морского корпуса вышел в вестибюль и вступил в переговоры с нападающими, заявив им, что в здание корпуса он толпу не пустит, так как отвечает за

казенное имущество, но готов выдать некоторое число винтовок и разрешит делегатам осмотреть все помещения, дабы убедиться в отсутствии пулеметов, в стрельбе из которых агитаторы обвиняли Морской корпус. Однако в то время, как по приказу адмирала Карцева[6] его помощник — инспектор классов генерал-лейтенант Бригер отправился с делегатами для осмотра корпуса, на адмирала было произведено нападение, он получил удар прикладом по голове и был увезен в здание Государственной думы, где тяжело себя ранил, покушаясь на самоубийство. Заместивший адмирала Карцева на посту директора корпуса генерал-лейтенант Бригер[7] распустил кадет и гардемаринов по домам, и в этот день, в сущности, закончилось 216-летнее служение корпуса Российской империи.

В Воронежском кадетском корпусе, когда пришел манифест об отречении Государя Императора, который директор прочел в церкви, настоятель храма — законоучитель корпуса отец протоиерей Стефан (Зверев), а за ним и все кадеты зарыдали. В тот же день кадеты строевой роты сорвали с флагштока красную тряпку, вывешенную писарями, и, при открытых окнах, сыграли национальный гимн, подхваченный голосами всего корпуса. Это вызвало прибытие к зданию корпуса Красной гвардии, которая намеревалась перебить кадет. Последнее с большим трудом было предотвращено директором, генерал-майором Белогорским.

В первые дни большевизма, осенью и зимой 1917 года, все кадетские корпуса на Волге были разгромлены, а именно: Ярославский, Симбирский и Нижегородский. Красногвардейцы ловили кадет в городах и на станциях железных дорог, в вагонах, на пароходах, избивали их, калечили, выбрасывали на ходу поездов из окон и бросали в воду. Уцелевшие кадеты этих корпусов одиночным порядком прибывали в Оренбург и присоединялись к двум местным корпусам, в дальнейшем разделив их судьбу.

Псковский кадетский корпус, переведенный в 1917 году из Пскова в Казань и разместившийся в здании духовной семинарии на Арском поле, во время октябрьского выступления большевиков в этом городе, как и московские кадеты, присоединился к местным юнкерам, сражавшимся с красными. В 1918 году кадеты-псковичи выступили походным порядком на Иркутск, где снова с оружием в руках, уже в 1920 году, сражались против красной власти. Часть из них погибла в боях, а уцелевшие, перебравшись в Оренбург, продолжали борьбу с красными. Одному кадету удалось в Сибири даже организовать свой собственный партизанский отряд. Знамя Псковского корпуса было спасено из рук красных корпусным священником, настоятелем отцом Василием.

Командир 2-й роты Симбирского кадетского корпуса — полковник Горизонтов, преодолевая тысячи затруднений и опасностей, вывел остатки корпуса в Иркутск, где в декабре 1917 года юнкера тамошнего военного училища не позволили местным большевикам захватить власть в городе, сражаясь с красной гвардией в течение восьми суток. В эти дни юнкера потеряли убитыми и ранеными больше 50 человек и несколько офицеров, но сами перебили свыше 400 красных.

17 декабря 1917 года строевая рота Оренбургского Неплюевского корпуса под командованием своего вице-фельдфебеля Юзбашева ушла из корпуса и присоединилась к отряду оренбургских казаков атамана Дутова[8]. В их рядах кадеты приняли участие в боях с красными под Карагандой и Кргалой, понеся потери ранеными и убитыми, а затем остатки роты, совместно с юнкерами Оренбургского казачьего училища, оставили Оренбург и степями двинулись на юг. Этот поход описан талантливым пером кадета-писателя Евгения Яковского[9]. Кадеты Оренбургского Неплюевского корпуса (выпускного класса) впоследствии почти целиком составили команду броневого поезда «Витязь», как другие кадеты составляли команды бронепоездов «Слава офицера» и «Россия».

В январе 1918 года юнкера Одесского пехотного училища вместе со своими офицерами были окружены в здании училища со всех сторон красногвардейскими бандами. Оказав им энергичное сопротивление, юнкера только на третий день боя, и то по приказанию начальника училища, полковника Кислова, оставили здание одиночным порядком и группами, чтобы пробраться на Дон и вступить в ряды Добровольческой армии.

В октябре 1917 года Киевское пехотное имени Великого князя Константина Константиновича военное училище вступило в бой с красными впервые на улицах Киева и понесло в этом бою первые потери. Захватив силой оружия поездной состав на вокзале, оно перешло на Кубань, где в рядах кубанских частей участвовало в Ледяном походе и при взятии Екатеринодара.

Начиная с осени 1917 года и до зимы 1923 года огромные пространства России были охвачены Гражданской войной. В этой грандиозной борьбе русские кадеты и юнкера заняли самое почетное место, подтверждая принцип того, что «погоны у кадет разные, но душа одна». Кадеты и их старшие товарищи и братья юнкера понесли страшные потери убитыми, ранеными и замученными, не говоря уже о навеки искалеченных физически и морально на всю их остальную жизнь. Эти дети и юноши-добровольцы были самым прекрасным и вместе с тем самым тягостным из всего в Белом движении. Об их участии в этой страш-

нейшей из войн должны быть впоследствии написаны целые книги, о том, как пробивались в белые армии эти дети и юноши, как бросали свои семьи, как находили, после долгих трудов и поисков, обетованную армию.

Первые отряды добровольцев, начавшие бороться с красными у Ростова и Таганрога, были в огромном своем большинстве составлены из кадет и юнкеров, как и отряды Чернецова[10], Семилетова[11] и других основоположников борьбы с красными. Первые гробы, неизменно провожаемые в Новочеркасске печальным атаманом Калединым, заключали в себе тела убитых кадет и юнкеров. На их похоронах генерал Алексеев, стоя у открытой могилы, сказал:

— Я вижу памятник, который Россия поставит этим детям, и этот памятник должен изображать орлиное гнездо и убитых в нем орлят...

В ноябре 1917 года в городе Новочеркасске сформировали Юнкерский батальон[12], состоявший из двух рот: первой юнкерской, под командой ротмистра Скосырского[13], и второй кадетской, под командой штабс-капитана Мизерницкого[14]. 27 ноября он получил приказание погрузиться в поезд и с полусотней Донского казачьего военного училища был направлен в Нахичевань. Выгрузившись под огнем противника, батальон быстро построился, как на учении, и, идя во весь рост, бросился в атаку на красных. Выбив их из Балабинской рощи, он в ней закрепился и продолжал стрелковый бой при поддержке двух наших орудий. В этом бою почти целиком погиб взвод капитана Донскова, состоявший из кадет Орловского и Одесского корпусов. Найденные после боя трупы оказались обезображенными и исколотыми штыками. Так кровью русских детей-кадет обагрилась русская земля в первом бою, положившем основание Добровольческой армии и Белой борьбе при взятии Ростова-на-Дону. В январе 1918 года в Екатеринодаре был создан отряд добровольцев имени «Спасения Кубани», под командой полковника Лесевицкого[15], состоявший из кадет различных корпусов и юнкеров Николаевского кавалерийского училища. В его рядах геройски пали на поле чести кадеты: Георгий Переверзев — Третьего московского корпуса, Сергей фон Озаровский — Воронежского, Данилов — Владикавказского и многие другие, имена которых записаны у Господа Бога...

После взятия Воронежа отрядом генерала Шкуро[16] многие кадеты местного корпуса, скрывавшиеся от красных в городе, записались добровольцами в отряд. Из них в последующих боях были убиты кадеты-воронежцы: Гусев, Глонти, Золоторубов, Селиванов и Гроткевич.

Поэтесса Снасарева-Казакова посвятила свои рвущие душу стихи кадетам-добровольцам, погибшим под Иркутском:

Как звезды были их глаза —
Простые, русские кадеты;
Их здесь никто не описал
И не воспел в стихах поэта.
Те дети были наш оплот.
И Русь поклонится их гробу;
Они все там до одного
Погибли в снеговых сугробах...

Славой и честью покрыли себя кадеты всех российских корпусов, сражавшиеся рядом со своими старшими братьями-юнкерами на Оренбургском фронте, у генерала Миллера на Севере, у генерала Юденича под Лугой и Петроградом, у адмирала Колчака в Сибири, у генерала Дитерихса на Дальнем Востоке, у казачьих атаманов на Урале, Дону, Кубани, в Оренбурге, Забайкалье, Монголии, в Крыму и на Кавказе. У всех этих кадет и юнкеров был один порыв, одна мечта — пожертвовать собой для Родины. Этот высокий подъем духа и вел к победе. Только им и объяснялся весь успех добровольцев против многочисленного врага. Это отразилось и на песнях добровольцев, наиболее характерной из которых является их песня в Ледяном походе на Кубани:

...Вечерней порой, сомкнувшись в строю,
Поем мы негромкую песню свою
О том, как в далекие степи ушли
Мы, дети безумной, несчастной земли,
И в подвиге видели цель мы одну —
Спасти от позора родную страну.
Пугали нас вьюги и холод ночной.
Не даром нам дался поход Ледяной...

«Порыв по своей возвышенности, своему бескорыстию, по самопожертвованию столь исключительный, — писал один из наших славных кадет-писателей, — что подобный ему трудно отыскать в истории. Этот подвиг тем значительнее, что был совершенно бескорыстен, мало оценен людьми и лишен лаврового венка победы...»

Один вдумчивый англичанин, бывший на Юге России во время Гражданской войны, сказал, что «в истории мира он не знает ничего более замечательного, чем дети-добровольцы Белого движения. Всем же отцам и матерям, отдавшим своих детей за Родину, он должен сказать, что их дети принесли на поле брани святыню духа и в чистоте юности легли за Россию. И если люди не оценили их жертв и не воздвигли им еще достойного памятника, то их жертву видел Бог и принял их души в Свою райскую обитель...»

Великий князь Константин Константинович, предчувствуя ту светлую роль, которая в будущем достанется на долю так любимых им кадет, задолго до революции посвятил им пророческие строки:

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой;
Ты не один — орлиная вы стая.
Настанет день, и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой, —
Завидна смерть за честь родного края!..

В дни Белого движения на Украине, при гетмане Скоропадском[17], кадетские корпуса были восстановлены под именем «войсковых бурс» в Киеве, Сумах, Полтаве и Одессе. Равным образом открылись снова кадетские корпуса: Хабаровский, Иркутский, Новочеркасский и Владикавказский, так как революция и большевизм привели к тому, что за период 1917—1918 годов погибли все военные училища и 23 кадетских корпуса из 31, существовавшего до марта 1917 года в России. Гибель большинства из них была ужасна, и беспристрастная история когда-либо отметит те кровавые события, которые сопутствовали этой гибели, как, например, поголовное избиение персонала и кадет Ташкентского корпуса, которое можно приравнять разве к избиению младенцев на заре Нового Завета... Это была недостойная месть большевиков за то, что строевая рота ташкентских кадет принимала участие в обороне Ташкентской крепости вместе с юнкерами и школами прапорщиков.

Ко всему вышеизложенному не лишним будет добавить, что со времени революции круто изменился взгляд русского образованного общества за границей на русские военно-учебные заведения, выказавшие столько геройства и самоотвержения при защите родины во время Гражданской войны в России. Этому лучшим свидетельством служит признание одного из руководителей общественного мнения до революции, писателя и публициста Александра Амфитеатрова, который в одной из своих статей в зарубежной прессе воскликнул, изумляясь самопожертвованию и геройству кадет: «Не знал я вас, господа кадеты, честно признаюсь, и только теперь осознал глубину вашего подвижничества...»

М.С.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПЕРВОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА[18]

В феврале 1918 года корпус наш еще существовал. Переименованный летом 1917 года Временным правительством в «гимназию Военного ведомства», он после захвата власти большевиками представлял собой

странное соединение неизжитых и неисчезавших, твердо укоренившихся старых духовных основ кадетского бытия с новыми формами, данными нам «попечительной» советской властью вместе с проявлениями в нашей внутренней жизни отражений и оттолосков «народной стихии», а вернее — разнузданной солдатской массы и городской черни, бушевавших вне наших стен.

В сборной зале корпуса помещался в это время самокатный батальон, вызванный Временным правительством для защиты от возможного большевистского восстания. Считавшийся отборной частью и действительно имевший в своем составе лучший солдатский элемент, возможный по тому времени, этот батальон в критические дни октября 1917 года объявил «нейтралитет» и не сдвинулся с места на защиту власти, вызвавшей его именно для этой цели.

Соседство это было для нас, конечно, довольно стеснительным, но надо и признать, что за семимесячную нашу совместную жизнь у нас не произошло ни одного серьезного конфликта с нашими случайными гостями. Это надо, по-видимому, отнести к тому, что со стороны нашего начальства были приняты необходимые меры и даны нам нужные инструкции, которым мы, в общем, подчинились. С другой стороны, объясняется это, повторяю, и самим составом батальона, который действительно не был большевистски настроен (по тому времени) и вовсе не собирался «захватывать» корпус и изгонять нас из него, как он мог совершенно свободно и безнаказанно это сделать в то время.

«Попечение» о нас новой советской власти проявилось в двух актах: во-первых, к нам был назначен комиссар, унтер-офицер, кажется, лейб-гвардии Волынского полка по фамилии Ульченко, хохол огромного роста с черной бородой, к счастью, абсолютно ничем себя не проявлявший и проводивший все свое время на кухне, поправляя свое здоровье, и, во-вторых, был визит к нам полномочного представителя нового начальника военно-учебных заведений капитана Дзевалтовского.

В день его визита мы были, по его желанию, собраны, не в строю, а толпой, на площадке перед комнатой дежурного офицера роты Его Величества и должны были выслушать его речь. Перед нами появился смуглый брюнет среднего роста, худощавый, с блестящими черными глазами, черными усами и бородкой, одетый в коричневый офицерский френч, гусарские чакчиры и сапоги. Речь произнес он типично митинговую, и из нее мы узнали, что отныне мы перестали быть представителями военно-дворянской касты и наследниками сословно-привилегированного класса и что долг наш теперь, когда в России утвердилась

советская власть, стать на точку зрения служения народу. Начальству нашему даны, мол, соответствующие инструкции, и если оно не сумеет справиться с задачей, то понесет ответственность и будет заменено другим, а тех из нас, кто не подчинится новому духу времени, не только исключат из корпуса, но и заставят искупить их грехи перед народом. Вся речь была пересыпана хлесткими словечками и фразами, но впечатления произвела на нас мало. Наоборот, демагогия оратора и искусственность речи вызвали тихие замечания кадет, вроде: «Земгусар!», «Цыган в гусарских штанах!» и т. д.

Однако почти год, прошедший со времени Февральской революции, наложил все же свой отпечаток на уклад нашей жизни и на нашу психологию. Нельзя забывать того, что Петроград к тому времени уже пережил немало событий, как Корниловское выступление, последовавшее за ним падение и бегство Временного правительства, приход к власти большевиков, разгон Учредительного собрания, все сопровождавшиеся стрельбой на улицах, артиллерийским обстрелом, арестами, обысками, расстрелами и вообще буйством солдатских масс и городской черни, руководимой зачастую уголовным элементом. Все это отразилось, конечно, и на нас. Но к чести кадет, особенно старших классов, надо отметить появившуюся в них серьезность и вдумчивость, сопровождавшиеся чувством ответственности за судьбу корпуса. Кадеты как бы осознали, что в наступившем «царстве массы» и они сами являлись тоже какой-то массой и, как таковая, могли проявлять, если сумеют, какие-то необходимые внешние формы, подходящие к текущему моменту, и тем самым смогут, хотя бы на время, не слишком привлекать внимание власти к себе. Они чувствовали, конечно, что при существующем строе долго играть такую роль не смогут, но, как и все жители Петрограда того времени, считали, что большевики больше трех недель у власти не удержатся. С другой стороны, у всех было инстинктивное чувство необходимости продержаться до конца года, чтобы скорее выполнить намеченный план — влиться в ряды бойцов за Родину, кто — на юге, в Корниловскую армию, как ее тогда называли, кто — в другие формирования, очень часто фантастические, но все стремились так или иначе присоединиться к тем, кто уже боролся с большевиками. И как срок все намечали весну, после окончания учебного года.

Это настроение сказалось в нескольких фактах, когда начальство как бы вверило кадетам двух старших классов (7-му, главным образом) наблюдение за всем внутренним укладом жизни корпуса. И старшие кадеты не только приняли на себя эту роль, но и выполнили ее с достоинством и честью, оказавшись опорой начальства, помогая ему и

выступая вместо него в тех случаях, когда последнему это было невозможно. Одним словом, старшие кадеты взяли на себя роль помощников и заместителей господ офицеров по отношению к младшим, зачастую не понимавшим серьезных последствий их детских шалостей, а порой и совершенно недопустимых проявлений характера. Кадетам роты Его Величества пришлось несколько раз «приводить в порядок» младших, устраивавших «бенефисы» своим офицерам-воспитателям. И порядок восстанавливался быстро и организованно, чем избегались скандалы, могущие привлечь к нам ненужное внимание новой власти. А причин для этого было более чем достаточно.

Прежде всего, со времени Октябрьской революции в корпусе все время скрывались офицеры и юнкера разных частей и училищ, и не только бывшие наши кадеты. Скрывались они по разным причинам, одни в течение нескольких только дней, другие подолгу. Знало об этом начальство, но далеко не все, и небольшое число кадет старших классов. Этих «гостей» надо было прятать, кормить, предупреждать в случае возможного обыска. Все это требовало настороженности, а главное — внешнего спокойствия и порядка. Некоторые из наших случайных гостей уходили, исчезая на время, потом снова появлялись, иногда приводя с собой другого офицера или юнкера, такого же затравленного и искавшего убежища.

И вот среди них оказалось несколько человек, принесших нам новую «благую весть»: по их словам, разгромленное после октября офицерство начинало сорганизовываться и формировать тайные, подпольные организации, конечной целью которых было свержение советской власти. Рассказывали о средствах, о числе участников и имевшемся оружии, о сети информаторов и агентов. Мы слушали их с затаенным дыханием, переживая все слышанное и гордясь тем, что с нами делятся столь значительными и серьезными известиями. Конечно, со стороны кадет сразу же поступили просьбы о зачислении в организацию, на каковые было отвечено, что скоро мы все понадобимся.

Действительно, в начале февраля 1918 года нам было сообщено, что в конце февраля большевистское правительство собирается переехать из Петрограда в Москву и что офицерская организация решила этим воспользоваться, для того чтобы взорвать поезд и захватить едущих в нем большевиков. Для этого потребуется вооруженная сила, в каковую нам и предлагалось вступить. Вербовка должна была производиться привлечением добровольцев из желающих.

Сообщение это вызвало энтузиазм. Опьяненные величием выпавшей на нас роли, ибо в результатах мы не сомневались, переживали мы оказанное нам доверие. Произведенная вербовка дала 90 процентов

добровольцев из роты Его Величества. С гордостью сообщили мы эти результаты нашим друзьям, которые благодарили нас за нашу готовность разделить с ними опасность, и мы стали готовиться к предстоящему выступлению, ожидая более подробных инструкций.

Наконец, приблизительно 25 февраля было получено подтверждение о скором выступлении и было передано распоряжение одному из нас явиться на конспиративную квартиру организации со списком добровольцев, для заготовки им солдатского обмундирования и вооружения. Таковым был избран кадет П-ий, которому и были вручены списки и инструкции. П-ий ушел после обеда и к вечеру не вернулся. Ждали мы его с нетерпением и беспокойством всю ночь, и наконец утром пришел к нам один из офицеров для связи, весь грязный и оборванный, с сообщением, что П-ий со всеми списками попался в ловушку, устроенную на конспиративной квартире. Сам рассказчик едва спасся, уже будучи арестованным, бросившись бежать с набережной Невы по льду под обстрелом.

Сообщение это нас поразило как громом!.. Что было нам делать? После обсуждения решили доложить начальству. И в этот момент мы оценили все мужество наших старых офицеров корпуса, одним уже нашим безумным поступком подвергавшихся опасности быть расстрелянными: они не побоялись ухудшить свое положение еще больше и взять на себя ответственность, объявив учебный год оконченным и распустив всех нас по домам. Всем нам были выданы свидетельства об окончании курса 6-го или 7-го класса корпуса, уезжавшим из Петрограда были даны специальные удостоверения и проездные билеты, подписанные директором и ничего не понявшим из того, что произошло, комиссаром Ульченко. Уезжавшим выдавались вещи, белье, паек на неделю, а ведь все это было неопровержимыми уликами против нашего начальства, уликами в соучастии в заговоре и в попытке нас спасти!

Мы уезжали, а им оставалось расхлебывать заваренную нами кашу!

Во всем пережитом в корпусе за этот год было много яркого и тяжелого, великого и грустного, но в дальнейшем, уже в эмиграции, все ярче и ярче вставало в сознании все величие духа наших офицеров, до конца оставшихся на своем посту для защиты вверенных им кадет и не уклонившихся, несмотря на угрозу им расстрелом, от выполнения своего долга.

28 февраля утром мы были на Николаевском вокзале для отъезда в Москву, а оттуда — на юг. Нам потом передавали, что тем же утром 28-го в корпусе был обыск, но никого из состоявших в списках уже не нашли. Несколько офицеров корпуса были арестованы, и их

куда-то возили на допрос, но на этот раз они благополучно вернулись в корпус.

Этими событиями история Первого кадетского корпуса как военно-учебного заведения окончилась, как окончился весь период Императорской России.

Б. Павлов[19]

КОНЕЦ 2-ГО МОСКОВСКОГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I КАДЕТСКОГО КОРПУСА[20]

Суббота 27 октября 1917 года. Во 2-м Московском кадетском корпусе кончился 3-й урок, и шумная толпа малышей 3-й роты высыпала из классов в коридор. Я — кадет первого класса, еще не свыкшийся с жизнью без семьи, и для меня суббота — большой день, так как несет отпуск, о котором мечтаешь всю неделю. Весело толкаясь, мы строимся, чтобы идти на завтрак. В конце коридора появляется озабоченный командир роты. После команды «Смирно!» и приветствия он объявляет, что по распоряжению директора корпуса никто в отпуск отпущен не будет: в городе беспорядки и передвижение по нему небезопасно. Рушатся все мои планы на это воскресенье. Для меня это большой удар. Так в первый раз я почувствовал на себе последствия «Великой Октябрьской революции». Потом в жизни было много гораздо более тяжелых ударов, была потеряна Родина и семья, судьба бросала из страны в страну, но для меня это была первая неприятность, связанная с этим событием.

Суббота прошла довольно спокойно. После обеда, хотя это не было разрешено, мы выбегали на плац, там нам было очень интересно. У входа в корпус были поставлены с винтовками парные часовые из кадет 1-й роты, которые лихо, по-ефрейторски, отдавали честь каждому проходящему офицеру. Группы старших кадет важно куда-то переносили ящики с патронами. Мы, первоклассники, с восторгом за ними наблюдали, вертелись у них под ногами и страшно им завидовали.

В этот день я последний раз видел своего отделенного воспитателя, полковника Матвеева, всегда подтянутого, щеголеватого строевика-офицера. Вопреки приказанию директора корпуса генерала Свинцицкого — кадетам оставаться нейтральными — полковник Матвеев[21] с кадетами 1-й роты присоединился к юнкерам Алексеевского училища и вместе с ними принял участие в борьбе; в корпус он больше не вернулся. Говорили, что потом он с группой кадет ушел на Дон.

Ночь с субботы на воскресенье для нас, младших кадет, прошла спокойно. Только отсутствовали наши дядьки (все низшие служащие корпуса объявили забастовку). Нас трое приятелей сдвинули койки и долго переживали события дня. В нашем лексиконе впервые появилось слово «большевики».

В воскресенье эти самые большевики, поставив орудия около Бутырской тюрьмы (она была видна из наших окон), начали обстреливать Алексеевское военное училище, а также находящиеся поблизости кадетские корпуса. Было несколько попаданий, и в наш, и в 1-й Московский корпус, но никто не пострадал. Выдержали толстые старинные стены Екатерининских времен. В этот вечер мы сидели почему-то по классам; может быть, по инерции предполагалось, что мы должны учить уроки на понедельник. Было темно, электричество было потушено, только изредка класс озарялся вспышками разрывающихся снарядов. Дежурным воспитателем в этот вечер был поручик Данченко, который сидел в конце ротного коридора с группой наиболее перепуганных малышей, успокаивая их. Ходила масса самых невероятных слухов, которые каким-то образом доходили и до ушей первоклассников. Днем мы еще храбрились, с темнотой же настроение начало падать. Две стоячие классные доски мы составили углом в углу классной комнаты, сверху покрыв их висячей классной доской; получилось нечто вроде того, что мы бы теперь назвали иронически «бомбоубежищем». Конечно, места там для всех не хватало, и потому для сидения там установили очередь. Теперь такая «бомбежка» показалась бы безобидной игрушкой, но нам тогда было очень страшно. Так в первый раз в нашей жизни мы понюхали пороху, к несчастью, из своих же русских пушек. Ночью ожидалось нападение на наш корпус, поэтому нас провели по коридору в 1-й Московский корпус, находившийся в том же здании, что и наш. Там мы и ночевали. Утром корпус вывесил белые простыни, и бомбардировка прекратилась. Бессмысленно было изображать, что корпус обороняется, так как защитников фактически не было: кто мог и хотел бороться, как я уже говорил, ушел с полковником Матвеевым. В первый момент была подсознательная радость, что разрывов снарядов больше не будет, а потом даже нам, первоклассникам, стало как-то грустно и немного стыдно, что все так быстро и бесславно кончилось. Днем в наш корпус пришла группа вооруженных красногвардейцев, возглавляемая человеком интеллигентного вида, который заявил, что он назначен комиссаром корпуса. Так 29 октября по ст. ст. на территории корпуса была установлена советская власть. Потянулись однообразные дни ожидания, чем все это кончится.

8 ноября, в день нашего корпусного праздника, была торжественная служба в церкви; на обед даже было третье блюдо; вечером в большом

зале ставили «На бойком месте» Островского, после спектакля было какое-то угощение. На представлении присутствовал комиссар и, как это и ни обидно и ни стыдно вспоминать теперь, сидел среди почетных гостей. Конечно, теперь бросить камень в нашего директора легко. Но как бы поступил другой, будучи на его месте и неся ответственность за сотни молодых жизней, сказать трудно. Тогда мы, верно, над этим мало задумывались. Мы, малыши, забыв обо всем, очень веселились. К нашему большому огорчению, нас скоро отправили спать. Это было первое для меня и последнее для корпуса празднование корпусного праздника в стенах корпуса... Занятия не начинались, многие начали разъезжаться по домам. За мной приехал отец. До поезда оставалось много времени, и отец предложил мне проехать на трамвае по городу и посмотреть места, где происходили бои. Москва, как известно, оказала большее сопротивление большевикам, чем Петроград. Бои с переменным успехом продолжались больше недели. Против большевиков выступили юнкера Александровского и Алексеевского училищ, школы прапорщиков, молодое офицерство, кадеты и часть студенчества. Они выбили большевиков из Кремля и заняли центр города, но потом, под давлением численного превосходства красной гвардии, должны были отступить в Кремль. Все попытки большевиков взять Кремль врукопашную кончались неудачей; тогда они подвезли артиллерию и начали безжалостно его обстреливать, разрушая древние памятники и святыни. Потом говорили, что желание белых защитников Кремля прекратить варварское его разрушение было одной из причин, ускоривших сдачу. В ночь на 3(16) ноября Кремль был сдан.

Мы с отцом объехали часть Москвы, прилегающую к Кремлю. Впечатление было удручающее: разбитые витрины с дырками от пуль, кое-где развороченные от разрывов снарядов стены, обломки штукатурки и разбитого стекла на тротуарах и мостовых. Особенно сильные разрушения были около Кремля, но подробности их как-то стерлись из памяти. Ясно помню почему-то только Никольские ворота. Над этими воротами с давних времен висела старинная икона Николая Чудотворца, пережившая и Смутное время, и Наполеона. В ворота было несколько попаданий снарядами, икону они не задели; но что выглядело жутким — она была пробита, и как видно нарочно, в нескольких местах пулями. По-блоковски — «пальнули пулей в Святую Русь». Богохульство тогда было в новинку. Собиравшийся народ громко ругал большевиков. В те времена еще не боялись открыто выражать свое мнение.

Рождество, как и всегда, наша семья проводила в Торжке, у бабушки и дедушки. Когда я вспоминаю Рождество, я всегда вижу город

моего детства, Торжок, провинциальный, захудалый городок, но гордый своим прошлым, который когда-то даже оспаривал свою независимость у самого Великого Новгорода. Не знаю, где еще можно было найти такой маленький город с такой массой старинных церквей и монастырей. Счастливы ли были люди, жившие в нем, это другой вопрос, но в моих сентиментальных воспоминаниях он сохранился как олицетворение старой, патриархальной, ушедшей навсегда России. Той России, которую иногда, чтобы стало теплее на душе, позволяешь себе немного идеализировать.

В Торжке, в декабре 1917 года, казалось, все было по-старому, и происходящее в столицах не рассматривалось «всерьез». Только с питанием становилось труднее. Однако, чтобы отпраздновать Рождество, наскребли из старых запасов. Молодежь веселилась по-старому. Каждый день у кого-нибудь из знакомых устраивалась елка, катались на коньках и на санках на нашей, довольно круто спускающейся к реке Водопойной улице. Я еще ходил в погонах с вензелями Николая I, чем вызывал страшную зависть и уважение у всех окружающих мальчишек. На одной елке появилась красивая девушка с короткими, отрастающими волосами, торчащими во все стороны. С ней все обращались с каким-то особым вниманием и уважением. Увидев меня, она пришла в восторг: «Кадетик, и еще в погонах, как это чудесно!» Потом у нас дома говорили, что она была в женском батальоне смерти и прошла трагедию защиты Зимнего дворца.

После Рождества я вернулся в корпус, начались опять занятия. Состав класса изменился, многие из уехавших не вернулись, откуда-то появились новенькие, один из них великовозрастный, на голову выше нас, лет четырнадцати, почти неграмотный, доброволец из армии. Потом он оказался добрым и хорошим товарищем и, как ни странно, довольно правых взглядов. Было приказано спороть погоны, но мы это все время оттягивали: сначала спороли на шинелях и только много позднее на мундирах. К нам назначили нового воспитателя и, как нововведение новой власти, штатского, молодого преподавателя одной из московских гимназий — коммуниста. Наверное, он был послан с заданием заняться перевоспитанием детей буржуев. Он оказался симпатичным и добрым человеком, терпимым к мнению других. У нас часто бывали разговоры на злободневные темы. Мы за это время очень быстро повзрослели и политически развились. Раз зашел разговор о Брест-Литовском мире. Я в запальчивости сказал: «А ваш Троцкий предатель, сепаратный мир — позор!» На это он спокойно ответил: «Будь осторожен, теперь и стены могут слышать, и за такие слова можно поплатиться». Его отношение ко мне после этого не изменилось. Не думаю,

что он долго удержался в коммунистической партии. Осенью его в корпусе уже не было.

День освобождения крестьян — 19 февраля — неожиданно был объявлен у нас праздником. Я решил проведать свою старшую сестру, которая училась в Екатерининском институте. Оказалось, что там праздника нет, и идут нормальные уроки. Старый важный швейцар открыл мне дверь. Дежурная пепиньерка, так как обычного приема в тот день не было, провела меня не в зал, а в маленькую приемную. Уклад жизни, существовавший там долгие годы, еще не был нарушен. Ждать мне пришлось долго. Я слышал звонкий шум переменок, тишину уроков. Я думал, что обо мне вообще забыли. Мой организм начал давать о себе знать. Но кого спросить? Изредка проходили важные классные дамы, пробегали институтки. Ни одного мужчины. Начались «адовы» муки. Когда вошла сестра, моим первым словом было: «Куда здесь можно выйти?» Узнав, в чем дело, сестра страшно смеялась. Так смешные, но для меня дорогие детские воспоминания перемежаются у меня в памяти первых лет революции... Екатерининский институт. Он замечательно описан Куприным в его романе «Юнкера». Но тогда этот роман еще не был написан, да и о существовании Куприна я еще не знал. Узнал немного позднее. Как-то на свободном уроке наш ротный командир, полковник Возницын, читал нам вслух рассказ «Белый пудель». Он и рассказал нам, что автор этого рассказа известный писатель Куприн — бывший воспитанник нашего корпуса и что он, Возницын, был и его воспитателем. На книге, которую он нам читал, была трогательная надпись Куприна.

На летние каникулы нас распустили уже в мае, наверное, нечем было кормить. Москва, как и вся Центральная Россия, начала понемногу голодать. Уже всюду и за всем стояли очереди. Летом отец, взяв меня с собой, решил проехать в Орловскую губернию, где он бывал в ранней молодости (моя мать умерла еще в начале 1917 года). По сравнению с Москвой там еще шла старая жизнь: на базарах — хлеб, молоко, колбасы, жареные куры, и все это в неограниченном количестве. Большевики еще не успели «рационализировать» все эти богатства. Мы набросились на все это и, конечно, сначала заболели. Поселились мы недалеко от города Ливны в большом и богатом селе Каратыш. Священник и дьякон этого села помнили отца еще совсем молодым студентом и встретили нас очень гостеприимно. Оба они, наверное, были неплохими людьми, но между собой они почему-то находились в какой-то непонятной вражде; особенно непримиримы были их женские половины. Даже все село делилось на сторонников батюшки и сторонников отца дьякона. Нам с отцом приходилось проявлять большую

дипломатичность, чтобы не испортить отношений ни с одной из сторон. У дьякона гостил сын, курсант, учившийся в Москве в школе красных командиров. Непонятно, как религия и большевизм могли уживаться в одном доме. Впрочем, в то время у многих в умах царила полная неразбериха. Во время нашего пребывания там происходило крупное крестьянское восстание, охватившее несколько волостей Ливенского уезда. В наше село, лежавшее в стороне от центра восстания, тоже приходили ходоки от повстанцев и вели переговоры, но принять участие наше село не успело, так как восстание было к этому времени подавлено. В эмиграции я пытался найти сведения об этом восстании, но нигде ничего не нашел. А это было серьезное восстание, продолжавшееся больше двух недель. Повстанцы, почти безоружные, захватили Ливны и держали в своих руках несколько дней, для подавления восстания большевики должны были подтянуть надежные части курсантов из Орла и Тулы и прислать бронепоезд. Отцу рассказывали, что потом из города телегами вывозили трупы, главным образом расстрелянных, и закапывали в общих могилах. И таких восстаний в России было много. Только за 1918 год, по советским данным (первое издание Большой Советской энциклопедии; во втором издании эти сведения уже изъяты), было подавлено 245 восстаний. В эмиграции довольно полно освещена белая борьба, но история крестьянских восстаний у нас почти отсутствует. Об этой борьбе мы почти ничего не знаем. Вымирают последние участники и свидетели этой борьбы, те, кто мог бы рассказать о ней правду. Будущему историку будет трудно разобраться в сфабрикованной большевиками истории этого периода. А это особенно обидно, ибо здесь, в эмиграции, и мы сами, и иностранцы часто с долей презрения говорим о русском народе, так легко принявшем большевизм. Эта героическая, к сожалению, мало кому известная борьба свидетельствует об обратном.

Осенью 1918 года я опять вернулся в корпус, превратившийся к тому времени в одну из московских советских пролетарских школ 2-й ступени. В него были сведены все младшие классы московских корпусов. Состав класса еще больше изменился, знакомых лиц было мало. Но что было особенно необычным, ломающим весь уклад корпуса, — к нам влили младшие классы Елизаветинского и Мариинского институтов. Мы вместе занимались в классах, вместе ели в столовой и должны были вместе проводить наше свободное время. Женский пол нас еще не интересовал, и мы к этому нововведению относились крайне отрицательно. Старшие классы московских корпусов и старшие классы институтов были сведены в здание 3-го Московского корпуса. Туда были влиты старшие классы и Екатеринин-

ского института, где по необходимости продолжала учиться моя сестра. С начала учебного года у нас началась подготовка к празднествам первой годовщины Октябрьской революции; нас усиленно учили петь Интернационал и другие революционные песни, но кормили впроголодь. Мы все время находились в состоянии постоянного голода. Каждый день суп из сушеных, полусгнивших овощей, которыми питалась тогда вся Москва. Нам часто давали суп просто из сушеной картофельной шелухи — был и такой модный тогда продукт. Где-то заготовили эту шелуху для скота, а потом выяснилось, что ею можно кормить и людей.

В нашем классе оказалось несколько «огольцов» (так тогда называли беспризорных с улицы), о которых советская власть решила проявить заботу и послать в школу. «Огольцы» иногда куда-то пропадали и потом возвращались с мешками мороженой картошки, немолотой пшеницы или жмыхов. Как они рассказывали, они делали налеты на эшелоны, приходящие с продуктами для голодающей Москвы. Свою добычу «огольцы» продавали своим же одноклассникам. Голод и происходящее вокруг подорвали законы, на которых мы воспитывались, и некоторые из нас тоже начали принимать участие в этих «походах». Наши воспитатели, придавленные событиями, как-то сразу осунувшиеся и согнувшиеся, превратившиеся в жалких старичков (более молодые куда-то разъехались), на многое закрывали глаза. Один раз я и отправился в такой поход, но неудачно, так как оказалось, что в тот день составы усиленно охранялись.

Помещение корпуса, конечно, почти что не отапливалось, по утрам часто приходилось пробивать лед в чернильницах. Корпусная церковь была закрыта, но в подвальном помещении для персонала устроили временную церковь, всегда переполненную. Организована она была главным образом усилиями наших бывших дядек. Ходили в нее и кадеты, и институтки, и даже некоторые из «огольцов».

Отец с младшим братом еще осенью окончательно переехал в Орловскую губернию, обещав, как только они там устроятся, выписать к себе и нас с сестрой. Проходили месяцы, а от отца не было никаких известий. На наши письма с просьбой взять нас из Москвы никто не отвечал. Из корпуса меня, несмотря на все мои мольбы, без заявления от отца не отпускали. Бежать же без документов мы с сестрой боялись. Я пытался проявить изобретательность и инициативу. Поехал в Петровско-Разумовское и послал себе на корпус телеграмму: «Я очень болен. Выезжайте немедленно в Ливны. Папа». На следующий день меня с урока вызвал воспитатель: «Тебе пришла телеграмма от отца. Он вызывает тебя в Ливны. Одну вещь ты не додумал: на телеграмме стоит

станция отправления Петровско-Разумовское! Я тебя понимаю и жалею, но тем не менее без заявления от отца отпустить не могу». Потом оказалось, что отец действительно был долго и тяжело болен, и его письмо с просьбой отпустить к нему нас с сестрой пришло только к Пасхе. Этим самым отъезд наш был решен. Но выехать из Москвы в то время было не так просто. Я пошел на Курский вокзал. Очередь за билетами извивалась перед вокзалом по всей площади. Последний номер в очереди был больше 9000-го. Номера писали на спинах мелом. Люди, чтобы получить билет, жили неделями на вокзале. В те времена я был более решительным в действиях, чем теперь, и застенчивым стал много позднее. Я отправился прямо к коменданту Курского вокзала. Как ни странно, меня к нему пропустили. Принял меня помощник коменданта. Неожиданно, на мое счастье, он оказался бывшим воспитанником нашего корпуса. Я ему рассказал, что еду с семилетней сестрой (сестре было четырнадцать, и выглядела она уже почти барышней) к больному отцу. Он расспрашивал о корпусе, о воспитателях, а потом дал пропуск и билет на военный эшелон, отходивший в тот же вечер. Так мне составила протекцию в Советской России, в красной Москве, в советском учреждении моя принадлежность ко 2-му Московскому кадетскому корпусу.

Вечером мы в общем благополучно сели в поезд. Я был очень горд и чувствовал себя настоящим мужчиной, опорой для моей старшей сестры. Только на вокзале я пережил несколько неприятных минут, пока не отошел поезд. Я боялся, что придет помощник коменданта и откроется моя ненужная ложь. «Зачем я наврал, что Тане семь лет?» — ругал я себя. Я уверен, что, если бы я сказал правду, наш бывший кадет все равно дал бы мне пропуск.

Так я навсегда покидал Москву.

Как я уже сказал, ехали мы в военном эшелоне, везущем куда-то мобилизованных красноармейцев, настроенных совсем не воинственно. Они даже, как это ни странно, не пели военных песен, что присуще русскому солдату. Нас взял под свое покровительство один из красноармейцев, по виду из бывших вольноопределяющихся, игравший роль начальника в этом вагоне. Да и другие нас не обижали, жалели и даже подкармливали. Через несколько дней мы добрались до Ливен. Того благополучия, которое было год тому назад, там уже не было. Народ не голодал, но во всем уже чувствовался острый недостаток. Мы с сестрой заболели возвратным тифом. Потом долго не могли поправиться.

В конце лета пошли слухи о приближающихся добровольцах. В начале сентября по вечерам были уже видны беззвучные орудийные вспышки. Семья коммуниста, живущая рядом, начала спешно паковать вещи;

в ночь перед приходом белых она исчезла. Ливны большевики оставили без боя.

Помню теплый сентябрьский день, под вечер, солнце только собиралось садиться. На мосту через Сосну-реку, по дороге, идущей в город, показалась стройная колонна долгожданных добровольцев. То были марковцы, они пели «Смело мы в бой пойдем». Песню эту мы слышали в первый раз. Население забрасывало их цветами, многие плакали. Встречать добровольцев я опять надел припрятанные мною погоны нашего корпуса. В моей жизни начался новый период: наша семья связала свою судьбу с Добровольческой армией.

Б. Щепинский[22]

РОТА ЕГО ВЫСОЧЕСТВА МОРСКОГО Е.И.В. НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА КАДЕТСКОГО КОРПУСА[23]

10 января 1917 года все кадеты вернулись в корпус, где повседневная жизнь продолжалась, как раньше. Конечно, все интересовались военными действиями на фронте, но о политическом положении в стране никто ничего не знал. Поэтому вспыхнувшая революция, отречение Государя от престола за себя и за своего сына были для кадет полной неожиданностью. Вначале предполагали, что Государя заместит на престоле его брат, Великий князь Михаил Александрович, но после его отказа стало ясно, что монархия перестала существовать.

В начале марта, по получении манифеста об отречении Государя, приказом директора всех воспитанников выстроили в одной из столовых. Сильно расстроенный и взволнованный адмирал Ворожейкин[24] начал читать манифест, но по мере чтения волнение его возрастало, слезы покатились по лицу, адмирал расплакался и передал заканчивать чтение капитану 2-го ранга Бергу[25].

Первым следствием этого исторического события было снятие с погон вензелей Наследника, а черная ленточка была сшита в своей середине, скрывая таким образом шефскую часть названия корпуса. Новое, так называемое «Временное правительство» симпатий никому не внушало, но все же офицеры и команда были приведены к присяге.

В марте рота Морского кадетского корпуса была вызвана в Севастополь, где вместе с командами всего флота и частями гарнизона участвовала в «красном» параде на Нахимовской площади. Вскоре пошли разговоры о том, что и кадеты будут приносить присягу. Действительно, в апреле рота была собрана в одной из столовых, где был постав-

лен аналой с Евангелием и отец Спасский, с крестом в руках, привел всех к присяге.

Особенных перемен во внутренней жизни корпуса не произошло, классные и строевые занятия продолжались по-прежнему. Со стороны команды враждебных действий не было, не было и красных флагов, но национальный флаг был перевернут «вверх ногами», и нижняя, красная, полоса стала верхней. Весной какой-то «уполномоченный» прибыл в Севастополь для смотра флота, и при проходе его моторного катера перед участком корпуса все рабочие бросились к берегу, крича «Ура!». По духу времени воспитанники были сняты с уроков и посланы туда же, на пристань, но «Ура!», конечно, не кричали.

Ввиду событий, на пасхальные каникулы уехали только те, которые жили поблизости. В мае воспитанники, получив, кроме зимнего, еще и летнее обмундирование, были распущены на летние каникулы. Только летом они узнали, что, по распоряжению Временного правительства, Морской кадетский корпус в Севастополе закрывается, а воспитанники его переводятся в Морское училище в Петроград.

***

Итак, волею судьбы воспитанники Морского кадетского корпуса в Севастополе прибыли в Петроград и влились «душой и телом» в Морское училище на три года раньше, чем это было предвидено по плану преобразования военно-морских учебных заведений, и не вновь испеченными гардемаринами, а еще кадетами 6-й роты.

По этому плану кадеты приема 1916 года в Морской кадетский корпус в Севастополе должны были быть произведены в гардемарины весной 1920 года, отправлены на учебном судне в плавание вокруг Европы и, по прибытии в Петроград, приняты в младший специальный класс Морского училища.

Но план этот так и остался планом.

Осенью кадеты-севастопольцы прибыли в Петроград не на учебном судне под Андреевским флагом после замечательного заграничного плавания, а более прозаическим путем — по железной дороге, в переполненных поездах.

Несмотря на общий упадок, в котором находилась Россия в то время, число прибывших в училище кадет было близко к сотне.

Кадеты, окончившие весной 1917 года старший общеобразовательный класс, и молодые люди «со стороны», принятые по конкурсу аттестатов как в Морское училище, так и в Отдельные гардемаринские классы, были сведены в новую, 3-ю роту числом в 258 человек, кото-

рая под командой капитана 1-го ранга М.А. Китицына[26] была отправлена 3 октября 1917 года во Владивосток. После закрытия Морского училища в Петрограде 24 февраля 1918 года Морское училище во Владивостоке продолжало существовать еще до осени 1920 года, и последние гардемарины этого училища окончили полный курс Морского корпуса 2 марта 1922 года в Бизерте.

В Петрограде остались четыре роты: три кадетские — 6-я (из Севастополя), 5-я и 4-я (младший, средний и старший общеобразовательные классы) и одна гардемаринская, 2-я (старший специальный класс) большого состава (214 человек). Всего, возможно, около 450 воспитанников.

Мало кто из кадет, прибывших из Севастополя, видел Северную столицу, а о жизни в стенах старого Морского корпуса слышали только те, чьи старшие братья или родственники еще воспитывались в училище или же служили уже во флоте.

Многим, и главным образом южанам, нужно было привыкнуть к особенному петроградскому климату, с его пасмурной осенью, длинной зимой с лютыми январскими морозами и с «белесыми» бесконечными ночами.

6-я рота была размещена в помещениях 2-го этажа левого крыла здания, на углу между Николаевской набережной и 11-й линией, 5-я — в таких же помещениях 1-го этажа, 4-я — в помещениях между Компасным залом и Картинной галереей, около Столового зала, а старшая гардемаринская — в помещениях 1-го этажа, вдоль 12-й линии, с выходом в Картинную галерею.

Кадеты-севастопольцы быстро ознакомились с новой обстановкой: большие ротные залы, разделенные широкими сводами на две части, одна — с конторками для приготовления уроков, другая — для строя, переклички, пения молитв, чтения приказов и уроков танцев. Обширные спальни, «Звериный» коридор, украшенный стенными барельефами зверей, снятыми со старинных кораблей, Классный коридор с Компасным залом, Картинная галерея с батальными картинами и портретами адмиралов XVIII века, Морской музей и знаменитый Столовый зал.

Познакомились кадеты-севастопольцы и с вековыми традициями «Гнезда Петрова», и с легендами о замурованном кадете, о скрытом подземном ходе под Невой, о простреленном портрете адмирала Ушакова в Картинной галерее, о попытке подпилить цепи, на которых висел потолок Столового зала, и т. д.

О выдающейся личности генерала Бригера, последнего начальника Морского училища, посвятившего ему 30 лет жизни, было уже доста-

точно сказано в зарубежной морской печати. Но все же нужно напомнить, что если училище не было закрыто сейчас же после октябрьского переворота и воспитанникам его удалось закончить учебный год и получить аттестаты, то этим они обязаны исключительно энергии и умению своего начальника.

За исключением двух или трех сравнительно молодых преподавателей, все остальные были уже в почтенном возрасте (по-кадетски — «песочниками»). Преподавали они в училище уже в течение десятков лет. Новых воспитанников они знали плохо. Прочитав свой урок, который они знали почти что наизусть, вызывали кого-нибудь по списку к доске, но кто именно стоял перед ними — они не знали! Кадеты этим пользовались, и в каждом из пяти отделений были выбраны «специалисты» по определенному предмету, которые в случае надобности могли бы отвечать за других! Но были преподаватели, провести которых было невозможно: таким был полковник Таклинский, прекрасный математик и очень строгий преподаватель (по-кадетски — «безжалостный»).

Кто в Морском корпусе не знал легендарного преподавателя французского языка господина Гризара, который, несмотря на свое тридцатилетнее пребывание в Петербурге, плохо владел русским языком? Юркий и болтливый старичок смешил кадет, рассказывая им одни и те же французские анекдоты, и свирепел, когда по традиции кто-нибудь из кадет ему говорил: «Месье, Балтийский завод сгорел!» Бывало, что он выгонял виновного из класса и после урока жаловался инспектору классов и ротному командиру.

Преподаватель английского языка мистер Самсон знал русский язык еще меньше, чем его коллега, пользуясь чем дежурный по классу рапортовал ему по-русски невообразимую ерунду.

Офицерский состав был хороший: строгий, но справедливый ротный командир, капитан 2-го ранга Халкевич, много молодых офицеров. Дисциплина была строгая и наказания обильны, главным образом оставление без отпуска. Как-то за «звериный концерт» в спальне ротный командир оставил мнимых «зачинщиков» без отпуска... до конца года. А в действительности — в концерте приняла участие вся рота!

Были случаи, когда виновного сажали в карцер. Другим наказанием, менее строгим, но более частым, была высылка виновного из класса в распоряжение дежурного офицера, который ставил его на один из еще не занятых румбов компасной катушки до конца урока.

Один из офицеров, старший лейтенант Неелов, носил довольно странное прозвище Дырка. Говорили, что Неелов, еще будучи гарде-

марином, прострелил, случайно или нет, портрет адмирала Ушакова. Начальство обнаружило дырку в портрете и приказало ее заделать! Было ли это так?!

Строевых квартирмейстеров и «дядек» в училище уже не было, но в ротах остались каптенармусы, которые выдавали обмундирование и обувь, а после бани — форменки и белье. Одежду и обувь воспитанники чистили сами. В училищной швальне можно было за некоторую «мзду» вшить в форменные брюки клин, придававший им форму «клеша».

О повседневной жизни много говорить не приходится. Как и в Севастополе, побудка под горн или барабан, но барабанщик начинал свой ненавистный для кадет бой в спальне 5-й роты, находившейся в первом этаже, перед тем как подняться во второй этаж. Конечно, эта «предварительная» побудка не была по вкусу мирно спавшим кадетам 6-й роты!

В отличие от Севастополя, в Петрограде в зимние месяцы электрическое освещение нужно было оставлять долго утром и зажигать рано вечером.

Остальная часть дня проходила по обычному порядку: строй, молитвы, хождение фронтом четыре раза в день в Столовый зал, классные уроки в те же часы, как и в Севастополе, приготовление уроков за конторками, перекличка, вечерняя молитва и... койки. Новым было: уроки плавания в большом училищном бассейне и уроки танцев под музыку пианино.

Строевых учений и утренних прогулок по улицам Васильевского острова не было.

Кормили воспитанников относительно неплохо (по сравнению с полуголодовкой, царившей в то время в столице), но, конечно, не так хорошо, как в старое время. Белая мука временами исчезала, уступая место ржаной, и снова появлялась. Конечно, в этом году воспитанники уже не посылали дневальных за сладкими филипповскими булочками!

Каким образом хозяйственная часть умудрялась раздобывать все необходимые продукты, чтобы накормить весьма неплохо около 500 человек в день корпусного праздника 6 ноября?!

Как перед рождественскими каникулами, так и после окончательного закрытия училища, все уезжающие воспитанники получили пищевое довольствие на несколько дней: хлеб, масло, сахар, чай и иногда даже и холодные котлеты.

Чудная корпусная церковь не пустовала, но на службы ходили желающие, одиночным порядком.

Следуя духу времени, был образован из служащих училищный комитет, выдававший всякого рода удостоверения.

Было немало и других изменений в жизни училища, но в среде офицеров и воспитанников осталось то, чего никакая революция, никакая пропаганда изменить не могли: дух более чем 200-летней колыбели Российского Императорского флота — Морского корпуса.

***

Конец сентября 1917 года — прибытие воспитанников в училище после плавания на боевых судах или летних каникул.

3 октября — молебен перед началом занятий в Столовом зале. Речь начальника училища генерала Бригера.

25 октября — начало большевистского переворота. Несколько холостых выстрелов с крейсера «Аврора», стоявшего на Неве, против училища.

26 октября — речь начальника училища в связи с создавшимся новым политическим положением.

6 ноября — праздник Морского корпуса. Молебен в Столовом зале. Традиционный жареный гусь. Парада и бала не было.

12 ноября — выборы в Учредительное собрание в Столовом зале.

2 декабря — печальный день! Воспитанникам было приказано снять дорогие им белые погоны. Вскоре они получили новые отличия: для кадет — золотые нарукавные тупые углы, один — для 6-й роты, два — для 5-й, три — для 4-й; для гардемарин то же самое, но с якорем внутри угла.

Изменилась и офицерская форма и официальное титулование офицеров для всех чинов — «военный моряк»!

9 декабря — вечер, устроенный старыми гардемаринами. Приглашенные кадеты (пять из каждой роты) присутствовали на ночном параде в Столовом зале, принимаемом Нептуном, восседавшим на троне у пьедестала статуи Императора Петра Великого и зычно кричавшим: «Отвечать, как морскому богу!» Форма: на голом теле — портупея, кому положено — палаш, на бедрах — черный галстук, на голове — фуражка. У Нептуна — корона и трезубец.

15 декабря — отъезд на рождественские каникулы. Для подавляющего большинства воспитанников кадетских рот этот день был последним в стенах Морского училища.

10 января 1918 года — к этой дате несколько десятков кадет уже вернулись в училище. Увы, все ротные помещения были заняты какими-то матросскими отрядами Балтийского флота, и кадеты были размещены в палатах училищного лазарета. На чай, завтрак и обед кадеты ходили не строем, а одиночным порядком. Регулярных классных занятий уже больше не было.

29 января — Совет народных комиссаров объявил, что российский флот царского времени распущен и будет заменен «социалистическим рабоче-крестьянским красным флотом» на вольнонаемных началах. Конечно, этот декрет ничего хорошего для воспитанников училища, будущих морских офицеров, не предвещал!

Впрочем, уже начиная с середины января различные советские комитеты, заседавшие в училище, в Столовом зале, выносили враждебные по отношению к «старорежимному» Морскому училищу резолюции, именуя его то «осиным гнездом», то... «кровавым насосом(?!)».

В конце января училище удостоилось посещения «мичмана» Раскольникова-Ильина (1917 — О.Г.К.*), который, взобравшись на стул около статуи Петра Великого, произнес какую-то пламенную революционную речь.

В январе—феврале в Столовом зале был открыт сезон «народных» балов с соответствующей публикой. Около Столового зала были устроены «кубрики счастья», а «барышни» нового стиля, взобравшись на палубу брига «Наварин», лущили семечки... Чудная картина для оставшихся в училище воспитанников!

Но вот настал роковой день — 24 февраля. По приказу военно-морского комиссара товарища Троцкого, старое Морское училище было закрыто и его воспитанники были распущены, получив соответствующие пройденному курсу свидетельства, а старшие гардемарины — звание «военного моряка».

Так закончило свое 217-летнее существование Морское училище, ведущее свое начало от Школы математических и навигацких наук, основанной Императором Петром Великим.

Н. Голеевский[27]

СИМБИРСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС ДО И В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ[28]

Жили все в корпусе своей спокойной жизнью, и казалось, что ничто не могло предвещать приближения крупных событий в стране. В средних числах февраля до кадет доходили сведения, что в столице что-то происходит, какие-то беспорядки, но им не хотелось верить, что могло случиться что-нибудь страшное.

---

* Отдельные гардемаринские классы. (*Примеч. ред.*)

Наконец наступил роковой день 4 марта 1917 года. С утра в корпусе все шло как обычно: утренний чай, по классам, завтрак, опять по классам, обед и вечерние занятия, на которых кадеты, сидя по своим классным комнатам, приготовляли заданные им на следующий день уроки. Вот горнист протрубил: «Отбой!» Кадеты высыпали из классов в ротный зал, готовясь строиться, чтобы идти в столовую на вечерний чай. Но что-то случилось. Команда не подавалась. По залу, с озабоченным видом, тихонько переговариваясь между собою, ходили отделенные офицеры — воспитатели и командир роты полковник Соловьев. Лица у них были немного растерянные и серьезные. Что все это могло значить? Кадеты ничего не понимали и толклись на месте в ожидании.

Вдруг — удар хуже разорвавшейся бомбы! Командир роты печально, негромко объявил:

— Государь Император отрекся от престола! Революция!

Кадеты потрясены — как это могло случиться и зачем? На улице, перед главным фасадом корпуса, уже стояла колоссальная толпа ликовавшего народа с красными флагами. Она пришла требовать, чтобы ей дали немедленно, по случаю торжества, кадетский духовой оркестр. Корпусное начальство старалось убедить обезумевшую от радости толпу, что сейчас уже поздно и оно не может выпустить кадет на улицу, потому что они ложатся спать, и обещало, что завтра утром весь кадетский корпус выйдет и пройдет по улицам города с оркестром музыки.

Толпа продолжала реветь и требовать. Но все же постепенно начала успокаиваться и уже была готова двинуться дальше показывать свой восторг — освобождения от царских уз. В это время кадеты 2-го отделения 5-го класса, окна классной комнаты которого выходили на улицу, открыли форточки и запели: «Боже, Царя Храни!» Толпа опять заревела, и раздались вопли: «Волчата!»

Корпусные офицеры снова бросились ее успокаивать, уверяя, что произошло недоразумение: кадеты думали, что это манифестация по случаю победы русского оружия на фронте военных действий. Удалось ли воспитателям уговорить толпу или ей просто надоело уже кричать, но она понемногу затихла и, распевая революционные песни, оставив корпус в покое, куда-то удалилась. Кадеты построились и пошли в столовую пить свой вечерний чай. Настроение у всех было мрачное, и все думали, что же теперь будет дальше?

На следующий день утром в корпусе уроков не было: шло приготовление к предстоящему маршу по улицам города Симбирска. Пропитанным с детских лет обожанием своего Царя кадетам предстояло показать свой неописуемый восторг перед свершившимся, для них пе-

чальным, переворотом. Для корпусного начальства была тоже нелегкая задача. От них требовали, чтобы корпус присоединился к всеобщему ликованию, когда в сердцах у всех лежала тяжелая грусть о происшедшем.

Оно терялось, не зная, как поступить. Опасно было окончательно раздражать революционно настроенных горожан и, особенно, почувствовавших веяние свободы чинов местного гарнизона, и так уже недовольных отношением корпуса к революции. Кадеты упорно твердили: «Никаких красных тряпок мы не понесем!» Наконец все же был найден выход. Сделали большой белый плакат с написанным на нем черными буквами лозунгом: «Война до победного конца!» — и под его прикрытием было решено пройтись по улицам революционного города.

В 10 часов утра все было готово, и Симбирский кадетский корпус в полном своем составе, с духовым оркестром впереди, выстроился сдвоенными рядами, поротно, посередине улицы перед парадным входом корпусного здания.

На тротуарах быстро собралось довольно много весело настроенной, разукрашенной красными бантами и радостно улыбавшейся публики — все больше учащаяся молодежь. Солдат гарнизона почти не было заметно. Они, вероятно, еще не успели отоспаться после ночного разгула. Из Кошкадамской женской гимназии, находившейся немного наискосок от здания корпуса, на улицу высыпала орава ликовавших гимназисток. На их пальто были приколоты красные бантики или розетки, и в руках у многих виднелись красные флажки. Их начальница была близкой приятельницей Ленина и сумела подготовить своих питомиц достойным образом к развернувшимся событиям.

Дружно размахивая этими флажками, гимназистки радостно приветствовали стоявших смирно в строю кадет. А одна из них, по-видимому переполненная чувством переживаемого момента, подошла к крайнему в первой шеренге кадету 2-й роты и сунула свой флажок ему в руку. Кадет от неожиданности так растерялся, что его взял. Стоявший на самом левом фланге 1-й роты кадет 7-го класса, увидев этот позор для корпуса, быстро подбежал к нему, вырвал флажок и, сломав его древко о свое колено, гневно швырнул священный символ революции в толпу обескураженных гимназисток. Как гром раздался взрыв их негодования.

Находившийся рядом корпусной офицер — воспитатель сразу же подошел вплотную к разгневанным дерзким поступком кадета девицам и спокойным тоном принялся им объяснять, что согласно русскому военному законоположению в строю строго воспрещается носить какие бы

то ни было посторонние предметы. Гимназистки, как бы это ни казалось странным, очевидно, ничего не поняли, но все же постепенно успокоились. На их молоденьких личиках снова появились очаровательные улыбки, и взоры устремились в сторону кадет, продолжавших стоять смирно и смотреть в затылок впереди стоявших своих товарищей, не обращая на девушек никакого внимания.

Раздалась громкая команда командира 1-й роты: «На плечо! Шагом марш!» Оркестр заиграл марш «Тоска по родине», и три роты кадет двинулись по улице показывать свою приверженность новому режиму. На главной улице города, Гончаровской, еще не успело собраться много публики, и далеко не у всех красовались красные значки. Когда корпус стройными рядами маршировал по ней, командир роты почему-то крикнул старшему музыканту кадету Житетскому: «Нельзя ли что-нибудь повеселей?» Оркестр заиграл марш «Прощание славянки» — еще печальнее первого. Под звуки этих двух маршей уже без всяких приключений, пробыв минут сорок на улицах города, корпус вернулся обратно домой.

Происшедшая перемена власти в стране, так сильно потрясшая все созданные веками устои Государства Российского, мало внесла нового во внутренний распорядок кадетского корпуса. Жизнь кадет продолжала течь по проложенному десятками лет старому руслу. Почти ничто не изменилось, только в молитве: «Спаси, Господи, люди Твоя», которую кадеты ежедневно пели утром и вечером, слова «Благочестивейшему нашему Императору Николаю Александровичу» были заменены словами «христолюбивому воинству нашему». Но с первых же дней революции это воинство показало совсем обратное. Оно с каждым днем становилось все более и более разнузданной, не желавшей никому подчиняться дикой толпой. Кадеты старших классов в глубине души сильно переживали крах империи, а малыши хотя и мало что понимали, но тоже недоумевали, что же будет теперь без Царя?

В главном и ротных залах корпуса по-прежнему продолжали висеть портреты Императоров и Царственных особ еще только вчера великой страны. В корпусной церкви стояли знамена — одно Симбирского и два Полоцкого кадетских корпусов. Весной, хотя и был получен приказ, изданный Временным правительством, отправить все императорские знамена в Петроград, наше корпусное начальство не исполнило этого распоряжения революционного правительства, знамена так и не были никуда отосланы и все время продолжали оставаться в корпусной церкви.

В некоторых других учебных заведениях города портреты Царственных особ были сразу убраны или завешены материей, вероятно, чтобы

Их Величествам не приходилось больше смотреть на вышедших из ума людей.

Уроки в корпусе шли нормально, и даже кадеты, чтобы не причинять еще лишних неприятностей своим наставникам, как-то более подтянулись и стали лучше себя вести. Никто из воспитателей и приходивших на уроки преподавателей в обсуждение совершившихся событий не вступал, да кадеты почти никого сами и не расспрашивали. Только не пользовавшийся большими симпатиями преподаватель русской истории, придя после свершившейся революции на свой первый урок во 2-е отделение 6-го класса, по-видимому желая произвести какое-то для него выгодное впечатление на кадет, громогласно и с чувством полного достоинства объявил, что он — социалист, плехановец...

Сидевший на самой задней парте кадет К. Россин как ужаленный моментально вскочил с своего места и громко его спросил: «А до революции вы тоже были социалистом?» — «Ну да, да, конечно», — с пафосом ответил он и собирался еще что-то добавить, но был вторично перебит Россиным: «А почему же вас тогда не повесили?» Класс разразился гомерическим хохотом. Ошеломленный произведенным неожиданным для него впечатлением на кадет, педагог замялся и сконфузился, но, немного придя в себя, хотя и весьма неуверенно, все же приступил к ведению урока. Больше на политические темы он в корпусе никогда не пытался выступать, а кадетам так и не удалось познакомиться с учением Плеханова.

Кадеты 2-го отделения 6-го класса, как и все остальные, остро переживали происходившие события и иногда спрашивали приходившего к ним на урок преподавателя русского языка Мирандова: «Что же получится дальше?» Он весьма неохотно и лаконично отвечал, что скоро будет избрано Учредительное собрание, которое и установит новую законную власть в стране, и тогда все будет в порядке. Кадетам хотелось верить его просвещенному мнению, но что-то подсказывало им совсем другое, и они с трепетом в сердцах вглядывались в надвигавшееся будущее своей Родины.

В Петрограде быстро организовалось Временное правительство разгулявшейся по просторам страны российской свободы. На третий или четвертый день всех кадет корпуса повели присягать ему на верность в корпусную церковь. Шли все неохотно. Но приказ был приказом, и ослушаться никто не посмел. В церкви с амвона корпусной священник читал слова присяги. В ответ несся неясный лепет нескольких сот голосов. Кто что отвечал, разобрать не представлялось возможным. Стоял какой-то неопределенный гул, и чувствовалось, что все это была просто одна проформа.

Знаменитый «приказ № 1» в жизнь корпуса не внес каких-нибудь осложнений, потому что его появление было враждебно встречено кадетами, и они подчеркнуто продолжали вести себя согласно уставным правилам прежних воинских законоположений. Кадеты не переставали отдавать установленную честь всем офицерам, становясь по фронту, как полагалось по положению.

Низшие служащие корпуса — дядьки, повара, писаря и другие — своим поведением особой радости к добытой свободе ничем не показывали. Они все время держались так, как будто все происходившие события их мало касались. Только один кандидат на классную должность, фельдшер Григорьев, еще совсем молодой человек, просидевший как у Христа за пазухой всю войну в корпусном лазарете, пропитался революционным духом. Спустя полмесяца после революции он неожиданно появился в главном зале корпуса и довольно независимым тоном предложил сидевшей на стульях группе кадет немедленно убрать стоявшие и висевшие в зале портреты Царственных особ. При этом позволил себе сказать несколько унизительных слов в адрес отрекшегося Царя.

Оскорбленные его замечанием кадеты моментально повскакали со своих мест и, дав ему основательную встрепку, выгнали вон из зала. После этого до конца учебного года он в стенах корпуса не проявлял больше своего революционного рвения. И портреты русских Царей, никем больше не тревожимые, продолжали оставаться в главном и ротных залах корпуса. Но в начале 1918 года, когда власть в городе окончательно перешла в руки большевиков, за свои заслуги перед революцией Григорьев был назначен комиссаром корпуса.

Прошло еще немного времени, и наконец и в городе Симбирске образовался комитет учеников всех среднеучебных заведений — защищать интересы почувствовавшей вольность юной молодежи, которая хотела поменьше учиться, а побольше веселиться.

Первая рота кадет пришла с завтрака, и командир роты полковник Соловьев объявил перед строем, что из общеученического комитета пришло требование: произвести среди кадет старших двух классов выборы делегатов — по три человека от каждого отделения. Выбранные кадеты должны будут ходить каждый четверг после вечерних занятий в город, на заседание этого комитета, которое будет производиться в здании высшеначального училища. И, добавив: «Выбирайте!» — распустил роту.

Кадеты сразу его окружили и заявили, что выбирать не будут: «Назначайте сами, кого хотите». Командир роты пожал плечами, сказав, что не может, и ушел. Кадеты разошлись по своим классным комна-

там. Во 2-е отделение 6-го класса вошел вместе с ними и их отделенный офицер-воспитатель и, полушутя, сказал: «Ну что же, выбирайте!» Поднялся шум, и раздались возгласы: «Не будем, назначайте сами, господин капитан!»

Воспитатель, не зная, как поступить, стоял и улыбался, а кадеты продолжали твердить: «Назначайте!» Вдруг кто-то из кадет отделения ему подсказал: «Назначьте князя Макаева, Голеевского и Дубовицкого, они любят ходить в город». Воспитатель, ничего не ответив, повернулся и вышел из класса. На этом выборы и закончились.

Пришел очередной четверг, и нам троим пришлось собираться и идти. Из 7-го класса, кажется, пошли по желанию, но больше кадеты вице-унтер-офицеры. Все переоделись в отпускное обмундирование, и 12 делегатов под предводительством фельдфебеля роты двинулись в путь.

Высшеначальное училище находилось на главной, Гончаровской улице. Пришли кадеты туда немножко с опозданием. Заседание происходило в большом зале со сценою, на которой стоял длинный стол, с сидевшим за ним президиумом комитета. Перед сценой было довольно много рядов очень удобных кресел, занятых делегатами от всех среднеучебных заведений города.

Заседание уже было в полном разгаре. Выступал какой-то оратор-гимназист, из сидевших в зале. Кадеты разбрелись и расселись по незанятым местам. Фельдфебель поднялся на сцену и сел на свободный стул за столом президиума. Особенного внимания приход кадет у членов комитета не вызвал. Все были слишком заняты слушаньем оратора. Решались насущные проблемы не вполне созревшей молодежи.

В речах выступавших ораторов твердилось все больше одно и то же: «Нас притесняют наши педагоги, нам необходимо скорее и крепче объединиться и требовать от них большей свободы». Что под этой свободой они подразумевали, никто из них ясно ничего не говорил. Да из кадет толком никто ничего не слушал. Попав в неприятную для них революционную обстановку, они вначале себя не совсем уверенно чувствовали.

Я и князь Макаев, найдя два свободных места, уселись рядышком. По обеим сторонам сидели делегатки женских гимназий, с чрезвычайно серьезным выражением на их личиках. Их внимание было полностью поглощено происходившим заседанием. Нас они не одарили даже легким взглядом. Немного осмотревшись, князь ткнул меня локтем в бок и шепнул: «Посмотри, рядом со мною, какова революционерка!» Сидела очень миловидная блондинка с большими голубыми глазами и длинными темными ресницами.

«Славненькая! — ответил ему я и добавил: — Хорошо бы познакомиться».

Расхрабрившись, князь ее спросил: «Вы какой гимназии?» — хотя по форме отлично знал, из какой. Она даже не взглянула на него, коротко обрезала: «Не мешайте слушать».

Князь не унимался и продолжал: «Простите, пожалуйста, у вас в гимназии у всех такие чудесные ресницы, как у вас?»

«Не приставайте», — был ее короткий ответ. Он успокоился, и мы, разглядывая наших соседок и почти ничего не слушая, изредка перешептываясь между собою, просидели до конца первого заседания. Прелестные барышни, по-видимому, были поглощены революционными идеями, и отвлечь их от переживаемых событий не было никаких сил. По крайней мере, наши чары на них никак не действовали.

В следующие два четверга речи выступавших ораторов мало чем отличались от первого собрания, только наши милые соседки все же немного поразмякли и иногда стали отвечать на наши глупые вопросы. Появилась надежда на успех. Но внезапно все оборвалось. В четвертое наше посещение собрания общеученического комитета вначале все шло как обычно — тихо и спокойно. Вдруг с своего места вскочил небольшого роста гимназист и начал обвинять президиум комитета, что он не принимает никаких нужных мер и вообще ничего не делает, чтобы добиться желаемых поблажек от учебного персонала. И предложил всем среднеучебным заведениям города немедленно забастовать — просто перестать учиться.

Не успел он еще совсем окончить свое блестящее предложение, как выскочил другой гимназист и кратко заявил: «Здесь, среди нас, есть кадеты. Они самые дружные. Пускай кадеты забастуют первыми, а мы их поддержим!»

Поднялся со своего стула сидевший на сцене за столом президиума кадет-фельдфебель и ровным спокойным голосом начал объяснять революционному собранию, что нас, кадет, никто из нашего начальства не обижает, и мы всем довольны. Нам надо учиться, и бастовать мы ни в коем случае не будем. Тогда опять выскочил какой-то гимназист и громко закричал: «А мы придем и сорвем вас с уроков!»

Выступил второй кадет-оратор, кто-то из 7-го класса, и явно отчеканил: «Пожалуйста, приходите, и мы набьем вам морду!»

В зале поднялся шум возмущения, а кадеты, как один, встали и, под гневные взгляды присутствовавших, стали пробираться к выходным дверям. Выйдя на улицу и идя в корпус, весело обсуждали предстоявшее сражение с гимназистами.

Больше в зале заседаний общеученического комитета кадетские делегаты никогда не показывались, да, собственно, их никто и не приглашал. Угнетенные ученики средних школ города решали свою судьбу

без них. Срывать кадет с уроков так никто и не приходил, и никакой общеученической забастовки в городе никогда не было. Корпусное начальство о поступке кадет своего мнения не высказывало, вероятно считая, что другого исхода и не могло бы быть.

Хорошенькую блондинку мне с князем так и не удалось нигде больше встретить, и пришлось постараться поскорее забыть прекрасные ресницы.

Быстро, но однообразно, без всяких перемен и приключений прошли дни почти до конца учебного года. В одно из предпоследних воскресений, весной 1917 года, перед роспуском кадет по домам на каникулы, неожиданно 7-м классом было объявлено: «Всем отпускным к двенадцати часам дня собраться в городском театре». В нем было назначено для всех среднеучебных заведений города общеученическое собрание — решить окончательно свое положение на революционном фронте. Кадеты 7-го класса, по-видимому, что-то задумали. Приказ был ими отдан неспроста.

Весь зал театра в назначенный срок набился до отказа учащейся молодежью. Пришло послушать на это собрание и довольно много студентов. Кадеты, человек семьдесят, заняли места в первых рядах балкона. Выше, сзади, расселись реалисты. Гимназистки и гимназисты в большинстве расположились по ложам и в партере. На открытой сцене сидел полный состав президиума общеученического комитета. Он все еще существовал, но только без кадет.

Начались прения по текущему моменту. Выступало множество ораторов — все больше гимназисты. Высказывали почти все одно и то же: нас давят и притесняют, и мы должны добиться во что бы то ни стало полной свободы. Кадеты, реалисты и семинаристы посвистывали, а остальная аудитория одобрительно аплодировала. Иногда в зале театра поднимался основательный шум. Председатель собрания призывал к порядку.

Оппонентом против искавших всевозможных, мало на чем основанных льгот для учащихся средних школ выступал все время какой-то неизвестный кадетам благоразумный студент. Говорил он прекрасно и, слегка иронизируя, моментально разбивал все доводы выступавших ораторов. Кадеты, реалисты и семинаристы неистово ему хлопали и кричали: «Браво!»

Так продолжалось немного больше часа. Наконец, реалисты, не выдержав больше, спустились вниз к кадетам и, сказав, что они сейчас начнут бить гимназистов, спросили: «Вы нас поддержите?» — «Поддержим!» — раздался ответ, и кадеты тоже поднялись со своих мест. И вся эта смешанная ватага с шумом и гамом побежала вниз,

крича: «Бей гимназистов!» В общем, никакой драки не было, был только один крик: «Бей гимназистов!» Но в театре все всполошились, и поднялся невероятный бедлам. Большинство бросились к выходным дверям и стали быстро выходить наружу.

Кадеты, спустившись в фойе театра, увидели там благоразумного студента и за его речи, подняв его на руки, принялись, крича «Ура!», качать. Театр быстро опустел — почти все разошлись по домам. И на этом грандиозное собрание учащихся всех средних школ закончилось, так ничего и не добившись в этом учебном году. Скоро всех распустили на каникулы, и заниматься политикой было некогда.

Выпускные и переходные из класса в класс экзамены, вероятно по случаю свободы, Временным правительством были отменены. Выпускали и переводили по годовым средним баллам. В 7-м классе во время войны экзамены заканчивались на две недели раньше, чем в 6-м и 5-м классах, чтобы дать возможность окончившим корпус кадетам, выходившим в пехотные училища, в которых начинался новый курс, попасть вовремя к началу занятий в этих училищах. Выпускники ходили гордые тем, что они настоящие, без пяти минут, юнкера.

Обыкновенно во всех кадетских корпусах России после окончания учебного года кадеты старших классов, по отделениям или целыми классами, со своими офицерами-воспитателями уходили из корпуса куданибудь за город и, живя там около двух недель в походных палатках, проводили время на лоне природы, питаясь едой собственного приготовления. Иногда вместо этих военных прогулок устраивались экскурсии — посмотреть достопримечательные места. И только после них кадет распускали на летние каникулы.

В Симбирском кадетском корпусе, во время германской войны, когда директором корпуса был назначен генерал-майор Мерро, бывший до корпуса инспектором классов Тверского кавалерийского училища, этих прогулок не производилось.

Генерал-майор Мерро внес некоторые изменения в обыденный распорядок корпусной жизни. При нем кадетам трех старших классов были сшиты из старых шинелей галифе. Ношение мятых фуражек не преследовалось, и в строю на приветствие начальников отвечали так же, как в военных училищах: «Ваше высокоблагородие».

Не знаю, по распоряжению ли Главного управления военно-учебных заведений — для пробы или по собственной инициативе нашего директора корпуса, вместо этих военных прогулок, кадеты трех старших классов корпуса уходили в лагерь стоявших в городе Симбирске пехотных запасных полков и, прикомандированные к их учебным командам, проходили военное обучение наравне с солдатами. В строю учебных

команд кадеты стояли через одного: кадет — солдат и т. д., и поступали в полное ведение начальника учебной команды, в котором находились. Отделенные офицеры-воспитатели только присутствовали на занятиях и, ни во что не вмешиваясь, вели чисто внешнее наблюдение за своими питомцами.

Первыми в учебную команду из корпуса, сразу после выпускных экзаменов, отправлялись кадеты 7-го класса, и, по их возвращении обратно, одновременно уходили два младших класса, только в учебные команды разных полков.

Лагерь запасных полков находился за городом, в 7 верстах от корпуса, недалеко от железнодорожной станции Киндяковка. Кадеты в полной походной форме, держа винтовки попеременно то на плече, то на ремне, шли в лагерь с песнями, походным порядком. Только в вещевых мешках, вместо полной солдатской выкладки, лежала одна смена чистого нижнего белья, полотенце, мыло и зубная щетка. Все остальное строго по уставу: скатка шинели, скатанная вместе с одним из полотнищ походной палатки и притороченными к ней специальной веревкой одним большим или двумя маленькими колышками. Медный котелок и фляжка для воды.

По приходе в лагерь один из отделенных офицеров-воспитателей, который был старше в чине, докладывал командиру полка о прибытии кадет. Им указывалось место, где сразу кадетами разбивались в два ряда походные палатки; обыкновенно на пустом месте левого фланга учебной команды. Кроме набросанной прямо на землю свежей соломы, в палатках никаких других постельных принадлежностей не полагалось. Ночью кадеты, сняв только сапоги, спали, прикрывшись одними шинелями. Довольствие получали из солдатского котла. Но по воскресным дням из корпуса привозили по одной французской булке на человека.

Утренний подъем в учебной команде производился немного раньше 6 часов, и уже в 7 она стояла, выстроившись впереди передней линейки ее палаток, хотя господа офицеры приходили на занятия к восьми. Фельдфебель начинал, по своей собственной системе, производить строевую подготовку команды для встречи начальствующих лиц. Под его строгим руководством команда, сдвоенными рядами, выводилась на находившееся позади палаток лагеря ровное поле, где и начиналась подготовка.

Если шаг, отбиваемый учебной командой, по его просвещенному мнению, не был достаточно твердый, то сейчас же раздавалась команда: «Бегом марш!» Прогнав довольно почтительное расстояние и, повидимому, удовлетворившись наложенным им на людей наказанием за нерадение в строю, он командовал: «Шагом марш! Тверже шаг!» Но

еще не успевала учебная команда толком отдышаться от произведенного пробега, как им снова подавалась команда: «Бегом марш!»

И так в продолжение минут сорока повторял эту перемену движения от шага в бег и обратно несколько раз. Наконец его твердое сердце смягчалось, и по полю неслась его зычный голос: «Жалко кадет! Шагом марш!» И учебная команда, вдоволь набегавшись, возвращалась обратно на место впереди передней линейки и, выстроившись развернутым строем, стояла смирно в ожидании прихода начальника и офицеров команды.

Немного трудновато приходилось кадетам бегать с винтовкой «на плечо»: многим из них не было еще и 16 лет; но они из всех сил крепились, стараясь показать, что для них все это — сущие пустяки.

Господа офицеры всегда приходили точно вовремя, и учебная команда снова уходила в поле, где теперь производились строевые занятия самим ее начальником и строго по часам, до 12 часов дня. Команда стройно маршировала по полю, проделывая всевозможные перестроения. Летавшая тучами мелкая мошкара буквально залепляла глаза и уши находившихся в строю солдат и кадет, и если кто, не выдержав этого испытания, иногда отмахивался от нее рукой, то эта вольность не вызывала неудовольствия начальствующих лиц.

Каждый час давался десятиминутный отдых. Подавалась команда: «Стой! Стоять вольно, оправиться!» Позволялось, кому нужно, выйти из строя и разрешалось курить. Отделенные офицеры-воспитатели кадет издали наблюдали, как их воспитанники теперь, ни от кого больше не прячась и никого не стесняясь, на законном основании, свернув козьи ножки и насыпав в них махорку, раскуривали, пуская клубы дыма. В полдень занятия прекращались, и учебная команда возвращалась обратно в лагерь обедать.

Время было военное — шла война, и обучение велось ускоренным темпом. Передышек для отдыха солдатам не давалось, и в час дня учебная команда снова выходила на занятия, но не на ровное поле, а на лежавшую перед передней линейкой лагеря открытую местность. Начиналось обучение рассыпному строю. Команда «Цепь, ложись!» почему-то не подавалась, а раздавался сзади чей-то громкий окрик: «Пулемет!» — и требовалось со всего размаху брякаться на землю. Если кто, выбирая поудобнее место, замешкивался, то неслся гневный голос взводного унтер-офицера: «На пуп!»

Очень часто кадет назначали старшими звена, и они, довольные полученным повышением, при перебежках в цепи срывались с места и, громко крикнув: «Звено, курок, вперед за мной!» — неслись на указанный рубеж. Иногда происходили тактические занятия, под на-

блюдением командира полка и офицеров его штаба. Тогда выдавалось на руки каждому по 15 холостых патронов.

Чаще всего учебная команда вела наступление на занявшую, где-то далеко, оборонительную позицию какую-нибудь из рот полка. Наступление велось по всем правилам военного искусства, и, когда подходили на близкую дистанцию, открывался винтовочный огонь. Кончалось оно штыковой атакой и контратакой противника. Держа винтовки наперевес и крича «Ура!», их цепи бежали друг на друга, и, встретившись, люди прибегали через интервалы в цепях. Подавалась команда «Отбой!» — и противники выстраивались развернутым фронтом. Приходил командир полка и, объяснив обеим сторонам недостатки их маневра, объявлял, на чьей стороне был успех.

С этих занятий с песнями возвращались в лагерь, очень часто после 6 часов вечера, и, поставив винтовки в козлы, шли с котелками на батальонную кухню получать ужин — щи, сваренные из соленой кеты, или гречневую кашу. После ужина разбирали и чистили свои винтовки. В 9 часов вечера учебная команда выстраивалась на своей передней линейке на поверку. Производилась перекличка, и пелась хором вечерняя молитва. После нее команда, уже не в строю, а собравшись плотной толпой и отбивая шаг на месте, пела солдатские песни. В 10 часов всех распускали, и люди шли по палаткам спать.

Один раз, когда кадеты находились в учебной команде, были устроены ночные маневры всего полка. Часа два, пока высылали разведчиков и выясняли обстановку, команда лежала в цепи. Курить не разрешалось и, чтобы никто не спал, беспрестанно по цепи передавалось распоряжение — скатать скатки, раскатать скатки. Вернулись с этих маневров рано утром, и в этот день до часа дня никаких занятий не было.

По воскресеньям регулярных занятий не производилось. Солдатам давали отдых после шестидневной усиленной тренировки. Кадет утром водили показывать уже готовые разновидные типы стрелковых окопов, и сам командир полка объяснял их назначение. После обеда в расположение кадет приходил кто-нибудь из взводных унтер-офицеров и, окруженный кадетами, с чувством своего превосходства и слегка снисходительно, вел беседы, стараясь щегольнуть знанием военного дела, и показывал красоту и четкость ружейных приемов. Солдаты относились к кадетам доброжелательно и даже немного предупредительно, но разговаривать с ними не было времени, потому что, живя от них отдельно, встречались с ними только в строю на занятиях.

По окончании двухнедельного пребывания в учебной команде кадеты разбирали свои палатки и также походным порядком возвраща-

лись обратно к себе в корпус. В корпусе, поставив винтовки в пирамиды, немедленно все отправлялись в баню мыться. Отмыв накопившуюся за две недели грязь со своего тела, переодевались во все чистое и шли в свою ротную спальню — получать отпускное обмундирование. Многие в этот же день вечером на пароходах по Волге уезжали к себе домой на летние каникулы. По случаю революции все это тоже было отменено, и кадеты разъехались по домам раньше обыкновенного.

Н. Апостолов[29]

НИКОЛАЕВСКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ[30]

Революция не внесла никаких ощутимых перемен в жизнь и деятельность училища, как строевую, так и учебную. Вначале несколько осложнял обстановку так называемый «украинский вопрос», на почве которого между юнкерами возникали иногда споры и столкновения мнений, но с течением времени и этот вопрос потерял свою остроту. Вообще же, не поддаваясь всеобщему развалу, юнкера, наоборот, как-то подтянулись. Когда вместе с другими военно-учебными заведениями Киева училище было выстроено однажды перед городской думой для выслушания речей революционных деятелей, то на речи эти вместо ожидавшегося «Ура!» юнкера демонстративно ответили гробовым молчанием.

В феврале 1917 года был начат прием юнкеров четвертого выпуска. Большинство поступавших молодых людей было студентами, но встречались среди них и инженеры, юристы и несколько вольноопределяющихся. Несколько студентов духовной академии были вскоре отчислены от училища. В связи с увеличением числа юнкеров была сформирована 2-я батарея.

15 мая 1917 года начался прием пятого выпуска, в котором оказалось много кадет и вольноопределяющихся. Была также группа поляков, по окончании курса в декабре 1917 года отправившихся прямо в польские части, и, как дань времени, около 20 евреев. Никто из них курса училища не окончил (один покончил жизнь самоубийством), и, таким образом, евреев-офицеров из николаевцев-пушкарей не было никогда.

1 июля 1917 года состоялось производство в офицеры юнкеров третьего выпуска.

В конце июля училище было вызвано на усмирение полка «имени Полуботько», отказавшегося выступить на фронт. Применения оружия удалось избежать, и дело окончилось без кровопролития.

Юнкера четвертого выпуска были произведены в офицеры 15 августа 1917 года.

Последний принятый в училище еще перед революцией четвертый выпуск и пятый, особенно надежный по своему составу, начавший занятия в мае 1917 года, в меру возможности старались не допустить проникновения в училище революционной заразы и, надо сказать, в этом вполне преуспели. Присяга Временному правительству прошла в училище без всякого подъема, а один из юнкеров, Демичев, бывший кадет Нижегородского кадетского корпуса, старательный и дисциплинированный юнкер, просто отказался присягать. Училищные солдаты требовали отдачи Демичева под суд, но дело не имело для него никаких последствий благодаря вмешательству начальника училища и членов училищного комитета. Комитет этот, избранный согласно приказу Временного правительства как неизбежная дань времени, имел в своем составе капитана Шуневича, трех бывших кадет и одного вольноопределяющегося и сводил на нет все попытки революционной деятельности училищных солдат, которые хотя и митинговали, но, боясь отправки на фронт, вели себя не слишком вызывающе.

Дисциплина и традиции поддерживались строго. Почти у всех юнкеров в изголовье кровати, рядом с иконкой, красовался, как и раньше, старый кадетский погон с сохранявшимся на нем Шефским вензелем.

Весь курс занятий, лагерный сбор и стрельбу, несмотря на бурное революционное время, пятый выпуск закончил полностью.

В этот период училище неоднократно вызывалось на охрану штаба военного округа. В одном из таких караулов был убит юнкер Гопгардт, бывший кадет 2-го Московского кадетского корпуса, явившийся первой жертвой революции среди николаевцев-пушкарей.

В сентябре 1917 года был начат прием 6-го выпуска, занятия с которым начались 20 сентября. Молодые люди, собравшиеся со всей России, представляли собой пеструю картину: вольноопределяющихся было мало, большинство было штатской молодежи, частью — студенческой. К их изумлению, в эпоху всеобщего развала они нашли в училище стройную и дисциплинированную военную организацию, беспрекословно повинующуюся начальству в лице своих офицеров и портупей-юнкеров. Некоторые из только что поступивших, находившиеся под влиянием революционных идей, быстро оценили невыгодную для них обстановку в училище и просили об отчислении. Так отсеивались и уходили малодушные. Оставшиеся же, вместе с юнкерами пятого выпуска, с честью выполнили свой воинский долг до конца и не посрамили имени николаевцев.

Начиная с 25 сентября 1917 года, вместе с другими военными училищами города Киева, Николаевское артиллерийское училище участвовало в подавлении большевистского восстания, когда был арестован пресловутый Пятаков.

Затем началась сумбурная эпоха смены властей. Появилась украинская рада, представители которой старались привлечь юнкеров-николаевцев на службу в формировавшуюся украинскую армию. Время наступало все более и более тревожное. Приходилось уже охранять самое здание училища от покушений «товарищей», мстивших николаевцам за их участие в подавлении беспорядков в городе после 25 октября.

К 25 января 1918 года, перед самым захватом Киева большевиками, юнкерам пятого выпуска, закончившим курс обучения еще в декабре 1917 года, были выданы свидетельства об окончании курса и также их послужные списки. Юнкера шестого выпуска получили удостоверения о четырехмесячном прохождении ими курса Николаевского артиллерийского училища. И тем и другим было приказано оставить стены училища и покинуть Киев, пока вокзал не был еще занят большевиками.

Еще в самом начале января 1918 года при украинском гетмане Скоропадском, по приказу генерала графа Келлера[31], в Киеве были сформированы для поддержания порядка в городе (как против большевиков, так и против петлюровцев) офицерские дружины полковников Кирпичева[32] и князя Святополк-Мирского[33]. При последней была сформирована батарея под командой полковника Шуневича[34], состоявшая почти исключительно из бывших юнкеров-николаевцев и которая действовала на Святошинском направлении. В состав батареи входили среди других: фельдфебель Чайко-Чайковский, делопроизводитель Н.П. Рклицкий[35], орудийный начальник одного орудия (импровизированная орудийная площадка на Дарницком направлении) Железко, старший передков Апостолов, К.К. Миллер, ординарец командира батареи, Седов, Монастырский, Татунько и т. д.

Просуществовав почти полтора месяца, батарея, так же как и офицерские дружины, была брошена гетманом на произвол судьбы и расформировалась «самотеком» на Львовской улице, против женской гимназии Жекулиной.

Впоследствии, уже в Добровольческой армии, где дрались с красными большинство офицеров командного и преподавательского состава и бывших юнкеров Николаевского артиллерийского училища, служба в составе этой батареи была засчитана как служба в Добровольческой армии.

Раздел 2

А. Штром[36]

ПАМЯТИ «БЕЛОЙ МОЛОДЕЖИ»[37]

В ближайшие дни, дни пятидесятилетия начала белой борьбы, когда будут вспоминать возникновение Добровольческой армии и первые моменты борьбы, мне хочется посвятить несколько строк нашей молодежи, в частности кадетам морских корпусов и гардемаринам Морского училища и Отдельных Гардемаринских Классов (ОГК), которые добровольно приняли непосредственное участие в начатой борьбе, плечом к плечу с учащимися средних учебных заведений и их сверстницами — ученицами, взявшими на себя непосильное бремя обслуживания больных и раненых за недостатком сестер милосердия.

С первых дней Добровольческой армии в ней существовал Юнкерский батальон с «Морским взводом». Уже 27 ноября 1917 года при атаке Балабановой рощи (за Нахичеванью) из этого взвода были ранены гардемарин и кадет, а при обстреле батальона с посыльного судна «Колхида» были ранены два гардемарина и кадет. Два кадета, бывшие в отряде есаула Чернецова, погибли жестокой смертью. Несколько кадет были в Степном походе. Три кадета были отправлены курьерами в Москву с приказом генерала Алексеева о мобилизации офицеров и, вероятно, погибли в пути. Не все их имена известны и сохранились. Однако часть по воспоминаниям и запискам кадета 5-й роты П.А. Варнека[38] можно установить.

У большинства из 65 подростков-кадет, составлявших 5-ю роту Морского корпуса в Петрограде, в возрасте около 15 лет, приема 1916 года, родина оказалась либо у Черного, либо у Студеного морей. И действительно, из 49 кадет, судьба которых известна, 43 при-

няли участие в белой борьбе. Десять из них погибли в море или на фронте: Анатолий Иванов-Тринадцатый был убит под Батайском, барон Иван Черкасов[39] — под Екатеринодаром, Георгий Борейша[40] погиб на тральщике у Геническа, Владимир Манулевич-Майдано-Оглу[41] погиб под Белой Глиной, Георгий Терехов[42] убит в рядах 9-го Киевского гусарского полка, Георгий Голубев[43] — в 9-м Бугском уланском полку, Былим-Колосовский[44] погиб в Северной армии, Георгий Мартынов убит под Псковом, Шеметкин погиб на ледоколе «Дежнев» в Северном океане, и Николай Амбургер[45] пропал без вести в Финляндии. Шестеро кадет было ранено, половина из них дважды: Георгий Александровский[46], Анатолий Векслер[47], Юлий Карцев[48], Евгений Морозов[49], Феодосий Чурилов[50], дважды, первый раз тяжело.

Кадеты Севастопольского Морского корпуса: Меркулов отличился при взятии Гдовска, Стычинский ранен на бронепоезде «Дмитрий Донской», Стоянов убит в конной атаке. Тринадцать кадет произведены в офицеры, восемь кадет закончили свое образование в Морском корпусе в Бизерте. Кадет четвертой роты Сергей Смирнов убит под Батайском.

Из гардемарин Морского училища убиты: Игорь Завадский на бронепоезде «Адмирал Непенин», Ососов погиб в Степном походе, Глотов убит при взятии Гдова, Каналоший-Лефевр[51] — при переходе фронта, Вдовиковский убит на Северном фронте, Иван Волков[52] после тяжелого ранения скончался в госпитале в Бизерте, а Павел Сербулов[53], потерявший ногу во время десанта с миноносца «Жуткий», умер в Брюсселе от последствий ранения. Гардемарины ОГК Николай Веселкин погиб во время командировки из Архангельска в Петроград, Александр Зайцев[54] убит на бронепоезде «Адмирал Колчак» на Северном фронте, Артемий Хмылина-Вдовиковский[55] и Петр Светухин[56] расстреляны на Медвежьей Горе. Ранены гардемарины Клитин и Дьяков[57] в Ростове, Юрасовский[58] ранен тяжело на Северном фронте.

Конечно, это только часть той зеленой молодежи — воспитанников Морского корпуса, училища и ОГК, заплатившей большую дань своей кровью и на Дону, и на Юге России, и в холодных волнах, и в глубоких снегах, и в густых лесах севера России и далекой Сибири.

Блаженные чистые сердцем, а вся эта пылкая молодежь, конечно, была чиста сердцем и самоотверженно последовала его зову.

Оставшиеся в живых могли и могут гордиться принесенными ими жертвами и совершенными подвигами в страшные годы Русского лихолетья, а погибшим — Слава и Вечная Память.

ОДЕССКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ПЕРИОД «ЛИХОЛЕТЬЯ» 1917—1920 ГОДОВ[59]

Революционный государственный хаос сказался и на нормальном течении жизни корпуса, превратив ее из оседлой в кочевую.

Два раза корпус был «временно» эвакуирован из Одессы: первый раз — в начале осени 1917 года в город Ростов-на-Дону, а во второй раз в начале весны 1919 года в город Туапсе.

Третья, и последняя, эвакуация — в январе 1920 года — была уже «заграничной», когда меньшая часть корпуса выехала через Одесский порт, а большая выступила походным порядком к румынской границе.

Старшие кадеты, из выступивших походным порядком, с боями пробились через Румынию в Югославию. Младшие же роты, сначала принятые румынами на их территорию, но затем, варварски изгнанные, принуждены были вернуться обратно, в уже занятую большевиками Одессу.

С началом добровольческого движения, совпавшего с пребыванием корпуса в Ростове-на-Дону, строевая рота, почти в полном составе, влилась в формируемые генералами Алексеевым и Корниловым добровольческие части.

При возвращении корпуса в Одессу, в конце ноября 1917 года, для завершения курса 1917—1918 годов, в выпускном классе насчитывалось около 30 кадет тринадцатого выпуска.

13 кадет погибло в первых боях добровольцев против большевиков, а остальные не пожелали отстать от своих воинских частей Добровольческой армии и впоследствии, по приказу генерала Деникина, прошли ускоренный курс 7-го класса, находясь в рядах армии. 26 кадет были произведены в офицеры за боевые отличия.

В 1918—1919 годах состав корпуса как в своем воспитательско-преподавательском персонале, так и в кадетской массе резко изменил свое основное лицо: коренные кадеты Одесского корпуса, семьи которых проживали на севере, не смогли после каникул приехать в Одессу, а вместо них прибыло значительное количество кадет северных корпусов, проживавших на юге.

Фактически это уже был «сборный корпус», сохранивший наименование Одесского кадетского корпуса.

Начало 1917/18 учебного года и эвакуация корпуса в Ростов

В начале лета 1917 года революционная разруха как на фронте, так и в тылах заметно усилилась. Транспорт был почти парализован, а потому многие из кадет не могли разъехаться на летние каникулы. По этой причине количество кадет, оставшихся в корпусных лагерях, значительно увеличилось. Но все же вступительные экзамены в первый класс прошли нормально, и прием в корпус последнего, девятнадцатого выпуска был произведен. Летом 1917 года вышел в отставку директор корпуса генерал-майор П.Е. Кошлич, и на его место был назначен инспектор классов полковник Бернацкий[60], инспектором классов был назначен штатный преподаватель корпуса А.М. Гайдовский-Потапович[61].

К занятиям кадеты приступили, как обычно, 16 августа, но вскоре после начала занятий, из-за ухудшегося положения на фронте и его приближения к Одессе, корпус получил распоряжение эвакуироваться из Одессы в город Ростов-на-Дону.

После коротких, но очень спешных сборов корпус с неполным составом преподавателей и воспитателей был погружен в несколько эшелонов из вагонов третьего класса и отправился в путь. Из-за разрухи транспорта по случаю «самодемобилизации» на фронте корпусные эшелоны двигались очень медленно и прибыли в Ростов-на-Дону только через неделю.

В Ростове корпусу было предоставлено помещение казарм Таганрогского пехотного полка — грязное и запущенное разошедшимися по домам солдатами маршевых батальонов. Первое после прибытия в Ростов время было употреблено на чистку и мойку этих помещений, после чего кадеты приступили к весьма нерегулярным занятиям. Хотя Область Войска Донского продовольственных затруднений еще не знала, но из-за несвоевременного получения кредитов питание кадет значительно изменилось по сравнению с обычным. Недоедания еще не было, но привычные второе — мясное и третье — сладкое блюда из кадетского меню исчезли, а давались борщ и каша, но в достаточных количествах.

Занятия с большим трудом стали налаживаться, но в середине сентября, совершенно неожиданно, корпус был переведен в город Новочеркасск. Расположились кадеты в здании бывшего госпиталя, а питались в столовой Новочеркасского кадетского корпуса, аборигены которого встретили одесских кадет очень радушно.

С таким трудом налаженные в Ростове занятия в Новочеркасске уже не возобновлялись, и кадеты были предоставлены сами себе и ничего не делали.

Положение как на фронтах, так и в Области Войска Донского все время ухудшалось, и в середине октября, приказом донского атамана генерала от кавалерии Каледина[62], Одесский корпус был расформирован, а кадетам, имевшим возможность возвратиться по домам, было предложено сделать это, и только те, кому, в связи с обстановкой в центре России, как уроженцы тех мест, не имели возможности возвратиться в свои семьи, были оставлены на попечении донского правительства. Во исполнение приказа донского атамана, кадеты, преимущественно младших классов, большинство которых было из Одессы, начали постепенно, отдельными группами по 20—30 человек, возвращаться домой, так как Одесса в то время еще не была окончательно занята большевиками, хотя власть там очень часто менялась, переходя к различным группировкам украинского толка.

На Дону в это время начались формирования из офицеров и юнкеров зачатков будущей Добровольческой армии, к которым и присоединилось большинство строевой роты Одесского кадетского корпуса. Эти кадеты вошли в различные части Добровольческой армии в самом начале ее формирования и уже оставались в ней до конца.

Им выпала честь быть теми кадетами, которые, будучи в составе офицерских формирований, приняли на себя первый удар красных частей в боях под Ростовом и в Балабановой роще, а наш славный корпус понес первые потери своих питомцев убитыми и ранеными в Гражданской войне.

По окончании боя у Балабановой рощи Офицерский сводный батальон, в составе которого были убитые кадеты, возвратился в Новочеркасск, в соборе которого было совершено отпевание убитых, после чего торжественное их погребение. Во время отпевания почетный караул у гробов убитых несли юнкера. Похоронная процессия прошла через весь город Новочеркасск с отданием убитым воинских почестей.

В числе первых убитых чинов Добровольческой армии, похороненных в Новочеркасске, были два кадета Одесского корпуса — Надольский и Усачев, отдавших свои жизни в первом бою у Балабановой рощи.

В ознаменование подвигов, оказанных нашими кадетами в первый период борьбы Добровольческой армии с большевиками, все наши кадеты, принимавшие участие в этой борьбе, были награждены Георгиевскими крестами, а по окончании Первого Кубанского похода произведены за боевые отличия в офицерский чин.

Возвращение из Ростова в Одессу и конец 1917/18 учебного года

Отдельные группы одесских кадет с большими трудностями и опасностями постепенно добрались из Ростова и Новочеркасска в Одессу, где и сосредоточились к середине ноября 1917 года.

Власть в Одессе все время менялась, причем между отдельными группами непрерывно происходили стычки. Официально Одесса была под властью так называемой «Украинской Державы» петлюровского толка, и население называло носителей власти «гайдамаками», но фактически город переходил все время от одного «батьки» к другому.

Кадеты были собраны в здании бывшего Епархиального женского училища, но уже не как кадетский корпус, а как некое среднеучебное заведение без наименования. Директором был тот же полковник Бернацкий. Начались учебные занятия, объем которых старались по возможности расширить, чтобы наверстать пропущенное время за время переезда в Ростов и обратно. С начала декабря положение в Одессе сильно обострилось, так как определенно выявились две враждующие между собою стороны, между которыми, время от времени, завязывались настоящие бои. Город разделился на две части: припортовую, бывшую в руках матросов-большевиков, и привокзальную, где располагались гайдамаки и украинцы других формаций.

Район, где было здание Епархиального училища, был в руках украинцев, которые особой враждебности к кадетам не проявляли.

К 15 января отдельные мелкие стычки между враждующими сторонами превратились в ожесточенные бои, даже с определением линий фронтов между ними. Из возвратившихся в Одессу кадет, во время этих боев с большевиками-матросами, многие из старших кадет присоединились к разным строевым антибольшевистским частям и принимали участие в боях с большевиками. После двухдневных боев, под давлением красных, украинцы совсем оставили город и ушли куда-то в направлении на станцию Раздельная. Город окончательно попал под власть большевиков, и кадеты, по возможности незаметно, собрались все к зданию училища. Учебные занятия до весны проходили с большими перебоями. Питались кадеты тем, что могли раздобыть, жили или по домам, или у знакомых. В училище приходили только на занятия.

Весной Одесса была очищена от большевиков вступившими в город австро-германскими войсками, и начался период гетманской Украины. Корпус был возрожден, но уже как гетманский.

Здания на 4-й станции Большефонтанского трамвая были возвращены корпусной администрации, и, после очистки и приведения их в

порядок, кадеты были опять водворены в старое гнездо, обмундированы в кадетскую форму, но с погонами украинского образца, называемыми кадетами «селедками».

В сравнительно спокойной обстановке кадеты приступили к усиленным занятиям, и к началу лета учебный год был закончен. У кадет тринадцатого выпуска начались выпускные экзамены, после окончания которых окончившим были выданы аттестаты зрелости. Хотя общая обстановка была спокойной, но выпуск был отпразднован очень скромно, без традиционного бала.

По окончании официальной части и раздачи окончившим аттестатов выпускники собрались на квартире командира 1-й роты полковника Самоцвета[63] и после трогательного прощания с ним разъехались по частям Добровольческой армии на фронт, но уже Гражданской войны.

Начало 1918/19 учебного года и эвакуация корпуса в Туапсе

По окончании корпуса тринадцатым выпуском, в течение лета 1918 года, гетманская Украина, при поддержке австро-германских войск, несколько укрепилась и к началу учебного года в корпус в Одессу собралось много кадет Одесского кадетского корпуса, а также кадет других корпусов, оказавшихся, в силу различных причин, на юге. Состав 7-го класса четырнадцатого выпуска достигал почти 100 человек, и новый учебный 1918/19 год начался как будто в относительно нормальных условиях.

Но поздней осенью 1918 года, из-за политических событий в Германии и в Австрии, войска последних стали очищать территорию Украины, что повлекло за собой и ликвидацию гетманской державы.

В Одессе установилась власть командования оккупационных частей Антанты, флоты которой стояли на рейде Одессы. В жизни корпуса опять наступило значительное ухудшение (питание кадет стало очень скудным, с отоплением происходили постоянные перебои), и занятия не были такими успешными.

Ранней весной 1919 года стало известно о предполагаемом оставлении Одессы войсками Антанты и реальной угрозе занятия ее большевиками. Было решено вторично эвакуировать корпус, на этот раз в город Туапсе, район, занятый Добровольческой армией.

Для эвакуации корпуса и Института благородных девиц из Одессы был предназначен огромный корабль — ремонтные мастерские военного ведомства «Кронштадт», на котором институткам были предоставлены верхние жилые помещения корабля, а кадет разместили в

трюмах. Судно, на котором должна была произойти эвакуация, оказалось брошенным командой, приведшей корабль в аварийное состояние. Несмотря на это, отвалили от берега, так как команда была частично укомплектована кадетами, которые, к их чести, безупречно выполняли самые тяжелые работы на судне. К аварийному состоянию корабля прибавилась еще его посадка на мель, из-за чего пришлось всех эвакуируемых пересаживать на другие, значительно меньшие суда. Корпус был разбит на две части, из которых первая перешла на небольшой пароход «Шилка», а вторая на пустой угольщик. Вскоре корпус был вновь объединен и пересажен на пароход, плававший под французским флагом, который и доставил кадет в Севастополь. В Севастополе пароход к пристани не подходил и остановился на рейде. Среди кадет распространился слух, что на английском линейном корабле, выходившем в это время из Севастополя, уезжает из Крыма, ввиду его эвакуации, вдовствующая Императрица Мария Федоровна. Кадеты выстроились на палубе своего парохода со своим оркестром и отдали честь уезжающей Государыне взятием винтовок «на караул» и исполнением Российского Гимна. Не приставая к Севастопольской пристани, пароход проследовал дальше в Новороссийск, где выпускные кадеты четырнадцатого выпуска, последнего выпуска Одесского корпуса на территории Императорской России, получили свидетельства об окончании корпуса и были назначены в части Добровольческой армии, начавшей свое наступление на русские просторы. Остальные кадеты были доставлены в город Туапсе, избранный как место эвакуации Одесского кадетского корпуса.

Директор корпуса полковник Бернацкий из Новороссийска отправился в Екатеринодар, в штаб Добровольческой армии, для того чтобы озаботиться снабжением корпуса всем необходимым для благоустройства кадетской жизни на новом месте.

В Туапсе кадет разместили в непригодном для жилья здании гимназии, приспособленном только для приходящих учеников. Жили в пустых классных помещениях, где жизнь кадет превратилась в хаотический бивак. Не было умывалки, а недостаток и, иногда, отсутствие воды превратились в бедствие. О кроватях и хотя бы самой примитивной мебели не было и речи. Спали на полу вповалку. Из-за отсутствия необходимого количества воспитательского и преподавательского персонала занятия не возобновлялись. Паек был настолько скуден, что кадеты всегда были голодны. Выручали хорошая погода и полуодичавшие за время революции фруктовые сады в окрестностях города, где кадеты находили «подножный корм» в виде фруктов.

Для более бережного сохранения обмундирования у кадет были отобраны сапоги и верхняя одежда, взамен которой была выдана вто-

рая пара нижнего нательного полотняного белья. Свободное время кадеты употребляли на поиски дополнительного питания в окрестных садах. Широко практиковалось купание в море под надзором воспитателя.

Но все же даже в таких примитивных жизненных условиях кадеты сумели, под руководством воспитателя подполковника Болецкого[64] и его супруги, создать любительскую театральную труппу и поставить на открытой сцене городского парка спектакль, который привлек много зрителей из числа горожан и вызвал их восторженное одобрение.

Возвращение из Туапсе и последние дни корпуса в Одессе

Подходила осень 1919 года. Оставаться в тех условиях, какие были в Туапсе, было совершенно невозможным. Для предотвращения могущей быть катастрофы полковник Бернацкий совместно с полковником Орлицким[65] отправились в морской штаб в Севастополь для ведения переговоров о переводе корпуса из Туапсе. Морской штаб отнесся сочувственно к нужде кадет и предложил перевезти корпус в Севастополь, где предоставлял для размещения кадет морские казармы на Корабельной стороне. Во время этих переговоров полковники Бернацкий и Орлицкий под очень большим секретом узнали о готовящемся для взятия Одессы десанте Крымского конного полка[66] на побережье Одессы. При содействии морского штаба в Севастополе, полковникам Бернацкому и Орлицкому было дано разрешение направиться в Одессу, совместно с десантной группой, для выяснения положения со зданиями корпуса в Одессе и возможности перевода корпуса непосредственно в Одессу. В начале августа 1919 года Одесса была занята десантными частями Крымского конного полка Добровольческой армии. Полковники Бернацкий и Орлицкий прибыли в здания корпуса, где при большевиках помещалась трудовая школа. Озаботившись приведением в порядок зданий, полковники Бернацкий и Орлицкий возвратились в Туапсе и через некоторое время, в начале октября 1919 года, корпус был перевезен из Туапсе в Одессу, где в последний раз разместился в родном гнезде.

Расположившись в зданиях корпуса, кадеты приступили к нормальным занятиям, но успешность их была много ниже обычной. Причинами этого являлись очень ощутимая нехватка учебных пособий и большой некомплект преподавательского состава. К этому времени в Одессе сосредоточились остатки не только Одесского, но почти всех российских кадетских корпусов, кадеты которых, приказом командо-

вания Добровольческой армии, были откомандированы от строевых частей, в которых служили, в Одесский корпус для продолжения образования. До наступления холодов жизнь кадет можно было считать сносной, но, когда ударили морозы, сразу же сказались недостатки обмундирования, топлива и продовольствия. Доходившие до Одессы слухи о перемене положения на фронтах в пользу большевиков тоже не способствовали нормальному ходу жизни.

В конце декабря 1919 года в Одессу был эвакуирован Киевский кадетский корпус, вместе со своим учебно-воспитательским персоналом, который был размещен в здании Одесского кадетского корпуса, но как автономный, и влитым в состав Одесского корпуса не был.

После эвакуации Киева положение еще больше обострилось, и стали усиленно говорить о предстоящей эвакуации Одессы. Корпус все время поддерживал связь с ближайшим соседом — Сергиевским артиллерийским училищем, вместе с которым на 25 января корпусу была назначена погрузка на пароходы для эвакуации.

И вот, 24 января ночью было получено сообщение, что сергиевцы выступают для погрузки на суда ночью, не дожидаясь назначенного для погрузки часа, и предлагают корпусу присоединиться к ним и под прикрытием юнкеров тоже двинуться в порт.

Но по совершенно непонятному упорству директора корпуса полковника Бернацкого корпус остался на месте и на следующий день, 25 января 1920 года, ступил на свою «Голгофу».

«Голгофа»

К утру 25 января 1920 года назначенные штабом Одесского района для перевозки в порт корпусного имущества подводы в корпус не прибыли. Ввиду начавшегося в городе хаоса, рассчитывать на их прибытие не представлялось возможным, и для принудительного сбора подвод в город была направлена полурота 2-й роты.

По ее возвращении, с недостаточным числом подвод, часть корпусного имущества была погружена, и в порт двинулась колонна, под командой полковника Самоцвета, в составе двух полурот Одесского корпуса, всего Киевского корпуса со своим персоналом и обоза с имуществом. Полурота 1-й роты Одесского корпуса должна была прикрывать колонну, полурота 2-й роты Одесского корпуса для погрузки и выгрузки. Недостаточное количество подвод, а также значительная задержка во времени их прибытия и явились причиной того, что корпус был разбит на две части, одна из которых осталась в стенах кор-

пуса в ожидании вторичного прибытия подвод для погрузки остального имущества и выступления оставшихся кадет в порт.

При выходе колонны под командой полковника Самоцвета из корпуса она должна была пробиваться через сплошной поток отступавших из Одессы, в направлении Большого Фонтана, разрозненных частей и обозов.

Преодолев эту «пробку», колонна Одесского и Киевского корпусов благополучно миновала город и добралась до порта. Когда кадеты и обоз были уже в порту, последний подвергся пулеметному обстрелу со стороны Николаевского бульвара. При этом обстреле был убит один кадет. О возвращении подвод в корпус для перевозки остального имущества и оставшихся там кадет нельзя было и думать.

Охрана порта лежала на команде английского крейсера «Церес». Предназначенный для эвакуации корпуса пароход «Св. Николай» был покинут командой и стоял без паров, так что о погрузке на него не могло быть и речи.

Англичане разрешили кадетам погрузиться на крейсер «Церес», конечно, без какого-либо имущества. Погрузка сопровождалась некоторыми эксцессами: так, у капитана Федорова[67] был отобран браунинг, а у кадет отбирались пакеты с личными вещами, которые тут же выбрасывались в море.

Но все же все кадеты и персонал корпусов, добравшиеся до порта, были приняты на крейсер, где их накормили, а потом пересадили на огромный транспорт «Рио Негро», который и доставил находившуюся на нем часть корпуса в Салоники.

***

После ухода двух полурот 1-й и 2-й рот в порт оставшиеся кадеты и персонал корпуса ожидали возвращения подвод из порта после разгрузки первой части для окончательного следования всех оставшихся в порт. И когда до 2 часов дня 25 января никто в корпус не возвратился, полковник Бернацкий, под давлением оставшихся, наконец дал распоряжение о выступлении корпуса к румынской границе в походном порядке. Впереди двинулись младшие кадеты, а оставшаяся полурота 1-й роты прикрывала их движение по Большефонтанской дороге. Первая остановка была в немецкой колонии «Люстдорф», куда кадеты добрались к вечеру и где разместились в школе для ночлега. Школа была нетопленой, есть кадетам было нечего, и только поздно ночью одна из соседних отступавших частей приготовила для кадет кашу и слегка подкормила их.

В шесть часов утра следующего дня кадеты были подняты для дальнейшего следования на «Большую Аккаржу», где должна была быть дневка. Регулярного питания ни для кого не было, и каждый ел то, что ему удавалось раздобыть. Особенно тяжело было малышам.

В 12 часов ночи дневка была прервана из-за приближения красных, и корпус двинулся к берегу Днестра на Овидиополь, который был буквально забит ранее отступившими частями, и корпусу опять пришлось расположиться в нетопленой школе.

28 января началась попытка переправиться через Днестровский лиман в Румынию, которая не увенчалась успехом, так как румыны отказались принять кого-либо на свою сторону Днестра. Дабы не допустить поток отступающих на территорию Румынии, румыны подвергли пытавшихся перейти через лиман артиллерийскому обстрелу, и кадеты возвратились в Овидиополь.

Ночью возобновились переговоры полковника Бернацкого с представителями румынской комендатуры Аккермана, и было получено разрешение для перехода кадет на территорию Румынского Королевства. Утром начался вторичный переход корпуса через лиман, и кадеты были пропущены в город Аккерман, где их расположили в здании гимназии. Но казавшееся спасение оказалось миражем, так как румынский комендант отменил свое решение дать убежище корпусу в Аккермане, и на следующий день кадет пинками и ударами опять выгнали на лед лимана и они опять очутились в Овидиополе.

По прибытии корпуса в Овидиополь младшие кадеты, двумя группами, во главе с полковниками Бернацким и Овсянниковым[68], направились обратно в Одессу, а полурота 1-й роты, при четырех офицерах, влилась в отряд полковника Стесселя[69], как 2-я рота отряда полковника Алексеева. 31 января отряд выступил в направлении на город Маяки, чтобы пробиваться вверх по Днестру для соединения с войсками генерала Бредова[70], отходившими на Польшу.

По дороге отряд вошел в соприкосновение с красной кавалерийской бригадой Котовского, поддержанной красной пехотой, и ввязался с ними в бой у немецкой колонии Кандель. В этом бою левый фланг отряда был поручен кадетской роте под командой подполковника Рогойского[71], при капитане Реммерте[72], и бой длился с 9 часов утра до 6 часов вечера. Сплоченные узами товарищества и крепкие духом, кадеты явились лучшей по своей стойкости и организации частью отряда, о которую разбились все атаки противника.

В этом неравном бою с превышавшей во много раз кадетскую роту красной конницей и пехотой кадеты потеряли четырех кадет убитыми и скончавшимися от ран и двух кадет ранеными.

Доблесть и стойкость кадет были отмечены специальным приказом № 17 от 2(15) апреля 1920 года военного представителя Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России в Румынии, генерал-лейтенанта Геруа[73], которым 10 человек кадет, участвовавших в этом бою, были награждены Георгиевскими крестами и медалями. Некоторые были ранены, но остались в строю и продолжали свой Крестный Путь с отрядом дальше. Но дорога на Тирасполь, где, по слухам, находились части генерала Бредова, была отрезана, и остаток наших кадет двинулся с отступающими частями Добровольческой армии в Днестровские плавни, чтобы, дождавшись ночи, явочным порядком перейти границу в Румынию. И вот здесь пришло действительное спасение оставшимся 40 кадетам: румынская королева, узнав из телеграммы полковника Бернацкого, которую он успел отправить из Аккермана во время краткого пребывания там, о бедственном положении кадет на румынской границе, распорядилась о пропуске корпуса через Румынию в Королевство С.Х.С.* Распоряжение королевы пришло в Аккерман после ухода корпуса из Овидиополя. Но королева, одновременно с телеграфным распоряжением о пропуске кадет через Румынию, направила от себя доверенное лицо для оказания содействия корпусу. И вот это доверенное лицо, в поисках кадет, добралось до румынского села Раскейцы, против которого, в плавнях другого берега Днестра, находились остатки корпуса, наконец пропущенные в Румынию у села Раскейцы, откуда на подводах кадет перевезли в Аккерман.

В начале марта все были перевезены в город Рени и в начале апреля — в Бухарест, где на вокзале прибывших встретил генерал Геруа, огласивший приказ о награждении 10 человек Георгиевскими крестами и медалями.

Оставив в Бухаресте раненых и больных, кадеты направились через Плоешти и Темешвар на сербскую границу и 22 апреля прибыли в Панчево, где были встречены на вокзале полковником Самоцветом и кадетами Одесского и Полоцкого корпусов. Тяжкий путь был закончен, и пробившиеся с боями кадеты соединились со своими, выехавшими через Одесский порт.

***

После того как румыны буквально «выгнали» персонал и кадет корпуса из Аккермана, полурота 1-й роты, как было сказано выше, влилась в отряд полковника Стесселя, младшие кадеты двумя группами,

* Королевство сербов, хорватов и словенцев (будущая Югославия). (*Примеч. ред.*)

возглавляемыми — одна полковником Бернацким и вторая — полковником Овсянниковым, двинулись из Овидиополя по дороге на Одессу. До встречи с советскими заставами срезали погоны и пуговицы, прошли спокойно Большую Аккаржу и Люстдорф и только между Люстдорфом и Большим Фонтаном встретили первую советскую заставу.

Начальник заставы направил группы возвращающихся с конвоиром в Одессу, в здание корпуса, где кадет разъединили с воспитателями, большинство которых было арестовано в течение ближайшего времени, а кадет разместили в спальне 2-й роты. Помещения не отапливались, и кадеты сильно мерзли. Кормили очень скудно, и вскоре после прибытия среди кадет начались заболевания, в том числе и тифозные. Постепенно кадеты, имевшие в Одессе родных или родственников, стали расходиться по домам, а через некоторое время власти предложили всем оставшимся отправляться на все четыре стороны.

Для детей, не имевших в Одессе никого, в условиях уже начинавшегося террора, этот вопрос был почти неразрешимым.

Но здесь необходимо подчеркнуть те добросердечие и отзывчивость коренных жителей Одессы, которые они проявили к «своим кадетам». В городе был организован «родительский комитет», который стал распределять кадет, не имевших в Одессе никого из родных или знакомых, в совершенно чужие семьи. Эти семьи, рискуя быть зачисленными в «нелояльные» к новой власти, приняли бедных бездомных детей к себе, как своих родных, и тепло и сердечно давали им приют и стол в течение долгого времени. Были лица, которые брали в свои дома заведомо больных тифом детей, лечили их, ухаживали за ними и, отрывая от себя (в городе уже начались продовольственные затруднения), старались усиленно питать их. К весне и эти одинокие стали разбредаться: некоторые устроились на какие-то работы, некоторые пристали к беспризорным, а многие, вошедшие во всевозможные организации, были расстреляны ЧК. На уличных столбах стали часто появляться списки расстрелянных офицеров и кадет. Очень немногим удалось добраться к своим родным вне Одессы или же выехать за пределы СССР.

Этой главой — с момента отплытия из Одесского порта выехавших и с момента перехода границы выступивших походным порядком — заканчивается описание жизни корпуса, как единого целого на Русской Земле.

Те одесские кадеты, которые попали за границу, послужили ядром для сформирования нового корпуса в Королевстве С.Х.С. И славный Одесский кадетский Великого князя Константина Константиновича корпус, как и все остальные российские кадетские корпуса, прекратил свое существование.

Причины гибели большей части корпуса в январские дни 1920 года

У каждого вдумчивого читателя должен появиться вопрос: как могло произойти то, что повлекло за собой гибель большей части персонала и кадет Одесского корпуса в январские дни 1920 года, и кто виноват в этом?

Все воспоминания наших кадет подтверждают, что с самого начала революции из начальствующего состава корпуса выделились два лица. Они могут быть охарактеризованы как два резко противостоящие друг другу по своему характеру, а по поступкам диаметрально противоположные. Это директор корпуса полковник Бернацкий и ротный командир 1-й роты полковник Самоцвет.

Первый из них, полковник Бернацкий, прибыл в корпус после назначения директором корпуса бывшего инспектора классов генерал-майора Кошлича и занял его должность. После отставки генерал-майора Кошлича в 1917 году полковник Бернацкий был назначен директором корпуса.

Здесь необходимо упомянуть, что инспектор классов на фоне кадетской жизни особенно заметным не был, так как его деятельность в основном протекала в стенах «Учительской», где он, в своем кабинете, был занят разработкой учебных программ и планов и общался больше с преподавателями, нежели с кадетами. Кадеты могли, кроме случайных встреч, не видеть инспектора в течение месяцев.

Исключение в этом отношении составлял полковник, а потом генерал-майор П.Е. Кошлич, который, будучи инспектором, одновременно преподавал в старших классах математику и соприкасался с кадетами почти ежедневно. Его выдающиеся дарования педагога и прекрасного математика, безукоризненно корректное отношение к своим ученикам, исключительная справедливость и всегда благожелательное отношение к кадетам прочно завоевали ему любовь и глубокое уважение последних.

Полковник Бернацкий, будучи инспектором классов, почти никакого общения с кадетами не имел, а потому и являлся совершенно незаметной фигурой корпусной жизни. До революции он ничем себя не проявил. Будучи по своему образованию и по прежней службе военным юристом, он никак не походил на строевого офицера и ему не были свойственны отличительные черты такового: твердость, решительность и умение быстро найти нужное решение. Он скорее производил впечатление штатского человека, и о нем можно было сказать, что «он воспринял революцию как закономерный акт, который обязателен для общего признания».

Второй — полковник М.Ф. Самоцвет — состоял в корпусе со дня его основания и целиком сохранил все лучшие черты строевого офицера. Несколько суровый, решительный, настойчивый и безмерно любящий своих кадет.

Полковник Самоцвет не признал революции и всегда честно проявлял свое отношение к ней. Он умел привязать к себе кадет и был их кумиром. Все свои силы он направлял на воспитание своих питомцев в духе воинских традиций, поддержания дисциплины и беспредельной преданности Престолу и России. Его забота о кадетах проявлялась ежедневно и ежечасно.

Во время первой эвакуации в Ростов-на-Дону полковника Бернацкого как-то совершенно не было заметно, и вся тяжесть возглавления корпуса легла на плечи полковника Самоцвета. Все острые моменты, связанные с конфликтами между кадетами и революцией, разрешал и ликвидировал полковник Самоцвет.

И вот, в судьбоносные дни 24 и 25 января 1920 года оба проявили себя соответственно своему характеру: когда в ночь с 24-го на 25 января Сергиевское артиллерийское училище, не дожидаясь срока, назначенного для эвакуации, — дня 25 января 1920 года, — выступило в порт и предложило корпусу сделать то же, под прикрытием юнкеров, полковник Самоцвет сразу же, на совещании, созванном полковником Бернацким ночью, решительно настаивал на немедленном выступлении корпуса в порт. Полковник же Бернацкий, по своей всегдашней нерешительности, не согласился с ним и задержал выступление корпуса до утра, что и явилось причиной разделения корпуса на две части и гибели большого количества кадет и воспитательского состава. Виновным в этой непростительной нерешительности является только полковник Бернацкий.

***

Все старшие кадеты, окончившие корпус в нормальное время, до революции, отдают должную, заслуженную дань их восхищения своим преемникам, младшим кадетам, гордо, с достоинством, не преклонив своих голов, перенесшим на своих юных, неокрепнувших плечах все тяготы начала государственной разрухи.

Разница в обстановке пребывания в корпусе и в самостоятельной, по его окончании, жизни до революции и после нее — велика. В нормальное время 10—11-летний мальчик, поступив в корпус, все 7 лет пребывания в нем проводил беспечно, без забот, не думая о завтрашнем дне. По окончании корпуса автоматически переходил в военное училище и так же производился в офицеры.

Офицеру, честно и добросовестно исполнявшему свой воинский, служебный долг, также много думать и проявлять личную инициативу не приходилось. За него думали старшие начальники — своими приказами. Вся служба офицера проходила по раз строго установленному воинскими регламентами пути. Революционное время резко изменило как вековой уклад самой службы, так и взаимоотношения старших и младших на всех степенях военной иерархии.

Не стало «Так точно!», «Как прикажете!», «Слушаюсь!». Взамен пришло «Быть или не быть — решай сам!». Начальствующие лица, будучи неподготовленными к государственному перелому, оказались в своей массе, за исключением единиц, совершенно беспомощными. Видя их беспомощность, растерянность и нерешительность, дети и отроки кадеты, захваченные импульсом водоворота событий, своей жизнедействующей энергией молодости, без указаний свыше, принуждены были сами разрешать сложные вопросы революционного времени, определяя этим свой собственный дальнейший жизненный путь. За них некому было думать! Личная, не терпящая раздумья инициатива в принятии неотложных, спешных мер в противлении, влекущему их в пропасть государственной гибели, хаосу, довлела над всем.

Этим мужественным противлением, выявляемым ими в различной обстановке, различными видами, они, не уклонившись ни на йоту от вложенных в них корпусом устоев честного, преданного Престолу и Родине воинского служения: «За веру и верность», с честью поддержали на должной высоте имя одесского кадета, возвеличив этим славу нашей родной, военно-отроческой школы — Одесского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса. Честь и слава им!

Бой под Ростовом у Балабановой рощи[74]

Тем кадетам нашего корпуса, которые задержались в Новочеркасске при отъезде корпуса в Одессу, в конце октября 1917 года выпала честь и слава стать первыми героями-кадетами Одесского корпуса, принявшими на себя первый удар Красной армии. В бою под Ростовом, у Балабановой рощи, пролилась первая кадетская кровь, когда кадеты покрыли себя неувядаемой славой и доблестью.

До сих пор нам не удалось восстановить подробности этого боя, но нам известно, что первыми убитыми в этом бою явились кадеты нашего корпуса Надольский и Усачев. Ранены были кадеты Поляков[75], Шенгелая[76] и Думбадзе[77]. Этот последний был взят в плен большевика-

ми и сильно изувечен, но затем, по взятии добровольцами Ростова, был освобожден из тюрьмы, куда был заточен.

По дальнейшим сведениям, оставшиеся кадеты ушли с Добровольческой армией в Первый Ледяной поход, и судьба большинства из них нам не известна.

***

При переходе в 6-й класс, в 1917 году, почти все кавказцы для продолжения образования в корпусе в Одессу не возвратились, а поэтому кадеты Абашидзе, Гогоберидзе, Карцевадзе[78], Кикодзе[79], князь Цицианов[80], Шенгелая, князь Эристов и Яшвили корпус не окончили. Помню Думбадзе[81], бывшего старше меня года на четыре. Он корпуса не окончил и из 6-го класса ушел на войну в 1915 году.

Впоследствии встречался с ним в Добрармии. Почти все кавказцы принимали участие в Гражданской войне, войдя в ряды разных частей Добрармии.

Кикодзе, князь Цицианов и Шенгелая были в корпусе в Ростове-на-Дону и принимали участие в бою у Балабановой рощи под Ростовом вместе со мною и другими кадетами нашего корпуса. Большинство из наших кадет, участвовавших в этом бою, было XIII выпуска — 7-го класса. В этом бою был убит кадет Надольский того же выпуска Относительно другого нашего кадета Усачева я ничего не слыхал и по корпусу его не помню. Всех убитых в этом бою было 9 человек. Тела всех были доставлены в город Новочеркасск в главный собор, где и было совершено отпевание при многочисленном скоплении народа. Похоронная процессия прошла по всему главному району города, и первые жертвы хоронились почти всем городом под три залпа: офицеров, юнкеров и кадет Сводно-офицерского батальона, решившего в то время судьбу города Ростова, а с ним и судьбу Дона.

Почетный караул у гробов в соборе несли юнкера Славной Школы[82] в парадной форме. Офицерский Сводный батальон после боя возвратился в Новочеркасск, где и похоронил свои жертвы. Это были первые жертвы для спасения Дона от большевиков.

В 1919 году, будучи полевым юнкером на бронепоезде «Генерал Дроздовский», наступавшем на Брянск, нам привелось встретиться на одной из станций со славным бронепоездом «Офицер», на котором служил наш однокашник Луцкевич[83] того же выпуска, принимавший участие в бою за Ростов. Мне было очень приятно встретиться со старшим товарищем по боевому крещению и от него узнать, что все кадеты — участники первого боя за Донскую область, приказом Донского атамана генерал-

лейтенанта Каледина, были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени и приписаны к казакам Всевеликого Войска Донского. Луцкевич в то время уже был поручиком, произведенным за боевые отличия.

***

После прибытия по вызову корпуса после летних каникул в Ростов, мы узнали, что в Новочеркасске генерал Алексеев[84] начал формирование Добровольческой армии для борьбы с большевиками.

В один непрекрасный день, когда солдатские страсти уже начали бушевать, мы, в составе 30 или 35 кадет, пешком отправились в Новочеркасск. По дороге нас подобрал паровоз, шедший туда, и мы прибыли на вокзал, где юнкер нам сообщил, что сборный пункт помещается на Барочной улице в доме № 38.

Мы пошли туда в строю и были восторженно встречены первыми чинами Добровольческой армии: юнкерами Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ, морскими кадетами и офицерами. Всего было человек 300—400.

Настроение казаков было неустойчивым: большинство сидело в своих станицах и не откликнулось на призыв своего атамана — генерала Каледина.

В октябре, по приказу генерала Алексеева, юнкерский батальон, под командой гвардии капитана Парфенова[85], был посажен в эшелон и направлен под Нахичевань, дабы освободить уже взятый красными Ростов. Прибыли на заре, тотчас же заняли ров и открыли огонь по казармам какого-то запасного батальона. Солдаты оказали сопротивление, завязалась сильная перестрелка, и вот тогда лежавший рядом со мной наш кадет Коля Надольский высунул голову, чтобы оценить обстановку, и был убит. Под вечер нас сменили юнкера, и мы эшелоном отправились обратно в Новочеркасск. Похороны первых жертв Гражданской войны были торжественны. Генерал Алексеев поблагодарил нас за доблесть, поздравил с первым боевым крещением и, сказав, что нам, кадетам, нужно закончить образование, дабы быть полноценными офицерами, которые будут нужны Великой России, приказал покинуть армию. Мы возвратились в освобожденный Ростов и в полуштатском виде с большим опасением двинулись по домам. Да и Мотя, как воспитатель, беспокоясь за нашу судьбу, ходатайствовал перед генералом Алексеевым, чтобы нас отправили к родителям.

Все же несколько человек из кадет не покинули свои боевые части и в феврале месяце, вместе с Добровольческой армией, выступили в Первый Кубанский Ледяной поход.

Одесса конца 1917-го — начала 1918 года[86]

Покинув Ростов, по дороге в Одессу, мы узнали о большевистском перевороте, но, по прибытии в Одессу, застали там петлюровско-украинскую власть.

В начале декабря большевиками была сделана попытка захвата власти в Одессе, но она кончилась неудачно. В начале января в Одессе начали формироваться части, якобы для охраны жителей и их имущества. Во главе стал генерал Леонтович. Но цель формирования была иная. Под видом охраны города было желание сформировать стойкие, боеспособные части для борьбы с большевиками. В Одессе в это время было около 11 000 праздношатающегося офицерства. Большинство иногородних. Чтобы привлечь их в отряд, были устроены для них общежития и открыты столовые. Но к сожалению, отклик был более чем слабый. Отозвались юнкера, кадеты и лишь немногие офицеры. «Сила» сформирована не была. Одна такая часть «для охраны имущества горожан» должна была находиться в помещении военного училища. Записался туда и я вместе с проживавшим тогда у меня прапорщиком Беме (XII в.). Когда мы пришли туда, училище уже было захвачено матросами, и мы оказались арестованными. Кроме нас, там еще были офицеры, юнкера, а из наших кадет Климович 2-й (XII вып.), братья Дюкины (XIII в.) и еще несколько кадет. Утром мы были разбужены ружейной стрельбой и разрывами ручных гранат. Оказалось, что большевики пытаются захватить Главный штаб и разоружить курени (батальоны) украинцев, помещавшихся в казармах 14-го стрелкового полка, но они были отбиты. Украинцы, узнав, что в военном училище находятся арестованные офицеры, юнкера и кадеты, пришли нам на выручку и освободили нас. После нашего освобождения мы приняли участие в двухдневных боях украинцев против большевиков в самой Одессе, после чего разошлись по домам. Так как украинцев было мало и власть в городе в середине января окончательно захватили большевики.

***

Так как главный состав корпуса снова очутился в Одессе распоряжением каких-то властей, в конце ноября кадеты снова были собраны в помещении духовного училища, но уже не как корпус, а какое-то, неизвестного вида, среднеучебное заведение без названия, без формы и без погон.

Занятия начались довольно усиленным темпом. Директором оставался полковник Бернацкий, а полковник Самоцвет исполнял должность

командира батальона, так как рот не было больше, а только классы. Все кадеты были приходящими и питались за свой счет. Иногда кадеты получали кое-какое обмундирование из бывшего кадетского цейхгауза, но только по особому разрешению «комиссара» и «совета», образовавшегося в помещении корпуса, неизвестно по каким причинам распоряжавшегося корпусным имуществом.

Большевистская волна заливала Россию и, наконец, докатилась и до Одессы. После боя на улицах города Одесса была захвачена красными. Начались дни террора и бесправия, связанные со страшными названиями «Синоп» и «Алмаз».

К этому времени некоторые приписывают убийство бывшего кадета Артемия Самоцвета, сына ротного командира, якобы пробиравшегося домой и убитого на извозчике подле 3-й станции; затем оказалось, что это был кадет Сенча. Во всяком случае, недавно нам пришлось читать нашумевшую книгу Розанова «Завоеватели белых пятен», описывающую жизнь в советских концлагерях. Розанов упоминает о неком Артемии Самоцвете, офицере, сосланном в пожизненную ссылку... Кто знает? Может быть, это и есть наш Артемий?

Занятия в епархиальном училище продолжались с большими перерывами. Говорят, что полковник Бернацкий много способствовал тому, что кадет не лишили окончательно этого скромного правоучения.

Но вот пришла весна, и всем вздохнулось легче: Одесса была оккупирована немцами и на Украине воцарился гетман Скоропадский.

Уже совершенно спокойно приступлено было к занятиям, так сказать, ускоренным порядком, и к лету 1918 года многострадальный XIII-й выпуск закончил свое образование. Экзамены были сданы, и кадеты получили аттестаты зрелости.

Празднование выпуска состоялось в весьма скромной обстановке, но в стенах родного корпуса, очищенного к тому времени от всякой погани и опять переданного корпусной администрации.

Эвакуация корпуса из Одессы[87]

Вечером 24 января стало известным, что сергиевцы[88] предупредили корпус о том, что на рассвете выступают в порт на погрузку. Если корпус не последует их примеру, он останется совершенно одиноким и, в случае боевой опасности, не получит ни от кого помощи. Уже много времени спустя мы узнали, что ночью на 25 января в корпусе состоялось заседание воспитательского и преподавательского персонала, потребовавшее от директора корпуса полковника Бернацкого так-

же выводить корпус в порт на погрузку. Хотя полковник Бернацкий не хотел эвакуировать корпус, ему пришлось уступить и согласиться на эвакуацию, задержав ее на полсуток. В дни описываемых событий мы, кадеты, всего этого еще не знали, а принимали участие в происходящем так, как естественно складывалась обстановка.

Нас, кадет 2-й роты, подняли еще ночью. Часов у нас не было, но в окно смотрела непроглядная ночная тьма. Быстро оделись и построились. Командир роты полковник Навроцкий, поздоровавшись с ротой, стал медленно, от правого фланга, обходить строй и отбирать некоторых кадет. Чем он руководствовался при отборе, не знаю и до сего дня. Так он отобрал полроты. Среди отобранных был и я.

Нам было приказано взять винтовки, построиться и под командой одного из офицеров-воспитателей (фамилии не помню) отправиться в район вокзала и проконвоировать в корпус подводы, мобилизованные для нашей эвакуации. Патронов нам не дали и не спросили, имеем ли мы их. У меня, например, был один-единственный, но я не унывал: знал, что при нужде товарищи поделятся.

Численности нашей полуроты не помню, но строй получился довольно внушительный. Четко отбивая шаг, имея винтовки за спиной, погрузились в предрассветную тьму. Редкие прохожие, в большинстве имевшие рабочий вид, мрачно смотрели нам вслед, но ни одного инцидента не было, так же как и ни одной реплики по нашему адресу. Навстречу нам одиночно или группами по 2—3 шли в корпус живущие в городе воспитатели и преподаватели. Почему-то мы очень обрадовались, встретив неразлучных друзей — преподавателей русского языка полковников Молчанова[89] и Миляшкевича[90], заставлявших трепетать на уроках не одного кадета

В назначенном пункте никаких подвод не оказалось. Кое-кто все же отправился их собирать. Ждали долго. Уже ясным днем пригнали в корпус довольно большое число подвод. Кадеты уже позавтракали. Конвоирам было приказано идти в столовую, покамест подводы начали срочно грузить. Когда мы поели, нам было приказано проверить свое личное имущество — не забыли ли чего. Мое личное имущество: фотографии родных, записная книжка, деньги и еще кое-какие сувениры, — было крайне невелико и помещалось в небольшой шкатулке, которую после завтрака я не оставлял без себя. На всякий случай зашел в спальню. Там было пустынно. Стояли только голые кровати, уже без тюфяков. И без того огромное помещение спальни теперь казалось еще больше. Моя кровать находилась в среднем, широком проходе в противоположном конце от входа, почти у двери, ведущей в цейхгауз. Остановившись у входной двери, я бегло окинул взглядом

помещение и уже собрался уходить, когда мое внимание привлекла какая-то розовая точка в дальнем конце. Она так не гармонировала с рядами брошенных кроватей, что я заинтересовался и решил узнать, что это такое. Каково же было мое радостное удивление, когда я увидел, что это на моей кровати была розовая ленточка, на которой, в изголовье, висела иконка Касперовской Божьей Матери — мамино мне благословение. В спешке подъема я забыл снять ее. Уже не было времени раскрывать шкатулку, а потому я спрятал иконку во внутренний карман мундира. И на душе стало легко: мамино благословение очутилось у меня на груди.

Выстроившаяся перед главным фасадом корпуса колонна доверха нагруженных подвод наконец двинулась к воротам, ведущим с большого плаца на дорогу от города к Большому Фонтану. Выехать на эту дорогу и направиться к городу оказалось весьма сложной задачей. Очень широкая улица-дорога оказалась сплошь занятой повозками колонны войск генерала Бредова, отступавших на Румынию. Повозки разных величин и систем сплошным потоком, в несколько рядов заняли не только все полотно мостовой, но и обочины и тротуары. Мы должны были умудриться пробиться на мостовую и двигаться в обратном для бредовцев направлении. Сначала нам не хотели дать возможности выйти на середину дороги, называя наше намерение направиться в порт безумием, и усиленно предлагали присоединиться к колонне и вместе идти на Румынию. Отовсюду слышались возгласы: «Кадеты, куда вы? Ведь в городе восстание красных! Всех вас перебьют до порта! Поворачивайте и идите с нами! Нас много — вместе все пробьемся!»

Все же нам удалось преодолеть эту пробку и направиться в порт. Перед выходом в порт командир 1-й роты полковник Самоцвет, под командованием которого двинулись в порт полуроты старших кадет, отправил двух кадет 7-го класса — Нефедова и Мартына — на квартиры воспитателей подполковника Болецкого и капитана Федорова, живших в городе, с целью помочь им прибыть в порт. Дойти к подполковнику Болецкому уже было нельзя, так как часть города, где он жил, была в руках восставших. Капитан Федоров благополучно был доставлен в порт на реквизированной его спасителями повозке. Капитан Федоров — инвалид двух войн и передвигался с трудом.

***

По городу прошли благополучно, без каких-либо происшествий. Мы торопились, ибо имели задание после разгрузки пригнать подводы в корпус для вторичного рейда в порт. Кадет разделили: одна полурота

1-й роты раньше подвод отправилась в порт прикрывать погрузку и посадку на пароход. В порт же направилась и полурота 2-й роты, конвоирующая подводы, а также кадеты-киевляне. Остальные, под охраной второй полуроты 1-й роты, остались в корпусе в ожидании возвращения подвод. Из младших кадет в порт попали единицы.

Заключительная часть пути к порту шла по Польскому Спуску. Это довольно широкая улица, круто спускающаяся к порту, как теснина, сжатая с обеих сторон многоэтажными, вплотную построенными домами. Перед самым портом над улицей был виадук моста. Когда мы вышли на Польский Спуск, пришлось остановиться: в далеком, нижнем конце улицы, на виадуке, чернели казавшиеся крохотными фигурки людей. Распространился слух, что виадук занят заставой с пулеметом, только неизвестно чьей — красной или юнкерами сергиевцами. В первом случае двигаться по этой улице было более чем рискованно; свернуть подводы не могли никуда и двигались бы все время под огнем красных.

После минутного колебания подводы, на некоторой дистанции одна от другой, неимоверно гремя по булыжной мостовой, вскачь направились к порту. Мы — конвоиры — едва успели вскочить на них и зацепиться за нагруженные тюки.

На наше счастье, на виадуке были сергиевцы, и мы, бешено влетев в ворота порта, круто повернули направо и, немного отъехав, остановились.

Господи, что творилось в порту! Детали давно стерлись из памяти, но отдельные картины, как видения кошмарного сна, отчетливо встают перед глазами. Думаю, что никогда больше не придется увидеть пережитого тогда. В порту царила полнейшая дезорганизация, отчаяние и паника. Несколько пароходов стояли у «стенок», и около них бушевало море человеческих страстей и бой за возможность прорваться к сходням. В короткое время застрелилось несколько офицеров. Мне запомнилась брошенная зачем-то нагроможденная батарея 3-дюймовых пушек; орудия были накатаны в два яруса одно на другое. Зачем? Кому это понадобилось? Как чисто технически это сделали?

Кадет эта паника совсем не захватила. Было какое-то, совершенно самому себе непонятное спокойствие и безразличие. Мы подшучивали над тем, как нелепо были нагружены подводы. Наложены были высоко, как дома. На двух сверху сверкали начищенные инструменты духового оркестра. На других поблескивали рулоны подметочной кожи. Подшучивали над тем, что открой красные огонь — наши подводы были бы отличной целью. Конечно, о пароходе нечего было и думать. Наш «Николай» стоял без паров, без команды, обмерзая льдом.

В городе началось восстание. Порт был под защитой англичан. У одной из «стенок» был пришвартован английский крейсер «Церес». С крейсера, под командой его командира, был выслан отряд моряков с задачей не дать красным возможности просочиться в порт и помешать погрузкам. Англичане, для усиления своей команды, вызвали и нашу полуроту 1-й роты. Конвоирам приказано охранять подводы.

«Максимка» не заставил себя долго ждать. Со стороны Воронцовского дворца по порту был открыт пулеметный огонь, который невероятно усилил и без того большую панику. Наши «сверкающие» подводы (а день выдался ясный) привлекли внимание красных пулеметчиков. По булыжникам мостовой зацокали пули. В непосредственной близости с нами проходил ряд толстых деревянных столбов, квадратного сечения, поддерживающих сооружение зернового элеватора; столбы были расположены близко один от другого. За ними и укрылись конвоиры. Я с интересом наблюдал, как какой-то офицер, в защитной шинели и меховой папахе, с крупной и молодцеватой фигурой, сел на мостовую, между ног поставил станковый пулемет и с явным упоением строчил неустанно из него. Но так как он сидел высоко, то целиться никак не мог. Видимо, сама процедура стрельбы и строчка пулемета успокаивали его. Вдруг из-за пакгауза выскочила фигурка кадета 4-й роты. Бедняга был мгновенно сражен. Пуля навылет прошла под глазом к подбородку. Сколько помнится, фамилия его была какой-то производной от имени Симон. 3 или 4 старших кадета сейчас же подползли к нему, оттащили тело к пакгаузу и накрыли бывшим там парусиновым полотнищем. Один из этих кадет был легко ранен в руку.

К сожалению, панике подверглись и некоторые из воспитателей, по счастью, не Одесского корпуса. Не обошлось и без трагикомического элемента: дочь полковника Парай-Кошица[91] была очень легко ранена в ногу, вернее, оцарапана: пуля порвала ей чулок и повредила кожный покров ноги ниже колена. Она забавно прыгала на одной ноге, все время вскрикивая: «Я ранена! Я ранена!»

Больших потерь кадеты и корпусной персонал, насколько я знаю, в порту не понесли. Красные не пытались штурмовать порт, ограничившись лишь его обстрелом, который вскоре тоже прекратился. Хуже всех пришлось англичанам: их командир крейсера, сошедший с командой моряков на берег, был к концу обстрела тяжело ранен в живот и вскоре скончался. Моряки подобрали его и вернулись на крейсер. На этом их защита порта и закончилась.

Уже много времени спустя стало известно, что фактически это было не восстание даже, а, если так можно выразиться, вооруженное хулиганство местных бандитов и красных попутчиков, воспользовавшихся

дезорганизацией власти и отсутствием желания защищать город. Потом, еще около 7 дней, Одесса была «ничьей», когда можно было без помехи продолжать эвакуацию. Но в тот день происходившее казалось агонией Одессы.

Во время обстрела мой сосед, за ближайшим столбом, что-то усиленно мне кричал. Я не мог его расслышать и, почти под прямым углом, перегнулся в его сторону. И вовремя: на уровне моей груди в этот момент пуля пробила сухой сосновый столб, вырвав из него несколько щеп. Мамино благословение, спрятанное на груди, спасло меня!

В порту я совершенно не помню кадет-киевлян. Они держались отдельной группой. Их не было с полуротой 1-й роты, и от подвод они куда-то ушли.

***

К вящему благополучию охваченной паникой массы беженцев военного и гражданского звания, красные повстанцы не штурмовали порт и, с уходом английских моряков на крейсер, в порт не проникли, так что происходившая в нем бестолочь эвакуации продолжала протекать своим порядком. Англичане, в благодарность за боевое сотрудничество кадет с их отрядом (хотя прямых боевых действий не было, был неумелый пулеметный огонь по порту и абсолютно неорганизованный ответный огонь одиночных стрелков-пулеметчиков по красным), разрешили корпусу погрузиться на крейсер. В совершенно незнакомом большом порту, в обстановке творившихся тогда хаоса, паники, отсутствия всякого руководства, в лабиринтах нагроможденных тюков, ящиков, подвод и даже орудий очень легко было отбиться от своих, что и случилось со мною.

Я потерял связь с остальными кадетами и наших подвод найти не мог. На мое счастье, меня заметил проходивший мимо офицер, внешне очень подтянутый, аккуратно одетый и спокойный.

— Кадет, что вы тут делаете? — окликнул он меня. — Ваши давно уже на крейсере, который может скоро отойти, спешите же туда! — И он указал мне направление к крейсеру.

Поблагодарив его, я в указанном направлении и поспешил. «Церес» стоял невдалеке, пришвартованный к стенке. С крейсера на мол был спущен узкий бортовой трап, возле которого на молу стоял английский часовой. Вид у меня, в песочного цвета балахоне, заменившем кадетскую шинель, с винтовкой на ремне и с аккуратно упакованной шкатулкой в руках, очевидно, был мало кадетский, ибо часовой решительно преградил мне дорогу к трапу. Английским я не то что не вла-

дел, но ни единого звука не знал, а потому только настойчиво внушал часовому, указывая пальцем на свою грудь: «Кадет! Кадет!» — а потом указывал на палубу крейсера. Напрасно... Ни единый мускул не дрогнул на лице часового. Ни на четверть шага не отступил он от трапа. Выручил тот же офицер, который, видимо, наблюдал за тем, понял ли я его, где стоит крейсер.

— Кадет, отомкните штык! — улыбаясь, сказал он.

Спасибо ему: это была моя первая «вооруженная» погрузка на корабль, да еще военный. Теоретически я знал, что нельзя грузиться с примкнутыми штыками, но в этот момент вся теория, не имевшая практики и навыка, совсем испарилась из моей головы. Не заставил повторять мне ценных указаний и в два счета отомкнул штык и примкнул его острием вниз. И сразу же часовой сделал шаг в сторону и рукой указал мне на трап. Довольный таким исходом, я стал подниматься. Но тут случилось нечто неожиданное: коротким, ловким движением часовой выхватил из моих рук шкатулку, и она, описав большую дугу, навеки погрузилась в море. А в ней были деньги, портреты родных и все близкие кадетскому сердцу сувениры. Вслед за мной поднимался кто-то из отставших товарищей — и его узелок постигла та же участь. Таким образом, картины погрузки, как организованной единицы, я не наблюдал. Характерно то, что потом, за все время моей кадетской жизни, кадеты никогда в своих дружеских беседах отдельных лиц или групп не говорили на тему об эвакуации. А если и заговаривали, то в очень общих и поверхностных чертах. Даже когда к нам присоединились отступавшие через Румынию, имевшие настоящие бои с красными, перенесшие во много раз больше нашего и проявившие воинскую доблесть, даже по прочтении приказа Российского военного агента в Румынии генерала Геруа о награждении отличившихся героев Георгиевскими медалями и крестами, мы воодушевленно поздравили наших героев, но разговоров об отступлении через Румынию было очень мало.

Впоследствии организатор боевых действий кадет под Зельцами и Канделем, наш воспитатель капитан Реммерт, преподавал у нас рисование. Глядя на него, преподававшего такой «мирный» предмет, у меня неизменно возникала мысль: по внешнему виду совсем не воинственный, а вот поди — герой!

Впоследствии оказалось, что не я один мог оказаться не на крейсере: большая группа в 127 человек (42 кадета Одесского корпуса, 75 — Киевского и 10 человек воспитательско-административного персонала: 7 — Одесского и 3 — Киевского корпусов) на крейсер не попала. Все же эта группа была подобрана иным способом и позже присоедини-

лась к основному ядру, бывшему на «Цересе», состоявшему из 84 кадет и 10 человек персонала, во главе с командиром 1-й роты полковником Самоцветом Одесского корпуса и 20 кадет и 18 человек персонала Киевского.

На милость победителей[92]

Прошло пятьдесят лет со дня трагедии нашего корпуса. Многое из памяти выветрилось, но и то, что сохранилось, при воспоминаниях вызывает тяжелую боль и вопрос: «Почему это так случилось и кто во всем виноват?»

А.М. Росселевич в своих воспоминаниях описал отход нашего корпуса из Одессы в Овидиополь, двукратное путешествие по льду лимана в Аккерман и дальнейшее участие 1-й роты в боях с красными и чудесное спасение кадет этой роты. Кадет-полочанин М.А. описал возвращение части кадет 2-й роты с полковником Овсянниковым в Одессу и непродолжительное пребывание кадет в корпусе на положении почти военнопленных.

В то время я был кадетом 2-й роты — 5-го класса, 1-го отделения.

1 февраля 1920 года жутко было проходить по улицам Овидиополя: впечатление было мертвого городка. На людных и шумных еще вчера улицах никого не было.

Поскольку наш корпус в Овидиополь пришел последним, у нас не было возможности расположиться всем в одном здании. Расположились как смогли. Наше отделение и некоторые кадеты других отделений 2-й роты волей судьбы попали в помещение местной, бездействовавшей в то время почты. Никто не знал, где кто находится, а о численном составе не приходилось и говорить. С момента выхода из родного здания никто не знал, сколько человек выступило в «ледяной поход на Румынию».

1 февраля, ранним холодным утром, остатки 2-й, 3-й и 4-й рот, при оставшихся в незначительном числе офицерах-воспитателях, под руководством директора корпуса полковника Бернацкого, с белым флагом тронулись из Овидиополя по дороге на Большую Аккаржу. Немного отойдя от Овидиополя, по указанию полковника Бернацкого, с болью в сердце и со слезами на глазах произвели спарывание медных пуговиц и погон, каковые были сожжены, после чего продолжали путь к Большой Аккарже. На половине пути впереди по дороге мы заметили конный разъезд «котовцев» с красным флагом, направляющийся в нашу сторону. Вскоре произошла и наша встреча с ним. Наша колонна была

остановлена и осмотрена «победителями». Никаких эксцессов, кроме матерной брани и «добровольного» обмена одеждой, не было. Обмен в основном коснулся офицерского состава, и в первую очередь полковника Бернацкого, которому обменяли его офицерское пальто на вшивую, рваную солдатскую шинель.

Под конвоем разъезда мы прибыли в Большую Аккаржу, где нас всех поместили в здании школы. Помещение было теплое, с достаточным количеством соломы для ночлега. В селе уже действовали сельсовет и комитет бедноты, что я видел по вывескам и красным флагам. Несмотря на наличие советской власти, немцы-колонисты нас накормили, после чего, от усталости и переживаний свалившись на солому, мы заснули мертвым сном. Рано утром 2 февраля двинулись дальше, но не через Люстдорф и Большой Фонтан, а по другой дороге на Одессу. Во второй половине дня где-то на дороге были опять встречены красными и приведены на заставу, находившуюся на 8-й станции трамвая.

У заставы нас продержали довольно долго и потребовали, чтобы все стали поротно. Пользуясь своим небольшим ростом (я был на левом фланге 2-й роты), я со своими двумя друзьями, такого же роста, как и я, пристроился к 4-й роте. На заставе воспитателей и несколько кадет 2-й роты задержали. Как позже выяснилось, задержанных через некоторое время освободили. После «чистки» у заставы в сопровождении «почетной охраны» двинулись дальше и около 4—5 часов дня подошли к зданию корпуса... увы, уже не нашему. У ворот стоял часовой с красным бантом. На большом плацу задержались. Появился комендант, который предложил всем имеющим родственников в городе зарегистрироваться и идти домой. Предполагая, что значат и чем пахнут все эти регистрации, я со своими двумя друзьями незаметно пробрался в директорский садик, а оттуда, через забор, выходивший в сторону ипподрома, не спеша направился по трамвайной линии к городу. С наступлением сумерек я неожиданно появился дома. Это было Сретение — 2 февраля 1920 года. Дома в квартиру меня не впустили до тех пор, пока я не отмыл с себя всю грязь и не переменил все бывшее на мне белье и платье. Сытно поев, улегся спать в тепле и на чистой постели, впервые за недельное путешествие. Через два дня меня свалил сыпной тиф. Оправившись после тифа, стал приспосабливаться к новым условиям жизни. Попутно вспомнилось, что сыновья корпусных воспитателей, которых в моем отделении было трое — Орлицкий, Смирнский и Буздижан, — с корпусом на Румынию не отступали, и о судьбе двоих кое-что узнал: сын полковника Орлицкого вместе с матерью и сестрой уехали к родственникам в Белую Церковь, где сын был аресто-

ван, Ростик Смирнский был арестован и расстрелян в Одессе, а о судьбе Бориса Буздижана ничего узнать не удалось.

Со временем число наших кадет в Одессе уменьшалось: некоторые куда-то переезжали, чтобы войти в новую жизнь и устроиться на работу, некоторые были арестованы и если и не ликвидированы, то сосланы на долгие годы. Борис Лисаневич 3-го, моего отделения был в балете Одесского оперного театра и, получив контракт, смог выехать в Англию. Ходили слухи, что он был балетмейстером в Нью-Дели (Индия).

Состав офицеров-воспитателей во время Первой мировой войны часто менялся. Так, у меня в первом классе воспитателем был всеми любимый Петр Петрович — полковник Шеншин[93]. Он был назначен командиром сначала 2-й, а потом 4-й роты. Вместе со своим сыном[94] в начале 1918 года поступил в Добровольческую армию, потом возвратился в Одессу и, после выселения всего корпусного персонала из корпусных зданий, имел одну комнату на Пироговской улице и работал ночным сторожем на Пересыпи. Не помню, когда Петр Петрович выехал из Одессы в Центральную Россию, где тихо ушел из жизни.

После назначения Петра Петровича ротным командиром наше отделение принял капитан Н.П. Зиневич, который одновременно руководил корпусным духовым оркестром, вместо умершего капельмейстера Бондаренко. Судьба его очень печальна: попав в плен под Канделем, он был мобилизован в Красную армию, откуда был вскоре демобилизован, как бывший «белый», и работал в Одессе кассиром в каком-то предприятии. Во время боев с румынами за Одессу в 1941 году был арестован чрезвычайным трибуналом и расстрелян у стены Херсонского участка за хранение оружия. Наш бывший директор генерал-лейтенант Н.А. Родкевич[95], из-за якобы принадлежности к провокационно созданной ГПУ организации, был арестован органами ГПУ, долго сидел в тюрьме ГПУ, а потом в общей тюрьме, после чего был выслан в Алма-Ату, где и скончался из-за скверных условий содержания там. До своего ареста Н.А. Родкевич преподавал топографию в артиллерийской школе в здании бывшего Сергиевского училища. В то же время был арестован и последний директор корпуса полковник Бернацкий, о дальнейшей судьбе которого ничего не известно.

О судьбе воспитательско-преподавательского персонала и кадет нашего родного корпуса, окончивших свой земной путь без помощи ГПУ, знаю о нашем законоучителе — отце Сергии Петровском, по уходе из корпуса бывшем настоятелем кафедрального собора в Одессе, который окончательно потерял зрение и под впечатлением этого тяжело заболел и тихо скончался; о нашем кадете Сергее Сурменеве, который,

будучи инженером, состоял в запасе Красной армии и во время осады Одессы в 1941 году был мобилизован и убит на фронте в районе села Татарки, где пуля прошла у него сердце навылет, после чего он был засыпан землею после взрыва авиабомбы. Весною 1942 года, при начале полевых работ, во время оккупации румынами Транснистрии его тело было обнаружено и погребено на втором христианском кладбище в Одессе. Кадет 5-го класса 1-го отделения Виталий Кирьяков в 1926-м или 1927 году, во время прохождения допризывной подготовки в казармах на Дальницкой улице, был убит случайно разорвавшимся снарядом, находившимся под землей двора казарм еще с 1918 года. И много, много, кроме них, воспитателей и кадет нашего корпуса были ликвидированы и сосланы во времена «ежовщины».

Особенно запечатлелся в памяти случай, происшедший 25 января 1920 года, когда, после долгих колебаний, во второй половине дня полковник Бернацкий распорядился о выходе оставшихся в корпусе рот на Большой плац для следования в походном порядке на Румынию. В городе в это время уже установилась советская власть, связи с городом уже не было, когда в ворота корпуса вбежала небольшого роста дама, лет 30—35, не помню, как она была одета, но в память врезалось, что она была в высоких дамских сапожках на шнурках и на высоких каблуках. Поравнявшись с 4-й ротой, она стала выкрикивать фамилию своего сына, кадета младших классов Б. Найдя сына, она пристроилась к 4-й роте и тронулась с нами в последний путь, без всякого багажа, налегке, как мы.

Но особенно запомнилось, что эта маленькая героическая женщина, прорвавшаяся через уже занятый большевиками город в корпус, осенила нас, выходящих из ворот кадет, широким крестным знамением, олицетворяя этим всех кадетских матерей, благословлявших своих сыновей на тяжелый путь, из которого многие не возвратились живыми.

Всем нам памятно, что в корпусе в начале и в конце учебного года служился молебен, второй из которых являлся и напутственным молебном для окончивших, перед их разъездом из корпуса; каждое утро и вечер были общие (поротно) молитвы; молитвами отмечались начало и конец учебного дня; молились до и после принятия пищи. А вот в начале опасного для жизни похода никто не благословил уходящих детей и отроков святым крестом... Почему? Только одна кадетская мать-героиня сделала это и пошла вместе с нами в наш тяжелый путь. Но, увы, через два дня ее сапожки на высоких каблуках не выдержали тяжелого пути, и я видел ее идущую по обмерзшей дороге с ногами, обмотанными тряпками.

Ежегодно, когда в Америке отмечают День матери, я вспоминаю свою мать и героиню-мать нашего кадета Б. Если она еще жива, да сохранит ее Бог, а если умерла, да примет ее Господь в Царствие Небесное!

В 1920 году кадеты узнали о гибели капитана Полоцкого кадетского корпуса Чикувера. Он был взят красными в плен и по мобилизации направлен командиром подразделения в Одесскую пехотную школу. Летом началось восстание против Советов в Малой и Большой Аккаржах. Капитан Чикувер был послан с курсантами на подавление восстания, но он со своим подразделением перешел на сторону восставших. После подавления восстания капитан Чикувер вторично попал в плен и был расстрелян, предварительно вырыв себе могилу.

Очень возможно, что если бы полутора 1-й роты, оставшаяся в корпусе, не поддавшись уговорам полковника Бернацкого, своевременно решила бы пробиваться в порт, то, безусловно, за ними пошли бы и все остальные или большинство 2-й и 3-й рот, и тогда наш корпус имел бы меньше потерь, чем те, которые были понесены за время нахождения наших кадет в «раю трудящихся».

Возвращение полуроты 2-й и полностью 3-й рот из Аккермана в Одессу[96]

30 января, пробыв в Аккермане, ставшем румынским, около суток, корпус вернулся в Овидиополь. Дети и отроки кадеты, изнуренные физически и потрясенные, сломленные нравственно бесчеловечным, зверски жестоким, грубым и совершенно непонятным злодеянием их вчерашних союзников-румын, предавших их на Голгофу страданий, как-то не отдавали себе отчета в происшедшем. Они разбрелись отдельными группами по Овидиополю. У всех было лишь одно желание — спать!

На рассвете 31 января полурота 1-й роты, со своими офицерами, под командой подполковника Рогойского, ушла на соединение с отрядом генерала Бредова. Мы, около 40 кадет 2-й роты, с полковником Овсянниковым, остались в Овидиополе. Как объяснил нам полковник Овсянников, нас не могли ночью найти и вовремя разбудить, поэтому мы и остались. Утром 1 февраля Овидиополь был тих и пуст. Из воинских частей и военных никого не было, а если кто и был, то так запрятался, что его и со свечой не найдешь. Местные жители позакрывались в домах, и только изредка кто-либо одинокий прошмыгнет, да бабы у колодцев, осторожно озираясь по сторонам, что-то шепотом одна другой говорили.

После шума и гама предыдущих дней тишина создавала атмосферу чего-то страшного и рокового, будто что-то неизвестное висело в воздухе, какой-то катаклизм. Каждый из нас, оставленных на произвол судьбы, — так это нужно назвать, — чувствовал себя обреченным. Каждый думал: «Что будет, когда нас встретят большевики, что с нами сделают и почему нас здесь оставили голодных, холодных и никому не нужных?» Что наши детские души тогда чувствовали и как переживали?! Да! Это было не по-человечески. Разве 2—3, пусть даже 5 десятков кадет возрастом от 14 до 16 лет могли помешать движению отряда? Наши однокашники, как Авраменко[97] и другие, доблестно сражались с конницей Котовского. Мы также сумели бы сражаться. Кто-то был в этом виноват и «Бог его судит» — это история.

И так мы, «обреченные», как «блудные овцы», под командой, а точнее, под надзором седого как лунь полковника Овсянникова, бывшего командира 2-й роты полочан, двинулись дорогой по направлению к Одессе. Мы шли одни своей небольшой группой. Малышей 3-й и 4-й рот мы не видели. Ушли ли они раньше нас, или же еще задержались в Овидиополе, мы не знали.

Пасмурное, относительно темное утро. Вдали, где-то около города Маяки, артиллерийская стрельба. Вероятно, наши встретились с большевиками. Каждый из нас оглядывался, чтобы бросить последний взгляд на место нашей трагедии — Овидиополь, широкий Днестровский лиман, с замерзшим «гостинцем» — румынским снарядом, пробившим лед, и далекий на горизонте Аккерман. Вспомнилась чистая теплая школа в Аккермане, лица дам, кормивших нас там, и кошмар ночного подъема румынскими солдатами, с криками, пинками и ударами прикладами, и пулеметы во дворе... Это была последняя надежда, и никогда уже она не повторится. С этими мыслями мы двигались молча беспорядочной толпой, с поникшими головами. Все нас оставили, но старичок, полковник Овсянников, был с нами. Он не оставил своих детей. Недалеко от Овидиополя, возле дороги, попалась какая-то небольшая роща — немного деревьев и кустов. Свернули в рощу и остановились: все почувствовали, что наступил самый больной, самый трагический этап нашего пути — снятие погон.

Каждый понимал, что это необходимо, но никто не мог решиться сделать это первым. Ждали и смотрели на полковника. Он молча снял шинель, достал из кармана перочинный ножик и стал срезать пуговицы и снимать погоны. Побледнел, руки дрожали. Мы молча, со слезами на глазах, делали то же. Каждый хотел пару погон спрятать на память. Кто в ботинки или за голенища сапог, кто в брюки, но большинство отпарывали подкладку в рукавах шинели и туда прятали. У всех осталось по паре

погон. Что делать, куда их спрятать? Нашлись спички, и на маленьком костре мы их сожгли, дабы никто не смог их профанировать. Вместе с погонами мы распрощались навсегда с нашей кадетской жизнью, нашими верованиями, надеждами и мечтаниями. Остались лишь страдания и боль. Посидели, покурили, надо идти, но никто не хочет отойти от костра, где сгорало наше дорогое, лучшее.

Наконец полковник Овсянников встал и твердым голосом сказал: «Пойдем, ребята, не унывайте! Вы погоны носили несколько лет, а я несколько десятков лет. Тяжело это, но нужно пережить. Помните! Я всегда останусь полковником, а вы кадетами. Носите всегда в душе ваши Заветы!»

Краткая речь, но глубокая! Все молча встали и толпой пошли. К вечеру пришли в немецкую колонию Большая Аккаржа. Неделю тому назад здесь мы ночевали, идя с надеждой в Румынию. Разбрелись по домам. Немцы нас накормили, и мы спокойно переночевали. Утром опять собрались и побрели. Первое напряжение нервов миновало, и каждый будто смирился с участью, кой-кто повеселел, начались шутки. Хондажевский достал из футляра балалайку и заиграл. Он был балалаечником-артистом и никогда с ней не расставался. Засветились глаза, заиграла улыбка, всем стало веселее. Идя, посматриваем вперед, ожидая встречи с красными.

Пришли в Люстдорф. Красных здесь еще не было. Немцы нас встретили с удивлением, но приняли гостеприимно: накормили, и мы переночевали. Утром опять собрались, но уже без веселья и шуток, а с опасением в сердцах, двинулись навстречу неизвестному будущему, какой-то новой жизни, за пределами корпусной семьи. Между Люстдорфом и Большим Фонтаном увидели мы в чистом поле советскую заставу: большой красный флаг, пулеметная тачанка и несколько конных и пеших красноармейцев. Остановили нас, стали опрашивать: «Кто? Куда? Откуда?»

Полковник Овсянников вышел вперед и стал объяснять командиру заставы. Красноармейцы нас окружили, стали с нами разговаривать и смеяться. Враждебно сначала к нам не относились, но, узнав, что мы кадеты, стали ругаться и угрожать, что нас, «белогвардейскую шпану», надо всех расстрелять. Стали нас осматривать — можно ли что-либо взять. Один из конных заинтересовался футляром Хондажевского. Балалайку взял себе, футляр вернул. Бедняга даже заплакал. С нею он никогда не расставался, имея ее с первого класса. Прекрасный инструмент — разыгран. Был мастером игры и часто нас веселил. В это время разговоры полковника Овсянникова с командиром заставы кончились, и мы, в сопровождении одного конного, направились в Одессу в здание нашего корпуса.

По дороге мы, интересуясь своей судьбой, спрашивали красноармейца, что будет с нами. Он был парень неплохой. Чувствовал себя господином положения. Шутил и пугал нас, говоря, что доведет до корпуса, а что будет дальше, не знает. Но нас, «белогвардейскую шпану», надо расстрелять. Мы, собственно, ничего не чувствовали. Мы были измучены, а нервы расстроенны. Шли, опустив головы, ничего не думая. А что мог думать 16-летний мальчик в таком положении? Идем знакомыми местами: восьмая станция, седьмая, пятая, и вот начались лагеря и большое поле, а за ними корпусный лагерь и наше здание. Прохожие с удивлением останавливались и в недоумении смотрели на нас, крестясь, и крестили нас совершенно так, как нас провожали 25 января. Вот мы уже в ограде корпуса. Кто-то нас ведет вдоль здания и приводит через черную лестницу в помещение 2-й роты. В спальне мы размещаемся. Есть кровати с матрацами. Принесли одеяла. Опять началась новая жизнь в холодном, неотапливаемом помещении. Три раза в день мы ходили в столовую питаться. Утром — кусок черной замазки и жестяная кружка чая; обед — тарелка мутного, без определенного состава супа и немного ячневой каши; ужин — кусок хлеба и чай. Жили, ожидая решения нашей участи. Никуда не ходили, и, казалось, никто нами не интересовался. Когда вернулись в корпус 3-я и 4-я роты, не помню. Постепенно кадет становилось все меньше и меньше. Живущие в Одессе возвращались в свои семьи или к хорошим знакомым.

Под конец в здании корпуса остались иногородние и сироты, которым некуда было деваться. В офицерских флигелях жили семьи наших офицеров и много посторонних офицеров. Не помню всех, но помню полковника Овсянникова, Кобылина[98], Снитко[99] и Бышевского[100] — все полочане, семью полковника Орлицкого. Вскоре я заболел возвратным тифом. Начались приступы с потерей сознания. Кроме товарищей, а особенно Миши Терехова, всегда бывшего возле меня, большую заботу и помощь оказал Василий Сергеевич — полковник Кобылин. Золотая душа. Как родной отец, приносил пищу, все время заботясь обо мне. Всегда у него было доброе слово. Как-то раз пришел доктор, осмотрел, послушал, дал каких-то порошков — и все. На первом этаже нашего здания и в помещении 1-й роты находился советский госпиталь. Я очень боялся туда попасть. Все говорили, кто туда попадал — выходил мертвым. Я просил доктора, чтобы меня не переводили в госпиталь. Он обещал и просил, чтобы никто из товарищей не говорил, что среди них есть тифозный. Так я и остался среди своих друзей. Ночью хотелось пить, но в кружке вместо воды был лед. В один из таких дней чувствую, что кто-то надо мной склонился. Открываю глаза и не верю: вижу лучшего своего друга Васю Фролова. Первые мои слова: «Вася, я тифозный». Он прижался ко мне

со слезами на глазах. Зная, что он ушел из Овидиополя с подполковником Рогойским, я стал его расспрашивать, как там было и как он к нам сюда попал. Вася все рассказал: о бое под Канделем, как некоторые ушли в Румынию и как он попал в плен. Как покончил жизнь подполковник Рогойский, Стессель с женой и другие. Его, вместе с другими пленными, везли в поезде; в Раздельной ему удалось отделиться, и он, приехав в Одессу, сразу пришел к нам. Постепенно нас становилось все меньше и меньше. Разъехались и иногородние. Нас, чьи родители жили далеко, и круглых сирот, осталось мало, и в марте нас перевели из здания корпуса в одну из свободных квартир в офицерском флигеле. Спали мы один возле другого на полу. Теснота страшная. Меня, как тифозного, положили отдельно возле дверей. Полковник Кобылин ежедневно навещал меня, принося еду, и говорил: «Не унывай, А-ч, мы тебя не оставим». Так мы прожили недолго, не помню точно, возможно, до второй половины марта. В один прекрасный день нам объявили, что кормить нас больше не будут и мы можем убираться куда хотим. Это распоряжение моментально проникло в город. В городе тайно организовался родительский комитет, и нас, никого не имевших из родных и знакомых в Одессе, стали распределять по семьям, желающим нас принять. В течение 2—3 дней всех разобрали. Остался я один — тифозный. Так как есть мне больше не давали, то полковник Кобылин регулярно приходил ко мне, принося еду, и уверял, что меня не оставит, говоря: «Не бойся, я тебя возьму к себе».

Так прошло несколько дней. У меня начинался третий приступ тифа с болью в левом боку. Впоследствии у меня оказался плеврит. Я считал, что приходит мой конец, но случилось чудо. Поздно вечером слышу разговор. Ко мне подходит неизвестная мне дама в сопровождении кадета. Наклоняется ко мне, спрашивает, как я себя чувствую, и сообщает, что хочет взять меня к себе. Одели меня, вывели, посадили на извозчика и долго везли. Под руки ввели меня на второй этаж. Раздели меня, вымыли в теплой ванне, дали чистое белье и уложили в чистую кровать. Невероятное совершилось. Я очутился среди сочувствующих людей. Уход, питание — и я стал поправляться. Моей доброй феей оказалась Мария Афанасьевна Бельтаки. В ее квартире жил с семьей генерал Владимир Иванович Черкас[101].

Так как Мария Афанасьевна от всего переживаемого психически заболела и не могла впоследствии много заботиться обо мне, то семья генерала Черкаса меня взяла к себе и опекала до 17 марта 1922 года, дня, когда я покинул Одессу и уехал в Польшу к родным.

Следующие эпизоды и события удержались в моей памяти за мое двухлетнее пребывание в Одессе: Миша Терехов жил со мною на одном

этаже, в соседней квартире. Васю Федорова осенью 1921 года по призыву взяли в Красную армию. Стась Ярмолинский работал в парикмахерской «М-сье Серж» на Преображенской улице. Как-то летом 1920 года, на углу Отрадной и Белинского улиц, я прочел на столбе объявление ОГЧК (Одесской чрезвычайной комиссии), что за активное участие в подпольной контрреволюционной организации расстреляны офицеры и кадеты Одесского кадетского корпуса. Запомнил лишь фамилии полочан: полковники Овсянников, Бышевский, Снитко и кадет Кочмаржевский. Среди других, кажется, была упомянута и фамилия офицера Одесского кадетского корпуса штабс-капитана Миляева[102] и нескольких одесских кадет. Вечная память дорогим воспитателям и товарищам.

P.S. В 1926 году в Польше, в городе Граево, встретил воспитателя нашего корпуса полковника К.И. Буздижана[103]. Он был капельмейстером взвода трубачей в 9-м полку конных стрелков. Стефан Почебут-Одлажицкий скончался в Париже, где учился в университете.

Г. Есаулов[104]

ИСТОРИЯ КОНЦА ОДЕССКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА[105]

28 февраля 1917 года жизнь в заразном отделении лазарета корпуса шла обыденно. Отрезанный от всего мира маленький мирок и не подозревал о событиях, волновавших уже тогда всю Россию...

Однажды, находясь уже в отделении выдерживающих карантин, к нам пришла вся в слезах г-жа Гире и рассказала о беспорядках в Петербурге и об отречении Государя от Престола за себя и Наследника. Через окна мы заметили, что в ротах занятия не проходили, а 1-я рота строилась с берданками. Сразу пропало веселое настроение, и на лицах у всех появилась грусть и озабоченность. Г-жа Гире рассказывала нам, что в Петербурге происходили уличные бои, революционеры убивали городовых, офицеров и что часть войск Петроградского гарнизона перешла на сторону Государственной думы и Россия уже не Империя...

Из рот стали доноситься слухи, что на параде какой-то офицер нацепил нашему левофланговому кадету на штык красную тряпку, а тот моментально сорвал ее, чем вызвал недовольство публики. Хотя в городе боев не было, но были убитые, и в корпус приезжали студенты произносить речи, но наша 2-я рота спустила их с лестницы. Заразный лазарет стал теперь для нас тюрьмой, все стремились скорее вернуться в роты и старались тщательно исполнять все лечебные правила, на которые никто раньше не обращал даже внимания...

В середине марта я выписался из лазарета. Настроение в ротах было воинственное, и воспитателям с трудом удавалось охлаждать наш пыл. Почти каждую неделю к нам приезжали депутаты и посланники. Встречали мы их настороженно, но проводы всегда сопровождались страшным шумом... Вскоре произошел интересный случай: у нас в роте была собачонка, которую мы прозвали — Керенский. Услышав эту кличку, солдат из комитета доложил председателю комитета, что корпус — это контрреволюционное гнездо, и если бы не красноречие нашего директора, то нам пришлось бы поплатиться за оскорбление красного вождя. Едва успели уладить этот случай, как во время парада, который принимал военный министр Гучков, два кадета 2-й роты сожгли красные флаги, которыми был украшен корпус по случаю приезда министра...

Тихо и мирно у нас протекало лето 1917 года, в то время когда в России кипела революция, менялись министры, правительства, разлагалась армия; на фронт отправлялись полки агитаторов, воинские части отказывались исполнять приказания начальства, и Россия делилась на партии...

Совершенно неожиданно в середине лета я получил известие, что корпус эвакуируется из Одессы и что мне предлагается явиться в корпус не позже 27 июня для отправки в Ростов, так как наше здание корпуса должно быть отдано в распоряжение штаба Румынского фронта...

В лагере, где стоял корпус, было шумно и весело, съезжалась масса кадет, спали мы прямо на дворе...

28 июня горнист сыграл сбор, звуки которого разнеслись по всему лагерю, перенеслись на плац и глухо отозвались, в последний раз, в уже пустом огромном здании корпуса. Перед бараками, где на лето были расположены кадеты, мы быстро построились в походной форме — шинели в скатку и с ранцами за плечами. Кадеты всех рот были теперь сведены в одну роту под командованием нашего кумира, командира 1-й роты Самоцвета. У всех на лицах выражалась озабоченность. Мне лично в этот момент было очень грустно и тоскливо, казалось, что расстаемся навеки со всем тем, к чему мы так привыкли и любили. Как оказалось впоследствии, мое чувство меня не обмануло. Одесский корпус уже больше не собирался таким, каким он был до этой эвакуации... Строй молча вышел из корпуса, промелькнула 4-я станция трамвая, где всегда, торопясь в отпуск, приходилось ожидать очередного трамвая, лавочка с халвой и конфетами, огромное здание Сергиевского артиллерийского училища, с грозно стоящими учебными пушками на полигоне. Прошли кадетское кладбище, многие стали креститься, позади оставалось все родное и знакомое, а впереди нас ожидала неизвестность.

Но вот правый фланг уже вышел на платформу, где мы грузились. Нас провожала масса народу, и по строю раздался шепот: «Господа, подтянитесь, веселей!» Раздалась команда: «Рота-а» — строй звонко отбивает ногу, — «Стой» — и все замерли как один... Опять раздалась команда, все затихло, и нас разместили по вагонам. За 10 минут до отхода поезда было разрешено выйти попрощаться, ровно в 3 часа горнист сыграл сбор по вагонам; все разбежались по местам, и маленький паровоз, пыхтя, свистя и шипя, медленно потянул первый эшелон Одесского кадетского корпуса на восток!..

В этот день мы все, собравшись в одном вагоне, до самой поздней ночи пели песни и веселились. Но отъехали мы недалеко. В 22 верстах от Одессы нас поставили на запасный путь, где мы простояли целый день. Мы все время любовались Одессой, которая была великолепно видна с прилегающим к ней голубым морем. Красивый город! Путешествие наше продолжалось неделю — начальство не торопилось, и эшелон двигался медленно.

Расставаясь с Одессой, мы сперва все кричали: «Прощай, Одесса мама!» — но потом заменили слово «прощай» на «до свидания», так как были уверены, что скоро вернемся обратно, но, увы, не всем удалось опять увидеть Одессу и родной корпус...

26 ноября 1917 года на Дону вспыхнула Гражданская война, и кадеты приняли в ней ревностное участие. В конце ноября среди наших друзей и товарищей уже были первые убитые. Поднятые красными на штыки, приняли геройскую смерть Усачов и Недольский... Никогда не забуду нашего малыша, который, ведя после боя пленного красногвардейца, попал ногой в стрелку линии трамвая и вывихнул ногу, но с колоссальным мужеством переносил боль, пока не справился с красным, а потом, сев на рельсы, горько заплакал.

Когда в Ростове стало неспокойно, нас перевезли в Новочеркасск, там тогда еще было мирно. Приехав поездом в Новочеркасск, мы встретили там много молодежи — офицеров, юнкеров, кадет, гимназистов и студентов, бежавших из северной части России. Помню, что мы прошли мимо группы женщин в военной форме, которые в октябре в Петербурге защищали Зимний дворец. Их командиром была Бочкарева[106] и находилась вместе с ними. Тут многие ожидали приезда генерала Корнилова. Мы быстрым шагом прошли через город к зданию Донского кадетского корпуса Императора Александра III, где нас разместили по сотням, — я попал во вторую сотню... Наше начальство не хотело брать на себя ответственности за нашу судьбу и решило распустить корпус, а самим вернуться в Одессу.

На Дону шла уже Гражданская война. Нас переодели, выдали солдатское обмундирование, и мы в одиночном порядке стали уезжать в Одессу. В Ростове я еле влез в поезд, он был переполнен солдатами, бежавшими с Кавказского фронта. Ехать мне пришлось на площадке между вагонами...

В Одессе «родительский комитет» собрал группу кадет и организовал занятия в приходской духовной школе... Но из 120 человек, перешедших весной в 4-й класс, было не больше 15. Форму уже никто не носил, я же ходил в солдатском обмундировании, выданном мне еще в Новочеркасске... Занятия шли очень неаккуратно, не все преподаватели приходили на уроки...

20 января 1918 года в Киеве был расстрелян мой отец[107]. В последнее время он заведовал ремонтированием конского состава армии при Киевском военном округе. Когда большевики в январе заняли Киев, то в первую же ночь расстреляли около двух тысяч офицеров. В том числе было расстреляно и несколько офицеров — кирасир Ее Величества...

Дождавшись окончания учебного года, я уехал в Каменец-Подольск, где жила моя бабушка. В это время образовалась Украинская республика, которую оккупировала германская армия. От бабушки я узнал, что отец жил в Киеве в гостинице «Константинополь». Утром того рокового дня отец собирался идти на службу. Швейцар его предупредил, что в городе неспокойно и лучше оставаться дома. В этот момент в гостиницу вошли два солдата со знаками Красной армии и ружьями. Вмешавшись в разговор, они спросили отца, кто он такой, и, узнав, что он полковник, сказали: «Вот тебя-то нам и надо», — и тут же перед гостиницей он был застрелен в спину... Вечером того же дня наши родственники Бутовичи нашли его труп на мостовой и похоронили на кладбище недалеко от Аскольдовой Могилы.

Младший брат моего отца, дядя Витя[108], — мой крестный, — и мои братья Кока и Миша были вызваны бабушкой в Каменец-Подольск, чтобы всем вместе поехать в ее имение в Рублевцы, где надо было спасти хоть часть вещей из усадьбы. Но все хозяйство было уже разграблено, дом разрушен — стояли только одни стены. Нас встретили крестьяне и обещали возместить убытки, но мы особенно и не настаивали, так как увидели, что это все непоправимо...

Бабушка была очень рада, что мы все собрались вместе и встретились почти уже в зрелых годах... Все мы чувствовали и понимали, что ожидать чего-нибудь хорошего в будущем очень трудно... У нас у всех тогда было предчувствие, что мы все видимся в последний раз. Бабушка осталась в России... Верная спутница моего деда, она говорила: «Здесь я родилась, здесь я умру»...

Наступила осень 1918 года, и я получил от Москалевых известие из Одессы о том, что корпус в Одессе открывается снова. Распрощавшись со всеми своими близкими и со всем тем, что мне было дорого, я уехал из Каменец-Подольска в Одессу и явился в корпус. Я остался в 4-м классе, так как занятия в духовной школе мне не засчитали и пришлось еще сдавать экзамены для перехода в 4-й класс.

Нас одели в кадетскую форму, начальство привезло наше корпусное имущество из Ростова и собрало обмундирование, хранившееся по разным складам. У меня воспитателем стал капитан Мачулин, а ротным командиром — полковник Навроцкий[109]. Директором корпуса был в то время полковник Бернацкий. Из старого моего класса кадет осталось очень мало, большинство уже было из других корпусов со всей Российской империи. Из наших коренных кадет немногие вернулись из Белой армии, многих из них уже не было в живых.

После революции в Германии немцы начали оставлять Украину, и Юг России заняла Белая армия и союзные войска. В Одессе было много французов, греков, англичан и итальянцев. В порту стоял союзный флот. Русское командование было возглавлено генералом Деникиным. Войска Белой армии занимали позиции вокруг Одессы. Красные временами переходили в наступление. В корпусе занятия шли, можно сказать, полным ходом, как и в прежнее время. Как-то смотр корпусу делал генерал Гришин-Алмазов[110], с которым приехал и французский генерал. Нас выстроили в Портретном зале, французский генерал обошел строй кадет и очень остался доволен нашим видом и выправкой. Кадеты старательно учились, но уже чувствовалось, что начальство занимается с нами меньше. Мы тоже больше думали о событиях, происходящих вокруг нас. Прошли рождественские каникулы. В корпусе многого не хватало: в ротах было холодно, обмундирование обтрепалось, а нового уже не было. Наступила весна, и мы все как-то ожили, можно было играть на плацу. Весна в Одессе ранняя и красивая, когда все начинает расцветать.

В начале мая красные подошли уже близко к Одессе. Еще в конце марта 1919 года учебный год быстро закончили и кадеты были переведены по баллам в следующие классы. Седьмой выпускной класс поехал в военные училища. Наш же командование приказало эвакуировать из Одессы. Мы погрузились в порту на пароход «Кронштадт», который должен был повезти нас на Кавказ. Пароход вышел в море, но оказалось, что команда была настроена пробольшевистски и хотела потопить пароход. Это было нами вовремя замечено. Кадеты и бывшие на пароходе офицеры составили свою команду и готовы были уже отправиться в дальнейший путь, как на пароходе была замечена пробоина, и он

чуть не затонул. Подошли другие суда, и нас пересадили с «Кронштадта» на них. Наша вторая рота попала на пароход «Шилка», который недавно пришел с Дальнего Востока. Это был грузовой пароход; команду составили из кадет и после погрузки угля вышли в море. Пароход по пути зашел в Севастополь, потом в Новороссийск, а оттуда в Туапсе. Кадеты разместились в здании местной гимназии. Вещей с нами почти не было, и спали мы просто на полу, укрываясь шинелями. Директор корпуса полковник Бернацкий уехал в Новороссийск, и с кадетами осталось всего несколько воспитателей. Я с несколькими кадетами решил записаться в Белую армию и явился вместе с товарищами к офицеру, набиравшему добровольцев. Через несколько дней после этого, уйдя рано утром из корпуса, мы уехали из Туапсе на итальянском крейсере «Рама» в Новороссийск. Там мы получили оружие и кое-что из обмундирования. Из Новороссийска мы на маленьком пароходике поплыли в Тамань на Кубани, где стояли запасные эскадроны кавалерийских полков. Эскадрон лейб-гвардии Конного полка стоял в станице Старо-Титаровской, командиром эскадрона был ротмистр Жемчужников[111]. Старый вахмистр Конной гвардии принялся нас обучать верховой езде, рубке и стрельбе.

В конце апреля я получил распоряжение отправиться в Крым на Ак-Манайские позиции, где в деревне Бараки стоял Сводный гвардейский кирасирский полк, задерживая наступление красных. Первая Гвардейская кавалерийская дивизия была свернута в полк. Каждый эскадрон носил название полка. Я был назначен в команду связи штаба полка. Однажды, дежуря в штабе, я явился с донесением к полковнику Данилову[112], командиру полка. Выслушав меня, он спросил, откуда я и как моя фамилия. Узнав мою фамилию, он спросил, кем я прихожусь полковнику Николаю Михайловичу Есаулову, — я ответил, что это мой отец. Полковник приказал стоять мне вольно и сказал, что хорошо знал моего отца еще с давних времен, когда он был молодым офицером. Увидев на мне погоны Конной гвардии, приказал перевести меня в списки кирасир Ее Величества и поручил меня ротмистру Гросману[113], адъютанту полка.

В начале июня 1919 года было приказано перейти в общее наступление. На заре полк вышел из деревни и, пройдя 2—3 версты, развернулся и пошел в атаку. В это же время английская эскадра, стоящая в Черном море, открыла убийственный огонь по позициям красных, расположенных слева от нас. Сбив противника, мы захватили много оружия, пулеметов и пленных. К вечеру мы дошли до узловой станции Грамматиково. Во время атаки произошел интересный случай, о котором был сейчас же извещен командир полка. Среди красных оказался

брат нашего кирасира, которого мобилизовали красные. Он заметил среди атакующих своего брата и крикнул: «Брат, не руби!» — и бросил оружие. Командир разрешил оставить его в полку. Под вечер меня слегка ранило в ногу, а контузией я был отброшен в канаву. Ночью шел дождь, и я с трудом выбрался из канавы, где меня подобрали санитары. Утром командир полка, объезжая раненых, приказал отправить меня в лазарет, дав мне пакет первой помощи из своей сумки. Меня перевезли в Керчь и передали в госпиталь. У меня была тогда высокая температура, и санитары, решив, что это от загрязнения раны, положили меня как безнадежного прямо на пол в коридоре госпиталя. На другой день сестра, осматривая раненых, заметила, что я жив, и установила, что у меня температура от простуды. Видимо, пролежав в холодной грязи несколько часов, я схватил воспаление легких... Через несколько дней температура у меня упала, и, имея хороший уход, я быстро стал поправляться. Старшая сестра Миллер сама ухаживала за мной, и я остался жив.

1 июля я уехал догонять полк. В это лето Белая армия продвинулась далеко на север, я догнал полк уже в Нежине Черниговской губернии. Подъезжая к Нежину, мы узнали, что партизаны Крашевянского атаковали город и что наш полк в контратаке разбил их без всяких для нас потерь. Городское население нас часто зазывало в дома и угощало нас вкусной едой, которую мы в походе не могли иметь. Наши кухни и обозы были заняты приведением в порядок хозяйства, и мы питались чем попало. Стояли мы недалеко от завода нежинских огурчиков, это было единственное, что мы могли есть в неограниченном количестве, да еще и знаменитое нежинское вишневое варенье. Простояв в городе почти неделю, полк опять выступил в поход.

Пройдя два перехода, около деревни Британы мы встретили сопротивление красных. Конная атака вновь прибывшего эскадрона кирасир Его Величества сбила противника и отбросила его далеко на север. Кирасиры Ее Величества шли в атаку вторым эшелоном и понесли небольшие потери. Штаб полка целый день находился около железнодорожной будки, где было легко связаться по проводам со всеми частями полка. На одном из проводов мы услышали и какую-то часть красных, которая спешила на помощь своим разбитым частям. Наш командир полевой батареи заметил, что красные на опушке соседнего села Кошелевка устанавливают орудия. Мы еще не успели все зайти за насыпь железной дороги, как красные стали пристреливаться. Случайным осколком гранаты был убит ротмистр Деконский[114], стоящий тут же рядом с нами. Наша батарея открыла беглый огонь и заставила замолчать противника.

В сентябре полк стоял в сторожевом охранении вдоль реки Десны. Погода портилась, часто шли дожди, и передвигаться было тяжело и для людей, и для лошадей. С Десны нас бросили на прорыв на Глухов. В Глухове меня, по распоряжению командира полка, откомандировали обратно в Одессу, в корпус, для дальнейшего обучения.

Когда я приехал в корпус, занятия шли уже полным ходом, меня сразу же направили во вторую роту в пятый класс. С фронта уже приехало много кадет. Все мои друзья еще с первого класса оказались старше меня и были уже в первой роте. Коренных кадет Одесского корпуса осталось совсем мало. Мы все еще носили походную форму, но с погонами нашего корпуса. Когда рота строилась, то можно было увидеть погоны почти всех корпусов России. После коротких рождественских каникул в Одессу прибыл из Киева эвакуированный Владимирский кадетский корпус и был помещен в нашем здании.

Отступление к румынской границе

Фронт Белой армии с невероятной быстротой откатывался на юг. В зимнее время плохо обмундированная армия понесла большие потери в людском составе. Со дня на день мы ожидали эвакуации. Ночью 20 января 1920 года корпусу было приказано немедленно выходить в порт, но директор корпуса решил, что можно подождать до утра. Утром часть первой и второй рот еще успели пройти в порт и погрузиться на пароход, третья же и четвертая роты и кадеты, отставшие от первой и второй, оказались отрезанными от порта. Около 2 часов дня мы получили приказ построиться и выступить в пешем порядке на запад к румынской границе. Начальство надеялось, что румыны нас пропустят. Вместе с нами по дороге двигались остатки Белой армии в надежде добраться до польской границы.

Эта зима была очень холодная, морозы доходили до 10—15 градусов, дороги были покрыты снегом. Через несколько дней мы добрались до Овидиополя, на границе с Румынией, находящегося на берегу Днестровского лимана. Лиман уже замерз и покрылся толстым слоем льда. Не теряя времени, на другой день утром мы перешли лиман по льду в Румынию — в город Аккерман. Румынские солдаты под конвоем отвели нас в школу, где мы обогрелись и переспали, но на другой день утром нас опять под конвоем отвели назад на берег лимана и погнали в Овидиополь. Чтобы никто не мог вернуться обратно, румынская артиллерия открыла огонь и разбила лед. Лед начал трескаться, образуя громадные глыбы, которые переворачивались и уходили в воду вместе с людьми, ожидавши-

ми на льду пропуска в Румынию. Вся эта масса людей, лошадей, телег, попадая в холодную воду, почти сейчас же замерзала, превращаясь в обледеневшую массу. Старшие кадеты бросились спасать людей, но из-за сильного мороза спасти удалось только немногих. Кадеты вернулись в Овидиополь, и никто не знал, что будет с нами дальше. Под вечер я встретил дядю Витю, Коку и Мишу Беляева. Они отступили из Одессы с Лубенским гусарским полком[115]. Полк в мирное время стоял в Кишиневе, и офицеры надеялись, что их пропустят в Румынию, а если нет, то они тогда будут пробиваться в Польшу, куда уже ушла большая часть Белой армии. Дядя Витя не захотел меня оставлять одного и сказал, чтобы я присоединился к ним и я должен распрощаться с кадетами. Ночью гусары выступили в авангарде отряда генерала Васильева[116] на север, по направлению в Тирасполь. В продолжение двух дней мы продвигались довольно медленно, происходили перестрелки с местными большевиками, но при нашем появлении они быстро разбегались и исчезали. Вечером, войдя в деревню Кандель, мы наткнулись на красную часть. Красные не ожидали нас с этой стороны и расположились на ночлег, не выставив даже сторожевого охранения. Тут же завязался короткий бой, почти все красные были перебиты, и мы расположились в деревне. Утром красные получили подкрепление и начали наступление на деревню. Опять завязался бой. К этому времени уже вся наша колонна втянулась в деревню. Бой продолжался весь день. Гусары после вечернего боя стояли в резерве. Ночью офицеры решили снова пробиваться дальше по румынской территории. Утром на рассвете мы перешли Днестр и по плавням хотели идти дальше, но наткнулись на румынскую заставу, которая нас остановила. С нами перешли и другие части. Я увидел полковника Рагойского и кадета Федорова. Они мне сказали, что директор корпуса полковник Бернацкий, находясь в Аккермане, послал телеграмму Королеве Румынской с просьбой дать распоряжение пропустить кадет, но ответ еще не пришел. В Овидиополе, вернувшись из Аккермана, младшие кадеты с директором пошли обратно в Одессу, старшие же решили пробиваться на север с отрядом генерала Васильева, авангардом которого были наши гусары. Накануне кадеты участвовали в бою под командой капитана Ремера, но к вечеру полковник Рагойский и кадет Федоров потеряли связь с капитаном Ремером и кадетами. Румыны стали гнать всех назад. Полковник Рагойский был инвалидом войны, без одной руки. Я заметил, что он вынул свой револьвер и пошел в лес, откуда через некоторое время раздался выстрел. Все страшно переживали эту трагедию; идти же обратно — это значило идти на верную смерть и муки. В лучшем случае мог быть плен и ссылка. Мы отошли в сторону, немного подождали, и, когда румыны подошли, мы оставили им наш обоз. Румыны принялись его

грабить, мы же, воспользовавшись этим, по плавням перебрались в глубь леса. Я старался не терять из виду дядю Витю, Коку и Мишу Беляева, но Кока из-за чего-то замешкался и оказался на советской стороне, где его нагнал красный разъезд. Что случилось с ним потом, осталось для нас неизвестным, видимо, красные его забрали в плен. Я с дядей Витей и еще с одним гусаром добрался к вечеру до какой-то деревни уже в глубине Румынии. На краю деревни мы залегли в какой-то хлев и, закопавшись в солому, устроились на ночлег. Все были, конечно, страшно измучены, уставшие и промерзшие. Ночью мне на ноги улеглась корова, которая фактически меня согрела и этим спасла мои мокрые ноги. Лежавший рядом со мной гусар отморозил на ногах пальцы.

Утром около хлева собралось еще несколько офицеров Лубенского полка. Было решено как можно дальше пробираться в глубь страны, чтобы в случае встречи с властями, уже гражданскими, нам не грозила передача нас пограничникам. Наши офицеры еще раньше узнали, что только пограничной охране было приказано возвращать беженцев обратно. Мы потихоньку, полями, прикрываясь заборами и кустарниками, обошли деревню и к обеду подошли к следующей деревне, находящейся еще далее от границы. На краю деревни мы постучались в одну хату и попросили за деньги нас покормить. Рослый крестьянин, говорящий по-русски, позвал нас в хату, и хозяйка приготовила нам завтрак из нескольких дюжин яиц. Мы были, конечно, страшно голодные, и такой обильный завтрак нас очень подкрепил. Сам же хозяин, видимо, послал кого-то за полицией — не успели мы закончить завтрак, как явилась местная полиция. Власти были с нами очень вежливы и на санях под конвоем отвезли нас в Кишинев, где передали местным властям. В Кишиневе, кто имел бессарабские документы, был отпущен домой. Дядя Витя и я под конвоем были отправлены в Тульчу, где находилась русская комендатура еще с начала войны 1914 года, комендантом которой был полковник Долгов. Он знал моего отца. От него я узнал, что в Рени находится группа кадет, которых румыны пропустили после боя под Канделем. Он советовал мне примкнуть к этой группе, так как судьба живущих в Тульче была неизвестной. Кадеты из Рени должны были быть отправлены в Югославию. Получив документы, я попрощался с дядей Витей и уехал, чтобы присоединиться к остальной группе кадет в Рени, которые жили в санитарном поезде, оставшемся еще после войны и стоявшем на запасном пути, недалеко от станции на берегу Дуная.

Командиром группы был капитан Ремер, который в Канделе командовал кадетами во время боя, когда они, лежа цепью, отстреливались от красных и отбили их атаку. С группой находился также полковник Гущин[117] с женой, который в нашем корпусе преподавал математику.

Когда корпус находился в Аккермане и румыны погнали нас обратно, он где-то спрятался и остался в Аккермане. Трагедия заключалась в том, что ответная телеграмма от Королевы директору пришла после того, когда румыны нас уже выгнали из Аккермана. Гонец был послан в Овидиополь, но корпуса там уже не оказалось, и ему было сказано, что часть кадет пошла с отрядом Васильева на север. Он поехал за ними и нашел их в Канделе после боя. Только тогда, по приказанию Королевы Румынской, кадет пропустили. Вся группа в Рени состояла из кадет первой роты. Из младших классов нас было только четверо. Жили мы все очень дружно и делились между собой последним. Я все это время работал на кухне. Поезд был прекрасно оборудован и состоял в полном порядке — большие пульмановские вагоны с удобными спальными местами, специальным вагоном-кухней, со всеми необходимыми приспособлениями, как прачечной, ледником и другими нужными для санитарного поезда помещениями.

В апреле пришло разрешение на наш отъезд в Сербию. Подали пассажирский вагон 3-го класса, и мы все в нем разместились. Вагон прицепили к поезду, который шел из Рени в Бухарест. Как раз, помню, на Пасху мы прибыли в Бухарест, где на станции нас встретил русский военный представитель в Румынии генерал-лейтенант Геруа. Нас построили на перроне, и кадеты, отличившиеся в бою под Канделем, были награждены Георгиевскими крестами. После смотра роты начальством русские дамы из Бухареста привезли для нас разные угощения. Из Бухареста наш вагон был прицеплен к поезду, шедшему в Темишвар. Поезд шел по очень красивым местам, на станциях во время стоянок собирались цыгане и играли на своих инструментах. Мы ехали по местам, не тронутым только что законченной войной, — здесь всего было вдоволь. В Темишваре наш вагон был прицеплен к поезду, шедшему уже в Сербию. В тот же день мы встретились в Панчево с кадетами, уехавшими из Одессы на пароходах, там же я встретил своих однокашников и был зачислен в пятый класс. Вскоре корпус был переведен в Сараево.

Кадетский корпус в Сараеве

Директором корпуса был генерал-лейтенант Адамович[118]. Еще перед нашим приездом, когда генерал Адамович принял руководство корпусом, между новым директором и кадетами произошло несколько неприятных инцидентов. Кадеты невзлюбили директора Адамовича и устроили ему своего рода «бенефис»: когда он поздоровался со строем, то кадеты ему не ответили. В Сараево съехались обе части эвакуированных из Одессы

остатков Киевского и Одесского корпусов. Помещение было для нас отведено в центре города, в бывших австрийских казармах около моста реки Милячки, где в 1914 году произошло убийство Австрийского Кронпринца. Хотя мы и называли нашу часть Одесским корпусом, но по составу это уже была сборная часть, почти половина кадет была из разных российских корпусов, правда прибывших в Одесский корпус еще в России. Были среди нас уже и принятые в Сербии из гражданских школ и сражавшиеся в Белой армии. Задача начальства была не из легких. Большинство из нас побывало на войне и отвыкло от порядка и дисциплины, царивших тогда в корпусе. Мы перестали быть послушными юношами. Водворить порядок и вселить уважение к начальству, не принимавшему участия вместе с нами в боях, было очень трудно. Генерал Адамович был опытный педагог. Если бы не было разногласия среди самого начальства и между группами кадет Одесского и Киевского корпусов, может, все это и прошло бы безболезненно. Кадеты-одесситы и примкнувшие к ним имели свои установленные традиции. Киевляне же имели также свои традиции и правила внутреннего товарищеского взаимоотношения. На этой-то почве между кадетами возникла ссора. У кадет были любимые офицеры-воспитатели, уже завоевавшие авторитет. Директор же Адамович, в свою очередь, хотел завоевать у кадет популярность и авторитет и не любил воспитателей, которые ему в этом мешали. Мое личное отношение с директором было самым теплым и, я бы сказал, с его стороны отеческим. Еще в старое время Великий князь Константин Константинович, будучи инспектором всех военно-учебных заведений, выдвинул генерала Адамовича как отличного педагога и прекрасного организатора. Для меня этого было достаточно, чтобы проникнуться к нему уважением, но у нас были также наши старые воспитатели, которых мы любили и уважали, и поэтому некоторые поступки директора по отношению к ним мы не оправдывали, из-за чего, возможно, многие и невзлюбили Адамовича.

Во время Гражданской войны мы все огрубели, распустились и приобрели качества и манеры, которые в прежнее время в корпусах были недопустимы, и таких кадет в корпусах бы не терпели, а просто выгоняли. Большинство из нас попало за границу без родителей, и выгнать юношу 15 или 16 лет из корпуса — это значило обречь его на беспризорничество, другими словами, бросить его в среду бродяг, ведь многие из нас не имели еще твердой воли. Это все привело к тому, что среди кадет происходили случаи самоубийства. Некоторые не находили выхода из создавшегося положения и теряли цель и стремление к жизни. Мне самому пришлось пережить состояние такой тяжелой депрессии, но волею судьбы моим воспитателем оказался полковник

А.А. Жуков[119]. Он был моим воспитателем еще в первом классе в Одессе в 1914 году. Войну он провел во Франции и после революции в Россию не вернулся. Мы, несколько старых его кадет, встретили его как родного. Жуков был прекрасным воспитателем, очень хорошим человеком и относился к нам как родной отец. Как боевой офицер, он сразу же завоевал наше уважение и симпатию, часто беседовал с нами о будущей нашей жизни и нашем долге.

Эти проблемы и нас самих сильно волновали, но часто не были нам ясны. Без родных, друзей и Родины — все наши идеалы, для чего мы жили и считали их святыми, — теперь уже больше не существовали, а осталась просто одна борьба за свое собственное существование в чужой стране...

Все лето 1920 года в корпусе шли серьезные занятия, и в конце того же лета нас перевели в следующий класс. Я очутился в 6-м классе первой роты, командиром которой был полковник Самоцвет. Старший класс закончил корпус и как первый выпуск Сараевского корпуса уехал в Крым, где тогда еще армия генерала Врангеля боролась с красными. Несколько человек из младших классов поехали вместе с ними. Уехал также в Крым и мой друг детства еще с 1-го класса Жорж Васильев. Его родители остались в Одессе, и он хотел разделить свою судьбу вместе с ними. Все эти события на меня сильно повлияли: я загрустил, появилась ко всему апатия, пропало желание бороться в дальнейшем за успех в жизни, пропал аппетит, я по целым дням не дотрагивался до пищи. Как часто я, лежа в постели, по ночам не спал, думая о прошлом, о друзьях, которых уже не было в живых, о героических поступках кадет во время Гражданской войны, и кто из нас был счастливее — тот ли, кто погиб с улыбкой и верой за правое дело на родной земле, или тот, который, как мы теперь, оказался скитальцем по чужим местам среди чужих людей. Чуткие и добрые люди заметили это, и полковник Жуков доложил директору. Тот, узнав от доктора, что я страдаю еще к тому же от старого ранения в ногу, распорядился отправить меня в сербский санаторий для военных в местечко Иледжа. Там я провел целый месяц в компании сербских подофицеров.

***

Генерал Адамович был незаурядным человеком. Он, может быть, по мнению кадет, мог чудить и иметь любимчиков или вызвать чувства оскорбления у кадета, но он был талантливым организатором и педагогом. Конечно, генерал любил кадет и понимал их, иначе он не смог бы с нами справиться, а он справлялся. Нужно согласиться, что

среди нас находились и неисправимые или, вернее, неподходящие для корпуса и его репутации. Корпус надо было сохранить и поднять его престиж. Были среди кадет одиночки, которые не понимали этого или просто не хотели с этим считаться. Не все имели желание и призвание стать учеными, математиками или инженерами. Раньше, правда, призвание или профессия было чем-то определенным для каждого со дня рождения, и это была служба Родине. Теперь же каждый из нас должен был сам найти свой путь без посторонней помощи, в чужой стране и среде, к чему-то приспособиться и как-то войти в жизнь и окружающее его общество. Задача нелегкая, и многие не могли ее разрешить. Единицы кончали самоубийством, даже после окончания корпуса. Большинство оказалось, как говорят, не в своей тарелке, обиженные судьбой. Только меньшинство из нас нашло свое место в жизни с помощью друзей и родственников.

Какое должно было быть терпение и любовь к нам у полковника Жукова. Он часами читал нравоучения, беседуя с провинившимся кадетом, вместо того чтобы записать его в журнал, вынести на заседание педагогического комитета и поставить плохой балл за поведение. Мы шутя эти разговоры называли — «Жуков вызвал поговорить по душам».

Бывало довольно часто, что генерал Адамович, гуляя в городе во время отпуска, встречая кадет, останавливал их и приглашал в кондитерскую на чашку кофе. Хотя я и не состоял в списке любимчиков директора, но все же удостоился в мою бытность в Сараево быть его гостем. В разговорах с начальством я не всегда был искренним. Меня считали шалуном, может быть, по натуре, но неиспорченным...

Самой большой заботой директора Адамовича была ссора между киевлянами и одесситами из-за цука и родных корпусу традиций. Одесский корпус еще с давних времен усвоил традиции Елисаветградского кавалерийского училища, то есть цук... У киевлян этой традиции не было, не было у них и цука. Адамович считал, что если искоренить цук, то и ссора прекратится и вражды больше не будет, поэтому он хотел убрать всех, кто с ним в этом не соглашался, и только поднять свой авторитет среди педагогического состава...

Можно считать, что Одесский корпус перестал существовать уже после эвакуации в Ростов. Если мы потом и собрались в здании Одесского корпуса, то состав кадет уже был не тот. Многие уже побывали в армии или прибыли из других корпусов. Цук, как и другие традиции, существовали не только в Одесском корпусе, и поэтому кадеты разделились на признававших и не признававших их. Я лично, выросший в кавалерийской военной среде, не видел в цуке никакого унижения. Среди военных всегда было законом, что младшие беспрекословно

подчинялись старшим и старались им во всем подражать. Одного слова начальства было достаточно, чтобы броситься в бой не щадя своей жизни. Все мы — и те, кто подчинялся цуку, и те, кто не подчинялся, — одинаково стремились и жаждали служить Отечеству и Престолу, и это нас всех объединяло...

В конце сентября 1920 года в Сараево приехал Регент Александр. На смотру приняли участие наши две роты. Генерал Адамович вел нас на параде впереди на коне... Кадеты прошли блестяще и были удостоены похвалы Регента... Хорошая выправка и подтянутость кадет завоевали симпатию населения. Это произошло в то время, когда Европа братались с красными и радовалась нашим поражениям на Родине.

В конце учебного года я сдал все экзамены и перешел в 7-й класс. Старший класс покинул корпус. Многие уехали в Белую Церковь, где стояло Николаевское кавалерийское училище, а другая часть поехала в Белград и записалась в университет...

Весною 1922 года я окончил Сараевский корпус... В середине лета я получил извещение, что могу поступить в Николаевское кавалерийское училище, и сейчас же уехал в Белую Церковь. Здесь мои записи обрываются, в училище я их уже не вел...

ЭВАКУАЦИЯ ОДЕССКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА В ЯНВАРЕ 1920 ГОДА[120]

Ко дню эвакуации Одессы, 25 января (ст. ст.) 1920 года, в здании кадетского корпуса размещались не только одесские кадеты, но и 2-я рота Полоцкого корпуса, а также и Киевский корпус, вывезенный в Одессу после занятия Киева красными. Киевляне были размещены на третьем этаже корпусного здания, сохранив свой офицерский и преподавательский персонал, который покинул Киев вместе с ними. Они жили обособленно своей жизнью; исполняющим должность директора был полковник Линдеман[121], а в Одесском корпусе директором был полковник Бернадский, военный юрист по образованию.

С начала января уже начали ползти тревожные слухи о приближении фронта к Одессе; 22 января генерал Шиллинг[122] отдал приказ об эвакуации. Трудно сейчас судить, было ли что-нибудь предусмотрено для вывоза корпуса или нет. Одни говорят, что полковник Бернадский не проявил настойчивости и упустил все возможности и сроки, другие думают, что в порту не было никаких судов для корпуса и что его судьбой никто не занимался. Так или иначе, в нервном и бесцельном ожидании прошли и 23, и 24 января, и только с утра 25-го были отправле-

ны в порт подводы с личными вещами кадет и персонала, под охраной двух взводов 1-й роты Одесского корпуса и кадет-полочан, под общей командой полковника М.Ф. Самоцвета, командира 1-й роты. С ними ушли несколько младших кадет и часть персонала с семьями. Немного позже, по приказу полковника Кадьяна[123], были посланы в порт самостоятельно кадеты 1-й роты Киевского корпуса, в числе 20 человек, без офицеров. Обе части добрались до порта с большим трудом, так как в городе уже шла стрельба и нападения на отряды белых, проходившие через Одессу. Кадеты и все скопившиеся в порту подверглись жестокому пулеметному обстрелу со стороны Воронцовского дворца; были ранены кадеты-киевляне Полянский и Левицкий, а также дочь офицера Киевского корпуса Анечка Порай-Кошиц. Был убит один кадет-киевлянин, но фамилию его установить не удалось.

Все кадеты и чины персонала обоих корпусов были подобраны английским крейсером «Церес», но все привезенное имущество пришлось бросить на молу, где оно было разграблено. Позже на тот же «Церес» было погружено и Сергиевское артиллерийское училище; имеются сведения, что накануне эвакуации начальник училища присылал в корпус предложение идти в порт вместе с юнкерами и под их охраной, но полковник Вернадский отклонил это предложение по неведомым причинам. Еще раньше посадки кадет на «Церес» туда же были приняты младшие кадеты-киевляне, сразу же пересаженные оттуда на баржу, но об этом будет рассказано ниже.

После отхода «Цереса» из порта все кадеты и чины персонала были пересажены в открытом море на пароход «Рио Негро», который и довез всех до Салоников, откуда поездом они были отправлены в Югославию и, через Белград, доставлены в Панчево. По дороге, на узловых станциях, какие-то организации, в том числе и русские, кормили кадет. В Панчеве все были размещены в здании школы, где во дворе находились русские солдаты, возвращавшиеся в Россию. В скором времени кадет-киевлян (взвод 1-й роты) перевезли в Сисак, вблизи от Загреба. При проезде через Белград они встретились со своими младшими кадетами, привезенными из Болгарии, и все вместе были доставлены в Сисак, а одесские и полоцкие кадеты остались в Панчеве.

В тот день, 25 января, в здании Одесского корпуса остались еще 1-й и 3-й взводы 1-й роты и почти все младшие кадеты, числом около 350 человек, вместе с большинством офицеров и преподавателей с их семьями. Они должны были двинуться в порт позже; осталось совершенно непонятным, для чего нужно было делить корпус на две неравные части и подвергать оставшихся риску быть отрезанными от порта, что как раз и случилось. Судьба их описана ниже, в отдельном очерке. Но никто

не знал, что на верхнем этаже здания находятся забытые и оставленные всеми младшие кадеты Киевского корпуса, в количестве около 130 человек, от 1-го до 5-го класса. Они были буквально забыты, и с ними не оставалось никого из воспитателей. Почему так получилось, выяснить невозможно, как и многие другие события этого дня, полного трагических ошибок и упущенных возможностей.

Утром 25 января два кадета 5-го класса, Василий Гончаров[124], коренной аракчеевец, и Иван Латышев[125], киевлянин, видя такое положение, по своей инициативе собрали всех оставшихся в здании кадет-киевлян и построили их для выхода в порт. Эта сборная рота вышла из здания корпуса около 10 часов утра; проходя мимо Сергиевского артиллерийского училища, Гончаров и Латышев решили вооружить более рослых и крепких кадет и с этой целью повернули строй в здание училища, где достали винтовки и продолжали свой путь в порт. Чтобы маленькие кадеты не отставали и не терялись, Гончаров и Латышев по очереди менялись местами, один шел впереди строя, другой позади.

По улицам уже шла стрельба и бродили группы «струковцев», банды атамана Струка, и шайки местных большевиков и уголовных элементов. Брат И. Латышева, Сергей, описавший эти события, бывший тогда в составе пулеметной команды, проходившей специальный курс стрельбы из английских пулеметов «виккерс» и «льюис», увидел эту группу кадет уже в порту, строем в одну цепочку, уже при погрузке на тот же английский крейсер «Церес». Его брат, в кадетской фуражке и в полушубке, стоял с винтовкой у трапа, пропуская мимо себя сначала малышей, потом тех, кто был старше.

Пропустив последнего, И. Латышев тоже двинулся, чтобы пройти на крейсер, но был остановлен английским матросом, видимо решившим, что он не кадет, а просто сопровождающий солдат. Настало короткое препирательство, и матрос толкнул его пинком в грудь. И. Латышев немедленно дал сдачи, и настолько успешно, что матрос отлетел на несколько шагов, и тогда Латышев спокойно прошел на крейсер. Его брат с пулеметчиками воспользовались этой заминкой и тоже поднялись на «Церес». Матрос всех пропустил, явно не желая повторения того, что с ним только что случилось, а войдя сам на палубу, втянул на нее сходни. Кадеты с «Цереса» сразу же сошли на баржу, стоявшую у его правого борта, а маленькая группа пулеметчиков осталась на крейсере, в ожидании решения своей дальнейшей судьбы.

Вскоре начался обстрел порта, и пули стали щелкать по броне крейсера. Простояв еще некоторое время, «Церес» отошел на внешний рейд. К ночи пулеметчики были выгружены на маленький катерок, который бросало на волнах как мячик, так что они едва могли

на него сойти. Погода все более свежела, поднялось сильное волнение, и катер пошел в море искать транспорт «Анатолий Молчанов». Промерзнув и буквально заледенев от холода, они через час нашли транспорт и, прыгая на сильной волне у борта на своей скорлупе, после долгих криков, ругательств и угроз, добились того, что им был спущен трап, по которому они вскарабкались на высокий борт транспорта. Наутро увидели, что к ним подходит большой черный пароход: это был английский угольщик «Вотан».

Скоро загрохотали цепи лебедок и началась погрузка угля. Во время этой работы, совершенно случайно, С. Латышев обнаружил, что его брат и вся группа кадет-киевлян находятся на «Вотане»; было сразу же решено, чтобы ему перебраться к ним. Оба судна разделяли 5—6 метров пропасти, через которую был переброшен трап. Сначала перекинули вещевой мешок, но английский матрос бросил его обратно, что-то процедив сквозь зубы. Тогда решили выждать темноты; мостки оставили на ночь, так как погрузка угля была не закончена. И с наступлением темноты благополучно, хоть и с риском слететь в море, Латышев перебежал по качавшимся мосткам и присоединился к брату и к кадетам.

Скатившись в трюм, он нашел в угольной яме своих товарищей-кадет, отогревавших руки у электрических лампочек. Большой люк был открыт, и ледяной ветер гулял по трюму. Кадеты кучками, греясь друг о друга, лежали прямо на железном полу или подгребали под себя уголь, все были вымазаны, голодны и крепко мерзли. С ними не было никого из воспитателей корпуса, никто не знал, куда их повезут и где выгрузят. Тут же в углу трюма, в английской шинели и кое-как прикрытый кадетскими одеялами, лежал офицер, которого кадеты единодушно признавали своим начальником и относились к нему с большим уважением и заботой. Это был много раз раненный и еще не оправившийся от ран офицер-доброволец, почти не встававший со своего жесткого ложа. Кое-как проведя ночь в угле и на железе, утром увидели, что подходят к какому-то пароходу, выглядевшему, по сравнению с угольщиком, как нарядная яхта для прогулок. Это был болгарский пароход «Царь Фердинанд»; перебросив трапы, англичане сразу же перевели на него кадет.

Здесь их поместили тоже в трюме, но в болгарском сене, куда все с удовольствием зарылись. Здесь уже находились чины Гражданского управления Одесского военного округа, судебные власти и др. Все они были уютно устроены, с запасами галет, консервов и прочих богатств. Тут кадетам пришлось проявить самоуправство и завладеть несколькими ящиками с галетами и консервами, так как никто не подумал поделиться с ними едой. Так прошли еще двое суток; в море разыгрался шторм, и

пароход сильно качало. Лишь на третьи сутки, к полудню, вошли в порт города Варны и с нетерпением стали ожидать высадки. Но вместо этого им объявили карантин и вывесили желтый флаг.

На следующий день на молу появился русский полковник, одетый в форму мирного времени. Он обратился к кадетам, стоявшим у борта, и сказал, что он был в Киевском корпусе помощником инспектора классов, что он займется ими и что скоро их выгрузят. И действительно, не прошло и двух дней, как кадеты строем, с песнями, промаршировали к их новому становищу, школе Св. Лаврентия. Там они устроили свое жилье, сдвинув в углы школьные парты и расстелив солому. Из этой школы их водили разгружать консервы, и они ежедневно строем, с пением «Соловья» и с подсвистом, шагали в народную столовую и приучались к балканской пище с фасолью. Полковник Протопопов, как звали их неожиданного попечителя, продолжал заниматься их судьбой.

В Варне они пробыли около двух месяцев, и, наконец, их погрузили в поезд и повезли через Софию в Белград. Там они прожили некоторое время в оставленных санитарных бараках за военным госпиталем. Затем их снова погрузили в поезд, соединив со старшими кадетами-киевлянами, привезенными из Панчева, и повезли в Хорватию, в город Сисак, в 40 километрах от Загреба, где разместили в военных казармах. Постепенно туда стали прибывать другие кадеты, воспитатели и преподаватели, стали медленно налаживаться порядок и дисциплина. С назначением генерала Адамовича директором Сводного Русского кадетского корпуса, остатки всех трех корпусов в Сисаке и в Панчеве стали кадрами одного военно-учебного заведения, которое в июне 1920 года было объединено и устроено в Сараеве.

Одесские и полоцкие кадеты, оставшиеся в Панчеве, в помещении школы, жили в примитивных условиях, лишенных каких-либо удобств: места было мало, комнаты были переполнены, кровати стояли даже в коридорах, помещения скудно освещались карбидом, есть приходилось из котелков, сидя на кроватях. У входа в школу каждое утро появлялись разносчики, и кадеты покупали у них молоко, маленькие булочки «кифли» и другую еду. Кое-какие деньги у многих водились, так как ухитрялись продавать остатки белья и одежды. При помощи нашего военного агента, генерала Артамонова[126], были получены гимнастерки и брюки, обмотки и серые шинели солдатского сукна. Ежедневно делались занятия, но не было ни книг, ни тетрадей. Но несмотря на бедность во всем, и даже в питании, в младшие классы были приняты новички, а также прибыло несколько кадет других корпусов, в том числе три серба, бывшие кадетами в России: Сумского корпуса Др. Живкович и Р. Адамович, и Нижегородского — Вл. Петкович. Один

из новичков, Клемантович, скоро утонул, купаясь в Тамише, и тело его нашли только через несколько дней. Эта первая смерть маленького кадета на чужбине очень всех опечалила, и ее долго не могли забыть.

После всего пережитого, после почти поголовного участия в Гражданской войне кадетская среда переживала глубокий нравственный кризис, который выразился, к сожалению, в упадке дисциплины и в неспособности быстро втянуться в размеренную жизнь и в занятия, даже в тех скромных размерах, которые существовали в Панчеве. Поэтому, когда в Панчево прибыл генерал Адамович, назначенный 10 марта 1920 года директором корпуса, и когда с первых же дней он начал применять резкие и суровые меры, в кадетской среде родилась такая же резкая реакция, которая выразилась в ряде очень прискорбных событий. Генерал Адамович ответил на них исключением из корпуса «генерала выпуска» и этим еще больше накалил атмосферу.

После целого ряда событий 23 кадета 1-й роты заявили о своем желании быть отправленными в Крым, на что разрешения не последовало. В Панчево приезжал военный агент, генерал Артамонов, и долго беседовал с кадетами, уговаривая их отказаться от желания уехать, но они продолжали упорствовать. Наконец, для них было получено разрешение, и они уехали. Оставшиеся вызывались по одному человеку в канцелярию и должны были отвечать на вопрос генерала Адамовича: хотят ли учиться и подчиняться корпусным порядкам или же нет? Все оставшиеся ответили утвердительно, и тогда постепенно стало наступать успокоение.

Через некоторое время стало известно, что корпусу предоставлено удобное помещение в городе Сараево и что всех скоро туда отправят.

В то время, когда происходили описанные события, никому из тех, кто покинул Одессу морским путем, не была известна судьба большей части кадет и чинов персонала Одесского корпуса, не попавшей в порт и оставшейся в корпусном здании. Описанию этой судьбы посвящена следующая глава.

А. Росселевич[127]

ОТХОД ОДЕССКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА НА РУМЫНСКУЮ ГРАНИЦУ В 1920 ГОДУ[128]

К концу 1919 года жизнь в Одесском корпусе стала тяжелой. Кормили плохо, средств не было, здание не отапливалось, и в помещениях было нестерпимо холодно; запасов обмундирования не оставалось,

все ходили в том, в чем приехали, и наша 1-я рота представляла собой зрелище необычное. Многие были во фронтовой одежде или в смешанной с кадетской, другие сохранили еще кадетскую форму, а некоторые добавляли к ней отличительные знаки добровольческих частей, в которых они были на фронте. Хотя кадеты Одесского корпуса и были в большинстве, но наряду с ними собралось много кадет и других корпусов, откомандированных из армии для продолжения образования. Необходимо отметить, что между всеми нами сразу же установилось согласие и тесное товарищество. Одесские кадеты немедленно приняли всех нас в свою семью и отнеслись к нам дружелюбно и по-братски.

К январю 1920 года положение на фронте стало угрожающим. Добровольческая армия отходила, фронт рушился, Одесса была обнажена, в самом городе обстановка была тревожной. В отпуск стали пускать только группами, и 1-й роте было приказано брать с собой винтовки. Помню, как однажды одну такую группу, в которой был и я, обстреляли из одного дома, но, к счастью, никого не ранили. В некоторые районы города было опасно ходить даже вооруженными группами.

Приказ об эвакуации Одессы был отдан, кажется, еще 22 января, но никаких приготовлений в корпусе не делалось. Колебания и нерешительность директора корпуса, полковника Вернадского, привели к тому, что корпус упустил все возможности погрузиться на пароход, под прикрытием юнкеров Сергиевского артиллерийского училища, взяв с собой корпусное имущество и личные вещи. Только лишь с раннего утра 25 января стало известно о приказании бросить все и погрузить корпус на пароход, для следования в Крым.

Передовые части красных были уже в 7 верстах от Одессы, орудийная стрельба доносилась совсем отчетливо. Часам к 11 утра, 25 января, перестрелка перенеслась в центр города. После ухода в порт части кадет с подводами выяснилось, что в городе восстание и что нам, оставшимся, пробиться в порт не удастся. Известия об этом, вместе со всевозможными паническими слухами, исходили от беженцев и разрозненных воинских частей с обозами, которые бесконечной лентой тянулись мимо корпуса, по Б. Фонтанской дороге. Сообщали даже, что наши кадеты до порта не дошли и были все перебиты восставшей чернью. Полковник Бернадский вызвал из 1-й роты охотников пойти на разведку по направлению к городу, и так как вызвались все, назначил двух правофланговых, Никольского[129] и меня. Через минуту приказание было отменено... Видя эти колебания, исполняющий обязанности вице-фельдфебеля Тарасенко 1-й[130] вывел роту на плац перед корпусом. Винтовки нам были выданы еще с утра, несколько обойм патронов каждый засунул по карманам, так

как подсумков не было. Настроение было нервное, общее желание было все же пробиваться в порт. Полковник Бернадский перед строем, испуганный и волнующийся, стал оттоваривать от необдуманных действий и напомнил о том, что мы не имеем права покинуть младших кадет. Наконец, к 2 часам дня, видя, что дальнейшее промедление грозит гибелью, полковник Бернадский отдал приказ о выступлении на румынскую границу.

Чуть ли не последними мы покинули окраину города и включились в поток повозок. Имея впереди младших кадет и чинов персонала с женами и детьми, наша полурота шла в арьергарде с заряженными винтовками. Ждали обстрела в спину. Дул ледяной ветер, неся с собой мелкие льдинки и затрудняя дыхание. В каком-то месте дороги открылся вид на море, и мы увидели цепь пароходов и иностранных военных судов, уходивших с рейда. Стало еще более жутко, и мы впервые поняли, насколько безнадежно было наше положение.

Пройдя 15 верст, к вечеру мы пришли в Люстдорф и с трудом разместились в ледяном здании какой-то школы. С утра ничего не ели, ни вещей, ни какой-либо еды не было ни у кого. Поздно ночью нас разбудили: оказалось, что какая-то часть приготовила для кадет кашу. Закусив, улеглись снова на пол, пока в 6 часов утра общее выступление не заставило и нас продолжать путь. Наша полурота была отряжена для охраны обоза полковника Мамонтова, который не надеялся на своих солдат; кажется, это произошло или без ведома, или вопреки желанию директора. По-прежнему дул сильный ветер, неся снег и льдинки; полковник Мамонтов повел нас какими-то боковыми дорогами и через замерзшие поля. Не помню, в чем выразилась наша охрана обоза; может быть, даже мы до него не дошли и как-то нас снова вернули к корпусу. Перейдя Сухой Лиман, на полчаса остановились в Малой Аккерже, после чего, усталые, замерзшие и голодные, к 12 часам дня пришли в Большую Аккержу, где была назначена дневка. Все колонии, через которые мы проходили, были совершенно опустошены проходившими частями, и достать продовольствие было невозможно.

Опять нам отвели пустую школу, и мы, достав соломы, устроились отдыхать. Несмотря на холод и усталость, настроение поднялось, то и дело слышались остроты и шутки; не хотелось верить в безнадежность положения и казалось, что еще немного, и мы попадем на румынскую территорию, а оттуда в Сербию. Немного отдохнув, я и Стойчев захватили винтовки и отправились по хатам искать хлеба. Только на краю колонии что-то достали, но деньги от нас отказались взять. Вернувшись, поделились хлебом с друзьями и случайно узнали, что где-то, в какой-то хате, можно поужинать. Собрав все свои деньги, отправились туда впя-

тером; действительно, нам дали хороший и сытный ужин за 15 рублей с человека, а в Одессе уже коробка папирос стоила 30 рублей! Уходя, заказали себе еду наутро и заплатили вперед... но ночью, в 12 часов, нас неожиданно подняли. Оказалось, что красные части окружают колонию и все отряды уже уходят на Овидиополь.

Мы выступили в путь; ночь была темная и ледяная. Выслали дозоры вперед и в стороны, по одному человеку; я попал направо, с приказанием стрелять, если замечу что-либо подозрительное. Идя один по линии телеграфных столбов, в полной темноте и по колено в снегу, я скоро потерял представление о том, где находится наша колонна, и, дойдя до места, где телеграфная линия расходилась налево и направо, запутался окончательно. На мое счастье, где-то впереди блеснул слабый огонек: как оказалось, кто-то закуривал папиросу. Собрав силы, пошел в том направлении и с трудом выбрался на дорогу со свежими следами прошедших отрядов. Наконец, догнав нашу роту, я явился к полковнику Рогойскому (Полоцкий кадетский корпус), заменявшему командира 1-й роты. Оказалось, что уже давно все дозоры были отозваны и что меня искали, но я отбился далеко и ветер относил в сторону звуки выстрелов, которые давали как сигнал для меня.

Снова потянулась темная дорога, ветер со снежной пылью и черная, ледяная ночь вокруг. На полчаса остановились в деревне Выселки; в одной из хат собралось нас несколько кадет. Крестьянин смотрел враждебно и не хотел впускать, пока не пригрозили ему винтовками. Тепло и возможность посидеть и покурить заставили нас позабыть обо всем, пока случайно заглянувший в хату солдат не сказал нам, что последние части уже покидают деревню. Мы бросились догонять; через 18 верст, ранним морозным утром, добрались до Овидиополя. Все хаты и дома были уже заняты, и кадетам едва-едва удалось разместиться в холодной школе, уже переполненной артиллеристами. Весь день оставались голодными, ни в одной хате ничего достать не удалось. Вечером нам приказали сдать винтовки коменданту, так как завтра с утра был намечен переход через замерзший лиман, на румынскую сторону, в Бессарабию.

28 января, в 8 часов утра, мы спустились на лед Днестровского лимана и пошли к Аккерману, видневшемуся на другом берегу, на расстоянии приблизительно 10 верст. По-прежнему дул ледяной ветер, но солнце ярко сияло и, отражаясь на льду, слепило глаза, идти было трудно, ноги мерзли и скользили. Пройдя около половины лимана, мы услышали один за другим два орудийных выстрела, и вблизи Овидиополя разорвались два снаряда, пущенные румынами. В тот момент никто не понял значения этих выстрелов, но потом выяснилось, что они были

сделаны как предупреждение о том, что румыны отказываются впустить в Бессарабию русские части. На льду лимана находились и двигались к Аккерману не только Одесский кадетский корпус, но и громадное количество беженцев, повозок и воинских частей. Вся эта масса в несколько тысяч человек темной стеной медленно подвигалась по льду, и перепуганные румыны, вероятно, решили не пропускать никого, даже и тех, у кого были пропуски.

Не доходя около 2 верст до берега, после особой ледяной насыпи-границы, мы остановились, и полковник Бернадский поехал на санях в Аккерман, для переговоров с румынскими властями. Ждать на льду нам пришлось около часа, замерзли мы еще больше, к тому же и голод мучил все сильнее. Наконец вдали показались быстро несущиеся сани; в них стоял наш директор и возмущенно крикнул, что румыны отказываются нас принять и требуют, чтобы через 3 минуты все русские покинули румынскую площадь льда и ушли за линию границы, в противном случае угрожают открыть орудийный огонь. Требование это было не только возмутительным, но и невыполнимым, так как самому полковнику Бернадскому потребовалось уже свыше 3 минут, чтобы доскакать до нас.

Не успели мы сделать и 100 шагов обратно, как за спиной раздался выстрел, низко над головами пронесся снаряд и ударил в лед, шагах в 20 от нас, как раз в интервал между нашими 1-й и 2-й ротами. Все бросились бежать, ожидая следующих выстрелов и опасаясь, что треснувший лед начнет ломаться. Помню, что сильный взрыв, столб воды и осколки льда слегка оглушили меня и заставили зажмурить глаза; когда я их снова открыл, глазам представилась жуткая картина. В громадную прорубь с разгона влетели сани, и мы услышали крики о помощи. Несколько кадет — Авраменко, Голиков[131], Худобашев[132], Гродский[133], я и др. — бросились туда. В проруби, среди осколков льда, плавали сани и бились трое людей и две лошади с окровавленными головами, обезумевшие от боли и холода. На скорую руку мы связали вместе наши пояса и вытащили всех троих, одного за другим. Это были двое мужчин и молоденькая сестра милосердия. Края льда ломались под нами, и Гродский и я сами провалились, и наша одежда стала быстро покрываться льдом. Особенно тяжело было вытащить одного большого, грузного старика в тяжелой шубе. Когда мы подбежали, он вытащил что-то из-за пазухи и бросил на лед со словами: «Спасите хоть это, не мне — так вам!» Я поднял сверток и машинально сунул в карман, собираясь потом отдать его обратно. Но через минуту, оступившись в воду, чувствуя, что замерзаю сам, я позабыл обо всем, и, когда в воде остались одни полуживые лошади, ка-

деты погнали меня и Гродского бежать к русскому берегу, чтобы мы согрелись хоть движением.

Остальные понесли спасенных. Вернувшись в Овидиополь, в нашу школу, я обнаружил в кармане этот сверток. Это оказался бумажник, завернутый в кусок сукна: в нем было 3600 рублей, пропуск в Румынию и документы на имя немецкого колониста Шмидта. Я передал все это полковнику Рогойскому и просил его вернуть владельцу, но через полчаса он пришел обратно и сказал, что старик умер и что эти деньги я могу оставить у себя, так как их все равно некому передать. Собравшись компанией в 5—6 кадет, знавших про историю этих денег, мы отправились на поиски еды. Уже поздно вечером мы встретили на улице какого-то человека, который привел нас к себе и за все эти деньги продал нам по стакану самогона на каждого и немного хлеба.

В течение ночи опять произошли переговоры с румынами, и утром, 29 января, мы снова пошли по льду в Аккерман. Около двух часов пришлось ждать на середине лимана, недалеко от памятной проруби, из которой торчала замерзшая голова лошади. Шедшие сзади нас польские беженцы были пропущены вперед, за ними двинулись кадеты. На пристани нас поместили в какой-то деревянный барак, и опять мы ждали около полутора часов. Какой-то румынский офицер притащил корзину с бутербродами и вино и начал нам это раздавать. Затем, по одному, нас вводили в здание портовой комендатуры и подвергали обыску. Когда все было кончено, уже почти вечером, строем и под конвоем, нас повели в город и поместили в здание гимназии. По всему нашему пути стояла громадная толпа народа, сплошь русских; все молчали и никто не решался при румынах выразить нам сочувствие.

Во дворе гимназии полковник Бернадский произнес речь и провозгласил здравицу за Румынию и за короля Фердинанда; никогда еще мы не слышали такое жидкое и неохотное «Ура!».

Уже наступила ночь, и кое-как мы расположились спать на полу. Вдруг, часов в 11 ночи, здание наполнилось вооруженными румынскими солдатами, и командовавший ими офицер, явно сконфуженный, объявил нам, что комендант отменил свое разрешение и приказал немедленно всех русских вернуть в Овидиополь, который, по словам солдат, уже занят красными. Мы наотрез отказались, среди маленьких кадет послышался плач, дети были измучены настолько, что многие не имели сил встать с пола. Молодой румынский лейтенант стал по-немецки говорить кадету Кривошеину, моему соседу, что они все нам сочувствуют, но не могут ослушаться приказа, стал совать кому-то в руки свой портсигар... но после нашего вторичного отказа в здание была

введена рота с пулеметами. Пинками и прикладами нас, 1-ю роту, отделили от младших и от офицеров, вывели на двор и, окружив тесным кольцом, угрожая штыками, повели на берег, опять на лед. Только там было получено по телефону разрешение, уже не помню как и почему, дать нам переночевать до утра; нас снова вернули в гимназию, где все считали нас уже погибшими.

В 7 часов утра, 30 января, провожаемый издевательствами румын, Одесский кадетский корпус, в составе 310 кадет и 45 чинов персонала с их женами и детьми, снова перешел ледяной лиман и вернулся в Овидиополь. Мы шли через лед, ожидая встретить в Овидиополе большевиков, но оказалось, что наши войска еще там. В полдень нам сообщили, что наше командование формирует отряд для наступления на Одессу; полковник Мамонтов, начальник штаба отряда полковника Стесселя, предложил корпусу вызвать из числа кадет 1-й роты желающих вступить в отряд. На вызов отозвались все, кроме пяти больных. Всего вошло в отряд 48 кадет, при 4 офицерах: полковник Рогойский (Полоцкого кадетского корпуса, инвалид без одной руки), капитаны Реммерт (Суворовского кадетского корпуса), Зеневич и штабс-капитан Сидоров (оба Одесского кадетского корпуса). С нами пошли также и четыре кадета младших классов — Гума, Сахно-Устимович[134] и двое Смородских, братья нашего кадета 1-й роты, пошедшего с нами.

В отряд входили разнообразные части и формирования: эскадрон Лубенских гусар, партизаны полковника Лукина, отряд полковника Стесселя, части отряда атамана Струка (вскоре перешедшие к красным), кажется, 15-я конная батарея, броневик «Россия», отряд Шульгина «Возрождение России» и многие другие, не считая отдельных людей. Поздно ночью 31 января, почти на рассвете, мы простились с корпусом и с младшими кадетами: на следующий день они пошли в Одессу, к красным, потеряв надежду на спасение. Об их судьбе мы узнали только много лет спустя.

Получив на рассвете винтовки и патроны, мы вошли в отряд полковника Стесселя, под названием 2-й роты отряда полковника Алексеева. Несколько кадет были назначены в пулеметную команду, но скоро вернулись, так как пулеметы были испорчены, кроме, кажется, одного «льюиса», которым занялся кадет Никольский. Мне выпала честь одеть на штык линейный значок Одесского корпуса, который до этого был у кадета Критского[135], моего друга по 2-му кадетскому корпусу. Весь отряд насчитывал до 5000 человек, но далеко не все имели винтовки, а у многих они были без штыков. Патронов было мало; отряд был обременен почти пятиверстным обозом, не имевшим отношения к армии. Бесконечно длинная вереница повозок была на-

гружена домашним скарбом беженцев, включая даже граммофоны, провизии не было ни у кого, с нами шли и ехали женщины и дети.

Выступили в 6 часов утра 31 января в направлении деревни Беляевки. Сквозь сумрак, при скупом свете луны, вдали виднелась водонапорная башня, откуда-то спереди донесся тревожный звук колокола, били в набат: рабочие Беляевки решили не пропускать нас и оказать сопротивление. Пока стояли на месте, все мы, кадеты, от страшной усталости улеглись в кучу и немедленно заснули. Сквозь сон время от времени нам слышались крики «передать по колонне...», кто-то проезжал мимо, кого-то вызывали... все это оставило смутное воспоминание и все заслонялось одним лишь желанием — спать и спать!

Не желая нести напрасных потерь, генерал Васильев, командовавший всеми нашими силами, решил свернуть с пути и, вместо наступления на Одессу, идти на Тирасполь, для соединения с генералом Бредовым, отходившим на Польшу. Около 4 часов утра, измученные, голодные еще со вчерашнего утра, мы продолжали путь. Весь поход помнится как сплошной кошмар — Маяки; в голове колонны шел броневик «Россия». Не доходя до Маяков, отряд свернул на Беляевку, так как стало известно, что Маяки заняты красными. Погода стояла морозная; путь шел по вспаханному, промерзшему полю, идти по замерзшим комьям земли было и трудно, и больно, но надо было идти, и мы шли. Справа показалась колокольня колонии Петерсталь, тоже занятой красными, откуда нас заметили и открыли по колонне орудийный огонь. Снаряды, поставленные на удар, рвались то близко, то дальше, но вреда не причиняли. Один снаряд пролетел как раз перед нашей ротой, и мы видели, как он прошуршал по снегу и зарылся в сугроб, не разорвавшись.

В один переход мы проходили от 7 до 10 верст, всего за день делали около 40 верст. Шли то по дорогам, то через поля, ни о какой еде, конечно, не было и речи. Время от времени передовые части останавливались, а за ними постепенно и остальные, и весь наш громадный и бесполезный обоз. Большинство немедленно ложились на землю, друг на друга, и сразу же засыпали хоть на несколько минут.

К Беляевке подошли около 1 часа ночи 1 февраля. Весь поход я помню как сплошной и мучительный сон; обманывали голод, подбирая на полях редкую мерзлую картошку, ели снег и кусочки грязного льда. То один, то другой кадет падали без сил, теряя сознание от голода и от боли в истертых ногах. Винтовка казалась свинцовой. Уже на рассвете я не выдержал, отошел на край дороги и присел. Почти сразу погрузился в сон; отряды, повозки и отдельные люди медленно и равнодушно тащились мимо, никому не было дела до отставших. Помню,

я очнулся от толчка и увидел над собой женское лицо в косынке сестры милосердия. Оказалось, что это была та, которую мы спасли из проруби под Аккерманом. Она увидела мой синий линейный значок Одесского корпуса и поняла, что я кадет. Она посадила меня на свою повозку и дала крохотный кусочек хлеба и рюмку спирта. Когда я пришел в себя, меня взяли в экипаж, в котором ехали лишь две дамы, и с их помощью мне удалось догнать кадетскую роту.

Часам к 2 дня подошли к деревне Выселки. На недалеких холмах показалось несколько всадников, по-видимому, конная разведка красных. Пришлось выслать цепь для отражения показавшихся вдали большевиков, в эту цепь вошли 12 кадет. Остальной отряд расположился в деревне до полуночи, после чего путь продолжался в прежних условиях. Во всех деревнях мы узнавали, что красные их только что оставили, и всюду находили их свежие следы и даже захватили нескольких отставших. Близость красных была такова, что наш броневик несколько раз поворачивался и открывал огонь через наши головы. То и дело на холмах показывались всадники: красные окружали нас кольцом и медленно шли за нами.

2 февраля, к 9 часам утра, мы вошли в большую колонию Кандель. Нас, кадет, поместили вместе, в одной хате. Удалось достать муку, картошку и хлеба, стали что-то сообща варить, надеясь потом залечь спать. Но вдруг послышалась орудийная стрельба, снаряды стали рваться на улицах. Красные, продолжая беглый огонь из орудий и пулеметов, начали наступление на колонию. Нам было приказано перейти в контратаку, и, бросив чистить свою картошку, мы вышли в поле. Усталость, голод, все было забыто, послышались остроты и шутки. Кое у кого оказались краюхи хлеба, которыми на ходу стали делиться с товарищами. Из всего отряда в несколько тысяч человек в бой пошли не более двух, трех сотен, остальными овладела паника, и большинство бросилось спасаться. Кадетской роте достался почти центральный участок; выходя в поле, мы сразу попали под сплошной дождь пуль, которые противно посвистывали вокруг. Мой синий флажок на штыке был слишком яркой целью, и капитан Реммерт приказал его снять. Кроме него, с нами был и полковник Рогойский; два других наших офицера, Зеневич и Сидоров, отстали от колонны еще ночью, и никто не знал, где они и что с ними.

Мы рассыпались в цепь и залегли в конце поля, в межевой канаве. Вдали, на холмах, виднелись густые цепи красных, несколько пулеметных тачанок и группы конных. Почти первыми нашими выстрелами мы заставили замолчать один из пулеметов. Хорошо работал наш Никольский со своим «льюисом», настроение было бодрое, и, слава богу, никто из

кадет еще не пострадал. Но были раненые среди офицеров, занимавших соседний участок, и, когда перестрелка стала затихать, мы помогли их перенести в деревню, куда вскоре была отведена вся наша цепь. Сразу же кадетскую роту послали в соседнюю колонию Зальц, только что брошенную красными. По полю лежало много убитых, ковыляла с перебитой ногой какая-то белая лошадь, валялись вещи и винтовки. По приходе в Зальц кадет Лампси[136] и я нашли в одной хате очень радушных крестьян, которые начали нас кормить. Это была первая настоящая еда за четыре дня, и мы с жадностью на нее набросились.

В этот момент снова послышалась стрельба: красные начали наступление, и нас опять бросили в бой. Силы красных намного превосходили наши. Это была пехотная дивизия и конная бригада Котовского, поддержанные огнем бронепоезда, находившегося где-то далеко, на каком-то железнодорожном пути. Наша жидкая цепь была уже почти без патронов, штыки были не у всех.

Красные были совсем близко, был виден какой-то всадник с большим красным флагом, гарцевавший среди цепей. С непрерывным «Ура!» мы двигались вперед, и красные стали отходить, осыпая нас градом пуль, причем выстрелы слышались и спереди, и сбоку, то и дело издалека нарастал гул летящего снаряда, которые рвались за нашей цепью и в деревне. Пришло известие, что наш правый фланг обходят и что он отступает под угрозой конной атаки красных. Чтобы не разрывать цепи, полковник Рогойский приказал нам отходить.

Один за другим стали падать раненые кадеты. Упал смертельно раненный в голову Клобуков (Одесский кадетский корпус); упал, но встал и пошел с цепью легко раненный в ногу Стойчев[137] (Одесский кадетский корпус); был убит Григороссуло (Орловский кадетский корпус) и тяжело ранен в ногу и в кисть правой руки наш пулеметчик Никольский (Одесский кадетский корпус). Упал с тяжелой раной в живот Никитин Евгений (Ташкентский кадетский корпус) и в мучениях стал просить нас его пристрелить. Я увидел, как над ним склонился Рогойский и как несколько кадет бросилось к нему, чтобы перенести в деревню, но в это время второй пулей его убило.

Все время отстреливаясь и ведя своих раненых, то задерживаясь, то снова отходя, мы подошли к крайним дворам колонии. Видя, что настроение падает, Рогойский приказал построиться. Под непрерывным огнем мы подравнялись, как на строевых учениях в корпусе, потом раздалась команда: «На 4 шага дистанции, налево — разомкнись!» Мы снова залегли в цепь; из деревни принесли ящик патронов, и мы снова открыли огонь. Стало легче на душе, наши воспитатели, Рогойский, без одной руки, и Реммерт, все время были среди нас. Реммерт закурил папиросу

(свою последнюю и заветную, как он потом говорил), потом передал ее мне, и так она обошла нескольких человек. Снова поднялось настроение, а Рогойский, несмотря на то что по нас вели пристрелку пулеметы, продолжал свое строевое учение: «Справа по одному, перебежку начинай!» Снова пошли вперед, имея за спиной стену кладбища. Красные стали отходить, не решаясь атаковать и не выдерживая нашего «Ура!». Начинало темнеть, и меня послали обойти левую часть цепи и узнать, какими силами располагают находящиеся в деревне. Там я нашел 10—15 человек, большинство их было кадеты. Красных пришлось выбивать из каждого двора, трупы их лежали повсюду, и мы снимали с них патроны. Несколько раненых сами протягивали нам свои патроны и говорили, что они не коммунисты, а мобилизованные, просили их не убивать. С наступлением ночи бой кончился и красные отошли в колонию Страсбург, отрезав нам дорогу на Тирасполь.

Меня и еще шестерых кадет (Авраменко — Воронежского кадетского корпуса, Патон — Полоцкого кадетского корпуса, Голиков — Одесского кадетского корпуса, Худобашев — Тифлисского кадетского корпуса и кто-то еще) послали в заставу, в крайнюю хату в направлении Страсбурга. Первым дежурил у ворот Худобашев, его сменил я. Ночь была черная и мглистая, в степи беспрерывно крутила метель; вскоре я увидел вдали какие-то неясные тени... как будто из степи шли несколько человек. Я их окликнул: «Кто идет?» В ответ послышалось: «А кто спрашивает?» Я поднял винтовку и повторил окрик, добавив, что буду стрелять; несколько минут длились эти пререкания, каждая сторона опасалась открыться первой, не зная, с кем имеет дело. Наконец, из темноты послышалось: «Сорок восемь!» — и я догадался, что это белые, так как у нас была часть 48-го пехотного полка.

Сменившись около 1 часа ночи, я вернулся в хату и немедленно заснул. Проснулся скоро, сильно стучали в окно и в дверь. Это был какой-то вольноопределяющийся, который сообщил, что еще вечером весь отряд перешел на другой берег Днестра и во всей колонии остались лишь наша и еще другая застава, о которых забыли. Сон моментально исчез, и мы бегом бросились к берегу Днестра. По дороге к нам присоединились еще несколько кадет и полковник Рогойский. По крутому спуску сошли на лед: он был тонкий и трещал под ногами, надо было спешить его пройти. Рогойский приказал разомкнуться на 15 шагов и бежать. Фигуру идущего впереди не было видно в темноте, никаких следов не оставалось, и пришлось двигаться наугад. Кое-как, но все перебрались на другой берег. Предстояло идти на деревню Короткое, куда ушел весь отряд. Этот 12-верстный переход прошли по-

чти бегом. Дорога была усеяна брошенными вещами, подводами, попадались пачки украинских денег, никому уже не нужных, даже одно Евангелие.

Во время этого перехода, перед рассветом, нагнали полковника Рогойского и кадета Патона, которые сидели и отдыхали на краю дороги. Мы подошли к ним — Рогойский казался измученным и совершенно без сил. Мы стали уговаривать их подняться и идти, предлагая Рогойскому взять его под руки, но он приказал нам не задерживаться и сказал, что встанет и пойдет с помощью Патона, который подтвердил, что не оставит своего воспитателя. Больше мы их не видели, да и сами передвигались, едва соображая, что мы делаем.

В Коротном мы нашли значительно уменьшившийся отряд и наших кадет: из 48 человек уже осталось лишь 39, при последнем офицере, капитане Реммерте. Уже после полудня, снова перейдя по льду рукав Днестра, весь отряд остановился в плавнях на румынской границе. Здесь мы простояли целый день до ночи, ожидая темноты, чтобы перейти границу и войти в Бессарабию хотя бы силой. Целый день на льду, среди камышей, без пищи и теплой одежды, мы измучились до крайности. В отряде многие были босы и полураздеты, раненые и больные второй день оставались без перевязок и все время на ногах. Пытались разводить костры, но сырой камыш не горел и лишь дымил. От начальников отрядов, отправившихся к румынам для переговоров, не было известий до самого вечера. Между тем красные приближались все ближе, Коротное было ими уже занято, в плавнях среди обоза начались грабежи и разбой, то и дело слышались выстрелы.

Кадеты делали все возможное, чтобы сохранять спокойствие и порядок, и инстинктивно держались вместе. Наконец, около 8.30 часов вечера кем-то было передано приказание строиться и переходить границу. Длинная вереница теней погружалась в мрак, при жуткой и зловещей тишине. Дорога была убийственная: изрытая глубокими ухабами и покрытая замерзшей, кочковатой грязью, она заставляла стонать и падать от каждого неверного шага, сделанного истертыми до крови ногами. Дорога казалась мучительно бесконечной; помню, кусты, деревья и камыши по сторонам, помню, что каждая группа деревьев казалась нам в тумане домами, а когда подходили ближе, то видели, что это те же бесконечные кусты и деревья и что перед нами та же мерзлая дорога, постепенно подымавшаяся в гору. Наконец потянулись длинные, низкие изгороди. К полуночи, после последнего крестного пути, то, что называлось еще недавно Добровольческой армией, эта измученная и обезумевшая толпа людей, силой заняла деревню Раскейцы и кое-как расположилась по хатам.

Помню низкую, грязную хату, в которую набилось 12—15 кадет; угрюмый молдаванин злобно на нас глядел и делал вид, что не понимает по-русски. В сенях нашли мешок с сахарным песком и съели его, пополам со снегом, потом заснули как убитые. На рассвете нас разбудил треск пулеметов с трех сторон. Свист пуль поднял панику: румыны обстреливали нас с окружавших холмов. Шла стрельба и из некоторых хат, где румыны вооружили часть молдаван, упорно стремясь вытеснить нас из деревни. Низко нагнувшись за плетнями, мы стали пробираться к выходу из деревни. Над головами посвистывали пули; шедший впереди меня кадет Трофимов[138] (Одесский кадетский корпус) упал, легко раненный пулей, скользнувшей по плечу, шее и щеке. Подняли его и пошли пробираться дальше. Был ранен в руку Толмачев[139] (Одесский кадетский корпус); отморозил ноги кадет младшей роты Сахно-Устимович, все время шедший с нами.

У входа в плавни капитану Реммерту удалось собрать вокруг себя всех кадет. Положение казалось безвыходным. На наших глазах люди сходили с ума, многие кончали самоубийством. Недалеко от нас полковник Новицкий, вскочив на подводу, собрал вокруг себя большую группу добровольцев и обратился к ним с призывом: «Выхода нет! Румыны нас не пропускают! По ту сторону плавней нас караулят красные! Собирайтесь вокруг меня, составим банду Новицкого! Женщин, детей, раненых — бросить! Кто может носить оружие — за мной!» Видя, что представляют собой эти до крайности измученные люди с издерганными нервами, капитан Реммерт приказал нам держаться вместе и если придется, то следовать за отрядом Новицкого, а пока выжидать. В это время мимо, по дороге из деревни, показался одиноко идущий генерал Васильев. Подойдя к нему, капитан Реммерт спросил его, неужели нет никакой надежды спасти кадет? Мы все встали, отдали честь, генерал на ходу поздоровался, поблагодарил за Кандель и сказал, что румыны имеют распоряжение пропустить кадет. Генерал пошел дальше; потом уже мы узнали, что он застрелился за поворотом дороги, после разговора с нами.

Взяв с собой двух кадет и сделав белый флаг из какой-то тряпки, капитан Реммерт снова пошел к Раскейцам, приказав нам не сходить с места и ждать. Мы остались близ дороги, прячась за кусты и в канавах, так как стрельба то и дело разгоралась снова. Ждали почти до вечера. Истомившись от долгого ожидания, стали думать, уж не убили ли Реммерта по дороге? Решили пойти на разведку, вызвались я и Кривошей, с нами же пошел полковник Фокин, отец нашего кадета, прошедший с нами весь поход. Мы прошли около версты к деревне; дорога была усеяна брошенными вещами, валялись винтовки, и то

там, то здесь лежали убитые и застрелившиеся. Из-за группы деревьев вышла к нам хорошо одетая женщина и со смехом приглашала взглянуть на ее мужа. Мы увидели тело офицера, лежащего на земле, с револьвером в руке; жена сошла с ума над телом мужа. Из-за поворота дороги показался румынский патруль, дальше виднелись другие, грабившие убитых. Первое, что они сделали, — это потребовали, чтобы полковник Фокин отдал им свои золотые часы, после же этого удалось объяснить им, что мы «элевы» (ученики) и что наш офицер пошел к ним в деревню. С трудом удалось понять, что наш Реммерт находится в Раскейцах, что нас действительно принимают и что он ждет вечера и конца обстрела, чтобы вернуться за нами.

Вечером Реммерт вернулся и приказал идти в Раскейцы: оказалось, что полковнику Вернадскому удалось в Аккермане послать телеграмму Румынской королеве Марии с просьбой пропустить в Румынию корпус, но комендант Аккермана не позволил дождаться ответа, и он пришел тогда, когда мы уже шли по Херсонским степям. Отвечая на телеграмму, королева прислала одновременно своего доверенного человека, г-на Волкова, с поручением заняться нашей судьбой и облегчить нам переезд в Сербию. Не найдя корпус в Аккермане и узнав все, что произошло, Волков отправился вверх по течению Днестра, надеясь напасть на следы хотя бы отдельных кадет. Богу было угодно, чтобы он попал в Раскейцы как раз тогда, когда произошло то, что описано выше. Только чудом можно объяснить и это, и то, что Реммерт увидел генерала Васильева, одиноко шедшего к своей смерти, и задал ему свой вопрос, казавшийся тогда таким бесцельным.

Реммерт приказал нам разобрать и испортить затворы винтовок, и мы, уже в сумерках, двинулись обратно в Раскейцы. На половине дороги навстречу нам шла в плавни длинная процессия раненых, которых румыны заставили тоже покинуть деревню. Впереди, с флагом Красного Креста, шла с каменным, скорбным лицом сестра милосердия, за ней шли, ковыляли и ехали на нескольких повозках раненые и больные. Сзади ехал экипаж, в котором сидели две дамы, а на козлах солдат-кучер в красных погонах.

Видя, что мы идем в деревню, и не зная, что нас пропускают, раненые кричали нам, что мы идем на верную смерть и что румыны нас не пощадят так же, как не пощадили и их. Мы шли молча, не смея поднять глаза, и тогда, догадавшись, они стали молить нас взять их с собой. Но что мы могли сделать, когда и наша судьба еще казалась нам сомнительной! Много позже до нас дошли слухи о том, что часть раненых спаслась, отряд же Новицкого был весь перебит красными, другие же погибли и замерзли в плавнях; только отдельным

людям, очень немногим, удалось спастись и перебраться в Бессарабию в других местах.

Скорбная процессия раненых была последним видением, которое запечатлелось в нашей памяти на русской земле. Это было 4 февраля, а вышли мы из Одессы 25 января; в поход из Овидиополя выступило 48 кадет при 4 офицерах, да еще четверо младших кадет. В Раскейцах спаслись 39 кадет (в том числе и все младшие), с одним лишь офицером, да еще прибавился к нам полковник Фокин, которого мы выдали за корпусного офицера.

Из Раскейцев нас перевезли на подводах в Аккерман, где поместили сначала в тюрьму, но после бурного протеста с нашей стороны перевели к вечеру в здание школы, где установили тоже почти тюремный режим. Отношение румын было неизменно грубое и хамское, но русское население проявило к нам трогательную заботу и внимание. В начале марта нас перевезли поездом в город Рени и поместили в русских санитарных вагонах на запасных путях, на берегу Дуная. Здесь мы потеряли кадета Гроховского, умершего от брюшного тифа в Страстную субботу. Из Рени нас увезли 13 апреля в Бухарест, где нас встретил генерал Геруа, военный представитель Главного командования. Нас построили на вокзале, перед вагонами, и начштаба, полковник Вишневский, огласил приказ генерала Геруа, после чего были награждены 6 Георгиевскими крестами и 4 Георгиевскими медалями те кадеты, чьи имена были названы нами самими еще в Рени, после запроса из Бухареста. Были награждены посмертно Никитин и Клобуков, затем раненые Стойчев, Толмачев, Никольский и обмороженный Сахно-Устимович, а также и долго не соглашавшиеся Тарасенко 1-й, Лампси, Авраменко и Северьянов[140]. Генерал Геруа объявил в заключение, что всех нас, остальных, как воинскую часть, исполнившую до конца свой долг, он представляет к Георгиевским крестам, а капитана Реммерта к производству в чин полковника, но, не имея права сделать это своей властью, посылает представление в штаб Главнокомандующего.

После этого, оставив в Бухаресте наших раненых и больных, мы рано утром поехали на границу Югославии, через Плоешти, Турн-Северин и Темешвар. Границу переехали в городе Жомболь и, наконец, 25 апреля прибыли в Панчево, где находились одесские и полоцкие кадеты, спасшиеся морским путем. У всех нас были на глазах слезы, когда грянуло нам навстречу «Ура!», — на платформе увидели строй наших кадет, полковника Самоцвета и других офицеров, взволнованных не меньше нас самих. Мы выскочили из вагонов и попали в объятия наших товарищей, которые уж не надеялись увидеть нас снова.

Прошло с тех пор уже 50 лет; многих из нас уже нет в живых, одни погибли в Крыму, другие умерли в эмиграции. Но, вспоминая об этом походе, считаю долгом отметить, что доблестное поведение 1-го и 3-го взводов 1-й роты Одесского кадетского корпуса было бы немыслимо в этой кошмарной и безнадежной обстановке, если бы они не принадлежали к кадетской семье. Товарищеская спайка, сознание долга, строгая дисциплина, присутствие духа и находчивость, — все это дало корпусное воспитание, которое сделало нас единственной боеспособной частью на фоне всеобщего развала и отчаяния.

Все пережитое отошло уже давно в область воспоминаний, многие отдельные события забылись, но никогда не изгладятся из памяти туманные, заледеневшие плавни, дорога, идущая в гору, сошедшая с ума женщина, вышедшая к нам из-за деревьев, и эта глубоко трагичная процессия раненых, которых вчерашние союзники гнали на гибель туда, где хозяйничали красные и мародеры.

Е. Яконовский[141]

ПОСЛЕ КАНДЕЛЯ[142]

До Раскеец совсем близко — мы отошли от села версты на полторы и входим в него еще засветло, подавленные трагической встречей. Улицы пустынны, как вымершие. Только лают собаки и идут из труб дымки.

Нас встречают румыны. С ними лохматый мужик в остроконечной шапке, вероятно, староста, так как он разводит нас по хатам, переговариваясь с хозяевами по-молдавански.

В моей хате шесть человек третьего взвода. Хозяин, черномазый молдаванин, неприветлив, почти груб. За еду требует «николаевскими», которые еще ходят в Бессарабии. «Николаевских» у нас нет, и кто-то жертвует свои кальсоны. За кальсоны получаем мамалыгу, сало и хлеб. Боже... какой пир... В последний раз мы что-то ели в Аккермане. Прошло десять дней с момента выезда из Одессы по Овидиопольской дороге. С тех пор корпус погиб — даже страшно подумать, что с ним случилось за эти дни. Мы дрались под Канделем, погибли наши товарищи, погиб, по-видимому, и сам полковник Рогойский.

А в хате тепло, почти уютно, и пресная мамалыга кажется именинным пирогом.

Засыпаем вповалку на соломе. Ночью шум, крики, пинки солдатских сапог. Неужели снова «айда русски на пой»? Нет. Просто сол-

даты румынской королевской армии пришли грабить русских кадет. Их интересуют наши карманы и одежда, главным образом черные кадетские брюки. Бумажники у нас пустые, черные брюки, к счастью, не у всех — я, например, в темно-голубых бриджах из бумазеи, уже лопнувших на коленке, а галунные мундиры не останавливают внимания наших любезных хозяев.

В кармане моей шинели нашлась забытая обойма. Солдат бьет меня обоймой по голове, должно быть, от досады — ни часов, ни денег у этих нищих. Солдаты уходят, ругаясь по-румынски. Трое из нас остаются в кальсонах, и у меня голова в крови. Ночные визитеры побывали почти во всех занятых нами хатах, и наутро добрая треть из нас без штанов и уже окончательно без вещевых мешков. Слава богу, что успели вовремя поменять пару кальсон на мамалыгу.

Утром собирают на главной площади, в верхней части села. Стараемся уверить себя, что все уже позади, что больше нас выгнать не могут, что есть приказ по всей границе о нашем принятии, что о нас знает сама королева Мария. Мороз градусов в двадцать. Стоим, построенные по ранжиру, как всегда, по привычке. Капитан Реммерт и полковник Фокин тут же. Раненые Стоичев и Никольский сидят на завалинке. Неужели не выгонят?

Вот из дома, над которым висит румынский флаг, выходит офицер в знакомом уже нам сером кепи. С ним два штатских и военный в незнакомой форме, с белым орлом на фуражке. Поляк?

Все четверо подходят к нашим офицерам. Говорит военный с белым орлом. Нам, в строю, не слышно. Военный, конечно, поляк. Не говоря об орле, фуражка его характерной четырехугольной формы, которую у нас, в России, неправильно называли «конфедераткой», настоящее ее название — «рогатувка». Видно, что штатские и военный к нам расположены. Румын мрачен и надут. Откуда-то появляются хлеб и сало, даже вино, как в Аккермане. По очереди подходим за своей порцией. Кажется, не выгонят, так как уже собираются подводы. Очевидно, для нас. Не повезут же нас к Котовскому на молдаванских подводах? На одной из подвод — целый ворох одеял. А вот городская коляска, и в ней одинокая молодая дама. Смотрит на нас. Платок у нее в руке, и она то и дело подносит его к глазам. Кругом солдаты в остроконечных шапках.

Узнаем, что военный — польский консул из Аккермана, а штатские — канадский и итальянский из Кишинева. В Раскаецы они опоздали на несколько часов. Их присутствие спасло бы, может быть, злополучный отряд генерала Васильева. С румынским капитаном они говорят как с подчиненным. Итальянец даже кричит, — он черный,

значит, итальянец — он, так как другой штатский — блондин, — когда на крестьянской подводе к дому подвозят закоченевший окровавленный труп в одном белье. Потом мы узнаем, что это наш застрелившийся в плавнях офицер с аристократической балтийской фамилией. Итальянец продолжает кричать, когда нас сажают на подводы. Милый польский офицер едет с нами. Слава богу. Подвод много, можно расположиться удобно. Одеяла очень кстати на страшном морозе. Садимся. У раздетых из-под шинелей видны кальсоны. Итальянец пальцем показывает румыну на этот странный на двадцатиградусном морозе туалет.

Двинулись. Едем в Аккерман, из которого нас выгнали на лед лимана пять дней назад.

Едем быстро вдоль Днестра. Дорога то и дело выбегает на реку, за которой Котовский, а в плавнях которой замерзают остатки отряда генерала Васильева... Замерзали бы и мы без милого поляка, экспансивного итальянца и их молчаливого канадского коллеги. Как потом оказалось, они по собственному почину, вооруженные копией телеграммы, отправились нас искать к бессарабской границе.

Стучат колеса по мерзлым кочкам и ухабам. Трясет. Бедный Никольский глухо стонет. У него раздроблена кисть левой руки, и от тряски он очень страдает.

Молчим. Как-то отупели от всего пережитого. Не верится, вопреки очевидности, что нас не гонят на левый берег, что мы на этот раз спасены.

Впереди, на бричке, польский консул, сзади, в коляске, молодая дама, которая только что плакала. Говорят, что ее маленький сын был в четвертой роте и, таким образом, остался с корпусом в Овидиополе. Она уже несколько дней как ищет корпус по границе. В Аккерман она опоздала, как опоздала на день телеграмма королевы Марии.

Привал и обильный обед в немецкой колонии над Днестром. У немцев чисто и уютно. Они сами не только приветливы, а просто сердечны. Какая разница с грязными и грубыми молдаванами и с цыганообразными солдатами в остроконечных шапках. Кажется, за все платит консул. О нем мы уже знаем, что он сам из Полоцкого корпуса и русский уланский поручик. Теперь — ротмистр. Между его бричкой и нашими подводами едут румынские жандармы. Они же замыкают колонну впереди коляски молодой дамы, изолируя нас даже от наших спутников.

Вечером — ужин в другой немецкой колонии, где мы проводим ночь. Нам стелят на полу перины, дают подушки. Нет, кажется, действительно, на этот раз кошмар кончился. Со светом выезжаем даль-

ше, после ячменного кофе с молоком и белого хлеба с маслом. Печальная дама все с нами.

Снег, ухабы, белая линия Днестра, окаймленная голыми ивами плавней. Стонет Никольский. Снова завтрак у радушных немцев, и опять стучат колеса по замерзшим выбоинам дороги.

Но вот слева кончаются плавни, круче становится правый бессарабский берег, по которому идет дорога, и вдруг открывается вид на лиман. Там, чуть видный в сером дне, далекий и низкий русский берег и Овидиополь, где утром 31 января мы оставили младшие роты с полковником Бернацким.

Что с ними? Где они? Конечно, в Овидиополе давно уже большевики, пришедшие со стороны Одессы. Похоронным покровом ледяной туман застилает русский берег. Кто может ответить на эти вопросы? Безысходность щемит сердце, недавние воспоминания заставляют его бешено биться, только недавно заснувший страх поднимается снова и леденит кровь.

А на правом, теперь «нашем» берегу вырастает цитадель старой турецкой крепости, которую видно из Овидиополя, к которой с такой надеждой шли мы 29 января.

Колеса подвод тарахтят уже по булыжникам мостовой. Город странно пуст. Даже закрыты окна. Должно быть, румыны не хотят, чтобы нас видели.

Приезжаем очень скоро. Головная подвода с жандармами останавливается перед... тюрьмой.

— Айда, русски...

Слезаем, разминая онемевшие от неудобного сидения и холода ноги. В тюрьму так в тюрьму. Лишь бы не на лед лимана, не туда, где низкий берег еле виден за туманом. Кажется, больше нет никаких сил: ни моральных, ни физических. Если скажут идти на лед — ляжем на булыжную мостовую перед тюрьмой.

Тюрьма даже успокаивает. Раз в тюрьму, значит, серьезно решили нас у себя оставить. Но румыны забыли нашего поляка. Уланский поручик весь побагровел от ярости. Самые отборные польские ругательства посыпались на жандармского унтер-офицера вперемежку с румынскими словами.

Румын не понимал, разводил руками. Должно быть, у него был приказ, но в Раскаецах он видел, как его капитан почтительно разговаривал с иностранными офицерами. Этот же офицер поил его водкой в дороге. Вмешалась печальная дама из коляски. Консул говорил ей по-русски, а она, наверное смягчая, переводила румыну. Тот отвечал почтительно, но оставался при своем. Ему было приказано отвезти нас в

тюрьму и сдать. Он маленький жандармский унтер-офицер, и его миссия этим ограничивалась. Поручик махнул рукой. Действительно, при чем тут был жандармский унтер-офицер?

— Господа, — громко сказал поручик, — я еду сейчас в комендатуру, с вами, сударыня, если разрешите, — он поклонился в сторону дамы, — и даю вам честное слово офицера, что вы здесь не останетесь.

Нас ввели в тюремные ворота.

Сидели в большой и пустой холодной камере. Дверь не заперта. Похоже, что тюремные власти ждут решения коменданта, и решение это должно быть быстрым.

— Ну, что он придумал, наш ротмистр? Еще разозлит румын, и они нас выгонят на лед...

— Разве здесь плохо? Посидели бы, пока не узнал бы про нас королевич Александр и не потребовал бы нас к себе в Сербию.

Прошел час, может быть, два. Звон шпор по каменным плитам. Счастливое лицо польского офицера.

— Кадеты, вам отводят помещение в городской школе. Через час вы туда перейдете. Я с вами останусь здесь до самого конца.

Обступаем его тесной группой. Видно, что ему очень хочется нам помочь и дальше.

— Я напишу сегодня в Варшаву, в министерство. Вас, наверное, примут в кадетский корпус в Модлине, в Новогеоргиевске, — переводит он на старый, русский лад.

Милый славный уланский поручик, и ротмистр, и консул Речи Посполитой. Никому мы в Варшаве не нужны, как не нужны в Румынии. Может быть, по старой дружбе примет нас сербский королевич? Все же ты останешься первым и единственным, который отнесся к нам с ласковой дружбой старшего товарища к младшему, приободрил, успокоил, защитил, как мог. И даже пригласил в Варшаву, не спросив себя, будет ли уж так доволен твой вождь, «дед» Пилсудский, получить полсотни молодых «москалей»?

Действительно, прошло не больше часа, как за нами является наш старый знакомый, жандармский унтер-офицер. С ним хороший взвод жандармов с примкнутыми штыками. Он, видимо, ждет, чтобы совсем стемнело, так как выходим мы не сразу.

Прощаемся с польским консулом. Его мы больше не увидим.

Холодная луна просвечивает через туман. Морозная сырость пронизывает насквозь. Совсем как эти дни. Только не чувствуется тяжесть винтовки за плечом.

— Айда, русски...

Но это не выгоняют, наверное, не выгоняют. Все-таки липкая жуть снова поднимается в груди — а что, если все же?

Но нет. Мы идем по спящему городу, по булыжной городской мостовой, и вдобавок мы идем в противоположную от Днестровского лимана сторону. Идем не долго, но с трудом. Растертые ноги кровоточат, усталые мускулы едва повинуются, каждый шаг молотом отдается в мозгу.

Одноэтажное здание со двором, в раскрытые ворота которого нас вводят. Крыльцо, передняя с двойной дверью. Из открытой двери вырывается в темноту передней яркий свет и дышит настоящим теплом.

А внутри, у самовара, около которого суетятся нарядно одетые, совсем как до семнадцатого года, дамы, горы бутербродов.

Итак, с вечера 6 февраля мы живем в помещении бывшей приходской школы. Для кадет отведены две комнаты с нарами. Наши офицеры занимают третью, столовая — пятую, шестую и седьмую — румынский караул, целое отделение жандармской пехоты, а центральный зал без окон, с дверьми во все комнаты — в общем распоряжении. Там нам делают перекличку, когда это вздумается караульному унтер-офицеру.

Мы получаем румынский солдатский паек, но на самом деле его съедают румынские жандармы, так как с первого дня нас кормит, и как кормит, аккерманский дамский комитет, почти исключительно еврейский. Русскую культуру и вообще Россию в оккупированной румынами Бессарабии представляют и, пока с успехом, защищают евреи. Офицеров больше нет, чиновников румыны выгнали, помещики сидят по своим имениям, городским мещанам, вдобавок наполовину молдаванам, бороться с румынским произволом не под силу, и с момента ухода Дроздовского на Дон единственной защитницей языка Пушкина в Бессарабии оказалась еврейская буржуазия.

Вот почему сидят элегантные дамы в нашей столовой и нас закармливают давно забытыми по ту сторону Днестра деликатесами. У нас появилось хорошее белье, и мы не вертели крученок из махорочных окурков. Разговаривать с нами не разрешают. В столовой всегда унтер-офицер или капрал, но мы знаем, что в городе говорят «наши кадеты», «для наших кадет». От комитета же и доктор, старый, благообразный еврей. Нами он доволен. Вздыхает: что значит молодость.

На второй или третий день ведут в баню. Насекомых у большинства из нас не было. Не успели набраться. Помню, я не смог найти. Проклятые ботинки, переделанные еще в прошлом году в Белгороде из

английских танков на модные штиблеты, совершенно исковеркали за поход мои ноги, и я не смог их надеть, когда нас повели в баню.

Зажили в тепле, в довольстве, во вдруг нахлынувшей на нас безмерной апатии. Днями лежали на нарах без мыслей, без желаний, почти без движений, в каком-то летаргическом сне, который прерывался чаем, обедом и ужином.

Румыны из караульного помещения нас почти не тревожили. Поедая наш румынский паек, они были слишком довольны такими удобными арестантами.

Правда, в уборную, которая находилась во дворе, водили под конвоем, и сопровождающий солдат держал винтовку на изготовку.

Никаких новостей мы не имели. Что творилось в такой близкой и уже такой далекой России? Что сталось с корпусом? С группой Самоцвета? Нам не давали даже русских книг.

Понемногу мы отходили от десятидневного кошмара. Нашлась гитара. Ее хозяин, Лялька Скалковский[143], пронес ее из Одессы на спине, никогда с ней не расставаясь и даже не повредив. Начали петь хоровые песни длинными, еще зимними вечерами. У дверей нашей комнаты собирались свободные от караулов жандармы. Слушали почтительно и с удовольствием. Потом пошли анекдоты, королем которых был единогласно признан моряк Расташинский, и свои собственные, еще не сложные, истории.

Начали вспоминать поход и Кандельский бой, волновались жуткой судьбой младших рот, надеялись на спасение Самоцвета в Одесском порту.

Появились больные. Первым заболел тифом Сергей Тарасенко[144], брат нашего фельдфебеля. Дня три он лежал на общих нарах, до визита нашего доктора. Комитет немедленно предложил взять его в частную больницу, но румыны отправили его в городскую, и уже зависящую от румынской администрации. Через несколько дней с сильнейшей температурой Тарасенко оттуда сбежал и кое-как добрался до школы. Так и отлежался на нарах до полного выздоровления.

Прошел февраль. Как-то сразу наступила весна. По ночам было слышно, как с треском лопался лед на лимане. Больше не погонят. Грохот ломающихся льдин был для нас символическим. Пели, скучали, рассказывали друг другу свою жизнь, еще очень короткую, знакомились, дружились и отталкивались друг от друга. Пятьдесят юношей, пятьдесят характеров, столько же надежд. Железные обручи одинакового воспитания и одной и той же традиции крепко сковали случайную бочку, в которую вылилась бродящая, молодая брага. Ни ссор, ни лишних слов, ни, разумеется, драк. Их давно у нас не было, в

старших ротах российских корпусов, копировавших военные училища. Их не было и в Аккермане, несмотря на пятьдесят характеров, втиснутых в две небольшие комнаты.

Прошел ледоход, и не грохочет больше по ночам со стороны лимана.

У вод лазоревых лимана,
И у дунайских берегов,
И на вершинах Дагестана
Изюмских видели орлов...

— Сугубый, форму Изюмского полка.

Цук входит в моду в Аккермане. Без приседаний и без вращения, конечно. Нельзя же перед румынами. А вот «формочки», «полковые журавли», истории полков и анекдоты разгоняют скуку.

Кроме скуки, где-то в глубине души еще шевелится тревога. Почему нас не везут в Сербию? Что мы делаем здесь, в Аккермане, в девяти верстах от Овидиополя?

Наконец, это было уже в марте, первая радостная весть. Колонна полковника Самоцвета, второй и четвертый взводы первой роты, добрая половина второй — она пошла тогда, утром 25 января, в порт, в качестве «грузчиков», — и киевляне спасены... Подробностей нет, но все уже в Сербии, где организуется корпус и куда скоро поедем и мы. Итак, первая рота спаслась почти целиком, так же как и часть второй. Ура...

Считая нас, вырвалось из Одессы больше двухсот кадет Одесского корпуса и полтораста киевлян. Около пятисот осталось там, на той стороне лимана, с полковником Бернацким. Несколько человек остались лежать в кандельских оврагах. Их, наверное, похоронили немцы-колонисты. Хотя вот рассказывает кто-то, что будто бы в лимане нашли труп без головы, в кадетском мундире, и даже предполагают, что это наш бедный Клобуков — из убитых он был один в мундире.

А вот и вторая новость: нас перевозят на Дунай, в Рени. Еще не в Сербию, но все же подальше от Днестра и от лимана.

И действительно. В середине марта нас ведут на вокзал, под усиленной охраной жандармов, по пустым — по-видимому, это румынская специальность — улицам. У жандармов винтовки наперевес, на манер Павловского полка.

Перед выходом мы прощались с комитетскими дамами и даже спели им «многая лета». Это очень понравилось румынскому полицейскому комиссару, которого за штатский костюм, за щупленькую фигуру и закрученные кверху маленькие усики мы прозвали «парикмахерским подмастерьем». Он что-то пошептал на ухо одной из наших дам.

— Господа кадеты, — обратилась к нам дама немного сконфуженно, — господину инспектору очень хочется, чтобы вы ему тоже спели «многая лета».

Спели «многая лета» и «господину инспектору». Слушал он смирно и весь сиял от удовольствия.

Потом собрали свои пожитки. Узелки с аккерманским бельем, пакеты с комитетскими бутербродами. Выстроились во дворе школы. Теперь уже нет сомнений: румынская полиция не хочет, чтобы нас видело население Аккермана. Бессарабия — румынская. Румыния — великая нация. Пятьдесят полураздетых русских кадет могут напомнить аккерманскому населению, что вчера здесь была Великая Российская территория, и оно, чего доброго, подумает, что вчера было лучше.

Вокзал пуст, как и улицы. Дают отдельный вагон третьего класса, стоящий далеко на запасных путях. Пока вагон маневрирует, нам не позволяют подходить к окнам.

Наконец стучат буфера и гремят цепи сцепления. Почти сразу поезд трогается. Хочется кричать «Ура!», но боимся жандармов. С нами их всего пять, во главе с унтер-офицером.

От Аккермана, по-румынски Четаця-Альба, железнодорожная линия поднимается к северо-западу, в сторону Кишинева. Не доезжая Кишинева, на станции Бессарабская, отходит ветка на Рени, Галац и Браилов, острым углом на юго-запад. Вагона нашего не перецепляли: поезд был прямой Четаця-Альба—Бухарест, через Рени, бывшую русскую пограничную станцию.

Один из кадет стоял на площадке вагона, когда поезд подходил к Бессарабской.

— Бессарабская!.. — крикнул он на кондукторский манер. — Поезд стоит двадцать минут. Горячий буфет.

Засмеяться мы не успели. Жандармский унтер-офицер схватил его левой рукой за воротник, а правой, сжатой в кулак, с силой ударил по лицу.

— Бесарабиа... Бесарабиа... — Он еще раз его ударил и толкнул в грудь.

Мы стояли кругом, бледные и подавленные. Потом кадет тихо плакал на скамейке вагона, сплевывая кровь из разбитой челюсти, а мы стояли у окон, стараясь на него не смотреть. Было стыдно, больно и горько.

Перед окнами пробегали знакомые русские пейзажи. Хатки с соломенными крышами, журавли у колодцев, окруженные тополями, белые церковки. Зеленели уже еще совсем молодые хлеба.

А. Стацевич[145]

КИЕВСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ[146]

С начала революции в России, с февраля 1917 года и до конца 1919 года, когда корпус был эвакуирован в Одессу, власть в Киеве переходила из рук в руки не менее десяти раз. За эти три года жизнь корпуса то замирала, то снова оживала, но в общем судьба к Киевскому корпусу была более милостива, чем ко всем другим корпусам, которые из-за революции много раньше совершенно прекратили свое существование.

В первые же дни революции левый писатель Амфитеатров поместил в газете «Киевская мысль» статью под названием «Волчонки», в которой он травил киевских кадет за то, что они не надели красных бантов на общем параде в честь революции, не опозорив ими своих белых погон. Правда, в эмиграции он прозрел, прочтя книгу Зурова «Кадеты», и публично покаялся, признавшись, что «не знал я вас, господа кадеты, честно признаюсь, и только теперь осознал глубину вашего подвижничества».

После происшедшей революции жизнь корпуса продолжалась по инерции вплоть до января 1918 года, когда Киев был занят большевиками, заменившими власть Украинской Центральной Рады, так называемой Директории. Власть исчезла, а с нею и наш духовой оркестр, который украинские сине-жупанники выпросили временно для какого-то предстоящего парада, обещая потом вернуть. Хорошо, что в корпусе было два комплекта труб.

Во время водворения большевистской власти корпус подвергся обстрелу. Был убит кадет 1-го корпуса Ольшанский, незадолго до того прибывший к нам в корпус. Он находился в глубине классного помещения и был убит пулею в голову. Вся кафельная печь, около которой он стоял, была забрызгана кровью и мозгами. По отверстиям в стеклах двойных оконных рам было установлено, что обстрел велся с крыш железнодорожных мастерских, находившихся недалеко и против корпуса. Наш корпус был около вокзала.

Наступая на военные училища — Николаевское пехотное и Николаевское артиллерийское, которые были близко от корпуса, — большевики ворвались в здание корпуса, требуя сдачи винтовок, но таковые были сданы армии еще раньше, когда была нехватка оружия. Убив корпусного врача и оставив несколько красноармейцев в здании, они повели дальше свое наступление. У входных дверей в помещение тре-

тьей роты на полу сидел красноармеец-китаец с винтовкой, направленной в другой конец коридора, где находились кадеты.

С приходом большевиков жизнь корпуса изменилась сразу к худшему. Помимо того что погоны уже были сняты, далее околыши фуражек затянули черной повязкой, и были спороты петлицы на шинелях. Эта мера была даже необходима во избежание эксцессов. Так, в городе на стенах домов были расклеены афиши с заглавием: «Спор большевика с кадетом», под этим названием подразумевались члены Конституционно-Демократической партии, но какой-нибудь проходящий, увидев такой заголовок, не читая всего написанного, по своей невежественности, увидев кадета, в лучшем случае осыпал его руганью, а в худшем случае, что и имело место, давал ему затрещину.

Впоследствии, уже при власти гетмана, когда стало известно об убийстве Государя, — кадеты уже сами обтянули черным вторую пуговицу на мундирах в знак траура, ставя Государя на второе место после Бога. На третьем месте считалась Родина. На парадной лестнице корпуса, на первой площадке на стене находились 3 больших надписи со словами «Бог, Царь, Родина», что очень понравилось Государю, когда в 1911 году он посещал корпус.

В первый раз большевики не долго оставались у власти в Киеве. Через несколько месяцев Украина была занята немцами и установлена власть гетмана, но во время их пребывания, как и повсюду, где они ни появлялись, шли аресты, расстрелы и обыски. Корпусу тоже пришлось туго, то ли большевики не давали средств корпусу, или давали мало, но помнится, что с довольствием дело обстояло плохо.

Спасло отчасти положение наличие при корпусе своего хозяйства, главным образом огородов. Кадеты сами выпекали хлеб. При корпусе образовался «комитет служителей», образовался также и «родительский комитет», задачей которого было изыскание средств для поддержки существования кадет. Для этой цели, с разрешения властей, был устроен закрытый вечер в театре «Гротеск». Собралось много учащейся молодежи. В перерыве между танцами был устроен аукцион, продавались пожертвованные дорогие вещи. Во время аукциона в зале откуда-то появилось два матроса, у одного на шее висел какой-то золотой кулон на цепочке. Узнав, что происходит, они предложили свои услуги, и действительно, с их вмешательством, аукцион пошел усиленным темпом. Уже разыграны были почти все вещи. Наконец, дошло до последней — это была какая-то довольно большая серебряная ваза. Матрос, который вел аукцион, догнал цену на нее до большой уже суммы. Услышав одну из очередных прибавок, которые, кстати сказать, стали медленными, он повторил ее, спросив: «Кто больше?» — и, не

ожидая ответа, быстро посчитал: «Раз, два, три» — и так же быстро передал эту вещь дававшему последнюю цену. Этим последним оказался его же приятель, другой матрос, находившийся рядом с ним. Никто, конечно, не протестовал. Аукцион они провели хорошо и собрали большую сумму денег. Церемонно раскланявшись, они удалились со своим выигрышем.

Возвращаясь с вечера по домам, мы были остановлены большевистским патрулем. Проверив наши документы, они скомандовали: «Бегом марш», мы кинулись бежать. Сзади раздались выстрел и смех. Очевидно, для острастки выстрел был сделан в воздух. Подобного рода вечера устраивались потом в Киевском институте и в одной из гимназий.

Кажется, в апреле стало известно, что вот-вот придут немцы, и действительно, они скоро появились. Киев вздохнул свободно. На улицы вышли толпы народа. Немцы входили без помпы, я не помню, чтобы играл оркестр. Постепенно начала налаживаться нормальная жизнь. Потом появился гетман и одновременно украинские войска, говорили, что это сформированные немцами части в Галиции.

При гетмане корпус был восстановлен и украинизирован. Кадеты носили защитного цвета погоны, закругленные кверху с буквами «В. К.», с трезубцем над ними. Кокарды были украинских цветов — голубого и желтого. Введен был украинский язык как предмет. Начались регулярные занятия, и восстановилась почти нормальная жизнь корпуса.

Так длилось почти до конца года.

С началом революции в Германии находившиеся на Украине немецкие войска начали ее покидать, но в Киеве они еще были довольно долго. Уже по всей Украине шли бои петлюровских войск против гетманских, и скоро фронт подошел к самому Киеву.

В городе начали формироваться отряды для его защиты, главным образом из молодежи. Еще раньше при гетмане почти открыто происходили запись и прием в Добровольческую армию и многие уезжали из Киева на Дон. Петлюровцы были уже очень близко.

Однажды вечером, после поверки, 1-я рота, по приказанию фельдфебеля, построилась и, несмотря на противодействие начальства, под его командой ушла на Печерск — часть города, где происходило формирование. На следующий день директор корпуса генерал Семашкевич пытался вернуть кадет в корпус, но это ему не удалось. Кадеты несли караульную службу и по охране некоторых зданий. Это были последние дни гетманской власти.

Перед взятием Киева, накануне ночью, петлюровцы захватили железнодорожный полустанок Пост Волынский, где находилось много

учащейся молодежи, защищавшей подступ к Киеву, и устроили там кровавую баню. Эта трагедия хорошо описана в книге С. Лифаря (балетмейстера) «Страдные годы». Он сам чудом спасся оттуда.

При входе петлюровцев в город все защитники его были сосредоточены в центре города в Педагогическом музее, на Большой Владимирской улице. Петлюровцы хотели взять его штурмом, но подоспели немецкие войска и их оттеснили. Учащихся отпустили по домам, а остальных немцы вывезли в Германию.

Петлюра недолго пробыл в Киеве, и через несколько месяцев большевики снова, уже во второй раз, его заняли. Опять настало тяжелое время.

Корпус был переименован в гимназию Св. Владимира. Занятия продолжались кое-как. Воспитателей приказано было называть по имени-отчеству, но, несмотря ни на что, дисциплина в корпусе не нарушалась. Сами кадеты ее поддерживали. Кое-как дотянули до весны. Занятия были закончены раньше времени. Кадетам выдали удостоверение в том, что они прослушали курс такого-то класса. Все, кто мог, разъехались. В корпусе осталось незначительное количество кадет, которые не имели никакой возможности вернуться домой. Их свели в интернат, и потом они должны были, оставив здание корпуса, жить в частных домах.

Здание корпуса было занято большевиками, и в нем поместились красные курсанты. На этом жизнь корпуса в Киеве закончилась.

С приходом летом 1919 года Добровольческой армии в Киев воскресла надежда на то, что корпус сразу же возродится, но этому не суждено было сбыться. Большинство старших кадет поступили сразу в Добровольческую армию. Одна батарея была полностью укомплектована киевскими кадетами.

Здание корпуса находилось в запущенном состоянии. После пребывания в нем красных нужен был всеобщий и полный ремонт. Все стены были разрисованы красными звездами и испещрены большевистскими лозунгами. На приведение здания в порядок потребовалось бы много средств и времени, но это все было преодолимо и не эта была главная причина.

Самое главное заключалось в том, что счастье изменило Добровольческой армии. Наступление ее на Москву захлебнулось. Большевики, сосредоточив большие силы, перешли в контрнаступление, и Добровольческая армия начала отступление по всему фронту.

Осенью стало видно, что положение было очень серьезное. Фронт приближался все ближе и ближе, и в начале декабря 1919 года начальник военно-учебных заведений генерал Лайминг[147] отдал приказ Киевскому корпусу эвакуироваться в Одессу.

О предстоящей эвакуации были оповещены как кадеты, проживавшие в Киеве, так и персонал корпуса, и все пожелавшие эвакуироваться собрались в назначенный день в здании корпуса.

3 декабря (ст. ст.) был подведен состав в несколько вагонов почти к самому корпусу, который находился около вокзала, и сразу же началась погрузка.

Во время погрузки на соседних путях остановился бронепоезд кажется, «Офицер». Из него выскочил мой одноклассник и товарищ Сергей Якимович[148] — георгиевский кавалер уже, но, к сожалению, нам с ним не удалось перекинуться даже парой слов. Я был занят погрузкой, а он, вероятно, не мог отлучиться. Встретились мы с ним потом, уже в Югославии.

Ввиду того что имущество корпуса было все разграблено, погрузка прошла довольно быстро. Корпусные цейхгаузы были пусты. Я помню, как однажды, выйдя из дома, я увидел приближавшуюся по улице кавалерийскую часть, и глазам своим не поверил, увидев на конях кадет. Оказалось, что это были красные курсанты, стоявшие в здании корпуса. Они облачились в кадетские шинели и фуражки, на которые нацепили красные звезды, вместо кокард.

Итак, к вечеру 3 декабря погрузка была закончена. Погрузились около 130 кадет и около 20 воспитателей с семьями. В товарных вагонах были нары в два яруса. В одном из вагонов была походная кухня. Заведующим довольствием был полковник барон Гейкинг[149], который два дня кормил нас вкусным борщом. Опасаясь нападения на поезд местных большевиков или порчи ими пути, часть кадет была вооружена винтовками. К счастью, в пути ничего не случилось. Поздно ночью был прицеплен паровоз, и наш состав тронулся. Прощай, наш родной Киев!

В Одессу мы прибыли 5 декабря. Нас разместили в здании Одесского кадетского корпуса и отвели нам большой зал на верхнем этаже, где мы, кадеты, и устроились. В конце зала стояла конная статуя, если не ошибаюсь, Петра Великого, за ней, у самой стены, как раз поместилась моя кровать, и я находился как бы в отдельной комнате. Мы, киевляне, были зачислены на довольствие в Одесском корпусе и столовались после кадет-одесситов. Потом, когда нас распределили по классам, мы завтракали в одно время с одесситами, но продолжали, кажется, ужинать по-прежнему отдельно.

Начали посещать занятия, и постепенно жизнь наша стала входить в норму. После занятий отправлялись к себе и жили своей отдельной жизнью и своими традициями.

Вскоре после прибытия в Одессу был наш Киевский корпусной праздник. В этот день утром пришла к нам делегация кадет Одесского кор-

пуса и поздравила с нашим праздником. Кормили нас вполне прилично; единственно, что отравляло нам жизнь, — это был холод, который стоял в нашем большом зале.

Должность директора Киевского корпуса исполнял командир 5-й роты полковник Линдеман. Временно потом появился якобы новый директор, генерал Раткевич, заслуженный и весь израненный генерал, у которого, как говорили с его же слов, было 34 «пробоины». Мы, кадеты, его даже не видели, и он быстро куда-то исчез.

Наше пребывание в Одессе промелькнуло очень быстро. Пробыли мы в ней ровно 50 дней. Будучи кадетами строевой роты, я помню, как однажды, во время какой-то переменки, мы увидели разложенные в линию на полу винтовки. Нам было приказано их разобрать и привести в порядок, то есть обтереть, так как они были смазаны маслом.

Полковник Самоцвет, командир 1-й роты Одесского корпуса, производил с нами строевые занятия. Подавая команду для стрельбы «Пальба ротой», а после нее — «Рота...», когда винтовка клалась прикладом в плечо и держалась на вытянутой руке горизонтально, он обходил фронт и проверял, чтобы все винтовки были на одной линии. Они были довольно тяжелые, чтобы держать их в таком положении все время, пока он не обойдет всех, и мне как-то от него досталось. Не зная мою фамилию, он назвал меня просто: «Эй, черненький, не клевать штыком!» — после чего скомандовал «К ноге!» и «Разойтись!».

Как-то раз вечером 1-ю роту построили и повели куда-то в город. Шли мы довольно долго, пока не подошли к какому-то освещенному зданию, около которого толпились солдаты и матросы. Это оказалась «Чашка чая добровольца». Когда все с улицы вошли в здание и расселись в зале, на сцене раскрылся занавес и началась программа. Выступали артисты и куплетисты, развлекая присутствующих незатейливым репертуаром разных песенок и анекдотов. Была исполнена всем известная солдатская песенка «Соловей, соловей, пташечка!» и многие другие. Последним номером был исполнен «Лимончик» — это были добровольческие частушки, вместо большевистского «Яблочка». Я ее раньше никогда не слышал и запомнил слова нескольких куплетов. Первый начинался так:

Раньше пели яблочко,
Пришел ему кончик,
А теперь поют, играют
Лишь один лимончик.

Когда же был спет последний куплет:

Все девицы вечерком
Свежи как бутончик,
А наутро посмотрите —
Выжатый лимончик!

Добровольцы ржали от восторга, кадеты им вторили. Веселые и довольные, все расходились из театра. Водили потом в «Чашку чая добровольца» и наших младших кадет, но уже днем.

Рождество 1919 года было отмечено очень скромно. Быстро наступил новый, 1920 год, и никто из нас не знал, что очень скоро нам предстоит покинуть не только Одессу, но и нашу Родину.

После праздников возобновились занятия, но вскоре поползли слухи, что дела на фронте плохи, что большевики приближаются к Одессе и что предстоит ее эвакуация. Я хорошо помню, что упоминалось даже название парохода «Россия», на котором корпусу предстояло погрузиться, но говорили также, что этот пароход неисправен и не готов к отплытию.

22 января генерал Шиллинг отдал приказ об эвакуации, и 25 января она состоялась. День 25 января 1920 года был последним днем пребывания Владимирского Киевского кадетского корпуса на русской земле, после 70 лет его существования. Прощай, Россия!

***

Мы в открытом море, на пароходе «Рио Негро», который увозит нас куда-то в неизвестность. Уже темно, но все еще видны удаляющиеся огни Одессы. Пробыв некоторое время на палубе, я спустился вниз и пристроился на маленькой площадке за лестницей. Подложив свою шинель, я сел на пол, прислонившись к стене, и почувствовал усталость. За целый день ни разу не удалось присесть. Несмотря на топот ног по лестнице и гул голосов, перед моим мысленным взором стало проходить все пережитое за этот день.

Вот вижу, как мы идем через город в порт. Нас 20 кадет-киевлян строевой роты. Мы с винтовками. Улицы пусты. Повсюду слышна стрельба. Из окон смотрят на нас испуганные лица. Одна женщина долго крестит нас, провожая взглядом. Идем мы довольно долго; наконец мы в порту, на Платоновском молу, но, кроме нас и чинов персонала корпуса с семьями, никого нет.

У мола стоит пришвартованный английский крейсер «Церес», а дальше на рейде пароходы, перегруженные людьми. Подбегают отдельные люди и, видя, что все уже погрузились, мечутся вдоль мола, не зная, что предпринять. Вижу, как один сбросил с себя шинель и,

бросившись в воду, поплыл к ближайшему пароходу. Не видел, что с ним стало, так как в это время сзади меня раздался пушечный выстрел. Обернувшись назад, я увидел вдали, на улице, которая выходила на мол (кажется, Пушкинская), броневой автомобиль, который, очевидно, и стрелял. Откуда-то раздался ответный выстрел, возможно, что с «Переса», и броневик моментально исчез.

Через некоторое время появились откуда-то на молу кадеты-одесситы 1-й роты, а также и наши младшие кадеты, а потом — как будто горох посыпался и защелкал по камням. Это красные обстреливали нас с горы из пулемета. После обстрела началась погрузка на крейсер. Подобрали и понесли раненых кадет-киевлян Полиновского и Левицкого и дочь нашего воспитателя Анечку Порай-Кошиц. Сначала погрузились наши кадеты младших рот, их сразу же перегрузили на баржу.

Когда мы погрузились на «Церес», то несколько английских матросов вынесли на палубу на подносах нарезанные куски мяса, которое мы брали руками и с жадностью поедали. Потом матрос прокатил по палубе большой круг сыра, но кадетам он, кажется, не достался. Уже в открытом море нас пересадили на пароход «Рио Негро». Переходя на него через трап, мы сдавали наши винтовки, бросая их на палубу в кучу. Некоторые бросали их с трапа в воду. Пароход, приняв нас, вышел в море.

Мы бросали прощальные взгляды на удаляющиеся берега и огни Одессы. От усталости и всех переживаний я заснул. Не имею представления о том, сколько я спал, но, проснувшись, почувствовал, что пароход стоит. Поднявшись на палубу, я увидел берег, освещенные дома, минареты и дворцы. Это было красивое, феерическое зрелище. Мы были в Константинополе.

Не помню, как долго мы в нем простояли, но, когда тронулись дальше и проходили Мраморное море, была хорошая погода. Кадеты на палубе пели. Раздавались удалые кадетские и военные песни. Следующая остановка парохода была в Салониках, где мы сошли на берег. Наше внимание привлекали чернокожие сенегальцы — французские солдаты, в меховых полушубках мехом наружу.

В Салониках нас погрузили в поезд, и тогда мы узнали, что нас везут в Сербию. По прибытии в Белград, где мы не задерживались, нас на пароходике перевезли через Дунай на другой берег, в город Панчево.

Это и была окончательная остановка — место нашего назначения. Было это 3 февраля (н. ст.) 1920 года.

В Панчеве, маленьком городке, нас поместили в здании какой-то школы. Спали мы на полу. Первое время нас кормили в ресторане

«Мита Палич», куда мы ходили строем. Помню один курьезный случай. Маршируя как-то по улице, мы вдруг услышали команду: «Взвод, стой!» Мы остановились как вкопанные. Перед нами появился какой-то мальчик, на вид лет 15—16, одетый в военную форму. «Почему вы не командуете «смирно» русскому офицеру?» — обратился он к старшему. Тут мы увидели, что на нем действительно были офицерские погоны с двумя звездочками. «Виноват, г-н подпоручик!» — «Не подпоручик, а корнет! — гордо заявил он. — Потрудитесь в следующий раз быть внимательнее, — ведите дальше», — и мы зашагали, часто потом вспоминая, как нас цукал «благородный корнет».

Потом нас стали кормить из походной кухни, находившейся во дворе школы. Кухня эта обслуживала и некоторое количество русских солдат, расположенных также на территории школы. Это были пленные, ожидавшие возвращения в Россию. Солдаты эти были уже распропагандированы, что очень скоро и выявилось.

В городском кинематографе показывали русский патриотический фильм «Жизнь Родине — честь никому!». В кино были и кадеты, и эти солдаты. По ходу действия фильма сначала начали раздаваться со стороны, где сидели солдаты, всевозможные замечания, а потом и выкрики. Чем дальше, тем больше. Из-за этих криков и ругани солдат, не одобрявших содержание фильма, которое как раз, наоборот, нам, кадетам, очень нравилось, у нас было испорчено все настроение и мы с трудом досидели до конца представления.

Пока мы, киевляне, были в Панчеве, никаких занятий не было. Пробыли мы в нем очень мало, всего 25 дней. 5 марта мы узнали, что в Белград прибыли из Болгарии наши кадеты младших рот, под командой полковника Протопопова, помощника инспектора классов Киевского корпуса, который их встретил в Болгарии, принял в них деятельное участие, возглавил и привез в Сербию.

12 марта наш Киевский взвод 1-й роты уехал из Панчева в Белград. Встреча с нашими младшими однокашниками была теплой и радостной. Вся их эпопея, со дня эвакуации из Одессы, была уже описана в книге «Кадетские корпуса за рубежом».

В Белграде мы пробыли 3 дня в бараках при какой-то больнице. На другой день старших кадет повели строем через город, в Белградский оперный театр, где выступали большие русские силы, находившиеся тогда в Белграде. К сожалению, не помню имен артистов. Были оперные номера, а также и балет. Все мы получили огромное удовольствие от этого представления. 16 марта мы выехали в город Сисак: 95 кадет и 18 чинов персонала Киевского корпуса с семьями. Таким образом,

весь наконец соединенный состав нашего корпуса прибыл и сосредоточился в городе Сисаке.

В Сисаке нас поместили в здании небольшой казармы. Городок оказался маленький, но симпатичный. Наше здание находилось на окраине. Окна главного фасада выходили на улицу и на канал, весь заставленный баржами. Спали мы уже на кроватях. Вскоре начались у нас занятия, но никаких учебников, конечно, не было, да и занятия были нерегулярными.

Нашим развлечением было смотреть из окон, когда мимо нас маршировали сербские солдаты, идя за город на учение. Молодой подпоручик, которого мы называли Юзик (кажется, это и было его настоящее имя), любил производить разные учения. Самая занятная и непонятная для нас команда подавалась им перед нашей казармой — «Клекни!», по которой солдаты падали на одно колено, держа винтовку в руке, прикладом на земле. Юзик знал, что одна из наших барышень, которая ему, очевидно, очень нравилась, наблюдает за ним. Если не ошибаюсь, впоследствии они и обвенчались.

В Сисаке пробыли два с половиной месяца. Мы фактически жили как на даче, отдыхая от всего пережитого, и набирались сил на будущее. Ничего особенного за это время не произошло, жизнь была тихая и спокойная. В Сисаке мы отпраздновали Пасху и в начале июня, получив приказ из Белграда, покинули этот город и поездом выехали в город Сараево. Прибыли мы туда 4 июня 1920 года.

Киевляне приехали в Сараево первыми. Одесситы прибыли из Панчева на неделю позже. Таким образом, обе группы — «Панчевская» и «Сисакская» — соединились и, согласно приказу российского военного агента, генерала Артамонова, от 10 марта, образовали Русский Сводный Кадетский корпус.

Меньше чем через два месяца, а именно 5 августа, Сводный кадетский корпус был переименован в Русский кадетский корпус в Сербии, а 7 августа мы проводили наших старших однокашников-киевлян (1-го выпуска Русского кадетского корпуса) в Крым, для поступления там в военные училища. Оставшиеся же кадеты-киевляне в составе Русского кадетского корпуса продолжали и дальше соблюдать все свои традиции.

Основанный в 1851 году в Киеве — Матери городов русских — Владимирский Киевский кадетский корпус имел на Высочайше утвержденном в 1892 году жетоне, на трех скрещенных погонах (белом, черном и зеленом), изображение памятника святому Владимиру, крестившему в Киеве Русь. Корпусная церковь была также в честь святого Владимира.

По старинной традиции Киевского корпуса, старший кадет выпуска назывался «патриархом». Сохранилась она до 1926 года, когда последние кадеты-киевляне оканчивали в том году Русский кадетский корпус. Причем последний «патриарх» Киевского корпуса А. Бережецкий был одновременно и «генералом» своего 1-го традиционного выпуска Русского кадетского корпуса.

По прибытии в Сараево киевлянами была заказана и сделана из хорошей кожи, с золотым тиснением и надписью на русском языке «Звериада», куда был вписан сохранившийся у кадет текст настоящей старой Звериады.

Ежегодно, в конце года, на лоне природы за городом происходило прощание очередного выпуска киевлян со «Звериадой» и передача ее новому «патриарху» следующего выпуска, после чего происходил парад, который принимали выпускные кадеты и новый «патриарх» со «Звериадой». На это торжество все кадеты-киевляне надевали белые погоны своего родного корпуса.

Существовавшее еще в Киеве «Попечительное общество бывших кадет Владимирского Киевского кадетского корпуса» снова возродилось в 1920 году в Белграде, имея, как и встарь, задачу — оказание помощи своим однокашникам. «Объединение кадет Владимирского Киевского кадетского корпуса» существует и по сей день, с центром в Париже, после 55-летнего своего существования за рубежом. Председателем его является ротмистр Г.М. Аустрин[150], кадет выпуска из корпуса 1915 года.

В 1926 году в Сараеве Русский кадетский корпус отметил 75-летие Владимирского Киевского кадетского корпуса, вошедшего вместе с Одесским в его основу и передавшего ему свое старшинство. Все кадеты-киевляне также отметили повсюду эту знаменательную для них дату — 75-летний юбилей родного корпуса. В 1951 году киевляне уже праздновали торжественное столетие родного гнезда. В следующем, 1976 году будет 125-летие Киевского корпуса, и, конечно, и эта дата будет достойно и торжественно отмечена всеми киевлянами.

Много, очень много наших однокашников уже здесь, за рубежом, ушло в лучший мир. Не осталось уже в живых ни одного воспитателя нашего корпуса. Нет больше и самого корпуса, но кадеты-киевляне, разбросанные по всему свету, свято хранят в своих сердцах память о нем и о светлых и лучших годах своей юной жизни, проведенных в его стенах. Они не теряют надежды, что с возрождением национальной России возродится и Русская армия, а с нею и наши кадетские корпуса, а среди них, в городе Киеве, и наш славный Владимирский Киевский кадетский корпус.

Второе отделение кадет-киевлян 2-го славного «георгиевского» выпуска Русского кадетского корпуса в Сараеве, 1920—1921[151]

Моя первая встреча с кадетами-киевлянами произошла в тот знаменательный вечер, когда, после наделавшего шума отъезда 22 кадет из Панчева на фронт в еще державшийся Крым, группа кадет Одесского корпуса, в которую также входили кадеты других корпусов, перебралась в Сараево в казарму, из которой в 1914 году эрцгерцог Фердинанд выехал навстречу смерти, ждавшей его на мосту через речку Милячку, в лице сербских патриотов. Теперь эта казарма называлась Короля Петра I и предназначалась для кадет Киевского и Одесского корпусов.

Мы сразу попали прямо в сказочную обстановку, напомнившую мне уже ставшее далеким хорошее прошлое: нас ждал горячий ужин, поданный прислугой, на столах, как в корпусе, туалет в настоящей «умывалке» и постели с простынями в большой общей спальне!.. Моя кровать была рядом с С. де Бокаром, с которым мы быстро подружились.

Киевский корпус мне был всегда симпатичен: с ним в моем воображении были связаны город Киев, с его богатой историей, и поэзия «Вечеров на хуторе близ Диканьки», и суровый независимый дух запорожцев «Тараса Бульбы»! Я настолько читал и перечитывал в детстве Гоголя, что начал наполовину верить в существование всяких ведьм, русалок, леших, чертей и т. п.

Воспитателем у нас был подполковник Волков, милейший офицер, который, как и все семейные, страшно боялся генерала Адамовича, и только позже мы поняли почему! Несмотря на это, в день окончания выпускных экзаменов, имея неосторожность войти в нашу спальню, где мы с огромной бутылью вина праздновали это столь важное для нас событие, он стал на «махалку», чтобы мы могли уничтожить все следы преступления! А ведь он рисковал очутиться на улице с семьей! За это вечная благодарность кадет 2-го отделения!

В киевском отделении было много кадет других корпусов: Тифлисского, Воронежского, Суворовского, Ташкентского и, кажется, Московского. Жили мы дружно, и никогда у нас не было ни споров, ни ссор на почве принадлежности к разным корпусам — малиновый погон нашего нового корпуса нас объединил. Корпус для большинства был спасение и «шанс жизни».

Учились и зубрили мы «не за страх, а за совесть», и, если память не изменяет, средний балл отделения был выше 10! На 20 кадет в нашем отделении было 7 в.-ун. офицеров.

Расскажу небольшое событие из нашей спокойной кадетской жизни, которое потом вошло легендой в историю корпуса и передавалось младшим кадетам со всевозможными прикрасами и преувеличениями.

В этот памятный вечер в спальне 2-го отделения кадеты не спали и разговаривали о бывших в тот день похоронах на сербском кладбище, вне города, кадета 1-го выпуска Тарасенко, и, вероятно, многие думали о нашем товарище, зарытом в сырой, чужой земле... и настроение у всех было удрученное, как вдруг кто-то сказал:

— Кто бы пошел один этой ночью на кладбище?!

На каникулах в имении, чтобы показать свою храбрость, я ходил на кладбище на окраине села, но здесь была опасность быть пойманным начальством, и это могло мне стоить нескольких баллов по поведению и нашивок. Были выработаны условия пари на некоторую сумму динар, я должен был принести доказательства моего визита в полночь на кладбище, и до ухода мне рассказывали страшные истории.

Держа ботинки в руках, я благополучно прошел по коридору мимо «дежурки» и спустился по лестнице во двор. Выходить через ворота было рискованно из-за сербской стражи, поэтому я полез по стене со стороны горы и, очутившись на маленькой уличке, спустился в город, пустынный, но освещенный, и пройти через него не было ничего трудного, но, выйдя за город, где едва белела дорога, я думал, что заблудился. Помог мне шум ручейка, через мостик которого мы прошли днем, прежде чем войти на кладбище через высокие ворота из железной решетки. Они были закрыты, и мне пришлось перелезть с трудом и опасностью для казенного обмундирования! Потом нужно было идти прямо, но не свалиться в глубокую яму семейного склепа, откуда выбраться без посторонней помощи было бы невозможно.

Оторвать несколько кусков лент от венков, лежащих на могиле, было делом нескольких минут, а обратный путь, по уже знакомой дороге, показался мне гораздо легче, да и город был виден вдали благодаря отсвету фонарей.

Я добрался благополучно до нашей спальни, где никто не спал в ожидании моего возвращения. Каждый месяц я собирал выигранные динары и вел «широкий» образ жизни до тех пор, как, поспорив на остающуюся сумму съесть за один урок неимоверное количество прекрасного босанского хлеба, и то после завтрака и всего лишь с одной кружкой воды, я, конечно, пари проиграл, но зато был сыт в этот день.

С тех пор прошло больше полвека, но воспоминание об этой ночной прогулке живо сохранилось в моей памяти.

Образование Крымского кадетского корпуса[152]

Было то страшное время, когда кадетам, да и всей русской молодежи приходилось не только «готовить себя на служение», как сказано в известной кадетской песне, но уже теперь брать винтовку и становиться в строй, чтобы с горстью верных и храбрых бороться за спасение Родины, за существование России, за человеческую жизнь, свободу и правду.

Они бежали из родной семьи, из гибнувших русских кадетских корпусов и шли не на зовы славы, красоты борьбы или подвига, а в полную неизвестность, на гибель, страдания, на неравную борьбу во имя России, которую они беззаветно любили.

Армия отошла в Крым. А с ней туда стекалось все бывшее душой с армией, неразрывно всей жизнью своей с ней связанное; прибыли прорвавшиеся на юг остатки русских кадетских корпусов, слетались одиночные кадеты.

Армия из Добровольческой стала Русской, шла напряженнейшая неравная борьба за Россию. Главнокомандующий, генерал Врангель, хотел строить будущие кадры армии и, наряду с уже существовавшими военными училищами, задумал создание кадетского корпуса.

Эта юная военная школа зародилась на последней пяди русской земли, в дни страшной борьбы за нее: Крымский кадетский корпус!

На формирование его пошли прибывшие на территорию Крыма летом 1920 года, под именем «Свободного Полтавско-Владикавказского кадетского корпуса», остатки этих корпусов.

История создания Крымского кадетского корпуса начинается 21 ноября 1919 года. В этот день Петровский Полтавский кадетский корпус покинул Полтаву, для того чтобы через несколько дней начать совместную жизнь с Владикавказским кадетским корпусом, которая продолжалась 10 лет, до закрытия Крымского кадетского корпуса 1 сентября 1929 года.

Путешествие от Полтавы до Владикавказа продолжалось две недели. Эшелон корпуса прибыл во Владикавказ 4 декабря 1919 года. Устройство и размещение полтавцев в помещениях Владикавказского кадетского корпуса заняло почти две недели. Нужно было перегруппировать кадет по классам, составить общее расписание уроков, организовать администрацию, хозяйство, педагогическую и строевую часть. Только к Рождеству 1919 года Сводный кадетский корпус начал более или менее нормальную жизнь учебного заведения, во главе с директором Владикавказского кадетского корпуса генерал-майором М.Н. Голеевским[153].

Но не долго продолжалась только-только налаженная жизнь нового кадетского корпуса. Условия Гражданской войны заставили оставить Владикавказ и эвакуироваться в Грузию. На этот раз для эвакуации корпуса не был предоставлен транспорт, и корпус 4 марта 1920 года двинулся походным порядком по Военно-Грузинской дороге на Кутаис. В этот поход выступили оба кадетских корпуса, Полтавский и Владикавказский, в составе 800 человек, со всем персоналом и с их семьями. Переход совершался почти без вареной пищи; имелись лишь сухие продукты и чай, который удавалось сделать или днем, на привале, или только вечером. Переходы совершались по 25—30 километров в день, с таким расчетом, чтобы не ночевать под открытым небом, тем более что были и кадеты в возрасте 9 и 10 лет. Их старались устроить на подводы, которых было очень мало и они служили главным образом для провианта.

В первый же переход во время ночлега убежал один ингуш с подводой, увезя большое количество провианта и угнав четырех лошадей. Это заставило применять меры охраны в ночное время. Впрочем, и дневные переходы требовали внимания и осторожности, так как колонна часто подвергалась обстрелу из аулов, видневшихся в горах, на другом берегу Терека. Несколько кадет были ранены во время этих перестрелок.

Корпуса добрались до Грузии после 7-дневного перехода и на станции Боржом получили свой первый длительный отдых. Только 23 марта корпуса прибыли в Кутаис. Грузинские власти не оказали никакой помощи. Корпуса, помещенные за проволоку в какой-то лагерь, питались остатками вывезенных запасов. Персоналу пришлось добывать средства обменом русских денег и продажей предметов обмундирования и белья. Ко всем горестям прибавились болезни, часто со смертельным исходом.

Из Кутаиса в Батум корпуса были доставлены по железной дороге и оттуда 9 июня 1920 года на пароходе «Кизил-Арват» перевезены в Крым. Во время этого перехода разразилась сильная эпидемия возвратного тифа. Несмотря на все лишения и бедствия, а может быть, именно вследствие их, создалось прочное взаимное понимание как между кадетами этих двух корпусов, так и между кадетами и персоналом. Это безусловно способствовало тому, что по прибытии в Крым удалось быстро и успешно провести соединение обоих корпусов в одно военно-учебное заведение, официально названное «Сводный Полтавско-Владикавказский кадетский корпус». Снова надо было налаживать жизнь на этом последнем островке русской земли. Первые месяцы в Крыму Сводный корпус был размещен в местечке Ореанда, где и шла работа по созданию учебного заведения.

В начале июля прибыл назначенный вместо зачисленного в резерв чинов Военного управления генерал-майора Голеевского новый директор корпуса, долголетний директор 1-го Московского Императрицы Екатерины II кадетского корпуса, генерал-лейтенант Владимир Валерьянович Римский-Корсаков[154].

Выпускные экзамены 1-го выпуска Сводного Полтавско-Владикавказского корпуса предполагалось провести в конце мая и начале июня, но сделать это не удалось, так как фактически выпускной класс отсутствовал, так же как и 6-й и часть 5-го класса, находясь в это время на фронте. Все же, незадолго до эвакуации, несколько кадет получили аттестаты об окончании корпуса. Среди них первый вице-фельдфебель Кидалов. С его уходом в училище вице-фельдфебелем был назначен Г. Соколов.

Хотя приказ генерала Врангеля об отчислении учащейся молодежи из воинских частей в учебные заведения уже существовал, старшие кадеты начали приезжать в корпус лишь с августа 1920 года. Большую работу по сбору и направлению кадет в Крымский корпус провел начальник Управления военно-учебных заведений в Крыму, генерал-майор И.Я. Враский[155]. В сводный корпус стали прибывать кадеты всевозможных корпусов, да и вообще учащаяся молодежь, оказавшаяся в рядах Белой армии. Многие из них были на фронте более года. Каких только погон здесь не было! Представлены были все кадетские корпуса, кроме сибирских и Донского, так как последний был уже в Египте, а в Евпатории формировался 2-й Донской корпус, куда и попадали все донцы. Преобладали все же полтавцы и владикавказцы, которые и составили основное ядро. Фронтовики, приезжавшие с оружием, многие с Георгиевскими крестами и незалеченными ранами, погон своих не сдавали. Были тут и черно-красные корниловские погоны, и малиновые дроздовские, и черные марковские. Многие из прибывающих в корпус долго в нем не задерживались и при первом удобном случае бежали на фронт, на передовые позиции. Были и такие, которых по нескольку раз силой водворяли в корпус, хотя бы для того, чтобы «побриться и выкупаться», как на их счет острили воспитатели. И многие исчезали опять, чтобы больше уже никогда не появляться в кадетской среде, закончив свой короткий жизненный путь в братских безымянных могилах защитников Родины и Белой идеи, разбросанных по безбрежным равнинам Юга России.

Вечная вам память, старшие братья кадеты! Вы никогда не узнали, что своим подвигом вы воспитали поколения зарубежных кадет в любви к своей потерянной Родине.

Осенью 1920 года численный состав корпуса настолько увеличился, что помещения оказались тесными, и формируемый корпус был

переведен из Ореанды в удобные и пригодные для занятий помещения в Массандре. В середине октября 1-я рота (7-й и 6-й классы), под начальством полковника Чудинова[156], при двух офицерах и двух преподавателях, перешла в Массандру и там с первых же дней начались занятия-беседы. Остальные роты, кроме маленькой 5-й (2-й и 1-й классы), остававшейся до эвакуации в Ореанде, прибыли в Массандру в конце октября, за два-три дня до эвакуации. Большой по составу, во главе с опытным руководителем, корпус начинал свою нормальную жизнь, и, как бы подтверждая это, 9 октября 1920 года был издан Главнокомандующим генералом Врангелем приказ о присвоении корпусу, созданному в грозные дни борьбы за последний клочок русской земли, наименования «Крымский кадетский корпус».

Корпусу вначале был присвоен малиновый погон с двумя отдельными буквами «К.К.», вскоре замененный алым погоном с белой выпушкой и со знаменательными переплетенными буквами «К.К.», которые можно было прочесть словами «Крымский корпус» или Великий князь «Константин Константинович», незабываемый кадетами генерал-инспектор военно-учебных заведений и поэт «К.Р.». Оттого и милы так кадетам эта шифровка и эти дорогие по воспоминанию погоны.

Бесхитростное стихотворение одного из кадет так передает историю возникновения корпуса:

В тяжелые годы позора России
Наш корпус основан в Крыму,
Собрал он под стены свои корпусные
Кадетскую нашу семью.
Все те, кто был верен Престолу, Царю
В дни смуты, тревог и волнений,
Кто жизнь отдавал за Отчизну свою
В дыму перекопских сражений,
Составили корпус, где алый погон
Есть память о крови пролитой,
Под сенью священных Российских знамен,
Во имя Отчизны забытой.

Тем же приказом (от 9 октября 1920 года) в состав Крымского кадетского корпуса был включен Феодосийский интернат при Константиновском военном училище.

Таким образом, ко дню эвакуации из Крыма корпус состоял из трех отдельных групп: основной батальон корпуса, в составе четырех рот, находился в Массандре; младшая, пятая рота — в Ореанде и сборный интернат — в Феодосии. Соединился корпус в одно целое только на константинопольском рейде.

Феодосийский интернат был основан Главнокомандующим генералом Деникиным в январе 1920 года. Главнокомандующий приказал не оставлять несовершеннолетних на фронте, а командировать в город Феодосию тех из них, которые не имеют родителей или не знают о их местопребывании, в ведение начальника Константиновского военного училища. Таким образом, при училище образовался интернат мальчиков и юношей всех возрастов, собранных с разных концов Юга России. Ядром его были младшие кадеты Сумского кадетского корпуса, во главе со своим командиром, полковником князем П.П. Шаховским[157], который и был назначен заведующим интернатом. Интернат был разделен на два возраста: от 8 до 14 лет и старше 14 лет.

Пополнялся интернат главным образом бездомными малышами, прибывавшими в Крым маленькими группами и в одиночку. Некоторым из них удавалось вырваться из городов, уже занятых красными. Водворяли их силой. Привозили вшивых, изорванных, разутых, больных, а иногда только что оправившихся от ран. Все они заботами начальника интерната полковника князя П.П. Шаховского и трех воспитателей: полковника Некрашевича[158] и капитанов Шевцова[159] и Шестакова[160], при участии каптенармуса, приводились в христианский вид. Их мыли, стригли, переодевали. Отбирали все, от головного убора до портянок включительно, поскольку у некоторых такие были. Вместо засаленных и испачканных фуражек и бескозырок, выдавались английские защитные «блины», которые при помощи колен и рук получали свой новый «заломанный» фасон, господствовавший в те времена в военной среде. О стройности и подтянутости, чем славились в России кадеты, нельзя было и мечтать. Да и как создать эту подтянутость, когда бриджи у большинства доходили под френчами чуть не до подбородка. Единственно можно было создавать намек на талию, перетягивая френчи кожаными поясами, от чего они вздымались на кадетских спинах парусами и еще больше безобразили фигуры. Но зато все это было чистым, сухим и теплым и защищало от временами бушевавших норд-остов. Поэтому «публика» с этим мирилась, постепенно собственноручно переделывая и перекраивая и создавая из этих даров «гордого Альбиона» что-то свое собственное, которое более отвечало тогдашним вкусам.

Занятия, если о таковых можно говорить, происходили в помещении местной гимназии. Происходили они в самое разное время. Преподавательский состав был из 3 лиц: В.А. Казанский[161], который исполнял обязанности инспектора классов, Н.Я. Писаревский[162] и полковник Доннер[163]. Преподавателям приходилось считаться со знаниями каждого ученика и сводить их в небольшие группы, занимаясь с несколь-

кими группами сразу в одном помещении. К концу лета этого же года воспитанники старшего возраста были переведены в Ореанду, в образовавшийся там Крымский корпус. Младший возраст был разбит на 4 класса. О соблюдении какой-либо учебной программы не могло быть и речи, так как знания учеников были весьма разнообразны, учебников было недостаточно и они были совершенно случайными. К тому же настали большие холода — в октябре месяце мороз доходил до 20 градусов Реомюра. Воспитанники сидели в классах в шинелях и часто не могли выдержать положенного на урок времени, так как у них замерзали руки и ноги. Ко времени эвакуации Крыма в интернате было более 100 человек, в возрасте от 8 до 16 лет.

Был конец октября 1920 года; в корпусе начиналась работа по налаживанию нормальной учебной жизни, но в эти дни Русская Армия, предоставленная собственным силам, должна была начать отход после неравной, жестокой борьбы, и назрел вопрос об общей эвакуации Крыма.

Крымский кадетский корпус покинул пределы своей родины в ночь на 1 ноября 1920 года (ст. ст.). Он был погружен в Ялте, в составе трех рот, на паровую баржу «Хриси». Младшая рота погрузилась на пароход «Константин», где она не подвергалась опасности рискованного плавания, каковым был переход через Черное море на плоскодонной барже «Хриси», предназначенной для мелких рейсов вдоль морских берегов.

Капитан и небольшая команда баржи были явно враждебны и старались помешать отплытию. Только угроза применить крутые меры заставила механиков спешно починить якобы испорченные машины и вывести баржу в море. Наличие в составе корпуса двух кадет, прослуживших некоторое время на флоте добровольцами, предотвратило попытку капитана баржи отвести ее в Одесский порт. Сменяясь у штурвала, новоиспеченные «капитаны» — кадеты Каратеев и Перекрестов — на пятые сутки привели баржу в константинопольский рейд, предварительно выйдя к Анатолийскому побережью километрах в сорока от Босфора. На реях «Хриси», кроме позывных, развевались также сигналы «Терпим голод» и «Терпим жажду». Вся «Белая Русь» находилась уже здесь — рейд был усеян нашими военными кораблями, пароходами, транспортами и баржами.

Вскоре по прибытии все кадеты были пересажены на большой пароход Добровольного флота «Владимир». Там к корпусу присоединились воспитанники Феодосийского интерната с полковником князем Шаховским, эвакуировавшиеся из Крыма на пароходе «Корнилов». Составилась целая армия молодежи — свыше 600 человек — в раз-

нообразном воинском и кадетском одеянии. Карантинное полуголодное стояние на рейде Константинополя затянулось, так как выяснилось, что ни одна страна не проявила ни малейшего интереса к судьбе русских юношей. Наконец, когда пришло радостное известие, что королевич Александр принимает корпус на территорию своего королевства, пароход «Владимир» взял курс на Адриатическое побережье Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, как тогда называлась Югославия, и 8 декабря 1920 года (н. ст.) прибыл в бухту Бакар. Во время плавания первая рота была разоружена.

Л. Сердаковский[164]

ЧЕМУ ГОСПОДЬ СВИДЕТЕЛЕМ МЕНЯ ПОСТАВИЛ[165]

Успехи белых армий в 1918—1919 годах вызывали у русских в Тифлисе радость и надежду, особенно среди нас, кадет. Нам было обещано, что мы будем приняты во вновь открытый Владикавказский корпус, куда уже стекались кадеты из всех концов Центральной и Южной России. В Тифлисе составилась группа в 30—40 кадет с двумя офицерами. Горечь расставания с болеющим отцом, матерью и бабушкой, всегда жившей с нами, смягчалась сознанием, что это временная разлука. Мы были уверены, что раз мы опять надеваем кадетские погоны, значит, белые побеждают и мы все вернемся к нормальной жизни, прерванной революцией. Сборы были недолгие, и в начале ноября мы тронулись на двух фургонах по Военно-Грузинской дороге во Владикавказ. Красота этой дороги действительно стоит многочисленных восторженных описаний. Строгое величие Кавказского хребта, столь отличное от уютной романтики Альп, и спокойная прелесть долин Грузии, с поросшими мхом старинными церквами и башнями, были особенно дороги нам, мальчишкам, родившимся и выросшим на Кавказе, где, по словам Бальмонта, «скалы учат силе, а цветы учат нежности». Бальмонт перевел на русский язык поэму средневекового грузинского барда Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре», воспевающую царицу Тамару (1148—1213). Царица Тамара и грузинской, и русской церковью почитается святой. Ее правление было самой блестящей страницей грузинской истории. Лермонтовский образ властительницы Дарьяльского ущелья, сбрасывавшей своих любовников в бурлящий Терек, не имеет ничего общего с исторической царицей Грузии. Святая Тамара была одно время неудачно замужем за князем Юрием, сыном Андрея Боголюбского, потом

за осетинским князем Давидом из рода Багратионов. Перевод Бальмонта по праву считается одним из лучших.

Ноябрь — неподходящий месяц для горных путешествий. Начались холода и снежные бури. У туннеля «Майорша» произошел обвал, и нам пришлось дальше идти пешком. К Крестовому перевалу мы добрели замерзшие и усталые. В маленьком духане, полном дыма, грузин и горцев, я первый раз в жизни выпил рюмку коньяка. С непривычки сараджевский коньяк показался мне огнем, но действие его было замечательным. Я сразу ожил, слегка закружилась голова, отяжелели ноги, и жизнь не представлялась уже такой мрачной, как казалась в дороге. Немало рюмок коньяку я осушил потом, но ни одна из них не была столь приятной.

Незабываемое впечатление производит рассвет в горах. В темноте сначала озаряются первыми солнечными лучами вершины самых высоких гор. Постепенно темнота спускается вниз, и горы появляются во всей их ослепительной снежной красоте. А Казбек! Вершина, ниже монастырь и селение. Туч не было, и мы могли им вдоволь налюбоваться. На грузинско-русской границе (что для нас звучало дико) нас приветливо встретили бравые кубанцы-пластуны в английских шинелях. По их бодрому настроению никак нельзя было предположить, что на фронте далеко на севере, под Курском, начались неудачи. Мы ничего не знали о латышской и эстонской дивизиях, переброшенных красным командованием с затихшего польского фронта на Деникина. Усталые, но довольные, мы, наконец, добрались до Владикавказа.

Первое, что мы увидели, было желтое здание корпуса, памятное мне с раннего детства. Столпившись в вестибюле, мы услышали равномерный грохот: первая, строевая, рота шла в столовую. В противоположность вольцам и тифлисцам, владикавказцы шли сдвоенными рядами. Разнообразие погон: на основном желтом фоне мелькали алые, синие, белые, черные — здесь были кадеты почти всех российских кадетских корпусов. Изредка виднелись Георгиевские кресты и медали и нашивки, указывающие ранения. Это были не дети, учащиеся, а боевая молодежь, понюхавшая пороху. Приехавший до нас один из старших тифлисцев князь Химшиев предупредил, что во Владикавказском корпусе строгая, строевая дисциплина и надо быть все время начеку. Вечером в ожидании сигнала строиться на ужин мы болтались поближе к залу первой роты и по первому звуку помчались туда. Поздно: рота была уже выстроена. «Тифлисцы! — крикнул вице-фельдфебель, терский казак Карпушкин[166]. — Это вам не Головинский проспект, потрудитесь не опаздывать!» Однажды рота была собрана вечером в одном из классов. Посередине сидела группа старших кадет разных корпусов.

Старший из них сказал краткую речь, что вот, мол, мы съехались со всех концов России в гостеприимный Владикавказский корпус и рады, что нам дается возможность восстановить старые традиции. И посему вводится кавалерийский цук: старший по поступлению в корпус кадет объявляется «генералом выпуска», следующий — «полковником» и т. д. Этот вид традиции был заимствован некоторыми корпусами из кавалерийских училищ. Цука не было ни в Вольском, ни в Тифлисском корпусе. Когда мы расходились, владикавказцы шли хмурые и перешептывались. На другой день было передано по классам, что владикавказцы никакого цука и «генерала выпуска» не признают и в корпусной жизни все остается по-старому. Старшим кадетом является, как полагается по уставу, вице-фельдфебель. «Кавалеристам», как гостям и меньшинству, ничего не оставалось, как подчиниться решению хозяев.

Я чувствовал себя больным, но все-таки пошел в отпуск к другу моего отца, персидскому консулу Давуд-хану. У него были гости, и я наслушался разговоров. Оказывается, Белая армия под давлением значительно превосходящих сил красных катится на юг и вряд ли сможет задержаться на подступах к Кавказскому хребту. Особенно пессимистично был настроен сам хозяин. Давуд-хан вырос на Кавказе и хорошо знал обстановку. Он громил разбухший и разложившийся тыл белых и не надеялся ни на какую помощь западных союзников. Я в мрачном настроении вернулся в корпус, а через два дня попал в переполненный лазарет с сыпным тифом и воспалением легких. В 1919—1920 годах свирепствовала «испанка», особенно зловредный грипп, от которого умирали сотни тысяч людей. Когда я пришел в себя, то узнал, что во Владикавказе находится и Петровско-Полтавский корпус, эвакуированный из Полтавы. Их корпусной врач, милейший доктор Дербек[167], обходя своих полтавцев, всегда осматривал и меня. В лазарете начались хлопоты и волнения: запахло эвакуацией. Ко мне зашел старший врач доктор Передельский и сказал, что я так слаб, что брать меня с корпусом по Военно-Грузинской дороге он не рискует, и поэтому я буду оставлен в городе. К счастью, Давуд-хан взял меня к себе в консульство. На меня надели персидскую шапку и дали мне легкую работу в конторе.

Первыми вошли во Владикавказ скрывавшиеся в горах красные партизаны, под командой товарища Гикало. Среди них было много китайцев из отряда Пау-Ти-Сана. Китайский отряд был сформирован Кировым. Это были настоящие банды. Регулярные части Красной армии показались мне похожими на их царских предшественников: те же круглые русские лица, та же походная форма, только без погон, кокард и иногда без поясов. Командный состав был, наоборот, совсем не похож на царских офицеров. По городу часто расхаживал какой-

то старший командир с маленькой щеголеватой бородкой, воинственного, но никак не воинского вида: коричневый френч и галифе, желтые сапоги со шпорами, тросточка и неизменный револьвер. Вероятно, так же выглядел и известный авантюрист Котовский, из которого советская пропаганда сделала героя. Вскоре этот опереточный персонаж исчез: ходили слухи, что он был арестован Чекой*.

Для налаживания дипломатических связей Давуд-хан пригласил в консульство на обед командира дивизии, взявшей Владикавказ, и его помощника. Не знаю, был ли это начальник штаба или политрук. Мне было приказано сидеть в своей персидской шапке на левом фланге и безмолвствовать. Советские гости были в неопределенной походной форме и показались мне похожими на дореволюционных писарей, сменивших свой дешевый шик на боевую подтянутость. В разговоре кто-то на правом фланге вместо «Антанта» сказал «Анкета», но все сделали вид, что ничего не заметили. Гости как будто не обращали на меня внимания, но я несколько раз ловил быстрый любопытный взгляд начштаба. Вероятно, несмотря на свою высокую персидскую шапку, я мало походил на перса.

В городе начались аресты буржуазии, «изъятие ценностей», ночная стрельба. Заработала Чека. В числе ее сотрудников оказался один из нашей компании молодежи, интеллигентный еврей, сын местного аптекаря. Он знал, что я кадет, скрывающийся в персидском консульстве, но меня не выдал. Тогда еще иногда действовали дореволюционные нормы человечности. В консульство вселилась и перепуганная горско-бельгийская семья Бамат-Аджиевых. Отец — бывший офицер царского конвоя — хорошо знал моего отца. Сопровождая Императора, он проезжал Брюссель, влюбился в красивую блондинку-немку и умудрился вывезти ее на Кавказ. Она приняла магометанство, стала Султан-ханум, выучила русский и горский язык своего мужа и родила ему двух дочерей. Нина и Эмма совмещали в себе прирожденную западноевропейскую культурность с горячей природой горской женщины. Слушая рассказы обо всем творящемся кругом и красных расправах, Султан-ханум охала и вспоминала свой далекий и спокойный Брюссель. А молодежь оставалась молодежью. Мы гуляли в «Трэке», и — о, глупость, о которой стыдно вспоминать, — я щеголял в гимнастерке с перемычками от снятых погон, вот, мол, посмотрите, кто я, белогвардеец. Давуд-хан решил, что мне пора возвращаться в Тифлис, к матери. Это было своевременно: вскоре после моего отъезда он, несмотря на всю свою дип-

* Здесь и далее так называется Чрезвычайная комиссия (ЧК) по борьбе с контрреволюцией — карательный орган большевиков

ломатическую неприкосновенность, был арестован и отправлен в Москву, где ему было предъявлено обвинение в укрывательстве «группы деникинских офицеров». Давуд-хан пристроил меня к своему предшественнику, уезжавшему по болезни. Давуд-хан выправил мне документы на девичью фамилию моей матери, так как допускал, что местные старожилы-революционеры помнят моего отца — «золотопогонника». Мы тронулись по Военно-Грузинской дороге в Тифлис. И опять безрассудство: я взял с собой якобы хорошо спрятанные открытки-портреты белых вождей Алексеева, Корнилова, Деникина, Врангеля и Шкуро. Для чего было так глупо рисковать — сейчас уму непостижимо! Большевики не щадили кадет, и найди они у меня этот контрреволюционный материал, я был бы кончен. Действительно, Бог хранит детей и пьяных. Путешествие по Военно-Грузинской дороге летом было гораздо приятнее нашего ноябрьского следования. Я забыл об открытках и любовался природой. К счастью, на советской стороне осмотр прошел благополучно, и мы оказались в безопасности на грузинской. Командир грузинского пограничного поста, посмотрев мои бумаги, спросил: «Месхиев? Я кончил Тифлисский корпус с Ираклием Месхиевым. Кем он вам приходится?» — «Родной дядя». — «А, вот как. Чей же вы сын? Нины Месхиевой? Знал и ее. Но погодите! Если вы сын Нины Месхиевой, ваша фамилия не может быть Месхиев! Тут что-то не то...» Мне пришлось все объяснить. Капитан посмеялся и сказал: «И отца вашего помню. Ну, хорошо, что вы напоролись на меня, а не на какого-нибудь формалиста. Вернул бы он вас на советскую сторону, а там — сами понимаете...» Я горячо поблагодарил доброго грузина и тронулся дальше.

Недалеко от советской границы к нашему фургону подошел горец, оказавшийся ротмистром Эльдаровым. Вместе с Кавказской армией генерала Эрдели он перешел в марте грузинскую границу, но остался поблизости, надеясь организовать в горах партизанское движение против красных. Большевикам удалось сделать то, чего не могли ни царская администрация, ни горские старейшины — примирить осетин и ингушей, всегда враждовавших между собой. Два месяца большевистского гнета оказалось достаточно, чтобы они забыли эту вражду и почувствовали себя братьями, имевшими общего врага.

Свои последние гроши я потратил на билеты на автобус до Мцхета и с трудом добрался оттуда до Тифлиса, плотно закрытого для всех бегущих из оккупированных большевиками областей. Мать и бабушка были несказанно рады увидеть меня дома. В передней сиротливо висела отцовская шинель с красными генеральскими отворотами. Непростительно эгоистична и бездумна бывает молодость. За два месяца жизни

в Тифлисе я много раз собирался и ни разу не собрался посетить могилу отца. Более того, последние вечера в Тифлисе я проводил не с матерью, ожидавшей до поздней ночи своего единственного сына, а с малознакомыми девицами в летнем саду бывшего грузинского дворянского собрания. Там же я познакомился с молодым дипломатом из польского посольства. Он оказался бывшим кадетом, что нас сразу сблизило. Когда я, раздираемый запоздалым раскаянием, написал матери из-за границы с просьбой простить мое невнимание, она ответила, что не помнит, чем я перед ней провинился, и прощать ей нечего.

В Тифлисе осталось мало кадет. Кто мог, пробирался в Добровольческую армию, где многие кончили свою молодую жизнь в борьбе с беспощадным врагом. Ходили слухи о большевистских зверствах, называли фамилии замученных. Красные вырезали на плечах захваченных кадет погоны и не останавливались перед другими, более мучительными и циничными жестокостями. Кадеты-грузины одни поступали в училище и собирались служить в грузинской армии, другие уезжали в Крым. Было приятно слышать лестные отзывы о грузинах в армии Врангеля: генерале Ангуладзе[168], командовавшем одной из немногочисленных пехотных дивизий, полковнике Думбадзе[169], лихом дроздовском артиллеристе, его брате Ревазе[170], адъютанте легендарного Кутепова[171], и других. Одиночки готовились в университет и заранее нацепили синеголубые студенческие фуражки, ставшие мишенью меткого кадетского зубоскальства. Собралась небольшая группа кадет, решивших ехать в Крым к Врангелю. Заправилой был некто Борис, недавно приехавший с территории Добровольческой армии и много нам рассказывавший, как идет там освобождение от большевиков. Для пущей важности он выступал иногда под именем «Илья» и не скупился на уговаривания. Но особенно и уговаривать не надо было: мы все стремились в Крым. К большому огорчению моей матери, я тоже решил ехать. Мать понимала мои побуждения и поэтому меня не отговаривала, но ей было очень тяжело расставаться. Накануне нашего отъезда зачинщик Борис-Илья вдруг передумал и горячо убеждал нас отказаться от поездки к Врангелю. Что его заставило так круто переменить свое решение — осталось загадкой. Но мы твердо решили ехать, и никто из нашей группы его не послушался. Были выправлены нужные документы, и через несколько дней мы выехали в Батум. Официально конечной целью нашего путешествия был не Крым, а Константинополь. Грузинские власти боялись навлечь на себя гнев новых северных соседей — Советской России, и поэтому о Крыме никто не заикался. Сидя в вагоне батумского поезда, было трудно предположить, что через несколько недель мы действительно окажемся в турецкой столице. Вероятно, среди пас-

сажиров в поезде были и советские агенты. Какой-то прилично одетый господин в штатском, с бородкой и бегающими глазами, все время заговаривал с кадетами, намекая, что и он едет не в Константинополь, а в Крым к Врангелю. Его настойчивое любопытство было подозрительно, и мы не удивились, когда белая контрразведка в Севастополе пригласила его к себе на разговор.

В Батуме я пошел навестить семью «одесского» генерала Думбадзе. Я долго стучал, пока меня впустили в дом. В Батуме свирепствовала холера, и город казался вымершим. Богатая полутропическая растительность, плещущееся море и уютные дома с садами не могли рассеять гнетущего настроения. Думбадзе засыпали меня вопросами о Крыме, когда Врангель начнет наступление и освободит Юг России. Они рвались в свою Одессу и были уверены в успехе Врангеля. После сравнительно спокойного перехода через Черное море — мое первое морское путешествие — мы, наконец, в Севастополе. Всюду развеваются бело-сине-красные и андреевские флаги, приведшие нас в восторг, — как будто не было ни большевистского кошмара во Владикавказе, ни внешне спокойного сидения на готовом к извержению вулкане в Грузии. Севастополь с его знаменитой панорамой севастопольской обороны, казенными зданиями, Графской пристанью и множеством военных судов напоминал своим военным профилем Владикавказ. Но там царили горы и армия, а здесь — море и флот. Город кишел военными в различных формах и чинах — больше всего было молодых офицеров знаменитых «цветных дивизий», Корниловской[172], Марковской[173], Алексеевской[174] и малиновой Дроздовской[175]. Мы сразу превратили наши полуштатские костюмы в форму и с гордостью нацепили свои кадетские погоны. Нас облюбовал вербовщик, капитан-марковец, и стал убеждать ехать с ним в артиллерию Марковской дивизии, где уже было много кадет. Я робко возразил, что хотел бы попасть в Сводный полк моей родной Кавказской кавалерийской дивизии[176]. Марковец окинул критическим взглядом мою худущую фигуру и сказал: «Ну куда вам в кавалерию, рубиться со здоровеннейшими буденновцами! Они вам быстро голову снимут». Судьба в лице генерала Врангеля сама сделала выбор: последовал приказ Главнокомандующего об отправке всех не кончивших корпус кадет в сводный Полтавско-Владикавказский корпус в Ялте. На севастопольских улицах нельзя было зевать: я дважды получил замечание за неотчетливое отдание чести. Военные были одеты скромно, некоторые даже бедно, но радовала глаз их бодрость и подтянутость. Последствия тяжелого отступления от Курска к Черному морю были преодолены и психологически, и организационно. Чувствовалась убежденность в

правоте и успехе своего дела и вера в своего Главнокомандующего. Это были не толпы беженцев в форме, как рассказывали про Новороссийск, а боевой и патриотический отбор. Недавно части Белой армии, переименованной генералом Врангелем из «Добровольческой» в «Русскую», наголову разбили знаменитый конный корпус Жлобы, угрожавший Крыму. Большую роль сыграла белая авиация под командой генерала Ткачева, громившая красных с воздуха. Газеты восторженно приветствовали эту победу. Выход белых войск в Северную Таврию, как мы знаем теперь из советских же источников, вызвал переполох у красных. Новый командующий Южным фронтом Фрунзе в панике доносил Ленину, что «операция, предпринятая Врангелем, имела очень широкий размах и при удаче грозила нам уничтожением всех сил фронта... 13-я армия, несмотря на значительные подкрепления, ударов врага не выдерживает... дух войск сломлен, среди масс идут разговоры об измене; свежих сил, резервов нет... В самом Харькове у меня нет сейчас ни одной надежной части... Чувствую себя со штабом окруженным враждебной стихией...».

Этот советский документ показывает, как возможна и близка была победа белых даже в таких, казалось бы, безнадежных условиях, как крымское сидение. Советская историография и литература о Гражданской войне так цинично лжива и тенденциозна, что массовому читателю трудно добраться до истины — что же действительно происходило в один из самых трагических и жертвенных периодов тысячелетней русской истории. Но, слава богу, органическая жажда к чтению и мужество отдельных советских редакторов и писателей в России помогают правде пробиться через эти завалы лжи. Постепенно отмирают выдуманные мифы о каких-то «14 походах» Антанты, о вооруженной интервенции капиталистических стран, о гениальной стратегии Ленина, Троцкого и Сталина, о классовой сущности Гражданской войны и т. д. Поэтому в стране не может не идти переоценка политических ценностей. Я лично в этом убедился.

В 1972 году мы с женой, проходя по узкой улочке старого Иерусалима, столкнулись с группой израильских фотографов и журналистов, сопровождавших какую-то молодую пару. Острые глаза жены сразу определили, кто это: известный танцор Валерий Панов и его жена Галина, только что вырвавшиеся в Израиль. Когда мы познакомились, я в шутливом тоне предупредил Панова, что я «белогвардеец». Я всегда говорю это при встрече с эмигрантами-евреями, чтобы они знали, с кем имеют дело. Реакция Панова была неожиданной и очень для меня приятной. «Белогвардеец? Да это герои, честные люди! Они первые взялись за оружие против коммунистов. Это трагедия,

что они не победили. Галина, могла ли ты мечтать, сидя в Советском Союзе, что скоро увидишь настоящего белогвардейского офицера?» Панов, которого я считал представителем той социально-этнической группы, в которой меньше всего можно было ожидать симпатий к белым, и я обнялись. Сопровождавшие его израильские чиновники, упорно называвшие его «гражданин Панов» (от «товарища» отстали, к «господину» не пристали), не были в восторге от этого объединения. Я вспомнил остроту, ходившую среди недавних советских граждан, эмигрировавших в Израиль: «От большевиков уехали, к меньшевикам приехали».

Громадная заслуга Врангеля была не только в том, что он преобразовал, воскресил Белую армию и с честью вывез ее и многие тысячи гражданских лиц из Крыма, а и в том, что он правильно подошел к важнейшему вопросу о земле. Председателем Совета министров во врангелевском правительстве был старый и опытный государственный деятель имперского размаха А.В. Кривошеин[177], сотрудник Столыпина и последний министр земледелия Императорского правительства. Подготовленная и проведенная им земельная реформа в Крыму сразу дала положительные результаты: крестьянство успокоилось, партизанское движение пошло на убыль. К сожалению, это было слишком поздно и географически слишком ограниченно. Крым — только маленький кусочек громадной территории России.

Но вернемся к Севастополю. В толпе мелькает с детства знакомая форма: малиновая фуражка, малиновые полулампасы, серебряный прибор — Северский драгун[178]. Я подхожу к полковнику, беру под козырек и называю себя. Он всплескивает руками и обнимает меня. Через 11 лет, приехав в Париж на всемирную колониальную выставку, я разыскал «маневра» Туганова[179] в дешевой гостинице. Вместо блестящего штаб-офицера Кавказской кавалерийской дивизии передо мной сидел старенький худой кавказец в более чем скромном штатском костюме. О нем, о Северском полковом объединении и вообще о военной эмиграции будет сказано позже.

Я пошел в штаб, чтобы повидать помощника дежурного генерала, генерал-майора Эрна[180], последнего командира Северского полка. Всюду порядок, чистота и приветливая деловитость. Генерала я не застал, но познакомился с нижегородским драгуном ротмистром Червиновым[181], братом нашего северца. В казарме, где мы остановились, жили кадеты, кончившие сводный Киево-Одесский корпус в столице Боснии Сараево и только что приехавшие в Крым для поступления в армию. Сараевцев направили в Сергиевское артиллерийское училище, а нас, небольшую группу тифлисцев, — в Ялту. Там в бывшем царском име-

нии Ореанда, рядом с Ливадией, был размещен сводный Полтавско-Владикавказский корпус с новым директором, генерал-лейтенантом Римским-Корсаковым. Переход из Севастополя в Ялту на маленьком пароходе был малоприятным развлечением. Сильно качало, особенно когда мы огибали южную оконечность Крыма, так что нам свет был не мил. Много позже я пересекал неспокойной осенью Атлантический океан, плыл из Хайфы в Венецию по Средиземному, Ионическому и Адриатическому морям, и вот это было удовольствие. Первенство в сильных морских ощущениях крепко осталось за Черным морем. Чудная ялтинская природа, летнее солнце, горы, казавшиеся кадетам из России чем-то вроде Гималаев, а нам, кавказцам, — чем-то вроде холмов, привычная, несмотря на полуголодное питание одной камсой, корпусная обстановка, и, главное, 16-летний возраст способствовали быстрому выздоровлению. В лазарете много играл в шахматы с Пушей Зеленским[182], которого через 58 лет похоронил в Вашингтоне, собирал кизил с Толей Жуковским[183], ставшим в Белграде балетмейстером Королевской оперы, и ходил в отпуск в город. В Ялте жили мои грузинские родственники, семья Кокоши Думбадзе, офицера-летчика, сына знаменитого ялтинского градоначальника и свитского генерала. Про генерала ходило множество еврейских анекдотов. Не анекдот, а факт имел место незадолго до войны на одном из модных немецких курортов, куда он приехал лечиться. Не зная ни одного иностранного языка и не имея знакомых, генерал в непривычном для него штатском костюме присоединился к компании богатых русских евреев, любимой темой разговоров которых была его персона. Он внимательно слушал всякие истории о себе, интересовался подробностями и от души смеялся. Анекдоты были не очень остроумны, но все рассказывали и переживали их с удовольствием. Вот несколько примеров. Один еврей восхищается тем, что Император Николай II, желая проверить пригодность нового пехотного обмундирования, с полным походным снаряжением исходил всю Ливадию. «Это ерунда, — говорит другой еврей. — Вот если бы он надел наш лапсердак и прошел мимо думбадзевского дома — это был бы геройский поступок!» Недалеко от берега тонет еврей и, увидев проходящего по набережной генерала Думбадзе с городовым, взывает о помощи. «Не трогать его!» — говорит генерал. Тогда догадливый еврей кричит: «Долой самодержавие!» — на что немедленно следует генеральское: «Взять его!»

Уезжая, Думбадзе послал развлекавшей его компании бутылку шампанского и визитную карточку с благодарностью за прекрасно проведенное время и за интересные подробности о его жизни, о которых он не имел ни малейшего понятия. Генерал умер за год до революции.

Вопреки всем этим анекдотам, ялтинские евреи отнеслись к его семье очень сердечно и помогали чем могли в трудные дни.

Посещал я также и нашего дальнего родственника князя Черкезова, исполнявшего в Ялте обязанности грузинского консула. Когда красные взяли Перекоп и падение Крыма стало вопросом дней, Черкезов и его милая русская жена убеждали меня оставаться с ними и не эвакуироваться с корпусом куда-то в полную неизвестность. У них, мол, дипломатическая неприкосновенность, надо будет только переждать первое время, а потом они переправят меня домой, в Грузию. Но я уже пережил прелести советского владычества во Владикавказе и понимал, что в Ялте будет еще хуже. Разговоры о том, что большевики в 1920 году уже не такие свирепые, как были в 1918-м, меня не убедили.

Ходил я в отпуск и к однополчанину и старому другу моего отца, генералу князю Бекович-Черкасскому[184], последнему командиру кирасир Его Величества. Обычно гвардейскими полками командовали гвардейцы, но для Бековича было сделано исключение. Во время Японской войны он уехал на фронт, получил орден Святого Георгия и вернулся в Северский полк. В Гражданскую войну он был правителем Кабарды и пользовался громадным авторитетом не только среди своих кабардинцев, но и вообще среди горцев Кавказа. Он умер в Париже. Бывший северец и александриец Посажной[185] посвятил ему стихи, правильно отразившие любовь кавказцев к Бековичу:

Слеза туманит эту фразу.
Черкасский князь, тебя уж нет!
Как передать мне твой Кавказу
Прощально-горестный привет.

Я грохот горного обвала
В парижском гуле услыхал.
Отчизна князя провожала,
Кавказ ему салютовал.

Прощай, кунак! Мы вместе жили,
Делили мир, и пир, и бой,
Царям и Родине служили...
Прощай, кунак! Аллах с тобой!

Жена Бековича, тоже кабардинка из княжеского рода Капланових, была моложе его на 25 лет, что ей не мешало обожать своего мужа. Я особенно ценил в ней «всероссийскость». Она много читала, копалась в исторических источниках и воевала с парижанами-сепаратистами, особенно с грузинами. Им было трудно возражать княгине

Надживат, так как она действительно знала Кавказ и его историю и не имела ни капли русской крови. Была она настоящей барыней, подходившей под английское определение «леди», женщина, в присутствии которой мужчины чувствуют себя джентльменами.

Наш корпус был переведен в более просторные казармы в Массандру. Там произошел случай, показывающий, как кадеты относились к произволу над населением. В корпус пришли две женщины с жалобой, что они купили на толкучке у какого-то молодого человека одеяла, а через несколько минут подошли два кадета и «реквизировали» купленное, как казенное добро. Старшие кадеты — сплошь фронтовики — решили взять это дело в свои руки, чтобы примерно наказать виновных. «Продавец» и «представители власти» были опознаны, а одеяла возвращены пострадавшим. Ночью первая рота была поднята и было прочитано постановление старших кадет, что за мародерство с виновников снимаются погоны и они будут выпороты шомполами. Это было очень неприятное зрелище, особенно когда один из них стал визжать как поросенок. На следующее утро все трое исчезли из корпуса. Начальство не знало или делало вид, что не знает о случившемся.

В первой роте расцвело увлечение спиритизмом, захватившее даже командира роты, полковника Редина[186]. Он лично не принимал участия в спиритических сеансах, но не препятствовал им. У Редина на фронте пропал без вести сын, и он часто приходил посмотреть, как идут сеансы и нельзя ли узнать что-нибудь о судьбе сына. Вопросы задавались на животрепещущие темы, вроде: «Чем кончится Гражданская война?» — «Победой белых». — «Когда?» — «Очень не скоро». — «Что будет с нами?» — «Уедете за границу». — «Куда?» — «В ...» Тут следовало непонятное сочетание букв, которое ярые адепты спиритизма позже, сидя в лагере в Югославии, задним числом подводили под его название: Стриище. Спрашивали еще: «Все ли вернемся в Россию?» — «Нет, только 300 человек». На конкретные вопросы иногда следовали более или менее удачные ответы.

Население Крыма и сам генерал Врангель не знали о тайных и усиленных переговорах между Пилсудским и Лениным в октябре 1920 года. Достигнутое ими соглашение о перемирии, а затем о мире было стратегическим предательством Польшей Врангеля. Это было вторым предательством Пилсудского: первое имело место осенью 1919 года. Большевики действовали тогда через Мархлевского, друга Розы Люксембург, старого приятеля и Ленина, и Пилсудского. Теперь из польских первоисточников мы знаем, чем руководствовался Пилсудский и его преемники. Пилсудский, как старый революционер, сочувствовал боль-

ше большевикам, чем белым генералам. Белые боролись за «единую и неделимую» Россию (что, между прочим, не распространялось ни на Польшу, ни на Финляндию), поэтому поляки на верхах считали, что помощь белым идет против польских национальных интересов. Сознательное бездействие польской армии осенью 1919 года позволило большевикам снять лучшие войска с польского фронта и перебросить их на юг против генерала Деникина. С другой стороны, как замечает бывший начальник польского Генерального штаба генерал Галлер, «слишком быстрое поражение Деникина также было не в интересах Польши. Мы предпочитали, чтобы его сопротивление продолжалось, чтобы советские войска были прикованы к фронту на более продолжительное время. Само собой разумеется, что вопрос был не в оказании эффективной помощи Деникину, а в продлении его агонии». Начальник польской академии Генерального штаба генерал Кутржеба идет дальше: «Когда обнаружилось, что Деникин не соглашался признавать независимость Польши (что было ложью, так как признание Деникиным независимости Польши было «безоговорочным и полным»), Пилсудский решил не помогать Деникину, а помочь Советам справиться с ним. В итоге польская армия неделями бездействовала, соблюдая якобы негласное перемирие, пока Советы вели операции против Деникина. Таким образом Пилсудский дал им возможность разбить Деникина» («Польска Зброина», 7 мая 1937 года).

Пилсудскому приписывается фраза, что он «сел в один поезд с Лениным, но вышел раньше, на станции, называемой «Польша». Ленин же поехал дальше, к мировой коммунистической революции. 19-летнее пребывание наследников Пилсудского на этой «станции» кончилось 17 сентября 1939 года, когда Красная армия нанесла полякам предательский удар в спину под предлогом освобождения от «фашистского ига» белоруссов и западных украинцев. Совето-польские переговоры о мире «велись в строжайшей тайне» от польского народа и от западных союзников. Третья русская армия генерала Бредова, ожидавшая в Польше перевоза к Врангелю, вместо Крыма попала за колючую проволоку. Это было предательством, не спасшим в конечном итоге Польшу и погубившим последний антибольшевистский бастион в Европейской России. Прекращение военных действий на польском фронте сразу сказалось в Крыму. Ударный лозунг «Все на Врангеля!» стал решительно проводиться в жизнь. Численное и огневое преимущество красных возросло в несколько раз, спешно подвозились резервы и военная техника. Сама природа ополчилась на белых: зимние холода начались гораздо раньше, и замерзли обычно не замерзавшие Сиваши.

Приказ об эвакуации пришел внезапно. Как я слышал потом, корпусное начальство растерялось и только с помощью старших кадет смогло провести эвакуацию в порядке. Жизнь в Ялте догорала, но никаких волнений не было. Подходили части конного корпуса[187] генерала Барбовича[188], прикрывавшие отступление войск генерала Кутепова. Глядя на усталых, но бодрых и подтянутых кавалеристов с белыми гвардейскими поясами, трудно было поверить, что они только что проделали тяжелый арьергардный переход от Северной Таврии до Ялты. Никаких демонстраций против белых я не заметил. Крым один раз уже пережил советскую оккупацию и знал, что это такое. Жители смотрели на нас с симпатией, одни женщины нас крестили, другие всхлипывали. Мое активное участие в эвакуации выразилось в том, что один раз я был назначен в городской патруль по пустеющим ялтинским улицам и раз поссорился с кадетами, бравшими на молу шинели из английских тюков, не успевших доехать до фронта. Генерал Врангель приказал оставить это обмундирование нетронутым, чтобы оно помогло русским людям, вольно или невольно оказавшимся под красными знаменами, перенести необычно суровую зиму 1920/21 года.

1 ноября сводный Полтавско-Владикавказский корпус погрузился на плоскодонную шхуну «Хриси», совершавшую лишь местные рейсы. Когда мы отплывали, был безветренный и ясный вечер. На «Хриси» яблоку было негде упасть — все было заполнено кадетами, персоналом и корпусными семьями. Первая рота расположилась на палубе, всматриваясь в постепенно исчезающие огоньки «нашего» Крыма, нашей России. По-моему, лучшее описание прощания с родной землей дал в своих воспоминаниях творец «чуда в Крыму» сам генерал Врангель: «Спустилась ночь. В темном небе ярко блистали звезды, искрилось море. Тускнели и умирали огни родного берега... Вот потух последний... Прощай, Родина!..»

Разлука с Россией больно сжимала сердце, но не было ощущения, что это навсегда. Была даже не надежда, а уверенность, что исход из Крыма не окончание, а только перерыв в вооруженной борьбе против большевистского зла, завладевшего нашей Родиной. На корме стройно зазвучали голоса: кадеты всех корпусов любили и умели петь. Под темнеющим, уже не русским небом неслись старые народные, военные и казачьи песни, сменявшиеся новыми добровольческими о том, как «смело мы в бой пойдем за Русь святую и как один прольем кровь молодую»; «Вспоили вы нас и вскормили, России родные поля, и мы беззаветно любили тебя, Святой Руси земля». Эта грусть и жертвенная готовность умереть, «сложить головы», «пролить кровь молодую» была типична для Белого движения.

И. Сагацкий[189]

XXX ВЫПУСК[190]

Донской Императора Александра III кадетский корпус собирался всегда к началу учебного года 15 августа. К 6 часам вечера съезжались «звери»; к 8 являлись старшие классы. Отремонтированные за время летних каникул помещения корпуса быстро наполнялись оживленным гудением голосов.

Среди кадет за последние месяцы происходили перемены: заметно увеличивался рост, шире раскрывались плечи, менялся голос, уверенней становились движения, походка, кой у кого намечался уже пушок на лице. Каждый привозил с собой много новых впечатлений, и ими хотелось возможно скорее поделиться с друзьями-одноклассниками.

В корпусе же все оставалось по-прежнему: посередине просторной двухсветной спальни — та же большая икона Божьей Матери с мерцающей перед нею лампадой, те же строго выровненные в четыре ряда кровати под серыми одеялами и с черными тумбочками для белья; в сотне — образ Георгия Победоносца; на прежних местах портреты Государей, Державного Шефа корпуса; подвиги Архипа Осипова, взрывающего пороховой погреб; майора Горталова, принимающего атаку турок на редут; рядового Василия Рябова накануне казни... Атака Лубенских гусар, таблицы форм полков гвардии и армейской кавалерии, сонеты К.Р.... В глубине залы заседланный конь, в нормальный рост, с длинной дорожкой для разбега, предназначенный для самых убийственных прыжков... Всюду знакомые лица служителей, трубачей, старого швейцара.

Однако при съезде осенью 1917 года как-то не ощущалось общего возбуждения и радости предыдущих лет. Конечно, за минувшее лето мы слишком возмужали, но, думаю сейчас, были и другие причины: встреча наша оказалась в этот раз более спокойной и потому что все мы еще оставались под впечатлением февральских событий, очень тревожных вестей с фронта, и потому что, не высказываясь, мы чувствовали себя сильно осиротевшими после драматического ухода из корпуса нашего директора, генерала Лазарева-Станищева[191], отказавшегося служить Временному правительству после отречения Государя Императора от престола. Помимо этого, кругом чувствовалась растерянность, недоговоренность, неопределенность, и нам эти настроения передавались тоже.

И мог ли тогда, 15 августа 1917 года, кто-нибудь предполагать, что именно нашему XXX выпуску — сплоченному и выправленному строю

кадет VI класса — уже было уготовано судьбой оказаться несколько месяцев спустя в самом центре грозных и беспощадных событий Гражданской войны?..

***

«Ажинов Владимир, Антонов Павел, Бородин Аврамий, Брызгалин Николай...» — так начинался в течение нескольких лет подряд список кадет моего II отделения. Он был одинаков в продолговатых черных книжках отделенного воспитателя — есаула Бориса Васильевича Суровецкого[192], всех преподавателей корпуса и в большом классном журнале, где ставились нам отметки за успехи и за нерадивость в науках. Теми же фамилиями открывался список и 15 августа 1917 года. Увы, дальнейшее внесло в него значительные изменения.

Новый учебный год начался как и всегда: сначала разбивка по ранжиру, распределение по кроватям и по партам, потом новые книги, общий молебен, первые уроки, первые отпускные дни.

В городе было нехорошо и нездорово: в нем появилось много незнакомых лиц, военных разных чинов, то в походной форме, то в форме мирного времени, порой блиставших боевыми орденами, а часто только пестротой своих полковых цветов.

Каждый раз кадеты приносили из отпуска все новые и новые неутешительные слухи о том, что творится в Петрограде и в других местах России, об увеличивающемся разложении на фронте, о тревожных настроениях на Дону и на Кубани.

Занятия шли вяло, уроки слушались невнимательно, и так постепенно подошла, со свинцовым небом, дождями, а потом и с холодами, суровая поздняя осень.

Россия быстрее стекалась на Дон. И вдруг как гром пронеслась весть о происшедшем октябрьском перевороте, о широкой волне бунтов, восстаний, расстрелов, катившейся теперь по всей стране.

Один из бывших кадет — юнкер Елизаветградского училища — рассказывал, как в Знаменке его юнкеров выбрасывали из вагонов озверевшие солдаты и матросы. Другие старшие кадеты — юнкера Николаевского училища — подробно объясняли, как они спаслись из разъяренного Петрограда и пробирались на Дон...

Эти рассказы стали единственной темой разговоров кадет и в классах, и на прогулках, и поздней ночью, в затихшей спальне.

А в ноябре, под Ростовом и Таганрогом, зазвучали первые выстрелы восставших большевиков. Из старших классов сразу исчезла небольшая группа кадет: во время дневной прогулки они просто перелезли

через чугунную решетку плаца и прямо отправились на фронт под Ростовом.

В воспитательском составе корпуса произошло смятение. Оставшимся кадетам было объявлено, что все бежавшие будут исключены из корпуса и что такой же драконовской мерой будут пресечены все дальнейшие попытки.

Однако некоторое время спустя после ликвидации ростовского восстания побывавшие в боях кадеты вернулись с повинной в корпус и были благополучно приняты обратно без всяких тяжелых для них последствий. Мы это очень оценили и приняли к сведению. Конечно, понюхавшие пороху под Нахичеванью обстоятельно рассказывали нам обо всем виденном и пережитом, и это еще больше взбудоражило сердца и умы. Старшие классы теперь только и говорили о предстоящих новых боях и сговаривались, как и куда уходить вместе, когда наступит час. Родители, корпус — ничто больше не интересовало их.

Уйти из корпуса стало в общем нетрудно, так как надзор за нами ослабел, как в городе, так и в стенах помещения: в это тревожное время войск в Новочеркасске почти не было, и кадеты строевой сотни, помимо кое-как продолжавшихся занятий, несли вместе с юнкерами гарнизонную службу в ответственных местах. Исчезнуть было таким образом весьма просто, но страшно было оказаться непринятым в часть или быть захваченным начальством во время бегства.

Но вот как только Чернецов приступил к операциям в Донецком бассейне, в его отряд двинулась большая группа наших кадет. Вскоре после этого корпус был закрыт и оставшиеся кадеты разъехались по домам.

Запоздавшие из старших классов, одиночками и небольшими группами, продолжали исчезать из Новочеркасска в партизанский отряд. Уходили с ними на фронт и студенты, и гимназисты, и реалисты, вся молодежь.

6 января 1918 года Марией Петровной Калединой, женой Донского атамана, в помещении Офицерского собрания давался последний бал. Под аккомпанемент рояля играл виртуоз-балалаечник, худощавый высокий брюнет — есаул Туроверов. Загулявший слегка есаул л.-гв. Атаманского полка Жиров[193] смешно дирижировал музыкантами на хорах. Вавочка Грекова, убитая позже под Екатеринодаром, с восторгом танцевала мазурку. В буфете, на лестнице, в зале было много парадных мундиров, кителей, доломанов. В этой пестрой толпе офицеров привлекали общее внимание ротмистр текинец, ординарец генерала Корнилова, и красивый, с румянцем во всю щеку, подполковник Черниговского гусарского полка, георгиевский кавалер и однофамилец генерала.

А потом, в Новочеркасске, еще больше падал снег, крепче трещали морозы. Жизнь как-то оборвалась и растворилась в массе походных шинелей и папах, заметенных метелями.

События Гражданской войны понеслись, как в калейдоскопе, с изумительной быстротой...

После окончательного освобождения Новочеркасска восставшими казаками и подоспевшим вовремя отрядом полковника Дроздовского[194] Донской кадетский корпус был снова открыт. Кадеты, находившиеся в армии, постепенно начали возвращаться в корпус для продолжения образования.

Когда мы расселись в классе по партам, оказалось много пустых мест: впереди не хватало нашего «козла» Вани Дьяконова, постоянного вдохновителя общих проделок и свалок, убитого в Корниловском походе. Не было на обычном месте и Павлика Антонова, тяжело раненного в Чернецовском отряде и зверски добитого большевиками на койке больницы Общества донских врачей. Пусто было и там, где сидел милый и горячий Володя Ажинов, скошенный двумя пулями под Выселками. Незанятым оставалось место тихого и набожного Бородина, лихого пулеметчика, скончавшегося от полученного тяжелого ранения под Кореновской. Другие места пустовали из-за того, что целый ряд раненых кадет оставался еще на излечении, среди них Николай Брызгалин, только что начинавший ходить на костылях, и «Халыба» — Гриша Иванович[195], бессменный в бою, до своего первого ранения, ординарец поручика Курочкина[196].

В 1-м отделении была та же картина: не хватало Пети Кутырева, убитого в голову в одном из первых боев Чернецова, и целой группы раненых кадет.

В остальных классах недосчитывались Леонида Козырева, Аркадия Семашко, Егорова, Андропова, убитых в разных отрядах, и других, не вышедших еще из госпиталей.

Когда наш добрый батюшка Тихон Донецкий, которого казаки Новочеркасска называли не иначе как «наш донской Златоуст», придя на урок, сел после молитвы за преподавательский столик, он медленно обвел класс глазами и тихо заплакал: «Бедные мои дети... Ведь здесь еще так недавно сидел Ваня... а там Володя... и Павлик...» Утирая слезы, он долго молча слушал рассказы очевидцев о смерти и о ранениях каждого кадета.

Корпусное начальство, однако, нас быстро «взяло в оборот», и повседневная жизнь снова заполнила все, отвлекая наши мысли от недавних тяжелых воспоминаний. Потеряв четыре месяца учения, мы проходили теперь форсированным темпом курс учебного года, сокращенный стараниями преподавателей до возможного минимума.

Вскоре пустые места в классах начали заполняться кадетами других корпусов, стремившимися закончить свое образование в единственном в то время действовавшем в европейской части России нашем Донском корпусе. В сотне, среди синих с красным кантом и вензелем Александра III погон, запестрели красные погоны Первого кадетского, 1-го Московского, Суворовского корпусов, черные Орловского Бахтина, синие — одессит, белые — Сумского и т. д. Мы, донцы, широко и любовно приняли новоприбывших в нашу семью и быстро подружились с ними. Многие из них тоже побывали на фронте, были среди них и раненые. От них мы узнали, как был заколот штыками наш донской казак Денисов — кадет Воронежского копуса, как в Корниловском походе несчастный Кикодзе Одесского корпуса продолжал идти в атаку с оторванными ногами, волочась на руках по пахотному полю и крича «Ура!», и многое другое.

В корпус вернулись и наши офицеры-воспитатели, не оказавшиеся безразличными к событиями Гражданской войны: из Корниловского похода — войсковой старшина и есаул братья Суровецкие[197], войсковые старшины Биркин[198] и Тусевич[199], есаул Арендт[200]; из Степного похода — войсковой старшина Какурин[201].

Потом стали прибывать из лазаретов выздоравливающие раненые кадеты. Сел на свое обычное место и маленький Брызгалин, тот самый, что в станице Ольгинской стоял на левом фланге Чернецовского отряда, только что присоединившегося к Добровольческой армии, когда капитан Курочкин представлял чернецовцев генералу Корнилову. Когда генерал подошел к третьему (кадетскому) взводу, капитан Курочкин доложил ему: «Кадеты всей России». Корнилов, поравнявшись с Брызгалиным, спросил его: «Сколько вам лет?» Брызгалин, стараясь ответить самым низким басом, произнес: «Шестнадцать, Ваше Превосходительство», на что генерал Корнилов, улыбаясь, заметил: «О, да у него уже бас...»

Общий строй понемногу приобретал все более и более однородный характер: кадеты других корпусов надевали наши погоны, и от этого еще крепче становилась общая спайка и дружба. Но не обошлось без инцидента: один из кадет V класса упорно продолжал носить форму своего Николаевского корпуса. Ему, красивому мальчику, видимо, было приятно щеголять в отпуску своим красно-черным поясом и драгунской шашкой, отличавшими его от других кадет. Одноклассники несколько раз дали ему понять, что таким поведением он высказывает явное пренебрежение к корпусу, приютившему его. Они подчеркнули ему, что его казачье происхождение обязывает быть особенно корректным к своему Донскому войску и нашему корпусу и что на ношение

шашки он вообще не имеет никакого права. Но так как этот кадет не обращал внимания на их слова, они решили дать ему урок военной этики, без участия начальства. Когда он как-то вернулся из отпуска в своей форме, отделение растянуло виновного плашмя и «покачало вниз пузом», объяснив ему во время экзекуции причину наказания. В Донском корпусе это было высшей карой, применявшейся по постановлению всего класса за отступление от кадетских традиций. Наказание было болезненное и опасное для провинившегося. Оно очень преследовалось начальством. Но наказанный кадет не пожаловался, полностью прочувствовал, что ему объяснили, немедленно надел наши погоны и сейчас же после этого стал полноправным членом общей семьи.

В XXX выпуске появилось много знаков: Чернецовского отряда, за Корниловский и Степной походы, Георгиевских крестов и медалей. Человек десять было произведено за боевые отличия сначала в прапорщики и позже в хорунжие или подпоручики. Новоиспеченные офицеры носили в корпусе кадетские погоны, но, уходя в отпуск, надевали офицерскую форму. Такое парадоксальное положение, наверное, было стеснительно для начальства. Однако это нисколько не помешало моему однокласснику Володе Полякову[202] прочитать на своей письменной работе по математике отметку преподавателя Ивана Николаевича Лимарева, убитого большевиками в Новочеркасске в 20-х годах: «Единица прапорщику».

Несмотря на все пережитое, юность брала свое, а с ней возвращались и кадетские привычки. Нелегко было и раньше бороться с ними преподавателям и воспитателям, после же партизанских отрядов и походов справиться с ними им стало еще труднее. Нужно отдать справедливость, кадеты других корпусов держались, по крайней мере вначале, в стороне от общих проделок. Наша же «буйная вольница» все время придумывала что-то новое. Так, однажды по отделению прошла таинственная инструкция начать ловлю мух. В свободное время закипела работа вдоль подоконников, и пойманные мухи были запрятаны в спичечные коробки в глубине парт. Потом прошел приказ выдергивать из парусиновых рубах ниточки и подвязывать их к лапкам заключенных мух. Операция эта была весьма деликатная и очень занятная: подготовлялась большая авиационная атака на противника. Мухи с подвязанными ниточками были возвращены в «арсеналы», то есть в спичечные коробки, а потом весь наличный авиационный состав был разбит на эскадроны и парки.

Наконец было собрано общее совещание с целью наметить «противника». Таковым, после обмена мнениями, был избран Федор Вениаминович Мюлендорф, преподаватель немецкого языка. Мы его

очень любили за добродушие, обожание немецких классических поэтов и смешной акцент. Полный, маленького роста, с большой лысиной и светлыми навыкат глазами, он был очень вспыльчив, и именно поэтому-то мы и остановились на нем. Он умер в Новочеркасске от голода в 20-х годах.

Когда Мюлендорф вошел в класс и мы замерли «смирно», ожидая конца рапорта дежурного, шепотом побежал на задние парты сигнал: «1-й и 2-й эскадроны истребителей... Контакт». Из-под приподнятых крышек парт начали появляться выпущенные из коробочек мухи с белыми ниточками на лапках. Сначала медленно, потом все быстрее они брали разгон по наклонному пюпитру и потом — «Ура»... мухи поднимались вверх... «Второй... третий парки... Контакт!» — и из соседних парт появлялись новые эскадроны.

Федор Вениаминович еще не успел разложить перед собой папки и книги, как перед его глазами прошла белая вертикальная черточка. Мюлендорф оцепенел, видимо ничего не понимая. Надо было видеть выражение его лица в этот момент! Потом перед ним прошла другая белая черточка, третья, четвертая... Мюлендорф сидел как зачарованный и медленно багровел... Внезапно он замер, взмахнул рукой и стащил со своей лысины, за веревочку, снизившуюся туда муху. Федор Вениаминович внимательно рассмотрел техническое оборудование этого бомбовоза и потом трясущейся рукою записал в штрафной журнал весь класс. Попутно он поставил в нем большую кляксу и, ставя последнюю точку, сломал перо... Конечно, как только о нашей авиационной атаке Мюлендорфа стало известно начальству, началось дознание. Как всегда, оно ничего не дало, виновных мы не выдали и мужественно отбыли наложенное наказание.

Еще позже выпуск был взволнован важным событием: один из кадет, вернувшись из отпуска, передал нам от имени «шпаков» вызов на общий бой. Провожая вечером гимназистку, за которой он ухаживал, он был окружен группой гимназистов Платовской гимназии. Среди них оказался безнадежно влюбленный в эту же девицу неудачный и ревнивый ее поклонник. Гимназисты стали задирать кадета, видимо намереваясь его побить. Но кадет был не из робких, да еще при шашке. Поэтому возбуждение гимназистов выразилось только в ругани, угрозах и, в конце концов, в предложении помериться силами, в укромном месте, всеми способными элементами Донского корпуса и их противников. Кадет торжественно пообещал представителям «шпаков» передать их вызов своим собратьям и дать ответ по указанному адресу.

Дело в том, что в Новочеркасске еще с давних времен существовала вражда между учениками Платовской мужской гимназии, «шпака-

ми», как называли их кадеты, и нами. Кадеты дружили с реалистами, защищая порой друг друга, и были в приятельских отношениях с Петровской гимназией. В последнее время к нашим врагам примкнула еще группа семинаристов, носивших у кадет кличку «свечкодуев». В основе вражды лежала затаенная к нам зависть гимназистов. Им никогда не присылали общих приглашений на торжественные вечера и балы; от них уходили предметы их обожаний — гимназистки, отдававшие предпочтение подтянутым и всегда веселым кадетам, хорошо носившим свою форму и четко отдававшим честь направо и налево в военном Новочеркасске. И сколько, таким образом, было разбито сердец «шпаков» на балах, концертах, на прогулках по Московской и в Александровском саду!

Период совместных испытаний в боях кончился, и теперь «шпакам», видимо, хотелось свести по-настоящему счеты за прошлое с особенно ненавистными им кадетами.

«Атаман» выпуска Федя Чирков[203] собрал заседание. На нем вызов «шпаков» был принят единогласно. «Штаб выпуска» взялся за разработку плана общего боя, другие занялись фазой сближения с противником и прочими деталями. Когда все было готово, «шпакам» был послан ответ: им назначалась встреча и обмен любезностями на Детской площадке Александровского сада, в определенный день и час. Место это было выбрано чрезвычайно удачно: Детская площадка, со всеми ее выходами и входами, была известна нам до мельчайших подробностей по концертам, бывавшим на ней в летнее время, и, как каток, в течение всей зимы.

Боевые элементы выпуска, отстранив хилых и очень усердных, в назначенное время исчезли из корпуса. Поодиночке, чтобы не привлечь внимание, мы сосредоточивались на Детской площадке к заходу солнца и занимали там указанные по плану сражения места. Когда смерклось, разведчики донесли, что «шпаки» ждут нас толпой наверху. Выпуск начал обходное движение с обоих флангов, резервы укрепились в засаде, все входы и выходы были перехвачены заставами.

По сигналу ударная группа «силачей» пошла наверх и быстро завязала там кулачный бой. Враги наши, видя перед собой немногочисленный ряд кадет, решили быстро справиться с ним и насели всей массой. Последние, отбиваясь, перешли в отступление, затягивая «шпаков» в «платовский вентер», то есть к подножию площадки, где в густых кустах были сосредоточены главные силы. Когда сражающиеся достигли нижних аллей, оттуда выскочили со всех сторон наши свежие подкрепления. Бой был короткий и горячий. «Шпаки» быстро дрогнули, рассыпались и обратились в бегство, ища возможности выйти. Но там их перехватывали наши заставы и на прощание всы-

пали дополнительную порцию горячих. Вскоре поле сражения было очищено от врагов.

В городе быстро узнали, что на Детской площадке творится что-то необыкновенное. Наш часовой у главного входа сумел перехватить известие, что на Детскую площадку уже мчится плац-адъютант из Комендантского управления и с ним офицер нашего корпуса. Боевой отряд кадет моментально рассыпался и разными путями понесся обратно в корпус. Плац-адъютант и наш офицер нашли Детскую площадку пустой. В сотне же серьезные, спокойные лица, ни одной заметной ссадины, все на местах: поди отыщи виновных. И скандала никакого. Так это и прошло.

К сожалению, в общей перепалке оказались и невинные жертвы. Одной из таких стал симпатичный и очень любивший кадет молодой парикмахер, у которого мы частенько стриглись «под польку». В день битвы он случайно попал со своим флиртом на Детскую площадку. Там, в темноте, его приняли за «шпака», сильно помяли и потом, как некоторых других врагов, раскачали и перебросили через решетку сада на улицу. Милый парикмахер очень горевал о происшедшем, мы же долго утешали его и извинялись, стараясь загладить роковую ошибку.

Так мы подошли к концу учебного года. В один прекрасный день Борис Васильевич Суровецкий объявил, что, по постановлению Педагогического комитета, экзамены отменены, и поздравил нас всех с переводом в последний, VII класс.

Кадеты разъехались на летние каникулы. Белое движение крепло, и Юг России очищался от красных. Новочеркасск сильно оживился. Появилась вера в светлое будущее, а с нею и радость жизни.

***

Осенью 1918 года, когда мы съехались снова, корпус оказался переполненным из-за прибывших к нам отовсюду кадет разных корпусов. Вместо нормального штата человек 50 в выпуске, в обоих отделениях моего VII класса теперь насчитывалось больше 100. Младшие классы тоже были расширены до пределов возможности. Всюду было проведено уплотнение пространства, и, чтобы облегчить создавшуюся обстановку, кадетам, у которых были родители в городе, было предложено стать «приходящими».

Список моего отделения, конечно, сильно пополнился. Как выяснилось однажды из общей переклички, в старших двух классах оказались представители всех 30 российских кадетских корпусов.

Пажеский был представлен графом Колей Ребиндером[204]; Первый кадетский — Орловым, Тарасевичем[205], Косяковым; 2-й — Кострюко-

вым[206]; 3-й Московский — Алтуховым[207]; Орловский — Сомовым и Бересневичем; Одесский — Романцовым, Яковлевым; Тифлисский — Либисом[208], Петровым; Воронежский — Донсковым и т. д. Это была большая, веселая и однородная по духу семья. Никого ничему не надо было учить: все были своими, так как в нас во всех было заложено одно и то же воинское воспитание.

Новый директор, генерал-лейтенант Чеботарев[209], бывший офицер 6-й л.-гв. Донской казачьей Его Величества батареи, окончивший Михайловскую артиллерийскую академию, очень умело взял корпус в свои мягкие, но уверенные руки.

Помимо проявляемого им большого интереса к нашему учению, к строевой и гимнастической подготовке, он всячески старался оживить повседневную жизнь кадет, часто устраивая концерты и балы. Сам талантливый поэт, генерал Чеботарев принимал близкое участие в издании корпусного журнала «Донец» и читал на вечерах свои стихи. Мы сразу оценили его и даже не старались придумать ему кличку.

6 декабря, в день корпусного праздника, в Сборном зале после церкви был парад. Перед атаманом проходили церемониальным маршем бывшие и настоящие кадеты. В шеренге первого выпуска, среди других офицеров, шел Африкан Петрович Богаевский[210]; в одной из следующих старался попасть в ногу путавшийся в рясе и разучившийся уже ходить по-военному батюшка. Много дальше, звеня шпорами, отчетливо заходил плечом строй юнкеров Новочеркасского училища, и, наконец, мы, все остальные.

В сотне неожиданно появился атаман Петр Николаевич Краснов[211] и объявил о том, что производит полковника Леонтьева[212] в генерал-майоры. Мы грянули «Ура!» и бросились к нашему командиру. Но смущенный и растроганный Леонтьев угрожающе затряс бородой и руками: «Не смей! Тут есть и постарше!» Не тут-то было: сразу сзади сильно нажали несколько десятков крепких рук, подхватили его, и «деревня» стал подлетать под самый потолок... Леонтьев продолжал с возмущением что-то кричать и жестикулировать в воздухе. Петр Николаевич Краснов смотрел на сцену с благодушной улыбкой.

Однажды вечером в класс на занятия пришел Суровецкий и — о удивление! — в новых штаб-офицерских погонах. Это было приятной для нас неожиданностью, но мы были сильно смущены тем, что не успели поздравить его с производством. Во время короткой перемены класс быстро сговорился, и, когда на втором часу вечерних занятий Борис Васильевич сел на свое место, минут пять спустя мы без команды отчетливо вскочили и замерли «смирно». Суровецкий в недоумении посмотрел даже на дверь, предполагая, что пришел кто-нибудь из выс-

шего начальства. Но старший отделения Митяй Косоротов в коротком слове объяснил, что кадеты просят принять их общее поздравление. Суровецкий был тронут и расцеловал Митяя.

В праздничные дни выпускному классу разрешалось после вечернего чая переходить в Сборный зал. Там шли нескончаемые разговоры и воспоминания о жизни разных корпусов, о недавних боях и походах. Кто-нибудь садился за рояль, смыкался круг, и пелись хоровые песни, кончавшиеся общей «звериадой». Порой играл балалаечный оркестр или просто гудели гребешки, и мы лихо танцевали друг с другом. Устраивались и настоящие концерты. На них читались стихи. Орловец Бересневич рассказывал солдатские истории, одессит Вилли Романцов смешил до боли в животе еврейскими анекдотами и т. д. Ставились иногда целые пьесы, подчас весьма веселого характера. Одна из таких «драм» читалась на 14 разных языках, благодаря наличию представителей корпусов всей России, знавших самые разнообразные провинциальные наречия и европейские языки. Это было очень смешно, и мы веселились от души.

В один из таких вечеров выпуск устроил свой закрытый парад. К нему мы подготовлялись довольно долго, устраивая себе кивера, доломаны, расшитые шнурами от оконных штор, собирая в городе погоны, оружие и шпоры.

Никто из воспитателей теперь нас больше не тревожил, поэтому в назначенный день мы надели пестрые разнообразные формы и с хором «трубачей», то есть балалаечников, выстроились всем выпуском в зале.

Раздалась команда. «Генерал» выпуска, Гриша Иванович, в генеральском артиллерийском мундире своего отца, с саблей, важной походкой вошел в зал. Он поздоровался с парадом и, медленно обойдя фронт, обратился к выпуску со словом. Но вдруг, к нашему ужасу, отворилась боковая дверь и на пороге ее показался командир сотни генерал Леонтьев, возвращавшийся случайно из лазарета. Он опешил, замедлил шаги и издали с изумлением разглядывал шеренги странных офицеров... Гриша Иванович, однако, не растерялся и сразу подошел к «деревне» с рапортом. Генерал Леонтьев довольно серьезно выслушал его и прошел к середине строя. От Ивановича отделился его адъютант Володя Поляков, в белых «лосинах», иначе говоря кальсонах, и в экзотическом доломане, и, прыгая козлом, на воображаемой кровной лошади, передал командующему парадом приказание проходить церемониальным маршем. Леонтьев не удержался, улыбнулся и даже спросил: «А это что же, гусар, что ли?»

— К церемониальному маршу! Повзводно... на одну взводную дистанцию! — раздалась команда.

Хор «трубачей» грянул марш, и выпуск стал проходить перед начальством. Гриша Иванович, держа руку под козырек, почтительно склонялся к «деревне», представляя ему части... Легкая кавалерия шла курц-галопом.

Но вместо ожидаемой нами похвалы за старание, мы расслышали слова Леонтьева: «Дураки... жеребцы» — и «деревня» смеялся себе в бороду.

После рождественских каникул стали серьезно нажимать на занятия. Дело в том, что выпускные экзамены были объявлены обязательными по всем предметам. С другой стороны, в то время как кадеты не казаки могли выбирать между нашим юнкерским училищем, где было открыто четыре отдела: пластунский, конный, артиллерийский и инженерный, Кубанским, Киевским пехотным и Сергиевским артиллерийским, мы, коренные донские кадеты, были обязаны поступать только в наше Новочеркасское. Число вакансий на его артиллерийский, инженерный и даже конный отделы было довольно ограниченно, предвиделась конкуренция со стороны, и поэтому стало необходимым срочно выравнивать и поднимать свои отметки. Развлечения были заброшены. Мы насели на книги. Повседневная жизнь стала серьезной, сосредоточенной, и благодаря этому даже посыпались прибавки баллов за поведение. Борис Васильевич Суровецкий нередко теперь приходил из города в вечерние часы, чтобы помогать отстающим. Лучшие математики собирали вокруг себя слабых учеников, разбирали с ними задачи и натаскивали их по самым трудным вопросам. Кончить корпус должны были все, и на этом сосредоточилась воля выпуска.

И вот наступили экзамены. Пусть останется тайной, как именно мы подготовились к ним. Но, верно, для ныне здравствуюих наших бывших воспитателей и преподавателей будет необыкновенным сюрпризом узнать, что, хотя экзаменационные темы и хранились под ключом в кабинете инспектора классов, тем не менее главные из них стали нам известными в самый последний момент.

Каюсь в этом от лица всего XXX выпуска и даю слово, что совершилось это без всякого участия или попустительства кого-либо из воспитателей, преподавателей или служителей корпуса.

За темы по математике сразу засело несколько самых лучших учеников. Быстро решив задачи, они опрашивали каждого: «Сколько у тебя по этому предмету?» И если у кадета выходило шесть, ему давали решение на восемь баллов; если у него было восемь, то на десять и т. д. Эта умеренность была совершенно необходима, дабы у начальства не появилось подозрения в самостоятельности экзаменующихся. В общем

же все оказались довольны, клянчившим же больше сообща порекомендовали уменьшить претензии.

Гораздо хуже вышло с темами по русскому языку: тут уж корпорация помочь ничем не могла, но все же открылась возможность проштудировать заранее намеченные вопросы. В конце концов после математики остальное было маловажно.

Когда на экзамене были объявлены темы, лица кадет угнетали сосредоточенностью. Самые сильные математики, как и следовало ожидать, сдавали работы первыми. Более слабые относили их с приличным опозданием, сделав тревожное или немного разочарованное лицо. Плохим же ученикам было приказано дотянуть до того момента, когда экзаменаторы начали сами почти силой отбирать решения задач у оставшихся. Улыбки не было ни одной. Но зато, вернувшись в сотню, экзаменовавшиеся особенно резво неслись в курилку, хлопали по плечу и щекотали друг друга. Царила полная радость, но причина ее должна была остаться секретом решительно для всех, кроме кадет XXX выпуска.

Преподавательский и воспитательский состав, видимо, был доволен ходом экзаменов. Правда, кадеты подметили, что на некоторых устных экзаменах Суровецкий подкладывал знакомые билеты коекому из наиболее слабых учеников, но страдные дни, затянувшиеся на добрый месяц, все же подходили к концу. Самое страшное — аналитическая геометрия, тригонометрия, русский — были сданы. Оставшиеся экзамены не пугали уже никого: на них, в крайнем случае, даже плохим ученикам можно было теперь и провалиться с полным чувством собственного достоинства.

Явившись как-то, как «приходящий», из дому на один из экзаменов, я узнал, что накануне в корпусе произошло необычайное событие.

Воспользовавшись дежурством скромного и неискушенного в кадетских проделках есаула Шерстюкова, XXX выпуск в темную безлунную ночь, целиком, в сапогах и фуражках, умудрился выскользнуть из постели, спуститься вниз и через оставленное открытым окно выбраться на плац перед корпусом. Один из кадет прихватил с собой трубу урядника. Два же других неизвестными средствами и путями проникли на колокольню корпусной церкви и подняли там трезвон во все колокола. Услышав его, патруль домовой охраны из местных жителей решил, что это набат и что в городе где-то замечен пожар или какая-то другая тревога. Трезвон кадетской церкви был подхвачен соседними церквями, и так пошло по всему Новочеркасску. А в это время строй голых кадет слушал с энтузиазмом несколько пламенных прощальных речей, обращенных к XXX выпуску. Один из кадет, взобравшись на тумбу, вдохновенно читал свои стихи, потом другой кадет, на трубе урядника, начал играть боевые

сигналы. По ним повелось учение, закончившееся наступлением и смелой общей атакой метеорологической будки. Выпуск благополучно вернулся прежним путем в спальню. Набат же еще долго продолжал звучать в городе, где, видимо, никто ничего не понимал и обыватель беспомощно метался с пожарной кишкой или винтовкой в руках.

Начинать кампанию новых дознаний ввиду кончающихся экзаменов было невозможно. Конечно, на мое лицо «зачинщика» лишний раз было обращено особое внимание, но тут-то при всем желании меня зацепить никак было нельзя, так как в эту ночь я действительно спал дома, да еще на собственной кровати. Воспитатели ограничились каменными выражениями лиц, неприятными намеками и фразами: гроза бурлила где-то на неизвестной глубине.

И вот наступил день: последний экзамен был сдан. Заниматься стало нечем. Кадеты готовились к разъезду и проводили время в классах и в Сборном зале в долгих разговорах.

Потом Борис Васильевич Суровецкий сделал нам полный отчет о результатах экзаменов. В порядке старшинства по окончании корпуса был прочитан список выпуска и отметки, шедшие в аттестат. Поздравив нас с окончанием корпуса, Суровецкий перешел ко второй части своего сообщения: он объявил, что, по приказанию свыше, весь выпуск, с вахмистром во главе, вместо каникул, прикомандировывается на один месяц к юнкерскому училищу, отбывающему летний сбор в лагере на Пересияновке. Борис Васильевич пообещал нам, что там нас хорошо «возьмут в шоры», и с улыбкой просил этому нисколько не удивляться. Одиночных наказаний за недавний ночной выход никто не получил. Постановление начальства, хотя оно многих и не устраивало, мы приняли бодро и тоже с улыбкой.

Наконец был выпускной бал, и после этого мы уехали отбывать дисциплинарный стаж при юнкерском училище.

Осенью для окончивших во Фронтовом зале был устроен прощальный обед с воспитателями и преподавателями. Мы сидели вразбивку с ними и непринужденно разговаривали и с Федором Павловичем Ратмировым, и с милейшим «лаптем» Александром Ивановичем Абрамцевым[213], и с Федором Вениаминовичем Мюлендорфом, с нашим общим любимцем Иваном Николаевичем Лимаревым, с «деревней» и другими. Мы сами теперь объясняли им детали наиболее нашумевших наших проделок. Воспитатели и преподаватели казались совсем иными: не строгими, имевшими права на все наши радости и горести, а добрыми, досягаемыми, отечески приветливыми, тоже по-своему переживающими грусть прощания. Они сами заботливо угощали нас едой, подливали в стаканы вина.

Произносились тосты, от которых наворачивались слезы, и шире расправлялась наша грудь: Мы — XXX выпуск!

А в голове неясно мелькало: «Спасибо вам за все, дорогие наши церберы и экзекуторы, семилетние терпеливые жертвы нашей юности, строгостью, внимательностью и преданностью своему делу сумевшие обуздать и довести до конца нашу трудную и бурлящую семью. Прощай, родной, до смерти запечатленный в душе Донской Императора Александра III мой кадетский корпус».

После прощания поступившие в Новочеркасское военное училище кадеты строем, под командой своих офицеров, покинули навсегда корпусные стены. Это была последняя с нами служба Бориса Васильевича Суровецкого.

В училище нас приняли под свое покровительство бывшие донские кадеты — Миша Данилов, вахмистр 1-й конной сотни, и Володя Поляков, вахмистр 2-й пешей сотни. С этим перевернулась последняя страница нашей юности и началась другая жизнь.

Б. Прянишников[214]

ПОСЛЕ БАЛА ВЕСЕЛОГО...[215]

Не так давно на страницах «Родимого Края» появились подкупающие своей искренностью воспоминания Е. Крыловой о последнем бале в Донском Императора Александра III кадетском корпусе.

Давно это было — в 1919 году. Многое стерлось из памяти о тех давнишних днях, но, слава богу, не все. Отлично помню, что в тот день я был одним из распорядителей этого бала. Стараниями кадет в классных помещениях были устроены нарядные гостиные с картинами на стенах; были устроены также киоски с прохладительными напитками. Готовились к балу тщательно, ибо среди приглашенных были не только наши донские гимназистки и институтки, но также институтки Смольного и Харьковского институтов, вынужденные покинуть захваченные большевиками Петроград и Харьков.

Наш традиционный бал давался в день корпусного праздника, 6 декабря. Как известно, 6 декабря Православная Церковь праздновала день святого Николая Чудотворца.

1919 год... Год надежд на свержение большевистского ига. Но стал он годом трагических разочарований, годом гибели всего, что было тогда особенно близко сердцу донского казака и русского человека.

В этот день в стенах Донского кадетского корпуса веселье было безмятежным. Множество нарядной публики, заполнившей Сборный зал и гостиные, хозяева-кадеты, местные гимназистки и, конечно, в центре внимания институтки трех институтов. Танцы под звуки отличного духового оркестра. И конечно, флирт с новыми знакомыми, вызывавший ревность наших милых дончих. Эту ревность испытал и я на собственном опыте.

Охотно верю, что мой приятель Сережа Слюсарев[216] так молниеносно влюбился в харьковчанку. Что тут скажешь? Дело молодое, всем понятное — блажен, кто смолоду был молод. Все выглядит так волнующе и симпатично в предложении руки и сердца, сделанного Сережей харьковчанке Е.Л.

Сережа действительно был смелым и доблестным воином, пошедшим по зову сердца и патриотического долга на фронт борьбы с коммунизмом. В те дни немало кадет 6-го и 7-го классов уходило на фронт проводить с пользой для Отечества летние каникулы. Так и я провел лето 1918 года в рядах Партизанского пешего казачьего полка, впоследствии Алексеевского пехотного полка[217], прошедшего с боями по степям Ставрополья и Кубани во время Второго похода Добровольческой армии. Не помню только, был ли Сережа произведен в офицеры за отличие в боях. Но в то время такой случай был вполне возможен.

Отгремели вальсы и мазурки, в вихре которых носились юные пары, никак не предполагавшие, что над ними уже нависла с севера грозная вражья сила. Быстрыми бросками к Новочеркасску двигалась Красная армия. И праздник Рождества Христова мы все, кадеты 7-го и 6-го классов, встретили в Задонье, отступая на Кубань. В яркий солнечный день последнего Рождества в России на горизонте сияли золотом купола Новочеркасского собора, одного из самых больших и красивых соборов России. Не думал я тогда, что вижу собор в последний раз.

Отступая по Кубани, мы дошли до станицы Павловской, где и расположились по квартирам у местных жителей. Уже на походе из Новочеркасска через станицы Аксайскую и Ольгинскую наша старшая кадетская сотня была включена в Донскую армию. Мы несли разного рода тыловую службу. Вскоре наш XXXI выпуск, около 70 человек, был переведен на младший курс Атаманского военного училища.

Конец января 1920 года. Свирепствует тиф, валятся с ног один за другим юнкера. Заболел и я. И вновь, после очередных крупных неудач на фронте, нужно отступать. В морозный день нас, больных и по большей части находившихся в полубессознательном состоянии, погрузили в теплушки на станции Сосыка и отправили в Екатеринодар кружным путем через Староминскую и Тимашевскую.

В Екатеринодарском запасном госпитале № 4 ВСЮР я лежал в огромной палате для тифозных больных. Едва стал поправляться, как заболел другим тифом — возвратным.

Первые дни марта 1920 года. Красные подступают к Екатеринодару. И опять эвакуация. В вагонах санлетучки на всех полках, в том числе и на багажных, расположились больные юнкера, среди них — многие мои друзья и приятели. Страдали от последствий тифа, питались чем бог послал. Медленно тащилась санлетучка, умудрившаяся проделать за три дня путь, обычно преодолеваемый пассажирским поездом за четыре часа. Наконец прибыли в Новороссийск и перебрались из санлетучки в вагоны-теплушки, стоявшие в одном из железнодорожных парков огромной товарной станции Новороссийска.

Настали дни Новороссийской катастрофы. Утром 13 марта по-весеннему приветливо и ласково светило солнце. А где-то недалеко ухали пушки — красные подходили к Тоннельной. С трудом взобравшись на крышу теплушки, я был поражен открывшимся передо мною зрелищем. По обе стороны железнодорожного парка змеились колонны отступавших белых полков. Их было так много, что у меня невольно возник вопрос: неужели с таким количеством закаленных в боях воинов нельзя организовать крепкую оборону Новороссийска? И сразу пришел к заключению, что пора и нам, больным и, может быть, забытым, собираться и уходить в порт на погрузку.

К счастью, мы не были забыты. Начальник училища генерал Семенченков[218] послал, в сопровождении казака, старшего портупей-юнкера Н.Ф. Кострюкова, который сказал нам, что нас ждут на пароходе. Быстро стали собираться в трудный для слабосильных переход. Тех же, кто из-за слабости не мог двигаться, предполагали перевезти на подводах. Увы, подвод не оказалось, и около тридцати больных юнкеров попало в руки красных.

Среди тяжелобольных был и Сережа Слюсарев. Сквозь полузабытье он сообразил, что нужно уходить. Он едва выбрался из теплушки, но идти не смог. Тогда его посадили на лошадь Н.Ф. Кострюкова и поддерживали, чтобы он не свалился на землю. Так он вместе с нами добрался до Восточного мола, и как раз в тот момент, когда перегруженный людьми пароход «Россия» отчаливал от набережной. Не помню точно, успел ли Н.Ф. Кострюков погрузить Сережу Слюсарева на пароход. Помню только, что мы остались на молу в ожидании чуда. Закутавшись от холода в одеяла, разбросанные по молу из разграбленных отступавшими частями складов, мы, примерно двадцать юнкеров, задремали, предварительно насмотревшись на гигантские пожары, взметнувшиеся к вечернему небу над складами Новороссийска.

Чудо все же свершилось! Кто-то надоумил англичан, и ночью к молу, как раз против нас, пришвартовался их миноносец. Словно бревна, нас перебрасывали на палубу миноносца сильные руки английских моряков. Спасены!

Утром в открытом море англичане перегрузили нас на пустой угольщик «Доланд», видимо с опозданием шедший в Новороссийск, уже занятый красными. Черные от угольной пыли, через несколько часов мы прибыли в Феодосию.

А затем славные дни Крыма. Бои под Каховкой. Служба по охране тыла от зеленых в горах Крыма. Краткий период нормальных занятий в Севастополе. Последний поход училища на фронт после захвата красными Северной Таврии. Занимая участок фронта по Сивашу между Сальковским и Перекопским перешейками, мы слышали гул канонады на обоих наших флангах и готовились к последней схватке. Но она не состоялась — пришел приказ форсированным маршем уходить в Джанкой и дальше поездом в Севастополь. Вместе с Сергиевским артиллерийским училищем мы охраняли Севастополь во время посадки на пароходы отступивших от Перекопа войсковых частей. Последний парад на Нахимовской площади, принятый генералом Врангелем.

Лемнос, палатки и пронизывающая сырость греческой зимы. Скудный французский паек. Унылое настроение. И зов французских сирен: поступайте в Иностранный легион. Среди уговаривавших — бывший преподаватель французского языка в корпусе, Феликс Павлович Шмидт, офицер французской армии. К сожалению, зов сирен не остался гласом вопиющего в пустыне. Среди записавшихся был и Сережа Слюсарев. Что с ним сталось потом — в точности не знаю. Были вести, что пал он смертью храбрых в бою с друзьями в Сирии. Вероятно, с ним пали и другие. Царство им Небесное и вечная слава!

В. Милоданович[219]

ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОГО КОРПУСА

(По рассказам бывшего кадета В.С.)[220]

Манифест Государя Императора об отречении от престола и о передаче власти Временному правительству прочел кадетам директор корпуса генерал-лейтенант Лазарев-Станищев. Серьезность этого акта отражалась на сумрачных лицах начальства. Никто из нас не мог себе

представить, почему это случилось, но все чувствовали в событии что-то трагическое.

Вскоре после этого директор корпуса ушел в отставку, и его заменил генерал-лейтенант Чеботарев. На занятия в корпусе и на весь уклад жизни в нем революция не имела влияния — все шло как и до нее. Начальство воздерживалось комментировать события. Октябрьский переворот тоже не внес изменений в жизнь корпуса. Так подошло Рождество 1917 года, и кадеты разошлись на праздники по домам.

Настал 1918 год, и события ускорили свой бег. Застрелился атаман Каледин. Накануне прихода большевиков в Новочеркасск начальство коротко объявило, что занятий не будет в течение неопределенного времени, и корпус опустел опять.

Затем большевики вступили в город, и сразу же начались расстрелы и всякие бесчинства. Были убиты новый атаман Назаров[221] и его помощник, полковник Волошин[222]. Погиб один из героев Великой войны летчик Чукарин и множество других, главным образом офицеров, даже стариков в отставке. Среди погибших был и один кадет чужого корпуса.

Красные банды жили в длинных поездах, стоявших между мостом через реку Тузлов и Хотунком, селением в одном километре от входа в город по Петроградскому спуску.

В ночь на первый день Пасхи казачий отряд в несколько сот человек неожиданно появился со стороны Бессергеневской станицы и захватил большевиков врасплох. Мало кто ушел из них живым, и на рассвете город был в руках казаков.

На первый день Пасхи на Соборной площади был отслужен молебен. Население высыпало на улицы приветствовать освободителей. Но уже на третий день большевики подтянули такие силы из Ростова, что удержать город оказалось невозможным и он снова очутился в руках красных. Однако на этот раз из города ушло почти все мужское население и в том числе много кадет даже младших классов.

В конце апреля Новочеркасск был вторично взят казаками и оставался свободным до 1920 года. Вскоре был издан приказ, что все кадеты должны вернуться в корпус. Где только их не было: и в калмыцких степях, и вдоль железной дороги Котельниково—Зимовники, и в импровизированном Донском речном флоте! Многие из них вернулись с Георгиевскими крестами или медалями, но вернулись не все: погибли два кадета старших классов. Жизнь стала вновь входить в нормальную колею, но занятия в корпусе возобновились только осенью 1918 года.

6 декабря 1918 года был отпразднован корпусный праздник. Парад принимал атаман Краснов, а церемониальный марш по традиции открывала группа бывших кадет, среди которых был и один священник.

Форма кадет перешла на защитный цвет с такими же погонами со старым трафаретом на них. Шашки у 1-й сотни были заменены винтовками. В корпус были приняты кадеты иных корпусов, оказавшиеся на Дону. Наибольшую группу составляли среди них кадеты Одесского корпуса. Вследствие увеличения числа кадет в некоторых классах были открыты третьи отделения, а живущие в Новочеркасске стали приходящими. Воспитательский состав был также усилен группой офицеров, участников Великой войны.

В 1919 году день корпусного праздника, 6 декабря, был отпразднован традиционным способом. Парад принимал атаман Богаевский. Однако фронт неудержимо катился к югу, и уже 12 декабря корпус стал отпускать кадет на рождественские праздники, но не все могли уехать домой. Считая и живущих в городе, в корпусе осталась половина примерно кадет. 21 декабря был объявлен уход корпуса пешим порядком.

1-я сотня, примерно 50 человек, уходила отдельно, сопровождая багаж, по особому маршруту. Кадеты 2-й и 3-й сотен уходили вечером. Малыши 1-го класса оставались дома, а из 2-го класса была только небольшая группа. Узнав, что из арсенала выдают винтовки, кадеты быстро вооружились ими. Около 7 часов вечера кадеты построились на дворе. Пришло пять офицеров-воспитателей, но высшего начальства видно не было. Казалось, что идем на прогулку, но только был вечер, а не день! После проверки, не остался ли кто-нибудь в здании, колонна из ста с небольшим кадет двинулась в путь, который оказался таким далеким, как никому не могло даже и сниться!

***

Кадеты шли с песнями. Прохожие с любопытством останавливались, одни смотрели, казалось, с недоумением, другие махали руками на прощание. Прошли главную, Московскую улицу с гулявшими, как всегда, по тротуарам людьми. Иные останавливались и смотрели на колонну кадет. Пройдя Платовский проспект, спустились к окраине города, миновали последний уличный фонарь и вскоре вышли на полевую дорогу, идущую по равнине, поглощенной ночной тьмой. Был легкий мороз, снег хрустел под ногами. Стало известно, что идем в Старочеркасск. Строй почти не соблюдался, требовалось только не растягиваться. Привалы делались очень короткими, чтобы никто не уснул и не потерялся. Пройти предстояло около 15—20 километров.

В Старочеркасск пришли после полуночи и остановились на ночлег в известном на Дону Старочеркасском монастыре, в котором остава-

лись всего только несколько часов. Немного поспали, отдохнули, поели и перед рассветом приготовились к походу в станицу Кагальницкую, находившуюся в расстоянии примерно в 75 километров.

Мороз и снег в степи чередовались с оттепелью с таким туманом, что не было ничего видно дальше чем на 20—30 шагов. Дорогу можно было определить только по колеям от возов. Встречные были редкостью, колонну иногда обгоняли одиночные всадники.

Вечером 24 декабря пришли в Кагальницкую, и на следующий день была дана дневка — отдых, высушивание одежды и обуви. Несмотря на почти 100-километровый поход, все были в хорошем настроении, пели песни. В помещение кадет вдруг вошла интересная дама в полушубке, с револьвером на поясе. Она что-то спросила и направилась к офицеру, сидевшему среди группы кадет. Оказалось, что это его жена, которая покинула Новочеркасск после ухода кадет и теперь догнала их. Счастливая встреча с мужем привела ее в хорошее настроение, и она присоединилась к пению. Создалась почти семейная обстановка.

Пребывание в станице Кагальницкой омрачилось приказанием разоружиться. Очевидно, начальство желало придать кадетам вид обыкновенных школьников и тем предохранить их от возможных неприятностей. Однако это приказание вызвало у кадет большое удивление: они, в возрасте 13—15 лет, показали себя во время долгого похода совсем неплохими солдатами, а часть их была уже раньше награждена Георгиевскими медалями. Кроме того, положение вообще было такое, что даже женщины вооружались! Да и форма одежды оставалась военной и после разоружения! Приказание было, конечно, исполнено, но уже в самом ближайшем будущем пришлось пожалеть об отсутствии винтовок, хотя в конце концов все кончилось благополучно.

Утром 26 декабря выступление в направлении к станции Кущевка, Владикавказской железной дороги. Расстояние примерно в 90 километров прошли в четыре перехода. На ночлег останавливались, как и раньше, в школах. Стояла оттепель, снег таял, промоченная обувь не успевала высохнуть за ночь. В последнем перед Кущевкой селении, название которого забылось, провести ночь спокойно не удалось из-за враждебного отношения населения. Спать не рекомендовалось. Безоружные кадеты патрулировали на улицах. В селении не удалось достать почти ничего, но ночь все же прошла без особых инцидентов.

29 декабря пришли в Кущевку ночью. Стояла непроглядная тьма, и только лай собак напоминал, что здесь живут люди. Улица была покрыта жидкой грязью с невидимыми под ней ямами. Попадая в них, кадеты обдавали друг друга слякотью, которая залетала и за воротники, и в карманы шинелей.

Впереди послышались голоса и ржание коней и показался свет фонаря в начале моста через реку Ею. Перед мостом было скопление людей, коней и повозок. Деревянный мост был, вероятно, очень старым: местами недоставало досок в настиле, не было и части перил. Одна из повозок застряла на мосту и остановила движение прочих повозок. Между тем через мост проходила в том же направлении, на юг, большая конная часть, как говорили — кубанская. Всадники шли гуськом, надеясь, очевидно, на инстинкт лошадей. Вереница их казалась бесконечной, и, как оказалось потом, конница шла еще и в 8 часов утра.

Колонне кадет предоставлялся выбор: или ждать в грязи до утра, или пробираться через мост одновременно с конницей, тоже гуськом, по одному-два человека. Начальство выбрало второе. Кстати, около полуночи лошади из застрявшей повозки были выпряжены и уведены, а сама повозка сброшена с моста в воду. Сбор был назначен на станции, откуда предполагалась отправка кадет уже по железной дороге.

Переход через мост продолжался до 5 часов утра, а дорогу к станции кадеты узнавали потом в здании местного правления, у входа в которое висел горевший фонарь.

На станции в теплом зале ожидания весь пол был усеян спящими людьми. Можно было думать, что среди них были и больные тифом, а потому кадетам рекомендовалось оставаться на платформе. Перед рассветом был легкий мороз, мокрые шинели подмерзли и хрустели. Вдруг откуда-то появился кипяток, и кадеты стали его расхватывать в свои грязные кружки, висевшие на поясах. Вкус воды отдавал не то паровозом, не то грязью в кружках, но кадеты пили воду, не обращая внимания на ее вкус и закусывая куском сахара.

Единственный состав, находившийся на станции, состоял из нескольких товарных вагонов, стоявших на запасном пути. Хотя вагоны и были пустыми, но до сих пор никто ими не воспользовался, так как по сведениям, полученным от станционного персонала, в них перевозили тифозных, частью уже мертвых. Выбора, однако, не было!

Кадеты принялись за работу. В виде дезинфекции выпалили внутренность вагонов соломой, затем доставили железные печки, нанесли свежей соломы и устроились в них вместе с начальством. В тот же день, 30 декабря, вагоны были прицеплены к товарному поезду, который на следующий день привез их в Екатеринодар.

В Екатеринодаре корпус встретил директор, генерал Чеботарев, и командир 3-й сотни, полковник Васильев[223]. Кадеты были помещены в театре, на соломе. Ни название этого театра, ни той столовой поблизости, где варился такой вкусный борщ и жарились такие же вкусные

котлеты, в памяти не сохранились. Вообще же питание было очень хорошим.

Однако сразу же начались заболевания тифом. Затем корпус был перевезен по железной дороге в Новороссийск, а больные остались в Екатеринодаре. Большинство из них, выздоровев, успели присоединиться к корпусу в Новороссийске.

В Новороссийске кадеты были помещены в одноэтажной городской казарме. Здесь же в городе находилась и 1-я сотня, к тому времени очень малочисленная из-за заболеваний тифом — в ней было едва ли больше 30—35 кадет. Помещалась она где-то отдельно. Командовал ею генерал-майор Леонтьев. Его чин, понятно, не отвечал должности, но, давно уже произведенный в генералы, он не захотел расставаться с корпусом. Он пользовался общим уважением, умел обращаться с кадетами, был заботливым командиром, строгим, но справедливым, и его энергия никогда не ослабевала. Особенностью жизни в Новороссийске были нападения зеленых на город. Они грабили и убивали, а затем исчезали в горах. Эти нападения все время учащались, и к концу пребывания корпуса в городе происходили чуть ли не каждую вторую ночь. Однажды зеленые перерезали весь солдатский караул и освободили своих, взятых в плен. Это случилось неподалеку от казармы, где спали кадеты, не подозревавшие о происходившем. Гарнизон Новороссийска был небольшой, и его поддерживало военное судно, стоявшее в порту. Оно освещало прожекторами подступы к городу и обстреливало их своей артиллерией.

Кадеты 1-й сотни несли караульную службу. Позже к тому же были привлечены и другие кадеты, караулившие малые склады. Винтовки в таких случаях они получали от смененного караула, других не было.

При тревогах безоружная часть кадет выстраивалась вместе со своими офицерами на дворе казармы и стояла так до конца тревоги. Кто-то из кадет назвал в шутку этот порядок «встречей зеленых». Действительно, на это было похоже! Что могли сделать безоружные кадеты?

В Новороссийске скончались от тифа директор корпуса генерал-лейтенант Чеботарев и командир 3-й сотни полковник Васильев.

Однажды в феврале кадет посетил капитан Крэг, из британской военной миссии. Он говорил по-русски, с улыбкой обменялся с кадетами несколькими словами и, пробыв минут десять, ушел. Визит его был вскоре забыт кадетами, но не Крэгом, который с этих пор стал вершителем судьбы корпуса.

21 февраля 1920 года пронесся слух, что завтра состоится погрузка на пароход. Как начальством, так и кадетами слух был встречен с

сомнением. Около трех часов утра следующего дня — очередная тревога: гул артиллерии, трескотня пулеметов и винтовок... Кадеты простояли в строю минут двадцать. Потом все утихло. Тревога будто бы запоздала, и после нападения зеленые были уже в горах. После шестинедельного пребывания в Новороссийске эта ночь оказалась последней на русской земле!

22 февраля 1920 года последовал приказ о посадке на пароход «Саратов». Прибыл новый директор корпуса генерал-лейтенант Черячукин[224].

На пароходе было много пассажиров, частью — раненых. Были и женщины. Кадеты были помещены в трюме, среди тюков каких-то товаров. В тот же день вечером пароход вышел в море. Куда шел «Саратов», никто не знал, но можно было думать — в Турцию. Капитан Крэг был на пароходе, но не показывался.

Первая остановка была в Константинополе, где пароход простоял на рейде несколько дней. Пронесся слух, что здесь высадят женщин. Это было против их желания, и одна из них даже бросилась вечером с борта в воду. Спасла ее надетая на ней шуба, которая удержала ее на поверхности воды, пока матросы не вытащили владелицу шубы.

По тем или иным причинам никто из женщин высажен не был. Пароход пошел дальше, в Эгейское море, и на один день остановился при острове Родос.

Кормили кадет на пароходе английскими мясными консервами, большей частью — холодными. Вместо хлеба давали куски грубого шоколада. Слитки его были размером вроде квадратного метра. При раздаче шоколад рубился топорами на полу, и при этом куски его разлетались во все стороны. Кадеты научились ловить их в воздухе. При еде шоколад неприятно хрустел на зубах, кто говорил — от сахару, а кто — от грязи на полу.

После Родоса сильно качало. Показался остров Кипр. Пароход остановился далеко от берега, простоял два дня, а затем причалил к пристани в Фамагусте. Все было приготовлено к высадке, но приказания не последовало. На пароходе кончалась питьевая вода, вместо нее в Фамагусте приняли апельсины, величиной почти с арбуз. Каждый получал потом по пол-апельсина в день. Ночью «Саратов» ушел дальше.

Появилось несколько случаев заболевания тифом. Больных поместили в отдельную каюту и оставили почти без ухода, может быть, по неимению медицинского персонала. Ухаживать за ними назначались кадеты, перенесшие тиф раньше. Вообще же многие кадеты тоже были полубольными от английской пищи, качки и недостатка сна. Среди тюков в трюме никто не мог порядком выспаться, а если кто распола-

гался на ночлег на верхней палубе, то рано утром, при уборке палубы, его нечаянно или в шутку обливали водой. Лежать днем начальство не разрешало.

Движение парохода на юго-запад давало понять, что мы идем в Африку. Действительно, дня через два показалась земля и стал вырастать город и порт: Александрия в Египте.

***

Около 15 марта, после почти трехнедельного плавания, кадеты сошли на берег, неуверенно ступая по земле: все время казалось, что она качается! В Александрии кадет прежде всего отвели в карантин, как оказалось — на две недели.

В здании карантина кадетам было отведено отдельное помещение, с отдельным же двором, окруженным забором. Корпусное начальство было в другом отделении, тоже с двором, за стеной. На следующий день утром англичане раздели кадет донага, оставив каждому лишь кожаный пояс и ботинки, и увезли одежду для дезинфекции. Кадеты надели пояса на голое тело. Затем им были выданы полотенца, для маскировки, и шлемы на голову, для предохранения от лучей солнца. Одетые таким образом, кадеты провели весь день на дворе, до шести часов вечера.

День тянулся чрезвычайно долго. От нечего делать некоторые кадеты придумали особую «офицерскую форму в Африке»: тонко скручивали полотенце и надевали его через плечо, затыкая за пояс концы спереди и сзади. Получалась имитация офицерского пояса союзников. Английские повара так это и понимали и обращались к ним со словом «Офицер!» и давали в котелок хорошую порцию пищи. Вообще кормили в карантине хорошо, и кухня приезжала трижды в день.

Но «офицерская форма в Африке» долго не продолжалась. Начальство получило свою одежду очень быстро, появилось на кадетском дворе и сразу же «отменило» эту форму.

По окончании карантина кадеты были перевезены в поезде в лагерь при селении Тель-эль-Кебир, в пустыне. Жили там в палатках, спали на соломенных матрасах, положенных на песок. В лагере был все же водопровод, умывальные и уборные. Лагерь был обнесен колючей проволокой, с английским караулом у входа. Странно было то, что иногда можно было выходить из лагеря, а иногда — нет! Но в общем, идти-то было некуда!

Около лагеря проходил канал, по которому шли арабские баржи с товарами. Вода в канале была слишком грязная, и купаться в нем европейцам было запрещено (арабы купались).

В этом лагере кадеты пробыли около месяца, а потом были переведены в постоянный лагерь в Измаилии, на Суэцком канале. Этот лагерь был гораздо лучше первого. Он был расположен километрах в трех от города и в одном километре от Суэцкого канала, возле шоссе, обсаженного деревьями. К шоссе против лагеря подходило озеро, соединенное с каналом. Оно называлось «Крокодильим», но крокодилов в нем не было, и можно было ловить только рыбу. Для купания оно все же не годилось, и кадеты ходили купаться в Суэцком канале, где был и хороший пляж.

Около города был большой парк с пальмами и другой растительностью. Там росли кокосовые орехи, финики, желтые и синие, и инжир. Кадеты иногда посещали этот парк. Срывать фрукты с деревьев было запрещено, но поднимать их с земли разрешалось. Этому делу помогали иногда обезьяны. Если их раздразнить, они бомбардировали оскорбителей, бросаясь сверху кокосовыми орехами. Но кисти фиников, к сожалению, обезьяны не считали достаточно действительным оружием и их не бросали. В парке были сторожа-арабы, и у кадет иногда возникали с ними конфликты, но начальство об этом как будто бы не знало.

Спали кадеты в палатках, по три человека в каждой, места было достаточно. Англичане навезли строительного материала для постройки бараков. Одним из главных архитекторов был полковник Биркин, который знал это дело, а рабочими — кадеты. Построили бараки для столовой, для склада, классов и церкви, всего 6—7 бараков легкой тропической конструкции. Построили, конечно, и кухню с тремя стенками и крышей для защиты от дождя и ветра.

В помощь поварам ежедневно назначался наряд из кадет младших и средних классов. Другой наряд был за получением продуктов из английского склада. Провиант и одежда выдавались по нормам, установленным для английских солдат. Из оружия была только одна шашка для часового кадета у входа в лагерь. Возле караульной палатки стояло в козлах несколько винтовок, но их никогда не трогали. Сами кадеты обслуживали лагерь во всех отношениях: сами стирали свое белье и чистили лагерь.

Что касается учебного дела, то с помощью ИМКИ были собраны необходимые пособия, часть их была прислана из Парижа. Прибыло и несколько педагогов. Корпус пополнился кадетами, отставшими от него по болезни и оказавшимися на островах Архипелага. Появился также и 1-й класс из малышей-пансионеров, эвакуированных из Новочеркасска своим путем. Учение шло почти нормально.

Летом во время жары занятий не было, и кадеты проводили дни в воде Суэцкого канала. Для развлечения устроили футбольное поле.

Это приветствовалось англичанами, и каждую неделю приходили английские солдаты играть с кадетами. Эти игры нередко кончались ранениями, а иногда и переломом костей. Позже начали приходить арабы, индусы, малайцы и греки. Греков всегда сопровождал автомобиль с Красным Крестом, который никогда не уходил после игры пустым.

Генерал Черячукин владел английским и французским языками и потому приобрел обширное знакомство. В Каире он представился Главнокомандующему британской армией в Египте генералу Конгриффу, в Измаилии англичане приглашали его на свои праздники и маневры.

На Пасху 1921 года состоялась экскурсия группы кадет в Иерусалим и по святым местам. Предполагалась и театральная постановка на русском языке, которая, однако, не состоялась из-за происходивших между евреями и арабами столкновений, во время которых арабы выбили окна в театре и повредили провода электрического освещения.

В конце 1921 года была другая экскурсия, когда 40 кадет отправились в Каир. Там кадеты были помещены в казармах британского полка, блиставших чистотой. Англичане на этот счет были строги! Кадеты увидели пирамиды, сфинкса, побывали в Историческом музее с мумиями фараонов под стеклом и пр. Некоторые из мумий сохранились очень хорошо, но лица их были черны как уголь.

На второй день пребывания кадет в Каире программа была нарушена беспорядками. В городе было введено военное положение, и выход на улицу был воспрещен. Кадеты провели весь день на балконе внутри казарм и были свидетелями любопытного зрелища: на двор въезжали грузовые машины с арестованными арабами. На дворе их наказывали, а затем выгоняли за ворота пинками ног. Дело было организовано и шло быстро, как при футбольной игре, только вместо мяча были арабы. Через несколько минут на дворе не оставалось ни одного араба, и «игроки», английские солдаты, гуляли по двору, насвистывая любимые мотивы, другие закуривали трубки, а некурящие жевали резину, ожидая следующей партии арабов. Через два дня все утихло.

Кадеты успели осмотреть роскошный старый дворец с бассейнами и фонтанами и богато украшенную внутри главную мечеть, после чего вернулись в Измаилию.

В кадетском лагере, кроме канцелярии корпуса, была и канцелярия капитана Крэга, значения которой кадеты не понимали. Им казалось, что все исходит от директора корпуса, а Крэг вообще лишний.

Крэг не был офицером в полном смысле этого слова. Было известно, что он иногда выступает в Египте в качестве священника, то есть, иными словами, он был «капитаном духовной службы» — такая кате-

гория офицеров имеется в западных армиях. В лагере его видели то в военной форме, то в штатском платье. Во внутренние дела корпуса он не вмешивался, — они принадлежали директору, — но судьба корпуса зависела не от директора, а от тех директив, которые получал Крэг от своего начальства. Таким образом, он был как бы «комиссаром» корпуса. В его канцелярии у него были помощники: лейтенант и сержант. С этим последним кадетам пришлось однажды познакомиться.

Дело было такое: сержант напился пьян и уснул в своей палатке при зажженной свечке. Палатка загорелась, но кадеты вытащили сержанта из огня, как и ящик с патронами, стоявший у него под кроватью. Прочее, включая самую палатку, сгорело.

***

Капитан Крэг вдруг исчез из лагеря так надолго, что кадеты считали, что он больше не вернется. Но в начале 1922 года он вернулся и привез директору корпуса предписание из Лондона о передвижении и расформировании корпуса. Генерал Черячукин ответил, что, пока он не получит приказания, адресованного ему лично, корпус не сдвинется с места. Крэг убеждал его, что это дело уже решенное, что не стоит упорствовать и терять время, но генерал стоял на своем. Крэг просил его начать хотя бы запись желающих ехать в Англию, но генерал отказал ему и в этом и начал наводить справки.

Он обратился к атаману Богаевскому и к генералу Конгриффу. Оба ответили сначала, что им ничего не известно, что они запросят Лондон, а пока, мол, ждите! Затем спустя некоторое время оба подтвердили правильность сообщения капитана Крэга.

Убедившись, что ждать больше нечего, генерал Черячукин собрал кадет и сказал им о случившемся, подчеркнув, что «нигде не нашел поддержки против махинаций темных сил». Итак, с корпусом было покончено, и кадеты должны были распылиться по разным странам.

Только после этого была назначена запись желающих ехать в Англию, но таковых не нашлось. Запись в Соединенные Штаты, куда было намечено отправить до 200 кадет, постигла та же участь. Тогда капитан Крэг заявил, что квота в Соединенные Штаты обязательна, и составил список сам, начав с 1-го класса, полностью, до двух третей 5-го. Остальных он распределил по гимназиям европейских государств.

В начале весны 1922 года лагерь в Измаилии опустел. Кадеты были перевезены по железной дороге в Александрию и погружены на пароход «Оксфорд». Во время плавания кадеты собирались на верхней палубе и пели песни. Иногда к ним подходил и директор, но уже не было

никаких командиров, приказов, строя и т. д. Эти несколько дней кадеты жили как одна большая семья.

«Оксфорд» остановился в Константинополе, на Босфоре, против американской концессии с большим парком. Здесь должна была высадиться американская группа кадет, которую небольшими группами стали перевозить на берег. Но собрать всех назначенных в Америку не удалось. Капитан Крэг обратился к генералу Черячукину с просьбой воздействовать на кадет, но Черячукин отказался. Крэг ответил на нежелание высаживаться тем, что прекратил выдачу пищи упорствующим. Однако это не помогло, так как кадеты делились с ними получаемой пищей.

Тогда Крэг объявил, что пароход не сдвинется с места, пока все назначенные в Соединенные Штаты не высадятся. Это не помогло! Пароход простоял два дня, и тогда Крэг сказал, что задерживать пароход дольше он не имеет права и потому должен прибегнуть к силе. Пришлось подчиниться.

На следующий день на палубе появились матросы. Одни стояли у сходней и проверяли кадет по списку, другие патрулировали на палубе. Этим и закончилась высадка самой большой группы, и в тот же день пароход увез остальные группы. Крэга на палубе уже не было, его миссию приняла на себя Лига Наций.

Часть кадет сошла на берег в Бургасе. Последняя остановка была в Варне. Из Варны часть кадет уехала в Шумен, а другие остались в Варне ожидать отправки в Чехословакию. Ждать пришлось шесть месяцев! Представитель Лиги Наций, г-н Коллинс, несколько раз обещал, что отправка состоится вскоре, даже на следующей неделе, но дни проходили, а отъезд все откладывался. Причины так и остались кадетам неизвестными.

Предполагая, очевидно, что кадеты в Варне не задержатся, болгарские власти поместили их в землянках около кладбища, где жили когда-то пленные, а весной, когда потеплело, разрешили жить в привезенных кадетами из Измаилии палатках. Первое время у этого малого лагеря стоял жандармский пост, который не позволял кадетам ходить в город. Поставлен был и столб с надписью по-болгарски: «Стой! Здесь — заразные болезни!» (которых, однако, не было). Кормили кадет супами и кашей отвратительного вкуса, утром давали чай с привкусом немытых котлов. Кадеты спали в палатках на земле, подложив под себя одеяло. Когда наступил октябрь, похолодало и начались дожди. Чтобы вода не попадала в палатку, нужно было ее постоянно окапывать. Имя г-на Коллинса вспоминалось все чаще и чаще, сопровождаемое различными эпитетами.

Генерал Черячукин и несколько офицеров тоже высадились в Варне и жили в палатках, но вне лагеря кадет. В своем лагере кадеты оставались без начальства, если не считать мистера Коллинса, который иногда приходил к кадетам и разговаривал с ними.

Наконец, в середине октября 1922 года кадеты уже сидели в поезде. Не хотелось даже верить, что мы едем! Но — поехали! Начальником эшелона был один из наших офицеров, молодой поручик.

Поезд шел по маршруту София—Белград—Будапешт—Братислава—Брно—Чешская Тржебова. Здесь мы провели ночь на вокзале. От недельного сидения в вагоне 3-го класса болели кости. Затем утренний поезд отвез нас в Моравскую Тржебову.

Первые две недели мы провели в карантине, в очень хороших условиях, а затем нас определили в тамошнюю русскую гимназию. Почти трехлетний путь окончился для нашей группы как нельзя лучше, и все пережитое стало казаться сном!

В. фон Берг[225]

ПОСЛЕДНИЕ ГАРДЕМАРИНЫ[226]

Открытие Морского корпуса в Севастополе в 1919 году

Темная, теплая южная ночь нежила в своих объятиях море, горы и мирно спавший на их склонах город Севастополь.

С далекого темного неба смотрели ласковые звезды в черную глубину Северной бухты, бледным светом играя в волне, омывавшей участок Морского корпуса. На широкой деревянной пристани стоял высокий, кряжистый старик Селезнев, с длинной седой бородою, подпоясанный подсумком, с винтовкой за плечами.

Страстный рыбак по профессии, вольнонаемный сторож корпуса, он с радостью вскочил бы в шлюпку и забросил удочку или сеть в темную воду залива, а тут сторожи мертвый участок горы с недостроенным зданием корпуса и офицерскими, почти никем не обитаемыми флигелями.

Но, пересилив искушение, он поправил подсумок и ружье и медленным шагом пошел с пристани на белое шоссе, ведущее с пристани к главному зданию громадного белого дворца — корпуса. В одном из крыльев высокого здания громоздились штабеля дубового паркета, кафели для печей, изразцы пола и черепицы для крыши. Старик заглянул в пустые, длинные залы, прислушался — никого... тихо. Пошел дальше

своим дозором и, дойдя до левого крыла большого здания, услышал мой свисток.

В этом году я, как бывший командир роты Его Высочества этого корпуса, был назначен заведующим всем имуществом и зданиями Морского корпуса и начальником его охраны. Жил я в своей квартире в белом флигеле на берегу Северной бухты Черного моря. Здесь, под крылом Божьей милости, сохранилось в целости все мое гнездо.

В эту тихую летнюю ночь вышел я из своего флигеля на очередную проверку дозорных и услышал ответный свисток Селезнева. Я поднялся на звук, по тропинке, к сторожке, подошел к старику. Он взял винтовку к ноге и приподнял шапку.

— Все благополучно, Селезнев? — спросил я.

— Все благополучно, Владимир Владимирович.

— Ну, пойдем вместе, — сказал я.

Мы спустились в подвалы и нижние этажи флигелей, где у меня хранились дорогие стекла для окон громадного здания и медные приборы к окнам и дверям. Убедившись в целости замков и складов, мы обошли четыре офицерских флигеля на берегу. С моря дул предрассветный ветерок. Луна скрылась за черной водою. На востоке протянулась розовая полоса.

Ясное утро летнего дня. Под звуки медных горнов и звон рынд на судах поднимаются Андреевские флаги и начинается живая, суетливая работа офицеров и команды. В порту давно прогудел гудок, там стучат молотки и шипят горны, тысячи рабочих копошатся в мастерских и доках.

По рейду пробегают катера, ялики под парусами с базарным людом; на авиационном плато шумят и гудят пропеллеры, готовые к отлету; шумит, просыпается город Севастополь, бредут его граждане на службу и работу. Только на участке Морского корпуса тихо и безлюдно... как на забытом кладбище. Белый высокий дворец тянет свои стройные колонны в голубое утреннее небо, как бы прося у него пощады, спасения от неминуемой гибели разрушения. Корпус! Где твой директор?.. Где твои кадеты, где учителя?

Морской корпус, рожденный Царями, убитый революцией. Скажи, ты погиб навсегда или явится сильный и смелый и кровью сердца своего, любящего Родину, вольет в тебя жизнь? Так думал я в это утро, сидя у себя в белой столовой за дубовым прадедовским столом, накрытым камчатской скатертью, и пил из севрского фарфора с гербами прибалтийских рыцарей ячменный кофе с ситным хлебом.

Со стен смотрели на внука портреты предков в овальных золоченых рамах. Солнце заглядывало в комнату и шаловливыми зайчиками бега-

ло по хрусталю, серебру и никелю журчащего самовара, по шкапу красного дерева, с дорогой старинной посудой. Ярко сверкал паркет, крепко натертый воском.

В продолжении шестнадцати лет прослужил я в Морском корпусе в Петербурге и в Севастополе, начав воспитательную деятельность еще в мичманском чине при адмирале Чухнине. Я видел своими директорами адмиралов Римского-Корсакова, Воеводского, Русина, Карцева и Ворожейкина. Все зимы учил и воспитывал кадет и гардемарин в стенах родного мне корпуса; а каждое лето уходил в плавание со своими воспитанниками на судах отряда Морского корпуса в своих и заграничных водах.

За эти 16 лет я прошел через все офицерские должности в корпусе до ротного командира включительно. Корпус украсил мундир мой всеми орденами до Святого Владимира включительно; баловал меня приказами, наградами, дарил счастье, высокую честь и полное духовное удовлетворение в служении родному флоту, воспитывая и образовывая для него славных, доблестных морских офицеров. Сколько сотен таких прошло через мои руки, и как бесконечно дорога мне их благодарная память!

Вот я в Севастополе — командир роты Его Высочества; в этой роте должен был воспитываться Наследник Цесаревич. Апогей мечты всякого воспитателя! И вдруг... грянула революция... Закрыли любимый корпус. Разлетелась золотая мечта. По той же причине, только позже, закрыли Отдельные гардемаринские классы и Петроградское Морское училище...

Кто я? Заведующий зданиями Морского корпуса, хранитель его богатств, его священных традиций, морского духа, его памяти, его реликвий. Это все, что досталось мне за 16 лет педагогического труда, самой высокой, искренней, горячей любви к корпусу и к его детям-воспитанникам.

Взглянув в окно, я вдруг увидел, что с моря, мимо каменного форта, идет небольшой изящный пароход под Андреевским флагом, по типу похожий на яхту. Яхта под военным флагом вышла уже на рейд и стала на якорь. Вскоре у правого трапа закачался полированный катер. В него вошли три человека, и катер отвалил от борта, взяв курс на Морской корпус... Я встал с кресла и, не отрываясь, смотрел в бинокль.

«Что это за судно? — подумал я. — И кто на нем?.. А ведь они к нам!»

Катер быстро поглощал пространство. Спускаюсь я из флигеля по дорожке на пристань, с тяжелой связкой ключей. Едут гости; иду их встречать. Кого только не встречал я на этой пристани: и Государя

Императора Николая II, и Наследника Цесаревича, и адмирала Колчака, и министра генерал-адъютанта Григоровича, и адмиралов Русина и Карцева, и множество других... Кого-то Господь посылает теперь и что привезут эти люди с собою? А они уже у пристани, и все трое выходят ко мне.

Впереди идет молодой офицер, в черной тужурке, с погонами старшего лейтенанта, с углом из ленты русского национального флага на рукаве. Стройный, небольшого роста, плотно и крепко сложенный, с открытым русским лицом, в рамке черных волос, подстриженных бархатным ежиком, над большим, широким лбом упорного и сильного характера. На висках чуть-чуть серебрятся густые черные волосы. Энергичный рот под щеткой черных усиков, «а-ля американ», сияет мне навстречу белыми зубами, сердечно-радостной улыбкой.

На лице, обветренном и загорелом, под дугой черных бровей, блестят энергией и волей полные жизни, темно-карие глаза.

Он протянул мне руку и громким, бодрящим голосом сказал:

— Здравствуйте, Владимир Владимирович! Не узнаете своего бывшего воспитанника?

— Машуков![227] Николай Машуков? — воскликнул я радостно. — Узнаю, конечно, узнаю! — И горячо пожал его руку.

И перед моим духовным взором протянулся длинный ряд желтых, полированных конторок, в большом ротном зале Петербургского Морского корпуса; за одной из них, в синей голландке с белыми погончиками, сидел прилежный, кропотливый кадетик, разбираясь в книге флотов всего мира, составляя таблицы сравнительных боевых сил артиллерии, брони, судового состава, изучая национальные флаги и сигналы. Точный, исправный, религиозный, с чистой душой и горячим сердцем, в те юные еще года уже так пламенно любивший Русский флот и свою великую Родину.

— Еще бы не помнить! Вы и тогда уже выделялись среди кадет, — сказал я и еще раз крепко пожал его руку. — Уже старший лейтенант, плаваете, где? на чем?

Он повернулся к морю, указал рукою на стоявшую на рейде яхту:

— Вот мой корабль. Я командир вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий»[228], доставил в Севастополь Его Превосходительство генерала Ставицкого[229], — он представил мне одного из своих спутников, — и полковника английской службы Юнга, — указал он на другого.

Мы представились друг другу. Затем Машуков объяснил мне цель их приезда. Русский генерал и английский полковник попросили меня показать им все здания и кладовые корпуса; я повел их для осмотра. Машуков следовал за нами. Гости мои долго, добросовестно осматри-

вали флигеля, склады и главное здание корпуса на горе, записывали данные, переговаривались между собою. Оказалось, что они приехали искать свободные здания под боевое снаряжение армий, действующих на Юге России, предполагали отдать Морской корпус Красному Кресту.

После осмотра я проводил комиссию на пристань. По пути Н.Н. Машуков спросил меня:

— Как вы думаете, Владимир Владимирович, можно было бы теперь открыть корпус?

Вздохнув, я ему ответил:

— Эх, Николай Николаевич! Столько сюда приезжало людей и комиссий, чтобы открывать «приют для беженцев», «симферопольский университет», разные «склады», теперь «Красный Крест» или Морской корпус, но до сих пор еще никому ничего здесь открыть не удалось. Зданий и материалов на многие миллионы; все сохранено в полном порядке, есть чем работать, да некому поднять это большое трудное дело. Конечно, было бы великое счастье, если б Морской корпус снова ожил на этой, ныне мертвой горе, но пока — это всего лишь мечта.

Сверкнув на меня темно-карими глазами, Машуков сказал:

— Я попробую осуществить эту мечту!

— В таком случае торопитесь, дорогой Николай Николаевич. Не дайте уйти корпусу от родного флота! — сказал я ему.

Миссия простилась. Вошли в катер, и он, застучав мотором, в белой пене волны, быстро уходил от корпусной пристани.

Старший лейтенант Машуков приветливо помахал мне рукою, привет был и Морскому корпусу, который он принял в свое сердце в эту минуту и жизненной силой своей захотел и его вернуть к жизни.

Волшебный кораблик, принесший на борту своем судьбу Морского корпуса, судьбу, которая вошла в сердце его командира и водила его рукою, волей и умом, был пароходом общества РОПИТа (Русское Общество Пароходства и Торговли) «Цесаревич Георгий». Он был взят белым командованием для военных действий по освобождению Родины от красного разрушения. Его вооружили тремя 75-мм пушками, и Андреевский флаг взвился за его кормою.

Матросами этого корабля были казаки, юнкера, гимназисты и реалисты Армавирской, Екатеринодарской, Керченской и Ялтинской гимназий, словом, вся та пылкая и честная молодежь, которая не могла спокойно взирать на то, как терзали их Родину-мать злобные, разрушительные силы; та белая молодежь с различных фронтов, которая не жалела ни молодой жизни своей, ни горячей крови для спасения Родины.

И не приди этот корабль в тот год и в тот день в Севастополь, не было бы Морского корпуса ни в этом городе, ни в Бизерте; и те славные и милые юноши и мальчики, которые сейчас имеют высокую честь быть мичманами, гардемаринами и кадетами Русского флота, остались бы гражданами самой страшной, кошмарной республики, которой нет подобной на всем земном шаре.

Спустя несколько дней Н.Н. Машуков приехал снова ко мне в гости уже запросто. Я созвал свою семью и познакомил его с нею. Н.Н. Машуков долгие часы говорил, и с жадностью слушали мы все его живые, славные рассказы о победоносной защите Юга России, Кавказа, Украины, Крыма; но жаднее всего слушали мы его мечты, его широкие планы и смелые проекты об открытии родного нам и любимого всей семьей моей Морского корпуса.

Перед тем как уехать, Н.Н. еще раз прошел со мною по зданиям корпуса; по пути обсуждая размещение кадет, штаты и откуда брать оборудование мебелью и книгами, которые ликвидационная комиссия корпуса в 1918 году сдала во временное пользование училищам города Севастополя. Обсудив все подробно, дошли мы до пристани, и моторный катер унес моего дорогого гостя на его корабль. Вечером «Цесаревич Георгий» снялся с якоря и пошел в Новороссийск.

11 июля 1919 года. Рейд города Новороссийска. Стоит на якоре «Цесаревич Георгий». В своей командирской каюте, за письменным столом, сидит старший лейтенант Машуков и быстрыми, ловкими пальцами бьет по клавишам пишущей машинки. Бегут печатные строчки, скрипит бумага, звонит колокольчик. Брови командира сдвинуты, на лбу между ними глубокая складка, темные глаза серьезны, бегают по строчкам. На лице волнение. Сердце горит.

Он пишет рапорт по начальству об открытии Морского корпуса и вкладывает в каждую строчку всю свою душу, всю горячую любовь свою к флоту и все надежды, что его поймут, оценят его мысли и дадут средства воплотить мечту. Проходит час, проходит другой. Рапорт готов. Вот что писал Машуков:

«Доношу Вашему Превосходительству, что, сопровождая две миссии, из которых одна возглавлялась начальником Новороссийской базы генерал-майором Ставицким, а другая — английская, с полковником Юнг, имевшие своей целью осмотр всех свободных складов и зданий в городах Севастополь и Феодосия на предмет занятия их под боевое снабжение армий, действующих на Юге России, и под канцелярии и жилые помещения служебного персонала, узнал я, что для этой цели были предназначены к осмотру и здания Севастопольского Морского корпуса.

В разговоре генерал-майор Ставицкий и полковник английской службы Юнг высказывали свои взгляды, что совершенно необходимо здания Морского корпуса передать Красному Кресту. Самый факт, что здания Морского корпуса были включены в число тех сооружений, которые предполагалось использовать не по своему прямому назначению, меня глубоко поразил.

В момент, когда в самом интенсивном порядке напрягаются все силы патриотически настроенных граждан для восстановления Великой России и ее военной мощи, поднимается вопрос об использовании зданий единственной Морской школы, которой мы в настоящее время располагаем не по назначению.

В этом я вижу влияние общественной мысли, существовавшей у нас, вполне естественно, до начала XX века и, как ни странно, до первых дней революции, полагая, что не встречу возражений, если возьму на себя смелость утверждать, что в школах наших и гражданских и военных никогда не внушалось сознание, что величие нашей Родины лежит и на морях.

Можно ли после этого удивляться, что школьники, сделавшись со временем государственными людьми, не могут судить о значении флота, а значит, и о тех требованиях, которые ему можно предъявлять. И это после Русско-японской войны, когда вся надежда была на эскадру вице-адмирала Рождественского, гибель которой не замедлила привести Россию к Портсмутскому миру. И это после того, как единственно оставшиеся у нас после Русско-японской войны корабли в 1909 году были заперты в Кильской бухте германским флотом и Россия подписала акт аннексии Боснии и Герцеговины.

Было ли бы это возможно при наличии у нас сильного флота и особенно в славные времена адмирала Сенявина? Ни от кого не секрет, что в Русско-германскую войну правый фланг наших армий опирался на флот и неуспехи флота немедленно влекли за собою неуспехи и армии (Либава, Рига, Моонзунд, Ревель, Ганге-Удд) и т. д. Смогли ли бы удержать Петроград при отсутствии флота? Неужели успехи нашей Кавказской армии в Закавказье были бы столь значительны, если бы наш флот не владел бассейном Черного моря? Добровольческая армия до взятия союзниками Дарданелл и Босфора получала боевое снабжение, снаряжение только морем и т. д.

Но этих всех примеров, видимо, недостаточно, если производится покушение на нашу единственную Морскую школу. Неужели нам нужны еще большие потрясения, дабы вывести нас из состояния равнодушия, дабы вспомнить об уроках и правде, которым и поучают нас история и опыт? В те минуты обдумывать и соображать будет по-

здно! Для воспитания офицеров армии необходим значительно более краткий срок времени, нежели для воспитания офицеров флота, для каковой цели необходимо минимум три года, при соответствующих плаваниях. Наличие же одних желаний, мужества и геройства не смогут вполне заменить незнания в морских вопросах и того высокого сочувствия чести Отечества, которое обязаны поддерживать и развивать в личном составе (вернее, в народе) правительственные органы. Недостаточность такого воспитания и позднее открытие специальных школ во флоте проявляется лишь в момент несчастья.

Даже держава Украинская за время своего недолговременного существования, отдавая должное флоту в судьбе государства, и та открыла Морское училище в городе Николаеве, куда собирались все бывшие воспитанники Морского корпуса и Гардемаринских классов. Любая стратегия в своей главе о личном составе учит: личный состав всякого флота есть фундамент, на который опирается все ведение войны. Изречение Фаррогута: «Железные сердца на деревянных судах», являющееся непреложной истиной, требует пояснения в том смысле, что «железное сердце» не изобретается, а его нужно воспитать во времени.

Имея прекрасный личный состав, мы будем иметь и флот, который, в случае нужды, государство сможет и отремонтировать, и построить, и купить в более короткий срок. Личный же состав не купишь ни за какие деньги. Каждый потерянный день ставит государство все в более и более тяжелое положение, и особенно относительно того момента, когда оно найдет нужным восстановить свои поруганные часть и достоинство и иметь вес в международном масштабе.

Все вышеизложенное приведено мною на тот предмет, дабы дать возможность Вашему Превосходительству ознакомить с мыслями рядового плавающего морского офицера Добровольческой армии всех тех лиц, стоящих у кормила власти, кои судьбой призваны в настоящее время вести наше Отечество по пути возрождения; а также и тех руководителей государственной казны, которые в порыве государственного патриотизма, сберегая деньги, не знают, что для первого лишь выпуска морских офицеров нужно минимум три года. Потому каждый день промедления вызывает излишнее торможение в росте государственной мощи; а значит, и отдаляет момент, когда Родина наша займет подобающее ей место среди других держав Европы. Старший лейтенант *Машуков*».

Во дворце на Екатерининской улице города Севастополя, в большом кабинете Командующего Черноморским флотом, за письменным столом сидел сухощавый, бронзовый от загара брюнет, с энергичным ли-

цом, смелый и прямой контр-адмирал Саблин[230] и разбирал рапорты и бумаги.

Утреннее солнце сквозь желтые шелковые занавески золотило всю комнату янтарным полусветом и вносило радостное, бодрое настроение в душу адмирала. В эту счастливую минуту, по докладу молодого флаг-офицера, был приглашен в кабинет старший лейтенант Машуков, только что прибывший из Таганрога.

— Здравствуйте, Николай Николаевич, чем могу быть вам полезен? — спросил его Командующий флотом.

— Ваше Превосходительство, — ответил Машуков, — вы любите Морской корпус и желали бы его открытия?

— Да, я очень люблю Морской корпус и для него готов на все. Что же нужно для его открытия?

— Деньги, Ваше Превосходительство.

— Много?

— Так точно, много! Надо застеклить одно крыло главного здания, настлать паркет, навесить двери, провести освещение, водопровод, отопление и установить динамомашины.

— Много я не могу, — ответил адмирал Саблин, — у меня в распоряжении всего сто тысяч рублей, но все, чем я располагаю, я отдаю вам на Морской корпус.

И, не теряя ни минуты времени, он взял бланк Командующего, написал предписание казначею порта о выдаче старшему лейтенанту Машукову 100 000 рублей. Радостный и довольный, благодарил Машуков адмирала, а затем продолжал:

— Есть еще одна просьба, Ваше Превосходительство. Так как прием должен быть срочный, а достраивать корпус будут сравнительно долго, то поместить гардемарин и кадет придется сперва в офицерских флигелях. Там будут их классы и спальни, а столоваться им уже негде.

Так я полагаю просить, Ваше Превосходительство, не найдете ли возможным уступить корпусу во временное пользование личную вашу резиденцию — дачу «Голландию», в которой мы устроили бы столовую и кухню для питания двух рот и служащих, которым негде было бы столоваться.

Адмирал Саблин взял другой бланк, написал приказ, что летняя дача Командующего Черноморским флотом с садом и службами переходит во временное пользование Морскому корпусу. И, подписав его, передал Машукову.

— Вот, — сказал он, — для Морского корпуса мне ничего не жалко, ему я готов отдать все; вот вам деньги, дача, орудуйте, и желаю вам успеха.

Машуков сердечно поблагодарил, откланялся и, окрыленный радостным порывом творчества, полетел в казначейство, где получил 100 000 рублей, оттуда в порт, к главному строителю Севастопольского порта полковнику Заборовскому[231]. Передал ему все эти деньги, просил теперь же составить смету на все нужные корпусу работы и спешно начать их.

В одно июльское утро 1919 года из Новороссийска, со своим рапортом, прибыл в Таганрог старший лейтенант Машуков. С портфелем, туго набитым проектами, расчетами, сметами и донесениями, шел он бодрой, молодой походкой по улицам Таганрога и, дойдя до перекрестка, вошел в дом — канцелярию Главнокомандующего, генерала Деникина. Там его обступили контр-адмирал Тихменев[232] — помощник начальника Морского управления, капитан 2-го ранга Пилипенко[233] — по финансовой части и Пашкевич[234] — начальник Оперативной части. Все очень сочувственно отнеслись к Машукову, к его мечте — открыть корпус в Севастополе, обещали свое содействие.

Дверь отворилась, и Машуков вошел. В просторной комнате, на стуле за столом, сидел высокий, ширококостный, крепкий сибиряк, одетый в защитного цвета рубаху-гимнастерку, со вшитыми на плечах золотыми погонами с двумя черными орлами. Талия охвачена широким желтым кожаным поясом, на нем кобура с револьвером.

Высокий белый лоб, в рамке седеющих, коротко стриженных волос, белел над черными бровями и загорелым лицом. Темные, щеткой, усы лежали над мягкими, но властными губами. Золотым пенсне он вооружил свой крупный, характерный нос и накрыл стеклами темный бархат умных, выразительных глаз. Он поднял голову на вошедшего. Искорки недоверчивой иронии блеснули на собеседника в его черных зрачках.

— Ну, что вы там опять придумали? — спросил адмирал Герасимов[235].

— Разрешите, Ваше Превосходительство, представить вам свой рапорт об открытии теперь же, в срочном порядке, Морского корпуса в Севастополе, — ответил Машуков, положив свой длинный, обстоятельный рапорт перед начальником. — Я прошу, Ваше Превосходительство, ознакомившись с моим рапортом, доложить его Главнокомандующему.

В Севастополе Командующий флотом контр-адмирал Саблин дал мне уже 100 000 рублей, деньги эти мною переданы строителю порта полковнику Заборовскому.

Знаменитый, принадлежащий ныне истории Морского корпуса рапорт старшего лейтенанта Машукова дошел до генерала Деникина, был им утвержден. Финансы были проведены в срочном порядке. Машуков уехал в Севастополь.

Наладив дело в порту, Н.Н. Машуков примчал опять ко мне в белый флигель и, радостно волнуясь, рассказал мне все свои удачи и труды по открытию корпуса. Показал мне приказ Главнокомандующего о том, что он — старший лейтенант Машуков — назначается заведующим делами Морского корпуса в Севастополе, с оставлением в должности командира вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий».

Вся работа по открытию Морского корпуса возлагалась персонально на Н.Н. Машукова. Семья моя радостно приветствовала Н.Н., поздравляла его с таким блестящим успехом; приветствовала, как спасителя корпуса, дававшего ему новую жизнь, вырвавшего его достояние из чуждых флоту рук.

В этот день мы опять пошли в обход по всем зданиям корпуса, намечая, где и как разместить гардемарин, кадет, воспитателей и служителей. Обошли также дачу Командующего флотом в цветущем саду «Голландии», перешедшей во владение корпуса.

Закончив подробный осмотр и распределение, мы спустились на пристань, где поджидал его моторный катерок. На пристани старший лейтенант Машуков сказал мне:

— Зная вас, дорогой Владимир Владимирович, как достойнейшего и опытнейшего воспитателя Морского корпуса, я и теперь надеюсь, что вы не откажетесь взять в командование одну из рот открываемого мною корпуса?

Я искренно пожал протянутую мне руку и ответил:

— Дорогой Николай Николаевич, вся жизнь моя, силы, опыт и знания были всегда посвящены Морскому корпусу и судам его отрядов, на которых я плавал со своими воспитанниками-гардемаринами и кадетами, и я, с величайшим удовольствием, возобновлю мною любимую, насильно прерванную деятельность и службу, с радостью буду вновь служить Морскому корпусу до последних сил.

6 сентября 1919 года разлетелись по всему южному краю России объявления о приеме в корпус на 260 вакансий юношей и мальчиков. Этими объявлениями старший лейтенант Машуков связал себя и своих начальников нравственными обязательствами по отношению к Морскому корпусу; сделал это умышленно, чтобы не было путей к отступлению.

И с этой минуты два с половиной месяца днем и ночью не покладая рук работал Н.Н. Машуков, носясь из Таганрога в Новороссийск, оттуда в Севастополь, в Одессу, в Земский Союз, в Дамский комитет, в Красный Крест, прося, уговаривая, настаивая и требуя средств на пропитание, обмундирование и обучение будущих гардемарин и кадет. Хлопочет он о возвращении из гимназий Севастополя классной мебе-

ли, учебной библиотеки, взятой во временное пользование из Морского корпуса. Училищные советы сопротивляются; требуют бумагу из Ростова-на-Дону. Машуков несется в Ростов и возвращается с предписанием. Мебель и книги спасены. Ночью в каюте своего корабля он составляет сметы и вычисляет необходимые суммы, количество белья, одежды, обуви, вооружения; а днем простаивает в долгой очереди в комиссии по просмотру и сокращению штатов: комиссии из девяти генералов, не сочувствующих старшему лейтенанту.

— В штате корпуса есть барабанщики. Зачем вам барабанщики? — спрашивают генералы. — Будите кадет голосом.

На заседании у генерала Деникина в Таганроге сам Главнокомандующий предложил старшему лейтенанту Машукову возглавить открытый им Морской корпус и хотел назначить его директором корпуса. Но честный, деликатный и скромный Н.Н. Машуков наотрез отказался от этого почетного места, доложив, что на таком посту стоял всегда опытный и уважаемый флотом адмирал, а что он еще слишком молод и не имеет опыта для воспитания юношей. Генерал Деникин оценил его скромность и обещал рассмотреть список кандидатов-адмиралов. Н.Н. Машуков предполагал стать инспектором классов корпуса. Просил меня взять на себя преподавание морского дела как в гардемаринской, так и в кадетской ротах, говоря, что эта наука, самая важная, родная и близкая всякому моряку, должна преподаваться с детства, чтобы внушить кадетам любовь к родному флоту и морю. Я, конечно, с радостью согласился, так как любимым делом моим было преподавать, да и морское дело мне было хорошо знакомо как преподававшему эту науку в Петроградском Морском корпусе в течение многих лет.

Затем Н.Н. Машуков поручил мне, до приезда нового заведующего хозяйственной частью, начать наем прислуги корпуса, согласно утвержденным штатам. Пробежав еще раз по всем зданиям корпуса, который для него становился «родным детищем» и дорогой, неусыпной отеческой заботой, Николай Николаевич снова уехал на свой корабль, которым он так доблестно помогал Белым Орлам бороться против красного дракона. О чем красноречиво гласил приказ генерала Деникина: «Командиру вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий», старшему лейтенанту Машукову Добровольческая армия обязана рядом ценных услуг (21 мая 1919 г.)».

100 000 рублей, данные с таким добрым желанием контр-адмиралом Саблиным, стали превращаться в работу, а мертвый участок Морского корпуса начал потихоньку снова оживать. Стук молота, визг пилы зазвучали на горе в главном здании. Каменщики проламывали дверь в белой стене, ограждавшей «Голландию» от корпуса. К пристани стали

подходить баржи на буксирах с мастеровыми и материалами из порта. Приезжал полковник Заборовский. В белый флигель ко мне стали приезжать просители наниматься на разные должности в корпусе.

Светлая радость быть снова командиром роты, преподавать любимое дело, видеть родных кадет на строевой площадке между флигелями разбудила во мне вновь былую энергию созидания и бодрость жизни, и я носился по участку, наблюдая за новой жизнью и работой, принимая на пристани людей и материалы. Так бежали дни за днями.

В один из приездов ко мне Н.Н. Машукова, по его просьбе, дал я ему прекрасную фотографию Морского корпуса в Севастополе. Это был высокий, длинный, с белыми колоннами и астрономическим куполом дворец на высокой горе, сходящий сотнями ступеней к берегу моря. Эту прекрасную фотографию еще недостроенного корпуса Н.Н. Машуков развернул на столе в каюте «Цесаревича Георгия» перед генералом Деникиным и воскликнул:

— Ваше Превосходительство, вот какое дивное здание пропадает! Помогите его достроить — это Морской корпус!

Главнокомандующий залюбовался этим зданием и спросил Машукова:

— Много вам надо денег на его достройку и прием воспитанников?

— Семнадцать миллионов, Ваше Превосходительство! — ответил Машуков.

— Я вам верю. Давайте бумагу. Я вам дам, — сказал генерал Деникин и подписал поданную старшим лейтенантом Машуковым «смету на достройку корпуса».

Н.Н. был в полном восторге. Темно-карие глаза его ликовали; за спиной развертывались сильные орлиные крылья, руки были развязаны, свободна была творческая воля. Громадные, сильные деньги были в руках, а в них жизнь любимого детища. Хотелось выбежать на палубу и, обратясь лицом к Севастополю, прокричать громким ликующим голосом: «Ура! Да здравствует Морской корпус!!! Ура!»

14 октября 1919 года к часу доклада и приема у Главнокомандующего в Таганроге в приемной комнате собрались офицеры штаба. Разговор коснулся открываемого Морского корпуса, которым теперь интересовался весь флот.

Сегодня решался выбор директора корпуса, который все еще не был назначен. Среди присутствующих звучали имена адмиралов Ненюкова[236], Зеленецкого[237], Остелецкого[238] и Евдокимова[239].

В зал выходили две двери. Одна вела в кабинет вице-адмирала Герасимова, другая — к генералу Деникину.

Первая дверь отворилась, и на пороге появился адмирал Герасимов, держа в руке доклад и приказы по Морскому ведомству. Офицеры штаба стали просить адмирала о назначении директором Ненюкова или Зеленецкого. За золотым пенсне янтарной искоркой блеснули на них темно-бархатные глаза, и властные губы еле замет-но улыбнулись. Адмирал прошел во вторую дверь. В приемной водворилась тишина ожидания. Через четверть часа дверь из кабинета генерала Деникина отворилась и в приемную вышел адмирал Герасимов.

Хлопнув широкой загорелой рукой по докладу, он сказал:

— Готово. Директор назначен.

Офицеры встали и с любопытством обступили его.

— Кто же, кто? — послышалось со всех сторон. — Зеленецкий или Ненюков?

— Контр-адмирал Ворожейкин, — ответил начальник Главного морского управления, и янтарек опять заиграл в бархате глаз.

— Как?.. Почему? — спросили офицеры.

— Он детей любит, пусть их и воспитывает, — ответил адмирал Герасимов и, улыбнувшись доброй улыбкой, прошел к себе в кабинет, оставив в приемной удивленных офицеров, безмолвно смотревших друг на друга.

В тот же день был издан приказ о назначении директора Морского корпуса, и копия этого приказа срочною почтою полетела в Севастополь контр-адмиралу С.Н. Ворожейкину; и, когда она попала ему в руки, бывший директор Морского корпуса снова приехал на родной ему участок и начатую им великую постройку и, встреченный мною на знакомой ему пристани, вошел вновь в свою прежнюю директорскую квартиру, прошел все, пустые еще комнаты, вышел со мною на балкон с белыми колоннами.

В ту же минуту на соседней горе Братского кладбища ударил колокол пирамидального храма.

— Ваше Превосходительство, ваше возвращение в корпус свершается под звон колоколов, — сказал я адмиралу.

Долетел приказ о назначении директора Морского корпуса и до Машукова, и задумался он над ним глубоко. Вспомнилась далекая Одесса. Радостная, ликующая и нарядная в дни освобождения от большевиков. Благодарная своему освободителю, она устраивает генералу Деникину торжественную встречу; праздник в честь его и вечером парадный спектакль в большом театре. Блестящий зал переполнен нарядной публикой, хрустальные люстры льют снопы радужного света на партер и переполненные ложи.

В Царской ложе сам Главнокомандующий, а рядом в соседних — его свита. Капельмейстер взмахнул палочкой, люстры погасли, зажглась

лампа и медленно поднялся бархатный занавес с золотыми шнурами. Волны могучей русской музыки полились по залу, поднимаясь по ярусам к высокому потолку. Шла опера «Князь Игорь». Во время первого антракта в свитской ложе сидели на бархатном диване два вице-адмирала, Герасимов и Ненюков, тут же находился и Н.Н. Машуков. Разговор шел о назначении директора Морского корпуса.

— Сходите в партер, Николай Николаевич, и поищите контр-адмирала Зеленецкого и уговорите его принять пост директора, — сказали адмиралы старшему лейтенанту Машукову.

Он с радостью бросился в зал, где среди блестящей публики отыскал адмирала Зеленецкого и, после недолгого уговора, добился его согласия. Вернувшись в свитскую ложу, доложил о результате пославшим его адмиралам.

Поздно ночью, по окончании оперы, проезжая на судно по иллюминированному городу, все радовался, что «его кандидат» прошел в директора открываемого им корпуса... и вдруг теперь... такая неожиданная перемена!..

Тем же приказом Главнокомандующего от 14 октября 1919 года старший лейтенант Машуков был произведен в капитаны 2-го ранга за громадные труды, положенные им на открытие Морского корпуса, а благодарный флот сделал его командиром крейсера «Алмаз»[240].

В новых погонах явился на участок Морского корпуса молодой капитан 2-го ранга. Вошел в свою канцелярию заведующего делами Морского корпуса, где писались уже списки новых гардемарин и кадет.

Втроем, директор корпуса, Н.Н. Машуков и я — командир роты, обошли мы все работы, здание и дачу «Голландию». Работы шли полным ходом и должны были бы порадовать сердце их основателя; но капитан 2-го ранга Машуков был настроен печально в этот приезд свой. Не прошли в корпус его кандидаты в директоры, и это так огорчило самолюбивое и гордое сердце молодого организатора, что он отказался от инспекторства и, простившись с нами, возвратился вновь на свой крейсер «Алмаз».

Прощаясь с ним на корпусной пристани, я просил Н.Н. Машукова рекомендовать хороших офицеров воспитателями кадет вверенной мне роты. Николай Николаевич выполнил это блестяще из любви к корпусу и доброй памяти о своем воспитателе.

Классы и спальни своей роты я украсил коллекциями фотографий из жизни флота и кадет в Петроградском корпусе. Вокруг этих картин и фотографий были скрещенные весла, спасательные круги, якоря, ка-

наты, тросы, анкерки, словом, все, что могло им дать понятие о службе и жизни моряков и вселить интерес к кораблю и морю.

Выйдя однажды на балкон своей квартиры, я увидел, что с пристани по дорожке к флигелям поднимается пожилой человек — сутулый, в сером штатском костюме, с трудом идущий в гору. Он остановился, чтобы передохнуть, и, подняв голову, посмотрел на мой балкон. Я увидел белое лицо с седоватой, клинышком бородкой и усами. Я сбежал к подъезду и, подойдя к господину в штатском, вдруг узнал генерал-майора Завалишина[241].

Александр Евгеньевич поздоровался со мной дружелюбно, как с долголетним сослуживцем по Петербургскому Морскому корпусу, и сообщил мне, что ездил в Таганрог и имеет из Ставки назначение заведующим хозяйственной частью корпуса.

Со следующего дня я, по распоряжению Н.Н. Машукова, стал сдавать генералу Завалишину здания, склады имущества и служителей, и из хранителя и заведующего корпусом вновь превращался в ротного командира. А.Е. Завалишин, бывший много лет опытным начальником громадного хозяйства богатейшего корпуса в Петрограде, сразу осмотрелся на новом месте. Появился белый китель, золотые погоны, крест Святого Владимира и золотой орел морской академии; бодрый вид, быстрые и решительные распоряжения.

Создалась хозяйственная канцелярия, появился смотритель-казначей, молотки и пилы зазвучали бодрее; в «Голландии» появилась хозяйка — уважаемая старушка госпожа фон Брискорн. Появились утки, куры, коровы, овцы и поросята. Жизнь забила ключом и струилась из всех дверей и окон белых зданий, поджидая тех юношей и мальчиков, для которых и строились эти здания, стучали молотки и пилы и была вся эта суета и работа.

Приехал с семьею и поселился во флигеле инспектор классов — академик, капитан 2-го ранга Н.Н. Александров[242], младший врач Тихомиров, старший врач Н.М. Марков[243] вновь устроил образцовый лазарет и аптеку. Прибыл законоучитель и настоятель церкви корпуса — протоиерей отец Александров. И начали съезжаться молодые офицеры-воспитатели со своими семьями и заселять все флигеля. Преподавателями были приглашены учителя местных гимназий и реального училища. Специальные морские предметы преподавали Александров, Кольнер и я. Первый — высшую математику, второй — артиллерию и я — морское дело в обеих ротах.

Наконец, труды двух ротных командиров были закончены и ротные помещения приведены в полный порядок. За день до открытия корпуса из разных городов Юга России съехались, наконец, так желанные

молодые гости на участок Морского корпуса; съехались, чтобы в нем получить свое образование и через него приобщиться к великой и славной семье русских военных моряков и сродниться с корпусом, как с родной матерью, воспитавшей их.

Приехавших быстро переодели в форменное платье (к сожалению, оно не было ни по цвету сукна, ни по выкройке русским). Оно было зеленое, военно-английское и синее — морское французское; но все же это была форма, и форма военная, с великим трудом добытая Н.Н. Машуковым в те тяжелые для России времена.

Наступило утро торжественного дня 17 октября 1919 года.

К 11 часам утра из Севастополя и его окрестностей к пристани Морского корпуса стали съезжаться родители и близкие вновь принятых кадет и гардемарин. Они прибывали на паровых катерах корпуса и на частных яликах под веслами и парусами. На военных моторных катерах подходили приглашенные офицеры Черноморского флота и новый Командующий флотом — вице-адмирал Ненюков, и Главный командир портов Черного и Азовского морей — контр-адмирал Саблин.

Все прибывшие гости двинулись по белому шоссе на гору к главному зданию Морского корпуса и, поднявшись, входили во временную церковь, разукрашенную живыми цветами и свежими зелеными гирляндами лавра и туи. Между листвой и цветами мерцали лампады и золотые огоньки восковых свечей. Перед Царскими вратами в праздничных ризах стоял епископ Веньямин, митрофорный протоиерей отец Георгий Спасский, настоятель церкви корпуса отец Александров и другие священники севастопольских церквей. Командующий флотом занял свое место, рядом с ним встал директор Морского корпуса контр-адмирал С.Н. Ворожейкин, за ними адмиралы и офицеры флота и корпуса. Справа и слева перед иконостасом стояли во фронте гардемарины и кадеты. За ними родные и близкие.

Молились священники, вновь принятые питомцы, молились их воспитатели; но горячее всех была молитва родителей, привезших этих юношей и мальчиков. Оторвав их от своего сердца и отчего дома, они отдавали их под кровлю корпуса на руки офицеров-воспитателей. Сверху обнимал их голубой купол неба, снизу под горой плескалось синее море. Молитвы сменялись молитвами. Засверкало золотом святое Евангелие. И вновь песнопения и «многая лета» защитникам Родины, оберегавшим землю, на которой стоял этот корпус, и творцу этого корпуса и его молодым питомцам.

К кресту потянулось начальство, офицеры, гардемарины, кадеты, за ними приложились родные и близкие. Духовенство обошло флигеля, где

находились ротные классы и спальни, и окропило их святой водой. На площадке грянула музыка севастопольского полуэкипажа. Ротные командиры повели свои роты в главное здание корпуса, где в единственной пока достроенной зале были накрыты столы к торжественному обеду. Большой гастроном и тонкий знаток кулинарного искусства, прекрасный хозяин — устроитель пиршеств, — генерал-майор Завалишин сумел в столь краткий срок соорудить столы, накрыть их скатертями, украсить вазами с цветами, уставить яствами и винами во славу корпуса и флота.

Флот, корпус и гости-родители разместились за длинными столами в белой и светлой зале. Старший священник благословил трапезу; зашумели скамьи, ложки, вилки, ножи, и веселый, шумный говор наполнил зал. В соседней галерее играл оркестр вальсы и марши. После второго блюда наполнились вином стаканы и начались тосты и здравицы за великую, единую, неделимую Россию, за генерала Деникина — Главнокомандующего Белой армии, за доблестных защитников Крыма, за командующего флотом, за создателя 3-го Морского корпуса капитана 2-го ранга Н.Н. Машукова.

Громкое «Ура!» оглашало большую белую залу и неслось по галереям, обвивая высокие колонны. Бодрящий туш играл оркестр после каждого чествования. Наконец, встал сам виновник торжества капитан 2-го ранга Машуков и, подняв высоко бокал вина, голосом бравого командира произнес свое приветственное слово во славу векового корпуса и его юных питомцев. Он закончил свою речь словами:

— Знаете ли вы, гардемарины и кадеты, знаете ли вы, уважаемые родители этих юношей, кому вы обязаны открытием Морского корпуса, в котором ваши дети получат высшее специальное образование и станут доблестными офицерами славного Русского флота? Вы обязаны этим счастьем контр-адмиралу Саблину, который в бытность свою Командующим флотом, не задумываясь, дал мне все имеющиеся у него средства и место его личного отдыха — дачу «Голландию» для открытия горячо им любимого корпуса. Пью за здоровье контр-адмирала Саблина!

Громовое «Ура!» пронеслось по залам, и радостный туш музыкантов «венком славы» обвился вокруг этих криков. Сотни рук со стаканами вина потянулись к адмиралу. Но он, скромный и тронутый, перебросил этот «венец славы и чести» открытия Морского корпуса на голову Н.Н. Машукова.

И под грохот труб и барабанов, при криках могучего «Ура!», капитана 2-го ранга Машукова качали офицеры флота, подбрасывая высоко к белому потолку. Мечта осуществилась! Умиравшее здание получило новую плодотворную жизнь. Загорелое лицо Машукова горело румян-

цем счастья, и темные глаза изливали радость достигнутой цели. Так был открыт Морской корпус.

Н.Н. Машуков, поставив Морской корпус на твердые ноги, уехал снова на Белый фронт на Азовское море. Там, под Николаевским брейд-вымпелом, свершал он свои блестящие подвиги, помогая флотом генералу Слащеву[244] в его защите Крыма. И только изредка приезжал он в Морской корпус, ибо тянуло его к своему детищу. 22 февраля 1920 года он был уже в чине капитана 1-го ранга; в приказе Главнокомандующего его отметили за боевые отличия, как блестящего офицера и командира. А 10 августа того же года его произвел в контр-адмиралы новый Главнокомандующий, генерал Врангель, за отличную храбрость и неизменную доблесть второго отряда судов, которого он был душою и начальником. За блестящие операции и высадку многотысячной армии в тыл неприятелю, осаждавшему Крым, Н.Н. Машуков был награжден орденом Святого Николая Чудотворца. К октябрю того же года молодой контр-адмирал Машуков был уже начальником штаба Командующего Черноморским флотом и так блестяще способствовал спасению родного корпуса от красного лютого ига. Приезжая ко мне в белый флигель, старший лейтенант Машуков удивлял и радовал меня быстрой сменой своих погон. С наполеоновской быстротой продвигался он по службе. Появились два просвета и три звездочки, вскоре отпали звездочки... и вот уже черный двуглавый орел украсил золотые погоны молодого, тридцатилетнего контр-адмирала. И все это за один год жизни открытого им Морского корпуса.

Жизнь Морского корпуса в Севастополе

Незримыми, но властными перстами подняла Судьба с земной шахматной доски некоторые фигуры и переставила их на квадраты участка Морского корпуса в городе Севастополе. Там они приняли живое участие в игре жизни, не ведая ни дня, ни часа, в которые незримые уста произнесут им роковые «шах и мат» и властные пальцы выбросят с доски уже ненужные фигуры.

Так переставили персты Судьбы из Одессы — Ворожейкиных, из Симферополя — Завалишиных, из Новороссийска — Кольнеров, из Харькова — Котовских, оставили на месте Бергов, не тронули ни Воробьевых, ни Марковых. Все эти фигуры соединились в одну большую семью: король с королевой, башни, кони, офицеры и пешки на квадратах морского участка, и разместились в шести белых флигелях корпуса, где начали свою учебно-воспитательскую деятельность.

Обер-офицеры распределялись по ротам. За год существования Морского корпуса (1919—1920) служили и воспитывали кадет моей роты: лейтенант Галанин[245], старший лейтенант Иваненко[246], старший лейтенант фон Брискорн[247], старший лейтенант Помаскин[248], лейтенант Куфтин[249], мичман Богданов[250], поручик Тарасов. Служили и воспитывали гардемарин роты капитана 1-го ранга Кольнера[251]: старший лейтенант барон Элленбоген[252], лейтенант Глотов[253], старший лейтенант Запольский[254], капитан 2-го ранга Подашевский[255] и лейтенант Галанин, командовавший яхтой «Забава».

Все эти офицеры в этот трудный для всей России черный год отдали свои силы, знания, опыт, чтобы вложить в душу, в сердце и в голову этих 260 юношей и мальчиков любовь к морю, увлечение морским спортом, искреннюю привязанность к родному флоту, сознание дисциплины, строевую выправку и морское образование и сделать из них хороших кадет и гардемарин Морского корпуса, ни в чем не уступающих старшему брату своему Санкт-Петербургскому, 200-летнему Морскому корпусу — альма-матер всех офицеров Российского Императорского флота.

И если бы враги внутренние не разрушили великого царства, достойными и доблестными «офицерами-потомками» великих адмиралов вошли бы они на суда могучего Русского флота.

Но с шахматной доски русской жизни сошли короли и королевы, сошли башни, кони, сошли офицеры; красные пешки завладели доской, и мудрые шахматы обратились в шашки, Российское Царство стало Совдепией.

Здесь, в белых флигелях Морского корпуса, в Севастополе, охраняемом белым отрядом судов, под командой капитана 1-го ранга Машукова, в родном Крыму, который отстаивали герои белых армий, корпус, его офицеры, его дамы и дети, воспитанники и служители, могли еще жить хоть и трудной, но все же нормальной человеческой, интеллигентной жизнью.

Рано утром, по трубе горниста, из нагретых за ночь кроватей выскакивали гардемарины и кадеты, умывались, надевали зеленое защитное английское обмундирование и становились во фронт перед зданием своей роты, в присутствии своих командиров и дежурного офицера пели утреннюю молитву и шли фронтом мимо флигеля директора, адмирала С.Н. Ворожейкина, по дорожке в сад «Голландию», где на даче Командующего флотом была их столовая.

Госпожа фон Брискорн — бодрая, энергичная, румяная старушка-хозяйка оглядывала столы материнским заботливым взглядом. По сигналу кадеты и гардемарины садились за свои столы и пили горячий утрен-

ний чай с белым хлебом. Затем выходили из столовой на гимнастику. После нее, проснувшись окончательно и разогревшись на утреннем воздухе, свежие и бодрые садились за парты в классах. В 9 часов утра на утреннем катере приезжали преподаватели и читали им науки до полудня.

В 12 часов опять играл горнист, и снова фронт гардемарин и кадет уходил в «Голландию» на завтрак. После краткого отдыха шли снова в классы, где продолжались уроки (по 5 в день). После уроков, на строевой площадке, офицеры обучали строю, отданию чести, церемониальному маршу, иногда под музыку флотского полуэкипажа.

В 6 часов вечера снова фронтом шли в сад обедать. После обеда катались на шлюпках, играли в городки, в футбол, читали газеты и журналы, писали письма родным. Наташи, Ниночки, Шуриньки, Ростики и Володьки — дети офицеров — резвились тут же, играя в мяч и наблюдая за играми кадет. Вечером на фронте пели молитву и расходились по спальням на ночной отдых.

Жизнь боевого флота, морской авиации, минной станции была у них всегда на глазах и приобщала их к морскому и военному делу, и долго, по вечерам, велись у них нескончаемые разговоры на эти полезные и дорогие сердцу моряка темы. А ведь они считали себя уже настоящими моряками и любили флот.

Инспектор классов капитан 1-го ранга Н.Н. Александров, небольшого роста, аккуратно сложенный, белолицый блондин с голубыми глазами и длинным прямым носом над тонкими и плотно сжатыми губами, обладал исключительной энергией и гениальной изобретательностью и организаторскою способностью.

Ученый-математик, он решал и задачи жизни быстро, точно и решительно приводил в действие задуманную творческую мысль. За несколько месяцев он привел классную часть в идеальный порядок, денно и нощно добывая из порта, с судов, экипажеских магазинов, по требованию, по службе, по просьбе, по дружбе необходимые предметы и инструменты; он создал физический, химический, электротехнический, артиллерийский и минный кабинеты и даже ухитрился добыть учебные мины Уайтхеда и заграждений.

Барометры, хронометры, психрометры, часы, календари, таблицы, формулы, кривые заполнили белые стены его служебного кабинета, и не было, кажется, такого предмета, который Н.Н. Александров не знал бы, где и как раздобыть. Электрические лампы, провода, звонки, телефоны, амперметры наполняли его стол, покрывая бумаги дифференциальных и интегральных исчислений. Вся эта ученость не мешала вазе с живыми цветами украшать его деловой стол и бумажной розе — аба-

жур его лампы. Красота, поэзия и наука сжились в душе ученого-артиллериста, как лучшие подруги в институте. Тонкий силуэт его мелькал по всему участку корпуса, и во все дела, службы и детали он любил проникать любопытным взором своих голубых и властных глаз. Таков был инспектор.

Лейтенант Иван Дмитриевич Богданов

15 марта 1920 года сорвал я листок календаря. Отдернул розовую занавесь и широко распахнул большое венецианское окно моей спальни.

Молодая парочка взялась под руки и чинно направилась к моему крыльцу. Поднялись на третий этаж, позвонили. Горничная открыла и доложила мне:

— Мичман Богданов с супругою.

Я встретил их в своем кабинете и усадил на широкий диван.

— Имею честь явиться и представиться, как отделенный начальник вверенной вам роты Морского корпуса, — отрапортовал он официально; взял затем букет из рук жены и, передавая его мне, сказал веселым, энергичным голосом: — Позвольте вам, дорогой Владимир Владимирович, поднести эти цветы, правда, они очень скромные, полевые, но зато они от искреннего сердца.

Я принял этот первый привет моего нового офицера с такой же ответной искренностью, ибо никто не являлся ко мне с букетом и потому еще, что я всю жизнь очень любил все цветы. Так до сих пор с именем этого офицера связался навсегда свежий и яркий букет полевых скромных цветов и весенняя молодость Ванечки и Наташи на фоне зеленой батареи.

— Наталья Михайловна — жена моя, — промолвил Иван Дмитриевич Богданов и представил свою жену. Мы познакомились. Я с интересом всматривался в моего сослуживца и слушал его рассказ о жизни и предыдущей службе.

Это был подвижный, трепещущий здоровьем, с открытым лицом, маленькими голубыми живыми глазками человек с широкими жестами. Когда он смеялся, в глазах брызгала радость и веселье. Непочатый край молодой энергии звучал в словах его речи, и я был рад в душе такому жизнерадостному сослуживцу.

На расспросы мои он рассказал мне, что происходит он из казаков Полтавской губернии из города Хорола. Воспитывался в Императорском Лесном институте. Я посмотрел на серебряный Государственный

Орел, который солидно украшал его флотскую тужурку. Иван Дмитриевич продолжал.

В 1915 году он был зачислен в гардемарины флота по механической части и проходил курс строевого обучения. В 1916 году прибыл из Морского Инженерного училища в Кронштадте во 2-й балтийский экипаж, где стал гардемарином флота по морской части и назначен на отряд судов Особого назначения на крейсер «Варяг». С этого крейсера перешел на Курсы гардемарин флота. В 1917 году произведен в младшие унтер-офицеры. В июне того же года произведен в мичманы действительной службы. Получил назначение вахтенным офицером на линейный корабль «Андрей Первозванный», вскоре стал вахтенным начальником центрального поста на этом дредноуте.

Тут нагрянула на великую Родину безумная революция, и потерявшие способность здраво мыслить матросы «Андрея Первозванного» заменили флаг этого великого Апостола флагом красной крови. На башнях, мостиках, поручнях и пушках растянулись красные плакаты и ленты кумача, и на этих кровяных полотнах, как зубы хищников, зарябили белые буквы: «Долой Империю!», «Да здравствуют Советы!», «Вся власть рабочим, солдатам и крестьянам!», «Смерть буржуям и капиталистам!».

Мичман Богданов сослался на болезнь отца — помещика Полтавской губернии — и получил отпуск на родину. Преданный ему и любивший его искренно вестовой матрос, как мать ребенка, снарядил его в путь-дорогу и заботливо обшил все золотое и все пуговицы его форменной одежды черным сукном.

— Так вам будет ехать спокойнее, — сказал вестовой, — и в дороге никто не обидит.

В чемодан своего мичмана-барина положил он и свой портрет с сердечной надписью на память о прежнем добром русском матросе. 5 декабря 1917 года Иван Дмитриевич с горечью и печалью на сердце покинул родной корабль и по железной дороге отправился на юг, к родным пенатам.

От души я посочувствовал молодому мичману, что не удалось ему поплавать на «Андрее Первозванном» и повидать моря и океаны; но, к удивлению своему, узнал я, что, несмотря на свою молодость, Иван Дмитриевич еще гардемарином флота успел пройти на крейсере «Варяг» 15 864 мили, пересекая Великий и Индийский океаны, Средиземное море, Атлантический и Северный Ледовитый!

— Ну и повезло же вам, Иван Дмитриевич! — воскликнул я. — Такое обилие океанов иногда не выпадало на долю и старым капитанам!

— Да, поплавали мы славно и поштормовали основательно, — довольным голосом ответил ученый-мичман.

Затем он продолжал. Из отпуска он не вернулся в Балтийский флот по случаю большевистского переворота, и взят был на учет Главным Морским штабом в Киеве в 1918 году. На следующий год был на учете в Одесском порту, и в марте месяце назначен комендантом транспорта «Россия». И вскоре комендантом тральщика «Ольга». В апреле месяце 1919 года был вахтенным начальником и ротным командиром вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий», состоял офицером для связи со штабом генерала Слащева в боевых операциях под Херсоном и Николаевом. Затем штурманским офицером на «Цесаревиче Георгии». И в ноябре того же года назначен помощником коменданта Херсонского порта и уполномоченным контролером торговли и промышленности. Приказом Командующего Черноморским флотом в 1920 году с 1 марта Иван Дмитриевич был назначен отделенным начальником Морского корпуса. 15 марта он приехал из Херсона в Севастополь, где я в первый раз познакомился с этим молодым, энергичным офицером. Вот какой необыкновенный мичман явился мне в это памятное утро с весенним букетом цветов.

Познакомились, наговорились, расстались. Две недели спустя мичман Богданов вступил в должность начальника III отделения вверенной мне роты кадет и с первых же дней своей новой деятельности завоевал симпатию своих воспитанников, вложив душу свою в дело свое и окружив детей-кадет материнскою заботою: душа, ум, ружье, одежда, обувь кадета, его обучение и развлечение — все было взято под опеку молодого отделенного Н-ка, и никакая мелочь в их жизни не казалась ему маловажной. Я радовался, что это III отделение, часто сиротевшее без офицера, наконец дождалось своего постоянного воспитателя.

Из Константинополя мы пошли в Наварин, затем на долгую стоянку в Африку в Бизерту. Там Иван Дмитриевич был назначен старшим отделенным начальником в июне 21-го года; а в сентябре того же года вступил в заведование хозяйственной частью временно за отъездом в отпуск старшего лейтенанта Помаскина. 17 ноября 1921 года стал сам заведующим хозяйственной частью Морского корпуса, которой правил вплоть до 21 апреля 1923 года. Сдав все дела лейтенанту Жуку, Иван Дмитриевич Богданов покинул Бизерту и на французском пароходе уехал во Францию, где работал шофером.

В своей большой, уютной комнате в тихой окрестности Парижа — Неильи, в кругу былых моряков и соратников, вспоминает Иван Дмитриевич Богданов, за вечерним чаем, под теплым светом ласковой лампы, свои боевые труды в составе пехотных и артиллерийских партизанских частей в борьбе с большевиками.

В Париже лейтенант Богданов отыскал гардемарин и кадет Морского корпуса, и его отыскали бывшие воспитанники, и сложил он их снова вместе в морское дружное объединение, энергией своей бодрил в них дух и раздувал лампаду перед образом Андрея Первозванного, призывал молодые силы к борьбе за существование, к самообразованию и служению науке и родной идее моря и военного моряка. Когда родилась Кают-Компания и Военно-Морской союз, Иван Дмитриевич убеждениями, ходатайствами долгими и упорными сделал их членами той и другой морской организации, будучи и сам членом и сотрудником этих и многих других.

Командующий Белым флотом и начальник Военно-Морского Союза — адмирал Кедров заметил эту энергичную, полезную и неусыпную работу и заботу о молодых моряках лейтенанта Богданова и сделал его председателем объединения всех гардемарин, кадет и охотников флота. Голубой автомобиль-люкс стоит у ворот Союза Галлиполийцев на улицах Мадемуазель и Колизэ; в освещенные окна большого зала видны головы и лица молодых и бодрых членов объединения, среди которых восседает их молодой и энергичный председатель и, размахивая бодро рукою, внушает им одну и ту же мысль: «Чтобы стать хорошим морским офицером и с пользою служить далекой и великой Родине, нужно, господа, пока учиться, учиться и учиться!»

Приезд генерала барона Врангеля

На редкость высокого роста, стройный и тонкий, как эриванский тополь, бравый генерал, в черной папахе, проломленной посредине мягким проломом, в коричневом казакине. Тонкий казачий ремень с серебряными пряжками туго охватывает тонкую талию. На ремне кривая казачья шашка; на груди патроны серебра с чернядью. Моложавое, загорелое лицо его дышит отвагою, силой, энергией и волей. Большие голубые глаза его смотрят ясно и бодро вперед. Быстрым шагом идет он с пристани корпуса к фронту гардемарин и кадет. Звонким сильным голосом он протяжно кричит:

— Здравствуйте, гардемарины и кадеты Морского корпуса!!

Басы гардемарин и тенора кадет сливаются в громкое и дружное:

— Здравия желаем, Ваше Превосходительство!

Главнокомандующий Белой армией генерал барон Врангель обходит фронт, внимательно оглядывает каждого воспитанника и обращается к корпусу с бодрящей патриотической речью.

Все глаза на нем — полновластный владыка всего Юга России, по воле которого движутся десятки тысяч воинов всех родов оружия, которому повинуются армия и флот и все города и порты занятых им областей.

Пред ними сила, и они смотрят на нее с юношеским восторгом, с верою и упованием.

— Вы все в зеленом, — заканчивает речь свою генерал Врангель. — Я привык видеть моряков в синем, это цвет вашего моря! Я дам вам синее сукно. Порт сошьет вам кителя, голландки и шинели. Будете вы в своем природном цвете.

Директор корпуса горячо благодарит Главнокомандующего.

— Покорно благодарим, Ваше Превосходительство! — радостно кричат гардемарины и кадеты.

Генерал Врангель с директором, свитою и офицерами корпуса обходит все жилые и классные помещения рот во флигелях, а затем поднимается по шоссе к главному зданию на горе.

У входа в корпусную церковь встречает его священник в полном облачении с крестом в руках. После краткой молитвы благословляет отец Александров генерала Врангеля и обращает к нему теплое, прочувствованное слово. Он кончает его такими словами: «Ты Петр — камень. И на этом камне да созиждется храм сей. Помоги достроить эту храмину во славу Господа и на радость флоту. Спаси дом сей от разрушения и укрепи его силой десницы твоей».

Генерал Врангель приложился ко Святому Кресту и обещал взять корпус под свое покровительство и помочь ему достроиться. Обойдя затем все величественное здание, классы, спальни, залы, галереи, роты, столовые, учебные кабинеты, бассейны для плавания, все в еще недостроенном и частью только распланированном виде, генерал поразился грандиозностью замысла этой оригинальной и красивой постройки талантливого инженера-строителя Александра Венсана и еще больше проникся желанием утвердить и достроить этот великолепный храм Морской Науки.

«Ты Петр — камень и на этом камне созижди храмину сию», — звучали в ушах его проникновенные слова настоятеля.

Большое сердце большого человека жаждало исполнить это обещание; но глубокий и трезвый ум шептал ему: «Это пока невозможно».

Простившись с моряками, поджидавшими его на берегу, Главнокомандующий отбыл на белом катере к себе в Севастополь. Радостные мечты охватили всех. Будет достроен Морской дворец — корпус. Все мы наденем синее морское обмундирование. Выйдем из тесных флигелей на простор громадного здания. Среди белых массивных колонн на

широкой паперти будет стоять директор корпуса. Розовая лента Святого Станислава 1-й степени обовьет его плечо и грудь, и серебряная звезда засияет на груди возле самого сердца. По асфальтовой дороге церемониальным маршем пройдет синий батальон гардемарин и кадет, под свою музыку, с родным знаменем корпуса, и обовьет эти белые колонны их мощный крик и громкое «Ура!».

Да будет так!.. Да будет.

Вот какие мечты посеял тогда в сердцах наших приезд генерала барона Врангеля, и... как страшно и неумолимо разрушила Судьба все эти упования; кроме, правда, синего сукна — доброго, крепкого сукна, которое носим и поныне.

— Катер Командующего флотом! — закричал дежурный кадет, посмотрев в окно ротного флигеля, и побежал докладывать дежурному по корпусу офицеру.

Офицер доложил директору корпуса.

— Гардемарин и кадет во фронт!

Через пять минут на строевой площадке стояли во фронте гардемарины и кадеты со всеми офицерами своих рот.

Белый катер «Пулемет» подошел к пристани. Из катера вышел вице-адмирал Герасимов в английском френче с русскими адмиральскими погонами, в широком поясе желтой кожи, на котором в кобуре висел револьвер. Новый Командующий флотом поздоровался с воспитанниками и обошел фронт, внимательно осматривая каждого офицера, гардемарина и кадета своими темными бархатными глазами.

Он снимал с их голов фуражки, осматривал головы и заглядывал за воротник.

— Вшей нет? — спрашивал Командующий.

— Никак нет, Ваше Превосходительство! — отвечал директор. — Кадеты содержатся чисто, их стригут, и у них есть баня в подвале.

Осмотрев воспитанников, адмирал Герасимов обошел все ротные помещения, внимательно все осматривая и расспрашивая ротных командиров и инспектора классов. Перешел в гардемаринское здание, в канцелярии, где присел. В канцелярии директор корпуса излагал адмиралу жизнь, учение и нужды воспитанников; а Командующий внимательно выслушивал его и давал советы. В эту минуту директор корпуса и не подозревал, что беседует он со своим заместителем, который примет из рук его Севастопольский Морской корпус.

Так незримые, но властные персты переставляют фигуры людей на шахматной доске жизни, и никто не знает ни дня, ни часа, когда и куда переставит его Судьба.

Белый адмирал и Крымская эвакуация

Двенадцать белых греческих колонн на ионических капителях поддерживали белый фронтон и крышу Графской пристани. Сорок белых широких ступеней сбегало к воде Южной бухты города Севастополя. Довольно сильный ветер с севера гнал белые облака на юг по нежно-голубому небу. Мелкие острые волны бились о камни набережной и лизали привальный брус деревянного помоста пристани, осаждаясь жемчужными каплями на зеленой бороде тины и водорослей, на мокрых сваях и досках.

В этот час, пересекая площадь с памятником адмиралу Нахимову, мимо гостиницы Киста шли быстрым шагом четыре человека. Шедший впереди был в штатском. По элегантности его одежды можно было предполагать, что он только что прибыл из заграницы; трое за ним были в форме морских офицеров. Дойдя до портика белых колонн, они все разом остановились. К человеку в штатском подошел старший из спутников и, проведя рукою по всему горизонту, просящим, убеждающим голосом стал говорить ему:

— Ваше Превосходительство, посмотрите вокруг себя: вот южная бухта, в ней громадный порт, мастерские, плавучие доки, дивизионы подводных лодок, эскадренных миноносцев; там выше, на горе Корабельной стороны, экипажи морских команд, морской госпиталь; у берега крейсера и броненосцы, на рейде дредноут. Там, на северной стороне, сухой док Наследника Цесаревича, Инкерман с его бомбовыми погребами и складами боевого снабжения; там дальше, близ Ушаковой балки, Морская авиация и минная станция, а там на горе колыбель флота — Морской корпус! Все это будет ваше! Все это подчинится воле вашей и будет покорно вашему слову! Примите пост Командующего флотом Черного моря. Вы здесь человек новый. У вас блестящее прошлое. Ваш авторитет уважаем. Ваше имя имеет вес, оно объединит все, что не поддалось еще заразе и растлению, и встряхнет и ободрит растерявшихся и ослабевших в борьбе.

Примите пост Командующего флотом, вы тем спасете флот и поможете армии в ее борьбе против красных врагов; а в случае невозможности бороться, спасете и флот, и ее, уведя от врагов и их плена.

Тот, которого так горячо уговаривал искуситель, стоял, облокотясь на белую колонну, и снял шляпу, чтобы освежить свою голову.

Облака разрывались на клочья, и солнце поминутно освещало пристань. Осветило и его бледное, вдохновенное в ту минуту лицо. Ветер играл его черными, с легкой проседью волосами, разбрасывая пряди по высокому чистому лбу.

Да, Морской корпус... дорогое и светлое воспоминание... В роскошном аванзале у парадной лестницы, там, где собираются все родные навещать кадет, гардемарин, над диванами красного бархата, среди картин Айвазовского морских сражений и славы флота, среди белого мрамора бюстов Императоров, на белой мраморной доске золотом выбито: «1899 год окончил первым Морской Корпус Кедров Михаил[256]».

Завладевшее троном Государства Российского, самовольно пришедшее на смену великим Императорам Русским, Временное правительство, не имея в своей среде сильных и верных опытных правителей и преследуя людей Царства во имя республики, принуждено было взывать к помощи людей, создававших величие, красоту и силу Государства Российского, для того чтобы не все разом рухнуло, а хоть что-нибудь удержать в порядке и в силе, и вот призвало оно адмирала Кедрова на должность помощника морского министра, а затем и начальника Морского Генерального штаба.

В этих должностях адмирал оставался лишь 2 месяца, и, когда на пост морского министра вступил столь опытный «морской волк», как адвокат Керенский, адмиралу Кедрову было предложено адмиралом Колчаком отправиться к нему в Черное море для командования бригадой дредноутов. Но адмирал Колчак вскоре и сам отбыл из Черного моря; а адмирал Кедров уехал за границу для объединения военно-морских агентов Лондона и Парижа. Там за границей он получил предложение адмирала Колчака организовать заграничный транспорт по снабжению белых армий.

На культурном Западе Европы, в тиши нормальной, человеческой жизни начал жить адмирал Кедров, желая и здесь за рубежом приносить посильную помощь заболевшей «красной прививкой», бедной, терзаемой Родине; но она не хотела оставлять его в покое... И адмирал Кедров вернулся. Его вызвал из Севастополя Правитель Юга России генерал Врангель, для командования последним белым русским флотом и руководства Морским ведомством последнего русского правительства.

Приехав из Лондона в штатском, стоял он теперь на верхней ступени белой Графской пристани и, глядя на проплывавшие мимо разодранные бурей облака, мучительно думал, вступить ли ему еще на эту высшую, но тяжкую ступень — Командующего Черноморским флотом. Тем флотом, за кормой которого гордо реял Андреевский флаг с белым конем святого Георгия Победоносца, побеждающего красного змия.

Правитель Юга России, генерал барон Врангель, Главнокомандующий Белой армией, пригласив наутро во дворец адмирала Кедрова,

обратился к нему как офицер к офицеру с горячей просьбой принять тяжелый и ответственный пост командующего Черноморским флотом и, в случае угрожающей и неминуемой опасности, спасти флот и армию в водах и на земле дружественной, но чужой нам державы... Адмирал Кедров пожал руку рыцарю генералу и дал свое согласие, выразив желание иметь контр-адмирала Н.Н. Машукова своим начальником штаба. Все возликовали.

С этого дня и до дня печального, черного дня прощания с великою Родиной, эти два человека неразлучно работали вместе. Они собрали распадавшийся флот, обновили, освежили личный состав и приготовили к роковой минуте горького отрывания от груди матери многих сотен тысяч горячо ее любивших детей тот ковчег, на котором они спасли их всех от ревущих волн великого красного потопа.

...К отплытию в Севастополе было готово 31 судно под Андреевским флагом.

И в портах Феодосии, Керчи, Ялты и других портах Крыма еще множество кораблей — всего белого флота 132 корабля. Это и был тот Священный Ковчег, которому было суждено спасти остатки Великой России.

Они создали тот разумный, твердый, ясный порядок, при котором в одну-две ночи смогли потом принять для спасения 136 000 людей, сразу покидавших Родину, когда почти никто уже не доверял друг другу, почти всеми овладевала тоска и безволие, когда красный враг стискивал свое багровое кольцо вокруг последней пяди белой земли, а любезные союзники — иностранные державы перестали оказывать материальную и моральную помощь, бросив белых героев на произвол судьбы.

Когда по горам, лесам и балочкам... в укромных местах Малахова кургана, прячась от глаз Белого Победителя, но чуя его близкую кончину, севастопольские «красные» матросы, портовые мастеровые, «розовые» перебежчики обыватели, «зеленые» хищники и другие вредители Родины тайно собирались и шептались, как бы помешать кораблям выйти из Севастополя, как бы испортить их механизмы, открыть кингстоны, затопить на рейде, в порту или даже в пути, что еще лучше, ибо тогда погибнут и бежавшие на них белые. Замышляли набросать мин у выхода в море, взорвать Инкерман, поджечь склады одежд и питания.

Долгие часы подряд на маленьких спинах моих милых кадет, ручных тележках и носилках сползали с горы зеленые и серые тюки зашитого и увязанного обмундирования, обуви и белья, и все это складывалось во флигеле и во дворе. Рота превратилась в багажную

станцию. Вскоре к пристани корпуса подошла громадная портовая баржа и открыла свое огромное, китоподобное темное чрево... Железный кит наглотался до отказа учеными и учебными книгами, богатой беллетристикой. Астрономическими, физическими и химическими приборами. Кухонной и столовой посудой... Бочками сала, клетями кур, петухов и уток... Усталые и измученные грузчики закрыли это чрево тяжелыми люками и ввели по сходне последних трех коров.

Все остальное богатство, скопленное трудом многих, многих поколений, все эти вещи, к которым привык с детства, в которые вошла частица души, вся эта красота любимых картин и близких сердцу книг оставлялась навсегда во владение врагу. Не поймет он ее, разобьет грубою рукою, растопчет нежное, любимое и дорогое грубой и дерзкой ногой.

30 октября 1920 года. Наступило утро Зиновии Богонравы. И видно, так нравилось Богу, чтобы в этот день мы покинули родную землю. Ибо этим путем Господь спасал нашу жизнь и, как некогда святому Иосифу, сказал Он: «Возьми отрока моего и Марию, Матерь Его, и беги с Ними в Египет, пока не положу к ногам Его врагов Его».

Так и мы, взяв отроков наших, вывели их из дома и увели в Африку, где лежит Египет, сохранивший Господа нашего. Но как тяжело, как горько было покидать дом свой.

Маленький портовый катерок принял нашу баржу на буксир, огласил воздух резким свистом и медленно отошел. Перекрестились. Поплыли. Все невольно повернулись лицом к корпусу. Высокий белый дворец, широко развернув свои крылья по серой горе, холодным белым золотом бесстрастно смотрел с высоты и все уменьшался в размерах. На пристани горько плакала одинокая старушка — бабушка кадета. Плакала Старая Русь...

С левого борта вырос громадный серо-стальной борт дредноута «Генерал Алексеев»[257]. Наша черная баржа доверчиво прижалась к нему.

Гардемарины корпуса, выгрузившись на линейный корабль, сейчас же заняли караульные посты — на вахтенном мостике, у башен, у бомбовых погребов, у ответственных механизмов машины и других важных мест корабля, который все еще нес на себе матросов, из коих многие были тайными врагами и могли принести кораблю непоправимый вред.

Устроив помещение для кадет, я поднялся на палубу и подошел к куче книг, разбросанной по большому участку. На юте под тентом, бивуаком, среди корзин, перин, сундуков и утвари, стояли дамы, девушки и дети, наблюдая за выгрузкой вещей и погрузкой угля.

«Война и мир» Льва Толстого, «Евгений Онегин» Пушкина, «Герой нашего времени» и «Демон» Лермонтова, «Три сестры» и «Вишневый

сад» Чехова, «Бесы» Достоевского, — все эти имена и названия бросились мне в глаза из этой кучи на черной палубе, и, машинально прочитывая названия, подумал я: «Война» с врагами внутренними, «Мир» с врагами внешними, «Татьяны Ларины» и «Онегины», «Наташи Ростовы», все эти «Анны Каренины» и милые девушки Гончарова «Веры» и «Марфиньки», героини Тургенева «Елены», «Лизы» стоят здесь на юте, чтобы отплыть на чужбину, с ними уходит «великая Красавица Россия», царственная, полная величия и красоты. Она уходит от «Героя нашего времени» — грядущего и пришедшего «Хама», «Бесы» Достоевского овладели Русской землею, и «Мертвые души» Гоголя наполнят ее города. Развернется широко «Фома Гордеев», и затопчат «Босяки» Горького русскую культуру. Воцарится на родной земле «Царь Голод» Леонида Андреева и со смехом пропляшет жизнь «его» человека.

Красный «Демон» Лермонтова будет соблазнять Чистую «Тамару» и обратит ея взор молитвенный от Святой Иконы на свое лицо. Люди «Мертвого Дома» Достоевского, сбросив цепи с себя, закуют Россию в цепи свои, обратят богатый, чудный край в «Мертвый Дом» и кладбище.

Не оправдалась мечта Чехова: не расцвел «Вишневый сад» на Руси, не нашел «Дядя Ваня» своего отдыха, не утешились «Три сестры» — Девы русские. Не зацвела «зеленая палочка», Левушкой Толстым посаженная среди трех берез, — не настало на Руси Царства Божия. «Волчьей ягодой», ядовитою, красною, покрылась русская земля, и наелись ею голодные. Отравилась любовь. Заменилась она братоненавистничеством.

Так говорили книги, кучею наваленные. Нарастала новая — книги учебные по 24 учебным предметам. И не знали еще тогда грузившие их кадеты, грузчики, что, пройдя все эти предметы и добавочные: носильщика, маляра, повара, портного и прачки, они еще, быть может, и не дойдут до офицерского чина, а будут только рабочими на фабриках или шоферами такси; они ведь шли в полную неизвестность.

Поздно вечером баржа Морского корпуса была выгружена и медленно покачивалась, черная и пустая, у высокого борта «Генерала Алексеева».

Из Севастополя в открытые иллюминаторы доносился гул и шум: там у пристаней и на рейде шла спешная погрузка угля, воды и тысяч беженцев.

На набережной кричали люди, прощаясь с родными на пароходах. Там, в недрах октябрьской ночи, разрывались сердца и души, отрывались и сцеплялись руки, горячие, сладкие поцелуи смешались с горькими и едкими слезами. Ломались Семьи, Дружба, Любовь, привязанно-

сти и привычка. Уезжал молодой внук, оставалась старая бабушка, уезжал муж, оставалась жена, уезжали дети, оставались родители, уходили отцы, оставались дети, уезжал жених — рыдала его невеста, на груди у друга плакал старый друг... Провожала сестра дорогого брата.

Но погрузка еще не окончилась. То и дело приходили из порта буксирные пароходы, шлюпки и баржи, груженные амуницией, ружьями, походными кухнями и даже автомобилями. Два темно-синих лакированных, с зеркальными сверкающими стеклами и никелированными фонарями, высоко поднимались и опускались у борта на разгулявшейся волне.

Старший офицер хватался за голову и разводил руками, не зная, как и куда разместить все это необычное и странное столпотворение из людей, вещей и животных. Барские и матросские собаки бегали по палубе. На баке у носовой башни мычали три корпусные коровы. Забитые в клетки и ящики, кричали петухи и куры. Только к вечеру, нагрузившись до отказа, «Генерал Алексеев» снялся с якоря и медленно-медленно двинулся могучей бронированной массой в темную даль, разрезая стальным форштевнем тоже могучие черные волны.

Было 10 часов вечера последнего дня октября, когда белые армии, флот и их семьи покинули родную землю и вместе с горючими слезами жгучей боли расставания с матерью-Родиной, которыми обливались тысячи сердец этих русских людей, в тех же сердцах билась тайная радость, дрожало ликование, что вот наконец-то ушли, спаслись, вырвались на волю из лютых когтей красного «человека-зверя».

Крестились, плакали, улыбались, смеялись, не отрываясь смотрели, стоя обнявшись на темной корме, на тонувшие берега Инкерманских и Мекензиевых гор, на мерцавшие огни родного города Севастополя.

Все дальше и глубже в черную ночь уходил линейный корабль, прислушиваясь по радио к приказаниям белого адмирала на крейсере «Генерал Корнилов»[258], наблюдавшего в Севастополе за выходом своего флота. Всю ночь один за другим выходили из порта груженные доверху корабли белой эскадры, и силуэты их исчезали в ночной темноте. Невидимыми нитями беспроволочного телеграфа были они все связаны с рубкою Командующего последним Черноморским флотом.

А он, спокойный и твердый, властно вел их по Черному морю на юго-запад, к далекому Босфору, к заветным вратам Царьграда. Последним покинул он родной Севастополь, когда убедился, что все они вышли из обреченного города. Под крылом его находилась и душа белых армий — генерал барон Врангель, начальник его штаба генерал Шатилов и другие чины его штаба.

Прошла и эта ночь, и засиявшее на востоке ликующее солнце осветило лишь темно-синюю, как сапфир, равнину моря и опрокинутый над нею бирюзовый купол ясного утреннего неба. В небе летали белые чайки. По морю шли стальные корабли. В волнах кувыркались дельфины. Люди на палубах любовались их игрою, цветом моря; грелись на солнце, и тихая радость спасения согревала их сердца. Доверчивой благодарной мыслью они устремились к своему адмиралу и верили теперь твердо, что будут спасены. Так плыли они день, два, пятые сутки; все небо да море, сапфир и бирюза. Ни земли, ни скалы, ни островочка.

Наступило 6 ноября, день святого Павла Исповедника — праздник Морского корпуса. На корме парадный Аналой. Стоят во фронте офицеры, гардемарины и кадеты. Тут же дамы, барышни и дети. Епископ Вениамин служит торжественный молебен, поет свой хор кадет, и вольною птицей несется молитва в открытое небо.

В походной кухне славного отряда Рыкова сварен жирный суп, и в нем, несмотря на всю тогдашнюю бедность, плавает «традиционный» гусь. Дамы и барышни жарят кадетам «лепешки» на мангалке в придачу к ежедневному корнбифу. Белые жирные лепешки взамен обычного черного хлеба. Вот и отметили праздник корпуса бедные, бездомные, беженцы-переселенцы. Впрочем, «дом» еще есть! Есть еще и Россия! Пока на родном корабле, под сенью Андреевского флага — это все еще родная земля, это все еще Россия! Так думают эти люди на стальном корабле среди спокойного синего моря. Поберег их Господь до Босфора. Не дал кораблям раскачаться, не увлек их на темное дно с роковою их перегрузкою да с пустыми и легкими трюмами.

Наступила ночь и прошла. Снова взошло солнце. «Земля! Земля!» — закричали на баке «Генерала Алексеева». Лиловая волнистая полоса в голубой утренней дымке показалась на горизонте по носу корабля. «Анатолийский берег Босфора», — сказал штурман на высоком мостике. С каждой минутой, с каждым шагом винта дредноута все явственнее вырисовывались сизые горы и предметы на них. Деревья, первые здания. И вот, наконец, засверкала узкая серебряная полоска между этими горами, сверкнула и убежала вглубь. Чрезвычайно изрезанный живописными бухтами, скалами, мысочками, бухточками, Босфор лежал наконец перед ними.

«Генерал Алексеев» остановился, медленно и важно покачиваясь на длинных выпуклых волнах. Черное море, вливаясь в Босфор, тянуло сильным течением. На баке забегали матросы, приготовляя перлиня для буксиров. Выплясывая трепака на воде, к носу его подошел «Илья Муромец» и, приняв толстые тросы с «Алексеева», завернул их на чугунные кнехты. Пронзительно засвистел и дал ход машине. Другой

буксир ответил под кормой и стал сдерживать могучую корму, под которой крутилось течение. Пошли к Босфору.

Вдруг на палубе «Ильи Муромца» появился высокий, бравый генерал, молодой, румяный, полнолицый. Белая папаха лихо сидела на его голове, красные шаровары горели на солнце; расставил широко крепкие ноги в высоких сапогах, белый ментик свисал с плеча. Он громким голосом, весело и бодро закричал: «На «Алексееве»! Передайте: генерал Слащев на «Илье Муромце» приветствует алексеевцев с благополучным приходом!» Командир с мостика передал привет защитника Крыма своей команде и всем запрудившим палубу людям; но гробовое молчание воцарилось на палубе, и лица выражали боль и недоумение, точно тронули их раскрытую рану: «Крым»... «Севастополь»... Нет! Не надо! Не будем вспоминать!.. Не тревожьте больного!.. Еще так свежа, так горит эта рана!

Ни бодрое «Ура!», ни мощный ответ военного привета; только одинокий голос командира в рупор ему отвечает: «Алексеевцы благодарят генерала Слащева-Крымского за его привет и желают ему всякого благополучия!» Прошло печальное видение Крыма. Голубым очарованием надвигался Босфор. В первой же бухточке на Азиатском берегу стоял английский изящный миноносец, который контролировал входы и выходы судов.

В быстром течении серебряных струй проплывали мимо мысы и заливы и рассыпанные поселки и дворцы пашей. Шефкеты — турецкие пароходы — по всем направлениям шныряют по Босфору, поддерживая сообщения между селениями и Константинополем.

Гардемарины и кадеты стоят во фронте на юте, горнисты поминутно играют «захождение» крепостям и военным кораблям. Группы русских дам и девушек с восторгом перебегают с борта на борт, не успевая насладиться очарованием турецких берегов. Вот проплывает живописное местечко Терапия на Европейском берегу с роскошными «кафэ» у самой воды; там гремит музыка и сидит богатая и нарядная публика. Бурное течение прямо рвет берега. Вот проносится мимо старинная серая стена времени господства греков.

Постоянными извивами течет Босфор. В глубокой бухточке, в саду миндаля, высоких тополей, туи, кипарисов красавица «Долма-Бахче». Дворец — резного белого мрамора, где каждый камень, колонна или свод покрыты нежным изваянием кружев. Вот новые холмы. На них мечети со стройным, как свеча, высоким минаретом. По белым гладким стенам вьется плющ, свисают белые, лиловые глицинии. Прошли высокую квадратную «Девичью башню» на крутой скале, взяли влево и вошли, наконец, в широкое Мраморное море. Здесь, против местеч-

ка «Мода», отдал «Генерал Алексеев» свой тяжелый якорь, и, развернувшись носом против сильного течения, остановился. Против него на берегу Стамбула стоял великий храм Айя София — храм Мудрости Господней.

Вдали на Мраморном море виднелись Принцевы острова; там на острове Халки стоял Турецкий Морской корпус. Черные с позолотой каики, зеленые и красные ялики, нагруженные мандаринами, апельсинами, дынями, табаком и восточными сластями, окружили корабль. Севастопольцы любовались Царьградом.

В этот город некогда великой Оттоманской империи, ныне обедневшей и измученной Великой войною, иссосанной германцами и опекаемой англичанами и французами Турции, и решил Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Кедров отвести свои корабли. 30 октября 1920 года он отдал приказ: «Белому флоту взять курс на Босфор и идти каждому, по способности, в Константинополь», — и флот вошел в дотоле запертые цепями и минами, охраняемые пушками и крепостями, вожделенные для русских Цареградские врата. Очищенный от русских и германских мин, стоял свободный и открытый красавец Босфор, и мирно отдавала честь турецкая крепость входившему в воды ее русскому белому флоту. Андреевские флаги реяли за кормой эскадры, но на грот-мачтах взвивались французские флаги. Суда входили в Босфор под французским протекторатом.

Они искали приют в водах Мраморного моря, под сенью великой Айя Софии, под голубым флером испарений Босфора, который нежной турецкой чадрою покрывает весь белый Константинополь в предзакатный час турецкого солнца, заходящего за дворцом Блистательной Порты и озаряющего розовым светом бесценную красоту резного, кружевного мрамора великой «Долма-Бахче». И турки молчаливо кивали, улыбались турчанки за нежной чадрой, смотря с холмов, с берегов и мечетей на вход вчерашнего врага — сегодня друга.

Несокрушимой мощи и печального бессилья — таким вошел Черноморский белый флот в Мраморное море и бросил тяжелые якоря. Загремели по клюзам железные цепи, и корабли остановились.

Линейный корабль «Генерал Алексеев». Крейсер «Генерал Корнилов». Вспомогательный крейсер «Алмаз». Эскадренные миноносцы «Гневный» и «Цериго». Миноносцы: «Капитан Сакен», «Жаркий», «Звонкий». Подводные лодки «А.Г.22», «Буревестник», «Тюлень», «Утка». Вооруженные ледоколы «Гайдамак», «Джигит», «Илья Муромец». Тральщики: «Китобой», «Баклан», «Березань», «Ипполай». Посыльные суда: «Лукулл», «Якут», «Днепровец», «Атаман Каледин», «Севастополь». Бывший линейный корабль «Георгий Победоносец».

Быстроходный катер «С.К.-1». «С.К.-6». Транспорт-мастерская «Кронштадт». Транспорт «Рион». Лоцманское судно «Казбек». Буксирно-спасательный пароход «Черномор».

Все эти суда под Андреевским флагом и масса коммерческих пароходов из всех портов Черного моря с покинувшими Родину русскими людьми, не имевшими силы жить и смотреть на страдания матери, терзаемой бесами красного ада, и не смогшими побороть эту красную силу.

Тут же на рейде в Мраморном море стояла яхта Главнокомандующего Белой армией генерала Врангеля «Лукулл». Вечером в день прихода русского флота с войсками и беженцами Главнокомандующий пригласил адмирала Кедрова на совещание, после которого встал, протянул руку Командующему флотом, горячо пожал ее и сказал: «Адмирал, армия знает, кому она обязана своим спасением! И я знаю, что я обязан только вам, что мне удалось вывести с честью армию, согласно моему обещанию, данному ей при моем вступлении.

Я никогда не забуду, адмирал, как вы один выручили меня из чрезвычайно затруднительного положения. Помните, когда мои войска, ослушавшись моего приказания, не пошли к намеченным пристаням для эвакуации, а бросились к ближайшим портам, где не нашли пароходов; какой хаос, какое смятение, какие несчастья могли бы обрушиться на голову отходящей армии, если бы не ваш энергичный приказ, заставивший всех образумиться и подчиниться моей дислокации».

Белый адмирал улыбнулся светлой улыбкой, в голубых глазах засветлел огонек счастливого удовлетворения. «Если какая-либо воинская часть не подчинится немедленно распределению их по портам и судам Главнокомандующего, то таковая не будет принята мною на корабли для эвакуации. Адмирал *Кедров*».

Вспоминая этот приказ и радостное сознание, как молниеносно быстро, с какою точностью и покорностью он был всеми исполнен; и ни один человек не был забыт или отброшен. Вспомнилась ночь, когда он спал, отдыхая от тяжкого труда и забот, когда вбежал взволнованный начальник оперативной части армии, просил и требовал у его начальника штаба контр-адмирала Машукова срочно плавучих средств на 50 000 воинов для их эвакуации и как, проснувшись от их голосов, он приказал: «Не на 50, а на 150 000 приготовьте корабли для эвакуации».

В Константинополь благополучно пришло на судах его флота 136 000 человек и нашли в нем свое спасение.

В продолжение многих дней в Константинополе адмирал Кедров провел в беспрерывных хлопотах и заботах о судах, командах и беженцах, об улучшении их жизни в непривычной и тяжелой судовой обста-

новке, о питании всех вывезенных им из России, о частичной разгрузке судов и свозе на берег на жительство многих частей сухопутных войск.

Хлопоты его увенчались успехом. На кораблях устроились с большим удобством, питание значительно улучшилось, и многие войсковые части съехали на берег. Всему этому много способствовал наш друг, французский адмирал Дюмениль, и его начальник штаба. Турецкое правительство предоставило им лагеря на полуострове Галлиполи при устье Дарданелл, где и прожили русские воины довольно долгое время.

Генералы, сухопутные офицеры, штабные дамы съехали в Константинополь, в Галлиполи, в Сербию, в Болгарию. Корпусные дамы и дети перешли в адмиральское помещение из кубрика, а затем все они переехали на удобный пассажирский пароход РОПИТа «Константин», на котором и ушли в Бизерту, после месячной стоянки в Царьграде.

В одно прекрасное тихое утро русская белая эскадра под флагом вице-адмирала Кедрова покидала воды Мраморного моря и надолго прощалась с гостеприимным Царьградом. Генерал Врангель съехал на яхту «Лукулл». На бульваре «Малых Полей» на высокой Пера, на террасах горы над красивым турецким кладбищем Кульшук-Мезаристан, откуда открываются такие восхитительные панорамы на Золотой Рог и на часть Стамбула, в роскошном кафе-ресторане, где играл симфонический оркестр, завтракали на веранде, полной света и цветов, англичане, французы, американцы — «союзники» — победители Германии.

В лорнеты, в бинокли, в подзорные трубы смотрели они с высокой и гордой Пера на великую союзницу Россию, на скромных серых боевых кораблях выходившую из Мраморного моря в узкие Дарданеллы. Самодовольная, честолюбивая, гордая улыбка играла на губах победителей; а в углах этих губ змеилось сострадание. Голубая вуаль затянула Константинополь, и он потонул в серых горах. Выйдя на простор Средиземного моря, русские корабли прошли архипелагом в Наварин, где догрузились углем и пресной водою на дальнейший поход в Бизерту.

В Наварине от «Генерала Алексеева» отвалил большой баркас, битком набитый гардемаринами и кадетами. Я сидел на руле его. На кормовом сиденье вице-адмирал Герасимов — новый директор Морского корпуса, митрофорный протоиерей отец Георгий Спасский, вновь назначенный настоятелем церкви Морского корпуса, и все офицеры-воспитатели.

Белая эскадра шла по тем же водам, где, более 100 лет тому назад, высокие подвиги адмирала Сенявина заставили победоносно греметь имя великой России. Часть эскадры шла Коринфским каналом, а большие корабли огибали Грецию. Сбор всей эскадры для дальней-

шего похода в Бизерту происходил южнее острова Корфу, у берегов Кефалонии.

Там однажды вечером съехал на берег адмирал Кедров погулять и отдохнуть от своих забот. У ближайшей деревушки к адмиралу подошла группа местных жителей. Седой старик обратился к нему по-гречески, а молодой грек, сносно говоривший по-русски, переводил слова старика: «Не русский ли вы адмирал и суда, стоящие у наших берегов, не русская ли это эскадра?» Узнав, что да, старик продолжал: «А мне мой отец рассказывал, что когда-то здесь тоже была русская эскадра под командою вашего адмирала Сенявина, которая нас спасала от Бонапарта, и имя его и русских моряков до сих пор не забыты в этих местах».

Эти простые задушевные слова глубоко запали в сердце Командующего белой эскадрой и прозвучали в нем горячей благодарностью к светлому образу славного адмирала, прославившего Родину век тому назад.

Доведя свой флот до берегов Африки, вице-адмирал Кедров привел его к «тихой пристани». В глубокой бухте Каруба, за белым городом Бизертой, среди высоких гор и зеленых пальм установил он свои корабли на мертвые бочки, якоря и швартовы, у пристаней канала и берегов Белого города; заселил нагорные крепости и лагеря спасенными им русскими людьми и глубоко задумался, что делать ему дальше. Долг был исполнен. Непочатый край недюжинной энергии не позволял ему сидеть «сложа руки» на «мертвых якорях». Посоветовавшись со своим начальником штаба, контр-адмиралом Машуковым, он сдал флот и командование старшему контр-адмиралу Беренсу и, простившись с людьми и с кораблями, на французском крейсере «Эдгар Кинэ» отбыл в далекую Францию, в Марсель, в Париж, чтобы там, находясь в близкой связи с правящими кругами Франции, помогать и заботиться о своем флоте и о беженцах во всей полноте и возможности. Действительно, после его отъезда в Париж русской эскадрой заинтересовались больше, питание улучшилось, еще и медицинская помощь французских врачей подавалась всем без отказа. Белая эскадра мирно отдыхала, зная, что там, в далекой столице мира, неусыпно следит за нею любящий глаз ее Адмирала.

В Париже Командующий флотом прожил затем многие годы; ум его, вечно жаждущий новых и новых познаний, сердце бодрое и отзывчивое на каждый новый труд, с жадностью бросились в науку. На скамье студента Института путей сообщения — Эколь Пон-э-Шоссе — сидел Вице-Адмирал Российского Императорского флота, прилежно и страстно учился. В 1925 году весь курс был им окончен. В восторженном

изумлении французы профессора и ученики-сотоварищи увидели имя Михаила Кедрова. Окончил первым из всего выпуска.

Это было в третий раз, когда сверкало его имя, первым торжествуя над трудом и наукой в его просвещенной и трудолюбивой жизни. Четыре года спустя этот белый адмирал стал ядром и центром Военно-Морского союза с великой и светлой задачей: «Стоять у изголовья великой больной Матери и всячески содействовать ее выздоровлению». Под это знамя и поныне слетаются со всех концов мира орлы-офицеры, верные святому долгу и страстной любви к Родине.

Б. Щепинский

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ ВОСПИТАННИКОВ КАДЕТСКИХ РОТ МОРСКОГО УЧИЛИЩА[259]

Об открытии Морского корпуса в Севастополе в октябре 1919 года было написано много в морской литературе зарубежья, и из всего написанного видно, что почему-то ни сам создатель корпуса, и никто из высшего морского командования того времени не приняли во внимание того факта, что в 1919 году в рядах Добровольческой армии и на судах флота служило более 50 гардемарин Отдельных гардемаринских классов и кадет Морского училища, еще не окончивших полный курс специального или общеобразовательного классов.

Конечно, никто из моряков не мог не одобрить идеи открыть в Крыму военно-морское учебное заведение. Для сухопутных войск на Юге России существовало несколько военных училищ, тогда как для пополнения офицерского состава флота не было предпринято ничего. Правда, во Владивостоке капитан 1-го ранга Китицын принял молодых людей в гардемаринскую роту, но об этом факте мало что было известно на Юге России.

6 сентября 1919 года в газетах появилось объявление о приеме в Морской корпус по конкурсу аттестатов, без различия сословий, 130 молодых людей, окончивших среднее образование, возраста от 16 до 18 лет, в гардемаринскую роту и столько же, в возрасте от 12 до 14 лет, окончивших 3 класса среднеучебного заведения, в младшую кадетскую — 7-ю роту. К сожалению, воспитанников Морского училища, закрытого 24 февраля 1918 года, окончивших свое среднее образование, на Юге России было мало, и, напротив, воспитанников этого училища, которым осталось год или два для заканчивания образования, оказалось довольно много, возможно, более пятидесяти. Согласно тексту этого объявления,

для большинства питомцев Морского училища прием в открываемый корпус был закрыт. Однако будущее показало, что только всего после четырех месяцев усиленной подготовки в созданных для них «временных классах» многие из них с успехом окончили специальные классы Морского корпуса в Бизерте, а потом университеты и высшие технические учебные заведения как во Франции, так и в других странах.

Что же касается решения открыть прием «малышей» в самую младшую кадетскую роту, отрывая их от семей в это тревожное время, при отсутствии «лишних» денег в казне Вооруженных сил Юга России и необходимых имущества и продуктов, то в лучшем случае можно только с удивлением пожать плечами. Было бы гораздо целесообразнее оставить этих мальчиков учиться в своих гимназиях и реальных училищах. Наконец, когда же эти кадеты могли бы стать мичманами? В 1927 году... А где же принцип, так правильно формулированный капитаном 1-го ранга Китицыным, о «непрерывности морского воспитания»? Вот почему, как нам кажется, было бы целесообразнее открыть в Крыму не седьмую, а четвертую (старшую кадетскую) роту с ускоренным курсом, для оставшихся за бортом 40—50 кадет старого Морского училища. Таким образом, через несколько месяцев усиленных занятий они могли бы образовать младшую гардемаринскую (третью) роту, солидную по духу и традициям старого Морского корпуса, и к тому же уже хорошо знакомую со службой на флоте. Но, увы, в формировавшуюся гардемаринскую роту из гардемарин Отдельных гардемаринских классов никого не приняли, а из кадет Морского училища приняли только четверых. Это была «капля в море», и, конечно, вопроса о «преемственности» и быть не могло.

Так или иначе, старшая кадетская (четвертая) рота не была открыта и никаких приказов об отчислении кадет и гардемарин в открываемый Морской корпус не последовало. Сии «птенцы гнезда Петрова», для которых места в новом Морском корпусе не нашлось, продолжали нести свою службу в армии и на флоте вплоть до июня месяца 1920 года.

Но вот в июне 1920 года Главное командование решило возвратить с фронта всех учащихся молодых людей (приказ № 2258). 22 июня соответствующие приказы за № 4987 и 4988 были отданы и по флоту. Таким образом всплыл на поверхность вопрос о забытых в прошлом году воспитанниках Морского училища и Отдельных гардемаринских классов. Что же для них можно было сделать? Единственным выходом было создание временных ускоренных курсов: старшего, для окончивших среднее образование, и младшего, для его не окончивших. Эти курсы получили наименование Сводной роты при Морском корпусе, в командование которой вступил капитан 2-го ранга А.А. Воробьев[260]. Открыти-

ем этой роты кадеты были много обязаны стараниям их товарища, кадета Владимира Е., который добился возможности быть принятым начальством. Со своей стороны контр-адмирал Ворожейкин, директор корпуса, не забывший своих бывших воспитанников, кадет роты Его Высочества, много способствовал открытию этих «временных классов». В конце концов кадеты, служившие на кораблях Черноморского флота, были откомандированы в Морской корпус для продолжения образования. Большинство воспитанников были уже в чине подпоручика корпуса корабельных офицеров и продолжали в стенах корпуса носить свою офицерскую форму.

Рота была разделена на два взвода. В первом — 1 гардемарин Морского Инженерного училища, 15 гардемарин Отдельных гардемаринских классов и 2 кадета 5-й роты Морского училища, а во втором — 28 кадет 6-й роты и 7 кадет 5-й и 4-й рот Морского училища. Рота была размещена в помещениях «спального» флигеля, хорошо знакомых бывшим кадетам роты Его Высочества. О повседневной жизни воспитанников Сводной роты много говорить не приходится. Ненавистной побудки под горн или барабан не было. Не было и строевых занятий. Все время было посвящено учению. Свободное время посвящалось главным образом купанию. Столовались воспитанники на даче «Голландия». Все офицеры и воспитанники имели винтовки и патроны.

Вернувшись на школьную скамью, все эти сигнальщики, рулевые, комендоры, пулеметчики, стрелки и кавалеристы усердно принялись за работу. Потерянное время нужно было наверстать как можно скорее. Главным предметом была, конечно, математика, которую преподавал, как и в 1916/17 году, г-н Воейков.

Настал октябрь. До сих пор особых событий в жизни Сводной роты не происходило. Изо дня в день шло усиленное учение. На фронте положение было тревожное, но к этому как-то уже привыкли. Несмотря на события последних дней октября, приказ об эвакуации Крыма явился для большинства полной неожиданностью. Приказом штаба чины Сводной роты были расписаны по судам, причем самая большая группа, около 15 человек, попала на вооруженный ледокол «Гайдамак», стоявший в Южной бухте. По прибытии нашего флота в Константинополь и месячного пребывания на «Гайдамаке» чины Сводной роты были переведены на линейный корабль «Генерал Алексеев», на котором пробыли около недели, и, наконец, 9 декабря все они были переведены на посыльное судно «Якут», где было собраны все чины Сводной роты, находившиеся на вновь сформированной Русской эскадре. Здесь Сводная рота, просуществовавшая почти шесть месяцев, прекратила свое существование.

***

На «Якуте» образовалась новая младшая гардемаринская рота (третья), на этот раз с солидным ядром из старых морских кадет из состава только что расформированной Сводной роты. Рота была дополнена молодыми людьми, частью принятыми в корпус еще в Севастополе, частью прибывшими с эскадры уже в Константинополе.

По прибытии на «Якут» вновь сформированная рота была выстроена на палубе, имея, как полагалось, офицеров из своего состава на правом фланге. Но капитан 1-го ранга Китицын, не желая делать разницы между воспитанниками одной и той же роты, «предложил» всем этим подпоручикам корпуса корабельных офицеров на время, как бы сказать, «забыть свой офицерский чин». Фронт немедля перестроился, на сей раз по ранжиру. В командование ротой вступил лейтенант Н.А. Окрашевский[261] (выпуск 1915 года).

9 декабря (по н. ст.) 1920 года «Якут», в составе 2-го отряда Русской эскадры, вышел из Константинополя, через Коринфский канал, в Бизерту. Отряд сопровождало французское авизо «Бар-ле-Дюк». О походе нашей эскадры много и обстоятельно уже было написано как в русской, так и во французской печати. Может быть, интересно будет напомнить о двух событиях этого похода.

В ночь с 14-го на 15 декабря 1920 года французский конвоир нашего отряда «Бар-ле-Дюк» наскочил на камень у мыса в Эгейском море и затонул. Погиб командир корабля и 26 человек команды.

Несколько позже, в Ионическом море, «Якут» потерпел аварию, которая могла бы окончиться трагически. Кочегарка была затоплена водой, поступавшей через один случайно открывшийся кингстон. Грязную воду, перемешанную с шлаком, приходилось откачивать ведрами. В этой тяжелой работе принял участие весь экипаж корабля. На следующий день подошел французский миноносец, передал на «Якут» ручную помпу, и работа пошла быстрее. После починки кингстона, для чего гардемарин Дорошенко должен был несколько раз нырять в грязную воду, и окончания откачивания нужно было привести в порядок механизмы машины, и только поздно вечером машины старенького «Якута» застучали вновь.

26 декабря «Якут» прибыл в Бизерту и через несколько дней ошвартовался у борта крейсера «Генерал Корнилов», стоявшего уже на рейде.

20 января 1921 года гардемарины сошли на берег и после дезинфекции и всевозможных прививок отправлены были в лагерь Сфаят. Здесь рота закончила свое формирование путем приема находившихся

на эскадре кадет сухопутных корпусов и охотников флота. Большого изменения в численном составе роты не произошло.

20 марта воспитанники 3-й роты были отправлены в плавание на парусное учебное судно «Моряк» (бывшее «Великая княгиня Ксения Александровна»), которым командовал сначала старший лейтенант А.Г. Рыбин[262], а затем старший лейтенант М.М. Максимович[263], офицеры, прекрасно знавшие штурманское и парусное дело.

3 мая воспитанники, плававшие на «Моряке», приказом по Морскому корпусу за № 134 были произведены в гардемарины. $4^1/_2$ месячное плавание на «Моряке», хотя и не в открытом море (из-за запрещения морского префекта Бизерты), а в огромном Бизертском озере принесло гардемаринам большую пользу во всех отношениях. Весь день проходил по точно составленному корабельному расписанию, за исключением парусных походов в озере, которым иногда мешали ветер и погода. Ранняя побудка, укладывание коек, утренняя тщательная уборка (мытье палубы, чистка меди) и в 8 часов — подъем флага.

Жаркий африканский климат располагал русских моряков к купанию. Неудивительно, что гардемарины всегда с нетерпением ждали дудки: «Команде купаться!» Все быстро выскакивали на палубу и, сбросив трусики, бросались в воду. Дежурная шлюпка ходила на веслах вокруг купающихся, чтобы в случае надобности подать помощь. Неумеющие учились плавать на лямках, вдоль борта, как в старое время в плавательном бассейне в Петрограде. Но и среди нас были настоящие «чемпионы» плавания. Например, Владимир Борисов[264] прыгал с фокрея, с высоты около десяти метров, а Николай Широкий[265] нырял под корабль и выплывал с противоположного борта. Он же в нужных случаях изображал «человека за бортом» и, по указанию командира, незаметно от вахтенного начальника и сигнальщиков, прыгал в воду. Раздавался взволнованный от неожиданности крик сигнальщика: «Человек за бортом!» — и спасательный круг летел в воду. Конечно, это скорее была школа для вахтенных начальников, так как нужно было, не растерявшись, быстро «лечь в дрейф», спустить шлюпку, которая и должна была уже найти и подобрать оставшегося далеко сзади «утопленника».

Ходили под парусами на шлюпках в любую погоду. Делали шлюпочные пробеги на веслах на всех корабельных шлюпках, начиная с двойки и кончая 12-весельным катером. Иногда устраивались настоящие гонки. Каждые две недели очередная смена шла работать в машину, где под руководством судового инженер-механика она вела практические занятия. Шли занятия по штурманскому делу и по морской практике. По парусному авралу каждый имел свое определенное место.

Постановка и уборка парусов. Походы под парусами по озеру, с поворотами оверштаг и через фордевинд... Кто же из моряков не знает, что успех каждого маневра зависит не только от быстрого и точного исполнения поданных команд, но и от дружной работы всего экипажа! Прошло уже более пятидесяти лет, а в ушах бывших «марсафлотов» все еще звучат громкие слова команд, летевших с мостика: «Марсовые — к вантам!», «По марсам и салингам!». Для будущих морских офицеров никогда не было и не будет лучшей школы, как плавание на парусном учебном корабле!

«Моряк» — трехмачтовое парусное судно — баркантина — имел фок-мачту с прямыми, а грот и бизань с косыми (латинскими) парусами. Имел он и вспомогательную паровую машину с двумя котлами различной системы, которая могла бы в случае надобности «помочь» при трудном повороте, а котлы служили также и для учебных целей.

Занятия длились до полудня. После традиционной «пробы», которую кок подносил командиру, гардемарины получали свой скудный обед (паек французского интендантства был не обилен!). После обеда, не подымая флаг «ОН», мы все же два часа отдыхали. Затем опять шли занятия. Наконец длинный трудовой день кончался. Раздавался сигнал: «Из палубы всем выйти, палубу проветрить и подмести!» Под вечер, после знойного дня под палящим африканским солнцем, гардемарины собирались на баке, и над тихими водами Бизертского озера неслись звуки русской песни... Правда, еще в Сфаяте в рядах 3-й роты нашлись и дирижеры, и запевалы, которым удалось организовать хороший, стройный хор. Так по вечерам на улицах Сфаята, к удовольствию населения, главным образом женского, этого поселка, гардемарины 3-й роты исполняли свой репертуар из русских народных и военных песен. Да и позже, по прибытии в Кебир, наша рота считалась лучшей по хоровому пению.

После скромного ужина, чая и вечерней молитвы раздавались койки, но большинство гардемарин располагалось спать тут же, на палубе.

Что касается дисциплины, то она была на судах суровая, и наказания сыпались как из рога изобилия. Плошать, зевать, делать ошибки на корабле не полагалось. Ставили под ружье, на раскаленной солнцем палубе, что было особенно чувствительно для босых гардемаринских ног. Правда, вода была близка и палубу допускалось окачивать. Другим наказанием был прогон через салинг или же посылка простоять на салинге столько-то времени. Были, конечно, и наряды вне очереди. Нужно отметить, что никто и никогда на эти наказания не жаловался.

2 августа рота, закончив учебное плавание, была отправлена для классных занятий в форт Джебель-Кебир. В командование ротой вступил морской офицер выпуска 1917 года лейтенант Г.Л. Мейерер[266], который еще в чине мичмана положил начало боевой деятельности Волжской флотилии в июне 1918 года и после создания в Омске Морского учебного батальона принял участие в его непрерывных боях до сентября 1919 года.

К этому времени в роте осталось 72 человека, в числе которых 22 бывших кадета Морского училища. К этому солидному по духу ядру нужно прибавить еще 16 кадет сухопутных кадетских корпусов. Таким образом, более половины 3-й роты составляли гардемарины, имевшие право называться «старыми кадетами». Руководящее ядро этой роты составляли бывшие кадеты Петроградского морского училища.

В корпусе числилось 235 гардемарин, 110 кадет, 60 офицеров и преподавателей и около 40 человек команды. Директором корпуса был вице-адмирал А.М. Герасимов, «имевший честь служить при трех императорах», как говорил он, а его помощником и начальником строевой части был выдающийся боевой офицер, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени капитан 1-го ранга М.А. Китицын.

Начиная с октября 1917 года жизнь и деятельность этого доблестного морского офицера была тесно связана с жизнью нескольких сотен гардемарин. Его основная «морская идея» основывалась на более чем двухсотлетних традициях Российского Императорского флота. Возможно, что в некоторых случаях капитан 1-го ранга Китицын был несколько пристрастен к «своим» владивостокским гардемаринам, но не нужно забывать, что он их считал как бы «своим детищем».

Третья рота была размещена в одном из казематов с железными койками в два яруса. В роту были назначены три отделенных начальника, фельдфебель и несколько «капралов» (так звали в Морском корпусе в просторечье унтер-офицеров из гардемарин). Все они были из дальневосточников.

1 июня 1922 года лейтенант Мейерер ушел из корпуса, оставив на память каждому из своих гардемарин по экземпляру написанного им курса военно-морской истории. Его сменил боевой офицер, капитан 2-го ранга Алексей Алексеевич Остолопов[267]. Участник Первого Кубанского похода, он потом командовал вспомогательным крейсером «Слава» в Каспийской флотилии.

Жизнь протекала без особых событий. Ежедневно бывали строевые занятия, а иногда и большие прогулки по пыльным бизертским дорогам. Много времени уделялось гимнастике и спорту. В корпусе был

прекрасный духовой оркестр под управлением гардемарина 1-й роты Данюшевского[268], а после его производства гардемарина нашей роты Милорадовича[269], который в то же время был и регентом ротного хора. Оркестр сопровождал корпус на батальонные прогулки, и русские военные марши гремели по улицам Бизерты. При прохождении батальона церемониальным маршем обычно игрался марш так называемый Старо-Егерский. И наконец, корпусной оркестр оживлял наши гимнастические праздники, играл на балу 6 ноября и вообще играл одну из важных ролей в жизни корпуса.

Нужно заметить, что Морской корпус в Бизерте остался верен традициям старого корпуса: 6 ноября бывал и молебен, и обед с приглашенными старыми воспитанниками, и бал вечером. Сохранился и старый обычай «похорон Альманаха», но ров, окружавший старый французский форт, заменил нам знаменитый в Петербурге зал старого корпуса, не носили мы черных с золотом флотских мундиров, не видно было на балу пышных дамских туалетов, не слышно было у подъезда окриков кучеров и лакеев, но все же в одном из бараков, украшенном сигнальными флагами и гирляндами зелени, фельдфебель старшей роты галантно предлагал старой адмиральше руку и, как и в старое время, открывал с ней бал под звуки торжественного полонеза.

В силу сложившихся обстоятельств, каждая гардемаринская рота имела свой особый, принадлежавший только ей облик. Классные занятия в нашей роте шли усиленным темпом. Больших каникул не было. Были только воскресенья да праздничные отпуска. Таким образом, времени оказалось достаточно, чтобы пройти полный курс Специальных классов Морского корпуса. Нужно сказать, что преподавательский состав, во главе с инспектором классов, академиком капитаном 1-го ранга Николаем Николаевичем Александровым, преподававшим высшую математику, и «богом девиации», генерал-лейтенантом Константином Николаевичем Оглоблинским[270], стоял на большой высоте, что, конечно, весьма способствовало успешному прохождению нами всех положенных курсов: математики, девиации, астрономии, навигации, пароходной механики, кораблестроения, физики, химии, электротехники, черчения, богословия, русской словесности, французского языка и других наук (к сожалению, английский язык в Бизерте не преподавался). Не была забыта и военно-морская история. Многое, и в особенности математика, весьма пригодились нам при поступлении впоследствии в иностранные высшие учебные заведения.

Наступили выпускные экзамены. Письменные — в одном из сфаятских бараков, под строгим наблюдением корпусных офицеров, а ус-

тные — в классных «залах» Кебира. Как и в старое время, с трепетом подходили гардемарины к столу, за которым сидели «непроницаемые» экзаменаторы. Как и «там», тянули билеты, в надежде вытянуть хороший, но не было мундиров, не было того парада, что в былое время.

Судьбе было угодно, чтобы председателем экзаменационной комиссии на выпускных экзаменах был назначен бывший директор нашего корпуса в Севастополе, контр-адмирал Сергей Николаевич Ворожейкин, который, по всей видимости, был рад увидеть среди экзаменующихся своих бывших воспитанников из роты Его Высочества, которых он знал еще с 1916 года. Рады были и гардемарины снова увидеть своего «доброго адмирала». Увы, вместо 125, как в 1916 году, их было только немного более десятка!

После выпускных экзаменов 57 старших гардемарин получили аттестаты об окончании Морского корпуса, приказом по корпусу за № 219, от 6(19) ноября 1922 года, и приказом по Русской эскадре за № 297, того же дня, были произведены в корабельные гардемарины. Несколько позже были произведены еще 6 человек, а всего 63 корабельных гардемарина, в числе которых — 18 бывших кадет Морского училища в Петрограде. Возможно, что в дальнейшем еще несколько человек представились и выдержали экзамены, но у нас об этом никаких сведений нет.

После производства корабельные гардемарины были расписаны по судам эскадры, но уже через несколько месяцев начался «разъезд». Корабелы отправлялись главным образом во французские университеты и технические учебные заведения с целью продолжения своего образования. Эскадра стала заметно пустеть.

***

Заканчивая свой очерк о бывших кадетах роты Его Высочества Морского корпуса в Севастополе и гардемаринах 3-й роты Морского корпуса в Бизерте, мне хочется упомянуть некоторых, имена которых прославили русское имя за границей и в научном мире.

1) Старший унтер-офицер знаменщик Юрий Кусков, окончивший корпус первым, вслед затем окончил сначала Сорбонну, затем два высших технических института, удостоился звания доктора физико-математических наук и инженера-доктора. Занимал пост научного директора одного из крупнейших электротехнических обществ во Франции и одновременно был профессором в электротехнических институтах Парижа и Нанси.

2) Фельдфебель Всеволод Гусев, окончивший корпус вторым, был кадетом Морского училища в Петрограде. Блестяще окончив Механическое отделение электротехнического института в Нанси и одновременно физико-математический факультет, этот выдающийся инженер избрал своей специальностью авиацию и аэротехнику и, дополнив свои знания в высшем аэронавтическом институте в Париже, получил пост руководителя воздушных испытаний прототипов в одном из национализированных французских обществ. Последним и роковым для него заданием был контроль полета одного из новых гидросамолетов-гигантов. Из этого полета он не вернулся. Атлантический океан не вернул тела славного русского моряка и летчика.

Список наш этим, конечно, не исчерпывается. Согласно нашему Информационному бюллетеню, 25 корабельных гардемарин получили дипломы инженеров. Тут были инженеры общественных работ, инженеры-механики, электрики, химики, геологи, агрономы, метеорологи, авиаторы. Кроме того, один из «корабелов» был принят в Морской корпус в Бресте, который окончил с успехом, и стал выдающимся инженером во французских колониях.

***

Бывшие кадеты роты Его Высочества, закончившие свою военную жизнь в стенах Морского корпуса в Бизерте и на кораблях Русской эскадры, считают своим долгом посвятить несколько строк последним годам жизни их «доброго адмирала».

За месяц до выпускных экзаменов, 5(18) октября 1922 года, то есть в годовщину официального открытия Морского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича корпуса в Севастополе, бывшие кадеты этого корпуса устроили в стенах Джебель-Кебира скромное празднование этого памятного для них события. На празднование был приглашен и бывший директор корпуса, контр-адмирал Сергей Николаевич Ворожейкин. За стаканом глинтвейна вспоминали прошлое. Адмирал показывал своим кадетам фотографии из жизни корпуса.

После ликвидации в октябре 1922 года Русской эскадры и в мае 1925 года последних кадетских рот Морского корпуса в Бизерте адмирал с супругой продолжал жить в Бизерте, и после кончины адмирала Герасимова адмирал Ворожейкин был назначен председателем комиссии по постройке храма-памятника кораблям Русской эскадры в Бизерте.

Адмирал пользовался большим уважением во французских морских кругах. Он скончался 26 марта 1939 года и похоронен в Бизерте.

В. Дюкин[271]

СЕРГИЕВСКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ[272]

Первоначальное мое желание составить «Историю Сергиевского артиллерийского училища» не могло быть исполнено за неимением точных данных, касающихся дореволюционного периода существования училища, а также исчерпывающих подробных сведений о существовании училища в Гражданскую войну. Кроме того, сорокапятилетняя давность всех происшедших событий заставляет понемногу забыть многие факты, даты, фамилии офицеров и юнкеров и т. д. Все же то многое, что еще удержалось в памяти, передаваемое со всей возможной точностью, может еще дать почти полное представление о жизни и деятельности училища в период 1919—1921 годов. Все описываемое ниже тесно связано с моими личными переживаниями и уже поэтому не может носить названия «Истории училища».

Сергиевское артиллерийское училище было открыто в 1913 году в городе Одессе, на 3-й станции Большого Фонтана, поблизости от находившегося там же Одесского кадетского корпуса.

Училище было оборудовано по последнему и новейшему (в те времена) образцу техники с исключительно хорошо подобранным составом преподавателей и курсовых офицеров и с отличным составом юнкеров, очень быстро усвоивших славные традиции Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ. Не описывая первых лет существования училища, укажу только, что из-за начавшейся в июле 1914 года войны ему не пришлось дать ни одного нормального выпуска юнкеров: все выпуски, их было 12, были ускоренными, причем 12-й выпуск даже не закончил курса, так как училище было закрыто большевиками, занявшими Одессу в январе 1918 года. Таким образом, училище временно прекратило свое существование вплоть до октября 1919 года.

Одесса

Приказом Главнокомандующего Добровольческой армией, Сергиевское артиллерийское училище было восстановлено в октябре 1919 года. Укомплектовано оно было юнкерами, кадетами, вольноопределяющимися и добровольцами, имевшими среднее образование, находившимися в частях Добровольческой армии и постепенно стекавшимися в

Одессу, в стены училища. Вскоре в состав училища была влита Армавирская артиллерийская школа, и таким образом был образован 13-й ускоренный выпуск, двухбатарейного состава. (Армавирская артиллерийская учебно-подготовительная школа была основана в середине 1919 года, когда на вооружение Добровольческой армии стали поступать английские и французские орудия. Обучение стрельбе из этих орудий и происходило в Армавирской артиллерийской школе. Командовал школой капитан Сонги. В сентябре 1919 года школа была переведена в Севастополь и тут закончила свое существование, так как часть обучавшихся, имевших законченное среднее образование, была отправлена в Сергиевское артиллерийское училище, а остальные — в другие артиллерийские части.)

Начальником училища был назначен прежний его начальник, генерал-майор Нилус[273], командиром дивизиона — полковник Козьмин[274], командиром 1-й батареи капитан Краевский[275], командиром 2-й батареи капитан Мамушин[276] (чины указаны по тому времени), курсовыми офицерами: 1-го отделения капитан Горунович[277], 2-го — капитан Георгиевский[278], 3-го — капитан Олехнович[279], 4-го — капитан Лукьянский.

Половина примерно курсовых офицеров и преподавательского состава были из прежнего состава училища. Среди них были: полковник Круссер[280], полковник Самарский, полковник Беляев, капитаны Корытин, Жовнер, Жагмен[281], Сомов. Инструктором верховой езды был капитан Гавликовский[282], адъютантом училища капитан Арнольд[283], а училищным священником О. Феодор Мильяновский.

Многих старых юнкеров может заинтересовать, почему полковник Петрович, известный артиллерист-теоретик, составивший вместе с генералом Нилусом книгу «Теория артиллерии», не вошел в преподавательский кадр вновь открытого училища? Произошло это потому, что во время первой оккупации Одессы большевиками он состоял преподавателем в артиллерийской школе, открытой красным командованием в помещении училища. При второй эвакуации полковник Петрович снова остался в Одессе.

В ноябре 1919 года 13-й выпуск приступил к занятиям. Эти занятия с опытными преподавателями шли нормальным порядком, так же как жизнь и питание юнкеров (по возможности того времени). Некоторое участие училище принимало и в гарнизонной службе, неся караулы и поддерживая в городе порядок, иногда нарушаемый бандитами и хулиганами.

В декабре общее положение фронта стало катастрофическим: красные быстро приближались к Одессе, жившей в тревоге и неизвестности.

В середине января 1920 года фронт был уже под Одессой. В громадном Одесском порту шла лихорадочная эвакуация, затруднявшаяся наплывом беженцев. Эвакуировались госпиталя, военные материалы, спасалось все, что возможно было спасти. По ночам порядок в городе и в порту часто нарушался подозрительными личностями, бандитами и обнаглевшими коммунистами... Для восстановления порядка требовалось принятие решительных мер.

Поэтому 22 января, приказом генерал-майора Шиллинга, командующего войсками Одесского округа, училище было направлено в порт для обеспечения в нем порядка и для прикрытия эвакуации. Тогда же был отдан приказ об оставлении Одессы и отступлении в Крым.

В этот день юнкерам было разрешено в последний раз выйти в город проститься с родными и знакомыми. Мне удалось также побывать в моем родном Одесском корпусе и проститься с некоторыми из оставшихся в нем моих товарищей и бывших воспитателей.

Отмечу здесь, что корпус также готовился к выступлению в порт, но непонятная нерешительность директора корпуса, полковника Бернацкого, и запоздалое (на два дня) приведение в исполнение приказа об эвакуации явились причиной гибели корпуса, о чем я упомяну ниже.

Нужно отметить, что как училище, на 3-й станции Большефонтанской дороги, так и корпус, на 4-й станции той же дороги, находились в 5 километрах от города, а чтобы попасть в порт, необходимо было пересечь весь город.

На рассвете 23 января училище с оркестром в голове колонны прошло через весь город и заняло порт. Как выясняется только теперь, начальник училища перед уходом в порт послал в Одесский корпус офицера с предложением корпусу эвакуироваться вместе с училищем и под его прикрытием, но полковник Бернацкий это предложение отклонил, ссылаясь на то, что еще не получил официального приказа направить корпус в порт.

Важно указать, что орудий при училище в то время не было, так как они были еще раньше взяты на фронт, а новые доставлены не были. Таким образом, училище в тот момент представляло собой пехотную часть, вооруженную лишь винтовками и пулеметами.

По прибытии в порт главные силы училища расположились в Таможенной гавани, в больших и чрезвычайно холодных портовых складах, где находились караульное помещение, кухня и походный лазарет для подачи первой помощи пока что только обмороженным (в этом году была невероятно холодная зима, что сильно осложняло караульную службу).

Караулами и патрулями были надежно обеспечены Таможенная и Каботажная гавани, а в сторону города, расположенного значительно выше порта, были выставлены три сильные заставы:

застава № 1 — на Приморской улице — Военный спуск, в сторону Пересыпи и Арбузной гавани, откуда скорее всего можно было ожидать нападения красных. Командовал заставой отделенный офицер 1-го отделения капитан Горунович;

застава № 2 — против знаменитой одесской лестницы, соединяющей Приморскую улицу с Николаевским бульваром. Командовал этой заставой отделенный офицер 3-го отделения капитан Олехнович;

застава № 3 — самая левофланговая, на перекрестке Польского и Ланжеронского спусков. Командовал заставой капитан Крыжановский.

Порядок был быстро налажен. Порт был очищен от всяких подозрительных личностей, которых юнкера отправляли в Комендантское управление в Воронцовском дворце, занятом довольно сильной комендантской командой. Из Воронцовского дворца порт был виден как на ладони, и поэтому дворец являлся очень важным с тактической точки зрения пунктом, к сожалению не включенным своевременно в район, занимаемый училищем.

Отступающих частей Добровольческой армии нигде видно не было. Уже потом это объяснилось тем, что путь отступления через Одессу был отрезан красными, и нашим войскам пришлось отступать на Польшу, совершив всем известный «Бредовский» поход. В городе было более или менее спокойно. Далеко в море виднелись темные силуэты бездействовавших кораблей английского флота. Ожидали прибытия в порт одесских кадет, но они почему-то мешкали и еще не двигались из стен корпуса.

23 и 24 января прошли в спешной и беспорядочной эвакуации: слишком уж много скопилось в порту всего, что рвалось поскорее уйти от надвигавшейся красной опасности.

На рассвете 25 января красным частям при поддержке местных большевиков удалось ворваться в город со стороны Пересыпи и Куяльницкого лимана, продвинуться по Херсонскому и Нарышкинскому спускам в тыл Воронцовскому дворцу и выбить оттуда комендантскую команду, которая отступила по лестнице на нашу заставу № 2.

Другие красные отряды, двигаясь по Приморской улице, натолкнулись на заставу № 1, где произошло короткое, но сильное столкновение. Благодаря быстрым и решительным действиям наших пулеметчиков красные были отбиты и отошли, оставив на мостовой несколько убитых.

На заставе № 3 также произошло небольшое столкновение: проникшие через Николаевский бульвар небольшие группы красных обстре-

ляли на Ланжероновском спуске автомобиль английской военной миссии, спешивший в порт. Машина сошла с мостовой и разбилась об стену дома. Поспешившие на помощь юнкера отогнали красных, но смогли только констатировать смерть двух англичан, находившихся в разбитой машине.

При первых же выстрелах все училище было поднято по тревоге и быстро заняло намеченные позиции вдоль Приморской улицы и Куяльницкой железной дороги, между тремя заставами, хорошо укрывшись от огня красных между железнодорожными составами, брошенными вдоль всей линии.

Заняв выгодную позицию на возвышенности, красные открыли по порту сильный, но беспорядочный огонь, вызвавший панику среди беженцев, рвавшихся к пароходам, до которых огонь красных, к счастью, не достигал.

К началу боя я находился на заставе № 2. Весь этот участок принял под свое командование капитан Олехнович, который назначил меня юнкером для связи и, собрав все сведения о положении на заставах, послал меня к командиру дивизиона, полковнику Козьмину, находившемуся на нашей базе, для получения дальнейших распоряжений.

Исполняя приказание, я под прикрытием вагонов быстро достиг нашей базы и тут встретил адъютанта училища, капитана Арнольда, тщетно пытавшегося остановить бегущих в панике людей. Капитан Арнольд сообщил мне, что к концу мола, вне сферы огня красных, пришвартовался английский крейсер, который должен будет своим огнем поддерживать наши действия и куда уже приглашено училищное начальство. Я бросился к крейсеру, но доступ до него был прегражден сильным кордоном английской морской пехоты, никого не допускавшей к трапу. На мое счастье, я заметил на борту крейсера нашего командира дивизиона и доложил ему о положении на заставах. Через некоторое время полковник Козьмин передал мне следующее распоряжение: к нашей заставе № 2 будут подтянуты некоторые части, которые, при первом залпе английского крейсера, совместно с училищем должны очистить Воронцовский дворец от занимающих его красных.

Вернувшись на заставу, я доложил обо всем капитану Олехновичу. Затем потянулись долгие и томительные минуты ожидания. Ждали залпа с крейсера, который должен был дать нам сигнал к переходу в наступление, но крейсер упорно молчал. По прошествии некоторого времени, в течение которого перестрелка с красными то усиливалась, то затихала, капитан Олехнович вторично послал меня на крейсер узнать, почему крейсер не открывает огня.

Проделав тот же путь, я снова был около крейсера. Возмущенный полковник Козьмин сказал мне, что англичане что-то «хитрят» и огня открывать не собираются... Положение создавалось весьма конфузное...

Неожиданно раздалась беглая очередь, и разрывы шрапнелей повисли над Воронцовским дворцом. Но выстрелы последовали не с крейсера, а с какой-то нашей отступавшей полубатареи, на карьере влетевшей в порт по Польскому спуску. Лихо снявшись с передков на открытой позиции на портовой площади, полубатарея открыла беглый огонь по красным, начавшим панически очищать дворец. Поддержанные пулеметным и ружейным огнем, наши части правого фланга быстро поднялись от заставы № 1 по Военному спуску и через три четверти часа заняли дворец и Николаевский бульвар. На Польском и Ланжероновском спусках присутствия красных вообще замечено не было, и наши патрули свободно доходили до Пушкинской улицы. Вот что значит присутствие хотя бы двух орудий, умело и вовремя использованных их лихим командиром!

От батарейцев мы узнали, что, отступая через город с севера, они услышали сильную перестрелку в порту и их командир, сделав из предосторожности большой крюк вправо, по Польскому спуску беспрепятственно добрался до порта и, как оказалось, в самый нужный момент.

Об общей обстановке мы узнали, что красные (по всей вероятности — партизаны атамана Григорьева, в чем не ручаюсь!) заняли Пересыпь и северо-восточную часть Одессы, а главное — Одессу-Товарную и путь отступления на Одессу отрезан. Удалось проскочить в Одессу только лишь некоторым небольшим частям. Ну а что же кадетский корпус? До сих пор его в порту не было. Оказалось, что только утром он двинулся из своего помещения. Почему это не было сделано вовремя?

Во всяком случае, положение в порту было восстановлено. Красные больше не мешали эвакуации. Иногда только начиналась перестрелка по Приморской улице, в направлении Арбузной гавани.

Около 3 часов дня неожиданно для всех был получен приказ — немедленно оставить занятую линию, отходить в порт и спешно грузиться... Утверждают, что на этом настояли англичане, которые, не желая вмешиваться в назревающий новый бой, так как наступление красных должно было неминуемо повториться, послали в порт свой крейсер и два миноносца не для поддержки нас в бою, а для погрузки училища и других отступающих боевых частей и кадетского корпуса.

Не зная общей обстановки и не понимая смысла такого спешного отступления, юнкера двинулись к молу. Красные сначала не преследо-

вали отходящих, но, сообразив, в чем дело, заняли позиции над портом и открыли сильный беспорядочный огонь, не причинявший, к счастью, никакого вреда, но опять вызвавший панику среди беженцев. Все с ужасом бросились к немногим остававшимся еще в порту пароходам. Приходилось наблюдать душераздирающие сцены отчаяния людей, не попавших на суда.

Юнкера постепенно оставили заставы и сосредоточились за складами своей первоначальной базы. Отступая, они с горечью смотрели на приведенные в негодность прислугой, одиноко брошенные две пушки, только что так лихо действовавшие против красных...

От пакгаузов приказано было постепенно двинуться к крейсеру, находившемуся вне сферы ружейного огня красных. Английский кордон пропускал на крейсер только исключительно юнкеров, различая их по красному с золотой обшивкой погону. Первоначально пытались отнимать у юнкеров винтовки, но потом ограничились только тем, что забирали штыки(!) и... вещевые мешки, бросая их тут же в воду.

Когда последние юнкера грузились на крейсер, стрельба на нашем фланге (бывшая 3-я застава) приняла интенсивный характер, и мы увидели бежавших в направлении крейсера наших кадет! Их было всего около полуроты, увлекаемых доблестным командиром 1-й роты полковником Самоцветом. А произошло следующее: только утром 25 января директор корпуса отдал приказ двинуться в порт, но, когда корпус подошел к порту, было уже поздно, путь был перерезан красными! Полковнику Самоцвету с полуротой удалось все же прорваться в порт по Ланжероновскому спуску, а полковник Бернацкий, видя безвыходность положения, решил отступать на Румынию. Из описаний этого отступления кадетами, его участниками, мы уже знаем, что румыны не пропустили корпус через Днестр. Части кадет 1-й и 2-й рот, после жестокого боя под деревней Кандель, понеся потери убитыми и ранеными, удалось прорваться через красное кольцо и присоединиться к отряду генерала Бредова. Директор же корпуса с несколькими офицерами и двумя младшими ротами был принужден сдаться в плен красным. Все они были уведены в Одессу, и дальнейшая судьба их неизвестна.

Забрав на борт юнкеров и кадет, крейсер вместе с другими судами вышел в море. Выйдя в море, крейсер перегрузил нас на небольшой транспорт «Николай», пришедший в Одессу из Константинополя. Море сильно волновалось, начинало уже темнеть. Наш транспорт взял курс на Севастополь.

В это время стоявший на горизонте английский флот неожиданно открыл ураганный огонь по пустынному берегу в направлении лима-

нов. Куда он стрелял, кого он там в темноте видел? Мы решили, что стреляют они просто «в небо», чтобы потом сообщить куда следует, что эвакуация происходила под прикрытием английского флота...

Груз нашего транспорта состоял из большого количества галет и банок консервированного молока и шоколада, которые и явились пищей юнкеров в двухдневной дороге. Следствием такого питания было большое количество желудочных заболеваний среди юнкеров и у некоторых — в серьезной даже степени.

На вторые сутки, к вечеру 27 января, «Николай» выгрузил юнкеров у Севастопольской Южной пристани. В портовых магазинах немедленно была оборудована «база № 1», где поместился штаб училища и временный санитарный пункт для заболевших юнкеров.

Ночь мы провели в каких-то складах, но некоторым из нас удалось воспользоваться гостеприимством жителей ближайших к порту домов, которые за это были щедро вознаграждены консервированным молоком, ставшим нам ненавистным.

По прибытии в Севастополь училище поступило в распоряжение Командующего войсками в Крыму генерала Слащева. Уже на следующее утро в порт был подан эшелон, и, погрузившись, училище двинулось в направлении Джанкоя.

В Крыму

К моменту прибытия Сергиевского артиллерийского училища, 27 января 1920 года, в Севастополь, положение в Крыму было очень серьезным: большевики наседали, стараясь пробиться в Крыму через Перекоп или Чонгар, где сравнительно малочисленные войска Белой армии героически отражали атаки красных, не давая им возможности захватить Крым, куда стекались уже отступающие на всех фронтах добровольческие и казачьи части.

Командующим Крымским фронтом был генерал Слащев (впоследствии получивший наименование «Крымский»), который блестяще справлялся с задачей обороны Крыма. Несмотря на некоторые свои странности, генерал Слащев пользовался среди своих войск большим авторитетом, и приходится лишь пожалеть о бесславном его конце, всем известном.

Ввиду недостатка войск, каждая новая боевая часть, прибывавшая в распоряжение генерала Слащева, была просто кладом; поэтому уже 28 января училище получило приказание двинуться на фронт, погрузилось в эшелон и направилось на станцию Джанкой.

В Севастополе осталась база № 1 училища, в лазарете которой было помещено несколько больных юнкеров; преподавательский и административный персонал также остался в Севастополе.

При первой же поверке было установлено, что в личном составе училища не хватало шести юнкеров, в том числе и фельдфебеля 1-й батареи Анжианова-Кузыша. Так как свидетелей их смерти или ранения не было, то этих юнкеров посчитали «без вести пропавшими». Новым фельдфебелем был назначен старший портупей-юнкер В. Оттерстетер.

Ехали мы по перегруженной железной дороге удивительно медленно, в теплушках было нам неприятно холодно и... голодно. Юнкера все еще находились под впечатлением одесской эвакуации, стараясь разобраться во всем происшедшем. По прибытии в Симферополь стало известно, что генерал-лейтенант Нилус подал в отставку и остался в Севастополе. В должность начальника училища вступил командир дивизиона полковник Козьмин.

В Симферополе мы простояли три дня и, наконец, достигли станции Джанкой, базы всей прифронтовой полосы. Тут же находился и штаб командующего, генерала Слащева, расположенный в поезде, состоявшем из нескольких пассажирских вагонов.

Наш эшелон был отведен на запасный путь, и мы продолжали в нем жить в ожидании дальнейших приказаний. В первый же вечер нашего пребывания в Джанкое произошла незабываемая встреча с прибывшими с фронта и направляемыми на отдых юнкерами Киевского Константиновского военного училища, отличившегося в январских боях с красными на Перекопе. Училище это понесло до 50 процентов потерь, но январское наступление красных было отбито, и сейчас юнкера шли на заслуженный отдых, везя с собой многих своих раненых. Узнав об их прибытии, мы бросились к их эшелону, и константиновцы рассказали нам о последних тяжелых боях, продолжавшихся несколько дней и так дорого стоивших их батальону. В очень тяжелых условиях мы простояли в наших теплушках дней десять, терпя голод и холод. Появились в училище первые заболевания сыпным тифом.

Однажды училище посетил генерал Слащев. В командном составе училища произошли большие перемены: как уже было сказано, в должность начальника училища вступил полковник Козьмин. Кроме того, приказом инспектора артиллерии в училище были назначены два новых командира батарей (со стороны), оба — георгиевские кавалеры. 1-ю батарею принял молодой полковник Хаборский, при нем старшим офицером капитан Краевский, бывший командир батареи. 2-ю батарею принял порт-артурец полковник Грибовский[284]; старшим офицером при нем полковник Корытин. Бывший же командир батареи капитан Ма-

мушин был назначен начальником училищной базы № 2, расположившейся в Джанкое. Не зная назначения этих баз, юнкера сочинили шутливую песенку, в которой пелось: «Как яркими алмазами, дорожку нашу, знай, украсили мы базами многострадальный край!» (на мотив «Садко»).

В середине февраля было получено приказание двинуться на фронт: 1-я батарея направлялась на Перекопский участок, 2-я — на Сивашский (станция Таганаш). Через несколько дней наша 1-я батарея походным порядком, через село Воинка, прибыла к месту назначения в Карпову Балку.

К этому времени наша оборонительная линия на Перекопском перешейке делилась, в свою очередь, на два участка, разделенных озерами: главный участок, Юшунский, тянувшийся от берега Черного моря до какого-то озера; второй участок, второстепенный, Карпова Балка, простиравшийся от этого озера до Сивашей. Перекоп и Армянск были в руках противника. Вообще же весь крымский фронт делился на два направления: Перекопское и Сивашское.

Наша 1-я батарея была влита в состав 1-го дивизиона 34-й артиллерийской бригады, получив три трехдюймовых орудия.

Вся артиллерия участка Карповой Балки подчинялась командиру дивизиона 34-й артиллерийской бригады, полковнику Пастернаку, который имел в своем распоряжении: на правом фланге, у Сивашей, чешскую батарею из двух пушек (происхождение этой батареи не ясно: как будто бы она была создана и оборудована чешскими колонистами. Во всяком случае, батарея эта выглядела отлично, имея две новенькие пушки. Прислуга и весь вообще состав батареи были прекрасно одеты в синие полушубки с каракулевыми воротниками и синие же бриджи и обуты — к нашей зависти — все в высокие сапоги); в центре участка — три пушки 34-й артиллерийской бригады, и на левом фланге — три наши пушки, причем самая левофланговая, капитана Олехновича, находилась в версте от нас, на берегу большого озера. Таким образом, на приблизительно 10-верстном фронте полковник Пастернак располагал восемью орудиями.

Принятые нами орудия были старые, но в хорошем еще состоянии. Конский состав был также хорош, но особенно выделялись коренные 1-го орудия, два громадных гунтера, которые всегда выручали всю батарею, когда нужно было вытаскивать из грязи пушки или зарядные ящики. Ездовым этого уноса был юнкер Гавриил Буряк[285], которому эти богатырские кони и были обязаны своим блестящим состоянием.

Юнкера были назначены номерами при орудиях, ездовыми, телефонистами и пулеметчиками. Но почти половина батареи оставалась «без

места», и из этих юнкеров было создано так называемое «прикрытие», по образцу пехотной части.

На фронте было затишье. Большевики, видимо, были истощены неудачными для них январскими боями и наступать больше не пытались. Жили мы очень скучно, в маленьких избах, еда была очень скромная: большей частью — знаменитая «камса» и перловая крупа, прозванная «шрапнелью». Среди юнкеров было много заболеваний тифом.

В конце февраля стали поступать сообщения о накоплении сил противника на Юшунском и нашем участках фронта, и, наконец, 27-го, кажется, февраля на рассвете началось новое наступление красных.

Решив использовать элемент неожиданности, они еще в темноте бросились в атаку. Пехота наша встретила их огнем. Впереди нас закипел бой, наши орудия и «прикрытие» были наготове. Первой заговорила пушка капитана Олехновича, и за ней вступила в бой и вся наша артиллерия. Когда уже совершенно рассвело, первая атака красных была отбита, но со стороны Юшуни слышалась непрерывная канонада. Через несколько часов, поддержанные слабым артиллерийским огнем (видимо, у них было мало орудий), красные снова перешли в атаку, пользуясь густым туманом, но совместными действиями пехоты и артиллерии и эта атака была отбита, и красные отошли на исходные позиции.

Когда мы уже собирались праздновать победу, было получено сообщение, что главный, юшунский участок фронта прорван красными, и нам было приказано сняться с позиции и отходить в направлении на Воинку, чтобы не оказаться отрезанными противником.

Обождав пушку капитана Олехновича, мы двинулись. Из-за невылазной грязи, болот и гатей, пересекающих дорогу, отступление шло медленно и тяжело.

У одной большой гати застряли почти что окончательно. Вот тут-то и поработали гунтера-коренники 1-го орудия, которых впрягали, поочередно, в другие орудия и ящики. В стороне медленно тонули засасываемые грязью повозки и какая-то несчастная лошадь, которой никак уже нельзя было оказать помощи.

Красные пытались помешать нашему отступлению огнем двух пушек, которые по ошибке били по небольшому хуторку вправо от нас. Юнкера шутили, говоря, что командир красной батареи был «наш», так как определенно не хотел в нас попадать (может быть, так оно и было на самом деле?).

Пройдя верст десять, мы остановились у одного большого хутора. Здесь был получен грозный приказ генерала Слащева: немедленно пе-

рейти в контрнаступление и остановить красных. Прибыли подкрепления — эскадрон гусар, не помню уже, какого полка, и горсточка пехоты; главные же резервы были брошены на Юшунь.

По приказу полковника Пастернака, все имеющиеся налицо восемь орудий выстроились в одну линию, позади пехоты, имея то же самое расположение, что и раньше: на правом фланге чешскую батарею, потом пушки 34-й бригады — в центре и нашу — на левом фланге. Сам полковник Пастернак устроился на наблюдательном пункте, на стоге сена.

Не помню уже, сколько времени тянулось томительное ожидание. Вдруг впереди раздался бешеный ружейный и пулеметный огонь, это наши встретили наступающие цепи красных. Сразу же вступили в бой и наши пушки. Сначала стреляли поорудийно и повзводно. Прицел все уменьшался. С наблюдательного пункта вдруг пришла команда «Беглый огонь!» — и все восемь орудий заработали так, как будто хотели перегнать друг друга, только успевали подавать снаряды...

Вдруг телефонист на батарее крикнул: «Красные бегут!» Огонь впереди еще как будто бы усилился, и оттуда донеслось «Ура!». Все наши пешие и конные части бросились в контратаку. Прицел стрелявших орудий стал быстро увеличиваться... Через несколько минут чешская батарея помчалась вперед, за нею — пушки 34-й бригады и, наконец, наша батарея. Так, поочередно меняя позиции, мы преследовали нашим огнем спешно уходивших красных. К вечеру подошли к знакомой уже нам злополучной гати и разбитому хуторку и там заночевали, прямо на позициях.

Утром мы вошли в Карпову Балку. Узнали, что красные разбиты также и у Юшуни и положение восстановлено, но что наше контрнаступление продолжается. После короткого отдыха мы двинулись на Армянск и Перекоп, уже взятые с налета нашими частями юшунского участка.

Ночевали в Армянске. Продолжая наступление, наши части, поддержанные свежей донской конницей генерала Морозова[286], вышли за Перекопский Вал, но здесь встретили сильное сопротивление красных, организовавших оборонительную линию у села Первоконстантиновка в камышах, вдоль широкой гати. Необходимо было их оттуда выбить, и для этого туда были направлены спешным порядком наши 1-е и 2-е орудия, под командой капитана Лукьянского, с задачей облегчить пехоте переправу через гать. Здесь и произошло лихое и красивое артиллерийское дело: подойдя по широкой и большой балке как можно ближе к противнику, обе пушки выскочили из балки и, проскакав на карьере довольно большое промерзшее поле и снявшись с передков

прямо перед гатью, открыли беглый огонь прямой наводкой по засевшим в камышах красным.

Те сейчас же, конечно, ответили сильным, но беспорядочным ружейным и пулеметным огнем, к которому вскоре присоединилась и красная артиллерия: первый же снаряд угодил как раз между 1-м орудием и отъезжавшим передком, не нанеся, к счастью, никаких потерь ни прислуге, ни лошадям. Юнкера и тут опять шутили, что командир красной батареи был тот же «свой», так как следующие снаряды просто не хотели ложиться на наши пушки, а рвались где-то вправо, влево, спереди или сзади...

Капитан Лукьянский, не обращая внимания на пули, стоял во весь рост на правом фланге орудий и подавал команды, а наши лихие и опытные наводчики били противника, что называется, в лоб. Я был на 1-м орудии и отчетливо слышал, как пули щелкали, попадая в орудийный щит...

Огонь наших пушек был настолько меток и быстр, что противник не выдержал и начал покидать камыши; в этот момент поднялась наша пехота, беспрепятственно перешла гать и ворвалась в Первоконстантиновку. И здесь наши орудия поддержали пехоту, сопровождая отступающих красных беглым огнем. Закончила бой конница генерала Морозова, которая, обойдя противника слева, к вечеру загнала красных в Сиваши, а на следующее утро уничтожила 2500 красноармейцев, захватив при этом два орудия (наверное, те самые, что стреляли по нас!). Так закончился славный бой под Первоконстантиновкой, за который наша батарея была представлена к 20 Георгиевским крестам.

Наступление красных опять потерпело неудачу, и бои прекратились. Нас отвели в Карпову Балку. В марте мы передали наши орудия пришедшим нам на смену частям корпуса генерала Кутепова. Из Карповой Балки мы перешли в село Солдатское, где встретили праздник Пасхи, потом долго стояли в немецкой колонии Люстиг и, наконец, получили распоряжение направиться в Севастополь, в состав гарнизона Севастопольской крепости и для продолжения прерванных занятий. В Джанкое встретились с нашей 2-й батареей, которая, оказывается, не отстала от нашей и за бой под Таганашем и Чонгаром также заслужила 20 Георгиевских крестов. Подробностей о действиях 2-й батареи не помню, вспоминаю только, что юнкера превозносили своего командира батареи, полковника Грибовского, старшего офицера, полковника Корытина, и капитана Шуневича, любимца юнкеров, про которого пели: «И с видом королевича на бой, кровавый бой, фигура шла Шуневича, ведя нас за собой». 40 Георгиевских крестов достаточно говорят о том, как училище вело себя на фронте.

Севастополь

Весной 1920 года училище прибыло в Севастополь и расположилось в летних казармах бывшей Константиновской батареи, на Северной стороне. Казармы были окружены высоким валом и глубоким рвом, в середине же городка находились деревянные бараки с различными пристройками. Для юнкеров были приготовлены деревянные койки с жиденькими соломенными матрасами; кухня находилась во дворе под навесом от солнца и дождя, и тут же была и столовая с длинными столами и скамейками.

Условия жизни были по тем временам более чем удовлетворительными: можно было прекрасно спать, мыться в умывалке, а летом купаться в море (куда на ближайший пляж нас водили поотделенно); главными продуктами питания оставались все та же камса и «шрапнель» и часто пшенная каша. По праздникам давали английские консервы. Теперь юнкера поняли и оценили значение «баз», так как все это было приготовлено стараниями «базы № 1».

При училищном лазарете появился даже зубной врач-женщина. Ввиду того что никаких средств для лечения зубов у нее не было, ее обязанности заключались в вырывании зубов, причем, когда ей не удавалось сразу вырвать какой-нибудь крепко сидящий зуб, она частенько сама падала в обморок, но юнкера все ей прощали за ее очень привлекательную наружность...

Два раза в неделю юнкера имели несколько часов отпуска. Иногда совершались прогулки по историческим местам Севастополя, причем главным нашим проводником был училищный священник отец Мильяновский, который отлично знал Севастополь, так как когда-то был священником на броненосце «Святой Евстафий» (если не путаю названия), а затем настоятелем храма-памятника на Северной стороне.

Однажды мы попали и на «кладбище» Черноморского флота: в Южной бухте стояли пришвартованные к молу старые боевые корабли: «Святой Евстафий», «Святой Иоанн Златоуст», «Пантелеймон» и другие, уже заброшенные и приготовленные на слом, а напротив, в «Сухом доке», лежала перевернутая килем вверх «Императрица Мария». Печальная картина... Против Графской пристани стоял на якорях «Георгий Победоносец», превращенный в учебное судно.

Устроившись на новых квартирах, юнкера принялись за учение и также за гарнизонную службу. И то и другое давалось юнкерам нелегко... Педагоги наши с радостью принялись за обучение юнкеров, стараясь наверстать потерянное в боевой службе время. Это очень утомляло юнкеров, уже в достаточной степени обремененных караульной

службой, в которую каждый юнкер попадал приблизительно через каждые три дня.

Курс теории артиллерии вел сам начальник училища, полковник Козьмин, блестящий офицер и знаток артиллерийского дела, наравне с такими учеными артиллеристами, как генерал Нилус и полковник Петрович.

Введен был курс верховой езды (училище получило для этого около 20 верховых лошадей), во время которой инструктор верховой езды, известный всем старым юнкерам капитан Гавликовский вполне оправдал свое назначение, внушая юнкерам правила езды не только словами, но и «делом» и доказывая, что «верховая езда — наука тонкая, это вам не университет!»...

На вооружение училища были получены английские орудия, с которыми и производились занятия. Орудия эти, несмотря на их «двойную» наводку, намного уступали нашей славной «трехдюймовке».

По слухам, к октябрю должно было состояться наше производство в офицеры. Был открыт новый прием юнкеров в училище, положивший начало младшему курсу — 14-му выпуску. Командиром дивизиона был назначен полковник Грибовский, а 2-ю батарею снова принял капитан Мамушин.

Как было уже сказано выше, училище вошло в состав гарнизона Севастопольской крепости. В распоряжении командующего войсками Севастопольского округа и коменданта крепости генерал-лейтенанта Стогова[287] и начальника гарнизона генерал-майора Елчанинова[288] были, кроме училища, еще и другие части и формирования, запасные и учебные команды, но главная тяжесть и ответственность за порядок в городе была возложена на сергиевцев, которые несли множество различных караулов, а именно: в штабе крепости, в таможне, на складах Родоканаки и в порту, на почте и телеграфе, на электрической станции, гауптвахте и т. д. Поэтому каждому юнкеру приходилось бывать в наряде каждый третий день. Это вызывало у юнкеров, принимая во внимание еще и ежедневные учебные занятия, ведшиеся ускоренным темпом, сильное утомление: бывали совершенно невероятные для юнкеров случаи, когда часовые засыпали на посту.

Однообразная и монотонная жизнь юнкеров была нарушена в июле месяце приездом в училище Главнокомандующего генерала Врангеля, который произвел смотр училищу и лично наградил Георгиевскими крестами 40 юнкеров, представленных к этой награде за зимние бои на крымском фронте. В числе награжденных наводчик 1-го орудия, юнкер Готовец, имевший уже 4-ю и 3-ю степени, получил Георгиевский крест 2-й степени.

Если не ошибаюсь, в этот же день начальник училища, полковник Козьмин, был произведен в генерал-майоры. Было произведено и много новых портупей-юнкеров, но был при этом и пострадавший: фельдфебель 1-й батареи В. Оттерстетер, который, при всех своих блестящих данных, страдал хроническим катаром горла и не мог командовать (у него получался какой-то хрип). Новым фельдфебелем был назначен Иван Горенюк.

К концу сентября курс учения подходил к своему завершению, и, наконец, в октябре выпускные юнкера начали отбывать практическую стрельбу на полигоне, расположенном близ села Бельбек, к северу от Севастополя.

К этому времени положение на фронте опять становилось грозным: после победоносного выхода Русской армии из Крыма и ряда больших побед снова начались неудачи, неудачный десант на Кубань, Каховку, а главное — сосредоточение громадных сил противника, прибывающих на крымский фронт со всех концов России, из Сибири и с польского фронта. Новое отступление в Крым... Всем было ясно, что красные готовят последний удар. В октябре началась атака Перекопа.

В то время как 1-я батарея отбывала практическую стрельбу, пришла весть о прорыве красными перекопских позиций. 29 октября утром в Бельбек прибыл один из училищных офицеров, привезший приказ об эвакуации Крыма и приказание батарее возвратиться в Севастополь. К вечеру мы уже были в Севастополе, в новых казармах (тоже на Северной стороне), подготовленных для зимы, и в которых юнкерам пришлось прожить всего лишь два дня.

1 ноября рано утром училищу было приказано двинуться в порт и погрузиться на транспорт «Рион». В порту шла лихорадочная погрузка. К моменту посадки на «Рион» этот огромный транспорт был уже перегружен беженцами и войсками. Все-таки училище кое-как втиснулось на палубу.

Вместе с 12 другими юнкерами я был послан в какую-то бухту огромного севастопольского рейда для приведения в негодность находившихся там новеньких французских орудий. Мы вынимали из орудий «стреляющие приспособления» и бросали их в воду. Пушек было около пятидесяти, все — с «эксцентрическими» затворами. Совершив переезд туда и обратно на катере, мы снова поднялись на «Рион».

С наступлением вечера стало известно, что в городе не все благополучно: начались грабежи складов и была подожжена мельница Родоканаки, превращенная в склад. Не думаю, чтобы склады эти были бы интересны нашему командованию, так как они все равно должны были быть брошены, но важно было сохранить порядок в городе и не за-

труднять эвакуации. Поэтому училищу было приказано сойти на берег и прибыть в штаб крепости, находившийся в самом начале Екатерининской улицы, на возвышенности.

Уже почти в темноте училище прибыло туда, и было встречено самим генералом Стоговым, который распорядился: главным силам училища оставаться в его распоряжении, частью юнкеров патрулировать в городе и, самое важное, занять ответственные караулы на главном вокзале, в тюрьме, на телеграфе и на электрической станции, сменив находящиеся там наряды от других частей.

В составе взвода, под командой капитана Сомова, я попал на вокзал. Сменять никого не пришлось, так как никого там не оказалось, кроме одного телеграфиста и пары железнодорожных служащих, оставшихся верными долгу.

Ночь проходила спокойно, но вдруг взволнованный телеграфист доложил капитану Сомову, что он получил сообщение о приближении к вокзалу советского бронепоезда! Сообщение было невероятно, но через полчаса мы действительно услышали, что к вокзалу движется какой-то состав, который остановился где-то среди путей. Капитан Сомов выслал дозор (я и юнкер Буряк) с задачей узнать, в чем дело. Мы осторожно двинулись в темноте среди вагонов к таинственному поезду и вдруг увидели идущего с фонарем в руках стрелочника, а за ним какую-то воинскую часть. На наш окрик: «Кто идет?» — последовал ответ: «Юнкера Атаманского Новочеркасского училища!» Мы с облегчением вздохнули.

От юнкеров-атаманцев мы узнали, что за ними идет еще ряд эшелонов с ранеными и с отступающими частями, а также поезд генерала Кутепова. Им удалось пробиться к станции, а остальные сгружаются по пути и направляются пешим порядком в Килен-бухту, где их якобы ждут пароходы...

Действительно, после прибытия этого эшелона все на путях замерло. Капитан Сомов связался утром по телефону со штабом крепости и получил приказание снять караул и возвратиться в штаб. Идя к нему, мы заметили, что в городе было еще много отдельных военных и беженцев, переходящих от одной пристани в другую в поисках места на отходящих перегруженных пароходах.

Подойдя к штабу крепости, мы нашли там небольшую горсточку юнкеров с командиром дивизиона, полковником Грибовским, который объявил нам, что, по приказу генерала Стогова, все училище было ночью снова погружено на «Рион». Штаб крепости перешел в гостиницу Киста на Графской пристани, куда прибыл и генерал Врангель. Охрана гостиницы поручена прибывшему Новочеркасскому училищу, а нам, несшим караулы ночью, приказано выставить заставы на Екатеринин-

ской улице, на Нахимовском проспекте и на других пунктах, ведущих к Графской пристани, и никого туда не пропускать.

Полковнику Грибовскому, добровольно возглавившему оставшихся юнкеров, генерал Стогов обещал во что бы то ни стало погрузить нас в последнюю минуту. Это значило, что мы должны были прикрывать отход последних частей с Графской пристани.

Чтобы исполнить это приказание, полковник Грибовский отдал еще на рассвете 2 ноября распоряжение снять все караулы и собраться у штаба крепости. Постепенно стали приходить караулы из разных мест, но одного из них недоставало, это — караула в тюрьме, двенадцати юнкеров, под командой капитана Георгиевского.

После долгого и тщетного ожидания полковник Грибовский решил двинуться к Графской пристани, чтобы исполнить приказ о выставлении застав. Налицо оказалось 145 юнкеров и 2 офицера.

Молча, четко отбивая шаг, юнкера двинулись вниз по Екатерининской улице, сопровождаемые тревожными взглядами одиночных прохожих или смотревших из некоторых окон жителей. И вдруг запевалы грянули: «Вспоили вы нас и вскормили, Отчизны родные поля!..» — марш, любимый юнкерами и вообще очень популярный в армии.

Какой-то странный энтузиазм поднялся у всех поющих. Чувствовалось, что в последний раз мы проходим по ставшим нам родными улицам Севастополя. Встревоженные жители стали открывать окна, некоторые махали нам платками...

Установив заставы в указанных пунктах и прекратив доступ на Графскую пристань, мы стали ждать дальнейших событий. Всех тревожила судьба караула в тюрьме, который все еще не приходил.

Генералом Стоговым было приказано назначить к нему двух юнкеров для связи. В этот наряд опять были назначены мы двое, юнкер Буряк и я. Явившись в гостинице Киста дежурному офицеру, мы комфортабельно расположились в отведенном нам номере гостиницы, и один из конвойцев генерала Врангеля принес нам еды и кувшин вина (к которому мы, конечно, не притронулись).

Настроение в штабе было приподнятое; отсюда шло руководство погрузкой частей, и генерал Стогов то и дело вызывал к себе офицеров и отдавал им распоряжения. Я слышал отрывочный разговор генерала Стогова с начальником Новочеркасского училища, очень бравым и энергичным генералом, к которому генерал Стогов обратился со словами: «Назначьте двух надежных офицеров...» Начальник Новочеркасского училища сейчас же заметил ему: «У меня все офицеры надежные!» Никакой паники заметно не было, все подчинялось твердой воле генерала Стогова.

К вечеру юнкера Буряка отправили с каким-то поручением, и я остался один. Затем и меня дважды посылали к полковнику Грибовскому узнавать о положении на заставах. Так прошла ночь со 2-го на 3 ноября, день оставления нами Крыма и родины.

Рано утром Главнокомандующий, генерал Врангель, принял последний парад на родной земле. На площади перед гостиницей построились: конвой генерала Врангеля, Атаманское Новочеркасское училище и оставшиеся вне наряда сергиевцы, человек 50. Генерал Врангель вышел из дверей гостиницы одетый в серую офицерскую шинель с отличиями Корниловского полка. За ним — его штаб и штаб крепости, с генералом Стоговым (я как тень следовал по пятам генерала Стогова).

Обходя фронт, генерал Врангель остановился перед атаманцами и обратился к ним со ставшими теперь историческими словами (я все ясно слышал, но теперь, конечно, могу воспроизвести их только приблизительно): «Орлы! Оставив последними Новочеркасск, последними оставляете вы Русскую землю. Произошла катастрофа, в которой всегда ищут виновного... Но не я и тем более не вы — виновники этой катастрофы; виноваты в ней только они, наши «союзники». — И генерал Врангель прямо указал рукой на группу военных представителей Англии, США, Франции и Италии, стоявших неподалеку от него. — Если бы они, — продолжал Главнокомандующий, — вовремя оказали бы требуемую от них помощь, то мы уже освободили бы Русскую землю от красной нечисти. Если они не сделали этого теперь, что стоило бы им не очень больших усилий, то в будущем, может быть, все усилия всего мира не спасут его от красного ига. Мы же сделали все, что было в наших силах, в кровавой борьбе за судьбу нашей Родины... Теперь — с Богом! Прощай, Русская земля!»

(Внимательно вдумываясь в смысл сказанных Главнокомандующим слов, мы теперь видим, насколько он был прав. Слова его оказались пророческими: весь мир напрягается теперь в борьбе с наступающим интернационалом, в то время как в те далекие времена можно было общими усилиями свободно предотвратить эту опасность, но тогда Великая Россия никому не была нужна...)

Пропустив части церемониальным маршем, генерал Врангель со своим штабом и конвоем отбыл на крейсер «Генерал Корнилов».

За ними на крейсер последовало и Атаманское училище. На пристани остались комендант крепости, генерал Стогов, с небольшой группой штабных, генерал Елчанинов, Сергиевские заставы и... еще не пришедший из тюрьмы Сергиевский караул.

Вероятно, у некоторых появилась в это время тревога: а что же будет с нами? Но генерал Стогов был спокоен, он знал, что нас не

забудут, и действительно, через какой-то промежуток времени к Графской пристани пришвартовался маленький транспорт «Херсонес». Оказалось, что он откуда-то прибыл с грузом снарядов и к тому же оказался без угля. Сейчас же все свободные юнкера принялись за работу, очень спешную и физически утомительную. Груз бросали прямо в море, а уголь таскали из ближайшего склада. Работа продолжалась несколько часов.

Тем временем предусмотрительный полковник Грибовский решил позаботиться и о запасе провианта: кто знает, как и чем питались юнкера в эти последние дни? Отыскали подводу, и наряд юнкеров отправился в город в поисках провианта. Все склады были брошены, и сколько же их было... Склады обмундирования были буквально набиты до потолка шинелями, ботинками, бельем, в то время как для того, чтобы получить что-нибудь, нужно было ожидать неделями, а то и месяцами. Просто какое-то преступление жадных интендантов...

Пищевых продуктов нашли мало: несколько бочек сельдей, галеты, консервы и бочку вина. Кроме того, привезли и погрузили подводу «мадаполама» в штуках, который впоследствии служил нам валютой...

Опустевшая Графская пристань с памятником адмиралу Нахимову имела грустный вид, который еще больше подчеркивал кем-то брошенный мул, перегнувшийся через ограду памятника и дремавший, уткнувшись головой в подножие пьедестала...

Полковник Грибовский очень волновался: несколько часов тому назад он послал юнкера Скворцова пробраться в тюрьму и привести оттуда караул капитана Георгиевского. Юнкер, найдя брошенную неоседланную лошадь, отправился верхом. Наконец, только к 3 часам пополудни, караул при общем ликовании всех присутствующих прибыл на транспорт. Капитан Георгиевский объяснил, что он не получил приказания о снятии караула и, в ожидании такового, пробыл там двое суток, не уступая просьбам и угрозам каких-то типов, требовавших отпустить арестованных. Всем стало легче...

Генерал Стогов большими шагами ходил по площади... Вдруг на Северной стороне замелькали какие-то лошади. Первой мыслью было, конечно, что это — красные разъезды, но потом выяснилось, что это наши училищные лошади, оставленные в конюшнях, разбирались населением. В городе же продолжали метаться в поисках спасения тысячи беженцев и военных.

Под вечер 3 ноября генерал Стогов приказал мне передать полковнику Грибовскому распоряжение снимать заставы и грузиться. Когда юнкера и штаб вошли по трапу на транспорт, генерал Стогов просто-

ял на берегу еще несколько минут и, наконец, последним поднялся на корабль.

Таким образом, последними, фактически покинувшими Севастополь, были сергиевцы с комендантом крепости.

«Отдать концы» было некому, и юнкера шашками перерубили толстые канаты, навсегда отделив нас от берега и от родной земли...

Багровый закат жутким светом освещал надвигающиеся тучи, собиралась непогода... «Херсонес» взял курс на Константинополь...

Галлиполи

Как долго продолжался переход «Херсонеса» от Севастополя в Константинополь, вспомнить трудно: сутки, может быть — двое? Было холодно, страшно качало, а о настроении и говорить не приходится: оно было таким же мрачным, как и все окружающее.

Полковник Грибовский приказал «завхозу», юнкеру Болгарскому, взять на учет все собранные нами продукты, главным образом — галеты, две бочки сельдей и бочонок вина, и строго придерживаться рациона, им установленного.

Не забыты были и пассажиры: некоторые бедные женщины, под предлогом, что они находятся в «интересном положении», частенько обращались к «завхозу» с просьбой выдать им селедку. Сначала таких было несколько, но к концу дня оказалось, что чуть ли не все женское население парохода находится в «интересном положении»...

Наконец, прекрасным, светлым, солнечным утром «Херсонес» вошел в Босфор. Перемена погоды, сказочная панорама города, с его минаретами, дворцами и садами, на мгновение заставила забыться и отвлечься от грустной действительности.

Весь константинопольский рейд был заполнен пароходами. Тут же величественно высились громады военных кораблей: дредноуты и крейсера союзников, среди которых выделялся своими красивыми и грозными линиями наш «Генерал Алексеев», гордо стоявший на отлете. Среди судов шныряли в огромном количестве стаи турецких яликов, лодочек, катеров, наполненных всякой снедью: хлебом, халвой, рахат-лукумом и пр., хозяева которых без всякого зазрения совести просто «обдирали» несчастных голодных беженцев. Иногда часы или кольца обменивались на буханку хлеба и кило халвы.

Картина эта всем знакома... Наш «Херсонес», миновав Босфор, остановился среди всех этих пароходов. Стали ждать распоряжений. Никто больше не имел никакого представления о том, что будет впе-

реди. Так простояли несколько дней. В течение дня, раз или два, к нам, как и к другим судам, подходили союзные катера и привозили нам жалкое питание, состоявшее главным образом из жиденького морковного супа, прозванного юнкерами «суп-чай», и минимального количества хлеба. Главным оружием юнкера стала теперь ложка, и горе тому, у кого ее не было!

Простояв с неделю, узнали, что сначала нас свезут на остров Проти (в Мраморном море) для дезинфекции и затем погрузят на транспорт «Ак-Дениз», на котором уже якобы находилась главная часть училища, эвакуировавшаяся на «Рионе», для перевозки в Галлиполи.

Перед выгрузкой на остров Проти полковник Грибовский приказал «завхозу» разделить между юнкерами весь «мадеполам», взятый в Севастополе, который явился нашей «валютой». Пришлось по полштуки материи на брата... Сколько хлеба, халвы, папирос!

На транспорте «Ак-Дениз» состоялась долгожданная встреча с «рионской» группой училища. Радостная встреча была все же немного омрачена тем, что многих офицеров и юнкеров там не оказалось: согласно приказу Главнокомандующего, многие по собственному желанию съехали на берег, превратившись в «беженцев».

Все же нас не сразу отправили в Галлиполи, а продержали еще дней десять—двенадцать на константинопольском рейде. 27—28 ноября мы, наконец, сгрузились в Галлиполи, пробыв, таким образом, «в дороге» почти 25 дней.

Наше училище, по-видимому, прибыло в Галлиполи одним из последних. Главные силы армии — 1-й армейский корпус — уже расположились лагерем в 6 километрах к западу от города, в долине «смерти и роз». В самом городе располагались военные училища, штаб корпуса, госпиталя и еще некоторые мелкие части. Нам же была отведена часть бараков в бывшей турецкой казарме, в 3 километрах к востоку от города. Сама казарма была занята «сережами» (так называли французских стрелков-сенегальцев), а нас расположили в трех больших бараках, предназначенных, наверное, для летнего времени. При этом «сережи» отгородились от нас проволочным заграждением.

Так началась новая страница жизни училища — «Галлиполийское сидение». Во внутреннем отношении училище было снова переформировано по отделениям, так как хотя около четверти состава ушло в беженцы, зато стали появляться новые пополнения из частей. Среди ушедших оказалось много наших доблестных офицеров: полковник Хаборский[289], командир 1-й батареи, капитаны Горунович, Олехнович (в будущем — генерал-майор, возглавитель корпуса Императорских армии и флота) и Лукьянский. Среди ушедших юнкеров нужно отме-

тить фельдфебеля 1-й батареи И. Горенюка, наводчика 1-го орудия Готовца и других.

Командный состав училища в Галлиполи был следующим: начальник училища — генерал-майор Козьмин, командир дивизиона — полковник Грибовский, командиры батарей: 1-й — полковник Краевский, 2-й — полковник Мамушин (оба были произведены в полковники), старший офицер и командир 1-го отделения 1-й батареи полковник Георгиевский, старший офицер 2-й батареи полковник Шуневич (также произведены в полковники), адъютант училища капитан Арнольд, фельдфебель 1-й батареи Николай Петров, фельдфебель 2-й батареи Владимир Коврига[290].

Преподавательский состав оказался более или менее весь налицо, и поэтому, как только устроились на новом месте, начались занятия. Стало известно, что производство 13-го выпуска в офицеры предполагается 29 июня, на Петра и Павла, день именин Главнокомандующего, генерала Врангеля.

Если не считать постоянного ощущения голода и до некоторой степени холода (спали на деревянному полу, имея одно или два одеяла и шинель), то жизнь юнкеров по условиям того времени считалась довольно сносной. Проходила эта жизнь следующим образом: ежедневно — 6 часов занятий (классные — главным образом по запискам), строевые занятия, гимнастика, уборка помещения и один раз в неделю — гарнизонная служба. Главный караул находился при управлении коменданта города, в бывшей турецкой крепости, где в «белой башне» когда-то томились пленные запорожцы. В нижнем этаже находилась гарнизонная гауптвахта и караульное помещение, наверху же — комендант и гроза Галлиполи, генерал-майор Штейфон[291]. Было еще несколько караулов и патрулей, наблюдавших за порядком в городе. Кроме наших караулов и патрулей, были еще и французские и греческие. Хозяевами города считались французы.

Училище наше вполне сохранило свой воинский вид и подтянутость. Дисциплина была на должной высоте. Вскоре был организован духовой оркестр, и капельмейстеру его (юнкер 2-й батареи, фамилии которого уже не помню) даже принадлежит композиция марша «Галлиполи», ставшего популярным в армии. Составился также приличный церковный хор. Дважды в неделю юнкерам давался отпуск в город, причем при возвращении из отпуска нужно было очень остерегаться, чтобы не зайти в попутную корчму, прозванную «Пронеси, Господи!» (употребление спиртных напитков юнкерам строго воспрещалось). Зимой был устроен даже юнкерский бал, прошедший с громадным успехом, причем украшением бала были сестры «Белого Креста», ко-

торых однажды наши патрули спасли от нахального нападения греческих солдат.

Из главных событий этой зимы нужно отметить приезд в Галлиполи Главнокомандующего, генерала Врангеля, который произвел смотры войскам, один — в лагере, где находились пехотная и кавалерийская дивизии, и другой — в городе, военным училищам. Это был последний парад, так как французы в дальнейшем препятствовали генералу Врангелю появляться среди войск. Все командование сосредоточилось в руках генерала Кутепова. Интересно отметить, что во время парада в городе неизвестно откуда прилетевший орел долго парил над Главнокомандующим, произведя на всех, в том числе и на турецкое население, потрясающее впечатление. В этот день несколько юнкеров, принадлежавших еще к 12-му выпуску, расформированному большевиками в 1918 году, а также и старших курсов других училищ, были произведены в офицеры.

К весне классные занятия разнообразились тактическими и топографическими съемками, но, увы... тут не было ни дач, ни дачниц. Было, правда, несколько турецких девушек, которые приходили за водой на ту же «чешму» (источник), что и мы, но все наши тактические и топографические приемы достигали лишь того, что иногда какая-либо из этих девушек слегка приподнимала чадру, чтобы показать свое хорошенькое личико.

Приближался день производства, и начались строжайшие выпускные экзамены. Начальство наше все же никого не проваливало, давая возможность закончить курс, длившийся 1 год и 7 месяцев со дня восстановления училища в Одессе, в октябре 1919 года.

Очень трогательно было и то, что в такое тяжелое время наше начальство побеспокоилось и о наших «обмундировочных». Каждый юнкер получил 5 турецких лир, одеяло, из которого шились «галифе», покрашенное своими средствами, новые гимнастерки и пару белья.

29 июня (ст. ст.) настал долгожданный день производства. Приказом генерала Врангеля производились в офицеры юнкера старших курсов Александровского, Корниловского военных и Сергиевского артиллерийского училищ. Торжественный молебен, парад, принятый генералом Кутеповым, чтение приказа о производстве происходили на площади в Галлиполи (там же, где и последний парад генерала Врангеля), после чего училища разошлись по своим стоянкам.

Тут же, на плацу, нас поздравили инспектор артиллерии, генерал Репьев, и начальник училища, генерал Козьмин. Каждому юнкеру были подарены погоны и фотография генерала Врангеля с его собственноручной подписью.

«ПРИКАЗ
1-му армейскому корпусу гор. Галлиполи

№ 157
12(29) июня 1921 г.

1. Объявляю телеграмму, полученную мною от Главнокомандующего: «*Галлиполи. Генералу Кутепову.* Поздравляю юнкеров Александровского генерал Алексеева, Военного генерал Корнилова и Сергиевского артиллерийского училищ с производством в первый офицерский чин. Зная доблестную службу их в борьбе за Родину, не сомневаюсь, что они окажутся образцовыми офицерами и приложат все свои силы на восстановление будущей Российской армии, освобожденной от красного ига Родины.

12(29) июня 1921 г. Яхта «Лукулл» 311.

Генерал *Врангель*».

2. Во исполнение этой телеграммы производятся...

3. Поздравляю вас с производством в первый офицерский чин. В необычной обстановке, вдали от Родины надеваете вы офицерские погоны и вступаете в ряды доблестнейших частей Русской Армии.

Большинство из вас, участвуя в боях с врагами Родины, уже доказало свою преданность России и Русскому делу. В этом ваша гордость, но в этом и ваша обязанность быть достойными тех славных погон, которые вы сегодня надеваете.

В этот незабываемый для вас день вспомните, что на вас возлагает надежды наш Главнокомандующий, на вас возлагает надежды вся армия, вашей службы ждет Родина.

Оглядываясь на то, с каким самоотвержением вы переносите все тяжести нашей жизни в Галлиполи, я уверен, что вы оправдаете все надежды и свято, до конца исполните свой долг перед армией и Родиной. Бог вам в помощь!

Генерал от инфантерии *Кутепов*».

На другой день вечером вновь произведенным юнкерам был устроен выпускной прощальный «банкет»... на «юнкерском пляже» вблизи казарм, на берегу Дарданелл. Организовано было все нашим знаменитым поваром (он присоединился к училищу во время эвакуации, а раньше служил при каком-то министерстве), который на это дело получил от каждого произведенного по одной турецкой лире. Были водка, вино и прекрасная закуска. Вблизи моря были разложены одея-

ла и что-то вроде скатертей... Кроме офицеров училища, были приглашены генерал Кутепов, командиры и некоторые офицеры всех артиллерийских дивизионов. Прекрасный теплый вечер способствовал успеху «банкета».

Генерал Кутепов пробыл некоторое время среди бывших юнкеров и их гостей и произнес тост в честь молодых офицеров. Ему отвечал бывший фельдфебель, Н. Петров. Дружеская вечеринка затянулась допоздна.

Через несколько дней пришло время расставания. Жалко было расставаться старым друзьям, пробывшим вместе год и семь месяцев, но это — неизбежная судьба всех юнкеров: никто теперь не знал, «куда забросит нас судьбина, где будем век свой коротать?».

Собрав свое несложное имущество, бывшие юнкера 13-го выпуска разошлись по славным дивизионам и батареям, где были радушно приняты в новую боевую семью.

Старшим выпуском стал 14-й, на чье место заступил новый, 15-й выпуск, закончивший курс уже в Болгарии...

К. Перепеловский[292]

КИЕВСКОЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ[293]

1917 год

27 октября две роты училища вели бой на улицах Киева с пытавшимися захватить город большевиками. Понеся большие потери (убиты 2 офицера и 40 юнкеров, ранены 2 офицера и 60 юнкеров), обе роты вернулись в здание училища, где четыре дня, вместе с Корниловским ударным полком[294], также помещавшимся в училище, отбивались от осаждавших здание большевиков.

1 ноября роты училища перешли в здание Владимирского кадетского корпуса.

5 ноября училище покинуло Киев, отправившись по железной дороге в город Екатеринодар, куда прибыло 13 ноября в составе начальника училища генерала Калачева[295], 25 офицеров и 131 юнкера. В Екатеринодаре училище вошло в подчинение Командующему войсками на Кубани, атаману Кубанского казачьего войска полковнику Филимонову[296].

1 декабря приказом атамана Кубанского казачьего войска училище было переименовано в «Константиновское военное училище».

1918 год

21 января училище, входившее в состав отряда «Спасения Кубани», по частям вышло на охрану железной дороги Екатеринодар—Кавказская.

29 января училище понесло первые потери на Кубани: были убиты 2 юнкера и ранены 4 юнкера.

12 февраля в бою с красными были ранены 2 офицера и 10 юнкеров.

28 февраля училище выступило в 1-й Кубанский поход («Ледяной»).

2 марта все пешие части, выступившие из Екатеринодара, были сведены в один, 1-й Кубанский стрелковый полк[297]. Офицеры и юнкера училища вошли в состав полка полусотней 3-й сотни. Командиром полка был назначен офицер училища, штабс-капитан Тунеберг[298]. Штаб училища был прикомандирован к полку.

15 марта, после ряда боев, Кубанская армия отошла в горы и, соединившись у станицы Калужской с Добровольческой армией, вошла в ее состав.

20 марта офицеры и юнкера училища были переведены из Кубанского стрелкового полка в Корниловский ударный полк, войдя в его состав ротой. Штаб училища до конца похода оставался при 1-м Кубанском стрелковом полку.

23 марта в бою под станицей Григорьевской были ранены 2 офицера, убиты 4 юнкера и ранены 30 юнкеров.

28—31 марта рота юнкеров участвовала в бою под Екатеринодаром.

Апрель—май: отошедшая на Дон Добровольческая армия располагалась в районе станиц Егорлыцкой и Мечетинской.

Июнь—июль: в составе Корниловского ударного полка рота юнкеров участвовала во 2-м Кубанском походе и в боях под Торговой, Тихорецкой, Сосыкой и Тимошевской.

3 августа училище в составе 11 офицеров и 14 юнкеров вступило в Екатеринодар. Большая часть офицеров и юнкеров погибла в 1-м Кубанском походе и в предшествовавших занятию Екатеринодара боях, часть юнкеров, произведенных в офицеры, уехали в другие полки.

1919 год

1 января в Екатеринодаре был открыт прием юнкеров с законченным средним образованием (65-й выпуск).

1 февраля начались правильные занятия по программе мирного времени (двухгодичный курс). Начальником училища оставался вышедший с училищем из Киева генерал Калачев, инспектором классов — полковник Попов. Командир батальона — полковник Сребницкий[299], ротные командиры: 1-й — полковник Де Лобель[300], 2-й — капитан Мыльни-

ков, 3-й — подполковник Рейс[301], 4-й — полковник Худяков, затем — подполковник Коптев. Младшие офицеры: капитаны Уськов, Ушаков, Скрынник[302], Святополк-Мирский, Гуцаловский, Котляр, Черноглазов, штабс-капитан Сербинов, поручики Роше[303] и Крестинский, подпоручик Зелинский, поручики Алексеев и Житецкий[304].

30 июля—6 августа училище перешло морем в место своей новой стоянки, в город Феодосию.

3 сентября был открыт новый прием в училище (68-й выпуск).

27 декабря батальон училища, в составе 16 офицеров, 336 юнкеров и 27 солдат, выступил на фронт.

31 декабря батальон выступил из Джанкоя к Перекопу.

1920 год

«В связи с тяжелой обстановкой, сложившейся к началу года на Кавказе, Крым и Новороссия приобретали особое значение как последнее убежище», — писал в своих «Записках» генерал Врангель. Почти в тех же выражениях говорит и генерал Деникин о значении удержания в то время в наших руках Крымского полуострова: «Корпус генерала Слащева охранял Крым — последнее убежище белых армий Юга. В Крымских перешейках было очень мало жилья, мороз стоял жестокий, до 22 градусов, и корпус был отведен за перешейки, занимавшиеся только сторожевым охранением. Сосредоточенные командиром корпуса крупные резервы обороняли Крым, атакуя промерзшего, не имевшего возможности развернуть свои силы, дебуширующего из перешейков противника. В целом ряде боев, разбивая советские части и преследуя их, корпус трижды захватывал Перекоп и Чонгар, неизменно возвращаясь в исходное положение... В результате все усилия советских войск проникнуть в Крым успеха не имели».

В свете двух этих выдержек становится понятной боевая деятельность училища в этот период.

11 января батальон училища вел бой на косе Соленого Озера и у деревни Карпова Балка. Были ранены 1 офицер и 1 юнкер.

12 января батальон занял город Армянск.

15 января батальон училища, восстанавливая положение на Перекопском валу, в метель и при морозе в 22 градуса вел упорный бой у Армянска, отбив ряд атак противника, переходя неоднократно в штыковые контратаки. Задача, поставленная батальону, была выполнена ценою тяжелых потерь: были убиты 3 офицера, в их числе — командир батальона полковник Сребницкий и 29 юнкеров, ранены 4 офицера и 51 юнкер.

22 января батальон вернулся в Джанкой.

Февраль—апрель: батальон училища оставался в резерве командира Крымского корпуса и перебрасывался в различные пункты Крыма.

2 апреля батальон в колонне и с оркестром музыки атаковал станцию Сиваш по дамбе длиною в полверсты. Противник, не приняв удара, очистил станцию.

4 апреля батальон участвовал в бою за овладение станицей Джимбулук.

За оборону Крыма училище было награждено отличием на головные уборы, 45 юнкеров были награждены Георгиевскими крестами и 17 юнкеров — Георгиевскими медалями.

Начальником училища был назначен Генштаба генерал-майор Чеглов[305], командиром батальона — полковник Худяков.

1—10 июля батальон училища принял участие в экспедиции против так называемых зеленых вдоль шоссе Феодосия—Симферополь.

30 июля батальон училища, в составе 2 генералов, 5 штаб- и 20 обер-офицеров, 2 врачей, 377 юнкеров и 44 солдат, на военном транспорте «Сарыч» был переброшен в десант на Кубань в состав группы войск, позднее — армии, генерала Улагая.

1—3 августа батальон высадился у станицы Приморско-Ахтарской.

3—5 августа батальон совершил переход из станицы Приморско-Ахтарской, через хутор Атсапов-Ефремов и станицу Ново-Джерелиевскую, на станицу Тимошевскую, пройдя 85 верст в 46 часов.

5 августа в 18 часов, обходом станицы Тимошевской с севера, батальон решил бой и заставил противника очистить Тимошевскую.

7 августа батальон по железной дороге был переброшен на станицу Ольгинскую и, далее, походным порядком, на станицу Брыньковскую, для обеспечения левого фланга армии и ее сообщений.

8 августа утром батальон (без артиллерии) был атакован в станице Брыньковской превосходными силами красных (два полка Приуральской строевой бригады и конный дивизион, при 8 орудиях) и после упорного боя, охваченный с обоих флангов, отошел к Ольгинской, потеряв убитыми 2 офицеров (поручики Роше и Зелинский) и 17 юнкеров, ранеными 3 офицеров, 47 юнкеров и пропавшими без вести 1 юнкера и 2 солдат.

11 августа батальон, окруженный у станицы Ольгинской конницей противника (1-я красная кавалерийская дивизия), успешно отразил ряд конных атак. Потери батальона — убито 5 юнкеров, ранено 2 офицера и 31 юнкер, пропали без вести 3 юнкера и 2 солдата.

11—13 августа, прикрывая 10-верстную колонну госпиталей и парков армии, батальон совершил в 36 часов фланговый марш в

74 версты: Ольгинская — Приморско-Ахтарская — Кирпели — Гривенная.

15 августа, при внезапном нападении красных («отряд Ковтюха» — 1200 штыков при 4 орудиях) на штаб армии в станице Гривенной, батальон удерживал часть станицы и этим обеспечил отход штаба и частей армии на Ачуев. При этом были ранены 2 офицера и 9 юнкеров, пропал без вести 1 солдат.

16—19 августа, оставаясь в арьергарде, в 15—20 верстах от главных сил, в плавнях реки Протоки, батальон прикрывал отход и обратную посадку частей армии на суда южнее поселка Ачуев. Были убиты 2 юнкера, ранены 2 офицера и 14 юнкеров.

20—23 августа заставы, выставленные от батальона, прикрывали посадку с юга и с севера, действуя в плавнях и потеряв убитым 1 юнкера. Ввиду поднявшейся на море бури, посланному миноносцу не удалось снять южную заставу, и она, позже, с большим трудом отошла ночью на лодке к месту посадки на суда.

24—28 августа батальон училища вернулся морем в Феодосию.

1 сентября был продолжен прием на младший курс. Юнкера, принятые на младший курс ранее, участвовали в десанте.

28 сентября младший курс был выдвинут в горы Крыма для борьбы против «зеленых».

20 октября юнкера старшего класса закончили полностью прохождение курса. Одна рота была выдвинута на Арабатскую стрелку.

30 октября, ввиду полной эвакуации Крымского полуострова Русской армией, началась посадка на суда. Юнкера старшего класса заняли караулами все суда в порту города Феодосии.

2 ноября училище покинуло Родину на военном транспорте «Дон» в составе 4 генералов, 15 штаб- и 16 обер-офицеров, 1 священника, 2 чиновников, 342 юнкеров и 3 солдат.

13 ноября, после остановки на рейдах Константинополя и Лемноса, училище прибыло в Галлиполи (Греция).

17 ноября училище с оружием высадилось на берег в Галлиполи.

5 декабря (18-го по н. ст.) Главнокомандующий лично произвел в офицеры 114 юнкеров 67-го выпуска, сведенных после производства в Офицерскую роту при училище.

1921 год. Галлиполи (Греция)

Начальником училища назначен Генштаба генерал-майор Борисевич[306], инспектором классов — Генштаба генерал Жекулин; командир батальона — полковник Худяков.

Приказами Главнокомандующего Русской Армией № 63, от 25 февраля 1921 года, и № 91, от 11 марта 1921 года, за бои в Кубанском десанте училище было награждено Серебряными трубами с лентами ордена Святого Николая Чудотворца, 5 офицеров награждены следующими чинами, 85 юнкеров — Георгиевскими крестами и 42 юнкера — Георгиевскими медалями.

За непрерывную службу Родине и за сохранение своего оружия Главнокомандующим даровано училищу право прохождения церемониальным маршем «ружья на-руку».

15 апреля (н. ст.) господа офицеры 67-го выпуска выпущены по полкам.

21 апреля при училище сформированы Офицерские курсы на 100 обер-офицеров, произведенных в первый офицерский чин за боевые отличия и не получивших военного образования.

17 декабря училище погрузилось на пароход «Ак-Дениз» для перевозки, по соглашению между Главным командованием и Болгарским правительством, в Болгарию.

1922 год. Болгария.

1 января училище прибыло в место новой стоянки — казармы у города Горна Джумая.

1 февраля состоялся выпуск по своим полкам господ офицеров Офицерских курсов при училище. Было выпущено 60 обер-офицеров.

19 февраля Главнокомандующий Русской Армией генерал Врангель зачислил себя в списки училища.

Приказами Главнокомандующего в списки училища зачислены: командир 1-го армейского корпуса генерал Кутепов и бывший начальник училища генерал Чеглов, в начальствование и под непосредственной командой которого училище заслужило свои Серебряные трубы с лентами ордена Святого Николая Чудотворца.

29 мая старший класс (68-й выпуск) закончил прохождение курса училища; приказом Главнокомандующего Русской Армией 4 июня 109 юнкеров произведены в подпоручики и сведены в две Офицерские роты при училище, впредь до отправления по своим полкам.

В середине 1922 года начальником училища был назначен Генштаба генерал-майор Российский и инспектором классов — Генштаба полковник Сергеевский[307].

Осенью того же года в место стоянки училища было переведено Корниловское военное училище, и оба училища были сведены в одно Сводное Константиновское-Корниловское военное училище в виде двух

отдельных батальонов, но с общим начальником училища и общей учебной частью.

Совместная деятельность двух военных училищ продолжалась до конца 1923 года.

1923 год. Болгария

Юнкера 69-го выпуска закончили прохождение курса училища и приказом Главнокомандующего Русской Армией произведены в подпоручики с оставлением, по условиям обстановки, при училище.

За исчерпанием кредитов Главного командования, все чины кадра училища и прикомандированные офицеры 68-го и 69-го выпусков постепенно переходили на собственное иждивение, расселяясь по всей Болгарии.

1925 год

Кадр училища, во главе с и. д. начальника училища Генштаба полковником Соколовским[308], и также некоторые из прикомандированных к училищу офицеров переходят во Францию.

1926 год. Франция

В городе Париже, в составе Русского Обще-Воинского Союза, учреждается «Объединение Киевлян-Константиновцев» и при нем «Общество взаимопомощи Киевлян-Константиновцев».

Такое же «Общество взаимопомощи Киевлян-Константиновцев» было учреждено и в Югославии. Это Общество действовало и оказывало помощь нуждающимся своим членам вплоть до оккупации Югославии германскими войсками в 1941 году.

И. Сагацкий

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ 1-Й РОТЫ КОНСТАНТИНОВСКОГО ПЕХОТНОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА[309]

Фельдфебель 1-й роты Константиновского пехотного военного училища, о котором я пишу здесь, — мой покойный родной брат Вадим Сагацкий.

Его, наверное, помнят оставшиеся в живых питомцы Донского Императора Александра III кадетского корпуса: он кончил его в 28-м вы-

пуске (1917), а главное, брат, на корпусных состязаниях по легкой атлетике, взял в 1915 году блестяще и неожиданно для всех приз — корпусной жетон. Выдача наград победителям в разных видах спорта (гимнастика, легкая атлетика, фехтование, рубка, стрельба) была обставлена в корпусе торжественно и создавала сразу получившим их ореол авторитета и известности.

Позже Вадим Сагацкий стал выделяться своими серьезными литературными способностями: он хорошо писал стихи и прозу в нашем кадетском журнале «Донец», а в последний год своего учения стал его талантливым редактором.

К 7-му классу это был среднего роста, скромный, сдержанный кадет, светлый шатен, с внимательным взглядом. Он был хорошо сложен. В его манере держаться и в движениях проскальзывало природное изящество и мягкость. Он любил танцевать, любил общество, никогда не знал меланхолии и не впадал в противоположные настроения.

Ему нравилась парадная обстановка, ее краски, и он мечтал о службе в кавалерии. Отец должен был, когда придет время, указать ему его полк.

К концу его учения в корпусе Вадима увлекла жажда серьезных познаний: рисуя сам очень хорошо, Вадим заинтересовался классической живописью и скульптурой со всеми их секретами. Одновременно он набросился на русскую и иностранную литературу, на изучение музыки, историю и некоторые военные науки в рамках курса Генерального штаба.

Таким образом, в это время брат был не по летам образован и начитан. Все знавшие его любили и уважали Вадима. Он привлекал к себе силою своей мысли, чистотой желаний, преклонением перед героикой и античной красотой. Конечно, в душе это был идеалист, старавшийся добровольной работой над самим собою стать лучше во всех отношениях.

Очень показательным является то, как он добился первенства в состязаниях по легкой атлетике. Еще года два до этого брат полюбил этот спорт. Он каждый день на прогулке совершал положенный на состязаниях пробег. В особой книжечке я отмечал полученные результаты. И так почти два года подряд.

В Радзивилове, в полку отца, где мы проводили летние каникулы, для Вадима были устроены барьеры, шест для прыжков и пр. Таким образом, полученная братом награда была результатом длительного напряжения воли и тренировки, а не неожиданностью. Таковым, то есть настойчиво добивающимся цели, он остался и в дальнейшем.

Кончая корпус, он был записан и принят в Елизаветградское кавалерийское училище.

Читателю покажется странным, почему он, несмотря на это, оказался в пехотном училище. Разъясню, как это произошло.

Брат продолжал увлекаться легкой атлетикой. Лето 1917 года мы провели у себя в станице Ново-Николаевской. Дом наш стоял совсем рядом с обрывом, у подножия которого лежало Азовское море. На пляже, перед купанием, брат занимался разными упражнениями и заставлял меня принимать в них участие.

Однажды мы, как обычно, тренировались с Вадимом и только в самый последний момент заметили, что на нас быстро двигалась с моря грозовая туча. Брат решил переждать в воде, и мы оба, как были, разгоряченные бросились в море... Но дома вечером Вадим занемог: у его быстро поднималась температура, начали опухать ноги и появились сильные боли у колен и ниже.

Наутро местный фельдшер (доктора не оказалось в станице) определил у брата острый суставный ревматизм. Вадима пришлось срочно везти за 75 верст в Таганрог, где он был помещен в клинике Гордона.

Я заболел тоже, но в более легкой степени, и смог сам с грехом пополам добраться к себе в Новочеркасск. Там я слег и начал лечение под надзором своей тетушки — профессиональной сестры милосердия.

Когда брат стал поправляться, ехать ему для поступления в Елизаветградское училище было уже слишком поздно. Еще немного погодя уехавшие туда к сроку товарищи по выпуску Вадима начали поодиночке возвращаться в Новочеркасск. Они рассказывали очень тяжелые сцены разраставшихся повсюду революционных беспорядков и жестокостей толпы.

Когда брат вышел из клиники, на Дону уже назревали события. Вадиму пришлось проститься окончательно с мыслью об Елизаветградском училище, впрочем уже закрывшемся к тому времени. Он решил поступить в Политехнический институт. Пройдя благополучно предварительные испытания, Вадим был принят туда на Горное отделение.

Брат серьезно насел на учение. Но некоторое время спустя, накануне ростовских боев, он исчез и оказался с какой-то добровольческой частью под Таганрогом. Она наводила порядок в районе Балтийского завода и среди окрестных крестьян. Вадим вернулся месяца через два и снова взялся за учение в институте.

Однако дома ему не сиделось, и, услышав о формировании 2-го Конного полка[310] отряда Дроздовского, он позже ушел с ним во 2-й Кубанский поход. В атаке под Белой Глиной под его лошадью разорвался снаряд. Вадима нашли без сознания в соседнем саду. Тяжело контуженного, его подобрали и доставили в Новочеркасск. Там он стал поправляться.

В городе пошли слухи о возможной мобилизации студентов с целью создания из них боевых дружин. Брат, только что награжденный Георгиевским крестом 4-й степени, вернувшись из больницы домой, объявил, что в такой части он служить не будет и поступит в юнкерское училище.

В это время на Юге России, кроме существовавшего нашего Новочеркасского военного училища, не было других. Но в Екатеринодаре формировалось Константиновское пехотное, и брат поехал туда.

Из писем Вадима мы узнали, что начальство училища оценило его: он довольно быстро был произведен в младшие портупей-юнкера.

Весной 1919 года брат приехал на несколько дней отпуска, но в погонах уже старшего портупей-юнкера. Еще позже он стал фельдфебелем 1-й роты Его Высочества.

Цель моей статьи — запечатлеть для истории Донского Императора Александра III кадетского корпуса данные о его достойной и трагической смерти. Иначе память о фельдфебеле 1-й роты Константиновского пехотного военного училища Вадиме Сагацком рискует затеряться навсегда. Мне придется все время ссылаться на данные, сообщенные мне главным образом живыми свидетелями происшедшего. Если кое-что не понравится заинтересованным лицам, прошу простить меня, но память о родном брате мне дороже.

Итак, я перехожу к изложению главного.

На пути к Новороссийску зимой 1920 года, на одном из переездов моего Атаманского военного училища, я, по некоторым обстоятельствам, с разрешения своего начальства, пересел в обгонявший нас поезд Командующего Донской армией генерала Сидорина[311]. В Екатеринодаре я должен был снова присоединиться к своему училищу.

По приходе поезда в этот город я спустился на перрон и сразу же попал на товарища моего брата по выпуску Беляева. Тот что-то ожидал тут со своим отцом-генералом. Едва я успел поздороваться с Беляевым-сыном, как он, видимо не отдавая себе отчета в значении и эффекте своих слов, огорошил меня: «Ты знаешь, что Вадим убит?» Я так опешил от неожиданности, что с трудом произнес: «Как, Вадим?.. Где?.. Когда?..» Беляев ответил: «Точного ничего не смогу сказать: слышал об этом мимоходом в городе. Твой брат убит, кажется, под Майкопом, где у Константиновского военного училища были сильные бои. Тебе надо узнать об этом точно в самом училище. Оно стояло тут, и тебе будет не трудно найти его».

Стараясь использовать время до прибытия Атаманского военного училища в Екатеринодар, я бросился искать училище брата. Но это оказалось не так легко, как думал Беляев: никто из обитателей и слу-

жащих казенных учреждений не смог указать мне, где находится Константиновское пехотное военное училище в настоящий момент, а некоторые лица даже не слышали о его существовании.

Первые толковые сведения о нем мне дали в Кубанском Алексеевском военном училище. Там я узнал, что училище брата давно уже переброшено в Крым и с какими-то немногочисленными войсковыми частями защищает его от вторжения красных. Наш отход к Новороссийску продолжался. Потом произошел и трагический отъезд оттуда. Наше училище было выгружено в Крыму в городе Феодосии.

От Константиновского пехотного училища в городе оставался лазарет и в нем раненые юнкера. Само же училище было где-то на фронте с генералом Слащевым. Я немедленно отправился в лазарет. Там я познакомился и разговаривал с юнкерами Крейтоном, Трескиным и другими, имена их я, увы, потом позабыл.

С их слов выходило следующее: Константиновское училище по большому морозу и в метель совершало переход, двигаясь по дороге походным порядком в открытой степи. Это было в середине января 1920 года (ст. ст.). Внезапно оно было атаковано с короткой дистанции красными. Огонь был сильный. Произошел тяжелый для юнкеров и беспорядочный бой, переходивший местами в рукопашный. Юнкера отступали.

Фельдфебель Сагацкий, видя, что батальонный командир скошен пулей и остался неподвижно лежать на снегу, повернул к нему и один пошел подобрать его. Юнкера видели, что брат дошел до тела командира батальона, взвалил его себе на спину и пошел с ним за отступавшими юнкерами. В это время со стороны красных, в пурге, появилась пулеметная тачанка. Одной из ее очередей Вадим и батальонный командир были сбиты. Тогда три юнкера — друзья фельдфебеля Сагацкого — пошли к нему на помощь. Брат и батальонный командир оставались в зоне сильного огня красных. Отправившиеся на выручку юнкера не смогли дойти до них; двое оказались ранеными. Их смогли спасти, а Вадим Сагацкий и батальонный командир остались на месте ранения, видимо слишком тяжелого... Училище ушло...

Мои собеседники советовали мне рискнуть пробраться на фронт и искать там генерала Слащева, конвой которого составляло Константиновское пехотное военное училище.

Приближалась Пасха. Получив отпуск, я сейчас же выехал поездом на Симферополь. 1-ю роту Константиновского пехотного училища я нашел в поезде генерала Слащева, в котором, кроме них, был еще и эскадрон Мариупольского гусарского полка[312]. Станция Джанкой, где

стоял поезд, была совершенно пустынна, и мне пришлось идти по приезде сразу в училище.

Узнав, кто я и почему я в Джанкое, начальство училища поручило меня 1-й роте. В ту же ночь на перроне станции служилась заутреня, и после нее юнкера пригласили меня на разговены.

На следующее утро тут же на станции состоялся парад. На нем я впервые увидел генерала Слащева вблизи. Он был одет почему-то в белую черкеску с отброшенным назад башлыком экзотического типа: с какими-то арабскими или индусскими письменами на нем. Лицо генерала Слащева меня ничем, к удивлению, не привлекло, но его движения и манера держаться сразу указывали на его необыкновенную решимость и энергию. Около его вагона 1-го класса стояла большая группа офицеров и Ниночка-ординарец. Это была миловидная и стройная девица в белой рубахе с погонами унтер-офицера и одним или двумя Георгиевскими крестиками, в кавалерийских синих бриджах и сапогах со шпорами.

Мне успели шепнуть, что Ниночка — из хорошей семьи, ведет себя безупречно и вполне заслуживает свои Георгиевские крестики... Но расспрашивать больше не было ни времени, ни желания.

К моему глубокому разочарованию, начальник штаба, полковник Фролов[313], о моем брате ничего нового мне не сказал. На мой вопрос, как значится Вадим в списках Константиновского пехотного военного училища, он ответил, что фельдфебель Сагацкий должен быть указан там как без вести пропавший.

От юнкеров я тоже не узнал никаких дополнительных сведений. И, несмотря на радушный прием училища, я уехал обратно огорченный, не зная, что делать дальше.

Летом 1920 года Атаманское военное училище приняло участие в боях под деревней Каховкой. После своей энергичной контратаки 2 августа (ст. ст.), позволившей восстановить прорванный красными фронт, оно было оттянуто в тыл. Проходя городок Армянск, я увидел у самой дороги, в углу между двумя маленькими постройками, высокий деревянный крест. Он стоял на братской могиле Константиновского пехотного военного училища. Имена погребенных здесь покрывали крест со всех сторон. Их оказалось очень много. Они были написаны химическим карандашом. Я стал с беспокойством искать среди них имя фельдфебеля Сагацкого, но не нашел его. Это, конечно, давало основание полковнику Фролову считать моего брата «без вести пропавшим»...

Судьба брошенного на поле боя Вадима заботила и тяготила меня. Сам я не мог предпринять ничего без посторонней помощи, но к кому, как и куда обратиться за поддержкой? Ведь я сам зависел от своего

училища, а последнему имя брата было в общем чуждо! Где искать людей, способных дать мне толковый ответ для дальнейших моих поисков?

В Джанкое и даже много позже в разговорах с константиновцами о гибели моего Вадима меня стесняло нечто вроде недоговоренности, неловкости, даже желание собеседника замять тему поскорее и возможно мягче.

Приходилось довольствоваться тем, что оказывалось ясным и неоспоримым:

1) фельдфебель Вадим Сагацкий, в обстановке тяжелого для училища боя и отступления юнкеров, пошел один обратно, чтобы вынести сраженного батальонного командира; дошел до него и начал выносить;

2) тело моего брата, раненного, в свою очередь, несмотря на попытки друзей вынести его самого, осталось на месте, а училище ушло дальше. Иными словами, фельдфебель роты Его Высочества Вадим Сагацкий... был брошен.

Упрекал ли я за это его училище? Скорее нет, хотя и не мог оправдать его. Я невольно вспомнил свой первый бой под станицей Должанской на Дону, в январе 1918 года. Там наша сотня есаула Бокова, тоже в метель, с глубоким снегом, оказалась обойденной красными с трех сторон. Чтобы выйти из мешка, нам пришлось бросить убитых, но раненые были вынесены все до последнего, хотя это и грозило гибелью отряду. Правда, там командовал — и командовал хорошо — есаул Боков...

Продолжаю дальше. На Лемносе в 1921 году наш старший курс юнкеров Атаманского военного училища был произведен в офицеры. В самый разгар пропаганды и записи желающих вернуться в Советский Союз ко мне в лагерь явился совершенно запыхавшийся однокашник по корпусу и военному училищу Алтухов. Торопясь и запинаясь от быстрой ходьбы, он передал мне следующее: «Совсем недавно на руке одного вахмистра моего 5-го Платовского полка[314] я заметил чудные часы-браслет Павла Буре. К ним был прицеплен жетон Донского кадетского корпуса: ромб темно-синей эмали с красной каемкой на массивном серебре; посредине золотой вензель «А III» с короной, окруженной золотым же венком... Перевернув жетон, я прочитал на обратной стороне выгравированное «За легкую атлетику 5-2 Сагацкий Вадим 1915 год»...

На мой вопрос, откуда у него эти часы, вахмистр ответил, что ему их подарили...»

Рассказ Алтухова поразил меня своею неожиданностью: у какого-то вахмистра 5-го Донского полка на руке сейчас жетон моего брата,

«без вести пропавшего» Вадима Сагацкого! Часы Павла Буре — конечно, часы покойного отца, которые перешли к брату после его смерти. Вадим прикрепил к ним свой жетон и носил их не снимая. Но как они могли попасть к вахмистру Алтухова?

Я бросился в 5-й Платовский полк. До него было довольно далеко. Когда я добрался до палатки нужного мне вахмистра, один из его сослуживцев заявил мне, что только что расстался с ним. Казак указал мне вдали колонну беспорядочно идущих людей. Она приближалась к пристани Мудроса. «Видите, — говорил казак, — это — очередная партия одураченных, возвращающихся в Совдепию казаков... Среди них идет и вахмистр, которого вы ищете сейчас... Но вы не увидите его, так как отъезжающих сразу грузят на «Решид-Пашу», а тот стоит на рейде...»

Так опять оборвалась нить, по которой я смог бы добраться до истины о судьбе моего брата.

В Сербии меня неоднократно посылали из дивизиона в Белград для несения службы младшим офицером для поручений при Русском военном агенте. Все свободное время я проводил там беспечно и приятно в компании моего старшего офицера по полку Н.В. Он тоже служил в Русском военном агентстве. Случилось так, что я не видел его в течение нескольких дней подряд, а за это время подошел и мой отъезд из Белграда обратно в дивизион. В последний вечер, когда мы уже прощались с Н.В., он вдруг спохватился:

«Прости, чуть-чуть не забыл... Ты уезжаешь завтра рано утром, и я тебя неизвестно когда еще увижу. А мне надо тебе передать очень важные для тебя сведения...

Недавно, когда мы не видались с тобой, я познакомился в одном из русских ресторанчиков с офицером-сапером. Он оказался приятным и интересным собеседником. Мы с ним засиделись до позднего часа и, конечно, разговорились, вспоминая прошлое. Он жалел, что уезжает во Францию и ты, к разочарованию, его не увидишь...

Так вот, этот офицер рассказывал мне, как он при Врангеле принимал участие в постройке перекопских позиций. В районе своих работ он и его сослуживцы сходились вечерами у одной учительницы в деревне Черная Долина. Она представляла собой тип исключительной русской женщины, мужественно и бесстрашно переносившей страхи и испытания Гражданской войны в своей деревне.

В один из вечеров она сообщила, что в январе того же года, поздно ночью, казачий разъезд Морозовской бригады привез и упросил ее скрыть у себя занесенного снегом тяжелораненого юнкера.

Местность была в руках красных. Учительница, рискуя ежедневно своею жизнью, скрывала раненого в амбаре на дворе. От недостатка

средств лечения он позже скончался у нее на руках. Умирая, он просил ее сделать все возможное, чтобы довести до сведения его младшего брата, что у нее скончался фельдфебель 1-й роты Константиновского пехотного военного училища... Вадим Сагацкий».

И тут опять произошла неудача: Н.В. забыл и фамилию уехавшего офицера-сапера, и фамилию учительницы из Черной Долины... Правда, теперь серьезно уточнялась обстановка судьбы Вадима и становилось вероятным, что его безвестная могила находится где-то в Черной Долине.

В Париже я продолжал свои расспросы о брате среди знавших его по Константиновскому пехотному училищу. Некоторые сведения дополняли то, что я уже слышал о нем.

С особенной душевностью рассказывал мне о «своем» фельдфебеле Вадиме Сагацком бывший ротный его командир — полковник Де Лобель. Вспоминая тяжелый для училища бой 15 января 1920 года, где оно понесло большие потери, полковник Де Лобель старался объяснить неожиданность нападения красных тем, что сильный мороз покрыл прочным льдом все соленые озера Сиваша. По словам местных жителей, это случалось редко. Поэтому, очевидно, старшие начальники и не допускали появления противника у себя на флангах и в тылу, а это произошло вследствие свободы его передвижения по замерзшим озерам.

Полковник Де Лобель увидел издали, как упал раненый батальонный командир... «Тут, — продолжал полковник Де Лобель, — я заметил в пэдэге идущего ко мне Вадима... Да, не удивляйтесь: именно — Вадима... Ваш брат был совершенно особенный, и из-за этого мы, офицеры училища, близко знавшие и любившие его, называли фельдфебеля Сагацкого вне строя просто Вадим... Несмотря на сильную метель, мороз и кипевший бой, Вадим спокойно подошел ко мне и остановился по-уставному, взяв под козырек. Он спрашивал у меня разрешения пойти назад и подобрать батальонного командира... Он продолжал стоять смирно, ожидая ответа... Огонь не ослабевал, красные наседали. Константиновцы отходили...

Я взглянул Вадиму открыто в глаза и медлил с ответом. Намерение фельдфебеля Сагацкого было чрезвычайно рискованным, но вполне понятным с военной точки зрения. Но если батальонный командир уже скончался от ранения, стоило ли все-таки жертвовать, быть может, жизнью лучшего в училище юнкера? В глазах Вадима я прочел нетерпение и полную решимость... Неуверенной рукой я перекрестил его молча... Вадим отчетливо повернулся кругом и стал удаляться от меня к черной точке, видневшейся вдали на снегу... Больше я не

видел Вадима...» И, как бы догадываясь о том, что еще может интересовать меня, он подтвердил то, что я уже слышал, а именно, что все раненые и убитые юнкера были позже подобраны училищем... Кроме моего брата и батальонного командира, которого он выносил.

Полковник Де Лобель замялся, как и полковник Генштаба Фролов, когда дело коснулось того, как отмечен Вадим в списках юнкеров своего училища. «Если я не ошибаюсь, Вадим Сагацкий указан в них как без вести пропавший...» — закончил он.

Разговор у нас на этом прервался. У меня сразу вдруг исчезло всякое желание продолжать его: для меня было ясно, что все кончилось в тот день, когда после сбора раненых и убитых юнкеров оказалось, что фельдфебеля 1-й роты Вадима Сагацкого не нашли. Розыски этим сбором раненых, видимо, и ограничились; и даже тогда, когда несколько месяцев спустя весь этот район перешел в руки войск генерала Врангеля, никаких серьезных попыток начальством Константиновского пехотного училища не было предпринято, чтобы выяснить судьбу своего фельдфебеля. В общем, так просто оказалось узаконить эту небрежность, пометив в канцелярии «без вести пропал»! Понимали ли в училище, что этот термин может покрыть много разных фактов, среди которых при желании можно найти и самовольное оставление строя, и уход к противнику. А ведь Черная Долина совсем не так далеко от района Армянска, и средств для наведения справок в дальнейшем оказалось не так уже мало!

Я знаю теперь, как скончался он, и мне ничего больше об этом знать не надо от свидетелей — константиновцев. Но я считаю недопустимой небрежностью со стороны училища числить покойного брата «без вести пропавшим». Он заслуживает гораздо большего, начиная с пометки: «Скончался от ран, полученных в бою», и т. д.

Кадеты нашего корпуса могут смело гордиться Вадимом и знать, что его память чиста и останется всегда непорочной от каких бы то ни было недомолвок. И я не буду настаивать на обстоятельствах, приведших, увы, начальство училища истолковать его подвиг — желание вынести своего командира, да еще с молчаливого благословения командира роты полковника Де Лобеля, — как простое исчезновение по неизвестной причине. В военной среде это не может допускаться. Вадим Сагацкий не пропал «без вести». Ушло училище. Оно знало, куда и зачем уходит его фельдфебель и где он упал. Ушел он туда по согласию начальства...

Совсем постороннему человеку, должно быть, трудно разобраться, где правда и где фантазия в показаниях участников боя 15 января 1920 года. Я укажу только один, но достаточно яркий пример противоречивых показаний об этом бое. У меня до сих пор хранится оригинал письма юн-

кера Муравьева от 28 мая 1934 года, из Парижа. Вот что я выписываю из его письма: «Фельдфебеля 1-й роты Вадима Сагацкого помню хорошо и его кончину славную могу засвидетельствовать без всякой (подчеркнуто в письме) ошибки...

Он пал смертью храбрых в бою против красных при прорыве их через Перекоп к г. Армянску... около 4—6 часов вечера...

Обстановка его смерти со слов его друзей, бывших с ним вместе (я был с III ротой в стороне на 100—200 шагов): раздробивши череп прикладом одному коммунисту-латышу, мстя за подлый выстрел сзади, сразивший командира батальона, он сам получил пулю от другого. Смерть была моментальной. На другой день, при сборе раненых и убитых, на поле было найдено и его тело (я его видел мертвым сам потом). Похоронен в г. Феодосии в братской могиле юнкеров Константиновского военного училища, павших в бою на Перекопе. Мои сведения о смерти и месте погребения точны (подчеркнуто в письме)...»

Кому же надо верить после этого письма? Ведь оно только один из примеров!

Другие лица, к которым я еще обращался, не говорили ничего нового. Самым серьезным оказалось свидетельство раненых юнкеров, с которыми я разговаривал в лазарете училища в городе Феодосии, и, конечно, рассказ офицера-сапера об учительнице в деревне Черная Долина.

Могли ли вообще спасти Вадима? Допускаю, что это действительно было, в обстановке поспешного отхода училища, практически невозможно. Но то, что училище не попыталось в дальнейшем поискать более серьезно след Вадима, у меня останется камнем на сердце. Какая была бы радость для меня и старенькой его матери узнать, что у фельдфебеля Сагацкого есть могила и на ней крест! Царство ему Небесное!

А. Дадыкин[315]

КОРНИЛОВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ[316]

Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России отдал в июле 1919 года приказ о сформировании двух военно-училищных курсов для ускоренной подготовки офицеров пехоты. Ставропольский училищный курс — ставший впоследствии Корниловским военным училищем — частично унаследовал преподавательский и строевой состав старых военных училищ и кадровых офицеров полков, получив-

ших боевой опыт в Великую войну, и впитал в себя традиции военных училищ старого времени.

Начальниками курса-училища были последовательно генерал-майоры Чеглов, Протозанов[317], генерал-лейтенант Жнов[318], генерал-майоры Зинкевич[319] и Георгиевич[320] (все — Генерального штаба). В числе преподавателей было 11 генералов и полковников Генерального штаба, 4 офицера, закончивших Артиллерийскую, Инженерную или Юридическую академию, 4 офицера с университетским образованием. Занятия велись усиленным темпом — классные и полевые, — причем перерывов на каникулы не бывало; было лишь три перерыва для выполнения боевых заданий, от 2 до 4 недель каждый. Юнкерами были учащиеся высших и средних учебных заведений, в большинстве своем уже побывавшие в боях. Не имевшие среднего образования зачислялись сперва на Общий курс. Училище имело Первый и Второй (выпускной) классы. Оно дало 5 выпусков офицеров с чином подпоручика, считая и ускоренный выпуск 29 января 1920 года. Училище имеет утвержденный жетон (училищный погон в терновом венке).

Этапы жизни училища: июль 1919 года. Военно-училищный курс в Ставрополе; март 1920 года — в Новороссийске; Военный Совет высших начальников армии жалует курсу шефство генерала Корнилова в воздаяние доблести, проявленной у Ростова и Батайска; переименование в Юнкерскую генерала Корнилова Пехотную школу; Школа перемещена в Керчь и пополнилась юнкерами Кубанского Алексеевского училища; за храбрость юнкеров-корниловцев, проявленную в десантной операции на Кубань, Главнокомандующий Русской Армией пожаловал Серебряные трубы, Корниловские бескозырки и переименовал Школу в Корниловское военное училище, с присвоением ему всех прав российских военных училищ. Дальнейшие пути училища: Галлиполи, Болгария, Люксембург, Франция, Парагвай...

***

19 декабря 1919 года батальон юнкеров во главе с начальником училища Генерального штаба генералом Чегловым отправился поездами из Ставрополя на фронт у Новочеркасска. 22-го последовал приказ охранять порядок в Ростове и переправы через Дон. Армия отступала. Пропустив все части и отступив последними за Дон, юнкера заняли на берегу оборонительную позицию, где 28 декабря вели перестрелку с рабочими и восставшим гарнизоном города. 30 декабря батальон сменил у Батайска Корниловскую дивизию, которая шла для пополнения своих рядов. Две с половиной недели юнкера на берегу реки Кайсуга

отражали наступление красных и несли потери. Командир корпуса генерал Кутепов лично, на передовой позиции наградил отличившихся юнкеров. 29 января 1920 года выпускные юнкера были произведены в подпоручики и, получив благодарность Главнокомандующего за доблестную службу, отбыли по полкам армии.

В Крыму батальон юнкеров с 20 июля по 1 августа нес охрану берега у Еникале на пространстве в 10 верст. 3 июля получен приказ Главнокомандующего: отряду юнкеров выступить в десантную операцию. Задача: высадиться у города Анапы, идти к станции Туннельная. Четыре роты юнкеров, офицерский взвод Керченского гарнизона, дивизион спешенных черкесов и два горных орудия — отряд генерала Черепова[321] — погрузились в Керчи на 2 парохода и 2 болиндера, идущих на буксире. Их охраняла подводная лодка. 4 августа на рассвете отряд благополучно высадился южнее мыса Утриш и пошел на станицу Раевскую. Перевалил хребет Семисам, преодолев трудности подъема в сильную жару. В полдень от станицы Раевской стала приближаться колонна красных с артиллерией. Ее наступление было отбито. Пал смертью храбрых курсовой офицер полковник Пухальский.

Ночью колонна красных из Абрау-Дюрсо вышла к морю в тыл отряду. Создалась исключительно тяжелая обстановка: связь с генералом Череповым прервана, дежурного судна, которое у места высадки должно было быть на всякий случай, не оказалось. Ночью рота юнкеров оттеснила противника у берега. Начальник училища генерал-майор Протозанов приказал отходить к морю. У противника было 2 полка, полк коммунаров и отряд конницы. 8 августа красные наступали 16 цепями; юнкера подпустили врага на 250 шагов и открыли губительный огонь — боевой порядок красных опрокинут, поле опустело.

Отряд юнкеров притягивает на себя 3—4 полка красных, но его положение трудное: одно орудие подбито, два дня нет хлеба, один из болиндеров у берега пробит снарядом. 9 августа красные наступают, нажимая на наш правый фланг; подходят два судна, открывают огонь по противнику; рота юнкеров переходит в контратаку; враг бежит. С парохода присылают приказ генерала Черепова: «Погрузиться на суда». На пароход грузят раненых и черкесов, на болиндер — юнкеров; буксирный канат оборвался, пароход ушел. В тишине слышна команда начальника училища: «Вперед, на старые позиции!» Без суеты, по сходням или прямо прыжком в воду, летят юнкера на позицию. 10 августа на позиции затишье. В ночь на 11-е юнкера погружены на суда и отплыли к Керчи. Думали — на отдых. Но приходит приказ высадиться на полуострове Тамань и идти на поддержку частей, сдерживающих наступление красных.

12 августа юнкерский батальон в станице Таманской; 13-го переход в 26 верст по грязи; 14—17 августа бой под горой Камышеватой. Потери батальона убитыми и ранеными — 18 процентов; убита храбрая сестра милосердия Ксения Шишко. 19 августа батальон, по завершении десантной операции генерала Улагая, прибыл в Керчь.

Добрые семена, посеянные в стенах училища, дали чудесные всходы: корниловцы — бывшие юнкера Корниловского военного училища — устремились в Русский Корпус в Сербии вместе со своими курсовыми офицерами. А иные пошли на Восточный фронт, на Родную землю и смертью храбрых запечатлели свою преданность Родине. Несмотря на возраст, и теперь, как в 1919—1920-м, как в 1941—1945 годах,

Смело мы в бой пойдем
За Русь святую!
И как один прольем
Кровь молодую!

Увы, теперь уже не молодую. Но все же пойдем, помня заветы Корнилова, Неженцева.

И. Сагацкий

АТАМАНСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ ПОД КАХОВКОЙ[322]

После смерти своего начальника, генерал-майора Семенченкова, Атаманское военное училище в составе двух сотен, вышедших из Новочеркасска, было сведено с Донским военным училищем, сформированным окончательно уже в Евпатории, в Донской Пластунский юнкерский полк, командование коим принял генерал-майор Максимов[323].

Чередуя занятия с несением различных служебных обязанностей, Донской Пластунский юнкерский полк очутился в июле 1920 года в городе Мелитополе. Артиллерийский отдел был откомандирован в Саки.

В один из душных вечеров раздался сигнал тревоги. Перед строем юнкеров, застывшим в полной боевой готовности, генерал-майор Максимов прочитал только что полученную из штаба Главнокомандующего почто-телеграмму. В ней говорилось, что армия Фрунзе начала переправу через Днепр в районе Каховки с целью захвата Чонгарского перешейка и отреза, таким образом, от Крыма наших корпусов, дравшихся в Таврии. Главнокомандующий приказал Донскому Юнкерскому полку немедленно выступить из Мелитополя и вместе с корпусом генерала Барбовича овладеть фланговым ударом Каховской переправой на

Днепре. Генерал Слащев, ожидая подхода генерала Барбовича, должен был со своей пехотой принять удар сорокатысячной армии Фрунзе и оттягивать ее на Перекопские позиции. По занятии Каховки группой генерала Барбовича генерал Слащев должен был сбить противника и гнать его к северу. Таким образом, вся армия Фрунзе оказалась бы взятой в мешок на Каховском плацдарме.

Юнкера разместились на крестьянских подводах и тронулись в путь. Сейчас же налетела большая гроза и бушевала почти всю ночь. С утра снова стало жарко. От беспрерывного движения и полного отсутствия воды стала мучить жажда. Юнкера поддерживали себя и лошадей арбузами. Степь лежала вокруг ровная, безлюдная и раскаленная солнцем. Наконец была назначена остановка в большой слободе. Она уже была занята подошедшими частями генерала Барбовича.

На рассвете во всех концах слободы послышался сигнал сбора. Войска выступали дальше. По улицам медленно проходил в конном строю хор трубачей дивизии Барбовича и играл незабвенный сигнал:

Всадники-други, в поход собирайтесь,
Радостный звук вас ко славе зовет...

Солнце поднималось веселое, на розовом востоке. Вдруг где-то высоко в нежно-голубом небе послышался звук мотора. К слободе приближался медленной светлой точкой аэроплан. Он, видимо, внимательно рассматривал местность. Скрыть от него наше передвижение в открытой степи было, конечно, невозможно, поэтому части продолжали путь, вытягиваясь длинной колонной по дороге. Где-то слышались одиночные выстрелы из винтовок. Истребитель, описав небольшую дугу, взял направление вдоль дороги и пролетел над нами.

— Проклятый, подсчитывает наши силы... Чего доброго, еще польет из пулемета или хватит по нас бомбами... — заметил кто-то из юнкеров.

Действительно, немного спустя над головой послышался свист приближавшейся бомбы. Она разорвалась невдалеке от дороги, за нею грянули и другие разрывы. Аэроплан стал набирать ходу и, оставив нашу колонну, быстро исчез из виду.

— Теперь держись, — говорили юнкера, — через четверть часа большевики будут знать все о нашем движении.

Настроение становилось напряженным и тревожным.

Около полудня впереди и немного влево от дороги стали слышаться глухие орудийные выстрелы. По мере нашего продвижения они становились яснее. Мы подходили уже к зоне боя. Гул орудий начал доноситься и справа. Вдруг колонна замялась: впереди что-то происходило. На горизонте, около дороги, появились черные столбы разрывов. Кто-

то сказал, что тяжелая артиллерия красных, стрелявшая с высокого берега Днепра в сторону Перекопа, теперь переносит огонь на нас. Видимо, мы подошли уже к пристрелянным рубежам, а летчик оповестил свое командование о появлении нас в степи.

Чем ближе мы подходили к шедшему впереди бою, тем метче ложились снаряды красных. Уже были попадания. Стали продвигаться небольшими группами, проходя вскачь наиболее опасные места. Легкая возвышенность еще скрывала от взора происходившее на равнине Днепра. Пули роями уже проходили над головой. Сзади, справа, подходили на рысях эскадроны кавалерии Барбовича. Впереди них, на пиках трепетали кирасирские флюгера. И вот с возвышенности сразу открылся весь бой: менее чем в версте от нас медленно отходил крайний левый фланг красных и отстреливался на ходу от наседавшей на него слащевской пехоты. Впереди намечалась лента Днепра, над нею ровный высокий берег, ближе к нам тополя Любимовки и Каховки. Рядом, обходя нашу колонну, на дороге выравнивалась галопом конница. Схватив момент, она перешла в карьер и бросилась на красных.

— Вторая Донская дивизия... Дивизия скорой помощи! — пронеслось у юнкеров. — Смотрите, это, кажется, сам Чапчиков[324] впереди...

Как оказалось потом, эта блестящая атака окончилась полной неудачей. Красные успели построить каре и залпами в упор отбили ее. Казаки, понеся тяжелые потери, были принуждены повернуть обратно. Ряды красных благополучно прошли рядом с ними под прикрытием Каховских позиций и батарей.

Вторая сотня Атаманского военного училища, где я был взводным портупей-юнкером, рассыпалась в цепь и пошла к Днепру. Сухая жара была нестерпима. Жажда мучила всех, но нигде не было ни капли воды. На ходу от солнечного удара начали падать или выходить из строя юнкера. Оставшиеся смыкали цепь и шли дальше. Нас обстреливали, но потерь еще не было. Неожиданно со стороны появилась бочка с водой. Юнкера мгновенно окружили ее. Неизвестно, что произошло бы вокруг этой бочки, если бы не капитан Терлецкий[325], ставший около нее с наганом в руке. Мгновенно образовалась очередь — каждый юнкер получил кружку свежей воды.

Был уже вечер. Не дойдя до Каховки, мы остановились. Общего положения никто, как это всегда бывало, не понимал, и только когда сотни отошли назад в небольшой хуторок, стоявший на тракте из Армянска в Каховку, дошел слух, что план, задуманный генералом Врангелем, был сорван генералом Слащевым. Говорили, что Слащев, уверенный в своей дивизии, решил разгромить красных сам, не дожидаясь захвата переправы у Каховки генералом Барбовичем. Большевики, своевременно опове-

щенные воздушной разведкой о подходе белых с востока к Днепру, разгадали маневр нашего командования. Красные бросили Перекопское направление и стали быстро отступать к Каховке. В результате вся армия Фрунзе в полном порядке вышла из готовившегося ей окружения буквально на наших глазах.

Наступила томительная пора ожидания. Фронт установился где-то недалеко от хуторка. За линией ближнего горизонта, скрывавшей от взора долину Днепра, все время гремели орудийные выстрелы и доносилась перестрелка. Изредка, ближе к хуторку, разрывались снаряды тяжелой артиллерии противника. Было голодно. Юнкера собирали в поле недозревшую кукурузу и пшеницу и ели их. Жара стояла такая же сухая и нестерпимая. Воду пили грязную, перемешанную с тиной, из единственного колодца. Около него день и ночь толпились люди и лошади.

Как-то утром в небе появился неприятельский аэроплан. Наши трехдюймовки начали обстреливать его, но шрапнели рвались неудачно, и аэроплан с большой высоты продолжал спокойно свою рекогносцировку, кружась над хуторком. Потом послышался звук падающей бомбы, за ним другой... В поле, в стороне от полевого госпиталя, взметнулись разрывы.

— Попал... прямо в перевязочный пункт! — крякнул старый казак.

Действительно, на перевязочном пункте была заметна суматоха.

В это время на дорогу около колодца выбежал солдат и стал быстро копать яму. Потом он убежал и вернулся с осью от телеги. Укрепив ее в яме, солдат положил сверху колесо и с улыбкой крутнул его.

— Готово, господин поручик! — крикнул он в сторону.

Из соседнего двора появился пехотный поручик в очках с маленькой пушкой в руках. Это была 37-миллиметровка Гочкиса. Солдат и офицер быстро приладили пушку к колесу. Поручик присел и, поворачивая колесо, начал нащупывать истребителя. Еще несколько мгновений, и грянул выстрел. Снаряд разорвался рядом с аэропланом, маленьким белым облачком. В несколько минут аэроплан оказался окруженным разрывами из этой пушки Гочкиса. В конце концов истребитель бросился в одну сторону, потом в другую, не выдержал и, круто повернув обратно, стал удаляться к Днепру.

— Браво! — крикнули юнкера близорукому поручику.

— Ишь ты... Хороша русская голова... здорово придумал господин офицер, — пощипывая бородку, добавил старый казак, стоявший с лошадьми у колодца.

Бой шел беспрерывно по всей Каховской равнине. В один из этих дней наша сотня была вызвана на позицию. Полуденная жара начинала спадать. Выйдя по дороге из хуторка в сторону Каховки, мы вскоре

же попали в полосу боя. Продвигаясь несколькими цепями к противнику, мы укрывались за небольшой складкой местности. Пули проходили пока высоко. Артиллерия красных еще не заметила нас. Цепи шли хорошо и поддерживали равнение. Командир сотни капитан Жуковский[326] шел невдалеке от меня. В легкой мгле приближавшегося вечера его смуглое лицо, обрамленное черными вьющимися волосами, и светлые глаза как-то странно поразили меня — словно на нем легла какая-то особая тень...

С возвышенности впереди открылась Каховская равнина. Мы вышли вправо в одну цепь, упираясь левым флангом в Каховский шлях. С другой стороны от него была расположена первая сотня нашего училища. Сотня капитана Жуковского залегла вдоль небольшой проселочной дороги, подходившей почти под прямым уголом к шляху. Невдалеке оказалась батарея. Через наши головы она пристреливалась по красным. Большевики отвечали, но снаряды рвались далеко позади. Ружейный обстрел шел оживленно справа и слева. Мой сменный по Новочеркасску офицер, штабс-капитан Пименов, приказал окопаться. В это время с батареи прибежал ординарец. Увидев штабс-капитана Пименова, он передал ему:

— Командир батареи требует, чтобы юнкеров убрали с дороги. Дорога пристреляна красными. Они нащупывают батарею... — И он убежал обратно.

Артиллерийский огонь красных учащался. На дороге, шагах в тридцати, кучка юнкеров, сидя на корточках, налаживала пулемет. Передо мною лежал юнкер Фомин. Подняв голову, он с любопытством смотрел вперед.

— Ваня, — успел я крикнуть ему, — опусти голову и окопайся!

К нам подходил веер пулемета. В тот же момент за Днепром бухнули две пушки.

— Пулеметчики, ложись! — бросил я вправо. По сверлящему между бровей звуку приближавшихся снарядов было ясно, что они были предназначены нам. И сейчас же грохнуло рядом, впереди, почти в тот же момент справа. Перед глазами взметнулась высоко черная завеса... Сбросив с себя землю и ощупав тело, я взглянул перед собой — Фомин, совершенно черный от грязи и дыма, смотрел на меня; справа на месте пулемета было пусто. Я бросился туда. На дороге, в разных позах, лежали раненые юнкера. Первый вскочил юнкер Минаев[327]. Узнав меня, он закружился на месте и застонал:

— Я убит, господин портупей-юнкер... Жжет... Не могу больше...

На лбу у него была большая шишка — раскаленный осколок гранаты как-то необычайно скользнул по его голове и застрял под кожей.

— Передать по цепи — санитаров на правый фланг второй сотни...

Потом с земли поднялся и бросился ко мне юнкер Табунщиков. Он зажимал рукою шею под ухом. Между пальцами била несколькими фонтанами кровь из перебитой сонной артерии. Юнкер Рубанов[328], получивший несколько десятков осколков, лежал без сознания. Тут же тяжело дышал окровавленный Янюшкин. Рядом с ним в пыли я подобрал половинку его перебитой коленной чашечки. Сестра Наташа, в белом халате, невзирая на огонь, быстро появилась в цепи. Раненых погрузили и отправили в тыл. После этого сотню подняли и перевели вперед, под прикрытие еще несжатого кукурузного поля.

Некоторое время спустя штабс-капитан Пименов указал немного впереди и справа маленький бугорок. Его отделяла от того взвода лощина, шедшая прямо к противнику, шириною в несколько сот шагов.

— На этом бугре, — сказал Пименов, — стоит пулемет Слащевской дивизии. Он слишком выдвинулся вперед и оказался без всякого прикрытия. Большевики сильно обстреливают его и все, что появляется в лощине. Красные совсем близко. Вы переведете ваш взвод одиночным порядком в распоряжение командующего офицера, пока вас не отзовут. С Богом!

Объяснив моим юнкерам задачу, я махнул первому:

— Полным ходом, пошел!

Юнкер бросился бегом по скату лощины. Как только он оказался на дне ее, со стороны большевиков застрочил пулемет и выстрелили две пушки. Юнкер благополучно добежал до противоположного края лощины и укрылся за бугорком.

— Следующий...

Поодиночке юнкера скатывались и перебегали страшную лощину. По каждому из них красные проводили пулеметную очередь и посылали две гранаты. Дошла очередь до Трунева[329]. Он успел недавно потерять фуражку и защитный френч. В белой рубашке он представлял собою очень заметную цель, и я боялся за него. Трунев начал спускаться вниз. Сейчас же пулемет красных открыл по нему огонь. Пули под ногами Трунева рисовали светлую ленту пыли.

— Беги! — крикнул я ему, но Трунев продолжал идти спокойно, рассматривая красных прищуренными на солнце глазами. Посередине лощины он остановился и посмотрел в мою сторону.

— В чем дело? — донесся его возмущенный голос.

Со стороны красных грянули две пушки. У меня захватило дыхание... Снаряды разорвались одновременно рядом с Труневым. Когда разошлись дым и пыль, Трунев оказался стоящим на месте и смотрящим на меня.

— Дурак! — крикнул я ему и махнул рукой.

За бугорком я нашел весь мой взвод. Явившись к поручику, командовавшему пулеметом, я остался с ним до темноты. Это был тот самый офицер, который накануне так удачно отогнал истребителя красных из своей маленькой пушки Гочкиса, гениально прилаженной к простому крестьянскому колесу. Много позже, в темноте, наш взвод был отозван. Мы присоединились к сотне. Смертельно хотелось есть, но под рукой ничего, кроме сырой кукурузы и колосьев пшеницы, не было. Откуда-то в цепи появились арбузы. Оказывается, юнкера отрыли их в большой скирде, находившейся позади, в поле. От голода и жажды юнкера набрасывались на принесенные арбузы. Но это быстро прекратилось. Снаряд красных случайно попал в скирду и поджег ее. На фоне пламени силуэты юнкеров были замечены противником, который сразу усилил огонь. Так прошла вся ночь. Из полевого охранения доносили, что разговоры красных слышны очень отчетливо.

Наступал рассвет. Кто-то сообщил по цепи новость: одна из частей, расположенных правее нас, без всякого разрешения отошла ночью версты на полторы назад, обнажив, таким образом, фронт. К счастью, большевики заметили это только на восходе солнца. Быстро, по всему фронту, оживилась перестрелка. Потом заработала артиллерия красных и стала очень метко забрасывать нас снарядами. К счастью, довольно много их не разрывалось. Нависла угроза обхода через прорыв. Вторая сотня Атаманского училища начала отход. Большевики усилили огонь и повели наступление. Мы отходили в порядке, отстреливаясь. Навстречу подходила сменявшая нас пехота Слащева. Она шла в контратаку. Я невольно залюбовался этими людьми. Они шли совершенно спокойно, на очень больших интервалах, покуривая, перекидываясь словами, постреливая вперед Пройдя нас, они начали затягивать прорыв справа. Красные сразу перенесли весь огонь на них.

Вернувшись на хуторок, мы поели из походной кухни и разошлись отдыхать, не обращая внимания на звуки боя.

Как и в предыдущие дни, на хуторке было очень оживленно. Говорили, что большевиков выбить теперь из Каховки невозможно, что по всей линии фронта идут напряженные бои, что скоро придет на помощь пехота Кутепова. С нами на фронте был неразлучно помощник начальника училища, блестящий боевой Генерального штаба генерал Попов[330]. В моей сотне в строю оставался из офицерского состава один штабс-капитан Пименов. Остальные были переранены. Выбыл также из строя, за ранениями, ряд юнкеров.

2 августа (15-го по н. ст.) юнкера узнали, что пехота Слащева пойдет в наступление. Часам к трем дня огонь красных стал усиливаться.

С окраины хуторка мы наблюдали за происходящим. Разрывы снарядов постепенно заволокли степь однообразной бело-бурой полосой. Кое-где среди нее взметывались к небу высокие черные столбы тяжелых снарядов. Даль наполнилась гудением, звуками разрывов. Земля ровно и глухо дрожала. Рядом крикнули:

— Пошли... Наша пехота идет в атаку!

На горизонте сразу обозначились маленькие темные фигурки. Они исчезали в дыму разрывов, скрывались и медленно удалялись от нас. Через некоторое время они скрылись за горизонтом. Артиллерийский огонь большевиков отодвинулся тоже. Проходили томительные минуты. Мы ждали утешительных вестей с линии боя. Вдруг завеса артиллерийского огня снова стала вырастать над горизонтом. В небе появился вражеский аэроплан. Бой откатился на линию ближнего горизонта. Огонь то замедлялся, то вспыхивал с необычайным ожесточением. Цепи слащевской пехоты заметно мялись на месте. Позже степь грозно загудела и задрожала. Слащевская пехота, покрытая пеленой разрывов, отходила назад.

На хуторке началось движение. Полевой госпиталь оживился. Оттуда вытягивались уже к шляху подводы с ранеными. Над отходившими цепями то здесь, то там разрывалась пристрелочная шрапнель в два облачка — бело-зеленое или бело-красное. И сразу после этого нарастал огонь красных батарей. Бой медленно приближался к хуторку. Уже отчетливо доносились звук пулеметов и беглая ружейная стрельба. Потом в поле показались крупные точки наших отступавших батарей. Вся линия фронта перед нами шла назад. Быстро пробежал приказ:

— Тревога... Юнкера в ружье!

В номерном порядке сотен — Атаманское военное училище, за ним Донское, стали выходить из хуторка навстречу отступающим. В поле первая сотня юнкеров-атаманцев рассыпалась в цепь. Двести шагов спустя наша сотня сделала то же перестроение. Подравниваясь, с винтовкой на ремень, пошли более свободно вперед. На высокой скирде справа мы узнали генерал-лейтенанта Попова. Он опустил бинокль и взял под козырек проходившему в бой училищу. Стали попадаться раненые. Одних несли, другие отходили сами. Большевики вскоре заметили нас — по цепям начался обстрел дальнобойной артиллерии. Воздух наполнился свистом и жужжанием пуль.

Мы встретились с конной батареей. Ее командир крикнул издали:

— Какая часть?

Ему ответили:

— Атаманское военное училище.

Командир остановил отступавшую батарею. Он стоял с нею и, высоко подняв руку, осенял широким крестом проходившие цепи юнкеров. Немного погодя, обернувшись, я увидел, что батарея поворачивает обратно. Она пошла тоже вперед за юнкерами.

Вскоре огонь накрыл нас по всему фронту. Наконец мы дошли до частей Слащевской дивизии и стали пропускать их через себя. Какие это были герои! Они шли шагах в пятидесяти друг от друга, останавливались, целились, выпускали обойму, потом на ходу перезаряжали винтовки и шли медленно дальше. Они нам сказали, что впереди никого из наших частей больше нет. Есть прорыв, не меньше версты по фронту, большевики наседают, стреляют очень сосредоточенно и метко. Впереди открылся пологий спуск. Наши цепи, не стреляя, сближались с красными. Стали выбывать из строя раненые юнкера. Огонь противника сосредоточился на наших цепях. Земля и воздух были насыщены потоком льющейся и разрывающейся стали. Пыль от пуль пулеметов пробегала под ногами трепещущей лентой.

Головную, первую сотню вел войсковой старшина Кочетов[331]. Продвинувшись вперед до последней меры возможности, он положил своих юнкеров. За первой сотней залегли и наши. Затем, перебежками по звеньям, начали приближаться к красным. Кочетов не ложился и рассматривал красных в бинокль. Наша сотня затягивала прорыв вправо и выходила на линию первой сотни. Мой взвод очутился в стыке с правым флангом первой сотни, куда перешел Кочетов.

В это время через наши головы загудели первые снаряды батарей, открывших огонь по красным. Юнкера, по команде, открыли беглый огонь по противнику. Быстро входили в действие наши пулеметы. Какой-то аэроплан пролетал низко над цепями. Бой дошел до высшей степени напряжения. Мне крикнули из взвода:

— Господин портупей-юнкер, патроны кончаются!

— Кто за патронами от нашего взвода? — спросил я.

Мне назвали фамилию юнкера. Оказалось, что он, выбившись из сил, отстал где-то позади. Кто-то сказал, что заметил его с патронными ящиками в одной из воронок от снаряда. Делать было нечего. Несмотря на убийственно сильный огонь, пришлось разыскивать самому этого нерадивого юнкера. Передав командование взводом моему заместителю, я начал шарить по всему полю и шагах в ста позади нашел юнкера с патронами. Крепко обругав его, я поднес с ним ящики с патронами в цепь.

Подходил критический момент боя. Из сотни Кочетова и из нашей несколько юнкеров бросились вперед с криком «Ура!». Кочетов их остановил и вернул в цепь. Потом он подозвал меня. Не опуская бинокля от глаз, Кочетов приказал мне:

— Передать по цепи: взводным портупей-юнкерам принять командование своими взводами... По отступающему противнику... стрельба повзводно... залпами... с колена...

Я поднял свой взвод и поставил на колено. Сам стал на фланге, слушая Кочетова.

— Прицел шесть! — бросил Кочетов.

Я передал прицел и, не дожидаясь дальнейшего, скомандовал своим юнкерам:

— Взвод... пли! Взвод... пли!

Взвод полыхнул огнем. Следующие взводы тоже начали залпами расстреливать отходящих красных. Слева гремели залпы всей первой сотни.

— Переменить прицел, — скомандовал Кочетов, — прицел восемь.

И снова я поднимал фуражку и опускал ее:

— Взвод... пли! Взвод... пли!

В пологой лощине, лежавшей перед нами, показались бегущие назад фигурки красных. К ним подскакивали всадники, размахивая чем-то в воздухе.

— Это их комиссары загоняют обратно, — сказал мой сосед-юнкер.

Несколько пулеметов прикрывали бегство большевиков. Один из них был особенно неприятен. Каждый раз, когда его веер подходил к нам, пули ложились необыкновенно точно. Мы стреляли уже в одиночку, выбирая каждый себе свою мишень. Огонь со стороны красных, кроме пулеметов, быстро затихал. Солнце склонялось низко. Начинался закат.

К цепи юнкеров подскакала карьером тачанка. В ней сидел ставший нашим общим любимцем поручик слащевской пехоты. С ним был тот же верный солдат и на заднем сиденье тачанки — пушка Гочкиса. Он быстро окинул взором равнину и спросил:

— Перед вами есть пулемет? Покажите мне его точно.

Ему стали объяснять, где находится пулемет красных.

Поручик долго разглядывал местность через большие очки и наконец заметил пулемет. Солдат повернул лошадей. Офицер приложился к пушке и стал наводить, потом дернул за спуск. Пушка рявкнула. Несколько мгновений спустя на месте тачанки красных появилось облачко. Когда оно разошлось, силуэт тачанки осел. Одна из лошадей билась на земле и потом, выпутавшись из постромок, понесла в сторону по полю.

— Попал? — улыбнулся поручик.

— Ура!.. — закричали ему в ответ юнкера.

— Надо искать теперь другой, — сказал он и, сев в повозку, понесся вскачь дальше по фронту, сбивать следующий пулемет.

Бой стихал. Над степью, в розовых лучах заката, медленно расплываясь широким пологом, оседала пыль. Впереди слышались крики бро-

шенных большевиками раненых. Кое-кого из них юнкера подобрали и отправили в тыл. Мы отошли немного назад и выставили сторожевое охранение. Поздно ночью нас сняли с фронта.

В хуторке произвели перекличку. Многих не хватало.

— Спасибо, юнкера, за образцовое учение! — бросил юнкерам войсковой старшина Кочетов и, получив в ответ бодрое «Рады стараться!», распустил строй на отдых.

В нашей сотне был тяжело ранен в живот капитан Жуковский, легко — войсковой старшина Страхов[332] и еще один поручик. Помимо раненых в первый день пулеметчиков, выбыли из строя и другие юнкера, среди них юнкер Скрынник[333], тяжело раненный пулей в лоб, вахмистр сотни и другие. В первой сотне оказался раненным в грудь навылет войсковой старшина Сохранов[334], в ногу — есаул Колышкин[335], в голову пулей навылет — юнкер Ашуркин[336]. Был тяжело искалечен юнкер Никольский[337], более легко — Михайлов[338], Номикосов[339]. Общий список раненых был довольно длинный.

На следующий день, ввиду достаточно тяжелых потерь, понесенных училищем в боях под Каховкой, юнкера, по распоряжению Главнокомандующего, были сняты с фронта совсем. Мы отходили в Армянск походным порядком. Вдоль дороги еще виднелись следы недавних боев — неубранные, распухшие трупы красных, разбитые снарядами повозки, убитые лошади. Подходя к Армянску, наша сотня остановилась и выстроила фронт вдоль дороги, пропуская обоз с ранеными.

— Слушай, на-краул! — скомандовал штабс-капитан Пименов.

В последней, медленно идущей повозке лежал без сознания юнкер Скрынник. Рядом с ним был капитан Жуковский. Услышав команду, Жуковский поднял голову, встречаясь глазами со строем. На лице его светилась тихая улыбка... В ту же ночь он скончался в Армянске.

В Бахчисарае, где вторая сотня была оставлена при штабе училища, мы узнали, что наша атака, закрывшая прорыв под Каховкой в самый безнадежный момент, была высоко отмечена Главным командованием. От генерала Врангеля была получена поздравительная телеграмма. Начальнику обоих училищ было предложено представить к наградам наиболее достойных юнкеров. Я был особенно рад — меня представляли одновременно к двум Георгиевским крестам. Увы, этой маленькой радости не было суждено осуществиться: генерал Максимов ответил Главному командованию, что у него нет более или менее достойных юнкеров. Училище получило общую и высшую Георгиевскую награду. Отдельно были награждены только несколько человек, главным образом очень тяжело раненные юнкера.

Раздел 3

М. Данилевич[340]

ОРЕНБУРГСКИЙ НЕПЛЮЕВСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС[341]

Февральскую революцию корпус принял спокойно и с любопытством. Все были уверены в воцарении Михаила Александровича. После отречения Государя Императора — тревога.

Летом корпус был переименован в гимназию Военного ведомства.

Роты превратились в возрасты. Строевые занятия отменены. Была полнейшая свобода и полнейшее отсутствие дисциплины. Форму не тронули. Вместо офицеров воспитателями назначили преподавателей. Знамя сдано в Военное министерство.

В Корниловские дни кадеты выступили, после чего отобрали берданки, которые были под замком в подвале. Октябрьская революция вначале Оренбург не затронула. Казачье правительство атамана Дутова разоружило и демобилизовало запасные части и до половины декабря соблюдало «нейтралитет». Поезда проходили из красной Самары в красный Ташкент через белый Оренбург. Однако в декабре началось наступление красных со стороны Бузулука. Казачья мобилизация проваливается, и фронт держится добровольцами и училищами. 1-я рота корпуса вооружается казачьим училищем и поступает в распоряжение атамана Дутова, под командой вице-фельдфебеля Юзбашева. Первое наступление красных было отбито, и кадеты вернулись в корпус. 2 января был блестящий бал в день корпусного праздника. Через несколько дней началось новое наступление красных. Кадеты опять выступили. Под Сыртом первые жертвы: убит 7-го класса кадет Михаил Кулагин и ранен Пискунов. На Ташкентском фронте группой кадет командует из 7-го класса Красноусов[342].

15 января выступила вся рота, около 60 человек, так как часть разъехалась на Рождество, а другие находились у Илецкой заставы, под

командой неплюевца, выпуска 1917 года, прапорщика Хрусталева, сына преподавателя истории, и юнкера Николаевского кавалерийского училища Миллера.

16 января бой у станции Каргала. В роте убит офицер-пулеметчик, ранены юнкер Миллер и кадет Доможиров (5-го класса). Наступление отбито не было, и Оренбург сдается. Часть кадет с юнкерами и офицерами уходит на Уральск. Человек 30 кадет строем, позади три повозки с вещами, под барабан прошли в последний раз по Николаевской мимо собора, свернули на Гостинодворскую и через станицу вышли на Орский тракт. Большинство присоединилось по дороге потом, на длинном пути до Иркутска.

2-я и 3-я роты остались целиком в корпусе. С генерала Пузанова сорвали погоны и кулаками выбили глаз.

Корпус переименовывается в 1-ю Оренбургскую трудовую школу, и директором ее назначается преподаватель французского языка Арман Петрович Гра.

При занятии Оренбурга белыми корпус был снова открыт, а затем в конце 1919 года вместе со 2-м корпусом эвакуирован в Иркутск. В Иркутске исполнял должность директора корпуса полковник Азарьев.

В декабре был произведен ускоренный выпуск кадет 7-го класса в училища. 2 января, в день корпусного праздника, отслужили молебен, но ни парада, ни бала уже не было.

В городе уже начались волнения войсковых частей, перешедших на сторону красных и занявших 2-й Оренбургский кадетский корпус, расположенный недалеко от Знаменской церкви.

В начале января человек 30 кадет-добровольцев вооружились кавалерийскими винтовками и вместе с псковичами приняли участие в охране города.

В январе Иркутск был занят эсерами. В корпусе отобрали оружие и приказали спороть погоны.

17 января чехи выдали адмирала Колчака красным. Город перешел во власть советов. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус прервал свое существование и переименован в 29-ю Иркутскую трудовую школу. Началось распыление кадет в одиночном порядке. Часть решила возвращаться в Оренбург, часть пробираться на восток к атаману Семенову[343], в Читу и дальше в Приморье. Комендант Японской императорской миссии капитан Хирото в своем поезде, следующем на восток, помог нескольким нашим неплюевцам добраться до Читы. После захвата всей Сибири большевиками многие неплюевцы перекочевали в Шанхай, Японию, Австралию.

В 1921 году здание корпуса в Оренбурге сгорело. Много неплюевцев, бывших в европейской России, потянулось на Юг в Добровольческую армию и вместе с ней, после крушения белой борьбы, в Галлиполи, Лемнос, Константинополь, Болгарию, Сербию и дальше на запад.

По имеющимся сведениям, главная масса неплюевцев сосредоточена во Франции, главным образом в Париже, приблизительно до 12 человек, в Германии — 2, в Англии — 1, в Северной Америке — 6—7, в Италии — 1, в Австралии — 3.

В Париже, в церкви Знамения Божьей Матери, у кадетской лампады Общекадетского объединения периодически возносятся молитвы за души усопших за рубежом кадет-неплюевцев: Александра[344], Ивана[345] и Василия[346] Киреев, Якова Рещикова[347], Бориса Хорошхина[348], Владимира Копылова, Михаила Урванцева, Дмитрия Митрясова, Владимира Сахарова и всех неплюевцев, за рубежом скончавшихся.

А. Еленевский[349]

КОНЕЦ ОРЕНБУРГСКОГО НЕПЛЮЕВСКОГО КОРПУСА В 1920 ГОДУ[350]

21 декабря 1919 года нас распустили на праздники, и мы, расставив по обычаю парты по стенкам класса, приготовились коротать время до начала занятий: разъезжаться было некуда, а в Иркутске мало у кого были знакомые и родные — город для нас, оренбуржцев, был незнакомый.

Мой сосед по койке, хорошенький Володька Поляков, сразу же исчез в отпуск, а вернувшись, укладываясь спать, рассказал, что Черемхово занято взбунтовавшимися рабочими.

25 декабря, после обедни, был молебен, — выпуск 7-го класса был ускоренный, в 1-й роте на дверях спальни 7-го класса появилась надпись «Юнкера», и большинство выпускных переоделись в синие галифе и сапоги, пошли разговоры, кто куда: кто в гардемарины во Владивосток, большинство же собиралось в Оренбургское военное училище, в Иркутское никто не думал идти: оно ничем не было связано с нами.

К вечеру стало известно о восстании в Глазкове и в Военном городке стоявших там частей сибирской дивизии, бывшей под командой генерала Потапова[351] (чья фамилия впоследствии, в 1927 году, упоминалась в деле Треста): 56-го стрелкового полка и других частей. Для

Иркутска это было безопасно: мост через Ангару был сорван торосами, два же других полка этой дивизии, стоявшие в городе, держали нейтралитет, и поэтому в самом городе пока было тихо.

Тишина продолжалась до 27 декабря, когда вечером стрельба затрещала по городу: взбунтовался и перешел на сторону красных отряд особого назначения под командой управляющего Иркутской губернией Яковлева. Их выбили из города, но они задержались в Знаменке — предместье Иркутска.

В руки красных попал 2-й Оренбургский кадетский корпус, расположенный в двухэтажном кирпичном доме, недалеко от Знаменской церкви.

Начавшиеся военные действия нас как будто бы и не касались: по расписанию звенела труба, сигналы, мы строились на утреннюю и вечернюю молитвы, на чай, обед и ужин; по расписанию выходили от 2 до 4 на прогулку во двор. Во дворе было оживленно — все ходили, бегали, возились, — надо же было согреться на морозе, но самым любимым занятием было, выйдя на набережную, смотреть на Ангару. Правда, она не была той красавицей, которой я любовался по утрам в начале ноября: белая, широкая долина Иркута, синяя кайма леса над ближними сопками, розовый свет утренней зари и темно-синяя ширь Ангары, по которой гордо и величаво, быстро неслись белоснежные, точно сахарные, льдины из Байкала. Шагах в ста ниже корпуса была пристань парома, ходившего на длинном канате от берега к берегу. Было занятно смотреть: под носом парома вскипал белый бурун, а от него самого, черного и грязного, будто брезгливо сторонились чистые, холодные льдины.

Теперь по Ангаре, шурша и потрескивая, густо шло «сало» — серые льдины кашей заполняли всю реку, — и это имело свою положительную сторону: теперь город не окутывался на версту от берега непроницаемым, серым, густым, страшным туманом.

На следующий день после начала восстания, когда мы загипнотизированно смотрели на это страшное, быстро идущее ледяное месиво, прискакали два всадника — прапорщик и юнкер, вооруженные японскими винтовками.

— Кадеты, — задыхаясь от скачки, крикнул нам прапорщик, — кто переехал на пароме и пошел в город? Два человека... мы из контрразведки...

Мы ответили, что не видали, — только что вышли на прогулку, а паром уже с неделю не ходит из-за «сала». Он недоверчиво выслушал — видно, не поверил — и, бросив угрожающе «Смотрите, кадеты», тронул коня и завернул с набережной на Ланинскую улицу.

Потом, уже когда шли бои, мимо нас проходил по набережной патруль Иркутского училища. Юнкера проходили молча, неся с собой патроны в коробках с удобными саквояжными ручками.

28 декабря огонь усилился, и по корпусу стали стрелять со Знаменки. Пули щелкали по наружной стене, влетали через окна и обивали штукатурку с внутренних стен. Поэтому нашу роту убрали из 1-го и 2-го отделения 5-го класса и из спален 4-го и 5-го классов и перевели в нижний коридор, куда выходили классы 1-й и 3-й роты, и в спальни 1-й и 3-й роты, находившихся в поперечном крыле здания (здание было в виде буквы «Т»). В чужих классах и спальнях было, однако, и неудобно, и неуютно, поэтому часть нашего 2-го отделения потихоньку пробралась обратно в класс, накинула на себя шинели и, рассевшись по партам вдоль наружной стены, занялась чтением: впрочем, высидели не долго — только до обеда: в классе было холодно. Ночью мы спали в своей спальне: там тоже было холодно, в пробитые стекла тянул стылый ветер, по наружной стене цокали пули и порой на спящих у внутренней стены валилась сбитая ими штукатурка. Укрывшись потеплее, я сладко спал и только порой, проснувшись, слышал в дремоте, как на Ушаковке идет стрельба, как гудит пурга и как звенит снег о стекла окон.

На ночь в корпус стал присылаться караул — военный министр генерал Ханжин[352] заботился о своих однокашниках-неплюевцах. В карауле было человек 15 офицеров, они сидели в левом крыле нижнего коридора за длинным столом, принесенным из столовой, пили чай и закусывали белым хлебом, которого приносили им большую бельевую корзину.

2 января был корпусной праздник. День был мглистый, вьюжистый; стрельба на Ушаковке притихла — только изредка улавливало ухо срывающуюся очередь пулемета, да редко то тут, то там хлопали ружейные выстрелы. В церкви, она была на нашем этаже, служить было безопасно: от Ушаковки ее закрывали колокольня и сама Богоявленская церковь.

Строй выглядел нарядно: все были одеты в новые лохматые синие рубахи, в новые брюки (правда, из скверного материала), но это не был привычный строй в черных мундирах со сверкающими пуговицами, и было только одно общее: светло-синий неплюевский погон. Мысль невольно возвращалась к прошлому — в прошлом году мы справляли праздник у себя, а через три дня, 5 января, человек тридцать кадет, строем, позади три подводы с вещами, под барабан прошли в последний раз по Николаевской, мимо собора, свернули на Гостинодворскую и через станицу вышли на Орский тракт. Большинство присоединилось по дороге, потом на длинном пути до Иркутска.

После обедни нас поздравили с праздником, напомнили, что скоро столетие корпуса, передали поздравления от других корпусов, от Оренбургского военного училища — никаких торжеств не было, не было даже парада во дворе, и только на обед было выдано третье блюдо — желтый кисель из сибирской облепихи.

После обеда в корпус пришли трое псковичей.

Псковичей можно было сразу узнать и отличить от нас, иркутян и «двадцатикопеечников» (прозвище 2-го Оренбургского кадетского корпуса), не только по погонам, но и по шапкам: они почему-то носили черные шапки-ушанки, а не папахи. Меня поразило не то, что они были вооружены винтовками, а то, что шли они как-то крадучись — остерегаясь встречи с «зверями». Как только они вошли в спальню 7-го класса, двери были заперты и завешаны одеялами, и сразу же поднялся сильный крик. К сбежавшейся на шум 3-й роте вышел фельдфебель и приказал никому близко не болтаться. Через четверть часа пришли трое воспитателей 1-й роты, потрогали ручку запертых дверей, о чем-то поговорили между собой минут десять, а затем ушли.

Перед ужином, когда псковичи ушли восвояси, стало известно, в чем было дело: приходил их генерал выпуска и требовал помощи.

— Мы и иркутяне, — сказал он, — уже пятый день на линии фронта. Нам, псковичам, тяжело — у нас в первой роте человек пятьдесят, не больше, помогает, чем может, даже третья рота. Дайте помощь.

7-й класс решил послать добровольцев от первой и второй роты: ведь и к нам мог прийти каждую минуту приказ о выходе на фронт, а никого не будет.

Добровольцев набралось 31 человек: вице-фельдфебель и четыре вице из 7-го класса, четыре кадета из 5-го класса, один из 4-го, остальные из 6-го. Как спали мы рядом — Поляков, Деев, Наумов и я, так и пошли все вместе.

Первоначальное решение идти после ужина и с винтовками пришлось переменить: директор узнал откуда-то о решении и начал принимать свои меры: у ружейной пирамиды и ящиков с патронами стал воспитатель 6-го класса, поручик Посавер, и сказал, что застрелит каждого, кто только попытается взять винтовку. Поэтому было приказано выходить сразу же, одеваясь на ходу, мы пробегали мимо ружейной пирамиды, по черному ходу выскакивали на двор, затем, через незапертую маленькую калитку в задних воротах, оставленную открытой для персонала, выбегали на набережную, а с набережной за угол — на Ланинскую, и, построившись, пошли быстро, чуть не бегом.

Объяснение поведения воспитателей можно искать в событиях 23 марта 1918 года, когда казаки станицы Красногорской, под коман-

дой войскового старшины Лукина[353], сделали набег на Оренбург и чуть было его не захватили, то 15 кадет 2-го Оренбургского корпуса приняли участие в бою против красных. За это, выбив казаков из города, красные на другой день расстреляли 7 воспитателей этого корпуса.

Через полчаса быстрого хода мы вышли на площадь к казармам Иркутского казачьего дивизиона, рядом в морозной ночной мгле белела церковь, и за ней здание Иркутской духовной семинарии, в которой был расположен Псковский корпус.

Короткие переговоры — и нас завели в деревянную казарму, затем мы из казармы пошли в огромный деревянный цейхгауз, — меня поразило там бесконечное количество трехъярусных ружейных пирамид с кавалерийскими винтовками.

Сразу же началась боевая служба — нас разбили на три смены и нарядили на службу. Первое мое назначение было идти на поверку постов на расположенном рядом Большом базаре. Посты поверял сотник — адъютант иркутского атамана. Мы ходили в морозной тишине от поста к посту, гулко скрипели шаги по снегу, и было жутко, проверив часового, возвращаться обратно: на постах стояли егеря из двух оставшихся рот егерского батальона, две другие 28 декабря пытались перейти к красным, и на Ушаковке часто чернели на белом, сверкающем под луной снегу их трупы, — потом выяснилось их число — 170.

По смене мы очутились в довольно прохладной казарме; на койках, к моему удивлению, спало довольно много казаков, спокойно раздевшись, как будто бы не было фронта и боев. На столах была приготовлена для нас еда: ведра со щами, кипятком, куча буханок черного хлеба и в патронной цинке сахар. Щи никого не привлекли, но на чай, раздобыв несколько кружек, мы насели основательно; сахар был немереный — его насыпали полкружки и, долив водой и согрев этот сироп на печке, пили с наслаждением. За чаем псковичи рассказывали о боях за Казанскую крепость в ноябре 1917 года, которую они защищали вместе с юнкерами, о боях за Казань в августе 1918 года. Так прошло время до смены.

Во второй раз мне пришлось идти в конюшни, за садом дивизиона, в них укрывалась сторожевая застава крайнего фланга нашей позиции. Прямо перед конюшней было бугроватое поле, занесенное снегом, затем Ушаковка, а за ней, шагах в двухстах, чернела роща, носившая название «архиерейской дачи».

За два часа все сильно замерзли, и, когда на 3-й смене стало светать, все с удовольствием отправились в казарму.

Ночь прошла тихо — только изредка где-либо срывалась короткая пулеметная очередь да щелкали два-три ружейных выстрела. Пе-

ред нашим приходом огонь был сильный, и в саду дивизиона был убит иркутянин 6-го класса Евгений Кончаловский.

Часам к 9, к нашему крайнему удовольствию, пришел приказ открыть огонь по Знаменке. Все, кроме уснувших из 2-й смены, отправились стрелять по роще, по колокольне Знаменской церкви, откуда то и дело трещал курсный пулемет, по домам предместья. Цели не было — никого не видно, — и скоро стрельба прискучила, теперь ее пришлось вести уже по наряду. Если ружейным огнем красные и не отвечали, то с колокольни по забору очень хорошо резанули из пулемета по нас: щепки от заборных столбов осыпались прямо на голову.

К часу нас пришли сменять семеновцы. Мы с Васькой тотчас же полетели смотреть на них, овеянных легендою и славой. Солдаты были рослые, в папахах и полушубках, с громадными, как показалось, винтовками со штыками. Мы с нашими кавалерийскими винтовками без штыков казались малютками перед ними. Долго глазеть не пришлось: нам приказали поставить винтовки в пирамиду и идти к штабу, в гостиницу «Модерн».

Только что мы построили перед штабом фронт, как к нам быстро выбежал на крыльцо генерал в защитных погонах, френче, без шинели и шапки, с черными пучками подбритых под носом усов, — Сычев[354]. Он коротко поблагодарил нас за службу и приказал идти в корпус, домой.

Дома нас встречали сухо. «Навоевались, герои, аники-воины. Ну, смотрите, — сказал нам наш воспитатель, полковник Александров, — идите раздеваться».

На следующий день стрельба стихла — было заключено перемирие на 24 часа. Мы замазали пулевые дыры в стеклах жеваным хлебом, чтобы не дуло, и начали вспоминать свое приключение и строить планы о дальнейшей эвакуации, по Амуру на пароходах, как нам хотелось. Ночью с 4-го на 5-е вдруг поднялась сильная стрельба, бухнуло даже несколько орудийных выстрелов, затем все смолкло. Мы решили, что красных выбили из города, и уснули спокойно.

Утром проснулись уже в красном Иркутске. Когда пришли воспитатели, мы выслушали эту ошеломляющую весть и спросили: «А почему нас бросили?» Полковник Вишневецкий разгладил свою скобелевскую бороду и ответил:

— Времени мало было, на эвакуацию дали только 6 часов, а у нас одной крупчатки более четырехсот пудов, да имущество, да вещи...

Сколько было правды в его словах, теперь сказать трудно. Сычев бросил не только 2 военных училища, не только 3 кадетских корпуса, но и 900 пудов золота в подвалах Иркутского госбанка, как это выяснилось впоследствии.

События пошли быстро: 6-го приехали красные, еще эсеры, и им сдали оружие 1-й роты; затем воспитатели и 1-я рота учинили повальный обыск в нашей и 3-й роте, нет ли у кого-нибудь оружия. Перед тем днем, когда приказали снять погоны 10-го, в сумерках, когда мы собирались уже уходить со двора, вдруг с Ланинской на набережную, визжа полозьями по снегу, какие-то кадеты вытащили бочку на санях. Сани тащили иркутяне — мы сгрудились к ним. Дотащив сани до ворот, они, их было человек семь, стали. Двое, по виду семиклассники, коротко бросили остальным: «Ждите здесь», пошли вместе с одним вице в первую роту. Иркутяне, в серых шинелях, молча стояли около бочки. Понемногу завязался разговор. Я подошел к одному из них, постоял немного и, когда смолк разговор, спросил его:

— Ну а теперь что?

Он оглядел меня, потом всех других и как-то нехотя сухо ответил:

— Теперь всяк по себе.

Через полчаса входившие в 1-ю роту иркутяне вышли вместе с нашим генералом выпуска, высоким оренбургским татарином Еникеевым. Они попрощались и, взявшись за веревки, потянули бочку, на ходу один сказал:

— Здесь за углом колонка, там нальем с полбочки.

Из-за бочки кто-то возразил:

— Да на черта она нам?

Тогда высокие, тянувшие бочку, цыкнули:

— Молчи, баран, а если красные полюбопытствуют, что везем от реки пустую бочку, тогда что сказать?

На следующий день утром приказали снять и спороть погоны; я замешкался с выполнением приказа. И после обеда, вместе с Васей Деевым, пошел на прогулку. Гуляя, мы вышли на задний двор и наткнулись на кучку семиклассников, во главе которых шел генерал выпуска; увидев нас, он остановился и закричал:

— Эй, ты! Как тебя! Еленевский, что ли? Поди сюда!

Мы подошли и стали смирно, на душе стало неприятно: разговор с генералом выпуска всегда скверная вещь — может приказать и выдрать за провинности.

— Ты что всех опять подводишь? — заорал он. — Почему погоны до сих не спорол? Ты думаешь опять пакости делать и не отвечать? Не бойсь, как только спросят, кто был на фронте, — тебя нам не жалко, так первого же выдадим, да и тебя, Деев, тоже! Марш сейчас же в роту спарывать погоны!

Мы переглянулись с Васей и пошли в роту. Деев, длинный, худой, с экземой на лице, задумался. Пронырливый Володя Поляков все время исчезал в город и однажды, укладываясь спать, сказал:

— Ну, ребята, до свидания, — еду на восток к отцу, в Японской миссии там берут.

Коренастый, смуглый Наумов, всегда одиноко и молчаливо глулявший по коридору, пробурчал будто бы нехотя:

— А я домой, в Оренбург, тут, верно, делать нечего...

На другой день Поляков попросил помочь вынести его вещи на двор и исчез. Наумов тоже исчез тихо и незаметно: только на другой день кто-то сказал, что видел его идущего на станцию с вещами.

Вася Деев ходил все время мрачный и ругал меня за всякие провинности. 17 января было полно событий. Солдаты устроили манифестацию и ходили с плакатами «Вся власть Советам». Чехи выдали адмирала Колчака красным, а после обеда Вася коротко бросил мне:

— Бежим, Шурка, к атаману Семенову!

— Ладно, — соглашался я, — а как проедем только?

— С Японской миссией, там берут, одевайся быстрее, да идем скорее.

Мы оделись и пошли искать ее, она перебралась в поезд. Мы поспешили туда, — короткий, зимний день кончался.

Дорога на станцию шла через Ангару, — моста понтонного не было, а по льду были проложены доски, уже полузанесенные снегом, скользкие и без ограды. В трех или четырех местах были полыньи; в них черная вода кипела и злобно бурлила, вверх сизыми столбами поднимался пар в морозную стыль. Я со страхом смотрел на них и облегченно вздохнул, только войдя на берег.

Миссию нашли быстро. Ее комендант, капитан Хирото, оглядел нас через очки, спросил, кто мы, что надо, почему хотим ехать, и тушью, кисточкой, на прозрачной бумаге написал пропуск в вагон-кубогрейку. Радостно поблагодарив его, мы отправились искать свое место.

Было совсем темно, когда мы подошли к вагону и забарабанили в дверь кулаками. Негромкий разговор внутри вагона смолк, и чей-то напряженный голос спросил из-за двери: «Что надо?»

Услыхав в ответ, что у нас пропуск на этот вагон от капитана Хирото, чуть откатили дверь и недовольно пробурчали: «Давай сюда», мы поколебались с минуту, но потом дали, почти сразу же дверь откатилась пошире и нам сказали: «Влезай».

В темном вагоне мы объяснились с будущими спутниками, затем выскочили наружу и пошли за вещами.

В роте за это время произошла перемена: деревянные переборки, отделявшие спальню 4-го класса от наших классов, были сняты и теперь тут был общий дортуар для нашей 2-й роты. Мы с трудом разыскали свои кровати и торопливо начали укладку своих вещей. Денег не

было, идти к пленным австрийцам, работавшим в корпусе, и давать что-либо на загонку было поздно, да и небезопасно. Выручил одноклассник Крипаков, купивший два моих одеяла за 400 рублей. Вася Деев кончил укладку, выпрямился и сказал:

— Ну, ребята, кто хочет с нами? Айда сейчас же только — сразу идем.

На нас угрюмо покосились, и из кучки классных заправил, сидевших вместе, — мордатый Шмотин, белокурый Зайцев, хорошенький Корин, веснушчатый Иванов, длинный и бледный Феоктистов, — кто-то скупо и презрительно процедил сквозь зубы:

— Вы авантюристы, вам родного корпуса не жаль.

Худенький, смуглый и вертлявый симбирец Янченко, прослуживший год в 4-й Волжской батарее, встал с своей кровати, подошел к нам и сказал примирительно:

— Армия без начальства не будет, не офицерами будем, так командирами, дело не в названии.

— Раз так, прощайте, братцы.

Мы подхватили свои вещи, вышли в коридор и на лестнице разделились; я, с вещами, торопливо выскочил на набережную и, отбежав квартал, остановился за углом первой улицы и стал ждать. Деев пошел прощаться с командиром роты полковником Азарьевым — врид директора корпуса, — боялись, как бы он не задержал нас. Гулко билось сердце, начинали коченеть ноги.

Ангара, ставшая на Крещенье, дыбилась диким хаосом безобразных торосов. В морозной мгле вправо чуть мерцали огоньки Иннокентьевки, влево над станцией стояло зарево электрических фонарей, и перекликались гудки паровозов. Потерев застывающие руки, вдруг услыхал скрип снега под ногами торопливо бегущего человека; из-за угла выскочил Вася и, схватив свой сундучок, зашагал немного спокойнее.

— Хотел задержать, лысый черт, — задыхаясь дымными клубами пара, выбрасывал на ходу Деев. — «Куда? Зачем? Нельзя, надо разрешение, пропуск». А я: «Счастливо оставаться, господин полковник», — да в дверь, да по лестнице, да на двор; что-то мне кричали вслед, кто-то бежал за мной, а я ходу, ходу, да и удрал.

На станции нас ждала новая беда: поезда на старом месте, на 5-м пути, не было. Мы в ужасе заметались — спросить было некого, да и нельзя. С гулом маневрировали поезда, пронзительными гудками перекликались паровозы и бесконечными заборами стояли какие-то пустые вагоны. Вдруг откуда-то из-за стрелки, скрипя мерзлыми осями, на нас поползли товарные вагоны. Мы вгляделись в них и об-

легченно вздохнули, а на душе стало радостно: на дверях каждого белел флаг с красным солнцем посредине. Одиннадцатый была кубогрейка.

Мы постучали в дверь, ее чуть откинули, и кто-то сказал в темноту вагона, чуть освещенную красноватыми бликами от печки: «Наши кадеты», — а нам, откатывая дверь шире: «Давайте вещи, вовремя пришли, через полчаса уезжаем».

Минуту спустя мы сидели на своих сундучках посредине вагона. Кто-то зажег свечку, и мы разглядывали своих спутников: присяжного поверенного В.С. Иванова, Генштаба подполковника князя Крапоткина, Генштаба капитана А.А. Маркевича, двух неизвестных поручиков, такого же безымянного прапорщика, двух юнкеров Оренбургского училища, ухитрившихся удрать из-под красной охраны; к ним прибавились еще двое безызвестных кадет: Вася и Шура. Нары маленькие, и на них приходилось спать посменно, однако нас пустили сразу наверх и не будили до утра.

***

Проснулись мы поздно. Поезд стоял на Слюдянке. На дворе было солнечно, ясно, и нестерпимо тянуло на воздух из душного, стылого и грязного вагона. Собрав от всех поручения и получив деньги на покупку снеди, мы весело соскочили на чистый перрон, покрытый свежим белым снежком, и чуть не вприпрыжку побежали к станционной лавке. Вдоль поезда уже образовалась целая брехаловка: все русские, ехавшие в поезде, а их было более двухсот, устроили прогулку, утреннее гулянье. Когда мы, сделав все покупки, пошли обратно, то влились в этот поток и, радостно вдыхая чистый холодный воздух, шли, наслаждаясь солнцем, воздухом и своей молодой жизнью. Уже недалеко был вагон коменданта миссии, как из дверей вокзала вышли двое — один в русской серой шинели, другой в английской, зеленой. На груди у них краснели красные тряпки, связанные бантами. Они прорезали поток гуляющих и вызвали коменданта миссии наружу. Я поравнялся с ними и должен был принять чуть вправо, чтобы не зацепить их локтем. Капитан Хирото вышел в своей желтой шинели, в фуражке с красным околышем и прямым козырьком. Он спросил их голосом, в котором слышался твердый, жесткий иностранный акцент:

— Кто вы? Что надо?

Человек в серой шинели махнул рукой на английскую шинель:

— Он комендант поселка, я комендант станции; сейчас время тревожное, а у вас, — он повел рукой в сторону гуляющих, — едет много

всякого народа, мы хотим, как и на всех других поездах, проверить документы и задержать подозрительных...

Мы с Васей замедлили шаги; ноги как-то странно отяжелели, мне ясно вырисовалась вчерашняя черная, клокочущая ангарская прорубь. Капитан Хирото поднял голову; зайчики от стекол его очков прыгнули по синей стенке вагона и погасли, а он твердо отчеканил:

— Это не большевики и не эсеры, значит, люди не плохие, не опасные, а хорошие. Хотите взять их из Японской императорской миссии? Попробуйте!

Он повернулся в сторону вагонов с конвоем и по-японски что-то крикнул резко, властно и громко.

Часовой-японец, в странной высокой, ушатой меховой шапке, повторил его крик и выбросил винтовку на изготовку, широкий штык на ней сверкнул молнией на солнце и погас. И почти мгновенно с грохотом стали откатываться двери теплушек, и из них посыпались вооруженные солдаты, стремглав рассыпаясь в цепь. На крышу вагона втаскивали «гочкис», два других «гочкиса» поставили на перроне. Через минуту суета стихла: вокруг поезда стояла боевая цепь японских солдат. Красные коменданты, озлобленные, смотрели на эти приготовления, а затем растерянно забормотали:

— Да мы что. Мы ничего. Мы так только, порядок...

Но капитан Хирото их не слушал, он повернулся, окинул взглядом вагоны, увидел кого ему было нужно, невысокого русского генерала Дитерихса, молча смотревшего из двери классного вагона на эту сцену, подошел к нему, четко отдал честь и произнес:

— Разрешите просить вас, Ваше Превосходительство, прекратить гуляние ваших людей по станции без дела...

Я толкнул Ваську локтем, и мы торопливо зашагали к вагону, придерживая руками рассыпающиеся покупки.

В зале читинского вокзала тусклым желтым светом горит электричество; в беспрерывно открывающиеся двери дымными клубами влетает и растекается по полу пар: на дворе мороз и пуржит; на каменных плитках пола по всем направлениям мокрые следы, кое-где лежат комья желтого, не растаявшего снега. Мы стоим у стенки, потерянные, и растерянно, с жадным вниманием вглядываемся в лица людей, — наши добрые покровители В.С. Иванов и капитан Маркевич, всегда заботившиеся о нас, ушли, на прощание дали по четыреста рублей, а теперь надо было устраиваться на ночь. Куда идти? Кого просить о помощи в чужом, равнодушном к нам городе?

— Еленевский! Ты откуда тут? — окликает меня чей-то знакомый голос.

Обернувшись, вижу плотного портупей-юнкера эскадрона Оренбургского военного училища.

— Николаев! — радостно вскрикиваю и сразу же начинаю выкидывать новости: — Твоя мама и Мишка в Иркутске застряли, а я выскочил с Японской миссией... Ты где тут сам?

— На броневике «Семеновце», а что?

— У тебя переночевать нельзя ли? Нам только на эту ночь, а завтра...

— Нет, у меня нельзя, вы дуйте к коменданту города, он...

— Вы, неплюевцы, как уцелели? — раздается сзади голос.

Мы оборачиваемся и видим высокого полковника, сразу все трое вытягиваемся, щелкаем каблуками, звенят шпоры Николаева, берем под козырек.

— Вы как уцелели? — повторяет он вопрос. — Да опустите руки

Васька, полный недоумения, спрашивает:

— А почему, господин полковник, уцелели?

— Да ведь корпус-то ваш, — объясняет полковник, — окружили красные; вы дрались, затем подняли белый флаг, а когда красные подошли поближе, опять открыли огонь, ну, когда красные ворвались, так перебили всех, даже третью роту...

При его словах мне вспомнилась тонкая фигура маленького поручика Посавера, напряженной струной стоящего у пирамиды с винтовками, на ящиках патронов, и грозящего застрелить каждого, кто только тронет винтовку, и я подумал: «Вишь ты, чего натрепали? И кто только эти басни набрехал? Неужели же сейчас, когда все бегут или изменяют, только одни мы, мальчишки, кадеты, и можем драться беззаветно?..» На другой день сухощавый и чернявый портупей-юнкер Зимин, фанатичный строевик, выстраивая команду вновь прибывших юнкеров Читинского атамана Семенова военного училища, с глубоким неодобрением смотрел на то, как мы с Васькой небрежно, по-кадетски, чуть-чуть поднимая ногу, отбиваем шаг, вперял в нас возмущенный взор и кричал:

— Ногу! Юнкер, ногу поверни!..

***

...Бронепоезд «Семеновец» перевели с главной ветки в Даурии на маленькую боковую, у самого вокзала. На дежурстве в броневой коробке делать нечего. От нечего делать я залез на пушку Норденфельда и примостился за железным, избитым пулями щитом и, греясь на ласковом, по-осеннему чуть греющем солнце, в сотый раз ленивым взглядом окидывал знакомую, надоевшую картину — осеннюю даурскую рыжую

степь, ряды казарм, «Форт № 1» — двухэтажную казарму, в которой заделаны в нижнем этаже все окна и двери, приставную лестницу, по которой кто-то ползет наверх с ведром воды, часового, что бродит около пушки образца еще 1877 года, там, где стоит пушка, снята крыша. Потом перевожу глаза вправо, к станции, и застываю от изумления: от станции к броневику идет женщина, окруженная кадетами третьей роты.

Это Анна Бенедиктовна Боровская, вывезшая из красного Иркутска десятка два кадет третьей роты. В большинстве это были иркутяне, но среди них был и неплюевец — Павлик Иванов. Он первый рассказал мне скорбную историю превращения Неплюевского кадетского корпуса в 29-ю Иркутскую Советскую трудовую школу... «Зверей» кого поарестовали, а кто поразбежался, первая и вторая рота тоже кто куда — кто на работу устроился, кого в Красную армию мобилизовали, кто в Оренбург поехал, домой. А нашей третьей роте деваться некуда — у кого братья были, так они их позабирали, а у кого родные в Оренбурге, с кем ехать? Некуда, не с кем нам ехать. Сидим голодные, в одном белье — обмундирование, одеяла у нас что позабирали, что мы сами с голоду попроедали, в городе вонь страшная, пойдешь с голоду на огороды картошку воровать — поймают если, бьют до полусмерти... Хорошо, взяла меня тетя Боровская, а то бы пропал...»

— Куда же, Павлик? — полюбопытствовал я. — К родным, что ли? Да лезь ты сюда, в коробку броневую, тут у меня сахар есть, хлеб, тебе погоны наши не надо ли?

Ни от хлеба, ни от сахара, ни от погон Павлик не отказался, а куда ехать, не знал и сам. Родных у него не было, в конце концов он еще с пятью кадетами остался у нас, во 2-й юнкерской пулеметной команде конвоя атамана Семенова. С нами они отступили из Забайкалья в Приморье и в декабре, по демобилизации армии в Гродеково, уехали в Омский корпус на Русский остров.

***

...Лето 1921 года было сухое, засушливое, кругом горели леса, синим дымным туманом застилало ближние сопки и дальние горы, в горле першила гарь. В середине августа, возвращаясь из командировки — с охраны от хунхузов поселка Фалдеевского, — слезая с поезда, я увидел на безоружном часовом, уныло оглядывавшем станцию, поселок и бесконечные эшелоны нашей кочевой столицы Гродеково, светло-синий неплюевский погон. Я подошел к часовому ближе. Ба! Да это Борька

Медвецкий, уральский казак, однокашник, только 1-го отделения. Мы обнялись с ним и стали делиться новостями.

— Ну, превратили нас в 29-ю Советскую трудовую школу; занятий, ясно, не было больше никаких... Думали, как наши взяли в феврале Иннокентьевку, и нас освободят, красные весь забор бойницами издырявили, железо с крыши посдирали — на укрытия, днем еще туда-сюда болтались, а ночью разбежались, — кабы мы знали, что наши мимо пройдут, так тогда убежали бы... ну, прошли наши, остались мы у красных насовсем. Брюхо с голоду подвело, стали мы на работу подаваться, харчить-то хочется. 1-ю роту кого в Красную армию забрали, кто на работу пошел, кто домой словчился уехать. Ну, удалось мне проводником на поезд пристроиться... стал я, значит, по дороге кататься. И не думал ничего, а тут вдруг, по ошибке, что ли, поезд в Маньчжурию зашел; ну, я и слез сразу — другой случай такой когда бы представился? Ну, дальше без приключений, денег на дорогу дали наши офицеры, приехал сюда; хотел на Русский остров, в корпус, да меня здесь спешили, в Комендантскую команду взяли, не нравится до черта тут, в корпус надо.

— А «звери» как?

— Да кто как, кто разбежался, кого порасстреляли, — моего Вишневецкого в Красноярске расстреляли, а твой Александров учителем в политшколе стал, — встретил его раз на вокзале...

— Чего? — не понял я. — Какой еще политшколе?

— Да Читинской партийной политшколе, не понимаешь, что ли, балда? Русский язык да географию там преподает...

«Ага! Так вот оно что!» — мелькнуло в голове, и в памяти всплыла картина... На дворе был страшный ноябрьский туман с Ангары, плотной серой ватой он обволакивал здания, и по улице, в пяти шагах, ничего не было видно. Рассказывали, что иркутяне, пока у них классы были отдельно от спальни, ходили утром и вечером под бой двенадцати барабанов, чтобы кто-нибудь, случайно отбившись из строя, особенно третья рота, не начал плутать, а знал бы, где идут.

По случаю этого тумана нас не вывели на послеобеденную прогулку на двор, и мы сидели в классах и коридорах, где целые сутки горело электричество. Когда проиграли отбой с прогулки, я вышел из коридора 1-й роты, где шестиклассник Мишка Николаев рассказывал мне о боях под Уральском, куда он перекочевал, когда красные стали занимать Оренбург. Под ногами гремела железная лестница, и в ушах стояли последние Мишкины слова:

— ...Ну, матросы или латыши, было наплевать: они идут, стреляют, а мы лежим, молчим, молчим, а как подойдут шагов на двести, ну, мы по

ним залп, другой, третий, «Ура!» — и в штыки, они и бегут, а вот были сволочи, чапаевцы какие-то, одеты в черное, идут молча, без выстрела, ух как страшно было: мы сразу стрелять начали, а потом ничего — всыпали им раза два, стали и они стрелять по нас, как матросы или латыши..

В нашей роте посредине коридора стоял полковник Александров, рыжие усы свисали вниз, он стоял тяжелой глыбой, глубоко засунув руки в карманы форменных штанов навыпуск. Около него кучей, тесно сбившись, стояли человек с десяток — все казаки. Увидев своего воспитателя, я сразу же присмирел и, потихоньку подойдя сзади, стал сбоку и начал слушать. Говорил полковник Александров, и его слова звучали веско и каменно-твердо...

— Ну а что хорошего? Все войско разорили, что станиц-то пожгли — Красногорскую первую, а сколько их? Все войско теперь разорено, а кто виноват?

— Так ведь война же, господин полковник, — чуть не сразу вскрикнули два-три голоса, — на войне не без урону же...

— А кто войско в войну втянул? — долбил воспитатель. — Атаман! Вы что думаете? Войско ему так и простит, что он всех под разорение подвел? Вишь ты, не захотел подчиниться, — ну, откажись от булавы, другой бы взялся, хоть тот же Каргин, уладили бы дело по-хорошему...

Внизу на площадке проиграл сигнал по классам. Полковник Александров оглянулся и оборвал:

— Довольно болтать — марш по местам!

***

...В вагоне, на верхних нарах, тепло, и от огонька, единственной свечки, кажется уютно. Я нежусь в тепле и с тоской думаю о моменте, когда все начнут зевать и устраиваться на ночь, а мне придется слезать вниз, на нижние нары, в стылый холод у щели в стенке вагона, откуда особенно злобно морозит ледяной ветер, и, заснув на час, вскакивать, трясясь в ознобе, начинать яростно швырять дрова в печку синими, непослушными руками, а когда разгоралось пламя и железо печки начинало краснеть, тянуть к раскаляющемуся железу жесткие руки с негнущимися скрюченными пальцами. На этих верхних нарах все начальство нашей сотни, все штабс-капитаны: красивый смуглый Плюснин, суровый Дорошков, деликатный Тарасов и худощавый Вержба. Вержба любит поговорить, и сейчас он лениво тянет:

— Ну и телепаемся же мы, господа, пятый день едем, а до Хабаровска никак не дотянемся, послезавтра уже и Рождество, уже и

1922-й год наступает. И скучища же — как в Верхнеудинской Чека, впрочем, там не скука, а тоска и страх были — от мордобоя до мордобоя...

— Как — от мордобоя до мордобоя? Не понимаю я...

— Не понимаете, прапорщик? Просто, очень просто, — приведут на допрос да в морду, аж с ног валишься... поднимешься, а тебя с другого борту, да еще, да еще, да еще, кстати, вы Неплюевского корпуса? Со мной в подвале сидел неплюевец, — вице-унтер-офицер Мякутин, — расстреляли его за попытку перехода к белым. Попался и не сумел выкрутиться...

Вице-унтер Мякутин, худенький, какой-то сероватый, ты был с нами тогда, в саду Иркутского дивизиона, ты стрелял из соседней бойницы, под бойницей ярко алела на белом снегу лужа крови убитого Кончаловского; ты был талантливым поэтом, и про тебя говорили уже тогда: «Он прославит родной корпус». Почему не ушел с нами тогда в январе? Не знал? Не умел, что ли? И вот пуля в затылок. По чьей вине? На ком лежит твоя кровь и тебе подобных? Капля на мне с Деевым, а остальное на ком?

С. Марков[355]

ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I КАДЕТСКИЙ КОРПУС[356]

1-й Сибирский Императора Александра I кадетский корпус имел старшинство с 1 мая 1813 года, когда в Омске было основано Войсковое казачье училище Сибирского войска. Оно содержалось до 1825 года за счет Войска и имело задачей пополнять его ряды молодыми казачьими офицерами. В 1825 году, 25 апреля, оно было переведено на казенное содержание, а в 1826 году переименовано в Училище Сибирского линейного войска. В 1845 году, 24 октября, было переформировано в Сибирский кадетский корпус, а в 1907 году получило наименование Омского кадетского корпуса. В день празднования 100-летнего юбилея, в 1913 году, Государь Император пожаловал корпусу юбилейное знамя и повелел именоваться 1-м Сибирским Императора Александра I кадетским корпусом.

Спокойная и размеренная жизнь корпуса продолжалась до начала марта месяца 1917 года, когда пришли известия о беспорядках в столице. Телеграмма об отречении Государя Императора поразила кадет как удар грома. Кадеты единодушно не приняли революцию и с пер-

вых же дней проявили свое враждебное отношение к ней. Они не допустили служителей снять со стен портреты Царской Фамилии, не сняли с погон вензеля своего Шефа, Императора Александра I, по-прежнему пели молитву о здравии Государя и Его Августейшей Семьи и с особой отчетливостью отдавали честь офицерам, в нарушение всех революционных приказов.

По распоряжению Временного правительства, корпус, как и все остальные корпуса, был переименован в гимназию Военного ведомства. За время отсутствия кадет в течение летних каникул с корпусных стен исчезли портреты Царской Семьи, знамя корпуса было увезено в Петроград, а из 1-й роты исчезли все винтовки. После октябрьского переворота директором корпуса (гимназии) был назначен бывший прапорщик Фатеев, который занялся введением новых порядков и отменил все старые правила, но встретил со стороны кадет единодушный отпор. С целью сломить это сопротивление и искоренить память о прошлом, Фатеев распорядился о снятии с кадет погон, угрожая в случае неповиновения закрыть гимназию. Чтобы не погубить корпус, кадеты сняли погоны, но не сдали их в цейхгауз, как этого требовал Фатеев, а уложили в цинковый ящик и зарыли в саду.

В течение последующего времени и вплоть до освобождения Омска от советской власти летом 1918 года кадеты приняли участие во всех народных выступлениях против большевиков в городе; после одного из них здание корпуса было красными обстреляно и занято красногвардейцами, так как у кадет не было оружия и сопротивление было невозможно. На следующий день кадеты трех старших классов в принудительном порядке были высланы по своим домам, но, несмотря на их уход, младшие кадеты, оставшиеся в здании, продолжали сопротивление новым порядкам.

В занятии корпусного здания красными главное участие принял карательный отряд, состоявший из матросов Балтийского флота, главным образом с крейсера «Гангут», под командованием комиссара латыша Запкуса. Ворвавшись в здание, матросы, обвешанные оружием и ручными гранатами, начали чинить расправу: обыски и допросы, одиночные и групповые, сопровождаемые угрозами истребить всех, продолжались день и ночь. Искали зачинщиков и участников борьбы с красногвардейцами накануне, при защите казачьего собора, но все кадеты открыто заявляли о своей вражде и о том, что они все участвовали в выступлениях против красных.

После разгона старших классов, что должно было быть закончено к 9 февраля 1918 года, большинство кадет пошло в партизанские отряды атамана Анненкова[357] и есаула Красильникова[358], действовавших в

районе Омска; оставшиеся же в городе вступили в различные организации, имевшие целью борьбу с красными. Кадеты 4 младших классов были сведены в один возраст и размещены на втором этаже корпусного здания. В корпус был назначен новый комиссар, бывший политический ссыльный Маленко, который энергично принялся за ломку векового уклада кадетской жизни, опираясь на комитет из служителей, во главе с председателем — старшим поваром. В длинной речи перед собранными воспитанниками Маленко объявил о введении полной свободы с отменой обязательного посещения церкви, отдания чести, преподавания Закона Божия, танцев, пения и строевых занятий. Ученикам предоставлялось право создать, для разрешения вопросов внутренней жизни, комитет из представителей всех классов. Было приступлено к переделке обмундирования, с целью придать ему возможно более штатский вид. Но все эти нововведения натолкнулись на упорное сопротивление воспитанников, а кроме того, многие родители начали брать своих детей из реформированной гимназии, видя, что при новых порядках она быстро разваливается.

К началу апреля 1918 года число оставшихся учеников не достигало даже 100 человек, главным образом иногородних; большая часть корпусного здания была занята красногвардейцами, среди которых было много военнопленных. К этому времени комиссар объявил, что учащиеся будут отпущены после Пасхи сразу на лето. После этого в корпусе осталось лишь полтора десятка воспитанников, которых перевели в гимнастический зал, а все громадное здание корпуса поступило в полное распоряжение красных.

После освобождения Омска от власти красных в июне 1918 года кадеты вернулись в корпус к началу учебного года. Но вернулись не все, так как часть кадет осталась в армии, а часть погибла в боях; среди всех их было немало кадет младших классов, были и раненые, и убитые. Эта убыль была покрыта кадетами других корпусов, оказавшихся в Сибири из-за революционных событий. Директором корпуса был назначен генерал-майор В.Д. Нарбут[359]. Здание корпуса оказалось загаженным красными, имущество было разрушено и разграблено, и огромных трудов стоило наладить жизнь и занятия. К счастью, почти все офицеры-воспитатели и преподаватели также вернулись, и с их помощью удалось постепенно преодолеть почти все затруднения. В самом начале учебного года корпус (который все еще назывался гимназией) посетил генерал Иванов-Ринов[360], командующий войсками Омского гарнизона, который объявил о решении правительства вернуть воинским частям погоны. Кадеты встретили это известие с восторгом; ящик с погонами был выкопан из земли, и кадеты снова надели их.

18 ноября 1918 года произошел в Омске переворот и власть перешла в руки адмирала А.В. Колчака, который стал Верховным правителем России. С его приходом к власти военная гимназия была переименована в 1-й Сибирский кадетский корпус, которому была возвращена его военная организация: возрасты были переименованы в роты и старшим классам были выданы винтовки. Ввиду того что в здании корпуса был размещен особый отряд чехословаков, из-за недостатка помещения корпус в это время состоял только из двух рот. Корпус пользовался большой любовью и вниманием со стороны адмирала Колчака, который видел в кадетах надежную воинскую часть. Несколько раз в течение года 1-я рота поднималась ночью по тревоге, когда красные пытались устраивать в городе беспорядки; кроме того, строевая рота несла караулы у дома, где заседало правительство.

Занятия в корпусе проходили нормально, и весной 1919 года выпускной класс был отправлен в город Томск, на созданные там военно-училищные курсы. Кадеты, оставшиеся в корпусе на лето, были привлечены к воинскому обучению гражданского населения Омска, а свободные от этого другие кадеты заместили на летнее время низших чинов Главного штаба, отправленных на фронт по приказанию Верховного правителя. Но летом 1919 года положение на фронте заставило опасаться за судьбу Омска, и адмирал Колчак приказал эвакуировать корпус во Владивосток. Кадеты, бывшие в отпуску, были вызваны и в июле стали съезжаться в корпус. Но из тех, кто находился в армии, вернулись не все: часть их уже погибла, а многие остались в армии, и судьба их была неизвестна.

Отъезд корпуса во Владивосток

Покинув Омск 30 августа 1919 года, корпус прибыл во Владивосток ровно через месяц, 30 сентября. Из здания корпуса удалось взять лишь самое необходимое имущество, так как кадетам было предоставлено очень ограниченное количество вагонов-теплушек. Сильно сказывался недостаток обмундирования, но пополнить запасы не было возможности. С болью и горечью простились кадеты с родным гнездом, где в течение свыше ста лет росли и воспитывались их отцы и деды. От корпуса до вокзала прошли в строю, сопровождаемые многочисленными родственниками и горожанами. Погрузка происходила на воинской платформе, где был отслужен напутственный молебен. Для охраны эшелона в пути был получен пулемет и ограниченное количество винтовок; остальные, по приказанию военного командования, были сданы

до эвакуации. Почти весь преподавательский персонал и служащие корпуса остались в Омске.

При проезде через Иркутск корпус встретил очень теплый прием со стороны кадет Иркутского, а также Псковского и Оренбургского корпусов, которые там находились. Быстрому продвижению по Забайкалью способствовали распоряжения атамана Семенова, к которому своевременно обратился с просьбой директор корпуса генерал Нарбут. В Чите атаман Семенов произвел корпусу смотр и предложил оставить его в этом городе, но директор отклонил это предложение и, в исполнение приказа адмирала Колчака, продолжил путь через Маньчжурию на Владивосток, куда прибыли 30 сентября. Во Владивостоке корпус был размещен на Русском острове, в 3 верстах от пристани Подножье. Это был небольшой гористый остров, прикрывавший крепость Владивосток со стороны моря. Он весь был занят казармами и крепостными сооружениями; корпусу были отведены казармы 9-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады и много офицерских флигелей, расположенных вокруг.

Казармы эти представляли собой 3-этажные кирпичные здания, имевшие по четыре больших помещения на каждом этаже. Но они оказались совершенно неприспособленными для учебного заведения. При помощи китайских и корейских рабочих удалось в сравнительно короткий срок произвести необходимые работы и привести казармы в относительно приличный вид. Из крепостных складов удалось получить кровати, парты и другие предметы обстановки, а также и библиотеку, портреты Царской Семьи и картины, когда-то украшавшие Офицерские собрания и казармы. Но очень плохо обстояло дело с продовольствием и обмундированием. Сибирские деньги быстро падали в цене, покупать продукты питания было чрезвычайно трудно, и весь корпус жил впроголодь. Обмундирование удалось достать у англичан, и кадетам пришлось надеть форму английской пехоты, а позднее румынской. Но, несмотря на все лишения, в начале октября начались учебные занятия, которые скоро вошли в нормальную колею, хотя все время не хватало учебников и других пособий.

В корпусе работали в это время военнопленные немцы и мадьяры. Из-за развала власти и общей распущенности распускались и пленные, которые объявили забастовку, требуя себе условий жизни одинаковых с кадетами во всех отношениях. Все они, конечно, были уволены, и их место заняли кадеты, взяв на себя все работы по обслуживанию корпуса.

С осени 1919 года политическое и военное положение стало все более и более усложняться. 17 ноября произошло во Владивостоке

выступление чешского генерала Гайды, совместно с Якушевым. Для подавления этого выступления с Русского острова были вызваны юнкера 1-го Артиллерийского училища и Учебной Инструкторской школы, а также гардемарины Морского училища; в составе этих частей было много кадет-сибиряков. Восстание закончилось арестом Гайды. Те же части, 26 января 1920 года, приняли участие в подавлении бунта Егерского батальона.

В конце декабря 1919 года 7-й класс ускоренно закончил курс, и часть окончивших кадет поступила в Читинское военное училище, а другая часть — в Морское. Но положение становилось все хуже и хуже, и в связи с этим ночью с 30-го на 31 января 1920 года гардемарины Морского училища ушли в море на двух кораблях: вспомогательном крейсере «Орел» и посыльном судне «Якут». Во Владивостоке 31 января образовалось новое, очень левое правительство, под названием Приморская областная земская управа, во главе с эсером А.С. Медведевым. Вскоре пришло известие об убийстве 7 февраля, в Иркутске, адмирала Колчака, и это окончательно разрушило все надежды на восстановление национальной власти. С этого момента положение корпуса еще более ухудшилось. В середине февраля зараженные большевизмом чины Инструкторской школы и солдаты местного батальона оцепили расположение корпуса и потребовали сдачи оружия, которое в корпусе имелось в незначительном количестве. Ввиду явной бесполезности сопротивления, оружие было сдано, чтобы избежать кровопролития. В корпусе появилась вскоре целая делегация от новой власти, которая собрала всех кадет и долго уговаривала примкнуть к новому строю, восхваляя новые порядки и ругая старые. Делегация не добилась ничего и встретила со стороны молчаливых кадет явную враждебность. Вскоре после них корпус посетил новый комендант крепости Владивосток, бывший подполковник Краковецкий, который потребовал, чтобы и кадеты и офицеры надели красные звезды, на приветствия отвечали «Здравствуйте» и вообще полностью уничтожили все, что походило на старые корпусные порядки.

К счастью, красные опасались полностью проявить свою власть и расправиться с кадетами, так как в Уссурийском крае и во Владивостоке находились части японской армии, а также военные корабли и отряды союзников. Они не допускали в район их оккупации боевые части Красной армии и разрешали иметь там лишь ограниченное количество милиции. В это время остатки отступавшей из Сибири Белой армии находились в Забайкалье, где продолжали борьбу с красными, совместно с частями атамана Семенова и Японского оккупационного корпуса. Многие из кадет 1-й роты различными нелегальными путями

пробирались в Читу и вступали в части атамана Семенова, в которых целые команды и группы состояли полностью из кадет. Но для оставшихся в корпусе положение становилось все более и более тяжелым. Доставать продовольствие и обмундирование было чрезвычайно трудно, и директору корпуса, генерал-майору Нарбуту, приходилось находить всяческие способы, чтобы хоть как-нибудь прокормить корпус. Питание было исключительно скудным, не было ни средств, ни каких-либо запасов. Делались попытки, оказавшиеся безуспешными, хлопотать через японское и французское консульство об эвакуации корпуса в более безопасное место, обращались также к представителям белых русских в Японии, но помощь не приходила ниоткуда.

Осенью 1920 года японцы заключили с красными перемирие и потребовали, чтобы его соблюдали также и части Белой армии. Боевые действия прекратились, и поэтому кадеты, находившиеся в армии, стали возвращаться в корпус. В августе 1920 года японские части эвакуировали Хабаровск и Хабаровский кадетский корпус покинул город и прибыл во Владивосток, заняв на Русском острове казармы 35-го Сибирского строевого полка. В ноябре 1920 года из Забайкалья пришли тревожные вести о том, что после ухода японцев красные напали на наши части, которые под давлением их превосходящих сил были принуждены уйти в Маньчжурию, сдав китайцам оружие на границе. К началу января 1921 года армия была перевезена в Приморье, где и была интернирована в местах расположения японских частей: отряды атамана Семенова в ст. Гродеково, а сибирские (каппелевцы) в Никольск-Уссурийском и в военном городке Раздольное.

Наконец, в середине января 1921 года из центра пришло распоряжение ликвидировать корпус, как остаток старого режима. В связи с этим областное правительство передало корпус из Военного ведомства в Отдел народного образования. Это привело к тому, что в течение февраля корпус не получил ниоткуда никаких ассигнований и был вынужден и голодать, и мерзнуть. За этим последовало распоряжение закончить учебный год к 1 апреля, причем в дальнейшем 7-й класс больше не должен был существовать. К этому же сроку все начальствующие лица должны были быть заменены назначенными из центра. Это означало, что с 1 апреля корпус должен был полностью перейти в руки большевиков; к счастью, этот срок удалось перенести на 1 июня, а майский переворот помешал осуществлению этого плана красных.

В это время интернированные белые части, при молчаливом согласии японцев, усиленно подготовляли переворот в Приморье. Он был назначен на 31 марта, но в последний момент был отложен. Не все группы были об этом своевременно предупреждены, и отряд, назна-

ченный для захвата вокзала, повел на него наступление, но был встречен огнем красных и отступил. В состав этого отряда входили кадеты-сибиряки, и один из них, вице-унтер-офицер М. Блосфельд (выпуск 1920 года), был убит. После этого неудавшегося выступления положение корпуса сделалось совершенно катастрофическим и ему грозил настоящий голод. Директор, генерал-майор Нарбут, решился тайно послать командира 1-й роты полковника Попова-Азотова[361] к атаману Семенову с просьбой о помощи. Результатом этой рискованной поездки было получение двух вагонов провизии, присланных через одну местную фирму, что позволило избежать контроля и репрессий со стороны красных.

26 мая 1921 года красная власть в Приморье была свергнута и кадеты приняли деятельное участие в этом перевороте. Во Владивостоке было создано национальное правительство, во главе которого стал С.Д. Меркулов, а командующим армией генерал-лейтенант Вержбицкий. Летом того же года из сибирских и хабаровских кадет, уехавших в армию, была сформирована рота под командой подполковника Сейфуллина[362], которая была переведена на станцию Гродеково, где стала личным конвоем атамана Семенова. Другая крупная группа кадет образовала взвод в добровольческой батарее, которой командовал полковник Гайкович[363]. Осенью 1921 года на Русском острове было открыто Корниловское военное училище в составе пехотной роты и конного взвода. В него перешли кадеты, окончившие корпус, который расстался также и со своим директором, генерал-майором Нарбутом, получившим назначение инспектором классов в училище. Новым директором был назначен полковник Е.В. Руссет[364], бывший до этого командиром 1-й роты, произведенный в чин генерал-майора на корпусной праздник 6(19) декабря.

Учебный 1921/22 год прошел сравнительно нормально. Ряды кадет пополнились сыновьями офицеров и гражданских лиц из Владивостока, а также и молодежью, откомандированной из частей армии для продолжения образования. Весной 1922 года окончившие корпус кадеты пошли частью в Корниловское военное училище, другие же в армию, в казачьи части, во флот и в Пограничную стражу. В течение этого учебного года армия очистила Приморье от красных партизан и, разбив Дальневосточную Красную армию, заняла город Хабаровск, пройдя за месяц 500 верст с беспрерывными боями.

1 июня 1922 года во Владивостоке произошли политические перемены, и образовавшееся Национальное Собрание сменило правительство Меркулова. Открывшийся 23 июля Земский Собор единогласно избрал генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса[365] правителем Приамурско-

го земского края и Воеводой Земской рати, как была названа армия. Но в конце лета японские части полностью покинули Приморье и положение стало быстро меняться к худшему. В то время как в августе в корпусе начались занятия, обстановка на фронте стала ухудшаться все более и более. В середине сентября красные начали свое наступление, и уже через месяц военное командование было принуждено послать на фронт все боевые части из Владивостока, в том числе и военное училище. 7-й класс корпуса был переведен в помещение училища, а кадеты 6-го класса, под командой полковника Л.П. Баженова[366], были отправлены на материк, для охраны железной дороги, для чего был сооружен импровизированный бронепоезд. Но во второй половине октября 1922 года началась подготовка к эвакуации Владивостока.

Эвакуация корпуса из России

Сибирская флотилия состояла из небольшого количества судов каботажного плавания, нескольких мелких судов и одного небольшого ледокола. Обоим кадетским корпусам было объявлено, что, из-за неимения перевозочных средств и ввиду полной неопределенности будущего, корпуса не могут быть вывезены. Такое положение вызываю большие опасения за судьбу кадет после прихода красных, и поэтому директора обоих корпусов, генерал-майоры Руссет и Корнилов[367], обратились к командующему флотилией, контр-адмиралу Старку, после того как правитель края ответил, что у него нет никакой возможности помочь. Адмирала просили хотя бы перебросить кадет на другую сторону залива Петра Великого, в город Посьет, где они могли бы присоединиться к белым частям, отходившим походным порядком на китайскую границу. Генералу Руссету удалось убедить адмирала взять кадет при условии размещения их на палубах кораблей и принятия ответственности за их будущее самим директором. Из сумм, ассигнованных правителем, адмирал передал на дорожные расходы корпусов 1000 иен.

По возвращении на остров директор собрал педагогический комитет, сообщил о результатах переговоров и предложил каждому решить свою дальнейшую судьбу. Ввиду трудности предстоящего пути и полной неопределенности будущего, было решено взять с собой только тех маленьких кадет, кто имел братьев в старших классах; тех же, кто поступил уже во Владивостоке и кто имел там родителей, было решено оставить и передать их семьям. Чинам персонала было предложено на выбор — уезжать или остаться. Почти все преподаватели и

служащие, а также часть воспитателей, имевших семьи, решили остаться. За исключением тех маленьких кадет, которых взяли их семьи, на Русском острове остались около 30 кадет 3-й роты и четверо из старших классов.

24 октября 1922 года готовый к походу корпус был построен на плацу 1-й роты. Был отслужен напутственный молебен, по окончании которого, по команде, 1-я рота взяла винтовки «на плечо», оркестр заиграл любимый кадетами марш «Старые друзья», и корпус направился на пристань Подножие, покидая навсегда свои казармы, с которыми успел сродниться за эти годы. На плацу сиротливо стояла группа остающихся. Местные жители, успевшие привязаться и полюбить кадет, присоединялись к провожающим и сопровождали их до самой пристани в бухте Новик, где собралась вся флотилия, покинувшая владивостокскую бухту Золотой Рог еще ночью.

По каким-то причинам посадка на суда была отложена до следующего утра, и корпусу пришлось провести свою последнюю ночь на родной земле под открытым небом, под мелким осенним дождем и при сильном ветре. Мало кому приходило в голову попытаться заснуть в эту ночь; одни продолжали свое прощание с пришедшими их проводить корпусными барышнями, остающимися на Острове, другие вели невеселые беседы о своей дальнейшей судьбе. Утром, с 8 часов, началась посадка на суда. Младшие классы были посажены на транспорт «Защитник», а старшим пришлось разместиться на палубах канонерской лодки «Диомид» и небольшого парохода «Фарватер». Посадка происходила под проливным дождем и сильным ветром, которые было особенно трудно переносить детям.

В 11 часов утра 25 октября 1922 года корпус покинул бухту Новик и родные берега. При отходе флотилии кадетский оркестр заиграл народный гимн «Боже, Царя храни», и эти торжественные звуки заставили еще больше сжаться сердца кадет. А из Владивостока доносились звуки стрельбы входивших красных и были видны пожары в разных местах города.

Море встретило корабли мертвой зыбью, и многих кадет сразу же укачало. Ночью пришли в бухту Посьет, около городка под тем же названием. Это был последний клочок русской земли. Здесь кадетам было приказано сдать оружие, которое было погружено на баржу и затоплено. Опасаясь нападения со стороны большевиков, на берег отправили дозоры, которые скоро сообщили о приближении красных частей. В 6 часов утра 27 октября эскадра снялась с якоря и пошла в Корею, сопровождаемая бурной погодой и снегом. Это привело к тому, что все суда потеряли друг друга из виду и только к 31 октября смогли

собраться в корейском порту Гензан. Здесь почти на всех судах были обнаружены многие неисправности, вызванные тем, что эти буксирные корабли мелкого тоннажа были совершенно неприспособлены к дальним плаваниям, особенно в снежную погоду. Это заставляло их искать прибежища в ближайших бухтах, и, например, канонерская лодка «Диомид», на которой были кадеты, вынуждена была заходить в бухты Корейскую, Корнилова и Палладу.

За эти несколько дней перехода до Гензана кадетам пришлось быть в исключительно тяжелых условиях. Размещаться пришлось на палубе, и лишь немногим удалось пробраться в машину и расположиться на решетках, где чувствовалось тепло от котлов. Вопрос с питанием стоял очень плохо: корабельные запасы были рассчитаны на определенный состав команды, но из них пришлось уделять доли и на кадет, и на чинов армии, и на беженцев. Все это заставило контр-адмирала Старка пересмотреть вопрос о размещении кадет и распределить их малыми группами по всем кораблям. Это дало им возможность, во-первых, разместиться не на палубах, а в более теплых и сухих внутренних помещениях, а во-вторых, питаться вместе с командами, исполняя по мере сил всякую судовую работу. Кадеты-сибиряки были размещены главным образом на канонерских лодках «Байкал» и «Илья Муромец», на вспомогательном крейсере «Лейтенант Дыдымов», на тральщиках «Парис» и «Аякс» и на посыльных суднах «Фарватер» и «Страж».

Прибыв 31 октября в корейский порт Гензан[368], флотилия простояла там почти месяц, до 29 ноября. В этом порту с кораблей сошли все раненые и больные, а также семьи чинов армии и некоторые части последнего гарнизона Владивостока. С ними же сошли на берег и их сыновья, кадеты 3-й роты, всего человек 15, которые лишь в начале апреля 1923 года соединились с корпусом в Шанхае. Покинув, наконец, этот порт, флотилия через три дня пришла в город Фузан[369], на юге Кореи. Проходя мимо острова Цусима, все были вызваны наверх для отдания чести нашим морякам, погибшим здесь в Цусимском бою, в Русско-японскую войну. На всех судах, где были священники, служились панихиды. В Фузан пришли в 10 часов утра и простояли там 5 дней, дожидаясь, когда подойдут все отставшие суда. Японцы отнеслись к кадетам заботливо и внимательно.

2 декабря флотилия снова вышла в море и взяла направление на Шанхай, через Китайское море. Оно встретило русские корабли жестоким тайфуном, и этот последний этап плавания был трагическим и для эскадры, и для корпуса. Тайфун разбросал корабли, и они потеряли друг друга из виду. Борьба с разбушевавшейся стихией продолжалась двое суток, и с ней кадетам пришлось бороться для спасения ко-

раблей наравне с матросами на «Диомиде». В самый разгар бури в кочегарке вышел весь уголь, а запасной был в трюме, куда было очень трудно и опасно пробраться из-за волн, которые перекатывались через всю палубу. Остановка машин грозила кораблю гибелью, так как он неминуемо повернулся бы вдоль волны и был бы перевернут из-за своего плоского дна. Положение спасли 10 кадет-сибиряков, которые вместе с двумя матросами, с опасностью для жизни, наладили переноску угля ведрами в кочегарку и не позволили машинам остановиться. На одном из других кораблей волны образовали трещину в палубе, вода проникла в угольные ямы и в кочегарку, затопив топку и остановив машину. Кадеты, вместе с командой, работали всю ночь, вычерпывая воду простыми ведрами, и отстояли судно. Почти каждому кораблю пришлось много бороться с разбушевавшимся морем, многие были на краю гибели, и всюду самоотверженная работа кадет и команды спасала их от потопления.

Сильно потрепанные, полуразбитые, собирались корабли на внешнем рейде Шанхая. Только к 18 декабря пришел из Фузана последний, задержавшийся там корабль, не было только «Лейтенанта Дыдымова». После нескольких дней ожидания стало ясно, что корабль этот погиб, но никаких подробностей его гибели выяснить не удалось, так как не только с него никто не спасся, но даже не было найдено никаких остатков корабля или тел, погибших на нем. Единственное, что увидели с кораблей, следовавших в кильватерной колонне за «Лейтенантом Дыдымовым», — это как этот корабль был высоко поднят на гребне огромного вала и затем стремительно ринулся в пучину. Больше «Лейтенанта Дыдымова» никто не видел. На нем погибло 16 кадет-хабаровцев и 14 сибиряков; вот список погибших кадет-сибиряков:

Гудим, Константин
Доброхотов, Сергей
Конаржевский, Глеб
Лаврищев, Александр
Лиоранцевич, Иаков
Максимович, Георгий
Оссовский, Лев
Петухов, Алексей
Поляков, Алексей
Пучковский, Всеволод
Семенников, Николай
Суслов, Николай
Филатьев, Валентин
Халютин, Максимилиан

Уцелевшие корабли встали на якорь перед старой китайской крепостью Вузунг, в устье реки Янг-це. В день корпусного праздника, 19 декабря, кадеты со всех кораблей были собраны на «Байкал», где держал свой флаг контр-адмирал Старк. Корпус был построен на палубе, и после молебна адмирал поздравил кадет с праздником. Оркестр сыграл традиционный фанфарный марш, после чего кадет распустили. Так справил корпус свой первый праздник на чужбине.

Хлопоты о разрешении кадетам сойти на берег не увенчались успехом. Местные власти опасались взять на себя ответственность за содержание корпуса и не соглашались выдать разрешение на въезд в город. Что касается кораблей, то адмирал первоначально предполагал идти с эскадрой в Америку, но она принять кадет отказалась. Впоследствии эскадра ушла в Манилу, на Филиппинские острова. Вскоре выяснилось, что в Шанхае образовался благотворительный комитет, в который вошли дамы русской колонии, поставив себе целью позаботиться о судьбе кадет.

В конце декабря 1922 года китайские власти выдали частичное разрешение сойти на берег 30 кадетам. Через короткое время все кадеты, и сибиряки, и хабаровцы, сошли в город небольшими группами, так как каждая прошедшая группа возвращала с одним из кадет свои пропуски, с тем чтобы ими воспользовалась следующая группа. При содействии благотворительного комитета был арендован на очень льготных условиях большой особняк на Jessfieid Rd. 4, в котором разместили полностью и Сибирский, и Хабаровский корпуса. Почти сразу же удалось организовать занятия, но так как почти весь педагогический персонал остался на Русском острове, то его пришлось пополнить в Шанхае из состава русской колонии. Условия жизни были тяжелыми, питание было скудное, нередко приходилось мерзнуть, особенно по ночам. Спали в тесноте на полу и на нарах, занимались без столов и скамеек, при полном отсутствии учебников, вместо которых составляли конспекты под диктовку преподавателей. Но кадеты безропотно переносили лишения и неудобства, радуясь, что корпус сохранился и что красным не удалось его погубить. Вскоре пришла радостная весть о том, что группе кадет 3-й роты, оставленной на Русском острове, удалось оттуда выбраться и что они смогут соединиться с корпусом через несколько месяцев.

Спасение группы кадет 3-й роты

Когда стало известно, что только лишь малая часть кадет 3-й роты будет взята на корабли и что остальные останутся на Русском острове, то группа в 13 человек 1-го и 2-го классов решила попробовать попасть на суда флотилии самостоятельно. Они послали «лазутчика» во Владивосток, чтобы упросить коменданта транспортного судна для раненых и больных воинов, полковника Муганцева, взять их группу на этот корабль. По возвращении «лазутчика» в корпус он сообщил своим товарищам радостную весть о согласии коменданта и, одновременно, о том, что стар-

шие кадеты будут погружены на суда 24 октября. Накануне этого дня эта группа малышей нашла старый баркас и спрятала его среди скал, ниже пристани Подножие, где должна была произойти посадка на суда. Это было сделано потому, что малыши не имели возможности переправиться во Владивосток обычным путем, так как катер «Стрелок», обычно служивший для этих переездов, уже перестал ходить через залив.

Утром 25 октября 1922 года корпус был посажен на суда флотилии, а группа 13 бросилась к баркасу, но — увы! — его кто-то нашел и, по-видимому, куда-то угнал. Велико было горе маленьких кадет, но вдруг они увидели идущий вдоль берега плот с двумя китайцами, торговцами арбузов. В юных головах сразу же созрел план: они подозвали китайцев к берегу, как будто для покупки у них арбузов, и отобрали у них плот. Погрузившись на него, погнали через бухту Новик к каналу, прорытому через перешеек острова, с тем чтобы, пройдя его, доплыть до Владивостока и сесть на заветный транспорт. Плот приводился в движение длинным веслом, укрепленным на задней стороне, путем безостановочного вращения его, так называемого юления. С суши поднялся сильный ветер, единственное весло сломалось, и волны стали гнать плот из бухты в открытое море. Тогда «мореплаватели» не знали, что это было их спасением, так как если бы плот добрался до Владивостока, то они попали бы в руки красных; к тому времени все суда покинули владивостокскую бухту Золотой Рог и город был в руках большевиков.

Три дня и три ночи плот несло все дальше и дальше от русских берегов. Холодный ветер с мелким дождем и брызги от волн пронизывали юных мореплавателей до костей. Вся одежда промокла и превратилась в лохмотья, гибель грозила им каждую минуту. Ни пресной воды, ни еды у нас не было; не было также никакого понятия о том, где они находятся и куда их несет. Но уныния у них не было, все мысли сосредоточились на том, чтобы крепко держаться на плоту и чтобы волны никого не смыли в море. Господь Бог сжалился над ними, и в конце третьих суток они увидели пароход. Из последних сил начали кричать и махать ему всем, чем смогли; велико было счастье мальчиков, когда их увидели с парохода и опустили лодки, чтобы их подобрать. Это было японское торговое судно. Японцы приняли спасенных радушно, обогрели их, накормили и напоили, одели и долго удивлялись их отваге и решимости. Они довезли их до ближайшего корейского порта и передали там на попечение японских властей. И население, и власти этого маленького портового городка оказали им большое внимание и почести. Поместили их в японские военные казармы, где они должны были отбыть положенный карантин.

Через несколько дней их отвезли в город Дайрен, бывший Порт-Артур, где всех их разобрали по домам богатые японцы, которые отнеслись к ним очень хорошо. Один из них, В. Андреев, послал к директору местного отделения Токийского банка, а «вождь» мореплавателей, Г. Мархинин[370], к японскому буддийскому священнику. Через некоторое время всех кадет собрали вместе и перевезли в Мукден, где тогда находилась ушедшая из Приморья Белая армия, Земская Рать — как она тогда называлась. Там, в Мукдене, они наконец попали под опеку полковника Муганцева, начальника русской комендантской команды. Там же они узнали о судьбе корпуса и об его местонахождении, но в Шанхай они попали только через шесть месяцев и с торжеством присоединились к корпусу.

Пребывание корпуса в Шанхае

Дом, в котором разместились корпуса, когда-то принадлежал какому-то испанцу, который из ревности убил в нем свою жену, и она, как рассказывали, «привидением» бродила по зданию. Желающих снять дом с такой репутацией не находилось, и поэтому его сдали корпусам по крайне дешевой цене, как говорили — с целью выжить привидение и рассеять убыточные слухи. В этом здании кадеты оставались до осени 1923 года, после чего переехали в новый дом на Paoshan, вблизи русской церкви. В этом доме корпус занял целый ряд смежных квартир, и хотя район расположения был значительно хуже, но на новом месте было гораздо свободнее, а также и ближе к большому парку, где кадеты проводили все свое свободное время.

С приездом в Шанхай корпусного священника отца Е. Яхонтова возобновились регулярные богослужения, сначала в нижнем этаже здания, потом в походной церкви, сооруженной на участке корпуса, при деятельном участии кадет. Хороший кадетский хор способствовал тому, что церковь посещалась многочисленными прихожанами, причем многие из них приглашали кадет к себе в отпуск и старались быть чем-нибудь полезными кадетам. Корпусной оркестр, выступивший на одном из балов, организованном дамским комитетом, сразу же обратил на себя внимание общества. Один из видных музыкантов Шанхайского муниципального оркестра, м-р Персю, предложил свои услуги в качестве дирижера оркестра, и под его руководством музыканты сделали большие успехи. Оркестр вскоре получил приглашение играть на ипподроме в дни скачек, и оплата его труда была очень ценной для скромного бюджета корпуса.

Когда в работе дамского комитета появились затруднения и материальная поддержка должна была прекратиться, в корпусе были организованы мастерские: столярная, переплетная, сапожная и скульптурная. Они принимали заказы, и доходность их имела большое значение для средств корпуса. Несмотря на исключительно трудные материальные условия, верность кадетским традициям и тесная спайка сказывались во всем и помогали переносить все лишения.

Когда прекратилась деятельность дамского комитета, кадеты оказались в очень тяжелом материальном положении. Сначала среди участниц комитета возникла мысль распылить кадет, устроив их в частные семьи и по различным конвентам и другим организациям, находившимся в ведении инославного духовенства. Но план этот был отставлен, ввиду категорического протеста кадет, чувствовавших, что это поведет к гибели корпуса, который они всеми силами стремились сохранить.

Весной 1923 года 96-й выпуск в составе 42 кадет окончил курс 7-го класса и был 1-м выпуском за границей. Почти все окончившие остались жить в корпусе, и только лишь те, кто постепенно устраивался на какую-либо службу, покидали корпус, но не порывали с ним самую тесную связь. Постепенно судьбой кадет заинтересовались представители иностранных колоний Шанхая, главным образом французской и английской. Из их среды был организован Комитет помощи сиротам участников Великой войны, во главе которого встал г-н Шарль Гробуа, участник войны и инвалид французской армии. Русскую колонию в этом комитете представляли гвардии полковник Эльснер[371] и присяжный поверенный И.Н. Шендриков. Комитет деятельно принялся за изыскание средств для своей работы. Была организована ежемесячная денежная лотерея; прибыль от нее поступала в кассу комитета, который из этих сумм отпускал средства директорам обоих корпусов. Было сшито новое обмундирование, так как старое пришло в полную негодность. Для сокращения расходов шинели были заменены бушлатами, мундиры же остались как парадная форма, и кадеты их бережно хранили.

Международный комитет, считая, что пребывание кадет в Шанхае может иметь лишь временный характер, с первых же дней своей деятельности стал изыскивать возможности для отправки кадет в Югославию, где уже нашли себе приют корпуса, существовавшие на Юге России. Среди кадет и окончивших корпуса была произведена анкета, с целью выяснить их настроения и желания. После этого началась оживленная переписка между Шанхаем и Белградом, в результате которой было выяснено сочувственное отношение к проекту переезда со стороны В. Штрандмана[372], последнего посланника Императорской России в Белграде, и действитель-

ного статского советника И. Окулича, по докладу которых король Александр I одобрил план переезда корпусов, с целью дать кадетам возможность закончить образование в нормальных условиях. Но нужно было найти необходимые средства на переезд и снабдить корпуса самым необходимым, хоть бы на первое время; главным, хотя и недостаточным, источником средств была лотерея, о которой уже говорилось выше.

Лето 1923 года было жарким, но кадеты, не привыкшие к этому климату, перенесли его легко, проводя свое время на свежем воздухе. Много внимания уделялось футболу и боксу, очень популярным в Шанхае. С наступлением осени возобновлялись занятия. По возможности придерживались прежней программы, но был добавлен английский язык. Были приняты все меры к тому, чтобы занятия шли нормальным путем, но было много затруднений из-за отсутствия учебников и примитивности обстановки.

В день корпусного праздника 6(19) декабря, после торжественного богослужения, директор генерал Руссет принял парад кадет, которые прошли перед ним церемониальным маршем, под звуки фанфар, в присутствии многих зрителей, наблюдавших за кадетами с нескрываемым любопытством и одобрением. Вечером в этот день во французском клубе состоялся большой бал; перед началом бала была поставлена инсценировка стихотворения кадета Морозовича «Возрождение России». Во время действия оркестр тихо исполнил национальный гимн «Боже, Царя храни», при первых звуках которого публика, заполнившая обширное помещение клуба, встала и прослушала его стоя. В концертной программе перед балом участвовали и кадеты, и видные артисты, находившиеся в то время в Шанхае. Бал привлек массу международной публики и прошел исключительно успешно.

Отъезд в Югославию первой партии кадет в феврале 1924 года

Ограниченность средств не позволила отправить весь корпус сразу; поэтому в первую очередь были отправлены младшие классы с приготовительного по 4-й, во главе с директором генералом Руссетом. Путешествие это было описано одним из участников, кадетом В. Андреевым[373], и мы помещаем ниже его рассказ.

«Помню хорошо тот день в феврале 1924 года, когда наша группа в 25 кадет, во главе с директором корпуса генералом Руссетом и полковником Баженовым, шла по главной улице Шанхая к пристани. Впереди шел наш кадетский оркестр, который беспрерывно играл знако-

мые нам строевые марши. За ними шел строем, провожая нас, весь наш корпус. На пристани с нами попрощался весь персонал нашего корпуса и наши старшие товарищи кадеты. На расстоянии мили от пристани стоял на реке большой американский пароход «Президент Харисон», на который нас перевезли на катере; посадка произошла днем, и около 11 часов вечера мы покинули Шанхай.

Наше путешествие было красочным и очень интересным; можно сказать, что мы плыли 40 дней и 40 ночей, с остановками по 2—3 дня в больших портах. Ехали мы в 3-м классе, отношение к нам было прекрасное и со стороны пароходного персонала, и со стороны пассажиров. В нашей группе было несколько музыкантов, и каждый раз, когда на пароходе устраивались «парти» или танцы, нас приглашали на них или как гостей, или как артистов — петь и играть. За все наши выступления нас награждали аплодисментами и подарками, в том числе и денежными. Наше положение было известно всем пассажирам, и они относились к нам с большой симпатией. В 3-м классе не полагалась стирка личного белья для пассажиров, но за каждую лично выстиранную вещь администрация парохода платила 10 центов. Поэтому многие в нашей группе умудрялись одну и ту же рубашку выстирать раз 5—6 за неделю. За каждую выглаженную вещь тоже платилось 10 центов. Кормили нас 4 раза в день и очень хорошо.

Первой нашей остановкой был Гонконг. Здесь мы стояли $^1/_2$ дня, но на берег нас не пустили. Следующая остановка была на Филиппинах, на 1 день в Маниле, которую тоже пришлось рассматривать только с парохода. Потом прибыли в Сингапур, и нам было разрешено сойти на берег, где у нас во время прогулки произошел небольшой эпизод. По городу мы ходили группами в 5—6 человек, и вот группа, в которой был и я, проходя мимо английской кондитерской, получила приглашение зайти к ним в гости. Нас угостили мороженым и пирожными; почему-то один из нас решил, что некрасиво и неприлично съедать все и что надо что-то оставлять на тарелке, чтобы хозяева не подумали, что мы голодны. В результате хозяин был обижен и не мог понять нашу «психологию». Между прочим, мы везде были заметны, так как ходили в кадетской форме, чистенькой и выглаженной, только никто на улицах не мог понять, к какой нации и к какой воинской части мы принадлежим.

Во время путешествия произошел несчастный случай с кадетом Мирецким: когда он стоял близко около лебедки, поднимавшей груз, то, раскачиваясь, она задела его и сломала ему руку. Администрация парохода отнеслась к пострадавшему исключительно внимательно: его сейчас же положили в судовой госпиталь, вылечили, а пароходная ком-

пания добровольно выплатила родителям Мирецкого 10 тысяч долларов компенсации. Были также и веселые случаи, когда кадеты выходили победителями в разных состязаниях. Так, например, проиграв в шашки, побежденный матрос-американец сломал шашечную доску и выбросил ее в море, настолько он тяжело переживал поражение, нанесенное ему маленьким кадетом.

Следующая большая остановка была в Коломбо, на острове Цейлон. Здесь мы стояли 2 дня и сохранили хорошие воспоминания об этой остановке. Группа в 10 кадет была приглашена в гости к богатому русскому владельцу чайных и кофейных плантаций. Хозяин был женат на японке и имел 4 детей. И жена, и дети хорошо говорили по-русски. Любезный хозяин провез нас на своей машине по всему городу и показал нам все достопримечательности, в том числе и большой буддийский храм, в котором находился большой белый священный слон. Там каждому из нас дали на память статуэтку слона, вырезанную из слоновой кости. Перед отходом нашего парохода слуги этого русского плантатора принесли нам на головах, в больших корзинах, много разных фруктов, произраставших на острове Цейлон, и такое внимание нас очень тронуло.

После целой недели плавания наш пароход вошел в Красное море. После остановки в Адене мы прошли мимо берегов Аравии и, пройдя Суэцкий канал, остановились перед одним из главных городов Египта, Александрией. Мы стояли там один день, после чего поплыли дальше, прошли мимо Сицилии и, наконец, вошли в Неаполитанскую гавань. Здесь мы провели $1^1/_2$ дня, в течение которых участвовали в экскурсии на вулкан Везувий. Последним этапом нашего путешествия была Генуя, куда прибыли утром. Там мы сошли с парохода и вечером, в тот же день, поехали поездом в Королевство С.Х.С. На границу прибыли ночью, и там, в пограничном городе Пакек, была проверка наших документов. На следующий день приехали в Белград, где нас встретили чиновники Державной комиссии, которые провели нас в большой сербский ресторан, находившийся около вокзала. Там нас накормили сербским обедом, который я долго не мог забыть, так как на второе дали фаршированный перец до того жгучий, что у меня весь день был обожжен рот. Нельзя не упомянуть о том, что эти чиновники, узнав, что мы обладаем слонами из слоновой кости, купили их у нас по 20 динар за каждого; после мы узнали, что цена им была по 300 динар за штуку.

Вечером в тот же день мы уже ехали поездом в город Билече, где находился Донской кадетский корпус. Наш путь продолжался, кажется, два дня; мы высадились в городке Требинье, откуда на грузовиках

нас доставили в Билече, прямо к казармам, которые занимали корпус, где нас встретил его директор, генерал Перрет[374]. В Донском корпусе я попал в 3-ю сотню, к полковнику Суровецкому, где и началась моя новая жизнь».

К воспоминаниям В. Андреева следует прибавить несколько слов о том, что в Донской корпус была отправлена лишь часть прибывших кадет, другие же были помещены в Русский кадетский корпус в Сараево. Все хлопоты генерала Руссета о самостоятельном существовании Сибирского корпуса не увенчались успехом. Ему самому и прибывшим с ним служащим было оказано содействие в приискании службы и устройстве своей судьбы.

Последний год в Шанхае и отъезд в Югославию 2-й группы

После отъезда в Югославию генерала Руссета временно исполняющим должность директора корпуса стал преемственно полковник В.И. Попов-Азотов. Оставшиеся кадеты снова переехали в новое помещение на Бабблинг Уэлл Род, которое было тесным и не отвечало нуждам учебного заведения. Здесь был произведен 2-й выпуск в Шанхае (97-й) и последний из корпуса вообще, как это вскоре выяснилось. Почти все окончившие остались жить в корпусе, что еще больше усложняло и без того трудную обстановку, в которой персоналу приходилось справляться с трудным делом воспитания кадет в таких сложных условиях. Кадеты сами поддерживали дисциплину и помогали проводить в жизнь обычный уклад и распорядок, сдерживающий их от соблазнов Шанхая.

Пребывание корпуса в этом последнем месте напоминало сидение на чемоданах. Все ждали близкого отъезда в Югославию; Международный комитет всеми силами старался ускорить этот отъезд, но трудно преодолимым препятствием была необходимость израсходовать сразу крупную сумму на отправку всех желающих вместе. Лотерея давала недостаточно средств, но они в значительном размере уходили на текущие расходы. Наконец, после долгих переговоров, китаец-предприниматель лотереи согласился авансировать необходимую сумму для отправки корпуса, при условии погашения долга дальнейшими выпусками лотереи. Уехать из Шанхая было предложено всем — и кадетам, и окончившим корпус, и чинам персонала. Кадеты, не кончившие корпус, решили переехать почти все, но среди окончивших было много таких, которые уже нашли службу или работу, поэтому большая часть их осталась в Шанхае.

Отъезд был назначен на 6 ноября 1924 года. Сборы были очень несложными, имущества было очень мало, и погрузка на пароход «Партос» произошла без задержек. Священник отец В. Яхонтов, остававшийся в Шанхае, отслужил напутственный молебен; остающиеся в Шанхае пришли проводить уезжавших в Югославию воспитателей и однокашников, с которыми было пережито столько тяжелых и полных лишений дней. С тяжелыми чувствами и думами простились они с родным корпусом, который отправился в Югославию, чтобы передать в другие кадетские корпуса своих последних немногочисленных питомцев.

Кадетам на «Партосе» был предоставлен носовой трюм, заполненный нарами в два этажа с перегородками поперек, около каждого места, чтобы предохранить от падения во время качки. Педагогический персонал разместился в 4-м классе, а высшие чины обоих корпусов в 3-м классе. Путешествие длилось немного больше месяца и закончилось 9 декабря; шли, конечно, тем же путем, что и при плавании 1-й группы, и заходили в те же порты. Кормили сносно, но вначале порции были малы, а главное, все подавалось на стол не соленым. Администрация парохода обещала улучшить пищу по приходе в Сайгон и даже перевести кадет на более лучшее питание 3-го класса.

Погода стояла прекрасная, качки не было совершенно, но сильно чувствовалась жара, и те, у кого было летнее обмундирование, оделись в него. Оркестр начал свои сыгровки; несмотря на то что лучшие музыканты остались в Шанхае, пассажирам это нравилось. Также нравились им русские песни, которые кадеты пели по вечерам, устроившись на баке, причем многие пассажиры подходили и даже подпевали. В Гонконге пустили на берег по 4 человека от каждого класса, в две смены. Появилось много торговцев-китайцев со всякими ненужными вещами, но почти никто из кадет не соблазнился, тем более что еще не выдали обещанных карманных денег. Во время этой стоянки произошло несчастье с кадетом-хабаровцем Моллером 2-м, который упал в трюм и сломал себе руки и ногу. Его пришлось поместить в госпиталь, где он и остался. Гонконг покинули 10 ноября и пошли в Сайгон. Вскоре после выхода в открытое море пошел дождь и разыгрался шторм; началась качка, иллюминаторы пришлось закрыть, в трюме стало душно, и многие почувствовали себя неважно. К счастью, на следующий день «Партос» приблизился к берегу и качка улеглась; пароход шел так близко от берега, что можно было свободно наблюдать пышную растительность побережья. В 8 часов утра 12 ноября на борт был принят лоцман и пароход вошел в устье реки Меконг, направляясь в Сайгон, находившийся в 40 милях выше

В Сайгоне стояли с 12-го по 15 ноября, и все были отпущены на берег, где осматривали город и побывали в казармах французского гарнизона, где смогли принять душ. На пароходе кадет навестил начальник штаба гарнизона, который дал описание своих воинских частей, состоявших главным образом из туземцев. Но пребывание в Сайгоне омрачилось новым несчастным случаем: кадета Шестакова поразил солнечный удар, и его пришлось поместить в госпиталь и оставить там.

17 ноября днем прибыли в Сингапур, но пробыли в этом порту недолго. Были на берегу, в городе, который всем понравился, но видели в нем в общем мало, тем более что стояла удручающая жара, несмотря на ноябрь. Утром на следующий день пароход снова вышел в море и направился к острову Цейлон. Переход длился семь суток, в течение которых вокруг было лишь одно безбрежное море, летучие рыбы с крыльями, как у стрекоз, да гоняющиеся наперегонки вокруг парохода дельфины. Встреченный французский пароход кадеты приветствовали так, как если бы на нем плыли соотечественники и друзья, и публика с того парохода с таким же жаром отвечала на эти приветствия.

19 ноября кадетский оркестр был приглашен в 1-й класс, играть вечером в салоне. За эту игру музыканты получили небольшое вознаграждение, 50 франков на 10 человек, что было, конечно, очень немного. По мере удаления от Шанхая стали появляться новые заботы. Стали составлять списки окончивших корпус и желающих поступить в 8-й класс в Югославии, что было необходимо для получения аттестата зрелости и стипендии при поступлении в университет. Говорили, что аттестаты за 7 классов выдадут в Коломбо и оттуда пошлют телеграмму в Югославию, со списком едущих кадет. Одновременно начали заниматься сербским языком. Среди пассажиров оказался серб, который выразил желание заняться преподаванием, но начало было неудачным — его укачало, и уроки были отложены на неопределенное время.

Около полуночи 22 ноября показались огни Коломбо. Кадеты высыпали на палубу и жадно следили за приближающейся землей, но пароход подходил чуть ли не целый день, огибая остров с юга. Но вот, наконец, и бухта, и берег сказочного острова Цейлон. Бирюзовое небо и море сливаются на горизонте, и между ними пышный тропический сад, с яркой зеленью пальм и каких-то невиданных растений. В таких выражениях описывал свои впечатления один из кадет 96-го выпуска, в будущем архимандрит отец Василий Кондратович. После некоторого ожидания кадеты получили разрешение сойти на берег и веселой гурьбой расселись по лодкам и отправились в город. Он произвел на всех очень хорошее впечатление своей величиной и богатством, особенно же

великолепный, как дворец, отель, расположенный на самом берегу океана. Кадеты ходили по городу, расставляя по-морскому ноги, и им все казалось, что земля покачивалась под их ногами. По возвращении на пароход увидели, что его облепили со всех сторон, как назойливые мухи, десятки лодок с почти обнаженными продавцами всякой всячины, начиная от фруктов и сластей, кончая шкатулками и другими изделиями Индии. Профессиональные пловцы с лодок предлагали бросить в море монету, и с высокой палубы было отчетливо видно, как они извивались в глубине и, поймав монету, выплывали на поверхность. Другие ныряли под пароход, проплывали под ним и появлялись с другой стороны, а кадеты с тревогой следили, не появится ли белый плавник акулы, которых так много в этих водах. С удивлением заметили, что многие туземцы умеют объясняться по-русски, но было непонятно, как они могли научиться нашему языку.

24 ноября «Партос» покинул Коломбо; предстоял самый длинный переход в 9 суток, со следующей остановкой в Джибути. В своих воспоминаниях В. Кондратович так описывает этот переход: «Беспредельная водная ширь окружает нас со всех сторон. Все, что мы видим с утра до вечера, это сверху ясное синее небо, по которому медленно движется раскаленный шар тропического солнца, а под ним прозрачная синяя глубина. По вечерам, перед заходом солнца, на горизонте появляются причудливые облака, окрашенные во всевозможные цвета, представляющие феерическую картину. Мы часами созерцаем дивные краски сказочного юга...»

Чтобы скрасить монотонность плавания, для кадет организовали лекции при содействии нескольких офицеров Генштаба, бывших среди пассажиров, а также и занятия сербским языком. Оркестр устраивал на палубе сыгровки, которые привлекали много слушателей из среды пассажиров. В салоне 1-го класса был организован большой концерт, на котором оркестр исполнил «Семирамиду» и отрывки из «Евгения Онегина», заслужив шумное одобрение слушателей. Затем организовался хор, к которому примкнули и некоторые пассажиры. Все это помогало переносить однообразие путешествия и убийственную жару, которая в Красном море давала себя чувствовать и ночью. В Джибути стояли лишь несколько часов и утром 4 декабря пришли в Суэц, где было прохладнее и можно было снова надеть обычную кадетскую форму. В Суэце стояли почти целый день, дожидаясь очереди для прохода через канал. Чтобы не загромождать его, там был установлен такой порядок, что суда, идущие из Средиземного моря, пропускаются через канал днем, а суда из Красного моря — ночью. Поэтому «Партос» простоял в порту до вечера и двинулся вперед уже с наступлением темноты. Она не позволила разгля-

деть как следует окрестности, но было все же видно, что берега канала местами обсажены пальмами, которые образуют как бы аллею, по которой движутся пароходы. Рано утром 5 декабря «Партос», пройдя канал, пришел в Суэц, где сразу почувствовался декабрь: холодный ветер гнал навстречу волны Средиземного моря, а низкие облака несли дождь и туман. Среди бурных волн возвышалась бронзовая статуя Лесепса, строителя канала, выдвинутая далеко в море на длинном молу. Кончился знойный, красочный Восток, впереди была холодная Европа, где должна была окончательно решиться судьба корпуса.

Через 4 дня плавания по Средиземному морю «Партос» подошел к берегам Югославии. Перед кадетами открылся Сплит, расположенный на склоне Далматинских гор. В 9 часов утра 9 декабря кадет высадили на мол, туда же навалили корпусные вещи, и пароход, дав прощальный гудок, ушел дальше продолжать свой путь. Кадеты оставались на молу почти целый день, так как помещение для них еще не было приготовлено. Наконец, к 4 часам дня было приказано построиться, и корпус, под звуки марша, отправился к отведенным для него казармам 11-го пехотного полка. Они были укреплены и походили на небольшой форт.

В этих казармах кадетам предоставили несколько больших комнат, выдали железные кровати и соломенные тюфяки, а вечером накормили горячей пищей. Несмотря на полное отсутствие комфорта, кадеты все же почувствовали себя наконец в спокойной обстановке; как-никак, но это была твердая земля, а не бурные морские волны. Через несколько дней в казарму прибыл сербский православный священник, который отслужил молебен, на котором пел кадетский хор. По окончании молебна выступил с приветственной речью к кадетам прибывший в корпус представитель Державной Комиссии.

В один из последующих дней корпусной оркестр выступал на Народном Торгу, собрав огромную толпу слушателей, которые бурно приветствовали каждый исполненный номер. По вечерам некоторые кадеты ходили на эту городскую площадь, где в эти часы обычно устраивались гулянья. Местные жители, среди которых многие ходили в национальных костюмах, с большой симпатией относились к кадетам, в которых справедливо видели настоящих, достойных представителей Великой России.

Как только корпус более или менее устроился на новом месте, была отправлена Великому князю Николаю Николаевичу телеграмма о благополучном прибытии в Югославию. На эту телеграмму был вскоре получен ответ от Великого князя; была также получена приветственная почтограмма от Главнокомандующего генерала Врангеля. Вскоре после

этого и. д. директора, полковник В.И. Попов-Азотов, уехал в Белград, чтобы выяснить дальнейшую судьбу корпуса. Его отсутствие продолжалось около двух недель, и это время было наполнено тревожным ожиданием. Всех волновала мысль — удастся ли остаться всем вместе, или корпусу суждено будет прекратить свое существование на далекой чужбине. Эти тревожные опасения скоро подтвердились: полковник Попов-Азотов вернулся из Белграда с печальной вестью: правительство Югославии не могло сохранить корпус, так как в стране уже находилось три русских кадетских корпуса, поэтому вновь прибывших было решено распределить по этим корпусам.

Ввиду такого решения и. д. директора, полковник Попов-Азотов, 1 февраля 1925 года издал в Сплите (Далмация) следующий приказ № 32 по корпусу:

«Дорогие кадеты Александровцы! Сегодня, 1 февраля 1925 года, воспитывавший вас 1-й Сибирский Императора Александра I кадетский корпус прекращает свое существование.

Как спаянная любовью семья стремится продлить дни находящегося на смертном одре любимого прадеда, так и мы, да будет это нам в утешение, сделали все от нас зависящее, чтобы отдалить на несколько лет оказавшуюся, увы, неизбежной кончину дорогого нам корпуса.

Сохраните же навсегда незапятнанной светлую память об орлином гнезде — питомнике героев, 112 лет даривщем Родине самоотверженно-стойких и безупречно верных работников на всех поприщах Государственного служения.

Запечатлейте, как святыню, в своих юных сердцах вензель «А I», который вы с гордостью носили на погонах, и да останется он для вас навеки эмблемой чести и благородства, которыми, как драгоценный бриллиант, блистал Венценосный Рыцарь, Основатель корпуса. Да будет этот вензель, выкованный в жгучем пламени любви к нашей страдалице-Родине, которым, знаю, горят детски чистые сердца ваши, той ладонкой, которой прадед — Корпус благословляет вас на жизненный подвиг. В этой ладонке кристаллизировались священные заветы старины русской и традиции, которыми корректировали свою жизнь деды и отцы ваши.

Спасибо вам, дорогие сотрудники, господа офицеры, до конца исполнившие свой долг. Когда наступит радостный день возвращения на Родину, а он, верю, близок, убежден в неминуемости возрождения в ряду других и нашего славного корпуса. Будущий историк страдного периода его существования не забудет увековечить ваши имена.

Пока же не наступил этот вожделенный день, работайте, кадеты, не покладая рук спешите обогатить ваш ум знаниями, закаляйте вашу

волю, преумножайте ваши физические и духовные силы. Помните, что Родина-мать ждет вас, нуждается в вашей помощи. Но нужны ей не слабосильные робкие полузнайки, а могучие душой и вооруженные знаниями богатыри.

Только таким по плечу поднять с одра тяжкой затянувшейся болезни нашу страдалицу-мать. Прочь пошлые, своекорыстные, себялюбивые расчеты, не место им в этом святом деле и не к лицу они Александровцам. Итак, с Богом, родные Александровцы, вперед за работу и да благословит вас Господь.

И. д. директора 1-го Сибирского
Александра I кадетского корпуса
полковник *Попов-Азотов*».

В один ненастный февральский день кадет погрузили в последний раз на маленький пароход, вернее, катер, и отправили в большой порт на юге Далмации — Груж, откуда железная дорога расходилась в разные концы страны. Отсюда кадеты были разосланы в разные стороны: младшие классы в Донской корпус в Черногории, седьмой класс — в Сараево, в Русский кадетский корпус, а окончивших кадет разбили на две группы: одну послали на технические курсы при артиллерийском заводе в Крагуевце, а другую — на железнодорожные в Белграде. Отправка производилась двумя эшелонами: с 1-м уехали кадеты от 6-го класса и младше в Донской корпус, а со 2-м эшелоном — 7-й класс с оркестром в Сараево и окончившие корпус на курсы в Белград и Крагуевац. Последние часы перед разъездом из Сплита были описаны кадетом 96-го выпуска Н. Морозовичем в журнале «Кадет Сибиряк-Александровец», № 1, июль 1925 года.

«Кажется, навсегда врежутся в память дни вынужденной кончины родного корпуса. Поздний вечер... За окном надрывно плачет ветер. В неприветливой казарме Сплитского гарнизона кучками собираются кадеты. Грустно мигает керосиновая лампа, сыро, полутемно... Лица унылые, не слышно обычных шуток-острот, молодого заразительного смеха... Доживаем последние дни вместе. Завтра уезжают 6-й и 5-й классы и большинство малышей в Донской корпус, а дня через два разбивается и остальная дружная кадетская семья: кто в Сараево, кто в Белград, Крагуевац. Настроение похоронное... Хочется побыть последние минуты вместе, почувствовать, что связь еще не оборвалась, что час еще не настал.

Несмотря на то что укладка уже была, дежурный офицер, понимая нас, не гонит спать. Больно щемит в груди, и невольно поднимается злоба на свое бессилие побороть, разбить роковую обстановку, привед-

шую к концу... В чем, где смысл нашей борьбы за сохранение корпуса, где смысл наших мытарств, полуголодных последних дней в Шанхае? За этим ли мы сюда ехали?

Так хотелось верить, верилось, что корпус, пройдя великий путь Омск—Сербия, огрызаясь от наседающего врага, оставляя десятки лучших кадет в степях Семиречья, на сопках Забайкалья и Приморья, найдет, наконец, тихую пристань и, отдохнув, перейдет к мирной творческой работе.

Скверно на душе... Кое-где вспыхивает песня, грустная повесть о гибели Ермака — покорителя Сибири, любимая песня кадет. Вспыхнет и стихает. Не поется... Скорбными, понимающими очами смотрит со стены Спаситель. «За что, Господи?»

Дождливое темное утро. Подводы с вещами уезжающих и сами они ушли. Дежурный офицер-воспитатель строит всех остающихся идти провожать. «Равняйсь! Смирно!» — и рота, имея в голове оркестр, черной узкой лентой потянулась из казармы.

Лица после бессонной ночи хмурые, усталые, шаг вялый. Но вот грянул бодрый марш, привычно четко начала «печатать» рота, все мигом подтянулись. Свежий ветер гнал последние следы усталости с лиц. Высунулись из окон несколько растрепанных голов хорватов, разбуженных столь несвоевременной прогулкой «русов», мелькнули Диоклитиановские ворота, и мы на пристани.

Катер. Мелькают суетливые фигуры кадет, лица местной русской колонии, так тепло нас встретившей. Последние слова прощания, крепкие пожатия рук, обещания писать, держать связь — и катер чуть заметно стал отделяться от мола. «Провожающие, строиться!» Длинной ровной линейкой вытянулась рота. Грянул марш «Звериады», загремело в утреннем тумане наше прощальное «Ура!». С катера ответили. Долго еще стояли мы, катер был едва виден, а оркестр все играл, знакомый дорогой кадетам мотив все звенел, и невольно проплывало перед глазами прошлое, горькое, тяжелое, но так спаявшее нас в минуты стихийных крушений, так сроднившее нас. Пусто на душе. В который раз смыкаем мы ряды? Встретимся ли?..»

Сибиряки-александровцы в Русском кадетском корпусе в Сараеве

Через два дня после отъезда из Сплита первого эшелона настала и наша очередь. Был пасмурный день, который как нельзя больше соответствовал нашему настроению. На небольшом пароходе нас перевез-

ли в город Груж, откуда все разъехались по своим местам назначения. Наш 98-й выпуск в составе 33 кадет выехал в город Сараево, куда прибыл 7 февраля 1925 года, после двухдневного пути. С нами были также 96-го выпуска И. Петунии и В. Кондратович, и 97-го выпуска П. Топорков и В. Утков, пожелавшие подготовиться к поступлению в университет.

Город Сараево расположен в горной долине, по которой бежит речка Милячка. В «Звериаде» Русского кадетского корпуса так определялось его местонахождение: «Стоит Сараево глубоко над быстрой горною рекой...» Нам было известно, что в корпусе нет оркестра, и мы еще в дороге мечтали, как мы строем пройдем по городу, под звуки оркестра, и торжественно прибудем в корпус. Ведь нас 37 кадет, и наш оркестр состоял из 14 музыкантов, да еще каких! Но, увы, сразу же, как только мы выгрузились из поезда, наши мечты о прохождении через город с оркестром были разбиты. Встретивший нас на вокзале офицер-воспитатель Русского корпуса передал нам приказ директора генерала Адамовича — «идти в корпус без музыки». Сразу повеяло холодком. Погрузив вещи на подводы, пошли в корпус.

Прошли набережной Милячки, разделявшей город на две части, до моста через нее, носившего имя Гавро Принципа. За мостом, у подножия горы Требевич, стояло здание корпуса — Казарма короля Петра I. На этом мосту в 1914 году серб Гаврила Принцип убил эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу. Это убийство дало повод начать Первую мировую войну Австрии и Германии, а за ней последовали у нас революция, Гражданская война, а для нас это привело к отъезду нашего корпуса сперва из родного гнезда, затем оставление Родины, пребывание в Шанхае, переезд в Югославию и конец нашего корпуса; а около этого моста, в здании Русского корпуса, нашему 98-му выпуску суждено было кончить курс обучения и сдать экзамены на аттестат зрелости.

Перейдя мост, через большую площадь направились к казарме, о которой в «Звериаде» сараевцев (как в то время называли кадет Русского кадетского корпуса) пелось: «...там на площади угрюмой казарма старая стоит, она уныла как могила, над ней всегда висит туман...» На месте этой казармы последовательно размещались и римские легионеры, и турецкие аскеры, и австрийские солдаты, теперь казарма приютила и одесситов, и киевлян, и остатки полочан, а теперь принимала и нас — кадет-сибиряков. Пройдя в ворота под трехэтажным зданием корпуса, мы вышли на большой плац, с трех сторон окруженный зданием казармы в форме буквы «П», а четвертая сторона замыкалась конюшнями. Пусто, никого нет. Лишь за закрытыми окнами верхнего

этажа видна масса кадетских голов и приветливо машущие руки. Остановились и подравнялись. Офицер, встретивший нас на вокзале и сопровождавший сюда, пошел с докладом к директору корпуса. Ждем.

Наконец появился худой, моложавый, с прекрасной выправкой генерал. «Смирно! Равнение направо!» — «Здравствуйте, кадеты!» Наш ответ, и затем резкий, решительный голос директора: «Вы приехали сюда для того, чтобы подготовиться к экзамену на аттестат зрелости по программе вашего корпуса. Для вас отведено отдельное помещение — спальная, а над нею класс для занятий. Вы здесь гости. Общение с другими кадетами запрещено. Ваши «бирюльки» (музыкальные инструменты) сдать в цейхгауз. Они вам не нужны. Надеюсь, что у меня с вами не будет никаких недоразумений и вы подчинитесь всем моим требованиям». Сказал и ушел. Мы стояли ошарашенные и убитые, только приветливо махавшие нам за окнами кадеты-сараевцы ободряли нас. «Ну вот и попались!» — думали мы.

Подавленные оказанным приемом, мы молча сдали в цейхгауз, находившийся рядом с нашей спальной, музыкальные инструменты и мрачно уселись на кроватях. Вдруг стук в окно, как будто кто-то бросает в него камешком. Смотрим, а за окном веревочка с запиской, спущенная с верхнего этажа. Берем послание и читаем: «Не унывай, ребята!..» — а дальше ряд теплых ободряющих слов и приветствий. Спасибо, сараевцы, вы нас поддержали как раз в нужный момент. Мы ожили — мы не одни! Обсудив положение, решили не посрамить имени сибиряка-александровца и нашего корпуса.

Вскоре к нам пришел командир 1-й роты Русского корпуса, полковник Орлицкий, который подтвердил нам, что в корпусе мы пробудем лишь минимальное время, необходимое для подготовки к экзамену по программе старых кадетских корпусов за 7 классов, и после сдачи экзаменов должны будем уехать из корпуса на слесарно-монтажные курсы. Все наше время распределено так, что мы нигде не сможем встретить кадет Русского корпуса. Когда у них урок — у нас перемена, когда у них свободное время — у нас занятия и т. д. Говоря иными словами, мы оказались в карантине. Внизу наша спальня с окнами на площадь; между площадью и нашим зданием маленький палисадник с рядом деревьев в нем. Над спальней наш класс для занятий. В том этаже, где спальня, лишь цейхгаузы, кухня и столовые. От нашей спальни из коридора, сразу же у двери на плац, идет лестница в наш класс и далее на 3-й этаж в библиотеку, которой мы можем пользоваться во время вечерних занятий сараевцев. Из библиотеки дверь в корпусной зал, где по субботам ставился иконостас и шло богослужение, всенощная, а по воскресеньям литургия. Воспитателем у нас бу-

дет наш полковник Попов-Азотов, а поэтому мы должны его всецело поддержать.

Мы привели в порядок спальню, покрасили стены класса. Выскоблили стеклом давно не чищенный паркет и натерли его воском. Украсили стены класса выпускными группами 96-го и 97-го выпусков и портретами Государя и наших вождей. В углу поставили складень с иконой святого Николая Чудотворца, благословение корпусу Сибирского казачьего войска, и засели зубрить. Держали мы себя на высоте, и за все время нашего пребывания в корпусе у нас не было ни одного проступка. Преподаватели и воспитатели наперебой хвалили нас. Но я зашел слишком вперед, поэтому вернусь немного назад.

Недели через две после нашего прибытия в корпус генерал Адамович (или попросту Адам, как его звали кадеты) отправился на вокзал, с намерением уехать куда-то на целый день. У наших музыкантов «зазудились легкие» — захотелось поиграть. Но как достать инструменты из цейхгауза? Придумали следующее: старший музыкант Рыбин отправился к полковнику Орлицкому и доложил ему, что инструменты наверняка испортятся, если их не продуть и не прочистить. Поверил ли этому Орлицкий, или нет — не знаю, но только он разрешил взять их из цейхгауза, но не больше как на один час. В один момент музыканты расселись на кроватях и с упоением заиграли музыкальные произведения, разученные в Шанхае. Сараевцы, гулявшие в это время в корпусном саду, находившемся перед главным фасадом корпусного здания, перелезли через забор сада и залезли в запретный палисадник около нашей спальни, заполнив все наши окна. Я стоял прислонившись к закрытой двери в коридор. В середине попурри из оперы Чайковского «Евгений Онегин» кто-то из коридора начал открывать эту дверь. Я приоткрыл ее и посмотрел, кто там... — и — о ужас! — сам Адам стоял за дверью!

Он приложил палец к губам и, входя, сделал знак не вставать. Под звуки арии Ленского «Куда, куда вы удалились...» он прошел и сел на кровать, опустив голову на руки и закрыв руками глаза. Сараевцы при виде Адама исчезли из окна, но, не слыша разноса, снова заполнили их. Что переживал в этот момент этот строгий и требовательный генерал — не знаю, но мне казалось, что он плакал. Закончив попурри, Рыбин скомандовал: «Встать, смирно!» Все встали и замерли, и я думаю, что в этот момент у всех в голове была одна и та же мысль — что же теперь будет? Посидев еще несколько мгновений в той же позе, Адам встал и тихо оказал: «Спасибо, сибиряки! Инструменты оставьте себе, а ты, Рыбин, пойдем со мной». И это все. Ни разноса, ни наказания, ни нам, ни торчавшим в окнах сараевцам.

Адам с Рыбиным ушли, а мы еще несколько мгновений стояли, озадаченные такой развязкой. Затем бурная радость обуяла нас. К нам в спальню, через окна, влезли сараевцы, и мы вместе живо обсуждали происшедшее, с нетерпением ожидая возвращения Рыбина. Он вернулся приблизительно через час и сообщил, что «карантин» снят и мы теперь можем общаться с другими кадетами и ходить по зданиям корпуса. Громкое «Ура!» покрыло это радостное для нас сообщение. Далее Рыбин рассказал, что Адам расспросил его о репертуаре оркестра и о всех нас и что на следующее же воскресенье он назначил первое выступление нашего оркестра, первый концерт для персонала корпуса и кадет. Концерт будет в зале корпуса, и для него Адам выбрал попурри из «Евгения Онегина» и из оперы «Вильгельм Телль», увертюру из оперы «Семирамида» и некоторые места из «Пиковой дамы». Итак, мы победили, вернее, наш оркестр, завоевавший своей игрой нашу свободу и признание нас директором быть достойными гостями корпуса. Быстро расхватали нас сараевцы и повели знакомить с корпусом. Стена, воздвигнутая вокруг нас Адамом, была сломана, и мы вошли в жизнь корпуса.

Первый концерт нашего оркестра прошел блестяще, за ним последовал целый ряд других, и в корпусе, и в городе, и все они прошли с большим успехом. Наши певчие вошли в корпусной хор. В ответ на признание нас и включение в жизнь корпуса мы решили еще больше подтянуться и не дать никому повода упрекнуть нас в чем-либо. Ведь мы были «последние могикане» нашего корпуса.

В середине мая корпус посетил Главнокомандующий Русской армией генерал П.Н. Врангель. На параде участвовал наш оркестр, и мы, сибиряки, были ему представлены. Первое время мы ходили в форме нашего Сибирского корпуса, но наше обмундирование износилось, и мы переоделись в форму Русского кадетского корпуса. Занятия шли своим чередом, и мы вовсю готовились к экзаменам, которые блестяще выдержали в середине октября 1925 года. Никто из нас не провалился, никто не получил ни одной переэкзаменовки.

После экзаменов, по установившемуся в корпусе обычаю, ездили с генералом Адамовичем на прогулку в горы, на станцию Стамбульчич, где по тому же обычаю снялись на каменной стенке крыла моста, там, где снимались все выпуски Русского корпуса. По желанию Адама кадеты-сибиряки расположились в виде вензеля Шефа корпуса — А I, как он изображен на погонах, причем точкой был самый младший сибиряк в корпусе, сын полковника Попова-Азотова, Вова.

Итак, 98-й выпуск пережил свой корпус на семь месяцев и окончил его в составе другого корпуса. После окончания курса наук боль-

шинство кадет этого 98-го выпуска были отправлены в город Крагуевац, на слесарно-монтажные курсы, а десять лучших по учению были оставлены при корпусе для прохождения курса 8-го класса, необходимого, как говорили, для получения высшего образования. Эти десять сибиряков были включены в 7-й класс, а всего в корпусе было 8 классов. В числе оставляемых был и В. Кондратович, но он не захотел остаться и уехал в Белград, где поступил на технический факультет университета. О нем следует сказать несколько слов, так как он получил большую известность также и здесь, в Соединенных Штатах.

Через год он перешел на богословский факультет и принял монашество. Закончил факультет в сане иеромонаха и был отправлен в Российскую Православную миссию в Иерусалим на должность секретаря. Там он получил сан архимандрита, изучил арабский язык, но заболел сахарной болезнью и был вынужден переехать в США, в город Сан-Франциско. Оттуда он был вызван в Нью-Йорк для принятия должности секретаря Синода. В Нью-Йорке его болезнь резко ухудшилась, и доктора потребовали его отъезд из этого города. Отец Василий вернулся в Сан-Франциско, где и скончался в 1958 году.

В. Соколов[375]

ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I КАДЕТСКИЙ КОРПУС[376]

После революции 1917 года правительство Керенского переименовало корпус в «Сибирскую гимназию военного ведомства». По его же распоряжению знамя было тайно от кадет вывезено в Петроград и сдано новому правительству. В кровавые дни власти большевиков в Омске кадетам запретили носить погоны. Оберегая их от грубых издевательств, 18 января 1918 года (ст. ст.) кадеты похоронили свои погоны. После вступления Белой армии в Омск в 1918 году в ноябре корпус стал снова именоваться «Первый Сибирский кадетский корпус». 30 июля 1919 года с отступающей Белой армией кадеты покинули родное гнездо в Омске и через месяц осели во Владивостоке на Русском острове.

В Омске здания корпуса отвечали всем нуждам, но были скромней, чем во многих других кадетских корпусах. Не было общего сборного зала.

На Русском острове роты размещались вблизи бухты Рында в трех отдельных смежных казармах в 3 этажа из красного кирпича. На ниж-

них этажах находились службы и столовая. Классы помещались на вторых этажах, а спальни на третьих. В четвертой казарме, в отдалении от других, жили служители, а воспитатели и преподаватели помещались в отдельных офицерских каменных домах из 3—4 комнат со всеми удобствами, включая электричество. Эти дома были широко разбросаны по холмам в лесу и соединялись проезжими дорогами. Трудно представить себе что-либо лучшее.

Природа на острове — роскошная; дикий, но съедобный виноград, малина, грецкие орехи. Я нигде не видел такого изобилия полевых цветов, включая орхидеи, а также птиц, бабочек и геологических окаменелостей.

С острова во Владивосток ходил 2—3 раза в день катер. Много глубоких бухт врезается в остров, диаметром приблизительно в 10 миль.

Остров являлся главной защитой Владивостока, с очень сильными и «современными» тогда фортами. С началом Первой мировой войны они были разоружены и гарнизон уведен на запад, поэтому там осталось много свободных помещений, а населения почти не было. Не было ни ресторанов, ни кафе, ни лавок. Около нас китаец открыл маленькую лавчонку.

Там же жило несколько китайских и корейских фермеров. Мы могли уходить из казарм когда угодно. Конечно, к урокам, еде, сну и церковным службам возвращались. Одно время красное правительство разрешило на Закон Божий и церковные службы не ходить; сразу же 7-й класс запретил «ловченье» от Закона Божьего и церкви.

У нас было несколько больших парусных и весельных лодок, и на них мы совершали многодневные поездки по окружным островам.

Скоро образовались группы «музейщиков», «натуралистов», «парковщиков» и «покосников». Они создавали музей естественной истории, строили парк около корпуса, косили сено для рабочих лошадей. Оркестр, хор, сцена занимали у всех все остальное время. (Были, конечно, и «кобеля», которые думали только о танцах и вечеринках.)

Все жили впроголодь, а зимой в холоде. Обмундирование было то румынское, светло-серое, то английское. Но также для всех в цейхгаузах хранились старые формы. Их выдавали для парадов и отпусков. Седьмой класс имел винтовки, когда политической строй был на нашей стороне. Многие из 1-й роты участвовали в восстаниях против красных, и один из них, Михаил Блосфельд, был ранен 30 марта 1921 года и умер от ранения. Его похоронили на Русском острове на «кадетском» кладбище около бухты Бабкина.

Летом многие из 1-й роты разбредались по всяким военным отрядам, а осенью возвращались учиться. Некоторые из них, испытав

«взрослую» жизнь, мало подходили к кадетской, но пользовались уважением за свою «бывалость».

Часто, особенно когда портилось электричество, собирались и пели хором наши любимые песни: «Ревела буря, дождь шумел», «Из-за леса копий и мечей», «Вот казаки идут, разговоры ведут». Пели очень хорошо, на несколько голосов, с запевалой, подголоском, с присвистом и гиканьем.

Пришел конец ужасной Гражданской войне, и 25 октября 1922 года первую и вторую роты посадили на корабли Сибирской флотилии, также и Хабаровский кадетский корпус, помещавшийся там же на Русском острове, но далеко от нас. Третью роту разобрали родители, а оставшихся поместили в местные приюты, и о судьбе их мы не знаем.

Никогда не забуду печальный строй малышей 3-й роты, под командой инспектора классов полковника Забуги[377], вышедших нас проводить. Судьба их как «социально чуждых» красному строю была, конечно, страшной.

Путь в Шанхай для малопригодных кораблей был трудным, и в шторме погибла канонерская лодка «Лейтенант Дыдымов» и с ней 14 сибирских и 19 хабаровских кадет. Гибели ее никто не видел, и следов не осталось.

В Шанхае сибиряков и хабаровцев, со всеми служащими и их семьями, втиснули в один большой особняк на международной концессии. Спали на полу сколько можно было уложить. Вскоре сделали общие нары. Сразу же начали продолжать учение без учебников, больше по лекциям.

Потом корпуса разместили в разных зданиях — сибиряки остались на международном «сеттльменте», а хабаровцы переехали на французскую концессию, и во время китайских беспорядков французы выдали первой роте винтовки. Мы, сибиряки, завидовали такой чести. Кормили нас лучше, чем на Русском острове.

Я кончил корпус в Шанхае в 1923 году — 96-й выпуск. Выпускной бал был роскошным, в одном из лучших «Ball Room» в городе — «Carlton», с очень хорошей программой. Бал устроили на коммерческую ногу, и он дал хороший приход. Себя мы показали отличными кавалерами и танцорами.

Лучшим моментом нашей жизни в Шанхае было участие наших двух оркестров в исполнении увертюры «1812 год», совместно с городским симфоническим оркестром. Наши музыканты были в мундирах. Справа от симфонического оркестра — белые погоны, слева — черные.

Вскоре после нашего приезда образовался международный комитет, главной задачей которого было вывезти куда-то наши корпуса, не подходящие для города в 5 миллионов китайцев, с белым населением толь-

ко в 25 тысяч человек. Была устроена денежная лотерея, и по получении согласия Югославии кадет отправили туда двумя группами в феврале и ноябре 1924 года.

Большинство привезли в Югославию в г. Сплит на французском пароходе «Partos» (22 000 тонн), ушедшем из Шанхая 6 ноября 1924 года. На этом же пароходе плыл и Хабаровский корпус. Кадеты помещались в трюмах с нарами и перилами между местами. Начальство находилось в каютах 3-го класса. Кормили сносно. В портах пускали на берег небольшими группами. Оркестры и хоры обоих корпусов развлекали с большим успехом не только своих, но и пассажиров. По пути заходили в Гонконг, Сайгон, Коломбо, Джибути, Суэц, Порт Сайд и прибыли в Сплит 9 декабря. Там корпуса поместили в казармах 11-го полка.

1 февраля 1925 года оба корпуса были закрыты и перевезены в город Груж.

В тот же день был закрыт Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус, основанный 1 сентября 1900 года.

После закрытия корпусов кадеты 7-го класса были переведены в Русский кадетский корпус в город Сараево. Младшие классы вошли в Донской кадетский корпус в Билече. Окончивших корпус послали на технические курсы при артиллерийском заводе в городе Крагуевце и на железнодорожные курсы в Белград.

По окончании корпусов в Югославии некоторые поступили в сербские военные училища, а многие продолжали образование в университетах Югославии и Бельгии.

Учебному персоналу корпуса пришлось нелегко из-за возраста, семей и потери службы в корпусе; наша благодарность им безгранична.

Оставшиеся в Шанхае, я в том числе, работали где только возможно, и скоро многие достигли хорошего положения. В начале лучше всех зарабатывали музыканты, а многие другие жили впроголодь.

Сразу же после отбытия корпуса создалось кадетское объединение, естественным путем, без устава, но с жизнью по совести. Существовали также объединения в Харбине, Сан-Франциско и на острове Тубабао, куда были вывезены русские из Франциско, вступили и другие кадеты, и оно впоследствии стало называться, и теперь называется: «Объединение кадет российских кадетских корпусов» (ОКРКК), существует и ныне и, возможно, просуществует до 2014 года и дальше, считая, что последний кадет, родившийся в 1934 году, поступил в 1-й класс в 1944 году и проживет 80 лет.

Наш краткий обзор жизни корпуса будет неполным, если мы не упомянем тот внутренний уклад кадетской жизни, который фактически формировал «кадетскую душу». Эти традиционные порядки, установлен-

ные самими кадетами, под названием «традиций» были вписаны в «Звериаду» и очень строго исполнялись. Они передавались от старших к младшим и почитались иногда даже выше тех общепринятых правил, которые прививались кадетам персоналом корпуса. Воспитательский персонал корпуса, состоявший из офицеров, знал об этой внутренней кадетской традиционной жизни и, понимая ее полезность, не препятствовал ей.

Кадет, как будущих военных, не готовили к тихой и сладкой жизни, а к бурной и разносторонней жизни военной среды и к войне. Многие традиции зародились во времена Лермонтова и Пушкина, не всегда бывших лириками. Лермонтов учился в Николаевском кавалерийском училище, которое славилось своим цуком и традициями.

Верность Отечеству, дисциплина, храбрость и безукоризненное товарищество были хребтом воспитания. Воспитатели иногда принимали участие в скромных кадетских «выпивках» 7-го класса, давая урок хороших манер. Иногда дежурные офицеры присутствовали на не совсем цензурных представлениях во время «ансамблей». Это были подготовительные уроки к будущей, не всегда скромной жизни. Анализируя прошлое, нужно сделать поправку на время.

Хотелось бы перечислить все традиции Сибирского корпуса, тем более что, кажется, ни один корпус этого полностью не сделал. Однако думаю, что некоторые могут найти в них внешне отрицательные мелкие стороны, не заметив значительных положительных сторон, запыленных молодечеством. Достаточно лишь сравнить наши старые нравы с местными теперешними, и будет ясно, что оказалось лучше. Ограничусь упоминанием только некоторых традиций, оставляя в стороне шуточные и поддерживающие внутреннюю дисциплину.

Заветы кадетам сибирякам-александровцам: любить Отечество, любить корпус и друг друга. Поддерживать крепкий дух товарищества, помогать младшим, выручать друг друга из беды.

Не забывайте же девиза
Вы кадетского вовек,
Гласит который много лет·
Все за одного, один за всех.

Любите науки, почитайте наставников, заслуживающих того, но не егозите перед ними. При взаимных разговорах всегда говорите друг другу «ты», что касается не только находящихся в корпусе, но и всех бывших воспитанников, в каких бы чинах они ни были.

Духом славного товарищества сибиряки всегда выделялись и выделяются из окружающей среды и отличаются преданностью долгу и Родине, что ясно показывает жизнь.

Своекорыстное поведение в отношении к другому кадет не допускалось. Исполнение «Честного Кадетского Слова» было обязательным, и его почти никогда не давали, а давшего считали неразумным. Строевые приказания исполнялись беспрекословно, «нестроевые» — необязательно.

По традициям во главе корпуса был старший выпускной класс (7-й класс). Он следил за традиционной жизнью корпуса, и распоряжения его должны были строго исполняться. После революции к установленным общим традициям прибавились дополнительные, вызванные обстоятельствами времени. Как было указано выше, большевики запретили кадетам носить погоны. День, когда кадеты похоронили свои погоны, был объявлен «Днем похорон погон». Ежегодно в этот день кадетам запрещалось танцевать, петь, играть и веселиться. В этот день «трубам не играть, барабанам не бить». Все сигналы подавались звонками. Вторично с кадет сняли погоны 22 января 1920 года во Владивостоке, и этот день был объявлен траурным днем.

В 1923 году добавилась в «Звериаде» еще одна традиция о запрещении употреблять наркотики. Это было вызвано тем, что 2 кадета, имевшие родителей во Владивостоке, пристрастились к наркотикам. К ним кадеты применили телесные наказания, и они были вынуждены уйти из корпуса.

ХАБАРОВСКИЙ ГРАФА МУРАВЬЕВА-АМУРСКОГО КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ[378]

Наступил кровавый 1917 год. Предатели Родины, армии и народов Великой Императорской России распяли нашу Родину, вырвали душу Империи — свершили гнусное убийство Помазанника Божия и всей Августейшей Семьи. Волны революции стали захлестывать окраины нашего необъятного государства. Кровавые, жаждущие, они докатились и до нашего прекрасного Амура.

Хабаровцы были верны своим традициям как на фронте, так и в тылу, в своем родном городе. В то время, когда гарнизон украшался красными тряпками-полотнищами, хабаровцы гордо отбросили эмблемы «свободы», «равенства» и «братства», так как знали, что ничего не может заменить священный девиз «За Веру, Царя и Отечество». Хабаровцы были верны своему трехцветному стягу.

Когда дошло известие о формировании отрядов для борьбы за светлое будущее, за освобождение Родины, и хабаровцы, пылая ненавистью к поработителям своей Отчизны, подобно молодым орлам, поле-

тели туда, где шла борьба за счастье Родины. Шинели черного сукна родного корпуса были заменены солдатскими, так как пробираться в одиночку приходилось через красный стан, а имя кадета было в то время как контрреволюционера, как беспощадного бойца за Великую Империю, против слуг Третьего интернационала.

Много славных имен можно привести еще, как пример достойного подражания, будущим потомкам родного корпуса... Не суждено было в те годы возрождению и воскресению родной земли. Настала Голгофа России.

27 февраля 1917 года — началась в Петрограде революция. В первых числах марта, во время заседания Хозяйственного комитета корпуса, были получены первые агентские телеграммы, извещавшие о перевороте и революции. В связи с этим в Хабаровске произошла смена властей и появились уполномоченный нового правительства А.Н. Руссанов и новый командующий войсками генерал Высоцкий.

В Петрограде, под общим руководством начальника Главного управления военно-учебных заведений генерал-лейтенанта Машкеева, образована комиссия по реформе кадетских корпусов в военные гимназии.

Когда же весной 1917 года на смену закона, и чести, и порядка пришла революционная идеология, то в один из дней знамени в церкви не оказалось. Кадеты не придавали этому особое значение, полагая, что оно перенесено опять в покои директора корпуса по соображениям «высшего порядка».

Со слов Г. Гирилловича[379], знамя нашего корпуса было вывезено из покоев директора корпуса, по приказанию Керенского, в Петроград для сдачи новой власти. Можно только предполагать, что под угрозой репрессий не только директору корпуса генералу Никонову[380], но и вверенному ему корпусу, пришлось подчиниться новой власти, выполнив приказ. В этот период времени кадеты, предвидя наступающие события, решили спасти свое освященное знамя. Снять его с древка, древко распилить, а фиктивное знамя, с кожаным чехлом для тренировки знаменщика во время строевых занятий без орла и из какого-то неизвестного материала, сжечь на плацу, чтобы видела обслуживающая прислуга, команда солдат, которая была уже сильно распропагандирована; но события опередили задуманный план, и корпусного знамени не стало.

Первое время, несколько лет после дарования его корпусу, знамя хранилось в Красном углу в покоях директора корпуса, потом было перенесено в новую церковь, где стояло в гнезде рядом с хоругвью у правого клироса и было всегда под чехлом.

Летом 1917 года 13-й выпуск считал, что с началом нового революционного времени «Звериада» может попасть в руки деятелей револю-

ции и этот выпуск является последним в корпусе выпуском. В один из начальных месяцев 1917 года фельдфебель Сергей Бурмейстер, знаменщик Павел Пономарев, Владимир Егоров, Николай Нестеревский, Илья Мамаев, Александр Преображенский, Иннокентий Мунгалов и Виктор Козловский, переехав на другую сторону Амура, торжественно ее сожгли. Это все лица, которые в то время были в Хабаровске, а остальные разъехались. Первая «Звериада» была создана при 10-м выпуске при участии 11-го и 12-го выпусков. Наш поэт В. Петрушевский, 10-го выпуска, написал около 90 куплетов в «Звериаду». Из офицеров-воспитателей расписались в «Звериаде» подполковник Жидовкин и в 1919 году полковник Л. Сейфуллин.

Первый из воспитателей, бывший питомец нашего корпуса, хорунжий Тимофей Жигалин, 6-го выпуска, подписался в «Звериаде», но через некоторое время попросил снять его подпись. На этой подписи был в виде виньетки черной тушью нарисован ствол артиллерийского орудия.

Вторая «Звериада» была создана с 14-го выпуска. Из Шанхая, после эвакуации с Родины, была вывезена в Сербию кадетом Олегом Калюжным, «генералом выпуска», который выехал вместе с корпусом. Дальнейшая судьба «Звериады» неизвестна.

7 августа 1917 года корпус был переформирован в Хабаровскую гимназию военного ведомства, как и все остальные российские корпуса. (Пред. Г.В.У. 6. № 387, прик. кор. № 159.)

В сентябре 1917 года образован родительский комитет Хабаровской гимназии военного ведомства, под председательством инженера Денисова, сыгравший большую роль в деле защиты интересов гимназии в самое тяжелое время жизни учебного заведения, во время последовавших тяжелых событий.

После октябрьского переворота, в ноябре 1917 года, была разогнана старая городская дума и управление городом полностью перешло в руки большевиков. Кадеты и офицерский состав служащих в корпусе отнеслись к перевороту и к новой власти резко враждебно и заняли совершенно непримиримую позицию по отношению к большевикам. Те новшества, которые появились при Временном правительстве, то есть комитеты служащих, вольнонаемных и солдат, участие прислуги в Хозяйственном комитете и др., носили вначале довольно скромный характер и почти не касались учебно-воспитательной области. Но когда кадровых солдат забрали в строй, а вольнонаемных мобилизовали, то служительский состав резко изменился, и к моменту появления большевиков настроения в их среде стали все более угрожающие в мирной жизни корпуса.

Началась агитация среди команды нижних чинов и вольнонаемных служащих (роль преподавателей Уманского, Чмутова, который родом мещанин Курской губернии, ненавидел нашу армию и злобно относился к кадетам, и еще двое других). Демагогические выходки этой группы сильно возбуждали и без того ненадежный состав служителей. Назначение, вместо начальника гарнизона генерала Высоцкого, военного комиссара Кистера.

В декабре кадеты 15-го и предстоящего 16-го выпуска бежали из корпуса в формируемые белые отряды. Некоторые смогли попасть на станцию Маньчжурия Китайско-Восточной железной дороги, в Особый Маньчжурский отряд (ОМО) к атаману Семенову. Кроме того, кадеты приняли участие в рядах войск атамана Калмыкова и в других отрядах и воинских соединениях Сибири, как и в Сибирской флотилии адмирала Старка — гардемаринами.

В январе и феврале 1918 года кадеты-хабаровцы из роты особого назначения были командированы в Особый Маньчжурский отряд, где пробыли девять месяцев и только в октябре отбыли в корпус для продолжения образования.

В корпусе кадеты-отрядники имели право ходить в своей отрядной форме. Поэтому кадеты-отрядники иногда ходили в отпуск в корпусной, а иногда в отрядной форме. Все кадеты-отрядники получали месячное жалованье в размере 80 керенок.

Отряд «Защиты Родины и Учредительного собрания» начал формироваться (в феврале—марте 1918 года) на станции Мулин КВЖД.

Возглавлял отряд штабс-капитан Меди[381], но строевой частью командовал капитан Малчаги-Хан. Первыми кадетами были В. Сейфуллин[382] и И. Реутт[383], которые были командированы на станцию Пограничная с заданием встречать поезда и всех военных направлять на станцию Мулин. Через некоторое время весь отряд переехал на станцию Пограничная и туда приехал капитан Яковлев, который и принял кадетский взвод. Однажды было объявлено, что отряд расформировывается и всем представляется возможность выбора — в отряд атамана Семенова (ОМО) или в отряд ротмистра Орлова в Харбине.

Перед началом летних каникул В. Сейфуллин получил письмо от атамана Семенова, где кадеты приглашаются на время каникул прибыть в Читу, в его личный конвой, обещая хорошее жалованье. Около тридцати кадет согласились и уехали в Читу, но в конце июля получили приказ из корпуса вернуться к началу занятий.

В начале 1918 года занятия прекращаются и в корпусе размещаются люди красного отряда Ангелова. Для того чтобы получить вещи, требовалось получить от Ангелова разрешение. При этом много ве-

щей было растащено по домам. Нередко можно было видеть в городе детей представителей власти в кадетских мундирах.

3 января 1918 года началось вмешательство большевиков в дела корпуса. В этот день было первое насильственное общее собрание служащих, произведенное по настоянию группы преподавателей. Последующие общие собрания служащих гимназии (корпуса) происходили с разделением во время голосования на курильные совещания (на группы по сословному признаку).

Внедрение демократической части служащих в дело воспитания и в управление хозяйством корпуса. Контроль над директором корпуса и над педагогическим персоналом. Образование Учебно-воспитательской комиссии из 5 лиц, под председательством преподавателя Чмутова, ставшей во главе гимназии и в которую вошли членами и низшие служащие.

Замещение сельскими учителями должностей офицеров-воспитателей. Было приказано вместо погон надеть красные ромбики, но этого не было исполнено.

9 марта 1918 года приказ военно-морского комиссара Лейбы Бронштейна (Троцкого), по которому кадетские корпуса были распущены, не убил духа кадет-хабаровцев, и многие ушли добровольцами в Белую армию.

16 марта 1918 года приказ по войскам Приамурского военного округа № 171. Первое расформирование гимназии. Увольнение в отставку с пенсией и за штат служащих. Кадеты, имевшие родителей, были отправлены по домам, те же, у кого не было родителей, были помещены в Хабаровский городской приют на Красной Речке (25 верст на юг по реке Уссури). Прекрасно оборудованное здание корпуса со всем своим имуществом было захвачено Хабаровским совдепом, и в нем разместились различные комиссариаты. Имущество корпуса постепенно расхищалось, особенно обмундирование, и на улицах города часто можно было встретить «пролетарских» детей, одетых в кадетскую форму.

Гимназия просуществовала только до 1 мая, а в мае всех детей выгнали вон. Оставшихся сирот разобрали многие жители города, причем надо отметить, что брали сирот с большим страхом, опасаясь вызвать на себя гонения новой власти. Нужно вдуматься в душевную трагедию, которую должны были пережить эти сироты, чьи отцы сложили свои головы в Японскую и мировую войны... Царь приказал принять их в корпус, где они воспитывались в здоровой обстановке.

С февраля месяца 1918 года началась борьба с большевиками атамана Уссурийского казачьего войска Калмыкова[384], при поддержке японцев,

а в Забайкалье атамана Семенова, в то же время генерал Хорват[385] изгнал большевиков из полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (декабрь 1917—1918). В результате успехов белых отрядов по занятии города Хабаровска 5 сентября атаманом Калмыковым был отдан приказ о возобновлении занятий в корпусе.

18 апреля 1918 года кадет 14-го выпуска — Николай Меди, горя желанием увидеть Государя Императора с Августейшей Семьей, пробрался в Тобольск, во время смены караула проник в дом, где находилась Царская Семья, и там был схвачен и потом допрошен. На допросе сказал, что он ученик Хабаровской военной гимназии и приехал, чтобы поговорить с Семьей Романовых.

1 сентября 1918 года атаман Калмыков занял город Хабаровск. 5 сентября состоялось экстренное заседание «Родительского комитета» корпуса, постановившее ходатайствовать о реставрации корпуса. 8 сентября была реставрация Хабаровского кадетского корпуса, с назначением прежнего состава служащих во главе с директором корпуса генералом Никоновым. Занятие японцами части главного здания, 8 квартир воспитателей и некоторых других.

Немудрено, что по возвращении в корпус из приюта с приобретенными там недостатками и привычками, недопустимыми в корпусе, некоторые счастливцы, взятые сердолюбивыми жителями города в свои семьи, тем самым были спасены от дурных влияний приюта. Были и такие, которые бежали и превратились в искателей приключений. По приказанию атамана Калмыкова, для директора корпуса и всех педагогов явилась задача устроить всех своих питомцев опять на прежнем месте. Кадеты кинулись в свой родной корпус бурной волной, прося помощи, желая учиться и работать. Удалось собрать растащенное имущество, книги, учебники и открыть правильные занятия.

В октябре месяце 1918 года было сформировано при корпусе «Военное училище имени атамана Калмыкова», с назначением начальником его генерала Никонова, инспектором классов — генерала Корнилова и помощником начальника училища по строевой и хозяйственной части — полковника Грудзинского[386], с оставлением их в должностях корпуса. За недостатком места в училище было принято всего 22 человека, и 20 октября 1918 года были начаты занятия.

В ноябре 1918 года было образовано правительство так называемой директории из 5 лиц в Западной Сибири (в городе Емске). Во Владивостоке составилось правительство генерала Хорвата, которое вскоре было заменено правительством Дербера, просуществовавшее до мая 1919 года. Директорию заменил Верховный правитель адмирал Колчак,

и поэтому во Владивосток был послан генерал Розанов[387] как представитель правительства адмирала Колчака и Командующий войсками.

Как уже было сказано выше, большая часть корпусного здания была занята японцами, и поэтому кадет пришлось разместить в сильной тесноте. Изоляции от японцев не было, и непосредственная близость к солдатской массе оказывала на кадет нежелательное влияние: даже приготовишек солдаты угощали папиросами, а другие предлагали японскую водку саке. Таким образом, 1918/19 учебный год прошел в ненормальных условиях, тем более что все хозяйственные вопросы наталкивались на полное отсутствие средств. Питание было скудное, запасов белья и обмундирования не было, так как все было разграблено красными и все средства поглощались расходами на обувь и на отопление.

После роспуска кадет на рождественские каникулы в декабре 1919 года Хабаровск был окружен партизанами и отрезан и от Владивостока, и от Благовещенска и Харбина. Кадеты, уехавшие в эти города, а также в Забайкалье, составили больше половины общего числа кадет, и поэтому занятия после каникул начались при сокращенном количестве учеников. Кадетам, уехавшим на каникулы, не пришлось вернуться, так как путь был испорчен красными и началась Гражданская война.

В 1919 году, под напором красных войск, произошло отступление Белой армии из Западной Сибири в Восточную (знаменитый Ледяной поход) и в городе Иркутске совершилось пленение адмирала Колчака красными, при помощи французов и союзников, и расстрел его. В 1919 году, во время летних каникул, примерно около 30 хабаровцев были собраны кадетом Владимиром Сейфуллиным и отбыли в город Читу, в отряд к атаману Семенову, где несли караульную службу у Ставки атамана. В августе были откомандированы в корпус для продолжения образования.

«ПРИКАЗ
по Хабаровскому графа Муравьева-Амурского кадетскому корпусу

№ 113
«28» Августа 1919 года. Гор. Хабаровск

...6. Помощник инспектора классов подполковн. Ажисантов и штатный преподаватель коллежский советник Баллеран донесли, что первый принял, а второй сдал исправно фундаментальную библиотеку корпуса.

Коллежский советник Баллеран принял фундаментальную библиотеку в тяжелый период развала корпуса большевиками.

Только при высоком сознании чувства долга коллежский советник Баллеран мог так самоотверженно сохранить вверенное ему казенное имущество, за что, от лица службы, выражаю ему благодарность.

Подлинный подписал: директор корпуса,
генерал-майор *Никонов*.
С подлинным верно: секретарь корпуса,
коллежский советник *Симонов*».

В такой тревожной обстановке 1919 года, 13—15 февраля 1920 года японцы неожиданно покинули Хабаровск, предложив уйти также и атаману Калмыкову с оставшимися ему верными частями. Вместе с ним ушли и юнкера 2-го курса, 80 человек. Этот поход оказался неудачным, и в числе погибших было 7 кадет нашего корпуса.

20 декабря 1919 года кадеты 16-го выпуска закончили Хабаровский корпус и получили аттестаты за подписями директора генерал-майора Никонова, инспектора классов генерал-майора Корнилова и секретаря корпуса Снопова. После этого кадеты были распущены на рождественские каникулы, с тем чтобы после каникул, в определенный день, всем встретиться на станции Никольск-Уссурийск, для следования в Читу в Читинское военное училище.

После каникул все кадеты 16-го выпуска из района Владивостока и Никольска прибыли в город Никольск-Уссурийск для встречи кадет из Хабаровска, но поезд очень долгое время не приходил. Для выяснения обстановки кадет В. Сейфуллин прошел к коменданту станции. У коменданта выяснилось, что поезд из Хабаровска неизвестно когда прибудет, так как красными партизанами взорвано полотно железной дороги, посоветовал всем вернуться по своим домам, а в будущем он телеграфирует каждому о дне встречи. События в Приморье стали ухудшаться. Красные всюду активно действовали, и благодаря всему кадетам 16-го выпуска так и не удалось попасть в Читинское военное училище, и они продолжали борьбу с красными рядовыми в строю. Из 15-го выпуска были произведены в прапорщики вице-фельдфебель Николай Попов и Юрий Гириллович в отряде Орлова, а из 16-го выпуска из вице-унтерофицеров был произведен в хорунжие Владимир Сейфуллин, получивший два Георгиевских креста.

31 января 1920 года из Владивостока выехал в Японию генерал Розанов. Во Владивостоке образовалось новое правительство так называемой Земской Власти, во главе с Медведевым, с переходом на его сторону гарнизона города Владивостока, Никольск-Уссурийска, Хабаровска и др.

17 марта 1920 года Хабаровск был занят зелеными Земскими войсками. Было отобрано все оружие от корпуса и служащих. Постепен-

ный захват власти у земцев большевиками. Приход в город Хабаровск «партизан». Образовалось два штаба управления войсками: Земского, с командующим войсками Булгаковым-Бельским, и партизанского — большевистского.

Иногородние кадеты, уволенные на рождественские каникулы, обратно не вернулись, ввиду порчи железнодорожного сообщения.

17 февраля 1920 года ночью здание корпуса было занято партизанами Иванова. Кадеты были уволены по домам. Остающиеся были помещены в половине верхнего этажа главного здания, где с ними были организованы занятия, с очередными дежурствами воспитателей. Красными партизанами командовал Иванов, организатор событий на Хору, где были зверски убиты 96 офицеров, а всех погибших было 120 человек. Все в корпусе было отобрано партизанами.

19 февраля партизаны арестовали членов Родительского комитета и вместе с ним полковника Мартьянова[388]. Одновременно был арестован директор корпуса, генерал Никонов, воспитатели подполковник Шлегель[389], капитан Косенко[390] и секретарь Снопов[391]; все сначала они содержались при корпусе, потом были переведены в городскую тюрьму, кроме директора, который был переведен в свою собственную квартиру под поручительство нескольких служащих корпуса.

Арест генерала Никонова, с исполнением им служебных обязанностей, но под наблюдением вооруженного партизана, который сидел в кухне и сопровождал директора во время его выходов по служебным делам в другие помещения.

После долгих переговоров удалось добиться освобождения генерала Никонова, который покинул здание корпуса и поселился в квартире французского консульского агента в Хабаровске, бывшего преподавателя французского языка в корпусе. Причин ареста директора не удалось выяснить, их не знал и сам директор корпуса. По настоянию партизан начальник гарнизона Булгаков-Бельский издал приказ о расформировании корпуса, с передачей его служащих в распоряжение Хабаровского воинского начальника, хотя это противоречило распоряжению генерала Болдырева[392], командующего войсками во Владивостоке. Оставшиеся в здании кадеты-сироты были сведены вместе и жили в корпусном лазарете, под надзором одного воспитателя, подполковника Семенова. Их было около 30 человек. Вместе с директором был арестован и весь Родительский комитет при корпусе, в том числе и ротный командир, полковник Мартьянов, член комитета. Комитет был арестован за то, что собрался, вопреки разрешению, с целью обсудить создавшееся положение и, надо полагать, протестовать против разгона и занятия корпуса. Генерала Никонова удалось совсем вызволить через Народный универси-

тет, делегация которого просила начальника отряда Иванова освободить их бывшего председателя и лектора. Иванов просьбу уважил, и директор был освобожден от ареста и наблюдения. Находясь в квартире французского консульского агента в городе Хабаровске у г-на Николэ, получилось для генерала как бы своеобразная защита под иностранным флагом, куда и ходили с докладами. Так продолжалось до 2 апреля 1920 года, до неожиданного вызова генерала Корнилова во Владивосток в штаб для доклада по делам расформирования корпуса.

До вызова генерала Корнилова во Владивосток квартира и все вещи подверглись тщательному обыску и осмотру по ордеру партизанской контрразведки. Результатом этого осмотра было отобрано все военное снаряжение и оружие, вся ценная мебель домашней обстановки и другие вещи, находящиеся на хранении у знакомых. На представленный документ о собственности партизаны ответили: «Мы в сопках победствовали, а теперь решили все поделить: победствуйте и вы». Начальство же их говорило: «Нужна же и нам обстановка квартир, а воинские доспехи вам не нужны». От переживаний сын генерала Корнилова сильно захворал, и настолько сильно, что в день отъезда во Владивосток был между жизнью и смертью. В такой тяжелый для генерала Корнилова момент он все-таки выехал на занятые деньги. В дороге партизаны подвергали его опросам и установлению личности, что было опасно, особенно при такой фамилии. В дороге поезд подвергся обстрелу японцев под Никольск-Уссурийском: это было с 4-го на 5 апреля 1920 года, то есть в день вооруженного выступления японцев в прошлом году. В поезде были убитые и раненые. В Никольске всех в поезде задержали на два дня, а затем — пустили на все четыре стороны. Генералу Корнилову ничего не оставалось делать, как пешком с вещами, неся их на себе, отправиться во Владивосток. Пройдя это расстояние, с задержками на станциях для удостоверения личности, в несколько дней дошел и явился во Владивосток почти к Пасхальной заутрене. Вызван был генерал Корнилов по просьбе родительской организации города Владивостока, отделения Хабаровского родительского комитета.

Начались хлопоты о сборе той группы кадет, которая не могла попасть в Хабаровск после роспуска на рождественские каникулы из-за порчи железной дороги партизанами. Командующий войсками генерал-лейтенант Болдырев, его начальник штаба генерал-майор Антонович[393], генерал-квартирмейстер генерал-майор Романов[394], дежурный генерал — полковник Делимарский, комендант крепости генерал-майор Травников[395] и начальник снабжения генерал-майор Федоров[396] — открыто, вполне искренно и нелицеприятно пошли навстречу вопиющей

нужде — собрать кадет, так как многие из них буквально нищенствовали, так как семьи их были лишены большевиками всяких видов довольствия. К глубокому сожалению, многие добрые пожелания и начинания этих генералов не достигли цели, так как к ним приставили большевистских комиссаров, которые всячески тормозили все их действия на пользу возрождения Хабаровского корпуса. Корпус генерал Болдырев, по тогдашним условиям, не мог вновь воссоздать, а потому была образована для местной группы кадет Владивостокская школа для детей лиц командного и рядового состава — по программе кадетских корпусов. Начальником школы был назначен генерал Корнилов, по просьбе родительской организации.

Кадеты были собраны к 11 мая в одном из зданий учебной инструкторской школы, которая и довольствовала школу по солдатскому положению: обед в 12 часов (щи и каша) и ужин в 6 часов (суп или щи). Для многих детей и это было громадным благодеянием, так как дома голодали, в течение нескольких дней собралось около 200 кадет, которым были устроены учебные занятия, продолжавшиеся в течение 3 месяцев. Через неделю после открытия школу посетил генерал Болдырев и убедился, до какой нищеты дошли кадеты: у некоторых не было тельных рубах, многие были босыми; почти ни у кого не было постельных принадлежностей. Его желание — пойти навстречу всем нуждам — разбивалось неимением никаких запасов в интендантствах, препятствием со стороны комиссаров и непризнанием контроля — права командующего войсками открывать школу.

Словом, большевики тормозили на всяком шагу. Пять месяцев служащие школы не получали содержания; восемь месяцев не было получено ни одной копейки ни на какие хозяйственные и учебные расходы. Освещались свечами, когда доставали их. Немного помог Сибирский корпус, который и сам не имел излишков. Чтобы понять, при таком положении дел, со слов генерала Корнилова, что самому страдать гораздо легче, как начальнику школы, чем видеть страдания зависящих от себя, особенно детей. Если к этому добавить полнейшую неизвестность о семье в Хабаровске в течение трех месяцев и всякие зловещие слухи оттуда, то можно судить о моем настроении. Как лично генерал Корнилов, так и его сотрудники руководствовались тем, что «только крысы бегут с тонущего корабля», что позорно бросить бедных детей в таком тяжелом положении. Дети это понимали и ценили. Чувства кадет к угнетателям-большевикам всем ясны, и выдержать педагогический принцип: «Школа вне политики» — было невозможно, так как в семьях своих кадеты все время вращались в такой обстановке, каторая исключала эту возможность. В июне месяце, когда было восстановлено

сообщение с Хабаровском, приехал генерал Никонов с семьей в японском поезде. Он рассказал, что в Хабаровске тоже собрал кадет (около 150 человек); едет теперь в Японию; был в штабе войск, где подал рапорт о переводе корпуса во Владивосток. Наконец получил вести генерал Корнилов и о своей семье. Сын тяжело болен, имущество — окончательно разграблено, жена — выбилась из сил и не имеет средств.

Генерал Корнилов просил отпустить его недели на две к семье в Хабаровск, но генерал Никонов сказал, что не может отложить свою поездку и раньше сентября не вернется, и отдал приказ в Хабаровске, чтобы генерал Корнилов вступил в исполнение обязанности директора корпуса с сентября 1920 года. Так генерал Никонов и не приехал вообще.

С августа месяца — постепенно перевод кадет небольшими группами из Хабаровска во Владивосток, где слился в одно со школой под начальством генерала Корнилова, в районе бывшего 35-го полка на Русском острове. Казармы остались после мехов с развороченными печами, без печных приборов, с выбитыми стеклами, в самом грязном состоянии и без зимних рам.

В октябре—ноябре Хабаровский корпус был перевезен со служащими и сохранившимся имуществом во Владивосток, в 2 вагонах.

24 октября корпус был переведен из района 36-го полка в район 35-го полка. Началось приспособление зданий для учебных занятий и квартир для служащих. Были приглашены новые преподаватели, ввиду недостатка прежних (старых). Не имея решительно никаких средств, не получая поддержки от интендантства, руководившегося указаниями большевистских комиссаров; очень часто страдая от недостатка топлива и полного отсутствия освещения, школа пережила кошмарную зиму и дожила до счастливых дней освобождения Владивостока от большевизма. Тяжелый путь пройден, но надежды и дух детей удалось сохранить таким же, каким он был вообще в прежних корпусах.

В общем, почти весь состав служащих школы состоял из служащих раньше в Хабаровском корпусе. Это касается как воспитательского, так и преподавательского персоналов, который вполне отвечал своему назначению.

При закрытии корпуса в 1920 году в корпусе состояло по списку 666 кадет. По штату положено 500 кадет-казеннокоштных, но их было больше потому, что в корпус были приняты и беженцы-кадеты из других городов и, кроме того, атаманом Семеновым было уплачено за нравоучение более чем за 50 кадет. Так как ко времени открытия школы во Владивостоке города Благовещенск, Чита и Харбин были отрезаны, то значительное число кадет (около 150 человек) не попа-

ло в школу. Многие из своекоштных убыли, предпочитая устроиться в гражданские учебные заведения, так как неоднократное закрытие корпуса не предвещало ничего твердого и определенного и в будущем. Вследствие указанных причин списочное число школы 367 кадет. Из этого числа надо исключить 39 выпускных кадет, получится 328 кадет. Штатный состав школы 425 кадет. Школа вполне сохранила дух и традиции Хабаровского корпуса, даже организация осталась прежняя. Комиссара в школе не было ни одного дня, а на Русском острове корпус был вдали от большевистских глаз. Кадеты остались горячими националистами, ближе всего связывая свои представления о Родине, единой, великой и могучей, — с особой Государя Императора. К атаману Семенову у них чувства, как к непоколебимому борцу с большевиками, а также по воспоминаниям о его приезде в Хабаровский корпус, о его помощи корпусу в тяжелые времена и о его личном внимании к кадетам, которые служили у него в отряде. При всем желании держаться педагогического принципа: «Школа — вне политики», по условиям житейским, когда на каждом шагу чувствуется гнет ненавистного большевизма, было совершенно невозможно. Кадеты школы принимали непосредственное участие (ни школа, ни родители в этом смысле фактического влияния не могут иметь) во всех выступлениях против большевиков. В лице как выпускных кадет, так и всех остальных кадет корпуса наша многострадальная Родина будет иметь тот здоровый элемент, всем существом своим враждебно настроенный к интернационалистам, на котором она будет строить свою национальную мощь. Нездоровая атмосфера, окружающая кадет вне стен заведения уже не первый год, конечно, не могла не отразиться и на них, но в общем это хорошие, здоровые и бодрые духом юноши и дети.

Учебная часть с неоднократными перерывами, вследствие разгонов корпуса большевиками, учебных занятий; разгромление при обстреле корпуса учебных кабинетов; расхищение учебного имущества при занятии здания корпуса большевиками; недостаток средств на обзаведение — так неблагоприятно отразились на нормальном ходе учебного дела, что можно сказать, потребуется еще не менее года для приведения в норму как в программном отношении (главным образом теперешних 5-го и 6-го классов), так и в отношении вообще всего уклада учебной жизни корпуса.

Состав господ преподавателей, в общем, отвечает своему назначению, и нездорового политиканства в их среде не наблюдалось. Бывший помощник инспектора классов, а теперь инспектор классов провел в этой должности первый год. Насколько можно судить по прошлому и

настоящему — он был на своем посту полезным руководителем учебной жизни заведения.

Продовольствие в школе было в тяжелом состоянии, когда приходилось в течение трех месяцев быть только на соленой рыбе интендантского заготовления да на гречневой каше, а в настоящее время школа, в смысле довольствия, находится в сносном состоянии, несмотря на то что деньги на довольствие всегда опаздывали ассигнованием не меньше чем на месяц, а то и на два. Как известно, деньги на довольствие должны отпускаться авансом. Большую помощь школе оказал генерал Савельев (бывший питомец корпуса), отпустив перед Пасхой почти месячный запас провианта, некоторые продукты и две тысячи денег в личное распоряжение генерала Корнилова (часть платы за нравоучение и содержание казачьих пансионеров). В то время деньги на хозяйственные нужды не отпускались: на освещение, на корм лошадей (для подвоза воды), не говоря уже о других нуждах для корпуса, начиная с марта месяца.

Обмундирование, белье и обувь начиная с 1918 года не было нормальным. Запасы обмундирования, белья и обуви были разграблены большевиками при занятии корпуса. Бывали иногда получки, которые носили всегда характер удовлетворения насущнейшей потребности. Конечно, задним числом и никогда эту потребность не удовлетворяли, и всегда школа переживала нужду решительно во всем: шинели, суконное обмундирование, летнее обмундирование, фуражки, обувь, белье и постельные принадлежности. Подушек совсем нет. Корпусные одеяла все разграблены. Удалось выпросить уже бывшие в употреблении одеяла в Инструкторской школе, но они пришли в ветхость, и их хватило только на половину состава. Уцелел запас мундиров, уже бывших в употреблении. Большевики не взяли их только вследствие того, что мундиры на них не лезли (для младших рот) и не представляли ценности. Самый острый вопрос был с обувью, несмотря на то что в интендантстве просили, отпуска не было, и дети были уволены на каникулы в плохой обуви.

Помещения корпуса в Хабаровске к 1917/18 учебному году были достроены и переделаны так, что вполне отвечали своему назначению, считаясь даже с новейшими требованиями. К сожалению, во время выступления японцев, 5—6 апреля, здание корпуса было ими обстреляно, передний фасад значительно разрушен (оконные пролеты главным образом); в крыше много пробоин; деревянные флигеля — почти все сожжены; все стекла — выбиты; водопровод, центральное отопление — попорчены; провода освещения и арматура попорчены и расхищены; словом, здание в Хабаровске требовало большого ремонта, стоимость которого определялась в 100 000 рублей золотом.

Находясь на Русском острове, корпус имел свои плюсы и минусы. Расположение большого Интендантства вне сутолоки и здоровой атмосферы и этот плюс доминировал в летнее время. Зимой, еще при продолжительном замерзании бухты, когда отпускные кадеты (50 процентов) не могут в один день праздника обернуться так, чтобы провести сколько-нибудь значительное время в семье, когда им приходилось проходить верст 8—10 (считая и город) в один конец пешком, невзирая на погоду (часто бывает сильнейший ветер); когда доставка продуктов из города — тоже вопрос нелегкий; когда девочки семейств служащих должны жить в городе для посещения учебных заведений; когда преподаватель, имеющий дочерей в учебном возрасте, не может согласиться на службу в корпусе; когда жена, взрослая дочь, сестра или племянница, желающие, для облегчения семейного материального положения, поступить на службу, — должны жить отдельно от семьи, то приходилось соглашаться, что зимой следует корпусу быть в городе. Единственным городом, где такие учебные заведения, как кадетские корпуса, не пользующиеся симпатией левых политических групп, сравнительно безопасно, под наблюдением консульского корпуса, могли бы существовать, — это был Владивосток.

Мысли генерала Корнилова по поводу возможной эвакуации корпуса. В случае возврата большевиков корпусу необходимо эвакуироваться, так как рассчитывать на всепрощение своих антагонистов, конечно, нельзя. Если бы были средства, вполне обеспечивающие существование корпуса за границей, то это было бы самое подходящее, так как подвергать учебное заведение всем препятствиям борьбы и перекочевки с места на место, в зависимости от колебания боевых успехов междоусобной войны, нельзя. При таких условиях постоянного странствования и передвижения — характер учебного заведения утратится, а получится беженская группа, чрезвычайно отягчающая поворотливость и гибкость той стороны, при которой будет состоять. Дети-кадеты и семьи служащих — только бремя, никакой активной помощи от них, конечно, не может быть. Для того чтобы дать возможность учиться, — а детям необходимо учиться, — следовало бы эвакуироваться за границу, возможно, на первых порах в Харбин, откуда можно выехать за границу. Для возможности существования за границей необходимы определенные и вполне обеспеченные средства, так как подвергать детей-кадет риску жить в зависимости от милости иностранцев совершенно невозможно. В этом отношении лучше детям остаться у себя на Родине и рассыпаться сиротами по добрым людям и по приютам. Сколько времени протянется междоусобие, предугадать трудно, но можно сказать, что, имея средства и представляя из себя в целом не

только потребителей, но и довольно солидный производительный аппарат, корпус мог бы, в течение двух-трех лет, создать своим трудом такие условия для дальнейшего существования, при которых требовал бы на свое содержание минимальных средств. Разумею главным образом сельскохозяйственные перспективы, культурные насаждения, птицеводство, животноводство и прочее. Сочетать обучение наукам и указанные занятия, конечно, можно. Возможен ущерб в смысле программном, в современном смысле слова, зато — компенсация в виде приобретения таких навыков, кои в самостоятельной жизни имеют громадное значение. Основываясь на бюджете школы, в ее настоящем штатном составе в 425 кадет и считая, что это число и будет приблизительно тем, какое будет подлежать эвакуации (служащие, их семьи), так как часть кадет и служащих останется, можно сказать, что в год понадобится, без найма помещения и отопления, около 500 000 золотом. На два года один миллион. На расходы для эвакуации — нейтральные страны и их колонии (например, голландские владения). Из бывших союзных более подходящие — французские колонии. Самую возможность эвакуации, помимо обеспечения денежной суммы, необходимо обеспечить и возможностью безопасно уложиться, взять все необходимое имущество (главным образом — книги и необходимый домашний скарб). Такая безопасность может быть гарантирована только той державой, войска которой будут во Владивостоке ко времени эвакуации; считаясь с эвакуацией корпуса из Хабаровска во Владивосток, можно сказать, что корпус можно эвакуировать (кадет, служащих с их семьями и имущество) в двух эшелонах, по 30 вагонов в каждом. Кроватей своих у корпуса нет. Какой бы то ни было мебели тоже. Классные парты — очень плохи, но можно взять. Если есть возможность завести или получить на месте, то лучше не возить такой лом, как парты и классные доски. Относительно обмундирования и другого оборудования, имеющегося в корпусе, было сказано в своем месте. Возможное число, подлежащих эвакуации, следующее: кадет — 150—200, господ служащих — 30—40, семьи господ служащих 50—70, вольнонаемных — 20—30 и семьи вольнонаемных — 15—20 (большинство холостых). Итого — 265—320 человек.

Конструкция учебного дела в кадетских корпусах, инструкции по воспитательной части — построены на новейших требованиях педагогической науки и идут впереди гражданской школы. Но современная жизнь идет вперед слишком быстрым темпом. В этом смысле необходимо пересмотреть как уклад жизни кадетских корпусов, так и их программы. Много ценных указаний как в смысле программ, так и внутреннего уклада жизни учебного заведения можно найти в тру-

де военного педагога, генерала Ф.А. Риттиха: «Реформы народной школы».

По отъезде генерала Корнилова в Хабаровске произошли следующие события: 4, 5 апреля 1920 года произошло внезапное вооруженное выступление японцев в Хабаровске и на Южно-Уссурийском крае. Разгром главного здания и других строений корпуса орудийным обстрелом и пожарами. Во Владивостоке образовалось правительство Антонова. Изгнание большевиков и «партизан» из Хабаровска. Освобождение из тюрьмы арестованных служащих корпуса и членов Родительского комитета. Что касается педагогического персонала, то члены его перенесли много оскорблений в тюрьме и разных канцеляриях. Семья педагогов потеряла несколько своих членов. Убиты воспитатель подполковник Гроссевич[397] и капитан Пинчук[398]. Имущество служащих разграблено, и редкие из них сохранили незначительную часть своего добра. Были организованы учебные занятия для кадет города Хабаровска в уцелевшем здании нового лазарета, с прежним составом воспитателей и преподавателей (инспектор классов полковник Мартьянов). После ухода красных из Хабаровска у власти становится опять земская власть и образуется так называемый «Буфер». Тогда начинается работа по восстановлению корпуса. Когда установилось сообщение с Хабаровском, то выясняется, что генерал Никонов уезжает за границу, решительно отказавшись работать при условии полной неопределенности в завтрашнем дне. Директором назначается генерал Корнилов, с оставлением заместителем директора корпуса полковника Мартьянова до возвращения из командировки генерала Корнилова.

В левом тогдашнем правительстве Владивостока был командующий войсками эсер генерал Болдырев. Он помог корпусу, но вскоре, к концу 1920 года, красная Чита назначила на его место матроса Лепехина и для корпуса начались тяжелые дни. Но, несмотря на все испытания и лишения, дух кадет остался прежний и полная непримиримость к большевизму, как и в Хабаровске, лежала в основе их жизни и занятий.

В январе 1921 года вышел проект большевистской реформы всех учебных заведений в «Единую трудовую школу», в том числе и корпусов. Комиссия от большевиков для ревизии учебного заведения и хозяйственного дела в корпусе дала благоприятный отзыв о постановке того и другого. В марте прошли несоциалистические съезды и собрания во Владивостоке.

21 марта 1921 года около 50 кадет старших классов с провокационной целью были вызваны во Владивосток, обманом посажены на катер, привезены в город и арестованы. К счастью, их удалось вскоре

освободить благодаря вмешательству Родительского комитета и мерам, принятым корпусным начальством.

26 мая 1921 года во Владивостоке произошел переворот. Власть перешла от красных к белому правительству во главе с председателем Меркуловым.

Был назначен начальником Управления всех военно-учебных заведений генерал Шелавин. Школа по-прежнему стала называться Хабаровским кадетским корпусом, и директором корпуса был назначен генерал-майор Корнилов.

К этому моменту в корпусе числилось по списку 367 кадет, в числе которых было 39 выпускных. Переворот устроили части генерала Каппеля[399].

Командующим войсками стал генерал Вержбицкий[400]. С октября 1921 года началось очищение от красных Уссурийского края и вообще наступление белых войск, в результате чего город Хабаровск был взят. В это время во Владивосток прибыли из Месопотамии пароходом «Фердинанд» около 400 чинов добровольцев армии Юга России, оказавшихся в тех краях. Среди них было 6 кадет Донского корпуса (Бурлюк, Руди, Шутов, Суворов, Зазулевич и Потулов), которые все были зачислены в Хабаровский корпус.

Летом 1922 года в правительстве начались нелады. Произошел раскол и в военных кругах: генерал Глебов[401] и моряки, то есть вице-адмирал Старк[402], стояли за Меркулова, вернее, не соглашались на смену власти революционным путем, а каппелевцы требовали немедленной отставки братьев Меркуловых. Само правительство тоже раскололось. Еремеев, Андерсон и Марков вышли из его состава. Можно было ожидать столкновения обеих белых групп.

В августе образовалось правительство генерала Дитерихса. Положение этого нового правительства было непрочно, так как купеческие слои Владивостока и его наиболее обеспеченные жители отказались от финансовой помощи белым. Общая обстановка потребовала организации самоохраны на Русском острове, и к ней были привлечены кадеты старших классов, под командой полковника Мартьянова и его помощника полковника Бердникова[403]. Кадетам были выданы винтовки, и введено усиленное обучение стрельбе.

Тем временем бои с красными продолжались, и в лазарет корпуса были доставлены раненые наши кадеты. Всем им были предоставлены все удобства и обеспечен отличный уход. Все они поправились.

Преобразованное правительство во главе с генералом Дитерихсом, принявшим титул «воеводы», назвало вооруженные силы «народной ратью». Воевода отдал приказ, в котором говорилось, что японцы ре-

шили эвакуироваться и что местность от Имана до Никольск-Уссурийска ими уже оставлена и там стоит на страже «народная русская рать», готовая лечь костьми, но не пустить красных в наш цветущий Южно-Уссурийский край.

К концу сентября выяснилось, что «народная власть» не выдержала напора красных, и начались разговоры о возможной эвакуации. При штабе существовал тогда отдел, ведавший учебными заведениями, во главе которого стоял генерал Шелавин[404]. Судьба корпусов упоминавшемуся генералу Шелавину была, по-видимому, безразлична (в 1927 году перешел к красным), как и начальнику штаба воеводы. Числа 16—17 октября прибыл в нашу бухту 36-го полка вице-адмирал Старк. Когда все кадеты и служащие были собраны в столовой, он сказал им: «По ходу военных действий и как следствие неожиданной позиции японцев, наша армия должна будет отойти к границе. На Владивосток она не пойдет, но я приму все меры, чтобы эвакуировать на судах все военные учреждения и кадетские корпуса». К сожалению, адмирал Старк решительно отказался взять младшую роту корпуса, которая, как сказал он, будет передана в Омский корпус до разбора детей родителями.

«ПРИКАЗ
по Хабаровскому кадетскому корпусу

№ 94
22 октября 1922 года

Преподаватель французского языка Коллежский Советник Франц Иванович Баллеран, с объявлением Русско-Германской войны, был назначен Французским Консулом для сбора денег в помощь Красному Кресту, Французскому и Русскому. За проявленное усердие, увенчавшееся успешным сбором, получил благодарность от Председательницы союза французских женщин — жены французского атташе при посольстве маркизы де ля Гиш и от директора Хабаровского Кадетского корпуса генерал-майора Большева; в то время он принимал участие в устройстве патриотических вечеров и базаров.

Во время революции, не желая покидать корпус, он остался разделить тяжелую участь сослуживцев, будучи иностранным подданным, и, по просьбе Администрации корпуса, взял на себя обязанности по заведыванию фундаментальной и разными библиотеками корпуса; благодаря его энергии имущество библиотек было спасено от расхищения большевиками, за что он имеет особую благодарность директора корпуса Генерал-Майора Никонова.

Для эвакуации корпуса из Хабаровска во Владивосток он выхлопотал от Японского командования соответствующее разрешение, причем благодаря его трудам было предоставлено 32 вагона для выезда служащих, кадет и вывоза имущества, значительная часть которого была сохранена им от реквизиции большевиками.

В 1921-м году Преподаватель Баллеран был назначен Французским Консулом — членом международного общества для оказания помощи нуждающимся г. Владивостока и делегатом в Американский Красный Крест, каковым он состоит и по настоящее время; благодаря его хлопотам он неоднократно получал перевязочный материал для лазарета корпуса, теплые вещи для своих сослуживцев, а для бедных Русского острова — и пайковое довольствие.

За такое отзывчивое отношение к нуждам вверенного мне корпуса и высокогуманную деятельность считаю приятным для себя долгом принести глубокоуважаемому Францу Ивановичу свою искреннюю благодарность.

Подлинный подписал: директор корпуса
генерал-Майор *Корнилов.*
С подлинным верно: секретарь корпуса,
подполковник *Шеффер*[405]».

В конце октября 1922 года японские войска покинули Владивосток, а 22 октября корпус должен был со всем своим имуществом быть на берегу и ждать прихода судна, которое нас заберет. Корпус принялся готовиться к отъезду.

Генерал Корнилов говорил, что, возможно, мы пойдем на судах в Посьет, а оттуда дальше, походным порядком, в Хун-чун, в Китай. Нам сказали, что надо рассчитывать только на свои силы, ибо подвод не будет, а потому рекомендуется брать только ручной багаж. Решили все же брать все, так как выбросить можно будет и в Посьете. Кадетам было роздано по две смены белья, третья на себе, были пригнаны шинели, розданы одеяла, взяты лучшие сапоги. Были взяты и учебники из расчета по две книги на каждого, так чтобы для класса получился бы полный комплект. Вещи из цейхгауза были затюкованы, взяты были и матрасы, и все имущество было свезено, а большею частью перенесено кадетами на берег, к указанному сроку. Оставались во Владивостоке подполковник князь Чегодаев[406], подполковник Манковецкий[407], секретарь Снопов, бухгалтер Супранович, преподаватель статский советник Городцов, священник Козловский и библиотекарь Н. Карпенко, бывший кадет 13-го выпуска. Оставались все они в силу семейного положения, по старости или по болезни и ожидали всяких ужасов. Тем

временем Владивосток забастовал и связь с ним прервалась. 23-го 3-я рота была передана в Омский корпус. Остальные сидели на берегу и ждали. В первую ночь моросил дождь. Кадетские патрули охраняли днем и ночью районы корпуса от неожиданного нападения красных.

24 октября (11-го по ст. ст.) отметили храмовой праздник корпуса молебном под открытым небом. Праздник был грустным, с нетерпением ждали обещанных спасительных кораблей. На берегу, среди кадет и персонала корпуса, находились раненые кадеты, которые участвовали в последних сражениях, спасая положение вместе с юнкерами, которые тоже были с нами. Раннее утро 25-го не принесло ничего нового. Вдруг около 9—10 часов показались верхушки мачт. Громкое «Ура!» вырвалось из груди кадет. Три судна прошли мимо нас в бухту 35-го полка. Директор корпуса генерал Корнилов поплыл туда на лодке. Оказывалось, что контр-адмирал Безуар[408] был смущен количеством людей и вещей. Он считал, что суда его и так уже перегружены, и поэтому отказался взять всех. Возмущенный генерал Корнилов крикнул ему: «Корпус ожидает выполнения обещаний адмирала Старка». — «Здесь я распоряжаюсь, а не вы. Я не могу взять всех», — в рупор отвечал Безуар. «Берите всех или никого. Если вы не возьмете нас, в истории будут записаны позорные строки: «Адмирал Безуар бросил хабаровских кадет на растерзание красным бандитам». Это подействовало, и Безуар крикнул, что он пошлет катер «Воевода» и что не позже чем через полчаса все должны погрузиться на корабли.

Это было выполнено. Сначала перевезли кадет и служащих, потом часть вещей. Многое было брошено. Через полчаса, последним рейдом, «Воевода» подошел к кораблям, но оттуда последовало распоряжение: «Не выгружать ни пассажиров, ни вещей». На «Воеводе» оказались директор с женой и сыном, подполковник Яковлев[409] с женой, доктор Цеханович[410] с тремя ранеными юнкерами, священник Никольский, подполковник Грудзинский с женой и несколько оставшихся кадет, деятельно помогавших при погрузке. С кораблей с нами разговаривали неприветливо, грубо, начальственно, с криками и бранью. Особенно выделялся мичман Михайлов, перешедший впоследствии к большевикам. Суда были перегружены, а ничтожный «Воевода» казался простой лодкой в сравнении с другими кораблями. Обогнув остров, все увидели всю эскадру, шедшую вместе. Погода была хорошая, и все благополучно пришли в Посьет, где должны были ждать дальнейших распоряжений относительно эвакуации. Размещены мы были на судах плохо. 2-я рота попала на «Взрыватель», 1-я тоже на военный корабль. Отношение к нам было удивительно грубое. На «Воеводе» команда морской пехоты и конвой заняли все диваны в каюте, и нашим раненым было

предоставлено только сидеть в каюте на палубе. Каждый устраивался как мог. Толстый доктор Цеханович забирался спать под стол. В Посьете начальствовавший над войсками отряда Молчанов запретил какие-либо высадки, но, пользуясь стоянкой, мы все же снабдили роты провиантом. Затем последовало распоряжение: «Всем судам следовать за кораблем адмирала» — и мы тронулись. Вскоре выяснилось, что суда имеют различную скорость хода, и поэтому было приказано идти самостоятельно в бухту Гашкевича. Как только мы пришли в эту бухту, как около нас появились два японских миноносца и прибывшие с них офицеры сказали нам, это эта бухта — военная, для иностранных кораблей она закрыта и что нам нужно отсюда уйти. Японцы все же снабдили нас пресной водой, и утром все пошли в Гензан.

Младшая группа кадет 2-й роты, что были на пароходе «Взрыватель», со своими офицерами-воспитателями и их семьями, японцами были отправлены в Мукден. Здесь были полковник Александр Александрович Иванов, старший группы, полковник Борис Авенирович Шкапский, Андрей Дмитриевич Кузнецов (4-го класса 1-го и 2-го отделений), подполковник Леонид Александрович Сейфуллин (3-го класса 1-го и 2-го отделений), подполковник Антон Антонович Балицкий, подполковник Владимир Иванович Шеффер, прапорщик Чудаков, Чернявский, Константин Николаевич Зимин[411], поручик Гребенщиков и Кириаков, прикомандированный к корпусу полковник Теляковский[412] и др.

Корпус в Мукдене был размещен в железнодорожных казармах, вместе с воинской группой генерала Лебедева и другими беженцами. Кормили плохо (чумизой), и жить приходилось в тесноте. Бани не было, и мыться приходилось во дворе под краном, в любую погоду. На дворе мусор, грязь и всякие отбросы валялись перед бараками, где копошились китайцы, ища для себя остатки еды и тряпье.

В кадетах принял участие наш военный агент в Китае полковник Блонский[413]. Там был организован комитет помощи, вместе с японцами снабжавший кадет провизией. Кадетам отвели потом отдельный барак. Но было все же плохо, и шанхайцы, в сравнении с мукденцами и гензанцами, жили в роскоши.

Несмотря на тяжелые условия жизни, кадеты внешне всегда были на высоте и не роняли имени своего корпуса. Церковные службы посещали, идя строем, с начищенными пуговицами и сапогами или ботинками, на военное русское кладбище после Русско-японской войны, где в часовне служил священник-японец на русском языке и по-японски. Занятия начались сразу по прибытии и устройстви в бараках. Так продолжалось до июля 1923 года, когда японцы перевезли всех в несколько приемов в Шанхай.

Еще перед эвакуацией из Владивостока некоторые старшие кадеты устроились матросами и кочегарами на военных судах, а некоторые на частных. И вот в Гензане выяснилось, что кадет эксплуатируют. Кадеты обратились за помощью к оставшемуся в Гензане полковнику Грудзинскому, которому удалось снять их с кораблей и поместить в бараке вместе с остальными кадетами. Вскоре японцы заявили, что они начнут вывозить русских из Гензана и что первый эшелон двинется в Шанхай. Кадеты обоих корпусов и служащие, оставшиеся в Гензане, получили от генерала Лебедева, являющегося русским представителем в Гензане, приказание отправиться всем в Шанхай. Японцы оплатили проезд и, кроме того, выдали на человека по 10 иен, которые должны были быть выданы на руки лишь по прибытии в Шанхай. Все отправились на пассажирском пароходе, где кадет очень хорошо кормили и относились к ним весьма вежливо. Когда пароход пришел в Симоносеки, явились японские власти, смотрели документы, долго переговаривались между собой и в конце концов заявили, что пароход, идущий в Шанхай, придет через три дня и в ожидании его нам следует отправиться в Моджи, где о нас позаботятся. Нас перегрузили на баржу, и катер перетащил ее на другую сторону пролива, в Моджи. Мы высадились и стали ждать появления властей. Но никто не приходил, а время подходило к 12 часам дня, все были голодны. Среди нас были и дети. Тогда старший группы полковник Грудзинский пошел разыскивать властей. У первого встречного он спросил, где помещается полиция. С обычной для японцев вежливостью тот довел полковника Грудзинского до самого дома, где находилось полицейское управление. Там приняли полковника вежливо и внимательно выслушали. Выслушав, засуетились: оказывается, нас не ждали, мы должны были оставаться в Симоносеки. Теперь же надо было всех устраивать здесь, дать спешно помещение и накормить. Какой-то японец, хорошо одетый по-европейски, молча вынул бумажник и передал секретарю полиции 100 иен, прося его немедленно заказать для всех прибывших обед. Обед обещали подать через час и сейчас же пошли устраивать для нас помещение. Одиноких взрослых поместили на барже, приспособленной для жилья, а остальным отвели хоры в помещении местного музыкального общества. Были быстро поданы тележки для перевозки багажа, и в сопровождении приветливо нам улыбавшихся жителей города мы направились в отведенное нам помещение. Появились сотрудники газет, которым полковник Грудзинский объяснил, кто мы, и просил выразить нашу благодарность господину, давшему деньги на обед, и администрации города за теплый прием. На другой день в газетах появились статьи о нашем прибытии, и к нам стали приходить люди самого раз-

личного общественного положения, и все они несли подарки: деньги, вещи, фрукты, сласти... Видя печальное состояние нашей обуви, одна фирма прислала кадетам 40 пар обуви на резиновой подошве. Детям прислали игрушки. Вечером все это было строго учтено и роздано поровну, а деньги были выданы при высадке в Шанхае. На другой день дамы и дети высшего общества устроили музыкально-вокальное утро, а вечером дал концерт симфонический оркестр.

После концерта, обращаясь к публике, распорядитель произнес речь, сказав о тяжелом положении людей, вынужденных революцией оставить свое отечество под давлением насильников и убийц. После речи он прошел в публику с подносом, на который посыпались деньги. В кратком слове полковник Грудзинский благодарил японцев за отзывчивость, а на следующий день поместил в местной газете на английском языке нашу общую благодарность всему городу. В Шанхай эта группа прибыла и высадилась под японским флагом беспрепятственно.

Оставшаяся в Гензане на кораблях 1-я рота хабаровцев и все, кто погрузился с корпусом, стояли далеко от берега, страдая от духоты и жары. Ввиду того что прибывшие раньше воинские части держали себя на берегу сначала довольно распущенно, японская полиция не разрешила сходить с кораблей никому. На кораблях были вынуждены поддерживать пары и тратить драгоценный уголь, за который японцы считали неимоверно дорого. Только после того, как образовался Комитет Красного Креста, в который вошли директора обоих корпусов (1-го Сибирского Императора Александра I и Хабаровского графа Муравьева-Амурского), японцы пошли на соглашение. Гражданским беженцам дали на берегу бараки, но воинским частям не разрешили покинуть корабли, причислив кадетские корпуса к воинским частям. Ввиду этого на кораблях была произведена перегруппировка: сухопутные войска переместили на транспорты, гражданских лиц высадили на берег, а кадет распределили по военным судам в качестве матросов, кочегаров и вообще в помощь командам. Директор корпуса и другие чины персонала с семьями были устроены на военных судах.

После пребывания почти целого месяца на кораблях флотилии в порту Гензана часть Хабаровского корпуса вышла в Шанхай. Во время переезда морем между Фузаном и Шанхаем, во время тайфуна, погибла канонерская лодка «Лейтенант Дыдымов», с которой утонули и бывшие на ней наши старшие кадеты.

<...>Во время следования флотилии из Фузана в Шанхай поднялся сильный шторм, который прервал связь судов между собою. В это время «Лейтенант Дыдымов», сбившись с курса, отстал и по прибытии судов на внешний рейд Вузунга во флотилии не оказался. На следующий день

шторм утих и была получена радиотелеграмма с «Лейтенанта Дыдымова», извещавшая всех, что корабль выдержал шторм и с большими поломками идет в Шанхай. Адмиралом Старком было приказано ждать корабль и, в случае надобности, «Илье Муромцу» отправиться навстречу пострадавшему судну. Но к несчастью, ночью поднялся снова шторм, который и был виновником гибели «Лейтенанта Дыдымова».

Место, время и факт гибели судна никто не может до сих пор точно определить, так как не только никто не спасся из команды, но даже ни одного обломка или пробкового пояса не было найдено — корабль со всем, что на нем находилось, пошел ко дну.

Корпус высадился в Шанхае 30 декабря 1922 года. Вначале китайские власти не давали никому разрешения сходить на берег; европейцы не хотели пускать кадет на территорию своих концессий, а бывший консул г-н Гроссе отмахивался от корпусов и руками, и ногами. Наконец, усилиями генерала Корнилова, некоторые предприниматели и купцы выдали 25 удостоверений кадетам, что такие-то лица приняты на службу и не будут обременять общество. С этим удостоверением сошли на берег все: каждая группа в 25 человек, сойдя на берег, находила способ вернуть удостоверение обратно на корабль и ими пользовалась следующая группа и т. д. Оба корпуса, и Сибирский, и Хабаровский, были помещены вместе, в вилле одного отсутствовавшего иностранца на Джесфильд-Род, № 4. Флотилия ушла в Манилу, кадеты остались в Шанхае, и иностранцы оказались перед совершившимся фактом.

Громадный, богатейший международный город и китайский мировой порт, с российскими представителями — политическими, административными и торгово-промышленными, генеральный консул и именитое русское купечество, — не приветливо встретили кадет, сыновей бойцов за Отечество и самих, готовящихся быть и даже частично уже бывших такими же. Почти официальное предложение официального представителя, консула Гроссе, было — корпуса закрыть, кадет распределить по местным благотворителям или отослать домой в СССР.

Тяжелое положение корпусов и их администрации, несколько сот кадет на руках и совершенное отсутствие средств. Много заботы и ответственности директоров корпусов, генерала Руссета 1-го Сибирского и генерала Корнилова Хабаровского кадетских корпусов. Но не без добрых людей на свете. Нашлись они и в сухом, бездушном расчетливом Шанхае. Образовался «Комитет помощи сиротам Великой войны», под председательством директора Французского муниципального колледжа города Гробуа. Позднее была организована большая лотерея для использования ее доходов на вывоз кадет из Шанхая.

Корпус продолжал занятия. В каких условиях — не будем говорить. Была энергия администрации, была бескорыстная помощь части русской международной общественности и доброе желание кадет продолжать и закончить свое образование. Некоторые кадеты побывали на фронтах и уже имели боевые знаки отличия. Обучение продолжалось. А в парадные дни корпуса представляли по-прежнему подтянутых, дисциплинированных кадет, а на своих балах в корпусные праздники — традиция соблюдалась неуклонно — кадеты были радушными хозяевами, и молодежь веселилась искренно, забывая все невзгоды, а старшие, глядя на нее, радовались чистому детскому веселью...

Но все же Шанхай не мог или не хотел содержать корпуса, и из-за недостатка средств грозило закрытие. Лишние рты да еще требующие «аристократической роскоши» образования и воспитания, вместо того чтобы демократически самим зарабатывать, было и такое мнение у шанхайских старожилов.

корпусам хотелось продолжать свое национальное дело, а шанхайцам хотелось избавиться от них. Взоры тех и других устремились на Запад, в славянское родственное государство, туда, куда ушла громадная часть российской Белой армии из Европейской России.

Необходимо особенно обратить внимание на то, что чины персонала не получали никакого вознаграждения за свою работу; кроме того, во время тайфуна, от которого пострадали суда флотилии по пути в Шанхай, было потеряно до 75 процентов имущества корпуса и занятия приходилось вести почти без учебных пособий.

Помощь получал корпус от благотворительных сборов, пособий, присылаемых русским военным атташе в Японии генералом Подтягиным и благотворительными обществами Тянь-цзина и Ханькоу. Оркестр корпуса поддерживал жизнь корпуса, играя на скачках и по приглашению в других местах. Были куплены фанфары и сделаны к ним прапора: на лицевой стороне вензель Императора Николая II, а на другой литеры «Х.К.».

П. Гаттенбергер[414]

С АМУРА НА ДУНАЙ. ТРАГЕДИЯ ХАБАРОВСКОГО ГРАФА МУРАВЬЕВА-АМУРСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА[415]

Выдержки из записок ротного командира корпуса полковника Николая Цесаревича Грудзинского.

«Дальний Восток был присоединен к России в 1860—1861 годах. По границе с Китаем врезались в тайгу, раскинулись казачьи стани-

цы по левому берегу Амура, по правому — Уссури, по узкой и глубокой, утонувшей в своих берегах и притихшей в болотах, извилистой, как змея, Сунгаче, что из озера Ханка вытекает. На другой стороне этого громадного озера вырос поселок Камень-Рыболов, возле широкой, плоской скалы с впадиной, в которую волны забрасывали рыбу. Каменное дно у озера, не очень оно глубоко, и, если на пути буря захватит караван груженых барж, они, как орехи, разбиваются об дно. Во всех местах богатого края строились кирпичные казармы и другие военные и казенные здания, прибывали войска, просекались дороги. Хабаровск и Владивосток (около 600 верст) связала Уссурийская железная дорога. Край развивался и богател. «Вот здесь, где эта лестница спускается к воде, — говорил мне, малышу, двоюродный дед, брат бабушки со стороны матери, гуляя со мной по высокому берегу Амура и указывая на деревянные ступени крутой, длинной лестницы, — здесь, недалеко от базара, и был стан Хабарова. Тут он валы насыпал, пушки поставил, из бревен кедровых стены сложил. По его имени и город назвали Хабаровском».

Двоюродный дед мой, Виктор Федосеевич Сокольников, брат моей бабушки со стороны матери, весь север сибирский исходил и изъездил на оленях и на собаках. Мамонта искал, золотоносные жилы, карты чертил для Географического общества, коллекции собирал для естественников. Один его мамонт стоит в Королевском британском музее. Слышал я маленьким, что мамонтово мясо можно было есть, так хорошо оно сохранилось во льдах тундры. У бабушки, в Хабаровске, в скромной гостиной стоял большой клык мамонта и возле него лежал причудливый самородок. Дед мой, муж бабушки, в 1880-х годах служил в Якутске в казенной палате, а через Якутск все пути проходили, водные и оленьи, отсюда на перевал к Охотскому морю и Хабаров проходил. Здесь он снаряжался, пушки получал и материал военный. В архивах палаты хранились грамоты разные и документы того времени. У нас в Архангельске все знают дом Хабарова. Его жене Царь содержание от казны приказал выдавать, чтобы безбедно жила. Хабаров на Амуре город построил. Царь благодарил, сделал его своим полковником и приказал воеводам всякую помощь ему оказывать».

Так рассказывал уже в Аргентине некто Проня, сын раскулаченного помора, баркасы которого ходили и за промыслом, и по торговым делам в самую Печору. Спасаясь от преследования чекистов, Проня «втерся», благодаря своему сильному тенору, в группу украинских артистов, с ними два раза побывал в городах Дальнего Востока и два раза в Хабаровске. Во время войны Проня удачно «смылся» с немцами.

В 1888 году, распоряжением генерал-губернатора Приамурской области, командующего войсками округа генерала Гродекова, в Хабаровске была основана подготовительная для Омского кадетского корпуса Хабаровская школа для детей военнослужащих. За отсутствием в то время дороги школьников возили в Омск сначала на почтовых и только от Иркутска ехали поездом.

Хабаровская школа фактически зародилась в семье офицера штаба округа Дмитрия Павловича Мартьянова. Жена его, Анна Цезариевна, урожденная Грудзинская, московская институтка, видя безвыходное положение родителей, обремененных заботами о детворе, стала давать уроки у себя на квартире. Детвора собиралась с радостью, родители вздохнули свободнее. «Школа» разрасталась, Анне Цезариевне стала помогать Серафима Ивановна Крузе, имевшая высшее образование. Обе они вошли затем преподавательницами в основанную Хабаровскую школу. Командующий войсками генерал Гродеков, задумав основать школу, обратил внимание на семью Мартьяновых, обменивался своими мыслями с Дмитрием Павловичем, обсуждал детали. В чине подполковника Д.П. Мартьянов был назначен директором Хабаровской школы, из которой и вырос Хабаровский кадетский корпус.

В списках педагогического персонала школы мы находим фамилии Мартьянова, Крузе (преподавательница). Среди офицеров-воспитателей, они же и преподаватели, были Крузе, Плешков, Грудзинский. Законоучителем был протоиерей Аркадий Прозоров, в революцию замученный большевиками в Николаевске-на-Амуре. Евгений Борисович Крузе[416], в чине генерал-майора бывший потом начальником штаба Уссурийского казачьего войска, замучен большевиками в 1922 году.

30 апреля 1900 года школа была переименована в Хабаровский кадетский корпус. У нас говорили: «Царь за 10 тысяч верст отсюда о нас думает, нам верит». Корпус просуществовал до 1 мая 1918 года, дав России многих носителей здоровых основ, верных и честных офицеров, чтущих Царя, Церковь и Родину. После 1 мая 1918 года местный совдеп постановил закрыть корпус окончательно, детей отослать к родителям, а сирот передать в местный приют для беспризорных. Нужно вдуматься в душевную трагедию, которую должны были пережить эти сироты, чьи отцы сложили свои головы в Японскую и мировую войны... Царь приказал принять их в корпус, где они воспитывались в здоровой обстановке. Потом, когда атаман Калмыков занял город и приказал возобновить занятия в корпусе, немудрено, что некоторые из наших кадет вернулись в корпус из приюта с приобретенными там недостатками и привычками, недопустимыми в корпусе. Некоторые счастливцы, взятые сердолюбивыми жителями города в свои семьи,

были тем самым спасены от дурных влияний приюта. Были и такие, которые бежали и превратились в искателей приключений.

Войска атамана Калмыкова заняли город неожиданно, причем часть его отряда подошла к городу в вагонах, которые остановились в поле, и сибирские лошади (маштаки) прямо из вагонов прыгали на дорогу. Сотник Михайловский с несколькими вагонами подошел к самой станции и открыл пулеметный огонь по стоящим там красным эшелонам. Большевики в панике бежали, а утром жители увидели на улицах города пикеты казаков. Затем подошли японцы. Выдвинув заставы за Амур, атаман Калмыков принялся за устройство дел в городе, и директору корпуса было приказано немедленно собрать воспитанников и приступить к занятиям. Для окончивших корпус атаман Калмыков решил открыть при корпусе военное училище, начальником которого был назначен директор корпуса, а его помощником Н.Ц. Грудзинский. За недостатком места в училище было принято всего 22 человека, и 20 октября 1918 года были начаты занятия. В апреле 1919 года училище посетил для инспекции генерал Соколов, начальник штаба командующего войсками генерала Хорвата. Осенью 1919 года все юнкера по окончании курса были произведены адмиралом Колчаком в хорунжие, и училище развернулось в сотню.

13 февраля 1920 года, в 4 часа утра, отряд атамана Калмыкова покинул город, идя навстречу своей гибели.

В октябре 1920 года все хабаровцы был собраны в казармах 35-го полка, на Русском острове. 150 человек уже находились там с инспектором классов генералом Корниловым, а полковнику Мартьянову удалось вырваться из Хабаровска с последним эшелоном уходящих японцев. Он привез во Владивосток кадет и некоторое корпусное имущество.

Во Владивостоке корпус замаскировался под «школу». В левом тогдашнем правительстве Владивостока был сначала командующим войсками эсер генерал Болдырев. Он помог корпусу. Но вскоре красная Чита назначила на его место матроса Лепехина, и для корпуса начались тяжелые дни.

26 мая 1921 года каппелевцы произвели переворот, к власти пришло правительство во главе с Меркуловым, а командующим войсками стал генерал Вержбицкий. Наша «школа 2-й ступени» опять стала корпусом. Для удобства размещения корпус был переведен в бухту, в казармы 36-го полка. Над зданием был поднят национальный флаг.

Тем временем бои с красными продолжались, и в лазарет корпуса были доставлены раненые наши кадеты. Всем им были предоставлены все удобства и обеспечен отличный уход. Все они поправились.

***

В Гензане японцы отправили 2-ю роту в Мукден. Здесь выяснилась и другая неприятность: пришедшие ранее нас воинские масти держали себя на берегу, мягко выражаясь, «не в рамках приличия», и японская полиция отдала распоряжение не пускать вновь прибывающих на берег. Мы стояли далеко от берега, томясь от духоты и жары. Чтобы держать пары, тратили уголь, за который японцы драли с нас немилосердно.

В конце концов был организован комитет Красного Креста, в который вошли: уполномоченный Красного Креста, санитарный инспектор армии Петников, оба директора корпусов и представитель от Сибирского казачьего войска. Японцы пошли на соглашение. Для частных лиц дали бараки, но войскам съехать на берег не разрешали. Наше начальство приступило к разделению эскадры на две части, так как все военные корабли уходили в Шанхай, намереваясь потом идти на Филиппины. Так как японцы не позволяли высадить на берег кадетские корпуса, причисляя их к составу армии, надо было разместить кадет на военных судах. Весь гражданский элемент высадился на берег, сухопутные войска переместили на транспорты, а кадет распределили по военным судам в качестве матросов, кочегаров и т. д. Директор корпуса и другие офицеры были также устроены на военных судах, а полковника Грудзинского оставили с группой кадет, служивших на транспортах, в надежде, что японцы согласятся отправить нас в Мукден, ко 2-й роте. Оставили им некоторый запас муки, бобового масла, соли...

Военные корабли ушли. Переход их был очень тяжел, и в налетевшем тайфуне погиб старенький «Дыдымов» со всем своим экипажем. На нем погибли лучшие наши кадеты, чьи имена и фамилии были занесены в синодик. К сожалению, синодик этот с именами всех умерших с основания школы погиб впоследствии в Югославии.

Наконец разбросанные по морю суда добрались кое-как до Шанхая. Но китайские власти остановили корабли в Вузунге и в Шанхай не пускали, а европейцы не хотели пустить кадет на свои концессии. Консул наш, г-н Гроссе, отмахивался от корпусов руками и ногами. Адмиралу удалось спустить частями «морскую пехоту», а некоторые предприниматели и купцы выдали кадетам 25 удостоверений, что берут их на работу или на службу и что они таким образом не будут обременять общество. С этими двадцатью пятью удостоверениями все и съехали на берег: первая сошедшая на берег партия сейчас же вернула удостоверения обратно на корабль, с ними сошла вторая партия и так сошли все.

Оба корпуса оказались в городе и расположились на вилле отсутствовавшего иностранца. Суда ушли на Манилу. Иностранцы же оказались перед совершившимся фактом. Всего выгрузилось около 350 кадет и до 70 человек служащих. В городе был образован международный комитет, взявший корпуса на свое иждивение. Разместились корпуса на вилле, как говорилось выше, одного отсутствовавшего иностранца, как оказалось — португальца, на Джесфильд. На довольствие международный комитет отпускал ежедневно по 20 центов на человека. Кухней заведовал капитан Косенко, и кормили кадет сносно. Но износилась одежда, а средств на обновление ее не было. Спали на голых нарах, и хорошо еще, что была баня.

Группа кадет в Мукдене попала в более тяжелые условия. Всех поместили в общем бараке, вместе с другими беженцами, в тесноте. Кормили плохо, бани не было, а умывались во дворе, под краном, в любую погоду. В кадетах принял участие наш военный агент в Китае полковник Блонский. Там тоже был организован комитет помощи, вместе с японцами снабжавший кадет провизией. Кадетам отвели потом отдельный барак. Но было все же плохо, и шанхайцы, в сравнении с мукденцами и гензанцами, жили в роскоши.

Еще перед эвакуацией из Владивостока некоторые старшие кадеты устроились матросами и кочегарами на военных судах, а некоторые на частных. И вот в Гензане выяснилось, что кадет, служивших на частных судах, безжалостно эксплуатируют. Кадеты обратились за помощью к остававшемуся в Гензане полковнику Грудзинскому, которому удалось снять их с кораблей и поместить в бараке вместе с остальными кадетами. Вскоре японцы заявили, что они начнут вывозить русских из Гензана и что первый эшелон двинется в Шанхай. Кадеты обоих корпусов и служащие, остававшиеся в Гензане, получили от генерала Лебедева, являвшегося русским представителем в Гензане, приказание отправиться всем в Шанхай. Японцы оплатили проезд и, кроме того, выдали на человека по 10 иен, которые должны были быть выданы на руки лишь по прибытии в Шанхай. Все отправились на пассажирском пароходе, где кадет очень хорошо кормили и относились к ним весьма вежливо.

Когда пароход пришел в Симоносеки, явились японские власти, смотрели документы, долго переговаривались между собой и в конце концов заявили, что пароход, идущий в Шанхай, придет дня через три и в ожидании его нам следует отправиться в Моджи, где о нас позаботятся. Нас перегрузили на баржу, и катер перетащил ее на другую сторону пролива, в Моджи. Мы высадились и стали ждать появления властей. Но никто не приходил, а время подходило к 12 часам дня,

все были голодны. Среди нас были и дети. Тогда старший группы полковник Грудзинский пошел разыскивать властей. У первого встречного он спросил, где помещается полиция. С обычной для японцев вежливостью и приветливостью тот довел полковника Грудзинского до самого дома, где находилось полицейское управление. Там приняли полковника вежливо и внимательно выслушали. Выслушав, засуетились: оказывается, нас не ждали, мы должны были оставаться в Симоносеки. Теперь же нас надо было устраивать здесь, дать спешно помещение и накормить. Какой-то японец, хорошо одетый по-европейски, молча вынул бумажник и передал секретарю полиции сто иен, прося его немедленно заказать для нас обед.

Обед обещали подать через час и сейчас же пошли устраивать для нас помещение. Одиноких взрослых поместили на барже, приспособленной для жилья, а остальным отвели хоры в помещении местного музыкального общества. Были быстро поданы тележки для перевозки багажа, и в сопровождении приветливо нам улыбавшихся жителей города мы направились в отведенное нам помещение. Появились сотрудники газет, которым полковник Грудзинский объяснил, кто мы, и просил выразить нашу благодарность господину, давшему деньги на обед, и администрации города за теплый прием. На другой день в газетах появились статьи о нашем прибытии, и к нам стали приходить люди самого различного общественного положения, и все они несли подарки: деньги, вещи, фрукты, сласти... Видя печальное состояние нашей обуви, одна фирма прислала кадетам 40 пар обуви на резиновой подошве. Детям присылали игрушки. Вечером все это было строго учтено и роздано поровну, а деньги были выданы при высадке в Шанхае.

На другой день дамы и дети высшего общества устроили музыкально-вокальное утро, а вечером дал концерт симфонический оркестр. После концерта, обращаясь к публике, распорядитель произнес речь, сказав о тяжелом положении людей, вынужденных революцией оставить свое Отечество под давлением насильников и убийц. После речи он прошел в публику с подносом, на который посыпались деньги.

В кратком слове полковник Грудзинский благодарил японцев за отзывчивость, а на следующий день поместил в местной газете на английском языке нашу общую благодарность всему городу.

В Шанхай мы прибыли в скверный, дождливый день. Высадка наша, производившаяся под японским флагом, прошла беспрепятственно, никто нас не задерживал. На грузовике кадет перевезли в корпус.

Вскоре двумя партиями прибыли мукденцы и уже совершенно неожиданно — юнкера Корниловского училища и их офицеры. Их надо

было занять каким-то делом, так как кадеты, несмотря на тяжелые условия, учились и занятия были уже налажены. 7-й класс закончил курс, и был произведен выпуск. Какая громадная работа была проделана педагогическим персоналом, может оценить только тот, кто знал, в каких тяжелых условиях она производилась.

Международный комитет сокращал между тем паек и настаивал на отъезде корпусов из Шанхая. Была послана просьба о разрешении на отъезд в Сербию. Члены международного комитета во главе с его председателем генералом Вольтером торопились развязаться с корпусами и были готовы распылить их. Но тут судьба корпусов перешла в руки другого комитета, председателем которого был директор французской гимназии г-н Гробуа, человек энергичный, с широким кругозором и, главное, сердечный. При нем был получен ответ из Сербии, куда разрешалось ввезти 500 человек. Ответ определенно указывал на невозможность сохранения корпусов в их целом, но говорил, что кадеты будут обеспечены и смогут продолжать образование. Часть педагогического персонала могла рассчитывать на получение службы, но указывалось также, что сербское правительство слагает с себя всякую заботу о лицах, не состоящих в корпусах.

Телеграмма эта была получена французским консулом, которому предлагалось снабдить нас вещами. Французы рьяно взялись за мысль отправить корпуса в Сербию и стали изыскивать средства. От китайцев было получено разрешение на устройство выигрышной лотереи, и на полученные таким путем средства корпуса и были отправлены.

Г-н Гробуа обратился к обоим директорам с запросом, сколько человек поедет в Сербию. Так подошло время к нашему корпусному празднику (11 октября по ст. ст.). Состоялся парад и производство кадет 7-го класса в вице-унтер-офицеры. В 8 часов вечера начался бал в Полицейском клубе. Танцевали до 2 часов ночи, а на следующий день встали только к обеду.

Директор корпуса и часть педагогического персонала хотели ехать в США, хотя на въезд туда и не было разрешения, но они предлагали хлопотать о таком разрешении. Другая часть педагогов склонялась к переезду в Сербию, на въезд куда разрешение уже было получено. Тут поднялся вопрос, как поступить с имуществом корпуса и, в частности, с музыкальными инструментами, которые музыканты хотели оставить себе, в личную собственность, мотивируя это тем, что трубы покупались на деньги, заработанные игрой. Тогда директор приказал создать два оркестра и инструменты поделить между ними.

Остающиеся в Шанхае пришли проститься с отъезжающими. Они смотрели на все сборы холодно, не веря в лучшее будущее. Плыли ка-

деты на французском пароходе «Партос», где условия были отвратительными: по неосмотрительности и доверию к бывшим союзникам не взяли копии заключенного с компанией контракта, и французы делали что хотели. Кормили плохо и давали хлеб с червями.

***

Высадившись на сербский берег в Сплите, генерал Корнилов отправил телеграммы королю Александру, нашему посланнику Штрандману, для Великого князя Николая Николаевича, и генералу Врангелю. Все прибывшие поступили в распоряжение Державной комиссии в лице ее представителя г-на Охотина. Кадет и семьи корпусных служащих разместили в казарме пехотного полка, зачислили на солдатский паек и накормили. Помню, что обед мы едва смогли есть, так как все было с перцем, а мы еще не привыкли к такой острой приправе. Лица, не состоявшие в списках корпуса, были отправлены в Белград, откуда разъехались по разным местам. Выбор воспитателей для продолжения службы в корпусах был предоставлен директору корпуса.

Первую партию кадет повез в Донской кадетский корпус подполковник Магденко[417], вторую — подполковник Никифоров[418].

Все кадеты были распределены по следующим корпусам: большая часть — в Донской Императора Александра III кадетский корпус, потом — в Первый Русский кадетский корпус и меньше всего — в Крымский кадетский корпус. Многие наши кадеты были во всех этих корпусах в числе лучших учеников. Пройдя тяжелые испытания и оставшись без Родины, все они стремились лучше учиться, чтобы потом, окончив университеты или поступив на военную службу, поскорее встать на ноги. Никто из нас не думал никогда, что нам придется покинуть родные места. Путь с Амура на Дунай был долог и полон приключений, но директор наш, генерал Корнилов, был для всех нас настоящим отцом, всегда думал и заботился о нас. Он навещал нас и в Донском корпусе и находил небольшие средства, чтобы побаловать своих бывших воспитанников. Мы, хабаровцы, всегда будем с благодарностью вспоминать генерала Корнилова, так же как и весь персонал корпуса, не оставивший нас в тяжелые дни.

Но кадетские сердца с благодарностью вспоминают и короля Александра, протянувшего нам руку помощи и давшего нам приют в своей стране. Пройдут года, эти воспоминания о былом прочтут наши дети и внуки, и нет сомнения в том, что у нас, на нашей многострадальной Родине будет в будущем поставлен памятник кадету-королю от всех, когда-то проживавших в Югославии.

ХАБАРОВСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ШАНХАЕ[419]

После прибытия в Шанхай всех других частей корпуса из Мукдена и из Японии, к 1 января 1923 года Хабаровский корпус имел следующий состав: учащихся — 226 (кадет 155 и окончивших свыше 70), прикомандированных Корниловского военного училища — 14, штатных служащих — 28, вольнонаемных — 20, членов семейств служащих — 31, всего 319 человек. Сразу же после устройства на новом месте корпус возобновил свою учебную работу.

Живейшее участие в устройстве корпуса в Шанхае приняло Русское консульство и состоявшее при нем местное благотворительное общество, во главе которого стояла супруга консула. На призыв об оказании помощи корпусам откликнулись многие из обывателей Шанхая, как русские, так и иностранцы, причем был учрежден особый «Комитет помощи сиротам жертв Великой войны». Общее собрание членов Комитета выделило из своего состава исполнительный орган в виде Комиссии, под председательством генерала Вальтера[420], в состав которой вошли адмирал Ковальский (товарищ председателя), вице-консул К.Э. Менлер и директора обоих корпусов. Комиссия эта работала до 26 мая 1923 года, после чего сложила свои полномочия; были произведены выборы в новую Комиссию, председателем которой избрали г-на Гробуа, а в состав членов, русских и иностранцев, вошли опять оба директора корпусов.

В течение периода деятельности первого Комитета источниками получения средств были благотворительные сборы и пособия, присылавшиеся Русским Военным Агентом в Японии генералом Подтягиным и благотворительными обществами Тяньцина и Ханькоу. Но ко времени образования нового Комитета выяснилось, что дальнейшее существование корпусов на благотворительные пожертвования невозможно. Поэтому возникла мысль об устройстве лотерей. Для этой цели был организован новый Международный комитет, председателем которого был избран г-н Гробуа; для организации лотереи были получены разрешения от китайских властей и от французского генерального консула. Первый тираж лотереи состоялся 8 октября 1923 года и принес крупный доход. Помимо лотереи, продолжалось поступление различных пожертвований, а также некоторый доход получался за игру кадетских оркестров и за работы кадетских мастерских. Но всего этого было совершенно недостаточно для покрытия всех расходов. На иждивении Международного комитета числилось 590 кадет и чинов персонала с их семьями, а получаемых средств едва хватало только на питание и на уплату за дом, за освещение и за воду. На все остальные расходы, вклю-

чая обмундирование и медицинские расходы, денег уже не было, и задолженность росла каждый месяц.

Несмотря на все неблагоприятные условия, с первых же дней начались учебные занятия; педагогический персонал корпуса добросовестно и самоотверженно вел свою работу, и кадеты прилагали все усилия, чтобы облегчить ему это дело.

Необходимо особенно обратить внимание на то, что чины персонала не получали никакого вознаграждения за свою работу; кроме того, во время тайфуна, от которого пострадали суда флотилии по пути к Шанхаю, было потеряно до 75 процентов имущества корпуса, и занятия приходилось вести почти без учебных пособий. В этих тяжелых условиях в июне 1923 года был сделан очередной XIX выпуск, а в 1924 году следующий, XX. Оканчивавшие кадеты в своем большинстве продолжали жить вместе с корпусом, в том же здании С 1 сентября корпус переселился в особняк на авеню Жоффр, 308, и при нем были устроены походная церковь в небольшой комнате, служившей как бы залом, затем мастерские — столярная, слесарная, сапожная и переплетная. Мастерские принимали частные заказы, и плата за них давала небольшой доход корпусу.

Международный комитет, не имея возможности покрыть все расходы по содержанию корпусов, был вынужден искать выход из создавшегося положения и одно время даже обсуждал мысль о распылении кадет по частным семьям и пансионам, но этот проект не встретил сочувствия ни у кадет, ни в среде персонала. Поэтому были начаты хлопоты по переезду корпусов в Югославию, откуда был получен ответ о разрешении ввезти 500 человек. В известиях, полученных в ответ на запросы, определенно указывалось, что будет невозможно сохранить корпуса целиком, но говорилось, что кадеты будут обеспечены и смогут закончить свое образование. Часть персонала корпуса могла рассчитывать на устройство, но лица, не причисленные к корпусам, не могли надеяться на получение помощи. Попытки хлопотать о разрешении въезда в Соединенные Штаты успеха не имели, и поэтому было принято окончательное решение переезжать в Югославию. Туда был командирован полковник Грудзинский, который выехал из Шанхая 31 января 1924 года для хлопот о сохранении всего корпуса. Хлопоты эти, как известно, успехом не увенчались.

Отъезд корпуса из Шанхая и долгое морское путешествие на французском пароходе «Партос» уже были описаны в первой части этого очерка. По прибытии в Сплит генерал Корнилов отправил телеграммы Королю Александру, Великому князю Николаю Николаевичу и генералу Врангелю, докладывая о прибытии корпуса в Югославию и о глубо-

кой вере кадет в грядущее возрождение России. Корпус перешел на иждивение Державной комиссии; кадеты и семьи корпусных служащих были размещены в казармах пехотного полка и зачислены на солдатское довольствие. В воспоминаниях кадет отмечено, что первая еда была с большим количеством перца и, не зная об этом, все обжигали себе рты этой непривычной приправой. Лица, не состоявшие в списках корпуса, были отправлены в Белград, откуда разъехались по другим местам. Все кадеты были распределены по следующим корпусам: большую часть полковник Магденко повез в Донской корпус, вторая часть, меньшая, была отправлена в Русский кадетский корпус (Сараево), а самое меньшее количество попало в Крымский корпус.

Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус прекратил свое существование и был расформирован 1 февраля 1925 года. Событие это было тяжело пережито всеми кадетами. Во время всех пережитых испытаний они тесно сплотились в одну дружную семью, и, несмотря на все неблагоприятные сведения, они все же верили, что родной корпус будет сохранен. Но судьба сулила иное, и тесной семье хабаровцев пришлось разделиться и перейти в ряды кадет других корпусов. Но и там они продолжали сохранять свою связь с однокашниками; в своем большинстве они были повсюду среди лучших учеников и нигде не посрамили имя своего родного корпуса.

По отношению к своему последнему директору, генерал-майору Афанасию Алексеевичу Корнилову, кадеты-хабаровцы сохранили чувство любви и большой благодарности за его отеческое отношение и за все его заботы о них. Точно так же они сберегли благодарную память о чинах учебно-воспитательного персонала корпуса, которые не покинули кадет в тяжелые дни и разделили с ними все лишения и невзгоды на долгом пути от Амура до берегов Далмации.

А. Рахманинов[421]

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВЫПУСКА 1920 ГОДА ИЗ МОРСКОГО УЧИЛИЩА[422]

Все написанное здесь взято мною не из воспоминаний, которые, пройдя призму времени, подчас весьма ошибочны, а из дневников и из сохранившихся материалов, как то: списки, приказы, записки, Журнал Кружка Морского училища. Многим, быть может, покажется, что некоторые факты переданы не в надлежащем освещении. Я писал не мудрствуя лукаво, писал так, как нам казалось тогда, и по возможнос-

ти перечисляя факты и не вдаваясь особенно в их толкование, — читатель сделает это и без меня. Конечно, мой труд представляет только конспект всего пережитого, перечислены только главнейшие факты и имена, а все менее важное (хотя, может быть, занимательное и характерное) выпущено, так как иначе «краткая история» превратилась бы в солидный роман. Я знаю — в моем труде будут недочеты, но прошу помнить, что это — первый опыт составления истории нашего выпуска и что условия эмигрантского существования не позволяют отдавать много времени бесплатному труду.

В заключение приношу огромную благодарность всем мне помогшим, а особенно мичману А. и мичману Кавторадзе[423].

***

Осенью 1914 года 60 молодых людей, почти мальчиков, были приняты в Общий младший класс (6-ю роту) Морского корпуса. Попасть тогда в Морской корпус было очень трудно благодаря большому конкурсу. Были весьма строгие экзамены, еще более строгий медицинский осмотр. Только сухопутные кадеты, окончившие 4 класса корпуса, принимались без экзаменов. Командиром 6-й роты был капитан 1-го ранга Паскин[424], георгиевский кавалер за Русско-японскую войну. Поступившие были разделены на два класса, помещены в отдельном здании, с противоположной от главного помещения стороны Столового зала, и резко разделились на бывших кадет сухопутных корпусов и принятых со стороны. Первые были мальчики, привыкшие к дисциплине и условиям военно-учебного заведения, и этим выгодно отличались от вторых — вышедших из-под мамашиных крылышек. В роте, благодаря отсутствию соприкосновения со старшими классами, развились весьма грубые нравы, с рукоприкладством и доминированием физической силы.

6 ноября 1914 года на традиционный парад прибыл Государь, произвел в мичманы старшую роту и даровал корпусу шефа — Наследника Цесаревича. Белые погоны Морского корпуса украсились вензелем Государева Сына. Затем был великолепный, с традиционным гусем обед. В 6-й роте проходили только общеобразовательные предметы, но каждый день офицеры преподавали семафор, морскую практику, плавательные движения и начала морских наук. Тогда же вся рота посетила дредноут «Гонгут». Переходных экзаменов не полагалось, переводили по годовым баллам. Весною разразился грандиозный скандал: жестко «обложили» доблестного штурмана лейтенанта Шестакова[425] — ложась спать, произвели большой шум и беспорядок в спальне; утихомирил

публику капитан 2-го ранга Халкевич[426]. После скандала 3 исключили, одного родители взяли сами, а остальные кадеты были разделены по степени виновности на три категории и сидели без отпуска. Вскоре из старшей роты были назначены «капралы», то есть фельдфебель Терентьев и 6 унтер-офицеров; они-то, собственно, и приобщили выпуск к традициям Морского корпуса. Младшая рота в плавание не ходила, а потому всех нас распустили до осени по домам.

Осенью 1915 года были большие перемены: капитан 1-го ранга Паскин ушел, а на его место ротным командиром был назначен капитан 2-го ранга Халкевич; кроме того, было принято со стороны еще 30 молодых людей и образован 53-й класс; узнали, что летом сбежал на войну кадет Ефимов и был исключен из списков роты, и, наконец, выдали заветную кадетскую мечту — палаши. Помещались теперь мы — 5-я рота — в самом центре корпуса, около лавочки (носившей — как ирония — название «Бережливость»); были назначены капралы из старшей и 3-й рот во главе с фельдфебелем Голициным. Все это сильно повлияло на нравы, кадеты смягчились и восприняли тот дух Морского корпуса, который оставлял след на всю жизнь и которым так славились наши морские офицеры. В 5-й роте занятия были много серьезнее, а капитан 2-го ранга Халкевич сумел внушить и дисциплину, хотя ему помогал один лейтенант Запольский[427], а остальные отделенные начальники были только что произведенные мичманы. Весной полагался лишь один экзамен по географии, и, конечно, у старого добряка Павловича его выдержали все.

Плавание было назначено в Петергофской военной гавани, под начальством капитана 1-го ранга Берлинского[428]. Вся рота была разделена на две смены по 45 человек. Первая смена плавала в начале лета, а вторая в конце, каждая по 50 дней. Помещались на берегу, но благодаря большому количеству шлюпок все время проводили в море или под веслами, или под парусами. Кроме того, изучали сигнальное дело, радиотелеграф, водолазное дело. Морское и семафор. Военную гавань возглавлял тогда генерал-лейтенант Понамарев[429], а стояли там: «Александрия», «Дозорный», «Разведчик», «Бурун», «Пика», «Бунчук», «Петергоф», а на рейде, в охране царской дачи, «Работник». В конце плавания всю смену сажали на транспорт «Либава» и отправляли в плавание в Транзунд и Выборг. Затем устраивали гребные гонки, на которых во второй смене сильной волной перевернуло вельбот, но, к счастью, всех спасли. На парусных гонках первый приз взял кадет Федоров. После плавания кадетам выдали очень красивые жетоны за царскую охрану, хотя Государя и не было в Петергофе. Каждый день кадет отпускали на знаменитую петергофскую музыку.

Перейдя осенью 1916 года в 4-ю роту и надев на погоны и рукава мундиров золотые басоны, почувствовали себя совсем старыми моряками. Было принято еще 30 человек со стороны и образован 44-й класс. Теперь в роте было 120 кадет. Ротным командиром по-прежнему оставался капитан 2-го ранга Халкевич. Он удвоил свою строгость, занятия усилились, ввели космографию и тригонометрию. Кадетам приходилось туго: наказания — аресты, лишения отпуска, стояние под винтовкой — сыпались, как из рога изобилия. Фельдфебель Сурин и капралы тоже драили, заведующий строевой частью генерал-майор Федоров[430] донимал строевыми учениями, по вечерам бывало плавание в бассейне. Старшая кадетская рота была на высоте положения и учила традициям младших, а также вновь открывшуюся роту в Морском кадетском корпусе. Кадетские роты в Петрограде предполагалось упразднить, и поэтому Морской корпус в октябре 1916 года был переименован в Морское училище. 6 ноября 1916 года случился скандал: при возглашении тоста за здоровье начальника училища вице-адмирала Карцова гардемарины и кадеты не закричали «Ура!» и оркестр играл туш при гробовом молчании. Тогда за строгость недолюбливали вице-адмирала Карцова и только после революции оценили всю его доблесть и благородство.

Кадеты 4-й роты, чувствуя себя взрослыми, начали усиленно переписываться и перемигиваться с соседними Патриотическим и Елизаветинским институтами. Сильно окрепло товарищество за время плавания, завели кассу взаимопомощи, даже «ловчились» дружно, залезая в шкафы и под парты; играли в тотализатор на преподавателей: кто первый после звонка пройдет мимо класса — фаворитом был капитан 1-го ранга Михайлов. С самого начала Февральской революции училище стало к ней в оппозицию. Начальник училища вице-адмирал Карцов, ведший себя героем, был арестован, а инспектор классов генерал-лейтенант Бригер — назначен на его место. На бриге был поднят красный флаг, срываемый каждую ночь кадетами. После Пасхи всех опять собрали, но занятия не клеились, экзамены отменили, были выбраны ротные комитеты, у нас под председательством кадета Чайко, которые просили, впрочем, только о разрешении носить проборы, ввели ночные дежурства. Но вскоре всех распустили по домам. В начале мая, играя с револьвером, застрелился кадет Бубнов.

***

Кадеты Морского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича училища, окончившие в мае 1917 года общие классы училища в количестве 107 человек, по причинам смутного времени не были отправ-

лены в плавание — как это делалось каждый год, а распущены по домам. Но любовь к родному флоту и морю привела каждого в отдельности, без какого-либо сговора, к одной и той же мысли: необходимо плавать, и вот к концу мая, почти весь выпуск — 72 человека — потянулся на свой риск и страх в действующие флоты Балтийского и Черного морей, во Владивосток и Архангельск, еще двое (Бородин и Слюз) — в действующую армию, 12 человек ушло в другие учебные заведения и 21 — плавать не пожелало. Устраиваться на суда, или, как тогда говорили, «наниматься», было нелегко: многим пришлось побывать не на одном корабле, пока, наконец, удавалось «попасть». Тем не менее благодаря энергии и настойчивости удалось устроиться всем 72 человекам. Начальство Морского училища не препятствовало самочинному «наниманию» и плаванию на судах, но помогать начало много позже, будучи поставленным перед совершившимся фактом.

Выпуск распределился так: 49 человек — в Балтийском, 17 — в Черном, 1 — в Сибирской флотилии и 5 — в Белом море. Если кадета принимали на суда и не так легко, то, приняв, относились — как офицеры, так и команда — в большинстве случаев очень хорошо. 1 июня приказом № 132 по Морскому училищу 87 кадет 4-й роты были произведены в гардемарины, а 20 человек кадет, окончивших сухопутные корпуса и принятых в Морское училище, получили тоже звание. На судах флота, преимущественно миноносцах, гардемарины несли полуофицерские обязанности и почти всегда имели свое отдельное помещение. Многие судовые офицеры занимались с кадетами и теорией, а если принять во внимание, что суда участвовали и в боевых операциях, то плавание получалось весьма полезным. В середине лета училище командировало бывшего командира 4-й роты капитан 2-го ранга Халкевича в Балтийское море для общего наблюдения над гардемаринами. Под конец плавания удалось даже выхлопотать гардемаринам небольшое жалованье. Не обошлось и без жертв: на «Львице» погиб смертью храбрых гардемарин Омельянович, в Черном море были ранены: гардемарин Сербулов — тяжело и Мясицкий — легко. Некоторые отличились в боях и получили награды. Так, были награждены: гардемарин Оллонгрен — Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени, гардемарины Сербулов и Мясицкий — Георгиевскими крестами 4-й степени и гардемарины Шиманский, Кавторадзе и Рахманинов — Георгиевскими медалями. Почти все гардемарины получили приглашение вернуться офицерами, по окончании специальных классов, на те же корабли.

Под конец плавания списались с судов, проплавав 90 дней, и после краткого отпуска собрались в стенах Морского училища, но радость свидания была омрачена известием, что по воле революционного правитель-

ства Морское училище, просуществовавшее более 200 лет, назначено к упразднению, а посему весь наш выпуск переводится в Отдельные гардемаринские классы. Нечего и говорить, какие «комплименты» на морском жаргоне посыпались по адресу правительства. 18—19-летние юноши, преданные всей душой родному флоту и старому Морскому корпусу, были как один настроены ультрамонархически и «республик» не уважали; в выпуске было много монархических пятерок, которые иногда устраивали собрания и стремились проявить активную контрреволюционную работу. «Товарищи» это, конечно, знали, но гардемарин не трогали, так как выпуск был дружный и сумел бы дать отпор. Приходилось исполнять приказ и перебираться в Отдельные гардемаринские классы. Скрепя сердце прощались мы с корпусом и уносили в душе его вековые традиции.

В Отдельных гардемаринских классах был выпуск черных гардемарин, старше нас на год, кроме того, поджидали около 100 молодых людей, окончивших гражданские средние учебные заведения и принятых в нашу роту. Сближение с ними шло медленно; многие из них оказались потом хорошими моряками и товарищами, но много было и революционной дряни, например, Гуркало, явно посланный к нам от Центрофлота в качестве шпиона. Весь наш выпуск, в количестве около 200 человек, должен был отправиться в плавание на Дальний Восток. Заведующим гардами был назначен доблестный герой Черноморского флота, кавалер ордена Святого Георгия капитан 1-го ранга М.А. Китицин, с которым мы и познакомились впервые в классах. Этот храбрый моряк произвел на нас чарующее впечатление и одним своим взглядом успокаивал самые решительные головы. Нас разделили на 16 полусмен с выбранными старшинами. Кроме того, по тогдашним правилам полагалось выбрать ротный комитет. «Старые», то есть гарды Морского училища, немедленно собрались, потолковали, выбрали из своей среды членов будущего Комитета и на общих выборах провели своих, так как все 105 человек голосовали дружно. Председателем Комитета сначала был мичман Скупенский[431], а потом — лейтенант Ромашев. Все старшины полусмен тоже были из «старых».

Не обошлось и без недоразумений. Первое: начальство потребовало от «старых» снять с фуражек ленточки с надписью «Морское училище» и надеть ленточки «Гардемаринские классы»; этого мы не хотели и надели ленточки с названиями тех кораблей, на которых плавали летом. Второе: старшая рота гардемаринских классов, на основании своих традиций, предложила нам, чтобы мы — младшая рота — отдавали им честь как в помещении, как и снаружи; выпуск наш собрался и ответил: традиции складываются веками, а следовательно, могут быть

у 200-летнего Морского училища, но не могут быть у 4-летних гардемаринских классов. Так, в постоянном отстаивании навыков и традиций Морского училища проходило время. Со вновь поступившими шли усиленные занятия по морским предметам, и после краткого экзамена их произвели в гардемарины. Был и трагический случай: застрелился из-за несчастной любви гардемарин Андрей Тихвинский.

Наконец, 3 октября 1917 года с Николаевского вокзала, в специальном эшелоне, возглавляемые капитаном 1-го ранга Китициным, ротным командиром лейтенантом Смирновым и напутствуемые начальником классов контр-адмиралом Фроловым[432] и фельдфебелем Морского училища, 205 гардемарин 3-й роты гардемаринских классов отправились во Владивосток для заграничного плавания. Ехать было удобно: в купе 2-го класса помещалось по 4 человека, был вагон-ресторан. Красота пути восхищала всех, многие стремились ехать на паровозе и даже на крышах вагонов. В Маньчжурии, где было разрешено к продаже вино, устроили грандиозное пьянство, и Михаилу Александровичу даже пришлось выстраивать роту перед вагонами и увещевать публику.

Совместное путешествие сильно подействовало к сближению обеих половин выпуска. (В полусмене было по 7 «старых» и 7 «новых» гард.) Правда, были типы совершенно неприемлемые, но огромное большинство под влиянием «старых» совершенно отбросило «революционные идеалы» и превращалось в добрых гардешков Морского училища. Евреев в выпуске не было; один даже с высокой протекцией Керенского хотел было поступить, но гарды Морского училища кратко, но дружно заявили: «Утопим!» — и он даже не решился явиться.

По прибытии во Владивосток, продержав некоторое время в вагонах, нас разместили в трех кубриках на крейсер 1-го ранга «Орел» (бывший пароход Добровольческого флота), находившийся под командой старшего лейтенанта Афонасьева[433]. Сибирскую флотилию возглавлял тогда выбранный командующий старший лейтенант Гнида[434], но порядок и даже некоторая дисциплина им еще поддерживались. Во Владивостоке выпуск встретил 6 ноября 1917 года, устроили в женской гимназии вечер, где гарды до упаду танцевали с гимназистками и завели не один роман.

Между тем корабельная жизнь интенсивно кипела. «Молодым», попавшим на военный корабль впервые, приходилось туго: ранняя побудка, чай, гимнастика, подъем флага, занятия по теории, караулы и вахты на морозе, а затем сон в подвесных койках, теснота, суровая дисциплина, окрики офицеров, насмешки сотоварищей, — вот жизнь молодого гардемарина. Матросы хотя и косились на гардемарин, но

инцидентов пока не было, так как матросам хотелось идти за границу. Судовые работы исполнялись матросами. Было голосование для выборов в Учредительное собрание; конечно, гардемарины голосовали за кандидата самой правой партии. Этот период был омрачен ужасным происшествием: катаясь на паровом катере, утонул гард Рыбалко и чуть не утонул другой гард, поплывший его спасать.

12 ноября «Орел» с 200 гардемаринами, в сопровождении эсминцев «Бойкий» и «Грозный», после напутственного молебна снялся с якоря и, провожаемый почти всем Владивостоком и оркестром музыки, вышел в море, держа курс в Японию. Проходя мимо Цусимы, отслужили панихиду. 16 ноября пришли в Нагасаки и стали на рейде. Тут же стоял американский крейсер «Бруклин», итальянский станционер «Кабото», японский дредноут. Престиж России был еще велик, и иностранцы поспешили с визитами. В тот же день спустились на берег. При первом посещении, как известно, Япония всегда очаровывает: узкие улицы, маленькие домики, масса фонариков, маленькие люди в кимоно и на деревянных дощечках, вместо ботинок, — все это производит впечатление сказки. Гарды, многие бывшие за границей в первый раз, были в восторге, и скоро все улицы наполнились рикшами с гардемаринами, в магазинах закипела бойкая торговля слоновой костью и черепахами. Торговки продавали необыкновенные фрукты, какие-то японцы в больших роговых очках предлагали сделать татуировку, а вечерами все наличные европейские рестораны и чайные домики наполнялись русской речью и песней. Прокутились многие здорово, и вся надежда была на маленькое гардемаринское жалованье в 10 иен. На корабле была масса дел, так как помимо занятий и репетиций гарды исполняли некоторые судовые работы, красили шлюпки, драили палубу Часто совершались экскурсии, то на японский судостроительный завод, то на итальянского станционера, то на фабрику жемчуга.

Пришла весть о большевистском перевороте, и наши матросы заметно обнаглели, например, произошла такая история· на берегу, в одном из ресторанов, несколько подвыпивших гардов и офицеров запели «Боже, Царя храни», матросы это услыхали и постановили виновных отправить во Владивосток для суда, но офицеры весьма ловко устроили побег обвиняемых, и они остались в Японии, а потом вернулись на «Орел». Общие собрания команды становились все возбужденнее, атмосфера сгущалась. 4 декабря вышли в море, но поднялся шторм, миноносцы стало заливать, качало ужасно, и отряд был принужден явиться обратно в Нагасаки, так что вышли в море только 7 декабря, когда море успокоилось Благополучно пришли 11 декабря в Гонконг, но тут англичане приняли нас весьма нелюбезно и пу-

стили не сразу. Тропики стали чувствоваться; после японского холода казалось странным ходить по верхней палубе в рабочем платье. Сразу же начали драить палубу, чистить медяшку, и не зря — приезжал английский адмирал. Своеобразная прелесть Гонконга, большого европейского города в тропиках, с огромными домами, окруженными верандами, голубое море заворожили нас. Начались гребные и парусные учения, гонки, а затем и репетиции по штурманскому, минному и морскому делу. На Рождество установили церковь, где была служба. Команда очень полевела, дошла до наглости и вынесла постановление о снятии погон с офицерских белых кителей.

Положение становилось невыносимым. Тогда заведующий гардемаринами, командир и русский консул в Гонконге вошли в тайное сношение с англичанами, и вот 25 января 1918 года около «Орла» встал английский вспомогательный крейсер «Сити оф Лондон» и два миноносца; приехал консул; гардемарины, вооруженные винтовками, держали караул; было предложено всем недовольным переправиться на «Сити оф Лондон» и уйти во Владивосток, 4 офицера, около 40 гардемарин и вся команда, за исключением каптенармуса А., решили списаться в Россию и перешли на англичанина. Переворот был совершен. Из гардемарин Морского училища остались почти все, примирившись с мыслью, что пока в Россию возврата нет. Оставшихся гардемарин распределили по специальностям, и они быстро освоились со своими новыми обязанностями. Нашлись талантливые машинисты, артиллеристы, рулевые, сигнальщики, минеры, кочегары, были даже и водолазы. Среди оставленных командою вещей нашли явные доказательства подготовлявшегося избиения офицеров и гардов. Ушедшие в Россию, в том числе и Гуркало, были, за малым исключением, революционно настроенная молодежь, и оставшиеся их не жалели. Ротный комитет был сейчас же упразднен, и водворена дисциплина старого русского флота, хотя и с уставом Керенского. Старшим офицером был назначен старший лейтенант Феодосьев[435].

Встал вопрос, что делать дальше? Старший лейтенант Афонасьев предлагал заняться перевозкой коммерческих грузов и тем существовать, а капитан 1-го ранга Китицин предлагал идти в Россию и помогать организуемым там белым отрядам. Разногласие приняло острый характер; конечно, гардемарины были на стороне благородного плана капитан 1-го ранга Китицина, но он, не желая вызывать новых раздоров, уехал 20 февраля в Японию, якобы в отпуск, к большому сожалению всех гардемарин, очень его полюбивших за время плавания. 22 февраля снялись и пошли за грузом в Хайфонг, но по дороге случилась авария, испортилась машина, и «Орел» болтался

12 часов в море. Ставили паруса, поднимали сигнал о бедствии, но кончили тем, что починили машину. Говорили о злом умысле, но, вероятно, здесь была просто неопытность гардов-машинистов. За время плавания, и в особенности переворота, почти сгладилась разница между «старыми» и «новыми», но приключения этого похода не кончились: в Хайнанском проливе внезапно «Орла» обстреляла китайская батарея (24 февраля). Мы не отвечали, застопорили машины, подождали, пока стемнеет, и удрали. В Хайфонге начали грузиться цементом и превратились из чистенького военного корабля в грязного «купца». 6 марта некоторых гардемарин командир произвел в унтерофицеры. Из-за недостатков средств сильно ухудшилась пища. Тропический климат плохо отзывался на здоровье, и у многих появились раны. Настроение стало подавленным, так как гарды не хотели превращаться в купцов, а считали, что надо идти в Россию драться с большевиками. Командир судил иначе, и вот «Орел» совершил еще три рейса: Гонконг—Хайфонг—Сайгон и обратно, перевозя различные грузы, пассажиров, а раз даже и 300 анамитов.

Занятия науками шли своим чередом, устраивались экзамены, но совместить все это с корабельной службой было трудно. На почве недовольства появилось масса стихотворений, иногда весьма талантливо написанных гардешками (особенно Вереницыным[436] и Ю. Степановым[437]) с иронией по поводу превращения военного корабля в купцы. Написали письмо капитану 1-го ранга Китицину о своей скверной жизни и жестокости командира. Наконец, под влиянием настроения гардов командир послал в Россию лейтенанта Шестакова — посмотреть и сообщить, что за белые отряды. Но еще задолго до возвращения лейтенанта Шестакова гарды начали при каждом приходе парохода в Гонконг списываться группами в Харбин и поступать в белые организации. Уже к 1 июля из Гонконга через Шанхай и Харбин уехало 61 человек. Тогда командир вошел в сношения с французами, которые хорошо к нам относились, и около 100 оставшихся гардов были перевезены на «Кап Сан Жак» около Сайгона, где и прожили до зимы, учась теории и неся караулы. Всего в этом плавании пробыли 263 дня.

«Орел», имея на борту особенно верных командиру 5 гардешков, захватив в Сайгоне какой-то груз, отправился в дальнейшее торговое плавание. Эти 5 гардов не вернулись больше в училище. В Сайгоне же при загадочных обстоятельствах утонул гард Пузыревский, которого с воинскими почестями, в присутствии французских войск там же и похоронили. Уехал в Сен-Сирскую школу гардемарин Люберадский.

***

И так выпуск впервые разделился на две неравные части, одна — в сто человек — около Сайгона, а другая — в 60 человек — в Харбин. Но попасть в Харбин было не так легко. Правда, командир расщедрился и дал билеты 2-го класса на пароход до Шанхая и даже немного долларов — но что делать дальше? Как бы там ни было, по приезде в Шанхай остановились в маленькой гостинице и отправились к русскому генеральному консулу Гроссе. Он принял весьма любезно и дал по 16 долларов на билет и визу до Харбина. Побродив с удовольствием по Шанхаю, сели в поезд и покатили в Харбин — почти на Родину, в дорогую всем Россию, после надоевшей заграницы. Уже в Мукдене были русские офицеры в погонах, продавались русские папиросы с мундштуками, вместо опостылевших сигарет. Ехали шикарно во 2-м классе, посылали за папиросами и водой китайских офицеров и любовались Китайской стеной.

В Харбине на вокзале нас встретил капитан 2-го ранга Безуар с ранее приехавшими гардами. С вокзала направились прямо в ресторан, где познакомились со всеми офицерами морской роты и отпраздновали возвращение в Россию. Морская рота, возглавляемая сухопутным подполковником Карамышевым, помещалась в Миллеровских казармах и состояла из 50 наших гардемарин, 30 добровольцев всех положений и возрастов, 20 сухопутных офицеров (в том числе и 5 сербских) и нескольких морских офицеров (капитан 2-го ранга Безуар, лейтенант Тимофеев[438], Вальронд[439], Шахов[440], мичман Покровский[441], Сербинов). На Сунгари имелось 2 паровых буксира и брандвахта, недавно взятая от большевиков. Гарды сейчас же надели белые погоны и значки Морской роты на рукава. Тут же был списавшийся с товарищами наш гард Артемьев[442], уже произведенный за отличие в прапорщики. Он был первый в выпуске, получивший офицерский чин. 5 из гардемарин служили в кавалерийском полку, из них гард Кривошеев вскоре застрелился. Дела в Морской роте, собственно, не было — готовились к походу против большевиков, а пока ходили в ресторан железнодорожного собрания, выпив, отправлялись ухаживать за гимназистками, а потом в оперетку. Участвовали несколько раз на парадах, встречали японцев.

Но вот объявили поход, Морскую роту погрузили на катера и брандвахту, все это взял на буксир пароход «Сретенск», вооруженный 2 47-мм пушками, и вся эта «Великая Армада» отправилась к устью Сунгари, где стояла большевистская канонерка с башенными установками, типа «Смерч». Вошли в сношения с амурскими казаками и начали пе-

реговоры о сдаче с «товарищами» с канонерки. Они сдаваться отказались, но подобру-поздорову ушли в Хабаровск, бывший тогда большевистским. «Сретенск» (брейд-вымпел капитан 2-го ранга Безуара) с катером вернулись в Харбин, а на театре войны остался катер «Талисман» с большей частью гардемарин под командой лейтенанта Шахова. Долго стояли в скверном китайском городке Фукдине, совершая изредка походы на Амур и обстреливая пароходы.

Наконец, узнали, что большевистская канонерка опять вернулась. Тогда решили захватить тихонько паровой катер, подвозивший ей провизию, и, подойдя ночью, взять канонерку на абордаж — предприятие почти безумное, ибо на канонерке были пулеметы и 80 человек команды. Тем не менее пошли. Катер, подвозивший провизию, был захвачен гардами на абордаж без потерь (переименован в № 1), а канонерка заблаговременно ушла. Из команды катера двоих расстреляли, а прочих зачислили в Морскую роту. К этому времени атаман Калмыков занял Хабаровск и гарды на «Талисмане» пошли туда. Впрочем, там уже нечего было делать, и всю «Армаду», к которой присоединился «Сретенск», поселили на островке против Сунгари, где были построены окопы.

Вскоре прорвались чехословаки, Сибирь была очищена от большевиков, и гарды, проплавав 50 дней, вернулись в Харбин, но не надолго, так как во Владивостоке приехавший из Японии капитан 1-го ранга Китицин организовывал Морское училище, куда 3 ноября 1918 года и отправили всех гардов. Во Владивостоке поселились в казармах Сибирского флотского экипажа и были несказанно рады снова встретиться с Михаилом Александровичем. К этому времени прибыли из Сайгона сидевшие там 45 гардов. Но, увы, теперь далеко не все годились для жизни в училище и для занятий, многих пришлось исключить, некоторые сами ушли в действующую армию, других исключил гардемаринский суд чести, под председательством гарда Д. Зато влиты были 10 человек черных гардов, старше нас на выпуск, и один гард флота. «Шилка» ушла в Европу под командой старшего лейтенанта Феодосьева.

Начался новый 1918/19 учебный год. Перебрались в новое помещение, бывшее казармой Школы специалистов, которое поделили организовавшимся Политехникумом. Помещение отделали, устроили спальню, роту, классы, курилку, баню, пригласили преподавателей (из них Петров преподавал и в Петрограде), и занятия закипели. В этом учебном году преподавали больше математические предметы: астрономию, теоретическую механику, аналитику, сферическую тригонометрию, дифференциалы, интегралы, пароходную механику и др. Часто устраивали репетиции и весьма строго спрашивали, а за три несданных репетиции

выгоняли немилосердно. Достали обмундировку, отпечатали книги и записки, и работа пошла полным ходом. Многие не выдерживали, уходили, и к весне осталось 112 гардов. Пришла «Пенза» и привезла оставшихся 50 человек из Сайгона, но их в училище уже не приняли. Большинство из них поступило в школу Нокса, и вскоре они были произведены в подпоручики.

Весной училище посетила испанская лихорадка, гарды все ею переболели, но умер только лейтенант Шестаков. Весной же умер от туберкулеза костей гард Горбатовский, а гард Горский застрелился. Все гарды были разделены на три отделения: 21-е, 22-е, 23-е. В апреле 1919 года пришло приказание свыше идти усмирять восстание в бухте Находка, севернее Владивостока. Гарды были рассажены на «Георгий», «Якут», «Свирь» и шаланду № 2 вместе с сухопутными войсками и в сопровождении английского крейсера «Суффолк», а также русского миноносца, отправились в бухту Находка. Ходивший раньше в эту бухту «Магнит» был жестоко обстрелян, потерял убитым нашего сотоварища прапорщика Артемьева и вернулся. Отряд вошел в бухту, обстрелял берега из артиллерии, высадил десант и выбил большевиков. Гарды деятельно помогали и удостоились похвалы главнокомандующего Сибирской флотилией контр-адмирала Федоровича[443].

22 марта по старой традиции Морского училища была встречена точка Овна. Гарды ночью вырядились в фантастические костюмы, а кто и без такового, водрузили на парту, переделанную в трон, гарда К., изображавшего Нептуна, его окружили придворные астрономы, телохранители, нимфы и дриады, и шествие тронулось по училищу. В классном зале, когда астрономы объявили, что точка Овна кульминирует, Нептун возгласил «Многие лета» начальнику училища капитану 1-го ранга Китицину. Случай исключительный в анналах Морского училища! Затем была провозглашена «Анафема» нелюбимым офицерам и преподавателям. Пропели стихи, очень удачно написанные Вереницыным к этому случаю, и все вернулись мирно спать.

В мае начались экзамены, счетом 5, весьма трудные. На них были приглашены профессора из Политехникума. Выдержали все, так как неспособные ушли в течение года. В июне 1919 года выпуск был произведен начальником училища в старшие гарды. Учебный год кончился. Нужно отдать справедливость энергии и организаторскому таланту капитана 1-го ранга Китицина (кстати сказать, не раз представляемого к чину контр-адмирала). Он сумел из ничего создать образцовое Морское училище и дать образование сотням молодых людей, без него обреченных на казарму в армии. Он справедливо пользовался любовью и уважением всего состава училища.

Весной же этого года была сорганизована 2-я рота из окончивших корпуса и гимназии. У них были вступительные экзамены и большой конкурс; летом они плавали на «Маньчжуре», и к ним были назначены капралы из гардов с фельдфебелем Г. во главе. В 1-й роте фельдфебелем был Алексей Д., бывший фельдфебелем Симбирского кадетского корпуса. Этим летом старшие гарды были расписаны на следующие суда: «Якут» — 45 часов, «Диомид» — 35 часов и «Улисс» — 35 часов под заведованием лейтенанта Цветкова, Рыбина и мичмана Трояна.

В этом плавании старшие гарды несли обязанности вахтенных начальников и преимущественно занимались штурманским делом, брали высоты, решали Сомнера, изучали метеорологию. Теорию преподавали судовые офицеры. Все три корабля в разное время отправились через Хокодате в Петропавловск-на-Камчатке, а «Якут» и дальше к Аляске. На судах были команды, так что старшие гарды были избавлены от корабельной прозы. Камчатка с ее дикими красотами природы произвела сильное впечатление. Тогда Ю. Степанов написал свое лучшее стихотворение «Остров Алаит». Помещались в отдельных кубриках, а для услуг были мальчики. В Петропавловске не застаивались долго, а ходили по бухтам вдоль Камчатки. Совершали экскурсии внутрь страны, лазали на Авачинскую сопку, объедались молоком, сметаной и рыбой, которая там была очень дешева, а гардам платили небольшое жалованье. Плавание было приятным и веселым, особенно с таким остроумным человеком, как старший гард Т. С науками не очень надоедали, и только на «Якуте» «Дикий Штурман» лейтенант Рыбин[444] порядочно-таки донимал астрономией.

Так прожили до осени, и возвращаться по бурному океану и Охотскому морю было трудно. Из Петропавловска выходили 6 раз и все из-за сильной волны возвращались. Наконец, на седьмой раз прошли, выдержав шестидневный шторм, идя только по счислению и выкативши к Сахалину, стали «отдохнуть». На обратном пути опять заходили в Хокодате. Японцы совсем по-другому смотрели на нас, чем в 1917 году, и на визит нашего командира ответили, послав японского гарда. Наконец стали во Владивостоке на рейде и занялись сдачей практических экзаменов. Затем ходили в бухту Посьет, а вернувшись, списались в училище, пробыв в плавании 64 дня.

В новом учебном 1919/20 году в училище произошли большие перемены: нашим ротным командиром был назначен старший лейтенант Бунин[445], доблестный моряк Балтийского флота и кавалер Владимира с мечами; выселили Политехникум и в освободившемся помещении устроили младшую роту. Были взяты немецкие военнопленные вместо дневальных, улучшена кухня, отремонтирован зал, устроена канцелярия,

лавочка, гостиная и библиотека для гардов. Тогда же пришло известие о смерти старшего гарда Татаринова, убитого большевиками, когда он ехал с «Маньчжура» на Камчатку. Он похоронен на Сахалине. Многих старших гардов произвели в унтер-офицеры, а старшего гарда Б. в прапорщики. В младшую роту было приято 20 чехов. Наступил наш последний учебный год. Многие предметы были вновь введены, например кораблестроение, девиация, теория корабля, артиллерия, фортификация, морская история и минное дело. Стали задумываться над производством, приобретать офицерские вещи. 6 ноября было торжественно отпраздновано гусем и яблоками и с парадом. Младшим своим сотоварищам выпуск старался передать заветы Морского корпуса.

В ноябре во Владивостоке разразилось восстание генерала Гайды. Училище было послано его усмирять, что успешно и выполнило, не потеряв ни одного человека. За усмирение этого восстания многие старшие гарды получили Георгиевские кресты и медали. Скоро вспыхнуло и другое восстание — егерей, — но и его училище легко подавило. В связи с неудачами на фронте во Владивостоке начали появляться темные личности, участились нападения на гардов, нужно было ходить вооруженным и нельзя же было беспечно в одиночку по ночам возвращаться в училище с вечеров и балов. Однажды напали на старгарда Г., и он нападавшего убил. Занятия и репетиции шли интенсивно, несмотря на события. В декабре явился вытребованный правительством адмирала Колчака «Орел». Старший лейтенант Афанасьев быстро уехал в отряд Семенова. Тогда же в наш выпуск были зачислены еще 5 старших гардов, приехавших с Юга России.

На Новый год начальник училища сообщил радостную весть о скором производстве. Но политическая атмосфера все сгущалась, и к концу января назрел явный переворот. Тогда был сорганизован Отряд судов особого назначения в составе «Орел» и «Якут» (вначале предполагалось еще «Свирь» и «Улисс»). На эти корабли перегружены обе роты Морского училища, воинские части и все пожелавшие покинуть Владивосток. Ночью 31 января предупредили, что, возможно, при выходе в нас будет стрелять Унтер-офицерская школа на Русском острове.

С рассветом снялись. Прошли Русский остров. В нас никто не стрелял. Вот как описывает этот момент мичман Кавторадзе: «Все дальше уходит берег. Все смутней фигуры, но уже всюду со всех береговых постов несется «Ура!», мелькает последнее «прости» родной земли. Резко качнуло. Порывистый ветер. Выходим в открытое море. Вьется сигнал: «Следовать за адмиралом. Курс зюйд-ост 19. К берегам Японии». И на «Якуте» ответный флажок. Прибавляем ход. Остров будто в дымке, и не знаешь — туман ли это или слезы застилают глаза. Впе-

реди безграничный бурный простор. Сзади узкая полоска родной земли... Прощай, Россия» («Вестник Галлиполийца» в Лионе). Итак, мы опять на «Орле», и опять покинули Россию, как знать, может быть, надолго, а может быть, и навсегда. Из нашего выпуска остались старгарды Ш. и К., так как были в отпуску и не успели вернуться. Палуба «Орла» представляла пеструю картину: всюду навалены вещи, ходят штатские, сухопутные офицеры, казаки и дамы. Матросов было около 40 человек, и все корабельные должности занимались гардами.

Отряд шел под брейд-вымпелом капитана Китицина; «Орлом» командовал кавторанг Потолов[446], «Якутом» — старший лейтенант Коренев[447]; 1-й гардемаринской ротой (117 человек) старший лейтенант Бунин; 2-й гардемаринской ротой (100 человек) старший лейтенант Дихт[448]; в 3-й роте было около 60 человек. Первым делом устроили приборку, распределили всех по местам, наладили камбуз. На третий день пришли в Пуруту. Японцы приняли прилично, но разница со стоянкой в 1917 году в Нагасаки была огромная. Тогда были русскими, а теперь — эмигранты. Ссадили всю неморскую публику, списался капитан 2-го ранга Потолов, и командование над «Орлом» принял Китицин. 5 старших гардов вернулись во Владивосток. На «Орле» осталось из неморских чинов только несколько дам — жен офицеров. Японцы произвели ремонт, дали уголь и харч и даже пригласили в высшую школу для торговли с Россией, где показали целое представление с джиу-джитсу и сервировали стол в русском стиле.

Простояв месяц в Пуруту, в середине марта 1920 года отправились в Гонконг, через Симонесеки, где списался еще гард Пухловский. Занятия опять наладились, стали сдавать экзамены и репетиции, заложенные еще с Владивостока. Но в Гонконге простояли не долго. Пошли в Сингапур, куда пришли 8 апреля. На рейде стоял пароход Добровольного флота «Ява», шедший во Владивосток, и на него пересело еще несколько человек. Старшие гарды уже сдали все полагавшиеся экзамены и кончили курс училища, а потому на Пасху 11 апреля 1920 года начальник Морского училища капитан 1-го ранга Китицин решил произвести их в корабельные гарды, так как в мичманы он своею властью произвести не мог. Но, производя приказом № 77 в корабельные гарды, в Пасхальную ночь, после заутрени, он сказал, что каждый из нас, по русским законам, имеет право на чин мичмана, который он получит, когда имеющий на то власть начальник это подтвердит. Подтвердили это впоследствии Главнокомандующий генерал Врангель в 1920 году и Великий князь Кирилл Владимирович в 1922 году. Всего произведенных было 104 человека, а 15 произвели потом; из 6-й роты дошло 33 человека.

Велика радость была вновь произведенных, быть может, в жизни многих из них это был самый радостный день. Пришили к фуражкам козырьки, надели значки Морского училища, позанимали у офицеров кителя и праздновали до утра. Лейтенант Иевской[449] написал по этому поводу стихи. Наутро выдали немного денег и пустили на берег. Весь Сингапур наполнился молодыми корабельными гардами, на автомобилях, на рикшах, пешком, в одиночку и группами. Между тем «Орел» производил необходимый ремонт и готовился к походу. Корабельные гарды были размещены по каютам, устроена Кают-компания, наняты «беи», теперь все судовые работы неслись 2-й и 3-й ротами и матросами; заведующим корабельными гардами был назначен лейтенант Бунин. Кончили училище всего 119 человек. В Сингапуре опять осталось несколько корабельных гардов, и они решили там устроиться, но потом пошли на остров Яву. Простояв до 5 мая, «Орел» пошел в Калькутту. По дороге зашли на Андаманские острова, высадились на берег, напугали дикарей, посетили их деревню, заставили стрелять из луков, затем забрались в глубь острова, в лес, где открыли такую пальбу из винтовок, что все живое разбежалось.

Пришли в Калькутту 12 мая. Приехал русский консул, его встречали с помпой. Столица Индии и индусы произвели большое впечатление своей своеобразной культурой и экзотическими храмами, красотою мужской части населения. Наши финансы ухудшались, и потому в Калькутте пришлось взять груз джуты. Но какая разница с первым орловским плаванием; там это было средством наживы, тут только печальной необходимостью. Никакого недовольства мудрый шаг капитана 1-го ранга Китицина не вызвал, настроение было бодрое, хотя большинство чинов отряда и переменило свои политические воззрения на более левые, но это было обычным временным явлением, вызванным поражением белых армий. Списался во Владивостоке старший лейтенант Коренев, и на его место командиром «Якута» был назначен лейтенант Рыбин. Уехали в Америку старший лейтенант Веселаго[450], корабельные гарды Гарин[451] и Захарченко[452]. На место старшего лейтенанта Веселаго старшим был назначен лейтенант Булашевич[453].

12 июня отряд покинул Калькутту и отправился в Коломбо на Цейлон. Там оставались недолго, запаслись только углем и провизией для трудного перехода через Индийский океан и пошли в поход. В Коломбо остался корабельный гард Ягупов[454]. Индийский океан летом не так страшен, и «Орел» («Якут» шел отдельно) совершил это плавание в 14 суток Все же этот переход был утомителен, так как сидели на консервах, и все были страшно рады, когда на 10-й день открылся мыс Гвардафуй. По приходе в Аден пустились на берег, хотя

там почти ничего не было. Подождав своей очереди в Суэце, пошли Суэцким каналом в Порт-Саид, куда пришли в начале июля. Там нас встретили агент Добровольного флота капитан 1-го ранга Фельдман[455] и русский консул Петров, там же впервые мы познакомились с офицерами Добровольческой армии.

Вставал вопрос — что нам делать дальше? Нам предлагали идти в Югославию за грузом леса, но средства отряда подходили к концу. Не было угля, не было провизии. Чины отряда, сидевшие долгое время на консервах, оставшихся от Владивостока и частью попорченных в тропиках, стали страдать желудочными заболеваниями. Капитан 1-го ранга Китицин нашелся и отправился к командиру английского корабля, просил дать угля и провизии, грозя иначе затопить корабли. Англичанин согласился, и оба наши корабля в начале августа 1920 года пошли в Дубровник с англичанином, обещавшим фрахт. В Порт-Саиде списались старший лейтенант Дихт, корабельные гарды Г-ев, С-од и Б-ец. В Средиземном море отряд порядочно встряхнуло: заболевания не прекращались, и не доходя 2 часов до Дубровника 12 августа 1920 года скончался корабельный гард Л-ский, столь долго стремившийся в Европу к родным. Его похоронили в Дубровнике с воинскими почестями.

В Груже, где стояли «Орел» и «Якут», хорваты и сербы приняли весьма радушно. Капитан 1-го ранга Китицин ездил в Белград узнавать конъюнктуру. Оттуда же приехал контр-адмирал Шевелев[456] с миссией повлиять на чинов отряда в смысле похода в Крым. Миссия его успеха не имела: согласились ехать в Крым от корабельных гардов только Ш-ов и 2—3 от гардов и матросов. Капитану 1-го ранга Китицину стоило потом большого труда уговорить 43 корабельных гардов идти в Крым, что ему удалось только благодаря личному обаянию и авторитету. Больных пришлось отправить в санаторий (от корабельных гардемаринов С., А. и П.). Уехал в польскую армию корабельный гард Д-ский. Пришло известие, что Добровольный флот хочет взять «Орел». Капитан 1-го ранга Китицин согласился, но под условием, что чинам отряда будут выданы подъемные, которые и были получены (корабельные гарды — по 16 фунтов стерлингов). На «Орел» был прислан от Добровольного флота капитан дальнего плавания, первым помощником стал старший лейтенант Бунин. От корабелов остался Ю. — радиотелеграфистом, Л-ын — санитаром и Л-в.

Было решено отправить «Якут» с 48 желающими в Крым, а остальные 51 должны были остаться в Дубровнике. Эти мотивировали свой отказ тем, что дни Крыма явно сочтены и идти туда не имеет смысла. Большинство из них прожило в Дубровнике до весны 1924 года, а за-

тем часть уехала в университет в Белград, часть устроилась на службу, а часть уехала в другие страны: в Америку — 8, Англию — 2, Бельгию — 2, Францию — 3, на Мальту — 2, Болгарию — 1, Чехию — 1, Эстонию — 2 и Советскую Россию — 2. Итак, выпуск разделился во второй раз. Но крепчайшее товарищество, общая для всех любовь к морской идее и безграничное уважение к личности капитана 1-го ранга Китицина, столь ярко выраженные в нашем выпуске качества, попрежнему связывали всех его членов в одну общую морскую семью.

Вот как о дальнейшем рассказывает мичман А-ов: «12 октября утром мы расстались. Из-за плохого угля «Якут» шел скверно. Нам, корабельным гардемаринам, в большинстве приходилось стоять в кочегарке или же выгружать шлак. 14-го прошли Корфу и 15-го в полдень стали на якорь в Патрасе. Ночью «Якут» прошел узким Коринфским каналом, затем — Пирея, обогнул Грецию и пошел на Север в Салоники. Стояли там от 18-го до 21-го. Город грязный. Идет дождь. Погрузились патронами для армии Врангеля. К 8 часам утра 23-го вошли в Дарданеллы. Старенький «Якут» почти не двигался вперед против течения и ветра. Все нас обгоняют. Рано утром 25-го были в Константинополе и стали по собственному усмотрению поближе к городу. Мылись и приводились в порядок. Еще приняли массу никуда не годных гранат, патронов и т. д. Несколько корабельных гардов и гардов были переведены на катер «Инженер», маленькую посудину, и привели его в порядок. Командиром был назначен корабельный гард Ч-ко. С этим катером на буксире пустились 5 ноября в далекий путь.

В Босфоре все шло ничего, но при выходе в Черное море попали на большую встречную зыбь. «Инженер» начал плясать на буксире. Боялись за него, а потому отпустили обратно, так что бывшие на нем так России и не увидели. Подняли на «Якуте» Андреевский флаг и взяли курс на Севастополь. 9-го подошли к нему. Был поднят парадный флаг, выдраена медяшка. Днем посетил нас вице-адмирал Кедров. 11 октября перевели большую часть корабельных гардов на «Генерала Корнилова» (как надежную силу). Несли там караул у денежного сундука. Выполняли всякие поручения и стояли сигнальные вахты. Готовились эвакуироваться (эвакуация уже была объявлена). 14-го к нам сел Врангель, и около 4 часов мы вышли из Севастополя в Ялту. Некоторые корабельные гарды были для связи на французских судах, например М-кин на «Арабе». 19 октября были в Константинополе, где главнокомандующий в подтверждение приказа № 77 капитана 1-го ранга Китицина произвел (приказ от 11 декабря 1920 года) корабельных гардемарин в мичманы.

Во время эвакуации погиб на «Живом» мичман Вл. Скупенский[457]. Там же в Константинополе встретили наш корпусный праздник на «Якуте» даже с живым гусем. К тому же времени мичман П-й, Г-ов и И-ель уехали в Югославию. Большинство оставшихся сидело на «Корнилове». Достали парусник «Великая княгиня Ксения Александровна» (раньше была у мореходов). Привели его в порядок своими средствами. В Константинополе наши были разбиты уже по большему числу кораблей. С «Корнилова» съехали все. Часть пошла на «Якуте», часть на «Ксении», а часть на французских судах для связи. В 10-х числах декабря пошли в Бизерту. К-ский и Д-ев тонули на «Бар-ледюк», задержались в Пирее, и уже на купце прибыли в Бизерту. «Ксения» шла на буксире с командой из гардов. «Якут» очень бедствовал, но энергия наших спасла корабль. Это был последний поход выпуска. Всего в плавании он пробыл около 750 дней.

В Бизерте русские суда были в карантине. Личный состав проходил через госпиталь. На форту Джебель-Кибирь под Бизертой шла работа. Создавался Морской корпус, составленный из наших Владивостокских гардов и гардов и кадет из Севастопольского Морского корпуса. Много в общую работу вложил капитан 1-го ранга Китицин, назначенный помощником директора, и наши мичманы. Большинство из них состояло на должностях отделенных начальников и младших офицеров, по учебной, хозяйственной и административной части. Работа шла, и наши показали себя с хорошей стороны, но все же их было слишком много и корпус был перегружен. Мысль о создании классов приветствовалась нами давно.

В конце мая были созданы Офицерские Артиллерийские классы на «Генерале Алексееве», в который были зачислены 10 наших мичманов, и Офицерский класс подводного плавания с 11 нашими. Там занимались, несли службу, ходили под парусами, съезжали на берег, и всюду показали себя с лучшей стороны. Но все время над эскадрой висел дамоклов меч в виде лишения пайка, то есть сокращение личного состава. Жизнь и занятия в корпусе вошли в норму. Устраивали вечера и торжественно встретили корпусный праздник. «Ксения» плавала под парусами с гардами и кадетами. Тогда же пришла печальная весть о смерти корабельного гарда Гедле[458] и застрелился мичман Юзефович[459]. В Бизерте мы встретились с нашим сотоварищем по выпуску подпоручиком Сербуловым[460], не ходившим на Восток вследствие ранения.

Но вот занятия в Офицерских классах оборвались, и слушатели были списаны в лагерь, а затем разъехались на работы. В это время разрешился вопрос с поездкой в Чехословакию. Он уже был поднят давно. 11 марта 1922 года целая партия мичманов и гардов рассталась с русской эскадрой и Морским корпусом, и отправилась в Чехословакию. По

дороге остались мичман Д-сен, С-ов и М-ин. Капитан 1-го ранга Китицин уехал в Америку. По прибытии в Чехословакию часть отправилась в Прагу на юридический факультет, часть в Пршибрам в Горную академию, а большинство в Брно. Теперь многие уже кончили. Те из наших, кто в 1920 году вернулся во Владивосток, были произведены там в мичманы и получили следующие назначения: Д-ов — штурм. офицером на «Диомид», Б-ый — там же ротным командиром, Н-ов — штурм. офицером на «Патрокл», а И-ский — на «Улисс». Мичман. Александр С-ов дрался с красными на бронепоезде и был ранен, а Н-ов вдруг сделался большевиком и ушел в сопки. С падением правительства почти все эвакуировались и перешли на положение беженцев.

Выпуск рассеялся, но каждый знал, что когда заиграет большой сбор, то всем есть вокруг чего и кого снова объединиться — Русского флота и капитана 1-го ранга Китицина, и это сознание дает бодрость и помогает переносить тяжелые эмигрантские дни. С распылением и оставлением морской службы выпуск не распался, так как разделенные расстоянием и оторванные судьбой от своей специальности, мы сохранили могущественную связь — морскую идею!

Об образовании «Звена» и работе членов его писал мичман Репин[461]. Хочу добавить только о судьбе некоторых соплавателей, так как рассказ был бы неполным, если не упомянуть о судьбе выпуска в эмиграции. Умерли Пузанов[462] и Конст. Александров[463], погиб лейтенант Цветков[464], бывший нашим сменным офицером и преподавателем навигации, умер наш сменный офицер и преподаватель девиации лейтенант Рыбин, застрелился лейтенант Скупенский, ведший выпуск в должностях отделенного начальника и преподавателя сферической тригонометрии, а также ротного командира с 1915-го по 1920 год, кончил самоубийством веселый лейтенант Ремер[465], бывший на «Орле» вахтенным начальником.

Многие отошли и распылились по белу свету, но дух Морского корпуса связывает и сейчас всех в одну общую семью, которая живет надеждой воссоединиться под сенью Андреевского флага!

А. Еленевский

ВОЕННЫЕ УЧИЛИЩА В СИБИРИ (1918—1922)[466]

Все действия революционных «военминов» — Гучкова и Керенского — отбили всякую охоту у начальников училищ и школ прапорщиков содействовать усмирению восстания большевиков 25 июля 1917 года, вполне оправданного происшедшими позднее событиями, так как ре-

волюционные начальники гарнизонов своими действиями только подводили веривших им юнкеров под напрасные потери и естественные репрессии большевиков-победителей; в Петрограде ли — Полковников, в Москве ли — Рябцев, в Иркутске ли — Краковецкий, поступали совершенно одинаково: начав бой с большевиками, затем заключали с ними перемирие и соглашались на сдачу оружия — разоружение, — а отсюда — сдача на милость или немилость красных.

Как пример положения, бывшего тогда в военных училищах и школах прапорщиков во время октября 1917 года, из целого ряда боевых столкновений в Сибири: 1 декабря 1917 года — юнкеров в Омске, сотника Ситникова — 3 декабря 1917 года в Томске и 9—17 декабря 1917 года в Иркутске и т. д. — возьмем наиболее крупное по числу участников — Иркутское, которое было и самым характерным по ходу действий и результату.

ЦК партии социал-революционеров запрещал категорически своим организациям вооруженную борьбу с большевиками, и выступления против красных производились по личному почину членов военной секции партии социал-революционеров — Соколова, Лебедева, Фортунатова, Краковецкого, Солнышкова и других. Поэтому-то даже успешные боевые действия не давали никаких результатов, так как главари после перемирия разбегались и оставляли массу, шедшую за ними, на растерзание озверелых победителей.

Из расположенных в Иркутске военного училища и 3 школ прапорщиков отказалась выступить 3-я школа целиком, в военном училище и 2 других отказчиков также набралось около 100 человек, которые были разоружены и находились во время боев на положении арестантов. В училище и школах прапорщиков была только половина штатного состава, так как незадолго до 9 декабря 1917 года был очередной выпуск молодых прапорщиков и налицо находился только младший курс, а нового пополнения не было получено.

Когда Иркутский совдеп потребовал разоружения училища и школ, то в них были собраны митинги для решения — драться или подчиниться. Характерным оказалось и поведение большинства кадров: на 90 процентов они уклонились от всякого участия в событиях, поэтому юнкерам приходилось или становиться под команду случайных офицеров (например, поручика Худякова — организатора захвата здания прогимназии, Гайдука, сопротивлявшегося около понтонного моста и там же убитого 12 декабря 1917 года), или же выбирать себе начальников.

В какой мере прилагали свои руки к организации выступления пресловутый Краковецкий и полковник Скипетров[467], не очень ясно, но на них лежит вина за такой пропуск, как уход 3 запасных батарей с 18 ору-

диями на сторону красных, вследствие чего юнкера оказались в крайне невыгодном положении, имея только два десятка пулеметов и два-три бомбомета. Всеми операциями управлял комроты 2-й школы — полковник Лесниченко.

Таким образом против запасных полков 9-го, 11-го и 12-го, укомплектованных в значительной части бывшими ссыльнокаторжниками и присоединившимися к ним 4000 рабочими Черемховских копей — всего приблизительно 20 000 человек, оказалось около 800 юнкеров и сотни полторы добровольцев. Иркутский казачий дивизион оплел свои казармы проволокой и заявил о своем нейтралитете. Как известно, в то время как юнкера захватили большую часть города, развивали наступление, теснили красных и дальше, Краковецкий и Скипетров, на девятый день боя, заключили трехдневное перемирие, затем согласились разоружиться и распустить участников боев.

В этом случае все характерно: подбивание из-за кулис эсерами юнкеров на выступление, уклонение кадра училищ и школ прапорщиков от руководства юнкерами и событиями и, наконец, боевая настроенность юнкерской массы, готовой идти на бой в почти совершенно безнадежной обстановке, не имея никакой руководящей и ясной цели. Это настроение юнкеров нельзя считать за защиту своих военно-профессиональных интересов: при посещении 6-й Московской школы прапорщиков (4—6 июля 1916 года) генерал Адамович задал вопрос — кто предполагает остаться на военной службе после окончания войны, — утвердительных ответов последовало только 5 процентов.

Выступление иркутских юнкеров было общим отзвуком на действия, практику и идеологию большевиков, шедших к власти не только силой, но и путем массовых совершенно бессмысленных и ненужных жестокостей; юнкера — как представители части российского населения — инстинктивно противились превращению России в базу — человеческую и материальную — мировой коммунистической революции. Эти настроения начали проявляться позже среди всего населения части России — на восток от Волги, когда, начиная с февраля 1918 года, вспыхнувшие восстания — в Оренбургской губернии, в Прикамье, на Урале, в Семиречье и т. д. — получили организующее ядро в виде выступления корпуса чехословаков.

Когда восставшие были организованы в русские воинские части и создались фронты, то во всей остроте встал вопрос о пополнении убывающего в боях офицерского состава, а поэтому самотеком, в разных местах стали открываться военные училища.

По времени открытия училища были созданы: 1. Оренбургское казачье военное училище — от августа 1918 года. 2. Хабаровское военное

училище — 18 октября 1918 года. 3. Читинское атамана Семенова военное училище — 14 ноября 1918 года. 4. Школа Нокса (Русский остров—Владивосток) — ноябрь 1918 года. 5. Инструкторские школы: а) Екатеринбургская; б) Челябинская; в) Томская; г) Иркутская (начало апреля 1919 года); д) Тюменская. 6. Морское военное училище во Владивостоке — ноябрь 1918 года. 7. Челябинская кавалерийская школа — май 1919 года. 8. Омское артиллерийское военное училище — 1 июня 1919 года. 9. Омское артиллерийское техническое военное училище — 1 июня 1919 года. 10. Юнкерская сотня Уральского казачьего войска — июль 1918 года. 11. Иркутское военное училище — 1919 года. 12. Корниловское военное училище — октябрь 1921 года Собранные сведения о части военных училищ дают ясную картину их работы, жизни. О других имеются только их имена, отрывочные данные — по участию в боях; что, например, представляла собой юнкерская сотня Уральского казачьего войска — судить очень трудно, так как единственным указанием на ее существование является случайно оброненная фраза в книге генерала Толстова «От красных лап в неизвестность» о ее гибели 20 декабря 1919 года при внезапном нападении Алаш-Орды, причем только упоминание, что ее начальником был генерал Мартынов, позволяет предполагать, что это было военное училище.

Мысль о сборе материала и первые данные принадлежат инженеру Е.А. Леонтьеву, бывшему юнкеру Омского артиллерийского училища. Остальной материал собран мной от бывших юнкеров и офицеров существовавших училищ. Некоторые — например, сотник Красноусов, автор книги «2-я батарея» — давали сведения весьма обстоятельно и охотно, другие давали ответы отрывочно, скупо, стараясь остаться анонимами, неохотно, враждебно.

Как бы то ни было, но кое-какие данные — пусть и скупые — собраны и страница прошлого написана, которая, возможно, пригодится при формировании Российской национальной армии после свержения коммунизма в России. Изложение истории военных училищ будет дано хронологически, по времени их возникновения.

Уральская школа прапорщиков

Уральская школа прапорщиков была сформирована в августе 1918 года для подготовки смены офицерского состава из числа лиц, имеющих права вольноопределяющихся 1-го и 2-го разрядов. Первоначально состав школы состоял из сотни, пехотной роты, пулеметной команды и взвода артиллерии. Срок обучения вначале был установ-

лен в 8 месяцев, но позднее обстановка изменила все предположения и потому два выпуска, которым, еще юнкерами, пришлось больше быть в боях, чем учиться, не имели точного времени курса.

Вначале, до оставления Уральска в январе 1919 года, школа размещалась в войсковой столице, затем она была прикомандирована к штабу армии. Комбриг Кутяков в своей книге о пресловутом Чапаеве упоминает об участии школы в боях под станицей Сломихинской в начале марта 1919 года, когда было остановлено продвижение на юг 22-й советской дивизии и фронт стабилизировался.

Ведал формированием школы и ею командавал полковник Исаев[468], который позднее сдал ее полковнику Донскову[469]. К концу 1919 года в школе остались только сотня и пулеметная команда. Юнкеров числилось — 30, из которых часть была в тифу.

Школа принимала участие в боях при сдаче Уральска красным, когда был смертельно ранен герой Уральского войска генерал Матвей Филаретович Мартынов[470], бывший в это время с юнкерской сотней, которой командовал тогда есаул Мясников. После падения Уральска, в момент полного упадка, охватившего казаков, атаманом был выбран генерал В.С. Толстов[471], который при помощи юнкеров сотни разогнал митинг, созванный казаками для переговоров о сдаче, и приказал есаулу Яганову с юнкерами расстрелять главарей. Таким образом, и здесь юнкера удержали в порядке казачью массу, готовую еще раз поверить красным делегатам и разойтись, распылиться по домам, где бы их, как и год назад, переловили бы поодиночке и порасстреляли.

Школа отходила пешим порядком, с армиею из Гурьева, по пустой и голодной Прикаспийской степи, в пургу и морозы. В поселке Прорва большая часть казаков решила сдаваться красным. Начальник пулеметной команды школы есаул Карташев, взяв с собой желающих и могущих идти 2 офицеров, 4 казаков и 5 юнкеров, войсковое знамя и 4 пулемета, ночью двинулся на форт Александровск, куда спустя месяц и дошел благополучно. Начальник школы полковник Донсков, больной тифом, и помощник атамана по хозяйственной части генерал Мартынов были в числе других расстреляны красными. Сведения даны начальником пулеметной команды школы есаулом Карташевым.

Оренбургское казачье военное училище

Оренбургское казачье военное училище было основано в 1890 году, со штатом в 120 юнкеров, для подготовки офицеров во все казачьи войска, за исключением Донского.

С началом войны 1914—1918 годов училище перешло на 4-месячный курс обучения. В августе 1914 года училище было дублировано пехотной школой прапорщиков, размещенной в здании Оренбургской мужской гимназии на Николаевской улице. После событий 1 декабря 1917 года школа прапорщиков, то есть ее старший курс, примерно 200 юнкеров, — демобилизовалась и от нее осталось только 20 юнкеров, под командой поручика Студеникина.

Последний набор юнкеров 1917 года в сотню Оренбургского казачьего военного училища был усиленным, поэтому к октябрьским событиям училище имело 150 юнкеров — 60 на старшем и 90 на младшем курсе. С конца октября занятия прекратились, так как юнкера несли караульную службу в банках, на складах, в арсенале и т. д.

При обозначившемся наступлении на Оренбург красных, под командой Кобозева, 23 декабря 1917 года, 24 декабря 64 юнкера были спешно двинуты на станцию Каргала (первая железнодорожная станция на запад в сторону города Бузулука), на которой уже было несколько мелких партизанских отрядов, составлявших фронт против красных.

25 декабря 1917 года приехавшие юнкера выгрузились и двинулись сначала в село Павловка, откуда перешли в станицу Донецкую. Это движение создало угрозу обхода красных, так как все разъезды и следующая за станцией Каргала станция Сырт были в руках красных. 26 декабря 1917 года красные повели наступление на станцию Каргала, но были отбиты, хотя и обстреливали ее из орудий, поставленных на платформах, и многочисленных пулеметов. Прибытие юнкеров в станицу Донецкую подняло дух казаков, и станичная дружина перешла к активным действиям. В ночь на 27 декабря 1917 года юнкера, вместе с казаками станицы Донецкой, разобрали путь в тылу красных и обстреляли станцию Сырт с тыла. Поэтому красные стали спешно отходить назад, обстреляли, при откате, станицу Донецкую из артиллерии и ушли дальше, на станцию Новосергиевка. После того как к нашим прибыло одно орудие из Каргалы, 28 декабря 1917 года, наши двинулись дальше и заняли станцию Переболоцкая, станицу Мамалаевскую и остановились на станции Платовка, так как дальше границы Войска казаки не пошли, и фронт закрепился за станицей Мамалаевской.

4 января 1918 года юнкера на фронте были сменены другими, а бывшие на фронте поздней ночью 5 января 1918 года вернулись в училище. После первых успехов казачьи дружины разошлись по домам, а красные, подтянув новые силы (800 матросов с «Гангута»), 14 января 1918 года повели наступление, которое сотне юнкеров и добровольцев-партизан не удалось сдержать. Что произошло на фронте и в Оренбурге 17 января 1918 года, требует отдельного разбора. Из 64 юнкеров,

бывших на фронте, 12 вернулись в училище перед самым его выступлением на Илецк. Остальные остались в тылу у красных и частью погибли, частью успели разойтись по домам. Атаман Дутов с комендантом станции Оренбург поручиком Румянцевым успел выскочить из города на случайно захваченном извозчике. В первой станице к ним присоединилось еще 6 молодых офицеров: 8 человек, двинувшиеся на Верхне-Уральск после падения Оренбурга, было все, что осталось от фронта, хотя бы и в кавычках. Оренбургское военное училище и отряд полковника Студеникина — остатки Оренбургской школы прапорщиков — двинулись на Илецк — в пределы Яицкого войска. Здесь был произведен выпуск старшего курса в хорунжие, которые разъехались по своим войскам. За ними разъехался и младший курс, так что осталось только 20—25 юнкеров и добровольцев, задержавшихся около кадра училища.

Восстание, начатое 23 февраля 1918 года в поселке Буранном, возглавленное хорунжим Петром Чигвинцевым, расширилось позже по всей области Оренбургского войска. Выступление чехословацкого корпуса 25 мая 1918 года расширило и связало воедино казачьи, крестьянские и рабочие восстания Поволжья, Урала и Сибири. 17 июня 1918 года Оренбург был освобожден казачьими частями, под командой войскового старшины Красноперцева. К началу июля кадр училища с бывшими при нем юнкерами и добровольцами вернулся в Оренбург.

Июль 1918 года прошел в организационной работе — выяснению, что осталось от имущества после хозяйничанья красных. В августе 1918 года был объявлен набор и прием в училище новых юнкеров. Обстановка требовала расширения училища, так как на восток от Волги оно было единственным военным училищем. Поэтому при сотне 75 юнкеров был еще сформирован эскадрон — 75 юнкеров, пехотная рота — 120 юнкеров, полубатарея — 60 юнкеров, инженерный взвод — 80 юнкеров.

Хозяйственная часть справилась с обмундированием, и юнкера были одеты в форму — защитные рубахи, синие галифе и кожаные сапоги, хотя форма была грубо сшита. На вооружении оказались: трехлинейные винтовки, шашки, пики, 3 пулемета разных систем, для обучения, и 2 трехдюймовые пушки.

Личный состав был укомплектован как окончившими в 1918 году среднеучебные заведения, так и юнкерами военных училищ и школ прапорщиков, не закончивших обучения из-за разыгравшихся событий. Командный состав: ротой командовал кавказец полковник Петров, батареей — полковник Мякутин, младшие офицеры есаулы Горохов и Новишков, в эскадроне были штабс-ротмистры князь Трубецкой[472] и Махнин, сотней командовал есаул Баженов, фамилий остальных не удалось установить.

Курс обучения был установлен в один год. Попыток увеличить боевую силу училища созданием общеобразовательного курса не было сделано, а эта мера могла бы довести состав училища до тысячи человек. Возможно, что действовала обстановка, так, 1-я армия Тухачевского, наступавшая на Оренбург зимой, имела 120 000, а оборонявшаяся Оренбургская — всего 10 000 человек. С политической стороны училище прочно обеспечивало власть: когда в ночь на 2 декабря 1918 года возглавитель Башкурдистана Валидов попытался поднять восстание, то оно было сорвано только наличием в городе училища.

Занятия и жизнь училища в Оренбурге шли нормально и строго по уставу. Эта рабочая жизнь была нарушена слабостью Оренбургской армии, не смогшей отстоять город от красных. В середине января — по новому стилю — была начата эвакуация города. Училище было разбито на два эшелона: первый — сотня, эскадрон и инженерный взвод, второй — рота и полубатарея, вместе с 10-м Оренбургским казачьим полком позже. При сборе второго эшелона на Форштадтской площади произошел характерный для того времени инцидент: казачий полк замитинговал — уходить или оставаться? Участник того момента сотник Красноусов отметил: «Если бы казаки решили остаться, то мы попали бы в руки красных».

Орудия полубатареи были поставлены на сани-платформы, с сиденьями для номеров. Платформы не годились для движения по глубокому снегу оренбургской степи, поэтому на походе полубатарея отстала вначале в хвост колонны, а затем осталась одна. К обеду, выбиваясь из сил, полубатарея прошла станицу Сакмарскую, в которой шел бой. По окончании боя какие-то казачьи части вышли на дорогу и ушли вперед. Положение стало серьезным: сбоку находился поселок, занятый красными, а орудийные упряжки и обоз стали, так как лошади выбились из сил. Тогда полковник Мякутин приказал бросить часть обоза, освободившихся лошадей впречь в уносы, и только тогда смогли пройти мимо занятой красными станицы Сакмарской. Так шли до поздней ночи, пока лошади не стали окончательно в полуверсте от какой-то заимки. Пушки и обоз были оставлены на дороге, а голодные юнкера ушли спать по хатам. Наутро пушки и обоз были запряжены и полубатарея двинулась вперед. В первом поселке вошли в связь с оренбургцами и уже спокойно продолжали поход. Через два дня было приказано сдать орудия казачьей батарее; дальнейший поход, до станции Полтавская, где грузились на поезд, был проделан быстро и легко.

На путь до Иркутска потребовался почти месяц. Во время пути в эшелоне вспыхнула эпидемия тифа, и часть юнкеров лежала в бреду. При проезде через Омск училище представлялось адмиралу Колчаку. По

прибытии в Иркутск у начальника училища произошло несколько скандалов с комендантом города генералом Сычевым, который, где только было можно, ставил училищу палки в колеса, например в организации довольствия, настаивая на том, что юнкера и могут, и должны обходиться солдатским пайком. Необходимо отметить, что генерал Сычев в мирное время за свои красные убеждения был отчислен от лейб-гвардии Сводно-казачьего полка.

В Иркутске училище было размещено в казармах артиллерийского дивизиона, на Первушиной Горе. Оборудование помещений, классов, спален и столовой было удовлетворительным, только в столовой не хватало личной посуды, тарелок, поэтому суп ели, по армейской старинке, из медных бачков на пять человек. Во время обеда и ужина в столовой играл салонный оркестр из 6 пленных австрийцев. Еда была хорошая, хлеб — белый.

Подготовка и сдача репетиций велась по учебникам, вывезенным из Оренбурга, и по запискам, которые велись во время лекций. Материальная часть полубатереи изменилась — вместо сданных на походе орудий образца 1902 года было получено 4 клиновых пушки, с которыми и производились занятия. Сотня, эскадрон и полубатарея имели для конных занятий 30 лошадей, сиротливо стоявших в отличных и огромных конюшнях; поэтому только конные учения велись посменно.

Для строевых занятий окраинное положение училища было благодеянием, отмечает сотник Красноусов: «Огромный казарменный двор, прекрасный полигон поблизости и «Чистое поле» в сторону деревень Большая и Малая Разводная, — на реке Ангаре, — давали огромные преимущества при занятиях в поле. Однако в отпуск и из отпуска приходилось ходить группами, так как район был красный...» Вспоминая училищную жизнь, сотник Красноусов указывает: «...жизнь в училище была «потугой» на прежнее: юнкера хотя и однообразно, но были одеты плохо, жизнь и занятия шли размеренно и строго, по уставу, кроме воскресений, когда частенько выезжали на проездку лошадей по Ангаре, — это был своего рода пикник. Май—июнь 1919 года были посвящены усиленным занятиям в поле, на полигоне, топографии и окопному делу. В последних числах июня полубатарея была переведена на станцию Михалево, где получила во владение орудия и лошадей от запасной батареи и провела экзаменационную стрельбу из 3-дюймовых пушек. 2 июля стрельба была спешно закончена, ночью нас вернули в училище, а 3-го было производство в подпоручики, хорунжие и корнеты...» При производстве были выданы подъемные — 2800 рублей и огромные пистолеты Кольта без кобу-

ры. Переменив юнкерские погоны на офицерские, 5 июля молодые офицеры спешно отправились по местам своего назначения.

Новый прием юнкеров начал свои занятия по отъезде молодых офицеров. Так как выпускные уехали в своем обмундировании, то строй молодых юнкеров запестрел — шинели теперь были и русские и японские, часть была в полушубках, то же самое и с сапогами — были и русские и японские, даже часть винтовок была переменена на японские, несмотря на то что в цейхгаузе Иркутского казачьего дивизиона было 5000 винтовок. Из 4 орудий только одна трехдюймовка была в порядке, три другие никак не могли починить. Жизнь в училище продолжала идти своим чередом, и новый выпуск, ускоренный, намечался в январе 1920 года.

В начале декабря месяца был произведен 3-й прием юнкеров. Училище было в некомплекте и насчитывало: в сотне — 100 юнкеров, в эскадроне — 70, батарее — 100, в пехотной роте — 80 и в инженерном взводе — 50. Новый прием начал занятия 15 декабря 1919 года.

24 декабря 1919 года, в 6 часов вечера, когда юнкера мылись в бане, началось восстание в Глазкове. Установить точно, что делали части училища от 26 декабря 1919 года до 5 января 1920 года, не удалось. Например, сотня под командой есаула Баженова 27 декабря 1919 года была выслана к гостинице «Модерн», где размещалось правительство, откуда вышла для очистки от красных 1-й мужской гимназии, но нашла ее пустой, со следами боя. Затем сотню вернули обратно в «Модерн», где разместили в ресторане. Голодные и промерзшие юнкера попросили их накормить, однако в ужине было отказано, и только после переговоров есаула Баженова с заведующим рестораном возмущенным юнкерам дали чай. Негодование юнкеров усиливалось тем, что члены правительства и служащие его жили весело и пьяно, в ресторане было много дам, смахивавших на явных шансонеток. Сюда в «Модерн» явились два юнкера, бывшие в отпуску, один из них племянник капитана Калашникова — главного бунтовщика в Иркутске. Эти отпускные, одетые во все новенькое обмундирование, принялись агитировать за переход на сторону красных, указывая в качестве аргумента на хорошее отношение к ним эсеров, тепло, хорошо и щегольски их одевших. Целый час их молча слушал есаул Баженов, а затем приказал арестовать и отправить в училище; на другой день изменники были расстреляны в овраге за училищем.

После ночевки в ресторане «Модерн» сотня принимала участие в боях за старое здание Иркутского кадетского корпуса — на площади и по Граф Кутайсовой улице, при захвате штаба восставших на Солдатской улице. В этих боях юнкерам приходилось туго: стояли свире-

пые предкрещенские морозы, а вести бои и нести службу приходилось в кожаных сапогах — хозяйственная часть не выдала юнкерам валенок, находившихся в цейхгаузе; не заботилась и о их довольствии на фронте. Эту задачу, однако, выполняли оренбургские институтки и иркутские гимназистки, самоотверженно приносившие юнкерам еду от себя, под огнем красных. Годная для стрельбы пушка била с Первушиной Горы по красным: юнкера, в боевой обстановке, производили стрельбу не по надуманным задачам, а по требованию боевой обстановки. То, что пушка была одна, весьма снижает высокопарные рассуждения генерала Жанена о запрещении им стрельбы по Военному городку и Глазкову.

По возвращении сотни в училище начальник училища генерал Слесарев[473] собрал всех юнкеров и сообщил, что явно пьяный генерал Сычев приказал сделать десант на катере «Святой Николай» на станцию Иркутск, укрепленную в сторону города поездными составами, под которыми были укрытия из мешков с землей. Ввиду неисполнимости этой задачи, генерал Слесарев предложил послать в обход Глазкова около 80 юнкеров пехотной роты и саперов, что и было выполнено. Эти юнкера приняли участие в атаке вместе с семеновцами; атака была отбита огнем 2 чешских пулеметов из тыла, при этом около 20 юнкеров было убито.

4 января 1920 года две роты семеновцев, бывшие в городе, получили приказание отходить, приблизительно около 18 часов. Возле училища они стали на привал, и их командир предложил генералу Слесареву уходить вместе. Так как к эвакуации ничего не было подготовлено, то начался сбор подвод, собирать которые были отправлены наряды юнкеров. Часа через три было их пригнано около трех десятков; на них начали погрузку всего необходимого и вещей семей кадра. Сбор семьями своего скарба задерживал выступление, и семеновцы пошли одни на село Лиственничное. Видя, что сбор скарба семей губит училище, командиры взводов эскадрона штабс-ротмистры князь Трубецкой и Махнин предложили своим юнкерам выступить немедленно, что и было ими выполнено.

Выступление училища произошло после 11 часов ночи. Колонна растянулась на полторы версты, впереди ехал генерал Слесарев. Дорога шла по берегу Ангары. Слева от дороги тянулся глубокий лог. Верстах в 2 от училища из этого лога неожиданно выскочили иркутские казаки, началась было стрельба, колонна остановилась и смешалась, но вскоре от начальника училища прискакал связной с приказом прекратить сопротивление во избежание потерь среди семей. Колонна повернула и под конвоем красных пошла обратно в училище, которое было окру-

жено как иркутскими казаками, так и солдатами 53-го полка. Оружие было с юнкерами.

Войдя в училище, юнкера увидели, что рабочая команда — австрийцы пытались взломать дверь цейхгауза, выходившую в столовую. Австрийцы были разогнаны, и юнкера сами открыли цейхгауз, который был переполнен синим и зеленым сукном, полушубками, валенками, словом, всем тем, в чем так нуждались юнкера. Запасы цейхгауза были разыграны юнкерами.

Утром 5 января 1920 года пришли представители эсеров и потребовали сдать оружие, что и было выполнено в спальнях. Четыре дня юнкера были в училище, а затем их под конвоем отвели в Иркутское военное училище. В этом здании отношение эсеров к пленным юнкерам было самое отличное: кормили очень хорошо, по-старому играл оркестр за обедом и ужином, было выдано по два комплекта нового обмундирования, выход в город по увольнительным запискам — без всяких ограничений, желающие могли строем совершать прогулки, — впрочем, таковых не оказалось, — прислуга по-прежнему были пленные австрийцы. Такое отношение продолжалось до боя у станции Зима — 2 февраля 1920 года.

Перед боем у станции Зима к оставшимся 250 юнкерам обоих училищ — из 800 — пришла комиссия Соколова из 10 человек (Соколов — красный комендант города). Все были собраны в главный зал, и здесь Соколов весьма вежливо указал на хорошее отношение к пленным юнкерам, предложил помочь в обороне города от каппелевцев у станции Зима. Представители юнкеров попросили разрешения в течение получаса обсудить это положение самим, без присутствия комиссии. Наедине представители указали, что драться с каппелевцами не с руки: ведь там свои близкие люди. Комиссии было заявлено о категорическом отказе выступить, а власть вольна с ними делать что угодно.

Соколов согласился с доводами, пожалел об отказе и предложил в течение 4 дней разойтись по иркутским частям, а кто останется после этого в здании и дальше — пусть пеняет на себя. Однако уже на третий день, даже не дав пообедать, всех оставшихся в здании спешно угнали в пересыльную тюрьму. В тюрьме юнкера были предупреждены, что в случае штурма города они будут перебиты. 7 февраля 1920 года красные ушли из города, в пустой Иркутск привезли в госпиталя много тифозных и обмороженных каппелевцев; при подходе советской бригады Грязнова 3 марта 1920 года им предложили — кто мог двигаться — разбегаться и скрываться.

Последнее, о чем можно упомянуть, — судьба генерала Слесарева: вначале его поставили работать в пекарню — рубить дрова и носить воду,

затем он был отправлен в Омск и назначен начальником школы курсантов комсостава. После первого выпуска курсантов в марте 1921 года, во время полыхавшего восстания Западной Сибири, был арестован и расстрелян по обвинению в связи с повстанцами.

Хабаровское атамана Калмыкова военное училище

Хабаровское военное училище было основано 18 октября 1918 года для окончивших кадет Хабаровского кадетского корпуса, выпускных Хабаровского реального училища и молодежи отряда атамана Калмыкова. Вначале военное училище именовлось школой. Первым начальником училища был директор Хабаровского кадетского корпуса генерал-майор Никонов, его помощником полковник Грудзинский, позже ставший начальником училища.

Училище размещалось и довольствовалось в Хабаровском кадетском корпусе. Форма училища была — зеленые защитные рубахи, синие шаровары с желтым, уссурийским, лампасом, папаха и зеленые шинели. На вооружении юнкеров были русские трехлинейные винтовки и шашки.

Имелись и все учебные пособия. Конский состав был в комплекте. Курс училища был установлен в полтора года. По роду оружия училище было кавалерийским. Особенностью училища была его нелегальность — до инспекции генерала Хорвата в августе 1919 года, только после этого оно было признано адмиралом Колчаком, и первый, ускоренный, выпуск дал молодых хорунжих в части на Урале, на Амуре и в отряд атамана Калмыкова.

Вследствие последнего условия, первый прием имел только 22 юнкера, закончили курс 21, а один был исключен за проступок в нетрезвом виде. Второй прием имел уже 80 юнкеров, а кроме того, были сформированы артиллерийские курсы — 60 юнкеров под командованием полковника Грабского. Курсы своей материальной части не имели и изучали ее при артиллерии отряда.

Когда в ноябре 1919 года 4 китайские канонерки пытались, в нарушение русско-китайского договора о плавании по рекам Амур и Сунгари, самовольно пройти в Сунгари, то были встречены орудийным огнем отряда атамана Калмыкова у Хабаровска. После 6-часового боя одна канонерка была потоплена, после чего остальные ушли обратно в Николаевск-на-Амуре. В этом бою юнкера принимали самое деятельное участие.

14 февраля 1920 года наши войска принуждены были оставить город Хабаровск. Двинулись в поход на юг по реке Уссури: военное учи-

лище, отряд атамана Калмыкова, морская рота под командой контр-адмирала Безуара, верные уссурийские казаки, часть офицеров и солдат 36-го полка и беженцы. Выступившим пришлось пробивать дорогу с боем под станицами Казакевичи, Невельской и поселком Чиркино, но у поселка Куколевского окружение стало таким тесным, что пришлось отходить за китайскую границу. Отход по Китаю был невероятно тяжелым: при наступивших морозах пришлось идти четыре дня по снежной пустыне, без дорог и жилья. Всей группой командовал генерал Суходольский. Положение осложнилось разногласием командования: генерал Суходольский настаивал на прорыве с оружием в руках в Харбин около 400 верст. Контр-адмирал Безуар — на сдаче оружия китайцам. В результате произошло разделение: генерал Суходольский с частью людей пошел на Харбин, а контр-адмирал Безуар — к ближайшему большому китайскому городу Фугдину на реке Сунгари. В отряде было очень много обмороженных, два юнкера, например, замерзли насмерть. Китайцы при первой же возможности арестовали атамана Калмыкова. Генерал Суходольский со своими людьми ушел на Харбин. Оставшиеся — обмороженные и здоровые, но истощенные люди оказались одни в Фугдине. В каких условиях жили люди, показывают хотя бы операции обмороженных: ампутации производились под «соловья», то есть фельдшер, приготовив инструменты, командовал: «Запевай!» Человек шесть кидались на больного и держали его, а остальные начинали лихо петь, с присвистом «соловья», который продолжался до конца операции. Кто мог и хотел — имел деньги или вещи для продажи или просто шел на авось, — бежали в Харбин. Кто остался, тот был арестован китайцами, отправлен под конвоем по льду Сунгари в станицу Михайло Семеновскую на реке Амур. Там их передали красным, которые их зверски замучили. Полковник Грабский был старшим офицером из преданных. Больные и оперированные дождались в Фугдине навигации и на пароходе были перевезены в Харбин.

Заканчивая, надо сказать несколько слов об атамане Калмыкове. Никто из вождей Белого движения не имел такой плохой славы, как он. Если бы этим занималась красная пропаганда, то было бы понятно. Гораздо сложнее дело с воспоминаниями с нашей стороны. Характерным для Сибири является то, что во главе всех наших организаций тогда не было ни одного генерала. Отсюда естественная неприязнь к тем, кто оказывался во главе действия. Атаман Калмыков, понятно, был повинен в таком, например, деле, как убийство полковника Февралева[474] — соперника на атаманскую булаву Уссурийского казачьего войска. Но его поведение — отказ от комфортабельного переезда в поезде в безопасное место под охраной японцев, как выехал, например,

штаб Приамурского военного округа. И поход с отрядом, под командой старшего начальника генерала Суходольского, вызывает к нему симпатию. Попав в китайскую тюрьму, он не верит в международные законы, в их незыблемость, а при первой возможности бежит из нее. Больной скрывается в доме русского консульства в Гирине, но, кем-то преданный, обнаруживается китайскими жандармами — китайцы перестали стесняться с экстерриториальностью наших дипломатических учреждений в Китае, — 25 августа увозится ими и после этого исчезает навеки.

Характерно, что только случайно спасшийся от ликвидации коммунист В. Голионко, сидевший в вагоне смертников в Хабаровске и написавший книгу о тех временах «Годы борьбы», ни слова не говорит о расстрелах невиновных: все, кого ликвидировала хабаровская разведка, состояли в организации красных и, следовательно, получили заслуженное ими. Все это рисует атамана Калмыкова в другом виде: честного и беспощадного врага красных, чьи ошибки и прегрешения были не больше и не меньше ошибок и прегрешений других возглавителей того времени. Сведения даны юнкером Савицким.

Читинское атамана Семенова военное училище

Читинское атамана Семенова военное училище было основано 14 ноября 1918 года. Описывая обстановку того времени, один из тогдашних юнкеров вспоминал: «...казенного обмундирования еще не было, и мы явились в том, что носили у себя в частях или дома... пестрота одеял на кроватях и обилие «собственных вещей», разложенных у стен, без всякого порядка, дополняли впечатление табора... на первых порах жилось нам довольно скучно. Отпусков не было, занятий не производилось, и мы целыми днями сидели на кроватях или бродили по коридорам...»

Тогда это безделье не было понятно юнкерам, они считали, что попали в военное училище, на самом же деле в эти дни только решалась судьба его — быть ли ему военным училищем или учебной школой для унтер-офицеров. Этим обстоятельством объясняется и то, почему училище первое время именовалось школой и почему оно имело все роды оружия.

Первое время кадр и юнкера размещались в помещении гостиницы «Селект», откуда только в половине ноября перешли в здание училища, в котором и был отдан приказ по училищу № 1, от 25 ноября 1918 года. Приказом по войскам Отдельной Восточной Сибирской ар-

мии № 134, от 17 апреля 1919 года, Читинская Военная школа переименована в Военное училище. Производство первого выпуска состоялось приказом Главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа № 141, от 1 февраля 1920 года.

Формирование происходило во время полной разрухи — ни материальной части, ни обмундирования, ни учебных пособий не имелось. Все надо было создавать и заводить заново. Тяжелая задача была задана начальнику училища полковнику М.М. Лихачеву[475], помощнику его по строевой части полковнику Дмитриеву, инспектору классов полковнику Хилковскому[476], командирам пехотной роты полковнику Буйвиду[477], сотни — полковнику Кобылкину[478], пулеметной роты — полковнику Вдовенко[479], инженерного взвода, позднее роты — полковнику Данину и другим офицерам и военным чиновникам училища. Однако они с этой задачей справились, хромала только одна хозяйственная часть у полковника Данилина. Батарея долго меняла своих командиров — есаул Новиков, затем подполковник Перекрестов и, наконец, полковник Масюков, который и пробыл в училище до его конца. Училищным праздником был избран день святого Архистратига Михаила — 21 ноября.

Формирование части — нелегкая работа даже при налаженной государственной машине, при готовых кадрах, наличии интендантских и артиллерийских складов, посылке воинскими начальниками тысячных партий людей, оборудованных казармах, депо конского состава; теперь же не было ничего, кроме твердой воли начальников к осуществлению задачи, данной им приказом атамана Семенова.

Начальником училища был назначен молодой офицер — выпуска 1912 года — полковник Михаил Михайлович Лихачев. В том, что начальником училища был назначен строевой офицер, не было никакой предвзятости, ибо, как показали иркутские события в декабре 1917 года, на опытных начальников школ прапорщиков с трехлетним опытом (например, полковник Хилковский) в случае сложной обстановки рассчитывать было трудно, поэтому выбор пал на офицера, в чьей твердости не было сомнений.

Училище было размещено в двух зданиях: Читинской учительской семинарии на Николаевской улице, где находились пехотная рота, пулеметная команда, батарея, классы, столовая, околодок, гимнастический зал, канцелярия училища, церковь, Офицерское собрание. Сотня, инженерная рота и рабочая команда размещались в здании мужской гимназии на Уссурийской улице; в марте 1920 года, когда пришли каппелевцы, в нижнем этаже была размещена Челябинская кавалерийская школа до ухода на Сретенский фронт.

Созидание нового, крепкого, сильного, стойкого офицера особенно было трудным в психологическом отношении, так как это было время государственного разложения, революционного развала, крайнего развития психологии вседозволенности и революционной безнаказанности преступлений, то есть полного освобождения от основ морали и этики во время не то вооруженной интервенции иностранцев, не то просто оккупации «союзниками» нашего Дальнего Востока и Сибири, которая тяжко давила на национальное сознание, глубоко оскорбляла народную гордость превосходством вооружения и навязыванием нам политически чуждых идеологий и вредных настроений, выгодных интервентам.

Не менее тяжелым и трудным было психологическое состояние и представления нашей интеллигенции, которая своею молодежью комплектовала добровольческие отряды, а из них военные училища. Сто лет систематической пропаганды материалистических идей гуманизма, пацифизма, социализма, идеализированного представления демократии, как основы республики, и идеализирования республики, полное охаивание своих народных представлений и исторически создавшейся своей государственной системы.

Война шла с безбожием и марксизмом, но идейного противовеса ему не было: от коммунизма-большевизма отталкивались не по идейным убеждениям, а в силу уголовной коммунистической практики — бессудных и зверских убийств, когда расстрел был наиболее легкой формой смерти, грабежа, насилий и разрушения привычных, веками слагавшихся форм жизни.

Добровольцы, из учащейся молодежи, зародившихся полков Сибирской армии блуждали в трех соснах, волновались и не могли найти в себе достаточно силы, не имея нужных знаний для осмысливания своего положения и места в происходящих событиях. Подпоручик 1-го выпуска И.И. Шитников — кадет-иркутянин, — вспоминая в 1920 году, в Даурии, те дни и настроения, говорил: «...не то было важно, что приходили добровольцы-студенты, гимназисты всякие и не умели даже явиться по форме — ну что возьмешь со шпака? — а было скверно, что рассуждали все неладно — мы, дескать, с братьями деремся, против трудового рабочего воюем... А я фельдфебелем в роте был, на меня косились, так что спать ложился с винтовкой, намотав ремень на руку...»

Поэтому-то было важно не только собрать твердых надежных людей в отдельную воинскую часть, но и начать подготовку из них новой смены массы офицеров, редеющей с каждым днем. Установив в ноябре 1918 года двухгодичный курс обучения, основатели и руково-

дители училища показали, что они правильно понимали задачу, стояли на верной дороге, но не считались с обстановкой, поэтому-то первые два выпуска пришлось сделать после обучения в 14 месяцев.

Состав юнкеров 1-го выпуска так описан одним из них: «...Среди всевозможных гимнастерок, френчей, бушлатов виднелись странные в этой военной обстановке тужурки двух-трех студентов и учащихся среднеучебных заведений... В огромном большинстве это был «тертый», боевой народ, прошедший суровую школу Гражданской войны и хорошо умевший держать винтовку в руках. Среди нас были и почти мальчики, и солидные отцы семейств. Много было кадет из Иркутского, Хабаровского и Сибирского корпусов... Дисциплина сразу же была установлена железная, и, что важнее всего, курсовые офицеры и преподаватели стремились привить юнкерам лучшие традиции военно-учебных заведений былых времен. Большую услугу в этом отношении оказали училищу многочисленные кадеты. Они принесли с собой дисциплину и выучку и, заняв портупей-юнкерские должности, способствовали установлению того истинно-воинского духа, которым так отличалось Читинское военное училище от обычных школ прапорщиков военного времени...»

Отмена в 1915 году черты оседлости де-факто привела в училище евреев: в батарее — Гавриловича, в пехотной роте — Горбулева, в сотне — Кавалерчика, георгиевского кавалера, юнкера Иркутского военного училища, участника боев за Иркутск в декабре 1917 года; караим Гусинский — фельдфебель 1-го выпуска, позднее в Шандуне, китайской службы подполковник.

Цель формирования юнкерам представлялась так: «...Нам казалось, что мы кончили период «кустарной войны» и должны готовить себя к службе в настоящей, быть может, общерусской армии... Прибывшие добровольцы из частей создали политически монолитную массу...»

Революционные события отозвались даже на домах: здание училища было попорчено и постепенно его приводили в порядок, электричество перестало гаснуть, исправлено было отопление, оттаяли стекла в окнах. Пестрота обмундирования была изжита после того, как училищу был передан вещевой склад читинской областной тюрьмы, и хотя не очень-то красиво, но строй получил однообразие: широкие, серого солдатского сукна шаровары, серые фланелевые гимнастерки, солдатские сапоги, полушубки и папахи. Как ни странно, в недалекой полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги, где, казалось, можно было бы купить все, что надо, на деле оказывалось или ничего, или такое, как знаменитая синяя форма из крашеной мешковины, которую после двухнедельного ношения пришлось изъять, так как она не

только пачкала белье, но и вызывала кожные заболевания. Внешний вид юнкеров оставался непрезентабельным, и хозяйственной части пришлось много потрудиться, пока, наконец, удалось добыть приличное обмундирование.

В преодолении этой трудности сказывалось не только налаживание хозяйства, но и понимание психологии: генерал Краснов в своих лекциях, читанных в 1918 году в Новочеркасском военном училище, особенно подчеркнул, какое сильное психологическое воздействие на войска оказывает красивая форма из хорошо сшитого материала. В конце концов появились хорошо сшитые и аккуратно пригнанные шинели желтого сукна и черная форма — мундиры и шаровары читинской конвойной команды, сразу сделавшие заметными на улицах Читы и других городов отпускных юнкеров-читинцев.

С работой налаживался и порядок: была приведена в порядок церковь, открылся «околодок», зубоврачебный кабинет, появилась лавка для юнкеров, в гимнастическом зале были поставлены все гимнастические снаряды. По вечерам в столовой устраивали дополнительные лекции на богословские и культурно-просветительные темы. Было введено преподавание танцев. Можно сказать, что те, кто бросал нам, читинцам, пренебрежительный вопрос: «Читинское военное училище? Было такое? Ну, какое же это училище», навряд ли знали об этой трудной организационной работе, а своим тоном и оценкой смыкались с коммунистическими агитаторами, которые до боя у «станции Доно» дали юнкерам презрительную кличку — «сенькины ребята», от которых им пришлось отходить в глухую бездорожную тайгу.

В общем, к 1919 году все было налажено: на батарею и сотню был получен конский состав и упряжь, получены два орудия — поршневая пушка образца 1887 года и орудие образца 1890 года. Пулеметная рота получила пулеметы Максима, Шварцлозе, Кольта, Гочкиса, легкие пулеметы Бергмана и Шоша и 8 никуда не годных французских Сентьена. Инженерный взвод получил полный шанцевый инструмент и на проверке бойко и бодро рассчитывался на «кирко-мотыгу, лопату-топор».

В первых числах декабря начались строевые занятия на расчищенном плацу, перед боковым фасом здания училища. Одновременно начались и классные занятия, которые довольно долго велись по запискам, пока не были разысканы, дополнены по опыту войны 1914—1918 годов все потребные учебники, наставления и уставы. Курс, при переименовании школы в училище, был расширен. Короче, за неполных три месяца была налажена вся организация, снабжение и работа училища. Срок этот, при трудности работы, надо признать минимальным. Вскоре молодое училище стало гордостью и политическим оплотом Дальне-

го Востока. Теперь в училище и откомандировывались, и сами просились самые лучшие, образованные и талантливые офицеры, выковавшие из трудного, по революционным временам, человеческого материала счастливых, щеголявших выправкой, дисциплиной и лихостью юнкеров. За выполнение этой задачи приказом № 25, от 22 января 1919 года, по войскам Отдельной Восточно-Сибирской армии полковник Лихачев был произведен в генерал-майоры.

Насколько трудной была работа по воспитанию, показывает приказ № 29, от 29 января 1919 года, по Читинскому военному училищу: «...Прикомандированные для прохождения курса в батарее прапорщики Головинский, Рославлев и Жильцов за полное несоответствие разжаловываются в рядовые и откомандировываются в дисциплинарную роту О.М.О...» Или другой случай: накануне Нового, 1919 года патруль поручика Кузнецова, будучи в наряде, зашел обогреться во 2-е Общественное собрание города Читы. В собрании находился помощник атамана Семенова генерал Скипетров. Узнав о присутствии юнкеров, он вышел к ним, поздоровался и приказал накрыть для них стол с новогодним угощением. Когда о поведении патруля стало известно в училище, то поручик Кузнецов, ожидавший производства в штабс-капитаны, был разжалован в рядовые и направлен на службу в Особую Маньчжурскую дивизию.

Были и организационные промахи: полное пренебрежение повторительным офицерским отделением, которое было необходимо для освежения военных знаний, утверждения воинского духа и дисциплины, как отдых от тяжелой фронтовой службы. Как правило, войска на фронте деградируют в военном деле, переставая выполнять уставные положения, заметно падает дисциплина, и благодаря этому резко снижается боеспособность. Так, например, окопная война на Западном фронте в 1915 году совершенно разучила немецкие войска воевать с винтовкой, и Людендорфу пришлось потратить много труда, чтобы снова приучить войска к винтовке. Не было принято к выполнению и формирование общеобразовательного курса, что вдвое увеличило бы силу училища мобилизацией старших классов среднеучебных заведений и было бы видом политического заложничества: родители мобилизованных, бурча и негодуя на командование, волей или неволей тянули бы за нас в политическом отношении.

В конце мая 1919 года был произведен прием новичков на младший курс. К 15 июня прием был закончен и в училище влилось еще 200 молодых юнкеров. Эти юнкера существенно отличались от первого набора: формы откомандированных от полков резко выделялись в массе ученических рубах молодежи, попавшей в училище прямо со

школьной скамьи. Это различие могло сгладиться только в хорошей боевой операции, которая спаяла бы оба курса воедино. Такая операция уже назревала.

К 15 июля выяснилось, что все было готово для перехода всей 1-й Забайкальской казачьей дивизии к красным. Дивизия стояла в станице Доно, в 84 верстах на север от железнодорожной станции Борзя, что в случае успеха давало возможность перерезать железнодорожную линию и удерживать ее в своих руках на неделю — двадцать дней, а после вынужденного отхода привести в такое состояние, которое потребовало бы еще по крайней мере три недели на восстановление всех разрушений, то есть практически перерыв подвоза со всеми вытекающими отсюда последствиями.

15 июля 1919 года 1-й Забайкальский казачий полк 1-й Забайкальской казачьей дивизии, стоявший в поселке Грязном, взбунтовался, перебил своих 14 офицеров и перешел к красным. Остальные полки 1-й дивизии, стоявшие в станице Доно, также находились под влиянием красной агитации и готовились с минуты на минуту перейти к красным.

Спешно был сформирован отряд для исправления положения. В него вошли Читинское военное училище, рота 2-го Маньчжурского полка, укомплектованная мобилизованными забайкальцами-солдатами, под командой капитана Арсеньева, взвод конной батареи Особой Маньчжурской дивизии, укомплектованный пленными красноармейцами-пермяками, под командой войскового старшины Иванова, и Колчинская дружина. По дороге до Борзи юнкера батареи, свободные от обслуживания орудий, были сведены в отдельный пехотный взвод. Отъезд из училища из Читы был произведен в строгом секрете из опасения безудержной паники в городе. Из Борзи отряд спешно двинулся на подводах в станицу Доно, откуда начальник дивизии генерал Мациевский слал одно тревожное сообщение за другим.

На второй день отряд прошел в Доно в пешем строю, с песнями, и стал на квартиры в выселках. Когда юнкера с песнями проходили Доно, то было видно, что донесения генерала Мациевского были верными: казаки 1-й дивизии кричали проходящим юнкерам «золотопогонники», «сенькины ребята», «сволочь».

На другой день, после обеда, из Доно приехал отряд, человек в 40 казаков 1-й дивизии, «за получением обмундирования», — это были зачинщики — коноводы, готовившие уход дивизии к красным. Их арестовали и расстреляли на глазах населения. Дивизия, лишенная заправил, стала в недоумении — что же ей делать?

19 июля, в 2 часа ночи, наши дозоры обнаружили красную разведку. Немедленно, по тревоге, юнкера были подняты и отряд приведен в бое-

вую готовность. Силы красных — 5 конных полков и два орудия. Красные разделились на две колонны — главную и обходную, атака должна была начаться на рассвете, по сигналу — пушечному выстрелу. Красных не смущало превосходство нашей артиллерии — около 10 орудий, они рассчитывали, что при дружной атаке к ним перекинутся остальные три полка 1-й дивизии, хотя бы и лишившиеся своих заправил.

Перед рассветом генерал Лихачев послал связного юнкера Сороковникова на батарею, приказав не открывать огня до особого приказа, но юнкер Сороковников, хотя и знал устав очень хорошо, все же решил, что он не понял, все перепутал и надо передать как раз наоборот. Поэтому, прискакав на батарею, передал капитану Бельскому[480], что можно открыть огонь, и умчался обратно доложить, что приказание выполнено. Капитан Бельский не спеша подумал: «Куда же начать стрелять сначала?» — затем дал направление и дистанцию и скомандовал: «Первое, огонь». В это время Сороковников примчался к штабу и доложил, что приказание исполнено. А с батареи донесся гром первого выстрела. После разбора дела, когда была выяснена история выстрела, взбешенный генерал Лихачев приказал сейчас же поставить Сороковникова под шашку. Старший командир связных подвел злополучного Сороковникова к крыльцу штаба, остановил, повернул направо и скомандовал: «Шашку вон! На плечо!» И только хотел произнести последнее: «Смирно!» — как на северной заставе неуверенно щелкнул выстрел, сразу заполнивший всю предутреннюю тишину тревожным ожиданием, которое мгновенно исчезло, так как в тот же миг на всех заставах на севере и востоке часто и дробно затрещала ружейная стрельба. Бой под станицей Доно начался.

Сражение было выиграно. Красные чуть не потеряли свои пушки и не решились атаковать потому, что не были уверены в настроении 1-й Забайкальской казачьей дивизии, ставшей уступом за нашим левым флангом. В этом бою с юнкерами соперничали в доблести и мобилизованные забайкальцы роты Арсеньева, вооруженные берданками, и пленные красноармейцы-пермяки войскового старшины Иванова, и, особенно, непримиримые к красным казаки Калгинской станичной дружины.

За отступавшими красными наши двинулись вперед, а на кладбище в Доно остались белеть кресты над могилами портупей-юнкера Усова, юнкеров Николаева, Костикова, Кемриц, Калиниченко и Ананьина. Затем пошли бои под Аргунской, где были убиты Перфильев и Кузменко, под Колочи, под Шаки, Нерчинским заводом и, наконец, трехдневный бой, 28 сентября — 1 октября 1919 года под Богдатской, где красные были разгромлены. Одних только командиров красных полков было убито из пяти — четыре. Училище потеряло

убитыми Ушакова, Калашникова и Комогорцева. После боя у Богдатской 3000 красных, еще уцелевших, прорвали наше кольцо и ушли с энергией отчаяния, решив или погибнуть, или прорваться. Но практически как боевая сила они перестали существовать. Часть из них ушла на север, таежными тропами на Алашары, по реке Уров, в глухую и голодную тайгу, большая же часть перешла Аргунь и расположилась по глухим китайским заимкам. Китайские власти их не преследовали и не разоружали — из ненависти к японцам. После боя у Богдатской училищу уже нечего было делать в Восточном Забайкалье, и его вернули обратно в Читу — до Сретенска походным порядком, а оттуда по железной дороге.

Приход училища был красочным: выгрузившись на станции Чита-2, юнкера строем вышли на Атаманскую площадь, где был парад, награждение отличившихся; затем, после церемониального марша, они вернулись в здание училища, где дамский комитет уже приготовил в коридоре и на поверочной площадке обильное угощение. После этого юнкера были отпущены в отпуск. В этот день они были почетными гостями всех ресторанов, кондитерских и кино: их всюду приветствовали, угощали и нигде не хотели брать ни копейки. Город радостно приветствовал своих родных героев.

В январе 1920 года начался 3-й прием юнкеров. Теперь в училище стали собираться те, кто уцелел от разных катастроф: три-четыре оренбуржца, из Фугдина портупей-юнкер Игорь Чеславский вывел 12 юнкеров Хабаровского училища, из Владивостока приехал почти весь выпуск 1919 года (все кадетские корпуса в Сибири начали заниматься с 1-м классом сразу же по окончании 1918/19 учебного года, для того чтобы дать ускоренный выпуск к новому 1920 году). Во главе омичей был их корпусной фельдфебель Потанин. Но дальше новичков не было, и поэтому из полков откомандировывали всех подходящих. Пониженный образовательный ценз потребовал организации общеобразовательного курса, на котором вначале было более 50 юнкеров, но затем число это быстро съехало до 30.

Новички попадали сначала в команду «вновь прибывающих» юнкеров, которую разместили в актовом зале, поставив там временно громадные во всю длину зала нары; старшим команды был назначен портупей-юнкер Зимин. Когда 1 февраля 1920 года был проведен 1-й выпуск молодых подпоручиков и новички были отправлены по своим ротам, — это вызвало среди них неописуемую радость: в громадном двухсветном зале был собачий холод.

Через неделю начались занятия. Если обычные лекции шли своим порядком, то к программе общеобразовательного курса не нашли пра-

вильного подхода: вместо двух-трех офицеров, которые вели бы дело, его поручили двум преподавателям из женской гимназии, которые у юнкеров не пользовались никаким авторитетом, не смогли заинтересовать их, смотрели на преподавание как на синекуру, получили прозвища Кутейкина и Цыфиркина, на занятиях занимались только рассказами о гимназистках. Выходило, что к преподаванию, кроме жалованья, привлекала их главным образом помпа: громовая команда старшего юнкера Зуева — «Встать! Смирно!», а затем рапорт дежурного.

Но нормальные занятия все же не налаживались: едва схлынули наглые чешские интервенты, как за ними сразу же подошла Народная Революционная армия только что нарезанной Ульяновым-Лениным Дальне-Восточной республики. В конце марта 1920 года был сдан Верхнеудинск и красные пошли на Читу. Училищу была дана боевая задача оборонять город с юга. 25 марта училище выступает на свой второй фронт — Ингодинский.

Погрузившись в эшелон в 16 часов, в 18 двинулись в путь и вскоре прибыли на разъезд Дровяной, где до утра нам пришлось мерзнуть в холодных вагонах, так как в них печей не было. В 8 часов 26 марта выгрузились из вагонов и пошли походным порядком, на подводах, по маршруту: Татаурово—Черемхово—Кадахта—Блатуканы—Гарцакан—Николаевское—Танга—Новая Салия. Уже через два дня в Кадахте встретили красных партизан. 3 апреля бегущие партизаны, получив подкрепление со станции Хилок, дивизион 5-го кавалерийского красного полка, пытались выбить налетом из Новой Салии стоявший там дивизион 1-го конного атамана Семенова полка, но были отбиты. На следующий день, 5 апреля, к красным подошли новые части: 13-й и 14-й Иркутские советские полки и весь 5-й кавалерийский. Училищу, с приданной ему ротой 1-го Маньчжурского полка — около 70 (?) штыков с 1-м конным атамана Семенова полком, пришлось отойти. Не так были сильны красные, как у нашего командования не хватало воинского дерзания, не было умения использовать свое преимущество в артиллерии. Не так уж и было страшно кольцо красных, которое уже готово было сомкнуться. В этом бою училище потеряло четырех убитых: хорунжего Нескусила, юнкеров Турчина, Дамаскина и Ефремова. Наш отход продолжался до поселка Кадахта, куда пришло подкрепление: батальон японцев с бомбометами. Красные, подтянув к себе 1-й и 2-й Чикойские добровольческие полки, теперь силою в 4 пехотных и один кавалерийский полк, атаковали 10 апреля, но были отбиты, и на их плечах училище двинулось вперед и захватило поселок Бользой, в котором простояло до 12-го. Японцы после боя у Кадахты

двинулись сами в другом направлении, попали в тайгу, были окружены и в упорном бою уничтожены до последнего.

Обнаруженное движение красных, стремившихся отрезать училище, вызвало необходимость отхода на Кадахту—Черемхово—Татауровo и через тяжко проходимый весной Оленгуйский хребет на поселок Верхне-Нарымский, по ненадежному льду на левый берег Ингоды. Здесь училище, считавшееся погибшим, получило приказ о возвращении в Читу и двинулось через поселок Елисаветинский-Александровский на станцию Кручина. 22 апреля училище вернулось обратно и после недельного отдыха продолжало учебную, строевую и гарнизонную службу.

Жизнь стала входить в свою колею. На Пасху под Читой красные были разбиты наголову, главным образом благодаря стойкости и выдержке японских частей. Фронт отодвинулся к станции Могзон, и в темные ночи из окон верхнего этажа были видны зарницы артиллерийской стрельбы. Начались налеты красных самолетов. Первый сбросил две бомбы — одну у вокзала, другую на Атаманской площади. Первый раз это прошло для него безнаказанно, к другим налетам уже подготовились: на площади поставили подвижную раму, на раму поставили орудие, в стороне подготовили яму для зенитной стрельбы пулеметом. После этого красные самолеты встречались орудийным и пулеметным огнем; впрочем, это продолжалось недолго; произошла очень странная вещь — по требованию японцев с красными было заключено перемирие.

В эти дни училище достигло вершины своего развития: почти 600 юнкеров в строю, батарея развернулась в дивизион, одной батареей командовал полковник Бельский, второй — полковник Иванов, так лихо громивший красных из своей французской пушки под Тангой и Кадахтой, командиром дивизиона стал командир батареи полковник Масюков. Из 1-го Сибирского кадетского корпуса приехало на летние каникулы 60 кадет. Их направили в училище. Наличие в их среде многих музыкантов дало возможность производить вечернюю поверку с зарей. Однако кадетам строгая училищная дисциплина скоро наскучила, и они, пробыв в училище около месяца, перекочевали на бронепоезда. Летняя форма, новая, щеголеватая, выгодно выделяла строй. Юнкера, не имевшие шинелей, к летней форме получили короткие кавалерийские коричневые американские шинели.

В середине лета, как-то неожиданно, начальник училища генерал Лихачев был заменен генералом Тирбахом[481]. Тем самым Тирбахом, чьим именем красные пугали своих детей. Генерал Тирбах оказался чрезвычайно заботливым начальником и сразу же подтянул хозяйствен-

ную часть, которая у полковника Данилина хромала на все четыре ноги. Экономия на довольствии отпускных юнкеров была пресечена в корне: отпускные могли являться на обед и ужин, не являясь дежурному офицеру из отпуска. На стол подавались все порции на всех довольствующихся юнкеров. В будние дни было разрешено после поверки до 10 часов выходить в садик напротив, что привело в восхищение всех влюбленных. Одновременно был отдан приказ: «...Для уничтожения снобизма юнкеров-сотенцев и артиллеристов перед юнкерами-пехотинцами приказываю уборку лошадей производить самим...» Тогда еще никто не подозревал, что странная форма приказа была началом подготовки к расформированию училища, началом политики свертывания борьбы с красными, проводимой по настоянию японцев.

В конце июля была назначена эвакуация. Золотой запас, хранившийся в училище, был погружен ночью в багажный вагон, прицепленный в середину бронепоезда «Семеновец». Золото перевозилось на грузовиках: 10 ящиков золота, 7 юнкеров конвоя и грузовик, рыча мотором и поднимая кучу пыли, мчались к вокзалу, в поперечных улицах наши пешие и конные патрули; погрузкой распоряжался полковник Данилин. В вагоне с золотом поехали юнкера инженерной роты, пулеметная разместилась в броневых коробках, пехотная рота, батарея полковника Бельского и хозяйственная часть в другом эшелоне. Сотня и батарея полковника Иванова остались в Чите: начиналась агония училища.

Утром «Семеновец» и эшелон двинулись в путь, быстро пролетели Карымскую, знаменитую петлю у Аги, немного задержались на заставленной эшелонами 3-го корпуса и страшно загаженной станции Оловянная, переползли по восстановленному деревянному мосту через пенящийся и бешено мчавшийся по камням Онон и помчались к станции Даурия. За Ононом начиналось царство железного барона генерала Унгерна фон Штернберга[482]. Это было сразу же заметно: на станциях чистота и порядок, перед последней к Даурии станцией — Шарасун — по сторонам дороги показались разъезды Азиатской дивизии, наблюдавшей за окрестностями. 500 верст пути были проделаны, и никто раньше не позаботился об охране такого важного груза.

Станция Даурия маленькая — 6 путей. На север от станции — ряды красных кирпичных казарм. На юг — маленький поселок, где периодически вспыхивали чумные заболевания: жители охотились на тарбоганов — небольших степных зверьков ради их шкурки и ели их мясо, а тарбоганы — переносчики чумы.

Большинство казарм пустовало: на Азиатскую дивизию, 1000—1200 человек, много помещений не требовалось. В казармах, стоявших по краям городка, были замурованы кирпичом все окна и двери

нижнего этажа, и попасть наверх можно было только по приставной лестнице. Часть крыши с них была снята, и там стояли орудия образца 1877 года. На форту № 6 был верх возможной техники: крепостной прожектор; на этом форту сразу же обосновалась инженерная рота. Пулеметная рота осталась в броневых коробках бронепоезда, на ветке, проходившей посередине города и около церкви, окруженной громадными штабелями снарядных ящиков.

Порядок, чистота, дисциплина здесь были заметны в каждой мелочи. О бароне рассказывали чудеса: что он спит на досках, поставленных на два ящика с золотом, покрытых потником, с конским седлом в голове. Потом от связных, носивших пакеты барону, узнали, что это вранье: квартира у него как квартира, и кровать хорошая, даже с пружинным матрасом.

Барона боялись: юнкера Савельева, зазевавшегося с отданием чести, он отправил на губу бегом, поэтому как только где-либо усматривали барона, так опрометью кидались в боковую коробку, закрывали дверь и через бойницы следили, куда продвигается опасность. Зимой барон не сажал на губу: арестованный, одетый в теплую доху, выпроваживался на крышу и там, особенно в пургу, судорожно цеплялся за печную трубу, чтобы не быть сдутым с 20-метровой высоты на чуть припорошенную снегом промерзшую даурскую землю. Трое суток такого сидения превращали в образцовых солдат самых распущенных и недисциплинированных людей.

В день приезда училища погода была холодная, ветреная, затем разветрилось и наступили теплые, ясные дни. Через неделю после нашего прихода Азиатская дивизия ушла в поход — мимо бронепоезда прошли отлично одетые в зеленые рубахи и шаровары сотни. У каждого солдата за плечами по две винтовки. После ухода дивизии пехотная рота разместилась в первой, ближней к бронепоезду, казарме, наша — в офицерском флигеле, между этой казармой и фортом № 6. После второго выпуска 11 сентября 1920 года нашу роту — юнкеров и молодых подпоручиков — перевели в казарму, на второй этаж, над пехотной ротой. Это время было самым сумбурным: все время переселения, наряды в караул к золоту, в дежурство на броневую коробку. Генерал Тирбах решил, что организовать довольствие, как следует, невозможно, и поэтому приказал в ротах поставить мешки с белой мукой и банки со смальцем, все с увлечением стали стряпать подобие блинов: беря где только можно щепок, месили тесто, разводили костер и на печных вьюшках, за неимением сковородок, с увлечением пекли блины, от которых в нормальное время получили бы заворот кишок.

Выпускные экзамены первого и второго выпуска пехотинцев, сотенцев, пулеметчиков, саперов и железнодорожников происходили без всяких приключений. Первый выпуск артиллеристов также провел без осложнений свою боевую стрельбу на прекрасном пасчанском полигоне, но у второго выпуска в Даурии на стрельбу приехал сам начальник артиллерии полковник Карамышев. На его красочной фигуре необходимо несколько задержаться. Офицер 4-й Сибирской артиллерийской бригады, он в войну 1904—1905 годов, при обороне Порт-Артура, своей стрельбой снискал у японцев такое уважение, что они ходатайствовали о награждении его орденом Святого Георгия, которое было уважено, и капитан Карамышев стал георгиевским кавалером. Этот случай любопытен по рыцарскому взаимоотношению воюющих сторон в те времена. Всю 1-ю Великую войну полковник Карамышев провел с 4-й Сибирской артиллерийской бригадой. Затем он был на Волге, дрался с красными, проделал Великий Сибирский поход и пришел с каппелевцами в Читу — место стоянки 4-й Сибирской артиллерийской бригады. Его несколько раз производили в генералы, но он не признавал этих производств. Теперь на боевой стрельбе 2-го выпуска судьба его столкнула со своим сослуживцем по 4-й Сибирской артиллерийской бригаде — полковником Бельским. Рознь между каппелевцами и семеновцами уже легла прочно, теперь от начальника артиллерии — каппелевца — ожидали не только строгой, придирчивой оценки стрельбы, но и возможных подвохов, тем более что приказ о стрельбе и задачах был доставлен в училище точно в пять часов утра, ко времени выступления. На стрельбу собралось все училищное командование. Первым стрелял юнкер Вульф — в прошлом юнкер Михайловского артиллерийского училища, не закончивший его вследствие революционных событий. Как ни искал упущений полковник Карамышев, однако единственным его замечанием было указание, что наблюдатели находятся слишком близко к противнику, что было отпарировано словами полковника Бельского: «Наблюдатели находятся в пехотных цепях, как это было принято, например, в 4-й Сибирской артиллерийской бригаде во время Великой войны, что показало себя крайне полезным, и именно этот метод применялся при обучении в Читинском военном училище».

1 октября 1920 года Читинское атамана Семенова военное училище было расформировано. Оставшиеся юнкера были зачислены в Отдельный Стрелковый личного конвоя атамана Семенова дивизион. В этом дивизионе уцелевшие от эвакуаций и оставшиеся в живых юнкера (дивизион сильно пострадал в десанте при взятии Владивостока 26 мая 1921 года и позднее при стычках с хунхузами летом) — в числе 55, были произве-

дены 8 сентября 1921 года — младший курс в подпоручики, общеобразовательный — в прапорщики.

Приказом № 64, от 1 октября 1920 года, было расформировано военное училище, просуществовавшее 23 месяца и давшее армии 597 молодых подпоручиков и прапорщиков. То, что тогда современникам казалось простым и неизбежным, теперь, в исторической перспективе, выглядит совсем иначе; какие бы ни были тогда основания для расформирования училища, оно должно было бы быть сохранено до ухода за границу. Расформирование произошло под давлением японцев, стремившихся к свертыванию борьбы с красными. Поэтому начинался отбор наиболее верных и непримиримых. Так, в Чите было объявлено, что желающие остаться при отходе наших войск не будут преследоваться; бегство всегда начинается с задних рядов. Этим правом воспользовался, например, старший офицер пехотной роты полковник Мефодий Соловьев, в прошлом кадровый офицер 4-й Сибирской дивизии, и десяток, не больше, юнкеров, например пулеметчики Ждаахин и Распопин. Приказ этот был издан под сурдинку, без огласки, а потому для многих оставался неизвестным очень долгое время.

Однако, каковы бы ни были решения командования, рядовая масса бойцов не склонна считаться с ними, и она и в других условиях продолжает эту борьбу, выдвигая уже из своей среды новых возглавителей, новые организационные формы. Поэтому-то, после отступления за границу, именно снизу — бывшие юнкера начинают организацию общества юнкеров-читинцев. Юнкера Соловьев, Гречихин, Бентхен, Дунаев, Улыбин, Корякин, Базанов, Васильев, Шнайдер ведут это дело — издают журнал «Подчасок», а позднее бюллетень «Читинец».

Подводя итог, все же нельзя сказать, что вся работа шла без сучка и без задоринки: время и события на все накладывали свой отпечаток. Теневые стороны, оборотная сторона медали, благодаря времени выступили особенно ярко и выпукло. Распущенность, самоубийства были, если можно так выразиться, нормальными и не выходящими за пределы, даваемые общественной психологией, разница была в реакции на них: проступки, в обычное время наказуемые мягко, теперь взыскивались очень строго. Здесь играла роль память о былых методах воспитания — постановка под ружье и шашку, муштра и на всегда оправданная отправка в дисциплинарную роту. Это отметили в «Звериаде» 1-го выпуска: «Прощай, начальничек ты строгий, ты генерал наш Лихачев, в дисциплинарку очень многих своих ты сплавил юнкеров».

Самоубийства или попытки к нему были не намеренными, а или бесшабашной игрой со смертью, или любовными историями. Божовский стрелялся, играя «в судьбу» — с заряженным одним патроном

наганом, два раза повезло, в третий — глупый выстрел унес веселого и храброго юнкера в могилу. Юнкера Волков и Ермолаев стрелялись, имея по два патрона в револьвере, пугая барышень, отказывавших им во взаимности. Волков потерял только глаз, Ермолаев ушел из жизни. Эти случаи особенно характерны игрой с жизнью, презрением к смерти, и так сторожившей юнкеров на каждом шагу.

В военных училищах мирного времени молодым юнкерам давалось время осмотреться и решить — подходящим ли для него будет поприще офицера. Кто не выдерживал первых шагов — попадал в «декабристы» и мог до присяги, без последствий уйти из училища, почему училища не знали дезертирства. Теперь отчисление от училища могло быть или в дисциплинарку, или в часть рядовым.

Однако в Гражданской войне каждый юнкер был на счету и поэтому никаких льгот не давалось. Было несколько случаев дезертирства, так, летом 1920 года из инженерной роты бежал юнкер Михаил Альбрехт, был пойман, судим и оправдан, так как доказал, что бежал от притеснения фельдфебеля роты. В Уссурийский дивизион, при переброске его в Гродеково, сбежал юнкер Мамлеев. Бежал юнкер Канарский в Маньчжурию, вместе с братом, капитаном Канарским, получившим от хозяйственной части училища 8000 рублей золотом для закупок в полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги.

Военное дело — путь славы или смерти, древние говорили: «Со щитом или на щите», указывая для воина только две возможности: или смерть, или победу. Смерть или победа добываются в бою, победа сопровождается павшими, смертью венчанными.

Краток и очень неполон был скорбный синодик читинцев, который удалось собрать в эмиграции по памяти. Где только не вырастали безыменные могилы, не всегда даже отмеченные крестами: под станциями Яблоновая, Кручина, Ага, Даурия, 82-м разъездом, разъездом Ольгохтой, под Падями, Рассыпной, Карантинной и Черной, в Амурской флотилии, во Владивостоке, Хабаровске, Красном Куте, на Камчатке, под Полтавкой, Монастырищами, Верхним Спасском и самой страшной станцией Ин, где чужой негодный командир полка — Ктиторов — подвел конвойцев под расстрел. В этом побоище из 85 убитых — 20 читинцев, легших на опушке Инского леса, да так и застывших с винтовками в руках, с лицом, обращенным к врагу, оправдывая замечание, что «русского мало убить, его надо еще и повалить».

События не дали возможности читинцам дойти в России до штабофицерских чинов, но они дошли до этих чинов в китайской армии, когда дрались в шандунских частях против красных китайцев Чан Кай-

ши. Из 29 юнкеров и двух из кадра училища оказались полковником один — Репчанский[483] — артиллерист 2-го выпуска, 2 подполковника, 6 майоров, а остальные капитаны и поручики. Четверо смертью венчаны: капитан Грищев, капитан Ипатов, поручик Зыков и подпоручик Григорьев. Где только можно, читинцы идут в бой против советской оккупационной власти России. Во время Второй мировой войны против красных в рядах Русского корпуса в Босне участвуют два читинца, один из них — поручик Чеславский[484] — смертью венчан в бою под Травником в феврале 1945 года.

Немного военных училищ может отметить такое число убитых из кадра, как Читинское военное училище, — убит начальник училища генерал Тирбах в 1945 году, в 1946-м расстрелян на Китайско-Восточной железной дороге преподаватель артиллерии генерал Воскресенский, в бою под Монастырищами убит командир пехотной роты полковник Буйвид.

В безнадежной партизанской войне в пределах СССР смертью венчаны командир сотни полковник Иннокентий Васильевич Кобылкин, три курсовых офицера сотни: войсковой старшина Маньков и есаулы Марков и Войлошников; легли в партизанских отрядах хорунжие Тонких и Швалов, подпоручики Коноплев и Сергиенко, сотник Макаров, есаул Маньков, юнкер Макаров.

Эти отрывочные и неполные сведения показывают, что работа училища была правильной и доброе семя пало на добрую почву: юнкера-читинцы были готовы биться за Россию всегда и везде — до победы — или же принять смерть в бою. (Сведения даны командиром батареи училища полковником В.Я. Бельским, материалы: журналы «Подчасок» и бюллетень «Читинец» предоставлены подпоручиком 1-го выпуска Л.П. Бентхеным и дополнены другими юнкерами-читинцами.)

Томское пехотное военное училище

Томское пехотное военное училище начало формироваться в апреле 1919 года. Формирование происходило в трудных условиях. Первое здание синодального училища был слишком мало, намеченное другое здание — епархиального училища — послужило яблоком раздора с чехами, которые всеми способами пытались его оккупировать. Командир 3-й роты, оставшись за начальника училища, нашел выход из положения: имея знакомство с английской миссией, он предложил ее начальнику, майору Керквуду, занять одно крыло здания. Майор с удовольствием принял предложение разместиться с комфортом, над зданием был вывешен английский флаг, и чехам пришлось облизнуться. Размещение анг-

лийской миссии было для училища выгодно: все необходимое для училища появилось с помощью миссии, как по щучьему велению.

Первым начальником училища был назначен Генерального штаба полковник Антонович. К сожалению, уже в мае он получил новое назначение в Омск, в Штаб Верховного правителя, а на его место приехал полковник Мясоедов[485], брат повешенного жандармского полковника Мясоедова. Новый начальник училища не был предназначен и не годился для должности начальника училища, тем более что кадр училища был сборный и его необходимо было спаять в одно целое. Кадр 1-й и 2-й рот состоял из офицеров бывшей Томской школы прапорщиков, благополучно проучившихся юнкеров в течение всей войны 1914—1918 годов. Кадр 3-й роты дала Иркутская школа на Русском острове из первого выпуска, кадр 4-й роты был назначен из числа окончивших в Томске 4-й ускоренный выпуск Академии Генерального штаба.

Курс училища был составлен по программе Чугуевского военного училища и рассчитан на 3 месяца с производством в подпоручики окончивших по первому разряду.

Училище имело 4 пулемета виккерса, на русский патрон. Одеты юнкера были в новенькое английское обмундирование, все необходимое снаряжение, вооружение, постельные принадлежности, оборудование столовой — не оставляло желать лучшего, наличие кадра Академии Генерального штаба и его материальной части давало все необходимое. Учебники, уставы и приборы были получены оттуда. Занятия производились по плану: 3 часа лекций и 5 часов строевых и тактических занятий.

Юнкерский состав 1-го выпуска составляли первая и вторая роты — студенты Томского технологического института, 3-я — кадеты Омского и Иркутского корпусов, окончившие в том учебном году, 4-я — окончившие средние учебные заведения в том же году. Число юнкеров в ротах не превосходило 100 человек.

Краткий курс осложнялся тем, что юнкеров привлекали к несению гарнизонной службы, что сокращало время обучения. Необходимо отметить, что к каждой роте был прикомандирован английский офицер для обучения стрелковому делу и спорту, так, в 3-й роте находился капитан Смит.

В июле 1-й выпуск был произведен в подпоручики и направлен по полкам. При формировании Добровольческой дивизии[486] генерала Крамаренко[487], например, во 2-й Добровольческий полк на его укомплектование ушла почти целиком вся 3-я рота.

В августе начат был прием юнкеров на следующий выпуск, которые и начали заниматься с конца месяца. Однако наступившие события —

сдача 14 ноября 1919 года Омска и развал армии — привели к тому, что в половине декабря была начата эвакуация Томска.

Верные присяге части выступили из Томска в поход на восток. Если Екатеринбургская школа выступила в полном составе и порядке, то того нельзя сказать о Томском военном училище; весь кадр 1-й и 2-й рот бывшей Томской школы прапорщиков остался в городе, то есть дезертировал. Так как роты были слабо укомплектованы, то в поход пошло немного больше 200 юнкеров, на долю которых выпало прикрывать отход частей, превратившихся благодаря бездеятельности своих начальников в беспорядочную орду. Все это не устраивало полковника Мясоедова, и он, бросив юнкеров, укрылся в уютный и теплый чешский эшелон. Позднее, опознанный на одной станции, он был арестован и препровожден в штаб генерала Вержбицкого, который оставил его на свободе, в результате чего полковник Мясоедов проделал весь путь до Верхнеудинска, в котором и сдался красным. После Мясоедова училище принял полковник Шнапперман[488], бывший начальник организационного отдела Томской офицерской организации, захватившей город у красных 29 июня 1918 года.

Однако нервы у полковника Шнаппермана выдержали только до остановки красными в селе Аманаш наших частей, беспорядочно двигавшихся на восток после красноярского погрома. В селе Голопупове произошла первая организация бегущих, так как путь на восток был закрыт. Здесь оказалось очень много начальников, которые решили сдаваться красным. Когда командир 1-й кавалерийской дивизии генерал Милович[489] уже поставил вопрос о сдаче, то в село вошла 4-я Сибирская дивизия под командой генерала Смолина[490]. Оповещенный рядовыми офицерами о происходящем, генерал Смолин занял все выходы из деревни своими караулами и, придя на собрание, отрешил от командования всех командиров частей, думающих о сдаче. В числе их оказался и полковник Шнапперман. Пережившие два таких удара юнкера оказались предоставленными сами себе и разошлись по разным частям, тем и закончили существование Томского пехотного военного училища. (Сведения получены от командира 3-й роты училища — полковника Вишневского, взяты из книги «В огне войны» В. Иванова и других источников.)

1-е артиллерийское училище

Для пополнения офицерского состава артиллерии 1 июня 1919 года в городе Омске было сформировано 1-е Артиллерийское училище, размещенное в здании 1-го Сибирского Императора Александра I кадет-

ского корпуса. До 1 сентября 1919 года училище находится в Омске, а затем перебрасывается во Владивосток. Однако во Владивостоке не находится подходящих казарм, и поэтому училище размещается в военном городке Раздольное, в казармах артиллерийского дивизиона. Военный городок расположен в 7 верстах от железнодорожной станции того же имени, в 7 верстах от Владивостока.

Училище имело 2 батареи, числившие в своем составе 240 юнкеров, и обслуживалось 100 ездовыми, на попечении которых было 180 лошадей. Юнкерский состав был укомплектован юнкерами-артиллеристами, не окончившими училищ в 1917 году, вследствие захвата власти коммунистами. Много было кадет, юнкеров пехотных училищ и школ прапорщиков, а остальные — добровольцы, откомандированные из частей с фронта. Фельдфебель 2-й батареи был гардемарин. Среди георгиевских кавалеров были участники не только Гражданской войны, но и германской. Короче — личный состав был превосходный.

Начальником училища был назначен полковник Герцо-Виноградский[491], в прошлом командир батареи Константиновского артиллерийского училища, помощником по строевой части — полковник Сполатбог[492] — бывший курсовой офицер Константиновского артиллерийского училища, инспектором классов — полковник Коневега[493], выдающийся знаток теории артиллерии, академик; среди курсовых офицеров было несколько окончивших Константиновское артиллерийское училище.

Юнкера были одеты в английское обмундирование с русским юнкерским погоном — красным с черным кантом. Учебные пособия были в ограниченном количестве, часть предметов проходилась по запискам, веденным на лекциях. На вооружении училища было 8 французских 75-мм пушек, рассверленных под русский снаряд, из этих пушек велась учебная стрельба; на одной такой стрельбе, в Раздольном, присутствовал генерал Нокс. Было 2 русских орудия образца 1902 года, в Омске была еще и гаубица. Кроме того, были японские карабины и шашки. Окончившим были выданы испанские браунинги.

Курс обучения предполагался в 2 года, но события заставили его сжать на 8 месяцев, поэтому не было младшего курса, так как обстановка не давала возможности провести новый прием юнкеров. Молодые подпоручики не смогли даже заказать и купить училищные знаки: двуглавый орел на белом кресте и перекрещенные пушки.

Училище принимало участие в подавлении гайдовского бунта, наводило порядок на станции Океанская.

На Рождество 1919 года был бал, для которого декорировали зал, приготовили угощение и на танцы пригласили старшие классы Владивостокской и Никольско-Уссурийской женских гимназий, на что те

отозвались очень охотно; вследствие пурги праздник затянулся и на второй день.

30 января 1920 года был получен приказ о выступлении училища во Владивосток. Начальник училища выехал во Владивосток, а в это время на станцию Раздольная прибыл состав, на котором были гардемарины для помощи погрузке, но они быстро уехали обратно.

Между тем уже перешедший на сторону красных гарнизон Раздольного начал принимать меры по ликвидации училища, против него были выставлены 3 пулемета; дежуривший в этот день по училищу поручик Митрович немедленно выслал прислугу к двум орудиям, а пришедшую с требованием разоружиться красную делегацию, из одного офицера и нескольких солдат, обругал, потребовал убрать пулеметы и выгнал из училища. На другой день училище по приказу двинулось во Владивосток. В городе было объявлено о производстве в подпоручики и зачислении в резерв чинов штаба крепости. (Материал составлен курсовым офицером училища — капитаном Аглазиным и юнкерами Леонтьевым и Голеевским.)

Артиллерийское техническое училище сформировано в Омске 1 июня 1919 года, позднее перебрасывается на Дальний Восток, и судьба его неизвестна, так как единственный живой юнкер этого училища — Сучков, живущий в Новой Зеландии, не отзывается на письма.

Корниловское военное училище во Владивостоке в 1921—1922 годы

Обстановка во Владивостоке в 1921 году, после свержения власти коммунистов 26 мая 1921 года, характерна политиканством командных верхов, которое насаждалось политической миссией японских оккупационных войск. Поэтому в штабах не беспокоились ни о боевой подготовке войск, ни о их самых насущных нуждах. Приказ № 41А, от 6 ноября 1921 года, наиболее красочно подтверждает то убожество, в котором находилась армия. Управляющий Военным ведомством генерал Вержбицкий живописал: «...но указанное выше меркнет по сравнению с тем, что из 27 000 едоков армия может выдвинуть на фронт фактически не более 6000 бойцов...» Как указывает в своей книге «Белоповстанцы» Б. Филимонов, при наличии в каждой части офицерских рот, сверхкомплекте офицеров в полках, нужды в военном училище не имелось. Было бы понятно, если бы были сформированы повторительные курсы для офице-

ров, при которых имелось бы отделение для юнкеров. Поэтому отъезд всего выпуска Хабаровского корпуса, после получения аттестата в Гродеково, в семеновскую группу войск надо считать причиной сформирования военного училища, для того чтобы удержать выпускных кадет у себя.

Владивостокское военное училище было сформировано в октябре месяце 1921 года и размещено на Русском острове, в казармах 3-го полка. Помещения для училища были оборудованы помещавшейся здесь в 1918—1920 годах Школой Нокса. Начальником училища был назначен генерал Тучанский[494], имевший золотое оружие, орден Святого Георгия, известный еще тем, что в войну 1904—1905 годов два раза водил свою роту в атаку.

Училище имело в своем составе роту и эскадрон, а также офицерский взвод. В последние дни Приморья при втором приеме предполагалось сформировать еще и офицерскую роту, но это осталось в проекте, а офицеров, проходивших курс, было только 30 человек. Курс был намечен двухгодичный, поэтому училище не имело ни одного выпуска, так как в конце октября 1922 года отошло вместе с армией за китайскую границу и в Гирине, в начале 1923 года, было расформировано. Все раненые были эвакуированы в Гензан.

Командный состав составляли: по строевой части полковник Томилин, командир роты полковник Климочкин[495], курсовой офицер капитан Даньшин, младшие офицеры — штабс-капитан Шмелев, поручик Напалкин[496], штабс-капитан Муромцев[497] и Маслов. Командир конного взвода полковник Бартеньев, курсовой офицер полковник Сысин, младшие офицеры — полковник Язвин[498] и Нефедов.

Преподаватели были: саперное дело — генерал Тучанский, тактика — генерал Андогский[499] и полковник Слижиков, артиллерия — генерал Нарбут. Учебные пособия, при наличии кадра и библиотеки Академии Генштаба, были в потребном количестве. Классы и столовая находились в отдельном помещении. До приема 2-го выпуска — осенью 1922 года — училище имело только роту, офицерский взвод и конный взвод. Отметим, что второй прием состоял почти исключительно из окончивших кадет Омского и Хабаровского кадетских корпусов, которых в училище приняли только осенью, а не сразу же по окончании — весной: несмотря на бешеный вихрь событий, все делалось вразвалку, по мирному времени.

Одеты были юнкера в английское обмундирование и русские шинели. Вначале училище было просто военным, но позднее на параде, во время училищного праздника, генерал Вержбицкий, в память генерала Корнилова, служившего в свое время на Русском острове, наградил училище наименованием «Корниловского».

В боевом отношении училище было слабым, так как не имело пулеметов, что страшно снижало его огневую мощь, а ему пришлось в последний период борьбы занимать главные участки боев. Во время Хабаровского похода училище только раз выходит против партизан в урочище Трех Братьев, названное так из-за трех скал, вблизи Владивостока. Сведения оказались неверными, красных не оказалось налицо, и юнкера вернулись обратно, не понеся потерь. Главной боевой частью училище стало в октябре месяце 1922 года, когда пришлось бросить в бой все, что было можно. Положение наших войск было безнадежным: в Хабаровском походе части были обескровлены, пополнений не было никаких: объявленная мобилизация дала только 184 человека, патронов — ружейных в первую очередь — почти не было. Рядовой состав армии, чувствуя, что он является теперь мелкой картой, неизбежно сбрасываемой в игре, потерял дух и не желал больше драться в безнадежной обстановке. Даже в испытанных частях появилось забытое с 1920 года дезертирство. В такой обстановке посылка училища на фронт вызывалась самой крайней и насущной нуждой.

1 октября 1922 года училище выходит на фронт в полном списочном составе 205 человек. Командование принял полковник Воротников[500]. Начиная с 5 октября начинаются бои под поселком Духовским, под станицей Свиягином, под городом Спасском. В этих боях юнкера встречаются и сталкиваются с главной ударной частью красных — школой курсантов 2-й Приамурской дивизии. Как ни были вышколены курсанты, как ни были они упоены уверенностью в победе, как ни были богаты воинской дерзостью, — в боевом отношении они оказались слабее юнкеров: училище в этих боях потеряло 75 человек убитыми и ранеными, а у курсантов осталось в живых из 240 человек только 67 — на две трети раненых. И это надо было отметить, потому что на бой выдавалось по 40 патронов на юнкера! Величая «штурмовые ночи Спасска», красные помалкивают про это «мелкое и не заслуживающее внимания» обстоятельство, которое замалчивается и нашими мемуаристами. Впрочем, юнкера получали еще много патронов: 1-й Пластунский стрелковый полк 13 октября, под Монастырищами, перед атакой получил по 15 — три обоймы на бой!

Личный состав училища в этих боях выполнил все, что можно было требовать от людей. В этих боях юнкера, как гренадеры Камброна под Ватерлоо, доблестно, мужественно и храбро выполнили свой долг.

После боя под Монастырищами училище было возвращено на Русский остров, откуда 20 октября было переброшено морем в Посьет, из которого походным порядком пошло на Ново-Киевск — китайская

граница—Хунчу-Гирин. В Гирине училище было расформировано и закончило свое существование.

В Америке находятся в данное время юнкера: Валерий Крикорьянц, Олег Волков, Александр Ольховский и Николай Тарасов — старшего курса. Николай Крикорьянц — младшего курса кавалерийского эскадрона. Даты забылись. Все вышеупомянутые юнкера были ранены под Свиягином и эвакуировались во Владивосток, а потом на японском пароходе в Гензан.

Тюменская инструкторская школа

Тюменская инструкторская школа была начата формированием в последних числах месяца октября 1918 года. Начальником школы был назначен полковник Заалов[501]. Школа размещалась в здании Тюменской гимназии на Базарной площади. Школа имела 4 роты и все необходимые команды — пулеметную, связи и т. д. Одета школа была в русское обмундирование, вывезенное еще из Казани. В конце декабря 1918 года школа, переброшенная в Екатеринбург, была развернута в 16-ю Сарапульскую дивизию — полки 57-й имени Гайды, 58-й Казанский — командир полка полковник Заалов, 59-й Лаишевский — командир полка полковник Родзевич — командир 1-й роты школы, и 60-й Чистопольский. Кадры, правильно примененные, дали прекрасные результаты: полки были стойкие и прекрасно несли боевую службу, не их вина, что под Воскресенскими заводами 57-й полк понес очень тяжкие потери, что после боев под Уткинским заводом дивизия так поредела, что была слита с 15-й Воткинской, которой и передала имена своих полков, за исключением 57-го, который стал именоваться Воткинским. Таким образом, школа оправдала все возлагаемые на нее надежды.

Екатеринбургская инструкторская школа

В марте 1919 года была объявлена мобилизация, вторая по порядку, в Сибири. Мобилизация дала средний успех в городе и малый в деревне. Из числа мобилизованных были отобраны призванные с правами по образованию, и из них первоначально сформировали Егерские батальоны, которые с конца апреля стали переименовываться в инструкторские школы, продолжительностью курса в два месяца, выпуском портупей-юнкерами в часть и производством в подпоручики по реко-

мендации командира части после месячного пребывания в строю. Таких школ было сформировано 4: Екатеринбургская, Челябинская, Иркутская и Томские военно-окружные курсы.

5 мая 1919 года, приказом по управлению генерала для поручений Сахарова за № 7, назначены: начальником Екатеринбургской школы полковник Ярцев[502], л.-гв. Гренадерского полка, помощником — полковник Д.А. Малиновский[503], л.-гв. 2-й артиллерийской бригады, командиром 1-го батальона полковник Г. Орлов[504], л.-гв. Павловского полка, 2-го батальона — полковник А. Дурасов[505], л.-гв. Гренадерского полка.

Таким образом, уже в начале мая школа начала свою работу. Размещена школа была в большом банковском доме, на главной Екатеринбургской площади, против собора. Роты были хорошо укомплектованы и имели до 200 юнкеров в строю. 1-е роты были пулеметные и имели по 8 пулеметов для учебных целей, разных систем, главным образом «максимы», «кольты», «шварцлозе» и др. Одеты были юнкера в новенькое английское обмундирование. Оборудование школы в богатом Екатеринбурге не представляло для энергичного полковника Ярцева больших затруднений, и поэтому юнкера имели кровати с полным комплектом постельного белья, отдельные столовые и классы. Довольствие также было отличным: утром чай с белыми булками и маслом, обед и ужин из двух блюд, в праздники обязательно сладкое блюдо. Учебных пособий было мало, и поэтому все проходилось по запискам, что не представляло затруднения, так как юнкера имели законченное среднее или высшее образование. Полковники Ярцев, Орлов и Дурасов читали тактику и совместно с ротными командирами вели строевые занятия, полковник Малиновский читал артиллерию и топографию. Занятия велись ускоренным темпом, и к июлю, когда надвинулись события, юнкера прошли почти весь намеченный курс.

14 июля 1919 года наши части под огнем местных большевиков оставили Екатеринбург и стали отходить на восток. Школа была переименована в Северный отряд, ставший единственной боеспособной частью, за которой сгруппировался штаб генерала Дитерихса и другие штабы. Начиная от 13 июля юнкера ведут бои под деревнями Малый Исток, Косулиной и Мезенкой, перед станицей Богдановичи. Этот бой был характерен для обстановки того времени. В этой деревне школа получила приказ остановить движение красных. Во исполнение приказа была занята замаскированная позиция впереди деревни, и юнкера окопались: 1-й батальон влево от дороги, 2-й — справа. Утром подошедшие красные начали артиллерийскую подготовку наугад, снаряды были старые и, падая на пахотное поле, часто не рвались. Выпустив пару сотен гранат, красные решили, что наши уже давно бежали, и их пе-

хота на подводах, с песнями и гармошкой, двинулась к деревне, не замечая замаскированных окопов. Как только голова колонны поравнялась с позицией 2-го батальона, юнкера с расстояния в 30 шагов открыли пулеметный и ружейный огонь. Ошеломленная колонна, потеряв 387 убитых, рассеялась и откатилась обратно почти до самого Екатеринбурга. Школа же потеряла только одного юнкера — Бойцова — убитым, раненых не было. После этого красные стали осторожнее и в боях от 23 июля до 5 августа 1919 года в районе города Камышлова, села Реутинского и др. изменили тактику: нащупав фронт школы и выяснив его положение, красные залегали и вели стрелковый бой, а другие их части начинали обтекать фланги и, угрозой полного охвата, заставляли отходить назад.

Дальше школа пошла походным порядком на город Ялуторовск и Ишим. В Ишиме юнкера были погружены в эшелоны и направлены в Омск. Тут, в вагонах, в Омске был произведен 1-й выпуск, после чего кадр был переброшен в Томск. Выпущенные портупей-юнкера попали в 3-ю армию генерала Сахарова. В Томске был произведен второй прием, и 1 октября юнкера начали занятия. Теперь школа получила только 1 батальон. Полковник Малиновский был назначен в Походный штаб адмирала Колчака, а его место заступил полковник Орлов. Во втором приеме роты уже сжались — не больше 100 штыков. Занятия продолжались до 19 декабря 1919 года, когда школа походным порядком выступила с верными частями в поход, под командой полковника Орлова, так как полковник Ярцев получил специальную задачу и Отряд особого назначения, который, двигаясь впереди штаба 3-й армии, очищал предшествующие станции от партизанов. Но при подходе к Красноярску полковник Ярцев опять вступил в командование школой. Школа приняла участие в попытке занять Красноярск, понесла большие потери, отошла назад и прорвалась к селу Есаульскому, закончив свой арьергардный марш прикрытия армии, вместе с Томскими военно-окружными курсами. Эти два военных училища от Томска прикрывали отступление всех частей.

После Красноярска пошло на восток около 25 000 человек, которых уже нельзя было назвать войсковыми частями. Только попытка партизан забрать и их в плен перед Канском привела к необходимости как-то организоваться и, не имея силы пробиться через Канск, обойти город стороной. Здесь школа пошла уже в общей колонне, проделала весь поход, перешла через Байкал и была расформирована в Чите, так как армия, сократившаяся до 40 000 ртов, при 10 000 бойцов, потеряла дух, должна была выполнять требования японской политики, которая стремилась к сосуществованию с красными.

Капитан Стахавевич, вспоминая формирование Егерской бригады в Омске, так отозвался о портупей-юнкерах, окончивших школу в первом выпуске: «...Лейб-гренадер полковник Ярцев, стоявший во главе эвакуированной из Екатеринбурга инструкторской школы, сразу прислал 25 портупей-юнкеров, мало подготовленных, но хорошо настроенных молодых людей, пополнивших недостаток в унтер-офицерах, а впоследствии ставших приличными офицерами. Для преследуемой цели поступление в батальон таких молодых офицеров, прямо со школьной скамьи, было много лучше, чем если бы батальон пополнялся уже оперившимися офицерами из других частей, имевших претензии на знание службы...» (Сведения даны полковником Малиновским, портупей-юнкерами И.Г. Переваловым и Гречишкиным, вдовой полковника Ярцева — Марией Александровной, взяты из книги «2-я батарея» сотника Е.М. Красноусова и др.)

Школа Нокса

Генерал Нокс, являвшийся военным представителем Великобритании в Сибири, отпустил из имеющихся у него средств все необходимое для организации школы — подготовке состава 500 офицеров и 1500 унтер-офицеров, — что давало приблизительно кадр 5 пехотных полков. В основу клалась идея создания в школе первоначальной крепкой спайки, которая является одним из главных слагаемых боеспособности воинской части. Верная и правильная мысль не получила должного развития: школа не стала основным, единственным и достаточным кадром для формирования всех дивизий.

По политическим соображениям, представительство перед иностранцами и наличие большого количества свободных казарм, школа была размещена на Русском острове около Владивостока. Офицерский батальон был размещен в казармах 3-го полка, а унтер-офицерские — в соседних казармах 34-го.

Первым начальником школы был назначен генерал Сахаров[506]. К сожалению, в своей книге «Белая Сибирь» генерал Сахаров слишком мало, скупо и поверхностно дал сведения о школе. Они касались, главным образом, переломления настроений прибывающих людей, в первую очередь офицеров; относительно унтер-офицерских рот отмечена только попытка большевиков проникнуть в школу и создать в ней свою ячейку.

Школа имела в офицерском батальоне 4 роты и в 2-х унтер-офицерских — 8. Роты имели по 125 человек. Генерал Будберг[507] в своем днев-

нике отметил во втором наборе недовольство офицеров переменного состава обращения с ними как с юнкерами. Первоначальный курс прохождения был 4 месяца, но первый выпуск был 15 февраля 1919 года.

В марте 1919 года генерал Сахаров был вызван в Ставку Главнокомандующего для нового назначения и взял с собой часть кадра школы — капитана Ярцева и др. Новым начальником школы был назначен генерал Плешков[508]. Состав школы сократился — в офицерском батальоне — командир полковник Рубец[509] — осталось только 3 роты, — командиры полковники Сапрыкин, Добровольский, Грекулов. Командирами унтер-офицерских батальонов стали полковники Боровиков и Охлопков. Курс школы был увеличен на 2 месяца, что практически ничего не дало, так как школа дважды выступала в июне и июле 1919 года в поход, морем, на село Владимиро-Александровское для деблокады отряда генерала Волкова.

Программа школы для офицерских занятий имела целью натаскивание на решение тактических задач, изучение стрелкового дела и пополнение запаса военных знаний, для чего, например, изучалось автомобильное дело. В боевом отношении школа была слабой, так как не имела полного комплекта пулеметов и совсем не имела бомбометов. Зато все, что было необходимо для фехтования, имелось налицо. Фехтование преподавали полковник Родзянко[510] и ротмистр Пио-Ульский. Английские офицеры обучали спорту, для которого также было все необходимое.

Но офицеры, направленные в школу, по окончании производились в подпоручики (в сентябре 1919 года). При третьем приеме был сформирован юнкерский батальон. Унтер-офицерские батальоны занимались по программе учебных команд. Что было сформировано из окончивших школу и как показали себя они на деле — установить не удалось.

Материально школа была обставлена отлично: щегольское, новенькое английское обмундирование, отличное снаряжение и вооружение, все потребные учебники, пособия, снаряды для гимнастики и наставления имелись в полном комплекте. Стол был и сытый и обильный.

Красные настойчиво старались создать свои ячейки в унтер-офицерских батальонах. При генерале Сахарове за попытку пропаганды было арестовано 5 человек. Во втором приеме, в июле 1919 года, была раскрыта комячейка унтер-офицера Вдовиченко, и все 7 человек ее были расстреляны, комячейки 3-го набора открылись только после 31 января 1920 года, однако во время подавления гайдовского бунта 13—17 ноября 1919 года они ничем себя не проявили.

Позорное бегство генерала Розанова 31 января 1920 года на крейсер «Орел» и оставление всех верных частей на произвол судьбы было

последним днем школы: красные ячейки кинулись арестовывать некоторых офицеров, например полковника Капустина, которого все же не взяли живым. В июне 1920 года, при организации в станице Гродеково «Отряда войсковой самообороны Уссурийского казачьего войска», туда прибыла большая группа юнкеров школы, привезшая с собой знамя школы.

Челябинская инструкторская школа

Челябинская инструкторская школа была сформирована в конце марта 1919 года. Начальником был назначен генерал Москаленко[511]. Школа, так же как и Екатеринбургская, имела двухмесячный курс, но также должна была принять участие в боевых действиях, когда наши войска отошли к Челябинску и разыгралась Челябинская операция, в которой генерал Лебедев[512] и генерал Сахаров необдуманными действиями пытались вернуть нашей армии инициативу действия для перехода в наступление. Школа прекратила свое существование после решающего боя у деревни Муслюмово, где генерал Войцеховский пытался закончить окружение красных. Полковник Генштаба Ефимов[513] в «Вестнике Общества Ветеранов» № 215, Сан-Франциско, описал бой школы: «...генерал Войцеховский[514] направил на поддержку Ижевской бригады школу генерала Москаленко, около 400 штыков, и приказал вести атаку свежими силами этой школы. На просьбу генерала Молчанова не губить отлично подготовленных юнкеров (они назывались егерями), необходимых для младших командных должностей, — ответ был в духе «не рассуждать». Утром 29 июля егеря начали наступление. Как на учебном поле, с разведчиками впереди, мелкими единицами, потом поодиночке, егеря начали правильные перебежки. За речкой, на ровной, как стол, поляне не было никаких укрытий — ни кустов, ни кочек, ни малейших складок местности. Наша артиллерия вела интенсивную стрельбу по опушке кустов, занятых красными. Пулеметы ижевцев помогали фланговым огнем обоих флангов. Красные, наверное, несли значительные потери, но кусты хорошо укрывали их передвижения, поднос патронов и подход подкреплений. Они держались в окопах среди кустов и расстреливали егерей одного за другим.

Без сомнения, была применена неправильная тактика. Такое ровное поле выгоднее было бы проскочить не перебежками и переползаниями маленькими группами и поодиночке, а возможно, быстрее пробежать двумя или тремя редкими цепями с короткими остановками для необходимой передышки.

Бой затянулся на несколько часов. Егеря не могли достигнуть окопов противника. Потери их достигли до половины их состава. Но когда выяснилась невозможность достичь окопов противника, оказалось, что егеря не могут и отступать. Имея полное походное снаряжение, в том числе малые лопаты, они, как могли, окопались на достигнутой линии — или прикрывались телами убитых товарищей. Отход означал новые тяжелые потери. Демонстративная атака 2-го Ижевского полка, с потерей 60 человек, облегчила положение егерей, и они отошли от злополучной поляны, обильно политой их кровью...» После этого боя школа была расформирована, а юнкера отправлены по частям.

Иркутская инструкторская школа

Иркутская инструкторская школа была также сформирована в конце марта месяца 1919 года и размещена в здании Иркутского военного училища. Начальником школы был назначен инспектор классов Иркутского военного училища полковник Пархомов. Школа имела 3 стрелковые роты по 100 юнкеров и пулеметную, имевшую 80 юнкеров, на вооружении которых имелось 5 пулеметов Виккерса и 3 — Шварцлозе. Половину пулеметной роты составляли карпаторуссы. Одета школа была в английское обмундирование. Так же как и Томские курсы, она через несколько месяцев была переименована в военное училище, а курс был продлен на 8 месяцев. Осенью 1919 года в курсовые офицеры пробрался штабс-капитан Калашников — будущий возглавитель красного мятежа. 27 декабря 1919 года, когда отряд Особого назначения атаковал училище, то к двум пулеметчикам с «шварцлозе» — карпаторуссам, занявшим по боевой тревоге свое место у входа в училище, подошел их курсовой офицер Калашников с двумя солдатами. Ничего не подозревавшие юнкера подпустили его к себе. Подойдя к юнкерам, Калашников выхватил револьвер, застрелил их обоих. Солдаты подхватили пулемет и унесли его к красным. На предложение красных сдаться училище отвечало залпами, перешло в наступление и погнало красных, которые бросились бежать из города через Знаменское предместье. Однако на речке Ушаковке, отделяющей Знаменку от города, начальник гарнизона генерал Сычев дал приказ юнкерам остановиться, чем спас разгромленных красных. Вместе с оренбуржцами иркутяне принимали участие во всех боях против красных при обороне Иркутска. В ночь с 4-го на 5 января 1920 года 5 пулеметов Виккерса иркутян занимали боевое охранение на Ушаковке. Когда в 11 часов ночи они узнали о сдаче города и о том, что они брошены красным, то снялись с позиции и бросились назад.

Выйдя на 5-ю Солдатскую улицу, они заняли Воскресенскую церковь и приготовились к бою. Красные, следившие за ними, дали знать чехам, которые решили провести разоружение сами. Когда к церкви подошли три машины с чехами, то с первых двух никто не смог соскочить: 3 пулемета скосили начисто их команду. С подходом к чехам подкреплений и бронеавтомобиля с орудием участь боя была решена: 5 лент на пулемет, наличный запас патронов, 15 юнкеров — все это было чувство, а не расчет. После того как патроны были расстреляны, пришлось сдаться. Как ни странно, но юнкерам ничего не сделали, а только отправили в училище. (Сведения портупей-юнкера Киселева.)

Челябинская кавалерийская школа

Отсутствие стоянок кавалерийских полков в Поволжье, в Сибири и на Урале — были только александрийцы[515] в Самаре, литовцы[516] в Симбирске, каргопольцы[517] в Казани и приморцы[518] в Раздольном — привело к тому, что, за недостатком кавалеристов, кавалерийские полки комплектовались пехотными офицерами. Эскадрон Оренбургского училища при штате в 75 юнкеров не мог покрыть недостачи, что привело к необходимости сформировать Челябинскую инструкторскую школу, в составе 2 эскадронов — учебного и юнкерского. Штат эскадронов — по 80 человек. Форма школы: синий погон, защитная рубаха, алые чакчиры и походная амуниция.

В Челябинске школа размещалась в здании спичечной фабрики, а после оставления города была эвакуирована в Омск и размещалась там, до похода, в казармах артиллерийской бригады. При оставлении города 14 ноября 1919 года школа выступает в Великий Сибирский поход, в котором, после Красноярска, попадает в конвой генерала Каппеля, так как его конвой погиб целиком при взрыве на станции Ачинск. При этом взрыве, устроенном красными (7 вагонов пороха и 29 цистерн бензина), погибло 1400 человек, а станция перестала существовать. Под Канском только школа могла произвести разведку и выяснить обстановку. В марте месяце школа приходит в город Читу и размещается в здании гимназии, где размещается сотня и инженерная рота Ч.В.У., откуда в апреле 1920 года выступает в поход под Сретенск. Так как в Чите юнкера были произведены за поход в корнеты, то дальше эскадрон существует как «эскадрон Бартенева», который в прежнем составе несет боевую службу при попытке очистить Восточное Забайкалье от красных. Борьба за Сретенск и т. д. хотя не принесла потерь в личном составе, но тяжело отразилась на конском. Под давлением японцев

наше командование заключает с красными Могзонское перемирие, и наступает почти 4-месячное затишье. В это время эскадрон Бартенева перебрасывается в Приморье, где входит в состав организуемого Пластунского полка. Вначале в Приморье прибывает не так много, так как на Китайско-Восточной железной дороге многие пошли на работу в тайгу и, только не выдержав тяжести ее, вернулись обратно. Вследствие этой переброски эскадрон при расколе на гродековцев и каппелевцев оказался в гродековской группе войск, в составе частей генерала Хрущева[519], в которой выделялся своей формой. Зимой 1921/22 года эскадрон участвует в Хабаровском походе, после которого часть корнетов поступает в Корниловское военное училище — в конный взвод, которым командовал ротмистр Бартенев. В составе этого училища они принимали участие в боях под станцией Свиягина, городом Спасском и в последних боях за Приморье. Величая «штурмовые ночи Спасска», красные, понятно, замалчивают тот факт, что юнкерам на бой выдали по 40 патронов, и это было еще хорошо: 1-й Пластунский стрелковый полк 13 октября 1922 года под Монастырищами получил только по 15.

Материально школа была обставлена сносно. Довольствие было достаточное: утром чай с хлебом, обед из 2 блюд, ужин тоже из 2 блюд. С учебной частью дело обстояло не так благополучно: если уставы имелись в достаточном количестве, то тактика, иппология, артиллерия и прочее проходилось по запискам; несколько исправляло положение то обстоятельство, что в составе преподавателей были профессора Академии Генштаба — генерал Христиани[520], Колюбакин[521], Шильников.

Первое время начальником школы был полковник Титов, оренбургский казак, позднее — ротмистр Бартенев. Учебным эскадроном командовал ротмистр Карпенко, младшие офицеры — ротмистр Карнеев, штабс-ротмистр Ляпунов, штабс-ротмистр Кить. (По сведениям корнета N.)

Гардемаринский класс Сибирской флотилии в 1921—1922 годы

Специфические условия Владивостока в 1920 году — наличие японской оккупации, которая смягчалась ревнивым контролем их американцами и англичанами, при существовании местной красной власти, не имевшей ни силы, ни возможности осуществлять свои права, давали возможность противникам большевиков действовать в том или другом направлении. На суше это было образование в Гродекове в июне 1920 года «Отряда войсковой обороны» Уссурийского казачьего войска, на море —

увод старшим лейтенантом Чухниным[522] минного заградителя «Патрокл», 900 тонн, 15 августа 1920 года и уход с ним за границу. Увод произошел следующим образом. «Патрокл» должен был идти по маякам, для службы снабжения. Когда все работы были закончены, грузовые люки были задраены по-походному, приняты уголь, вода и провизия, команда получила время для отдыха перед походом. На борту осталась только очередная вахта и вахтенный начальник, остальные же были уволены на берег. Ночью старший лейтенант Чухнин — сын адмирала Чухнина, с 12 своими сподвижниками ворвался на «Патрокл», поднял пары и вышел в море. У Скрыплева оставшаяся команда была выстроена, и ей было предложено на выбор: или остаться на корабле, или сойти на берег. Часть решила вернуться во Владивосток, их погрузили с вещами на шлюпку и ссадили на берег.

«Патрокл» после этого взял курс на Гензан. Несмотря на то что на корабле был поднят Андреевский флаг, японцы в Гензане отнеслись к нему подозрительно и переменили свое отношение к нему только тогда, когда атаман Семенов заявил, что берет корабль под свою ответственность и на свое содержание. После этого «Патроклу» было разрешено перейти в Нагасаки. После свержения власти коммунистов во Владивостоке, 27 мая 1921 года, «Патрокл» вышел из Нагасаки и пришел обратно в первых числах июня 1921 года.

Во Владивостоке из могущих ходить кораблей была сформирована снова Сибирская флотилия, однако и материальная часть, и внутреннее положение были крайне печальными. Личный состав делился на семеновцев, каппелевцев и умеренных — тех, кто был на службе при красных. Материальное состояние 12 миноносцев, ветеранов войны 1904—1905 годов, канонерской лодки «Маньчжур», буксира «Свирь», минных заградителей «Патрокл», «Улисс», «Магнит», «Батарея», «Взрыватель», тральщиков «Парис» и «Аякс», транспорта «Охотск» и полдюжины катеров было самое печальное: все требовало самого серьезного ремонта, а денег не только что на ремонт, но даже на покупку угля правительство Меркулова не отпускало. Если наши при красных увели «Патрокла», то красным удалось увести посыльное судно «Лейтенант Дыдымов» и «Диомид». Каково было состояние судов еще ходивших, показывает случай с «Батареей»: она была послана в сентябре 1921 года на поимку английского парохода, который вез на Камчатку оружие, закупленное красными, снабжение для партизан и 2 политкомиссаров, которые сопровождали груз. Вне всякого сомнения, только с помощью японской разведки был известен маршрут парохода, а также то, что он зайдет в Хокодате взять воду и уголь. Когда «Ральф Моллер» подошел к порту Мураран, то был опознан, и «Батарея» погналась за ним. Одна-

ко, когда довела ход до 12 узлов, то лопнуло коромысло в машине, пришлось на границе территориальных вод открыть стрельбу, для того чтобы задержать приз. Однако в территориальных водах не удалось захватить груз, и по компромиссному решению японцев груз был продан с аукциона, оружие и обмундирование задержано. Таким образом, капитан 1-го ранга Петровский[523] только отчасти смог выполнить порученную ему задачу.

Все это положение вызывало необходимость сгруппирования некоторого числа молодежи, долженствующей не только поддержать флотилию извнутри, но и создать в будущем какую-то смену офицерскому составу. Поэтому в июне 1921 года старшим лейтенантом Гарковенко[524] была сформирована гардемаринская группа в 12 человек. В состав этой группы вошел один гардемарин Морского училища В. Киркор[525], один окончивший во Владивостоке в 1919 году школу радиотелеграфистов — Лашков[526], остальные были кадеты Омского и Хабаровского корпусов, кончившие корпус в том году.

Эти гардемарины были размещены в казармах Сибирского флотского экипажа. Курс был предположен в 2 года 8 месяцев, то есть нормальный. Одеты гардемарины были во флотскую форму, которая была найдена в складах экипажа. Довольствие во Владивостоке было хорошим, необходимыми учебными пособиями и учебниками были обеспечены, за исключением артиллерийского вооружения, иметь которое в условиях японской оккупации было невозможно. Зимой Сибирская флотилия выставила один бронепоезд на Хабаровский фронт, но гардемарины на нем не служили, и зима прошла в усиленных классных занятиях.

Практическое плавание проходило на канонерской лодке «Магнит», 1200 тонн водоизмещения. Плавание началось 1 мая 1922 года и закончилось 27 марта 1923 года в Олонгпо — Филиппины, когда были произведены экзамены, и 8 апреля 1923 года, когда выдержавшие были произведены в корабельные гардемарины.

Выходя в поход, «Магнит» был нагружен, как Ноев ковчег: в шлюпках были размещены три десятка промысловых собак, на палубе необходимая живность, в носовом помещении и трюме правительственные агенты промыслов и рота морских стрелков — 100 человек, отправленная на подкрепление гарнизона города Петропавловска-на-Камчатке. В задачу «Магнита» входила охрана котиковых промыслов на Беринговых островах от хищников, в первую очередь японских, которые не только выбивали котиков, но, сбрасывая продырявленные банки с нефтью, загаживали лежбища и принуждали котиков селиться на лежбищах, находившихся на юге Курильских островов, в японских водах.

Высадив в Петропавловске морских стрелков, «Магнит» пошел в бухту Провидения, где с великой радостью ссадили промысловых собак, провонявших своим кормом — рыбой — весь корабль. От Анадыря пошли к берегам Аляски — в Ном, откуда вернулись на Беринговы острова, где начали наводить порядок: одна хищническая шхуна была потоплена, другие поспешили убраться подобру-поздорову. Для разбора дела японцы прислали свой крейсер «Ниитака», однако неудачно: к его приходу разыгрался свирепый шторм; «Магнит», успевший отойти от островов, сильно трепало, но все окончилось благополучно. Крейсер же задержался с выходом в море, и его выбросило на берег, при этом так неудачно, что из 400 человек команды утонуло 150.

В то время пришло сообщение об эвакуации Владивостока и приказ о возвращении обратно. Вначале пошли на Петропавловск, где взяли обратно морских стрелков, оттуда пошли на Гензан, в котором соединились с остальными кораблями, и уже вместе пошли на Фузан, а оттуда на Шанхай. После полуторамесячной стоянки в Вузунге, — укрепления перед Шанхаем, — флотилия, ссадив на берег большинство морских стрелков, оба кадетских корпуса и беженцев, пошла дальше на Филиппины, где в Олонгопо и интернировалась. Во время перехода Шанхай—Олонгопо погибло посыльное судно «Лейтенант Дыдымов», у которого во время шторма сорвались котлы, и тральщик «Аякс», разбившийся на каменной банке у Пескадорских островов. На «Лейтенанте Дыдымове» погибло около 30 кадет Омского и Хабаровского корпусов, в числе команды погибли гардемарины Алексей Поляков и Халютин. В Шанхае остались еще 3, так что экзамены сдавали только оставшиеся 7. (Сведения получены от корабельного гардемарина Лашкова.)

Морское училище во Владивостоке

Осенью 1917 года правительство Керенского решило распустить Морское училище. Наличный состав кадет должен был закончить общее образование, старшей роте представлялась возможность закончить курс, 3-я рота гардемарин должна была быть пополнена «демократическим» элементом, в который вошли даже коммунисты, назначенные Центрофлотом Гуркало, Кожанов и Дажин. Эта рота 3 октября 1917 года была направлена во Владивосток, на учебный отряд в составе вспомогательного крейсера «Орел» и миноносцев «Бойкий» и «Грозный». 12 ноября 1917 года отряд вышел в плавание. В Нагасаки, куда пришел отряд, стало известно о перевороте в Петрограде, уже здесь пяти гардемаринам пришлось бежать с корабля по политическим причинам. В Гонконге сре-

ди матросов началось брожение, которое кончилось тем, что команда была разоружена и отправлена во Владивосток. Из матросов остался только один, 20 гардемарин также были списаны и отправлены восвояси. Таким образом, 205 гардемарин уже потеряли 25 соплавателей. Заведующий гардемаринами капитан 1-го ранга Китицын разошелся во мнениях с старшим лейтенантом Афанасьевым и уехал в Японию. Вследствие некомплекта в команде пришлось «Бойкий» сдать англичанам, а «Грозного» французам в Сайгоне. После некоторого времени и «Орел» разоружился в Сайгоне, а гардемарины начали занятия на базе, во французских казармах. Число гардемарин уменьшилось, так как группы гардемарин начали разъезжаться, пробираясь в Россию.

В начале ноября 1918 года в освобожденной от соввласти Сибири военно-морским министром адмиралом Колчаком был отдан приказ о сборе и отправке морских кадет, гардемарин, юнкеров флота и воспитанников Морского Инженерного училища во Владивосток, для организации и начала занятий. 19 ноября 1918 года прибыла во Владивосток из Сайгона первая большая партия гардемарин — 62 человека, таким образом, у капитана 1-го ранга Китицына после чисток осталось 99 гардемарин. Сначала гардемарины размещались в казармах 35-го Сибирского стрелкового полка на Русском острове, затем были переведены в город, в Шефнеровские казармы.

Прибывшая вторая партия гардемарин из Сайгона была профильтрована, и часть была отправлена в военную школу на Русском острове. В конечном результате рота имела 129 гардемарин, которые и начали занятия. Занимались по запискам, так как учебников не было. Только позднее удалось наладить печатание некоторых учебников, таблиц логарифмов в Шанхае Практические занятия легко были организованы в богато оборудованных портовых мастерских. Все внимание было обращено на главные предметы, второстепенные предметы были отброшены, гимнастика, фехтование и спорт проходились постольку, поскольку этого требовала строевая служба.

К апрелю 1919 года был объявлен прием в младшую роту В докладной записке начальник училища так объяснял свое решение: «...Самая большая ценность нынешнего выпуска состоит не только в том, что он даст русскому флоту через полтора года сотню лишних мичманов, а в том, что он сохранит непрерывность морского воспитания, сильный дух, налаженность и порядок... влияние старшего выпуска на новый, это обеспечит преемственность и сохранит с таким трудом добытые результаты...»

В начале апреля 1919 года Морское училище участвовало в освобождении отряда генерала Волкова, окруженного красными в поселке Вла-

димиро-Александровском. Первая попытка, предпринятая незначительными силами, не принесла ничего, кроме ненужных потерь (было убито несколько морских офицеров), и отряд вернулся обратно. Вторая попытка была удачнее, значительные силы — 4 роты Инструкторской школы, рота Амурской флотилии, при 10 пулеметах, гаубице, 2 полевых орудиях, под прикрытием артиллерии с «Свири», «Якута», миноносца «Лейтенант Малеев», — были свезены благополучно на берег, причем десантная партия гардемарин состояла из 70 человек. Десант был свезен в бухте «Находка» и увенчался полным успехом. 19 апреля гардемарины вернулись обратно во Владивосток, чтобы продолжать занятия.

В начале лета гардемаринам был произведен экзамен, после чего они были произведены в старшие гардемарины и назначен был прием в следующую роту молодых людей, кончивших средние учебные заведения, большой контингент которых был из кадет сухопутных корпусов, несколько кадет Морского корпуса, находившихся в Сибири.

Эта младшая рота отправлена была летом на практические занятия на канонерской лодке «Маньчжур», которую вывели из дока и, приведя в порядок, поставили в бухте Новик на Русском острове. Там, под руководством нескольких специалистов, вновь принятые все лето работали по приведению лодки в порядок, и к концу лета старик «Маньчжур» торжественно, под своими парами, вернулся во Владивосток. К «Маньчжуру» (командир старший лейтенант Королев, брейд-вымпел начальника учебного отряда) капитаном 1-го ранга Китицыным был прикомандирован миноносец «Смелый».

Старшая же рота ушла в плавание на других трех судах учебного отряда: «Якут» — старший лейтенант Коренев, «Улисс» — старший лейтенант Винокуров[527] и «Диомид» — лейтенант Иванов. Последние два были ледоколами, которых вытащили из порта, где они стояли у стенки, и привели в порядок.

«Якут» поднялся на север дальше других, дойдя до порта Ном на Аляске. Это первый раз воспитанники Морского корпуса совершали учебное плавание на север, причем путь их был в направлении плавания Беринга. Условия плавания были тяжелые. Погода была бурная, и ледоколы сильно валяло. Несмотря на лето, было холодно, и теснота была большая, особенно на «Якуте», где гардемарины были сверх нормального комплекта команды и должны были помещаться в трюме, где для спанья были устроены так называемые «гробы». Гардемарины были везде разбиты на две группы: строевую и штурманскую. Последняя была занята исключительно практикой навигации, астрономии и морской описи. Заведывавшие этим морские офицеры, хотя и совершенно разные по характеру,

были фанатиками своего дела и блестящие штурмана: «Якут» — лейтенант Рыбин, «Улисс» — лейтенант Цветков, «Диомид» — мичман Троян[528] — настолько высоко поставили обучение, что встретившаяся с учебными кораблями гидрографическая партия для описи берегов, под начальством полковника корпуса гидрографов Давыдова[529], воспользовалась для себя работами гардемарин.

В середине плавания группы переменились, и с «Якута» было послано 8 человек из окончивших штурманские занятия сменить на «Маньчжуре» 8 инструкторов, назначенных в младшую роту. Однако последним не удалось добраться до «Якута». Спускаясь по Амуру, чтобы попасть на нужный пароход, они были атакованы красными партизанами, переранены, и один из них — Виктор Татаринов — скончался от ран. С опозданием остальные 7 прошли свое плавание на «Диомиде». В самом конце октября обе роты вернулись во Владивосток, в помещение училища. К этому же времени, в качестве автономного отделения 2-й роты, были приняты 25 чехословаков, — старшина капитан Оденгал, — в большинстве бывшие студенты, пожелавшие изучить морское дело для будущего чехословацкого флота. Они старательно занимались и несли службы наравне с гардемаринами. Расстались с Морским училищем уже в Сингапуре после экзаменов, получив дипломы.

К осени 19-го года деятельность Морского училища достигла своего расцвета. Летом через Владивосток проехало много морских офицеров, и начальник училища смог пополнить офицерский состав, что было необходимо при развертывании в две роты. Командиром младшей роты был назначен старший лейтенант Королев, а в старшей роте мичмана Скупенского заменил старший лейтенант Бунин. В младшую роту были назначены «капралы», и занятия начались. Но с неудачами на фронте местные красные подняли голову, и гардемаринам приходилось часто спать одетыми и, не расставаясь с винтовками, сидеть в классах в полном походном снаряжении, нести караулы и патрули и проводить иногда целые дни в разнообразных военных операциях, по усмирению восстаний Гайды и др., ничего общего с флотом и учением не имеющими. К декабрю месяцу вернулись во Владивосток, наконец, из-за границы миноносцы «Бойкий» и «Грозный» и крейсер «Орел».

В половине января 1920 года, после того как взбунтовалась инструкторская школа на Русском острове, — генерала Нокса, — во всем Приморье единственными надежными частями остались Морское училище и Военно-Морская учебная команда — 70 матросов под начальством капитана 2-го ранга Потолова. Рассчитывали еще на Юнкерское артиллерийское училище на станции Раздольная. Но два взвода гарде-

марин, посланные с офицером для установления связи и привода юнкеров во Владивосток, вернулись с извещением, что на эту часть как на боевую единицу рассчитывать нельзя.

Тогда контр-адмирал Беренс[530] приказал начальнику училища капитану 1-го ранга Китицыну сформировать отряд судов особого назначения из всех способных двигаться кораблей Сибирской флотилии, исключая миноносцы. Удалось захватить только «Орел» и «Якут», да ледокол «Байкал». Эвакуация была решена. Морское училище и Военно-Морская учебная команда погрузились на корабли, гардемарины снова заняли свои посты по всем специальностям. На миноносцах были сняты замки с орудий — во избежание сюрпризов. На корабли было взято около 500 человек флотилии с членами их семейств, но с выходом в море еще медлили. Обстановка была сложной. Помимо несогласия между морским и сухопутным командованием, на Владивостокском рейде стояла эскадра союзников, которая вела двойную игру. Они не хотели разрешить отхода отряда из Владивостока. Американцы прямо угрожали открыть огонь в случае выхода русских кораблей. Только личное вмешательство японского флагмана вице-адмирала Кавахара разрешило вопрос.

Ночью с 30-го на 31 января контр-адмирал Беренс прибыл на «Орел» и дал приказ об эвакуации. В 5 часов утра ледокол «Байкал», ломая лед, начал выводить «Орла» и «Якута» из Золотого Рога. Американский крейсер «Бруклин», наведя орудия и прожекторы, начал угрожать открыть огонь, но японский броненосец «Миказа» сыграл боевую тревогу и, в свою очередь, навел орудия и прожекторы на «Бруклин». Отряд судов, увеличивая скорость, прошел мимо обоих кораблей к выходу из Золотого Рога. Следующая большая опасность — батареи Русского острова, но они не проявили признаков жизни. Ледокол «Байкал», пожелав счастливого плавания, вернулся затем во Владивосток. Так вышли из Владивостока «Орел» и «Якут» и направились в Цуругу, имея небольшой запас свежей провизии, довольно много консервов и сухой провизии, нормальный запас угля, а в кассе — остатки расходных сумм училища, которые удалось обменять перед уходом на валюту и 10 000 иен, личный подарок японских морских офицеров с «Миказы».

В Цуруге съехали на берег эвакуированные офицеры и их семьи, контр-адмирал Беренс, капитан 2-го ранга Потолов, несколько офицеров училища и несколько гардемарин. Оставшиеся были сведены в 3-ю кадетскую роту — 60 человек, а всего на кораблях осталось 40 офицеров и 250 кадет и гардемарин. Из Цуруги суда пошли до Моджи, а оттуда на Гонконг и на Сингапур, в котором корабли стали в док на починку. В Сингапуре 1-я рота закончила экзамены, и 11 апреля 116 старших гар-

демарин были произведены в корабельные гардемарины. Взяв фрахты на Калькутту, двинулись туда. По выходе из Калькутты корабли разделились: «Якут» с 3-й ротой пошел на Цейлон, а оттуда на Порт-Саид. На этом переходе «Якут» ставил паруса и довел свой ход порой до 10 узлов. «Орел» пересек океан напрямик.

В Порт-Саиде застряли надолго, потому что агент Добровольного флота, поддержанный нашим консулом, требовал передачи «Орла» обратно Добровольному флоту, вследствие чего английские власти не давали разрешения на выход из порта. Капитан 1-го ранга Китицын тогда поставил ультиматум Верховному английскому комиссару в Египте: если через 36 часов не будет дано разрешение на выход из порта и все необходимое, то корабли будут введены в канал и там затоплены поперек него. Через несколько часов англичанами было предоставлено все необходимое и, в начале августа, наши корабли вышли из канала, и взяли курс на Дубровник — Югославия, — куда и пришли 12 августа.

В Дубровнике, по приказу Штаба флота в Севастополе, «Орел» был передан обратно Добровольному флоту, а «Якут» со 111 гардемаринами направился в Севастополь, куда и пришел за пять дней до начала эвакуации Крыма — 27 октября 1920 года. Прочие остались в Югославии.

За весь переход Владивосток—Севастополь был потерян только один человек — корабельный гардемарин Ландышевский, умерший от отравления испорченными консервами. 49 гардемарин, ушедших в Крым, были произведены генералом Врангелем в мичманы на переходе из Севастополя в Константинополь.

Николаевская военная академия

Николаевская военная академия была основана в 1832 году. До 1914 года занятия в академии не прерывались. При начале войны 1914—1918 годов, когда на Россию ее союзниками была возложена почти вся тягость войны, академия прекратила занятия, а весь личный состав занял или строевые, или штабные должности. Спустя два года выяснилась вся невыгода этого положения, и в 1916 году академия снова начала занятия — теперь при уже сокращенном курсе: вместо двух лет курс был сжат на 8 месяцев. В январе 1917 года первый, после перерыва, выпуск в числе 240 офицеров закончил занятия, и был произведен второй прием, который закончил курс в 1917 году.

При занятии Риги и движении немцев на север, академия была переброшена в Екатеринбург вместе с офицерами, обучавшимися на третьем ускоренном курсе. Все были размещены там в здании епархиального

училища. После экзаменов слушатели, в конце апреля 1918 года, были переведены на старший курс. На младший курс были присланы слушатели из Красной армии, из которых два-три процента имели высшее образование, около десяти среднее, а остальные были только грамотными людьми, которые и свою-то фамилию подписывали с трудом.

На запрос начальника академии генерала Андогского, что ему делать с этими слушателями, военнарком товарищ Троцкий ответил, что он должен был это сделать... «а там они или сами уйдут, или вы их отчислите за неуспеваемость, так как они не будут в состоянии осилить самых простых понятий...». Между прочим, в числе отчисленных вскоре оказался и знаменитый Чапаев.

При выступлении, в конце мая 1918 года, белых организаций и чехословацкого корпуса, младший курс был закрыт, а слушатели его были отправлены по своим частям. Когда Екатеринбургу стала угрожать возможность перехода в руки белых и чехов, академия получила приказ эвакуироваться через Казань в Москву. Часть слушателей, имевших возможность скрыться в Екатеринбурге, скрылась, большинство выехало в Казань.

Быстрое движение полковника Каппеля и чехов к Казани не позволило красным эвакуировать ни военные склады, ни золотой запас. Конечно, они если не забыли, то не имели в своих планах отправить академию в одну из первых очередей, но кто-то из «начальства», дабы состав академии с его сомнительной надежностью или, скорее, полной ненадежностью для советской власти не достался контрреволюционным силам, приказал личный состав «ликвидировать». Был послан отряд латышей для ликвидации, но на пути встретил взвод белых, был разбит и бежал.

Из Казани, выделив 15—20 слушателей старшего курса на должности офицеров Генштаба для организуемых новых частей в городе и в отряд полковника Каппеля, академия с остальным составом эвакуировалась (42 слушателя и кадр), охраняя по пути до Самары золотой запас. До конца 1918 года находилась в Омске, а затем кадр был переброшен в город Томск. В Омске все слушатели старшего курса были распределены во вновь создаваемые штабы армий, корпусов и дивизий.

По переезде в Томск кадр академии получил приказание начать работу. Из частей были откомандированы 200 офицеров для слушания курса, и занятия начались. Академия разместилась в «Доме Науки», на Магистерской улице. Так как Армейское командование все время требовало офицеров Генерального штаба — курс наук был сжат до предельной возможности — шести месяцев. Занятия начались в декабре 1918 года и закончились в мае 1919 года, когда ста пятидесяти офицерам были выданы аттестаты, а остальные, по разным причинам, были

отчислены к своим частям. Этот четвертый выпуск характерен тем, что в слушатели были приняты уже офицеры, окончившие ускоренные выпуски военных училищ. Первые же три выпуска имели в своем составе только офицеров, закончивших обучение в военных училищах, до начала войны 1914—1917 годов.

Первый выпуск комплектовался офицерами, выдержавшими экзамен в академию Генерального штаба до войны, и, прослушав 4-месячный курс, младший был возвращен в свои части с обязательством пройти старший курс позже. Второй прием прослушал весь курс сразу, а третий был составлен из слушателей первого приема.

Первое время начальником академии был профессор генерал-майор Андогский, позже его сменил профессор генерал-лейтенант Колюбакин. Лекции читали: генерал-лейтенант Колюбакин — История военного искусства, генерал-майор Андогский — Оперативная служба Генштаба и Общая тактика, генерал-майор Рябиков[531] — Разведочная служба Генштаба, генерал-майор Иностранцев[532] — Стратегия, генерал-майор Медведев[533] — Военная статистика, генерал-майор Христиани — Администрация, генерал-майор Коханов[534] — Военно-инженерное искусство, полковник Сыромятников — Тактика артиллерии, полковник Слижиков — Тактика пехоты, полковник Смелов[535] — Тактика конницы, полковник Кияшенко[536] — Геодезия и другие.

Закончившие курс офицеры были отправлены для замещения вакантных должностей офицеров Генерального штаба в войсковых и армейских штабах. Наступившие события вызвали переброску академии во Владивосток, где она и была размещена в казармах 3-го Сибирского стрелкового полка на Русском острове, где и находилась до конца октября 1922 года, когда была начата эвакуация, в результате которой большая часть кадра оказалась за границей, а материальная часть осталась нераспакованной на складах. Исключительная бездарность меркуловского правительства и политиканство военных руководителей, в период 1921—1922 годов, привели к тому, что кадры академии не были использованы и сидели безработными ртами, на армейском скудном довольствии. (Сведения получены от полковника Генштаба М.В. Смирнова[537] и из других источников.)

Русское военное училище в Китае

В 1925 году правитель Маньчжурии маршал Чжан Цзо-лин воевал с коалицией маршалов Среднего Китая, во главе которой стоял маршал У Пей-фу. Командующий Восточным районом Маньчжурии генерал

Чжан Зун-чан, имевший свой штаб на станции Пограничная Восточно-Китайской железной дороги, на границе Китая с Приморьем, за долгие годы пребывания на этом посту был тесно связан с русскими военными и гражданскими властями. Он относился с большим уважением и симпатией к белым русским и, когда в Приморье произошел крах государственной власти, пригласил к себе советником бывшего министра Приморья — Н.Д. Меркулова, а в свою армию — инструкторов: пулеметчиков, кавалеристов и других военных, а также и гражданских специалистов по разным отраслям.

В начале войны с внутренним Китаем маньчжурский диктатор назначил командующим фронтом генерала Чжан Зун-чана, который пригласил генерал-лейтенанта Константина Петровича Нечаева[538] в качестве военного советника. Образовалась русская группа войск, дошедшая до следующего состава: пехотная бригада — 2 полка, кавалерийская бригада — 2 полка, отдельные инженерные роты, дивизия броневых поездов и отдельная воздушная эскадрилья. Кроме того, не входящая в состав группы конвойная сотня — личная охрана маршала Чжан Зун-чана в составе 120 шашек при 5 офицерах.

При помощи русских, закончивших свою гражданскую войну и охотно откликнувшихся на чужую, генерал Чжан Зун-чан завоевал Пекин, Тянцзин — столицу провинции Чжили, Цинанфу — столицу провинции Шаньдун, и Циндао. Став тупаном этих провинций и маршалом, он заключил союз с тупаном пяти центральных провинций Сун-Чуан-фаном и дошел русскими частями до города Шанхая.

С развитием боевого успеха на фронте Н.Д. Меркулов начал подготавливать формирование Военного училища для русской молодежи, и, когда маршал Чжан Зун-чан взял провинцию Шаньдун и объявил ее столицу Цинанфу своей резиденцией, вышел приказ о сформировании «Шандунского инструкторского офицерского отряда» (перевод с китайского приказа) в составе четырехвзводной роты для русских с производством в офицеры в будущем, по окончании наук.

Намечавшийся вначале курс в полгода, потом в год, окончательно определился в двухгодичный по программе обучения военных училищ мирного времени, преподавателями и строевыми офицерами были генералы, штаб- и обер-офицеры русской армии.

Юнкерами зачислялись молодые люди, как окончившие среднеучебные заведения, так и не закончившие, но имевшие не меньше 5 классов гимназии или реального училища. Все носили китайскую форму и состояли в китайских чинах и званиях, жалованье получали в серебре, как офицеры, так и юнкера, — повышенное против китайцев. Училище имело определенные кредиты, на которые довольствовалось, одева-

лось, обучалось, обувалось, приобретало всевозможные учебные пособия и содержало весь штат.

Через училище прошло 500 человек русской молодежи, закончили: первый выпуск в 1927 году 43 человека, в 1928 году, второй выпуск, — 17. После первого выпуска начальник Российской Духовной Миссии в Китае митрополит Пекинский и Китайский Иннокентий предложил маршалу Чжан Зун-чану отправить в училище, для получения военного образования, албазинцев. Их в училище поступило 60 человек, образовавших отдельную полуроту, под командой капитана Уварова.

Специально для первого выпуска маршалом Чжан Зун-чаном был сформирован Особый полк из всех трех родов оружия, в котором должности младших офицеров заняли молодые подпоручики. Командиром полка был назначен полковник Квятковский — ротмистр Приморского драгунского полка русской службы, помощником — полковник Шайдицкий[539]. Полк состоял из трех батальонов: стрелкового — три роты, технического — рота пулеметная, бомбометная и гренадерская, сводного — эскадрон, батарея и саперная рота.

В 1928 году, при начале краха, Особый полк был выведен и его русские солдаты и офицеры спасены. В это же время командир роты училища, полковник И.В. Кобылкин, после бегства начальника училища — русской службы полковника Генштаба З., — стал во главе училища, вывел его из общей неразберихи и благополучно разоружился на территории Маньчжурии. С ликвидацией японцами маршала Чжан Цзо-лина предательски был убит и маршал Чжан Зун-чан. Русская группа войск распалась, понеся огромные потери. Закончило свое существование и русское военное училище — с малыми потерями.

Юнкерская рота 65-й дивизии

Стремление русских людей к борьбе с оккупационной советской властью приводило иногда к тому, что их чувствами пользовались разные политические спекулянты для своего личного устройства и обогащения.

Таким, после крушения Приморья, оказался Н. Меркулов. Устроившись политическим советником к генералу Чжан Зун-чану, он стал стремиться к упрочению своего влияния путем создания воинской силы из русских, которая помогла бы маршалу Чжан Цзо-лину и генералу Чжан Зун-чану приобрести богатые и доходные провинции. А так как, на юге Китая, китайский Ленин — Сун Ят-сен — на деньги компартии готовил поход для захвата их в свои руки, то понятно, что сопротивление ему приобрело известный идейный смысл.

Почему части из русских оказались именно у Чжан Зун-чана, объясняется тем, что этот генерал в прошлом, во время Русско-японской войны, вместе с многими другими хунхузскими старшинами, обслуживал нашу разведку, и за это, кроме денег, ему был дан чин штабс-капитана. Фотография Чжан Зун-чана в форме русского офицера среди подчиненных ему хунхузов висела на почетном месте в его кабинете. Он был чрезвычайно умен, довольно хорошо говорил по-русски, и все это, вместе взятое, и послужило основанием тому, что в его войсках были сформированы части из русских: 104-й и 105-й полки русских добровольцев, правда не очень большие — штыков по 500, два конных полка, шашек по 300, дивизион бронепоездов — 6 поездов, полки с русским кадром — 107-й, 108-й и 109-й, Военное училище, инженерные роты и эскадрилья самолетов.

В марте 1925 года при штабе 63-й дивизии была сформирована Комендантская команда, в которой оказалось большинство молодежи со вполне или не вполне законченным средним образованием. В июне они все были выделены в Отдельную юнкерскую роту, командиром которой был назначен русской службы полковник Н.Н. Николаев, одновременно рота была переведена в город Цинанфу. Постепенно, при помощи посылки вербовщиков в Харбин, состав роты был увеличен и дошел до 87 человек, которые и вышли на фронт осенью 1925 года. При выходе на фронт произошла смена командира роты, ее принял капитан Русин[540], известный тем, что в 1918 году перешел к нам от красных со своей дивизией и тем значительно облегчил взятие Перми. Несмотря на эту заслугу, он не был продвинут по службе и так и остался до конца капитаном.

В то время генерал Чжан Зун-чан воевал с маршалом Чан Кай-ши, который опирался на помощь и на советников Советского Союза. Боевая служба роты началась боем под железнодорожной станцией Фуличжи, затем рота участвовала в больших боях за обладание Пекином, Нанкином, Суджафу, железнодорожной станцией Фынтай и т. д. Боевое счастье сопутствовало роте, убиты были только младший офицер роты полковник Штин и юнкера Скрябин, Мозалевский и трое других, фамилии которых не удалось выяснить. Но, кроме боевого счастья, помогала роте и основательная выучка, так как до выхода на фронт рота усиленно занималась как строевыми занятиями, так и теоретическими. Правда, научная сторона не могла быть поставлена прочно из-за отсутствия учебных пособий, почему преподавание велось по кратким запискам.

Осенью 1926 года, после годичной боевой практики, юнкера были произведены в подпоручики и большей частью вышли в добровольче-

ские полки 104-й и 105-й, меньшая часть вышла в рядовые полки — 107-й, 108-й и 109-й.

Одеты были юнкера в китайскую форму, которую нужно было приобретать на свой счет. Довольствие было отличное, так как командиры русских частей избегали делать экономию из довольствия своих подчиненных. Размещались, за отсутствием казарм, по частным домам, школам или кельям монахов при кумирнях. Большие затруднения были с обувью — сапогами, поэтому обычно все носили обмотки и китайские туфли. Жалованья получалось — 11 долларов рядовым, выплачивалось оно своевременно только в спокойное время, во время боев бывали задержки по два-три месяца. Но случалось и так, что выплачивалось двойное жалованье, это бывало тогда, когда нужно было брать какой-либо город, где ожидался большой «фацай» — военная добыча, от противника и жителей. В этом случае бригадный генерал объявлял перед фронтом: «Ваша город бери — наша деньги давай».

Мораль вербованной армии Китая того времени, лишенной идеи, ведшей бои за мелкие и корыстные интересы своих маршалов, обираемой своими строевыми начальниками и на жалованье, и на довольствии, — не могла быть высока. Это, естественно, отозвалось и на душевном состоянии русских добровольцев. Они увидели, особенно после ранения начальника дивизии генерала Нечаева, — когда Н. Меркулов объявил себя начальником дивизии и непокорных ему офицеров не только арестовал, но и приказал старого боевого офицера полковника Карлова приковать за горло, на цепь к стене тюрьмы, — что являются слепым орудием в руках наглого спекулянта; как следствие, в полках началось разложение: пьянство, картежная игра и самоубийства. Вне всякого сомнения, что большие боевые потери — в Цинанфу на кладбище похоронено около двух тысяч убитых, или половина всех добровольцев, — также содействовали этому разложению; они усиливали чувство обреченности, появившееся во второй половине Хабаровского похода под влиянием огромных потерь и отсутствии каких бы то ни было пополнений.

Но на этом фоне юнкерская рота резко выделялась своим моральным обликом среди всех остальных добровольцев. В ней отсутствовали не только внешние признаки разложения, но и внутренние причины его, так как юнкера оказались наиболее невосприимчивыми и не очень-то прельщались ни «фацаем», ни пьянством, ни карточной игрой. Характерным отличием комплектования роты было то, что все время целиком она была сформирована из жителей Харбина, — вся линия Восточно-Китайской дороги не дала никого.

Послесловие

По времени формирования военные училища на восток от Волги можно разбить на три периода: училища Оренбургское, Хабаровское, Читинское, Морское, инструкторские школы Тюменская и на Русском острове во Владивостоке и Уральская школа прапорщиков (самотеком) — до января 1919 года. Второй период, когда военно-учебные заведения формируются по распоряжению Военного министерства: училища 1-е артиллерийское, 2-е артиллерийское техническое, инструкторские школы в Екатеринбурге, Челябинске (пехотная и кавалерийская), Иркутское, Томское военные училища — в мае—июне 1919 года. Последний период — октябрь 1921 года: Корниловское училище во Владивостоке, Гардемаринские курсы Сибирской флотилии и заграничные формирования: Шандунское училище и Юнкерская рота 65-й дивизии Китайской армии — опять-таки частный почин местных начальников.

Случайность формирования, бессистемность, непродуманность, отсутствие понимания задач и целей приводили, как правило, к тому, что выпуски производились уже тогда, когда армия, в сущности, в офицерах не нуждалась и они становились рядовыми бойцами. Сделаны вовремя только выпуски: школы на Русском острове — 15 февраля 1919 года, Оренбургского училища — 3 июля того же года, в августе Хабаровского училища (21 юнкер) и сентябре — Екатеринбургской школы. Единственно правильной и продуктивной можно считать работу Тюменской школы, впоследствии развернутой в 16-ю Сарапульскую дивизию. Уже первый выпуск школы на Русском острове разсыропливается по трем дивизиям, которые, не имея хорошо сбитых кадров, оказались малобоеспособными и дали большой процент перебежчиков к красным.

Как строевые части, военные училища оправдывают надежды, возлагаемые на них: поведение юнкеров в бою безукоризненно. Половина юнкеров-челябинцев, выполняя задачу, гибнет в бою, но училище не отходит. Такую боеспособность во всех армиях проявляли не многие части. Екатеринбургская школа, в течение двух месяцев, от 13 июля 1919 года, — единственная надежда и опора Сибирской армии. Оренбуржцы и иркутяне гибнут, вследствие измены и бегства командующих ими генералов, школа на Русском острове является оплотом Владивостока, пока позорное поведение ее начальника не приводит ее к бунту. Читинское училище, выходя дважды на фронт, оправдало возлагаемые на него надежды. 1-е Артиллерийское и 2-е Техническое гибнут, вследствие предательства генерала Розанова. Екатеринбургская школа, Томское во-

енное училище и Челябинская кавалерийская школа — единственно боеспособные части прикрывающие с тыла движение беспорядочной орды, в которую превратились войсковые части после оставления нами Ново-Николаевска и Томска.

Понимания, что военные училища являются политическим оплотом режима, не было. В одних городах — Томск, Иркутск, Владивосток — сбиваются по два училища, другие, как Красноярск, остаются без военных училищ — это облегчает задачу эсеров по захвату этого города, в результате чего 60 тысяч человек попадают в плен к красным.

Военное напряжение, при внутренней борьбе, можно определить числом юнкеров в военных училищах. На Востоке оно было невелико, по сравнению с тем, что можно было бы получить от Сибири, Урала и Поволжья. Всего, до конца 1920 года, военные училища и школы прошли около 6500 юнкеров.

Техническая нищета сказывалась не только в отсутствии материальной части, но и в самой мысли о применении боевых машин на поле боя: военные училища имеют только два инженерных взвода, давших один выпуск: Оренбургское — 80 человек и Читинское, в двух выпусках, — 15 и 9, итого 24 подпоручика. Инженерные взводы не имели для обучения ни бронеавтомобилей, ни танков. Что делала, сколько и как готовила Гатчинская авиационная школа, размещенная в городе Спасске — Приморье, — неизвестно, занималась же она до октября 1922 года, когда имела для полетов полдюжины годных самолетов.

Эту прореху инженерного дела пытался как-то залатать генерал Нокс, который в инструкторских школах имел 2-е роты, которые изучали саперное дело, 3-и роты — связь, 4-е — автомобильное дело. Что можно было изучить в течение 4 месяцев, как это дело было поставлено, что оно дало — неизвестно. Материальная часть или была незначительна, или вовсе отсутствовала.

Несколько лучше было поставлено дело с артиллерией. Оренбургское училище в первом выпуске (июль 1919 года) дало 60 подпоручиков, Читинское, в двух выпусках (январь и сентябрь 1920 года), — 42 и 53, 1-е Артиллерийское дало в январе 1920 года — 200, и должно было дать около 150 2-е Артиллерийское Техническое. Но и здесь, как видно, не имелось ничего, что бы указывало на правильную основную идею, на постановку дела на разумных началах: при явной необходимости подготовки пополнения офицерского состава артиллерии было бы проще свести батареи Оренбургского и Читинского училищ в трехбатарейные дивизионы, при одном Оренбургском училище. Омск, как правило, увлекается широтой размаха и не думает о практических потребностях текущего момента.

Кавалерийские училища, сотни и эскадроны училищ также ничтожны: сотня и эскадрон Оренбургского — 150 юнкеров, 80 юнкеров Челябинской школы, сотня Читинского, давшего, при трех выпусках, 140 хорунжих и Хабаровское — 21 хорунжий — это все, что было создано для пополнения казачьих и кавалерийских частей. При этом нужно помнить, что сотня и эскадрон оренбуржцев, в Иркутске, имели лошадей что-то около трех десятков. Если могли быть затруднения с инженерной материальной частью, с пушками, то отсутствие лошадей у юнкеров кавалерийских училищ полностью ставит вопрос о личности и деятельности начальника училища и его заведующего хозяйственной частью.

Бесчисленны могилы смертью венчанных чинов армий Сибири, Урала и Поволжья; на их безвестные могилы, среди которых и могила моего отца, подполковника Петра Ивановича Еленевского[541], этой работой я благоговейно возлагаю наш венок.

Раздел 4

П. Варнек[542]

ПОХОД В БИЗЕРТУ[543]

Вечером 4 ноября 1920 года «Генерал Алексеев» встал на якорь на рейде Мода, при входе в Мраморное море. Кругом стояло 141 судно самого разнообразного типа, начиная от боевых кораблей и кончая землесосами, плавучими маяками и катерами, которые, имея расшатанные машины и текущие котлы, лишь с помощью Николая Угодника смогли пересечь Черное море. На них, не считая команд, находилось 130 тысяч русских людей, не пожелавших остаться у красных. Скученность на судах была невероятная; было много случаев, что солдаты по тем или иным причинам падали за борт и течение уносило их в сторону моря. Со стоявшего среди транспортов «Алмаза» моментально высылался вельбот с гардемаринами, которым удалось спасти нескольких таких неудачников.

Через несколько дней по приходе в Константинополь вице-адмирал Герасимов вступил в исполнение обязанностей директора корпуса. Контр-адмирал Ворожейкин, генерал-майор Завалишин, капитан 2-го ранга Подашевский и некоторые другие офицеры и преподаватели покинули корпус.

На «Алексееве», как и на прочих судах, ввиду большого числа пассажиров, было очень трудно наладить питание. Хлеба не было, ели консервы и получали по несколько картофелин раз в день. Было голодно. В этой обстановке прошло 6 ноября, отмеченное торжественным молебном на юте. Хозяйственная часть хотела полакомить воспитанников хорошим обедом, но, к сожалению, отведенные для нужд корпуса и стоявшие на палубе походные кухни не были рассчитаны на такое количество ртов, и многие, удовлетворившись лишь запахом баранины, ели противную камсу в рассоле и самодельные лепешки. Жизнь на незнакомом корабле с тем-

ными коридорами и бесчисленными горловинами не обошлась без инцидентов. В угольную яму провалился капитан 1-го ранга Берг, к счастью безболезненно, но в Константинополе кадеты Е. Варнек[544] и Кулябко-Корецкий[545] спросонья упали в люки и сильно расшиблись.

Вместе с тем эскадра готовилась к дальнейшему походу в Бизерту. Войска и беженцы покидали корабли и переселялись в лагеря. 26 ноября по новому стилю бывшие с капитаном 1-го ранга Кольнером на «Алмазе» гардемарины были переведены на «Алексеев». Дальше крейсер должен был идти на буксире.

В Константинополе эскадра перешла на новый стиль. Далее все даты даны по новому стилю. В Золотом Роге стояло учебное судно Мариупольского мореходного училища «Свобода», бывшая «Великая кн. Ксения Александровна», построенная в 1904 году Сормовским заводом 697-тонная баркантина, с вспомогательной паровой машиной и, для практики учеников, с двумя различными котлами. Большая жилая палуба давала возможность поместить до ста человек экипажа. Всю войну судно простояло в Пирее и было в запущенном состоянии, но паруса были налицо и такелаж в относительном порядке. Желая дать корпусу учебное судно, «Свобода» была зачислена в эскадру. Ее официальное название до прихода в Бизерту оставалось «Свобода», но в частном обиходе ее обыкновенно называли «Ксения». Командиром учебного судна был назначен хороший штурман, старший лейтенант А.Г. Рыбин, старшим офицером — пылкий и кипящий энергией Г.А. Мейрер (выпуск 1917 года), произведенный в лейтенанты на Сибирском фронте за боевые отличия на Волге; вахтенным начальником мичман Е.С. Скупенский. Эти три офицера, совместно с лейтенантом Е.И. Нифонтовым[546] и корабельными гардемаринами В.С. Скупенским и П.К. Одишариа[547], списались в Порт-Саиде с «Якута» и на пароходе в августе 1920 года прибыли в Крым.

Офицерский состав пополнился старшим штурманом лейтенантом Ромушкевичем[548], принадлежавшем к Черноморскому флоту, и двумя мичманами, Сперанским[549] и Морошкиным[550].

7 декабря вторая рота была переведена на учебное судно. Капитан 1-го ранга Кольнер сопровождал роту, но управление судном и судовая жизнь не входили в его ведение. При нем находились лейтенанты Запольский и Жук[551]. Корабельный гардемарин Чайко[552], настоящий «марсофлот», был назначен боцманом, 9 корабельных гардемарин и 11 младших гардемарин с «Якута» дополнили экипаж.

Три гардемарина второй роты и три корабельных гардемарина были посланы для связи на сопровождавшие эскадру французские суда. «Сводная рота» была собрана на «Якут». Семьи чинов корпуса и не-

сколько преподавателей перешли на пассажирский пароход «Великий князь Константин», который первым русским кораблем пришел в Бизерту 21 декабря. На «Алексееве» остался директор корпуса с прочими офицерами, кадетская рота, лазарет, часть персонала и все имущество.

Вшивые, изголодавшиеся, в грязных и порванных при различных погрузках френчах, но гордые сознанием исполненного до конца долга, явились на «Ксению» севастопольские гардемарины. Они радовались, что удалось вырваться из вавилонского столпотворения «Алексеева» и получить свое собственное судно. Но с первых же шагов по новой палубе настроение испортилось. Замечания за плохую выправку и наказания посыпались как из рога изобилия. Парусами заведывали корабельные гардемарины. Трое из них и несколько гардемарин составили машинную команду.

Два дня с лихорадочной поспешностью приводили судно в порядок, сгружали какое-то старое железо, мыли и скоблили грязь. 10 декабря в 8 часов утра, «подняв» ручным брашпилем якорь, подали буксир на канонерскую лодку «Страж» и совместно с «Якутом» и канонерской лодкой «Грозный» (начальник дивизиона), составлявших 2-й дивизион 2-й группы судов, вышли в море. Вторая группа (флагман контр-адмирал Остелецкий на «Алмазе»), составленная из малых судов, должна была следовать Коринфским каналом в бухту Аргостоли на остров Кефалония. «Генерал Алексеев» и другие суда направились кругом мыса Матапана в Наварин и оттуда в Бизерту.

На переходе «Ксения» продолжала вытягивать такелаж и по очереди, для проверки и учений, ставила паруса. 13 декабря, когда дивизион подошел к проливу Доро, задул сильный ветер, ставший противным после поворота в Коломаки. «Страж» едва выгребал и просил «Ксению» помогать машиной, но она сделать это не могла из-за какой-то неисправности. В полночь французский конвоир, авизо «Бар ле Дюк» наскочил на камень у острова Доро и затонул. 1 декабря дивизион проходил Коринфский канал и, выдержав шторм в Ионическом море, утром следующего дня пришел в Аргостоли. Здесь суда, насколько могли, чинились и грузили с транспорта «Форос» уголь. При помощи шлюпок брали воду в реке, но по пути к судну заходившая на рейд волна захлестывала наполненные шлюпки и вода поступала полусоленая, отвратительная для питья. «Ксения» производила на якоре парусные учения и 21 декабря вышла на внешний рейд совершать эволюции. Повороты оверштаг не выходили, и, чтобы перейти линию ветра, командир давал машиной «малый вперед». Приказания в общем исполнялись быстро, но были и промахи. Никто не был знаком

с особенностями этого судна, известного в Черном море как плохого парусника, к тому же не имевшего своего добавочного свинцового балласта, выгруженного во время войны. На обратном пути паруса были убраны и на место дошли машиной. Несмотря на такой неважный опыт, в штабе было испрошено разрешение «Ксении» идти дальше самостоятельно под парусами.

23 декабря, после обеда, неожиданно на катер пришел контр-адмирал Машуков и, быстро осмотрев судно, приказал сниматься с якоря. Быстро взбежали по вантам марсовые, и «Ксения», распустив свои белые крылья и накренившись, вышла в открытое море по направлению к острову Занте. Брошенный лаг показал скорость 9 узлов. «Поворот оверштаг», — приказал адмирал; заполоскали кливера, бизань-шкот выбран в тугую — судно дошло до линии ветра и остановилось. Командир незаметно нажимает на ручку машинного телеграфа, но с крыла мостика раздается: «Командир, оставьте машину в покое». Четыре раза поворот не удавался. Наконец, забрав ходу, судно быстро перешло на другой галс. Удачно повторив маневр, адмирал приказал возвращаться, и в 21 час «Ксения» встала на якорь.

Разрешение на самостоятельный переход все же не было дано. На следующий день, встреченный всеми воинскими почестями, на «Ксению» прибыл Командующий флотом. После осмотра судна был прочитан приказ Главнокомандующего о производстве 49 корабельных гардемарин в мичманы. Поздравив бывших на судне с производством, вице-адмирал Кедров произнес речь о роли офицера как воспитателя, говоря, что создавшиеся на судне взаимоотношения неправильны, что гардемарины не должны рассматриваться лишь как рабочая сила и их надо учить. «Вы сделайте так, чтобы гардемарины вспоминали это плавание с удовольствием и относились к судну с любовью», — закончил адмирал.

По причине неисправности машины «Стража» следующий переход «Ксения» должна была совершать на буксире «Корнилова», уходившего последним. 25 декабря в 17 часов «Ксения» снялась с якоря и под своей машиной вышла на внешний рейд. Через три часа подошел крейсер и были поданы буксиры. На следующий день, воспользовавшись попутным ветром, на судне поставили все паруса, которые к ночи были убраны. 28 декабря на траверзе Пантелярии при свежем противном ветре лопнули буксиры. Подходя машиной и под парусами с подветренной стороны к крейсеру, судно навалило на «Корнилова», и его стало бить о борт крейсера волной. Корниловский винт ежесекундно угрожал прорезать борт; стойки и шлюп-балки левого борта были моментально смяты. Выбежавший на ют «Корнилова» Командующий флотом схватил рупор и начал кричать указания командиру «Ксении», как надо действовать. Ког-

да суда разошлись, адмирал Кедров приказал «Ксении» застопорить машину и убрать все паруса. Описав циркуляцию, «Корнилов» лихо срезал «Ксении» нос, и два бросательных конца упали ей на бугшприт. За неимением больше стальных тросов, завели пеньковый и дальше пошли 5-узловым ходом, причем «Ксения» помогала своей машиной; вдруг стоявший на кочегарной вахте гардемарин заметил, что стенку старого котла начало пучить, но, не растерявшись, он открыл предохранительный клапан, чем предотвратил взрыв котла. Утром следующего дня суда подошли к Бизерте, и французский буксир ввел «Ксению» во внутреннее озеро, где уже стояли все суда эскадры.

19 декабря в составе 2-го дивизиона из Аргостоли ушел «Якут». Вскоре «Страж» сжег котел, его взял на буксир «Грозный», и «Якут» остался один. Внезапно утром в кочегарку стала быстро прибывать вода. Пущенная водоотливная помпа быстро засорилась кусками угля, и вода начала подходить к топкам. Для предотвращения взрыва котлов командир приказал больше угля не подбрасывать. Были пущены в ход ручная помпа и ведра, но вода быстро прибывала, и судно заметно оседало. За это время подошел французский конвоир «Араб», командир которого, осмотрев состояние «Якута», предложил капитану 1-го ранга Китицыну покинуть судно. Вместе с тем удалось установить, что вода проникала через открывшийся, вероятно от ветхости, кингстон. Гардемарин К.К. Дорошенко[553], исполнявший обязанности машиниста, несколько раз нырял в черную воду, и, наконец, ему удалось устранить аварию. Капитан 1-го ранга Китицын поблагодарил француза за предложение и сказал, что справится с аварией своими силами. Передав на «Якут» свою ручную помпу, миноносец ушел. После десяти часов напряженной работы гардемарин и подпоручиков Сводной роты, воду удалось откачать, и старенький «Якут», прошедший без ремонта 16 000 миль, благополучно пришел в Бизерту.

Проход «Алексеева» прошел спокойно. Воспользовавшись стоянкой в Наварине, директор корпуса, офицеры, воспитатели и кадеты посетили могилы павших в Наваринском бою русских моряков, и отец Георгий Спасский, только что назначенный корпусным священником, отслужил по ним панихиду.

Морской корпус в Бизерте. Джебель-Кебир

По приходе в Бизерту на всех судах, по приказанию французов, был поднят карантинный флаг и сообщение с берегом было строго запрещено. Кругом эскадры ходили французские сторожевые катера, и на

берегу стояли чернокожие часовые. Создалось впечатление, будто эскадра оказалась в плену. Это положение сильно действовало на настроение всех.

Вскоре Командующий флотом отбыл на французском крейсере во Францию для переговоров о дальнейшей судьбе эскадры. Оставшийся еще некоторое время в Бизерте контр-адмирал Машуков, при посредстве офицера для связи капитана 2-го ранга В.В. Соллогуба[554], вступил в переговоры с морским префектом адмиралом Варрнеем, имевшими целью снятие карантина, разгрузки эскадры от пассажиров и перевода корпуса на берег. Адмирал Варрней пошел навстречу этим просьбам и, не дожидаясь распоряжений из Парижа, предоставил корпусу на выбор один из находившихся в районе Бизерты лагерей или форт Джебель-Кебир. Для осмотра лагерей была назначена комиссия под председательством капитана 1-го ранга Александрова, остановившая свой выбор на форту — для размещения воспитанников и на лежавшем в одном километре от него лагере Сфаят — для персонала и складов.

В связи с переходом корпуса на берег была произведена окончательная организация гардемаринских рот. Владивостокская рота, поступившая в Морское училище в мае 1918 года, имела большую морскую практику, полученную ею за океанский переход на «Орле», но севастопольская рота могла этому с успехом противопоставить свои всесторонние знания, полученные на военных кораблях, в боевых операциях. По теоретической подготовке обе роты были примерно равны. По настоянию капитана 1-го ранга Китицына, указавшего на блестящую дисциплину владивостокской роты, последняя была зачислена 1-й ротой корпуса в составе 36 гардемарин и из ее состава были назначены фельдфебели и унтер-офицеры в другие роты. Ее ротным командиром был назначен старший лейтенант Брискорн, одновременно совмещавший должность помощника начальника строевой части.

Севастопольская рота осталась 2-й, но в ее состав были окончательно зачислены 11 владивостокских младших гардемарин, доведших ее численность до 110 человек. Но, отстав на год по учению, им было очень трудно нагнать своих новых товарищей.

Сводная рота была расформирована. Старшее отделение в составе бывших гардемарин О. Г. К. и Морского училища, часть которых оставалась гардемаринами, а другая часть являлась подпоручиками или же мичманами, произведенными в Добровольческой армии, было назначено на «Якут», составляя его экипаж и одновременно продолжая начатые в Севастополе занятия. В командование «Якутом» вступил капитан 1-го ранга Гильдебранд[555], а потом капитан 2-го ранга Ульянин[556]. Следует особенно отметить труды мичмана Н.Н. Андреева[557], отдавшего

много времени для занятий по мореходной астрономии и лоции. Остальные предметы изучались с офицерами эскадры или с приезжавшими преподавателями Морского корпуса.

Остальная часть «Сводной роты», пополненная из находившихся на эскадре кадет сухопутных корпусов и вольноопределяющихся и доведенная до 90 человек, образовала, под командой старшего лейтенанта Н.А. Окрашевского, потом капитана 2-го ранга А.А. Остолопова, новую 3-ю роту.

13 января начался съезд воспитанников на берег. В этот день ушла 1-я рота, на следующие дни — остальные. Бывшие «замарашками» на «Алексееве» кадеты совсем преобразились и стройными рядами, под звуки барабана, ушли по шоссе. Все прошли через дезинфекцию, где были оставлены непрошеные гости и паром ошпарены ремни вещевых мешков. После утомительного, почти все время в гору, перехода, с непривычки показавшегося очень тяжелым, прибыли на новое местожительство. 4 февраля последней в Сфаят пришла 3-я рота, которая, прожив там месяц, была отправлена в плавание на переименованную к тому времени в «Моряк» — «Свободу» (старший лейтенант Рыбин, которого летом сменил старший лейтенант Максимович), где по экзамену воспитанники были произведены в младшие гардемарины. Остальные роты поселились на форту Джебель-Кебир. По окончании переселения в корпусе числилось: 17 офицеров-экстернов, около 235 гардемарин, 110 кадет, 60 офицеров и преподавателей, 40 человек команды и 50 членов семейств.

Гора Кебир, доминирующая высота района (274 м), отстояла по прямой линии в 3 километрах от Бизерты, но по извилистому шоссе надо было пройти шесть километров. С ее вершины с двух сторон виднелось море, впереди открывался чудный вид на город и огромное озеро. На ее вершине находился прямоугольный форт постройки конца прошлого века. Его передний фас, длиной около ста метров, состоял из ряда больших и малых каменных сводчатых казематов и двух капониров. В пяти метрах от казематов тянулся высокий вал, образуя вдоль всего форта ров. Четыре больших каземата, в которых поселились 2-я и 6-я роты, имели железные нары в два яруса и были рассчитаны на 64 человека каждый. Через орудийную амбразуру и две бойницы проникал свет, но после 16 часов в половине помещения нельзя уже было читать. 1-я рота поселилась в одном из капониров, в другом была устроена своими силами церковь. Во внутреннем дворе форта находился лазарет и комната дежурного офицера; под навесом стояли походные кухни и находились кое-какие склады. Кроме того, отдельный барак, в котором в декабре поселилась 5-я рота. На форту не имелось электричества, но вскоре была установле-

на вывезенная из Севастополя дизель-электрическая станция. Перед главным входом в форт находился большой плац, на котором обычно устраивались парады.

Директор, все офицеры и преподаватели, их семейства и хозяйственная часть поселились в барачном лагере Сфаят. Под солнцем Африки образовалась маленькая русская колония, сама себя обслуживавшая и делавшая большое дело воспитания молодого поколения.

Вице-адмирал Герасимов, оставив за собою общее управление корпусом, поручил начальнику строевой части капитану 1-го ранга Китицыну непосредственное наблюдение за воспитанниками и организацию жизни в Кебире. Будучи холостым, Китицын, единственный из всех офицеров, поселился на форту и разделял всю жизнь воспитанников, вставая по горну и питаясь из той же кухни. Внутренние распорядки форта решались им единолично.

Вскоре после образования 5-й роты, 6-я — при отделенном начальнике лейтенанте А.А. Сокольникове[558] — была отправлена на «Моряк», где она сменила гардемарин 3-й роты. Капитану 1-го ранга Бергу было предложено сформировать из находившихся в лагерях малышей 7-ю роту. Во рву форта произошло трогательное прощание кадет со своим любимым ротным командиром. 6-ю роту принял старший лейтенант Е.Г. Круглик-Ощевский[559] с «Корнилова». Новый ротный командир, при необходимой строгости, оказался хорошим воспитателем и быстро поднял дисциплину в роте. Он понимал кадет, заботился об их нуждах, не забывая и развлечений. Под его руководством был составлен хороший хор, театральная группа и ротный оркестр, и он скоро получил большой авторитет среди кадет своей роты.

Кроме того, в 6-ю роту были назначены отделенными начальниками мичманы Макухин[560] и Арбузов[561], а в 7-ю роту лейтенант Б.А. Калинович[562]; лейтенанты Д.В. Запольский, Куфтин, Богданов и Жук перешли на нестроевые должности. Вместо капитана 2-го ранга Остолопова командиром 3-й роты был назначен лейтенант Мейрер...

22 марта 1-я рота, при участии корпусного ослика Яшки, устроила празднование точки «Овна», бывшее очень эффектным в африканском пейзаже. С конца апреля отношения между двумя старшими ротами стали более мирными и постепенно, по мере того как гардемарины знакомились друг с другом, перешли почти к нормальным. В мае несколько гардемарин 2-й роты удостоились производства в вице-унтер-офицеры.

Находившаяся до лета в плавании 3-я рота не участвовала в общей жизни корпуса. Руководящее ядро этой роты составляли бывшие кадеты Петроградского Морского училища, пользовавшиеся известным уважением со стороны старших гардемарин.

С первого дня пребывания на африканской земле хозяйственная часть под начальством старшего лейтенанта Помаскина, потом прекрасного организатора лейтенанта И.Д. Богданова делала большие усилия, чтобы обеспечить корпус всем необходимым. Не имея ни средств, ни материалов, это было очень трудное дело. Главной заботой был вопрос о питании пятиста человек. Французское правительство, на иждивении которого находился корпус, уменьшило первоначальное ассигнование с 2 франков 12 сантимов в день на человека до 80 сантимов. Воспитанники стали получать голодный паек, заключавшийся в 150 г хлеба и два раза в день супа из чечевицы, в котором можно было обнаружить следы консервированного мяса. Заведующий кухней, полковник А.Ф. Калецкий, изощрялся всеми способами, чтобы из провизии не пропала ни одна кроха, и, забыв свой чин, лично мешал котлы и строго следил, чтобы порции у всех были бы равны. Но благодаря хлопотам вице-адмирала Кедрова и морского агента в Париже, капитана 1-го ранга В.И. Дмитриева[563], к лету паек был увеличен и дошел до достаточного.

В Сфаяте, при участии дам, были оборудованы швейные и сапожные мастерские. Из присланной с «Кронштадта» бязи дамы сшили всем летнюю одежду, шляпы на манер головного убора американских матросов и сделали парусиновые туфли. Сшитое по приказу генерала Врангеля обмундирование гардемарины получили лишь в Кебире! Французы дали бушлаты. Таким образом, наконец, все воспитанники смогли прилично одеться. В Сфаяте было организовано производство тетрадей и переплетная мастерская, бумагу для которых и кое-какие другие принадлежности прислал из Парижа М.М. Федоров, выхлопотав последние из Союза Земств и Городов.

Капитан 1-го ранга Александров, имея в лице лейтенанта Куфтина, потом капитана корпуса корабельных инженеров Насонова[564] энергичных помощников, быстро и хорошо наладил учебную часть. Специальные кабинеты и классы, столы и скамейки, которые дала эскадра, были устроены в малых казематах. Ушедшие преподаватели были заменены другими, но надо сказать, что профессорский состав всегда стоял на большой высоте. Для преподавания французского языка был приглашен учитель-француз — господин Лафон. Ввиду полного отсутствия учебников, все преподаватели написали каждый свои собственные курсы, которые были отпечатаны в оборудованной в Сфаяте литографии, печатавшей, кроме того, «Морской сборник», выходивший под редакцией капитана 2-го ранга Н.А. Монастырева[565].

С целью подогнать воспитанников к требованиям французских школ, программы были несколько изменены. В гардемаринских ротах, в ущерб артиллерии и минному делу, был сильно развернут курс высшей матема-

тики и введен курс «Истории русской культуры». С большим интересом гардемарины слушали курс богословия всеми уважаемого отца Георгия Спасского. В летние жаркие дни, в особенности когда дул сирокко, заниматься было очень трудно, и в такие периоды число учебных часов сокращалось с 8 до 3.

«К сожалению, — пишет капитан 1-го ранга Кольнер, — не только сирокко мешал нормальному течению учебной жизни, несмотря на ее прекрасную организацию. Низший персонал, обслуживавший корпус, был очень невелик; ни о каких дневальных-дядьках, заботившихся о гардемаринах и кадетах Санкт-Петербургского Морского корпуса, не могло быть и речи. Приборка ротных и прочих помещений на форту и классов лежала на самих воспитанниках; они же помогали обслуживать походную кухню, ездили за провизией, чистили овощи и сами стирали свое белье у колодца лагеря. Нередко можно было наблюдать забавную «сцену у фонтана», в которой принимали участие и малыш-кадет, и гардемарин, и почтенный преподаватель-холостяк, и молодой мичман. Все они на равных началах с примерным усердием мыли, терли и полоскали свое белье и летнее обмундирование.

И вот несмотря на эти неслыханные и невиданные ни в одном учебном заведении условия, благодаря налаженной работе и сознательному отношению к науке воспитанников, уровень их познаний при выпуске из корпуса оказался столь высок, что после выпуска многие из них блестяще прошли курс в высших технических учебных заведениях Франции, Бельгии и Чехословакии и стали выдающимися инженерами».

Белый батальон

Для приучения к строгой дисциплине и для физических упражнений на строевые занятия было обращено особое внимание и им отводилось до двух часов в день. Через несколько недель роты четко производили все красивые эволюции сомкнутого строя, даже отмененные новым уставом. «Белый батальон» смог бы по выправке соревноваться с любой гвардейской частью. 9 июня и. д. командующего эскадрой контр-адмирал Беренс передал корпусу вывезенные из Севастополя знаменные флаги: «28-го флотского экипажа» (пожалованный за оборону Севастополя 45-му экипажу) и «3-го морского адмирала Корнилова полка» (пожалованный 2-й Черноморской бригаде). Эти знамена были торжественно переданы корпусу во время парада в день годовщины Гангутской победы. Под звуки составленного воспитанниками оркестра выстроенный перед фортом

батальон торжественно принял эти боевые святыни и потом продефилировал мимо адмиралов.

Рядом с фортом была оборудована спортивная площадка, все принадлежности для которой были куплены на средства Всероссийского Красного Креста в Париже. Под руководством поручика В.И. Высочина[566] процветала всех видов гимнастика и воспитанники увлекались фут- и баскет-болом. В награду чемпионы получали одну ложку сгущенного молока!

По очереди рота ходили в плавание на учебном судне «Моряк». Несмотря на хлопоты контр-адмирала Беренса, французы не разрешили «Моряку» выходить в открытое море, и он ограничил свои походы Бизертским озером. Плавание на «Моряке» было большим развлечением в монотонной жизни воспитанников. Кроме того, это давало им возможность, не боясь феноменальной величины судовых крыс, уйти от арабских клопов, которые не дохли ни от каких дезинфекций и летом, окончательно завладев казематами, выселили всех в ров.

В начале лета 1921 года, после сдачи при корпусе экзаменов, 17 офицеров-экстернов бывшей «Сводной роты» получили аттестаты об окончании курса Морского корпуса. Это был, собственно, первый бизертский выпуск. Некоторые из них поступили на организованные для молодых офицеров эскадры на «Алексееве» — артиллерийские классы и на дивизион подводных лодок — классы подводного плавания.

16 июля корпус посетили приехавшие в Бизерту вице-адмирал Кедров и капитан 1-го ранга Дмитриев. Адмирал благодарил воспитанников за прекрасный парад и их бодрый вид.

15 ноября находившуюся на «Моряке» 5-ю роту принял старший лейтенант Брискорн (в 1-й его заменил старший лейтенант Помаскин). Гвардейский офицер, он придавал огромное значение строевым занятиям, и под его командой рота дошла до совершенства в этом искусстве, если не считать, что, делая особый «гвардейский» поворот, она теряла ногу в батальонном строю, что вызывало неудовольствие начальника строевой части. Составленная из более способных кадет, эта рота всегда отличалась своею дисциплинированностью и прилежанием. 10 декабря «Моряк» был введен в сухой док. Плававшая на нем в это время полурота гардемарин 2-й роты и кадеты 5-й без посторонней помощи проделали всю утомительную и грязную работу по очистке днища от многолетних водорослей, отбили ржавчину и выкрасили подводную часть.

На Рождество в бараке 5-й роты была устроена для всех елка; потом шумно и с надеждой на лучшее будущее встречали Новый, 1922 год. На праздник георгиевских кавалеров при участии взвода Корниловско-

го полка, имевшего в своих рядах много георгиевских кавалеров, был отслужен молебен и устроен парад, которому, однако, помешал начавшийся ливень. 12 января был объявлен приказ Главнокомандующего Русской Армией о предоставлении права ношения нагрудного знака с надписью «Бизерта» лицам, прибывшим на судах эскадры и в течение года не покинувшим своих кораблей или частей. Почти все воспитанники заслужили этот черный крест.

Материальное и, главным образом, моральное состояние воспитанников продолжало улучшаться; в связи с этим они начали дорожить корпусом и бросили мечтания об уходе на американские «шипы». Об этом втором годе бизертской жизни очень характерно выразился гардемарин 3-й роты Давац в своем письме от 23 мая 1922 года:

«Много нового, ценного, крепкого получил я. Много пришлось увидеть, пережить и перенести тяжелого, но ничто не сломало во мне духа бодрости... Мы страшно заняты и работаем положительно круглые сутки... Лекции 8 часов, рабочий труд самый правильный, масса нарядов по хозяйству, по службе, по роте... По вторникам и четвергам репетиции... Забываешь наше изгнание, вечно идет энергичная, кипучая работа. Сыт, одет, о завтрашнем дне не думаю, а учусь... Мы проходим очень хороший курс учения, подбор преподавателей великолепный, и мне так нравится этот русский кипучий муравейник, с заветами старины, с традициями, с крепким военно-морским духом...»

Но праздники были омрачены распоряжением французских властей о сокращении личного состава эскадры и ликвидации в течение 1922 года гардемаринских рот. Известие произвело, главным образом на кадет, очень тяжелое впечатление, так как можно было ожидать дальнейшей ликвидации корпуса и не имелось уверенности, что они успеют закончить среднее образование.

Согласно установленным срокам по сдаче выпускных экзаменов, приказом командующего эскадрой вице-адмирала Кедрова от 2 марта 34 старших гардемарина 1-й роты были произведены в корабельные гардемарины. 14 марта состоялся отъезд большинства из них, вместе с некоторыми офицерами выпуска 1920 года и окончившими корпус в 1921 году офицерами-экстернами, которые состояли слушателями офицерских классов, в Прагу для продолжения учения в чешских высших учебных заведениях. Эта первая большая отправка молодых офицеров и корабельных гардемарин для получения дальнейшего высшего образования состоялась благодаря средствам, отпущенным на переезд капитаном 1-го ранга Дмитриевым. До Парижа их сопровождал капитан 1-го ранга Китицын, вернувшийся в Пасхальную ночь в Кебир. Весь батальон и вице-адмирал Герасимов провожали отъезжавших до паро-

хода, и его прохождение с музыкой и пением через город произвело большое впечатление на население. Накануне севастопольские гардемарины были произведены в старшие гардемарины. 3-я рота стала 2-й. 15 апреля, на Пасху, после проверочных экзаменов, кадетские роты были продвинуты на номер вперед, но 7-я, по степени успехов кадет, была разделена на новую 6-ю и 7-ю роты.

30 июня был последний экзамен — астрономия — в бывшей 2-й роте, в ту же ночь она торжественно похоронила свой «Наутикаль Альманах». 5 июля 65 окончивших эту роту были произведены в корабельные гардемарины и временно три четверти из них были расписаны по судам эскадры.

Вскоре после ухода 2-й роты на Кебире была упразднена кухня и воспитанники два раза в день ходили строем в Сфаят, где обедали в оборудованном под столовый зал бараке, все стены которого были разукрашены картинами из морской жизни.

По плану ликвидации корпуса, курс 3-й роты пришлось немного сократить и 57 гардемарин этой роты были произведены в «корабелы» в день праздника Морского корпуса. Немного позже были произведены еще 6 человек.

Благодаря хлопотам вице-адмирала Кедрова и капитана 1-го ранга Дмитриева, заручившимися полной поддержкой М.М. Федорова в Париже и графини С.В. Паниной в Праге, почти всем окончившим в Бизерте была предоставлена стипендия на продолжение образования в высших учебных заведениях; пять гардемарин были приняты во французское Морское училище в Бресте. Часть не выдержала тяжелой жизни на иногда полуголодной стипендии, но большинство, став инженерами, своими знаниями и порою открытиями прославили русское имя. Несколько корабельных гардемарин было оставлено при корпусе отделенными начальниками.

Постепенно сокращался и офицерский состав и начались частые перемены должностных лиц. По причине семейного характера 1 апреля 1922 года корпус покинул инспектор классов капитан 1-го ранга Александров, и 10 мая 1922 года на его место был назначен капитан 1-го ранга Кольнер. После отъезда последнего в 1923 году в Париж его заменил преподаватель И.В. Дембовский[567]. 18 августа в Америку уехал начальник строевой части капитан 1-го ранга Китицын и немного раньше адъютант старший лейтенант Н.Н. Соловьев[568]. Генерал-майор Завалишин был назначен начальником строевой части и лейтенант В.В. Леммлейн[569] — корпусным адъютантом. 23 ноября на эскадру ушел старший лейтенант Брискорн и командиром 4-й роты был назначен преподаватель навигации капитан 2-го ранга С.А. Якушев[570]. Не-

которые мичманы уезжали вместе со своими гардемаринами и поступали в университеты. Сфаят и Кебир постепенно пустели...

К концу года выяснилось, что благодаря ходатайству капитана 1-го ранга Дмитриева французы согласились дать возможность кадетам закончить среднее образование и продолжить существование корпуса. С Нового, 1923 года корпус официально был переименован в «Орфелинат» (Сиротский Дом), но для всех он продолжал оставаться Морским корпусом. Для французов в «Орфелинате» оставались лишь сироты младше 15 лет, что не совсем соответствовало действительности.

17 июня 1923 года окончили среднее образование и были произведены в гардемарины 33 кадета 4-й роты. Большинство из них, начав свое учение и плавания еще в Севастополе, получило неплохую морскую практику, и в свое второе плавание на «Моряке» они прошли краткий курс штурманского дела. По окончании этого плавания ими был разоружен «Моряк», окончивший свою кампанию 27 сентября 1922 года. Это было последнее судно Черноморского флота, плававшее под Андреевским флагом.

В октябре 1924 года окончила учение и была произведена в гардемарины следующая кадетская рота в 58 человек, поступившая в корпус еще в Севастополе. Ввиду малого количества оставшихся кадет, все они были переведены на жительство в Сфаят, и старый форт, с раскрашенными морскими картинами стенами, опустел. Это совпало с грустной церемонией спуска флагов на судах эскадры, произошедшей 6 ноября 1924 года.

В 1925 году корпус закончили последние две кадетские роты, уже набранные в Бизерте. 1 мая был последним учебным днем Морского корпуса, благодаря которому, под мудрым руководством вице-адмирала Герасимова, 300 юношей и мальчиков получили хорошее образование и были подготовлены для дальнейшей жизненной борьбы.

Приказом по Морскому корпусу № 51 от 25 мая 1925 года этот день был назначен днем окончательной ликвидации Морского корпуса.

В. фон Берг

МОРСКОЙ КОРПУС В АФРИКЕ[571]

Но вот и Бизерта. Что такое Бизерта? Бизерта — сказка, пятилетний сон, красивый и фантастичный. Бизерта — это море, как беспредельный темно-синий сапфир в оправе золотых берегов, песков пустыни. Волна прозрачная зеленым изумрудом переливается на солнце. Кружево белой

пены лобзает золотой песок. Море, порою спокойное — зеркало ясной небесной лазури и ярких бриллиантовых звезд; порою бурное, мрачное, черное, с гневом и ревом разбивает могучие волны о белые скалы своих берегов.

На плоской вершине Джебель-Кебира высоко над морем у ворот мертвой крепости тихо и мерно шагал бронзовый часовой. Красным маком горела на голове его феска, раскачивались голубые шаровары на ходу, и белый плащ, подбитый малиновым сукном, ниспадал с плеч живописными складками. Он был одинок на этой вершине, этот араб колониального войска, и было ему скучно у железных ворот каменного форта. Там, куда устремился его взор, разрезая синюю равнину моря стальными носами, шли военные корабли. За кормой их реяли белые флаги с голубыми крестами, а на мачтах развевались французские флаги. Линейные корабли, крейсера, миноносцы, подводные лодки, транспорта шли с моря в Бизерту, направляясь в канал. Что за суда, какой нации? — подумал солдат, знавший только флаг французский да тунисского бея.

Шаги за ним, он оглянулся; взял ружье к ноге, встал смирно. Пришла смена часовых с разводящим. Вышел из крепости француз-сержант, позвенел ключами от боевых погребов и, указывая на идущие с моря корабли, сказал разводящему по-французски: «Вот идут русские, у них была революция, и они пришли искать убежище у нас, у французов». (Сержант читал газеты и увлекался политикой.) Сменный часовой еще раз посмотрел на корабли, и губы его повторили по-своему слова сержанта: «Русса, Русса, Алла малекум, Русса!» — и он побрел в караулку обедать и спать, бормоча на ходу свой идеал жизни: «Боку манжю, боку кушю, пе травайе».

А корабли тем временем входили уже в канал Бизерты и расстанавливались на якоря и бочки французским капитаном — над портом. Гремели якорные канаты, убегая в воду. Ярко-желтые флаги взвились на мачтах. Французский карантин покрыл русские суда. Никто не смел съехать на берег, никто не смел приехать к нам. Что за болезнь была на эскадре? Оспа, тиф или чума? Нет! Не того опасались французы: от тифа, чумы есть прививка. Мы шли из страны ужасной болезни: красной духовной проказы, и вот этой заразы пуще другой боялись французы. И вот «карантин» над судами... вот желтые флаги...

Около месяца простояли мы в Бизерте под желтым флагом, наконец нас узнали, оценили, поняли, сделали отбор на опустевший к тому времени пароход «Константин» и отправили его обратно в Россию. Дошел ли, не знаю, и куда пришел, не ведаю. Только желтый флаг слетел с мачты и земля... земля стала нам доступной. Комиссии из

офицеров эскадры, из офицеров корпуса и представителей французских властей начали усердно объезжать лагеря, крепости и поселки, изыскивая место, где бы крепче, лучше и удобнее свить себе новое гнездо на чужом дереве.

Звучали имена «Надор», «Аин-Драхам», Сфаят-Кебир, Сен-Жак и многие другие. Для Морского корпуса был выбран Сфаят и Джебель-Кебир, та самая «высокая гора», с которой в день прихода эскадры смотрел удивленный солдат. Позвякивая ключами, прошел французский сержант, и тяжелые железные ворота крепости гостеприимно открылись навстречу первым русским переселенцам: капитану 1-го ранга Китицыну, его мичманам и гардемаринам. Они вошли в крепость, заняли форт и начали все приготовления к принятию Морского корпуса в недра французской крепости. Во дворе стояли фургоны с соломой для тюфяков, арабы-солдаты вытаскивали топчаны, сержанты выдавали чехлы и одеяла. Работа кипела в молодых энергичных руках. Быстро сколотилась и создалась 1-я рота гардемарин корпуса (Владивостокская).

Наступила моя очередь съезжать с «Генерала Алексеева». Спешно укладывали кадеты свое обмундирование и личные вещи в походные мешки и кисы. Получались довольно грузные кули. Возник вопрос: с ружьями пойдем, с ротным флагом или как нестроевая команда?

Узнали: французы берут оружие наше «на хранение», точно мы сами не умеем его хранить! Со скрежетом и чуть ли не со слезами укладывают кадеты жирно смазанные винтовки в парусину и зашивают тюками, чтобы не заржавели... ведь пригодятся когда-нибудь.

Раннее утро. Сыровато. Прохладно. В последний раз, пройдясь по палубе линейного корабля «Генерал Алексеев», который заменял нам родную землю — Россию, который вывел нас из красного плена, окинув его могучие обводы и священный флаг, простились мы со своим спасителем и сошли на палубу французского буксира. Помахали фуражками, прокричали «Ура!» и отошли по каналу. Прощай, родная земля! — теперь уж мы в Африке по-настоящему. Но где же негры? А вот и они! Подходим к пристани. На берегу взвод высоких солдат. Черные, живые, настоящие негры.

— Что это? зачем этот взвод? разве мы военнопленные?

— Нет, пожалуйста, не беспокойтесь, — предупредительно говорит любезный французский лейтенант, провожающий нас... в лагеря?.. Нет, в... баню! — Как можно? Сперва отмыться, продезинфицировать все вещи, а уж потом в чистые лагеря; а на негров не обращайте внимания: это не конвой, нет. Вы свободны здесь, как в любой стране, эти негры — проводники и ваша охрана от туземцев.

Перевожу кадетам своей роты речь французского офицера. Сдваиваем ряды, равняем фронт, и марш в дорогу. За спиной на плече не ружье, а сума, и сума претяжелая. Только ротный флаг впереди, да и тот в чехле. Ноги вязнут в песке, танки тяжелые, засиделись на корабле, отвыкли от походов; но гордость и ротная честь: идут красиво, стройно, сдвоенными рядами, держа равнение: вот-вот грянет песнь, русская, залихватская. Не ударят в грязь перед французом, да и перед неграми: солдаты ведь, хоть и черные, значит, знают толк в маршировке.

Солнце поднялось выше, стало припекать. Песок глубже, дорога тяжелей, становится жарко. Французский лейтенант бодро шагает рядом со мною и занимает разговорами о том, какую богатую культуру внесли французы в эту дикую пустыню и как расцвела Бизерта за 30 лет. Площадь озера, где стоят ваши корабли, говорит он дальше, равна Парижу и может скрыть весь наш флот; а гора Джебель-Кебир, где вы будете жить, по высоте равна Эйфелевой башне.

Но как ни интересны рассказы лейтенанта, идти все труднее и жарче, нестерпимо режут плечо два походных моих чемодана. Офицер их заметил, подзывает высокого негра и приказывает взять мои чемоданы.

— Ничего, донесу до места, — говорю я жертвенно; но сильная черная рука уже схватила мои чемоданы и, как перышко, перебросила их на могучее плечо.

— Тебе не тяжело? — спрашивает француз негра.

Он отвечает широкой улыбкой белых крепких зубов: ххыы! — и качает отрицательно черной головою. Какое облегчение плечу, жаль, что нет с нами фургона, он облегчил бы плечи всей роты.

Идем, идем; пески, да кактусы, да изредка стройные пальмы; а «бани» все нет да нет. Так прошли мы более часа, пока, наконец, на пригорке жидкого лесочка не увидали белого здания с черепичной крышей. Гигантские котлы, возле которых копошились негры-санитары и французский врач.

— Рота, стой! — скомандовал я. — Чемоданы долой! Сложить за фронтом!

Наконец-то! Какое облегчение. Кадеты стоят красные, разогретые — не по паркету шагать — по пескам Африки.

— Первый взвод! Вещи в дезинфекцию, люди в баню.

Вытаскиваем все кожаное: сгорит в дезинфекции; все остальное — черные санитары вилами в котлы, сотни градусов наконец убьют нашу мучительницу вшу. «Попила ты нашей кровушки, бледная, жирная, будет с тебя! Полезай в котел!» — острят голые кадеты, с удовольстви-

ем сбрасывая с себя одежду и белье и весело подставляя спину под теплый дождь.

Вхожу и я под душ. Испуганно срывается негр и шепчет на ухо: «Командир, пур офисье аппар, бян аппар, па савек ле матло!»

— Да это не матросы, — успокаиваю я моего заступника, — это мои кадеты, мне ли их стесняться идти вместе в воду. В огонь и в воду пойду со своей ротой!

Негр удивленно уступает. Другой подходит с сосудом пахучего масла и предлагает кисточкой смазать все волосы: все от той же «бледной и жирной». Принимаем медицинскую помощь.

Счастливые, освобожденные, чисто отмытые и одетые в чистое белье, точно новорожденные выходим мы из бани. Укладываем в чемоданы продезинфицированное платье, закусываем на дорогу консервами и хлебом. В лесочке собрались туземцы и с любопытством рассматривают руссов. Ко мне подходит седой французский доктор, любезно справляется о нашем здоровье, о бане и будущем житье в Бизерте. Благодарю за все. С ротой, нагрузившись снова мешками, двинулись мы в обратный путь вдвое длиннее и мучительнее первого, ибо шел он в гору и под проливным дождем.

Первый душ мы приняли голыми, второй в одежде и в полной амуниции. Щедро поливала природа Африки и наши походные чемоданы, вещи намокли — хоть выжми. Впереди всех шел высокий негр и вел вороного коня под желтым седлом. Это была лошадь французского лейтенанта. За ней шел я с этим офицером. За мной моя рота с субалтерн-офицерами. Мы подошли к берегу канала, переплыли на пароме на другой берег и вступили в Бизерту. Из-за дождя на улицах было мало народу, но те, кто был, долго провожали нас по улицам города, таково было общее любопытство в первые дни.

Пройдя весь город, вступили на шоссе и стали подыматься все выше и выше, через оливковые рощи, мимо полей и пальм, отдыхая в пути не более пяти минут, чтобы успеть засветло дойти до Сфаята. Еще последнее усилие, борьба с несущимися навстречу ручьями и потоками рыжей воды с сучьями и щебнем, в которой скользят усталые ноги в танках, и ноют плечи от набухших водою тюков...

Ура! Поднялись на дорогу, вот уже и белые домики Сфаята. Я остановил роту, дал ей оправиться и подтянуться. Мокрые до последней нитки, забрызганные грязью и глиной, мы вошли фронтом в лагерь Сфаят. На дорожке у белого барака стоял фронт старших гардемарин во главе с капитаном 1-го ранга Китицыным.

Подходя к фронту Владивостокского училища, я скомандовал своим севастопольцам:

— Смирно! Равнение направо! Господа офицеры!

Роты отдали честь друг другу и слились в одну жизнь. Молодые мичмана энергично и быстро указали приготовленные помещения для моих кадет, выдали постели, и кадеты, обсушившись, развесив мокрое обмундирование на деревьях и закусив, стали набивать соломою свои тюфяки и вскоре заснули на них мертвым сном; теперь уже никакое насекомое не беспокоило их до самого утра. Нового утра. Новой жизни.

Вскоре в Сфаят прибыла II-я гардемаринская рота капитана 1-го ранга Кольнера — севастопольская. III-я гардемаринская, которой командовал лейтенант Мейрер, образовалась частью в Севастополе путем приемных экзаменов, частью зачислением в Константинополе и в Бизерте. Весь личный состав преподавателей, их семейств и семьи офицеров приехали несколько позже, так как должны были пройти медицинский осмотр, бани и дезинфекцию во французском госпитале Сиди-Абдала.

Еще позже из детей офицеров эскадры, корпуса, семей беженцев, рассыпанных по лагерям Бизерты, и сирот составились еще две малолетние роты — 6-я и 7-я. Когда все собрались на высоком Кебире и в долине Сфаята, их было 320 гардемарин и кадет, 60 офицеров и преподавателей, 40 человек команды, 50 членов семей.

Все эти 470 человек составили маленькое самостоятельное русское княжество, управляемое главой его вице-адмиралом Герасимовым, который держал в руках своих всю полноту власти. Карать и миловать, принимать и изгонять из княжества было всецело в его власти. И он, как старый князь древнерусского княжества, мудро и властно правил им, чиня суд и расправу, рассыпая милости и благоволения.

Приехав с линейного корабля «Генерал Алексеев», директор корпуса в сопровождении контр-адмирала Машукова, желавшего посмотреть, как устроился в крепости открытый им корпус, поднялся на Кебир, и, осмотрев все казематы и помещения крепости, адмирал Герасимов выбрал себе скромную комнату, где стал устанавливать и застилать две койки.

— Вот здесь я буду жить, — сказал А.М. Герасимов.

— А для кого же вторая койка? — спросил Н.Н. Машуков.

— А для жены моей, для Глафиры Яковлевны, — ответил Александр Михайлович.

— Как — для жены? — воскликнул Николай Николаевич. — Ведь мы же порешили, что женщин не будет в крепости!

— Она не женщина, — спокойно ответил директор.

— Кто же она? — спросил Машуков.

— Она — Ангел, — ответил А.М. Герасимов, и добрая, светлая улыбка озарила все его лицо.

Ангел — Глафира Яковлевна — села княгинею во Сфяте и стала истинным ангелом-хранителем и мужа своего, и сына, и всего княжества русского Кебирского.

Она хранила его правителя и сама участвовала в правлении. Из жен воспитателей и преподавателей создала она «Дамский Комитет» и мастерскую, которая обшивала весь корпус. Она заботилась, как родная мать, о детях и кадетах, организовала прием и справедливую раздачу молока, шоколада, американских подарков и распределение работ по шитью; устройство угощений кончающим гардемаринам; ласковой, доброй русской душою мудро подходила ко всем жизненным вопросам княжества и сглаживала умело и быстро все шероховатости человеческих отношений.

Какое бы маленькое Царство, какое бы княжество, городок или даже лагерь ни сложился бы из людей, всегда будет в нем общая тяга к солнцу, к правителю, к главе и к месту в тепле и свете главного светила, главного лица.

Так и в этом крошечном княжестве боролись между собою отдельные личности, партии и соединения единомыслящих людей. Ангел-хранитель Глафира Яковлевна Герасимова в постоянных беседах, ласковых уговорах, мудрых решениях отводила грозы, громы и молнии от маленького княжества, которое с таким трудом сложилось, таким трудом держалось и так легко и так быстро могло развалиться.

В сфаятской избе нагружали склады одежды, белья и обуви расторопные цейхгаузники. Молодые елочки окружали деревню, как цепь часовых, и скрывали ее от глаз постороннего, хотя иноземные гости знали дорогу и иногда заезжали в это русское княжество.

У обрыва холма под тенью винной ягоды стояла самая малая избушка — в ней была казенная лавочка для всего населения. Ниже библиотека и литография. Дровосеки кололи дрова на заднем дворе. Водовозы возили питьевую воду на муле. Под горой у ключа, на каменном лотке, под зеленой крышей шелковичного дерева прачки мыли и сушили белье. Еще изба, в ней слышен стук машин, треск нитки, лязг ножниц, прорезающих сукно, полотна, парусину, бязь, здесь портнихи шьют белье и одежду для воинов Кебира. «Боже, сколько «прислуги» привезли с собою эти северные переселенцы! — скажет читатель. — Кашевары, хлебодары, дровосеки, водовозы, прачки, грузчики, дворники и приборщики!» Ошибся, друг мой!

Кроме Джигита-татарина, вестового да Махина, не было у русского барина нынче прислуг! Все сами делали: офицеры, гардемарины, кадеты — кадеты! — дружок.

Это сказка? Нет, то быль.

Картинка Сфаята

Крепость, в которой устроился Морской корпус, находилась на вершине высокой горы. Вершина эта кончалась плоским холмом, поросшим жесткой травой и колючим кустарником. В этой толще французские военные инженеры и саперные войска искусно врезали крепкий форт, окруженный глубоким рвом и высоким валом. Вал широкой каменной стеной кольцом обнимал всю крепость и замыкался высокими каменными воротами, с толстой железной решеткой.

На воротах в камне была выбита надпись: «Джебель-Кебир». Начиная с этих ворот вся крепость и внутренние здания были выстроены из крепкого камня, как бы вросшего в окружающие его дикие, острые, грубо изломанные каменные холмы. В широкие окна крепостных стен, кроме стеклянных рам, были вделаны толстые чугунные решетки. В эту мертвую, мрачную, серую крепость широкой волной влилась молодая, веселая, бодрая русская жизнь в лице 320 жизнерадостных гардемарин и кадет.

Из нижнего лагеря Сфаята, извиваясь белой змеей, шла по краю горы на Кебир шоссейная дорога, с внутренней стороны ее обрамляли дикие камни, колючие кусты шиповника и густые заросли серебристой полыни, с внешней стороны тянулись ели и сосны и кружил обрыв горы, убегавший полого в широкую долину с полями и рощами кудрявых маслин. Шоссе кончалось на плоской широкой площадке у самой крепости, ворота которой, глубоко спрятанные в вырезах горы, неожиданно открывались вам навстречу.

Эта площадка служила Морскому корпусу как бы «Шканцами» — священным местом корабля; на ней служились молебны, выносился знаменный флаг (39-го флотского Черноморского экипажа). Проходил «церемониальным» маршем весь батальон корпуса, читались приказы и речи начальствующих лиц, устраивались парады в храмовой праздник корпуса 6 ноября, в приезды французского адмирала барона Эксельманса, генерала Дюжонши и маршала Петэна, вице-адмирала Кедрова, контр-адмирала Беренса, Военно-морского агента во Франции капитана 1-го ранга Владимира Ивановича Дмитриева, коим Морской корпус был всецело обязан всем своим существованием в этой французской колонии. Повернувшись налево кругом, спиной к городу и морю, вы входите в железные ворота Кебира. На этом месте встречает рапортом дежурный по корпусу офицер всех старших офицеров, кому по уставу положена такая встреча. Проходите ширину рва, перед вами вырастают серые стены форта и глубокий проход во внутренний двор под могучими сводами. Дежурный гардемарин с палашом и дудкой отдает честь.

Входите под гулкие своды. Справа и слева серые деревянные двери. Первая слева — динамомашина с русского судна освещает весь форт электрическим освещением. Вторая — в карцеры; третья — караульное помещение арабского караула крепости. Направо длинный коридор с казематами, превращенными в классы Морского корпуса, и два из них гордость и слава инспектора классов капитана 1-го ранга Александрова. Первый — физико-электро-технический, второй — естественный кабинет.

Как венец просветительного творчества, показываются эти кабинеты всем русским и иностранным гостям, и преподносятся на последнее, после осмотра рот, кухонь, помещений, как редкий десерт. Ах, этот естественный кабинет Александра Захаровича Имшенецкого! Чего только в нем нет! Вместо стен — во весь рост человеческие скелеты, люди в коже и без кожи, листья, травы, цветы и плоды. Картины флоры и фауны Африки. Зеленые лягушки служат барометром, террариум, где живут ядовитые змеи, тарантулы, сколопендры, смертоносные скорпионы. Коллекции дивных бабочек, крошечных и громадных, пестрых, ярких жуков, минералы; заспиртованные рептилии на столе, где стоит микроскоп, ползает по руке гардемарина ручной уж; белая крыса мирно греется на груди кадета — помощника строгого профессора, у которого на плече сидит хамелеон и ловкой стрельбой липкого языка ловит мух.

Все, что мы видим в нем, создано, собрано, найдено, поймано руками гардемарин и кадет на прогулках и экскурсиях под просвещенным руководством преподавателя естественной истории и географии. Обойдя все казематы-классы со скамьями, железными столами и досками из линолеума, на которых вы увидите меловые бином Ньютона, дифференциальное исчисление, чертежи корпуса корабля с бимсами, шпангоутами и пиллерсами, и длинные формулы по девиации, вы выходите опять под своды ворот и проникаете в левую половину форта.

Там коридор и в нем казематы — ротные спальни. Похоже на кубрик дредноута: двухэтажные железные рамы — на них толстые дубовые доски-стеллажи. На досках тюфяки, набитые соломой, две простыни из бязи и серое солдатское одеяло; на нем у каменной стены подушка, над ней на шелковой ленточке маленький образок — последнее благословение оставшейся в России матери.

На крюках у рам висит белье и одежда, под нижней койкой тяжелые танки, подбитые гвоздями. В черных пирамидах русские ружья, возвращенные корпусу французами. «Мы должны вас считать беженцами, но мы видим в вас образцовую воинскую часть», — говорил маршал Петэн. Под единственным окном в конце каземата

ротный образ в венке живых цветов, перед ним лампада, а под ним наш ротный флаг и расписание ротного дежурства. Походная сумка с учебными книгами и личными вещами в ногах под тюфяком. И все имущество гардемарина и кадета от номера ружья до носка и платка носового находится в описи у отделенного начальника и в книге ротного командира. И часто проверяется наличие на форту. Вы проходите спальни в глубь коридора. Там на картонном барабане тянут нитку через жбан горячего воска — делают собственные свечи для церкви. (Изобретение ктитора капитана 1-го ранга Александрова.) Сладко пахнет медом и ладаном — дверь в церковь открыта.

Вы выходите в полутемный каземат. Там, в стране магометанских мечетей и католического костела, поставил отец Георгий свою Русскую православную церковь в пещерном каземате высокого Кебира. С низкого, сводчатого потолка спускаются зеленые гирлянды пушистого воска и туи, в них вплетены живые цветы. Гирлянды темной рамой окружают белый иконостас с Царскими вратами. На иконостасе образа Христа Спасителя и святого Павла Исповедника. Справа и слева две белые хоругви и знаменный флаг. Белые покрывала на аналоях сшиты из бязи и золотых позументов, паникадило из жести. Через узкую бойницу падает луч солнца на Тайную вечерю над Царскими вратами. В этой церкви, бедной и скромной, уютно-ласковой, свершал все службы и требы церковные для Морского корпуса и семей заместитель епископа Северной Африки, митрофорный протоиерей отец Георгий Спасский — настоятель церкви Святого Павла Исповедника, духовник Морского корпуса и его законоучитель, лектор, оратор и писатель.

Но вот вы вышли из церкви, опять мимо рот идете и выходите на длинный узкий двор, окруженный бастионами и валами со всех сторон. Во дворе три жилых барака вытянулись в одну линию фронтом. В самом дальнем — сперва жили владивостокские мичмана, затем гардемаринская, а после их окончания кадетские роты; уютный уголок был отделен под «кают-компанию». Во втором была мастерская — столярно-слесарная и походная кухня; а в третьем, дверью выходящей прямо на выход из форта, в небольшой скромной комнате с голыми стенами, в углу висел золотой образок, под ним простая кровать, под ней чемодан; другой у стены — заменял платяной шкаф Стол, два, три стула, лампа над столом.

В этой скромной келье жил сам владыка Кебира — помощник директора корпуса, начальник строевой части, комендант крепости капитан 1-го ранга Михаил Александрович Китицын.

За два дня до 6 ноября, с восходом солнца, на самой утренней заре все жители Сфаята были разбужены страшным криком гусей. В пижа-

мах, полуодетые, выскакивали обитатели кабинок на двор, и удивленные сонные лица с тревогой смотрели в сторону отчаянных криков. Не враг ли воинственный ночью обложил полчищами мирный лагерь Сфаят и вместе с солнцем бросился в атаку на спящих русских. И вот гуси по примеру знаменитых предков, спасших Рим, криком и воплем спасают лагерь. Так спрашивали друг друга испуганно-удивленные лица.

Но люди крайней кабинки уже улыбались, поняв, в чем дело: Ванька Махин — этот русый богатырь Сфаята — кухонный мужик, вооруженный острым топором, носился по птичьему двору и ловил трепетавших гусей, убегавших во все стороны в паническом страхе. Ловкие, сильные руки ловили их на лету, склоняли белые, длинные шеи на дубовый сруб, сверкал топор, и алая кровь фонтаном обагряла белоснежные крылья; обезглавленная птица долго еще кувыркалась по двору; а Ванька ловил уже другого гуся. Перепуганные петухи и куры горланили во все горло, хотя побоище касалось только гусей. В своих клетушках пестрые кролики задумчиво вращали свои красные глазки и быстро шевелили ноздрями и усами, точно шептали: «Что такое творится в нашем мирном Сфаяте?»

На краю у обрыва в небольшом хлеву толстая жирная свинья беспокойным хрюком призывала поросят под свою защиту. Поняв, в чем дело, радостно успокоенные, ушли в свои кабинки жители лагеря. Солнце уже ярко блистало над горами. Кадет-горнист играл «Побудку», и эхо повторяло его медный призывный аккорд.

Напившись кофе с маисовым хлебом, освеженные мытьем, в платочках, скрывавших бумажные и железные папильотки — будущие локоны 6 ноября, жены Сфаята расселись в кружок и, положив себе на колени по жирному гусю, ловко и быстро щипали его перья. Мелкие пушинки носились вокруг их голов, как снежинки, лица раскрасились от быстрой работы, глаза блестели улыбкой от приятной, веселой беседы. Готовились к празднику все эти милые добровольные кухарки, прачки, швеи, обдумывали варенья, печенья, пироги, которые надо было замесить, испечь, сварить, жарить на 600 человек своих и гостей.

Обдумывали еще более сложное, во что одеть, принарядить свое тело, какой лентой обвить лоб и локоны свои, какой пудрой побелить лицо и помадкой освежить свои губы, чтобы «в прежней красе» былых счастливых годов украсить «прелестною дамою» Морской бал 6 ноября и, проплясав ночь под военную музыку, закружить голову в пьянящем тумане вальса или бешеной мазурки, наутро 7-го снова погрузиться в серые будни, мечтать об ушедшем «миге восторга» за швейной машинкой, за пеной мыла, за утюгом горячим, за мясорубкой и похлебкой бобовой. Вот о чем болтали милые дамы Сфаята, пока проворные

руки общипывали гусей. Прошел час-другой, белым снегом вокруг их ног лежали пух и перья. На камбузе разводили огонь, приготовляли яблоки для начинки «Традиционного гуся». В дежурной комнате кадеты писали меню: «Суп Сен Жермен. Волованы. Гусь с яблоками. Мороженое. Фрукты. Кофе».

На Кебире капитан 1-го ранга Китицын производил репетиции парада белому батальону. А днем до глубокой ночи гардемарины и кадеты расписывали стены рва видами морских сражений, и силуэт памятника Петра Великого украсил стену французской крепости.

Казематы — классы и часть ротных помещений — превращались в уютные, интимные гостиные. Плоскогорье с гимнастической площадкой подметалось и чистилось, расставлялись параллельные брусья, турник, аппараты для прыжков, тюфяки, маты, флажки и жерди для праздника гимнастики. (Гимнастические приборы были закуплены во Франции адмиралом Машуковым, как и многие учебные книги и письменные принадлежности; так и вдали от нас Николай Николаевич продолжал заботится о любимом им корпусе.)

К празднику корпуса подоспело и новое обмундирование, изготовленное нашими дамами, которые для воспитанников корпуса несли свое драгоценное миро, подобно Евангельским женам, мироносицам, принесшим его Христу, они, во имя Христа, принесли свое знание, труд и материнскую заботу оторванным от родных и Родины детям.

В своих «письмах из Африки» в газету «Новое время» настоятель церкви Морского корпуса отец Георгий Спасский так описывает праздник.

«6 ноября — день святителя Павла Исповедника — традиционный морской праздник. Сколько с ним связано воспоминаний, воспоминаний самых дорогих. Детство... Юность. Чистые, полные огня грезы... мечты и надежды. Корпус пригласил на праздник с эскадры и из лагерей всех бывших питомцев одной школы. Явились все. Сердце — не камень. А здесь, на чужбине, особенно дорог этот день. Радостно собраться вместе и грустно вспомнить прошлое.

Какой блеск раньше — горящее огнями огромное здание. Залы, залитые электричеством. Первый в сезоне бал всей столицы. А теперь форт, вместо столовой — ров и сверху моросит дождик. Но, несмотря на это, настроение приподнятое. Как сказал Апостол: «Внешний человек тлеет, зато внутренний обновляется». Гостей очень много во главе с и. д. Командующего контр-адмиралом Беренсом и начальником штаба К.А. Тихменевым.

Маленькая полутемная в каземате церковь. В самый торжественный момент над царскими вратами загорелся электрический крест, а посредине церкви паникадило, сделанное из баночек и старой жести.

Облачение из бязи, точно из белого шелка. Все сделано самими: свои художники, свои плотники, свои слесаря, свои портнихи. Делали любящие руки. Нужно отдать честь вдохновителю всего ктитору храма — инспектору классов. О, этот маленький пещерный храм! Как он дорог нам! Сюда несем мы свои скорби, сюда идем со своими надеждами.

«Молитву пролью ко Господу и Тому возвещу печали моя». Стройно и торжественно идет литургия. Служат пять священников и один диакон. Прекрасный бархатный голос его и красивая манера так способствуют благолепию службы. Задушевно поет хор из кадет, гардемарин, дам, офицеров и служащих.

Много труда и много любви вложил этот хор в свое святое дело. Исповедники морской идеи молятся Павлу Исповеднику. Кончается служба. На площадке перед фортом замер фронт. Впереди знамя. На правом фланге оркестр. Выходит директор корпуса, вице-адмирал еще царского производства. Старый моряк, суровый по виду, несколько сутуловатый, он из-за своего пенсне своими добрыми глазами окидывает юный фронт. Несмотря на внешнюю суровость, иногда даже резкость, видно, что он любит свою молодежь. Он хотел бы их побаловать, скрасить суровую обстановку, да бессилен.

— Здравствуйте, гардемарины и кадеты!..

— Здравия желаем, Ваше Превосходительство! — как один отрезали молодые голоса.

Выходит Командующий флотом и принимает парад. Церемониальный марш. Под бодрящие звуки оркестра плывут мимо стройные ряды: ведет их начальник строевой части (капитан 1-го ранга Китицын) — фанатик морской идеи, весь пропитан лучшими традициями флота.

Идет первая рота — высокая, стройная, вышколенная, гордая своим Владивостокским походом; вторая — серьезная, сосредоточенная, жаждущая знаний; третья — пылкая, горячая, отзывчивая; пятая и шестая — выравнивающиеся, заметно духовно и физически поднимающиеся и в конце седьмая — дети, без ружей.

Делают широкие шаги, поднимают плечи и голову, гордые собою. Прощебетали, как птички, на благодарность адмирала: «Рады стараться, Ваше Превосходительство». На фланге роты, прихрамывая (одна нога искусственная), идет их любимый отделенный начальник-воспитатель — Божией милостью (лейтенант Калинович). Публика с особенной нежностью провожает глазами ряды малышей. Гремит оркестр, а к горлу подкатывается какой-то клубок, отворачивают лица друг от друга, чтобы не заметили предательских слез. Обед во рву; обедает

около 600 человек. Традиционный гусь. Тосты. Громовое «Ура!» за любимого адмирала Кедрова.

Он да морской агент в Париже, В.И. Дмитриев, — защита и опора корпуса в парижских сферах. Все знают, как это трудно делать им, имея ограниченные средства, не имея под ногами почвы — своего Государства. Благодарно вспоминает корпус и тот Комитет, что среди грохота, шума и дрязг мировой столицы взял на себя святую задачу поддержать питомник морской детворы и молодежи.

На другой день гимнастический праздник. Очень хорошо поставлена эта сторона (поручик Вл. Ив. Высочин). Праздники такие действительно дают внушительную картину физического развития: ловкости, силы, гармонии и красоты. Точно воскрес перед нами дух древних Эллады или Рима. Тело — как красивый пьедестал души. Большое оживление в жизнь корпуса вносили посещения его адмиралом Кедровым или главными французскими начальствующими лицами. Последним, видимо, импонировала стройная во всех своих частях корпусная организация.

Вечером после Гимнастического праздника в устроенном мною театре во рву крепости я дал жителям Кебира и Сфаята и всем приглашенным гостям с эскадры и лагерей представление своей пьесы «Руфь», артистами которой были красавицы Сфаята Т. Гран, Т. Оглоблинская, А.Н. Куфтина, М.А. Жук и В. Васильева и гардемарины и кадеты от каждой роты корпуса. Музыка была составлена и подобрана Н.Н. Кнорингом, он же играл на скрипке. На пианино играл старший лейтенант Н.П. Солодков[572]. Оркестром дирижировал гардемарин 1-й роты Данюшевский... Ставили в декорациях натуральных — среди живых растений и цветов, и каменных стен форта. Библейские костюмы были сделаны из бязи и одеял. Парики достали в Бизерте.

При волшебном свете прожектора сглаживались все шероховатости и впечатление временами получалось самое сильное. Помню, в одном месте, где на полях Вифлеемских молятся жнецы (мелодекламация) перед отходом ко сну, обращается ко мне сосед и шепчет: «Правда, точно в Художественном театре?» Татьяна Гран дала высокопоэтичный образ моей «Руфи», и все артисты играли прекрасно, как и нежная музыка рояля и скрипки. Хор морского корпуса сыграл как финал «Тоску по Родине», под эти звуки и громкое «Ура!» автора снова высоко качали. Я получил благодарность директора и крепкий поцелуй Владыки Кебира.

В другой русской газете так описали мой спектакль: «Русский театр в Африке».

«В далекой и чужой стране, в мрачном рву заброшенного старинного форта творится красивое дело. Под ярким серебряным блеском

снятого с корабля прожектора идет русская пьеса под русскую музыку, с русскими артистами и для русской публики. Темное звездное вечернее небо повисло над суровыми, каменными стенами, между которыми приютилась кучка любителей искусства, изголодавшаяся после семимесячного поста. Библейская история Руфи, принявшей добровольно тернии изгнания ради высшей самоотверженной любви, — оживает для терпящих ту же самую судьбу. Нежно и осторожно играют артисты-любители, тихо и трогательно звучит тонкая и глубокая музыка. Благоговейно слушают зрители древнее сказание, переживая его своим настрадавшимся духом.

В коротком вступительном слове автор пьесы, на черном фоне траурного занавеса, среди многозвездного мрака надвигающейся ночи, тихим и проникновенным голосом говорит о своих переживаниях, приведших его к пьесе. Давным-давно история Руфи становилась перед его духовным взором; но повседневные работы отодвигали этот образ от него. И вот теперь, среди испытания судьбы, потеряв близких... Родину... потеряв «все, кроме чести», он снова и ярко вернулся к этому образу. Поразительная аналогия между судьбой Руфи и загнанной в чужие края Русью властно потребовала воплощения. И образы этого воплощения, в виде чутко написанной пьесы, с тонким музыкальным сопровождением в наиболее выразительных местах автор скромно предлагает вниманию собравшихся. «Надо оживить души», — говорит он, и он не ошибается. Шаг за шагом проходят перед зрителями тяжелые испытания добровольной изгнанницы, пока не начинает чувствоваться рука Возмездия... Чутко и с надеждой внимают зрители святому пророчеству... И в душах этих людей, заброшенных в далекую, чужую страну, зарождается зерно веры в высшую справедливость. Тихо задвигается занавес. Грустные звуки марша — «Тоски по Родине» — тонут в бодром говоре молодых голосов. Это чествуют автора пьесы, сумевшего в символических образах оживить падающую веру в нашу большую Родину... Чествуют задушевно и даже с энтузиазмом. Они теперь знают, что «пока что» им придется жить мечтою; но эта мечта обязательно воплотится в действительность. Ведь обрела же Руфь в конце концов воздаяние за свои самоотверженные страдания.

Первые ряды зрителей просто лежат на земле, покрытой старой палаткой, задние сидят на высоких столах, многие смотрят со стен, переходящих в земляные валы. И наконец, вместо богатой театральной техники и патентованного искусства — просто любовь к Родине. Эта любовь и у автора, и у исполнителей, и у оркестра, и у зрителей. Нужды нет, что тысячи препятствий стоят на путях впечатления, что многие очень привыкли к московским и петроградским театрам с их

большими артистами и богатым инвентарем. Любовь к Родине заставляет производить в себе могучую работу: угнетать досадные последствия бедности и уметь глубоко почувствовать самое важное и вечное — Идею. Вспоминаются шекспировские пьесы, шедшие когда-то с громадным подъемом, но где вместо декорации был шест с соответствующей надписью. Она углубляет зрителя, призывает «терпеть до конца» и закаляет колеблющийся дух. Эта исповедь кроткого духом человека, сумевшего путем красоты оживить наши надежды нетленной верой в воплощение нашей высшей мечты — мечты о Родине».

Бал

Прямо с моего спектакля двинулись зрители шумной толпой по крепостному рву, свернули налево в ворота Кебира, вошли во двор. Там, освещенный лампами, убранный флагами и дивными цветами, с гардемаринами-распорядителями в голубых и белых аксельбантах, гостеприимно и радушно принял их танцевальный зал. На возвышении в гирляндах и флагах грянул им навстречу оркестр корпуса.

Бодрый, молодой голос прокричал: «Вальс». И нарядные пары прекрасных дам, гардемарин, кадет и офицеров плавно понеслись по цементному полу крепостного барака. Солидные дамы, адмиралы, штабофицеры, профессора корпуса в живописных группах расположились вдоль стен, изредка выходя «вспомнить молодость» или «тряхнуть стариной» с какой-нибудь розовой барышней Сфаята, отдаленного лагеря Бизерты или с «Георгия Победоносца» — базы флотской семьи. Вальсы сменялись мазуркой, плясали краковяк, кадриль, миньон, полонез, шаконь и даже польку. Весело, искренно, непринужденно, как всегда у моряков. Для отдыха между танцами дамы и кавалеры, пройдя двор, углублялись под своды крепости и скрывались в интимном полумраке разноцветных гостиных, где их угощали сластями и лимонадом.

Там на мягких диванах, освещенная янтарным, розовым, голубым или зеленым светом ламп, восседала та или иная царица бала, окруженная синим кольцом гардемарин или кадет. В одной гостиной пели русские песни, в другой играли в шарады, в третьей велись беседы и раздавался веселый смех. И снова музыка. Пустеют уголки уюта, песни и остроумной шутки, и снова полон зал, и топот ног в лихой мазурке. Но вот утомлены танцоры, дамы, музыканты. Затих Кебир. Огни потухли. Разъехались все гости по домам. И мирный сон спустился над горою.

По очереди одна из рот уходила в плавание на учебном судне «Моряк», которым командовал (бывший мой воспитанник Петербургского корпуса) старший лейтенант Максимович. Подошла очередь и моей (севастопольской) роте идти в это плавание. По морскому уставу я, капитан 1-го ранга, не мог плавать под началом старшего лейтенанта, а потому директор корпуса назначил к кадетам лейтенанта Калиновича.

Утром на крепостном дворе нагрузили кадеты две фуры, запряженные мулами, и чернокожие возницы повезли кадетское имущество на пристань Бизерты, чтобы там перегрузить на парусное судно «Моряк». Я сказал роте наставительное слово, пожелал им счастливого плавания и благословил в поход. Рота покинула крепость и фронтом с песнями ушла в Бизерту. Из рощи оливок еще доносились их звонкие, молодые голоса и стихли на нижнем шоссе. Осиротелый на время, я спустился в Сфаят, где, по совету директора, засел за новую патриотическую пьесу для театра Морского корпуса — «Памятник — Россия». Я написал ее в 3 картинах: 1) Могущество великого Царства. 2) Распад Царства во время революции. 3) Светлое воскресение России. Закончив ее, я прочел свое произведение в «Художественно-литературном кружке» Морского корпуса — председательницей которого была супруга директора. Пьесу одобрили и много о ней потом говорили.

А пока она писалась, кадеты мои плавали и я навещал их на учебном корабле. Командир его хорошо помнил своего воспитателя, принимал меня с почетом и лаской, показывал судно, занятия кадет, устраивал шлюпочные учения под веслами и парусами.

Приезжал ко мне в Сфаят лейтенант Калинович, докладывал о кадетах и высказал мне, что очень доволен кадетами, что они удивительно хорошие мальчишки и, несмотря на мелкие проступки и ошибки (благодаря их молодости), они очень хорошего направления и полны благородных задатков. Одно удовольствие с ними работать. Выслушав такой лестный отзыв такого прекрасного воспитателя, я испытал глубокую радость за свою любимую Севастопольскую роту и с душевным удовлетворением увидел, что мои труды нескольких лет не пропали даром. Вот, думалось мне, они уже кадеты 5-й роты, там 4-я, и вот они — гардемарины; доведу ли их до мичмана? увижу ли их офицерами? И пока я так думал о них, в келье Владыки Кебирского Китицын ловкими и умелыми руками перетасовывал две колоды, «Владивостокскую» и «Севастопольскую», карт. В стройном «пасьянсе» укладывались офицеры — валеты, ротные командиры — короли, отбрасывались дамы и передвигались важные тузы

В результате этой раскладки большинство «севастопольских» офицеров перешли на разные хозяйственные, классные, канцелярские

должности, а воспитателями к севастопольцам пришли «владивостокские» мичманы, фельдфебели и унтер-офицеры. Я сам не избег той же участи. После многих часов убеждений и уговоров темные, бархатные глаза уговорили меня: «Для общего блага корпуса», как говорили мягкие губы, отдать мою роту, расколов ее на две части: старшую, по возрасту, успехам и развитию 4-ю, — старшему лейтенанту Брискорну; а 2-ю — 5-ю роту — новому гостю с эскадры — помощнику старшего офицера крейсера «Генерал Корнилов» старшему лейтенанту Круглик-Ощевскому — офицеру, перешедшему из армии во флот.

— Вы — «человек с сердцем», — говорил мне уговаривающий голос Китицына. — Вы знаете сердце детей, возьмите 6-ю и 7-ю роты и воспитывайте их, как вы прекрасно это умеете. Он — «человек с перцем», возьмет 5-ю роту — это возраст, который нужно держать в ежах. Я и других «королей» переставлю, и тогда у нас получится стройная организация. Каждый будет на своем месте. И корпус отшлифуется как бриллиант!

Вечером того же дня вышел приказ по корпусу, благодаривший меня за все труды, заботы и знания, положенные в роту мою в Севастополе, во время эвакуации, и в Бизерте, и я назначался командиром сводной 6-й и 7-й рот. Всю работу приходилось начинать сначала. Плавание на «Моряке» окончилось, и севастопольцы мои вернулись на «Кебир». Приехал и «гость с эскадры».

В одно печальное утро, о котором и до сих пор вспоминаю с невыразимой грустью, на дне крепостного рва стоял я перед серединою фронта своей дорогой «Севастопольской» роты и читал им приказ по корпусу о нашей разлуке.

Длинный фронт вытянулся вдоль крепостной стены, и двойной линией тянулись передо мной милые головы кадет с глазами, устремленными на меня, давно знакомые, близкие, родные лица, так хорошо изученные мною души, так горячо любимые дети-друзья. Прочтя приказ, я сказал им прощальное слово:

— Мне тяжело и грустно отходить от вас; но я учил вас безропотно подчиняться каждому приказу и сам подаю вам в этом пример.

Сбоку на фланге на фоне крепостного вала стояла высокая фигура Круглика-Ощевского, белая рука разглаживала черные бакенбарды на белом лице, и черные глаза с улыбкой следили за прощанием командира с его ротой. Вдруг он отделился от скалы и громко закричал:

— Господа, по обычаю моряков, качать вашего любимого командира, ура!

Рота бросилась ко мне, подхватила, и высоко взлетал я между двумя каменными стенами на мягкие руки дорогих моих воспитанников и учеников.

— Ура! Ура! — кричали кадеты; но сердце мое сжималось от горя разлуки.

Я переживал чувство матери, отрывающей родное дитя от груди своей и передающей его, против воли своей, чужой и строгой гувернантке. Никогда не забывая своей «Севастопольской» роты, как нельзя забыть даже умершее дитя, я вскоре привязался к своим новым «малышам», воспитывая их, я обучал их морскому делу, французскому языку и затем еще рисованию, ходил с ними в экскурсии, читал им историю Морского корпуса и, так часто и много общаясь с ними, искренно полюбил и эти роты, с которыми пробыл до 1923 года, до своего отъезда в Париж.

В тот год и в той роте я закончил все 20 лет моей учебно-воспитательской деятельности, имея своим старшим воспитанником контр-адмирала Николая Машукова и самым младшим — кадета Владимира Спильниченко.

Дело его личных воспитанников, Владивостокского Морского училища, было теперь окончено в Бизерте, и Михаил Александрович Китицын считал, что долг его по отношению «к своим» закончен; «перевоспитывать» или «довоспитывать» севастопольцев, вероятно, ему больше уже не хотелось, или были у него для того личные причины; только недолго он пробыл с нами после своего возвращения из Парижа, куда ездил он устраивать «своих». Подарив мне «свои погоны» на добрую память о совместной службе, он в один печальный день с грустью простился со своим «Кебиром» и, переодевшись в штатское платье, снова на пароходе и уже окончательно покинул Морской корпус. Уехал он в Америку, куда уже раньше уехал адъютант корпуса барон Соловьев. За начальником строевой части вскоре оставил корпус и ушел на эскадру его помощник старший лейтенант Брискорн...

6 ноября 1922 года окончила 3-я гардемаринская рота и стала корабельными гардемаринами. В июле 1923 года окончила среднее образование и стала гардемаринами 4-я рота кадет. В октябре 1924 года окончила 5-я рота кадет, в мае 1925-го — 6-я рота и в июне того же года 7-я рота. Четыре последние роты все бывшие мои: 4-я и 5-я — Севастопольские; 6-я и 7-я — Бизертские. 4-я перешла к старшему лейтенанту Брискорну и капитану 2-го ранга Якушеву. 5-я — к старшему лейтенанту Круглик-Ощевскому. 6-я и 7-я — к лейтенанту Калиновичу, а впоследствии к самому генералу Завалишину, о последнем я узнал уже в Париже от бывших моих воспитанников.

Где бы, когда бы ни встретил я хоть одного из них, всегда охватывает меня искренняя, теплая радость, как при встрече с родным и близким человеком-другом; и лицо каждого из них ярко оживляет в моей памяти счастливые годы самой светлой моей деятельности — воспитания живой человеческой души — мальчика-кадета, юноши-гардемарина в готового достойно пойти под сенью святого креста Андрея Первозванного. Честного и храброго офицера Российского флота. Да пошлет и им Господь эту честь и радость.

Вместо лейтенанта Мейрера вступил в командование 3-й ротой гардемарин капитан 2-го ранга Остолопов, вместо старшего лейтенанта Брискорна стал командовать 4-й ротой кадет капитан 2-го ранга Якушев. Так снова судьба переставила фигуры на шахматной доске корпуса. Он продолжал жить раз налаженной жизнью, сохраняя свое лицо и великие заветы своего великого Основателя, и был по духу таким же в Петербурге, как в Севастополе и теперь в Бизерте, так как все основные руководители жизни и воспитания в Морском корпусе были старые, опытные, кадровые офицеры Императорского флота, которым морские законы, уставы и традиции вошли уже в плоть и кровь, а опыт и знания давали возможность легко, хорошо и понятно передавать их молодым поколениям.

Дворец Шахерезады

После отъезда Мих. Алек. Китицына из Морского корпуса, директор корпуса предложил его место генерал-майору Ал. Евг. Завалишину. Мудрый царедворец, вступив на этот большой и ответственный пост, решил сразу проявить свои силы и таланты и начал с праздника самого адмирала Герасимова, которому в этом году выходил срок службы в офицерских чинах ровно 40 лет. Он выслуживал право ношения Георгиевской ленточки с золотым числом 40 римскими цифрами, наложенными на нее.

Для этого праздника генерал Завалишин поднял на ноги весь Сфаят и весь «Кебир», объездил город и эскадру, задал всем работу, наприглашал гостей, поручил заведующему хозяйством лейтенанту Богданову организовать пир, вина, сластей, плодов и всякой снеди! Для пира был отведен столовый барак. Хлопоты генерала увенчались полным успехом. В торжественный день внутренность арабского барака превратилась во «Дворец Шахерезады».

Гирлянды африканского вереска темной резной зелени со вплетенными в них лиловыми и розовыми астрами обрамляли вход и вились под потолком вдоль белых стен. Красные, синие, желтые, розовые ков-

ры устилали пол и низ стены и покрывали высокий помост с креслом триумфатора. Перед креслом стоял стол, другие столы обступали помост, составляя каре.

Над помостом с потолка спускалась сень в виде тонкого шатра, сшитого из морских сигнальных флагов. Скрытые в розовых, зеленых, желтых и голубых абажурах лампы одевали шатер в перламутровый свет. Живые цветы, вино, фрукты, пироги и печенья украшали столы.

Вечером вошли в шатер все жители Сфаята и офицеры Кебира и эскадры. В торжественной тишине генерал Завалишин пошел приглашать адмирала и адмиральшу. Они вошли в шатер. Ласковая радостная улыбка сияла на их лицах. Громкое, дружное, искреннее «Ура!» встретило их приход, они поднялись на возвышение под сень родных флагов и сели рядом, как на троне. Вокруг них, по старшинству, расселись адмиралы и штаб-офицеры, а по бокам остальные чины, дамы и гости. Начались тосты и речи, стаканы чокались, ораторы сменяли друг друга, переливались крики, смех и говор. Веселое, радостное, праздничное настроение охватывало всех. Прямо против адмирала с потолка спускалась Георгиевская лента и на ней золотые римские цифры — 40 лет. Он сидел, простой и милый, слушал всех с добродушной улыбкой на своем мужественном лице. И, глядя на него, мне вспомнилось: «Пирует с дружиною вещий Олег...» «Они вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе боролись они...»

Среди военных преподавателей был в корпусе генерал-лейтенант К.Н. Оглоблинский — знаменитый девиатор, профессор компасного дела, он встал и, подняв бокал за здоровье адмирала, в прекрасной речи рассказал блестящую службу директора корпуса и закончил речь словами: «Девизом жизни и службы А.М. Герасимова было всегда: «Прямо и верно» — так он и прошел всю свою жизнь». От штатских преподавателей встал профессор истории Ник. Ник. Кнорринг[573] и прочел стихотворение, не то свое, не то его дочери. Это стихотворение вызвало сенсацию: аплодировали, кричали, вызывали автора. Сам виновник торжества был растроган, встал и сказал: «Если автор сам профессор, то жму крепко его руку, если милый поэт — его дочь, то я завтра поцелую поэта». Взрыв дружного смеха покрыл ласковую шутку адмирала.

Звенели стаканы, лилось вино, сладкие пироги исчезали за чаем. Собрание веселилось и сливалось в одну дружную семью. Так сближает людей разнородных праздник, радость, счастье и вино.

Но всему есть конец. Кончился и праздник. Адмирал благодарил гостей и устроителей и ушел в свою кабинку. Генерал ликовал. Гости разъехались по домам, кто не смог — заночевал в корпусе; погасли огни, завяли цветы в табачном дыму, и ночь окружила Сфаят темнотой, тишиной и истомой.

На строевой площадке Кебира шли репетиции парада. Батальон проходил перед новым начальником строевой части генералом Завалишиным, который заменил уехавшего М.А. Китицына и занял свое прежнее достойное и заслуженное место, превратившись из «Сан-Жанского беженца» в помощника директора.

После праздника адмиралу, мудрым действием его было предложение сыну адмирала — офицеру-авиатору и художнику Вл. Ал. Герасимову расписать красками стены барака-столовой картинами из жизни флота от Петра Великого до наших времен. Были куплены краски и кисти, выбраны из гардемарин и кадет художники, и талантливый преподаватель мастер и его подмастерья создали из арабского барака «дворец из русской сказки».

Над выходной дверью был укреплен бриг «Наварин» под всеми парусами под Андреевским флагом (работа гардемарин — модель брига) — по одну сторону двери на стене старинные корабли, 120-пушечные фрегаты под парусами, по другую бригада крейсеров нашего времени. У противоположной двери — по одну сторону Сухарева башня в Москве — 1-я Навигацкая школа, по другой — Морской корпус в С.-Петербурге на берегу реки Невы. На боковой стене противоположный берег с Балтийским судостроительным заводом, линейный корабль XX века и эскадренные миноносцы на полном ходу и, наконец, памятник Императору Петру Великому (работы Антокольского) в окружении его галерного флота под парусами.

Все эти картины в живых и ярких красках талантливой кисти Владимира Александровича были в рамах живых гирлянд из вереска, листьев и вай. Пальмовые ветки скрещивались над овалами картин, образуя и раму и «славу» художников, создавших эти удивительные картины. Длинные столы были покрыты бязевыми скатертями, на них расставлена железная посуда «арабских» войск, в консервных банках цветы Сфаята, бутылки красного и белого «французского» вина и яства «русской кухни». «Кто этих чудес художник? Кто автор этого зала?» — восклицали гости. «Герасимов художник. Сын нашего адмирала», — отвечал им счастливый генерал Завалишин.

Заключительное слово о жизни Морского корпуса

О жизни Морского корпуса в Африке можно было бы написать отдельную большую интересную книгу со многими психологическими этюдами, романтическими сценами, веселыми и печальными эпизодами, с глубокими философскими мыслями и весьма остроумными шут-

ками и остротами старых и молодых участников этой оригинальной жизни; но, к сожалению, количество печатных знаков моего произведения ограничено, и я принужден закончить его на этих последних страницах.

Благодарною памятью коснулся я многих офицеров Императорского производства — воспитателей корпуса. Велика благодарность и добрая память Морского корпуса и тем совсем молодым офицерам: мичманам Парфенову[574], Васильеву[575], Аксакову[576], Макухину, Макшееву[577], Майдановичу[578], Дунаеву[579] и следующим за ними корабельным гардемаринам из Владивостокского Морского училища, которым выпала на долю с первых дней своей службы начать столь тяжелую, столь сложную учебно-воспитательную службу, которая в былое время в Петербургском корпусе допускалась только с солидного лейтенантского чина.

Эти молодые мичмана и корабельные гардемарины вложили всю свою молодую энергию и горячее сердце юноши в дело воспитания молодых моряков и, отдавая честно и широко свои свежие силы и знания, много и хорошо способствовали образцовой жизни, службе и работе Морского корпуса в Бизерте. И конечно, ни корпус, ни благодарные их воспитанники их большого и ценного труда не забудут!

Чтоб закончить, кратко пробегу незаписанные «события». Во Франции у кадет хлопотами лейтенанта Цингера образовались «крестные матери» — от них кадеты получали письма, сладости, мелкие вещицы обихода и карманные деньги. Прискакали однажды на горячих арабских конях арабы-всадники и привезли на седлах своих «подарки» корпусу. Это была сладкая каша с фруктами, по-арабски «Кус-Кус». Всадники въехали к крепости, сошли с коней и понесли медные, ярко вычищенные тазы с «Кус-Кусом» гардемаринам и кадетам — большим любителям всего сладкого.

В день равноденствия старшие гардемарины ночью, украдкой, навешивали плакаты с более или менее остроумными надписями по адресу воспитателей и преподавателей на двери их кабинок, вызывая этим наутро веселый смех, лукавую улыбку, иногда ругань и слезы обиды.

Перед экзаменом по астрономии у выпускных гардемарин тяжко заболевал «Нотикаль-Альманах». На деревьях, на бараках появлялись бюллетени о ходе его болезни. А в ночь, по окончании экзамена, «Альманах» скончавшийся хоронили, согласно ритуалу, заповеданному предками через «Золотую книгу» корпуса.

Первый выпуск в Бизерте на похоронах «Альманаха» выставил очень хорошо переодетых и загримированных гардемарин. Вице-адмирала

Герасимова — директора правящего и контр-адмирала Ворожейкина — бывшего директора. Капитана 1-го ранга Китицына, генерал-лейтенанта Оглоблинского, меня... «Похороны» прошли по всем правилам с песнями, пляской, анафемой и возлиянием. Затем «Золотая книга» перешла следующей роте, становившейся старшей.

Вновь испеченных корабельных гардемарин чествовали дамы Сфаята. Дамский комитет устроил им «прощальный чай». Жены офицеров и преподавателей угощали их сладкими пирогами, милой речью и светлой улыбкой и, простившись с корпусом, корабельные гардемарины ушли в большую и новую жизнь.

В лагере Сфаят почти каждый гардемарин и кадет имел свою хорошо знакомую семью, в которой он был принят как родной и близкий дому, где проводил свои свободные часы и праздники. Такие гости носили название «сыновей». У кого было два-три, а у других 8 и 10 «сыновей». Такое отношение Сфаята к Кебиру несколько смягчало остроту полного сиротства воспитанников корпуса; а мягкое влияние женщин — матери и сестры — смягчало и облагораживало грубого по природе мужчину-воина.

Были спектакли на Кебире, тогда обратно: дамы и барышни Сфаята становились гостями гардемарин и кадет. Кроме моей «Руфи», ставил старший лейтенант Круглик-Ощевский со своей ротой пьесу. Ставила супруга инспектора г-жа Александрова пьесы А. Чехова; все спектакли проходили очень успешно и приносили большое и долгое удовольствие и участникам, и зрителям.

Каждый год на Рождество сооружали елку. В год правления Кебиром генерала Завалишина елку сооружал я со своими ротами. С любезного разрешения французов, вырубили мы большую елку — до самого потолка. Все украшения, бонбоньерки, бусы, ленты, фонарики, зверюшки создавались у меня руками кадет из купленных в Бизерте материалов. В первый день Рождества громадная елка, сверкая огнями и звездами, горела в столовой корпуса на великую радость детей и взрослых, своих и гостей с эскадры. Под гром рукоплесканий и радостные крики из-под елки на тройке детей выехал в санях сам «елочный дед» и привез детям полные сани подарков. Русская «Баба-яга», «русалки» и «леший» помогали детям раздавать сласти и подарки. Шум, смех, возня, крики и полный рот пряников, совсем как в России. Елку увлекали в угол. Грянула музыка. Начались веселые танцы.

На другой год елку ставил старший лейтенант Круглик-Ощевский со своей ротой. Елка эта была на Кебире. Много на нее ушло и труда и фантазии. Была даже «избушка на курьих ножках». Веселились, резвились, много смеялись, много танцевали. Гуляй, Рассейюшка! Гу-

ляй, матушка. Вот уж воистину, «гулять хорошо и с душою» умеют одни только русские!

Из печальных событий, посетивших Морской корпус, были смерти: умер Хаджи-Мед — джигит — кавказский воин — верный вестовой директора корпуса. Не странно ли, джигит у адмирала? Но там нас ничего не удивляло. Хаджи-Меда хоронили с воинскими почестями, как солдата русской армии с музыкой на Магометанском кладбище. Узнали об этом арабы-единоверцы и радовались, проникаясь уважением к русскому народу, который так уважает каждого своего солдата, хотя бы и нерусской веры. Умерла после долгой, исступленно-мучительной болезни Глафира Яковлевна Герасимова — супруга директора корпуса. У дверей ее кабинки шла панихида. У окна на коленях рыдал адмирал. Аромат цветов и запах ладана наполняли маленькую комнатку. За стеной на столе стоял гроб розоватого дерева. Генерал Завалишин обивал его собственноручно глазетом и кружевами; приготовляя адмиральше ее последнюю постель, мудрый царедворец оказал правящей семье третью и последнюю услугу. Гроб готов, внесен в горницу. Адмирал подошел к дорогой покойнице.

— Господа, помогите мне уложить ее, — сказал он голосом отчаянной скорби.

Я подошел к ее постели, и мы вдвоем уложили тело в приготовленный гроб. Адмирал собрал цветов и обложил ими покойницу и с невыразимой нежностью погладил ее скрещенные, совсем прозрачные восковые руки. Гроб подняли офицеры и понесли на руках на высокий Кебир, в ту церковь, в которой она так любила молиться. Впереди гроба на всем пути маленькие кадеты несли живые цветы и усыпали ими шоссейную дорогу, по которой двигался гроб с той бесконечно доброй женщиной, которая отдавала им истинно материнскую любовь и заботу. Гардемарины стояли шпалерами по всей горе до самой церкви. В церкви гроб стоял, утопая в цветах и в венках. Военные морские и сухопутные офицеры-французы и их дамы, представители русской эскадры, все жители Кебира и Сфаята запрудили церковь, коридоры и дворы крепости, где шла последняя заупокойная литургия. Корпусный хор в последний раз пел дорогой покойнице свои дивные и трогательные напевы, и вот уже «вечная память» и «последнее целование»... И гроб закрыт навсегда... Медленно и торжественно двинулось длинное погребальное шествие на далекое Бизертское кладбище. Там у каменной ограды французского кладбища ждала ее открытая могила. В нее опустили гроб. Отец Георгий Спасский благословил отходящую в недра матери-земли и бросил первый ком, адмирал — второй, и посыпалась земля из рук всех проводив-

ших к месту последнего упокоения. И закрылась могила, и выросла насыпь. Цветами и венцами покрылась сырая земля и черный крест с дорогим ее именем, среди роз и белых лилий легли голубые и белые ленты. На шелку золотыми буквами стояло: «Незабвенной Глафире Яковлевне Герасимовой — Морской корпус».

Медленно, но верно таял Морской корпус в своем личном составе. Кончающие воспитанники уезжали во Францию на заработки, за ними уезжали и воспитавшие их офицеры и преподаватели. Редел штат служащих. Драгоценная чаша с дорогим напитком медленно испаряла живительную влагу, и уже виднелось, просвечивая, ее золотое дно. Наконец последняя капля была испита. И жизни Морского корпуса в Африке приходил конец, сказка, где был «русский дух и Русью пахло», кончалась, наступало пробуждение после пятилетнего сна, в котором грезилась еще Россия.

Умирало маленькое русское княжество «Джебель-Кебир-Сфаятское», и 5 мая 1925 года, по требованию французских властей, была объявлена ликвидация Морского корпуса. И с этого дня с лица высокой Кебирской горы сползал он медленной поступью, пока не сошел весь; и на месте живой и плодотворной жизни остался снова пустой ненаселенный «лагерь Сфаят» с белыми бараками и красной черепичной крышей. Крепко заперлись железные ворота Джебель-Кебирской крепости, и бронзовый воин-араб в голубых шароварах и белой накидке тихо и мерно шагал перед каменным умершим фортом. На солнце ярко горела его красная феска. Синее море билось под горою и омывало белый город Бизерту ко всему равнодушною волною.

Н. Кнорринг[580]

СФАЯТ. ОЧЕРКИ ИЗ ЖИЗНИ МОРСКОГО КОРПУСА В АФРИКЕ[581]

Еще на родной земле

Осенью 1920 года в Симферополе пришел ко мне мой коллега по Харькову с предложением занять место преподавателя истории в Морском корпусе в Севастополе. Расписывая жизненные блага этого места — квартиру с ванной, электричеством и прочим, действительно привлекательным в то время, он весело закончил: «А в случае какой-либо эвакуации, можно быть уверенным, что при наличии флота Морской корпус всегда выберется благополучно...»

Через несколько дней я сидел в Севастополе на Минной пристани со своим беженским багажом и дожидался катера на Северную сторону. Прямо напротив стоял огромный дредноут «Генерал Алексеев». Я указал на него жене и сказал: «Какая громадина! Интересно было бы осмотреть».

Прошло еще несколько дней, и сбылись и мое желание, и роковые слова приятеля...

В памятные дни октября 1920 года у нас, на Северной стороне, было все спокойно; было спокойно и в городе, по крайней мере по виду, и вдруг 28-го с возвращением из города директора корпуса контр-адмирала Ворожейкина все засуетились и мгновенно разносится весть: армия эвакуируется, и, в частности, Морской корпус направляется в Тулон. (Так думали сначала, в Африку было приказано идти уже из Константинополя.)

Когда я с похолодевшим сердцем сообщил об этом решении своим, Ирина залилась слезами. Все внутри переворачивалось — так хотелось, наконец, отдохнуть, а тут вновь впереди ужас и тягота эвакуации, опять бежать, таскать корзину с чемоданом, отвоевывать себе место в очередях, спать не раздеваясь, оставаясь постоянно со своими думами, и наблюдать в потоке людей то звериные инстинкты, то горе, раздирающее душу. Сейчас, когда я пишу эти строки, смотрю на эту картину как бы со стороны, мне невыразимо жаль всех нас, и удивительно, откуда брались силы все это вынести. Но силы были...

Мысль о катастрофе не укладывалась в голове. Она пронеслась, ошеломила и сейчас же заслонилась мерзкой суетой, беготней, хлопотами и тупым глазением... Доминировало чувство животной усталости — физической и моральной. Нет конца разбитым надеждам. Только было пристал к пристани. Близкое дело, полная определенность целей, обеспеченность простого существования, южная природа, море, солнце.

Превосходное здание Морского корпуса было уже отделано. Приготовлены для занятий и жилья классы и помещения. Как было там хорошо! Особенно были великолепны аудитории, огромные, светлые. В некоторых из них был настлан паркет, развешаны картины из русской истории... И опять все рухнуло... Уезжать ли? Тогда у меня не было в этом вопроса. Политическому противнику большевиков, выступавшему против них всегда активно, начиная с Харькова, связанному теперь с военными организациями, остаться в незнакомом городе в полном смысле слова на произвол судьбы, встретиться с ними в качестве проигравшего игру, пойманного беженца было страшно и казалось немыслимо...

А тут — Франция, культура, предстоящий поход на большом военном корабле и, наконец, отдых в смысле установленного порядка, без случайностей и жестоких навыков Гражданской войны... И еще одно. Я не люблю и боюсь неорганизованности, а здесь был вполне готовый и действующий аппарат, учебное дело, мое любимое, профессия... И еще одно. Сознание непрекращенной борьбы, вера в скорый возврат, безотчетная, безоговорочная... Итак, едем. В теплые края, в синие моря...

Погрузка шла день и ночь. Огромная барка погружалась в воду, оседала. Ночью все окна жилых корпусов были освещены, двери долго не затворялись. Шла упаковка и увязка вещей; но в общем все делалось планомерно, а во многих квартирах даже не спеша. Чувствовалась огромная защита флота, его преобладающее значение в данный момент.

Ночь на 29 октября (старого стиля) мы провели в темной квартире — электрическая станция была снята. Это было жутко. Подходил час покинуть «пристань», в будущее не заглядывалось, а только тревожилось и сжималось сердце. Над Севастополем колыхалось зарево, доносился беспрестанный шум, гудки, какие-то удары, и в душе нарастало щемящее чувство чего-то надвигающегося, апокалипсического, против которого нет защиты... Плакать бы! Негде, некогда плакать, да и слез нет...

На рассвете мы покинули родную землю и перешли на барку. Суета погрузки, незнакомые лица кругом; осенний ветер с утренним холодом пронизывал и заставлял думать не о высоком и сложном, чего требовала душа в этот момент, а о самом простом, будничном, сером, принижающем. Скорее бы в тепло, сесть, согреться, съесть что-нибудь...

Самая эвакуация Морского корпуса не была обставлена сколько-нибудь торжественно в соответствии с моментом, и я об этом жалею: по-видимому, будничная сторона Гражданской войны притупила чувства и многие картинные стороны нашей жизни поблекли, осталась привычная проза беженской суеты, звериная пошлость эвакуации... Я предложил отцу Николаю, сидевшему в канцелярии среди груды всяких узлов и вещей, отслужить молебен. «Все уже уложено», — отвечал он, как будто для этого нужны были кресты или иконы. И только один момент мне врезался в память. Когда совсем рассвело, капитан 1-го ранга В.В. Берг, командир кадетской роты, привел своих воспитанников в строю под маршевые звуки горна. Звуки трубы резали воздух, точно отсчитывали какие-то сигнальные знаки судьбы...

«Генерал Алексеев»

Корабль, переменивший на своем коротком веку несколько названий, возвышался над водой как огромная гора. Вступив под защиту его брони, я почувствовал себя как-то особенно прочно, неуязвимо: казалось, это самое надежное убежище. Но вместе с облегчающим чувством безопасности и внутренней свободы я сознавал себя на этом корабле совершенно ничтожным и маленьким — он порабощал и сковывал волю.

«Алексеев» имел странный и необычайный вид для военного корабля, обыкновенно блиставшего чистотой. На палубе, грязной и черной от бесконечной погрузки и больших запасов угля, валялись грудой чемоданы, корзины, ящики и разное, неопределенного вида барахло; тащили еще, и еще, и трюмы проглатывали вещи.

Население корабля возросло в 7—8 раз, на его борту было несколько тысяч человек различной формы, пола и возраста. Дамские шляпки, английские зеленые шинели, френчи, русская форма, черные пальто моряков мешались с кавалерийскими рейтузами, форменные фуражки с кепками, полушубки с каракулевыми саками. Сгрудились предметы домашнего хозяйственного обихода — кровати, комоды, самовары; на носу терлись боками коровы, козы... Это был не только кажущийся для непривычного взгляда беспорядок, какой, например, бывает в школе во время перемены, это был настоящий хаос, в котором команда корабля была поглощена нахлынувшей стихией и растворилась в ней до неузнаваемости.

— Господа! — слышится голос подбежавшего к толпе старшего офицера. — Кто тут из вас из нашей команды?!

А люди шли, шли, ползли, как тараканы, без конца подъезжали лодки, груженные нужным и ненужным; поднимались по высокому трапу, лязгали лебедки, стучали танками матросы, и на баке появились новые баркасы, автомобили. Казалось, этой погрузке не будет конца, но людское несчастье гнало в море, вослед уходящим кораблям, и уже вечером на другой день, когда корабль стоял на внешнем рейде, подходили шлюпки, и сверху можно было видеть, как, дожидаясь своей очереди, шлюпки подбрасывались волной, и женщины, страдая от морской болезни, умоляли поскорее взять их на борт корабля, который стоял спокойно в море, как стол посреди комнаты...

Пристроив свои вещи, я смотрел с величайшим интересом и волнением на то, что происходило вокруг. Картины невиданной жизни развлекали и отвлекали... Вечером, с заходом солнца — торжественный и красивый обряд — спуск флага. Горн играет незатейливую

мелодию. Все обнажают голову, и несколько минут толпа стоит неподвижно...

Когда, поднявшись с барки на «Алексеева», я взглянул на город — остолбенел. Бульвары, все пристани были запружены народом. Тысячи глаз смотрели на бухту, где готовились к эвакуации суда. Внизу, на пристанях был ад. Лодки брались с боя, вероятно, заламывались сумасшедшие цены, дрались, вещи сбрасывали в воду... Было жутко думать, признаваться, размышлять. «Вот я стою на неприступной крепости и спасаю свою жизнь. Но почему у меня на это больше права, чем у тех, кто с жадностью, завистью, с мольбой смотрит с берега на уходящие корабли?»

Были ли с берега благословения — я не знаю, но проклятия были. И теперь, когда прошло несколько лет с того момента, как тяжелым кошмаром упали жертвы расправы Бэла Куна, — я испытываю какую-то неловкость перед этим черным от людей родным берегом, который я покинул, словно чувствую эти взгляды на себе.

Я понимаю, что за мою свободу и жизнь нужно чем-то уплатить Родине, и знаю, что этот долг мною еще не уплачен. И страшно мне — какую жертву я должен принести, что сделать? Легче умереть, но зачем России моя такая смерть?.. Буду жить с постоянной памятью о ней и с верой в нее...

А ночь была опять тревожна. Загорелись какие-то склады на берегу. Заколыхалось зарево. Когда несколько стихло на корабле, стали слышны зловещие шумы на берегу, доносились взрывы и чудился грозный шум толпы, не спящей, бурлящей. И ощутился животный страх западни. Мы стоим в бухте, как в кольце. Доносились разговоры шепотом на корабле, что нам не выйти в море, что команда покидает судно и съезжает на берег, что у нас нет хороших кочегаров, что на корабле много большевиков-матросов, что заложена адская машина... И пополз змейкой подлый страх, и хотелось как можно скорее выбраться из этого замкнутого пространства и бежать от нависшей беды...

И когда на следующий день подошел буксир, и громадный корабль сдвинулся с места, и поплыли мимо старые корабли, стоящие тесной грядой, Графская пристань, батареи крепости, и повертывался город, и скрывались его части, заслоняясь одна другой, когда мы вышли в открытое море и стали там, продолжая обрастать мелкими пароходиками, баркасами и лодчонками, принимая без счета пассажиров, и когда, разводя пары, корабль задымил и стал вздрагивать могучей дрожью — тогда появилась уверенность в спасении, что мы можем уйти...

На внешнем рейде мы простояли целый день. Спустилась ночь. Корабль набирался сил, дрожа все больше и больше, чувствовалось ог-

ромное напряжение в глубоких недрах этого чудовища, и внизу, где машинный гул становился явственнее и где пахло по-корабельному запахом пара и машинного масла, где в различных закоулках то и дело попадались какие-то непонятные и сложные приборы, электрические распределители, все это было в движении, гудело, ворчало, ухало. Раздавались звонки, вслед за ними отрывочные слова команды, стукотня ног, громкий разговор, вырвавшийся откуда-то с порывом сквозного ветра.

Публика стала устраиваться на ночлег, отвоевывая себе места на палубе, в кубриках, где попало, где было тепло и можно было спать. Раскладывались корзины с провизией, гремели чайники, расспрашивали, как пройти за теплой водой... А корабль гудел все ровнее и ровнее, и не было заметно в темноте, когда, с какого момента мы стали отходить от берегов дорогой, родной земли, мелькавшей далекими огоньками. Мы покидали Россию...

Люди суетились, занимались чем-то насущным, необходимым, неотложным... Кое-где у борта стояли группы сосредоточенные, молчаливые... Море светилось, блестело. Бросали лаг... Мы уходили... Моя жена смотрела вдаль, на последние огни Севастополя, и неутешно, тихо плакала...

Идем в Константинополь. Но чувствуется, что мы плывем куда-то дальше, в какие-то неизвестные дали. Не все ли равно — куда. Нет никаких планов на будущее, даже приблизительных предположений.

Великое дело чувствовать себя членом какой-либо организации, которая имеет свою волю и опыт. Я связан с Морским корпусом. Куда-нибудь приедем, развернемся, учить будем, кормить будут, а дальше — видно будет. Задумываться было некогда. Были еще силы и много сил, хотелось жить, работать, трудиться, смотреть, наблюдать, видеть новые страны, переживать удовольствие новых знакомств, спорить и мечтать, часами глядя в море...

Погода, по счастью, стояла хорошая, да на «Алексееве» и качка не страшна, можно было ходить по палубе, как по большому бульвару... На корабле были свои заботы. Это был плавучий городок. Тревожная беготня офицеров в первую ночь объяснялась беспокойством, что корабль делает круги, не слушается руля — ход слишком мал: уголь у нас есть, но нет кочегаров. В топку были мобилизованы пассажиры. Вечерами иногда сходились в кают-компании: играли в шахматы, слушали доклады...

Тяжелее всего было ночью. Места, койки какой-нибудь у меня не было, приходилось спать где придется. Несколько ночей я провел на палубе, возле четвертой башни. Осенний ветер пронизывал — не спа-

нье, а дремота. Потом часть преподавателей устроилась в самой башне. Нужно было подниматься по узкой лесенке, нырнуть в низкую дверь, и тут, на площадке, возле огромных орудийных замков, кто на полу, на матрасах, кто на чемоданах, мы устраивали себе постели.

Во время пути, когда горело электричество, можно было спастись от какой-нибудь западни вроде люка или горловины или от удара головой о какую-либо металлическую штуку, но было тяжко, когда в Константинополе почему-то прекратился свет, и ночью нужно было пробираться то на камбуз, то на бак за какой-либо нуждой. Спички гасли на сквозняках, закоулки невероятные, неизвестные (казалось, сто лет к ним не привыкнешь) и препятствия на каждом шагу — то сверху, то сбоку, то под ногами. Морское выражение «полундра» приобретало какое-то универсальное сакраментальное значение. Его кричали все. Кто-то саданул одного казака ящиком в бок.

— Что ж ты, милый человек, — обернулся казак с укором, — полундру бросаешь, а «берегись» не говоришь!..

Мрачное впечатление производил дредноут. Какой-то плавучий утюг. Может быть, орудиям там было очень хорошо, но людям — плохо. Мало помещений светлых, большинство под водой. Теперь, от переполнения, было беспорядочно, тесно и душно. Случалось нам спать и в кубриках, на койке, и испытать знакомство с корабельными крысами. Это существа совсем особенные, страшные по своей назойливости, прожоры и воровки — они в свои логовища тащили все, что могли, — вещи, бумагу. Лежишь и слышишь, как по трубам топочат, пищат, и потом то и дело чувствуешь торопливую беготню по своей спине: иногда и по голове проскочит, задевая волосы ножками. Ко всему привыкаешь — спросонья только рукой махнешь, иногда придавишь — испугается, запищит...

Уже четыре дня мы были в море. Огромная масса беженцев организовалась по своим частям. Длиннейшие очереди в камбуз за горячей водой, у опреснителей.

— Николаевское кавалерийское училище! Подходи!

— Минная бригада!

— Ледоколы!

Шум, толчея, перебранка, грозные окрики, угрозы рапортом. Морской корпус имел свое хозяйство на палубе. Всяко ели: и наварный суп из баранины, и недоваренные макароны на морской воде. Под конец черный хлеб резался кусочками, как шоколадный торт, корн-биф делился по ломтикам.

Плохо было, когда прекратилась топка и перестали работать опреснители. На такую массу людей трудно было заготовить воду. Ког-

да водовместилища корабля набирали воду, то, кажется, не пропадало даром ни капли. Около худых мест шланга стояли с чайниками, приспособляясь к тоненьким струйкам, бегущим в разные стороны. По секрету передавали места, где можно было нацедить воду, и тихомолком отправлялись туда и где-нибудь у маленького крана буквально по каплям набирали воду.

Стирать было нельзя, ходили грязными, вши заедали. По нескольку раз в день, особенно ночью, как ложиться спать, снимали с себя белье и занимались «регистрацией беженцев». Мучительно пользоваться только одной морской водой. Руки становятся клейкие, цепкие. Надевать что-нибудь мука — заденет, упрется кулак в подкладку — и ни взад, ни вперед.

Перепутались краски, перемешались понятия. Военный корабль походил на огромный пароход, перевозивший каких-то переселенцев или погорельцев... Во время воскресного смотра, когда команда выстраивалась в ожидании командира, тут же на «священном» месте, на шканцах, дамы пекли лепешки на примусе...

К горным воротам Босфора мы подошли днем и стояли что-то очень долго. Командир набирал пар, намереваясь пройти проливом самостоятельно, без буксира. Течение в Босфоре сильное, корабль большой, и пара требовалось много.

Вечерело. Я сидел на палубе среди искусственных скал из дорожных вещей. Вдали были видны очертания берегов. Я смотрел на них и думал, сколько веков люди волновались при виде этих берегов, за которыми открывались сказки Босфора, для одних политическая мечта, для других гордая реальность, а для многих — рабство и кровь.

Я, как историк, проверял себя. Я старался себе представить античные корабли, многовесельные, многопалубные, венецианские разноцветные паруса, лодчонки руссов и позднейшие запорожские челны, и рядом с этим — невольников, прошедших Перекоп, груженных в Кафе, поливших своей кровью Восток. Вспомнились слова украинских дум, невольничьих песен и многие другие слова, связанные с этим узлом мировой истории...

Входили мы в Босфор уверенно, в тихий ноябрьский вечер, при заходящем солнце. Конечно, все были на палубе, запрудили ее всю, так что из-за спин и локтей панорама была видна лишь по кусочкам. Пришлось переходить с одного места на другое, с борта на борт, чтобы не пропустить великолепных видов.

Стали на рейде Мода. Там же собрался весь флот. Начиналось «завоевание» Константинополя. Турецкая столица еще не видела в своих водах русских военных кораблей (если не считать стационеров) с та-

ким сильным вооружением. Но вместе с кормовым Андреевским флагом на грот-мачтах развевался французский флаг — мы отдались под покровительство Франции. По существу, это дела не меняло: через старые ворота морских путей вливалась волна русской колонизации...

Вот и Царьград. Стамбул, Святая София, башня Галаты... Кто мечтал все это увидеть — смотрите... Ялики, каики, апельсинные корки в воде плещутся у борта, турки в фесках... Все это мы уже видели... на картинках. Сладок рахат-лукум и сушеные финики. У кого есть лишние деньги — покупайте. У меня не было денег, и «мои» не съезжали на берег. Так и не видели они ни простора Святой Софии, ни византийских фресок, ни саркофагов Оттоманского музея... А я-то рассказывал им о своей студенческой поездке сюда!..

Как скучно стоять на одном месте, на якоре, не съезжая на берег. Вокруг все изучено досконально, кажется, запомнил навсегда каждый выступ пристани, каждый контур зданий от обычных европейских домов до какой-то казармы в арабском стиле на азиатском берегу, но нет, ничего не помню сейчас: как во сне все было...

6(19) ноября справили праздник Морского корпуса. Помню, молебен на палубе, нечто подобие парада, какая-то еда в кают-компании...

На корабле публика стала уменьшаться. Началась сортировка. Многим пришлось невольно остаться в Константинополе. Было решено очистить корабль от невоенного элемента и, главным образом, от женщин и детей... Куда мы идем? Кто говорил — в Тулон, кто — в Африку. Наконец, выяснилось окончательно — идем в Бизерту. Где это?.. Где-то в Африке — значит, тепло, солнце... Там можно отдохнуть.

«Константин» и «Кронштадт»

Маленький, но очень уютный пароход «Русского общества». Он должен был везти невоенный элемент в Африку. Несколько человек от Морского корпуса, в том числе я, отправились на предварительную разведку: предстояло осмотреть пароход и распределить в отведенные нам помещения семьи Морского корпуса, более 90 человек. Впоследствии, при всевозможных раздачах и очередях, эта цифра всегда пугала и вызывала большие подозрения.

«Константин» был детским и женским царством. После походно-беженской обстановки военных кораблей дамы как-то повеселели: так отвыкли все от комфорта, так привыкли чувствовать себя в положении вещи, которую вместе с ящиком отправляют в трюм. А тут — все к услугам именно человека-пассажира. Вечером, в большой гостиной, при

гостеприимном свете электрической люстры — шахматы, пение, пианино...

На нас, прикомандированных корпусных мужчинах (нас было около десяти человек), лежала довольно склочная обязанность по хозяйству. Нужно было каждый день по списку производить выдачи с отметками хлеба, сгущенного молока, консервов и также присутствовать на камбузе при выдаче обедов и ужинов.

Помимо этих постоянных выдач, часто бывали выдачи чрезвычайные — апельсинов, какао, вина, галет, яиц или еще чего-нибудь. Это было уже сложнее — приходилось сначала произвести учет того, что имеется для раздачи, потом прикинуть, по какой мере придется на лицо, и т. д. Конечно, не обходилось без мелких недоразумений и сетований, но я не помню, чтобы они принимали размеры больших неприятностей. Шло все хорошо. Совместная работа успокаивала нервы, общая судьба всех объединяла, и понемногу все перезнакомились.

Скучная пароходная жизнь, монотонная, утомительная. В каюте второго класса нас было человек десять, с громоздкими и неуклюжими вещами — негде повернуться. Обычно я спал на палубе или на юте, на скамейке или на спардеке. Подложишь матрас, завернешься одеялом — очень приятно. Донимало «скатывание» палубы. Операция эта хотя и не очень долгая, но беспокойная, особенно ранним утром, — приходилось складывать вещи и передвигаться с места на место. «Константин» хорошо устроен, машина ровно работала, «как швейная машина» — хвалился капитан, но маленький пароход был подвержен качке...

Из Константинополя мы вышли при хорошей погоде, после Дарданелл, в открытом море покачивало, но сносно, можно было днями сидеть на палубе, на солнышке, на влажном воздухе, встречать и провожать глазами живописные островки Эгейского моря. Когда мы подходили к Наварину мимо резных и разноцветных скал — посвежело, но мы благополучно прошли мимо острова Сфактерия (я, конечно, вспомнил эпизод из Пелопонесской войны) и встали в глубине Наваринской бухты, возле островка.

К вечеру начался шторм... Наваринская бухта плохо защищенная. Ветер настолько окреп, что один миноносец сорвал с якорей. Началась тревога, замелькали сигнальные огни... Погода еще не успокоилась, и море было беспокойно, когда поздно вечером, уже при огнях мы вышли из бухты. На меня всегда производил тяжелое впечатление выход в море в холодную, свежую погоду после захода солнца. Жутко смотреть вдаль на посеревшие волны, неласковые, ворчливые. И даль казалась огромной пропастью, мрачной и бесконечной, особенно с домашних

пригретых уголков парохода, залитых светом и морскими запахами пара и кухни.

Как только завернули за мол, какой-то удар подбросил пароход, потом еще, — и пошло, и пошло. Сначала казалось, что это так, пройдет, и пароход придет в равновесие, но он раскачивался все больше и больше, и тогда пронизывала мысль, что это и есть болезнь, качка, что ей конца не будет, и что же делать теперь? Послышались первые стоны, предательские, словно все их дожидались, и в дамских каютах началось то, что полагается при морской болезни... Я решил немедленно лечь на койку и дремать и слышал, как несколько морских офицеров прибежали к дамам на помощь и кричали:

— А вы харчите, харчите больше!..

Рано утром 21 декабря (н. ст.) мы входили в Бизерту. Полуразрушенный германской миной волнорез, мол с обычным маяком. Прошли каналом, который соединяет большое внутреннее озеро с морем; этот канал проектировался еще в древности. Сейчас же, справа, развернулась пальмовая аллея перед пляжем. Низкие, толстые, густые пальмы посажены, как в кадках, и кажутся искусственными. Высокие пальмы в сквере.

Вокзал с башней в мавританском стиле. Вдали казармы белые, стройные, тоже восточные по виду. Перед нами развертывался городок чистый, живописный. Пригородные дачи примыкали к нему зелеными кучками садов, издали очень красивых. Мы стали ближе к противоположному берегу, против дачи морского префекта.

Мы долго рассматривали эту африканскую землю, на которую предстояло вступить. За городом виднелись поля, сплошные маслинные рощи, которые замыкались очертаниями гор, и нам казалось, что там, за этими горами, начинается сама пустыня. У каждого города, каждой местности на земле есть свой запах, свое отличие, что висит в воздухе. Это неслось и к нам вместе с белыми плащами арабов, в красных фесках с громадными кистями, с бронзовыми босыми ногами рабочих, криками ослов и звоном бубенчиков извозчиков-одноколок.

Вместе с любопытством рождался вопрос: что будет с нами? Но этот вопрос ставился не во всю глубину, а только в пределах ближайшего времени, почти завтрашнего дня. Не было ни огорчений, ни сожалений, пройден утомительный путь, и вот она — пристань, чужая, совсем чужая... Но бодрости было много и сколько надежды! И надо всеми сложными переживаниями висело желание поскорее опуститься на землю, занять на ней свое место, и только бы получше занять, захватить его — а там видно будет...

Мы себя чувствовали живыми частями огромной живой машины, имевшей свой разум и внутреннюю силу, которые и пустят эту машину в ход. А мы, живые винтики, заработаем каждый на своем месте. Существует твое «я» только в той степени, в какой ты связан с этой машиной. Это сознание кабалило, но успокаивало и странно примиряло. Я думаю, что так же смотрели на эти скалы, маслинные рощи и белые плоские крыши из темных трюмов турецких фелюг скованные пленники невольничьих караванов триста, двести, а то и сто лет назад. Горькие думы о хате на «ридной Полтавщине» истомили сердце и выплакали все слезы, и теперь одна мысль, одно желание — скорей бы куда-нибудь сесть на землю, а там — что Бог даст...

«Константин» оказался в Африке первой ласточкой. Местные власти далеко не вполне были осведомлены в том, что происходит, когда несколько дней спустя один за другим стали входить в канал и размещаться на внутреннем рейде русские военные корабли. Встреча каждого была для нас радостью, как встреча соотечественника на улице незнакомого города. Пришли ледоколы, пришли красивые миноносцы, с ними на буксире красный, недостроенный «Цериго». Целый праздник был, когда одними из последних показались за волнорезом огромные башни «Генерала Алексеева». Мощно и грузно вошел он в гавань, сбив с якоря на пути, как пробку, один из бакенов. С приходом «Алексеева», который вез кадет, как бы соединились обе половины Морского корпуса.

Но особенно торжественно вошел «Генерал Корнилов». Появление его было незабываемо трогательно. «Корнилов» пришел последним заключительным аккордом. На нем был командующий эскадрой адмирал Кедров, стоявший на мостике со штабом. На каждом корабле был выстроен почетный караул, и когда с флагманского корабля раздавался сигнал — проникновенные, продолжительные, со слезой, дрожащие звуки горна, каждый корабль отвечал на приветствия адмирала...

Берег был близко, но земля была далеко. На грот-мачте был поднят желтый флаг — мы в карантине. Некоторое время спустя мы покинули уютные помещения «Константина» и перебрались на «Кронштадт», огромный океанский пароход, приспособленный под мастерские.

Действительно, это была какая-то плавучая фабрика... В одном отделении визжали пилы, в другом — металлические сверла, внизу, в преисподней, пыхтели пламенным огнем горны и ухал паровой молот. На пароходе были сотни механических станков и громадное количество материалов. Было очень жаль, что французы взяли себе этот пароход — на нем, в его мастерских, тысячи беженцев могли бы найти себе работу... Мы расположились на полу в одной из мастерских

среди станков, колес, приводов. Ночью, повертываясь с боку на бок, стукались головой о какие-то металлические части.

Здесь мы встретили Рождество, и отец Георгий растрогал нас в церкви, заставив вспомнить о снежной морозной рождественской ночи в России... А на Новый год была елка на «Алексееве» в Морском корпусе, и я отправился туда. Елка была устроена на юте, вокруг нее собрались кадеты, подчищенные и подтянутые. Три громадных орудия смотрели из башни. Били склянки, по-особому в этот день — удар из трех частей... После молебна и общих поздравлений, я сказал несколько слов, как историк.

Я вспомнил прообраз нашей елки в Риме, как праздник золотого века, праздник рабов, напомнил, что в древности место, где мы находились, было одним из перекрестных путей мирового невольничьего рынка. Мечты о золотом веке на палубе военного корабля в эпоху Гражданской войны звучали, может быть, глухо, особенно в присутствии пушек, но исторически здесь, может быть, и были параллели — ведь и Овидий жил в эпоху Гражданской войны... А затем — кадеты отплясывали вприсядку, и мы в командирской кают-компании, где помещались преподаватели, пили чай до глубокой ночи и ели свой праздничный паек с точным счетом мандаринов и фиников на человека...

Наступили теплые дни. Грело солнце. Плескалось море... Жизнь в ожидании перемен, без определенного дела начинала утомлять. Уже два месяца, как мы на воде. С утра до вечера видеть эту воду, то зеленую, то синюю, то чистую, то грязную, дышать соленой влагой, слоняться по палубе и спардеку, дожидаясь с животным нетерпением камбузных выдач, торопиться занять место поближе, изучать очертания берегов и думать — гадать о ближайшем будущем, когда можно будет ходить по этим улицам, дышать воздухом полевых дорог, потрогать ногой траву, потрясти кусты... Появилась страстная жажда земли. Ее поймет только тот, кто бывал подолгу в море, только тот поймет эту сосущую, физиологическую тоску по земле. В ней есть что-то извечное, мистическое. Это томление сказалось и в стихах Ирины, тогда еще маленькой девочки.

В карантине

Наконец, рано утром подошел большой французский катер, забрал нас, корпусных, со всеми вещами, и мы, провожаемые завистливыми взглядами оставшихся, мимо бухты Карубы и «Алексеева», стоявшего недалеко от нее, прошли большое озеро и причалили к пристани Фер-

ривилля. Отсюда тронулись в госпиталь для дезинфекции. После довольно неприятной процедуры купания в полухолодной воде и весьма поверхностной дезинфекции, мы, облачившись в пижамы, вошли в больничные бараки.

Три дня, проведенные здесь, показались раем. Вкусная госпитальная еда (мы за ней ездили с маленькими каретками на рельсах), вино, масса новых впечатлений, теплые дни, когда можно было сидеть без пальто на солнце, — все это успокаивало нервы, а когда вечером, откинув белые пушистые одеяла, мы утонули в пружинах госпитальных кроватей и спали на чистых простынях, без всякой предварительной «регистрации», — хотелось подольше не уходить из этих простых больничных бараков.

По-видимому, то же самое испытывала и дамская половина Морского корпуса. Дамы очень стеснялись своего костюма, и мы много смеялись, как они жались во фланелевых пижамах и коротких штанишках в обтяжку.

Лагерь

Едем в закрытом фургоне. Плохо видно — приходится закрываться от холодного ветра... Колеса стучат по шоссе. Выглядываем в щелочки, высматриваем. По обеим сторонам непроходимая стена кактусов, за ними поля. В одну сторону они упираются в горы, в другую — в море. Мы ищем местного, необычайного... Ранний час. Тянутся арабы с овощами на рынок. Мелькают черные пиджаки, красные шапки... Прошла дебелая женщина в широчайших белых шароварах — еврейка. Неожиданно из-за угла улицы проскочил араб верхом, в живописном костюме. Вот, вот он!.. Араб горячил молодого коня...

Стучит фургон. Въезжаем в какое-то ущелье. Каменоломни. Дорога сворачивает круто вправо и постепенно зигзагами поднимается кверху. С каждым поворотом открываются виды... Маслины, долины, пашни, скалы, море... Фургон накреняется, точно в рытвину падает. Мы стукаемся головами. Лошади встали. Наш вожатый, солдат в суконном желтом костюме, с широким шерстяным красным поясом и с широкими шароварами с мотней, в голубом расписном жилете, с кем-то перекидывается словами. Слышна русская речь... Приехали.

Неловко вылезаем, распрямляемся, оглядываемся. Шоссе переходит в мощеные улицы. Ряд бараков, дощатых, крытых черепицей. Дома расположены уступами, по склону маслинной рощи, которая спускается в долину. Дальше необъятная даль. Сразу даже не разберешь, что

там. Блестит на солнце огромный кусок зеркала, это вода, несомненно. А вот над обширной котловиной клубится туман. А что под ним? Море? Долина?..

Да, это совсем новое, непохожее на старое.

— Уединенно...

— Словно в скиту, — метко замечает отец Георгий, приехавший на другом фургоне.

Перекинулись впечатлениями и сейчас же бросились искать своих, стаскивать вещи, устраиваться.

Много крови испортили теснота и недостаток помещения. На всех угодить было трудно, — тут выступали наружу и табель о рангах, и местничество, и личные связи. Хороших помещений вообще не было, если не считать одного каменного барака, да и там были сырые комнаты В лагере ранее, во время войны, жили сербы, потом он пустовал и понемногу разрушался. Всего, что хлынуло в него теперь, он вместить не мог...

За четыре года нашего пребывания в Сфаяте, кажется, не было семьи, которая бы усидела на одном месте с самого начала. Наша, например, переменила четыре квартиры, устраиваясь все с большим комфортом. В конце концов нам подыскалась совершенно изолированная комната, с огромным запором на массивной двери. Комната эта служила раньше карцером, оттого, должно быть, и запор был такой фундаментальный. Пол земляной, с приспособлениями для нар, без окна — свет проходил в маленькое окошечко-форточку над дверью. Я нашел помещение превосходным, и мы прожили в нем два года, постепенно приводя комнату в жилой вид.

Менее всего беспокоило отсутствие окна При африканском климате, даже в первую суровую зиму («старожилы» говорили, что такой зимы они не помнят) днем можно было держать дверь открытой. Через несколько месяцев нам прорезали небольшое окно. Вид с внешней стороны был непрезентабельный, так что один корпусной гость принял мою комнату за прачечную.

Главное горе было в каком-то нелепом устройстве двери и порога. Во время сильных дождей, когда ветер хлестал в дверь, вода ручьями стекала в комнату, и всегда после большого дождя мы вычерпывали воду из лужи посредине кабинки Чего только не делали с этим порогом — все равно заливало. Но вода лила не только в дверь: в первый же ливень обнаружились в крыше дыры. Чинить крышу было трудно, и после многих хлопот мне устроили фундаментальнейший потолок...

Перед бараком, на бугорке, была куртина, росли агавы, тутовое и эвкалиптовое деревья. Агавы — мясистое растение, холодное, деко-

ративное. Его жизнь, однако, не лишена некоторой романтики. Когда наступает брачный период, оно расцветает: огромной высоты ствол вытягивается вверх и на самой верхушке распускается цветок. Но... «полюбив, мы умираем», — этот цветок стоит растению жизни: после цветения агава медленно засыхает и... выкорчевывается...

На бугорке, между деревьями я протянул гамак и поставил стол — это была наша дачка. Тут, на перепутье дорог, мы посиживали, иногда пили чай, иногда спали во время сирокко. Перед домом, через канавку, был переброшен цементный мостик, по утрам мы бросали пугливым воробьям хлебные крошки.

Один раз мы подобрали упавшего с дерева воробьеныша, желторотого — он совсем умирал. Положили его в коробочку, укутали. За ночь он отдохнул и затрепыхался. Ел только то, что положишь в рот. Приспособили мы его на дощечке к дереву — смотрим, — нашелся родитель, прилетал и заботливо кормил. Затем воробьеныш научился летать и долго ранним утром, чуть свет, прилетал в кабинку, садился на окно и начинал пищать до тех пор, пока ему не давали в рот крошки хлеба. Мы его прозвали Сфаксом. Потом он исчез, оставив о нас, вероятно, хорошие воспоминания, как и мы о нем.

История расселения жителей Сфаята — своего рода история внутренней жизни всего лагеря. Внешняя сторона здесь была очень показательна. Уменьшалось население, расширялись помещения, и, когда корпус доживал свои последние дни, жилищный комфорт достиг своей предельной степени. У нас, например, последняя кабинка была настолько велика, что можно было в ней отделить занавеской спальню, возле обеденного стола поставить диван и устроить в уголке подобие кабинета — с письменным столом, полками, которые быстро наполнялись книгами, всевозможными бумагами, газетными вырезками и прочим. У дочери была отдельная комната, примыкавшая к нашей. В кабинке был привинчен фаянсовый умывальник с резервуаром, который наполнялся водой снаружи, и со шлангом, отводящим воду в землю.

Внутри кабинок в основание строительного материала легло несколько вещей. Прежде всего — знаменитые топчаны, дощатые койки. В лагере их оказалось огромное количество. Сначала они были пущены в ход только для спанья. Но потом ими стали пользоваться, как перегородками, те, кому не хватало отдельных помещений. Бараки, без перегородок и потолка, были сплошь заставлены топчанами с проходом посередине, как в больнице или в казарме. Было тесно Через некоторое время топчаны разгородили барак на несколько клеток-кабинок, причем для скрепы и покрытия был пущен в ход другой непременный элемент строительства — одеяла. Их было тоже

много, разных сортов и добротности. Иногда отыскивалась парусина в виде палатки или паруса, иногда на материальную часть уходили флаги, которые каким-то путем переходили с эскадры.

Эскадра вообще снабжала многими вещами нас для оборудования и жизни, оттуда, например, были взяты массивные железные столы, служившие вместо парт для занятий в корпусе. Серые, коричневые одеяла обслуживали положительно всех: у кого одеяло, у кого покрышка для стола, у кого ковер, так что общий тон всех кабинок был темно-коричневый.

Внутри барак был похож на какую-то юрту; из темного коридора посредине в кабинки можно было попасть через дверь-занавеску. Неизменной принадлежностью всякой кабинки была разножка, складной стул, штука очень удобная в нашей беженской жизни, но постоянно задеваемая и цепляющаяся за ноги. Вместо матрасов выдавали чехлы, которые набивались соломой. Тугой набитый матрас был как бревно, потом солома обращалась в труху, и спать было жестко... до новой смены соломы.

Топчан, одеяло, разножка — это настоящие три стихии нашего беженства, с ними мог конкурировать разве только примус.

Конечно, житье в таких бараках (хотя бы и в отдельных кабинках) не способствовало конспиративности. Все знали, о чем говорят соседи, какое блюдо шипит на примусе и т. д. Но я, право, не знаю, чтобы это обстоятельство особенно усложняло наше положение. К этому привыкли, вырабатывался своеобразный такт, устанавливалась своего рода четвертая стена, как на сцене, — ее чувствовали и понимали.

Ночью, часам к двенадцати, когда Сфаят обычно засыпал и в тишине доносились лай собак в арабских деревушках или гудок запоздавшего автомобиля, иногда можно было слышать беспорядочный шум голосов, то яростные возгласы, то взрывы громкого смеха, то вдруг целая компания выбрасывалась на улицу, и лагерь как бы пробуждался, прислушивался, потом опять засыпал, а компания быстро удалялась по шоссе, голоса замирали. Дело обычное. Засиделись где-нибудь, чаще всего в преподавательской кают-компании, поспорили, пошумели и пошли гулять.

Преподавательский барак был в центре лагеря, такой же, как и все. Сначала он был до того густо населен, что среди топчанов, стоявших в нем в две шеренги, чемоданов, ящиков, корзин трудно было протолкнуться, но потом в нем были построены кабинки, маленькие, словно пароходные каютки.

Строительным материалом, как всегда, служили все те же универсальные топчаны и одеяла всевозможных сортов. Сверху сооружение

накрывалось тентом. Пыли в складках скоплялось невероятное количество, но зимой было тепло, особенно при лампе. В особенных же случаях, когда нужно было долго сидеть, например проверять тетради и т. д., то брали в кабинку примус.

Учительская кают-компания была маленькая комнатка, огороженная теми же топчанами, где стоял стол и две-три скамейки. В бараке были заведены общинные порядки, куплены фаянсовые тарелки, приятно заменившие казенные жестянки, и установлено дежурство. Утром можно было видеть, как дежурный крутит кофейную мельницу, бежит с огромным баком на камбуз или с полотенцем в руках моет посуду всей братии. В эту тесную комнатушку мы сходились постоянно то со свежими газетными новостями, то поговорить о последней книжке «Современных Записок», то выслушать какой-либо доклад на разные темы — текущей политики, литературный и научный вообще. Одно время были в ходу шахматы. Более всех мы играли с А. Ник. В-им и капитаном 2-го ранга А. Н-м, все мы играли довольно плохо, но азартно, искренно выражая свои радости и огорчения.

Большинство преподавателей, живших в бараке, хотя носили офицерские погоны, были люди, по своему образованию, штатские, представители пяти университетов: большинство из Московского — и мы каждый год вспоминали Татьяну и пили неизменный в таких случаях глинтвейн. По своей «штатскости» преподавательский барак среди военных представлял группу лиц не всегда податливую к требованиям формальной дисциплины, которая проводилась здесь иногда без особой нужды, так сказать, по привычке.

Так, например, когда были организованы для преподавателей практические уроки французского языка и приглашен для этого из Бизерты преподаватель лицея, молодой, очень милый француз, мы как-то, придя на занятия в Джебель-Кебир, увидели на столе в учительской целый регламент «Временных правил курсов французского языка преподавательской группы», в которых значилось, например, по правилу 4, что нужно было приходить на урок «за 5 минут до начала», по 5 — «лица отсутствующие отмечаются», а по 6 — «отсутствие на уроках допускается только по уважительной причине, о чем за 5 минут до урока необходимо поставить в известность дежурного по курсу преподавателя» и пр. Разумеется, уроки пошли своим порядком, а «Временные правила», плод бумажной формалистики, остались без употребления — в них не было никакой нужды.

Вечерами мы часто сходились в нашу кают-компанию и засиживались за полночь за столом, около большой и светлой лампы (боль-

шая роскошь в то время). Нас объединяло не только общее дело текущего дня, но и многие интеллигентские традиции. Про старину любил говорить Петр Александрович М-в, наш словесник, в прошлом судья. Падре, как мы его звали, был старый барин, сохранивший и в этой бивачной обстановке привычки костромского помещика, имел большой запас всякого рода сведений, свойственных русскому интеллигенту начала XX века.

Страстные разговоры и споры сменялись тихой грустью, когда вспоминали Россию, такую близкую и в то же время такую далекую. Както раскрылась шкатулка Петра Александровича с сотней всевозможных снимков — фамильных фотографий, снимков старого помещичьего дома, молодых лиц в студенческих сюртуках и гимназистов в сшитых на рост шинелях и т. д. Падре умильно давал объяснения, вздыхал и был расстроен.

Население бараков жило общей жизнью, как бы на виду у всех: образовалась привычка считать, что суконные перегородки непроницаемы, и если что-нибудь нарушало общепринятый распорядок жизни, то внушительное покашливание из кабинок требовало возвращения к установленному порядку. В преподавательском бараке жили холостяки и одинокие. Это накладывало особый отпечаток на весь тонус его жизни. Там всегда было шумно и весело. Вечно над кем-нибудь подтрунивали, пользуясь чьей-либо слабостью.

Очень много в этом отношении доставалось Ивану Владиславовичу Д-кому, очень добродушному и крайне рассеянному человеку. Прекрасный математик, увлекаясь своим предметом, он был способен забыть все на свете; стоило на улице заинтересовать его решением какой-либо задачи, и он тут же принимался за дело, и готов был на белой стене барака писать свои выкладки. Его рассеянностью пользовались на разные лады.

Однажды утром, когда Ив. Вл. совершал свой утренний туалет и все одеяние его состояло из туфель и наусников, из одной из кабинок послышался голос, обращенный к публике и высказывавший несколько скептическое отношение к Аполлонию Пергскому, знаменитому математику древности, учение которого о конических сечениях Ив. Вл. считал гениальным. Слово за слово, горячий спор перешел в коридор, куда выскочил Ив. Вл. из своей кабинки, затем спорящие постепенно продвинулись к выходу, и в конце самых азартных дискуссий Ив. Вл., забыв про свой костюм, вместе со всеми вышел на улицу почти голый...

В последний год удалось сделать общую с офицерами кают-компанию, в которой во главе с адмиралом обедали бессемейные. Здесь уда-

лось потом поставить пианино, устроить пышные турецкие диваны, развесить портреты и картины, в том числе Айвазовского, и поставить бронзовые статуи, подарок тулонских моряков, взятые с какого-то корабля. Любили мы часы, проведенные здесь вечером, на широких диванах, при лампе с цветным шелковым абажуром, в уюте, устроенном нашими дамами...

Сфаят резко отличался от других лагерей, которые образовались в окрестностях после того, как с кораблей были списаны не только беженцы, но и большинство команды. Они были помещены в некоторых фортах, расположенных по высотам в искусно замаскированных скалах. Самый большой из этих лагерей находился в Надоре, огромном лагере, с обширными и довольно основательными бараками. Там жило несколько тысяч русских, но места все-таки не хватало, и одно время около Надора был разбит для беженцев лагерь из палаток. Большинство этих лагерей было расположено в живописной местности, за исключением Надора, который стоял на огромном плато на солнцепеке. Положение беженцев, сбитых в кучу, хотя и сытых, благодаря заботливости французов, было незавидно в моральном отношении: не было работы, все сидели без дела и очень скучали.

Постепенно, разумеется, все эти тысячи людей разных специальностей, от слесарей до оперных артистов, рассосались на службу, на работы в Тунисии, уезжали в другие страны, но это было не так легко, не имея свободных денег, чтобы подняться. И многие томились в этой обстановке непривычного безделья.

Мы же, из Морского корпуса, с места имели свое дело, притом национальное, которое дало возможность служить России даже на чужбине. Учебное дело встречало отклик и поддержку у французов — трудно было отказать в помощи молодым, безусым мальчикам, жертвам величайшей человеческой трагедии. Многие из них были круглые сироты, у многих родные остались в России, и они долгое время не имели от них никаких известий, а когда стали приходить письма с громадным количеством наклеенных марок, большие, серые пакеты, то для многих они... лучше бы совсем не приходили...

Корпус эвакуировался, забрав с собой из Севастополя не только учебные пособия, но и много обстановки и оборудования до электрической станции включительно. Все это требовало размещения, приспособления в новых условиях Сфаят был трудовой колонией: здесь все работали, всем находилась работа. Было весело смотреть на «стройку» большого коллектива, который постепенно, но очень быстро разбивался по специальностям, выделяя из себя и создавая вновь ряд мастерских.

Библиотека в связи с учебным делом потребовала даже постройки отдельного барака. Книжная выдача, заготовка тетрадей и прочих пособий вызвала необходимость устройства переплетной мастерской, которая не только лечила старые книги, но и очень недурно, по крайней мере прочно, переплетала новые, которые стали поступать в библиотеку в изобилии частью по покупке, частью путем пожертвования из разных мест русской эмиграции. Отсутствие достаточного количества учебников и наличие многих хороших специалистов навело на мысль начать печатание литографским способом собственных учебников. Литография работала на двух станках — нашлись знатоки и этого дела — и достойно обслуживала корпус. Печатались не только обложки к тетрадям и отрывные календари с милыми русскими виньетками, но и целые курсы, главным образом по математике, в сотни страниц. Потребовались сапожники. Правда, у нас был запас «танок», да и французы выдавали, но, несмотря на то что толстые подошвы утыкивались гвоздями, обувь от камней изнашивалась быстро, у кадет, при их беготне, — горела. Нужно было организовать починочные мастерские.

Затем приближалось лето, жаркое, африканское, ходить в тяжелой обуви было невозможно — возникла мысль делать белые туфли на кожаной подошве. Нашлись сапожники на эскадре из матросов, но этого было мало — требования были огромные, на несколько сот пар. Назначили плату, весьма скромную. Сапожное искусство постигалось довольно скоро (некоторые еще в России научились ему, в годы лихолетья), и все мы летом щеголяли в очень недурно сшитых ослепительно начищенных туфлях.

Едва ли не самая почтенная роль в деле материального обслуживания Морского корпуса выпала на долю сфаятских дам. С обмундированием в последнее время в России было очень плохо. Кадеты были одеты весьма пестро, кто в курточках морского образца, кто в английских зеленых френчах. Белья так совсем не было. Французы и тут помогли, давая сукно разных сортов и много бязи разнообразного качества. Началась настоящая женская мобилизация. Оборудовали целую швейную мастерскую, раздобыв машины на эскадре (чего только там не было!).

Работы оказалось много — ведь приходилось обшивать всех с ног до головы, при скромной плате это явилось заработком, и многие дамы обзавелись собственными машинами. Начали с простых рубашек и белых летних брюк морского образца (с клешем), а кончили вполне приличной выработкой суконных костюмов, которые выходили из дамской мастерской как будто из настоящей портняжной Впоследствии было много заказов от французов на шитье военных костюмов для местного

гарнизона и т. д. В короткое время благодаря такому оборудованию все кадеты и гардемарины оделись в форму, что придало им очень хороший вид и много способствовало упрочению нашей колонии в глазах французов. В успешной постановке этих мастерских мы все были заинтересованы. Каждому хотелось получить себе то туфли, то брюки и заменить ими свои старые, уже неудобоносимые. На этой почве было много всякого рода бурных конфликтов.

— Почему в первую очередь идет строевая часть?

— А почему сукно туда выдано лучше?

— А почему мичман NN получил брюки, а у него есть свои фланелевые, теннисные? — и т. д.

Особенно, помню, было много всяких пререканий с начальником хозяйственной части в первое лето, когда народу в корпусе было еще много, а мастерицы — еще без достаточного опыта, в материалах тоже ощущался недостаток. Меж тем ходить в жару в теплых суконных костюмах было невыносимо. Просьбы и разговоры с ближайшим начальством мало помогали: все ссылались один на другого. Тогда я, не без тайной мысли скорейшего воздействия, подал по соответствующей инстанции следующую бумагу:

«Инспектору классов Морского корпуса
от преподавателя Морского корпуса Н.Н. Кнорринга.

РАПОРТ

Среди тропической зимы
И северного лета
В одном и том же ходим мы, —
И плоть весьма согрета.

Чтобы последствий избежать,
Предупредивши драмы
(Нельзя же нагишом гулять:
И в Африке есть дамы!),

Прошу в цейхгауз приказать,
Сей избежав картины,
Мне на штаны и блузу дать
Побольше парусины.

(*Подпись*)».

Рапорт имел шумный успех: он перечитывался, списывался, был доложен директору корпуса, и адмирал поставил на нем благоприятную резолюцию.

День в Сфяте

Утром, какая бы ни была погода, около 7 часов кадет с горном под мышкой торопливо спускается по «сокращенкам» с форта в Сфаят. Дойдя до середины лагеря, он играет побудку. Медные звуки режут тишину. И когда затрепещет длительная нота первых фраз сигнала, раздается продолжительный вой Чарли, милого рыжего пса, общего любимца. Чарли подвывал побудке, находясь тут же около горниста, — и это каждый день...

После побудки все знали, что делать. Дорожки каждого были изучены. Тот бежит в камбуз за кофе, тот за водой для умывалки. В преподавательском бараке в кают-компании шипит примус и дежурный спешно крутит кофейную мельницу. Через полчаса около барака, под рожковым деревом, собирается группа и двигается на форт, на уроки. Неукоснительно каждый раз ее эскортирует Чарли, а когда завелись и другие собаки, то вся стая.

В Сфяте начался трудовой день. В канцелярию прошел адъютант, и скоро там «Ундервуд» застучит очередной приказ по корпусу. Вот уже открылась дверь директорской кабинки, адмирал вышел на площадку и несколько времени постоял около капители коринфской колонны. В дамской мастерской уже работают машины. Из цейхгауза тащат туда огромные куски материи. «Дед» Куфтин уже вышел из библиотеки и направляется в свою литографию — на нем ситцевый фартук с каемочкой.

На камбузе, на краю лагеря, ведет и стережет свое хозяйство Александр Федорович К-кий, бессменный глава кухни, вносивший в свое дело огромное упорство и самоотверженность. Ал. Фед. кормил нас очень хорошими, вкусными обедами. Искусство его заключалось в том, чтобы сделать это не выходя из бюджета, пользуясь только продуктами нашего казенного, весьма однообразного пайка, — в этом отношении Ал. Фед. был артистом, а в готовке какого-либо фасольного супа доходил до виртуозности.

Экономил он до скупости, до скаредности — у него уж ни одна картошка не пропадала, он каждую кость, каждую луковку утилизировал, но экономия эта была не бесцельная, а предусмотрительная. Экономя на одних продуктах, он старался что-либо подкупить для разнообразия нашего стола. Кроме того, Ал. Фед. всегда имел в виду какие-нибудь дни, когда нужно было угостить на славу — корпусный праздник, Рождество, Пасху. К этим дням он готовился издалека, подкапливал сахар, сласти, делал цукаты и прочее.

Полковник К-кий, суровый с виду, высокий, худой, застенчивый, обидчивый и подозрительный, был невероятно ригоричен в области

подведомственного ему дела. Когда на камбуз перешла корпусная лавка, то покупатели иногда боялись ходить туда за покупками, особенно по части съестного, — показать, что мы голодны, значило иногда кровно обидеть Ал. Фед. Пришли к кому-то гости. Хозяйка бежит в лавку прикупить что-нибудь к чаю. Сурово встречает ее Ал. Фед.:

— Как, после сегодняшнего обеда вы хотите есть?

— У меня гости с эскадры, Александр Федорович.

— Гости? Сколько человек? В таком случае совершенно достаточно одной коробки сардин. Как, еще целую плитку шоколаду? Но это очень дорого. Нет, я вам не дам большую плитку, возьмите вот маленькую, подешевле...

Дамочка смирилась, не посмела противоречить...

Чуть свет, полковник К-кий уже на кухне, уходит позже всех, пока не вымоют всю посуду. А поздно вечером, часов в десять, в провиантской комнате камбуза, сплошь заставленной разными корзинами, мешками, кульками с запахом настоящей деревенской бакалейной лавки, светится огонек — лампа мигает от сквозного ветра, — барак весь в щелях и дырах. Ал. Фед. изо дня в день скрупулезно записывал все расходы до последнего сантима. Тетрадок этих, исписанных его крупным почерком, накопилось множество. Где они теперь?

Полковник К-кий давно уже на камбузе. Давно уже пришел кадетский наряд. Наливают воду в чаны, разжигают печи, на дворе, сидя на обрубках дерева, несколько кадет чистят картошку. Иногда к ним присоединяется какая-нибудь из дежурных по хозяйству дам. Здесь свои разговоры, в своем роде «центрокух» и «центрослух» — новости, очередные сплетни и споры.

На горке, около кабинки, закрытой молодыми сосенками, возле кооперативной лавки стоит ослик Гришка, запряженный в маленькую, словно игрушечную шаретку. У нас было два осла: Гришка и Мишка. Гришка был симпатичнее, он обслуживал лавку. Весело бежал утром по шоссе, под горку, фыркая и потряхивая мордой, но из Бизерты в гору шел лениво, не упуская ни одного момента, чтобы отдохнуть. Стоит только его хозяину перекинуться двумя словами с кем-нибудь из встречных, Гришка уже останавливался в надежде длинных разговоров. Шаретку встречали в Сфаяте обычно с некоторым интересом, потому что ее содержимое было всегда приятно. Тут были не только вкусные, съедобные вещи, вроде шоколада, маринованных селедок, сгущенного молока и прочего, но попадались и тетрадки, записные книжки, хорошие мундштуки и прочие курительные новинки.

До обеда на улицах Сфаята пусто — только детишки бегают. В двенадцать часов — обеденный перерыв. На камбузе звонят, и около его

дверей образуется длинный хвост с кастрюльками, тарелками, смотря по выдаче. Эта очередь всегда любопытна. Уставшие, проголодавшиеся бывают настроены различно, смотря по тому, чем будут нас кормить сегодня. Если обнаруживается какая-нибудь фасоль или чечевица, лица вытягиваются, тускнеют: «Опять фасоль» или «Опять шрапнель», — раздаются иногда недовольные голоса, и бывают случаи, что кое-кто демонстративно уходит из очереди. «Я-де, мол, эту гадость все равно есть не буду». Но зато слух о каких-нибудь котлетах или пирожках, которыми нас собирается угощать Александр Федорович, мгновенно разносится по лагерю, — как-то легче было бежать, позвякивая тарелками, и в очереди начинаются смех и остроты.

— Фуру разгружать! — раздается команда старшины расходного взвода.

Уже давно слышны постукивание колес огромного фургона, запряженного парой лошадей, и крики погонщиков. Это ежедневная привозка провизии из Бизерты — картофеля, капусты, помидоров и пр. Кучерами были обычно солдаты-сенегальцы, черные, как сапог; они были очень добродушны и всегда с удовольствием ели русский борщ, которым их угощали на камбузе. Фургон проезжал всегда по одной и той же дороге и в одном месте: в глубокие колеи маленький Водя длинной лентой складывал консервные коробки, которые он собирал по всему лагерю: ему хотелось, чтобы громадные колеса фургона сразу расплющили их, проехав по ним. Мы боялись, что Водя в своем экспериментальном усердии сам попадет под копыта или под колеса.

После перерыва опять за работу — до вечера, до ужина. Опять замирает улица. Только у камбуза кипит работа. У кадет лица красные — у печки жарко, белый костюм весь в саже, руки грязные — невозможно и папироску скрутить.

Ужин. Та же процедура у камбуза, только посуды больше, потому что блюд больше. После ужина, после того как вымоется в каждой кабинке посуда, начинается приятная жизнь отдыхающих людей.

Зимой, когда дожди и холодные ветры хлещут в лицо, когда на повороте шоссе, особенно на последнем загибе к форту, буквально нельзя идти прямо, а нужно согнуться, наклониться к земле перед свистящим воздушным потоком, съежившись в комок и надвинув до ушей шапку, — тогда тоскуешь по теплой комнате, по уютной лампе под абажуром, по самовару с горящими угольками, приятному креслу, мудрой тишине кабинета, полуразрезанной книге нового журнала и умиротворяющей прелести привычного пейзажа на письменном столе... Свет на столе, покрытом суконным одеялом, горячий чай

и ряд милых лиц в бушлатах на разножках около стола. Хочется забраться в кабинку, поплотнее закрыть дверь, чтобы оттуда не дуло...

Летом лучше. Садится солнце, глаза уже не слепнут от каменной белизны. В долине пали тени. На маслиновых рощах — оливковый отблеск... Начинается время прогулок, тихое время, когда никому дома сидеть не хочется, а хочется не только уйти от надоевших и скучных бараков, но, незаметно для самого себя удаляясь по извилинам шоссе, идти машинально, никуда, без цели, может быть, даже без мысли, забраться на землю, взрытую плугом, найти в ней тропинку и, удаляясь за колючки, за густые гигантские кусты ежевики и низкорослых пальм, теряться в полях и неожиданно выйти куда-нибудь на зады какой-либо фермы или очутиться перед злющей собачонкой из арабского поселка, который, как лишай, прилепился к скалам.

В будни, вечером, в прогулках на короткую дистанцию был у каждого свой путь, любимый. Если от домика сержанта взять круто направо, к Надору, — можно издали увидеть твердую фигуру адмирала; если спуститься по шоссе на один этаж — тут будут все наши тихоходы: им тоже не сидится дома, а далеко ходить они не любят.

Большая группа преподавателей выходит шумно и весело. Все собаки тут же, неизменные спутники, они хорошо знают дорогу, забегают вперед и очень удивляются, если не удается схватить направление... За первым же поворотом — умывалка с огромным тутовым деревом. Хорошо знакомый уголок с испорченной водокачкой (вначале она, правда, действовала исправно), с водоемом, страшно мелеющим летом, с длинным желобом для стирки. У каждого из нас был свой день, почти целый день здесь кто-нибудь стирал — и кадеты повзводно, и мы. Стирать было очень удобно, особенно летом, когда палило солнце, — белье развешивалось тут же на кактусах или расстилалось на траве и высыхало в несколько минут...

Тут же по обеим сторонам шоссе тянулись рощи. Это место мы прозвали Гефсиманским садом — есть что-то общее с библейским пейзажем, каким мы привыкли видеть его на картинках. Вечером листья золотит солнце. Последний свет, тихий, меланхолический и грустный, заливает долину, и маслины дают свой отблеск, а когда, после коротких сумерек, загустеет среди стволов тьма и расползутся контуры кактусов, тогда уродливые деревья становятся мрачными таинственными существами и маслинные рощи принимают какой-то строгий, мистический оттенок.

Лунной ночью — сказочно. Роса прибьет на белой дороге пыль и пахнет вечным ароматом древней земли. Все кругом становится полно каким-то значением, и перекрещиваются, как старые римские до-

роги с современными, — и понукание ослов запоздавшей арабской группы, и зычные гудки автомобилей. Колючие, мясистые кактусы на бледном небе вырисовываются крестами, кажутся не растением, а какими-то живыми страшилищами, пауками, в тишине ждущими свою добычу.

Видели мы и предрассветное небо, зеленеющее, прозрачное. Однажды на заре я особенно запомнил такое небо. Что-то бархатное загудело в воздухе. Ближе, ближе. Повыскакивали из кабинок. Это летел цеппелин «Диксмюде», возвращаясь из Туниса во Францию. В предутренней тишине гул его мотора был особенно явственен. «Диксмюде» летел над каналом, направляясь к открытому морю, летел низко. На нем горели огни. Как сейчас помню, у нас было странное чувство близости к этому воздушному кораблю, на котором жили люди, читали книги, теперь, может быть, мирно спали... Много глаз их провожало, в молчании, как зачарованные, пока он не скрылся над морем. «Диксмюде» делал свой последний рейс — на другой день он погиб в шторме у берегов Сицилии...

Когда есть время, идем по Алжирской дороге или на Старый форт. Алжирская дорога ведет в долину, по которой вьется, — ей, кажется, не будет конца, она взбирается где-то вдали в гору и упирается в небо. По долине по холмам — квадратики арабских усадеб — живые зеленые изгороди и каменная стена построек, двор с садиком внутри. Окон наружу нет. Это придает усадьбе мрачный вид крепости и заинтересовывает: что там внутри, за этими непроницаемыми стенами?

Маленькие деревушки арабов не различить от кустарников или кучки камней, какие-то лишаи по горам. Бедно живут по виду, словно не люди, а какие-то ящерицы в скалах, и так, вероятно, жили и тысячу лет назад... Вечером в этой долине между гор воздух делается особо прозрачным, вся она становится какой-то звучной. Мальчишки-арабчата, караульщики садов, переговариваются обыкновенными голосами через долину с одного холма на другой... Когда идешь среди колючей травы по ленте-дороге, то кажется, что идешь в пустыне в неведомый мир, поднимаясь с холмиках на холмик, думая — а за ним что? Не край ли света? Нет, та же дорога и такой же холмик впереди...

Дорога на Старый форт другая. Заброшенное шоссе носит хаотический характер, неубранные камни заросли травой. Попадаются фиговые деревья, огромные живые колбасы, змеи. Дернешь за один сучок, и все дерево движется, податливое, неупругое. Книзу тянутся пашни, иногда тут растут маки, и тогда багреет, смеется земля. Вечерами тут прогоняют стадо овец. Когда они рассыпались среди черной пашни и мшистых камней, нам часто вспоминались чьи-то стихи:

Гуляют овцы по пустыне,
Гуляют белые, как снег,
И там, где мы их видим ныне, —
Их видел первый человек.

С горы очаровательный вид и разнообразный. Все видно: Сфаят на склоне через дорогу, живописный, расположенный террасами, за ним круча Джебель-Кебира, на полпути — домик сержанта. Справа внизу — Бизерта. При вечернем солнце блестят ее белые постройки и канал. По каналу тянутся дачи до самого озера, далеко на том берегу хорошо видны постройки Ферривилля, а рядом большая гора Джебель-Ашкель и у ее подножия блестит пресное озеро.

Тот, кто хотел уйти в самого себя, остаться со своими думами, тот уходил гулять по Алжирской дороге, и шел по замкнутой котловине, закрытой от всего мира горами, песчаными холмами и скалами. И здесь все говорило о нашей беженской жизни, тут была как на ладони в картинах вся наша беженская история. Вот стоит русская эскадра. Корабли сжаты в кучу. Миноносцы в бухте Каруба — борт к борту. Подводки в другой бухте, рядом. «Корнилов» на внутреннем рейде, «Алексеев» еще дальше. Они уже издали кажутся мертвыми — не видно на них движения, не дымятся трубы.

За Бизертой синеет море и сливается с небом. Там идут корабли. По вторникам из Бизерты уходят пароходы и всякий раз кого-нибудь из нас увозят. Пароход всегда провожают. Машут платками, часто завидуют. Все кажется, что там, за морем, будет лучше... Нехорошо, конечно, завидовать, но в этой зависти были надежда и жажда жить. Теперь, быть может, у некоторых потухло и то и другое...

С высот Старого форта дорога в Бизерту видна не вся, а на закруглениях при подъемах. Иногда отсюда мы наблюдали, кто идет или едет в Сфаят. Самое нежное чувство мы питали к почте, которая в последние годы была налажена прекрасно. Вечером наше привычное ухо схватывало знакомое тарахтение мотоциклетки. То глуше, за поворотом, то опять сильнее, но все громче и громче, и, наконец, адъютант, лейтенант Л., в шлеме и желтых очках-консервах, въезжает в лагерь, останавливаясь у гаража около цейхгауза. У адъютанта большой портфель, знакомый всем, очень притягательный и интригующий. Кажется, что вот в нем сейчас и находится то, что ждешь все дни и все часы и что способно разом заменить скучные дни веселым праздником. От почты всегда ждешь чего-то чудесного. Многим и писем-то ждать неоткуда, а все спрашивают Л.: «А что, мне нет ничего сегодня?» Л. этих праздных разговоров не любит, он вообще не любит шуток в этой области своих обязанностей, и когда ему говоришь вдогонку: «Пожалуй-

ста, писем мне побольше привозите!» — он цедит серьезно: «К сожалению, это не от меня зависит».

После ужина разносится почта. Эти минуты всегда волновали: сидим за столом и молчим, прислушиваемся к знакомым шагам по улице. Зимой, когда дождь и темно, он иногда ходит с фонариком и блуждающий огонек виден в окошко... Все нет и нет... Где застрял? У адмирала уже был — соседи видели... Наконец, знакомый разговор за стеной, значит, сейчас к нам... Сердце даже колотиться начинает... Стук в дверь. «Добрый вечер!» В руках знакомая книга для расписывания в получении заказной корреспонденции. Но... книга не раскрывается и не кладется на стол. Л. молча подает одну газету. «А писем нет?» — «Нет». Ну ничего, должно быть, в следующую почту будут, и несколько рук тянутся разорвать газетную бандерольку.

В праздничные дни прогулки длиннее и сложнее. Некоторые из них предпринимались на целый день. Например, целое путешествие к морю. К западу от мыса Бланке — превосходный пляж, излюбленное место для отдыха не только кадет, но и всех нас. Часто туда снаряжались с ночевкой, — конечно, преимущественно молодежь. Но по воскресным дням на пляже собирался чуть ли не весь корпус.

Дорога туда довольно трудная. Километров пять нужно было идти сначала по шоссе, затем перевалить через песчаные бугры, в которых вязнет нога и тяжело идти без всяких тропок, и уже с этих бугров спускались на широкий пляж, в глубине которого узорчатыми струями по песку тек ручей, через который переходили или по камням, или сняв ботинки. У кадет были свои дороги, мало проходимые для нас — вообще, они делали огромные концы с поразительной выносливостью.

На морском берегу, в известковых скалах пещеры, где можно укрыться от ветра. На берегу здесь разбредались на огромном пространстве, купались, грелись на солнышке до ожогов, закусывали и отдыхали. Костры горели из материалов, которые выбрасывало море. С заходом солнца нехотя собирались, нагружались пустой посудой и бодрые и свежие шли домой, тяжелой дорогой, поднимаясь все выше и выше. Приходили в Сфаят обычно уже в темноте, еле держась на ногах, но через полчаса от усталости не оставалось и следа, и после ужина, уже стоявшего на столе, можно было хоть опять собираться в поход.

Иногда мы направлялись к морю с другой стороны, к так называемому Корнишу, очаровательной дороге, идущей по берегу к Бизерте. Здесь по скалам разбросан ряд фортов — Эн-Эч, Сен-Жан, Рара, — во всех них живали русские беженцы. Когда в корпусе одно время наступило увлечение велосипедным спортом, то Корниш сделался любимейшим местом прогулок. Если подъемы давались тяжело, часто даже

слезали с велосипедов, зато по восхитительному Корнишу несколько километров, почти до самой Бизерты, можно было проехать на свободном колесе. Последний этап был до того приятен, что нередко группа возвращалась опять к высокому пункту Корниша, чтобы испытать удовольствие вновь... На привалах можно было свернуть с шоссе, пройти по межам, путаясь в огромных кустах ежевики, которую арабы не едят, уверяя, что от нее портится зрение. Ежевика крупная и душистая — ею мы объедались на прогулках, приносили в изобилии домой, на варенье и кисели...

Прогулки в Бизерту обычно связывались с каким-нибудь делом в городе: необходимостью самому отправиться на почту, зайти в магазины, к парикмахеру. Часто заканчивали кинематографом. Кино помещалось в недурном театре «Гарибальди». В нем музыканты были исключительно русские, явившиеся сюда многие без инструментов и без нот и быстро вставшие на ноги. Маленький городок скоро сделался совсем русским уездным городом. Русских служащих можно было встретить и в аптеке, и в кондитерской, и на телеграфе... В Бизерте мы любили заходить в арабские кварталы выпить вкусного кофе или на улице тут же, у жаровни, съесть сосиску, начиненную как будто одним перцем, после чего горело во рту до самого Сфаята. Справив все дела, поев винограда или фиников, с пакетами в руках почти все сходились на Place de la Republique против Орозди-Бака. Тут подбиралась компания — нанять арабскую лошадку, чтобы не идти пешком. Араб-извозчик везет и всю дорогу болтает...

Всевозможные семейные праздники в первое время выражались у нас в чрезвычайно обильном угощении. В этом сказался своеобразный этап нашего времени — тоска по сытой еде и особенно сладкому. По приезде за границу у нас можно было заметить какую-то сахарную лихорадку, усиленное потребление шоколада, конфет, печений. На покупку всего этого тратились большие деньги (в Константинополе мичман К. проел на халву несколько миллионов рублей — правда, каких?!), и в первое время на африканском берегу мы меняли на плитку шоколада бессчетные «колокольчики»... Выработалось даже на этих званых обедах особое меню — глинтвейн и всевозможные торты занимали первое место. Потом сладкое нам надоело, но некая склонность сфаятцев к торжественному пиршественному сопровождению разных случаев нашей жизни продолжала быть существенной чертой наших нравов...

Но самыми торжественными днями в Морском корпусе были большие праздники, вроде Рождества или Пасхи, и особенно 6 ноября, день святого Павла Исповедника, престольный праздник Морского корпу-

са. Этот день праздновался особенно пышно, с ним связывалось у моряков много личных дорогих воспоминаний:

Шестое ноября — красивый праздник флота,
Бал в залах корпуса, на берегах Невы...

Здесь, на африканском берегу, он получил довольно точное оформление. К нему готовились задолго. У этого праздника были свои традиции: когда-то, кажется, Императрица Анна Иоанновна прислала в этот день кадетам на обед гуся, и с тех пор стало традицией вводить в меню торжественного обеда этого дня жареного гуся. В наших условиях выполнить это было довольно трудно, но старались: закупались гуси, и за несколько дней до обеда около сфаятского камбуза носились перья ощипанной птицы. Впоследствии, в виде символа, стал подаваться один гусь, на главном месте, перед гостями.

Съезд гостей со всей эскадры начинался уже накануне. Собирались моряки, воспитанники Морского корпуса. В наших условиях этот день был не только днем воспоминаний: корпус, как учебное заведение, еще существовал и еще мог дать соответствующую теоретическую подготовку...

Начинался праздник торжественной побудкой — вместо обычного горна приходил целый оркестр, и веселые, бодрящие звуки марша сразу создавали праздничное настроение. Затем в переполненной церкви молебен. Парад. Батальон выстраивается перед воротами форта с оркестром на правом фланге. Медленным церемониальным шагом выносят знамя. Величественная минута: «На караул!» Встреча командующего эскадрой. Несколько приветственных слов, поздравления, громкий ответ, и — «к церемониальному маршу!». Белые, стройные ряды приходят в движение и с музыкой — веселое, быстрое шествие, увлекающее зрителей своим ритмом, стройностью и бодростью. Зрители обычно поднимались на фортовый вал, оттуда картина была как на сцене — красивая, импозантная... Номер требовал выучки, и кадеты всегда тщательно готовились к этой церемонии... Бывали курьезы: на одном параде у маленького кадетика соскочила туфля, но он не растерялся, ничем не нарушив строя, а так как все было белое — и носки и туфли, то в общем не было заметно.

По симпатичной традиции в этот день обедают все вместе за одним столом — и бывшие, и настоящие воспитанники Морского корпуса, от старшего адмирала до младшего кадета. В первый год огромное количество обедавших разместили во рву форта. Стены были разукрашены различными морскими эмблемами, которые долго потом противились действию дождей и ветров...

Вечером — бал. Танцевали у нас, в Африке, вообще много, это понятно: было много молодежи. Танцевали преимущественно наши старые, русские танцы, и, по правде сказать, они казались разнообразнее нынешнего «хождения». Вот — веселый краковяк, вот игривая разновидность архаической польки, а вот и мазурка — неудержимый бег вперед, экстатический и действительно захватывающий, и рядом — мечтательные, грустные и сентиментальные вальсы, которые так хорошо танцуют русские и не умеют танцевать французы, «призывные, певучие, слегка обвеянные мечтой».

Я любил иногда уходить из залы и слушать издали тоскливые звуки каких-нибудь «Опавших листьев» и смотреть издали в окна, где кружатся пары и где происходит будто не легкомысленное занятие, не забава, а что-то глубокое, мистическое, открывающееся в танце; а улица немножко контрастирует, охолаживает. Там — бред, мечта, увлечение, безумие, кружение, а здесь — отдых («Воды напиться!»), отрезвление, пробуждение... Праздники редко проходят гладко — всегда что-нибудь нарушит общую гармонию. Жаль... Надо беречь чистоту этих переживаний — в них есть испытанное веками, воспитательное значение...

Церковь памяти отца Георгия Спасского

Впервые это было на «Алексееве»... Грузный, грязный, завшивевший, он медленно уходил от родных берегов, слабо управляясь при малом ходе и кружась в море. Оставшаяся земля была черной и безмолвной — только мигали огни и небо полосовалось отблесками зловещих пожаров; мятежная земля — она не знала покоя: ночью — тревога ожидания жуткого дня-загадки, а днем — надо бежать узнавать, смотреть, искать. С севера шла волна, силу разрушения которой все ждали, но не могли предотвратить. Кажется, легче броситься вниз головой, в воду, в пропасть, не дожидаясь, когда взмоется эта волна и разнесет, как щепки... А мы на палубе огромного корабля обрели твердую землю. Мы не знали, в каком состоянии находился он в смысле хода и огня, но у нас был свой глазомер — пусть не все башни послушны своему механизму, но броня непроницаема, палуба черна от угля, и весь корабль дрожит, труба дымит, тенькают звонки, машина работает...

Днем люди читали газеты, передавали новости, судили, рядили, заряжались местью, бегали с чайниками за горячей водой, устраивались на ночлег, ссорились из-за коек и все делали особенно энергично и настойчиво, как будто бы этой суетливостью хотели заглушить и зада-

вить то, что исходило из глаз, когда человек замолкал, задумывался, устремлял куда-то глаза, и вдруг рука делала не то движение, ложка не попадала в стакан, ноги делали лишние шаги. . К вечеру устроились, разложились, распаковались, внешне успокоились. Каждый нашел себе место на ночь... Понемногу стихал человечий шум. Меньше беготни по палубе. Слышнее всплески моря... За винтом вода светилась...

И вот тут пришло ужасное и невыносимое... Тяжесть собственного освобождения, ощущение жизни, которой ничто не угрожает, но пустой: ее не заполнишь мелочами, ни разговорами о макаронах к ужину, ни партией в шахматы в кают-компании... Только бы не думать... Уснуть бы, да негде. Ветер пробирается к лежачему. Холодно... Сажусь среди гор консервных коробок. Дремлю, кутаясь в меховой воротник. Ночью то и дело приходят люди и, крадучись, растаскивают коробки... А нельзя не думать... Впереди — теплые моря, невиданные страны. О них мечтаешь, и краски яркие, солнечные, веселые... но холодные, плоские, — настоящая олеография, пошлая, гладкая поверхность... А заглянешь назад, там все теплота, запах и жизнь — об этом прошлом можно горевать, тосковать, рвать волосы при этом, не дыша сжимая зубы, но не мечтать о нем — прошлое с будущим не свяжешь... Думы — отрава... Их не было там, на берегу, когда были опасности и нередко смерть смотрела в глаза, но рядом были заботы, борьба, напряжение собственного выбора, движение... А здесь — бесполезная безопасность, сознание, что тебя везут, и захватывающая полная беспомощность...

...На баке, недалеко от гальюна, сбоку, в невзрачном месте — церковь. Маленькая, как будто недоделанная, с росписью. Всенощная или какое другое богослужение — не помню. Электрические лампы. Служит епископ Вениамин со стареньким священником, красиво и просто. Архиерейское облачение слишком пышно для этой церкви. Поет хор нестройно и невнятно — большинство певчих не знает слов... Церковь полна разношерстной толпой — и женщины, и мужчины. Зеленые шинели и френчи. Все идет не хитро, по-походному, наспех, как тележка по кочкам скачет, но... так хочется молиться, так жадно вслушиваешься в обрывки слов, и как эти слова — «о недугующих и страждущих», «миром Господу помолимся», «Пресвятая Богородица, спаси нас» — волнуют, перехватывают горло, слезы текут ручьями и не стыдно их...

Стоим на рейде в Бизерте. «Кронштадт» набит битком. Виден город с предместьями, загородными виллами. Сидим в карантине, узники, невольники... Декабрь, а солнце светит как летом, синеет море, и, вместо снега, яркая зелень блестит. На «Кронштадте» встретили Рождество. И когда в корабельной церкви, у всенощной, запели: «Рожде-

ство твое, Христе Боже наш!» — то у всех замигали ресницы и захватило дух. Нашу страну вспомнили, детство, славельщиков... И все это покрыто искристым снегом! Он везде — и в полях, на деревьях, и на открытках, и на ангелочках в магазинных окнах, все Рождество — в снегу. Северный, ледяной праздник, когда огни горят на елках, среди огромных сугробов. Кажется, что здесь в зимнюю стужу Христос родился. Было холодно, вызвездило, потрескивал мороз, от овец шел пар... «Слава в вышних Богу!..»

Наконец, пришел наш черед. Объявили, что свезут на берег. Посадили на катер, повезли в Ферривилль, спустили на землю, погнали в баню, в госпитальные бараки. Одели, согрели, накормили. Иди куда велят, ешь что дают. «Мы, как осенние листья», — сказал отец Георгий на молебне, на госпитальном дворе, среди непривычных зданий, перед отъездом в Джебель-Кебир. Когда мы пели наши печальные церковные песни, в окна смотрели на нас бородатые французы-офицеры, внимательно рассматривая, будто стараясь разгадать наши молитвы...

Церковь сделалась составной частью Морского корпуса, и церковная жизнь вошла существенным элементом в наш русский африканский быт. К ней привыкли и с ней свыклись все, не только одни православные. Вспоминая наши многочисленные церковные службы, можно сказать с уверенностью, что церковь вносила какую-то умиротворяющую регулярность в наш годовой служебный обиход, объединяла, давала много сладких минут своим утешением и красотой.

Наша церковь строилась общими усилиями. В глубине темного коридора, под земляным валом, в самом дальнем каземате, слабо освещаемом узкими амбразурами окон. Иконостас был взят с эскадры. Плащаница, венцы, хоругви, иконы делались местными художниками. Ризы и церковные облачения шили дамы. Каждое новое достижение в этом отношении было предметом общего внимания и составляло гордость всех. На праздниках ходили в поля за зеленью и цветами... У правого клироса, в особом киоте, стояла наша местная икона Богородицы «Радость странным»; она была написана в Сфаяте и являлась религиозным символом утешения странников. Пред ней всегда горела лампадка...

Хор был предметом особого внимания. В своей организации он пережил несколько стадий, пока, наконец, не попал в руки одного одаренного регента, который и поставил его на прочную высоту. Оказалась и нотная библиотека, подобранная с большим вкусом, и любители церковного пения могли услышать здесь, помимо старых напевов, и итальянщину, вроде «покаяния» Веделя, и высокую и глубокую музыку Гречанинова, Архангельского, Чеснокова и др. Спевки происходили у

всех на глазах, в их закулисную сторону заглядывали и мы, и смеялись, когда неопытная певчая задавала регенту вопрос: «А какую мы завтра будем петь ижехерувимскую?» Регент старался дисциплинировать хор и новичкам сообщить известные профессиональные качества.

— Господа, будьте внимательны, — стучал он своим заскорузлым пальцем по столу. — «И сущим во гробех живо-о-от даровав». Помните: на «живо-о-от» два удара... А вы торопитесь...

Веруете ли вы? Это первый вопрос человеку о церкви. С «верую» начинаются и многие молитвы. Мне всегда казалось, что на этот будто непременный вопрос — трудно ответить. Легко сказать — «верую» разом, огульно, наперед, лишь бы отказаться от цепких вопросов, чтобы не думать, не рассуждать, не мучиться. Страшное слово: ведь догматическая сторона всякой религии — уже философия, имеющая свою историю в прошлом и свое развитие в будущем. По чистой совести — не знаю, верю ли я во все то, что исповедаю механически, чужими словами, потому что в некоторых случаях своих слов нет... «Помоги моему неверию, Господи!..» Но на вопрос, религиозен ли, я всегда отвечу утвердительно, и, по-моему, с этого ответа начинается церковь... Грешу ли я и кощунствую, но я Бога в себе чувствую непрестанно и люблю Его, и когда думаю о Нем, то как будто вдумываюсь в себя. Я не скрою, что ощущение Его мне дороже Его постижения. Я особенно явственно слышу Бога в музыке, этом исключительном из искусств. Вот почему для меня музыка не развлечение, не удовольствие в обычном, иногда совершенно пошлом, смысле. Она для меня культ. Вот почему я совершенно не представляю, как можно слушать, например, квартет Бетховена или симфонию Чайковского и лущить семечки или разговаривать с соседом одновременно, как нельзя этого представить себе в церкви. Для меня концертный зал — храм, место молитвы и очищения.

Я люблю молиться. Люблю чувствовать Бога в церкви, в привычном с детства полумраке куполов, мерцании свечей и во всем церковно-календарном обиходе, невыразимой красоте церковного богослужения, люблю ее внешнюю сторону, украшенную: ведь церковь — храм, театр, подмостки, амвон — концертная эстрада, где разыгрывается мистерия, литургия...

Эта украшенность церкви была у нас в Африке. Хорошо служил отец Георгий, красиво и чинно. Может быть, его манера читать молитвы, делать возгласы и прочее где-нибудь в Москве, в XVII веке, вызвала бы осуждение, но наше время сильно отошло от канонов Московской Руси, оно требует и в богослужении новых форм. Что, если бы во времена Никона попробовали в Успенском соборе спеть «Верую» Чайковского!!

Что бы там поднялось!.. Хорошо служил отец Георгий и хорошо говорил проповеди. Едва ли не самое важное в речах церковных ораторов — чувство меры и стройности построения. Что касается первого, тут обычный грех — расплывчатость, вода. У отца Георгия не было воды, оттого, может быть, и проповеди его не утомляли, а производили сильное впечатление. Много их сказал за это время отец Георгий, между прочим, целый курс по истории церковных канонов, а также комментарий к службам. Для большинства это было совсем ново, приближало к богослужению и делало службу особенно осмысленной...

Многим только в Сфаяте пришлось ознакомиться со всеми подробностями церковного богослужения, с духовным музыкальным репертуаром, а также ощутить всю специфическую прелесть праздников. В христианских праздниках есть нечто радостное и очищающее — мы их любим с детства. Они встречаются церковной службой, и эти минуты стояния в церкви и успокаивают нервы, и отвлекают от будничной прозы. Вспомнить только несравненную по красоте, драматизму и по воспитательной подготовке Страстную неделю. Медленный звон большого колокола. Продолжительное и монотонное чтение в церкви, поклонные молитвы, наивная, обруселая мелодия «Да исправится» и пр. А какой торжественный момент, когда на всенощной перед раскрытыми царскими вратами раздается вдруг громкое и потрясающее: «Чертог твой, Спасе, вижу я украшенный!»... А служба в Великий четверг... Слово за словом проходит трагедия Голгофы. Нужно здесь хорошо и внятно читать Евангелия. В первом раскрывается вся философия этого момента, затем проходят картины и тайны этой ночи в Гефсиманском саду, и колокол мерно отсчитывает время, близящееся к развязке...

Гулким коридором мы идем к выходу через ров. В ворота форта светятся звезды и огни Бизерты. Ночь темная. Когда бывает ветер, то он отчаянным сквозняком тушит наши свечи, тогда надежда только на фонарик; а в тихую ночь наши огоньки тянутся по всему склону до самого Сфаята, и в этом медленном и осторожном движении идущих с церковной службы людей, у которых в ушах еще звучит трогательный напев: «Слава долготерпению твоему, Господи», и которые все внимание сосредоточили на том, чтобы защитить этот слабый огонек оттуда и донести его бережно домой — есть высокая прелесть — Пасхальная ночь. Поднимаемся в высоту по красивейшей дороге. Знакомые виды на канал с огнями судов, иногда по ту сторону канала, на перевалах к Тунису, видны одинокие костры... Резкий поворот налево — и на валу форта горит крест. Он далеко виден на черном фоне неба. Пахнет травами, свежими елками и морем...

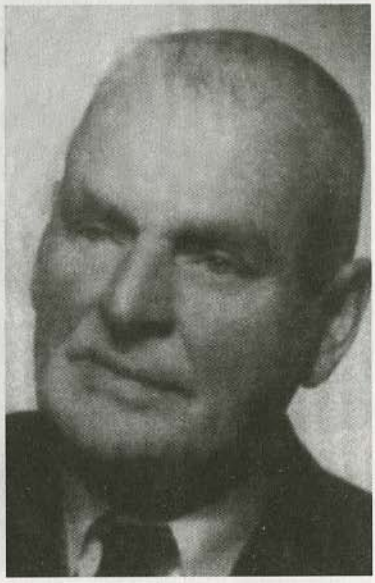
П.А. Варнек

А.Л. Марков

А.А. Стацевич

А.Г. Невзоров

Л.В. Сердаковский

С.В. Марков

Г.Н. Есаулов

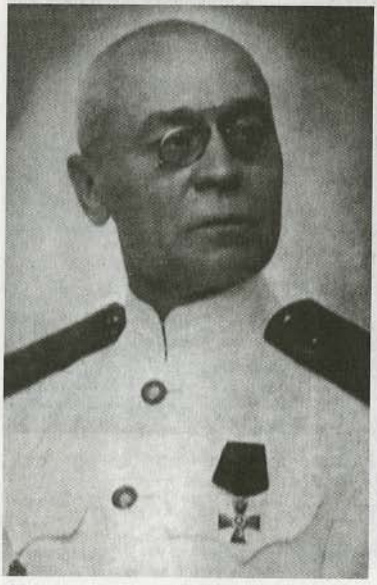
Великий князь Константин Константинович

Генерал-лейтенант
В.В. Римский-Корсаков

Генерал-лейтенант
М.Н. Промтов

Генерал-майор А.Г. Попов

Вице-адмирал С.Н. Ворожейкин

Генерал-лейтенант Б.В. Адамович

Генерал-майор
Е.В. Перрет

Полковник
В.И. Попов-Азотов

Полковник А.Н. Азарьев

Гардемарин Ю.Н. Карцов

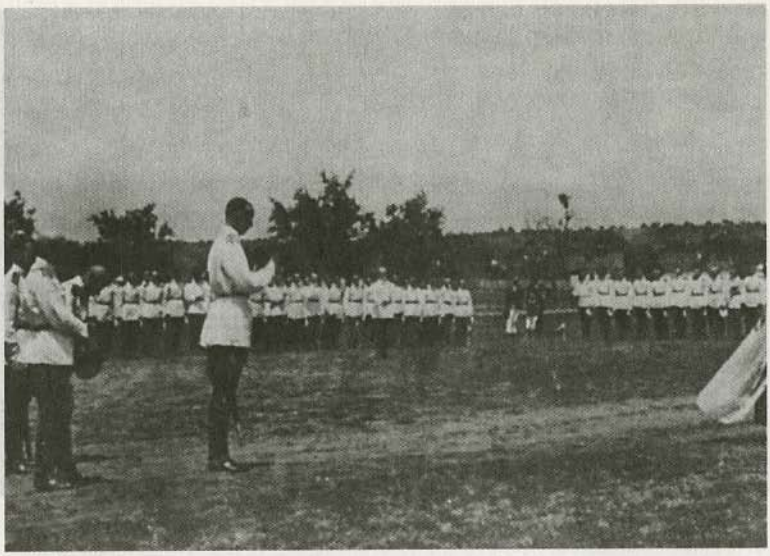
Кадет-первопоходник Н.И. Басов

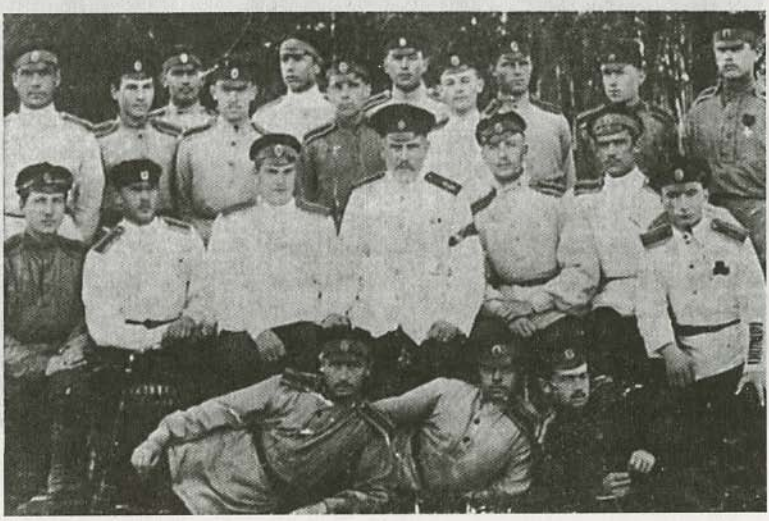
Юнкер-первопоходник

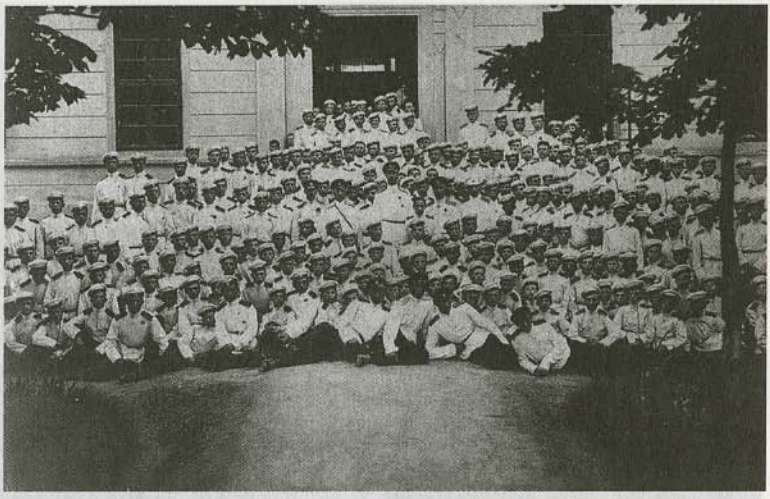
Генерал Врангель с кадетом Н. Захаровым

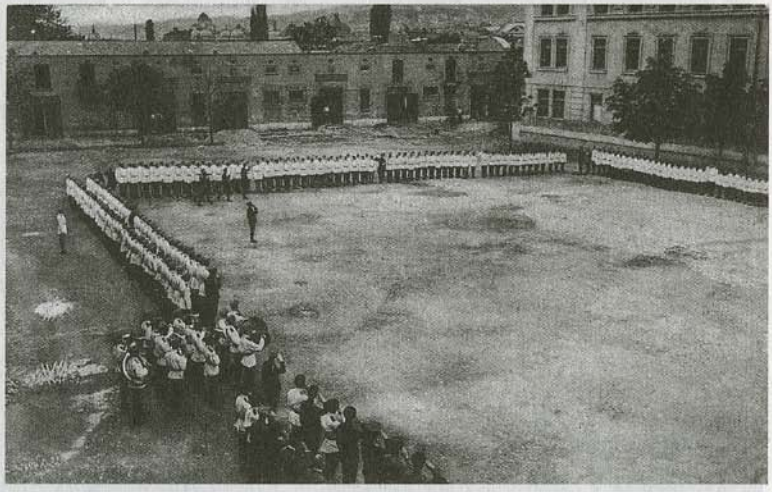
Молебен перед кадетским парадом

Группа кадет Крымского кадетского корпуса

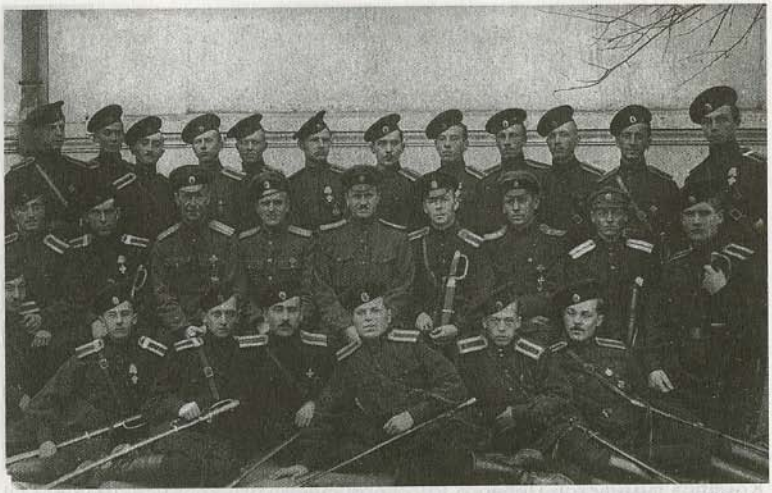
Кадеты Крымского кадетского корпуса с генералом Врангелем

Парад Первого Русского кадетского корпуса при посещении его генералом Врангелем

Кадеты Крымского кадетского корпуса с директором

Юнкера Сергиевского артиллерийского училища в Болгарии. 1923 г.

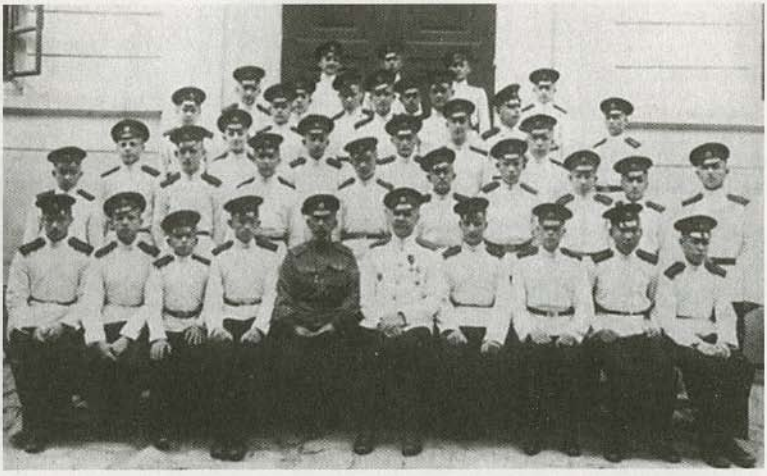
Писатель Е.Н. Чириков на уроке русского языка в Первом Русском кадетском корпусе. 1928 г.

Команда гимнастов Первого Русского кадетского корпуса. 1938 г.

Оркестр Первого Русского кадетского корпуса. 1935 г.

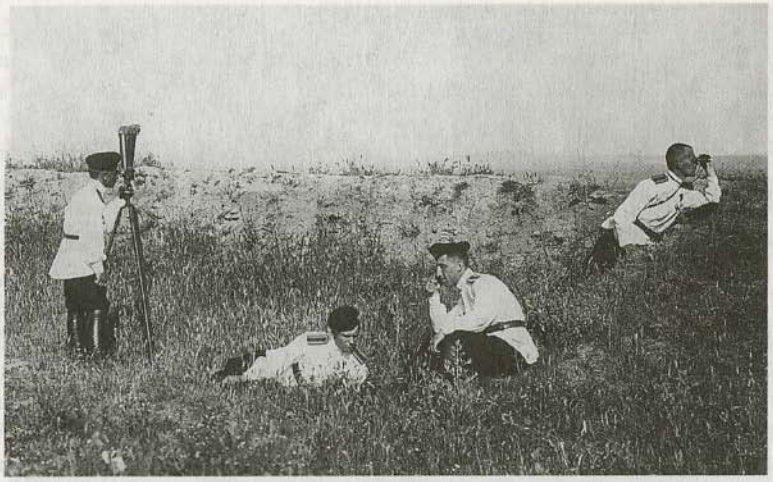
Кадеты 22-го выпуска Первого Русского кадетского корпуса. 1938 г.

Константиновское военное училище в Болгарии. 1922 г.

Николаевское кавалерийское училище на параде. 1923 г.

Юнкера на занятиях

Строевые занятия кадет Первого Русского кадетского корпуса. 1942 г.

Кадеты Донского кадетского корпуса в Билече

Кадеты Хабаровского кадетского корпуса в Мукдене. 1922 г.

Очень красивы были крестные ходы. Обходили весь форт по излучинам широкого, глубокого, камнем обложенного рва При выходе из внутреннего двора стоят кадеты с оркестром. Ров освещался плошками, факелами, облитыми керосином, тени переплетались по стенам, линии ложились резко на темноте — картина фантастическая... Подходим к воротам, хор входит под каменные своды, и сильнее звучат голоса Иконы останавливаются у входа в церковь. Начинается изумительный момент: реплики священника, которого перебивает хор· «Да воскреснет Бог... и расточатся вра-зи его... да бегут от лица его все ненавидящие его. . яко тает воск от лица огня »

Долгожданное «Христос Воскрес» подхватывается хором, и как бегущие волны раздаются его всплески, неудержимые, захлебывающиеся, и так во все время этой дивной по красоте и неистовству ликования заутрени, и когда среди сплошной пляски, цветов, слов, звуков раздается приветственное: «Христос Воскрес», то нельзя себе представить, чтобы в это время можно было промолчать в ответ. .

Возвращались мы из церкви длинной вереницей, обгоняя друг друга, чуть-чуть усталые, но бодрые и веселые.

Так, в нашем русском уголке в Африке церковь врастала в быт. С ней были связаны и наши радости, она же утешала нас, когда видела наши слезы. Вот почему, когда мы вспоминаем нашу Африку, мы вспоминаем и темный коридор и большую комнату с узкими амбразурами. Там, над алтарем, был нарисован голубь. Церковь разобрали, иконостас сложили, а голубь остался... Может быть, он цел и до сих пор...

О вечном покое

Если идти от Сфаята в Бизерту луговой дорогой, то есть от каменоломни повернуть направо, мимо стрельбища, то, подходя к городской стене, увидим часовенку, в которой стоят большие образа Спасителя и Богородицы, очень выразительные, писанные масляными красками, совсем не католического письма За часовенкой — сербское кладбище, печальный памятник недавнего лихолетья. После разгрома сербские войска частью эвакуировались в Бизерту — в некотором роде они были нашими предшественниками, значит, — и здесь, по лагерям, в тоске по Родине и с болью военной неудачи умирали от полученных ран. На кладбище они как на параде — длинная шеренга крестов, однообразных, похожих один на другой, со стертыми бесцветными надписями У некоторых офицеров могилы были убраны и украшены, но, видимо,

давно уже не касались их заботливые руки — почва кое-где треснула, земля оползает, могильные плиты поломались...

В глубине кладбища, у самой стены — «русский уголок». Скоро мы хорошо изучили эту дорогу; кого приносили сюда под тягостные напевы хора, кого и под звуки похоронного марша оркестра. Перекидывались фразами, штампованными, опускали в могилу, засыпали и разбредались по дорожкам к выходу.

И из наших рядов смерть вырывала свои жертвы — в Сфаяте это было особенно тягостно, потому что там, в повседневной работе люди сживались, привыкали друг к другу. Долго и мучительно умирала жена адмирала, с каждым днем она худела, слабела и становилась тенью, и было непередаваемо тяжело сознавать обреченность человека и его скорый уход на вечный покой...

Особенно подавляли неожиданные заболевания. Жена врача, Анна Петровна, захворала, — горло, сердце, тяжело дышать, — через два дня вечером увезли в Бизерту в госпиталь, а утром Николай Македонович вернулся на мотоциклетке и мгновенно, как по воздуху, стала известна роковая весть. «Всю дорогу от Бизерты, — говорил он потом, — я думал о том, как я ей об этом скажу...» А мы видели — маленькая Шуренка сидела на коленях у отца, ласкала его, утешала и говорила, что не нужно плакать, что маме теперь хорошо... Хоронили в облачный день, и небо роняло редкие капли дождя... Возвращаясь с этих похорон, Коля П., только что кончивший корпус кадет, схватил гриппозное воспаление легких. Хрупкий организм не справился с болезнью. Задыхаясь, П. просил товарищей не возлагать венков. Через несколько дней он лежал в церкви — мертвый, как живой. В ту же ночь приехала из госпиталя большая фура-автомобиль, и быстро-быстро захлопнулись дверцы, мотор загудел, двинулся. Все обнажили головы...

Черкес-татарин с Кубани, Хаджимет, умирал от чахотки. Он таял, как свечка, по ночам бредил и говорил про родину, про ее горы и что какой там хороший воздух... Хаджимет был георгиевский кавалер, и адмирал устроил ему торжественные похороны с военными почестями. На пути к Магометанскому кладбищу, в арабской части Бизерты, были поражены процессией в сопровождении оркестра. Арабы подходили, брали тело на носилках, часто сменяясь — по закону Мухаммеда за это отпускаются грехи...

Кадет Ж., безнадежно болевший сердцем, жил в Сфаяте, дожидаясь конца, который пришел, и Ж. тем же порядком, как и П., отправился в «русский уголок» на кладбище. Там же легла жена одного рабочего в Сфаяте, полька, умершая от тифа. Там же лежит и «дед», полковник Куфтин, мечтавший умереть в родной Елабуге...

А жизнь шла своим чередом, и у кладбищенских стен по-прежнему пахло прогорклым маслом, кислым вином и просто маленьким африканским арабско-французским городком... Но вот что я помню. Смерть тяготит и сковывает волю — никуда от нее не уйдешь, вот она где-то совсем близко, но, когда, забросав могилу последними комьями земли, мы уходили с кладбища, я чувствовал новое возвращение к жизни: по мере того как я подходил к воротам, шел к фургонам, которые высылались для нас, или направлялся пешком, я начинал вбирать всею грудью этот воздух живой земли и, ну право, словно впервые, замечал, как красиво растянулись маркитантские здания казарм, как приятны очертания гор, как блестит на солнце синее море и какой я сам счастливый, что могу жить среди этой природы, дышать, смеяться, играть... Все было мило, когда я подходил к своему скромному жилищу на этой земле...

Адмирал

Впервые я увидел вице-адмирала А.М. Герасимова на «Генерале Алексееве» в Константинополе, Морской корпус выстроился на палубе для встречи только что назначенного нового директора. Преподаватели, штатские служащие, как полагается, стояли на правом фланге. По трапу поднялся высокий старик с острыми глазами, в пенсне, в английском френче и кожаном поясе. Поздоровавшись, после долгого обхода, адмирал, обращаясь к воспитанникам, сказал коротенькую речь, в которой с оттенком чуть заметного, грубоватого юмора, припоминая разговор с каким-то немцем, отметил значение «sitzfleisch» как символ усидчивости, постоянства. Это была в некотором роде программная речь.

Человек большого административного опыта, бывший комендант крепости Петра Великого в Ревеле, вице-адмирал Герасимов явился в качестве директора военно-учебного заведения в непривычной для себя роли. Качества, которые он обнаружил на этом месте, в обстановке очень трудной, щекотливой и ответственной, создали ему во французских административных кругах Бизерты уважение и большой авторитет, которыми он пользовался до конца своих дней.

Внешность у адмирала была суровая. Угрюмый, грубоватый по натуре, большой самодур по служебным привычкам, по виду он не был приветлив, и подходили к нему всегда с опаской. Адмирал был своенравен, и тем не менее мне, например, служить с ним было легко, несмотря на то что взгляды наши на большинство педагогических и

политических вопросов во многом не сходились. С ним всегда можно было договориться — он умел смотреть в корень вещей и, не всегда терпеливо, выслушивать чужое мнение, и раз договорившись, на его слова можно было положиться как на каменную гору.

Я не моряк и не знал адмирала Герасимова по его прежней службе, но в корпусе, в очень сложных условиях нашей зарубежной жизни, я видел в нем человека не только чуждого общей рутине, но умевшего, при всем своем консерватизме, улавливать и чувствовать неумолимую логику новизны. «Не течет река обратно», — сказал он как-то в учебно-воспитательном совете при обсуждении одного анахронического предложения.

Резкий, прямолинейный и парадоксальный в своих суждениях наедине с кем-либо в тесном кругу, в ответственных выступлениях он был очень осторожен и в решениях обнаруживал подлинную начальственную мудрость. Большой ум и кристальная честность не позволяли ему выступать пристрастно, он всегда старался быть принципиальным и жить так, чтобы ничто из того потока упреков, которыми забрасывали в то время в русской среде всякое начальство, к нему не пристало.

Теперь, когда на втором десятке лет нашего заграничного бесправного блуждания по чужим землям мы привыкли ко всякому труду и, умея делать выводы из нашего положения, не дивуемся, как бывшие генерал или сенатор метут улицы, становятся извозчиками или малярами, многие не поверят, что в те времена в русских лагерях еще были старые предрассудки, перешагивать через которые было делом нелегким и ставилось в особую заслугу. Почитать только корреспонденции в старых зарубежных газетах — сколько удивления и умиления: «Смотрите — вице-губернатор или генеральша сами себе белье стирают!»

Однажды молодые офицеры обратились к директору корпуса с просьбой назначить для нужд их кают-компании вестового. Адмирал Герасимов на это ответил, что если он сам полы моет в своей комнате, то почему же офицеры не могут сами себе посуду мыть. Старик адмирал, сам себе стирая белье и убирая свою комнату, делал это просто, без всякой аффектации. Адмирал умел делать выводы из создавшегося положения и принимал житейские и личные невзгоды весьма мужественно. Указав раз на одну из аномалий в нашей жизни, лично его глубоко обидевшую, он сказал: «А я верю, что какой-нибудь архангел Михаил все это замечает и записывает в свою книжечку...»

Уверенность, что нужно жить так, чтобы всегда быть готовым к ответу и в настоящем, и в будущем, адмирала Герасимова никогда не покидала... Более всего он боялся есть даром хлеб, и больной, доживая свои последние дни в Бизерте, работая у французов в качестве ученого

артиллериста по укреплению бизертского района, был по-прежнему очень щепетилен в оценке своих трудов.

При всех своих давних властных привычках, он в то же время был очень застенчив и скромен, и когда находился в благодушном настроении и смеялся — суровое лицо его смягчалось, делалось привлекательным и становились приветливыми его лучистые глаза.

В день его сорокалетнего юбилея, который очень тепло праздновался в корпусе, в оценке его деятельности сошлись люди разных течений. Мною было написано стихотворение, которое (по разным мотивам) на юбилейном обеде было прочтено моим коллегой Ал. Зах. И. Стихотворение это и в корпусе, и на эскадре ходило по рукам, переписывалось, и я отношу это, конечно, отнюдь не к его литературным достоинствам, а к тому, что портрет адмирала Герасимова в нем действительно верен, и я писал его совершенно искренно.

Старый адмирал... Как было трудно ему с его характером временами ломать себя, быть сдержанным, отменно политичным, и на старости лет взять книжку и обратиться в преподавателя математики в кадетских классах. Не знаю, доставляло ли ему это преподавание удовлетворение, но готовился он к своим урокам тщательно, как добросовестный начинающий преподаватель.

Надо сказать, что испытания на этом новом для него поприще были для него очень серьезны. Ученики, как все ученики, народ ловкий и жестокий. Адмирал частенько попадался на расставленные ими удочки. Чего только они не выстраивали, пользуясь неопытностью в этом отношении и небольшой глухотой, адмирал Герасимов о многом даже и не подозревал.

Один случай был особенно потрясающим. Было назначено адмиралом в его классе что-то вроде репетиции, для вывода отметок. Кадеты выдумали следующую штуку. Под стол, покрытый, как всегда, до полу сукном, посадили хорошего ученика. Стол стоял у доски. Адмирал, спрашивая, имел обыкновение ходить по залу, и, как только он отходил в глубину залы, подсказка из-под стола шла на полный ход. Трудно себе представить, что было бы, если бы адмирал обнаружил всю эту хитрую механику!..

Когда я мысленно пробегаю африканские картины, адмирал Герасимов фигурирует в них в разной обстановке. И вот одна из них, типичная для него последнего периода. Летом, после ужина, когда садится солнце за горы и наступает умилительный в природе час, адмирал выходил из своего барака на прогулку, идет он быстро и уходит довольно далеко, особенно по надорской дороге; адмирал любил гулять один, и далеко виднелась его белая одинокая фигура. И по правде — он был одиноким.

«Дедушка»

— А вот и наш дедушка, полковник Куфтин.

Меня познакомили с военным в серой шинели, человеком среднего роста, с проседью. Это было в первый же день моего появления в Морском корпусе на Северной стороне в Севастополе.

— Позвольте. Я вспомнил, что, когда я учился в самарской гимназии, у нас был учитель гимнастики — поручик Куфтин, адъютант командующего батальоном.

Оказалось, он самый и есть.

Разговорились мы. Приятные бывают встречи — воскресают года ушедшие. Мы оказались связанными цепью воспоминаний. И потом, уже в Африке, нам никогда не было скучно вдвоем — так о многом можно было говорить, вспоминая...

В корпусе Куфтина все звали «дедушкой», хотя по летам он был не самый старый; на последнее обстоятельство он часто обращал внимание, но титул «дедушки» носил не без гордости.

У всех у нас сохранилась в памяти фигура этого коренастого, крепко сложенного старика, который поражал всех нас прежде всего своей кипучей энергией и деятельностью. Чего только не знал полковник Куфтин и что только не умел делать! Резьбу по дереву, выжигание, бронзировку, никелировку и т. д. Умел шить сапоги и сам себе в Сфаяте шил различные вещи, в том числе пиджак и фартуки. Он оказался хорошим переплетчиком при библиотеке. Литография своим успехом была обязана главным образом ему.

У него была известная профессиональная гордость. Он старался своей работе постепенно придавать долю вкуса и изящества. Тетрадки выходили с обложками и виньетками. Каждый год он выпускал отрывные календари с соответствующими рисунками (даже в красках) на картонках, у меня часть их сохранилась — документ его литографской деятельности.

Служака он был отменный — аккуратный, взыскательный и исполнительный. В его отделении приходилось работать по-настоящему, в поте лица, как, впрочем, работал и он сам. Характер был у него не из легких. Службист и формалист, он был неуклонно требователен к подчиненным. С годами, очевидно, у него развилась мелочность и придирчивость — отсюда, вероятно, и репутация его в корпусе — сварливого и неуживчивого...

Рано утром «дедушка» уже на ногах, умывается на воздухе, около своего барака, а потом с засученными рукавами, в фартуке работает в мастерской или литографии. Своим сподручным он поблажки не давал,

но его побаивались все и имели дело с ним с некоторой опаской — наворчит «дедушка».

Библиотекарем он был скопидомным, книгу жалел (лечить-то их ведь ему приходилось прежде всего) и, по правде сказать, давать читать не любил, то есть не то что не любил, а в каждом читателе видел библиотечного врага. Бывало, придешь к нему в библиотеку и осторожно подойдешь к полкам с книгами и сейчас же слышишь гневный окрик: «Пожалуйста, господа, руками не трогайте! Скажите, что надо, а сами... пожалуйста!..» Его и прозвали: «Не тронь книгу».

Он же заведывал выдачей всевозможных писчих принадлежностей — тетрадей, карандашей, перьев. Порядок у «деда» при этом был замечательный — каждую выданную вещь он записывал. Было много курьезов. По своему характеру вещи беречь, он всегда старался подсунуть вещь похуже — бракованную тетрадку, карандаш с переломанным графитом и т. д. Перо с неразрезанным носиком очень долго ходило по корпусу, несколько раз возвращаясь к «деду»... Можно представить себе, что делалось с ним, если кадет приносил растрепанную книгу, — полковник свирепел и просил ротного о наложении на виновного наказания, до ареста включительно.

При таком отношении к книгам брать у него книги из библиотеки было сопряжено с некоторым умением и ловкостью. Всегда выходило много историй. Так, например, он считал баловством, когда преподаватель забирает много книг для своей подготовки к урокам, и всегда с особым злорадством показывал неразрезанную книгу, возвращенную преподавателем в общей кипе. Но все это мелочи. К слабостям привыкли, но зато можно было быть спокойным, что у книжных шкафов сидит надежный сторож...

Сварливый нрав «дедушки» иногда принимал крутые и настойчивые формы, он был последователен и прямолинеен. Но случалось, что его негодование увлекало на борьбу с ветряными мельницами. Такова история с курами. Одно время в Сфаяте на домашнее хозяйство потянуло чуть ли не каждую семью. И кроликов, и кур расплодилось множество. Около квартир, сараев, за сосенками, возникали клетки, которые были похожи на арабские хижины и так же лепились к постройкам, как те к горам. Даже сам корпус завел скотный двор. Но если кролики смирно сидели в клетках, то куры ходили по всему Сфаяту свободно, оставляя визитные карточки и пр. Начались возмущения и жалобы. Вопрос осложнился беженскими условиями совместной жизни и принял такие размеры, что о куриных делах стали говорить как о важном моменте дня, и действительно одно время он сделался целым вопросом нашей внутренней политики. Корпус разделился на партии, при-

чем в одну вошли семейные обитатели, защищавшие домашнее хозяйство с его неудобствами и беспокойством, а в другую — смертельные ненавистники бродячих кур, залезавших в плохо запиравшиеся кабинки и производивших беспорядок. Среди молодежи преобладали воинственные настроения, которые приводили уже к озорству, сворачиванию куриных голов и пр. Начались ссоры. Самым непримиримым курофобом оказался «дед»; чуть ли не от него исходил лозунг: «Смерть курам!» Когда стороны теряли равновесие, происходило немало трагикомических эпизодов. Однажды «деду» была доставлена басня (принадлежащая одному молодому автору) под заглавием «Курица, потерявшая совесть». <...>

В конце концов пришлось вмешаться самому адмиралу, который оказался рьяным курофобом. Через несколько дней был выпущен приказ, который является очень характерным — по тому юмористическому тону, к которому любил прибегать иногда адмирал.

«ПРИКАЗ ПО МОРСКОМУ КОРПУСУ
Форт «Джебель-Кебир»:

Февраля 2-го дня 1924 года
№ 22

Комендант лагеря Сфаята подал мне нижеследующий рапорт: «Ко мне, как коменданту лагеря Сфаят, со стороны некоторых жителей лагеря, имеющих домашнюю птицу, поступают жалобы на то, что в лагере идет безнаказанное избиение птицы, причем это делается лицами, не имеющими собственного хозяйства, затем этот заразительный пример передается и кадетам, и даже сейчас на дверях столового зала сделано мелом объявление о том, что куры в столовом зале — вне закона, и нарисованы две кости крест-накрест. Находя такую расправу с частной собственностью явлением совершенно ненормальным и грозящим крупными нежелательными недоразумениями, прошу, Ваше Превосходительство, ограничить таковую своевольную расправу с частной собственностью также денежным штрафом, подобно тому, как брался штраф уже с жителей за убытки, принесенные их птицей. Капитан 2 ранга (подпись)».

Из этого рапорта я усматриваю, что комендант лагеря, вместо того чтобы стоять на точке зрения общественной пользы и порядка, стал полностью на точку зрения владельцев необозримых стад всякой скотины, расплодившихся в Сфаяте, и притом еще на защиту своей точки зрения притягивает за уши принцип святости частной собственности.

Считаю необходимым разобраться в этом вопросе подробно и раз навсегда.

Владельцы кур, уток и прочей скотины у меня разрешения не спрашивали на разведение домашней птицы в Сфаяте. Следовательно, они развели ее на свой страх и риск. Если бы у меня было спрошено разрешение держать в Сфаяте кур, уток, гусей и пр., то я непременно поставил бы условием, чтобы животные эти содержались за соответствующими заграждениями, в клетках или на привязях, чтобы не причинять неудобства другим жителям Сфаята.

Вспоминаю историю нашего поселения в Сфаяте. Мы сильно бедствовали, паек был недостаточный. Думалось, что дамы, имеющие ребят, заведя две-три курицы, будут в состоянии подкормить своих ребят. По нашему всегдашнему благодушию, мы с терпимостью относились к десятку кур, шляющихся по Сфаяту, тем более что при их малом числе особенного беспокойства от них не было. Не то совершенно теперь. Полтора десятка кур и цыплят обратились в сотни. Совершенно посторонние корпусу лица, под фирмой служащих в корпусе, занялись промышленным разведением домашней птицы.

Прибыв в Сфаят в крайней бедности, с коробками и баночками от консервов вместо посуды для еды и питья, мы постепенно эволюционируем — стараемся сделать нашу жизнь культурнее. Заводим себе общие столовые для еды, заводим постепенно посуду, скатерти и пр., но стада кур и уток приводят стремления к нулю. Столы в столовой зачастую покрыты пятнами от куриного гуано, скамейки — также, и не редкость видеть воспитанника с пятнами гуано на брюках; даже в церкви, в столовой, даже на месте, где собирается алтарь, бывают следы пребывания кур, и, становясь на колени во время молитвы, необходимо остерегаться, чтобы не попасть коленом в следы пребывания кур. В кают-компании куры бродят по столу, по скатерти, бьют посуду, оставляя всюду свои следы. Невозможно приоткрыть дверь или окно, чтобы проветрить комнату или чтобы впустить луч для просушки ее, чтобы через щель не забрались куры и не оставили в комнате следы своего пребывания. К сожалению, следы пребывания кур подмывать, подтирать приходится не собственникам домашней птицы, а собственникам комнат. Полиция, окрестные арабы пристают постоянно с жалобами о выедании этими стадами птицы посевов. Не говоря уже о шуме и гомоне, при котором человеку занимающемуся невозможно сосредоточить на чем-нибудь внимание, а больному — спокойно уснуть. Вот, примерно, картина настоящего положения вещей. Факты появления карикатур на дверях столовой, беганье чинов генеральского и полковничьего звания с палками за курами, чтобы отогнать их от дверей в

свои комнаты, я считаю началом совершенно естественного, пока теоретического, протеста против бесцеремонности собственников домашней птицы, не стесняющихся ради своих меркантильных расчетов портить жизнь всем остальным жителям Сфаята. Наступает весна, стада домашней скотины будут плодиться и размножаться, но невероятно, что стада эти удесятерятся и покроют живым слоем всю площадь Сфаята. Полагаю, что к этому времени люди, выведенные из терпения этой египетской казнью, могут от теоретических протестов перейти к активным действиям и «бессознательное избиение» птицы, представляющееся лишь пока метафорой в рапорте коменданта (так как знаю лишь один факт убийства курицы копытом лошади, но и то при защите священного права собственности овса от расхищения курицами), может обратиться из метафоры в действительность.

Считаю своевременным вступиться в это дело; понимая, что в один день невозможно ликвидировать то, что нарощено в три года, даю срок для ликвидации до марта. С 15 марта воспрещаю совершенно нахождение в Сфаяте беспризорных домашних животных.

В прочтении этого приказа расписаться собственникам домашней птицы.

Вице-адмирал (подпись).
Верно: адъютант Морского корпуса (подпись)».

Так эта эпопея и кончилась. Кур большею частью продали арабам.

Утро. День будет жаркий. Мухи колотятся в железную сетку. Голос «дедушки» под окном:

— Идем сегодня к итальянцу?

Предприятие это заманчивое. Правда, оно сопряжено с некоторым расходом, но зато и удовольствия много. На нижнем шоссе, если спускаться от Надора к Бизерте, среди раскинувшихся виноградников издали видна широкая терраса, покрытая вьющеюся зеленью. Это небольшой ресторанчик, где хозяин-итальянец угощает превосходным вином из своих виноградников — душистым и густым, как сироп. У этого итальянца русскими много было оставлено франков и рассказано всяких историй.

Одна дорога туда чего стоит! Пройдя мимо лагеря, в котором живут французские офицерские семьи, вступаешь в ущелье, откуда одна дорога идет в форт Эн-Эч, а другая зигзагами спускается к Бизерте. Картиной нельзя насмотреться. Обрывистые скалы, взорванные каменоломни с гладкими, словно полированными, отвесными срезами, зеленые квадраты виноградников и хлебов внизу, в долине, в туманной дали Бизерта, справа блестит канал, а прямо — хочется его все собрать

в себя — синее море. Оно далеко, его, как в кинематографе, не слышно, но видно, как оно курчавится и пенится у берегов.

К итальянцу мы спускаемся «по способности», иногда прямо, по круче протоптанной тропинки. Входим на террасу, выбираем столик и некоторое время молчим. У «деда» больное сердце — он тяжело дышит, вытирает шею платком и подставляет голову мягкому ветру с моря.

У итальянца «дед» всегда веселый. Он добродушен с мужчинами и чрезвычайно любезен с дамами, и при расплате строго настаивает, чтобы дамы в расходах не участвовали.

Приходили мы сюда сытыми и только пили. Мускат крепкий и приторный (много его не выпьешь) делал свое дело... Обратный путь был тяжел и медлителен. «Дед» все время останавливается и хватается за сердце. Большая удача, если удастся подцепить проезжающего извозчика. Тогда «дед» опять приходил в благодушное настроение и мы шажком поднимались по крутой дороге под звуки бубенчика, покрикивания араба и уславливались о вечернем винте, в библиотеке, в его кабинке.

Сначала библиотека помещалась в простом сарае с земляным полом. Сарай был сделан на живую нитку. Во время ветров его продувало насквозь, а на дожди проливало так, что подмокали и книги, и бумаги. Чинили сарай постоянно, проконопачивали, цементировали пол, создавая внутри из одеял и брезента удобную для жилья кабинку, непроницаемую для стихий. «Дед» умел свое жилье устроить хозяйственно, и когда, бывало, зайдешь к нему посидеть в дождливый и холодный вечер, то «дед» посадит в теплый уголок, зажжет примус, согреет вина, и мы примемся за разговоры. В беженстве воспоминания не всегда растравляют душу, а часто примиряют с жизнью. «Дед» был приятным собеседником, он много видел людей, наблюдал и судил не по шаблону, без заранее заготовленного штампа, поэтому говорить с ним всегда было интересно. За долгие вечера я узнал его жизнь, службу и его самого. Основное, что ему было свойственно, — это деятельность. Так просто, без дела его невозможно было представить. Чувствуя старость и болезнь, он боялся быть в тягость другим. Иногда мысли его принимали идиллический оттенок. По завершении всего земного и суетного ему хотелось возвратиться к себе, в родную Елабугу, где он окончил реальное училище, и зажить в маленьком домике, в уездной лесной глуши, среди запахов бора и земляники...

Вечерами мы иногда любили повинтить. «Дед» был великолепный винтер — в этом отношении он вместе с генералом З. мог считаться профессором. Больше всего он любил закрытый винт вчетвером, но

часто играл и вдвоем с своим неизменным партнером, генералом З-ным. Играл «дед» истово, почвенно, как будто впитал в себя школу целых поколений. Разбирая казусы, он мог привести «историческую» справку, вспомнить о том, как четверть века назад, в Самаре, играя с моим отцом в клубе, какой-нибудь NN, при бескозырной игре, не оставил передачу на туза и пр. Играя, он приговаривал: «Червь, снедающий плоть человеческую», «славны бубны за горами», «туз и в Цареграде туз», «думай, думай, Мойша, но не спи» и т. д. Своенравный характер его проявлялся и здесь. Если ему не везло или его партнер делал ошибки, «дед» делался раздражительным, иногда невыносимым, возмущался, хлопал картами о стол и казался совершенно убитым. Но при первой удаче оживлялся и веселел. Думал он в карты долго, взвешивая в уме и примеряя всевозможные комбинации, играл по-стариковски, с подсиживанием и не прощал формальных промахов, неукоснительно присчитывая штрафные взятки. Последний в его жизни «малый шлем» мы сыграли с ним в одной партии...

На другой день в страшную жару он отправился в Бизерту в баню.

— Не ходите, «дедушка», умрете, — кричали ему в Сфаяте.

Но «дед» пошел, веселый и живой, шутил в бане и обещался прийти в кафе, где его должен был ждать его спутник, Ив. Вл. Д. «Дед» пришел в кафе, еле переводя дух, хватаясь за сердце. Он терял сознание. Его положили на диван и побежали за доктором, за лекарствами в аптеку. Прошло много времени. «Дед» лежал еще живой, но как мертвый — мухи свободно ползали по его лицу. Собрав последние силы, он передал подошедшему к нему Д-кому распоряжения о деньгах — сыну...

Спокойный и строгий он лежал в госпитальной часовне, памятной нам всем по печальным воспоминаниям. Горели длинные и узкие католические свечи... На дворе строились кадеты. Под звуки траурного марша полковника Куфтина понесли в русский уголок кладбища. Я бросил цветы в его могилу и грустно смотрел, как они покрывались сухой и жесткой землей чужой страны...

Ученики

Когда на «экране моей памяти» развертываются картины моих африканских воспоминаний, то в них основным тоном являются ученические массы — то мальчишки, почти дети, то усатые юноши; то они проходят поодиночке по лагерям, то идут густыми колоннами в строю — зимой в синих суконных бушлатах, летом — в белом; то

мелькают в полях среди кустов, пробираясь по ими же проложенным сокращенкам по разным путям-дорогам. На торжественных парадах, батальонных прогулках с музыкой, на спортивной площадке гимнастических состязаний — это была монолитная масса; но мы знали своих учеников в классах, на уроках, каждого в отдельности, а некоторых в интимной обстановке, как своих гостей. По отношению ко всем ним были особенно сложны наши воспитательские задачи и педагогическая ответственность. У нас на руках оказались многие десятки детей, трагически оторванных от семей, которым нужно было дать не только среднее образование, но и что-то сделать в другом отношении: дать то, что дается семьей и домом вообще в развитии общежительских отношений, общей интеллектуальности, индивидуальных вкусов и т. д. Эти трудности чисто воспитательского характера считались едва преодолимыми, если вспомнить картину хотя бы пребывания Морского корпуса на «Генерале Алексееве» во время нашей эвакуации из Севастополя. Оборванные, кто в чем одетые, грязные, завшивевшие, как все на кораблях, полуголодные, в холодной и жесткой обстановке неприветливых кубриков неуютного дредноута, кадеты среди разношерстной, стихийно собранной толпы казались беспризорными замарашками. С большой тревогой мы наблюдали на корабле за грубыми нравами этих пареньков, зорко следящих по части съестного за всем, что можно стащить, — хлеб, муку, консервы и пр. Корабельный блатной жаргон висел в воздухе, и некоторое время, уже на берегу, грубые инстинкты, как скверные привычки, прорывались на уроках. Особенно это сказывалось на уроках русского языка, который болезненно страдал от этого корабельного блата: кадеты в классах озорничали, например, отвечая урок или читая книгу (представьте — Тургенева!), заменяли слова: вместо «есть» — «шамать», «харчить» и т. д. С этим тяжелым наследием пришлось очень долго бороться. И эти навыки у детей были побеждены. Началось с внешности, с приведения всех к приличному виду, с искоренения разгильдяйства и распущенных привычек. Надо отдать справедливость строевой части — внешняя часть воспитательного дела ей в этом отношении удалась. Через два-три месяца работы на форту, в Джебель-Кебире, о закулисной стороне которой мы знали немного, ученики стали неузнаваемы.

Как отзвук этих тяжелых времен осталась у кадет авантюрная привычка — старое воровство-баловство по садам и огородам. Откровенно сознаться, в этом было много прародительского. Как гоголевские бурсаки, школяры у нас всегда много шкодили, несмотря на бдительную охрану садоводов и бахчевников с их овчарками.

В Африке искушений в этом отношении было еще более. Кругом наших лагерей раскинулись арабские сады и виноградники, по местному порядку обнесенные кактусовой оградой, как колючей проволокой. А на открытых полях, среди пашен, стояли одинокие деревья — яблони, винные ягоды и др. Все это представляло огромные искушения, для многих совершенно непреодолимые, и не только для маленьких...

Ночью, когда засыпали лагеря, начиналась особая потаенная жизнь, о которой могли бы рассказать не только сады и виноградники, но и темные улочки Бизерты. Смельчаки небольшими группами отправлялись на добычу. Нужно было не только обойти собственное начальство — всевозможных дежурных, дневальных и проч., но и бдительность сторожей и арабских псов. Разумеется, массу неприятностей причиняли ненужные при этом опустошения и поломки. Частые жалобы арабов вызывали серьезные меры борьбы с этим злым мальчишеством, писались грозные приказы, но соблазн был не только для мальчишек... Однажды во время одного из таких ночных набегов арабами была застигнута целая компания. Большаки, сильные и проворные, успели ускользнуть, а один маленький кадетик своими танками застрял в изгороди, был изловлен и препровожден к корпусному начальству. Утром перед выстроенной ротой виновный был вызван для выслушивания жестокого выговора. Каких только страшных слов тут не было! Маленький преступник был в большом смущении — он действительно являлся козлом отпущения, считая себя очень несчастным человеком, с другой стороны, он чувствовал величайшую несправедливость в такого рода одиночной ответственности, — ведь в этой экспедиции участвовал и гардемарин-фельдфебель, стоявший тут же на правом фланге, и еще кое-кто повыше, и т. д. Но как только он, не выдержав, с досадным плачем стал называть имена, его немедленно отправили на свое место и дело было предано забвению...

Эта эпидемия налетов имела место главным образом вначале и объяснялась, между прочим, той же сахарной голодовкой, которая заставляла нас всех на первых порах в Африке с жадностью набрасываться на сладкое, продавать вещи для этого — так как денег не было, а у многих кадет вообще ничего не было, к тому же в первое время мы все немножко голодали...

Большое удовольствие и удовлетворение для меня лично было прочесть курс по «Истории русской культуры» в гардемаринских классах, введенный, по словам «Объяснительной записки» к нему, в корпус специально для выработки в учащихся исторического самопознания, «умения ориентироваться в политико-общественной обстановке», чтобы,

«подымая завесу над задачами момента», «путем изучения прошлого, ясно себе отдать отчет в настоящем» и «сознательно отнестись к проведению в жизнь предначертаний истории». Если вспомнить те пагубные последствия, которые произошли от полного незнакомства нашего офицерства с общественной жизнью в начале 1917 года, — так заканчивается эта очень толковая «Объяснительная записка» к курсу, составленная в августе 1920 года в Севастополе старшим лейтенантом Ш., — то тем яснее обрисуется насущнейшая потребность в освещении и познания тех путей, которые делают нашу историю и в которых мы будем не посторонними и подвергнутыми всяким случайностям зрителями, а активными деятелями, кующими новую жизнь.

Этот курс приближался в некоторых отношениях к университетскому курсу русской истории. Над ним я работал много и с огромным удовольствием, хотя большое затруднение представляло отсутствие под рукой некоторых пособий; во многом пришлось полагаться на собственную эрудицию — в первые годы беженства память в этом отношении еще не изменяла. Помню, я с большим волнением прочел свою первую лекцию в совершенно необычайной обстановке — в дортуарах роты, среди железных, поставленных в два этажа коек с сидящими на них слушателями. Чтобы удобнее и доступнее подойти к курсу, я начал во введении с географического фактора, изложив теорию Льва Мечникова о великих исторических реках. Едва ли я преувеличу, если скажу, что мой курс в гардемаринских классах имел очень большой успех. На мои лекции ходило много офицеров, и почти постоянным слушателем был капитан 1-го ранга М. Ал. К-н. Благодаря отсутствию помещения пришлось одну и ту же лекцию читать четыре раза: вначале это было даже несколько интересно — я наблюдал, которая лекция наиболее удачно прочитывалась. Оказалось, что с наибольшим подъемом я читал вторую, а уж читать третий и четвертый раз одно и то же становилось скучно. Вскоре этих повторений удалось избежать. Некоторые вопросы в чтении этого курса доставили мне, однако, немало осложнений. В самой задаче введения курса русской культуры в корпусе лежали политические моменты, и нужно знать политическое направление умов военной среды русского беженства того времени и мои «кадетские» убеждения и взгляды на переживаемые события, чтобы представить себе возможность разного рода конфликтов. О них имеются обширные материалы — когда-нибудь расскажу и об этом... Целиком прочесть весь курс мне удалось только в первой гардемаринской роте: вследствие ускоренного выпуска второй, в дальнейшем пришлось от окончания курса отказаться — о чем вспоминаю не без горечи...

В кадетских ротах дело было проще, элементарнее. Я никогда не смотрел узко на преподавание истории в средней школе — каких только вопросов не приходилось касаться в процессе прохождения исторических курсов, особенно XIX века: археологии, экономики, литературы, музыки и проч., а главное — политики. От современности не уйти: сама наша жизнь в африканских лагерях, сама наша беженская судьба требовали и выяснения, и оправдания именно в истории. Всевозможные дискуссии возникали чаще всего по инициативе самих учеников, и какой же учитель — политический эмигрант — может уклониться от этих поставленных ребром и в упор вопросов! Я никогда не считал потерянными эти часы, хотя и отнятые у курса, но потраченные на живейшее дело в воспитании — ответить на то, что волнует... Обычно это занимало несколько минут, но иногда на это уходил целый час незаметно; оставались неспрошенными намеченные ученики, задавался старый урок и т. д., но бесспорная польза урока уже ощущалась в том впечатлении, которое сказывалось в глазах, в позах, особом шуме, с которым ученики покидают класс, и пр. Ученики знали, что меня трудно просто спровоцировать на эти экскурсы, но, зная, что я обычно откликаюсь на хорошо поставленные вопросы, они нередко заблаговременно готовились к ним и, наметив тему, выпускали какого-нибудь «всезнайку» с формулировкой недоуменного вопроса. Помню одного кадета в старших классах, который так искусно и вдумчиво ставил вопросы, что я, прекрасно учитывая их иногда весьма прозаическую подоплеку, все же не мог удержаться от соблазна и, если не было спешных занятий, принимал «вызов», к великому удовольствию класса...

У кадет на форту в Джебель-Кебире был свой особый мир, мало доступный нам, сфаятцам. Большинство мальчиков были как бы сиротами — их родные были в России, откуда иногда приходили письма скорбные, грустные. Многим некуда было пойти в отпуск, а известно, какую роль он играет в закрытом учебном заведении, как его ждут в праздники. А здесь можно было только уходить из форта блуждать по полям и дорогам или идти в Бизерту, потолкаться среди шумной и чуждой толпы, поглазеть на витрины магазинов, ну, может быть, если найдутся деньги, купить что-нибудь или зайти в кинематограф, а потом подниматься на форт по надоевшей дороге... А кадеты, у которых были родные в корпусе или в Бизерте, шли как-никак — домой. Поэтому как-то само собою возникло сближение некоторых кадет с семейными Сфаята. Обычно у каждой сфаятской семьи были свои постоянные гости-кадеты, приходившие к ним как к родным. Эти интимные гости делались друзьями семьи, часто приходили на целый день и очень много и охотно помогали по хозяйству.

Одно время были организованы дамами особые чаи специально для кадет; эти маленькие праздники устраивались обыкновенно на одной из площадок Сфаята и обставлялись очень тщательно — пекли пирожки, всякие сласти, красиво убирались столы и т. д. Чаепития заканчивались играми. Намерения у дам были самые хорошие, искренние, но организация была довольно сложная, немного стеснявшая обе стороны, и эти чаи сами собою прекратились.

Были попытки и более серьезного сближения с учащимися на почве, например, литературных интересов. Так, преподавателем Ал. З. Им-им был организован литературный кружок, который, как и все подобные кружки, был лишь эпизодом на фоне нашей школьной жизни. Было устроено несколько докладов и чтений собственных произведений членов кружка. На одном я читал о Бальмонте, который большинству представлялся последней ступенью модерна и декадентщины, а на другом — о Григе с музыкальной иллюстрацией. Сам Ал. Зах. обычно читал своего излюбленного Ал. К. Толстого, которого читал действительно хорошо.

Праздники входили очень важной частью в наш африканский быт. На спорт было обращено большое внимание — на выписку снарядов денег не жалели, процветали игры, в том числе футбол на очень плохой, донельзя каменистой площадке...

Среди традиционных развлечений нельзя не вспомнить ряд спектаклей, в которых принимали участие и воспитанники, и наши дамы. Ставился и Чехов, и Ал. Н. Толстой, и пьесы местного происхождения. В «Руфи», написанной В.В. Б-м, мне пришлось принять участие в качестве музыканта. Пьеса была недурно поставлена во рву, среди фундаментальных каменных стен, весьма подходящих к изображению грузных стен древнего библейского города. В последний год с кадетами я поставил «в сукнах» сцены из «Недоросля» и «Стрелочка» с стихотворным вариантом, написанным Ириной К. Последняя пьеска оказалась очень сценичной. Яркие цветы на темном фоне сукна, живописные костюмы девиц и веселая песенка, идущая все время с приплясыванием, имели шумный успех. Незатейливый мотив и веселые слова долгое время назойливо звучали в ушах...

С кадетами последнего выпуска я организовал хор, в котором участвовал весь класс без исключения. С хором же была поставлена пьеска «При лунном свете». Кое-какие строчки этой пьесы я помнил, остальные подсочинил. Музыкальных вечеров за последние годы вообще было очень много — в них и я принимал участие вместе со своими учениками. Вспоминаю о них с удовольствием. Все знают, как приятны в них репетиции, со сменой искренних огорчений от неудававшихся мест до бурной радости достигаемых эффектов; как мила

эта всеобщая суматоха при устройстве сцены с обязательными непредвиденными осложнениями в день спектакля и с неизбежными волнениями артистов перед выходом, всегдашними инцидентами вроде неисправного занавеса и т. д...

Конец

Джебель-Кебир и Сфаят, два лагеря, в первые дни нашего поселения представляли из себя два небольших перенаселенных городка. Гардемаринам не хватало места: когда одна рота занималась и готовилась к выпуску, другая находилась в это время на корабле, проходя в соответствующей обстановке некоторые предметы по морскому делу. Жизнь в лагерях била ключом, на форту был установлен привезенный с собой двигатель, и форт освещался электричеством... Затем корпус постепенно свертывался, покинул Кебир и в период последнего выпуска представлял собой в Сфаяте тихий уголок, в котором обслуживающего персонала было уже больше, чем учеников. Одна за другой уходили группы, уплывали за море, уходили в глубину Африки. Их всегда тепло провожали, почти всегда с особого рода завистью, которая обычно бывает к людям, уже перешагнувшим через трудное и неизбежное. Они уже за чертой, за этим перевалом, а нам еще предстоит эта мука — конца, передвижения и отъезда. Эскадра таяла, люди расходились по всей Тунисии, перебирались в Европу. А тут этот лишний удар. Признание большевиков. Вот были грустные дни! Передавалось из одних рук в другие русское достояние. Но в этой передаче чувствовалась какая-то глубокая, внутренняя неправда и жестокая обида, настоящая, кровная, а не мелкий удар по самолюбию. Корабли — живые организмы, и боль их страданий чувствуется. Спущены Андреевские флаги... Жилой дом становится пустырем, зарастает бурьяном... Корабли без дела, без ухода, стоящие один вплотную с другим, без освещения, ржавеют и умирают. Бухта Каруба — мертвое кладбище...

Начался вольный и невольный разнос вещей. Появилось многое, чего там оказалось в изобилии и в чем мы нуждались.

После признания большевиков конец Морского корпуса был уже неизбежен. К концу, как к поставленной цели, мы шли неуклонно готовясь, стараясь при ликвидации не упустить ни одной детали. Но чем ближе приближался этот момент, тем грустнее становилось на душе при виде сужений наших сил и работы. В этой грусти, рядом с сентиментальным чувством привычки к месту и тягости расставания, было сознание действительной утраты и неиспользованной до конца энергии.

Был русский уголок — русская школа, — который делал гуманное и полезное общенациональное дело. Казалось, что у него была задача, которую не нужно было маскировать ни перед кем, — учить русских детей. Почему Морской корпус как будто не захотел влить себя, все свое богатое оборудование и учебно-административный опыт в общерусское просветительное дело за границей?

Понятно, что Морской корпус должен был прийти к своему естественному концу, в последние годы он назывался официально L'orphelinat russe — «Сиротский дом», но почему с закрытием военного учебного заведения должна была закрыться и русская школа вообще, школа на полном ходу с готовым оборудованием, в то время как огромное количество русских детей, мы знаем, и по сие время остается без всякого влияния русской школы? Почему? Дело отнюдь не в недостатке средств...

Не все ладилось на эскадре. На океанском пароходе «Кронштадт» были огромные мастерские, великолепно и богато оборудованные, большие запасы всевозможного материала, был совершенно готовый, хорошо обученный практически штат мастеров-специалистов. Это была фабрика, которая могла быть пущена в ход в любой момент, работать и сама себя окупать. Но... что-то не вышло. Несколько случаев чумы... А потом «Кронштадт» уведен французами в Марсель и, сделавшись «Вулканом», кажется, сгорел...

Почему, имея некоторые средства и организации, мы ничего не предприняли, чтобы приобрести или заарендовать в той же Бизерте хотя бы небольшие клочки, вроде фермы для русских людей-беженцев, инвалидов, и устроить «Русский дом» в Африке, в месте скопления беженцев? Почему?..

КРЫМСКИЙ КОРПУС В ЮГОСЛАВИИ[582]

Из Бакара корпус был перевезен по железной дороге в Словению, в лагерь Стрнище, предоставленный правительством Крымскому и Второму Донскому корпусам. Как военно-учебное заведение, входившее в состав русской армии, корпус был подчинен военному агенту в Королевстве С.Х.С. Лагерь Стрнище, расположенный в пяти километрах от города Птуй, представлял собой поселок для военнопленных, устроенный еще в начале Великой войны правительством Австро-Венгрии, к составу владений которой принадлежала эта территория. Местность, где возник поселок, находится в северо-западном углу королевства, в горной и лесистой Словении, и носит название

«Дравского поля»: это довольно обширная равнина, как бы островок среди окружающих ее гор.

Здесь-то, в непосредственной близости от железнодорожной станции Святой Лоренц на Дравском поле, в сильно обветшавших к тому времени бараках, из которых состоял поселок, и разместились оба корпуса.

В это время состав корпуса был следующий: 5 рот; 7 классов и один подготовительный, — 20 классных отделений; кадет — 650 (в том числе 108 воспитанников Феодосийского интерната); педагогический персонал — 29 человек; административно-хозяйственный персонал — 8 человек. Интересно отметить, говоря о составе корпуса того времени, что среди кадет было: бывших на фронте — 229; награжденных боевыми наградами — 40; раненых и контуженых — 52. Этот своеобразный и очень многочисленный состав был расположен необычайно скученно в примитивных ветхих бараках, плохо отапливаемых в эту первую суровую зиму на чужбине.

В бараках стены и полы прогнили, крыши протекали, в стенах образовались трещины, через которые свободно проникал ветер и снег; канализация не действовала, электрические провода были порваны, водопровод не работал. Условия для начала учебных занятий были очень тяжелые; несколько классных отделений должны были заниматься в одном бараке; холод, недостаток одежды и обуви, отсутствие учебных пособий и хотя бы примитивной мебели. Все это служило, казалось, непреодолимым препятствием для систематических классных занятий.

Кадеты располагались во время уроков стоя или сидя на кроватях и далее на полу; классные доски заменяла клеенка, прибитая к стене, а то и просто кусок черного картона или оторванная доска или дверь. Писать приходилось держа тетрадь на коленях или положив ее на спину соседа, причем от холода коченели пальцы, а по ночам в чернильницах замерзали чернила. Все же занятия шли.

Корпус руководствовался в учебной жизни программами и инструкцией для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах, изданными в 1915 году. Система оценки знаний была 12-балльная.

С наступлением теплого времени, в начале марта, обстановка занятий несколько улучшилась, и часть уроков можно было вести на воздухе, с каждым отделением самостоятельно. К этому времени в корпусе были организованы: церковный хор, духовой оркестр и мастерские (столярная, сапожная, переплетная и слесарная), а также занятия фотографией. Были устроены огороды. Ко всем этим работам и занятиям кадеты проявляли большой интерес. Трудами кадет, в одном из свободных бараков была устроена церковь.

До 1 июня 1921 года корпус не имел никаких специальных ассигнований. На каждого кадета Державной (Государственной) комиссией отпускалось по 240 динар в месяц, как всякому беженцу. Из столь незначительной суммы, едва хватавшей для оплаты питания, на книги и учебные пособия возможно было уделить только незначительную часть, а платить содержание воспитателям и преподавателям не представлялось никакой возможности.

Таким образом, педагогический персонал (а также и другие служащие) исполняли свои обязанности безвозмездно. С июля Державная комиссия назначила содержание всем служащим (преподавателям и воспитателям по 400 динар и беженское пособие) и увеличила до 300 динар отпуск на каждого кадета, что дало возможность улучшить снабжение кадет учебниками, учебными пособиями и даже книгами для чтения. Так как учебный год начался 2 января 1921 года, то летних каникул не было, и занятия закончились 15 октября, когда состоялся первый выпуск окончивших курс 7 классов, при вице-фельдфебеле Сковородове — 78 кадет и 5 экстернов. Следующий учебный год (1921/22) начался 17 ноября после месячного перерыва (вице-фельдфебель Минаков). Классных отделений было 21 при общем составе (списочном) 610 кадет. Новый учебный год предполагалось начать в хорошо устроенном помещении в городе Мариборе или в Белой Церкви, на что имелись весьма веские основания. Местные власти не принимали никаких мер для ремонта бараков, пришедших в весьма ветхое состояние и совершенно негодных для житья в них зимой. Учебный год снова начался в очень тяжелых условиях. К рождественским праздникам обстановка несколько улучшилась, так как корпусу было отведено еще два барака из числа ранее занимаемых Донским корпусом, уехавшим в Билече. Явилась возможность приобрести скамьи, столы для каждого отделения, а некоторым для занятий были предоставлены даже отдельные комнаты в отведенных бараках. В них с помощью деревянных перегородок построили подобие классных помещений. В акустическом отношении они представляли некоторый курьез (перегородки не доходили до потолка): объяснения преподавателя лучше слышались в соседнем классе, чем в том, где давался урок, но тем не менее у кадет получалась возможность готовить уроки и более упорядоченнее исполнять письменные работы. Была открыта читальная комната для кадет.

Во время рождественских и пасхальных праздников занятия не прерывались, но лишь число ежедневных уроков было уменьшено с 6 на 3, и это время было использовано на пополнение пробелов в пройденном ранее курсе. Чтобы выполнить установленную программу, учебный

год и на этот раз пришлось значительно удлинить, закончив его 1 августа вручением аттестатов кадетам 2-го выпуска (92 кадета и 11 экстернов).

Принимая во внимание тяжелые условия жизни кадет, надо признать достигнутые успехи вполне удовлетворительными. Надо было удивляться нетребовательности, выносливости и бодрости духа кадет, легко переносивших все невзгоды.

Для духовного и художественного их развития устраивались периодически сообщения преподавателей, любительские спектакли и концерты, с участием духового оркестра и хора певчих кадет.

Приводим выдержки из приказов по корпусу от начала января 1922 года, иллюстрирующих жизнь корпуса:

«а) Распределение вечеров во время праздников Рождества и Нового года:

7-го января — елка в 5-й роте от 6 часов вечера;
8-го « — танцевальный вечер для кадет;
9-го « — елка в 4-й роте;
10-го « — семейно-танцевальный вечер для г.г. служащих корпуса;
11-го « — генеральная репетиция комедии «Лес» (в бараке № 22);
12-го « — спектакль для г.г. служащих и кадет двух старших рот;
13-го « — елка в 3-й роте;
14-го « — танцевальный вечер для кадет старших рот;
15-го « — концерт в Офицерском собрании;
17-го « — семейно-танцевальный вечер г.г. служащих.

б) Кадетский оркестр, несмотря на переутомление, которого он не мог не испытывать, играя во время праздников, почти ежедневно, выразил, по собственной инициативе, самое искреннее и настойчивое желание играть и на вечере, устроенном г.г. служащими корпуса. Усматривая в таком милом и задушевном внимании кадет новое звено той неразрывной связи, которая в идеале должна существовать между педагогическим персоналом и его питомцами, я счастлив отметить это отрадное явление в нашей корпусной жизни и от всей души поблагодарить молодцов кадет-музыкантов за их, конечно, для всех служащих корпуса дорогое внимание и любезность».

В летнее время совершались экскурсии поротно с оркестром музыки в город Птуй для осмотра и ознакомления с достопримечательностями города.

Работа воспитательского персонала корпуса была очень трудна. Рядом с детьми, только что достигшими школьного возраста, только что покинувшими родное гнездо, жили юноши, сложившиеся под непосредственным воздействием тяжелых условий фронта, бездомного ски-

тания и грязи тыла, которая явилась таким отвратительным и досадным пятном Белого движения.

Об оздоровлении корпуса хирургическим путем не могло быть и речи, так как удаленных из корпуса без законченного образования и специальности ожидала улица чужих городов, вероятно, деклассированность, а для многих то состояние бездомности, которое они уже пережили в последние месяцы пребывании на Родине.

Генерал Римский-Корсаков, посвятивший свою жизнь русскому юношеству, не мог считать приемлемым для зарубежного закрытого учебного заведения педагогический метод выкорчевывания плевел, для сохранения чистоты подрастающих злаков; тем более что плевелы появились как результат российского лихолетья и в большинстве случаев не были личными отрицательными и неисправимыми качествами. Директор корпуса считал, что его задача не только воспитать морально здоровую часть вверенной ему русской молодежи, но и вернуть обществу и Родине тех, кого братоубийственная смута вывела из рамок общественных норм.

Воспитательскому персоналу корпуса предстояла работа исключительной трудности, усугублявшаяся еще и самою обстановкою в Стрнищенском лагере, где благодаря местным условиям постоянный надзор за кадетами был почти немыслим, как и сколько-нибудь правильная и регулярная постановка учебного дела. Собрать на урок разбежавшихся по лесу кадет младших рот было иногда не под силу даже опытным офицерам-воспитателям. Кадетская жизнь в Стрнище протекала привольно. Сравнить ее можно, пожалуй, только с казачьей вольницей эпохи Запорожской Сечи. Персоналу приходилось думать не столько о предупреждении или пресечении проступков, сколько о развитии в кадетской массе чувств и настроений, которые могли бы снять с кадетской души ту накипь, какой она обросла в период лихолетья. И это можно было сделать, только поставив в основу кадетского воспитания те же принципы, какими и раньше руководствовались кадетские корпуса. Принципы эти можно определить тремя словами: «Бог, Царь, Родина». Умело поддержанный идеализм кадетской души и вера в то, что старшие кадеты и более устойчивая кадетская масса помогут своим споткнувшимся товарищам вернуть нужное равновесие, оправдали себя полностью. Условия жизни за границей поставили еще и новую задачу. Нужно было воспитать в кадетах, распущенных обстоятельствами жизни последних революционных лет, сознание, что каждый из них всегда и везде является представителем своей родины России. Ношение формы еще больше подчеркивало это значение. С этой задачей могли справиться только старшие кадеты, так как их авторитет стоял

высоко и их слово было законом для младших. С течением времени поведение кадет в Стрнищенском лагере стало заметно улучшаться; повысилась их учебная работа. Главным же достижением воспитательской деятельности явилось то обстоятельство, что проступки кадет, считавшиеся ранее лихостью и молодечеством, стали получать должную оценку и в самой кадетской среде.

Генерал Римский-Корсаков не только противился исключению из корпуса своих кадет, но и принимал в корпус тех, которые считались почему-либо нежелательными в других корпусах. Кадеты ответили директору любовью и старались не огорчать своего «деда».

При таких условиях Крымский кадетский корпус прожил в Стрнище почти до конца октября месяца 1922 года; учебные занятия продолжались, старшие кадеты заканчивали прерванное в России образование.

Всем получившим аттестат об окончании семи классов корпуса правительством было предоставлено право поступать в некоторые высшие учебные заведения королевства и в военное училище (Война академия), чем многие и воспользовались; часть окончивших поступала в Николаевское кавалерийское училище, бывшее тогда в Белой Церкви, или Сергиевское артиллерийское и Алексеевское казачье училища в Болгарии Некоторые шли в высшие учебные заведения Франции, Чехии и Бельгии.

Приводим 3-й приказ по корпусу от 19 октября 1922 года, прекрасно характеризующий те истинно товарищеские отношения, которыми с первых дней отличались крымские кадеты:

«Исполняющий обязанности вице-фельдфебеля вице-унтер-офицер Троянов доложил мне от лица всех кадет корпуса, что кадеты, узнав о бедственном материальном положении наших выпускных кадет, поступивших в этом году в высшие учебные заведения в городе Загреб, просят разрешения оказать им посильную материальную помощь путем отказа в течение трех дней — 19, 21 и 23 октября от второго блюда за обедом.

Счастлив приветствовать такое проявление благородного товарищеского чувства и с радостью вижу, что жив еще в питомцах Крымского корпуса старый кадетский дух, не изгладился еще в сердцах их старый девиз кадетских корпусов: «Один за всех и все за одного».

Приказываю эконому корпуса из имеющегося у него аванса представить начальнику хозяйственной части стоимость трех вторых блюд (обеденных) для отправки этой суммы на имя в.у.о. Л-кова студентам-кадетам последнего выпуска».

За этот период корпус посетил военный агент генерал-майор Потоцкий и представитель Министерства народного просвещения профес-

сор Радован Кошутич, большой знаток русского языка и русской жизни, который отметил добросовестное отношение к учебному делу персонала корпуса и большей части учащихся. Его положительный отзыв о потенциальных возможностях этой русской школы сыграл значительную роль в ее дальнейшем развитии.

Весной 1921 года первая рота поехала в город Марибор в гости к воспитанникам «Военной Реалки», как назывался тогда бывший австрийский кадетский корпус, вскоре упраздненный. Рота приехала со своим корпусным оркестром, который произвел на хозяев ошеломляющее впечатление. Оркестром тогда руководил бывший капельмейстер л.-гв. Преображенского полка и известный дирижер, надворный советник Цибулевский. Его приглашали дирижировать симфоническими оркестрами в Белград, Загреб и Прагу. Это давало ему дополнительный заработок, львиную долю которого он употреблял на приобретение недостающих инструментов для корпусного оркестра. Состав оркестра он довел до 60 человек. Разумеется, крымцы в долгу не остались и некоторое время спустя пригласили старшую роту Мариборского корпуса к себе. Был устроен общий обед, для которого, в дополнение к умеренному количеству вина, разрешенному начальством, были заготовлены и тайные резервы, благодаря чему трапеза прошла исключительно весело. Некоторых гостей, чтобы им не влетело от своих офицеров, пришлось увести в лес отсыпаться. Хорошие отношения, налаженные с Мариборским корпусом, вскоре принесли и материальные плоды. Крымскому корпусу было передано австрийское обмундирование мариборцев, состоявшее из серо-стальных мундиров и синих брюк, в которое и были одеты младшие роты, украсив корпус еще одной разновидностью форменной одежды.

Особенно встревожили молодежь слухи о возможном приезде в Стрнище Главнокомандующего генерала Врангеля. С необычайным рвением готовились кадеты к встрече своего любимого вождя, приложили много стараний к уборке и украшению занимаемых помещений и организовали охрану дороги от железнодорожной станции до лагеря, но, к сожалению, Главнокомандующий приехать на этот раз не смог.

Вскоре пошли слухи, что корпус будет переведен в Банат (часть венгерских земель, отошедших после мировой войны к Королевству С.Х.С.), в город Белую Церковь, где уже было расположено Николаевское кавалерийское училище и Мариинский Донской институт. Белая Церковь, небольшой город (около 10 000 жителей, преимущественно немцев), вблизи румынской границы, у реки Нора, притока Дуная, протекающего в 12 километрах южнее города.

Письменный доклад министру народного просвещения, представленный профессором Р. Кошутичем о результатах его посещения корпуса в Стрнице, ускорил разрешение вопроса о переводе корпуса в более удобное и культурное место. Во второй половине октября месяца 1922 года корпус тремя эшелонами был перевезен в город Белую Церковь. Переезд состоялся согласно следующему приказу:

7-й приказ по корпусу от 19 октября 1922 года:

«Ввиду предстоящего переезда корпуса в Белую Церковь, приказываю:

1. Корпусу передвинуться тремя эшелонами.

Состав первого эшелона: 1-я рота, хор, музыка, строевая, хозяйственная и учебная части, корпусной (общий) цейхгауз, сапожная мастерская, швальня, церковное имущество, имущество, состоящее в ведении квартирмейстера и эконома корпуса. Всего людей 241, груза — 53 600 кило.

Состав 2-го эшелона: 2-я и 5-я роты, ротные цейхгаузы, часть имущества кухни... Всего людей 243, груза — 16 000 кило.

Состав 3-го эшелона: 3-я и 4-я роты, ротные цейхгаузы, оставшееся имущество... квартирмейстера и эконома корпуса, лазарет... всего людей 251, груза — 19 300 кило.

2. Начальниками эшелонов назначаю: 1-го — полковника Руссияна, 2-го — полковника Чудинова и 3-го — полковника князя Шаховского.

3. Я буду следовать с 1-м эшелоном.

4. Начальникам эшелонов принять к точному исполнению утвержденное мною указание для передвижения корпуса в Белую Церковь, приложенное к приказу от сего числа.

5. Г.Г. служащим и их семействам следовать с эшелонами, согласно прилагаемого списка».

Военное министерство предоставило для размещения корпуса две каменные, трехэтажные, окрашенные в желтый цвет казармы у окраины города, одну — типа зданий русских корпусов — казарму «Краля Петра», и другую, меньших размеров, казарму «Обилич», которая вскоре была отобрана для нужд сербского артиллерийского полка. Средства на ремонт этих казарм были отпущены Державной комиссией, в ведение которой кадетские корпуса перешли с 1 февраля 1923 года, сохранив свое подчинение и моральную связь с Главнокомандующим.

Благодаря особому отпуску средств корпус смог не только отремонтировать запущенное здание казармы, но и частично приспособить для более удобного размещения, провести электрическое освещение, сде-

лать умывальники, провести воду во все этажи. Трудами кадет были оборудованы классы и сделана мебель из подручного материала.

С 14 ноября начался на новых местах новый 1922/23 учебный год (вице-фельдфебель Троянов). Общее число (579 кадет) разделялось на 5 рот и 20 классных отделений. Такое большое количество учащихся, рот и отделений вызывало крайнюю скученность в размещении: не было помещений для церкви, зала и столовых. Отсутствие мебели, насекомые, гнездившиеся в старом здании, и невозможность отопить огромное помещение без зимних рам делали кадетскую жизнь очень неприглядной и тяжелой. Но, наряду с этим, близость русского училища укрепила дисциплину кадет и вызвала в них стремление к внешней подтянутости. Юнкера быстро отучили кадет от распущенности и неряшества, вызванных привольем стрнищенских лесов. Звон юнкерских шпор заставлял кадет подтягиваться и четко приветствовать проходящего «корнета». Не дай бог прозевать. А еще хуже на вопрос: «Почему не приветствуете вовремя?» — ответить: «Виноват, господин корнет, — не заметил». «Корнет» смерит такого ротозея-кадета презрительным взглядом и, со словами «Что я вам — муха, что ли?», отошлет его в корпус явиться старшему кадету.

Строго по уставу относились к кадетам и офицеры училища, что очень способствовало скорому укреплению кадетской дисциплины, хотя иногда и служило поводом к возникновению затруднительных положений, вызванных эмигрантскими условиями жизни корпуса. Весьма характерен случай, происшедший с кадетом М., только что произведенным в вице-унтер-офицеры. Желая достойно отметить это значительное событие в жизни кадета, он пригласил несколько ближайших друзей в небольшой ресторанчик, где надеялся в задней «юнкерской» комнате спокойно угостить их незамысловатым ужином. Не успели друзья как следует вкусить сладость свободы, как звон шпор, предвестник всех кадетских несчастий, предупредил их о надвигавшейся грозе. В дверях, отстраняя хозяина, появился дежурный по гарнизону офицер училища. Кадеты вскочили и замерли, вытянув руки по швам. Офицер потребовал, чтобы кадеты назвали свои фамилии, и, заметив золотые нашивки на погонах вице-унтер-офицера М., сухо приказал: «А ну-ка, унтер-офицер, ведите свою веселую команду за мной в корпус». М. уныло повел своих злополучных гостей вслед за офицером. Через минуту вечернюю тишину прорезала его звонкая, почти радостная команда: «Кадеты, бегом марш... Врассыпную». Вмиг кадеты скрылись в темноте. Казалось, все прошло благополучно, тем более что, не сговариваясь, кадеты сообщили офицеру вымышленные фамилии. Однако, после длительных совещаний, они пришли к за-

ключению, что дежурный офицер дела так не оставит и добьется их опознания. Нависла угроза исключения из корпуса за несколько месяцев до получения аттестата. Решено было немедленно доложить о случившемся директору, генералу Римскому-Корсакову. Кадеты были уверены, что под косматыми и грозными седыми бровями скрываются ласковые глаза любящего «деда» и он не позволит, чтобы совершилось непоправимое несчастье. Внимательно выслушав рапорт, генерал распорядился отправить всех участников пирушки на две недели под арест, сбавить всем балл за поведение и на продолжительный срок лишить отпуска. Вице-унтер-офицер М., конечно, потерял свои только что полученные золотые нашивки. На следующее утро дежурный офицер тщетно всматривался в лица кадет первой роты, выстроенной для опознания виновных. Видимо, директор был прав, когда говорил ему, что таких кадет в его корпусе нету. Совместная жизнь корпуса с училищем продолжалась не долго, так как летом 1924 года училище было расформировано.

Расположенный в прекрасном здании в центре города Донской Мариинский институт оставил неизгладимый след как на общем воспитании кадет, так и в развитии в них бережного и рыцарского чувства к русской женщине, которое большинство кадет пронесло через всю свою жизнь.

С этого года был увеличен денежный отпуск на книги, что дало возможность пополнить книгами для чтения ротные библиотеки. На средства, данные генералом Врангелем, корпус приобрел хорошо оборудованный физический кабинет, носивший название «Физический кабинет имени Русской армии». В благоустройстве здания широкое участие приняли и сами кадеты. На верхнем этаже была устроена небольшая церковь во имя святых Константина и Елены; стены корпуса стали украшаться копиями с картин русских художников, нарисованными кадетами. На первой арке внутренней лестницы появилась памятная всем крымцам и дорогая каждому русскому надпись — отрывок из «Певца во стане русских воинов» В.А. Жуковского:

О, Родина святая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя...

На стене у первой площадки лестницы висел большой погон Крымского кадетского корпуса, и над ним на стене написаны слова основателя корпуса, генерала Врангеля: «Здесь на чужбине каждый из нас должен помнить, что он представляет собой нашу Родину, и высоко держать русскую честь. Генерал *Врангель*».

Ввиду того что большинство окончивших корпус кадет стремилось поступить в высшие учебные заведения королевства, явилась необходимость несколько изменить программу корпусов, приблизив ее к программе местных «реалок», и ввести дополнительные курсы сербского языка, истории литературы, истории и географии Королевства С.Х.С. и начертательной геометрии. Введение этих предметов в программу открыло двери корпуса для преподавателей-сербов. Впервые в корпусе зазвучала сербская речь, для многих кадет совершенно непонятная. Ведь многие из них, не имея родных, никогда не покидали корпуса, толстые стены которого прочно отгораживали их от внешнего мира. А таких кадет, в особенности в первые годы пребывания корпуса за рубежом, было много больше, чем тех, которые проводили свои отпуска в домашней обстановке. Впрочем, и отпускники не смешивались с местным населением, предпочитая проводить свои досуги в обществе съехавшейся в город на каникулы русской молодежи. В отпуску кадеты ходили всегда в форме, и это, конечно, способствовало их отчуждению от местной среды.

Первая встреча с представителями братской страны, приютившей кадет, не обошлась без курьезов. В один из тех классов третьей роты, где у некоторых кадет уже затемнел пушок на верхней губе, была назначена преподавательницей только что окончившая университет молодая и миловидная сербка с ласковым именем Вишня. И разве можно не понять рассеянность кадета К., когда на ее вопрос повторить сказанное он смущенно молчал. Эта его рассеянность, а может быть, и его влюбленный взгляд, которым он провожал каждое ее движение, возмутили Вишню. Она решительно подошла к нему и, потребовав, чтобы он протянул руки вперед, ладонями вверх, сильно ударила его линейкой по ладоням. Как потом выяснилось, это был обычный в те времена метод взыскания, применявшийся в средних югославских школах. Ошеломленные кадеты затихли. Это было настолько неожиданно, что все растерялись. Не растерялся только кадет К. С распухшими ладонями и лицом покрасневшим от обиды, он вдруг решительным движением привлек Вишню к себе и крепко поцеловал. Ведь, кажется, так отвечают на оскорбление женщины. Вздох облегчения прошел по отделению, и одобрительные возгласы были наградой кадету К. за его находчивость. Отделенный офицер-воспитатель, скрывая в усах улыбку, отправил героя под арест и долго успокаивал Вишню в дежурной комнате, объясняя ей, что бить кадет не полагается. Вишню вскоре перевели преподавать в младшие роты.

Весна 1923 года, первая весна в Белой Церкви, принесла, наконец, долгожданную радостную весть о приезде основателя корпуса, генера-

ла Врангеля, олицетворявшего в сознании молодежи всю доблесть героической борьбы за честь, бытие и достоинство поруганной Родины.

Уже за несколько дней до его приезда кадеты с увлечением начали готовиться к встрече любимого вождя, украшая помещения корпуса зеленью, флагами и художественными произведениями собственной работы. Главнокомандующий с супругой приехал в корпус вечером; кадеты были построены поротно в коридорах. Генерал Врангель, встреченный директором корпуса, персоналом и дежурным по корпусу, начал обход рот; на приветствие Главнокомандующего кадеты отвечали восторженно и четко.

Обойдя роты, генерал Врангель с супругой прослушали большой кадетский хор, исполнивший несколько песен Добровольческой армии, и затем, поблагодарив певчих и регента, капитана Б.В. Комаревского, за отличное исполнение, Главнокомандующий направился к выходу, намереваясь ехать в Донской Мариинский институт, но в вестибюле корпуса был подхвачен на руки экзальтированно настроенной молодежью и, под неумолкавшее «Ура!», в кресле пронесен на руках в институт.

На следующий день генерал Врангель приехал в корпус утром и в сопровождении директора корпуса обходил все помещения; в это время кадеты совместно с юнкерами Николаевского кавалерийского училища выстраивались в поле против здания корпуса, готовясь к параду; туда же подошли воспитанницы Мариинского института, дети русского приюта, представители местной власти и воинских частей, члены русской колонии и жители.

Необычайная картина на чужбине в этот яркий весенний день. Сотни русских юношей и детей в белых рубахах, в четком воинском строю, голубые стройные линии русских институток, толпы народа. Издали, от корпуса, порывистым шагом приближается Главнокомандующий, один внешний вид которого покоряет толпу. Слышны наши русские команды, и два оркестра бодро играют «встречу». Приняв рапорт от командовавшего парадом командира дивизиона юнкеров, генерал Врангель начал свой бодрый, стремительный обход фронта, а затем, выйдя на середину построения, произнес краткую речь-призыв, покрытую мощными, юными криками «Ура!», заглушавшими родные звуки Преображенского марша. Директор корпуса генерал Римский-Корсаков в ответном слове высказал общую веру в то, что вся наша молодежь по первому призыву своего вождя станет в ряды сражающихся за освобождение Родины и «пойдет туда, куда вы пошлете и поведете, и сделает то, что вы прикажете». Генерал Врангель расцеловал генерала Римского-Корсакова.

Затем — стройный церемониальный марш под звуки двух оркестров. Генерал Врангель благодарит юнкеров и кадет за блестящий вид и отличный парад. А в полдень — проводы Главнокомандующего на вокзале. Поезд отошел под звуки марша л.-гв. Конного полка.

Наступил первый корпусный праздник в Белой Церкви, 21 мая (3 июня по н. ст.), а с ним и окончание третьего учебного года. Курс семи классов закончили 69 кадет и 4 экстерна.

Однако ушли из корпуса с аттестатами за семь классов только 43 кадета; 26 кадет остались для прохождения курса 8-го, дополнительного класса. Четвертый 1923/24 учебный год начался при списочном составе 570 кадет, разделенных по-прежнему на пять рот, но впервые восемь классов, при 19 классных отделениях.

Такой громадный, как и в предыдущие годы, состав корпуса вызывался усвоенным с первых шагов нового учебного заведения желанием собрать по возможности всех бывших кадет русских корпусов и сделать все посильное, чтобы дать им возможность получить на чужбине национальное воспитание и окончить курс средней школы.

Все помещения большого казарменного здания были заняты классами и спальнями, не было отдельных столовых, корпусного зала, а церковь помещалась в небольшой комнате третьего этажа. Эти вопросы беспокоили и заботили генерала Римского-Корсакова, желавшего создать на чужбине Русский кадетский корпус, подобный лучшим и благоустроенным нашим корпусам.

Впервые в этом учебном году появился в корпусе 8-й класс (вице-фельдфебель Троянов); это было вызвано расширением программы кадетских корпусов, дабы облегчить кадетам поступление в высшие учебные заведения королевства и других стран и в военное училище без предварительных испытаний. Этот первый год 8-й класс был необязательным, но из числа желающих педагогический комитет в особом заседании отобрал лучших по учению и поведению. Получился небольшой класс, в 26 кадет, проходивших впервые расширенный курс, который должен был закончиться испытаниями на аттестат зрелости.

В течение этого учебного года следует отметить следующие события: в октябре 1923 года скончался преподаватель географии полковник Н.Д. Казанцев[583]. 16 ноября корпусом была получена от Главнокомандующего Русской Армией книга «Русские в Галлиполи» со следующей его собственноручной надписью: «Крымскому кадетскому корпусу. Повесть о крестном пути тех, кто на Родине и на чужбине, несмотря на лишения и страдания, сберег незапятнанным русское знамя».

Впервые год закончился испытаниями на аттестат зрелости для кадет 8-го класса. Классные занятия у них закончились 28 мая. В начале

июня прибыл в Белую Церковь представитель министра народного просвещения профессор Светислав Петрович, с первых же дней необычайно сердечно подошедший к молодежи. Сначала прошли очень успешно письменные испытания в освобожденном помещении одной из больших спален 1-й роты. Лучшие по успеху кадеты были освобождены от устных испытаний, продолжавшихся затем три дня.

После благодарственного молебна 26 кадет, получивших аттестаты зрелости, педагоги и профессор С. Петрович были приглашены к обеду, во время которого преподаватели и кадеты говорили о долге сильной знаниями и крепкой духовно молодежи служить России, вспоминались годы, проведенные в родном корпусе, и гремело «Ура!» за дальнейшее его процветание.

В письме к директору корпуса профессор С. Петрович так передавал свои впечатления и заключения об этих первых (матурных) испытаниях: «Производя инспекцию преподавания в Крымском кадетском корпусе в 1924 году, я был чрезвычайно доволен достигнутыми результатами. Успех экзаменов на аттестат зрелости был прямо поразительным, и я признаю, что никогда ничего подобного не видел ни в одной югославской гимназии. С искренним уважением, профессор Светислав Петрович».

Кроме окончивших с аттестатами зрелости, 53 кадета были выпущены с соответствующими свидетельствами за семь классов. В этом году в корпусе были произведены испытания кадет 4-го класса на малую матуру, которую успешно выдержало 54 воспитанника. Численный состав корпуса значительно сокращался, и это позволяло директору корпуса, генералу Римскому-Корсакову осуществить свои давние планы о благоустройстве корпуса.

Все лето 1924 года было занято крупными ремонтными работами. В первом этаже, в правом от входа крыле здания, несколько классных помещений перестраивали под большой рекреационный зал и церковь при нем. В коридорах нижнего этажа было намечено устройство столовых. Классные же помещения и спальни были сосредоточены на втором (1-я рота) и третьем (младшие роты) этажах. Стены ротных коридоров были украшены выпускными группами кадет.

Первые годы жизни корпуса на чужбине прошли под влиянием еще не остывшей горечи утраты Отечества, а для многих кадет — семьи, дома и самого смысла жизни и существования. Эти годы были омрачены самоубийствами нескольких старших кадет, совершенными в состоянии душевного угнетения, чувства одиночества и своей ненужности. В первый год пребывания корпуса за рубежом три последовательных случая самоубийств породили слух о существовании в корпусе клуба са-

моубийц, члены которого по жребию лишают себя жизни. Произведенное директором расследование не подтвердило этих слухов, тем не менее по его распоряжению группа кадет первой роты была направлена на несколько недель в санаторий. Печальные случаи самоубийств продолжались и в первые годы после переезда корпуса в Белую Церковь и достигли апогея, когда два кадета, Молчанов и Гумовский, по взаимному договору, одновременно лишили себя жизни выстрелом из револьвера. Надо было много усилия со стороны персонала и своих товарищей кадет, чтобы рассеять разочарованность и помочь найти новые цели в жизни тем, кто нуждался в такой помощи. Семья крымских кадет тяжело переживала эти утраты, иногда незаслуженно упрекая себя в невнимательности и неспособности поддержать товарища в тяжелую минуту. И постепенно напряженная работа персонала корпуса по воспитанию или, вернее, по перевоспитанию русской молодежи, прошедшей сквозь суровые годы Гражданской войны, давала свои плоды. С каждым годом корпус креп, и к началу 1925 года выравнился в хорошо организованное среднеучебное заведение. Основы национального воспитания особенно укреплялись в еженедельных свободных и искренних беседах директора и педагогов с кадетами восьмого класса на литературно-общественные темы. К началу 1924/25 учебного года численный состав уменьшился до 476 человек. Корпус был разделен на три роты и на 16 классных отделений. Восьмой класс (вице-фельдфебель Левин) состоял из трех отделений. К этому году генералу Римскому-Корсакову удалось не только провести четыре выпуска кадет из семи классов корпуса, но и первый выпуск кадет восьмого класса, прекрасно подготовленных к испытаниям на аттестат зрелости (матуру). Крымский корпус в первые годы своей деятельности был численно перегружен, но этим он и сыграл большую роль в устройстве русской молодежи на чужбине, в ее культурной подготовке и приобщении к разумным трудовым путям. В этом отношении сотни молодежи обязаны Крымскому кадетскому корпусу и его директору генералу Римскому-Корсакову, которого они всегда называли «наш дедушка». Поэтому понятна та печаль, овладевшая всем корпусом, когда 11 декабря 1924 года он был уволен от должности директора корпуса. Покидая корпус, генерал Римский-Корсаков обратился со следующими прощальными словами к своим любимым внучатам:

«Мои дорогие, горячо любимые внучата!

Оставляя вас, я чувствую сердечную потребность обратиться к вам с прощальным словом, и в вашем лице я обращаюсь ко всем крымским кадетам.

Обращаюсь к вам письменно, потому что не нахожу в себе достаточно сил, чтобы проститься лично.

Я ухожу от вас с сердцем, преисполненным любовью ко всем вам вместе взятым, к каждому из вас в отдельности, и любовь эту я сохраню до конца моей жизни.

Зная хорошо ваше настроение, зная те чувства, которыми вы живете, я вполне уверен, что все вы сумеете донести до нашей истерзанной Родины святые заветы, которыми вы проникнуты и которые выражаются тремя краткими словами: Бог, Царь и Родина, причем последние два слова у вас, как и у всех кадет наших прежних славных корпусов, сливаются в одно нераздельное целое, ибо Царь, по нашим верованиям, неотделим от Родины, Родина же от Царя, ибо Царь, по нашим верованиям, является живым олицетворением Родины, ее чести, славы, доблести и силы.

Во имя этих святых заветов, дорогие мои, работайте не покладая рук, работайте над своим самоусовершенствованием, работайте для приобретения знаний. Учитесь, учитесь и учитесь, ибо в знании — сила, сила же вам необходима для всей предстоящей жизни, так как вся предстоящая вам жизнь будет сплошной борьбой.

Во имя моей к вам безграничной любви молю и прошу вас, дорогие мои, всем своим поведением доказать моему уважаемому заместителю, что в крымском кадете твердо внедрены понятия порядочности, чести и долга.

Христос с вами, мои дорогие, сердечно любимые. Я не знаю, придется ли нам еще встретиться, но я знаю, и твердо знаю, что наибольшей радостью моей, конечно, уже недолгой жизни будет — слышать о вас доброе слово, будет — возможность оказать каждому из вас посильную помощь, пользу, поддержку.

Оставайтесь верными корпусным заветам, любите друг друга, как родные братья, готовьтесь быть беззаветно преданными, честными и полезными слугами нашего будущего Великого Государя, и да будет над всеми вами и над делами вашими Божье благословение.

Простите и прощайте!

Владимир Римский-Корсаков».

Новым директором корпуса был назначен генерал-лейтенант Михаил Николаевич Промтов[584], участник Русско-турецкой (1877—1878), Русско-японской (1904—1905), Великой (1914—1917) и Гражданской войн. Великую войну генерал Промтов закончил командующим армией. За боевые отличия был награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, Георгиевским оружием и всеми

боевыми орденами до ордена Белого Орла включительно. В Гражданскую войну командовал корпусом.

Генерал-лейтенант Промтов быстро рассеял настороженность и предвзятую неприязнь кадет, вызванную увольнением любимого директора. Выправка строевого офицера, боевые ордена и его воинский дух в короткий срок покорили их сердца. Начатые работы по благоустройству корпуса продолжались. Закончена была постройка и оборудование корпусного зала, глубина которого была занята алтарной частью корпусной церкви. Часть икон была написана кадетами Прудковым, Титовым, Тищенко и Бутовичем. Запрестольным образом послужило спасенное и вывезенное из России кадетом выпуска 1921 года Потемкиным[585] знамя его родного Сумского кадетского корпуса.

Алтарная часть храма помещалась на возвышении и отделялась от зала разбиравшейся на время церковных служб деревянной перегородкой, по всей площади которой талантливым живописцем кадетом Евгением Прудковым был изображен, очень живо и художественно переданный, вид Московского Кремля. В противоположном конце зала была устроена сцена, передний плафон которой был художественно разрисован масляными красками талантливым кадетом Георгием Корфом, изобразившим фантастическое сочетание билибинских рисунков к русским сказкам и былинам. Постепенно стены рекреационного зала украсились большими портретами Императора Петра Великого и Николая II, Великого князя Николая Николаевича (работы кадет Николая Тищенко и Евгения Прудкова), поясными портретами Государя Императора Николая II, Государыни Императрицы Марии Федоровны, Короля Югославии Александра I, Великого князя Константина Константиновича, директора генерала Римского-Корсакова, военных вождей, русских писателей, группами выпусков кадет и мраморной доской с фамилиями кадет, окончивших первыми курс корпуса. Здесь же был поставлен рояль для упражнений кадет, доказавших свои музыкальные способности. В глубине этого же правого крыла корпуса было приступлено к сооружению собственной хлебопекарни и бани.

Первые годы пребывания корпуса в Белой Церкви кадеты ходили в баню во дворе сербских казарм, постоянно занятую для нужд воинских частей, что вызывало большие неудобства. Энергичные и настойчивые ходатайства директора корпуса увенчались полным успехом, и в большом помещении бывшей столярной мастерской была устроена прекрасная баня с шестью душами.

С развитием сокольства в королевстве и организацией сокольских обществ в учебных заведениях, явилась необходимость иметь собственное помещение с гимнастическими снарядами; в левом крыле корпуса

было отведено большое светлое помещение бывшей спальни, хорошо затем оборудованное и украшенное плакатами и девизами сокольства; целые классные отделения могли там свободно упражняться на снарядах и проходить уроки гимнастики.

Особое внимание директором корпуса было обращено на содержание помещений в чистоте и порядке, на улучшение обмундирования, снабжение кадет достаточным количеством носильного и постельного белья, на замену старых деревянных кроватей с проволочными сетками — железными, на приобретение новых одеял, на оборудование классных помещений мебелью и, наконец, на поддержание в порядке самого здания. Многого из всего перечисленного директору корпуса удалось достичь, но добиться специального ассигнования на ремонт всего здания, несмотря на все усилия, не удавалось, и приходилось ограничиваться незначительным ремонтом внутри здания. Точно так же многое было достигнуто и в отношении улучшения кадетского стола.

Учебный год шел нормальным порядком. Весной, 22 марта (4 апреля), 1925 года Крымский корпус помянул день пятилетия со времени назначения основателя корпуса, генерала барона П.Н. Врангеля, Главнокомандующим Русской Армией; ему был преподнесен следующий адрес:

«Пять лет тому назад остатки воинских частей и измученные, исстрадавшиеся русские люди собрались в Крыму после невероятно тяжких переживаний и безнадежно смотрели на свой неизбежный конец, на свою близкую гибель. Казалось, что не было выхода.

Но 4 апреля явилось днем воскресших надежд и общего подъема духа. В этот день Вы приняли на себя командование остатками армий и высоко подняли опущенное было знамя борьбы во спасение Родины.

С этого момента началась героическая борьба доблестной, Вами созданной Русской Армии с полчищами красных банд.

В этот знаменательный день перед всеми русскими людьми встает светлый, обаятельный образ Вождя, вдохнувшего силу и бодрость всем.

С особенной гордостью в этот день вспоминаются все эпизоды славной защиты Крыма и орлиные полеты за его пределы, вся та беспримерная борьба, которая велась под Вашим руководством и которая без Вас была бы немыслима.

И если не суждено было тогда, в Крыму, закончить эту борьбу, то все мы знаем, что она не оставлена, а только отложена, пока среди нас Вождь, который отдал себя на святое дело спасения Родины и не покинул своего поста, невзирая ни на что.

В этот памятный день каждый, особенно тот, кто был в Крыму, кто сейчас остался жив благодаря Вам, должен дать Вам обет твердо верить

вместе с Вами в торжество дела возрождения России, пожелать Вам здоровья и той непреклонной, непоколебимой энергии, которая никогда Вас не покидает и которую Вы, как и тогда в Крыму, вдохнете всем жаждущим освобождения Родины, когда пробьет час.

Крымский кадетский корпус, Вами основанный, носящий имя той пяди русской земли, на защиту которой Вами было положено столько неустанных трудов и сил, корпус, оставшийся до конца с Вами, — просит доложить Вам, что он горячо молится о Вашем здравии, не угашает духа и с надеждой смотрит на будущее; что в нем, за стеной сербской казармы, горячо бьются глубоко и неизменно преданные Вам сердца русской молодежи, которая готовит себя на служение будущей России с полным сознанием необходимости учиться и работать».

На пасхальных каникулах этого года в Белграде состоялся съезд педагогов русских средних школ, состоящих в ведении Державной комиссии, для выработки единого типа школы и однообразной программы средней школы, согласованной с требованиями программ местных школ.

Проект создания единой школы съезд категорически отверг, а на основании работ комиссий съезда, учебным отделом Державной комиссии была разработана новая программа для различных типов русских школ (для кадетских корпусов — применительно к программам сербских «реалок») с распределением учебного материала на восемь классов.

На текущий учебный год означенная программа была утверждена Министерством народного просвещения только для первого класса с постепенным ежегодным переходом на нее последующих классов. Остальные классы продолжали занятия по прежнему учебному плану, рассчитанному на семь классов при дополнительном восьмом классе. Вследствие этого в 8-й класс Педагогический комитет допустил кадет седьмого класса только по особому отбору, причем в качестве руководящего начала Учебный совет предписал обращать внимание не столько на результат занятий и средний балл, как на желание кадет работать. Испытания на малую матуру по окончании 4-го класса были временно отменены.

Корпусной праздник Крымского кадетского корпуса праздновался одновременно с храмовым праздником корпуса в день святых Константина и Елены, 21 мая (3 июня). В 1925 году этот праздник был особенно торжественным, так как корпус был вновь посещен его основателем, Главнокомандующим генералом Врангелем. Он прибыл в Белую Церковь в сопровождении генерала Кусонского накануне, вечерним поездом. К моменту его приезда в корпус кадеты были по-

строены в цветнике перед зданием, где собрались и все служащие корпуса.

После встречи генерала Врангеля директором корпуса и обхода кадет была отслужена панихида по Государю Императору Николаю Второму и Его Августейшему Семейству, Великому Князю Константину Константиновичу, умершим служащим и кадетам Крымского кадетского корпуса и по всем на поле брани жизнь свою положившим за Веру, Царя и Отечество и в смуте убиенным.

На следующий день кадеты утром, следуя своим традициям и с разрешения Главнокомандующего, разбудили его «зарей», исполненной духовым оркестром. В 9 часов утра в церкви корпуса была совершена Божественная литургия, а в 12 часов дня был отслужен молебен на поле против здания, перед строем всех кадет, в присутствии местных властей, членов русской колонии, воспитанниц и персонала Мариинского Донского института. День был яркий, солнечный. Площадь перед корпусом, во время парада и состоявшихся после обеда гимнастических состязаний, жила чисто русской жизнью: нарядные группы гостей, офицеры, кадеты, нежно-серые и голубые ряды институток, русское духовенство, песнопения, оркестр и бодрые, приветливые слова Главнокомандующего к русским людям и молодежи. По окончании молебна Главнокомандующий поздравил кадет с праздником, передал им сердечный привет от Верховного Главнокомандующего, Великого князя Николая Николаевича, и пожелал процветания корпусу. В ответ на это директор корпуса, генерал Промтов, сказал:

«Ваше Высокопревосходительство! Позвольте мне благодарить вас за высокую честь посещения корпуса, который давно и с нетерпением ждал вашего приезда и с особой радостью встречает вас.

Верный своим старым традициям, корпус старается выковать из своих питомцев дисциплинированных, честных, сильных духом сынов своей Родины, способных послужить ей в будущем до конца. Здесь, на чужбине, мы научились чтить тех славных и доблестных вождей своих, которые до последнего дня, до последнего часа отстаивали честь и достоинство Родины от захватчиков власти и врагов народа.

Да здравствуете вы, Ваше Высокопревосходительство! В вашем лице мы почерпаем новые и новые силы для будущего служения родине, мы почерпаем надежду и веру в скорое ее воскресение!

Главнокомандующему, генералу Врангелю, ура!»

С чрезвычайным подъемом была принята кадетами здравица Главнокомандующему; долго не смолкало восторженное «Ура!» молодежи в честь Белого Вождя.

На параде кадеты молодецки прошли поротно церемониальным маршем перед своим основателем и заслужили его горячее одобрение. После парада, во время обеда Главнокомандующий обходил столы, пробовал пищу и беседовал с кадетами. В 4 часа дня генерал Врангель смотрел сокольскую гимнастику и состязания кадет-соколов, а с семи часов вечера присутствовал на концерте кадет и на балу в зале корпуса. Во время концерта очень хорошо декламирующий вице-фельдфебель Левин с большим подъемом прочел стихотворение А. Гессена:

Слава белому воинству Крыма,
Победившему тягостный плен,
Тем, чьи очи не слепли от дыма,
Тем, чья верность не знала измен.

Тем, чья мощь под ударами крепла,
И в сраженьях не гнулся чей меч,
Кто сумел и под грудою пепла
Нехладеющим сердце сберечь.

Тем, кто преданный мукам безмерным,
Тем, кто зноем и жаром томим,
Оставался бестрепетно-верным
Нерушимым обетам своим.

Тем, чьи очи не слепли от дыма,
Вам, чьи жизни сгорали дотла —
Белокрылому воинству Крыма —
Хвала!

Пробыв на балу до отъезда на вокзал к ночному поезду, генерал Врангель выразил желание, чтобы его отъезд не прерывал веселья молодежи. Когда Главнокомандующий спускался по лестнице в вестибюль, чтобы сесть в ожидавший его автомобиль, оркестр заиграл марш л.-гв. Конного полка и здание огласилось могучим кадетским «Ура!».

2 и 3 июня 1925 года глубоко запали в сердца крымцев, обрадованных приездом к их празднику любимого Главнокомандующего. Желание кадет принять у себя как можно лучше дорогого гостя и представиться ему в блестящем виде увенчалось успехом, что можно заключить из следующей почтотелеграммы, посланной генералом Врангелем из Белой Церкви Верховному Главнокомандующему:

«Его Императорскому Высочеству Великому князю Николаю Николаевичу.

В день праздника Крымского кадетского корпуса, помолившись в прекрасной церкви, воздвигнутой руками кадет, передал корпусу все-

милостивейший привет и поздравление Вашего Императорского Высочества, покрытое несмолкаемым «Ура!».

Корпус представился блестяще. Почитаю долгом всеподданнейше донести об исключительно полезной работе нового директора корпуса, генерал-лейтенанта Промтова, вложившего в дело всю душу, и о напряженных трудах учебно-воспитательного и административного персонала.

Числя в своих рядах более 80% сыновей офицеров, корпус готовит новое поколение русских воинов, продолжателей славных традиций Российской Армии, безмерно любящих Родину и беззаветно преданных Верховному Вождю.

Генерал *Врангель*

4 июня (22 мая) 1925 г. г. Белая Церковь».

Учебный год закончился, как обычно, в начале июня месяца. Этой весной он завершился впервые «Днем русской культуры», который состоялся 8 июня и был осуществлен корпусом совместно с Мариинским Донским институтом и местным театральным кружком.

В шесть часов вечера в зале театра «Бург» (самое большое помещение в Белой Церкви) собрались все русские, жившие в Белой Церкви, весь состав корпуса и института; программа состояла из трех отделений: в первом, после вступительного слова инспектора классов института, оркестр корпуса исполнил несколько отрывков из русских опер, состоялись декламации кадет, а кадеты младших классов инсценировали басни, во втором отделении, после вступительного слова преподавателя корпуса, полковник П. Савченко, о значении русской литературы XIX века, выступили хор корпуса, исполнивший ряд русских песен, в третьем отделении при помощи проекционного фонаря были показаны изготовленные фотографической мастерской корпуса диапозитивы — снимки с русских дворцов, соборов, церквей, монастырей, памятников и, наконец, с выдающихся картин русских художников. Широкое участие корпуса помогло провести праздник «Дня русской культуры» на очень высоком уровне.

Испытания на аттестат зрелости состоялись в этом году в присутствии представителя министра народного просвещения, профессора и декана факультета Белградского университета, Ивана Джайя.

Восьмой класс, большой по составу, жил очень дружно, много работал и состоял из кадет, глубоко интересовавшихся многими вопросами В течение года состоялось несколько бесед на темы, касающиеся будущего России и жизненных целей молодежи. Матурные испытания протекали очень интересно: профессор И. Джайя проявлял к русскому учебному

заведению самый живой интерес. Его обращения к кадетам призывали к служению великой России на пользу всему славянству. Аттестаты зрелости получил 71 кадет; со свидетельствами за 7 классов было выпущено 18 кадет. Результаты испытаний были настолько блестящи, что послужили профессору поводом особого выступления в печати (статьи в газете «Политика»), где он отметил прекрасную учебную работу крымских кадет, давших высший процент успешности, несмотря на всю тяжесть работы русской школы на чужбине. Матура закончилась очень оживленной чашкой чая, задушевной беседой и танцевальным вечером, на которых присутствовали выпускные кадеты, педагоги и профессор И. Джайя со своей женой.

Наступил новый, 1925/26 учебный год. Вновь по приемным экзаменам формировался первый класс, но новые приемы не могли сравниться по численному составу с большими первыми выпусками из корпуса, и поэтому списочный состав кадет все уменьшался; этот год уже начался при 410 кадетах, распределенных на 14 классных отделений. Восьмой класс (вице-фельдфебель Шелеметьев) опять состоял из трех отделений. В ноябре месяце, по распоряжению Учебного Совета Державной комиссии, инспектор классов корпуса, ближайший помощник генерала Римского-Корсакова по организации учебной части, полковник Г.К. Маслов[586] был освобожден от занимаемой им должности с оставлением в корпусе штатным преподавателем математики. На должность инспектора классов был назначен преподаватель Донского кадетского корпуса действительный статский советник А.И. Абрамцев.

За годы жизни корпуса в Белой Церкви в нем постепенно установился свой уклад жизни. В будние дни в 5 часов 45 минут утра, по сигналу «заря», проигранному горнистом, наряд дневальных и дежурных кадет выстраивался для рапорта дежурному по роте офицеру-воспитателю. Распорядок дня регулировался пехотными сигналами, исполнявшимися кадетами-горнистами. Кадетский день начинался, когда надоедливый горнист в 6 часов утра трубил на всю роту «подъем» и дневальные предлагали покинуть теплые койки. Так хотелось украсть лишние минуты сна, а надо было успеть убрать постель, помыться и привести себя в порядок. Ленивцы валялись до последней минуты или, вернее, до грозного предупреждения дневального «зверь идет», что означало — к дверям спальни приближается дежурный офицер. По сигналу «сбор» кадеты строились в ротном коридоре на поверку, осмотр и молитву и в семь часов строем шли в столовую на утренний чай. От 7 часов 20 минут до 8 часов 20 минут утренние занятия в классах, затем получасовая прогулка и от 9 часов утра до 11 часов 50 минут дня — первые три урока. Продолжительность каждого уро-

ка была тогда 50 минут, с десятиминутной переменой между уроками. В 12 часов дня завтрак, после которого получасовая прогулка, а затем от 1 часа до 3 часов 50 минут — вновь три урока; 10 минут помыться — и в 4 часа обед.

Приводим примерное расписание кушаний на неделю:

Понедельник. Завтрак: Пироги печеные с рисом и мясом. Чай. Обед: Борщ, котлеты с картофельным пюре.

Вторник. Завтрак: Отварной картофель с капустой и селедкой. Обед: Суп с рисом и томатами, макароны с мясом.

Среда. Завтрак: Пироги жареные с творогом. Чай. Обед: Борщ, рагу.

Четверг. Завтрак: Пироги жареные с картофелем. Чай. Обед: Суп с галушками, пилав.

Пятница. Завтрак: Жареный картофель. Чай. Обед: Борщ, котлеты с салатом.

Суббота. Завтрак: Чай с маслом и хлебом. Яблоки. Обед: Суп рассольник. Голубцы.

Воскресенье. Обед: Борщ, вареное мясо с подливкой, яблоки. Ужин: Кофе с хлебом и маслом.

Ежедневно утром и вечером, а в праздничные дни утром чай с хлебом.

Послеобеденное время, два часа, было большей частью в распоряжении кадет, перемежаясь для некоторых из них с внеклассными занятиями: ремеслами, сыгровками духового или струнного оркестров, спевками хора, чтением, а у неуспевающих — дополнительными занятиями по отдельным предметам.

В хорошую погоду эти два часа проводились на плацу перед корпусом в играх, футболе, прогулках до каштановой аллеи, где в это время гуляли в парах институтки. Кадетам разрешалось без отпускного билета доходить только до аллеи, но кто же устоит перескочить канавку и пройти мимо институтского «эскадрона», хотя бы и провожаемый настороженным взглядом классной дамы. При большой удаче можно передать или получить записку. Впрочем, обязанности почтальона исполнялись одно время корпусной большой дворняжкой по имени Фигаро. Ему под ошейник прятались сложенные пополам конверты с письмами, и он весело несся прямо в середину идущих парами институток, зная, что получит угощение и надушенные конверты институтских ответов. Кадеты в это время производили диверсию, отвлекая внимание классной дамы ложной попыткой приблизиться к «эскадрону». И сколько радостных минут переживали счастливчики, получившие письма. Фигаро же весело махал хвостом, когда благодарные «страдальцы», как величали в корпусе влюбленных кадет, целовали его черную морду.

По сигналу «сбор» кадеты спешили в корпус, чтобы от 6 часов вечера на двухчасовых вечерних занятиях подготовить уроки на следующий день. В восемь часов вечера — чай, молитва и, для младших рот, укладка спать. Старшие кадеты занимались своими делами до 10 часов вечера.

После вечерней молитвы выходить из здания корпуса запрещалось. Зимними вечерами кадеты любили собраться у жарко натопленной печи, стоявшей посреди спальни, и, покуривая по кругу передаваемую папиросу, тщательно скрываемую от начальства, петь хором военные и старые русские песни. Какие только песни не пелись этими вечерами. Полтавцы научили нас нежным малороссийским мелодиям, владикавказцы — казачьим и кавказским напевам, хабаровцы — таежным и печальным сибирским песням, а кадеты, приехавшие в корпус уже из Советского Союза, привезли с собой новые и блатные песни. И уж конечно, не было такой военной песни старой или Добровольческой армии, которую бы не знали кадеты.

У многих вечера были заняты чтением, кружками, гимнастикой или работой в мастерских, выбранных по желанию самих кадет. А в весенние вечера случалось, что один-два смельчака, спустившись из окна первой роты по узлами завязанному канату, уходили в «самодрал» побродить по уснувшему городу или забежать в заднюю комнату «кафаны» Васо или Гиго, чтобы за стаканом вина провести час в задушевной беседе. Самовольные отлучки строго карались. Иногда, обнаружив чучело в кровати, дежурный офицер встречал возвращающегося беглеца и немедленно водворял его в карцер. В карцер сажали кадет только за очень серьезные проступки. Наказание карцером влекло за собой снижение балла за поведение и лишение отпуска. Карцер назывался «простым», когда наказанный посещал все уроки, вечерние и утренние занятия, но проводил в карцере все свободное время; там же ел и спал. Строгий карцер был без выпуска на уроки и с ограничением в питании и применялся только как последняя мера наказания, перед тем как отчислить неисправимых кадет в Панчевский исправительный интернат, просуществовавший, кажется, до 1925 года.

По субботам обычно бывало во всех классах по три урока, а после завтрака — общая уборка помещений и строевые занятия, последние особенно весной, перед парадом по случаю корпусного праздника. К строевым занятиям кадеты относились очень серьезно, никогда не манкировали ими и гордились четкостью строя.

По воскресеньям и праздничным дням подъем в 7 часов утра. В 9 часов обедня, а по окончании ее утренние занятия, чтобы после обеда, который бывал в полдень, кадеты могли пойти в отпуск в город до 9 ча-

сов вечера. Посещение вечерни и обедни было обязательным. В церкви кадеты стояли поротно, вытянувшись в струнку. Не полагалось даже согнуть колено. По сигналу «на молитву» роты строились в своих коридорах на перекличку и, провожаемые ротным командиром и дежурным офицером, строем шли в церковь. Была в вестибюле одна колонна, за которой, при большой удаче, выскочив из строя, можно было укрыться, пока рота и «звери» не войдут в церковь, и затем, незаметно пробравшись в спальню, предаться чтению или сладкой нирване, уютно устроившись под кроватью. Однако надо признать, что кадеты охотно посещали церковь и искренно молились.

Очень радовали кадет иногда устраиваемые военные прогулки со своим оркестром, далеко за пределы города. Останавливаясь на привал в ближайших селах, оркестр играл на площади, и сельская молодежь, смешиваясь с кадетами, весело танцевали сербский народный танец «коло».

Эта размеренно текущая жизнь, занятая классной работой и повседневными кадетскими интересами, иногда разнообразилась теми развлечениями, которые устраивал корпус или сами кадеты. Сравнительно часто в корпусе бывали лекции, доклады, концерты, спектакли, танцевальные вечера, спортивные и футбольные состязания. Доклады обычно посвящались общеобразовательным темам или историческим и литературным юбилеям. В 1925/26 году в течение ноября—декабря месяца шли доклады, сопровождаемые демонстрацией световых картин, декламацией кадет или живыми картинами на следующие темы: «Россия в эпоху Императора Александра I» — генерал-майор Враский; «Отечественная война 1812 года» — полковник Цареградский; «Литература и общество в эпоху Императора Александра I» — полковник Савченко[587]; «Исторический очерк царствования Александра I» — статский советник Казанский.

Концерты корпус мог устраивать благодаря хорошо поставленным оркестру и хору кадет. Духовой оркестр был большой, располагал фанфарами, украшенными прапорами по цвету погон, и имел очень хорошего капельмейстера. Исполнение сложных музыкальных произведений было высокохудожественное. В 1925 году организовался и балалаечный оркестр, для которого корпус приобрел инструменты. Оба эти оркестра с большим успехом выступали на вечерах и концертах. Было много кадет из оркестра, которые, по выходе из корпуса, шли в музыкальные училища, консерватории, в частные оркестры. Церковный и светский хоры, в которые всегда привлекались кадеты с лучшими голосами из всех классов корпуса, были на должной высоте. Иногда выделялись солисты с прекрасными голосами. Их участие очень украшало концерты.

Постепенно стала участвовать в разных выступлениях очень хорошо поставленная команда соколов, поражая зрителей четкостью гимнастических упражнений и сложностью трудных и красиво составленных пирамид.

Репертуар спектаклей на рождественские и пасхальные каникулы состоял обычно из легких, веселых комедий и водевилей. Во время учебного года кадеты привлекались только к постановкам классических пьес.

Необычайно эффектны были в Белой Церкви кадетские танцевальные вечера. Они заставляли забыть чужбину, изгнание, напоминали далекое прошлое. Большой зал белоцерковского театра «Бург», в котором, до устройства зала в здании корпуса, устраивались балы, залит электричеством, украшен гирляндами, зеленью, разноцветными лентами. За колоннами весь город, нарядная толпа, а в обширном просторе зала юные пары: институтки в голубых и серых (выпускного класса) платьях с белыми пелеринками и кадеты в защитных или белых рубахах с алыми погонами, украшенными дорогими инициалами «К.К.». Единственный город в мире, где русский институт и русский корпус. Слышится бойкая русская речь. Не видно модных танцев, кадетский оркестр играет старые мотивы. Кадеты встречались с институтками только на вечерах и спектаклях, если не считать прогулок кадет по каштановой аллее и перед окнами института в отпускные дни. Исключение представляли кадеты-братья, которым разрешалось навещать своих сестер по воскресеньям. Тем не менее кадеты и институтки знали друг друга очень хорошо и искренно дружили. Не раз, бывало, институтки всем классом отказывались от воскресных пончиков, чтобы переслать их своим одноклассникам в корпус. Кадеты не оставались в долгу.

В учебной жизни корпуса новостями в этом году явились: 1) Разделение учебного года вместо четвертей на трети: первая — с 7 сентября по 1 декабря, вторая — по 1 марта, третья — по 20 июня; 2) введение 5-балльной оценки познаний и поведения кадет, причем неудовлетворительными являлись двойка и единица.

Матурные испытания весной 1926 года прошли при представителе министра народного просвещения профессоре С.М. Кульбакине. Во время устных ответов выпускных кадет корпус посетил председатель Державной комиссии профессор А.И. Белич, он обошел все помещения корпуса, а затем присутствовал на матурных испытаниях. Выдержали испытания на аттестат зрелости 60 кадет. Со свидетельством за 7 классов выпущено 10 кадет. Матурные испытания закончились молебном, по окончании которого профессор Кульбакин поздравил кадет 6-го выпуска и в речи, обращенной к ним, призывал их к укреплению

и дальнейшему развитию полученных знаний на благо Родины. Затем состоялся общий обед выпускных кадет и педагогического персонала

Впервые в этом году из сумм особого фонда, состоявшего из поступлений, вырученных от благотворительных концертов и лотерей, устраиваемых корпусом, была выдана премия, в размере 500 динар, окончившему полный курс корпуса первым вице-унтер-офицеру А. Федюшкину

Наступало лето, многие кадеты разъезжались на каникулы по домам, но много их, главным образом сирот, оставалось в корпусе. Чтение, подготовка к переэкзаменовкам для неуспевающих, футбол, купание в реке Нере, ловля рыбы и раков на прудах у города, прогулки, особенно с ночевкой, на Дунай (в 12 километрах от Белой Церкви) — вот что заполняло каникулярный досуг. В конце же каникул, преимущественно в первой половине августа, директор корпуса на особо ассигнуемые средства ежегодно устраивал продолжительные экскурсии в различные местности королевства, примечательные в историческом, географическом или климатическом отношениях. Небольшая группа кадет, желая подработать на личные нужды, устраивалась на короткие сроки на работы у окрестных крестьян, помогая им на молотилках и в хозяйстве.

Летом 1926 года группа кадет-соколов, в составе 13 кадет, во главе с полковником Колосовским, съездила в Прагу, на Восьмой Всесокольский слет. Там кадеты приняли участие в общих выступлениях соколов, а во время «русского дня» имели и свое личное выступление, которое так описал потом один из участников:

«Русскими соколами были сначала исполнены общие вольные движения и упражнения с копьями, а затем выступали отдельной группой на снарядах. Когда пришла наша очередь, нас охватило какое-то приподнятое и нервное настроение. Судорожно впиваются пальцы в брусья, послушно идет за руками туловище. Как-то особенно отчетливо проходит упражнение, как будто какая-то невидимая сила подталкивает и помогает работе. Свисток — «к пирамиде». Момент, другой, и... трибуны огласились потрясающим шумом аплодисментов, машут платками, шляпами Положение сразу изменилось: мы вызвали одобрение многотысячной толпы. Снова свисток. Вторая пирамида — более сложная, и аплодисментов еще больше. На очереди третья — самая красивая и сложная пирамида. На несколько секунд нас охватывает боязнь: «А вдруг не выйдет?» Притихшая публика ждет. Руки после брусьев размялись, разошлись, и хочется окончательно удивить публику. Желание сделать третью пирамиду охватило нас. Снова свисток. Бежим к брусьям: «Господи, помоги!» Среди трибун

мертвая тишина. Один, другой, третий свисток, и оглушительные аплодисменты покрывают все».

Вторая группа кадет (40 кадет, 2 воспитателя, 2 преподавателя и служитель), во главе с директором корпуса и под руководством генерала Враского, совершила интереснейшую поездку по Дунаю (с 20-го по 27 августа) в Джердапское ущелье (узкая часть Дунайской равнины на границе Румынии и Югославии) и к Железным Воротам. По пути посетили рудник Раков Бор и монастырь «Туман», осмотрели ряд римских памятников у города Текии. Встречавшиеся везде русские люди и многие сербы оказывали экскурсии самое широкое гостеприимство, чем еще больше скрасили эту интересную и поучительную поездку.

1926/27 учебный год (вице-фельдфебель Денисенко) начался при составе в 394 кадета, разделенных на 13 отделений. Новшеством в учебной части, отразившемся на всем распорядке повседневной жизни кадет, явилось установление новой нормы учебного часа: продолжительность его была установлена Учебным советом Державной комиссии — в 40 минут. Это явилось следствием работ Педагогических съездов и указаний педагогической печати, которыми неоднократно отмечалась перегруженность учащихся классными занятиями, образовательной частью программ. Современные условия жизни и требования, предъявляемые к учащейся молодежи, указывали на необходимость расширения досуга учащихся, занятого внеклассной работой, спортом, развитием их вкусов, их воли, а не только ума, и сообщением им только теоретических знаний.

В связи с этим нововведением, в корпусе с 6 сентября 1926 года был установлен и иной распорядок дня.

Подъем — в 6 часов утра, утренний осмотр, поверка, молитва. В 7 часов чай. От 7 часов 20 минут до 8 часов 20 минут — утренние занятия. Получасовая прогулка. От 9 до 11 часов 30 минут — первые три урока. В 11 часов 40 минут обед, после которого получасовая прогулка. От 12 часов 30 минут до 2 часов 50 минут — три урока. В три часа полдник, и кадеты свободны до 5 часов 30 минут вечера, когда начинаются вечерние занятия. В 8 часов вечера — вечерний чай и ужин. В воскресные и праздничные дни — подъем в 7 часов утра, в 9 часов — церковная служба; от 10 часов 30 минут до 12 часов 30 минут обед, в 4 часа полдник; в 7 часов — вечерний чай и ужин.

В этом учебном году благоустройство корпуса все возрастало. Постепенно, начиная с 1923 года, широко пополнялись книгами общая, классные и ротные библиотеки, возник прекрасно оборудованный физический кабинет «имени русской армии», улучшалась классная мебель. Обмундирование кадет постепенно накопилось до нескольких сроков,

и у всех кадет совершенно однородные, введенные генералом Промтовым строевые бескозырки с алым околышем, черные зимой и белые летом, шинель защитного сукна и такие же рубахи (летом белые), черные брюки, не по-казенному сшитые ботинки. Кадеты очень следили за чистотой и щеголеватостью своего обмундирования и всюду выделялись своим молодцеватым и подтянутым видом.

Параллельно с этим развивались и улучшались различные службы корпуса, размещавшиеся в первом и подвальном этажах. Строевые и хозяйственные канцелярии работали круглый год. Большую работу выполняли столярная, сапожная и швейная мастерские, работавшие также без перерыва круглый год и всецело обслуживавшие корпус. В полуподвальном этаже расположилась корпусная кухня со всеми службами и складами. Питанием кадет официально заведовал капитан Шепель, но корпусная кухня твердо управлялась искусной поварихой Харитиной Степановной Швачка, незабвенной «титкой Харитиной», как ее между собой называли кадеты, покинувшей родную Полтаву с ушедшим оттуда корпусом. Ее муж, Михаил Сергеевич, заведовал хлебным складом. Он и их помощник Егор Гаврилович Олифер ходили в смазных сапогах, с картузами на голове, по праздникам надевали пиджаки поверх русских рубах. Все они пользовались искренней и заслуженной любовью кадет, хотя под напускной грубостью и скрывали свои ответные чувства. Не напрасно поговаривали о том, что в тяжелые первые годы, когда корпус был стеснен в средствах и выплаты пособий поступали неаккуратно, супруги Швачка успокаивали нетерпеливых поставщиков своими личными векселями. Да разве могли они поступить иначе, когда дело касалось питания дорогих их сердцу кадет. Буфет при столовой имел часть прекрасной посуды Владикавказского кадетского корпуса, вывезенной из России. Постепенно были заведены медные чайники, пополнена столовая посуда. Наряду с этим улучшением материального состояния улучшились и иные стороны жизни кадет и корпуса. Классная дисциплина и поведение кадет решительно улучшились. Проступки кадет, особенно самовольные отлучки, борьба с которыми затруднялась условиями расквартирования корпуса, — становились все более редкими. Работоспособность кадет и их интерес к учебному делу заметно повысились: прекрасные результаты испытаний на аттестат зрелости сами говорили за это. Корпус работал вполне нормальной, все богатевшей, хорошо организованной, русской школой.

В начале этого учебного года корпус посетила дочь покойного генерал-инспектора Военно-учебных заведений Великого князя Константина Константиновича, княгиня Татьяна Константиновна с дочерью,

княжной Наталией Константиновной Багратион-Мухранской, воспитанницей Мариинского Донского института. Княгиня Татьяна Константиновна прибыла в корпус в сопровождении директора корпуса и была встречена Преображенским маршем. Директор корпуса обратился к княгине со словом привета, сказав, что в стенах этого здания собраны русские юноши, которые воспитываются здесь в национальном духе и которые свято хранят заветы покойного Великого князя. Генерал Промтов закончил свое приветствие здравицей Ее Высочеству. Могучее кадетское «Ура!» было ответом на эти слова. Княгиня Татьяна Константиновна поблагодарила директора корпуса за прием и выразила свою радость, что память о ее покойном отце хранится в сердцах подрастающего поколения. Затем княгиня Татьяна Константиновна осматривала зал и церковь, где она была встречена настоятелем храма и законоучителем архимандритом Феодосием, после чего в сопровождении генерала Промтова уехала в институт. В тот же день корпус и институт провожали княгиню на вокзале. Поезд отошел под звуки кадетского оркестра и несмолкаемого «Ура!» молодежи. Сын княгини и внук Великого князя Константина Константиновича, князь Теймураз Багратион-Мухранский был зачислен в списки кадет 4-го класса 18 января 1928 года.

В связи со все улучшавшимися условиями, жизнь кадет принимала новые формы. С осени 1926 года в корпусе организовался эстетический кружок кадет под руководством преподавателя С.Н. Боголюбова[588], имевший целью служение русской культуре и русскому искусству. Кружок вскоре выделил в своем составе театральный, художественный и балетный отделы, группу поэтов и оркестр балалаечников. Первый вечер, организованный кружком, состоялся 26 сентября 1926 года на тему «Русская песня» (доклады кадет, вокальные и музыкальные иллюстрации русской песни). Второй — «Чеховский» вечер — 11 января 1927 года. Третий — «Рождественский» вечер; 25 февраля — комедия Островского «В чужом пиру похмелье»; 7 апреля — юбилейный Гоголевский вечер — прекрасная постановка комедии «Ревизор», а в день корпусного праздника — комедия «Женитьба». Газета «Новое Время» от 19 апреля 1927 года так отозвалась о корпусной театральной постановке:

«Отрадно, что высоко чтится в русских школах за границей память о великих русских писателях. 75-летие смерти Н.В. Гоголя было отмечено в Крымском кадетском корпусе постановкой бессмертной комедии «Ревизор». Этому спектаклю удалось придать характер торжества. Зал был украшен зеленью, около сцены возвышался мольберт с портретом великого писателя в рамке траурно-зеленой туи. На фронтоне

сцены горели огненными буквами года жизни писателя, дата первой постановки «Ревизора» и слова, характеризующие творчество Гоголя: «Горьким словом моим посмеются» и «К добру и свету мощным словом сквозь слезы он ведет». Перед началом комедии один из кадет прочел свое стихотворение, посвященное памяти Гоголя. Спектакль произвел глубокое впечатление. Обстановка, костюмы, гримы — все было, насколько возможно, выдержано в характере эпохи. Молодые артисты-кадеты отнеслись к делу с громадным рвением и вниманием. Женские роли исполнялись кадетами».

Эти вечера перемежались с лекциями, прочитанными для кадет: епископом Вениамином о «Жизни и деятельности святого Саввы». Поэтом Олениным — свои стихотворения. П.С. Савченко — о «Жизни и творчестве Гоголя» (по случаю 75-летия со дня смерти писателя).

«День русской культуры» в этом году ознаменован был литературно-музыкальным вечером, организованным совместно корпусом и Мариинским институтом при широком участии эстетического кружка корпуса, поставившего сцены из хроники Островского «Козьма Минин Сухорук» и несколько живых картин. В состав кружка в этом году входили исключительно даровитые кадеты, давшие много прекрасных образов и искусных музыкально-вокальных исполнений. Надо отметить неизменное участие во всех концертах и музыкальных выступлениях корпуса талантливого пианиста, воспитателя корпуса полковника Доннера, широко и бескорыстно отзывавшегося на все музыкальные начинания. Польза работы Н.Н. Доннера в корпусе была неизмерима.

В учебном отношении год прошел вполне нормально. Постановлением Учебного совета Державной комиссии от 28 февраля, законоучитель корпуса, всеми любимый и глубокоуважаемый отец архимандрит Феодосий, был переведен в русскую гимназию в Храстовец-Пановичи, а на должность законоучителя корпуса был назначен епископ Вениамин.

Всегда приветливый, необычайно скромный, очень любивший кадет и очень к ним близкий, высокообразованный отец архимандрит Феодосий за семь лет службы в корпусе сроднился с ним. Его сменял темпераментный, даровитый, необычайно простой в обращении, благолепно служивший, очень музыкальный молодой епископ Вениамин. В церковных службах в корпусном храме его часто заменял молодой иеромонах отец Иоанн (Шаховской).

После, как всегда, торжественно проведенного корпусного праздника корпус 4 июня 1927 года единодушно отметил исполнившееся в этот день 50-летие службы в офицерских чинах директора корпуса, генерал-лейтенанта М.Н. Промтова. По почину сослуживцев—чинов корпуса в церкви был отслужен в присутствии всего состава корпуса епископом

Вениамином благодарственный молебен, после которого юбиляру был поднесен адрес от лица служащих, и многими, в том числе и кадетами, были произнесены приветствия.

За два с половиной года управления корпусом генерал Промтов завоевал общее уважение кадет, хотя в его отношении к кадетам и отсутствовала та отеческая теплота, которую проявлял генерал Римский-Корсаков.

Матурные испытания седьмого выпуска начались с середины июня в комиссии под председательством представителя министра народного просвещения профессора Миливоя Симича, директора одной из первых средних школ Сербии и, позднее, ректора Высшей педагогической школы.

Восьмой класс в этом году кончало опять три отделения. Выпуск был большой, испытания шли весьма успешно. Во время их корпус посетила американка г-жа Строк, приехавшая с делегатом, ведавшим интересами русской эмиграции в королевстве, В.Н. Штрандтманом. Они осматривали помещения и службы корпуса, а затем присутствовали на очень эффектных упражнениях кадет-соколов на снарядах.

К 24 июня закончились матурные испытания. Аттестат зрелости получили 42 кадета, свидетельство об окончании 7 классов — 18 кадет. После молебна и официальных речей выпускные кадеты пригласили профессора М. Симича, педагогов и выпускных институток на свой вечер, начавшийся инсценировкой чеховских рассказов. На следующий день ими был организован скромный ужин в Охотничьем клубе, прошедший в присутствии педагогического персонала, с необычайным оживлением и задушевностью. Речи и воспоминания говорили об одном: о любви к России и стремлении послужить ей, о любви к родному корпусу, оставившему много светлых воспоминаний.

Летом 1927 года часть оставшихся на каникулах в корпусе кадет, преимущественно сирот (28 кадет, преподаватель и два воспитателя), во главе с директором корпуса, совершили интересную экскурсию на Адриатическое море. Посетили Дубровник, который с его живописными окрестностями подробно осмотрели, затем Игало и Которскую бухту. Всюду кадеты встречали радушный прием, особенно среди русских, отвыкших за годы изгнания от вида русской формы, русского военного строя, звуков русской песни. Газета «Новое Время» так описывает пребывание кадет в Дубровнике:

«Воскресенье. У входа православного храма в Дубровнике толпится народ. Взоры всех обращены на выстроившихся в две шеренги русских кадет. Стройные юноши, подтянутые, серьезные, сознательно несущие в себе ответственное и красивое бремя русской националь-

ности. Знакомые русские бескозырки с красными околышами, чистые, разглаженные белые «гимнастерки» с аккуратными складками сзади под поясом... Выходит из церкви их начальник-директор Крымского корпуса генерал-лейтенант Промтов. Спокойный взгляд, бесконечно симпатичная внешность, одухотворенная красивыми традициями прошлого, изящная простота, так гармонирующая с новыми потребностями времени и момента. Ни малейшей аффектации, ни одной черты искусственности, — все полно достоинства и красивой естественности. В выражении лица, в каждом движении как бы читаешь внутреннюю могучую дисциплину духа и стремление к выполнению долга перед будущей национальной Россией, для которой он подготовляет достойное молодое поколение.

При его появлении все замерло. Затем пронеслись командные слова и загудели стройные, слитые в одно четкие ответы и исполнение. Музыкальное эхо воинских мелодий и звуков вызвало целый ряд далеких, родных и милых переживаний... А в солнечном, чистом и звонком воздухе как бы плавали знакомые с детства слова: «Здравия желаем, Ваше Превосходительство...», «Первый, второй, первый, второй...», «Ряды вздвой!» «Шагом марш!». И чеканно, звучно и необычно раздались шаги по узким и старым улицам дремлющей Рагузы... А спустя час красные околыши и белоснежные рубахи с красными погонами оживляли раскаленные камни знойного пляжа: будто выросли яркие и свежие цветы в пылающей зноем монотонной пустыне... На лицах кадет безграничная радость. Так недавно они были в Белой Церкви, в стенах своего корпуса, напряженно учились и не мечтали вырваться из душной, городской жизни на сказочный простор южного моря... Идут по улице стройными рядами, подтянутые, аккуратные, молодцеватые, и любо смотреть на них — в них часть национальной России...»

После осмотра в течение нескольких дней всех красот Дубровника молодежь устроила в Русском доме вечер. В музыкальном отделении публика прослушала прекрасное трио балалайки, гитары и мандолины, было также несколько номеров из фарса и балета. Наконец, вечер закончился танцами под музыку преподавателя корпуса Н.Н. Доннера.

1927/28 учебный год опять принес корпусу сокращение численного состава до 363 кадет при 11 классных отделениях (вице-фельдфебель Стародубцев), а главное — в корпусе не было впервые приема новых кадет в первый класс. Это был плохой предвестник для нормального развития учебного заведения.

Главная перемена в педагогическом составе к началу этого года — уход епископа Вениамина. Уроки Закона Божьего были поручены отцу протоиерею Бощановскому, иеромонаху Иоанну и А.И. Абрамцеву.

Церковные службы совершал временно командированный отец иеромонах Тимолай.

В смысле работы этот год был весьма благоприятным, так как небольшой сравнительно численный состав корпуса, при сокращенном числе отделений, позволил еще удобнее расположить и приспособить классы, спальни и службы, использовать учебные пособия и материалы, поддержать порядок и чистоту. Внеклассная культурно-просветительная работа в корпусе велась планомерно и отличалась большим разнообразием. Эстетическим кружком в октябре и ноябре 1927 года были устроены в корпусе два Чеховских вечера, сопровождавшиеся концертными отделениями. Продолжались «пятницы» — литературные беседы с кадетами 8-го класса, а 27 ноября корпус чествовал «День Государыни Императрицы» — 80-летие со дня рождения вдовствующей Императрицы Марии Федоровны.

Очень окрепла за последний год театральная секция эстетического кружка. Ее постановки отличались не только художественным и глубоко продуманным исполнением, но и талантливой игрой нескольких одаренных кадет. Особенно запомнились образы, созданные кадетом Сергеем Семыниным, впоследствии артистом Белградского Русского театра. Его интерпретации ролей были всегда живы и человечны, а игра проста и уверенна. Декорации рисовались художниками-кадетами и были на очень высоком художественном уровне. Костюмы, созданные по рисункам руководителей театра, шились для каждой постановки в корпусной швальне опытными мастерицами.

В январе, на рождественских каникулах, эстетическим кружком была поставлена на корпусной сцене пьеса Сумбатова «Соколы и вороны», а затем с большим успехом была разыграна для кадет и институток комедия Островского «Бедность не порок».

19 января, в городском театре «Бург», корпусом был дан ежегодный благотворительный концерт в пользу оканчивающих в этом году корпус кадет. В концерте с большим успехом участвовали как оба оркестра корпуса, духовой и струнный, так и светский хор. Из балетных номеров, при участии и неизменном успехе группы воспитанниц Мариинского Донского института, необходимо отметить «Чардаш» и «Мазурку» из «Лебединого озера» и «Русскую», музыка Чайковского. С захватывающим интересом следила публика за гимнастическими упражнениями кадет-соколов.

Концерты в пользу оканчивающих кадет были также даны в близлежащем городе Вршце и в одном из больших торговых городов Баната — Великом Бечкереке. Газета «Новое Время» отметила этот концерт следующей статьей:

«В день концерта, 18 февраля, сто с лишним кадет Крымского кадетского корпуса с духовым оркестром во главе прошли по городу с вокзала до места, где были размещены. Музыка, выправка и дисциплина кадет произвели впечатление, и публика хлынула на концерт. Новый сокольский зал заполнен. На авансцене 4 кадета с фанфарами, в глубине сцены блещут 40 труб оркестра. Играется торжественный марш стройно и уверенно, не по-ученически. После 6—7 тактов трубачи быстро и четко вскидывают фанфары, и в ту же секунду резкая фраза лейтмотива врывается в мелодию. Фраза окончена, и тем же красивым жестом фанфары опускаются на колено. Публика — сербы, венгры, немцы — в восторге. О русских не приходится и говорить. Каждый поймет чувство, пробуждающееся при виде всего, что напоминает Родину. Небольшие минуты паузы. Затем появляются параллельные брусья, и 8 кадет проделывают сокольские упражнения. Пирамиды привели в восхищение весь зал, кадеты превзошли все ожидания. В глубине — крики, топанье ногами. Хорош был оркестр балалаечников под управлением кадета, сыгравший очень мило несколько вещей. Из многих номеров балета безусловно выделились: мазурка, трепак и цыганский танец, последние два бисировались. Сбор превзошел все ожидания. На другой день концерт был повторен днем для учащихся.

Будем надеяться, что не последний раз видим здесь крымских кадет, и когда-нибудь еще сердце порадуется, глядя на милых, русских мальчиков, с таким достоинством носящих погоны русского кадета».

14 марта корпус чествовал исполнившееся в этот день 35-летие врачебной деятельности доктора медицины Владимира Альбертовича Дербека, с 1906 года перешедшего на службу в кадетские корпуса. В приказе по корпусу на этот день генерал Промтов дал следующую характеристику деятельности доктора В.А. Дербека:

«В Крыму, войдя в состав Крымского кадетского корпуса в качестве старшего врача, доктор Дербек разделяет судьбу нашего родного корпуса, несет безропотно все испытания, выпавшие на его долю, и покидает Родину, не задумываясь над полной неизвестностью грядущего.

Будучи человеком глубоко преданным идее русского национального дела, доктор Дербек по прибытии в Королевство С.Х.С. не соблазняется возможностью материальных благополучий, доступных ему на других местах службы, как старому, опытному врачу. Он связал свою судьбу с Крымским кадетским корпусом и остался в нем неутомимым работником в тяжких условиях жизни корпуса. Из деятельности доктора Дербека, не относящейся к его врачебной специальности, я не могу обойти молчанием его в высокой степени добросовестные и полезные труды в

Обществе вспомоществования бывших кадет Крымского кадетского корпуса. Со дня основания этого симпатичного общества, существующего на ежемесячные взносы служащих корпуса, он состоит бессменным членом правления, секретарем и казначеем правления. Высокая цель общества — помощь бывшим питомцам корпуса, впавшим в беду и нужду, — оказалась близка его чуткому, доброму и благородному сердцу, проникнутому любовью к русской молодежи.

Заслуги доктора Дербека перед Крымским кадетским корпусом я считаю долгом отметить и подчеркнуть в день 35-летия его врачебной деятельности и прошу его принять от меня лично, от всех его сослуживцев и от кадет родного ему Крымского корпуса самые горячие чувства благодарности».

Во втором полугодии в корпусе состоялся ряд докладов: в феврале доклад П.С. Савченко, посвященный памяти Н.А. Некрасова (по поводу 50-летия со дня смерти), в марте доклад генерала И.Я. Враского по случаю 50-летия Освободительной войны. Оба доклада были иллюстрированы многочисленными диапозитивами, изготовленными корпусом. В мае корпус посетил сербский поэт Войслав Илич и читал кадетам свои произведения. Затем, в последних числах мая были прослушаны два доклада полковника М.М. Цареградского[589] о жизни и деятельности генералиссимуса А.В. Суворова. Богато иллюстрированные диапозитивами, схемами и картами, проведенные в форме живой, увлекательной беседы, эти доклады произвели очень сильное впечатление на кадет.

Наступила Пасха 1928 года, и стали доходить все более тревожные сведения о болезни Главнокомандующего. В далеком Брюсселе с налетевшим недугом бессильно боролся тот, кто спас десятки тысяч воинов и русских людей, кто дал жизнь нашему Крымскому корпусу.

25 апреля 1928 года Главнокомандующий Русской Армией генерал П.Н. Врангель скончался.

Эта страшная весть распространилась по корпусу уже к вечеру того же дня и глубоко потрясла кадет. Крымский кадетский корпус потерял в лице почившего не только любимого армией ее Белого Вождя-Рыцаря, но и своего основателя. Чувствовалась правда слов поэта:

Жестоким шквалом крылья смяты,
И без него мы навсегда
Осиротевшие орлята
Из разоренного гнезда.

Здоровые патриотические чувства, столь свойственные кадетам-крымцам, никогда не переходили в политиканство или узкий шовинизм, а

скорее носили в себе элемент служения. Их безоговорочное уважение и почитание белых вождей было понятно, так как Крымский кадетский корпус рожден в дни последней борьбы Белого движения. Надо было быть с кадетами в дни безвременных кончин генерала Врангеля и Великого князя Николая Николаевича, чтобы видеть глубину переживаемого кадетами горя. Кадеты хотели выразить свои чувства, вызванные этой тяжелой утратой.

В корпусе была отслужена панихида. У портрета Главнокомандующего, убранного цветами, стояли почетные часовые от кадет. В девятый день кончины, после панихиды, видный участник Великой и Гражданской войн, первопоходник генерал-лейтенант Е.Ф. Эльснер[590] сделал сообщение, посвященное жизни и деятельности, а также доблестному служению Родине почившего Главнокомандующего.

В начале июня заканчивался учебный год. На этот раз его последние дни совпали с рядом празднеств, в которых корпусу пришлось принять самое широкое участие. Корпусной праздник, приуроченный ко дню святых Константина и Елены, совпал в этом году с Окружным Сокольским слетом всего Баната. Эти празднества были отмечены статьей, появившейся в газете «Новое Время»:

«Вечер субботы. Всенощная. Корпусной праздник совпадает с Троицей, и потому весь зал и иконостас в зелени. На стоящих стройными рядами кадет со стен смотрят портреты во весь рост Петра Первого, Государя, Великого князя Николая Николаевича — все это работа кадет. Как нельзя более к месту эти портреты в этом русском уголке. Обращают на себя внимание талантливая копия портрета Государя (Серова) и красиво убранный Георгиевскими и траурными лентами портрет генерала Врангеля. Иконы на иконостасе тоже главным образом работы кадет. Родным веет от нашей чудной вечерней службы, красива при вечернем освещении церковь. Россия во всем.

Утром в воскресенье перед литургией — панихида по генералу Врангелю и по умершим кадетам и служащим корпуса. К 12 часам дня стройным красивым квадратом выстроился весь корпус на плацу перед зданием. Со всего города стекаются русские посмотреть на парад.

На этот раз, помимо обычных гостей корпуса, институток Мариинского института, присутствуют на параде воспитанницы Харьковского института и Кикиндской гимназии, приехавшие в Белую Церковь на Сокольский слет. Тут же и все сербское начальство города.

Слышится команда, и оркестр играет встречный марш. Знамя красиво колышется, его несет кадет Генин в форме Сумского кадетского корпуса. Настроение сразу приподнимается У некоторых зрителей от

избытка чувств на глазах блестят слезы. «С нами Бог» — читаешь на знамени. Оно уже на своем месте.

Опять встречный марш: встречают директора. Пожилой, но с прекрасно сохранившейся военной выправкой, генерал-лейтенант Промтов принимает рапорт и, поздоровавшись с ротами, поздравляет их с праздником. Начинается торжественный молебен, после которого директор предлагает ряд здравиц за Короля и братскую Югославию, дающих возможность нашей молодежи воспитываться в национальном духе, за Верховного Главнокомандующего, выражая уверенность, что под его командованием кадеты с пользой для Родины отдадут приобретенные знания и жизнь за Россию, за вдовствующую Императрицу. Все это время гремит несмолкаемое «Ура!». Память генерала Врангеля он предлагает почтить молчаливым склонением голов, во время которого оркестр играет «Коль Славен». Затем быстрое перестроение в ротные колонны, и начинается церемониальный марш. Стройными рядами проходят кадеты перед своим генералом. Молодцевато одетые бескозырки придают им особенно бодрый вид. Слышатся стройные ответы на похвалы директора. Все это — прекрасная, редкая в наше время, незабываемая картина.

После обеда — Сокольский слет всего Баната. Хотя он и не имеет прямого отношения к корпусному празднику, но невозможно не отметить общий успех на нем русских. Институтки все особенно выделялись изяществом и красотой упражнений, всеобщие же симпатии снискали себе воспитанницы Кикиндской гимназии своими упражнениями, заключавшимися в очень сложных и красивых расхождениях и танцах. Интересен был и их костюм: белые шапочки, синие блузки и красные юбки. У кадет особенно удачным было упражнение с копьями. Отличились они также образцовой гимнастикой на снарядах. Во время же головокружительных пирамид кадет на высоте трех, поставленных друг на друга параллельных брусьев царило гробовое молчание, разразившееся после громом аплодисментов».

8 июня в зале «Бург» состоялся при широком участии оркестра, хора и сольных выступлений кадет корпуса вечер по случаю «Дня русской культуры». К этому дню в большом зале корпуса преподавателем П.С. Савченко была организована выставка репродукций (отдельные картины, иллюстрации роскошных изданий и журналов «Жар-Птица», «Перезвоны», «Старые годы», открытки) произведений русской живописи XIX века, расположенных по авторам и в хронологическом порядке.

Матурные испытания 8-го выпуска происходили в комиссии под председательством профессора философского факультета Белградского

университета, доктора Драгиши Джурича, с большим вниманием отнесшегося к работе русского учебного заведения. Аттестаты зрелости получили 41 кадет и два приходящих, хотя и посещавших классные занятия в течение года, но не состоявших в списках и не носивших формы. Сдавали экзамены и получили аттестат еще четыре экстерна, приехавшие в корпус только на экзамены. Приводим имена шести лиц, получивших аттестаты, не будучи кадетами: Бощановский Игорь, Дончакова Мария, фон Коссарт Федор, Черная Гали, Ремыга Петр, Шляхов Сергей.

Вероятно, впервые в истории кадетских корпусов корпус «окончили» две барышни. «Матура» закончилась молебном и чашкой чая в зале корпуса. Вскоре после этого в корпусе замелькали штатские костюмы покидавших корпус кадет. Последние годы оканчивающие кадеты получали от корпуса сшитый по мерке штатский костюм, ботинки и смену белья. Кадеты же, поступавшие в югославское военное училище, уезжали туда в кадетской форме, но корпус оплачивал им расходы по получению югославского подданства, без которого нельзя было поступить в училище. Смешно было смотреть на неуклюжих штатских с военной выправкой и в плохо повязанных галстуках.

Вскоре после окончания экзаменов директор корпуса получил от профессора Д. Джурича следующее письмо: «С особым удовольствием, как представитель Господина Министра Просвещения на 1927/28 учебный год, честь имею сообщить Вам следующее:

1) Вы, как директор корпуса, своим отличным организаторским умением в воспитательной работе строго проводили дело целесообразного воспитания молодого поколения. Ваша деятельнсть заслуживает наивысшей похвалы. Вы знали как и сумели в молодых душах русской молодежи оживить настоящую любовь к их матери-Родине, России, и использовать ее для научного и творческого развития Ваших кадет. В этом Вам были отличными помощниками господа преподаватели и инспектор классов корпуса.

2) В корпусе на высоком уровне чувствовались такт и дисциплина, как среди кадет, так и среди персонала. Такт доминировал и в Вашем разумном отношении к ним.

3) Состав педагогического персонала в своей основе очень хорош, и остается пожелать только, чтобы он и дальше развивался без всякого ограничения.

4) Администрация и хозяйственная часть на завидной высоте.

5) Вы и Ваш персонал также умели и вне стен корпуса просветительно-культурной работой благотворно влиять на развитие нашего народа с этой и той стороны реки Неры.

Сообщая Вам это свое скромное мнение о доверенном Вам корпусе, я прошу Вас и весь персонал принять выражения моего глубокого почтения и постоянного признания Вашей работы на тех высоких задачах, которые гарантируют общий культурно-просветительный подъем и грядущую работу молодого русского поколения на благо русского народа, и тем самым нашего собственного».

Летом, как обычно, группа кадет (42 человека) из числа оставшихся в Белой Церкви на летние каникулы, под руководством преподавателей генерала И.Я. Враского и С.Н. Боголюбова, в сопровождении воспитателей подполковников Н.В. Зиолковского[591] и Е.А. Худыковского[592], ездили (от 8-го по 22 августа) в интереснейшую и очень поучительную экскурсию по северо-западной части королевства. Экскурсия посетила Белград, Загреб, Любляну, Блед, их живописные окрестности, несколько заводов и рудников. Была на братских кладбищах и могилах русских воинов.

Наступал 1928/29 учебный год, оказавшийся последним в жизни нашего корпуса на чужбине. В нем к началу года состояло 276 кадет, разбитых на 9 классных отделений (вице-фельдфебель Лазарев). В корпусе уже не было 1-го и 2-го классов. Этот небольшой состав позволил еще лучше, целесообразнее, а в некоторых отношениях и образцово организовать и поставить жизнь кадет и корпуса как учебного заведения.

В смысле порядка, чистоты в корпусе, работы учебного и воспитательского персонала, богатства цейхгаузов, обстановки, библиотек и склада учебных пособий — корпус стоял на большой высоте.

Наряду с некоторыми изменениями в преподавательском персонале и воспитательском составе, происшедшими к началу учебного года, настоятелем корпусного храма и законоучителем был назначен заведовавший Венско-Баденским приходом архимандрит Харитон.

Начало учебного года омрачилось серьезным инцидентом, возникшим между директором корпуса и кадетами выпускного класса. Уже несколько лет шла скрытая борьба за кадетские прически, и, если стрижка под ноль удавалась в младших ротах, первая рота всегда давала стойкий отпор. Кадетские головы всегда были коротко подстрижены и аккуратно причесаны, но один только вид пробора внушал строевому генералу отвращение. И в этом году вернувшиеся из летнего отпуска кадеты были ошеломлены приказом постричь свои головы. Разрешалось только сохранить двухсантиметровый бобрик на самой макушке. Такого срама первая рота перенести не смогла и в виде протеста в первый же день сорвала уроки, уйдя на весь день в Рудольф-Парк, расположенный далеко за городом. Результат оказался

плачевным для роты. Одно отделение 8-го класса было расформировано, и кадеты переведены в Донской корпус. В выпуске не было производства вице-фельдфебеля и вице-унтер-офицеров до самых выпускных экзаменов.

Осенний съезд в Белграде русских писателей и журналистов, конечно, встревожил и заинтересовал жизнь корпуса; 4 октября корпус встречал одного из гостей со съезда известного писателя Б.К. Зайцева. Кадеты были собраны в Сборном зале корпуса. После краткого вступительного слова Борис Константинович прочел отрывки из светлой своей книги о «Сергии Радонежском».

6, 7 и 8 октября корпус принимал участие в торжествах по случаю празднования в королевстве десятилетия прорыва сербскими войсками Салоникского фронта. Для ознакомления кадет с этими историческими событиями генерал Е.Ф. Эльснер сделал доклад, иллюстрированный картами и схемами героической борьбы сербской армии. А 13 октября корпус, как и всю русскую эмиграцию, поразила горестная весть о кончине вдовствующей Государыни Императрицы Марии Федоровны.

26 декабря корпус посетил Высокопреосвященнейший Антоний, митрополит Киевский и Галицкий. Владыка был на уроках в нескольких классах, беседуя там с кадетами, а затем проследовал в зал-церковь корпуса, где были собраны старшие кадеты. Митрополит Антоний говорил о Л.Н. Толстом.

В траурных настроениях наступали рождественские праздники, принесшие корпусу и русской эмиграции весть о кончине в Антибе 5 января 1929 года Верховного Главнокомандующего Российских Армий и Флота Великого князя Николая Николаевича. Крымские кадеты тяжело переживали эту новую утрату. Прекрасно написанный кадетом Тищенко портрет Великого князя был украшен цветами. В корпусе была отслужена панихида.

Когда все кадеты прибыли с рождественских праздников, 4 февраля 1929 года, полковник М.М. Цареградский прочел прекрасный доклад кадетам о жизни почившего Великого князя, Верховного Главнокомандующего.

12 февраля в корпусе состоялся литературный вечер, посвященный 100-летию со дня смерти А.С. Грибоедова. Доклад П.С. Савченко о жизни и деятельности этого выдающегося русского писателя и государственного деятеля сопровождался показом многочисленных снимков на темы произведений поэта, коллекций автографов и различных изданий и постановок его бессмертной комедии.

С окончанием траурных дней эстетический кружок возобновил свою деятельность. В начале февраля им было прекрасно поставлено

на корпусной сцене «Доходное место» Островского, а в конце марта тот же кружок, откликаясь на юбилейные грибоедовские торжества, поставил полностью 1-е, 2-е и конец 4-го действий комедии «Горе от ума». Перед сценой на мольберте, весь в зелени, перевитой национальной лентой, портрет А.С. Грибоедова. Над сценой световой трафарет-щит с его словами: «И дым отечества нам сладок и приятен».

Зрители — институтки и кадеты, почти весь персонал института и корпуса, много представителей колонии. Сцены одна за другой проходят живо и уверенно; исполнители держатся естественно, непринужденно, тон звучный, бодрый, немного приподнятый. Видно было, что все глубоко продумали свои роли.

Жизнь корпуса шла вполне установленным порядком; рабочее настроение царило в классах, в мастерских, где, особенно в переплетной, кадеты во внеучебное время приучались к работе, что многих потом очень выручило по выходе из корпуса.

За последние годы лазарет корпуса, расположенный во флигеле, где было размещено общежитие служащих, был прекрасно оборудован. Занимая несколько небольших комнат, с тщательно поддерживаемой чистотой, он был в ведении опытного детского врача д-ра В.А. Дербека, которому помогали в работе и в наблюдении за больными фельдшер и сестра милосердия. Лазарет корпуса мог обслуживать обычные заболевания кадет, но во время серьезных эпидемий, чаще всего скарлатины, кадет отправляли в городскую, общественную больницу.

Пасха в этом году была поздняя — 5 мая. После заутрени и литургии в столовой корпуса состоялись обильные розговены. Воспитатели всегда разговлялись со своими отделениями.

В конце мая Белая Церковь и корпус принимали приехавшего из Праги известного русского историка, профессора Московского университета А.А. Кизеветтера и профессора Белградского университета А.В. Соловьева. Профессор Кизеветтер посетил несколько уроков в разных классах. Затем он прошел в зал, где был собран весь корпус, и там с необычайным блеском и горячей силой убеждения говорил о здоровых исторических силах, строивших нашу великую страну. Вся его блистательная импровизация дышала верой в возрождение России и в ее светлое и мощное будущее. А вечером в тот же день в театре «Бург» состоялось очень торжественное празднование «Дня русской культуры».

Корпусной праздник, в день святых Константина и Елены, был украшен в этом году приездом из Белграда поэтессы Е.М. Журавской, прочитавшей кадетам накануне праздника, после всенощной, ряд своих прекрасных стихотворений.

В день праздника, после обедни, состоялся на плацу перед корпусом молебен и обычный эффектный парад корпуса с выносом знамени. Последний раз на чужбине оно прошло по рядам крымских кадет и развевалось перед их строем. С обычной выправкой, молодцеватостью, под звуки своего прекрасного большого оркестра прошли три роты кадет перед директором корпуса, прибывшими на парад представителями местного гарнизона, многочисленными гостями; русская колония, институт, как всегда, любовались своими кадетами. Днем, после обеда, были гимнастические упражнения. Танцевальный вечер — обычно такой веселый, всегда красочный и оживленный, как нигде в эмиграции, — состояться не мог ввиду карантина (по поводу заболеваний в младшей роте). Кадеты были в этот день вечером в приехавшем в Белую Церковь интересном цирке с дрессированными зверями.

Матурные испытания девятого выпуска состоялись, как обычно, в июне месяце, при министерском представителе профессоре С.М. Кульбакине. Во время этих испытаний корпус понес тяжелую утрату в лице скончавшегося 18 июня от туберкулеза бывшего инспектора классов, а затем преподавателя математики, полковника Григория Константиновича Маслова. Матуру получили 26 кадет 8-го класса и свидетельство об окончании семи классов — 5 кадет.

Во время летних каникул, после ряда обычных местных экскурсий, вновь большая группа кадет (около 50 человек), под руководством генерала Враского и при двух воспитателях, совершила длительную (с 4-го по 26 августа) и очень интересную экскурсию на Адриатическое побережье. Главной целью экскурсии было — дать кадетам хороший отдых на морском побережье в течение трех недель при возможно лучшем питании. Поэтому экскурсия вылилась в дачное пребывание с морским купанием в местечке Игало (в Которской бухте). Оттуда был произведен ряд коротких прогулок в окрестности и объезд на пароходе Военно-морского ведомства Которской бухты и посещение прибрежных городов.

В это время в корпус из Белграда стали поступать недобрые вести о ближайшей судьбе корпуса. 3 августа пришли предварительные предположения о соединении Крымского кадетского корпуса и Русского в один, с расположением в Белой Церкви, на базе сохранения Крымского кадетского корпуса. Однако затем обстановка неожиданно изменилась, и 23 августа 1929 года временно исполнявший должность директора корпуса генерал Эльснер объявил следующие распоряжения в приказе по корпусу:

«Объявляю полученные мною предписания г. Заведующего Учебными заведениями от 20 августа за № 59947 и от августа 1-го за № 59988 с. г.

Учебный Совет, в заседании своем от 17 августа 1929 года, во исполнение предложения Державной комиссии от 23 июня 1929 года, постановил:

1. Ввиду сообщения Военного министерства Державной комиссии о надобности для Военного ведомства здания, ныне занимаемого Русским корпусом в Сараеве, признать, что существующие в настоящее время три кадетских корпуса, именно Крымский — в Белой Церкви, Донской Императора Александра III — в Горажде и Русский — в Сараеве, подлежат сведению в два корпуса с местонахождением первого в Белой Церкви и второго в Горажде и с присвоением корпусу в Белой Церкви названия «Первый Русский кадетский корпус» и корпусу в Горажде названия «Второй Русский Императора Александра III Донской кадетский корпус».

Означенную меру ввести с 1 сентября с. г.

2. Для кадет Первого Русского кадетского корпуса в Белой Церкви оставить форму Русского корпуса и для кадет Второго Русского Императора Александра III Донского кадетского корпуса в Горажде — прежнюю форму Донского Императора Александра III кадетского корпуса».

День 23 августа 1929 года сохранился в памяти тех 113 кадет, которые были в этот день в корпусе, как один из самых тяжелых дней в их жизни. Приказ, распределявший кадет по новым корпусам, прочитан. Медленно расходились кадеты по своим отделениям. Семья крымских кадет была расколота. Сто тридцать кадет, оставаясь в Белой Церкви, входили в состав Русского кадетского корпуса, и сто один кадет должны были уехать в Горажде в Донской кадетский корпус. Трудно сказать, кому было тяжелее: тем ли, которые, оставаясь в стенах своего корпуса, уже не были в нем хозяевами, или тем, которые через неделю должны были покинуть родное гнездо. Приводим воспоминание кадета пятого класса о последних днях существования корпуса:

«Приближался день 1 сентября, когда группа кадет, переведенных в Донской корпус, должна была покинуть Белую Церковь. Накануне вечером, перед прощальным ужином, выстроились в большом зале все кадеты, проводившие летние каникулы в корпусе. Строй стоял перед портретом генерала Врангеля, написанным во весь рост кадетом Титовым. Раздалась команда «Смирно». Все замерло. В зал вошел генерал-лейтенант Эльснер, временно исполнявший обязанности директора корпуса, в сопровождении офицеров-воспитателей и тех старших кадет, которые уже окончили корпус, но еще его не покинули. В полной тишине генерал обошел строй кадет, прощаясь с каждым из них за руку. После долгой паузы, с трудом поборов волнение, он обратился к

кадетам с прощальным словом. На глазах у него стояли слезы. Кадеты плакали. Он говорил о свершившейся неправде, когда, вопреки здравому смыслу, закрыли тот корпус, который сохранил свое местоположение. Связи оказались выше справедливости. Повернувшись к портрету генерала Врангеля, он добавил: «Если бы наш основатель был жив, он никогда бы этого не допустил». Генерал просил кадет не ронять достоинство крымского кадета в других корпусах и стойко, как подобает военным, вынести этот удар.

После ужина с крюшоном кадеты долго задержались в зале. Никто не мог спать в эту последнюю ночь. Наступал рассвет, а с ним и последний день жизни корпуса. После раннего завтрака уезжавшие кадеты были построены с вещами в коридоре второй роты. Полковник Колосовский[593] и капитан Маевский[594], сопровождавшие кадет в поездке, приняли команду и приказали вице-фельдфебелю Лазареву вести кадет на вокзал, к поезду, уходившему из Белой Церкви в 11 часов 30 минут дня. Уезжавших провожали почти все остававшиеся кадеты, офицеры и преподаватели корпуса с семьями и группа донских институток. Подойдя к окнам вагона, провожавшие старались облегчить эти последние минуты. Поезд медленно двинулся. Уже не слышно напутственных пожеланий. Видно только, как широким крестом, по-родительски, благословляют кадет их офицеры-воспитатели. А вдали, на горизонте, в зеленой гуще деревьев, еще долго виднелись стены нашего родного корпуса».

К 1 сентября 1929 года Крымский кадетский корпус прекращал свою жизнь в эмиграции. Временно исполнявший должность директора корпуса генерал Эльснер 31 августа 1929 года отдал последний приказ (№ 243) по Крымскому кадетскому корпусу и закончил его следующими словами:

«Сегодня Крымский кадетский корпус прекращает свое существование; прекращает жизнь учреждение, созданное в Крыму волей генерала Врангеля в последний период героической борьбы белых армий с разрушителями Великой России, учреждение, объединившее в себе остатки разогнанных и разрозненных большевиками русских кадетских корпусов.

За 9 лет своего существования Крымский кадетский корпус выпустил с вполне законченным образованием 616 русских юношей, беззаветно любящих свою многострадальную Родину, гордых сознанием принадлежности к Великому Русскому народу, преданных своему долгу, сильных духом единения и взаимной поддержки, обладающих качествами, отличавшими старую доблестную русскую армию.

Весь педагогический состав Крымского кадетского корпуса с чувством глубокого удовлетворения может оглянуться на результаты свое-

го тяжелого и необычайного по своим условиям труда. А кадеты-крымцы пусть с высоко поднятой головой войдут в родные для них семьи новых кадетских корпусов, чтобы, нося на плечах новые погоны, в тесном единении со своими новыми товарищами продолжать подготовку свою к служению своей родной матери-России».

Численный состав корпуса на 23 августа 1929 года был следующим:

Кадет	Чинов корпуса	Казенно-коштных	Свое-коштных	Приходящих	Прикомандированных
По списку	44	230	20	3	4
В отпуску	7	122	14	2	0
Больных в лазарете	0	1	0	1	0
вне корпуса	0	4	0	0	0
Налицо	37	103	6	0	4

Девять лет жизни очень маленький срок для развития учебного заведения при нормальных условиях, а тем более для школы, которой приходилось формироваться и существовать в нечеловеческие годы русской истории. Это были годы, пожалуй, единственной в истории цивилизованного мира попытки прервать течение духовной мысли и традиции всей нации и привить ей чужеродные идеи путем создания пресловутого «нового» человека. В свете этой борьбы школа должна была не только дать образование скитавшейся по бездорожью русской молодежи, но и создать культуру, на почве которой могло бы вырасти интеллектуально сильное поколение, способное бороться за духовные ценности своего народа. Крымский кадетский корпус задачу эту успешно выполнил. Он поднял из пепла русской смуты поколение молодежи, внесшей впоследствии свой вклад в творчество русского дела за рубежом.

Мы не будем повторять здесь о тех реальных прекрасных результатах его работы, которые были отмечены в только что приведенном последнем приказе по корпусу и которые говорят сами за себя: 616 молодых людей с законченным средним образованием. Более 150 окончили высшие школы и 140 получили военное образование. Более важным является тот факт, что корпус за эти 9 лет стал не безличной школой, дающей образование случайным лицам, а русским военно-учебным заведением, со своим лицом, со своей оригинальной жизнью, и успел приобрести и друзей и врагов, то есть жил и делал свое дело по разуму и совести. Персоналу корпуса приходилось иногда противостоять сильному давлению

противников системы кадетского воспитания из среды влиятельных руководителей Державной комиссии, под чьим ведомством находились корпуса. Эта группа лиц стремилась создать из корпусов русские реальные школы. Кадетский корпус, конечно, прежде всего реальная школа с интернатом, но в то же время это непременно и родной дом. Это школа товарищества, благородства, воинского духа, готовящая верных, физически развитых будущих слуг своей Родины. Идеал этот, видимо, был чужд его противникам.

Эти внешние неприятности только усугубляли те необычайные трудности, которые стояли на пути персонала корпуса. Много темного и отрицательного было часто и в кадетской среде: иногда лень, грубость, часто распущенность, проявление своеволия, необоснованная критика и насмешка. Но никогда персонал не забывал того, что корпус собрал в Крыму бездомную молодежь, чтобы спасти ее. А здесь, в эмиграции, воспитать, не прибегая к легким приемам отсечения всего мало-мальски тяжелого в воспитательном отношении. То тяжелое время, страшные испытания, пережитые молодежью, бездольная и бездорожная судьба многих требовали необычайно бережного отношения к нашей молодежи. И прежде всего любви к ней, этой великой воспитательной силы. К счастью для кадет, персонал корпуса, как, впрочем, и большинство старшего поколения, обладали этой силой и относились к молодежи с большой любовью и безграничным терпением

В жизни и формировании зарубежных корпусов можно отметить три этапа. Каждый со своими задачами и целями и со своей исторической последовательностью. Процесс становления требовал постепенного развития для правильного разрешения основной задачи, стоявшей перед русской эмиграцией: сохранить национальное лицо и дать образование по возможности всей русской молодежи. Первый этап — это период собирания, который охватил время пребывания корпуса в Крыму и первые годы эмиграции, когда в корпус еще продолжала стекаться молодежь, служившая в остатках Белой армии в Галлиполи и вдоль югославских и болгарских границ. Второй этап — это соединение в одно стройное целое этой массы разнородных частиц. В этой работе принимали участие как персонал, так в большой мере и сами кадеты. И наконец, последний этап, наступивший во второй половине 20-х годов, когда процесс становления полностью закончился и корпуса зажили нормальной жизнью военно-учебного заведения. Нельзя не отметить, что слияния корпусов вносили снова антагонизм в установившуюся внутреннюю жизнь, и требовалось много усилий, чтобы его изжить. И только время помогло сгладить внутренние расхождения, создав в последнем зарубежном корпусе кадет, впитавших в себя лучшие традиции трех основных кадетских кор-

пусов. Старшие кадеты, окончившие корпуса еще до их слияния, с удовлетворением отмечают, что их усилия по воспитанию своих младших товарищей были не напрасны и последние русские кадеты сохранили традиции и дух российских кадетских корпусов.

Роль югославского народа и его Короля Александра I в истории русской эмиграции общеизвестна, однако нельзя здесь не отметить то особое внимание и поистине отеческую заботу, которую Король-Рыцарь проявил по отношению к русской молодежи. Будучи сам русским кадетом, он лучше многих понимал значение кадетских корпусов и не только разрешил их существование в своей стране, но и оказывал им свою помощь. Его забота о русской молодежи не ограничивалась только средней школой. Он открыл ей широкий доступ в югославское военное училище и путем стипендий обеспечил получение высшего образования. Память об этом благородном Короле и тех его сотрудниках, которые сохранили любовь и благодарность к России, навсегда останется в сердцах русских, получивших свое образование в Югославии.

Этот краткий очерк Крымского кадетского корпуса не будет полным, если внутренний уклад кадетской жизни останется не отмеченным. Внутренняя жизнь кадет, в которой они руководствовались рядом правил и обычаев, установленных самими кадетами, играла существенную роль в создании общеизвестного образа кадета, отличавшегося от воспитанников других закрытых учебных заведений не только военной формой, но и всем своим обликом.

Эти правила и обычаи, переходившие от старших к младшим, и признанные кадетами нерушимой основой внутреннего уклада, назывались традициями и почитались наравне, а иногда и выше тех общевоинских этических правил, которые прививались кадетам воспитательским и педагогическим персоналом. Некоторая часть воспитательского и преподавательского состава была настроена против кадетских традиций, находя в них своего рода самоуправство, граничащее, по их мнению, с нежеланием подчиняться правилам и распоряжениям начальства. Стоя на этой точке зрения, они вели упорную борьбу с любым проявлением «традиционерства», в котором усматривали подрыв собственного авторитета. К счастью для крымцев, все три директора корпуса понимали необходимость «традиционного» воспитания, не вмешивались во внутренние дела кадет, а за ними, конечно, и весь остальной персонал корпуса. Благодаря такому отношению традиционная жизнь полтавцев-владикавказцев-крымцев шла нормальным путем, принося положительные результаты в воспитании кадет, не только в воинском отчетливом виде, но и в их внутреннем содержании, развивая здоро-

вый русский патриотизм с сознанием необходимости всегда и всюду высоко держать имя России.

Как иллюстрацию положительного воспитания «по традициям» можно привести рассказ очевидца, вице-унтер-офицера 1-го выпуска Михаила Каратеева[595], о первой встрече крымцев с представителями западного мира.

«На Константинопольский рейд «Хриси» вступила с такой же законной гордостью, с какой тысячу лет назад вступали на него ладьи князя Олега. Так как это уже касалось моей прямой специальности, я постарался: на наших реях, кроме «позывных», развевались сигналы «терпим голод» и «терпим жажду».

Эти сигналы возымели свое действие, хотя и не такое, как мы ожидали. В простоте нашей русской души, еще не тронутой западной цивилизацией, мы думали, что нас прежде всего накормят. Но вышло иное. Часа пол спустя после того, как мы бросили якорь, к нам подлетел английский истребитель и остановился в нескольких метрах от «Хриси». На его верхней палубе был установлен киносъемочный аппарат, рядом стоял стол, на котором высилась большая груда нарезанного ломтями белого хлеба, а вокруг толпилось десятка полтора нарядно одетых дам и джентльменов, среди которых мы заметили одного, тоже очень импозантного русского в форме «земгусара».

«Вы очень голодны?» — осведомился последний. Мы, конечно, ответили утвердительно. «Эти леди о вас позаботятся. Но сначала мы сделаем маленькую съемочку — она будет для вас полезна: на ваше положение обратят внимание солидные круги английской общественности».

Не очень довольные таким началом и не понимая — зачем мы понадобились английской общественности, все замерли у борта, ожидая, что нас снимут, а потом будут кормить. Но оказалось, что нас хотят фильмовать не просто, а «со значением». Английские леди с палубы истребителя начали кидать в толпу кадет ломти хлеба. Кое-кто из кадет кинулся было хватать их, начальство наше растерялось от такого оборота дела, но «генерал» выпуска Л. Лазаревич[596], сразу же оценив обстановку, крикнул:

— Не прикасаться к этому хлебу! Не видите, что ли, что эта сволочь хочет снять, чтобы потом показывать «русских дикарей», которые дерутся из-за еды.

Ломти хлеба сыпались на наши головы и плечи, но мы стояли неподвижно, будто не замечая этого. Тогда англичане, видя, что на хлеб русские дети «не клюют», принялись метать в нас сигареты, но и их тоже никто не ловил и не подбирал. Физиономии англичан приняли

оскорбленно негодующее выражение — наш образ действий казался им явно неприличным.

— Напрасно вы так, — промолвил «земгусар». — Дамы хотят сделать снимки, для вашей же пользы, ну что вам стоит доставить им это удовольствие.

— Скажите своим дамам, что для них будет полезнее оставить нас в покое, — крикнул Лазаревич.

«Земгусар» что-то сказал по-английски, «общественность» возмущенно залопотала, истребитель дал ход и вскоре скрылся за кормой соседнего транспорта».

Эта первая встреча с Западом сыграла свою положительную роль, запечатлев навсегда в кадетах истинный образ бездушной и деловой западной цивилизации. Они поняли, что для сохранения своего духовного облика нужно было прежде всего сохранить свою культурную основу.

Реакция традиционного старшего кадета, «генерала» Лазаревича, была вызвана прежде всего сознанием своей ответственности за воспитание младших товарищей в духе традиций, выработанных в российских кадетских корпусах. По той же традиционной этике, младшие должны были исполнить приказание своего старшего кадета.

Кадетские традиции, проникнутые духом товарищеской дисциплины, любви к Родине и родному гнезду, приобрели особое значение в условиях жизни корпуса за рубежом. Младшие кадеты были обязаны своим старшим товарищам не только приобретением кадетской выправки, но и всем своим воспитанием в стенах корпуса. Старшим приходилось принимать на себя обязанности отсутствовавшей в эмиграции военной среды, а зачастую и родительского дома. Сознание своей ответственности заставляло старших подтягиваться и следить за собой, чтобы быть наглядным примером своим младшим товарищам. В нормальных дореволюционных условиях жизни воспитание кадет в воинской этике и традициях было облегчено тем, что благодаря ношению военной формы кадеты были под беспрерывным наблюдением. В корпусе офицеры-воспитатели, а вне корпуса в отпуску юнкера и офицеры, с которыми кадету приходилось встречаться, следили за его поведением и внешним видом. Кадеты невольно подтягивались, хотели подражать взрослым и быстро приобретали военную выправку. В условиях зарубежной школы сохранение воинского воспитания кадет затруднялось обстоятельствами эмигрантской жизни. Персонал корпуса, особенно семейные офицеры и преподаватели, были очень стеснены материально, что часто вызывало небрежность их внешнего вида, а перегруженность в работе — усталость и апатию. Большой численный

состав корпуса при ограниченном персонале затруднял ведение правильной воспитательной работы, которая требовала особенного внимания благодаря наличию в младших ротах кадет, давно потерявших связь с домом. В отпуску кадеты были предоставлены самим себе и совершенно ускользали от наблюдения офицеров-воспитателей. Поведение их зависело от их благоразумия и сознательности. А эти качества в младших кадетах надо было еще развить. Без всякого давления со стороны начальства эту обязанность взяли на себя старшие кадеты, воспитанные в старых кадетских традициях. Их работе по воспитанию младших кадет помогло назначение директором корпуса кадет выпускного класса в помощь офицеру-воспитателю во все отделения младших рот, до четвертого класса включительно. Назначаемые на весь учебный год по особому выбору старшие кадеты назывались «дядьками». Они проводили все свое свободное время в помещении опекаемых ими отделений, покидая своих питомцев только для подготовки и посещения уроков. Между «дядьками» и их подопечными устанавливались особые отношения. «Дядьки» с любовью и заботой, а иногда и с отеческой строгостью создавали из малышей хороших кадет, получая в ответ искреннюю привязанность, часто продолжавшуюся долгие годы после окончания корпуса.

В основу отношений между кадетами была положена традиционная дисциплина. Распоряжения старших кадет должны были беспрекословно исполняться. За небрежный вид или проступки против дисциплины младший рисковал получить немедленное взыскание, начиная от выговора и до оставления без отпуска.

В случае неисполнения указаний старших и серьезного нарушения дисциплины или кадетской этики, дело провинившегося рассматривалось выпуском. В этом случае с него могли временно снять погоны, что автоматически влекло за собой лишение отпуска и место на левом фланге строя. Бывали одиночные и действительно очень серьезные случаи, когда виновному предлагали на выбор: или добровольно уйти из корпуса, или подвергнуться телесному наказанию. Выпуском назывался вначале седьмой, а затем восьмой класс, который и был фактическим хозяином корпуса. Возглавляли выпуск старший, два подстарших и два ассистента. Старший именовался «генералом» выпуска, одному подстаршему вменялась почетная должность «хранителя звериады». Старшинство выпуска, назначаемое предшествовавшим выпуском в конце учебного года, руководило повседневной жизнью корпуса. Однако серьезные вопросы разрешались на собраниях всего выпуска. На корпусном празднике 3 июня уходящий выпуск передавал традиции следующему за ним классу. В этот день новый выпуск, в торжественной обстановке,

надевал на пуговицу левого погона корпусной знак-жетон и ночным традиционным парадом ознаменовывал свое вступление в управление внутренней жизнью корпуса.

Корпусной знак был выработан в 1926 году. Черный цвет основного креста символизировал траур по России, сияющие лучи между сторонами креста — надежду на ее возрождение. Двуглавый орел с корпусным вензелем, помещенные в середине знака, представляли Россию и родной корпус. До 1926 года каждый выпуск сам составлял проект своего жетона.

«Звериадой» называлась большая книга, в которую каждый выпуск вписывал установленные традиции, юмористические, а подчас и перчистые характеристики «зверей» (офицеров-воспитателей и преподавателей) и кадет выпуска, написанные в стихах, в ритме и на мотив «журавля». Переплет «Звериады», сделанный по цвету погона — алый бархат и белый лайковый корешок, — украшался выпускными жетонами.

В первые годы своего пребывания за границей Крымский корпус не был монолитным. Полтавцы и владикавказцы составляли основное ядро кадетской массы и продолжали руководствоваться во внутренней жизни своими традициями, очень различными по духу. В то время как полтавцы придерживались кавалерийского цука, владикавказцы, будучи сравнительно молодым корпусом, не имели устоявшихся традиций Дух казачьей вольности доминировал в их отношениях. Нужно было много усилий, чтобы сгладить эти расхождения. Со временем они были изжиты самими кадетами, принявшими общие для всех крымцев традиции. Цук был признан нежелательным. Товарищеская дисциплина, основанная на уважении старших, и их забота о младших более способствовали развитию кадетского братства, которое кадеты уносили с собой, покидая стены родного гнезда.

Наравне с товарищеской дисциплиной, основными традициями Крымского корпуса были традиции, которые легче всего определить следующими двумя принципами: «Один за всех, и все за одного» и «Кадет не доносчик». Первый принцип считался девизом корпуса и очень верно определял взаимоотношения кадет. Отказаться от части дневной пищи в пользу нуждающегося товарища, живущего вне корпуса; взять сироту-товарища к своим родителям на лето в отпуск; помогать более слабым в науках товарищам в ущерб своим занятиям; считать общим достоянием посылку из дома и разделить ее с друзьями. Все это было следствием традиционного воспитания кадета. Был недолгий период, когда дежурные офицеры-воспитатели не получали во время своего дежурства довольствия от корпуса. Кадеты старшей роты,

по собственному почину, стали приносить выкроенный из своих порций завтрак и обед воспитателям. Последние отказывались брать его, но каждого из них трогало это чуткое внимание кадет.

Доносительства в корпусе не было. Доносчик не прожил бы в корпусе ни одного дня, даже если для доклада начальству были веские причины. Никакие следствия или дознания не могли вскрыть виновных в совершенном проступке, если сами кадеты не решали, что виновному надо сознаться. Причем это решение принадлежало не провинившемуся кадету, а общему постановлению. Неоднократно бывало, что отделение, а то и целая рота сидели без отпуска продолжительное время, не разрешая виновному сознаться. Бывали также случаи, когда в проступках «сознавались» не совершившие их кадеты, чтобы покрыть кадета, поведение которого внушало опасения за его будущее.

Кроме принципиальных традиций, были традиции бытовые и шуточные. Ночные парады, похороны химии, постановление не танцевать модные танцы в форме, царский отбой. Обычно уроки заканчивались, когда горнист играл сигнал «отбой». «Царским отбоем» отмечался конец последнего урока 8-го класса, после которого кадеты навсегда покидали свои парты. Отбой давался небольшим оркестром, после чего кадеты выносили на руках преподавателя последнего урока и пускались в пляс в ротном коридоре, под завистливые взгляды своих младших товарищей, которым предстояли еще две недели скучного учения. Была еще одна традиция, очень дорогая для крымского кадета. В ночь под Новый год, без четверти двенадцать, горнист играл «сбор» и кадеты строились в коридоре первой роты, тщательно выравнивая носки ботинок в одну четкую прямую линию. На правом фланге строился оркестр. Ровно в двенадцать часов директор корпуса выходил из своего помещения, принимал рапорт от командира роты и, поздравляя кадет с Новым годом, предлагал им вспомнить Россию. Торжественные звуки русского гимна «Боже, Царя храни», исполняемого корпусным оркестром, казалось, заполняли каждый уголок в сердцах застывших в строю кадет. По щекам у многих неудержимо текут слезы. Это был единственный раз в году, когда звуки гимна раздавались под сводами корпусного здания. И надо было ждать другую новогоднюю ночь, чтобы снова его услышать.

Почти четверть века просуществовали русские кадетские корпуса в Югославии. Первоначальные три корпуса, слившиеся к 1933 году в один, воспитали поколения молодежи в духе русской культуры и лучших традиций военно-учебных заведений. Наличие за рубежом русских школ дало возможность эмиграции не только сохранить и укрепить свое национальное существование, но и ознакомить и даже в какой-то мере

присоединить западный мир к русской культуре. Эти задачи и были выполнены так называемым «вторым» поколением эмиграции, окончившим русские школы за рубежом и сочетавшим в себе основы западной цивилизации и духовность русской культуры. С чувством глубокой благодарности мы вспоминаем свой корпус за тот светоч, который он зажег в наших сердцах, осветив цели и задачи последующей жизни.

ДОНСКОЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКИЙ КОРПУС НА ЧУЖБИНЕ[597]

Уход корпуса из Новочеркасска

В последние дни декабря 1919 года, накануне Рождества, стало известно, что наш фронт сильно откатился и что Новочеркасску грозит эвакуация. Занятия в корпусе полностью прекратились. Кадеты 1-й сотни были назначены нести постовую службу на перекрестках улиц, особенно на тех, которые прилегали к району корпуса. Их обязанность состояла в проверке документов у прохожих в поздние часы. На 21 декабря была назначена погрузка в поезд кадет младших классов и корпусного имущества из складов. Накануне, когда кадеты возвращались из караула из Хотунка, им еле-еле удалось пробиться сквозь толпу — все дороги были забиты отступавшей, плохо вооруженной пехотой.

21 декабря погрузка не состоялась, а 22-го корпус разделили на две части: мы, малыши, то есть 3-я и 2-я сотни, частью на подводах, а частью пешком, покинули столицу Области Всевеликого Войска Донского, а 1-ю сотню назначили охранять архивы и склады войскового штаба. Этот штаб в то время представлял собой длиннейший обоз, растянувшийся чуть ли не на 10 верст. 22 декабря 1919 года 1-я сотня выстроилась на Соборной площади, перед памятником Ермаку.

Стоял трескучий мороз с сильнейшим ветром. В последний раз, глядя на бронзовую фигуру завоевателя Сибири, дружно пели донцы «Ревела буря, гром гремел...». Нет, никому не думалось в тот морозный день, что до самых седин не увидят они больше дорогой им силуэт, вливавший столько гордости в сердце каждого донца.

Тот, кто поднес когда-то Иоанну
На блюде кованом плененную Сибирь...

«Правое плечо вперед!..» Сотня двинулась пешим строем в направлении станицы Ольгинской; только часть пути, около 20 верст, удалось проделать на подводах, но от Мокрого Луга до самой Ольгинской шли

пешком. А в Ольгинской встретили невеселое Рождество, отпраздновали по-голодному, по-холодному и двинулись дальше, на Кубань, в направлении станицы Екатерининской. По дороге едва избежали возможности боя. В одном месте, опасаясь репрессий со стороны большевиков, кубанцы пытались разоружить сотню; в боевом отношении она была довольно сильной — два отделения 7-го и три 6-го классов, в общем человек сто пятьдесят, да еще прекрасная пулеметная команда. Да и какие офицеры командовали сотней — боевые, решительные: командиром сотни был старый генерал-майор Федор Иванович Леонтьев, офицеры — полковник Леонид Петрович Кутырев и войсковые старшины Шерстюков, Наумов и Артемий Федорович Какурин. И вот когда кубанцы ударили в набат и начали сбегаться с оружием, инициативу сразу же взял в руки энергичный войсковой старшина Наумов. Кубанцы двинулись вперед, но увидели, что сотня ощетинилась и готова к бою; кубанцам ничего не оставалось, как пойти на переговоры. Выяснилось, что они намерены держать нейтралитет, что боятся репрессий и поэтому просят кадет покинуть их станицу как можно скорее. Эта просьба была исполнена, сотня двинулась дальше на Павловскую, где сосредотачивались тогда донские части. В Павловской кадеты простояли с месяц. В то время пришел приказ Донского атамана, по которому все семиклассники были откомандированы, вместе со своими офицерами, в Атаманское военное училище. А кадет 6-го класса погрузили в поезд и отправили в Екатеринодар. Там пробыли около двух недель; в эти дни в одном из екатеринодарских госпиталей скончался донской герой, генерал Мамонтов[598].

Еще по дороге к Екатеринодару среди кадет начал свирепствовать тиф, который косил направо и налево. Переболело около 50 процентов, многих похоронили, в одном Екатеринодаре оставили шесть могил. И вот тут-то до кадет дошли слухи об эвакуации. Тяжело было смириться с мыслью, что придется покинуть Родину. Тяжело было видеть, сколько народу гибнет в неравной борьбе с красными. И не пожелали кадеты уходить отсюда и спасать свою шкуру. Собрали Круг и решили, если только слухи окажутся верными, просить войскового атамана, через корпусное начальство, об отмене приказа об эвакуации; просили генерала Леонтьева устроить так, чтобы их отправили на фронт драться с большевиками. Генерал сейчас же довел об этом до сведения атамана, и генерал Богаевский не замедлил приехать к кадетам. Он был очень взволнован и растроган просьбой молодежи. В прочувствованной речи он указал на то, что в мировой истории на 14 лет войны приходится в среднем один год мира и что, следовательно, в будущем кадетам, несомненно, представится возможность

воевать за Родину. Далее он говорил о том, что будущей России понадобятся образованные люди и что он считает своим святым долгом сохранить молодежь и не посылать ее на убой. Атаман не скрывал от кадет тяжелого положения на фронте и поделился с ними всеми сведениями, которыми сам располагал.

Мой однокашник, автор этой части воспоминаний, очень скуп на жалобы. Он добавляет в письме: «...Все тяготы нашего похода я тут, конечно, отбрасываю. Ну что там говорить: без денег, без походной кухни, не раздеваясь, обмерзшие, голодные, сплошь больные, с натертыми ногами... Да, трудновато поверить, что все это смогли выдержать! Только, пожалуй, молодость и может это перебороть. А самое ужасное из всего — это вошь. Она бродила по нас целыми табунами...»

А теперь оставим кадет 6-го класса в Екатеринодаре, 7-го класса — в Атаманском училище и вернемся на некоторое время назад, чтобы хотя бы вкратце проследить путь малышей к Новороссийску, где все донцы встретятся вместе и вместе же покинут свою дорогую Родину.

Итак, как было сказано, 2-я и 3-я сотни выступили походным порядком из Новочеркасска. Часть пути между Ростовом и Кущевкой месили грязь, а часть проделали на подводах. Малышам подвезло, в общем начальство о них позаботилось. Но не позаботилась погода. Холода стояли невообразимые, а грязь непролазная. Где-то в пути нас догнал атаман, обратился с речью, сказал о безвыходном положении отступающих институток. Это касалось смолянок — о Донском Мариинском позаботились. Девочкам приходилось шагать по грязи, и наш атаман просил нас уступить им часть подвод. Уступили и зашагали, вернее, пустились вплавь. Кое-где проваливались, теряли сапоги — увязала нога, и где уж тут ее вытащить с сапогом! Чуть с дороги сошел, и все тут — да и видишь ли ее, дорогу-то? Иногда малышам чуть ли не по пояс было! Не помню, сколько прошли тогда, но на каком-то отрезке пути один из малышей, Володя Скопиченко, оступился и угодил в обочину, сначала по колени, а потом по пояс. Перепугался, бедняга, да и было ему не больше одиннадцати, если не десять лет. Сначала улыбался, потом захныкал. За нами шли «старики», кадеты 2-й сотни. Они не только помогли малышу, но и пристыдили и обругали нас как следует за то, что не догадались его вытащить. Кое-кому и по затылку попало.

В первой половине февраля 1920 года кадеты 6-го класса 1-й сотни прибыли в Новороссийск и, таким образом, соединились с нами, со 2-й и 3-й сотнями. Разместили нас в здании Городской управы. Мы, малыши, спали в каком-то похожем на казарму помещении. Почти все стекла в окнах были выбиты, и внутри разгуливал ново-

российский норд-ост. А кто его не изведал, тот не изведал ничего! Это милый ветерочек, который, если разозлится, способен согнать с горы в море подводу с лошадью и с возницей вместе. Это «зефир», при дуновении которого на голову могут упасть замерзшие на лету птицы. Одним словом, это вовсе не то, о чем поется: «Ветерочек чуть-чуть дышит...» Напротив, чуть-чуть дышит здесь каждое живое существо, с норд-остом встретившееся. А если к этому прибавить еще то, что среди нас, тут же, вповалку лежали еще и заболевающие тифом, выздоравливающие от него и те, кто под сомнением, то картина будет довольно ясной. Прибавим еще, для полноты этой картины, что на всю эту казармищу печка была одна и что дров там бывало не густо.

Но в тяжелые моменты жизни появляются иногда этакие «шестикрылые серафимы», хоть на миг озаряющие существование. Таким ангелом в нашей новороссийской эпопее для малышей явился «полковник» Гребенников. Чуть ли не в день похорон нашего любимого директора, генерала Чеботарева, умершего от тифа, в нашем склепе было особенно холодно. Все жались под одеялами и шинелями, согревались кто как мог. К тому же все были подавлены смертью директора. Это был талантливый педагог, командир и отец — он заменял нам все. Как человек, говоривший на нескольких языках, он особенно был нам нужен в это время, когда приходилось вести переговоры с иностранцами. Первая сотня отдала последний салют из винтовок, и мы с ним расстались. Лежали, жевали «шрапнель», старались не унывать, но уж больно прижимал нас холод. Случилось так, что среди малышей почему-то появился кадет 1-й сотни Гребенников. Малыши его любили. Мы сразу толпой окружили его, жалуясь на нестерпимый холод. Долго не раздумывая, Гребенников взял с собой несколько человек из 1-й сотни, достал подводу и отправился на ближайший дровяной склад. А там восседал один из тех «беззаветно преданных службе не вовремя» служак, которые попадались в интендантском ведомстве. Не учитывая момента, они берегли добро и не задумывались, к кому оно попадет. Вот и случалось, что добро доставалось потом красным, а свои ходили разутыми и раздетыми. Я должен оговориться — Гребенников и вообще выглядел гораздо старше своих лет, а в этот день он был небритым, со внушительной щетиной на подбородке. Это были дни, когда мало у кого из офицеров оставались еще настоящие золотые или серебряные погоны, многие рисовали их на шинелях чернильными карандашами, а некоторые обходились и без этого Увидев «пожилого» военного, очевидно офицера, и с ним взвод с винтовками, интендант сделался мягче обыкновенного. Он, конечно, спорил, говорил что-то о ведомости, но

тон Гребенникова был безапелляционным. «Запишите все на полковника Гребенникова, и все тут!» — небрежно приказал он интенданту, а кадетам дал знак погрузить дрова на подводу. С того дня и до окончания корпуса иначе как «полковником» никто Гребенникова и не называл. А малыши в тот день в первый раз, даже несмотря на выбитые стекла, согрелись по-настоящему.

В Новороссийске пришлось пережить военную тревогу. Однажды на город налетели зеленые; целью их нападения была, как потом выяснилось, городская тюрьма, где сидели их сотоварищи. Комендант города вынужден был просить помощи у кадет 1-й сотни. Сотня вышла «на линию», многие кадеты еле держались на ногах после тифа, но все же решили лучше идти в бой, чем попасть в руки неприятеля. Все, однако, обошлось благополучно; правда, зеленым удалось освободить своих из тюрьмы, но с нашей стороны никаких жертв не было. Часов в восемь утра продрогшие кадеты возвратились к себе.

Эвакуация, несмотря на ходившие до тех пор слухи, началась в общем неожиданно. 22 февраля (по ст. ст.) было приказано выстроиться, быть в полной боевой готовности и со всеми вещами. На грузовики были погружены склад, цейхгауз и денежный ящик с нарядом кадет и под командой генерал-майора Леонтьева. Остальные, в пешем строю, должны были двигаться в неизвестном направлении. Выздоравливающие после тифа тоже кое-как плелись вместе со строем. В результате пришли на набережную, где приказано было всем раздеться, оставить свои вещи и идти принимать горячий душ в портовой бане. Этой операцией пришлось заниматься при всем честном народе, которого в тот день на набережной было очень много; все это проделывалось просто на улице. Сразу же после душа было приказано пригонять новое английское обмундирование. Душ оказался чертовски холодным, а погода стояла совсем не теплая, и читатель может себе представить, что это была за пригонка обмундирования; надевали что попало и как попало, лишь бы спастись от страшного холода. После этого все должны были пройти английскую медицинскую комиссию. Многие из кадет боялись показать комиссии свои истощенные голодом и сыпняком физиономии и, надеясь на кадетское братство, просто стояли за углом и комиссии не показывались. Как ни странно, этот номер прошел благополучно.

Описывать пристань и погрузку не стану — более опытные перья делали это до меня десятки раз В общем, столпотворение, рвутся к пароходам, а они по шею в воде, перегружены. Давка, ругань, чьи-то вопли, резкие команды . Кадетам повезло, все-таки школа, кое-кто и на фронте побывал, а иным и носы вытирать надо О кадетах подумали прежде всего и возьмут на борт без всяких рассуждений. Пароход

«Саратов» с утра разводит пары. Наспех прививка против чего-то, пригонка английского обмундирования; ловчилы стараются сохранить кадетские мундиры и не переодеваться. Мелькают желтые краги и френч депутата Государственной думы Аладьина[599], которого А.И. Деникин увековечил в «Очерках Русской Смуты» под именем «сэра Аладьина» за его «энглизированность»; вместе они сидели в Быкове, вместе и выбрались. С Аладьиным — английские офицеры, он им что-то объясняет. Англичанин-фотограф выхватывает троих малышей из толпы. Все уже в английском, а этим удалось отделаться, они в мундирах родных корпусов: два оренбуржца-неплюевца и один донец. Щелкает аппарат, уже куда-то тянут, раздается команда. Это генерал Киз, главный представитель британского командования на Юге России, обходит ряды кадет. А где-то здесь, совсем рядом, идет грызня — с парохода вопят, что там уже вдвое больше, чем полагается, а тут еще столько кадет надо погрузить...

Кадеты по сходням поднимаются на «Саратов». Сбоку стоит наш новый директор, генерал Черячукин, в прошлом начальник штаба при генерале Гилленшмидте[600], командире 4-го кавалерийского корпуса на Юго-Западном фронте. Кадеты грузятся в полном порядке, а вокруг шум и суматоха. Женщины, дети, старики, раненые офицеры на костылях... Со стороны Геленджика доносится стрельба: зеленые — проносится по толпе. А дальше на рейде английский крейсер наводит орудия в сторону гор. Ухают выстрелы... На набережной толпы народа, грузятся и на соседние пароходы. Пожилой офицер, нагруженный вещами, быстро крестится и прыгает в воду у самого борта соседнего парохода. Тело сразу скрывается под водой. «Больше не принимают!» — кричит кто-то. Надвигаются сумерки. Вокруг идет разговор о том, что повезут в Крым, а другие уверяют, что на Принцевы острова. Кто-то объясняет, где эти острова и кто их населяет, в общем, вдохновенно фантазирует.

«Саратов» медленно отшвартовывается... все дальше уходит в Черное море. Кончается февраль 1920 года.

На «Саратове»

На «Саратове» яблоку негде упасть. Кадеты и беженцы — старики, женщины, дети, раненые и больные, заполнили все уголки. Кормят коряво. Галеты червивые. Малыши с завистью поглядывают на «богачей», у которых какими-то судьбами завелись вдруг большие банки австралийских консервов с зайчатиной, хочется есть. Ходят слухи о том,

что команда парохода настроена большевистски и будто не желает вести судно в Константинополь. Поговаривают, будто взводу кадет, во главе с энергичным генералом Черячукиным, удалось «переубедить» команду. Новые впечатления, море, многими дотоле невиданное, общее состояние возбужденности и слухи, слухи, слухи... И вши, вши, вши... Куда везут? Так говорили же тебе — на Принцевы! А где они, эти твои Принцевы? Толком никто не знает. А в общем — не все ли равно? Ведь на короткое время только, так стоит ли и задумываться? Все равно домой скоро... Погоди, погоди, а разве Белая армия не эвакуируется? То есть, в общем, эвакуируется, но... не вся же. Остались части, которые... И снова слухи, слухи и слухи. А малышам, пожалуй, раздолье, хотя и голодно малость. Присмотра почти никакого, да и какой тут может быть присмотр? Чуть ли не половина персонала в постели, больны. Кроме того, за каждым не усмотреть. Ведь это только вначале думали, что спать будем по классам, да не вышло. Произошли перемещения. Беженцы почему-то оказались в нашем трюме, а некоторые малыши уже перебрались на палубу и спят в самых невозможных местах, как, например, в спасательных шлюпках, откуда их гонят, но они, как ваньки-встаньки, снова оказываются там, как будто ни в чем не бывало. Морская болезнь, в добавление ко всему, уложила многих в постель, так что не до того, чтобы за кем-то еще присматривать — самого наизнанку выворачивает. А на малышей морская болезнь как будто и не действует, им нипочем! Даже, пожалуй, выгоднее выходило: то тут, то там, смотришь, и подкормился. То какую-то даму выматывает: «Ах, возьмите, кадет, не до еды мне, право... Да не стесняйтесь!» А он и не стесняется и уплетает за обе щеки. Или же чиновника гражданского ведомства море донимает, и он с умирающим видом предлагает: «Не хотите ли, кадет? Неплохие консервы...» — «Покорнейше благодарю, ваше превосходительство!» И кадетику неплохо, и чиновнику лестно, что он в «ваше превосходительство» попал.

По палубе бродят четверо: братья Ляховы, дети Астраханского атамана, оренбуржец Павлик Крепаков и один донец. И всегда-то они были голодны, никак их не насытишь, а уж теперь и в особенности! Где-то набрели на огромнейшую бочку с капустой Одного из кадет, самого маленького, спустили за ноги в бочку, и он оттуда пригоршнями подавал капусту наверх, не забывая наполнять и свои карманы. Туда же вскоре отправился и «плохо» где-то лежавший сахар, все было тщательно перемешано и съедено. Что же касается вида, в который была приведена одежда, об этом уже не будем говорить! Читатель может спросить — а где же хваленые кадетские дисциплина, устои и пр.? Но не будем забывать, что это 1920 год, полный тифозных вшей, трупов и

голода. Это год страшной эвакуации, и перед нами изголодавшиеся подростки, многие из них почти дети. Мы уже и думать позабыли о корпусных «дядьках», неделями не имели возможности раздеться, выкупаться, не было ни смены белья, ни простынь, укрывались шинелями и тоненькими одеялами, спали где придется. И в то же время — сколько помощи оказывали эти голодные юноши, мальчики, почти что дети, старикам и старухам, ехавшим с ними! То и дело видишь, как заботливо поддерживают под руки какую-нибудь даму или старичка, как ведут в трюм или из трюма, переносят куда-то их вещи, бегают по их просьбе за той тепленькой, всеми цветами радуги переливающейся жидкостью, которая в те дни называлась водой. Сколько раз они уступали больным или просто старым людям свои насиженные, налаженные местечки! И не песня ли кадетская, то грустная, то заливисто-веселая, помогала изгнанникам легче переносить все тяготы пути?

Поехал казак на чужбину далеку
На добром коне он своем вороном...

Наворачивались слезы, а потом высыхали они, и улыбка озаряла лица, когда сапоги только что выздоровевших от сыпняка кадет чеканили по палубе ритм разудалой казачьей пляски:

Раздушка-казак молодой,
Что не ходишь, что не жалуешь ко мне?

В пути

Вскоре вокруг стали говорить о том, что мы уже недалеко от Босфора. У тех, кто все еще думал, что нас повезут в Крым, — исчезла и последняя надежда. Значит, всякая связь с Родиной пока что прервана. «Саратов» отчаянно пыхтит, скрипит, ползет.

Я у борта. Рядом со мной прехорошенькая девушка лет восемнадцати. На ней элегантная меховая шубка. Щечки у нее раскраснелись, она о чем-то весело мне говорит, но я не могу разобрать о чем. Чему-то смеется, невольно смеюсь и я. Хорошо мне с ней. Потом она со счастливой улыбкой всплескивает руками и перебрасывается через поручни в воду.

«Человек за бортом!» Машины постепенно стопорят, дается задний ход. Матросы бросают девушке спасательный круг, он шлепается почти рядом с ней, но она не делает попытки его взять. Он ей не нужен, ей так хорошо сейчас, она счастливо смеется, а шубка отлично держит ее на воде, она еще не набухла. Вот, наконец, прыгает в воду матрос и

вытаскивает девушку. «Да кто же ее выпустил, черт подери!» Кто-то рядом рассказывает, что она убежала из лазарета, что у нее уже второй день бред, и вот санитары не досмотрели... Ну что ж, бывает.

Приближается берег. Вскоре проплывают мимо живописные городки в зелени. Босфор. Кто-то бывалый объясняет — вот летняя резиденция русского посольства, Буюк-Дере, а вот там дальше — Еды-Кей. Это так называемый Семибашенный замок; там когда-то сидел в цепях русский посол, Толстой. А сам замок выстроен в виде начальной буквы любимой жены султана. Высятся, упираются в небо десятки, сотни минаретов, а вокруг нас уже чуть ли не тысячи судов. Вот это и есть Стамбул! Беготня по палубам, суматоха. «Сейчас в город поедем!» — «Как, по классам, что ли, отпускать будут?»

Но вот на «Саратове» взвился желтый карантинный флаг. Слишком уж много у нас больных, этак всю Турцию перезаразим. Ну а что теперь? А там видно будет. У борта вода кишит лодками. «Кардаш!» — кричат фески, надрываются. Это торговцы хлебом, фруктами, сластями. Мы спускаем им деньги на веревочке. Керенки почти не идут, а «колокольчики» и царские в почете. Правда, много у «кардаша» не получишь. Сотни рублей уходят на плитку шоколада, какую-нибудь связку винных ягод и пачку сигарет.

Сколько мы там стоим — не помню. Помню, что на берег спускают только директора корпуса и его переводчика, хорунжего Чеботарева[601], он же и адъютант. Тут же выясняется, что это сын покойного директора, генерал-лейтенанта П.Г. Чеботарева, скончавшегося от тифа в Новороссийске, о чем говорилось выше.

А ночью проходим Дарданеллы. Я стою у борта, силюсь рассмотреть, что они собой представляют, но ничего не видно, темень. А так хотелось бы — вспоминаю из книги: древний Геллеспонт, лорд Байрон... Как будто он этот самый Геллеспонт где-то здесь и переплывал. Жаль, не видать! Из душного трюма наша «непромокаемая» четверка перебралась в спасательную шлюпку. Дважды уже гнали, но не помогает, махнули на нас рукой. Все равно на борту втрое больше, чем полагается, где уж тут на это обращать внимание.

А потом чудное солнечное утро. Давно пройдены Принцевы острова. Мы уже стоим около острова Кипр. На нас смотрят средневековые башни Фамагусты. Рыцари-тамплиеры, арабы, греки, турки, венецианцы — кто только тут не побывал! И в довершение всех бед, в ворота города стучится теперь обовшивевшая толпа голодных русских. Но желтый флаг — плохая визитная карточка, с ней не пускают никуда. Гостеприимные жители швыряют на борт апельсины размером с добрую дыню. О таких до сих пор и не слыхивали. Одно плохо — слиш-

ком толстая кожура, под ней апельсин оказывается не таким уже громадным. Бросали также рожки, еще какие-то фрукты. Все это для нас такое лакомство! Юг, благословенный юг! После страшных норд-остов, как ласково ты встретил нас — солнцем и фруктами. Если бы еще нас пустили сюда, хоть немного пожить, отогреться. Набираем воду, уголь, еще какие-то припасы. Вдруг распространяется слух, что губернатор острова решил нас разоружить. Старшие кадеты возмущаются — «Не отдадим оружие, с ним пробивались!» Некоторые с возмущением и руганью бросают винтовки и шашки в воду. В это самое время кто-то кричит, что англичане оружие отбирать не будут, но кадеты успели бросить три шашки и пять винтовок.

«Саратов» снимается с якоря, мы снова в открытом море. И совсем скоро перед нами вырисовываются очертания белого города. Штыками минареты, и все ослепительно белое, и море, и океан песка, куда ни посмотришь. Это Александрия. Но нет, оказывается, и здесь нас просто так принять не могут, сначала повезут куда-то дальше. И вот тут-то оружие пригодилось. Старшие кадеты караулят поезд с вещами. Поговаривают о том, что предполагается нападение арабов с целью грабежа. Остальных везут, как прокаженных, в какой-то лагерь недалеко от города. Это местечко Сиди-Бишр. Здесь обычно держат в карантине грязных арабов, богомольцев из Мекки. А теперь извольте сбрасывать с себя все обмундирование и все вещи сдавать в дезинфекцию. Совершенно позабыв, что в кармане у меня целое богатство («Вот тут несколько десятков тысяч царскими, не потеряй, побереги до встречи, слышишь?..»), я сдал все вещи. Ну а потом — да стоит ли рассказывать? Все богатства «развеялись прахом» — дословно. Превратились в труху.

Мы бродили в больничных белых халатах из барака в барак. Мечтали о том, как нас, наконец, отпустят в город, в Александрию. Кто-то уверял, что покажут сожженную Александрийскую библиотеку. Малыши верили. Вербное воскресенье. Лагерь посетил сам патриарх Александрийский. Торжественная служба под открытым небом. Прекрасно поет кадетский хор, греки с изумлением слушают. Патриарх лично оделял всех пальмовыми ветвями — как необычно после наших вербочек! А потом вспоминаешь, что ведь так и должно быть: «и вайями, и ветвьми...» Я с благоговением держу веточку в руке, даю себе обещание сохранить ее на веки вечные в какой-нибудь книге, что ли. И вдруг вспомнилось: «Верба хлест, бей до слез!» И я исправно отстегал прехорошенькую девчурку, бегавшую поблизости. Странно было встретить ее лет через двадцать и любоваться ею в четверке Королевского балета в Белграде. Маленькая фея превратилась в королеву, как и полагается в

сказке, даже и в беженской, и была она теперь настолько хороша, что рука моя на нее теперь уже не поднялась бы.

Не помню, сколько времени мы пробыли здесь, в Сиди-Бишре. Помню туманное утро, пробивающиеся лучи солнца, поезд. Погрузка в вагоны. «Господин есаул, куда везут?» — «В Высокое Солнце, кадеты!» — весело объявляет есаул. Недоуменные рожицы. «А это — с арабского. Местечко так называется — Тэль-эль-Кебир...»

Тэль-эль-Кебир

«Высокое Солнце». Солнце жестокое, немилосердное. Наш лагерь в Ливийской пустыне. Мы размещаемся в палатках. Мы одни, беженцев с нами уже нет. Солнце палит нещадно, а я стою «на штрафу» — в чем-то провинился. Не один, со мной еще парочка таких же «отпетых» хулиганов. Сбоку, на складном стульчике, воспитатель, почитывает книгу. Стоять трудно, мухи мешают, лезут в глаза, а почесаться — ни-ни! Но хуже всего это солнце. Проходит полковник Филин[602]. Слышим, как тихо говорит воспитателю: «Что же это вы, есаул, на этакой-то жаре, а?» Тихо говорит, чтобы мы не слыхали, а у нас ушки на макушке. Вытягиваемся еще более в струнку, на рожах изображаем страдание. «Ну что ж! — захлопывая книгу, говорит есаул. — На сегодня, пожалуй, довольно. Можете идти, кадеты!» Мы рады-радешеньки, но все же, уходя, скашиваем глаза на старшего кадета, который стоит поодаль «в боевой», то есть под ружьем. Эх, вот бы нам этак, по-настоящему, с винтовкой постоять!

Помню еще — заросли тростника вдоль какого-то арыка. Я только что отдал свою порцию сахара односуму, а тот поклялся, что за сахар мы получим царское угощение. Сквозь заросли вижу, как он на пальцах и жестами, «без акцента» договаривается о чем-то с высоченным арабом в грязном халате и чалме. А вот он уже возвращается и торжественно вручает мне настоящее куриное яйцо. Я с благоговением разглядываю его как диковину. Да это и есть диковина — ведь я не видел куриных яиц уже больше трех лет. Правда, я не совсем уверен теперь, что же с ним делать, но односум всезнающ. Он ловко просверливает в яйце крошечное отверстие и приказывает сосать. Прикладываюсь, втягиваю в себя содержимое и искренно верю товарищу, что выше этого наслаждения в мире ничего нет. А он с недоумением посматривает на меня: «Тю, да ты что — аль яиц сырых никогда раньше не пробовал? Куриных или грачиных...» Стыдно сознаться, что в сыром виде — никогда, но что-то надо ответить, и я, облизываясь, заверяю его: «Ну как же... сколько раз! Только я думал — мы их жарить будем».

Через несколько дней весь корпус выстроен. Офицеры зорким глазом оглядывают ряды. «Сулацков, выше голову! Аникин, живот втянуть!» Кто-то пускает шепотом слух, что сам египетский фараон будет делать нам смотр. Часть малышей с восторгом верит, а кое-кто неуверенно шепчет, что все это глупости, что здесь теперь хедив, а фараонов англичане уже давно выгнали. «А ну-ка, разговорчики в строю-ю-ю!» — гремит командир сотни. «На штраф захотелось?» «Корпус, смирно!» — доносится растянутая кавалерийская команда. «Глаза на-право!» С правого фланга приближается группа. Англичане. Впереди небольшого роста генерал, за ним адъютанты, наш директор, а с ним хорунжий Чеботарев, Григорий Порфирьевич. Обходят по фронту, здороваются. Генерал, как видно, доволен, на лице улыбка, что-то говорит своим адъютантам, потом горячо пожимает руки генералу Черячукину и хорунжему Чеботареву. Все улыбаются. Только из книги профессора Принстонского университета Чеботарева «Россия — моя родина», выпущенной в США на английском, я узнал, что именно этому посещению Главнокомандующего Британскими вооруженными силами в Египте, генерал-лейтенанта сэра Уолтера Норриса Конгрива, мы обязаны были тем, что из малоприветливого оазиса в Ливийской пустыне нас вскоре перевели в благодатный край на берега Суэцкого канала, поблизости от города Измаилии. Об Измаилии столько говорилось не так давно в связи с событиями в Израиле. И еще кое-что мне удалось узнать также сравнительно недавно. Евгения Анатольевна Селенс-Маркова, дочь кадета-николаевца, офицера и писателя, подарила мне как-то первый номер журнала «На чужбине». Этот журнал начало издавать в Сиди-Бишре Русское культурно-просветительное общество в 1921 году. Из журнала я узнал, что председательницей общества была леди Сесилия, жена генерала Конгрива, что она всемерно помогала нашим соотечественникам, приискивая им работу и всячески облегчая их участь. Тогда, в июле 1921 года, в Египте насчитывалось более трех тысяч русских беженцев.

Измаилия

В Измаилию, вернее, в лагерь Ферри-пост, что означает «паромная станция», мы прибыли под вечер, уже темнело. Переспали кое-как в палатках, просто шинель под голову, накрывайся чем знаешь. Проснувшись, увидел вокруг стройные ряды палаток. С удивлением узнал, что с сегодняшнего дня каждый будет счастливым обладателем двух одеял и подушки. Осознал, что на мне нет вшей, что ярко светит солнышко и что вообще жизнь — неплохая штука, даже и в двенадцать лет. Зав-

трак был непривычно обильный: оказалось, что теперь мы получаем полное довольствие английского солдата. Неплохой кусок бекона, достаточно хлеба, варенье, чай — живем!

Палатки были расположены по сотням, по классам. Лагерь — почти правильный квадрат, лежащий на берегу Лэйк-Тим-сах (Крокодильего озера). Никаких крокодилов в наше время не водилось. В пяти минутах ходьбы — Суэцкий канал, разрезающий Крокодилье озеро на две части. В одной половине лагеря, за палатками 1-й сотни — тростниковые бараки. Там кухня, столовые, библиотека, портняжная, учебные бараки, церковь, дальше большой штабной барак, в нем же английский склад обмундирования. Дальше — палатки персонала, палатка-госпиталь и примыкающая к нему палатка адъютанта корпуса, хорунжего Чеботарева. Вдоль лагеря и озера вьется шоссе, одним концом упирающееся в паромную станцию на канале. Здесь, возвышаясь над каналом, стоит красивое здание во французском колониальном стиле — французский госпиталь, обслуживавшийся сестрами-монашками. Говорили, что здание построено было Наполеоном для Жозефины, так ли это или нет — не знаю. Другим концом шоссе упиралось в чудный, буквально утопавший в зелени парков и садов, со множеством оросительных канальчиков, городок Измаилию. Строили его во времена Фердинанда де Лессепса, а назвали Измаилией в честь тогдашнего хедива Измаила. Вдоль шоссе, почти сразу же за лагерем, по ту сторону искусственного канала, шли лагеря британских полков. Там стояли полки Суррийский и Мидльсекский. В первые же дни непосредственно к нашему лагерю примыкал еще лагерь индусов и бурмийцев. Интересно было слушать по ночам окрики часовых: «Гач хабудариан!» — и немного погодя русское: «Стой! Кто идет?»

Вечером следующего же дня мы, компания малышей, по собственному наитию решили отправиться в гости к соседям-индусам. Любопытно было разглядывать их безулыбочные бронзовые лица, их тюрбаны и слушать их гортанную речь — прародительницу наших языков. Отправились мы туда не с пустыми руками, несли сахар, сыр, еще что-то, надеясь разжиться табачком. Наши продукты индусам не были особенно нужны, но они, вероятно, больше из вежливости взяли. Мы получили и табак, и сигареты, а меня и приятеля еще и похлебкой своей угостили индусы, да так, что и посейчас горит в горле. Уж не знаю, кто в кулинарном отношении злостнее — венгры ли со своей паприкой, мексиканцы ли с перцем, или же индусы со своими специями. Жестокая штука, запомнилась на всю жизнь.

В лагере все пока шло хорошо. Были сыты, одеты, обуты. Нос в табаке был только в старшей сотне, малышам, конечно, не выдавали, а

посему нам приходилось прибегать к курению эвкалиптовых листьев — боже, что это за пакость! Вскоре должны были нам выдать и новое тропическое обмундирование. Казалось бы, всем мы должны были быть довольны, но... было еще и «но». И оно заключалось в том, что не было кроватей. Все было, а кроватей не было, не сообразили англичане привезти. А каждый вечер копаться в песке, чтобы добраться до более теплого, за день нагретого слоя, скучно было. Но казачки — народ хозяйственный, и вот через несколько дней почти во всех палатках у малышей появились кровати, зато у англичан исчезло целое стрельбище. Малыши по прибытии успели все обшарить вокруг лагеря и нашли в пустыне, километрах в двух, странное сооружение — какие-то мешки с песком и металлические листы, а рядом еще куча пустых баков, из-под бензина кажется. Мы, мелюзга, ни на каком стрельбище в своей жизни не бывали, а потому сочли сооружение никчемным и немедленно подлежащим разорению. А разорили дотла. Ведь ежели такой лист да положить на такие баки — что это за кровать получается! В каких-нибудь два часа от стрельбища остался курган, напоминающий о древних кочевниках. В палатках кишело как в муравейнике. Теперь уж бояться скорпионов и прочей нечисти не придется. Но, увы, радость была кратковременной. На следующее утро, насвистывая песенку (которую мы вскоре и сами пели, перевирая слова на нижегородский манер: «ицелонг вэй»), лупя в барабаны, английская рота приблизилась к тому месту, на котором... сами понимаете! А стрельбище — как корова языком слизала! На беду листы были тяжеловатые, приходилось тащить их по образцу предков, древних славян, — волоком. Следовательно, все улики были налицо, следы «волокитства» вели прямехонько в наш лагерь и даже точно указывали, в какую палатку волокли. Ну что ж, пришлось «волокти» листы обратно и на следующий же день помогать англичанам восстанавливать стрельбище. Но нет худа без добра — вскоре были привезены кровати.

Чтобы кадеты обратили большее внимание на порядок в палатках, генерал Черячукин применил остроумный метод — ввел переходный русский флаг; его получала самая чистая и аккуратная палатка. Обладатели его ходили с задранными носами. И теперь кадеты буквально лезли из кожи вон, чтобы флаг заработать, заслужить. Порядочек стал не хуже, чем в наших спальнях в Новочеркасске.

Выдали новое обмундирование песочного цвета. Теперь, кроме фуражки, нас «возглавлял» еще и тропический шлем с замысловато свитым на нем красивым шарфом (так я и не научился его складывать!), далее — упомянутая фуражка с дырочками по бокам (пустые головы проветривать), рубашка с галстуком, френч, белье, брюки длинные

парадные и трусики. Для медных пуговиц с британским львом специальный прибор для надраивания. Далее — обмотки, ботинки. Одним словом — полный комплект обмундирования английского солдата в Египте.

Вначале все шло хорошо, но... поблизости вертелся-крутился лукавый в образе араба-скупщика. Лукавый нашептывал в уши всякую мерзость, заманчиво позвякивал в кармане халата монетами. В воображении рисовались горы лакомых вещей: шоколад, финики, апельсины, арбузы, сигареты, всего не перечислить. Велик был соблазн, и вот постепенно, по частям, исподволь, френчи и ботинки, брюки и шлемы, все это начало перекочевывать в тот квартал Измаилии, в котором главным образом проживали скупщики. Кроме того, будучи народом нетерпеливым, лукавые начали и сами подкрадывать в складе, пользуясь доверчивостью английского сержанта. В результате жители названного квартала, к изумлению англичан, начали щеголять в самых невозможных комбинациях англо-арабской одежды. Они напяливали, например, элегантный френч на свой длинный грязный халат и считали это особым шиком. Или же кокарда с гербом Его Британского Величества украшала голову какого-нибудь босоногого грузчика. Директор корпуса попробовал действовать через местную арабскую полицию, но эти попытки не привели ни к чему — рука руку моет, а ребятки свои же арабы. Тогда энергичный генерал отправился со взводом кадет, вооруженных винтовками, в упомянутый уже квартал, — здесь я ссылаюсь всецело на воспоминания профессора Чеботарева, — и произвел набег, отнял краденое и скупленное и наказал лукавых. Они были жестоко избиты, а их тележки выброшены в канал. Англичане оказались шокированы; в этот период их отношения с египетской администрацией были особенно натянутыми. Зато генералу Черячукину вся французская колония Измаилии рукоплескала. Надо сказать, что администрация Суэцкого канала состояла по большей части из французов, с небольшой примесью итальянцев. Среди них наш директор сделался героем дня. По их словам — вот именно только такой язык и понятен арабам, а другого языка они не желают понимать.

Помню также, как однажды под вечер около самого лагеря двое арабов, один из них с бляхой полицейского вокруг шеи, намеревались облапошить малышей при купле-продаже. Моментально явились старшие кадеты, прилепили арабов к пальмам и разделали под орех. В тот же вечер помню огни на шоссе — это приезжали английские офицеры разбирать инцидент. Чем он окончился — не знаю. Но помню, что обоих арабов отправили в тюремный госпиталь. Предполагаю, что

у нашего генерала могли тогда быть крупные неприятности с англичанами.

Чуть ли не на следующий же день по прибытии в измаильский лагерь, несмотря на всякие проволочки, вроде выдачи обмундирования, устройства палаток и прочего, мы уже кое-как начали заниматься. А немного погодя занятия вошли в нормальную колею. Одним из пионеров дела просвещения был упомянутый уже мной хорунжий Чеботарев. Ему удалось упросить капитана «Саратова» уступить корпусу громадные рулоны типографской бумаги, почему-то сложенные в трюмах. Из этого были нарезаны и сшиты тетрадки и блокноты. Но еще в самом начале, когда никаких тетрадок не было и в помине, Чеботарев стал обучать нас английскому по своему, довольно странному, но, как оказалось, эффективному методу. Он рассадил нас вдоль корпусной линейки с палочками в руках. Да, да, с самыми обыкновенными прутиками и палочками, а у кого не было — тот работал пятерней. Он диктовал нам английские слова, мы записывали их на песке и заучивали с ним произношение этих слов. Когда это было уже достаточно вбито в наши головы, мы должны были разровнять песок и писать на нем новые слова и т. д., и т. д. Так постепенно мы продвигались вперед и ни на что не жаловались. С гордостью вспоминаю, что от своего учителя я получил тогда маленькую книжечку в синем коленкоровом переплете — Евангелие на английском. На первой странице стояла надпись: «Юному инструктору...» А весь мой инструктаж заключался в том, что, получив зачатки английского из дому, я как-то старался помочь соседям, вот и все. Конечно, это была незаслуженная награда в то время, но именно благодаря ей я особенно приналег на язык, стараясь его усвоить. Запоздалое спасибо ему, в то время юному хорунжему Донской гвардейской батареи, а теперь заслуженному профессору на пенсии и ученому консультанту нескольких университетов — спасибо за его искреннее рвение!

Через некоторое время мы распрощались с нашим «университетом под открытым небом», и занятия продолжались уже в тростниковых бараках. Наши занятия носили случайный характер, так как нам зачастую преподавали люди лишь из доброго желания помочь молодежи, но вовсе не по профессии. Стройная педагогическая система Новочеркасска была в корень развалена — Гражданская война и тиф покосили часть педагогического персонала.

За палатками 3-й сотни в конце лагеря простиралось обширное поле, где раньше стояли не то сипаи, не то турки. Нам оно послужило футбольным полем, плацем для строевых занятий и для гимнастических упражнений, в частности для вольных движений, бега и т. д. Рядом с

полем были установлены снаряды: турники, шведская лестница и параллельные брусья. Были ли там кольца — не помню. А в центре лагеря воздвигли громадную палатку-маркизу, которую нам пожертвовали американцы; там устраивались различные игры в меньшем масштабе, как, например, настольный теннис (пинг-понг), там же висели пробковые щиты для метания стрел, набрасывания кольца на крючки и всякие другие игры.

Утром пела труба: «Это вам не дома, это вам не дома! Да, вставай, вставай!» — и мы бежали в строю на Суэцкий канал купаться. После этого обычно бег по плацу и купание в душевой. Душевая была устроена в длинном тростниковом бараке между шоссе и второй сотней.

Сейчас же после этого, вне строя, шли в столовую на завтрак. Через полчаса после завтрака — утренние занятия и затем обычные уроки. Не могу сказать, чтобы жара особенно способствовала настроению учиться. Опять тянуло купаться, а Суэцкий канал был так близко!.. Трудно было иногда устоять перед искушением, и сознаюсь в том, что мы проделывали в тростнике дырку в районе «камчатки» и благополучно подчас улепетывали на канал. А там было раздолье. Нигде больше не пришлось мне видеть такой чистый зернистый песок и такую голубую прозрачную воду — даже Адриатика в Сплите не то. А сколько переживаний, когда показывается впереди океанский пароход и ты плывешь в его направлении, а затем вдоль борта — только гляди в оба, чтобы под винт не затянуло! С палубы нарядная публика, от вида которой мы в беженской жизни уже поотвыкли, швыряет в воду монетки в полной уверенности, что мы — арабчата. Экзотика, одним словом. А мы эту экзотику и даем им на все сто процентов. Небольшая подробность, может быть, и смущала несколько дам на палубах, но мы об этом тогда не думали. Дело в том, что в комплект военного обмундирования никакие трусики для купания не входили, так что купались мы нагишом. Но кто с арабчат спросит? Весело было и страшновато немного — а вдруг под винт все же затянет? Любовались летучей рыбой и, конечно, милыми дельфинами, сопровождавшими каждое судно. Или же, переплыв канал, мы брели куда-то к каким-то старым траншеям, где находили старые гильзы. Как потом выяснилось, здесь происходили бои в 80-х годах, в период знаменитого восстания Махди и Араби-паши. Если небо ясное, можно было полюбоваться возвышающимся вдали Синаем. Но надо спешить на следующий урок или же, может быть, уже на обед или ужин. У каждого в палатке был свой столовый прибор — миска, нож, ложка, вилка. В столовой ты их не оставляешь, моешь и забираешь с собой в палатку. Чудаки вроде меня мыли не водой, а песком и уверяли, что так чище, а на самом деле лень было

бежать к кранам. В столовой, в голове каждого стола — старший, наблюдающий за порядком. Обед сытный, хотя, пожалуй, и слишком однообразный. Повар дальше котлет не шел, да и был ли он поваром раньше? Зато котлеты были в добрую тарелку — размера устрашающего! Перед этим, конечно, суп, а к котлетам либо рис, либо картофель. К столу подавались также «пикули», т. е. разные маринады, в горчице или в уксусе. Хлеба достаточно, а к ужину давали еще довольно большой треугольник сыра и порядочную порцию варенья. Но разве можно было нас насытить? После недоедания, да и вследствие возраста, никогда ничего не хватало. Помню, даже и после такого угощения малыши все равно рыщут в поисках пищи — нельзя ли где-нибудь чем-нибудь поживиться. Логика подсказывает — если лазейку в тростниковом бараке можно проделать изнутри, чтобы «драпать» на канал, следовательно, можно и снаружи внутрь. А раз продуктовый склад из тростника — то в чем же дело? Совесть подсказывает, что это нехорошо, воровство, а желудок иногда побеждает, да и много ли, в сущности, нам нужно? Ну, мучицы там горсточки три-четыре, сахарку... Лепешки ведь будем делать? Сала у нас хватает, ну и айда, ребятки, в пустыню, подальше от лагеря. Раскладывается костер, появились уже откуда-то и таганок, и сковородочка — эх, все у казачков найдется, абы здоровье было! И какой-нибудь Федька Басакин или Чернов такие вам не то пышки, не то оладьи спроворит, что диву даешься!

А пустыня заманивает и без пышек и костра. Много в ней интересного. Ты вот смотришь — песок да песок, и нет, кажется, в ней больше ничего. А ты погляди хотя бы, какие камешки в этом песке можно отыскать — многие составляли себе коллекции невиданных мной дотоле камней — разноцветных, самой причудливой формы, просто загляденье! Тут же и раковины морские — значит, когда-то здесь море было.

А если на рассвете выбраться на соседнюю с лагерем дюну, прилечь смирненько и следить за всем, что делается вокруг — обязательно увидишь шакалиху-мать, как она из норы вылезает и за пищей для своих детенышей куда-то тянется. Это ведь она сегодня ночью завывала, не то смеялась, не то плакала, вроде гиены. Ты только нишкни, не торопись, дай ей подальше отойти. А тогда — не зевай, бегом к норе и — шасть туда рукой. И обязательно шакаленка вытянешь, если не растяпа и не трус. А теперь в лагерь и где-нибудь раздобудь молочка сгущенного. Сгущенное молоко если разбавить — так это для них самая распрекрасная пища. А подрастет, привыкнет — чем тебе не собака? И жили так у нас в палатках — где щенята, а где шакалята. А потом вместе, дружной семьей, лаяли и подвывали на своих

же и не своих, а те — выстраивались под луной на ближней дюне и задавали концерты.

Вечерком, после того как трубач протрубит зорю и дежурные кадеты, а за ними и дежурный офицер обойдут лагерь, приговаривая: «Тушить огни, прекращать разговоры!» — так приятно бывает собраться тесным кружком где-нибудь у приятелей, у Кирюшки Ляхова или у Павлика Крипакова, и слушать чей-то рассказ о мумии фараона, явившейся ученому во сне. «...Отдай мне мою руку!» — замогильным голосом хрипит рассказчик. Интересно и жутковато немного. Мы уже вылезли из палатки и, завернувшись в одеяла, слегка дрожим от холода — ночи-то холодные. Вот теперь надо отбросить верхний слой песка и врыться поглубже — там за день прогрелось, как на русской печке Вот ведь и холодновато как будто, а уходить не хочется — рассказ о руке будет продолжаться еще долго...

Или перед вечерней зарей собираемся группой, и кто-нибудь заводит старую «служивскую», еще суворовских времен. <...>

«Ведет» Голубинцев, наш лагерный «соловей». Вторит, может быть, Павлик Крипаков, Федька дает баса — ох и хорошо же, славно поют степные волчата! А в глазах, не по-детски серьезных, пролегла грусть. Вспоминают они, когда песню «играют», и Тихий свой Дон, и Кубань вольную-раздольную, и Терек бурный, и степи Оренбургские, и вообще все далекие теперь казачьи земли... Вот это-то и есть исконная русская песня! Не поднемеченная, не подфранцуженная, непричесанная, неприглаженная... Какой принес ее беглец в степи, в Поле Дикое, такой ее степь и сохранила, никакому чужаку и притронуться не позволила. Вот тут и ищи старых песен, напевов и древних, что не только при батюшке Александре Васильевиче Суворове, а бери поглубже — может, и при царе Алексее Михайловиче Русь певала... Да и сама степь — разве же она молчала? Отозвалась и она гулким эхом, и из груди ее полились ее собственные напевы, вскормленные вольными ветрами и Свободой. И нужно было несколько веков, чтобы разлилась эта песня по всему миру, чтобы заполнила души басурманские, чтобы расплавила медные сердца суровых тевтонов, чтобы начала вырывать слезу за слезой из глаз невозмутимых англосаксов...

Или вот забредет к «сугубцам» их вице-урядник. Старше их он лет на семь, на восемь. Заглядывает просто так, «для порядку», а там и останется с ними надолго; начнет рассказывать — почему, например, мы гордиться должны своим именем казачьим. И пойдет, и пойдет... И Туретчина тебе тут, и Азов, и «тот погибельный Кавказ», и о чем ни заговорит, тут и песней поясняет, ежели сам голосистый, и словно картину пишет. А волчата учатся да подтягивают несмело. А сверху на

них смотрит то же небо, что и дома, тот же Ковш перевернутый, тот же Батыев Шлях. Они, может, и ярче здесь даже. А все не то. Степи-то — далеко-далеко отсюда!

Вспоминаются густые лиловые сумерки. На линейке необычное оживление. С одной стороны — кадеты 1-й сотни, там 2-я, а мы отдельно, еще дальше. Было это по случаю приезда каких-то высоких гостей. Идет соревнование в пении между сотнями. Мы пыжимся изо всех сил, помогает нам и кто-то из наших вице-урядников, кажется — С. Похлебин, что ли. Потом вступает 2-я сотня, а все завершает мощный хор первой. Много пели, и грустных, и залихватских. В конце «Много лет Войску Донскому» переходит в бурное «Славьтесь, славьтесь, казаки-удальцы природы!». В тот вечер и мы заработали немало горячих аплодисментов и «утешительный» приз — груду апельсинов. Ну где же нам было тягаться со старшими! Но веселые и возбужденные мы расходились по палаткам и в этот вечер долго не могли уснуть. Песни оживили воспоминания, всюду были слышны рассказы о родных хуторах и станицах, и никто не пытался гасить это пламя сухим приказанием: «Тушить огни, прекращать разговоры!» Чуткое было у нас начальство — небось и самих разобрало!

За время пребывания в Египте большая часть кадет побывала в Каире. Покатались на верблюдах, снимались группой в горделивых позах на пирамидах и около сфинкса. В Каире осматривали знаменитый музей с десятками мумий и также громадный Эль-Азхар, мусульманский университет.

Ездили и в Палестину, в Иерусалим. В этой поездке принимал участие главным образом кадетский хор. Им управлял прозванный впоследствии Сарацином Н. Верушкин, способный, серьезный регент. Хору выпала редкая честь — петь литургию в храме Гроба Господня. По приезде малышей разместили, насколько помню, в женском монастыре на Елеонской горе. Перед отъездом почти каждый из них получил от русских монашек по подарку, главным образом вышитые гладью самими монашками думки. Для монашек это было большое событие — снова услышать родную русскую речь. Не помню, где размещались старшие кадеты. На литургию хор несколько опоздал и должен был начинать с «Херувимской». А до прихода кадет на левом клиросе отчаянно завывали греки. Служил сам патриарх Иерусалимский в сослужении с несколькими митрополитами и архиепископами. Кадетский хор был уже готов вступить с «Херувимской», но снова взвыли греки на левом. И вот тогда, в полной тишине, нарушаемой только их воплями, раздался громкий полушепот, как говорили, самого патриарха, обращенный к левому клиросу, и почему-то на анг-

лийском: «Шат ап!» — то есть «Заткнитесь!». Наш хор запел «Херувимскую». После службы патриарх отколол от Гроба Господня кусочек специальным золотым молоточком и преподнес это представителю нашего корпуса, с тем чтобы это было вложено в основание иконы. Впоследствии этот образ Воскресения Христова был передан 2-му Донскому кадетскому корпусу, перенявшему и наше шефство, и всегда находился в центре храма на аналое.

Помню, как по какому-то случаю в лагере была устроена выставка предметов кадетского «производства». Тут были и мастерски исполненные географические карты, и шахматы, вытесанные из местного мелового камня, и много рисунков, картин, деревянной посуды — чего тут только не было! Особенно, помню, отличалась тогда 2-я сотня.

Работал и театральный кружок, созданный старшими кадетами. Особенно запомнилась постановка «Романтиков» Ростана. Как странно, что многие из нас, малышей, жадно впитывали, хватали на лету и на всю жизнь запомнили многие строки этой пьесы.

И в тот же самый вечер в театральном бараке — чтение стихов. При гробовом молчании кадет, в длинном тростниковом бараке, под небом сирийской пустыни, полились звучные рифмы и чеканный русский язык: Лермонтов, Пушкин, Тютчев. А потом перешли к современному, к тому, что теперь мы называем Серебряным веком русской поэзии: Блок, Ахматова... Но среди блесток и жемчужин вдруг резким диссонансом, дошедшим до нас, несмышленышей, ворвалось брюсовское: «Каменщик, каменщик в фартуке белом...»

Во время чтения этих стихов кадетом раздались недовольные замечания, потом шиканье, свистки и, наконец, требование прекратить эту «пропаганду». Кричали с мест: «Долой декадентщину — мы из-за нее здесь сидим!» — и еще что-то в этом роде. Этим, кажется, вечер и закончился. Негодование вылилось не только на автора, но и на кадета, читавшего эти стихи, совсем уж незаслуженно. Я вот упомянул о диссонансе, «дошедшем и до малышей». Да, несмотря на возраст, даже мы распознали в этих строках что-то похожее на то, что каждый почти слыхал где-то из уст агитаторов. Мы не знали, конечно, ни кто такой Брюсов, ни того, что этот Брюсов — член ВКПБ с 1919 года, и не могли предполагать, что через 2 года его пятидесятилетие будет отмечено вручением ему грамоты от «рабоче-крестьянского» правительства. Но вот нюх и тогда был безошибочный, и я с гордостью вспоминаю это теперь, смотря на девиз нашего корпуса: «Верны заветам старины!»

Почти все свободное от занятий и купания время кадеты занимались спортом. Вспоминается мне один из наших гимнастических праз-

дников. Его устраивали на футбольном поле. Съехалось много гостей — англичане, французы, итальянцы и греки. Надо заметить, что администрация Суэцкого канала почти сплошь состояла из французов и только отчасти из итальянцев. Вот они-то и посетили теперь наш праздник. Стоявшие поблизости полки прислали делегации, а шотландцы — свой оркестр волынщиков. Был и у нас свой хор трубачей, особенно обогатившийся духовыми инструментами, полученными в подарок от Морского корпуса, который приблизительно в это время был расформирован. Шотландцы перед началом празднества прошли по полю церемониальным маршем. Не забыть величественного тамбурмажора в леопардовой шкуре с раззолоченным жезлом, белые гетры и юбочки, непривычные для уха звуки волынки и непревзойденных виртуозов-барабанщиков. Как ловко они подбрасывали палочки высоко в воздух и ловили их, в тот же момент опуская их градом на кожу барабана и рассылая в воздух пулеметные очереди... Незабываемое зрелище! Затем следовали кадетские вольные движения всем корпусом, а потом только старшими кадетами — как все это было красиво и четко! Вольные движения выполнялись под наш оркестр, и я до сих пор помню мелодию — да разве можно забыть все то, что связано с жизнью родного корпуса? Затем последовала работа кадет на снарядах — мускулы, казалось, не участвовали в ней, настолько она была плавная и невесомая. Здесь же около снарядов гости стреножили своих коней или же дали малышам подержать их, и какое это было для маленьких степняков счастье! Степняки жались к коням и интересовались ими, пожалуй, больше, чем тем, что происходило на поле.

Самым популярным видом спорта у нас был футбол. «Гоняли» мяч буквально все и чуть ли не всегда, даже идя в класс. Самые крохотные (был у нас и приготовительный класс из Донского пансиона) гоняли всякое подобие мяча, сооружая его из тряпок. А приехали кадеты, имея довольно слабое понятие о футболе. Дело в том, что в Новочеркасске хотя и играли, но мало. В общем, скажем — приехали неучами. Первыми учителями оказались игроки из бурмийского полка и еще какие-то индусы. Те никаких «бутсов» не признавали и босиком били мяч зверски, страшно становилось. Постепенно с ними и на них тренировались наши кадеты. Вначале, конечно, учителя избивали наших футболистов как хотели, гол за голом, позор за позором. Но время шло, и подошел, наконец, момент, когда ученики почувствовали в себе силенки. А в это время случилось так, что английский суперинтендант лагеря, мистер Крэгг, начал спорить с кадетами, что им никогда не победить бурмийцев. Держали пари на хороший обед, чуть ли не с шампанским, и наши выиграли. А выиграть было нелегко. Нападение

бурмийцев было стремительным, они вырывались вдруг вперед с дикими криками: «Бурма!» — и никакая натренированная пассовка вначале не помогала. Как жаль их было потом: они плакали как дети. Мистер Крэгг сдержал слово и угостил нашу команду обедом, а бурмийцам, с чисто британской колониальной снисходительностью, выдал по плитке шоколада. После этого наша команда начала играть со всеми командами в округе и, как ни странно, лупить их. Задранные было носы, однако, пришлось потом опустить, когда приехала команда английских королевских летчиков — те всыпали 11:0. Это не умерило пыл у наших, и они потом ездили сражаться со всеми арабскими хорошими командами в Каире. Результатов не помню. Официальных команд у нас было три. Первая в фуфайках георгиевских цветов, остальных не помню. Была еще команда, составленная, между прочим, из очень неплохих игроков — они называли себя «командой непризнанных талантов». В первой команде были «звезды». Орлом летал правый край Тулаев, чуть ли не перепрыгивавший с разгона через голову летящего на него противника. В форвардах классически-спокойно водили мяч Маукевич и красавец Коля Ляшенко. Зверски, жестоко, хотя и наружно-спокойно бил мяч Герштенцвейг. Изящно играл «Вячка» Алимов.

С футболом у всех нас связано и неприятное воспоминание, закончившееся почти трагично. Как-то в шутку наш директор решил сколотить команду из воспитателей. Забавно, что служащих военно-учебного персонала у нас всегда называли «зверьми» или «лавочкой». Итак, «звери» решили выступить против кадет. Голкипером стал сам директор. Все шло хорошо и весело, смеху было достаточно. Помню, что один из «беков», в защите, стоял неповоротливый с виду и очень полный войсковой старшина Хмарин, проявивший неожиданную легкость и проворство в игре. И вот случилось так, что мяч попал к одному из наших «опасных» игроков, и тот, позабывшись и не рассчитав силы удара, влепил невероятно сильный мяч прямо в живот директору. Генерал упал, его сразу же увезли в госпиталь. Не помню уже, оперировали ли его, или нет, во всяком случае, ему пришлось долго пролежать в госпитале. Больше уже «звери» с кадетами в футбол не играли. А что должен был переживать тот кадет, который случайно позабыл, с кем играет!

Помню еще один случай в связи с футболом. Это было недоразумение на почве нашего слабого знания языка. В то время мы, конечно, были убеждены в своей правоте и в том, что противник нас старается надуть. Дело в том, что по воскресным дням мы часто ходили в Измаилию, на футбольное поле, где состязались греческие, французские и арабские команды. В один прекрасный день подошел к нам какой-то

грек и предложил, чтобы в следующее воскресенье наши «бойс» сыграли против греческих «бойс». Мы это поняли по словарику — то есть как предложение нашим мальчикам, малышам сыграть против греческих малышей. В следующее воскресенье мы выставили на поле команду чуть ли не моего класса и спокойно ждали появления таких же карапузов. Каково же было наше изумление, когда на поле прибыли здоровые парни с версту ростом и почти бородачи! Откуда мы могли знать тогда, что слово «бойс» означает также и «парней», «ребят»? Возмущению нашему не было тогда границ. Мы волновались, орали и обвиняли бедных греков в том, что они хотели нас обмануть. Помню, как кто-то особенно бесновался и, не думая, понимают ли его греки, или нет, вопил: «Сказано было бойс, значит, и должны были прислать своих бойсов!» Со свистом и улюлюканьем греки были изгнаны малышами с поля. Теперь, оглядываясь на прошлое, стыдно, что мы так осрамились в отношении знания языка.

Всем, или почти всем, пришлось переболеть в Египте «куриной слепотой» или чем-то вроде этого. Поговаривали, что это — отголосок самума, бушевавшего где-то далеко, в Сахаре, и принесшего сюда, как пулю на излете, поток песку, поражающего на некоторое время зрение. Не знаю — правда это или же фантазия. Во всяком случае, с наступлением темноты мы теряли способность различать окружавшие нас предметы, натыкались на колышки палаток, расквашивали себе носы и лбы и вообще выходили из строя до утра. Ночью глаза сильно гноились, так что утром приходилось их промывать какой-то пакостью. После этого долгое время мы носили специальные очки с темными стеклами и частой сеткой сбоку, защищавшей глаз. А потом зрение становилось нормальным, и никогда больше эта болезнь к нам не возвращалась.

Донимали москиты — ой, как донимали! Но нам выдали потом особые сетки, закрывавшие пологом всю кровать и подвешивавшиеся к потолку палатки. Теперь я их часто вижу в африканских фильмах и невольно вспоминаю Египет.

Вспоминается один случай, закончившийся трагически для одного из наших кадет. Изредка кадеты приглашались в дома служащих Компании Суэцкого канала. Мне, малышу, удалось только два раза побывать в одном из этих домов, и только как певчему. Старшие же кадеты приглашались, конечно, чаще. Это были обычно вечеринки, на которых выступали и хозяева, и гости, всякий, кто обладал каким-нибудь талантом. Пели, танцевали, играли на рояле. Слуги-арабы в бурнусах и чалмах разносили среди гостей прохладительные напитки. Кадетам перепадало и виски с содой, а нам, малышам, лимонады да шербеты. Нужно

сказать, что вообще с алкоголем мы познакомились гораздо позже, уже в Югославии. А тут не давали даже пива, и воспитатели за этим строго следили. Правда, мы сами делали что-то вроде настойки на финиках, запечатывали бутылки и зарывали их в песок. Получалось что-то вроде ситро, только крепче. А иногда забудешь о бутылке или же не найдешь ее, так как песок затягивает; а потом будит тебя ночью выстрел — это бутылке надоело в песке сидеть, она и вылезет, а пробка — в потолок! Но, как правило, с алкоголем мы не были знакомы. Итак, возвращаюсь к вечеринкам. На одной из них кадет Костя Греков влюбился в красивую итальянку. Костя всерьез принял весь арсенал женского кокетства — и потупленные глазки, и улыбки, и кто знает, может быть, и поцелуй украдкой. И Костя решил жениться. Но сердце его «симпатии», как называли тогда, было не то отдано другому, не то просто ей было совершенно ясно, что брак с безвестным русским беженцем ничего хорошего ей сулить не может. Во всяком случае, Косте было отказано, и он решил покончить с собой. В этом отношении в семье вообще было что-то неблагополучное, так как и его брат, и еще кто-то из членов семьи также покончили жизнь самоубийством. Чтобы привести план в исполнение, Косте надо было заполучить винтовку с боевыми патронами, а это было не просто — нужно было быть в карауле или же наказанным, в боевой. Насколько помню, Костя добился именно последнего и таким образом получил доступ к винтовке. Случилось так, что в то злосчастное утро я вышел раньше из столовой, нес чай кому-то из оставшихся в сотне. Выстрела я не слышал, как ни странно. Я видел только, как из караульной палатки выбежал кто-то, упал на песок возле часового и как кровь выходила из горла, перемешиваясь с песком, и снова, вдыхаемая, возвращалась в горло. Костя крикнул что-то вроде: «Больно, больно!» — но другие потом утверждали, что он крикнул· «Коля, Коля!», зовя своего брата, который еще раньше в России покончил с собой. Выяснилось, что он снял ботинок и пальцем ноги нажал на спуск. Через короткое время Костя был мертв Мертвецкой у нас не было, и тело положили по соседству с нашим классом, где происходил урок. Я помню, как на переменке мы влезали на скамейки и через стенку тростникового барака с ужасом разглядывали Костю. Хор трубачей и кадеты провожали несчастного друга на городское кладбище. За гробом, вся в черном, шла женская фигура — невольная виновница его смерти.

Вспоминается и еще одна печальная история, закончившаяся смертью моего же однокашника Артеменкова. Мы дразнили его Мартышкой — как-то весь заросший волосами, узколобый и длиннорукий, он и впрямь напоминал мартышку. Отличался он быстротой бега. Помню,

однажды гонялись за шакалом, забредшим в расположение лагеря, — так Мартышка был единственным, кто не только догнал его, но некоторое время даже бежал наравне с ним. Тут-то прозвище окончательно укрепилось за ним. Как-то ночью лагерь 3-й сотни был разбужен дикими воплями. Всполошились, выбежали из палаток. Из одной выбежал кадетик с окровавленной головой. На расспросы отвечал, что на него, кажется, напал с ножом араб. Раненого отправили в госпитальную палатку. Рана не похожа была на ножевую, была неглубокая и по форме напоминала треугольник. Генерал Черячукин приказал старшим кадетам залечь в следующие ночи с винтовками сразу за лагерем, близ 3-й сотни. Караулы высылались каждую ночь, но все было спокойно, и вскоре караулы сняли. А когда сняли — повторилось то же самое, в другой палатке. Теперь малыш уверял, что его укусило какое-то животное. Одним из раненых оказался наш Мартышка, а другим кадет Крюков из 3-го класса. Еще прошло некоторое время, и нападение повторилось снова. Третий кадет уверял также, что это какое-то животное. По лагерю поползли слухи о бешеной гиене. Казалось странным, что животное в состоянии бешенства может хитрить, увиливать и что до сих пор никому не удалось его увидеть. Этот слух имел некоторые основания, в чем я убедился недавно, получив письмо от своего друга, инженера Филина, бывшего в то время кадетом 2-й сотни. По выезде из Египта Аркадий Филин встретился с каким-то русским, долгие годы прожившим в Египте, и тот ему рассказал следующее: в определенное время года гиены часто рыщут, отыскивая своих пропавших, заблудившихся детенышей. Делают это они по ночам, и поэтому вполне возможно, что к нам тогда забрела гиена. Даже не будучи бешеной, она могла разносить на своих зубах бациллы бешенства. Как бы то ни было, и пострадавших, и санитаров, обмывавших им раны, всех скопом отправили в Каир, в клинику, для получения серии профилактических уколов. Но кому охота, чтобы ему в тело вгоняли иглу? В результате только часть кадет прошла через все танталовы муки, другие частично отбоярились, а Мартышка умудрился отделаться, кажется, тремя уколами. Он очень этим гордился. В описываемый мной день я был дневальным и обходил палатки, прежде чем идти на ужин. Увидел Мартышку — тот свернулся калачиком, его трясло. Я предложил ему принести ужин. Он сказал, что не прочь, если там есть что-нибудь вкусное, а от чаю отказался наотрез, даже с гадливостью поморщился. Через час его увезли в лазарет. Часов в восемь я пошел проведать его. Не знаю, узнал ли он меня, только силился что-то сказать. На губах у него была пена. Я вытирал ему пену, налил воды в стакан, поднес к его губам, но он оттолкнул мою руку, страдальчески поморщился и все вре-

мя твердил: «Хрс. . Хрс...» Почему-то я решил, что он просит дать ему крест, и, сняв свой с шеи, протянул ему. Он снова оттолкнул мою руку. А к 5 часам утра Мартышки уже не стало

С давних пор в кадетских корпусах уже не существовало порки и вообще телесного наказания. Это кануло в вечность Нас, малышей, наказывали тем, что ставили «на штраф», а старших кадет «в боевую», то есть под винтовку. Кроме того, и одних и других могли заставить выполнять какой-нибудь «наряд», работу или же, скажем, оставить без купания. Последнее было особенно ощутительным — поплавать в канале было для нас большой радостью. Других мер наказания я не помню. Но... был один случай, когда, по решению директора корпуса, дело закончилось «всенародной» экзекуцией, поркой. Все это произошло в присутствии выстроенных сотен и с чтением официального приказа. «Эшафота» не было — сняв штаны, ложись прямо на песок. Должность «палача» выполнял один из старших кадет. Вот об этом печальном случае я и расскажу сейчас.

На пищу пожаловаться было трудно, хотя способ ее приготовления изысканностью и разнообразием не отличался Всего было вдоволь, а если мы и рыскали в поисках пищи, так это потому, что в этом возрасте ты вечно голоден. Но был серьезный пробел в питании — не было свежих фруктов, витаминов. Пища была главным образом консервированная. Красный Крест добавил нам потом чашку какао с булочкой, но фруктов мы так и не получили. Правда, перед самым лагерем, на шоссе, стояла тележка «контрактора», продавца разной снеди, включая и фрукты, но для этого требовались деньги, а их не было. Недалеко от лагеря были и две рощи, апельсиновая и финиковая, но они хорошо охранялись.

Здесь расхаживали суданские негры-гиганты, с кривыми ножами у пояса и со зверскими рожами А после того как один из малышей вернулся в лагерь с прорезанной чуть ли не насквозь ладонью — всякая охота производить набеги на рощи пропала.

Читатель поймет, какие чувства испытали малыши, узрев однажды на горизонте караван верблюдов, груженных мешками с апельсинами. Слово «апельсины» взбудоражило всех, и кто-то из Разиных подал команду: «Сарынь на кичку! Строй лаву, пики к бою!» Лава понеслась навстречу каравану. Погонщики не успели сообразить, в чем дело, а верблюдам было наплевать, даже еще лучше, если груза будет поменьше. Разины вернулись с богатым «дуваном». Наконец, вожаки каравана подняли вой и сейчас же пожаловались корпусным властям.

Директор наш был человеком решительным, половинных мер не признавал и казачьей стариной интересовался по книгам. Достопамят-

ным результатом нашего удалого набега и была упомянутая экзекуция. Так как пороть человек сорок было бы просто не под силу, директор решил выпороть четырех — имена же их, Ты, Господи, веси, — и так как желающих на должность палача не было, назначил своей директорской властью. Экзекуция была жестокой. Порка была как следует, но к чести Пугачевых надо сказать, что никто не издал ни звука. Вспоминаю, что старшие кадеты, а в особенности корпусное «традиционное» начальство, то есть выбранный кадетами «атаман» Шляхтин — были крайне возмущены примененной к малышам мерой наказания. Главным образом, все были обозлены на участие в порке старшего кадета, вице-урядника К. Среди малышей потом ходили слухи, что «атаман» устроил К. жесточайший разнос, вызвав его за лагерь в расположение кухни. Так закончился наш не совсем удачный набег, и в нашем отношении к директору появилась тогда некоторая трещина. Нам казалось, что с нами поступлено было слишком строго. Мы могли ожидать чего угодно — штрафа, ареста, нарядов, дневальств-дежурств, но никак не телесного наказания, унижающего человеческое достоинство. Да мы и не сознавали всей тяжести проступка, приравнивая это к обычным набегам на домашние бахчи и огороды у себя дома. Надеюсь, что следующие поколения, прочитав эти строки, примут во внимание все обстоятельства и условия жизни, в которых проходило наше... не скажу «детство» — потому что нас обворовала Судьба, лишив нас нашего детства. Пусть не судят нас слишком строго за наш поступок.

С арабским населением контакта у нас не было, если не считать Айята. С любовью вспоминаю этого араба-христианина лет шестнадцати, который доверчиво тянулся к нам, кадетам. Он чуть не каждый день появлялся вблизи лагеря, усаживался на берегу Крокодильего озера, вынимал из халата засаленное Евангелие на арабском языке и пытался разговаривать с кадетами на религиозные темы. Он немного лопотал по-английски, а мы пересыпали свою речь арабскими и английскими словами и, как ни странно, как-то объяснялись, и Айят оставался доволен.

Вообще же арабы избегали появляться около лагеря, в особенности после того, как наш генерал так решительно разделался с целым кварталом скупщиков краденого. Невдалеке от лагеря, по ту сторону небольшого искусственного канальчика, впадавшего в Крокодилье озеро, стоял какой-то завод. Арабы, работавшие там, не могли позабыть того, что приключилось с их собратьями, а может быть, даже и родственниками. При встрече с кадетами они бросали злобные взгляды, а малышей осыпали отборными ругательствами, в которых и мы от них не отставали, в совершенстве постигнув эту науку на трех язы-

ках. Перебранка бывала виртуозной. К чести малышей надо сказать, что они никогда в долгу не оставались, и если желаешь драться — то пожалуйста! Малыши в таком случае отступали на дюну, что лежала за лагерем, и начинался бой. Со стороны арабов летели гайки, которых около завода было великое множество, а казачата возвращали эти же гайки по назначению. Противник почти всегда отходил с уроном, несмотря на значительный перевес в силах и, главное, в возрасте. Однажды «сражение» затянулось настолько, что вся третья сотня не явилась на ужин, и тогда пришлось послать старших кадет на подмогу и на разгон своих же.

Больше всего контакт поддерживался с местной французской колонией — служащими администрации канала. Милейшая пара — супруги Лашиш вызвались добровольно преподавать французский язык, и их предложение было принято с глубокой благодарностью. Госпожа Лашиш преподавала французский до самого нашего отъезда и пользовалась большим уважением и любовью в среде кадет. Слабый контакт был и с местной греческой колонией. Это выразилось в взаимном посещении церквей — мы несколько раз пели в греческой церкви и, кроме этого, бывали на их празднествах. Для этого наш хор специально разучил тогдашний греческий гимн.

Изредка ходили в городское кино. Шли строем, должны были быть одетыми по форме, надраивали до блеска пуговицы мундиров. Картины были фактически одной и той же серией, под названием «Сэ ла ви э сэ ла мор». Кроме того, что-нибудь сильно-комическое и затем неизменный Шарпантье. И в то время это увлекало и нравилось.

Хочется отметить и маневры, устраиваемые по инициативе нашего директора. В общем это были так называемые военные игры, но мы, малыши, любили называть это маневрами, это больше импонировало. Особенно запомнились одни такие «маневры», в которых и мы принимали участие. Они начались рано утром и закончились поздно вечером. На командном пункте вместе с генералом Черячукиным, хорунжим Чеботаревым и другими корпусными офицерами были и английские офицеры из соседних полков. В тот день директор был на прекрасном коне в сопровождении двух вестовых, красавцев индусов в великолепных тюрбанах. Я могу рассказать только о том, в чем мы принимали участие. Задачей 3-й сотне было поставлено — захватить лагерь противника, то есть наш собственный. Малыши предлагали просто налететь лавой, но высшее командование на наше лихое предложение внимания не обратило. Предварительно все сотни были выведены из лагеря, и 1-я сотня заняла «позиции» в сторону предполагаемого противника. Нами командовали вице-урядни-

ки Данилов и Похлебин — мы были разбиты на два отряда. Прежде чем захватить лагерь, надо было «взорвать железную дорогу», что и было, конечно, «блестяще выполнено», а потом, когда уже смеркалось, мы под командой Похлебина направились в обход, чтобы захватить лагерь не с той стороны, откуда нас ожидали, а с противоположной. Для этого наш командир повел нас через искусственный канальчик и затем вброд через Крокодилье озеро. Переходили при лунном свете. Возбуждение среди малышей было предельное — мы переживали эти маневры как настоящую войну. Перейдя озеро, пришлось по песчаной косе пробираться к берегу, и затем мы победоносно ворвались в пустой лагерь. Нам не хотелось верить, что все это заранее известно и предопределено командованием, — слишком горды мы были своей победой. Весь «успех» мы приписывали необычайной сметке нашего лихого вице-урядника Похлебина. Пережитого за день возбуждения было более чем достаточно, и нас отправили на боковую в то время, как старшие сотни остались на разборе задания и его выполнения.

Часто я задавал себе вопрос — а любили ли мы нашего директора? Твердо знаю, что прежнего — генерала Чеботарева, умершего от тифа в Новороссийске, — мы искренно любили. В случае же генерала Черячукина я на этот вопрос сразу, пожалуй, даже ответить не могу. Чувство было довольно сложного порядка. Прежде всего мы, малыши, его побаивались и старались избегать с ним встречи, так как за малейшую провинность он имел обычай угрожать нам своей суковатой палкой, крича, что разделается с нами «историческим костылем». Упоминание этого «костыля» без фактического его применения наводит на мысль, что эта угроза была скорее шутливого характера. Как относились к нему наши старшие кадеты — не знаю. Но все мы, безусловно, восхищались его неукротимой энергией и решительностью. Он всегда помнил, что он офицер русской армии, и требовал по отношению к себе уважения. Случалось, что он намеренно подчеркивал свое звание в присутствии иностранных офицеров, которые уже были не прочь относиться к русским изгнанникам с известной снисходительностью. Этого генерал не прощал и всегда ставил таких господ на свое место. Особенно это было заметно в последние дни нашего пребывания в Египте, когда уже становилось ясным, что англичане не желают больше содержать корпус. Заметно это было и ранее, когда ему на голову сажали какое-то гражданское полуначальство, в виде разных «суперинтендантов» и заведующих. Об этом я расскажу позже — и на этот раз не то, что известно мне лично, а на основании рассказа лично посвященного в эти дела адъютанта корпуса, хорунжего Чеботарева. Он служил и

переводчиком, и кому как не ему знать об этом во всех подробностях, а их он изложил в своей книге «Россия — моя Родина», чем я, с его любезного разрешения, и воспользуюсь. Теперь же, следуя эпиграфу «Не помня зла, за благо воздадим», вернусь к нашему директору. Был он, безусловно, строг; может быть, в случае нашей «экзекуции» и перегнул палку, но знаем также, что искренно заботился о нас, а о своих личных выгодах думал мало, что и доказал своим поведением до самой смерти. Из воспоминаний профессора Чеботарева следует, что генерал Конгрив, Командующий британскими войсками в Египте, очень благосклонно относившийся к русским, находился тем не менее в крайне затруднительном положении — с одной стороны, ему не хотелось ставить русского генерала в неудобное положение при разных конфликтах с местными и английскими властями, так как все эти лица, и гражданские и военные, были младше генерала Черячукина по положению и званию. С другой стороны, британские войска стояли в Египте уже только одной ногой, переложив значительную часть административных дел на египетскую администрацию. В то же время они все еще несли ответственность за все поступки нашего корпусного начальства. Поэтому разбор жалоб, поступавших в связи с энергичными мерами нашего генерала, как, например, в случае со скупщиками обмундирования, был для генерала Конгрива очень щекотливым делом. И тут, на перепутье, ему явился шестикрылый серафим во образе английского пастора и представителя англо-русского Красного Креста г-на Роланда Крэгга. Генерал Конгрив убедил Крэгга обосноваться в нашем лагере, переняв на себя ответственность за корпус с тем, однако, чтобы не вмешиваться во внутренние дела корпуса. Крэгг, очень интересовавшийся русским вопросом и когда-то ездивший в Россию в составе духовной миссии по вопросу соединения Англиканской и Русской православной церквей, согласился на это предложение и переехал в наш лагерь, открыв в нем свою канцелярию. Наш лагерь был переименован в Русский школьный лагерь, а мистер Крэгг взял на себя обязанности суперинтенданта. В очень скором времени между ним и генералом Черячукиным начались трения. Хорунжий Чеботарев старался уладить это и предлагал компромиссные решения, но обе стороны, как говорится, лезли на рожон и отклоняли его предложения. Дошло до того, что в конце концов хорунжий сложил с себя звание адъютанта, согласившись остаться только переводчиком и преподавателем английского языка.

Вскоре положение осложнилось с прибытием нового действующего лица — священника и представителя Общества христианской молодежи, американца Артура Симмонса. Судя по словам профессора Чеботарева, именно благодаря стараниям Симмонса и его жены, мы

получили ту громадную палатку для комнатных спортивных игр, о которой я рассказывал. Кадеты от этой «маркизы» были в восторге и проводили там много свободного времени, играя в пинг-понг и другие игры. Этот подарок сыграл большую роль в популярности супругов Симмонс среди кадет, и в то же время это расхолодило отношения Симмонса с Крэггом. Тот чувствовал в этом большое несоответствие — то, что давалось англичанами каждый день, то есть довольствие, обмундирование, палатки, содержание всего огромного лагеря (было нас около 450 человек) — все это, казалось, не вызывало такого энтузиазма среди кадет, как злосчастная маркиза, сразу завоевавшая их сердца. Обмен мнениями между Симмонсом и Крэггом был не особенно дружеским, вследствие чего Симмонс решил покинуть лагерь и вернуться в США.

Но еще до его отъезда произошел любопытный случай. Через Симмонса время от времени приглашались в лагерь профессора и лекторы, которых посылало Общество христианской молодежи в Каире. Среди них оказался и баптистский проповедник, только что возвратившийся из Китая, фанатик своего дела. В самом начале лекции Симмонс чувствовал себя крайне неловко, опасаясь, что баптист может нехотя оскорбить религиозные чувства русской молодежи. Но к счастью, лекция проводилась на английском языке, а единственными, кто знал этот язык, были сам Симмонс, полковник Невядомский и хорунжий Чеботарев. Переводчик, хорунжий Чеботарев, заверил Симмонса, что сделает все от него зависящее, чтобы лекция прошла гладко. И он остался верным своему обещанию. Баптист рассказывал между прочим о русской девушке, которая с готовностью отказалась от своей веры, как только услыхала проповеди баптистов. Симмонс уже поднимался со своего места, чтобы прервать лектора и предотвратить неминуемый скандал. Но полковник Невядомский удержал его за рукав и предложил выслушать перевод речи. А хорунжий спокойно перевел: «Несмотря на все ухищрения проповедников, русская девушка не отреклась от своей православной веры...» Кадеты бешено рукоплескали, директор улыбался, а проповедник был счастлив — наконец-то где-то его слова достигали своей цели... Закончил он свою проповедь словами: «Отбросьте веру отцов, присоединяйтесь к нам!» Не моргнув глазом хорунжий перевел: «Будьте стойки — никогда и ни за что не изменяйте вере своих отцов!» Гремели рукоплескания — такого успеха проповедник, конечно, не мог ожидать. После лекции полковник Невядомский объяснил мистеру Симмонсу, что вся эта комедия была совершенно необходима. Не будь этого — в лучшем случае проповедник был бы препровожден за черту лагеря под усиленным конвоем — донцы бы его

поколотили, и как! Выслушав доводы полковника, Симмонс был вынужден признать, что переводчик сумел найти блестящий выход из крайне затруднительного положения, и от всей души поблагодарил хорунжего за эту услугу.

Рокочет, разливается песня над лагерем, доносясь из расположения первой сотни:

Ах ты батюшка наш, славный тихий Дон!
Ты кормилец наш, Дон Иванович!
О тебе лежит слава добрая — да эй!
Слава добрая, речь пригожая .

Как странно слышать это на берегу Крокодильего озера и в ста метрах от Суэцкого канала...

Что ж теперь, ты наш Дон, не быстер текешь?
Помутился Дон сверху донизу
Помутился Дон да все до устьица,
Да до города до Черкасского .

А над ухом бубнит кто-то из соседней палатки: «Слышь, Колька, ты вовремя просыпайся, а то без тебя уйдем!» Это «рыбачья ватага» в дело собирается, а вставать придется чуть ли не в половине четвертого, когда сон самый сладкий! И снова гудит-течет, смешиваясь с плеском чужих, равнодушных волн:

Возмутился Тихай Дон да донской казак,
Свет Игнатьюшка да Иванович
Уж он пишет скорую грамотку —
Не пером он ведеть, не чернилою,
Жгеть Некраса слязою горючею
К князю-графу да Долгорукому ..

«А ну, туши огни, прекращай разговоры!» И лагерь понемногу погружается в сон. Только равномерные удары по воде — это арабский рыбак глушит рыбу. Ну, нам не помешает — мы в канальчике будем ловить, гораздо правее отсюда. И вот, кажется, не успел ты сомкнуть глаз, а бисова дитина Чернов уже будит. Еще светит луна, а мы, человек двадцать — вот это по старинке и есть «ватага», — шагаем из лагеря. Располагаемся вдоль канальчика. Мне самая что ни на есть последняя роль — бегать от одного к другому, подхватывать да насаживать рыбу на кукан. А то ведь — городское дитя, — ну где ж ему поручишь что-либо путное делать! Авось хоть это-то сумеешь! Сумел, насаживаю. А настоящие степнячки — те в этом деле с самого детства поднаторели. Дергают себе раз за разом, только принимай!

Помнится, как-то на одной из перемен между уроками из портняжной мастерской, что была расположена около нашего классного барака, вышел урядник Персидсков и позвал малышей помочь ему разложить на песке для проветривания старое обмундирование. Он вынимал его из громадных продолговатых ящиков и передавал его нам, а мы несли к кухне, где и раскладывали его. Сначала мы это делали с неохотой. Оказалось, что это какие-то чекмени и мундиры. А через несколько минут нас буквально нельзя было от этой работы оторвать. Рассмотрев обмундирование, мы вдруг увидели, что оно времен Отечественной войны 1812 года. На подкладках чекменей и мундиров зачастую можно было прочесть фамилии их владельцев. Многие из них носили на себе следы пуль и прорезы шашкой, а иногда и ржавые пятна от запекшейся крови, которые время пощадило. Мы так увлеклись этим, что даже опоздали на урок, а на следующей переменке снова понеслись к чекменям. Ведь перед нашими глазами неожиданно встала сама история — слава наших же прапрадедов. Предполагаю, что это была часть, если не все экспонаты музея л.-гв. Казачьего полка, которые впоследствии отыскали себе путь в Париж, где они сейчас и находятся. На нас это произвело очень сильное впечатление.

Настоятелем нашего корпусного храма и законоучителем сначала был оренбургский казак — в памяти не сохранилось его имени и фамилии, — ведь когда же это было! Именно этому священнику мы были обязаны тем, что была организована поездка в Иерусалим и приглашен талантливый регент Н. Верушкин. Это был исключительно энергичный человек и с большим чувством юмора — кадеты его очень любили и почитали. Впоследствии он почему-то уехал в Европу, и на его место приехал отец Петр Голубятников. Ко двору он не пришелся. Малыши его невзлюбили, а старшие кадеты также не смогли найти в нем духовного отца по целому ряду причин, но о них теперь распространяться в подробностях не стоит.

Во время маневров, проводимых британскими войсками, был на них приглашен в качестве почетного гостя и наш директор. Бывший наместник Египта, лорд Алленби, по окончании маневров, во время прохождения войск церемониальным маршем стоял с женой генерала Черячукина, а генерал Черячукин стоял с женой лорда Алленби. Вскоре после этого был устроен парад нашего корпуса в присутствии бригадного генерала, командира Измаильской бригады. Помню, что у него не было руки и вместо этого висел стальной крючок, которым он ловко оперировал. Ему почему-то понравился один из малышей, кадет Зуев (говоривший, между прочим, без акцента по-арабски, да

и вообще проявлявший исключительные способности к языкам), и генерал по окончании парада прихватил Зуева своим крюком, притянул и увез его на обед.

Вспомнился день, когда корпусу было приказано выстроиться на берегу Суэцкого канала, при впадении его в Крокодилье озеро. В этот день встречали высокого гостя — принца Уэльского, который должен был проследовать на военном судне. Все британские войска были построены шпалерами вдоль канала, в парадных формах и со своими оркестрами. Мы стояли на правом фланге Измаильской бригады, за нами — бурмийцы, сипаи, гурки и английские полки — Мидльсекский и Суррийский. На нашем правом фланге — кадетский хор трубачей... Для того, кто имел возможность тогда наблюдать сверху, с высокой насыпи у французского госпиталя — это представляло действительно красивое зрелище. В особенности эффектны были шотландцы и индусы в своих высоких тюрбанах. Ждать в общем пришлось не долго, вскоре громадный дредноут «Император Индии», кажется, тот самый, что стоял в новороссийской гавани, показался из-за поворота. На берегу послышались отрывистые команды командиров английских частей, гремели оркестры. А через пять минут огромное тело дредноута выросло перед донскими кадетами. Казалось странным, как он может пройти через такой узкий канал. Не помню уже, что именно играли наши трубачи, но хорошо помню поистине громовую команду генерала Черячукина, раскатившуюся над каналом и заглушившую, казалось, все трубы и волынки англичан. На капитанском мостике виднелась группа английских морских офицеров, и среди них можно было легко разглядеть принца — в будущем короля Англии. Он сначала рассматривал нас в бинокль, а потом вытянулся и отдал честь. В это время сотни молодых глоток кадет Донского Императора Александра III кадетского корпуса — корпуса, названного в честь его же двоюродного дяди, — разнесли над каналом громовое русское «Ура!».

«Так проходит слава мира» — и даже название дредноута «Император Индии» звучит теперь неправдоподобно и как бы насмешкой.

Вскоре после этого наше существование омрачила еще одна смерть: погиб под грузовиком общий любимец, кадет Полковников. Для получения продуктов изредка отряжался наряд из кадет на склад, находившийся где-то около Измаилии. Иногда при возвращении, желая выиграть время, кадеты на ходу спрыгивали с грузовика и прямо бежали в свою сотню — у всякого есть свои дела и заботы. Так было и в этот раз, но бедному Полковникову не повезло: вместо прыжка в сторону и вперед, он попробовал слезть с задней части грузовика, сползая постепенно в сторону колеса. В результате ногу затянуло под

колесо, которое и разорвало его в паху. До смерти, кажется, не забуду страшного вопля, разнесшегося над пустыней.

Итак, кроме него, мы потеряли еще Мартышку Артеменкова, о чем я уже рассказывал, Костю Грекова, покончившего самоубийством (см. ранее) и одного офицера — полковника Артамонова[603]. Ни имени-отчества, ни функций, им выполнявшихся, — не помню. Полковник Артамонов скончался вскоре после нашего прибытия в Измаилию от какой-то болезни. Брат его[604] занимал в Белграде пост Российского военного агента.

Всему приходит конец, пришел он и нашему пребыванию в Египте. Английское правительство решило не тратить больше денег на русских беженцев. Кроме того, приблизительно в это время образовался Отдел Лиги Наций по делам беженцев и начальником его стал известный полярный исследователь Фритьоф Нансен, по имени которого стали позже называться и беженские паспорта для переезда в другие страны. Можно было бы здесь указать на то, что небогатые страны вроде Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев приняли, однако, к себе громадное число русских беженцев. Могли бы это сделать и англичане, но... не сделали, несмотря на очень близкое родство британского короля с русским отрекшимся Императором. Но — низложенные мало кого интересуют. Они интересуют только тех, в ком не угасает чувство родства или же благодарности. И вот король маленького королевства не задумался, а, исполненный благодарности к когда-то великой, а теперь поверженной России, принял под свое покровительство русских. Как бы то ни было, англичане от нас отделались, и наш отъезд из Египта был уже предрешен заранее. А так как содержать 450 кадет и значительное число обслуживающего персонала довольно хлопотно и накладно, то и решено было вообще расформировать корпус. Часть кадет (младшие классы) было решено передать английской школе в Турции, а старших отправить в Болгарию, откуда потом часть их попала в Чехословакию. Итак, опять все было свалено на славянские страны. Последние дни были очень грустными. Нам не хотелось расставаться с насиженным местом, с благодатным климатом, с ласковым солнцем и пальмами, с Суэцким каналом и Крокодильим озером. Но от судьбы не убежишь. Грустно за день до нашего отъезда звучала доносившаяся из расположения 1-й сотни песня юнкеров сотни Николаевского кавалерийского училища.

Само собою разумеется, мы ничего не знали о том, что корпусу грозит расформирование. Возможно, что директор корпуса об этом и знал, но что он мог поделать? Впоследствии мы узнали, что он всеми силами старался предотвратить эту катастрофу и вывезти корпус целиком в одну из славянских стран, как, например, в Королевство Сер-

бов, Хорватов и Словенцев, где в это время находились казачьи воинские части. Но плетью обуха не перешибешь.

Настал день, когда пришлось покидать Измаилию. Мы выстроились на линейке и затем «левое плечо вперед» двинулись по шоссе, по направлению к железнодорожной станции. Хор трубачей заиграл «Билибеевский марш», а потом перешел на «Прощай, японская война», причем, подпевая, кадеты заменили «японочку» — «арабочкой». Мы еще не сознавали вполне, что еще немного, и мы все расстанемся. Марш подбадривал, и мы почти весело печатали шаг, расставаясь с Измаилией.

Погрузили нас на английский пароход «Сити оф Оксфорд», чьим комендантом была отвратительная личность, сразу невзлюбившая кадет, — английский лейтенант Хоккей. Он презрительно относился ко всем и за людей нас не считал. Случилось как-то, что ящик с историческими чекменями и мундирами 1812 года развалился, надо было сколачивать. Так как вывалившиеся мундиры лежали на пути следования этого субъекта, он не стесняясь разбрасывал ногами «какие-то тряпки», которые везли эти русские полудикари, и вообще позволял себе очень много лишнего. Поговаривали, что его выбросят за борт, но, слава богу, обошлось. Нас также сопровождал неизменный суперинтендант, мистер Крэгг, который уже знал заранее, что сдаст младшие классы по приходе в Константинополь в английскую школу; школа эта была создана на частные средства религиозного благотворительного общества в Англии, и ей грозило также расформирование из-за недостаточного числа учеников — следовательно, надо было им помочь и сдать живой груз, который позволил бы им существовать и далее. Все были обозлены на мистера Крэгга, прежде всего потому, что он англичанин, что он — начальство и, очевидно, каким-то образом причастен к нашему отъезду из Измаилии и Египта. Когда он захотел поговорить с кадетами и попросил выстроить их на палубе, его просьба была исполнена ген. Черячукиным, и Крэгг в своей полувоенной форме появился перед строем. Прежде всего он, подражая нашему начальству, громко поздоровался со строем по-русски, но ничего, кроме конфуза, из этого не вышло. Ответом ему было гробовое молчание, и затем громкий выкрик одного кадета, Колесникова: «Здравия желаем, господин суперинтендант!» И это все. Ему стало ясно, что кадеты не желают его видеть. Он перешел на английский, что-то кричал и доказывал, но кадеты, позабыв всякую дисциплину, покинули строй и разошлись. Теперь уже открыто поговаривали о том, что корпус будет по вине англичан расформирован. Какое впечатление эта весть произвела на кадет, на нашу большую сплоченную семью — говорить не стоит. Это был самый жестокий и подлый удар, который был нам нанесен из-за угла.

Если принять во внимание еще и безобразнейшее поведение коменданта парохода — можно себе представить, в каком состоянии мы тогда находились. Директор корпуса, между прочим, написал жалобу на коменданта наместнику Египта, лорду Алленби, и, по слухам, лейтенант был куда-то переведен. Говорили, что он был послан в Палестину, где его убили арабы.

По сведениям, которыми со мной поделился Св. Похлебин, при расформировании корпуса английское правительство передало нас в ведение Лиги Наций и ассигновало на нашу перевозку из Египта и на содержание кадет пятьдесят фунтов стерлингов — по теперешним понятиям сумма смехотворная, но тогда это были деньги. Младшие классы были спущены на берег в Константинополе, оттуда их перевезли в здание летней резиденции русского посольства в местечке Буюк-Дере, что означает Большой ручей, на самом берегу Босфора. Остальные же были перевезены в Варну (Болгария), что стоило 21 фунт. На эти же деньги, переданные русскому Красному Кресту, кадет некоторое время и содержали в Болгарии. На обед они получали суп, на ужин также суп, изредка что-то добавлялось, но в общем жили впроголодь. Оттуда часть отправилась в Шуменскую гимназию, а другая часть, постарше, в Чехословакию, в город Моравско Трщебовле, где также была русская гимназия. Седьмой же и восьмой классы были отправлены в Атаманское казачье училище. Таким образом, Донской Императора Александра III кадетский корпус перестал существовать. Однако шефство и полное наименование были сейчас же, приказом войскового атамана, генерал-лейтенанта Богаевского, переданы так называемому 2-му Донскому кадетскому корпусу, о зарождении которого мы и расскажем в следующих главах. А пока давайте спустимся по сходням за кадетами 1-го, 2-го, 3-го классов и вместе с ними войдем в тяжелые чугунные ворота с громадным двуглавым орлом над ними — это и есть летняя резиденция русского посольства. Давайте не оставлять малышей одних, проследим хотя бы коротко, какова будет их судьба на новом месте и под новым начальством. Представим себе только, в каком состоянии находятся они после расформирования родного корпуса — душа дыбом и недоверие к окружающему...

Донские кадеты в английской школе в Буюк-Дере[605]

Начиная от выхода из Босфора в Черное море, до самого Золотого Рога и Константинополя, справа и слева по берегам среди густой зелени разбросаны живописные городишки и местечки. Дворцы богачей

турок и иностранцев, фонтаны, парки. Вилла Крупна. Бывшее немецкое посольство, Еды-Кей — Семибашенный замок, построенный в виде начальной буквы имени любимой жены султана, Румели-Хиссари, Кавак, Терапия — их и не перечесть! Среди них и местечко Буюк-Дере, а в центре его — летняя резиденция русского посольства, раскинувшаяся на самом берегу. Двухэтажное здание желтого цвета с белыми колоннами, с палисадником, чугунной решеткой и воротами с двуглавым орлом. Перед воротами стоит старый посольский сторож. За домом — обширная территория посольского парка, в нем разбросаны отдельные здания.

Ворота открылись, чтобы впустить толпу подростков с насупленными лицами. Только что развалили их большую дружную семью — расформировали корпус. На ступенях посольского дома стояли суперинтендант Британской школы, английский пастор Базиль Черчуорд, директор школы, бывший секретарь английского посольства в Петербурге, мистер Сэмсон, и с ними интересная молодая дама, оказавшаяся полупольской-полурусской. Это была София Александровна Каминская, ставшая вскоре женой Черчуорда. После короткого приветствия и объявления о том, что отныне мы являемся британскими школьниками, нас сразу провели в гигантский вестибюль посольства, где, за недостатком кроватей, мы должны были провести первую ночь на каменном полу, подостлав одеяла.

Первое, что нас особенно поразило, было не прием, не приветствие и, пожалуй, не красавец Босфор, нет, не это. Мы глазели с изумлением, как на какое-то чудо, на черную землю клумб в палисаднике. Почти чернозем! После Египта, где мы с утра до вечера видели перед глазами только и только песок, эти обычные комья черной земли произвели на нас особенное впечатление. Дошло до сознания, что отсюда, пожалуй, и до Родины не так далеко. Ведь только там мы видели такую землю, а весь остальной мир представлялся нам погруженным в песок. Значит, почти уже дома. Темнело, когда нас повели в столовую, шли по каким-то переходам, дворикам. На столе уже ожидал ужин. Мы насмешливо переглянулись. Ужин готовился, очевидно, для младенцев, что ли, — по два крошечных биточка, по куску хлеба и немного гарнира (помню, это была свекла). После двуспальных корпусных котлет и пайка английского солдата, а в особенности для нас, проголодавшихся на пароходе, эта порция походила на насмешку. Надо отдать справедливость — приготовлено было все очень вкусно, но нам подавай количество, а не качество! И мы, в несколько секунд проглотив содержимое тарелок, вопросительно поглядывали на обслуживавших нас милых и кокетливо одетых офици-

анток. Поглядывали и на нашего воспитателя, который высадился вместе с нами. Обслуживавшие на троглодитов не рассчитывали, но забегали, засуетились, принесли еще хлеба, а котлет и бурачков больше не было. Наши нервы, взвинченные в те дня расформированием корпуса, необходимостью снять военную форму и стать несчастными «шпаками», настоящими или же воображаемыми кознями англичан против нашего директора, персонала и вообще против всех нас — не выдержали. Им недоставало только этой мелочи, этой незначительной детали, чтобы взорваться, взлететь и разразиться несусветной злобой против всего мира. И, как по команде, всего лишь через полчаса по прибытии в Британскую школу, разразился кадетский «бенефис». Правда, он продолжался недолго, но мы орали, лупили вилками и ножами по тарелкам — вообще вели себя не совсем подобающим образом, крича, что мы голодны. «Бенефис» кому? Обслуживающему персоналу? А они при чем? Начальству школы? А откуда оно могло знать, что наши желудки бездонны? Нет, это был «бенефис», скажем, злой Судьбе, самой Жизни, которая с нами в те дни поступила так жестоко. Цели мы своим шумом, конечно, не достигли, кухня ограничилась лишней выдачей хлеба, и нас отвели обратно в вестибюль, где вскоре, усталые, мы улеглись спать на голом полу. Итак, начальству сразу же стало ясно — с кем они имеют дело и что с нами будет очень трудновато. Однако, если бы начальство сумело проявить больше чуткости и понимания, разобраться во всех сложных чувствах обиды, огорчения и протеста в кадетских душах — многое было бы иначе. Если бы эти милые и, очевидно, искренне желавшие помочь обездоленным юношам люди смогли хотя бы отдаленно почувствовать, что означало для кадета — снять погоны родного корпуса и превратиться против желания в обычного школьника! Если бы они могли проследить за всем сложным процессом взаимоотношений между генералом русской армии и представителями благотворительно-равнодушной английской общественности! А это все предшествовало распылению нашего корпуса. И наконец, если бы они поняли то, чем мы, безусые юнцы, были тогда больны — то есть что означает потеря Родины — не дошло бы до антагонизма и до многих инцидентов. Они же пока что убедились в одном — что мы недисциплинированная, распущенная орава, продукт революции и что эту ораву следует приструнить, не считаясь со средствами.

В ближайшие дни нас распределили по трем домам на территории парка: в самом здании посольства (это называлось «посольский дом»), в здании, примыкавшем к церкви (мы его окрестили «церковным домом»), и в «школьном доме», для которого другого назва-

ния не могли придумать. В школьном доме проживал также и директор с семьей и суперинтендант. Разочарованием было то, что вода в Босфоре оказалась чрезвычайно холодной после теплой воды Суэцкого канала, и вовсе не тянуло купаться. Плюсом же было то, что при посольстве имелись лодки (три или четыре), и излюбленным видом спорта теперь стала гребля. Несчастные «шпаки» до нашего приезда не сообразили использовать площадки возле церковного дома для футбольной игры, просто об этом не успело, очевидно, подумать начальство. Кадеты быстро устроили футбольное поле, а также и озаботились об установлении гимнастических снарядов. На гимнастику в этой школе особенно не нажимали. Русские мальчики, с которыми мы здесь столкнулись, оказались милыми ребятами. С гордостью могу сказать, что не помню случая, когда кадеты показывали бы свое превосходство в чем-либо, напротив, не «выпячивали» своего «кадетства», держались скромно и старались быть хорошими товарищами. В первые же дни познакомился я с Толей Штейгером — это тот самый Анатолий Штейгер, который впоследствии стал известным поэтом (парижская эмиграция) и другом Марины Цветаевой. Тогда это был бледный как смерть, благовоспитанный мальчик. Я подозревал, что у него чахотка, от чего он в действительности и умер впоследствии. Такой же бледной была и его мать, приезжавшая дважды посетить сына. Помню еще К. Померанцева, редактора школьного журнала, в котором начал писать и я, и сильно подозреваю, что автором многих статей, появляющихся изредка в нашей зарубежной прессе, является именно тот, наш Померанцев.

Итак, мы были распределены по трем домам. Во всех трех были назначены старшие, по образцу английских интернатов называвшиеся «префектами». В качестве старших они несли ответственность за порядок в наших комнатах и поведение каждого из нас. Сразу же начались и занятия, прерванные в школе по случаю нашего приезда. Занятия проводились в северном крыле посольского здания. Очень незначительная часть наших корпусных воспитателей и преподавателей была принята в состав педагогического персонала школы. В свободное от занятий время мы бродили по громадному посольскому парку, любуясь гигантами кедрами и чудным видом, открывавшимся на Босфор и прилегающие городки с вершины холма, которым заканчивались владения посольства. Старожилы рассказывали, что до покупки русским правительством этого участка здесь, на самой вершине, был греческий монастырь и что лет сто тому назад турки перерезали всех монахов, а монастырь разрушили. Подтверждением этому служили развалины каких-то зданий, которые при нас еще оставались.

Потом постепенно это место начали расчищать — думаю, что теперь никаких следов пребывания там монастыря не осталось. В связи с монастырем среди учеников ходили рассказы о монахе с перерезанным горлом, который якобы бродит по парку. Этим пугали малышей. Кроме монаха, «бродила» по парку также и «Дама в черном», с которой однажды пришлось повстречаться и мне. После всенощной, когда мы небольшой компанией еще оставались около церкви, и уже наступали сумерки — кто-то из нас указал на парк, и мы увидели одинокую женскую фигуру в черном, спускавшуюся по направлению к нам с холма. Так как в этот поздний час было странно видеть кого-либо, а в особенности женщину, свободно разгуливавшую по полутемному парку, по каменистым неровным тропинкам, мы, что называется, «передрейфили». Так как очертания ее фигуры не напоминали нам никого из наших школьных дам, мы не на шутку струсили. А тут еще кто-то шепнул: «Дама в черном!» Сознаюсь, что мы уже были готовы «отдать концы», когда привидение, приблизившись к нам, на чистом русском языке попросило нас показать, как можно пройти к посольскому дому. У нас отлегло от сердца...

Отрадно было то, что здесь имелась православная церковь. Дело в том, что в каждом из нас сидело упорное подозрение, что англичане обязательно хотят нас «обангличанить» и «окатоличить», а о том, что наше начальство вовсе и не католики, а англикане — об этом мы и не раздумывали, все они для нас были «католики». Многие из нас вступили в церковный хор, которым управлял талантливый молодой регент, Алексей Васильевич Гринков. Многие белградцы помнят его, так как он управлял хором в Вознесенской церкви. Гринкову мы были обязаны многим. Он первый начал серьезно знакомить нас с теорией музыки и спевками днем не ограничивался. Собирались мы и по вечерам — то в школьном доме, то у него дома. Он же старался привить нам любовь к русской народной песне. «Вдоль по камушкам быстра реченька течет...», «Стонет сизый голубочек» и другие народные и псевдонародные песни все еще звучат в ушах. Певшиеся нашими дедами и прадедами песни загремели под сводами вестибюля посольства в далекой Турции. Он же не дал угаснуть среди нас и старинному обычаю — «христославить», когда подошло православное Рождество. На нашу спевку, проводимую тогда на квартире Гринкова, явились и два старых казака, работавших ранее при посольстве. Это были древние деды с иконными бородами. Мы обратили внимание, что один из них во время пения кондака «Дева днесь», когда доходил до слов: «И земля вертеп Неприступному приносит...» — пел как будто что-то свое, лишь отдаленно напоминавшее текст. Выясни-

лось, что, по его мнению, текст мы поем неправильный и что надо петь: «И земля вертить — не приступисси...» Наши остряки уверяли потом, что он пел: «Вертитъ хвостом — ажно не приступисси...»

Мы обходили, славя Христа, со звездой, которую клеили и мастерили под руководством того же самого Гринкова и его милейшей супруги, все три дома — школьный, посольский и церковный, а заканчивали квартирой англичанина-директора. Тут пели еще и старинную песню: «Здравствуй, хозяин пригожий, здравствуй, хозяин хороший, мы пришли тебя поздравлять, твоих гостей забавлять. Что же ты, хозяин, не весел? Что же ты головушку повесил? Ну-ка, скорее шевелись, сам ты за рюмочку берись! Выпей с нами, воевода, выпей с нами в непогоду. Полные чары наливай, нам хоть по рюмочке дай!» Заканчивалась песня бесконечными «дай-дай-дай», и чопорный англичанин вынужден был позабыть о школьных правилах и «выдать» нам по рюмочке какой-то слабой наливки. Как правило, оделяли нас сладостями, орехами и прочей снедью. Англичанам этот обычай пришелся очень по душе, хотя они и удивлялись размерам нашего мешка, куда мы укладывали все полученное. Встречи в доме Гринкова нас очень радовали, а его гостеприимная жена всегда находила для каждого ласковое слово и умела угостить хотя бы чашкой чаю в теплой семейной обстановке.

Но... не все и не всегда шло гладко и спокойно. Я возвращаюсь к той же наболевшей теме — расформированию нашего корпуса, которое очень сильно на нас всех отразилось. Результаты сказались, и довольно скоро. Я даже не могу сейчас восстановить в памяти последовательность и причину неожиданных событий. Помню только, что наше нервное состояние вылилось в чем-то, похожем на бунт. Но англичане действовали решительно. Прежде всего они приступили к порке тех, которых почему-то посчитали зачинщиками. Пороли жестоко. Порол чопорный англичанин, отец двоих очаровательных детей (за дочерью Стэллой ухаживали и «воздыхали» все), добрый мистер Сэмсон. Но не один. Помогал ему пороть, вернее, перенял на себя почти всю работу бывший ученик этой же школы. Фамилия его как бы выскочила из произведений не то Лескова, не то Салтыкова-Щедрина — Авситидийский. Мы его звали за глаза Митридатом, почему — не знаю. Поговаривали, что он садист. Позже Авситидийский уехал в Советский Союз. Поркой дело не закончилось. Нас собрали в парке, и мистер Черчуорд громил нас в своей речи и обещал послать в какой-то Тузлов, очевидно, место, где были колонии для малолетних или же тюрьмы. Часть кадет исключили — их отправили не то во Францию, не то в Болгарию, точно не помню. Мы же, оставшиеся, «согнули выю», как ни стыдно в этом сознаться.

Я же согнул выю вдвое — слег в лазарет, заболел тифом. Когда я «умер», мне было ничуть не страшно и не было жаль ушедшей жизни, настолько был истощен организм в результате болезни. Я все понимал и все видел — по-прежнему нагло лез в мое окно гигантский олеандр, светило солнце, откуда-то слышался разговор. Крышка гроба стояла тут же, неподалеку от кровати. А потом вошел санитар и сказал: «Ну что, очнулся, наконец?» Я был уверен, что он разговаривает с кем-то в коридоре, но его глаза были устремлены на меня. Только тогда я понял, что я вовсе не умер. Да, но крышка гроба?.. И, слабо шевеля губами, я спросил его о ней. Это был мой собственный голос, хотя и очень слабый. Санитар ответил, что в соседней палате скончался мой однокашник, также бывший кадет Костя Кленкин, и вот, думая, что я все еще без сознания, крышку гроба перенесли в мою комнату.

А потом вскоре приехал профессор Алексинский, светило медицинской науки, живший потом в Париже; он обложил меня льдом, а я до тех пор никакого жара и не чувствовал. Ну а потом наступило медленное выздоровление, прерванное возвратным тифом — добряк санитар сжалился на мои мольбы и дал мне ночью несколько глотков воды. Но возвратный долго меня не мучил, я быстро поправлялся. В первый раз я встал с постели, когда все ринулись к окнам — в школу приехал архиепископ Кентерберийский. Я ожидал увидеть что-либо похожее на одеяние наших священнослужителей и, конечно уж, окладистую почтенную бороду, а вместо этого узрел маленького сухонького старичка, совершенно безусого и безбородого, в шотландской юбочке и маленькой шапочке. Все мы покатывались с хохоту и повторяли только: «Ваше преосвященство...»

Приблизительно тогда же школу посетил и заведующий Отделом по делам русских беженцев в Лиге Наций, прославленный исследователь Арктики, Фритьоф Нансен. Я еще раньше читал о нем и в шесть с половиной лет даже сочинил сногсшибательный роман на полутора страницах, который сам же и иллюстрировал и в котором главную роль играл Нансен, а я, конечно, был его помощником. Поэтому я был очень взволнован, когда он сам, своей собственной персоной появился у моей кровати. В ответ на его участливый вопрос о здоровье я, скромно умалчивая о своих похождениях вместе с ним, выпалил: «А что с вашим «Фрамом»?» Эффект был неожиданный. Нансен посмотрел на меня и вдруг уселся в моих ногах. В глазах его стояли слезы. Потом он обратился к сопровождавшему его школьному начальству и сказал: «Знаете, я никогда не плачу. А вот этот русский мальчуган сумел выжать из меня слезы. Ведь буквально для всех я — представитель Лиги Наций господин Нансен, а о другом Нансене, Нансене с далекого севера, все

как будто и позабыли... А он вот и о моем «Фраме» вспомнил...» Он погладил меня по голове и рассказал о судьбе «Фрама». Но, к стыду своему, я не слышал и не слушал. Нервы подточенного болезнью организма сдали, и я также плакал и думал только об исследователе Арктики и северных морей и очень, очень жалел его тогда. Так я и не узнал, что приключилось с «Фрамом». А вскоре после болезни я покинул английскую школу и уехал из Турции.

Так в далекой «турецкой стороне» (как пелось в старинной песне на Дону) жили донские кадеты в чужой им, «штатской» обстановке. Ни на минуту, казалось, не забывали они о своем родном корпусе, который волей злой судьбы на сороковом году прекратил свое существование. И если были среди них взрывы негодования против англичан, так это было именно по этой причине и из-за несправедливого отношения тех же самых англичан к директору, генералу Черячукину, тому самому, кто когда-то угрожал малышам «историческим костылем» и никакой видимой нежности к ним не проявлял. А вот теперь, без него, почувствовали малыши, что потеряли чуть ли не отца родного. И порка из-за удалого набега позабылась.

Но красносургучный вензель Императора, украшавший синий погон донского кадета, не канул в вечность и не расплавился — время еще не подошло. Приказом Донского атамана, генерала Африкана Петровича Богаевского, вензель был перенесен на погоны кадет так называемого 2-го Донского кадетского корпуса.

Краткая история 2-го Донского кадетского корпуса[606]

Из предыдущего изложения уже известно, что многие кадеты не смогли выехать на «Саратове» — тифозная вошь уложила многих в новороссийские госпиталя. Были среди них и чины персонала корпуса. Оказался в числе больных и генерал-майор Иван Иванович Рыковский[607]. Это был на редкость добрый человек, горячо любивший кадет и любимый ими. Оправившись от сыпняка, он собрал полтора десятка выздоравливающих кадет и полубольных преподавателей и воспитателей, и собранная им группа, с благословения Донского атамана генерала Богаевского, была названа 2-м Донским кадетским корпусом. Следует признать замысел о создании 2-го корпуса поистине блестящим — в персональном порядке ни кадеты, ни чины персонала не выбрались бы из Новороссийска, а таким образом, как «корпус», они были перевезены в Крым. В Крыму Второй Донской, в составе 15 кадет и около 20 человек персонала, был помещен в одном доме на Су-

воровской улице (в так называемом «Новом Городе») в городе Симферополе. В качестве военно-учебного заведения корпус получал из Донского казначейства денежные средства, а персонал — жалованье, соответствующее его чинам и положению. Когда летом 1920 года все донские тыловые организации, как, например, интендантство, лазареты, швальни и прочее, были сосредоточены в городе Евпатории, туда же был переведен и корпус. Разместился корпус на 5-й Продольной улице в вилле знаменитого сахарозаводчика Терещенко. Вилла представляла собой роскошный трехэтажный особняк с флигелями и полузанесенным песком садом с фонтанами. Все это пустовало.

Летом 1920 года генерал Врангель издал приказ об отчислении из рядов Русской Армии всех несовершеннолетних, не кончивших среднеучебные заведения. Несколько позднее подобные же приказы были изданы Донским, Кубанским и Терским атаманами. Удаляемых из Донской армии мальцов направляли в Евпаторию «в распоряжение директора 2-го Донского кадетского корпуса», генерал-майора Рыковского. При корпусе был создан руководимый полковником Фицхелауровым Донской пансион, куда попадали неграмотные вояки лет 8—10. Среди пансионеров была большая прослойка калмыков. Было достаточно калмыков и среди кадет: Цуглинов, Тепшинов, Алексеев и др. За вояками посылался от корпуса в боевые части трубач Лисицын, привозивший плачущих и упирающихся «бойцов». Были и групповые зачисления, как, например, когда из Атаманского военного училища были отчислены в корпус юнкера: Иван Матвеевич Фастунов, Николай Букин[608], Сема Бегинин, Николай Басов[609]. Трое из них попали в третий класс, а Басов в четвертый. После выхода армии в Северную Таврию в корпус прибыл кадет Киевского кадетского корпуса Захаржевский; тому не повезло — он попал сначала в плен к махновцам и с трудом ему удалось оттуда удрать к белым. Я лично попал в корпус вместе с сыном генерала Готуа[610]. До того я некоторое время был в команде огородников 7-го Запасного батальона, которым генерал Готуа командовал. 6 августа 1920 года я был зачислен на все виды довольствия и получил порядковый номер 106. Из этого следует, что за это время корпус успел достаточно вырасти.

Занятия — облегченные и укороченные. Ни учебников, ни пособий не было. Помню, писали мы диктовку на листках бумаги огрызками карандашей. Преподаватель обходил, указывал ошибки, затем тщательно резинкой стирал написанное, чтобы использовать эту же бумагу в другом классе. Чекамас и Ну-те, то есть математик и историк, преподавали по памяти. Кроме того, занимались мы, конечно, и строевыми занятиями, и войсковой старшина Попков[611] гонял нас, как строевую смену в манеже, меняя аллюры до намета включительно. Этот вид

обучения назывался «пеший по конному». Пока было тепло (в августе и сентябре), купались три раза в день. Это — официально, а неофициально и чаще.

Форма одежды, питание, ночлег. Вначале ходили все в «своем», кто что имел, то и носил. Позднее из Донского интендантства мы стали получать светло-серые рубашки и такие же брюки из «чертовой кожи»; материал был действительно чертовской прочности, но все расползалось, так как сшито было слабо. Форму дополняли белые парусиновые ботинки и английские фуражки с донской кокардой (у кого она была). Основу питания составляла «шрапнель» (перловая каша) и «ссечка» — дробленая пшеница, сильно напоминавшая плохо проваренный клейстер. Иногда баловали нас ржавой камсой — мелкой, густо засоленной рыбешкой, или же сушеными бычками; последние отличались обилием песка. Столовой у нас не было. Во дворе были врыты столбы, и на них лежали плохо оструганные доски. А когда захолодало, каждый класс ел в своем помещении — там же спали и занимались. Летом все спали под открытым небом. Каждому выдали по одеялу и подушке, а спальня — по вкусу: хочешь, на веранде, а хочешь, под деревцом в саду. В дополнение к питанию, утром и вечером нам давали «чай». Пишу в кавычках, так как сам Дмитрий Иванович Менделеев не смог бы точно определить его состав. «Чай» этот, конечно, был без сахара. Позднее выдали по два фунта сахару на нос — прямо на руки, и большинство свой сахар сейчас же благополучно «загнало». Деньги пошли на добавочный хлеб, а «чай» пили с сахарином. Было дополнение и к обмундированию: выдавали нижнее белье, из какого-то материала вроде бязи. А в день эвакуации выдали недубленые полушубки и высокие папахи черной смушки — так в Евпатории, через семь столетий после исчезновения, снова возродилось племя «черных клобуков». Добавим кое-что и говоря о ночлеге. Когда сильно захолодало, выдали нам набитые соломой матрацы — вернее, просто большие мешки — по три мешка на двоих! Матрацы укладывались в ряд на полу, и на них, один к одному, ложились кадеты. Не было ни электричества, ни даже карбидных ламп. Взамен этого на каждую спальню выдавался один «каганец» (несмотря на древнюю Евпаторию, это был вовсе не греческий светильник, а коптилка с подсолнечным маслом) — было очень весело, так как сажа от этого каганца заполняла воздух на манер паутины во время бабьего лета, оседала на лица спящих и забиралась в носы. Вставали африканцами. К тому же умывание стало «буржуазным атавизмом», и мы очень напоминали собой негритят. Бани не было и в помине, и отечественная вошь плодилась и размножалась, никем не тревожимая. Уборной служила вырытая в саду канавка с бревном.

По воскресеньям весь корпус водили в местную греческую православную церковь. В корпусе же богослужений не совершалось. Да даже и священника вначале вообще не было. Два раза в неделю весь корпус «справа по шести» шел на прогулку в город. По дороге пели. Пели хорошо. Пели и по вечерам, когда собирались либо на веранде, а когда захолодало — в спальне 4-го класса. Регентом был человек с абсолютным слухом, Сима Родионов, бывший семинарист. Пели казачьи песни, пели и добровольческие: «Вспоили вы нас и вскормили», «Слышали деды — война началася», «На берег Дона и Кубани», «Пусть свищут пули, льется кровь» и многие другие.

Книг для чтения не было. Правда, в городе была общественная библиотека, но она была закрыта. Зато рассказы о боевом прошлом с успехом заменяли книги. Каждый повидал достаточно и «хлебнул горячего до слез». Были и мастера-рассказчики, целыми вечерами передававшие своими словами содержание когда-то ими прочитанных книг. Одним из таких мастеров был Сема Бегинин (бывший гимназист из Новочеркасска, бывший юнкер-атаманец, а в 1920 году — кадет 3-го класса). Он в течение двух недель рассказывал «Графа Монте-Кристо», передавая в общем правильно содержание книги. Скажем короче: живое устное слово вытеснило печатные труды.

Картина наших досугов была бы неполной, если не упомянуть о всеобщем увлечении шашками. Все столы и скамьи были расчерчены как шашечные доски, белые и черные камушки заменили шашки, и турниры велись во все свободное время.

Зима 1920 года была исключительно суровой — Сиваши (Гнилое море у Перекопа) замерзли, что случалось раз в тридцать лет. К концу октября по городу поползли тревожные слухи: фронт откатился к Перекопу. Потери велики. Красные жмут, а задержать их некому. Кадеты заволновались — каждый хорошо понимал, что его ожидает, если он живьем попадется в лапы РККА. Генерал Рыковский собрал всех кадет и, подтвердив, что положение на фронте угрожающее, пообещал, что корпус пойдет походным порядком на Севастополь, где будет погружен на пароходы. Однако этот поход не состоялся: 1 ноября стало известно, что для эвакуации казачьего населения Евпатории прибудет целая флотилия, которая вывезет всех желающих. На следующий день, 2 ноября, нас разбудили задолго до рассвета, накормили «шрапнелью», выдали полушубки и папахи и повели в порт. Евпаторийский порт — мелководный. Прибывшие для эвакуации суда стояли на внешнем рейде, а у молов суетились рыбачьи парусные баркасы, перевозившие людей и вещи на пароходы на рейде. Дошла очередь грузиться на баркас и мне. Вместе со мной были там и калмыки из пансиона. Как и подо-

бает истым степнякам, они уже на пути к рейду стали «кормить рыбку». Баркас причалил к высокому серому борту с надписью «Добыча». Между прочим, краткая история «Добычи» такова: военный транспорт в 8 тонн водоизмещения из-за устарелости был продан Турции; во время Великой войны взят нашим флотом в качестве военного трофея, а по приходе в 1918 году немцев в Крым снова возвращен Турции. Но когда союзники заняли Константинополь, они вернули «Добычу» России. Так вот эта самая «Добыча» была флагманским кораблем лихой евпаторийской флотилии. Скорость ее — 4 узла! Под командой «Добычи» находились суда: колесный донской пароход «Румянцев», донской речной пароход, чуть ли не парамоновского флота, «Эльпидифор» и какие-то посудины «212» и «214», тоже, по-моему, из донского пароходства. Для охраны эвакуации прибыло два «балиндера» — самоходные баржи с двумя восьмидюймовыми типа «Канэ» и на дизельмоторах. А горючего для них не было. И в результате, когда погрузка на пароходы была закончена, военные катера «Язов» и «Работник» вынуждены были затопить балиндеры с помощью своих «гочкисов».

Последнее, что я видел в Евпатории и вообще в России, было: вытянувшаяся вдоль берега белая панорама города, освещенная зимним солнцем, свинцовое, штилевое море. И это последнее видение сопровождалось гулкими взрывами на балиндерах. Один из них «свиньей» пошел ко дну, а другой загорелся и стал уходить в море. На «Добыче» заскрежетали якоря, и она двинулась в неизвестное. За ней в кильватерной колонне поплелась и вся евпаторийская флотилия. К моменту ухода появилась в качестве охраны французская канонерка. По пути в Константинополь, а шли мы трое суток, нам два раза выдавали корнбиф с немолотым овсом и по три чашки воды. И это все. К счастью, погода была штилевая.

Медленно вползла наша старушка «Добыча» в бухту Золотого Рога и заняла свое место в плавучем городе «врангелевцев». Кораблей была уйма: от сверхдредноута «Генерал Алексеев» до портовой землечерпалки, не говоря уже о различных парусниках. И на всех судах развевались желтые карантинные флаги и флаги с требованием воды и хлеба. Англичане широко откликнулись и стали развозить суп из сушеных овощей (который мы называли «английским борщом») с картошкой «в мундире» и морские галеты. Есть это пойло никто не мог — вылавливали картошку и галеты, а все остальное выливали за борт. Около кораблей сновали каяки «кардашей» — торговцев-турок. За золотые часы давали два кило хлеба, связку инжира и литр воды. За наган — тоже давали столько же, плюс полкило халвы. Тут для корпуса начались бесконечные перегрузки, а надо сказать, что к моменту эвакуации

нас было уже свыше двухсот человек — следовательно, перегрузки были делом довольно сложным. Пришлось побывать на разных судах, покуда не попали на «Великого князя Владимира». А до того перебрасывали нас, сначала на «Витим», потом на плавучие мастерские «Кронштадт», «Шилку» и «Саратов». На «Владимире» находился и Крымский кадетский корпус, составленный тогда главным образом из кадет Полтавского и Владикавказского корпусов. «Владимир» взял курс на Сербию, шел не торопясь, и только через десять дней мы прибыли в Бакар (Порт-Рэ) — самый северный порт на Адриатическом море, принадлежавший Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев. А всего мы пробыли на кораблях ровно месяц. Помню, как священник, отец Василий Бощановский, отслужил по этому случаю молебен.

В Бакаре нас накормили белым хлебом и вареным мясом и, после дезинфекции, на следующий день отправили на железнодорожную станцию. Но сначала — о дезинфекции: она производилась в железных вагонетках, где был налит раствор сулемы. Вещи сдавали в вошебойку. Я сдуру сдал свой кожух — получил обратно хорошо зажаренный «шницель». Итак, на следующий день мы пошли за пять километров на станцию. Сутки в пути. Остановка в Загребе. Там благотворительная женская организация покормила нас салом и хлебом, и мы поехали дальше. Рано утром поезд остановился на полустанке Святой Лаврентий на Дравском поле — около бывшего лагеря для военнопленных — «Стрнище при Птуи». Бесконечные аллеи саженого соснового леса, глубокий — по колени — снег и щелистые бараки. Заботу о нашем пропитании взяли на себя католические монахини — мы их сейчас же прозвали «аэропланами» за головные уборы. Монахини готовили также и для беженцев из Истрии, тоже размещенных в лагере. Питание было: мамалыга, суп из пареной репы, жидкая фасоль и чай. Прости им, Господи, но чай они почему-то варили как суп: он имел вкус разваренного веника, а сверху плавал густой слой жира, так как мытьем котлов они себя не утруждали и все варили в тех же котлах. Короче говоря, было и мало, и скверно. А есть очень хотелось. Ведь во время нашего мореплавания мы получали кило хлеба на четверых и фунт корн-бифа на восемь человек. Малокровие, развившееся на почве недоедания, давало о себе знать довольно долго; почти все мучились от фурункулов, и потребовались месяцы правильного питания, пока от этого отделались. Кухня перешла в наше ведение, и главным поваром стал есаул Телухин, или, как все мы его называли, «дядя Вася». К нему были приставлены помощники — «отцы-старики» — донцы, приставшие к корпусу во время наших скитаний по морям. Готовили они добротно, как уж это повелось исстари на Дону. И вот тогда все наши болячки стали проходить.

Кое-как все постепенно утряслось: бараки были слегка зашпаклеваны, созданы классы, и началось обучение. Но тут начались и новые волнения. Дело в том, что генерал-майор И.И. Рыковский был отстранен от директорства, а вместо него директором был назначен генерал-майор Бабкин[612]. О нем я могу сказать очень мало. Знаю, что он был адъютантом войскового атамана, и, когда генерал Богаевский в сентябре 1920 года объезжал Донские части и попал в засаду, Бабкин перестрелял наиболее наседавших на автомобиль буденновцев и, таким образом, атаман был спасен. По своему внешнему виду генерал Бабкин был строевым щеголеватым офицером, умел импонировать, а с кадетами всегда здоровался, называя их «донскими орлятами». Это подкупало. Он очень заботился и о внешнем виде кадет, доставая, откуда только можно было, обмундирование. Помню, както зашел у нас разговор с директором о том, что крымцы одеты лучше нас. Кто-то вставил: «Ну что ж, что плохо одеты. Зато мы — донцы!» На это генерал Бабкин ответил: «Быть донцом — хорошо. Но надо, чтобы и внешний вид соответствовал казачьей сметке...» Короче говоря — Бабкин был очень неплохим директором, но вся беда в том, что отчисленного генерала Рыковского и тех воспитателей, которые были отчислены от корпуса вместе с ним, кадеты очень любили и никак не могли примириться с мыслью об их уходе.

Я говорил выше о том, что генерал Бабкин доставал обмундирование как только мог. Укажу некоторые источники, откуда он его доставал. В городе Мариборе, в тридцати километрах от Стрнища, на австрийской границе стоял австро-венгерский кадетский корпус, который вскоре был расформирован. В 1921 году в нем оставались кадеты 6-го и 7-го классов. На Пасхальной неделе 1921 года выпускники-мариборцы приехали в гости к русским кадетам в Стрнище. Был парад обоих корпусов — Донского и Крымского, — а вечером общий бал. Вскоре после этого визита все обмундирование младших классов австро-венгерского корпуса было передано донским кадетам. Мундиры, правда, нам не подошли, но светло-синие брюки и голубые рубашки стали парадным обмундированием 2-й сотни. Летом 1921 года генерал Бабкин получил откуда-то пижамы, и, как бы забавно это ни звучало, пижамы стали повседневным обмундированием. Наконец, осенью 1921 года было получено американское военное обмундирование: френчи, галифе, шинели и краги из парусины.

В течение лета 1921 года преподаватели составили учебники по своим предметам, а кадеты на шапирографах их размножили. Тем же летом, взамен уволенных воспитателей, в корпус прибыли: генерал-лейтенант А.М. Сутулов[613], генерал-майор Кучеров[614] и полковник Ема-

нов[615]. Наш 3-й класс принял полковник А.Ф. Золотов[616], по образованию военный юрист; Сутулов стал командиром 1-й сотни, Кучеров и Еманов — воспитателями старших, 5-го и 6-го классов. Инспектором классов, взамен бывшего в Евпатории инспектором генерал-майора Ерофеева[617], стал полковник Чернокнижников[618].

Летом 1921 года дошли до нас сведения о сильном голоде в Поволжье и было получено воззвание митрополита Антония о сборе помощи голодающим. Донцы решили — голодать один день, а деньги, сэкономленные на этом, выслать на помощь голодающим. Мы честно голодали весь день, а наши соседи не выдержали и, не получая ничего с кухни, «обнесли» все огороды местных жителей-словенцев. В результате пришлось им заплатить чуть ли не вдвое того, что было корпусом сэкономлено на кухне.

С соседями крымцами у нас были в общем, как и полагается, добрососедские отношения, но в особенности с владикавказцами — там было много кубанцев и терцев, так что «кунацкие» отношения наладились сразу по «сродству душ». Если что-либо нас разделяло с полтавцами, так это, пожалуй, наличие у них «цука» — против этого восставала казачья натура.

В ноябре 1921 года Донской кадетский корпус было решено перевести из Словении в Герцеговину. Оказалось, что там нашлись подходящие помещения и что корпус будет размещен в старой австрийской крепости «Билек» вблизи городка Билече. И вот в том же месяце, в составе трех сотен, корпус был погружен в вагоны и отправлен на юг, в Герцеговину. В Сараеве нас дружески встретили кадеты-одесситы, полочане и киевляне, объединенные в Русском кадетском корпусе, который впоследствии был назван Первым Русским Великого князя Константина Константиновича кадетским корпусом. Из Сараева нас повезли в городок Требинье, где кончалась железная дорога и откуда нужно было идти пешком в Билече. Итак, начинался новый период жизни 2-го Донского кадетского корпуса, в невероятной глуши, на границе Черногории и Герцеговины.

Донские кадеты в Билече

Первое время нашего пребывания в Билече пошло на внутреннее устройство лагеря. Были сооружены примитивные парты, починен водопровод, были сделаны попытки наладить электроподачу и созданы мастерские — швальная, сапожная и столярная. В это время я был кадетом 2-й сотни, и поэтому все то, что происходило в 1-й сотне, — мне тол-

ком было неизвестно. Знали мы, что там не все в порядке, что происходят какие-то трения с директором корпуса, генералом Бабкиным, что впоследствии вылилось даже и в «бенефис» ему. В общем, в результате этих неладов директору пришлось уйти и уступить место генерал-майору Евгению Васильевичу Перрету, в прошлом офицеру гвардейской артиллерии. Евгений Васильевич Перрет был лично известен Донскому атаману, так как генерал Богаевский был женат на сестре генерала Перрета. Понемногу жизнь корпуса налаживалась, все входило в нормальное академическое русло. Кадеты и офицеры продолжали работы по благоустроению лагеря — ими были сооружены корпусная церковь, в которой иконы были написаны Гришей Самойловым, и театральный зал. Были приобретены гимнастические снаряды: турник, параллельные брусья, кобыла и козел. Гимнастическое дело сразу взял в свои руки полковник Ган, который организовал группу соколов. Затем был создан хор трубачей. Вначале капельмейстером был есаул Скачков, а потом полковник Мигузов. Были налажены хлебопекарня и кухня. Продукты корпус получал от сербского военного интендантства в городе Требинье. Также сразу был организован лазарет, старшим и единственным врачом в котором стал доктор Попов. Фельдшером же и делопроизводителем в лазарете стал кубанский казак Шаповалов.

Начались учебные занятия, а помимо этого кадеты были заняты и ручным трудом, проходя наглядное обучение в различных мастерских. Вскоре появилась еще одна мастерская — переплетная. Помню, что столярной мастерской руководил полковник Рещиков, Владимир Николаевич[619], одновременно и воспитатель 36-го выпуска. Короче говоря, корпус не ограничивался академическими знаниями, но и старался приучить кадета «на всякий случай» к ручному труду — кто мог предположить, что его ожидает в будущем? Кроме этого, в такой работе вырабатывался навык к труду, что в жизни бывает крайне важным.

С местным населением особых связей не было. Правда, в корпусе стали учиться несколько местных жителей-черногорцев и герцеговинцев (впоследствии ставших офицерами югославской армии), а кроме того, местные учителя-сербы начали преподавать у нас сербскую историю, язык, литературу и географию страны — все на сербском языке. Бытовых же связей не было. Корпус жил своей обособленной жизнью, и кадеты только время от времени встречались с местным населением. Еще были попытки устраивать общие вечера с представлениями на сербском языке, но это дело как-то заглохло.

В сентябре 1922 года произошло событие, имевшее для корпуса большое значение, — 2-й Донской кадетский корпус приказом войскового атамана получил Державное шефство, вензель на погоны и наи-

менование «Донской Императора Александра III кадетский корпус». В это время старый корпус прекратил свое существование.

Несколько позже 1-я сотня получила наименование «Атаманской» и, уже неофициально, кадеты Атаманской сотни стали носить на левом плече так называемые «атаманские» погончики — голубого цвета с белым кантом — то есть цветов л.-гв. Атаманского полка и Атаманского училища в Новочеркасске. Кадеты гордились полученным шефством, но всем было несказанно обидно за старый корпус, который волей судеб должен был прекратить свое существование.

Дальнейшее пребывание в Югославии Донского Императора Александра III кадетского корпуса

Билече, по-австрийски Билек, — крохотное местечко в 30 километрах от железнодорожной станции и городка Требинье. Все местечко состоит из трех улиц, обежать его можно буквально за пять минут. Два-три «отеля» с громкими названиями и примитивным устройством и меблировкой, три-четыре «кафаны» — кофейни, где можно также выпить и вина. Десятки домов местных жителей, окруженных, как крепости, высокими стенами и с турецкими окнами (а то, не дай бог, кто-нибудь увидит жену или дочь!), небольшая казарма, где стоит взвод жандармов, мечеть, православная церковь, кладбище, и это все. Отсутствие всякого общества, невероятная скука и дичь. Вокруг — плешивые горы, рядом — черногорская граница. Растительности почти никакой, только изредка попадаются кусты и деревья, похожие на кизил. В горах — пастушки пасут овец и коз. В руках у них — пряжа, лицо наполовину закрыто, как у мусульманок. Если ты попытаешься заговорить с ними — труд не только напрасный, но и зело опасный. Даже если ты просто спрашиваешь их, который час, очень возможно, что вместо ответа в тебя полетит увесистый камень. Дичь, какой не найдешь на земном шаре...

Недалеко от города, в какой-нибудь миле от него, стоит старая австрийская крепость. Форты, бастионы, амбразуры, бойницы, зубчатые стены — ни дать ни взять замок средневековый. И вот в этой крепости и расположился Донской кадетский корпус. Крепость представляет собой почти квадрат, с высокой башней посередине. Четыре ряда солидно построенных зданий. В крепости комплекс зданий вдоль стен и, кроме того, разделяющих крепость. В них, в верхних казармах, живут кадеты. Как будто для нас и строили три громадных двухэтажных здания. Дальше, рядом с ними — театр, гимнастический зал

Перед зданиями — большой двор, снова ряд зданий, на этот раз двойной. В тех, что лицом к казармам, — свинюшник, бывшие стойла для мулов (а лошади там были, где наш театр), а за этим частные квартиры персонала. Там, между прочим, жил и будущий атаман, генерал Татаркин[620], рядом — военный чиновник Дмитриев с женой и дочерью Зоей, генерал Готуа, госпожа Лазарева с детьми, морской офицер Хрущев с сестрами, есаул Леонов и другие. Далее снова шел ряд зданий, в них — лазарет и квартира доктора Попова, квартира полковника Поссевина[621] и другие службы. В нижнем ряду, прилегающем к стенам, также располагались чины персонала со своими семьями, а направо от ворот — церковь, штаб, квартиры директора и некоторых преподавателей и воспитателей. Выше, идя обратно к казармам, — кухня. Крепость почти нависала над пропастью — а там в долине, где можно было, наконец, увидеть кусты и деревья, извивалась и бурлила речка Требишница, которую мы почему-то прозвали Требинкой. Требишница вырывалась как очумелая из горы, на который расположился городок Билече. Вырывалась и неслась по камням несколько километров, и только тогда успокаивалась и принимала более величественный вид, расширялась и текла далее к самому Требинье. А по скалам гнездились поскоки — вид медянки, чрезвычайно ядовитой, прозванной так потому, что она была в состоянии нападать сверху, буквально скача, прыгая по камням. В общем, местечко было невеселое. И за что эта кара постигла донских кадет?

Климат тоже тяжелый. Летом — жара, а зимой — невероятные холода и морозы. Снега наваливало достаточно. По вечерам, если выглянешь в окошко, можешь увидеть золотые точки волчьих глаз. Волки собирались стаями к человечьему жилью, надеясь чем-нибудь поживиться.

Развлечения по праздникам заключались в лазании по горам, расцарапывании себе рук и ног, швырянии огромных камней-валунов в пропасти и долины и бесконечном чтении книг. Тем, кто уезжал на лето в отпуск, приходилось идти пешком на железнодорожную станцию Требинье, а это было всего тридцать километров. Но молодые ноги выдерживали все. Кто-нибудь из компании затягивал: «Один верблюд идет... другой верблюд идет...» — и с припевом «Ах, как мне жаль весь караван верблюд!» весело доходили до Требинье. Единственный отдых, который мы себе позволяли, — это короткая остановка у «Москвы» (кафана на середине пути между Билече и Требинье) — там мы ложились и задирали ноги вверх — лучший способ отдохнуть. А потом снова затягивали своих «верблюдов» и так доходили до самой станции. Однажды компания кадет, шедших в Требинье, повстре-

чалась с какими-то местными жителями. Пошли вместе, угощались взаимно табачком, мило разговаривали. Потом выяснилось, что с нами идет знаменитый разбойник Майо Вуйович и его «ребятки». Но «руссов», как там называли русских, Майо не трогал; наоборот, он очень любил русских и нападал главным образом на мусульман, это были его заклятые враги.

Корпусные балы и театральные постановки в Билече

В наши, 70-е годы XX века, когда юбочки и девичий стыд приведены к так называемому «мини», то есть к минимуму, а мальчиков и девочек с малых лет просвещает сама школа, посвящая их в то, о чем раньше или совсем не говорилось, или же говорилось шепотом, то о чем буду писать — может показаться смешным. Но из песни слова не выкинешь, и мне хочется эту песню об ушедшем кадетском мире довести целиком до конца, рассказав об отношении кадета к барышне в те как будто далекие 20-е и 30-е годы. Барышня в кадетском представлении — это было нечто высокое и чистое. Это было то, чему можно было поклоняться, писать неуклюжие стихи и приносить букетики фиалок. За ними ухаживали, с ними танцевали, переписывались и окружали их атмосферой такого обожания и уважения, которым — в этом я твердо уверен — не окружают теперь даже королев. Да они, наши институтки, и чувствовали себя в обществе кадет настоящими королевами. Что же, неужели в нас мертвым сном спали человеческие чувства, инстинкты, природа? Конечно нет: мы были обуреваемы теми же общечеловеческими страстями и желаниями, те же инстинкты были и в нас. Мы грешили. Мы грешили так, как и другие юнцы нашего возраста, но по неписаному кодексу чести, завещанному нам поколениями старших кадет, мы проводили грань и за эту грань не переступали. Мы знали, с кем, где и когда можно дать волю своим человеческим инстинктам. Но наша барышня была для нас священна. Если бы кто-нибудь из нас посягнул на барышню, переступил бы эту грань, результат для него был бы крайне плачевным.

Среди старших кадет оживление. Начались каникулы, и в корпус, к родителям, приехали «наши» институтки. Возбуждение почти общее. «Ухажеры», а их сонм, приглаживают непокорные чубы и проборы, достают брюки из глажки. О нет, совсем не то, что можно подумать; не только прачечной или заведения, где гладят костюмы, формы и прочее, но у нас не было даже утюга. Еще вчера вечером, сняв брюки, аккуратно складывали их, намечали складку и обильно смачивали ее

водой. Затем укладывали их на доски кровати под матрас и спокойно укладывались на нем спать. Завтра утром брюки оказывались безукоризненно выглаженными.

Сегодня воскресенье, и все мы отдыхаем, свободны. Вскоре веселая молодежь гурьбой высыпает из ворот крепости. Тенистая аллея. По ней медленно движется толпа, человек двадцать пять — тридцать. Это Зоя, она же «мать-атаманша», то есть дама выпуска, а вокруг нее — кадеты, «ее» кадеты. Слева от нее — пять человек, столько же справа (большая ширина аллеи и не вместит), а сзади — полчища! И еще кто-то забежал спереди и, оживленно жестикулируя, рассказывает Зое что-то веселое. А она смеется заразительным смехом, она счастлива. А поздним вечером, когда Зоя уже уляжется спать и когда весь лагерь погрузится в сон, Пик Иванов и я, два закоренелых мечтателя, выберутся незаметно из сотни и пойдут бродить по спящему лагерю. Луна. Мечтатели усядутся на скамейку в тени большого дерева, на той же самой аллее, шагах в ста от Зоиных окон. И начнут молоть всякую чепуху. Пик станет уверять, что стоит только сосредоточиться, сконцентрировать всю свою волю и мысли, и вот можно, мол, заставить Зоечку встать и подойти к окну. И тогда, не шевелясь и не выдавая ничем своего присутствия, ты можешь хоть с минутку полюбоваться ее неясным силуэтом. И наивный мечтатель, устремляя «пронзительный» взор в темный провал окна, думает-думает... А Пик в это время находит вбитый кем-то в дерево гвоздь и советует усесться так, чтобы гвоздь пришелся в затылок. «Ты вдавливай, вдавливай, — говорит он, — так легче сосредоточиться». Сам автор этому верит (да чему не поверишь в те прекрасные годы мечтаний!) и вдавливает, и вдавливает... «Я помогу тебе думать, — шепчет Пик, — я тоже буду думать...» Два молодых мечтателя думают, но никакие гвозди, никакая концентрация не помогают. Приятели бредут дальше и вслух декламируют Пушкина.

А завтра — бал. Не вечер в какой-нибудь сотне, «только» для кадет сотни и приглашенных. Нет, это общий, корпусной бал. И верные три «пажа» поднесут Женечке по крошечному букетику фиалок. Женечка старше их, и около нее кавалеры из старших классов. Но вот и для этих косноязычных, что-то лепечущих ей и глядящих на нее с немым обожанием «пажей», или «мушкетеров», в Женечкином сердечке находится уголок, и нежные слова благодарности вознаграждают героев. А герои — они сегодня по таким скалам карабкались, что там и голову можно сломать, а все для того, чтобы у «нашей» Женечки сегодня на балу были свежие фиалки.

Громадное здание. Чтобы превратить эту бывшую конюшню в бальный зал — немало потрудились кадеты. Немало тачек земли на-

везли сюда, утрамбовали, обшивали досками, белили стены, и вот — танцевальный зал и зал для театральных представлений. Сцена. На занавесе — новочеркасский памятник Ермаку, рисовал Гриша Самойлов. Тот самый Гриша, который впоследствии станет одним из самых прославленных архитекторов Югославии и чей проект самого большого храма в столице получит первую премию. А пока — Гриша разрисовывает программки для дам, рисует пейзажи в альбомы и без устали пляшет на балах. На сцене — хор трубачей-кадет. Вдоль стен — скамейки, кой-где стулья, для директора и его дам — кресла (одно из них — бутафорский трон царя Феодора Иоанновича, но ничего, сойдет). На стенах — большие портреты. Державный шеф корпуса, Государь и Государыня, Наследник в форме лейб-казачьего полка, войсковые атаманы — А.М. Каледин, А.П. Богаевский и другие. Пол — из строганых досок, но, уверяю вас, и по ним будет скользить веселая молодежь. У дверей распорядители-кадеты. Пышные голубые банты. Не всегда на левой стороне груди — обычно на левом плече. На банте — «атаманский» погончик с белым кантом. У входа столик, на нем программки. Их не печатают, а рисуют кадеты. Иногда это настоящее произведение искусства. Рисуют многие, у кого есть способности к рисованию, — ведь программок надо много наделать, так чтобы у каждой дамы, да и у некоторых офицеров было по программке. Но это количество, а вот о качестве — тут уже не переплюнуть таких, как Гриша Самойлов или Киреев, а впоследствии Ваня Дубровный или Виктор Иванов, — это настоящие художники.

Скоро начнут «съезжаться» гости. По образу пешего хождения. «В этом городе пыльном» бывали балы, но «не было просто приличных карет», да и вообще перевозочных средств, кроме несчастненького фордика, не было. Ходили наши воспитатели и преподаватели, независимо от возраста, на «своих двоих» и не знали, что такое склероз или сердечные заболевания. Итак, начинали сходиться. Но... прежде чем прибудет директор корпуса и вообще персонал — должно прибыть «самое почетное» начальство — «мать-атаманша», дама выпуска. Почему до прихода остальных? Потому что «зверям», «лавочке», одним словом персоналу, незачем знать о том, что при ее входе (а войдет она, окруженная традиционным «начальством», то есть атаманом выпуска, его адъютантом, есаулами и пр.) хор трубачей грянет со сцены встречный «Атаманский» марш, и кадеты вытянутся в струнку. Она же не пройдет, а «прошествует» к своему почетному месту (стул, конечно, а не скамья!) и останется там, окруженная своим выпуском, до прибытия настоящего начальства. Начальство же сделает вид, что ничего об этом не знает, однако с особой почтительностью будет ее приветство-

вать, отлично понимая, что негласной хозяйкой бала в глазах кадет является именно она. И первым будет с ней танцевать «атаман», а не кто-либо другой, если только «атаман» не смилостивится и не прикажет сделать это своему «адъютанту». Случилось однажды, что один из кадет позволил себе не совсем уважительно отозваться о даме выпуска. Это было его концом. Выпуск поставил его на так называемое «красное положение» (как видите, красный цвет, исключая лампас и околыша, у нас особенной любовью не пользовался), попросту его бойкотировали, и в результате пришлось ему перевестись в другой корпус. Да, честь барышни — великое дело!

Но вот сходится начальство. Пониже рангом — пораньше, последним — директор со своими дамами. Встречные марши приветствуют и командиров сотен, и директора. Его встречают маршем гвардейской артиллерии или же Преображенским. Носятся по залу кадеты-распорядители, развеваются голубые банты. Распорядители никогда не ходят обычным шагом, они именно носятся или скользят. Они проверяют — у всех ли дам есть программы, то есть расписание танцев. Трубачи играют вальс. Кадет дирижирует танцами. Вальс обычный, вальс с фигурами. А затем па-де-катр, па-де-спань, хиавата, цыганочка, полька-бабочка, па-де-патинер — все это утонуло и находится где-то далеко, чуть ли не по соседству с древнегреческими плясками.

Мне пришлось бывать не раз на современных вечеринках — следовать за сынишкой, начиная с возраста «клопа» и кончая университетом. Балами я все эти вечеринки не назову, несмотря на их внешнее подчас великолепие и блеск, несмотря на удобство и комфорт мебели и помещений. А вот у нас, в нашей бывшей конюшне австрийской крепости, на строганых досках, были настоящие балы. В нынешнее время кавалер приводит с собой даму и танцует с ней одной весь вечер, ревниво оберегая ее от посягательств соседей протанцевать с ней хотя бы один танец. А в наше, несколько смешное, старомодное время считалось не совсем приличным непрестанно, «без отрыву», танцевать с одной дамой. И выражение «она пользовалась успехом» понималось в то время иначе: тогда даже тот, кто тайно или явно «воздыхал» по даме сердца, был счастлив, если и другие наперебой приглашали ее на танцы. Вот это и означало «пользоваться успехом».

А сколько раз рыцарское отношение кадета подчеркивалось его манерой танцевать. Как приятно было смотреть, когда кадет, намеренно отдалив от себя даму, не в мыслях, а физически — держа ее чуть ли не полметра от себя, ловко вальсировал по строганым доскам пола. И в душе каждого кадета не было ничего, кроме наслаждения самим

танцем и глубокого уважения к той, кого он подчеркнуто далеко держал в своих крепких руках.

Носятся в вальсе наши институтки, но они не одни. Приглашали на вечера и некоторых сербок из города. Правда, их было мало. Носятся и жены воспитателей и преподавателей, ведь и они в ту пору по большей части были так молоды! Танцевали в то время и кадеты с кадетами, «шерочка с машерочкой». Танцевали весело и непринужденно.

По бокам, ближе к выходу, подпирая стены, в позе Печориных стоят нетанцующие. Некоторые не умеют, а другие не желают уметь, и все тут! Но и им страшно интересно наблюдать за происходящим, хотя некоторые из них и строят презрительные мины или напяливают маску равнодушия.

А потом, где-то в середине бала рявкнет вдруг оркестр «Казачка». Мелькнут алые лампасы, и синь шароваров пойдет стлаться по доскам, а потом в «колесе» пройдутся руки по полу, застучит пулеметной дробью подкованный каблук Коли Басова или Бориса Кундрюцкова. Тут и из толпы нетанцующих вырвется кто-нибудь, не сдержится и начнет чесать по-станичному. Тут иной раз и малыши не стерпят. Выскочит вьюном черномазый, как цыганенок, Митя Мерзликин и «докажет свое» (а в будущем пуля красного партизана уложит его в конной атаке. А брата его Петю свалят болезни где-то в сибирской тайге, после многих лет концлагеря. И не Коле ли Букину отобьют румынские «сикуранцы» почки и ребра при переходе границы?).

А затем после грома рукоплесканий заунывно запоет лезгинка. Начнет с «молитвы Шамиля»:

Горе нам, визирь к нам с войском стремится...
Где бы нам, как бы нам от него укрыться?..
Мы в лес, мы в горы — русские за нами,
Бьют нас и режут и колют штыками...

И вылетит из толпы Шура Беломестнов в белой черкеске и, едва касаясь пола чувяками, кошачьей, неслышной поступью заскользит по полу. Все чаще, все воинственнее ритм... А за Шурой — резиновыми ногами стелется по земле ладно скроенный Петя Вертепов. Как там у него ноги приклеены, один Бог ведает, но выделывает он ими такие чудеса, что диву даешься. И время от времени слышится из толпы одобрительное «Ас-с-с-са...» и восклицания «Урсач!» и «Аджа!».

Вот кончен бал и гаснут свечи... Нет, свечи не гаснут, гаснут карбидные и керосиновые лампы, и расходится веселая публика. Кадеты провожают своих дам до дому. В то смешное время каждая мама могла бы отпустить свою любимую дочь в любой час ночи с кадетом. Это-

го не случалось — мамы и всякие другие шапероны и шаперонши не отставали ни на шаг. Но если бы их и не было — уверяю вас, что более надежной защиты для барышни в позднее время, чем кадет, нельзя было бы сыскать.

В этом же здании давались и театральные представления. Режиссером, вдохновителем, постановщиком, одним словом — душой кадетского театра был регент хора и талантливый артист, Яков Иванович Шпилевой, кубанский казак, в кадетском просторечии Яшка. Тогда ему, пожалуй, не было и сорока лет. Начали со скромного, с одноактных пьесок, но потом дело пошло быстрыми шагами, и взялись за Островского. Из последнего было переиграно, кажется, все. Женские роли исполнялись женами воспитателей и преподавателей. В редких случаях женские роли поручались кадетам. Выявились понемногу и таланты. Помню, как изумил всех мой новочеркасский командир сотни, генерал-майор А.И. Васильев, — он оказался прирожденным комиком. Его «Аркаша» в сочетании с блестящей игрой преподавателя русского, А.Н. Перцева, был незабываемым театральным дуэтом — мы буквально покатывались с хохоту. В женских ролях необходимо отметить прежде всего очень пожилую даму, фамилия которой выскочила у меня из памяти. Помню, что звали ее почему-то княжной Джавахой. По-моему, она была кавказского происхождения. Она была особенно хороша в ролях трагических старух, как, например, в «Грозе», где она зловеще говорит, обращаясь к Катерине, стоящей у омута: «Вот она, красота-то, куда ведет!» До сих пор не забыть, мурашки тогда пробегали по коже, так естественно она играла. А Катериной, царицей Ириной и т. д., всех ролей не перечтешь, была талантливая Виктория Васильевна Рещикова, жена воспитателя, полковника Владимира Николаевича Рещикова, в прошлом изюмского гусара. Много в ней было чуткости, неподдельного чувства в игре. Очень редко выступала в ролях старух и ее мать, Надежда Палладиевна. Играли Белкина, Поссевина, Листратова-мать, играли многие. Скажем так — мало кто не играл. А среди кадет хочется отметить прежде всего ныне покойного, бывшего сибиряка-омича Сережу Семынина. Это был Богом данный талант. Хорош он был и в роли князя Вяземского и князя Серебряного. В добавление к врожденному таланту, он обладал еще и красивой и видной фигурой и был очень хорош собой. Он искренно увлекался театром. Помню, как мы вместе с ним писали письмо Мозжухину, который облил нас ушатом холодной воды, и спасибо покойному, что удержал нас от этого шага — идти на сцену. Впоследствии Сережа стал священником и умер не так давно на Восточном побережье США. Знаю, что и на этом поприще его уважали и горячо любили.

Одно время шли разговоры среди персонала — а не слишком ли вредит увлечение театром академическому делу? Победило то течение, которое высказывалось за театр. Главную роль в нем играл уже упомянутый мной преподаватель русского языка и словесности А.Н. Перцев. Не будь его — знали ли бы мы столько? Он и на уроках вливал в нас столько любви к русскому языку и литературе, делая свои уроки поистине живыми и увлекательными. Мы еще в младших классах, как только вырывались от Солохи (преподаватель Солошенко, очень неплохой и знающий свой предмет, но несколько сухой) и попадали в руки Перцева, начинали чувствовать за спиной у себя крылья. Он не только преподавал по расписанию и развивал нас, но и заставлял действовать совершенно самостоятельно. Мы должны были разрабатывать рефераты по русской и иностранной литературе, иногда заданные им, а иногда по свободному выбору, и читать их перед классом. Эти рефераты ни в каком расписании не предвиделись. Вот тут-то и вырастали наши крылья. Перцев также учил нас, как надо писать. Указывал, что нужно избегать всяких «красивостей», не углубляться в вылизанные описания природы, не опошлять стиль разными «изумрудными травами» и тому подобными штампами. Где бы он ни был — низкий ему поклон! Так это именно он настоял тогда на том, чтобы театр и далее развивался, а это столько дало всем в изучении русской литературы. Это уже выходило из рамок обычных ученических спектаклей, здесь и масштаб, и отношение к делу были шире и глубже.

Ставился и «Феодор Иоаннович», весь, без купюр, и «Смерть Иоанна Грозного», и «Князь Серебряный». Читатель вправе улыбнуться и сказать: н-да... а все же — как с постановкой, откуда декорации, костюмы и прочее? Поговорим об этом. Чтобы создать декорации — тут особенного труда не требовалось. Нужны были краски, материал и художники. Все это имелось, кроме времени, конечно, и здесь приходится снять шапку перед жертвенностью кадет-художников, которые на это тратили часы своего вечернего, а то и ночного отдыха. В первые годы Гриша Самойлов, затем сибиряк, по-моему, кадет Омского корпуса, Ваня Дубровный, также талантливый художник; вот они набирали себе армию охотников и писали декорации. А костюмы!.. Ведь надо же иметь в реквизите столько-то боярских, столько-то для рынд, столько-то для боярынь и боярышень, а там еще князья и, в конце концов, царское одеяние! Нужно только захотеть... А «хотение» было у нас сильное, и вот перед публикой появлялись на сцене то терем, то царские хоромы, где на троне восседал Грозный в самой настоящей шапке Мономаха, в одежде, сверкавшей каменьями, в бармах и оплечье, с золоченым посохом в руке. А за ним в белоснежном одеянии с

топориками на плечах стояли царские рынды. И все на сцене искрилось и переливалось. Или же врывались шуты-скоморохи в пестрых одеждах, и ходуном ходила сцена. А публика замирала. Или — целый сонм бояр в «великолепных» костюмах, «брады своя уставя в земь», сидел на резных стульях за длинным столом, обсуждая дела Московской Руси.

Нужно только захотеть... Из мешковины, из самой обыкновенной дерюги кроили наши дамы одежды, в дело пускались клеевые краски и бутафорские «самоцветы», и все это делалось чуть ли не по ночам, и вот создавалась феерия, производившая со сцены незабываемое впечатление. Не все мы, конечно, играли, как то подобает настоящим артистам. Не все у нас выходило гладко, да и не могло — число участвующих бывало слишком велико — никакой режиссер не мог бы за этим усмотреть. Театр приблизил нас к русской литературе. А с драматических произведений увлечение перекинулось и на остальное. Боже, сколько мы читали! Где угодно, когда угодно и как угодно. Сколько раз после вечернего обхода дежурным офицером спален какой-нибудь «одержимый» забирался под кровать. «Занавесившись» одеялом с обеих сторон, он «возжигал свечу воску ярого» и в этом полусклепе, с опасностью быть пойманным и наказанным и постоянно водя свечой из стороны в сторону — чтобы не прожечь доски, — в таком положении предавался чтению. Часами, до изнеможения, покуда оставался «воск ярый». Было ли наше чтение всегда серьезным и полезным? Да нет, читали не только классиков, увлекались и Луи Буссенаром, Майн Ридом. Одним словом, всем, что было в этом возрасте по душе. Все, что попадалось под руку.

Постановка учебного дела и наши законоучители и духовники

Первым законоучителем 2-го Донского кадетского корпуса во время его эвакуации из Евпатории и затем, в Стрнище, в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, был отец Василий Бощановский. По прибытии корпуса он отслужил торжественный благодарственный молебен, а через некоторое время панихиду по безвременно погибшему от большевистских рук Донскому Златоусту, Митрофану Петровичу Богаевскому[622], товарищу войскового атамана генерала Каледина. Передо мной на столе — подлинник его проповеди по этому случаю, написанный его рукой и переданный вдове покойного, Елизавете Дмитриевне. От нее я его и получил и жалею, что, за недостатком

места, не имею возможности привести эту проповедь целиком. Привожу выписки из нее.

«Умер он, хотя и имел возможность избежать смерти. Умер, веря в честь и достоинство души человеческой. Умер от гнусной руки большевизма, но не случайно, а по роковой необходимости. В царстве торжествующего Хама все честное и доброе русское может только терпеть, страдать и умирать. Помните это вы, юноши и дети! Вернуться теперь — означает вернуться к Ленину и Троцкому, к гнусным палачам матери-Родины. Вернуться — значит покориться предателям, признать их право на издевательство над тем, что должно быть святыней каждого русского! Слушающий — да разумеет!»

Протопресвитер Бощановский родился в 1872 году в селе Самбек Екатеринославской губернии. Он окончил Киевскую духовную академию и в 1897 году рукоположен в священники. С 1899 года состоял законоучителем в различных учебных заведениях в России и за границей. В октябре 1949 года он стал настоятелем Александро-Невской церкви в городе Лейквуде, около Нью-Йорка. Решением Архиерейского синода Русской православной церкви отец Василий был возведен в сан протопресвитера в 1956 году.

После него законоучителем в корпусе стал отец Иоанн Трофимов, донской казак, отец кадета. Оба были высокого роста, косая сажень в плечах. Служил благолепно, требовал от нас знание Закона Божия и лепил колы, когда мы этого заслуживали. У меня нашел в парте стихотворения Пушкина, да не те, какие нужно. Взял за плечи, повел к форту. Долго поучал, старался объяснить, что это Александр Сергеевич написал в самые ранние, юношеские годы, а что потом и сам стыдился того, что написал, и друзей просил ему об этом не напоминать, сердился, когда об этом заговаривали. И вот отец Иоанн заставил меня вырвать по листочкам (а жаль было, так как это было старое, редкое издание — откуда оно попало ко мне, я уж теперь и не помню) и, разорвав на мельчайшие кусочки, развеивать по ветру. Сам помогал в этом.

Долгое время нашим духовным окормителем был не кто иной, как сам епископ Вениамин, духовный глава Белой армии. Этот период оставил, я думаю, одно из самых ярких воспоминаний в душе кадет, в особенности младших классов. Епископ Вениамин своим искренним словом увлекал за собой молящихся — проповеди его были исполнены глубокой верой, и каждое его слово проникало в самую душу. Оглядываясь на прошедшее, я ясно отдаю себе отчет в том, что он сделал для нас, для нашего духовного обогащения и какой переворот произвел в юных сердцах. До него, да и после него, — что греха таить, подрос-

ток-кадет особой набожностью никогда не отличался, за очень редкими исключениями. Вспомним, говоря об этих исключениях, пример Бориса Петровича Богаевского, который с малых лет, казалось, посвятил себя на служение Богу. Частенько любили мы удрать и всякими правдами и неправдами избежать долгого стояния в церкви. Это не имело ничего общего с верой или неверием мальчишки. Просто в этом возрасте не вдумываешься глубоко во многие вопросы. Но это избегание не касалось тех из нас, что пели в хоре, — те были считаные, да и любили церковные службы. А булочки певчим в воскресенье — да разве рискнешь потерять такую вкусную сдобную булочку!

Но с приездом епископа Вениамина влилась в нашу жизнь новая струя. Даже «теплохладных» сумел он заразить своим горением и привлечь к алтарю. Его богослужения были прежде всего интересны. Я задумался было: уместно ли воспользоваться этим словом для определения, и решил, что это точнее всего определяет характер того, что он делал. Прежде всего он в подробностях знакомил нас со смыслом богослужения, объяснял в классе все детали и, может быть, не совсем понятные выражения в тексте богослужения. А мы-то думали, что с церковной службой знакомы с самого детства! Оказалось много нового, что только теперь открывалось в его проникновенных объяснениях. Поэтому особенно внимательно мы следили теперь за всем, что совершается во время службы. Изредка он знакомил нас с теми обрядами, которые редко соблюдаются в нашей церкви, как это было, например, с обрядом омовения ног 12 апостолам. В качестве «апостолов» были выбраны кадеты, и для обряда был сооружен особый помост, обшитый белыми простынями. Этот обряд своей исключительной красотой и внутренним смыслом произвел на нас сильное впечатление. Епископ Вениамин сумел привлечь к церкви много «теплохладных» и огрубелых сердец. Помню, что многие из тех, что не прочь были ранее отлынивать от воскресной службы, вставали теперь часа на два раньше и бежали к ранней. Готовы были, кажется, пожертвовать и завтраком, если надо. Очень многих, в том числе и меня, епископ заставил задуматься о том, что у нас до тех пор лежало под спудом. Его отъезд был для нас ударом. Тяжело было расставаться, и его автомобиль несли на руках так же, как в свое время и автомобиль Главнокомандующего. При епископе нам удалось не раз слушать всероссийскую знаменитость — прославленного протодиакона отца Вербицкого, пластинки которого ныне уже фонографическая редкость. А тогда, в течение долгого времени, он жил и служил при корпусе.

Вслед за тем нашим законоучителем стал архимандрит Иоасаф, впоследствии архиепископ Буэнос-Айресский и Аргентинский. Владыка ро-

дился — согласно выписке из журнала «Православная Русь» — в 1888 году в Новгородской губернии, в семье сельского священника. Духовное училище и семинарию окончил в Новгороде, а Духовную академию в Санкт-Петербурге в 1912 году. В том же году принял монашество и стал инспектором Духовного училища в городе Яраиске Вятской губернии. Позднее инспектором Духовного училища был переведен в Полтаву, где и жил до революции. После эвакуации из Крыма он прибыл в Югославию и в течение пяти лет был законоучителем в Донском Императора Александра III кадетском корпусе. В 1927 году православные в Монреале пригласили его настоятелем новооткрытого прихода. Архимандрит Иоасаф пробыл в Канаде 6 месяцев, а затем вернулся в Югославию, где в октябре 1930 года был хиротонисан в епископа. Вернувшись в Канаду, владыка сумел наладить жизнь епархии и создал в Канаде 2 монастыря и ряд православных приходов. В результате его двадцатилетних трудов там возникли 2 отдельные епархии. В 1951 году он был назначен правящим архиереем в молодую Аргентинскую епархию, где создал много новых приходов. Скончался владыка 26 ноября 1956 года в Буэнос-Айресе.

Постараюсь описать его, каким помню, — аскетической внешности, небольшого роста, с прямыми волосами, с большими горящими глазами, — он, надо сознаться, не привлекал к себе сердца кадет в той степени, в какой это удавалось всегда делать епископу Вениамину. К архимандриту Иоасафу относились с глубоким почтением, но не бывало того импульса, чтобы вдруг, по внутреннему наитию, подбежать к нему под благословение и с искренней радостью поцеловать его благословляющую руку, как это случалось с нами при епископе Вениамине. Чувствовалась какая-то сдержанность, некоторая сухость. Я очень боюсь ошибиться в своем анализе, он очень субъективен, но передаю то, что чувствовал и наблюдал сам. Думаю, однако, что он был лишен сухости, что в нем было много внутреннего огня, только другого свойства.

Перевод корпуса в Горажде

В 1926 году наш корпус был переведен в Боснию, в маленький городок Горажде, на берегу Дрины. Этот перевод произошел вследствие того, что Военному министерству понадобились казармы в крепости Билече, для размещения там Школы офицеров запаса.

Несмотря на то что Горажде считалось захолустьем, однако разница между этим городком и Билече, где ранее проживал корпус, была

громадная. Из диких мест мы неожиданно переехали в какой-то, казалось нам, оазис, настолько разница была разительна Во-первых, сам городок был больше, во-вторых, пути сообщения были под рукой, в городе был хоть какой-то «букет» очаровательных девиц (правда, их можно было легко пересчитать, но в Билече и считать-то не приходилось), было много зелени, не было «поскоков» — змей, которых мы опасались в Билече, не так далеко было до крупного центра — города Сараево, куда можно было при желании съездить и куда мы так никогда и не ездили В общем, здесь было гораздо приветливее и лучше, а климат был гораздо мягче.

Корпус занимал большой комплекс зданий, среди которых одно было главным· там помещались классы, штаб, а на верхнем этаже спальни некоторых выпусков. Остальные выпуски помещались в удобных бараках неподалеку. Далее была церковь, в таком же бараке; квартиры чинов персонала, театр (переделанный из конюшни) и корпусной лазарет. На берегу Дрины стояло еще одно довольно большое здание, в котором жил директор корпуса и некоторые воспитатели с семьями. Река Дрина очень бурная, и вода в ней холодная, так что купаться можно было в очень редкие, особенно жаркие дни

Над корпусом с одной стороны и над городом — с другой нависали горы. Нависавшая над корпусом гора прозвана была «Горой самоубийцы». Дело в том, что на ней покончил с собой один казак, как раз перед нашим приездом в Горажде. Под горой располагалась наша кухня. Работал в ней Петрович, как его фамилия — понятия не имею, мы все его звали просто Петровичем. Говор его был цветистый и выразительный, я любил его слушать, а рассказывать он был большой мастер. Запомнилась мне одна его фраза. Мы стояли где-то возле кухни, а мимо проходила одна русская дама, очень корпулентная. Петрович поглядел ей вслед и заметил: «Вот это — дама, и душевно спокойственная, и на ногах утепистая...» Точность определений его была поразительна.

С чувством глубокого удовлетворения, отбросив всякий «местный патриотизм» и сознавая ответственность за свои слова, могу засвидетельствовать, что учебное дело в нашем корпусе в Югославии было на должной высоте. Из описания жизни корпуса в Египте читатель, вероятно, уяснил себе, что там дело преподавания довольно-таки хромало, чему и не следует удивляться· корпус потерял слишком большой процент чинов военно-педагогического персонала во время Гражданской войны — уход на фронт в партизанские и регулярные отряды, тиф, смертные случаи и т. д. За дело преподавания часто брались люди, мало общего с предметом имевшие; брались из самых чистых побуждений — хоть чем-нибудь помочь молодежи. Вот почему хороших преподавателей можно было

пересчитать по пальцам. В Югославии же условия стали более нормальными, было больше возможности подобрать подходящий учительский состав и для этого имелся резервуар несравненно большего объема, чем это представляли собой беженские лагеря в Египте. Напоминаю, что в Египте в первое время у нас не было даже врача.

Донцы и в Югославии поддержали старую традицию: особенно процветали у нас точные науки. Донцы всегда были хорошими математиками, а тут еще и преподаватели попались на редкость хорошие. С самого начала и до конца в корпусе преподавал математику старый Чекамасов. Это был преданный своему делу, очень высоких познаний преподаватель. Тот кто хотел — мог получить от него очень много. Несколько позже в корпус приехал, вырвавшись из СССР через Польшу, новый математик, некто Богоявленский. Оба они представляли собой полный контраст в методах преподавания. Чекамасов был годен для преподавания на высшем уровне, в университете, где имеешь дело со зрелыми и серьезными студентами. Он священнодействовал у доски, испещряя ее всю формулами и редко поворачивая седую голову к слушателям, бросал отрывистые замечания еле слышным голосом, сразу же стирал написанное и снова принимался заполнять доску новыми формулами. Итак, кто хотел, научился многому. А таких у нас было немало. Такие понимали, записывали, умели расшифровывать и его замечания шепотком, и его иероглифы. Полную противоположность ему представлял собой Богоявленский. Также прекрасный математик и профессор университета, он отдавал себе, однако, отчет в том, кого он имеет перед собой, и, сообразуясь с этим, думал прежде всего о методике и о том, как преподнести предмет. Он не хотел заинтересовывать только меньшинство, «посвященных», наиболее способных. Его цель была — вовлечь в игру каждого. На его уроках процент успеваемости взлетал ракетой вверх; от него нельзя было просто так отмахнуться, он донимал вас, покуда вы не начинали кое-как барахтаться в математическом море. Не удовольствовавшись обычной системой отметок, он ввел еще новую отметку — нотабену. Так мы его и прозвали с тех пор: Нотабеной, сменив прежнюю, незаслуженную им кличку Красный. Красным прозвали его только потому, что он приехал позже нас из России, большевиков же он не переваривал так же, как и мы. Каждому известно, что «нотабена» — это просто знак, чтобы на что-то обратить внимание позже. Но у Богоявленского это стало отметкой, чем-то ниже нуля или вроде нуля.

Профессор Абрамцев, историк. Помню его еще по Новочеркасску. Из-за его привычки почти каждую фразу начинать с «ну-с» или же «нуте-с», кадеты прозвали его Нусом Рано полысевший, он напоми-

нал головой Сократа. Его метод преподавания не ограничивался «от» и «до». Он раскидывал перед слушателями широкую панораму, и происходившие в тот или иной период события и участники этих событий вставали перед нами как живые. Он дополнял учебник красочными деталями и требовал от нас не только заданного по учебнику, но и того, о чем он сам рассказывал нам. Обычным методом средней школы он не ограничивался. Приведу пример. Обычно на вопрос о причинах Первой мировой войны кадет скороговоркой и без запинки отвечал: «Убийство в Сараеве австрийского эрцгерцога...» и т. д. По книге это было как будто правильно. Но не для Абрамцева. Он начинал излагать экономические причины, борьбу Англии и Германии за мировые рынки и знаменитое «Мэйд ин Джермани» — клеймо на германских изделиях, брошенное как вызов английской промышленности. «Вот это и есть причины войны, а то, о чем вы говорите, — это только повод к ней. Ну-с, назовем их, если хотите, непосредственные причины...» — говаривал он. Одним учебником Александр Иванович, наш милый Нус, не ограничивался. Он приносил часто несколько учебников, давал их читать нам или же просто цитировал, и мы должны были их сравнивать и находить разницу в подходе и освещении событий. Тут были и Ключевский, и Платонов, и Иловайский, и кого только не было: «все побывали тут». По переезде в Горажде Абрамцев, к сожалению, ушел из корпуса и перевелся в Крымский кадетский корпус. Хочется напомнить и о том, что Нус дал нам многое по истории Дона, его рассказы о донской старине были неисчерпаемы и всегда очень интересны.

Впоследствии приехал читать лекции, главным образом по военной истории, и на долгое время остался у нас преподавать полковник Генштаба Борис Николаевич Сергеевский. Всегда подтянутый, прекрасно одетый, в ловко подогнанном кителе, он уже своим внешним видом производил на кадет хорошее впечатление. Нужно ли говорить, что лекции полковника Сергеевского были исключительно интересны. Они иллюстрировались обычно с помощью карт и его собственных чертежей на доске. Думаю, что нелегко ему было снижать свои лекции с генштабного уровня на уровень понимания и знаний мальчишек-кадет, но он это делал блестяще, и текст его лекций всегда полностью доходил до нашего сознания.

Преподаватель химии и физики, профессор полковник Христианович. Звали мы его Тараканом за огромные рыжие усища, которыми он, как таракан, иногда поводил из стороны в сторону, ища жертву. Был очень требователен и строг — не знать урока у Таракана просто было нельзя. Всякие «извините, господин полковник, я сегодня не успел...» пресекались усами, грозным взглядом, распеканием перед классом и

каллиграфической единицей — почерк у него был изумительный! На одних «бор встречается в природе в виде борной кислоты и, сгорая в кислороде, дает бурые пары» — отыграться было невозможно. Крупным недостатком в изучении физики и химии была крайняя ограниченность в количестве прикладных пособий. Лаборатории, как ранее в Новочеркасске, и в помине не было. Однако благодаря его настояниям и хлопотам, а отчасти и его труду, у нас появились кое-какие пособия, позволившие оборудовать незатейливую лабораторию по физике и химии. Большая же часть наук проходилась по книгам и его запискам. Когда Таракан отходил от класса на достаточное расстояние, кто-либо, тщательно спрятавшись (Таракан — гроза!), затягивал что-то о романтически настроенном юнкере, который вышел на крыльцо подышать свежим воздухом, а кадеты вполголоса подхватывали: «Химия, химия, сугубая химия!..»

Как обидно, что обстоятельства не позволяют подробно остановиться на каждом из наших педагогов и воздать им должное. Скажу только, что плохих, неумелых — просто не помню, у нас их не было. То, что было заложено в кадет в корпусе, помогло донским орлятам позже расправить крылья. Блестяще поставленная математика выразилась в целой плеяде питомцев корпуса, преуспевших в университетах. Достаточно одного примера — Белоусов. Уже на первом курсе профессор, раскусив его и его знания как следует, предложил ему совместно писать труд по высшей математике!

Самыми легкими предметами всегда считались в корпусах Закон Божий и рисование. Так, как будто даже и учить не приходится, в особенности рисование. Легче легкого. А ведь все зависит от учителя, сумеет ли он вызвать в учениках интерес, или не сумеет. И вот вспоминается рисование. Сначала — старенький, участник Русско-турецкой, Японской и Первой мировой войн, генерал-лейтенант Карпов[623]. Израненный, кавалер многих орденов, личный друг П.Н. Краснова. А ко всему этому, еще и прекрасный рисовальщик. Преподавал спокойно, не нажимая, не гоняя, но к тем, кто проявлял интерес, — был требователен. И это подгоняло и давало результаты положительные. При нем больших успехов достиг, например, Макевнин. Помню прекрасный портрет карандашом или углем А.М. Каледина, работы Макевнина. Да не только помню, а и сейчас имею удовольствие видеть его перед собой; мы пересняли рисунок, и каким-то чудом он у меня сохранился, стоит на письменном столе.

После генерала Карпова, ушедшего на покой, рисование преподавал Михаил Михайлович Хрисогонов[624], настоящий, законченный художник. Работать под его руководством было приятно и интересно.

А теперь М.М. Хрисогонов пользуется широкой известностью в Южной Америке. 27 октября прошлого года в столице Венесуэлы Каракасе была устроена выставка его картин в одном из лучших залов столицы «Арте декоративо» — как приятно было донским кадетам прочитать о своем старом преподавателе!

Образцово было поставлено спортивное дело. И только благодаря одному человеку — преподавателю гимнастики и спорта полковнику Гану[625]. Правда, ни в Билече, ни в Горажде не увлекались и почти совсем не играли в футбол — так что никакого сравнения с Египтом в этом отношении быть не может. Зато работа на снарядах и фехтование были поставлены первоклассно. Полковник Ган был сам отличным фехтовальщиком, не раз бравшим призы на гвардейских состязаниях. В старших классах многие кадеты отдавали буквально все свое свободное от занятий время гимнастике, работе на снарядах. Главное же, что полковник Ган, несмотря на то что имел семью, отдавал столько своего времени кадетам, занимаясь с ними и по вечерам, и после обеда. Результаты этой тренировки сказались позже, когда кадетские группы начали участвовать в различных гимнастических празднествах и соревнованиях в Югославии. Благодаря этому кадетам удалось участвовать в Сокольском слете в Белграде, а также быть и на главном сокольском празднестве — в Праге, в Чехословакии. Отличились и те, что работали на снарядах, отличилась и фехтовальная группа. У нас увлекались не рапирами, а главным образом эспадронами, что, по крайней мере, хоть напоминало казачью шашку своими ударами.

Вспоминаю своего командира сотни в Новочеркасске, стало быть 3-й сотни тогда. Александр Иванович, генерал-майор Васильев. А звали мы его Воронье Гнездо, так как, обходя спальни, он часто бывал недоволен тем, как застланы кровати, и кричал: «Это же не кровать, а воронье гнездо». С тех пор кличка и пошла. После Новочеркасска я увидел его снова только в Горажде, так как в Новороссийске он заболел тифом и от корпуса отстал. Генерал Васильев приехал устраиваться в корпус, но из этого, в общем, ничего не вышло путного. Никакой штатной должности он не получил, но ему выделили квартиру, вернее, комнатку по соседству с полковником Поссевиным.

Если не ошибаюсь, в 1927 году корпус неожиданно посетил Король Югославии Александр. К сожалению, его приезд пришелся на каникулярное время, когда в корпусе было слишком мало кадет, а в тот именно день большинство разбрелось кто куда. Король нагрянул совершенно неожиданно, никого не предупредив. Потом выяснилось, что по дороге из Сараева кто-то из свиты сказал Королю, что вот где-то поблизости в маленьком городишке Горажде есть еще один русский ка-

детский корпус. Король сейчас же приказал отправиться туда. Власти в Горадже переполошились, когда королевский автомобиль показался на улицах городка. Засуетились, забегали, но Король не удостоил их посещением. Его автомобиль остановился прямо перед главным корпусным зданием. Одним из первых у дверей Короля встретил дьякон. Он выпучил глаза, как будто видел перед собой привидение. Король протянул ему руку и заговорил по-русски, а дьякон все еще не мог прийти в себя от изумления. Затем Король обошел помещения — классы и спальни, а в это время подоспело и корпусное начальство, никак уж не ожидавшее такого приятного сюрприза. Король пробыл в корпусе очень короткое время и проследовал дальше.

Возвращаясь на минутку к теме о кадетском театре, я должен упомянуть, что и в Горадже кадетам пришлось поработать-таки порядком над устройством театра. Снова пришлось из конюшни делать дворец. Дворец не дворец, а в результате нечеловеческих усилий кадетам удалось привести здание в полный порядок, засыпать все «запахи» и уничтожить воспоминание о конюшне. Я не буду повторяться, говоря о театральных представлениях. Я хочу только вспомнить о нескольких счастливых днях, проведенных в этом здании. Именно там, в течение нескольких вечеров, волновал и вызывал в нас лучшие чувства заезжий русский поэт, представитель нашего Серебряного века, расцвета поэзии в XX столетии. К стыду своему, я должен сознаться, что не уверен в том, что правильно назову фамилию этого поэта, но мне кажется, что это — Оленин. Во всяком случае, это был автор стихов, положенных потом на музыку вещей, которые распевались по всей России-матушке: «Спите, орлы боевые» и «Спи, моя девочка, спи, моя милая». В течение этих нескольких вечеров он без устали читал нам свои стихи и стихи других поэтов этого периода: Блока, Ахматовой, Гумилева, Волошина и других. «Конюшня» сотрясалась от кадетского восторга, и его выносили на руках. Помню, один из этих вечеров он закончил своим стихотворением, которое в конце увенчивалось такими строчками (как ответ на вопрос, в чем главные причины нашей «Великой бескровной»):

Хождение в народ, непротивление злому
И любовь ко всему чужому!

Я почти не спал и написал какие-то немощные вирши, которые на следующий день робко вручил ему. Через день был его последний вечер, и он прочитал свое стихотворение, посвященное донским кадетам. Оригинал он передал мне, написав очень лестное посвящение, начинавшееся со слов: «Юному поэту...» и т. д.

Вспоминаются еще дни, значительные для кадет, полные надежд и устремленности сердец к далекой порабощенной Родине... Это были дни, когда корпус посетил последний Главнокомандующий Российской армии, генерал Врангель. Мы были выстроены на нижнем дворе, а перед строем, держась одной рукой за рукоятку кинжала, стоял Врангель. Хриплым, привычным к выступлениям перед необозримыми рядами войск голосом он вливал в нас надежду и призывал к терпению.

Сотни молодых завороженных глаз глядели на него влюбленно, не отрываясь и впитывая в себя каждую деталь, каждую черточку его высокой фигуры, затянутой в скромную черкеску. Неподвижным изваянием возле него стоял его адъютант, лейб-казак есаул Ляхов, в мятой английской фуражке. Не думаю, что во времена австрийцев эти стены и бастионы могли оглашаться такими неистовыми кликами восторга, какими донские кадеты встречали и провожали генерала Врангеля. Пожалуй, проводы были еще более бурными. Кадеты подняли на руки автомобиль Главнокомандующего и понесли его на руках по шоссе, ведущему из Билече в Требинье. Несли и несли, пока он сам не приказал им опустить автомобиль на землю.

В истории Донского корпуса перевернулась еще одна яркая, полная глубокого внутреннего значения страница. И не чаяли кадеты, что в 1929 году их фанфара, с платом синего бархата и вензелем Императора Александра III, будет встречать на железнодорожной станции столицы и провожать до места последнего упокоения в скромной русской церкви прах этого самого человека. Четыре фанфариста, хор трубачей и взвод кадет от Донского кадетского корпуса выполнили эту печальную миссию. Казалось, еще так недавно, чуть ли не вчера, — а это было в 1925 году, — мы встречали его в Билече. Когда гроб Главнокомандующего, покрытый русским флагом, вынесли из поезда, привезшего его из далекого Брюсселя, многие из нас вспомнили то солнечное утро в австрийской крепости, а главное — те лучи веры и надежды, которыми освещал он нам тогда будущее и вливал силы в молодые сердца. Твердо верили мы тогда, что действительно близок час освобождения нашей Родины и любимого Дона.

О традициях

Останься мы на Родине, и почти с уверенностью можно сказать, что в соблюдении кадетских традиций (я говорю о ритуалах, о «звериаде», о «похоронах анатомии и всех наук» и прочем) главным элементом была бы милая озорная шутка, быть может, иногда и не совсем цензурная.

Так было, вероятно, в те времена, когда «традиции» только зарождались в военно-учебных заведениях. Очень возможно, что это были лермонтовские времена, так как именно ему и его однокашникам в Школе гвардейских подпрапорщиков приписывается введение многих традиционных ритуалов. Не имея под рукой солидных исторических материалов, трудно говорить об этом безапелляционно. Можно только высказывать предположения и излагать то, чему сам был свидетелем. Но рассказать об этом нужно, хотя бы уже по одной причине: пусть об этом знают грядущие поколения в будущей свободной России, на возрождение которой политический эмигрант не имеет права терять надежды.

Очевидно, источники зарождения традиций двоякого вида: заимствование и самобытность. Вряд ли будет ошибкой предположить, что большая часть всяких ритуалов была заимствована у иностранцев — из полков, военных училищ и кадетских корпусов Пруссии, Саксонии, Австрии и т. д. Немалую роль, как это ни странно, могли сыграть и военизированные немецкие «бурши» — члены студенческих корпораций и «ферейнов». Но это только часть, да и та, вероятно, при пересадке на родную почву претерпела достаточно изменений. Помимо заимствований, многое в наших традициях являлось результатом «коллективного творчества», многое было создано вдохновением и изобретательностью неизвестных «авторов».

«Звериада». Традиционная кадетская песня, на определенный мотив и определенного стихотворного размера, в которой обычно высмеивается корпусное начальство и вообще весь учебно-педагогический персонал данного корпуса. В своих общих чертах «звериады» всех кадетских корпусов сходились; почти всегда у них было одинаковое, или почти одинаковое, начало да и многие куплеты также были идентичны. Текст зачастую был мало цензурным, озорным. Происхождение самого слова становится ясным при разделении его на два слова «звери ада». В нашем корпусе на книге, которая, так же как и песня, называется «Звериадой», название писалось через тире: «Звери—ада». Возникает, конечно, вопрос: а о каких же «зверях» идет речь? Ведь почти во всех кадетских корпусах «зверьми», или «зверями», называли младших, в особенности кадет 3-й роты, то есть сугубцев. Кадета 2-й роты «зверем» уже не называли бы, хотя он и продолжал оставаться сугубцем для кадет 1-й роты. А в «Звериаде» описывается и высмеивается прежде всего персонал корпуса. В чем же дело? Обратим внимание на то, что в Донском Императора Александра III кадетском корпусе название «звери» исстари применялось только к директору, воспитателям и преподавателям корпуса, но никак не к

младшим кадетам. Те назывались просто сугубцами. Итак, очевидно, «звери ада» — это все корпусное начальство и со «зверями пушистыми, хвостатыми и рогатыми» в остальных корпусах это не имеет общего. Кроме того, я вспоминаю пояснения своего дядьки, кадета Николаевского корпуса в Санкт-Петербурге, от которого я впервые узнал о «звериаде» и услыхал ее текст, за что дядька был с позором отлучен от дома на целый месяц моей строгой бабушкой. Вместо привычных мне теперь строк:

Споемте, братцы, Звериаду!
Собрались звери все гурьбой —
Бессмысленных баранов стадо
Подтянет их кадет лихой!

дядька мой пел иначе:

Так спойте ж песню, звери ада,
Вы здесь собрались все гурьбой,
Бессмысленных баранов стадо —
Подтянет вас кадет лихой!

Обратим внимание на винительный падеж — «Звериаду» в новом варианте и третью строку «стадо», — с неполной рифмой. В его толковании эта песня представляла собой описание всех провинностей «зверей ада» перед кадетами. Позднее от кого-то я слышал другое объяснение: это, мол, старшие кадеты поют перед младшими, таким образом их знакомя с корпусными традициями. Думаю все же, что «звери ада» относится к начальству. Ему, между прочим, приклеили в эмиграции еще одну кличку — «лавочка».

Итак, продолжаем о «Звериаде». Как видите, мы уже ее и склоняем, как обычное имя существительное. Все стихи-куплеты «Звериады» были вписаны в книгу, огромную книгу на застежках и с серебряными украшениями на бархатной обложке. Каждый выпуск считал своим долгом внести и свою лепту и вписать в «Звериаду» свои собственные куплеты По какой-то причине некоторые выпуски этого не делали — очевидно, были бедны Лермонтовыми и Давыдовыми. «Звери» часто меняются, уходят на покой, кое-кто умирает, а на их место приходят новые, «ад» пополняется, и это необходимо отметить в «Звериаде», «пригвоздить всех к позорному столбу». Что сталось с нашей новочеркасской «Звериадой» — не знаю. В мое время «Звериад» было две: одна старая и вторая, созданная уже трудами 39-го и 40-го выпусков «Старая» вовсе не была старой — ее старшинство восходило всего лишь к 35-му выпуску, то есть к классу, кончившему корпус в 1923/24 учебном году, если не ошибаюсь. Выпуск 34-й, несмотря на прекрасный по

духу и способностям состав, не имел большого влияния на жизнь корпуса. Это тот выпуск, где были Левушка Греков (впоследствии протодиакон собора в Сан-Франциско, там же и скончался), Костя Долуханов (инженер, скончался в Белграде или Загребе в прошлом году), Женя Марков (в советском концлагере), Ваня Лобачев (судьба неизвестна) и другие. Твердые основания традициям заложил лихой-непромокаемый выпуск 35-й: это Александр Беломестов, Борис Кундрюцков, Александр Ротов, Григорий Самойлов, Жорж Сысоев, Макар Софронов, Александр Туроверов (статьи которого мы часто читаем в зарубежной прессе) и многие другие. Помимо корпусного значка (жетона) были тогда введены и выпускные жетоны. У ушедшего 34-го вместо значка было кольцо. Значок 35-го (проект Григория Самойлова) представлял собой круглый щит, вверху которого была голова Ермака в шеломе, а волосы бороды его как бы растекались по щиту, главным образом по ободу. На щите стояла надпись — девиз корпуса: «Верны заветам старины».

В то же приблизительно время создавалась и первая за границей «Звериада». Вернее, она была начата 35-м выпуском, а окончательное оформление ее и сооружение синего бархатного переплета было делом рук кадет 37-го выпуска. Влетело это в копеечку — триста с лишним динар, что по тогдашним временам сумма была немалая. Кадеты Атаманской сотни получали, правда, по 10 динар в месяц, и это все шло на Звериаду Пришлось также частично продавать крестьянам порции хлеба (герцеговинцы — народ бедный), а кадетам-«богачам» (у кого и из дому водились деньжонки) — пирожки и котлеты. Таким же путем оплачивались и выпускные жетоны. В мое время первая книга уже была заполнена, и надо было заказывать вторую. Размер первой книги двадцать на пятнадцать дюймов, вторая была чуть поменьше, но зато потолще. На темно-синей бархатной обложке были серебряные (фактически из белого металла) украшения, застежки. Наверху стоял год основания корпуса «1883», над ним были прикреплены выпускные жетоны разных выпусков, ниже крупными буквами надпись: «Звериада». Бумага в обеих книгах была веленевая высшего сорта и достаточной плотности. Страницы были затейливо украшены инициалами и заставками, что уже представляло собой художественный интерес, как хорошая орнаментальная композиция. Рисовали неплохие художники. Во второй, новейшей «Звериаде» был интересный фронтиспис: портрет Державного Шефа, окруженный замысловатым орнаментом. В текстах Звериады выпусков 39-го и 40-го уже мало места уделялось шутливому высмеиванию начальства, «зверей». Характер текста изменился — больше писалось о России, о родном Доне Ивановиче и о старых традициях.

Хранителем «Звериады» всегда был старший (в отношении традиционном) — 7-й класс. Хотя в эмиграции число классов возросло до восьми, кадеты не пожелали нарушать традиций и по-прежнему считали хранителем «Звериады» семиклассников. При переходе в восьмой класс кадеты 7-го в торжественной обстановке (см. ниже) передавали Звериаду вчерашним шестиклассникам. Фактическим хранителем ее являлся адъютант атамана.

Традиционное начальство. Кроме «Звериады», которая имела генеральский чин и официально называлась «Ее превосходительство Звериада», а следовательно, и пользовалась всеми ее чину полагающимися почестями — отданием чести, подачей команды «смирно» при ее «появлении» и т. д., — существовало еще и традиционное корпусное «начальство». Это была выборная старшина, и состояла она из: а) выборного атамана выпуска, который в то же время назывался «корпусным атаманом», б) товарища атамана, в) «войскового писаря» (это выборное звание было необязательным для выпуска, и иногда никаких писарей выпуск не выбирал), г) адъютанта атамана и д) господ есаулов, а то и войсковых старшин. Подобно войсковым регалиям, или клейнодам, в корпусе также имелись свои регалии. Это прежде всего была Звериада, выносившаяся в особо торжественных случаях, на парадах и т. д., булава атамана, как знак его власти, бунчук, то есть трость металлическая с конским хвостом, что было знаком власти товарища атамана. Также была еще и «войсковая печать», на ней — «олень пронзен стрелой» и надпись вокруг: «Атаман Донского Императора Александра III кадетского корпуса». Ею и своей подписью атаман скреплял официальные бумаги, как, например, в переписке с традиционным начальством других корпусов — генералами выпусков. Традиционным начальством была также (поскольку была в данном выпуске выбираема) и дама выпуска, которая у нас называлась «атаманшей».

Кроме традиционного начальства в старшем выпуске, таковое же было выбираемо и в 6-м классе — их уже понемногу старались ознакомить с традициями. В последние годы и в младших классах появились атаманы (это уже делалось самотеком) по образцу старших классов. Атаман имел право созыва общего собрания всех кадет старшего выпуска, которое называлось у нас войсковым кругом. В исключительных случаях атаман мог потребовать созыва и общего Круга, то есть и других выпусков, стольких, сколько ему казалось нужным.

Заседания Круга проводились с должной серьезностью и в торжественной обстановке. В назначенное время все должны были быть на своих местах в означенном месте и ждать прихода «начальства». Пода-

валась команда «смирно», и входил атаман, окруженный традиционным начальством и со своими символами власти, булавой и бунчуком. Затем, если это требовалось, вносилась «Ее превосходительство Звериада» и все становились смирно. Атаман приглашал всех сесть, а адъютант читал протокол последнего заседания Круга, после чего объявлял повестку дня на сегодня. Различные вопросы решались по казачьему «обыкновению», или «обыку», — общим «присудом», голосованием. Если надо — вопрос подвергался обсуждению. На мелочах не задерживались и глупостями не занимались. Все проходило необычайно чинно и благопристойно. Никаких хамских выпадов не бывало, доказывали и спорили вежливо и пристойно. Причины к созыву Кругов бывали разные: заказ выпускного жетона, устройство бала или вечеринки, неблаговидный поступок какого-нибудь кадета или несправедливое отношение преподавателя или воспитателя, и тогда в первом случае объявление просто выговора, или строгого выговора наедине, или же с вызовом провинившегося в заседание Круга, объявление его «на красном положении», то есть объявление бойкота (частичного, временного и полного), решение устроить «темную» или же, за особо неблаговидный поступок, — «всыпать плетей перед Кругом». В последнем случае придерживались старинного обычая: «маненько поучить плетюганом», что производилось обычно в станичном правлении по приговору стариков. По тому же обычаю, провинившийся потом вставал и, кланяясь на все четыре стороны, благодарил их за то, что «поучили уму-разуму». У нас такая мера наказания была применена только один раз за все время в эмиграции, и причиной тому послужило крайне дерзкое неповиновение решению большинства. В случае же несправедливого отношения начальства, устраивалась разного рода «обструкция», вплоть до так называемого «бенефиса». Далее, на Круге могли разбираться такие вопросы, как предстоящие выборы традиционного начальства или же дамы выпуска, «атаманши», сбор пожертвований в пользу какого-нибудь особенно нуждающегося русского эмигранта и тому подобные вопросы. Кадет, выбранный атаманом, становился невольно еще более подтянутым, следил за собой, за своим внешним видом и за общей дисциплиной и в своем выпуске, и в младших классах. А за ним тянулись все.

«Похороны». Таковые проводились дважды — в первый раз «хоронили» анатомию, во второй раз «все науки». Бедную анатомию, насколько еще помню, мы хоронили по окончании 6-го класса. В гроб, сколоченный из досок, клалось несколько учебников анатомии и сверху — вырванный из учебника же скелет, то есть рисунок со всеми мышцами, органами и костями. «Хоронили», конечно, тайком от начальства, которое об этом было осведомлено, так как в свое время и само хоронило

анатомию. Около полуночи выбирались из казарм в назначенное место (у нас это производилось на горе, над зданиями корпуса), откуда нас не могло быть слышно и видно. Последнее было также важно, так как в руках у нас были зажженные свечи, а кроме того, еще раскладывался костер. Но мой выпуск перестарался. Вместо того чтобы потихоньку взобраться на гору, минуя все дороги и городские улицы, мы решили «шикануть» и в белых простынях, с зажженными свечами и гробом впереди, прошли через город. «Главы и очи понурив долу» четыре кадета на высоко поднятых руках несли «гроб», а в гробу лежала несчастная старушка анатомия. Время от времени я всхлипывал и вопил: «Сик транзит глориа мунди!» По дороге попались стражник и двое солдат-сербов. Они тотчас же вытянулись во фронт и лихо отдали честь, а кадеты едва могли сдержать смех. Слава богу, никто не прыснул. На горе ожидал разложенный костер («могила» была выкопана заранее). Тут мы предали анафеме директора корпуса и безобидного старичка профессора, а затем, под вопли и стенания, предали несчастную старушку погребению. Этим церемония и закончилась.

Приблизительно таким же образом хоронили мы и все науки. В этом случае сожжению предавались учебники по разным отраслям наук. Помню, что в нашем выпуске, из-за недостатка учебников, мы воздержались от сожжения всех и просто символически бросили в костер три-четыре книги. По окончании похорон был устроен «ночной смотр», или, как его еще называли, «шванц-парад». Само название указывает на заимствование традиции у немцев или австрийцев. Выпуск прошел церемониальным маршем мимо атамана, причем форма одежды была такова: 1) фуражка, 2) сапоги, 3) пояс и 4) адамов костюм. Не надеть пояса считалось неприличным. Так как звуки духового оркестра могли бы указать на наше местопребывание, марш напевался всеми вполголоса.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать о случае, приключившемся, правда, не у нас, а в соседнем Русском кадетском корпусе в городе Сараево. Хоронили анатомию. Не в меру рьяный дежурный офицер перестарался и, усмотрев в похоронах безобразие и отклонение от дисциплины, занес этот факт в журнал дежурств. Было ясно, что офицер никогда не учился в кадетском корпусе и традиции ему были глубоко чужды. Утром журнал, как всегда, вместе с устным рапортом был подан директору, генералу Адамовичу. Тот прочитал: «Кадеты такого-то выпуска хоронили анатомию». Не моргнув глазом генерал наложил резолюцию: «И вечная ей память!»

Традиционные парады. Последние бывали в высокоторжественные дни, начиная с корпусного праздника, в день 6 декабря. В них могли

участвовать не только кадеты старшего выпуска и следующего за ним, но и вообще все классы. Они устраивались после официального корпусного парада. При этом также старались соблюдать тайну, но, так как в этом принимал участие и хор трубачей, то, конечно, это было секретом полишинеля. Когда кадеты уже были выстроены, появлялось традиционное начальство с атаманом во главе. Трубачи играли Атаманский встречный. Парады проходили в очень серьезной атмосфере, а речи атамана и товарища атамана были исполнены призывов хранить кадетские традиции и любить Родину. Все заканчивалось прохождением церемониальным маршем перед атаманом и традиционным начальством. Рядом с атаманом находилась «Ее превосходительство Звериада», которой после отдельно кричали «Ура!». Иногда парады этим не заканчивались. После команды «Вольно, разойтись!» кадеты окружали своего атамана и начиналось пение песен — традиционной «Звериады», «Журавля» (пелись бесчисленные куплеты «Журавля», но нашим, донским «Журавлем» был один куплет: «А как выпить-закусить — у донских кадет спросить»), старых и новых казачьих песен и песен Добровольческой армии. Обычно начинали с традиционной:

Братья, все в одно моленье души русские сольем!
Ныне день поминовенья павших в поле боевом.
Но не вздохами печали память храбрых мы почтим:
На нетленные скрижали имена их начертим.

А потом переходили на наше любимое:

Тише, тише, все заботы прочь в эту ночь!
В добрый час спите, Бог не спит за вас...

И обычный припев:

Может, завтра после боя нас на пиках понесут
И зеленую рубаху кровью алою зальют...
Так наливай, брат, наливай, наливай полнее!
Выпивай, брат, выпивай, выпивай живее!

Приносили сюда и бутыли с «искрящимся», и нехитрую закуску, чокались и пили за многое, что дорого было кадету. Кто-нибудь заводил нашу вторую традиционную:

Мы лихие донские кадеты, дорог нам темно-синий погон.
Старой Родины чтим мы заветы: любим Русь и широкий наш Дон.
На скалистых утесах Билече, средь развалин угрюмых фортов,
Мы приняли на юные плечи тяжесть прежних российских грехов.
Мы лелеем в душе беззаботной завещанья великих отцов,
И за край наш Отчизны свободной мы умрем средь казачьих полков .

Одна за другой лились песни... Одна другой дороже и сердцу ближе. Кто-нибудь рявкал: «А ну, ребята, корниловскую!» — и Шурка Шевченко (мир праху его!), или Павлик Крипаков, или Коля Богаевский заводили:

Пусть вокруг одно глумленье, клевета и гнет.
Нас, корниловцев, презренье черни не уймет.
Вперед, на бой! На бой, кровавый бой!

Много было куплетов, всех здесь и не передать. Интересна, между прочим, история этой песни. Был в Корниловском полку один донской казак, прапорщик А.П. Кривошеев. Пописывал стишки. Написал это стихотворение, и офицеры рассказали об этом генералу Корнилову. «А ну-ка, прапорщик, покажите, что вы там написали...» Прапорщик переписал начисто, на каком-то скромном листочке, — ведь и бумаги-то не было, — передал генералу. Тот прочел, очень одобрил и сунул в карман тужурки, буркнув: «Это я себе...» С этой бумажкой Корнилов не расставался до самой смерти. Измятую и пожелтевшую бумажонку со стихами нашли на его теле. Так, вдохновением и кровью вписывались в историю нашей Родины одни из самых жертвенных ее страниц:

Верим мы: близка развязка с чарами врага.
Упадет с очей повязка у России, да!

Этот эпизод с происхождением песни был записан в июле 1918 года и напечатан в журнале «Донская волна», № 5, от 8 июля. Не забывали, конечно, и песню Студенческого партизанского батальона на Дону: «Вспоили вы нас и вскормили, Отчизны родные поля...» Песня не забылась, а вот что пели ее и сочинили впервые в Студенческом батальоне — это уже многими позабылось.

Но молодость берет свое, и долго минорное настроение среди нас не задерживалось — улетучивалось, а тут еще винцо помогало... Переходили на веселое, а заканчивали, по старому обычаю, лихой казачьей пляской.

Звания. Все кадеты старшего выпуска считались «господами хорунжими», а «есаулами» были те, что остались на второй год. Так как автор этих строк оставался не одиножды, а дважды, будучи не в ладах с математикой, то и закончил он корпус «господином войсковым старшиной». В оправдание добавлю, что в Египте со мной вместе на второй год осталось больше половины класса — мы предпочитали купание в Суэцком канале математике. Такова жизнь! Право «есаула» было, помимо старшинства и всеобщего уважения (а сам старался говорить

басом!) еще и носить выпускной жетон не там, где все смертные носят (на пуговице левого погона), а свешивающимся с третьей пуговицы на груди мундира-гимнастерки. Грудь при этом, конечно, выпячивалась — елико возможно.

Передача традиций и регалий; производство. Особенно торжественно была обставлена передача восьмым классом седьмому всех регалий. В этот день старшим традиционным классом становился седьмой, атаман передавал свою булаву новому атаману, товарищ атамана передавал бунчук новому товарищу атамана, а главное — вручалась Звериада. Оба выпуска выстраивались друг перед другом, атаманы — перед фронтом. Читался приказ уходящего атамана. Он сопровождался речью о значении традиций в нашей кадетской жизни, в особенности за рубежом. Атаман подчеркивал, что традиции не побрякушки и не шутки подростков, а что они олицетворяют для нас связь с далекой Родиной, что мы обязаны донести их нетронутыми до того дня, когда Россия и Дон станут свободными от большевистского ига. Далее он говорил, что необходимо поддерживать строгую воинскую дисциплину среди младших кадет, воспитывать их в духе традиций и оказывать им посильную помощь и в академическом, и во всех других отношениях. В конце речи он поздравлял младший выпуск с производством в господа хорунжие. После этого уходящий атаман брал из рук своего адъютанта «Ее превосходительство Звериаду» и торжественно передавал ее новому атаману, а тот своему адъютанту. Товарищ атамана передавал свой бунчук новому товарищу атамана, а в конце уходящий атаман под звуки «Атаманского марша» передавал свою булаву. Новый атаман обычно держал ответную речь, обещая хранить традиции.

После этого старый, уходящий выпуск проходил церемониальным маршем перед младшим — они теперь являлись старшими традиционерами.

Этим, собственно говоря, можно было бы и закончить наше повествование о традициях родного корпуса, но я должен упомянуть еще об одном факте, который также относится к традициям. Это цук. Именно по традиции у нас не было, да и не могло быть речи о каком бы то ни было цуке. Эта традиция красной нитью протягивалась в стены корпуса из сотни Николаевского кавалерийского училища, где отношение к цуку было крайне отрицательным. Делаю выписку из книги «Кадеты и юнкера» талантливого автора многих книг и очерков из военной жизни А. Маркова: «...Казачья сотня показалась мне народом солидным, хотя благодаря казенному обмундированию и не имевшим столь щеголеватого вида, как наши «корнеты». Эти последние в столовой почти ничего не ели, а продолжали,

как и в помещении эскадрона, «работу» над нами, строго следя за тем, чтобы «молодые» во время еды не нарушали хорошего тона, и поминутно делали нам замечания по всякому поводу. Дежурный офицер во время завтрака прогуливался между арками, сам не ел, а вел себя вообще как бы посторонним человеком, не обращая внимания на цук, имевший место в столовой. Как я после узнал, это происходило лишь в те дни, когда по Школе дежурили офицеры эскадрона. Казачьи же офицеры никакого беспорядка в зале не допускали». Вот это-то и было заложено в сотне Николаевского кавалерийского училища и позднее перешло в наш корпус — органическое отталкивание от цука. Что бы мне ни доказывали его сторонники, выставляя «воспитательную сторону» цука, уверяя, что именно таким методом выковывается и закаляется настоящий материал для офицерского состава — я буду стоять на своем. Как бы остроумны и забавны ни были некоторые приемы цука, но я усматриваю в нем прежде всего недостаток уважения к человеческой личности и некоторую ненужную издевку. Но спорить по этому поводу бесполезно, друг друга мы убедить не сможем, а потому я и ограничиваюсь лишь указанием на существование в нашем корпусе этой традиции — никакого цука!

Знаю, что эта глава несколько затянулась, но нельзя уйти, не указав на одну интересную черту, проявившуюся в соблюдении традиций за границей. Вспомним, что начинал я главу фразой: «Останься мы на Родине, и главным элементом в соблюдении традиций была бы милая озорная шутка». Теперь это требует некоторого анализа. Прежде всего, каждому, я уверен, ясно, что я имел в виду ритуальную, так сказать, сторону традиций: всякие похороны, шванц-парады и прочее. Но это только одна сторона вопроса, причем наименее важная. Важен самый дух традиций. Отношение к ним за границей неожиданно стало гораздо более вдумчивым и серьезным. Да, конечно, мы и дурака валяли, и озорничали, и «хоронили» науки, и устраивали подчас «бенефисы», но это все не то.

Потеряв свою Родину Россию и свой самый дорогой в мире Край — казачьи области, пройдя сквозь огонь Гражданской войны, перешагнув через холод и голод, аресты близких, надругательства над товарищами и через тысячи смертей вокруг — мы иначе стали относиться к соблюдению кадетских традиций. Теперь мы смотрели на это уже не как на мальчишеские выходки и веселую игру. Нет, это было для нас чем-то священным, чуть ли не олицетворявшим для нас далекую порабощенную Родину. В особенности это было заметно на заседаниях наших «кругов», а также и в составлении «Звериады». Само собой разумеется, мы пели, как это делалось и до нас, старые куплеты:

Директор спичками торгует,
Инспектор ваксу продает,
А пекарь просфоры ворует,
За это денежки гребет.

Однако каждый из нас, безусых мальчишек, отлично сознавал, что ни директора, ни инспектора ни в каких подобных грехах в наше время упрекнуть нельзя. В прошлом это были большей частью доблестные на войне офицеры, уважаемые люди. Однако песня не рождается «просто так». Где-то что-то когда-то, может быть, в незапамятные Николаевские времена случилось; были какие-то, скажем, злоупотребления, и вот родилась на эту тему песенка. Ведь недаром до наших дней докатилось твердое убеждение в том, что «ежели эконом — значит, обязательно жулик». Родилась песенка из-за одного единичного случая, а была подхвачена всеми, и пошло. Дыму без огня не бывает. Во всяком случае, кадеты в зарубежье, присмотревшись к своему начальству, убедились в том, что в наше время это поется просто так, по традиции.

Это более серьезное отношение отразилось и на текстах звериад. Элемент шутки становился все меньше и меньше, а если она и была, то, уж во всяком случае, без злостного намека на неблаговидное поведение. Вот почему в последней «Звериаде» появился даже портрет Державного Шефа на фронтисписе — иначе ему не было бы места в книге, наполненной полуцензурными остротами. Теперь больше всего писалось о России, о Доне Ивановиче, о военной службе, о казачьих традициях.

Именно этот элемент я и имел в виду и хотел особенно подчеркнуть — шутка переставала быть шуткой. К традициям относились с благоговением. Сыграло здесь роль и еще одно обстоятельство. В Югославии эмигрантскими делами занималось специальное учреждение — Государственная комиссия но делам русских беженцев. Чиновники, ведавшие отделом образования, русские по происхождению, настаивали на устранении «воинского духа» в корпусах. Очень возможно, что они руководствовались чисто практическими соображениями и действовали из наилучших побуждений: а вдруг юношам, мечтающим только о военной карьере, и не удастся по окончании корпуса попасть на югославскую военную службу? Что тогда? Каково им будет в гражданской жизни, если система их воспитания не совсем соответствует условиям беженского существования? Но жизнь показала, что их опасения были напрасными — каждый постепенно нашел себя, свое призвание и свое место в этой жизни. Вот эти их попытки «обуздать нашу воинственность» натыкались на кадетское сопротивление, да и на сопротивление нашего корпусного начальства начиная с директора корпуса. Это заставляло нас крепче, более цепко держаться наших традиций и помнить наш девиз: «Верны заветам старины».

Посещение корпуса войсковым атаманом

Если не ошибаюсь, это было в 1927/28 году, когда корпус уже проживал в Боснии, в Горажде. Войсковому атаману была устроена торжественная встреча, был корпусной парад, закончившийся речью атамана. После этой официальной части генерал Богаевский не раз обходил классы, сидел во время уроков и интересовался тем, как поставлено дело преподавания. Кроме того, он любил бродить в неурочное время между казармами, заговаривая с кадетами-одиночками и целыми группами кадет, которых он встречал на пути. В личном контакте с Африканом Петровичем невольно как-то забывался его высокий пост и генеральское звание, кадеты тянулись к нему, как к родному отцу. В нем была особая теплота и доброта, и буквально через пять минут кадет чувствовал себя с ним как с отцом, дядей, старшим братом. Часто он брал мольберт и папку с рисовальной бумагой, усаживался то на берегу Дрины, то во дворике главного здания корпуса и делал наброски. Рисовал он прекрасно. Кадеты, сначала робко, а потом посмелей, обступали его, и, не прекращая рисовать, он вступал с ними в непринужденный разговор о кадетском житье-бытье. Рассказывал нам о Доне, уговаривал не терять надежды снова увидеть родные степи, рассказывал, как живут казаки во Франции и каковы их чаяния и надежды.

Африкану Петровичу было известно, что я пишу стихи, и он как-то попросил меня прочитать ему что-нибудь. Это было под деревьями, в полуденный зной, когда он с группой кадет уселся на траву и что-то всем нам рассказывал. Помню, тогда же мы еще и снимались с ним. Я был на седьмом небе от гордости и, выпятив грудь, отбарабанил свои полудетские стихи, в которых попалась такая неуклюжая (чего я тогда никак не сознавал) строфа:

...Но уже иссякли силы,
И казак, и атаман
Предпочли глуби могилы
Эмигрантский чемодан...
Но не дремлют, не скучают
За российским рубежом...

И еще какая-то чушь в этом роде. В то время, и когда я это писал, я совсем не отдавал себе отчета в том, что мои слова «предпочли глуби могилы» и прочие звучат не совсем одобрительно. Африкан Петрович похлопал в ладоши, обнял меня и затем, попрощавшись с кадетами, предложил мне пройтись погулять. Я решил, что это — высшая награда поэту и что ему чрезвычайно приятно и далее послушать мои блес-

тящие вирши. Оказалось, это было просто маневром с его стороны — отвести меня в сторону и втолковать, что писать таким образом не совсем уместно и т. д. и т. д. Сделал он это удивительно мягко и кротко, и я на всю жизнь запомнил всю эту «лекцию» по истории Гражданской войны на Дону и на Юге России. В казарму я возвращался совершенно очарованный им. Атаман прожил в Горажде, по-моему, около полутора недель — ему страшно понравилось это местечко; он часто говорил: «Да ведь это же рай после Парижа!» Мне хочется еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что покойный атаман был не только войсковым атаманом, но и просто чудным и добрым человеком, к которому кадетская душа тянулась, как тянется к своему родному отцу.

Памяти русских воинов[626]

В палисадничке перед главным зданием корпуса и сейчас стоит небольшой скромный памятник. Время стерло в моей памяти то, что там написано, но общий смысл написанного таков: «В память трех русских солдат, расстрелянных австрийцами за отказ грузить снаряды на русский фронт в 1916 году». Кто-то из приехавших из Югославии рассказывал мне не так давно, что по приходе советских войск он сам видел советских солдат, стоявших в раздумье перед этим памятником.

В 1916 году большая партия военнопленных была пригнана на станцию Устипрача, километрах в двадцати от Горажде. Грузили какие-то ящики, не зная, что в них, пока кто-то из русских, разбиравшихся немного в немецком, не прочитал надписи: «На восточный фронт!» А когда один из ящиков упал и разбился, выяснилось, что там — снаряды. Среди пленных вспыхнуло недовольство, они бросили работу. Наконец, австрийцы поняли, в чем дело, и приказали сейчас же возобновить работу, в противном случае — расстрел. Пленные вернулись. Все, кроме троих. Те остались твердыми в своем решении. Расстреляли их тут же и зарыли по соседству, на земельном участке, принадлежащем какому-то мусульманину-босанцу. Кончилась война. Босанец посадил здесь сливовые деревья и не мог нарадоваться прекрасному урожаю с них. Суеверный босанец приписывал это тому, что на его земле закопали трупы. Много позже, после нашего отъезда оттуда, я как-то перелистывал какой-то немецкий справочник и нашел сведения о том, что босанская слива котируется выше всего на международном сельскохозяйственном рынке и что на первом месте стоит крошечный городок Горажде. В дни пребывания нашего корпуса там босанец разболтал о случившемся когда-то и эти слухи дошли до русских. Генерал Перрет

сразу же поставил об этом в известность русского военного агента, полковника Базаревича и русского посла Штрандмана. Надо сказать, что Югославия была чуть ли не единственной страной, не желавшей признавать СССР. В свое время король и сам был кадетом и считал себя во всем обязанным России-матушке. По этой причине в наше время еще были русский посол и военный агент. Началось расследование и, наконец, переговоры с собственником участка, где находились могилы. Он не желал уступать даром то, что ему приносит такой богатый урожай. Сошлись на какой-то цене, и тела, вернее, то, что там еще оставалось, то есть скелеты, фляжки и сапоги, да еще пуговицы с двуглавым орлом, — все это было извлечено и доставлено в корпус для погребения. Это было обставлено очень торжественно — вдоль пути следования погребального шествия с обеих сторон дороги были выстроены шпалерами кадеты с зажженными свечами в руках. Из столицы в тот день прибыли посол и военный агент, представители югославского правительства и короля, генералитет, представители иностранных держав. При приближении к корпусу кадеты сняли гроб с катафалка и понесли его на руках. Корпусной хор трубачей играл похоронный марш Шопена, а кадетский хор время от времени исполнял «Вечную память» и «Со святыми упокой». Гроб был поставлен в корпусной церкви, и там служились панихиды. Возле гроба стоял почетный караул — кадеты с шашками наголо. На следующий день гроб с отданием воинских почестей был опущен в могилу, вырытую невдалеке от церкви, у подножия горы. Были произнесены прочувственные речи, и русские воины нашли, наконец, место последнего упокоения, зарытые родными русскими руками. Впоследствии корпусные власти воздвигли тот скромный памятник, о котором я говорил в самом начале. Этот памятник в далеком босанском городишке — это, в общем, и все, что может еще напоминать о пребывании там Донского Императора Александра III кадетского корпуса.

Донские кадеты в Югославии[627]

Донской Императора Александра III кадетский корпус накануне Рождества 1919 года, вместе с отступавшими частями Донской и Добровольческой армий, был вынужден покинуть Новочеркасск и ушел походным порядком в Новороссийск, откуда был эвакуирован англичанами в Египет. Генерал Рыковский, инспектор классов корпуса, собрал отставших и больных кадет и с ними тоже добрался до Новороссийска, откуда им удалось вскоре попасть в Крым.

В Симферополе генерал Рыковский получил для своих питомцев, которых было 12 человек, дачу на Суворовской улице, где во время большевиков помещалась Чека; затем он выхлопотал у Главного командования разрешение на формирование кадетского корпуса, названного Вторым Донским, причем он сам был назначен его первым директором.

Число кадет и персонала беспрерывно возрастало настолько, что в очень скором времени помещение сделалось слишком малым и корпус был перевезен в Евпаторию, на дачу купца Терещенко, где было несколько зданий, расположенных в саду, на берегу моря с прекрасным пляжем. По приказу генерала Врангеля молодые люди с незаконченным средним образованием направлялись из армии в кадетские корпуса и военные училища; такие же приказы были отданы войсковыми атаманами Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, на основании которых казачью молодежь из частей Русской Армии стали направлять во Второй Донской корпус, для продолжения образования. К августу 1920 года корпус насчитывал около 120 кадет, и их жизнь и занятия постепенно налаживались по выработанной программе, в которую входили лекции, прогулки, гимнастические игры и купание в море. Кадет иногда отпускали в отпуск, в город; некоторые старшие кадеты пытались снова убегать на фронт, но их вскоре возвращали этапным порядком в корпус.

Во время эвакуации Русской Армии из Крыма, в начале ноября 1920 года, корпус был вывезен в полном составе на пароходе «Добыча». Пароход был старый грузовой, небольшой, лишь с одним действовавшим котлом и с не совсем исправными машинами. Принадлежал он раньше к турецкому флоту и был захвачен русскими во время войны. Переход на нем через Черное море был связан с громадным риском и закончился благополучно только благодаря исключительно хорошей погоде.

При погрузке на пароход кадеты получили дневной паек, который сразу же был съеден, а других запасов продовольствия не было. В течение всего перехода кадеты буквально голодали и страдали от жажды, так как пресной воды тоже не было, а опреснитель работал неисправно. У инспектора классов, генерала Евсеева, оказался мешок сухарей; по просьбе директора, он раздал их кадетам, но этого, конечно, было недостаточно, чтобы насытиться. Ночью в одной из спасательных лодок посчастливилось обнаружить мешки с мукой, и, под прикрытием ночи, кадеты организовали «раздачу» этой муки. Смешав ее с морской водой, стали делать тесто и на паровых трубах пекли лепешки.

Пароход держал курс на Босфор. По прибытии стали на рейде около яхты «Лукулл», на которой находился генерал Врангель. Меняя несколь-

ко раз пароходы, корпус пробыл у берегов Босфора около трех недель. За все это время горячую пищу получили только один раз, да и то суп был с червями. В остальное же время кадет кормили очень плохо какими-то консервами. Последний пароход, на который переселили кадетский корпус, был «Владимир», большой грузовой, с многоэтажными трюмами. Расположили корпус в носовой части, в нижнем трюме. На «Владимире» уже находился Сводный Полтавско-Владикавказский (Крымский) корпус. Пароход стоял на якоре около Собачьих островов, ожидая согласия одной из союзных держав принять кадетские корпуса. Положение было трагическое, никто не торопился, никому мы не были нужны, и никто нами не занимался.

Наконец была получена радостная весть: Королевич Александр — Регент Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, бывший воспитанник Пажеского корпуса, принимает корпуса к себе в страну.

Пароход снялся с якоря и взял курс на север Адриатического моря. После долгого и утомительного перехода мы прибыли в бухту Бакар, находившуюся на границе Королевства СХС и Италии, где пароход бросил якорь и стал в карантин 27 декабря 1920 года. Всем очень хотелось сойти на берег, но никого не выпускали. Наконец желанный момент настал, и нам объявили, что на следующее утро будет разгрузка парохода. Рано утром на следующий день раздался сигнал утренней повестки Второго Донского корпуса, все кадеты собрали свой небольшой «багаж», поднялись на палубу и построились на молитву; трубачи заиграли зорю, пропели молитву, и директор корпуса, генерал Рыковский, вышел перед строем, поздоровался и объявил, что корпус будет выгружен и перевезен на север Словении, где нас временно поместят в бараках в лагере, но что до отправки мы должны пройти некоторые формальности на берегу.

Все с нетерпением ожидали момента выгрузки; наконец раздалась команда «Справа по одному, шагом марш!» — и кадеты, вытянувшись в цепочку, стали сходить по трапу с парохода. Странное ощущение на берегу! Казалось, что земля под ногами качается... слегка кружилась голова. С пристани нас повели к каким-то зданиям, расположенным недалеко. Это оказался старый, заброшенный цементный завод, разбитый во время войны, оставались только стены, крыши не было. Нас ввели в одно из зданий. Там находилась группа людей, штатских и военных, в русской и сербской форме. В стороне стояла группа сестер милосердия. Наш скромный «багаж» забрали и нас построили; офицер в сербской форме нас приветствовал и поздравил с прибытием в Королевство. Затем нас разбили на группы для медицинского осмотра, купания и дезинфекции нашего обмундирования.

Каждая группа, под командой воспитателя, уходила в другое помещение, где нам было приказано раздеться и завязать вещи в узелок, оставив его на скамье. После беглого медицинского осмотра направляли в баню, причем медицинский персонал приходил в восторг от вида и физического состояния молодежи. Импровизированная баня была устроена в длинном помещении, в виде широкого коридора, с высокими кирпичными стенами, бетонным полом и без крыши. Посреди, по всей длине, тянулся ряд вагонеток, на небольшом расстоянии друг от друга, наполненных водой, по которой плавали темные пятна лизоля, очевидно предназначенного для дезинфекции. Под ними пылали костры, а рядом стояли жестяные банки, вероятно заменявшие шайки. Дым и пар поднимались к небу, кадеты по 5—6 человек окружали вагонетки, и никто не решался начать обряд купания. Но вот один из группы, из озорства, зачерпнув черной воды из «ванны», плеснул ее на соседа. Этого было достаточно, чтобы началось общее купание. Поднялся страшный визг, крики и свист, и на фоне зарева костров, дыма и пара, между высокими кирпичными стенами, под открытым небом голые люди начали выплясывать дикий танец, поливая друг друга водой.

Картина была потрясающая своей необычайностью. Это веселое купание продолжалось минут 15—20; раздалась команда «строиться!». Все купальщики стали в одну шеренгу и направились к выходу. Мало кому удалось избежать купания и остаться сухим и чистым, большинство были мокрые и вымазанные лизолем. Вытереться было нечем. Вернувшись в нашу «раздевалку», мы не нашли нашей одежды, ее еще не вернули из дезинфекции. В ожидании, чтобы не замерзнуть, одни стали бегать, другие скакали на месте, размахивая руками. К всеобщей радости, в скором времени одежду принесли. Она оказалась вся перепутана и была так измята, точно ее жевали коровы. С ужасом обнаружили, что все кожаные пояса перегорели, лопались и не держали брюк. Счастливцами оказались обладатели матерчатых поясов. С трудом натянув на себя обмундирование и поддерживая руками брюки, чтобы их не потерять, мы перешли в новое помещение, где вкусно пахло хлебом и супом. Там стояли походные кухни и столы с кусками белого хлеба, суетились сестры милосердия, приготовляясь нас кормить, и в первый раз за все время нашего странствования нас накормили вкусным, горячим супом с мясом и свежим, пушистым белым хлебом.

На следующий день, переспав ночь на бетонном полу завода, корпус погрузился в теплушки товарного поезда и нас повезли на север Словении, к городу Птуи. Для больных и для женщин были предоставлены пассажирские вагоны. Нас разместили в лагере Стрнище, бывшем австрийском лагере военнопленных, состоявшем из деревян-

ных бараков на опушке леса. Весь лагерь был занесен снегом, и снег этот был также и в бараках. Корпусу отвели два барака, стоявшие в стороне от других; в них разместились вместе с кадетами директор и холостые воспитатели и преподаватели. Директора кадеты очень любили и называли его «папашей».

Корпус стал получать от государства денежные средства, и жизнь стала постепенно налаживаться. Наше начальство старалось занять кадет и привести их в более или менее нормальное состояние. В корпус стали прибывать кадеты, гимназисты и реалисты, желавшие продолжать образование; после поверхностных испытаний их определяли в соответствующие классы. В младший и старший приготовительные классы стали принимать малышей. Классные занятия были организованы в очень примитивных условиях; помещений не хватало, и в хорошую погоду иногда занимались в лесу, на поляне. Устраивались экскурсии, военные прогулки, гимнастические игры, были созданы футбольные команды, и происходили состязания. Кадетский хор давал концерты. Кадеты жили дружной семьей, возглавляемые своим любимым директором, генералом Рыковским.

Неожиданно для всех произошла смена директора. Новым был назначен генерал Бабкин, а генералу Рыковскому предложили должность инспектора классов, но он от нее отказался и покинул корпус. Все кадеты и некоторые воспитатели и преподаватели были возмущены этим происшествием, и новому директору была объявлена война, которая приняла очень резкие формы. После первого бурного заседания педагогического совета несколько чинов персонала подали в отставку и уехали из корпуса. Были также исключены несколько кадет, но их всех принял генерал Адамович в свой корпус, в Сараево, и они все прекрасно его кончили. Но крутые дисциплинарные меры, принятые генералом Бабкиным, не усмирили кадет, а еще больше озлобили.

Новый директор выхлопотал перевод корпуса в бывшую австрийскую крепость в горах Герцеговины, на границе с Черногорией, около маленького городка Билече, в 30 километрах от железной дороги. Поздней осенью 1921 года корпус был туда перевезен и расквартирован в помещениях крепости.

К этому времени корпус состоял из 6 классов и двух приготовительных; некоторые классы имели по два отделения. Корпус был в составе трех сотен, и каждая размещалась в двухэтажном здании казармы: на первом этаже классы, на втором спальни. Холостые командиры сотен и воспитатели тоже разместились в отдельных комнатах казарм, а остальной персонал занял бывшие офицерские квартиры гарнизона. Жизнь корпуса в Билече подробно описана в предыдущих

очерках, и остается лишь сказать, что она постепенно входила в нормальные рамки. Первый выпуск был с аттестатом за 7 классов, но после этого, начиная с 1922 года, был введен 8-й класс, с выдачей аттестатов зрелости, так называемая «большая матура».

«Война» с директором не прекращалась, и ему не могли простить его вторжения в жизнь корпуса и отстранение любимого всеми генерала Рыковского. Демонстрации принимали все более крупные размеры, и, очевидно для успокоения кадет, вышло распоряжение об увольнении генерала Бабкина и о назначении директором генерал-майора Евгения Васильевича Перрета, бывшего до этого инспектором классов. Перемена эта внесла успокоение в нашу жизнь, и все волнения полностью прекратились.

Ввиду расформирования англичанами Донского корпуса в Египте, приказом Донского атамана от 25 сентября 1922 года наш корпус был переименован в Донской Императора Александра III кадетский корпус и ему были присвоены прежние погоны, синие с красным кантом и с красным вензелем Августейшего Шефа. В 1924 году осенью к нам в корпус прибыли из Шанхая спасшиеся кадеты Омского и Хабаровского корпусов со своим персоналом. Другая часть их была влита в Русский кадетский корпус в Сараеве, а остальные были устроены на военный завод в Крагуевац. В сентябре 1926 года корпус был переведен в город Горажде, в Боснии, где и оставался до августа 1933 года, когда был расформирован и закрыт. Остававшиеся кадеты и часть персонала были переведены в город Белая Церковь, в Банате, в Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус; наш директор, генерал Перрет, вышел в отставку и переехал в Белград. Там он имел на окраине города киоск, где занимался продажей газет, журналов, табака, папирос и спичек. Он никогда не жаловался на свою судьбу и был всегда очень рад встречам со своими бывшими воспитанниками, которым с улыбкой, шутя говорил: «Ну что же, голубчик, получилось по Звериаде — «Директор спичками торгует»!..» Скончался он два или три года спустя после расформирования корпуса и был похоронен в Белграде.

Нас было тридцать шесть

Весною 1924 года 8-й класс в составе 36 кадет, из них вице-вахмистр и 12 вице-урядников, закончили свой учебный год с очень хорошим средним баллом. Начались экзамены на аттестат зрелости, состоявшие из письменных и устных. Из Министерства просвещения Югославии был

прислан для инспекции представитель, профессор Чичин, начальник учебного округа.

Первыми экзаменами были письменные по всем предметам. После оценки работ и просмотра годовых успехов кадет экзаменационная комиссия освободила 18 из них от устных экзаменов на основании правил Министерства просвещения Югославии; учащиеся средних школ, имевшие в году и получившие на письменных экзаменах отметки не менее «очень хорошо», то есть 9 баллов по 12-балльной системе, освобождались от устных экзаменов. Этот список был представлен на утверждение профессору Чичину.

Профессор Чичин был поражен высокими отметками и невероятно большим процентом освобожденных от устных экзаменов и, очевидно, выразил сомнение по этому поводу.

Директор корпуса, генерал Перрет, желая убедить профессора Чичина в правильности оценки знаний кадет, предложил ему из представленного списка вызвать кого он пожелает и проэкзаменовать лично. Назвав наугад три фамилии, он сам их проэкзаменовал в присутствии экзаменационной комиссии. На задаваемые по всем предметам вопросы он получал блестящие ответы от всех им выбранных кадет, и был поражен превосходным знанием предметов и тронут до глубины души поведением отвечающих кадет. «За всю мою долголетнюю работу с молодежью я впервые встречаю юношей, так прекрасно воспитанных и с такими отличными знаниями», — сказал он и утвердил список. Все остальные кадеты выдержали устные экзамены.

После окончания экзаменов и заседания Педагогического совета кадетам в торжественной обстановке были вручены аттестаты зрелости. Директор корпуса устроил прощальный обед выпуску, на котором присутствовали воспитатели и преподаватели.

Поздравляли кадет с окончанием и желали им устроить свою жизнь с таким же успехом, какой был проявлен ими в корпусе. Кадеты со своей стороны благодарили всех за все заботы, проявленные к ним в корпусе. Кадеты выражали также свое удивление, как удалось воспитателям и преподавателям заставить их сесть снова за парты, после всего ими пережитого, и заняться науками, от которых они были так далеки за последние мятежные годы, ведь 28 кадет из выпуска были участниками Гражданской войны, проведя несколько лет на фронте в различных частях Белой армии. Были среди кадет чернецовцы, корниловцы, бредовцы, участники Степного похода... Девять георгиевских кавалеров; шесть из них награжденных Георгиевскими крестами, а три — медалями, были унтер-офицеры, урядники и один был хорунжий.

Велика была заслуга воспитателей и преподавателей вернуть «Вояк Пятиклассников» на рельсы нормальной жизни, но и сами кадеты сознавали необходимость взяться за ум и стать «кузнецами своего счастья». У большинства кадет не было ни отцов, ни матерей, которые могли бы позаботиться о их будущем, и, покинув Родину, оказались они на чужбине, предоставленные самим себе.

И так выпуск расставался с родным корпусом. Разъезжались кадеты, кто куда хотел. Открывалась новая страница жизни, что готовила судьба свободным от опеки юношам?

Многие решили продолжать образование и уехали в Белград и Загреб, а некоторые в Чехию, поступать в университеты. Двадцать три из них получили университетские дипломы по различным специальностям; 3 — архитектора, 14 — инженеров (гражданские, геодеты, механики, электрики, металлурги, горные), 2 — агронома, 3 — химика, 1 — доктор медицины, 1 — окончил Югославскую Военную академию.

При дальнейшей работе в научной области получили звание: 1 — доктора технических наук, 1 — доктора химии, 3 — состоят профессорами в университетах, 2 — профессора Среднетехнической школы, 1 — директор Среднетехнической школы, 1 — советник Технического института. Среди кадет выпуска были: поэты, журналисты, художники.

И вот теперь, после 46 лет, если бы профессор Чичин мог увидеть этот список, он был бы наверно тоже поражен, но не выразил бы сомнения тому успеху, с каким был выдержан «Экзамен жизни» кадетами 35-го выпуска.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА КАДЕТСКИЙ КОРПУС[628]

Первые годы в Сараеве

Около середины июня 1920 года было получено предписание перевести в Сараево одесских и полоцких кадет из Панчева, и киевских из города Сисака. В Сараеве нам было предоставлено постоянное помещение — казарма Краля Петра, построенная еще при австрийцах и раньше называвшаяся казармой императора Франца-Иосифа. Мы прибыли в Сараево ночью, на трамваях доехали до казармы, где нашли уже киевлян. В эту ночь мы впервые поужинали за столами, впервые легли спать на настоящих простынях.

Сараево расположено в долине, по берегам горной речки Милячки; вокруг высятся высокие скалистые горы — Динарские Альпы. Почти весь

центр города имел европейский вид, но вокруг его все напоминало провинциальный турецкий город, со всеми его характерными особенностями. Повсюду много мечетей с высокими белыми минаретами, много магометанских кладбищ и отдельных могильных камней, напоминавших о страшной эпидемии чумы в середине XIX века. На улицах много людей в живописных местных одеждах, с красными фесками или с белыми и пестрыми чалмами на головах, женщины в чадрах и в длинных цветных платьях, скрывающих фигуру. Население делилось на три основные группы: христиане, мусульмане и евреи. Нас очень смешило, что по пятницам бывали закрыты все мусульманские магазины и предприятия, по субботам все еврейские, а по воскресеньям все христианские. Особенно своеобразны были евреи, которых называли «шпаньолы» или пренебрежительно «чифуты». Говорили, что это были потомки испанских евреев, бежавших на Балканы в Средние века от преследований инквизиции. Они жили замкнутой общиной, и мы с любопытством наблюдали за их патриархальными обычаями, встречая на улицах и в парках целые их группы, державшиеся совершенно обособленно.

В городе было много узких, кривых улиц, с таинственными закоулками, много зелени и парков, все это было красиво и своеобразно. Кое-где на горах виднелись старые австрийские форты, из которых по праздникам производили орудийные салюты. Помню, на следующий день после нашего приезда с раннего утра мы были разбужены орудийной стрельбой. Нам еще так трудно было привыкнуть к мысли о том, что мы живем в мирной обстановке, что все решили, что это коммунистическое восстание и что форты обстреливают город. Оказалось, что стрельба происходит по случаю какого-то магометанского праздника, но мы еще долго не могли привыкнуть к тому, что орудийная стрельба не всегда означает войну.

Корпус был расположен вблизи набережной Милячки, через которую в этом месте был переброшен Латинский мост; на другом конце моста было место, где в 1914 году произошло роковое для всей Европы событие — убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги. На этом месте австрийцами были поставлены большие каменные крест и скамья; сербы этот крест сняли, но каменная скамья осталась.

Казарма наша была в три этажа и построена в виде буквы «П», причем открытую сторону занимали конюшни для офицерских лошадей штаба и гарнизона. Посредине был обширный плац, а у выхода в город находилось помещение для 25 солдат сербского караула. В распоряжение корпуса был прислан сербский солдат-трубач, и его сигналы регулировали нашу жизнь с утра и до вечера. Сигналы были сербски-

ми; кажется, это было потому, что русские сигналы напоминали болгарские и сербам это не нравилось.

С переездом в Сараево жизнь наша и занятия стали быстро налаживаться. Исчезли пестрота в одежде и остатки истрепанного добровольческого и старого кадетского обмундирования, и нас одели однообразно. Форма одежды в эти первые годы была такая: ежедневная, внутри корпуса — защитные сербские солдатские френчи без пояса, такого же цвета брюки и обмотки, а на ногах солдатские ботинки, довольно грубые, но прочные. Для выхода в город вместо френча надевались белые бязевые гимнастерки, с кожаным поясом без бляхи, фуражки были защитные, русского образца, с русской кокардой. Погоны сначала носились старые, у кого они еще сохранились, но в конце лета были введены однообразные защитные, а в августе мы получили малиновые, без трафарета. Зимой носили русские серые шинели из солдатского сукна.

Наименование корпуса, за время до начала октября 1920 года, менялось несколько раз согласно приказам Главнокомандующего и его Представителя в Константинополе, генерала Лукомского. Сначала это был Русский Сводный кадетский корпус, а после переезда в Сараево — Русский кадетский корпус в Сербии. Затем, 20 августа, корпус был наименован Русским Киево-Одесским, и, наконец, приказом от 1 октября корпусу было присвоено окончательное название Русского кадетского корпуса в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, название сохранившееся до конца пребывания в Сараеве, то есть до осени 1929 года.

В классах все сидели на табуретках, за отдельными столиками. Только к 9 декабря появились парты на двух человек. Вначале учебников не было и каждый преподаватель диктовал нам свой предмет и мы записывали это в тетради. Постепенно стали обзаводиться классными досками, картами и другими пособиями. Часть преподавателей была еще старая, прибывшая с кадетами из России, но появились и новые. В эти первые годы состав преподавателей в старших классах был таков: русский язык, полковник Ф.И. Миляшкевич, которого (как и его друга, полковника П.С. Молчанова, преподававшего русский язык в младших классах) мы дружно не любили. Он был раньше в Ярославском корпусе, потом в Одесском; его система преподавания заключалась в механическом зазубриваньи наизусть того, что он нам диктовал по теории словесности. С литературой он нас почти не знакомил, признавая только Пушкина и Лермонтова. Отвечая урок или делая письменную работу, нельзя было изменить или пропустить ни одного слова или высказать какую-либо свою мысль: все это считалось своеволием и за-

служивало у него неудовлетворительную отметку. Генерал Адамович сочувствовал нам, но только лишь весной 1922 года он был заменен другим преподавателем.

Математику преподавал полковник Н.С. Ракитин[629], отец одного из моих товарищей (у обоих было прозвище «пончик»). Его мы любили, да и он нас тоже, хотя и был вспыльчив и запускал в нас иногда мелом или классным журналом. Скоро ему пришлось уйти из корпуса, после инцидента с преподавателем Кулаковым, который делал в учительской заявления в резко левом духе, за что получил от Ракитина оскорбление действием. Космографию читал полковник В.Ф. Гущин, которого тоже не любили и за его левые взгляды, и по многим другим причинам. Сербский язык преподавал полковник югославской армии В. Белич, большой русофил, окончивший Николаевскую академию Генштаба. На уроках мы его обыкновенно просили рассказывать нам про его жизнь в России, что он делал с удовольствием и, конечно, по-русски, так что сербскому языку мы от него не научились, за исключением нескольких фраз, вроде «Сараево е врло лепо».

Похожим на него в этом отношении был и полковник Б.Н. Протопопов[630], преподаватель географии; историю преподавал полковник К.Д. Красовский[631], физику А.М. Гайдовский-Потапович[632], химию Н.К. Седлецкий[633], законоведение генерал-майор П.Ф. Старк[634], участник Турецкой войны 1877—1878 годов, больной и дряхлый старый офицер, дочь которого давала уроки французского языка в младших классах. В старших можно было выбирать по желанию лишь один язык: немецкую группу вел у нас А.Ф. Гизе[635], а французскую — полковник В.А. Скалон[636]. По рисованию был капитан Г.Л. Реммерт, к которому мы относились с особенным уважением за его доблестное поведение в походе на румынскую границу. Возможно, что перечень этот не полный, но остается добавить, что с большинством педагогов мы жили в ладу и старались наверстать потерянное время.

Законоучителем и настоятелем корпусной церкви был протоиерей отец Сергий Троицкий. Создание корпусной церкви было одной из первых забот, с первых же дней после прибытия в Сараево. Сначала корпусу, по его просьбе, было предоставлено место в православном соборе города, построенном частично на пожертвования Императора Александра II; некоторые церковные службы происходили на плацу корпуса или в зале. Для разработки проекта и создания постоянной корпусной церкви в декабре 1920 года была создана комиссия под председательством инспектора классов, полковника Розанова[637], и в составе: отца Сергия Троицкого, генерала Старка, полковника Орлицкого и Селицкого[638], подполковника Кадьяна и капитана Реммерта и

Енько-Даровского[639]. Уже к марту 1921 года церковь была устроена в зале корпуса, и 26 марта в ней была отслужена первая всенощная.

С этого дня она стала служить также приходской церковью для всех русских, проживавших в Сараеве. Все в ней, начиная с образов и кончая столярными работами, было сделано руками офицеров и кадет корпуса. Запрестольным образом было знамя Симбирского кадетского корпуса, спасенное кадетами и переданное корпусу в числе других реликвий, после эвакуации Крыма. Помимо икон и церковной утвари, созданных в Сараеве, в церковь поступили также иконы, складни и предметы церковного имущества, принадлежавшие раньше некоторым полкам Российской армии и корпусам Владимирскому-Киевскому, 1-му Сибирскому (Омскому) и Хабаровскому. Церковь была освящена во имя святого Благоверного Князя Александра Невского, и корпусной праздник был установлен 6 декабря (23 ноября по ст. ст.), в день памяти погребения Александра Невского во Владимире, в 1263 году.

К началу августа занятия были закончены, и после выпускных экзаменов наш 1-й выпуск стал готовиться к отъезду в Крым, для поступления в военные училища. В то же время из Штаба Главнокомандующего были получены известия о том, что изыскиваются возможности для переезда в Крым всего корпуса, ввиду укрепления положения на фронте. Весть эта нас обрадовала и подбодрила. 1 августа был поставлен выпускной спектакль и устроен бал, прошедшие с большим успехом и собравшие много публики. И наконец, 7 августа наш 1-й выпуск, в составе 50 кадет нашего корпуса и двух омских кадет, вице-унтер-офицера Григорова и кадета Давац, во главе с воспитателем капитаном Федоровым, были отправлены в Белград, для дальнейшего следования в Крым. Мы проводили их на вокзал и попрощались с ними тепло и задушевно, не подозревая того, что большинство их скоро погибнет в боях и во время эвакуации.

Выписка из приказа по Русскому кадетскому корпусу в день выпускного молебна по случаю 1-го выпуска — приказ № 126, параграф 5, от 4 августа 1920 года, город Сараево:

«...Полгода назад налетевшая буря выбросила из гнезда кадетскую семью. Одесский и Киевский корпуса потеряли все. Кадеты, воспитатели и преподаватели спасались разными путями. Казалось, что все погибает и что жизнь корпусов если не прервется, то надолго замрет; но вот нашелся новый приют в братской стране, вот затеплилась воля к жизни, загорелась борьба за существование, и мы, люди пришедшие без всего, «с одной душой», воскресили на чужбине нашу старую кадетскую жизнь.

Сегодня Бог благословил наши труды рождением выпуска-первенца на чужбине. Пятьдесят наших питомцев, почти приговоренных к лишению образования, закончили курс и отправляются, как лучший и драгоценнейший дар, в наши военные училища. Я поздравляю корпус с рождением первенца, а нашему первенцу на чужбине желаю послужить на благо Родины так же, как служили ей бесчисленные выпуски Киевского, Одесского и всех наших старинных и молодых корпусов.

Помни же, Первенец, что, невзирая ни на какие удары, жизнь не погибает, пока хранится честь и воля к борьбе и победе. В этой мысли найди свою веру в воскресение Родины и этой же мыслью осени свой крестный путь, на который корпус тебя поставил и провожает любовью и молитвой...»

Сразу по отъезде 1-го выпуска генерал Адамович произвел в корпусе ряд перемен, вызвавших чувство горечи и обиды у всех бывших кадет и офицеров Одесского корпуса. Эти перемены еще больше углубили нашу неприязнь к нашему директору, хотя мы признавали его бесспорные заслуги в борьбе за существование корпуса. Но было тягостно сознавать, что он нас не понимал и даже не считал, что мы заслуживали понимания и отеческого отношения, после всего пережитого в революцию и в Гражданской войне.

От нас был отнят наш любимый старый ротный командир, полковник М.Ф. Самоцвет, и переведен командиром во 2-ю роту. Вскоре он был совершенно отчислен от корпуса, так как генерал Адамович считал, что он якобы плохо на нас влияет. Наш 7-й класс был совершенно изолирован от всех младших классов. Корпус был разбит на три роты: в 1-й роте остался лишь один 7-й класс с его тремя отделениями. Командиром роты был назначен полковник К.Н. Порай-Кошиц, воспитателями были полковник Н.В. Волков[640] и С.К. Орлицкий, подполковник Н.Н. Клопотовский[641] и, запасным, поручик И.Г. Черненко[642]. Во 2-ю роту вошли 6-й и 5-й классы и одно отделение 4-го. Все остальные классы составили 3-ю роту, и ротным командиром у них был назначен полковник В.И. Греков[643]. Классные отделения были сформированы так, чтобы основные группы одесситов, киевлян и полочан составляли разные отделения, с добавлением кадет других корпусов.

Одной из главных причин, вызвавших эти меры, была неприязнь и взаимная отчужденность между одесскими и киевскими кадетами, причем на этой почве произошло несколько прискорбных инцидентов. Это печальное явление давало себя чувствовать только во внутренней жизни кадет, но в строю, в отпуску в городе и при встречах с общими знакомыми ничто не напоминало об этих неладах, и кадеты сами следили за взаимным отданием чести и за тем, чтобы никто из посторон-

них лиц ничего бы не заметил. В те дни причины, вызвавшие эту рознь, казались нам исключительно важными, но в душе у многих все же жило сознание, что это было следствием пережитых потрясений, породивших излишнюю нервность и неуступчивость. Уже в конце 1920 года начались переговоры о необходимости положить этому конец, и ранней весной 1921 года произошло примирение. Но сближение было достигнуто позже, и потребовалось несколько лет для того, чтобы от этой розни не осталось бы следа.

Корпус выдавал кадетам на руки, на карманные расходы, 25 динар в месяц, но с сокращением смет на содержание корпуса эта сумма была скоро снижена до 15 динар; не помню точно, выдавались ли эти деньги только лишь 7-му классу, или же и другим тоже, может быть, в меньшем размере. Денег этих могло бы нам хватать на курение и на мелкие траты в отпускные дни, но в среде бывших одесских кадет было решено копить деньги на выпускные жетоны и на создание Звериады. С жетонами получилось не так, как мы хотели: в городе не оказалось фирмы, которая смогла бы выполнить наш проект с серебром и эмалью. Поэтому мы заказали лишь серебряную основу в виде креста, на котором своими силами накладывали черную эмалевую краску и белую надпись «О, времена!». Но... в жаркие летние дни эти краски стали течь, и из этой затеи ничего не вышло. Но Звериаду нам сделали, и даже очень хорошо, так что в конце 1920 года в нее были вписаны первые тексты стихов и сделаны рисунки и виньетки.

Из-за этого самообложения на руках у каждого оставалось лишь несколько динар, и их, конечно, не хватало ни на что. Табачный голод был хроническим явлением, и «бычки» ценились на вес золота. Кроме этих вычетов, приходилось накапливать деньги на устройство корпусных праздников. Официально в корпусе праздновались праздники Одесского, Киевского и Полоцкого корпусов (соответственно по ст. ст. 11 мая, 10 и 6 декабря). Эти дни отмечались молебном, а после занятий кадеты того корпуса, чей был праздник, отпускались в отпуск. Но в своей семье и совершенно скрытно кадеты других корпусов отмечали свои праздники, если их было несколько человек. Особенно следовали этой традиции кадеты 2-го кадетского корпуса, Александровского, Суворовского, Полтавского, а также и Полоцкого, в добавление к официальному празднованию. Приглашались генерал выпуска и друзья-кадеты других корпусов, снималась задняя комната в кафане так называемого «Чеха», а летом уходили в горы, покупалось вино и пирожные, и иногда это принимало такие размеры, что кое-кого даже было трудно провести обратно в корпус. Подобные похождения не всегда проходили благополучно: надо было не только суметь незаметно вернуться, но и встать в строй для вечерней

молитвы и поверки, на которой иногда присутствовал и генерал Адамович.

Корпус делал все возможное, чтобы обеспечить нас всем необходимым. Но сметы на содержание корпуса сокращались и менялись чуть ли не каждый месяц, и это отражалось также и на нашем питании. Были «голодные» периоды, когда мясное блюдо мы получали лишь по воскресеньям, а в будние дни надоевший суп из сушеных овощей (мы его называли «суп Франшэ д'Эсперэ», потому что его в первый раз дали, когда этот генерал посетил корпус), чечевица, перловая каша, которую мы в Одессе называли «дубовой», а в Сараеве окрестили словом «чвикла», не помню уж почему. Было еще нелюбимое блюдо, под названием «голодные нитки», что-то мясное, обвязанное нитками. Никого мы в этом винить не могли, так как знали, что корпус едва справляется с расходами; молчали и терпели. И злой насмешкой были пасквили, которые печатались в местной красной газетке, где говорилось, что русские кадеты имеют такие излишки продовольствия, что выбрасывают хлеб на улицу, «где его подбирают несчастные голодные босанские дети».

Отношение населения к корпусу оставляло желать лучшего в течение первых месяцев. Недоброжелательность подогревалась не только крайне левыми элементами, но и той частью населения, которая сохранила симпатии к Австрии. Только лишь со стороны военного командования в лице генерала Хаджича и его начштаба генерала Вукотича, а также и офицеров гарнизона корпус видел дружелюбие и стремление во всем пойти навстречу. Перелом в отношениях к нам начался летом, 12 июля, в день тезоименитства Короля Петра I, когда, по предложению генерала Хаджича, две старшие роты корпуса приняли участие в параде Сараевского гарнизона.

Нам отвели место сразу после 15-го пехотного полка; мы долго стояли на улице Краля Петра, ожидая конца богослужения в православном соборе, затем пошли к зданию Босанской Влады, где находился принимавший парад генерал Хаджич. Сразу же со страхом увидели, что идти под такт сербского марша невозможно, так как оркестр играет настолько быстро, что нужно почти бежать. А кроме того, задние ряды пехоты шли совершенно не в ногу и равняться по ним было немыслимо. И вот тогда с нашего правого фланга было передано по строю, чтобы отстать от 15-го полка, не смотреть на почти бегущих солдат и идти своим, более медленным твердым шагом, не считаясь с тактом музыки. Результат оказался блестящим, равнение и шаг были безукоризненны, и, когда мы ответили на приветствие генерала Хаджича, из громадной толпы сербских офицеров и жителей, стоявших с обоих сторон на тротуарах, раздался громкий возглас: «Живела Русия, живели

руски кадети!» — и вся толпа отозвалась: «Живели! Живели!», шапки полетели в воздух, раздались приветствия и аплодисменты. Это была незабываемая минута, и, вернувшись в корпус, мы долго вспоминали эту овацию, которая тронула нас до глубины души.

С этого дня отношение большинства населения к корпусу стало быстро меняться к лучшему. Но особенно повлияло на это наше участие в параде Королевской гвардии и гарнизона, по случаю приезда в Сараево Королевича-Регента Александра, пробывшего в городе три дня, 22, 23 и 24 сентября 1920 года. Мы ожидали, что Королевич посетит также и корпус, но этого не случилось, по-видимому, по политическим причинам.

Генерал Хаджич, всегда считавший корпус воинской частью в составе гарнизона, предложил ему принять участие во всех церемониях. В день приезда, 22 сентября, все войска были выстроены шпалерами по пути следования Королевича и его эскорта. Нашему корпусу, вышедшему в составе 2 рот, был предоставлен участок улицы, проходившей через базар; нас поставили между 15-м пехотным полком и подофицерской школой. Немного правее вытянулись ряды пехотного полка Королевской гвардии, одетого в гусарскую форму с черными шнурами. Скоро показалась торжественная процессия: впереди шел эскадрон Конной гвардии, тоже в гусарской форме (зеленые доломаны, синие ментики и алые рейтузы), потом шесть всадников в национальных босанских костюмах, на чудных конях. За ними, в экипаже, ехал Королевич с председателем босанского правительства, и потом опять эскадрон Конной гвардии. Масса народа, запрудившая улицы, приветствовала своего национального героя криками «Живео!».

На следующий день, 23 сентября, на большом поле за городом был назначен парад. Корпус, в составе двух рот, занял прежнее место за 15-м полком. Королевич на коне, в сопровождении генерала Хаджича, объехал фронт и здоровался с войсками: «Помози Бог, юнаци!» — а солдаты отвечали: «Бог ти помогав!» Мы тоже готовились ответить ему по-сербски, но, подскакав к нам, Королевич поздоровался по-русски: «Здорово, кадеты!» Несмотря на неожиданность, мы ответили громко и стройно: «Здравия желаем, Ваше Королевское Высочество!»

Под звуки оркестра гвардии начался церемониальный марш мимо трибуны, на которой, среди других гостей, находилась княгиня Елена Петровна с детьми, сестра Королевича и вдова одного из наших Великих князей. Королевич стоял на коне, окруженный свитой, среди которой был и генерал Адамович, тоже на коне. Видя нестройные ряды войск, где задние шеренги шли не в ногу, плохо соблюдая равнение, мы невольно трепетали от мысли, что они помешают нам держать ровный шаг. Про-

хождение было трудное, шли развернутым строем, во взводной колонне, стараясь не смотреть на задние ряды пехоты, проходившей перед нами. Но волнение наше оказалось напрасным, мы прошли безукоризненно, и в тот же день, на обеде в здании Влады, Королевич сказал нашему директору, что «ваши кадеты были украшением моего парада!». Генералу Адамовичу была пожалована высокая награда, орден Белого Орла 2-й степени, со звездой, а генералу Старку и полковнику Розанову тот же орден, но 3-й степени. А «украшение парада» были отпущены в отпуск до вечера.

После этого отношение к корпусу со стороны большинства населения сразу изменилось и стало дружественным и даже сердечным. Многие семьи предложили принимать у себя кадет в отпускное время, стали завязываться знакомства, стали стремиться помогать во всем, проявляя внимание и заботливость.

Вскоре поползли грозные слухи об ухудшении положения в Крыму. К началу ноября стало известно, что произошла эвакуация и что героическая Русская Армия, та, к которой были устремлены все наши помыслы, — вынуждена была покинуть последний клочок русской земли. Известия эти потрясли нас своей неожиданностью; хотелось верить, что все это лишь временно, что борьба снова возобновится и что мы еще будем нужны нашей армии. Но постепенно мы стали понимать, что вопрос стоит гораздо сложнее и что, во всяком случае, наше ближайшее будущее совершенно смутно и неопределенно. Скоро стало известно о прибытии в Югославию Крымского и Донского корпусов; к нам в корпус прибыл на хранение музей Русской Армии, спасенный из Крыма. В числе многих предметов там были знамена и штандарты полков Императорской армии, серебряные трубы и другие отличия и реликвии большой исторической ценности.

Все говорило за то, что наше пребывание за границей затянется надолго и что надо отбросить все надежды на скорое возобновление борьбы с красными. И постепенно в наши души стал закрадываться тревожный вопрос: что делать, куда идти по окончании корпуса? Наш выпуск был первым, кому пришлось столкнуться с этим вопросом, и мы должны были его решать самостоятельно, так как ни корпус, ни кто-либо другой нам ничем не могли помочь после выпуска. Весь учебный 1920/21 год прошел под знаком этого вопроса и в обсуждениях возможностей, которые одна за другой оказывались невыполнимыми. Создавалось впечатление, что никому мы не были нужны и никому до нас не было никакого дела.

Между тем учебные занятия в корпусе шли своей чередой, а новые знакомства с местными жителями позволяли освоиться с сербским язы-

ком, на котором многие начинали уже сносно объясняться. Как местные, так и русские барышни обзавелись штатом поклонников. Обычной картиной было видеть какую-нибудь из этих юных покорительниц сердец, окруженную большой группой кадет и в живописной позе сидящую где-нибудь на скале, в окрестностях города. Влюблялись, ревновали друг друга, но отношение к предмету обожания было чистое и рыцарское.

А в младших классах случались истории, обычные для мальчиков в этом возрасте. Были открыты две попытки бежать не то в Америку, не то куда-то еще. Все это сопровождалось целым ритуалом клятв и попытками добыть средства не совсем, к сожалению, этическими способами. Узнав об этом, 7-й класс решил образумить заговорщиков своими силами; довести об этом до сведения начальства было с точки зрения кадетских традиций абсолютно недопустимо. Но один из юных заговорщиков перепугался и бросился искать защиты у корпусных дам, работавших в бельевой. Дело дошло до генерала Адамовича, который потребовал от Педагогического комитета наложить суровые взыскания на вмешавшихся старших кадет. Это снова вызвало большое возбуждение в 1-й роте, и обстановка начала напоминать события, имевшие место в Панчеве; только приказ генерала выпуска положил конец попыткам готовиться к крупным нарушениям дисциплины.

Нужно добавить, что с осени 1920 года, под покровом строжайшей тайны, кадеты 7-го класса ухитрялись подслушать все, что происходило на заседаниях Педагогического комитета. Была открыта возможность пробираться на чердак, как раз над учительской. Все, что там говорилось, было слышно через отдушины вентиляции, поэтому мы всегда заранее знали, кто и что именно о нас говорит и чье отношение к нам было доброжелательным или, наоборот, плохим.

Время от времени в корпусе устраивались лекции и доклады, которые посещались также членами русской колонии: два доклада сделал генерал Адамович на свою излюбленную тему «О товариществе в армии», затем преподаватель Левитский — на тему «Религия и жизнь», затем было два доклада известного Григ. Петрова — «Труд и его продуктивность» и «Душа русского народа». В один из вечеров демонстрировал свои опыты какой-то фокусник-гипнотизер. Было устроено несколько танцевальных вечеров и спектаклей. По мысли генерала Адамовича, была введена традиция открывать танцы сербским коло «Србианка», которое «заводили», то есть начинали, сам директор и вице-фельдфебель.

С наступлением весны 1921 года стали часто устраивать экскурсии в ближайшие окрестности Сараева, где было много живописных мест в горах и памятников седой старины, римские мосты и дороги, остат-

ки турецких и славянских крепостей и замков, а главное — скалистые горы, местами покрытые густым лесом, горные ручьи и озера, чудный горный воздух и первобытные нагромождения скал и утесов. Ездили и ходили в Илиджу, Стамбульчич, Каролиненгоф, карабкались на скалы, варили чай на костре и покупали в деревнях молоко, хлеб и сало. Иногда ходили с капитаном Билетовым, но чаще всего с генералом Адамовичем, который превращался на этих прогулках в совершенно другого человека, веселого, простого в обращении, занимательного и остроумного собеседника. В этой обстановке исчезал строгий и недоступный директор и генерал: он шутил, покупал для нас папиросы, много и интересно рассказывал, но прогулка кончалась, и между нами снова вырастала прежняя стена.

В день 6 мая мы приняли участие в сербском национальном празднике «Джурджев Дан» — день святого Георгия. В этот день с утра все войска гарнизона ушли в горы, к древнему римскому мосту. Мы шли с песнями, в общем строю войск; подофицерская школа полковника Белича пригласила нас к завтраку, и мы с ними расположились у моста, с интересом наблюдая, как во многих местах солдаты танцевали коло. Но скоро начал накрапывать дождь, и конец праздника был испорчен. А 18 нюня, в самый разгар наших экзаменов, корпус принял участие в очень симпатичном празднике «Дечи Дан», что по-русски значит «Детский День». Праздник этот, собственно, посвящен не только детям, но всей учащейся молодежи и празднуется по всей Югославии. С утра на улицах города стала формироваться длинная процессия учебных заведений, которая медленно двигалась к центру. Во главе процессии шли сокола и соколки в своей красивой форме, затем наши три роты в строю, за нами все остальные. Гремела музыка, пестрели флаги и плакаты. Мы тоже приготовили большую сербскую корону, оплетенную зеленью, и три плаката с надписями, означавшими в переводе на русский: «Спасибо, братья!», «Да здравствуют все славяне!» и «Да здравствуют дети Королевства!».

Необходимость нести эти плакаты и корону страшно всех удручала, так как все предпочитали просто идти в строю, а не превращаться в участников какого-то митингового шествия. Все старались увильнуть от этой обязанности, и в самую последнюю минуту наше начальство было вынуждено просто назначить несколько человек, которые пошли со злыми лицами и с унылым видом. В составе процессии мы ходили к Офицерскому собранию, потом к зданию Влады; всюду произносились речи, играли гимн и кричали «Живео!». После окончания торжества мы выбрались из толпы, подравнялись и строем пошли в корпус. Впереди, на коне, ехал генерал Адамович, за ним

шли мы, сдвоенными рядами, с офицерами на своих местах. Шли с песнями, у нас был прекрасный запевала, полочанин А. Гулевич. И вот только мы вышли на улицу Краля Петра, как увидели, что перед отелем «Европа» вся она запружена густой толпой молодежи. При нашем приближении она раздалась на обе стороны, и мы вошли в этот проход под звуки песни «Взвейтесь, соколы, орлами!». В эту минуту раздался возглас: «Живела Велика Русия!» — и с обеих сторон в нас полетели розы и другие цветы. Генерал Адамович повернулся и велел подымать их и брать в руки. Эта красивая бурная овация славянской молодежи, устроенная неожиданно и искренно, глубоко взволновала нас и тронула до слез. Мы прошли всю улицу и вернулись в корпус, но долго не могли забыть этих минут, еще раз показавших нам, что имя нашей Великой Родины пользуется глубокой любовью среди окружающего нас братского народа.

17 июля, в 3-ю годовщину убийства Государя и Его Августейшей Семьи, на плацу корпуса была отслужена торжественная панихида, которая произвела на всех глубокое впечатление. Весь престол был густо убран зеленью и сплошным покровом васильков и ромашек, любимых цветов Государыни. Корпус был выстроен покоем, в середине стояли генерал Адамович со всем персоналом, командующий войсками генерал Хаджич, генерал Вукотич, масса югославских офицеров и большая толпа жителей Сараева и членов русской колонии. И когда раздалось пение «Со святыми упокой», когда весь корпус и все бывшие на плацу опустились на колени, трудно было удержаться от слез, и мы видели, что и многие сербы подносили к глазам платки. По окончании панихиды мы разобрали с престола цветы и засушили их себе на память.

Как признак внимания со стороны сербов, надо отметить их предупредительность, когда у нас кто-либо умирал. На похороны шел обычно весь корпус, и от сербского гарнизона присылался оркестр и полурота от подофицерской школы. На кладбище сербы нам подарили участок земли, который к концу лета 1921 года был уже занят тремя могилами: вице-унтер-офицер Н. Тарасенко 1-й (1-го выпуска, умер от чахотки), кадет З. Муравский (2-го выпуска, покончил самоубийством в парке, причины остались невыясненными) и полковник В. Селицкий, скончавшийся от удара. Несколько раз, группой в 7—8 кадет, во главе с генералом Адамовичем, мы ходили на этот участок кладбища, чтобы его очистить и привести в порядок. Надо было выкорчевать и убрать большие пни от срубленных деревьев, вырубить кусты и вырвать сорную траву. Работа была довольно тяжелая, но делали ее охотно, так как чувствовали, что с каждым годом могилы будут прибавляться. На этом кладбище в 1936 году был похоронен и

генерал Адамович, окруженный уже несколькими десятками могил кадет и чинов персонала. Красные уничтожили кладбище после Второй мировой войны, надгробные памятники были разбиты, и только останки генерала Адамовича удалось перенести в другое место.

По окончании выпускных экзаменов вплотную придвинулся к нам вопрос о нашем будущем: куда идти, что делать после окончания корпуса? Надеялись, что хотя бы части кадет удастся попасть в русские военные училища, так как было известно, что их перевезут в Болгарию. Думали перебиться некоторое время в Белграде, пока не откроется эта возможность, но уже в следующем году в Болгарии произошли волнения и граница была надолго закрыта. Также невозможным оказалось поступление в Военное Училище Королевства, так называемую «Войну Академию», так как все вакансии оказались заполненными. Были и другие планы и проекты, но все они, один за другим, оказывались невозможными. И осталось только два пути: или Университет в Белграде, или Николаевское кавалерийское училище, которое должно было скоро прибыть в Югославию.

В связи с этим наш выпуск был разбит на два взвода: «1-й выпускной» из будущих юнкеров, и «2-й выпускной» — студенческий. Будущие студенты были отправлены в Белград 30 сентября 1921 года, после очень сердечного прощания с педагогами и с младшими кадетами, а будущие юнкера уехали в училище только лишь 18 декабря. Много тяжелого пришлось пережить в Белграде, где мы были предоставлены самим себе и где ничего не было подготовлено для устройства кадет. И вот тут мы оценили генерала Адамовича, который приезжал несколько раз, утешал и поддерживал нас всеми способами, выхлопатывал для нас ссуды и пособия и действительно болел за нас душой. Оставшиеся в корпусе кадеты по-братски старались нам помочь, сократив расходы корпуса на питание в течение пяти дней, чтобы переслать нам образовавшуюся экономию. Лишения, перенесенные в эти первые месяцы в Белграде, заставили нас еще больше сплотиться в тесную и дружную семью, к которой примкнули также и крымские кадеты, и гардемарины, вместе с нами пытавшиеся поступить в университет. Но это уже принадлежит к другой теме.

На этом закончился первый период жизни корпуса в Сараеве, период не только устройства на чужбине, но и в не меньшей степени начала работы по созданию прекрасной репутации корпуса в среде местного населения, военных кругов и русской эмиграции. Овации, заслуженные корпусом во время парадов и праздников, лучше всего свидетельствовали о том, что корпус этот экзамен выдержал с полным успехом.

Дальнейшие годы в Сараеве

После первых $1^1/_2$—2 лет пребывания корпуса в Сараеве, посвященных устройству, преодолению лишений и завоеванию симпатий со стороны населения, дальнейшие годы были постепенным и успешным превращением в нормально работающее учебное заведение.

Регулярные учебные занятия начались сразу же по приезде в Сараево. Инспектором классов был назначен полковник В.А. Розанов, бывший инспектор классов 2-го кадетского Императора Петра Великого корпуса. С первых же дней пришлось преодолевать громадные трудности, ввиду полного отсутствия учебников, письменных принадлежностей, карт и вообще учебных пособий. Вместо доски пользовались листом оберточной бумаги, прикрепленным к стене; на уроках географии пользовались маленькой картой из учебника, случайно найденной у одного из кадет. Занятия велись по запискам преподавателей, а когда удалось приобрести тетради, то в них записывали под их диктовку содержание урока, а все примеры, пояснения и задачи делались устно.

С первых же месяцев начались поиски и приобретения книг и учебных пособий. К началу учебного 1920/21 года уже удалось достать самое необходимое, но все же учебники были вначале лишь пособием для преподавателей, и потребовалось более долгое время, чтобы снабдить ими кадет, да и то лишь в ограниченном количестве. Тем не менее уже в 1921 году удалось приступить к созданию склада учебных пособий и библиотеки, сначала фундаментальной, а потом и ротных, лазаретной и преподавательской. Первыми были куплены пачки старых русских журналов и целая библиотека из журнала «Нива», со всеми приложениями за 10—12 лет. За этим последовали приобретения из разных стран Европы, Дальнего Востока и Америки, особенно же из лимитрофов, которые позволили в короткое время создать запас книг не только для чтения в часы досуга, но и как пособие для всех, кто хотел расширить свои познания, в дополнение к основному учебному курсу. Первым библиотекарем был подполковник М.А. Левитский[644], положивший много труда на организацию этого дела.

По мере того как обеспечивалось всем необходимым учебное дело и все области жизни в корпусе, с каждым годом улучшалось и внутреннее оборудование корпусного здания. Столовые, спальни и классы постепенно обзавелись всем необходимым, корпус имел лазарет, под управлением доктора медицины А.С. Долматова[645]. Больные заразными болезнями, а также требующие хирургического вмешательства отправлялись в местный военный госпиталь, где пользовались бесплатным лечением и содержанием, чему корпус был обязан его неизменному

другу, генералу Хаджичу. Во всех областях внутренней жизни, несмотря на постоянные финансовые затруднения, корпусу постепенно удавалось организовать условия, которые приближались к старым российским порядкам. Но было и новое, вызванное или местными условиями, или инициативой генерала Адамовича.

Так, например, с 1922 года некоторые из вице-унтер-офицеров были выделены для несения обязанностей помощников воспитателей 3-й роты, что было вызвано отчасти недостатком старого и опытного низшего персонала, а также и необходимостью усилить надзор за младшими кадетами, многие из которых выросли вне влияния родителей. Затем, по мысли генерала Адамовича, с февраля 1921 года на стенах различных помещений корпуса были изображены надписи и изречения воспитательного характера, а также и рисунки, художественно исполненные самими кадетами и часто очень сложные, как, например, виды корпусных зданий в Киеве, в Одессе и в Полоцке, Московский Кремль, гербы, погоны и различные эмблемы.

Наконец, недостаточное количество прислуги вынудило возложить на самих кадет уборку классов, спален, сбор посуды и принос кушаний в столовой, причем в апреле 1923 года кадетам пришлось 16 дней заменять кухонную прислугу, одновременно оставившую службу из-за изменения условий оплаты. Корпус в Сараеве посетил целый ряд видных представителей русской эмиграции и югославской армии, правительства и деятелей культуры. На многие праздники и торжества приезжали особые представители Короля, кроме того, часто бывали высшие чины армии, высшие служащие Министерства просвещения, профессора, писатели, православные иерархи. Отмечая только лишь некоторые из этих посещений, нужно упомянуть о приездах митрополита Антония (4 апреля 1925 года), епископа Вениамина (18 апреля 1923 года), Донского атамана генерал-лейтенанта Богаевского (4 мая 1923 года), французского генерала Франшэ д'Эсперэ, имевшего звание Воеводы Сербской армии (7 февраля 1921 года), профессора Чубинского, писателя Е. Чирикова и многих других, а также и дважды посетившего корпус и встреченного с небывалым энтузиазмом Главнокомандующего генерала барона П.Н. Врангеля, приехавшего первый раз 28 сентября 1922 года.

Особенно памятным осталось второе и последнее посещение генерала Врангеля, 17 и 18 мая 1925 года. В этот день с утра небо было покрыто свинцовыми тучами и все с трепетом ждали, что все будет испорчено дождем. Ровно в полдень генерал Врангель подъехал к воротам корпуса в коляске, которая была ему выслана командующим 2-й Югославской армией. Его сопровождали начштаба генерал Кусонский, адъютант есаул Ляхов и ординарец вице-унтер-офицер Новосильцев. Корпус был выст-

роен покоем на плацу, раздалась команда «Смирно!», генерал Адамович подошел с рапортом, и корпусной оркестр заиграл марш л.-гв. Конного полка. Главнокомандующий, в форме 10-го гусарского Ингерманландского полка, стал обходить роты и здороваться с кадетами: «Здорово, орлы!» Вслед за дружным ответом неслось восторженное «Ура!», и в этот момент солнце разорвало тучи и осветило высокую фигуру Главнокомандующего и строй кадет в белых гимнастерках.

Обойдя роты, генерал Врангель стал на середину плаца и передал кадетам приветствие от Великого князя Николая Николаевича, покрытое долгим, несмолкавшим «Ура!» и звуками Преображенского марша. Затем его пригласили занять место на специально приготовленной площадке из живых цветов, что вызвало некоторое замешательство, так как ему, вероятно, еще никогда не приходилось принимать парад, стоя на цветах. Прохождение церемониальным маршем прошло безукоризненно, и генерал Врангель хвалил каждую роту.

После парада генерал Врангель осматривал корпус; на все посты и дежурства были назначены самые высокие кадеты. Главнокомандующий померялся ростом с кадетами Селецким, Косаговским и Гончаровым, причем оказалось, что они выше его. Это вызвало его шутливое замечание: «Как вы смеете перерасти вашего Главнокомандующего!» За завтраком в 1-й роте генерал Врангель сидел за старшего за первым столом; его голубая Ингерманландская фуражка ходила по рукам, каждому хотелось ее померить. Пользовалась также успехом лейб-казачья фуражка Ляхова, бывшего кадета 2-го кадетского корпуса.

В виде исключения в этот день все сигналы были русскими и подавались на трубе кадетом Петуниным, тогда как в другие дни они были сербскими и их играл трубач 15-го пехотного полка. Ночью к дверям комнаты, где спал генерал Врангель, был поставлен кадетский караул. Утром, после чая, кадеты в 1-й роте качали своего Главнокомандующего и отнесли на руках до коляски. Когда она двинулась, кадеты побежали за ней, выбежали на площадь и с дружными криками «Ура!» проводили генерала Врангеля до моста. Долго после этого кадеты вспоминали этот приезд того, в ком тогда воплотилась русская национальная идея и чья жизнь так неожиданно оборвалась через три года.

Незадолго до приезда генерала Врангеля, 3 февраля 1925 года, в корпус прибыли 34 кадета 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса, вывезенные из Шанхая и прибывшие в Сплит на пароходе «Партос», 6 декабря 1924 года. С ними вместе прибыл их духовой оркестр и церковное имущество Сибирского и Хабаровского корпусов. Оркестр был пополнен кадетами-сараевцами и через короткое время принял участие во встрече и в параде в дни приезда Главно-

командующего. И в дальнейшем этот оркестр сопровождал кадет на всех парадах, а также выступал на вечерах и концертах вне корпуса, так же как и струнный и великорусский оркестры, созданные еще до приезда сибиряков.

Сибиряки оставили большой след в жизни корпуса, обогатив его оркестром, военными реликвиями, иконами и предметами церковной утвари. Что касается их влияния на внутреннюю жизнь корпуса, то было отмечено на заседаниях Педагогического комитета, что достойным удивления был тот факт, что, несмотря на все пережитое ими, они сохранили полностью все те качества, которыми всегда отличались лучшие представители российских кадет. И это невзирая на то, что в течение ряда лет они были лишены и нормальной корпусной жизни, и влияния семьи.

Это последнее обстоятельство очень остро чувствовалось и в среде кадет в Сараеве, особенно в течение первых лет, когда большинство или вообще не знало о судьбе их семейств, или имело родных в других странах. Это приводило к тому, что лишь очень мало кадет имели возможность уезжать к своей семье на время летних каникул и большинству приходилось оставаться в корпусе, который и в этом вопросе также проявил к кадетам много внимания и заботы. С целью заполнить летний досуг, устраивались частые прогулки и экскурсии в окрестности, а с 1923 года Державная комиссия стала предоставлять корпусу особые средства для более дальних и продолжительных экскурсий.

Ежегодно устраивалось от 30 до 35 поездок, длившихся от 1 до 14 дней, а одна из них, в 1928 году, продолжалась даже 25 дней. Особенно интересными были экскурсии в города Яйце, Дубровник, Котор, Цетинье, во время которых поднимались на горные высоты, осматривали пещеры, водопады, знакомились с промыслами, заводами и историческими памятниками, как местными, так и связанными с именем России. Незабываемое впечатление произвел осмотр Цетинье, где сохранилось здание нашего посольства и где все напоминало о Великой России: и двуглавые орлы на кованых железных воротах и над входом, и вензель покойного Государя в вестибюле, и Царские портреты в зале, и иконостас и церковь Русского Цетиньского института в одной из дальних комнат, все в этом доме дышало памятью о прошлом нашей Великой Родины.

Дальние экскурсии совершались по железной дороге по льготному тарифу, в особо предоставленных вагонах. Военные и гражданские власти шли широко навстречу во всех вопросах, касавшихся ночлега и питания; нужно также отметить радушное и хлебосольное отношение крестьян во всех местах, где побывали кадеты. Все это превращало

поездки в сплошной праздник и оставляло у всех участников незабываемые впечатления. Во время этих поездок велись дневники и составлялись журналы и альбомы фотографий, которые потом передавались в корпусной музей. Кадет сопровождали обычно сам генерал Адамович и некоторые воспитатели, а иногда кто-либо из преподавателей.

Все такие дальние поездки были возможны до тех пор, пока корпус располагал для них особыми средствами. Но в связи с постоянным сокращением смет эти ассигнования также подвергались уменьшению, а к концу пребывания в Сараеве совершенно прекратились и далекие экскурсии уже больше не совершались. Но не только в этом вопросе, но также и в других, гораздо более важных, судьба корпуса и условия его существования в Югославии все время зависели от целого ряда очень сложных обстоятельств, менявшихся все время, особенно после падения Крыма и окончания Гражданской войны на Юге России.

Первоначально корпус был подчинен Главному Командованию и сносился с Севастополем через его представителя, генерала Лукомского, находившегося в Константинополе, и через нашего военного агента в Королевстве, которым были последовательно генерал-майоры Артамонов, Потоцкий[646] и полковник Базаревич[647]. С 19 апреля 1922 года Русская Военная миссия была расформирована, и корпус по своим делам должен был обращаться в Высший совет по делам Военно-Учебных заведений при Российской миссии в Белграде, во главе которой стоял В.Н. Штрандтман. Но к началу ноября 1922 года положение переменилось и все русские учебные заведения были по учебным вопросам подчинены Министерству просвещения, а по финансовым и административным — Временному совету по делам русских учебных заведений при Державной комиссии. С августа 1922 года в учебный курс корпусов был введен 8-й класс, с целью обеспечить кончающим корпус возможность свободного продолжения образования в высших учебных заведениях Королевства. Но этот больной вопрос был окончательно разрешен лишь в июле 1923 года, и корпус получил право выдавать аттестаты зрелости, которые приравнивали 8-классный курс корпуса к курсу реальных училищ Королевства.

Одновременно с введением 8-го класса во всех классах было увеличено количество уроков сербского языка и введены уроки истории и географии Королевства. Нужно в то же время добавить, что в среде сербов было настолько велико стремление отдавать своих сыновей в русские корпуса, что Министерство просвещения было принуждено в 1926 году прекратить этот прием и требовать от своих граждан получения особого разрешения, которое выдавалось с трудом.

Не ограничиваясь только учебной программой, корпус обращал большое внимание на организацию среди кадет разнообразных кружков, позволявших им знакомиться с вопросами, не входившими в программу. Особенную известность получил Константиновский литературно-художественный кружок с секциями — литературной, драматической и художественной. Кружок этот занял в корпусе настолько видное место, что его деятельности посвящена особая глава в конце настоящего очерка.

Почти одновременно, начиная с 1923/24 учебного года, в корпусе стали возникать и другие кружки, к которым кадеты отнеслись с большим интересом. В течение пребывания корпуса в Сараеве сформировалось еще 8 кружков: любителей астрономии, спортивные кружки «Бэдмингтон» (теннис для зала) и «Пинг-понг», Чигоринский шахматный, музыкальный, любителей природы, французского языка и сокольской гимнастики. Гимнастический кружок, подготавливая инструкторов для корпусных гимнастических команд, много способствовал развитию этого вида спорта в корпусе. Ввиду того влияния, которое кружок оказал на воспитание кадет за все время существования корпуса, о его деятельности сказано более подробно ниже, в отдельной главе.

Одновременно с развитием кружков в корпусе были устроены классы ручного труда, имевшие целью не только заполнить досуги кадет, но и дать им возможность получить прикладные знания, которые могли бы обеспечить в будущем верный заработок. Классы эти были созданы по инициативе инспектора, полковника В.А. Розанова, при помощи офицеров-воспитателей, ставших во главе их. Раньше всех, с июля 1920 года, был организован переплетно-картонажный класс, под руководством подполковника М.А. Левитского, а после 1924 года полковника А.Н. Азарьева[648]. В сентябре того же года был открыт сапожный класс, с руководителем капитаном С.Н. Прибыловичем[649], а 7 декабря столярный, под руководством полковника С.К. Орлицкого. В марте 1922 года к ним прибавился слесарный класс полковника Н.В. Волкова.

Все четыре класса обслуживали, насколько возможно, нужды корпуса. Обучение в них производилось по особым программам, по выполнении которых кадеты получали вознаграждение за их работы для корпуса. Половина такого вознаграждения зачислялась на текущие расходы кадета, а другая записывалась в особый фонд, который он получал при оставлении корпуса. В начале 1925 года классы ручного труда были преобразованы в мастерские, получив преимущественно практическое и хозяйственное назначение.

Развитие интереса к работе кружков и к прикладным знаниям позволило корпусу, в течение 1921—1924 годов, принять участие в

4 выставках: две из них имели место в Сараеве, в сентябре 1921 года и в июне 1924 года, под названиями — 1-я и 2-я Босно-Герцеговинские ремесленно-промышленные выставки. На второй из них корпус получил за свои экспонаты золотую медаль. Другие были организованы в Белграде, в апреле 1922 года и с конца августа по 14 сентября 1924 года, под названиями 1-я и 2-я выставки работ русских беженцев. Корпус экспонировал на них учебные работы, изделия классов ручного труда и рисовального, скульптуры и работы кружков и фотографического кабинета.

Была также 13 и 14 марта 1926 года устроена выставка работ и достижений в здании корпуса, которую пришлось повторить через неделю, по усиленным просьбам сараевской общественности. За оба раза выставку посетило свыше 1800 лиц, начиная с высших представителей местного духовенства, военного командования и учебных заведений и кончая простыми жителями города, всех слоев населения. Успех выставки был очень велик, и местная печать уделила ей большое внимание и дала отзывы в самых лестных выражениях.

Уклад внутренней жизни в корпусе почти полностью соответствовал порядкам в старых русских корпусах, хотя с течением времени, по целому ряду причин, о которых частично уже говорилось выше, происходили некоторые перемены во внутреннем устройстве. В 1920 году штаты корпуса были рассчитаны на 500 кадет, разбитых на 4 роты и выпускной взвод. Этот взвод состоял лишь из одного 7-го класса, а 1-я рота из одного 6-го класса. С отъездом 1-го выпуска в Крым выпускной взвод был упразднен и в состав 1-й роты вошел лишь один 7-й класс. Ввиду невозможности разместить в здании более 300 кадет, 4-я рота была уничтожена и корпус был сведен к трем ротам, причем начиная с осени 1921 года 1-я рота состояла из 6-го и 7-го классов, 2-я рота из 4-го и 5-го, а 3-я рота из 1, 2 и 3-го.

Для сохранения памяти о корпусах, из которых был создан Русский кадетский корпус, с 1923 года были установлены ротные праздники: 1-й роты — 19 декабря, в день святого Николая Чудотворца, в память праздника Полоцкого корпуса; 2-й роты — 23 декабря, в день основания Киевского корпуса, когда служился молебен святому Равноапостольному Князю Владимиру, во имя которого была освящена церковь Киевского корпуса, и 3-й роты — 24 мая, в день святых Кирилла и Мефодия, в память праздника Одесского корпуса. Иконы этих святых, в художественных киотах, находились в ротных помещениях и были созданы трудами корпусных офицеров, так же как иконы и большинство имущества корпусной церкви, освященной во имя святого Благоверного Князя Александра Невского

Его имя вошло в жизнь корпуса с первого же года. Как уже было сказано, корпусной праздник был установлен 6 декабря, в день памяти его погребения во Владимире. Знак корпуса, для ношения на груди или в петлице, установленный 29 мая 1926 года, представлял собой четырехконечный крест, формы и цвета ордена Святого Александра Невского; этот знак был утвержден ко времени окончания корпуса VI выпуском, первым отказавшимся от выпускных жетонов и выразившим желание установить единый знак для всех выпусков. Звезда этого же ордена была с сентября 1923 года центральным мотивом корпусной печати. Большие кресты такого же вида, как и знак корпуса, были на надгробных плитах корпусного участка Сараевского кладбища, о котором более подробно будет сказано ниже.

С октября 1924 года в корпусе стала вводиться новая программа, выработанная на съезде в Белграде, и можно сказать, что одновременно с этим стало чувствоваться стремление Державной комиссии создать положение, которое можно было назвать медленным умиранием корпуса. По мере продвижения программы по классам из года в год, один за другим отпадали младшие классы, ввиду полученного распоряжения прекратить прием в 1-й класс. Таким образом, к 1929/30 учебному году корпус не имел четырех младших классов, что автоматически вызвало прекращение существования 3-й роты. Июль и август 1929 года были критическими в жизни корпуса. Решался вопрос, сохраниться ли ему или быть поглощенным другими учебными заведениями.

В защиту корпуса раздались голоса и русских, и югославских видных представителей общественности, и, наряду с отдельными письмами, Державной комиссии были адресованы резолюции Общего собрания Русской Колонии города Сараева и Обращение сараевской общественности, подписанное митрополитом Дабро-Босанским, директорами местных школ и училищ и другими высшими чинами администрации и деятелями культуры. Но только при содействии старого друга корпуса, генерала Хаджича, и волею Короля Александра I корпус был сохранен, хотя ему пришлось покинуть Сараево, так как занимаемое здание должно было быть передано Военному министерству. Корпус был переведен 1 сентября 1929 года в Белую Церковь, в здание Крымского кадетского корпуса, приняв в свой состав 114 кадет и часть чинов персонала этого корпуса. В этом же, 1929 году были снова открыты 1, 3 и 4-й классы.

Отъезд корпуса из Сараева произошел в обстановке исключительной теплоты и сердечности, проявленными местным сербским обществом и русской колонией. На корпусном участке кладбища 31 августа была отслужена панихида, последняя перед отъездом. 1 сентября в корпусе

был отслужен торжественный напутственный молебен, после которого представители местного общества и различных его организаций произнесли прочувственные речи и вручили директору ценные знаки внимания на память о Сараеве. Русская колония благословила корпус Иверской иконой Божией Матери в красивом киоте и поднесла русский национальный флаг на древке с копьем и с дарственной надписью на медной скобе. Этот флаг был директором передан кадету Савиничу, с производством его в вице-унтер-офицеры (будущий вице-фельд. X выпуска). Другие подарки и адреса были поднесены от всех русских организаций города Сараева и Босанской области.

5 сентября корпус в наличном составе выступил из казармы, в которой провел почти $9^1/_2$ лет, и, в сопровождении оркестра Босанской дивизии, прибыл на вокзал. Там собралось все Сараево, во главе с митрополитом Дабро-Босанским Петром, командующим армией генералом Калафатовичем и начальником дивизии, весь генералитет, великий жупан, начальник города, офицеры, представители организаций, русская колония и другие лица. После речей и благословения митрополита под звуки оркестра поезд отошел от станции. Минута была очень торжественная и трогательная. На следующий день корпус прибыл в Белую Церковь и разместился в своем новом помещении.

За время своего пребывания в Сараеве, то есть с июня 1920 года по сентябрь 1929 года, Русский кадетский корпус сделал 9 выпусков и из его стен вышли в жизнь 418 кадет с аттестатами за 7 или за 8 классов. За эти годы корпус преодолел неисчислимые затруднения, но был достойным представителем Великой России в далекой Боснии, как это заповедал генерал Врангель в своем приказе в 1920 году. Горько сознавать, что в настойчивой борьбе против корпуса главные удары наносились ему руками некоторых русских же недоброжелателей, так до конца и не сумевших ничего понять и ничему не научиться за годы Российской трагедии.

Первый русский кадетский корпус в Белой Церкви

В начале августа 1929 года стали известны предварительные предположения о соединении Крымского и Русского кадетских корпусов в один, с расположением в Белой Церкви, на базе сохраняемого Крымского корпуса. Но вскоре обстановка неожиданно изменилась, и к концу месяца стало известно, что существующие в Югославии три русских корпуса — Крымский, Донской и Русский — подлежат сведению в два корпуса. Один в Белой Церкви, с наименованием «Первый Русский

кадетский корпус» и с сохранением формы Русского корпуса (Сараево), а другой в Горадже, под названием «Второй Русский Донской Императора Александра III кадетский корпус», с сохранением формы прежнего Донского корпуса.

Прибытие в Белую Церковь кадет и чинов персонала Русского корпуса из Сараева состоялось 6 сентября 1929 года, и к ним были добавлены часть персонала и кадет Крымского кадетского корпуса, от 3-го до 8-го классов. Остальные были влиты в Донской корпус; директором в Белой Церкви остался генерал Адамович.

В очень тревожной и напряженной обстановке начала налаживаться жизнь корпуса на новом месте. Нелегко было успокоить враждебное отношение одной группы кадет к другой, но и это постепенно сглаживалось. Наступил новый период в жизни корпуса, но жизнь продолжала течь по своему давно установленному руслу, и некоторые факты, явления в его жизни из года в год регулярно повторялись.

В канун корпусного праздника, 5 декабря 1929 года, неожиданно корпусу было приказано построиться в Полоцком коридоре после окончания уроков. Все роты с офицерами-воспитателями выстроились, напротив, вдоль стены и в нишах окон, стояли преподаватели. Из кабинета, в конце коридора, вышел директор, генерал-лейтенант Адамович, сопровождая внучку Великого князя Константина Константиновича, княжну Наталию Багратион-Мухранскую, воспитанницу Донского Мариинского института. Во второй паре шли начальница института Н.В. Духонина в сопровождении кадета 6-го класса князя Теймураза Багратион-Мухранского, внука Великого князя. Обойдя строй, директор прочитал полученную им из королевского дворца телеграмму о том, что Король Александр I пожаловал корпусу шефство Великого князя Константина Константиновича. Произнеся соответствующую речь, директор провозгласил здравицу за Короля и присутствующих внуков Шефа. После этого поротно заведующий обмундированием, полковник Петров, выдал всем кадетам заранее приготовленные новые погоны с вензелем Великого князя. На всенощной и заре с церемонией в канун праздника г.г. офицеры и кадеты уже были в новых погонах. С этого дня корпус получил наименование «Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус», а первая рота стала именоваться ротой Его Высочества.

Состоявшиеся перемещения не избавили корпус от тягостного вопроса о дальнейшем существовании; в конце 1932/33 учебного года были получены известия о том, что Военному ведомству нужна казарма «Краля Петра» в Белой Церкви, занятая корпусом. Стало известным, что корпус предположено закрыть, путем перевода его в Горадже и слияния с Донским корпусом, размещение которого в Горадже было во всех

отношениях, кроме климатического, более чем неудовлетворительным. Только личное повеление Короля Александра о сохранении за корпусом в Белой Церкви занимаемой им казармы на все время существования спасло его от закрытия. Но в 1935 году, из-за сокращения средств Державной комиссии, был закрыт младший класс и над корпусом снова нависла угроза медленного умирания. Заступничество ряда лиц и обращение к правительству и к Державной комиссии многих русских организаций сохранили корпус от гибели; в 1938/39 учебном году был восстановлен отсутствующий 4-й класс, после чего корпус снова стал учебным заведением с полным числом в 8 классов, разбитых на три роты.

Здание корпуса

Расположение в Белой Церкви оказалось более удобным, чем в Сараеве. Здание было трехэтажное, вытянутое в одну линию. При выходе из вестибюля — парадная лестница, направо и налево коридоры, обращенные в столовые. Направо столовая 2-й и 3-й рот — «Коридор Владикавказский», с надписью на таблице цвета этого корпуса. Стены полны фотографий, среди которых коллекция редких снимков коронации Императора Николая II; вдали, на возвышении, икона-складень святого Николая Чудотворца, старинной работы. Из коридора направо первая дверь — вход в парадный зал корпуса. В нем большое впечатление производила картина Кремля, талантливо исполненная кадетом Крымского корпуса Евг. Прудковым; она находилась на раздвижной деревянной стене, которая в обычное время закрывала корпусную церковь. Против нее, в противоположном конце зала, находилась постоянная сцена, у которой весь плафон был разрисован иллюстрациями к русским сказкам, также работы крымского кадета барона Корфа. На стенах зала портреты наших Монархов, Короля, Шефа корпуса, героев 1812 года, генерала Врангеля и двух директоров, генерала Римского-Корсакова и Адамовича, добавленного после его кончины в 1936 году. Большинство этих портретов было работой самих кадет.

По выходе из зала, направляясь к парадной лестнице, посетитель проходил мимо картины, изображавшей здание Владикавказского корпуса, а дальше на стенах портреты Российских Царей и Императоров и, среди других изображений, рисунки зданий Киевского и Одесского корпусов. В среднем этаже находилось помещение роты Его Высочества и в коридоре была надпись «Полоцкий коридор», а на стенах опять много картин, портретов и гравюр. На 3-м этаже, в «Киевском кори-

доре», было помещение 2-й роты, а в «Одесском коридоре» — 3-й роты. Внизу, в «Полтавском коридоре», столовая 1-й роты и вход в музей, в лазарет и в гимнастический зал. Повсюду опять портреты, картины и надписи, напоминающие о России и производившие такое сильное впечатление, что все посетители единодушно называли корпусное здание подлинным «уголком России».

Большие изображения зданий кадетских корпусов, а также девизы, надписи и различные эмблемы, художественно исполненные на стенах, были нарисованы кадетами разных выпусков, Н. Максимовым, Г. Казнаковым, А. Родзевичем, В. Гридиным, И. Свидерским и другими.

Музей корпуса

Одним из явлений, заслуживавших особого внимания, был в корпусе музей, основанный еще в Сараеве, 3 сентября 1923 года, и значительно разросшийся после переезда в Белую Церковь. В день основания генерал Адамович в приказе по корпусу объявил в следующих словах о задачах и целях музея: «...Основная задача музея: собирать все вещественные признаки жизни Русского, Киевского, Одесского и Полоцкого корпусов и сохранять таковые же памятки, переданные Сибирским и Хабаровским корпусами. Сверх того, в особых отделах музея должны собираться памятки, относящиеся к Августейшему генерал-инспектору и Главному начальнику военно-учебных заведений Великому князю Константину Константиновичу и ко всем Русским военно-учебным заведениям (кадетским корпусам и военным училищам), а также русские медали, монеты и знаки — денежные, почтовые, орденские и т. п. ...»

Тем же приказом был назначен первым хранителем музея подполковник М.А. Левитский. Спустя три месяца, в канун корпусного праздника, музей был открыт. Был отслужен торжественный молебен с водосвятием, и после этого всем присутствовавшим было предложено осмотреть все собранное в скромных витринах.

Вначале не было подразделения предметов на отделы и вклады зачислялись в опись под общими порядковыми номерами. Но спустя короткое время, особенно с 1929 года, совпавшего с переездом корпуса в Белую Церковь, наступило значительное расширение музея и возникла необходимость подразделения его на отделы и составления полной систематической описи. Работа эта была начата в июле 1931 года, и к марту 1932 года был закончен карточный каталог и все предметы, под номерками, были распределены по следующим отделам: I. Шефский. II. Жизнь корпуса в иллюстрациях. III. Связь с жизнью г. Сараево и ее

русской колонией. IV. Связь с жизнью г. Белая Церковь и ее русской колонией. V. Экскурсии, слеты, поездки, прогулки. VI. Архив музея. VII. Библиотека музея. VIII. Разные работы кадет. IX. Княже-Константиновцы. X. Ордена, медали, знаки, печати, имеющие отношение к корпусу. XI. Ордена, медали, знаки, печати общего значения. XII. Российские монеты. XIII. Российские денежные и почтовые знаки. XIV. Генерал Врангель. XV . Русский военный отдел. XVI. Зарубежные военно-учебные организации. XVII. Главное управление военно-учебных заведений.

Помимо перечисленных, были неномерованные отделы каждого, представленного в музее, кадетского корпуса и военного училища. В июне того же года генералом Адамовичем была составлена систематическая опись музея, которая в марте 1933 года была выпущена особым сборником, под названием «Четвертая кадетская памятка — «Опись музея». К этому моменту музей насчитывал уже до 3000 предметов.

Первоначальное разделение музея на 17 отделов скоро оказалось недостаточным, ввиду почти безостановочного прибавления новых предметов, среди которых многие имели большую историческую ценность, как, например, стол и скамья, за которыми был убит генерал Корнилов, переданные из архива армии Юга России, в числе других реликвий. В музей нельзя было зайти на короткое время и нельзя было просто бегло ознакомиться со всем, что в нем было выставлено, — для этого нужны были часы. Перечисляя лишь наиболее примечательные и ценные предметы и реликвии, необходимо указать, что в музее хранилось 95 старых знамен Императорской армии и принадлежностей к ним, в том числе 7 знамен Суворовских полков. Кроме того, были знамена Полоцкого, Симбирского и Сумского корпусов и, в особом медальоне, две частицы знамени Владимирского Киевского кадетского корпуса. Полоцкое знамя ежегодно выносилось на молебен в день корпусного праздника, а в канун праздника Полоцкого корпуса и роты Его Высочества переносилось в роту, где оставалось до вечера дня праздника 6 декабря. Знамя Сумского корпуса помещалось в корпусной церкви как запрестольный образ, а знамя Симбирского корпуса, бывшее запрестольным образом в Сараеве, хранилось в музее.

В музее имелось много вещей, принадлежавших Императору Александру II, его перчатки, очки в футляре, письма и автографы, а также автографы, письма и надписи на разных документах, сделанные рукой Высочайших Особ — Императоров Николая I, Александра III и Императрицы Александры Феодоровны, Великих князей и княгинь, и много памяток бесконечного внимания к корпусу Короля-Рыцаря Александра I. После погребения генерала Врангеля в музей были переданы его оружие, обмундирование, предметы, связанные с памятью о нем, лен-

ты от венков, арматуры и доски, возложенные на его гробницу. После смерти генерала Адамовича в музей поступило много предметов, принадлежавших ему и напоминавших о его жизни и деятельности, собранные в отдельной витрине и составившие особый отдел. Помимо этого, хранились автографы видных деятелей зарубежной России — генерала Врангеля, генерала Кутепова, митрополита Антония, писателей Бунина, Чирикова, ученого Кизеветтера и др. Такое расширение музея, вызвавшее создание добавочных отделов, довело его к 1940 году до 4000 предметов и превратило в наиболее обширное и ценное собрание во всем зарубежье. Музей имел громадное воспитательное значение и вызывал со стороны кадет бережное и любовное отношение.

Подполковник Левитский оставался его хранителем до июня 1937 года. После него должность эту занимал полковник А.Н. Азарьев до октября 1938 года, а потом полковник П.В. Барышев, до конца существования корпуса. Помощниками хранителя музея были ежегодно назначавшиеся кадеты, во главе с вице-фельдфебелем очередного выпуска. Музей был широко открыт для осмотра всем желающим, и дежурившие в нем кадеты давали посетителям подробные объяснения о всех предметах, которые в нем были выставлены.

Корпусная церковь

С переходом в Белую Церковь все богослужения стали совершаться в постоянной церкви, устроенной Крымским корпусом и освященной при создании в память святых Равноапостольных Константина и Елены, с иконостасом работы крымских кадет Титова и Прудкова. Переносный иконостас, созданный в Сараеве и перевезенный в Белую Церковь, был сохранен и размещен в алтаре. Как уже было сказано, в обычное время церковь закрывалась раздвижной деревянной стеной, на внешней стороне которой было художественное изображение Московского Кремля. По боковым стенам зала помещались траурные доски с именами скончавшихся кадет и служащих корпуса. В 1929/30 году были сооружены художественной работы св. Плащаница и покровы.

Среди икон, утвари и другого церковного имущества многое принадлежало раньше частям Императорской армии и старым кадетским корпусам. Так, например, икона Спасителя и Тихвинской Божией Матери с царских врат церкви Киевского кадетского корпуса, походные складни некоторых пехотных полков, нагрудная икона знаменщика 13-го стрелкового полка, благословение Императора Николая II при отправлении полка на войну с Японией; кроме того, из церковного имущества 1-го

Сибирского и Хабаровского корпусов поступили иконы, складни, облачения и предметы церковной утвари, вывезенные и сохраненные кадетами этих корпусов при всех эвакуациях. Особо следует упомянуть о напрестольном Евангелии в серебряном позолоченном окладе, пожертвованном Сибирскому корпусу омским городским головой Ф.М. Кирилловым в 1852 году, а также большой складень с иконами очень старой работы, о чем можно было судить по надписям под ними, причем под правой иконой имелось указание на то, что ризы были построены в 1805 году иждивением Сибирского казацкого войска.

От Хабаровского корпуса, помимо иерейских облачений и священных сосудов, поступили иконы, среди которых были особо почитавшиеся иконы Спасителя и Апостола Филиппа, а также икона Албазинской Божией Матери, поднесенная городом Хабаровском Великому князю Константину Константиновичу и оставленная им на хранение в корпусной церкви. Эти две последние иконы сохранялись в корпусном музее.

По закрытии в 1933 году Донского корпуса в Горадже корпусной церкви были переданы большой серебряный позолоченный крест и складень, принадлежавшие до революции некоторым Сибирским стрелковым полкам, а также икона Воскресения Христова, со вделанной частицей Гроба Господня — благословение патриарха Иерусалимского Дамиана Донскому кадетскому корпусу, совершившему из Египта паломничество в Иерусалим. Этот краткий перечень показывает, что многие иконы и предметы церковной утвари представляли собой исторические реликвии большого значения, дополняя церковное убранство, созданное уже в зарубежье кадетами и офицерами Русского и Крымского кадетских корпусов.

Наиболее долголетним настоятелем корпусной церкви и законоучителем был протоиерей отец Сергий Троицкий, занимавший это место с основания корпуса в Сараеве до 1 сентября 1931 года, скончавшийся в 1934 году и погребенный в Панчеве. После него настоятели церкви несколько раз менялись, причем некоторые оставались меньше года. В числе настоятелей в разное время были протоиереи отец Н. Софийский, отец Ф. Жолткевич, отец И. Федоров, профессор отец Г. Флоровский, отец И. Гондурин, иеромонах отец Антоний Барташевич, ныне архиепископ Женевский и Западно-Европейский. В церкви всегда пел кадетский хор — подробное описание находится в главе о музыкальной жизни корпуса.

Начиная с 1929 года последовали одно за другим печальные события, когда корпусу пришлось участвовать в погребении выдающихся деятелей Югославии и русской эмиграции. 6 октября 1929 года

55 кадет с оркестром, во главе с директором и 4 воспитателями, приняли участие в погребении в Белграде праха Главнокомандующего, генерала П.Н. Врангеля, безвременно скончавшегося в Брюсселе. 9 октября 1934 года пришло неожиданное горестное известие об убийстве во Франции Короля Александра I, которому русские корпуса были так обязаны за его неизменно благожелательное отношение к их судьбе и нуждам. В день погребения, 18 октября, в Белград была отправлена делегация от корпуса в составе 24 кадет, директора и 2 воспитателей, которая возложила на гроб Короля венок от имени корпуса. В самом корпусе была отслужена торжественная панихида и было устроено траурное собрание, посвященное памяти Короля. Два года спустя, 22 мая 1936 года, делегация из 74 кадет с тремя офицерами и с настоятелем корпусной церкви совершила паломничество на Опленац для поклонения гробу Короля и возложила на него икону-складень святого Александра Невского.

На престол Королевства Югославии вступил старший сын погибшего Короля, Его Величество Король Петр II; 10 октября 1934 года в корпусе была совершена церемония приведения к присяге служащих корпуса на верность службы. Король Петр II продолжил благожелательное отношение к корпусу, но ничто уже не могло сравниться с теми знаками внимания и отзывчивости, которые оказывал корпусам так трагично погибший его отец.

Прошел лишь год с этих дней, и здоровье директора, генерала Адамовича, настолько пошатнулось, что 19 октября 1935 года ему пришлось оставить корпус и отправиться в Панчевский госпиталь для лечения, оставив исполнять обязанности директора полковника В.А. Розанова, инспектора классов. Спустя короткое время генерал Адамович был перевезен в Котор, но это ухудшило его здоровье, и в середине декабря его перевезли в Сараево, в военный госпиталь, где он и скончался 22 марта 1936 года и был похоронен на кадетском участке кладбища, среди могил дорогих его сердцу кадет, офицеров и преподавателей корпуса, скончавшихся за время пребывания в Сараеве.

После кончины генерала Адамовича исполняющим обязанности директора временно был полковник В.А. Розанов, инспектор классов. Его сменил 2 августа 1936 года, в качестве временно исполняющего должность, генерал А.Г. Попов, служивший в корпусе штатным преподавателем. Державная комиссия утвердила его в этой должности с 1 сентября 1936 года, и он оставался на этом посту до последнего дня существования корпуса, с которым и покинул территорию Югославии буквально в последнюю минуту, перед занятием красными города Белая Церковь 10 сентября 1944 года в конце Второй мировой войны.

Корпусное хозяйство, внутренняя жизнь и распорядок дня в корпусе

После перехода в Белую Церковь корпус принял от закрытого Крымского корпуса организованное им домашнее хозяйство, которое явилось существенным подспорьем для улучшения кадетского стола. Но к сожалению, его пришлось уничтожить в 1936 году по требованию местного военного начальства, так как по закону запрещалось содержание домашней птицы и животных в местах расположения казарм, где как раз находилось здание корпуса. Но осталась отлично поставленная хлебопекарня для черного и белого хлеба, более высокого качества и более дешевого, чем в городе. В корпусе имелась хорошо оборудованная баня; был устроен по зданию свой водопровод, в то время как в городе его у жителей не было.

Корпусной лазарет был рассчитан на 23 кровати; заразные больные направлялись в местную городскую больницу, а для хирургического вмешательства — в Панчевский госпиталь. Санитарную часть корпуса обслуживал врач и два фельдшера, но в связи с сокращением средств остался лишь один, а с 1936 года его заменила сестра милосердия. Врачами были последовательно доктора А.С. Долматов, А.И. Стоянов, В.И. Алферов и Н.А. Юркевич.

Нужно также отметить большое расширение библиотек и склада учебных пособий. К 1940 году количество книг фундаментальной библиотеки достигло цифры в 4260 экземпляров, а ротные, лазаретные и воспитательного чтения, вместе взятые, около 2760 экземпляров, к которым нужно прибавить еще 1426 книг на французском, немецком и сербском языках, находившихся в распоряжении соответствующих преподавателей. Склад учебных пособий к тому же времени насчитывал до 8000 учебников и около 214 карт и картин в красках по истории и географии, причем многие карты были сделаны самими кадетами. Учебники выдавались кадетам из расчета одной книги на двух кадет.

Распорядок дня в корпусе в будние дни был таков: подъем в 6 часов утра, после этого гимнастика, молитва, утренний чай и утренние занятия. Первые четыре урока, по 40 минут каждый, длились до 11.25 часов утра, потом был обед, а после него еще два урока до 2 часов дня. Остальное время было занято рисованием, уроками пения, гимнастикой и строем с перерывом на дневной чай в 4 часа дня. Вечерние занятия для приготовления уроков занимали около 2 часов; ужин был в 7.25 часов вечера, после чего была вечерняя заря и молитва. Укладка спать 2-й и 3-й рот происходила в 9.30 часов вечера, а 1-й роты — в 10 часов.

По воскресеньям и праздникам подъем происходил в 7 часов утра, и перед литургией около часа с четвертью отводилось для утренних

занятий. В будние дни уроки занимали в среднем до 36 часов в неделю. Начиная с 1933/34 учебного года был введен латинский язык, для уравнения программы с реальными гимназиями Королевства.

Питание кадет производилось четыре раза в день — утром и в 4 часа дня, чай с белым хлебом, причем три раза в неделю добавлялись или колбаса, или масло. Обед состоял из двух блюд: суп или борщ, а на второе мясное блюдо. Ужин был из одного горячего блюда, почти всегда с мясом, и чай с хлебом. На Пасху и на Рождество устраивался особый праздничный стол по русским обычаям, со всеми русскими традиционными кушаньями. Больные в лазарете и слабые здоровьем получали по предписанию врача дополнительное питание, но на все это никаких особых средств не отпускалось, и корпусу приходилось делать это своими силами.

Финансовое положение корпуса было неодинаковым в разные периоды времени, а с переходом в ведение Державной комиссии подвергалось безостановочным сокращениям и изменениям. Постоянное сокращение отпуска средств из государственной казны на поддержание русских беженцев повлияло и на уменьшение ассигнований на корпус. В этом вопросе не могло быть места жалобам или недовольству со стороны русских, так как нельзя забывать, что Югославия была единственной страной в мире, действенно и по-братски помогавшей русским беженцам в течение долгих лет. Но время шло, и после первых лет полной необеспеченности наступило постепенное улучшение материальных условий жизни беженцев, что позволило переводить часть кадет на положение своекоштных, с оплатой их содержания полностью или частично родителями, хотя, к сожалению, эта плата не всегда поступала вовремя.

Это не разрешало все вопросы, связанные с ведением такого сложного хозяйства, каким было корпусное; мало было кормить и одевать кадет, нужно было содержать в чистоте и опрятности помещения, оплачивать кухонную прислугу, отопление и освещение, лечить заболевающих, оплачивать персонал, приобретать учебные принадлежности, иными словами, заботиться о многих вещах, которых не знали рядовые беженцы, получавшие помощь от правительства или имевшие службу или работу. Нужно преклониться перед самоотверженной работой корпусного персонала, который вынес на своих плечах всю эту борьбу за сохранение этого уголка России в течение столь долгого времени. И в еще большей степени нужно подчеркнуть отзывчивость и предупредительность сербского общества, которое помогало корпусу побеждать все затруднения и поддерживало его в течение всего его существования.

Частые изменения в сметах, их постоянные сокращения, закрытие младших классов и их восстановление через некоторое время — все это

отражалось на составе чинов персонала, который вынужденно подвергался также сокращениям и переводам с одной должности на другую. Просматривая список персонала ко дню 20-летнего юбилея корпуса в 1940 году, видно, что из 39 имен можно отметить лишь 9 лиц, прослуживших без перерыва все 20 лет, от дня сформирования и кончая днем юбилея; из них 6 лиц из состава персонала в Сараеве и 3 из состава Крымского корпуса.

Нужно признать, что, принимая во внимание состав корпуса в 300 кадет, количество чинов персонала было чрезвычайно мало, что вызывалось ограниченными средствами, которыми располагал корпус.

Оценка знаний, производства, премии и награды

В первые годы пребывания корпусов в Югославии оценка знаний по русскому обычаю производилась по 12-балльной системе, но по требованию Министерства просвещения она была вскоре заменена 5-балльной, по примеру всех учебных заведений Югославии. Как и в старых корпусах в России, в Русском корпусе происходило ежегодно производство лучших по успехам кадет в звания вице-фельдфебеля и вице-унтер-офицеров. Разница была лишь в том, что в старых корпусах число произведенных соответствовало строевым должностям, но в Русском корпусе этот порядок не соблюдался и производство получало значительно большее количество кадет, на основании их среднего балла и оценки поведения. Отличные успехи в науках награждались занесением имени и фамилии на мраморные доски.

Помимо мер поощрения, принимавшихся в самом корпусе, Учебным советом Державной комиссии, некоторыми русскими организациями и отдельными лицами, русскими и сербами, были учреждены с 1928-го по 1935 год различные премии за лучшее учение в русской средней школе и за лучшие сочинения по литературе или на исторические темы. Некоторые премии предназначались только для корпуса, другие же присуждались на конкурсе между всеми русскими средними учебными заведениями в Югославии, причем значительное число таких премий пришлось на долю корпуса. Кроме этого, ряд русских организаций за пределами Югославии несколько раз учреждал стипендии для кадет, поступавших в высшие учебные заведения; эти стипендии предоставлялись в распоряжение директора корпуса и присуждались им лучшим по успехам, причем в некоторых случаях предпочтение отдавалось тому из лучших, чье материальное положение не могло быть обеспечено его семьей.

Выпускные кадеты и заботы об экипировке выпусков

Это был очень сложный вопрос. После закрытия в Югославии Николаевского кавалерийского училища для выпускных кадет осталась лишь одна возможность получить производство в офицеры, это поступление в Военное Училище Королевства (Война Академия) в Белграде. В первые годы жизни корпуса это было нелегким делом; приходилось прибегать к рекомендациям со стороны сербских семейств, принимавших участие в судьбе того или иного кадета, и это привело к тому, что из первых четырех выпусков в Сараеве только лишь 6 кадетам удалось быть принятыми в Академию и получить производство в офицеры. Но уже начиная с 5-го выпуска, то есть с 1925 года, количество кадет, принимаемых ежегодно в Академию, сильно возросло и в некоторые годы достигало 11—12 человек. Остальные, в своем большинстве, шли в высшие учебные заведения.

Вопрос об экипировке этих последних продолжал оставаться крайне сложным, и на него было обращено самое серьезное внимание. Начиная с 1922 года Державная комиссия отпускала ежегодно по 700 динар на каждого выпускного кадета, а с 1923 года для окончивших 8 классов отпускалось также по 700 динар для покупки белья и обуви, и корпус выдавал им обмундирование и снабжал всеми видами довольствия до конца месяца; поступавшие в университет зачислялись на студенческую стипендию в размере 400 динар в месяц. Окончившие лишь 7 классов получали белье, обувь и костюм из расчета 1500 динар для круглого сироты и по 1000 динар полусироте.

С 1924 года Державная комиссия начала отпускать по 1000 динар на обмундирование каждого оканчивающего как 7, так и 8 классов. Но первый же год показал, что сумма эта совершенно недостаточна; большинство не имело в Югославии никого из близких, но и те, кто имел родителей, часто не могли рассчитывать на их помощь, так как беженцы еще далеко не стали на ноги и многие сами нуждались до крайности. На помощь корпусу и в этом вопросе, как и во многих других, пришло сербское общество города Сараева. На обращение директора к дамам сараевского общества последовало образование дамского комитета помощи, во главе которого встала супруга помощника командующего войсками Сараевской области, сначала г-жа Матич, а позднее г-жа Стойшич. Комитет развил энергичную деятельность, собирая пожертвования и содействуя успеху выпускных вечеров. Пригласительные карточки, а позже и подписные листы сначала рассылались в пределах Королевства, но потом шли и за границу, откуда получалась значительная часть собираемых средств. Одна из таких карточек, в художествен-

но раскрашенном конверте, была г-жой Матич передана военному министру генералу Хаджичу, для вручения Его Величеству Королю Александру. В ответ на это было получено пожертвование в 5000 динар, и Король повторял этот жест до самой своей трагической кончины, причем с 1931 года эта сумма была увеличена до 10 000 динар.

С того же 1931 года Державная комиссия прекратила выдачу 1000 динар на каждого выпускного кадета и вся забота об экипировке выпусков пала исключительно на корпус. Кроме того, после перехода в Белую Церковь пришлось отказаться от устройства особых выпускных вечеров, так как на новом месте они не давали ничего, кроме хлопот и беспокойства. Средства на выпускных кадет стали собираться исключительно по подписным листам, главным образом родителями кадет, а также устройством ежегодной лотереи в их пользу. Значительная доля помощи получалась от целого ряда русских организаций, со всех концов русского рассеяния.

Эта помощь со стороны сербской общественности и русской эмиграции вполне оправдывалась той репутацией культурного «уголка России», которую корпус заслужил за годы своего существования.

В музее корпуса хранились книги почетных посетителей, в которых лица, посещавшие корпус, высказывали свои впечатления о нем, часто в очень восторженных выражениях. Книги эти служили также и для другой цели: в корпусе был заведен порядок, по которому, в день корпусного праздника 6 декабря, в такой книге одним из кадет делался рисунок, отвечавший своим содержанием празднику, главным образом из жизни святого Князя Александра Невского или о корпусной церкви, после чего шли подписи всех посетивших праздник и всех служащих и кадет по классным отделениям. В этой же книге расписывался также и выпуск после «матуры».

За годы пребывания корпуса в Белой Церкви его посетило большое количество видных представителей Зарубежной России, югославских военных кругов и деятелей просвещения и культуры. Все они единодушно отмечали блестящее состояние корпуса и в самых лестных выражениях отзывались об этом «уголке России». Можно было бы дать длинный перечень этих посещений, но, ограничиваясь лишь некоторыми из них, следует упомянуть о приезде 6 мая 1930 года председателя Российского Обще-Воинского Союза, генерала В.К. Миллера, митрополита Антония и, после его кончины, несколько посещений митрополита Анастасия; приезд княгини Татьяны Константиновны, старшей дочери Августейшего Шефа, сын которой был кадетом корпуса, а дочь была воспитанницей Мариинского Донского института, находившегося также в Белой Церкви. Приезд Великого князя

Андрея Владимировича, 25 ноября 1936 года, писателя Е. Чирикова, который читал кадетам отрывки из своих произведений, ежегодные приезды представителей Короля, в частности на корпусные праздники и на выпускные вечера, приезды Командующего армией генерала В. Николаевича, также и других представителей военного командования и целого ряда русских и югославских профессоров, высших служащих Министерства просвещения и других видных лиц.

В корпусе устраивалось большое количество лекций, докладов и сообщений на разнообразные национальные, исторические, научные и литературные темы, в которых успешно выступали и сами кадеты, и преподаватели и воспитатели, и приезжавшие писатели, поэты, артисты и деятели науки и просвещения. Даже в те периоды, когда корпус переживал лишения и затруднения, культурная жизнь в нем не останавливалась ни на минуту и кадеты получали целый ряд знаний, выходивших за пределы учебной программы.

Корпусной праздник

День этот был одним из наиболее торжественных в однообразной жизни корпуса, и кадеты ждали его всегда с большим нетерпением. Этот праздник происходил 23 ноября по ст. ст. (6 декабря по н. ст.), в день памяти кончины святого Благоверного Князя Александра Невского, и впервые был отпразднован в Сараеве в 1921 году.

К празднику готовились тщательно и заранее, и он был, действительно, крупным событием в жизни корпуса. Парад, обед с гостями, бал... Было что ждать и было к чему готовиться. Корпусной праздник начинался накануне «Зарей с церемонией». После всенощной, по сигналу «сбор» на вечернюю поверку, весь корпус выстраивался в коридоре 1-й роты. «Заря» — это была внутренняя, семейная, хотя и уставная часть праздника, поэтому приглашенных бывало мало. В большинстве это были старые русские офицеры из города или приехавшие на праздник из других мест.

«Смирно! Равнение направо! Господа офицеры!»

Трудно поверить, что стоит батальон кадет. Гробовая тишина, и лишь слышен знакомый «малиновый» звон директорских шпор... «По ротам, поверка!» — тихо раздается приказание директора; ротные командиры производят поверку и читают приказ по корпусу. После этого оркестр играет корпусную встречу «Наш полк» (музыка К.М. Галковского, слова К.Р., написанные Августейшим поэтом 31 мая 1899 года). После окончания встречи директор вызывает перед строем и производит вице-фель-

дфебеля и вице-унтер-офицеров, представленных к производству на заседании Педагогического комитета как раз накануне этого дня.

Снова раздаются звуки оркестра, который играет «Зарю». Расписанная для оркестрового исполнения пехотная «Заря» звучит торжественно, и после нее раздаются еще более торжественные звуки «Коль славен...». Когда стихают звуки оркестра, кадеты всем корпусом исполняют песнь Дворянского полка — «Братья, все в одно моленье...», которая пелась в России, в корпусах и военных училищах, в память всех павших за Родину. По окончании этого песнопения церемония заканчивалась пением обычных ежедневных молитв, с полным заупокойным поминанием по синодику. После отбоя кадет разводили по своим ротам, и они укладывались спать, в ожидании завтрашнего праздничного дня.

В день самого праздника даже какао к завтраку проходит незамеченным, настолько приподнято и взволнованно настроение кадет. Церковная служба начинается ранее обычного; дневное расписание сильно нагружено, и день расписан буквально по минутам. В церкви много почетных гостей и приезжих из Белграда, стройно поет кадетский хор. После литургии роты выстраиваются с оркестром на корпусном плацу и, приняв знамя, переходят в манеж, находящийся при здании корпуса. Праздник происходил уже в самом начале зимы, и климат Сараева был таков, что в этот день обычно был или снег, или дождь, поэтому парад на плацу устраивать было нельзя.

Парады в манеже пользовались большой любовью со стороны кадет. Развернутый строй кадет в длинных русских шинелях из серого солдатского сукна. Оркестр с «надраенными» инструментами и фанфарами «в прапорах», и на правом фланге — старое, тяжелое знамя Полоцкого кадетского корпуса. То, что в строю кадетское знамя, пожалованное еще Императором Николаем I в 1845 году, что перед нашим оркестром жалованные юбилейные фанфары 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса, все это делало этот парад в сознании кадет не просто очередным парадом, а звеном в столетней цепи тех парадов, в которых участвовали их отцы и деды, кадеты российских корпусов, в которых они готовились для служения Родине.

У главного входа трубач играет сигнал «смирно» для каждого из прибывающих почетных гостей. При входе директора оркестр играл, как уже говорилось, «встречу» корпуса — «Наш полк», а старейшему русскому офицеру — «встречу военно-учебных заведений». Когда прибывал Командующий 2-й Югославской армией, его встречали звуками Преображенского марша и директор подходил к нему с рапортом. Наконец, раздается особенно надрывный сигнал кадета-трубача. Входит югославский генерал, личный представитель Короля Югославии; оркестр играет

«встречу» и королевский гимн, генерал обходит строй и здоровается с кадетами. Это редко делалось по-сербски, словами «Помози Бог, кадети!», и большей частью представитель Короля здоровался по-русски так, как это сделал бы и сам Король. Громовое «Ура!» после ответа кадет сотрясало воздух. После коротких речей и приветствий начинался молебен с выносом знамени к аналою и, наконец, самое страшное — церемониальный марш развернутыми полувзводами. Резко звучал фанфарный марш, и неслышно проходили ряды кадет по влажным опилкам манежа. Разве могут забыться такие минуты?

После парадного обеда — короткое свободное время, в течение которого в том же манеже происходит традиционный парад перед генералом выпуска. Без знамени, без оркестра и без 3-й роты, а затем в отпуск, на баклаву. Пить не полагалось: впереди еще бал, концерт, различные обязанности, представительство...

Гости собираются на бал к 7 часам вечера. Бурно встречаются русские барышни, но их немного, ведь институтки давно уехали... Приходят наши дамы, это 2-я женская гимназия и женское педагогическое училище «Препарандия»; 1-я и 3-я женские гимназии — это не «наши», и из них приходят лишь одиночки. По заведенной традиции, бал начинается с коло. Местные дамы с увлечением танцуют старые танцы — хиавату, паде-спань и все те, которые теперь уже многими позабыты. Наступает концертная часть корпусного бала, которая всегда составлялась из произведений русских композиторов. Волнуются выступающие солисты, но, вероятно, еще больше их волновался капельмейстер-чех, умело управлявший оркестром. Время летело быстро, оживленные веселые пары в промежутках между танцами наполняли буфеты и гостиные, и весь вечер бала оставлял незабываемое воспоминание, и в памяти долго еще звучали красивые мелодии русских вальсов и веселых полек кадетского оркестра.

После переезда корпуса в Белую Церковь корпусные праздники справлялись с такой же торжественностью. В канун праздника, после всенощной и панихиды, весь корпус выстраивался в коридоре роты Его Высочества, имея оркестр на левом фланге. Командиры рот и офицеры-воспитатели находились на правых флангах своих рот, а против строя, вдоль стен и в оконных нишах, становились чины персонала со своими семьями, родители кадет, приезжие гости и делегация от Мариинского Донского института. Прибывшие на праздник бывшие кадеты, окончившие корпус в предыдущие годы, выстраивались на правом фланге роты Его Высочества.

Через несколько минут из своего кабинета, находившегося в южной части коридора, выходил директор корпуса, в сопровождении дежурного по корпусу кадета. Оркестр играл корпусную встречу «Наш полк», и

после этого происходило производство и «Заря с церемонией» в той же последовательности и такого же порядка, как это делалось и в Сараеве.

В день праздника, 6 декабря, в корпусной церкви служилась литургия, и после нее адъютант корпуса и знаменщик приносили из музея знамя Полоцкого корпуса, с которым становились у аналоя. К этому времени прибывал представитель Короля, которого встречал директор, и начинался молебен. После молебна знамя относили в музей, на прежнее место, и туда же переходили и королевский представитель, и все гости, которые расписывались в книге почетных посетителей. Пока это происходило, все роты с оркестром выстраивались в роте Его Высочества; старые кадеты строились на правом фланге, гости снова размещались вдоль стен. Из кабинета директора выходил представитель Короля, принимал рапорт директора, обходил строй и передавал кадетам приветствие Короля. После ответной речи директора и прохождения кадет церемониальным маршем, в гимнастическом зале корпуса устраивался для гостей завтрак. Праздник заканчивался вечерним балом, на котором присутствовали все гости и приглашались институтки Мариинского Донского института.

Весь этот день и все моменты праздника являлись крупным и ярким событием в жизни кадет, которое производило на них глубокое впечатление и сохранялось в памяти на долгое время.

Корпусное кладбище

На Сараевском военном кладбище, на участке корпуса, на котором возвышался, как общий памятник, высокий крест розового мрамора, с надписью по-славянски «Мир вам» (Иоанн 20, XIX), 29 августа 1922 года на могилах были поставлены и освящены кресты формы ордена Святого Александра Невского. С 25 августа 1925 года на могилах были установлены бетонные надгробные плиты, цвета розового гранита, с рельефным изображением на них креста ордена Святого Александра Невского и с именами и данными о почивающих под ними. Освящение памятников состоялось 11 сентября, в день Усекновения Главы Иоанна Предтечи; корпус прибыл на кладбище в полном составе, во главе с оркестром, и каждый кадет принес с собой ветку елки и цветы. На торжестве присутствовали все старшие представители местных военных и гражданских властей, председатели всех русских организаций, а также, по наряду коменданта, представители от всех частей и учреждений гарнизона и два сводных взвода нижних чинов, весь персонал корпуса с семьями, родители и близкие погребенных и члены Сараевской русской

колонии. Торжество началось исполнением оркестром гимна «Коль славен»; затем, после русского сигнала «на молитву», говорились речи, возлагались венки и была отслужена законоучителем корпуса, соборне с сербским духовенством, панихида. Могилы были засыпаны цветами, а подножие памятника украсили многочисленные венки.

После отъезда корпуса из Сараева на участке корпусного кладбища продолжали хоронить, с разрешения Командующего армией, всех бывших чинов корпуса, оставшихся и умерших в Сараеве. С переходом в Белую Церковь корпусу не удалось получить самостоятельный участок на местном кладбище. Но на православном кладбище имелась особая часть, назначенная для русских могил, среди которых погребали и скончавшихся кадет и служащих корпуса. На их могилы корпус ставил памятники той же формы, что и в Сараеве; по установившемуся обычаю, несколько раз в год кадеты убирали могилы и украшали их цветами.

Ежедневно во всех ротах после молитвы читалось заупокойное поминание, в конце которого перечислялись по синодику имена тех, кому еще не свершилась годовщина. В Дмитриевскую субботу, а также накануне и в дни ротных праздников к обычным поминаниям добавлялось поминание всех Государей, начиная от Императора Николая I, и весь синодик с 1920 года. По старой традиции кадетских корпусов, всем корпусом исполнялась песнь Дворянского полка.

Синодик составлен на основании сведений, помещенных в Шестой Кадетской памятке 1940 года. О скончавшихся после издания этой книги в синодик записаны только имена, и ввиду отсутствия полных и точных сведений они не приводятся.

В течение всего существования корпуса имена всех скончавшихся кадет и чинов персонала заносились на траурные доски, находившиеся на стенах зала у церкви. Дни кончины обозначались по старому стилю, а с 1935 года — по новому.

Константиновский литературно-художественный кружок

Мысль об учреждении кружка возникла после кончины 29 ноября 1923 года кадета 3-го класса Бориса Ушакова, когда был отменен танцевальный вечер в день корпусного праздника 6 декабря и вместо него был устроен закрытый литературный вечер, с чтением стихотворений Б. Ушакова и других кадет.

Основание кружка произошло 18 января 1924 года, и уже через несколько месяцев его деятельность настолько расширилась, что он занял видное место в жизни корпуса. Руководителем всего кружка и его ли-

тературной секции был сам генерал Адамович, а драматической — подполковник М.А. Левитский. Художественной секцией руководили в разное время генерал Адамович и подполковник Г.Л. Реммерт, а в Белой Церкви преподаватели рисования, подполковник И.П. Трофимов[650], М.М. Хрисогонов и Н.И. Александров.

Художественной секцией ежегодно выполнялось много работ: декорации, плакаты, программы, украшение здания надписями, видами корпусных зданий в России и различными эмблемами. Как в Сараеве, так и в Белой Церкви из среды кадет выдвинулся целый ряд талантливых художников: В. Судзиловский, Г. Гроссевич, А. Заболотный, И. Дубровный, А. Родзевич, С. Ермаков, Н. Максимов, Г. Казнаков, В. Гридин, И. Свидерский, Е. Бенуа, Ю. Дриженко-Турский и др.

Литературная секция, основанная раньше других, не ограничиваясь устройством литературных вечеров, конкурсов и докладов, выпустила в свет три сборника-памятки, из общего числа шести, изданных корпусом за все время его существования. Первые две памятки, 1924 и 1925 годов, были посвящены произведениям кадет разных выпусков; в марте 1937 года кружок выпустил «Пятую кадетскую памятку», полностью посвященную почившему генералу Адамовичу, директору корпуса и основателю кружка.

Целый ряд кадет, талантливых поэтов, приняли участие в деятельности литературной секции, но особо следует отметить признанных в зарубежной литературе А. Эйснера и И. Гребенщикова, затем К. Евреинова, получившего 1-й приз на литературном конкурсе 1928 года, среди учащихся русских учебных заведений в Югославии, С. Бубнова, А. Погребного и много других.

Драматическая секция кружка создалась немного позже других, и первой ее постановкой была пьеса кадета V выпуска А. Эйснера «Смех и слезы», 10 января 1925 года, прошедшая с большим успехом. Вначале корпус не имел сцены и спектакли ставились в столовых, на подмостках, сделанных из столовых скамей. Но к Пасхе 1925 года трудами подполковника Левитского была сооружена переносная сцена, которая позволила поставить большое количество пьес и даже опер и отрывков из них. В конце пребывания корпуса в Сараеве удалось устроить постоянную сцену, а в Белой Церкви кружок получил в свое распоряжение хорошо оборудованную сцену Крымского корпуса, что дало возможность делать постановки более сложные в техническом отношении.

Были поставлены пьесы Чехова «Юбилей», «Медведь», «Свадьба», «Предложение», «Лебединая песня», «Три сестры» и инсценировки некоторых рассказов; Э. Ростана, «Романтики», «Белый ужин» и сцена из «Орленка»; Рапопорта, «Иванов Павел»; Пушкина, две сцены из

«Русалки» и отдельные сцены из «Бориса Годунова», «Скупого рыцаря» и «Полтавы»; Гоголя, 4-й акт «Ревизора»; «Пастораль» из оперы «Пиковая дама» Чайковского; Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского»; опера Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем»; Тургенева, «Вечер в Соренто» на сербском языке; 4-й акт оперы К.Р. «Царь Иудейский»; Островского, «В чужом пиру похмелье» и два действия «Кузьма Минин-Сухорук» и многое другое.

Первое время в драматической секции не было постоянного руководителя и постановки делались под наблюдением генерала Адамовича или полковника В.А. Скалона и Н.Е. Филимонова. В конце 1925 года постоянным руководителем секции стал подполковник М.А. Левитский, который продолжал это дело до конца, с небольшим перерывом в 1929/30 году, когда его временно заменял преподаватель С.Н. Боголюбов. Декорации и костюмы разрабатывались и исполнялись офицерами и кадетами, среди которых следует отметить талантливых художников-декораторов А. Заболотного, Ю. Брюно, А. Андрушко, В. Корбе и П. Воропонова. Все мужские роли исполнялись кадетами, а женские — женами и дочерьми служащих в корпусе. Особенно талантливыми артистами были разных выпусков кадеты И. Новосильцов, И. Левитский, В. Мальгин, Д. Снигуровский, А. Велавин, В. Утков, О. Герман, В. Комаров и В. Болдырев, а также и многие другие, оказавшиеся не только искусными артистами и певцами, но и способными танцорами.

Кружок любителей сокольской гимнастики

С самого начала пребывания корпуса в Сараеве, еще при первом преподавателе гимнастики капитане А.Д. Билетове[651], кадеты с большой охотой уделяли свой досуг сокольским гимнастическим упражнениям. Летом 1922 года полковником П.В. Барышевым велась подготовка 25 кадет III, IV и V выпусков к 1-му Югославскому Всесокольскому слету в Люблянах. Это участие кадет на слете еще больше увеличило интерес к гимнастике и много способствовало образованию кружка. Он сформировался в 1923/24 учебном году, и его основателями были полковник Барышев и кадеты-инструктора: вице-унтер-офицер IV выпуска И. Карабанович и А. Слижиков, кадеты V выпуска А. Виницкий и В. Иловайский, и VI выпуска А. Вахе и А. Макаров.

В феврале 1924 года состоялось первое состязание на параллельных брусьях, а 10 мая — первое выступление в Сараевском офицерском доме, на благотворительном вечере в пользу матурантов IV выпуска, прошедшее с большим успехом.

В дальнейшие годы, кроме ежегодных состязаний и выступлений на вечерах, кружок (10 кадет VI и VII выпусков) принял участие в VIII Всесокольском Слете в Праге, в июне 1926 года, а 1 апреля 1928 года организовал в манеже казармы Краля Петра — Первый Гимнастический праздник, который посетили командующий войсками II арм. области, генерал Смилянич, местное общество и почти вся русская колония города Сараева. По окончании программы, состоявшей из вольных движений, эстафетного бега, упражнений на всех главных снарядах и пирамид, генерал Смилянич вручил призы 9 лучшим гимнастам, из них приз Сараевского отдела Общества русских офицеров кадету IX выпуска А. де Сен-Лорану и приз Николаевского отдела Союза Русских Военных Инвалидов кадету XI выпуска А. Тищенко. Об этом выступлении директором корпуса в приказе от 2 апреля 1928 года было отмечено: «В приказе по корпусу, отданном 6 марта по поводу произведенных 3 и 5 марта испытаний кадет-гимнастов, я высказал уверенность, что на предстоящем публичном выступлении в манеже кадеты-гимнасты поддержат старую славу постановки гимнастики в Русских военно-учебных заведениях. Вчера эта моя уверенность была блестяще оправдана. Не делая подробного разбора исполнения всей программы, отмечаю главное:

1) Дивный, несравнимый с обычным на таких выступлениях порядок, давший впечатление кинематографической быстроты смены картин. 2) Превосходное, вполне согласованное содействие оркестра успеху гимнастов. 3) Изящество, правильность и стильность вольных движений. 4) Высокую школу и легких, и силовых упражнений на снарядах, при полном чувстве меры и понимания границы между спортом и акробатством. 5) Отличный замысел, стильность, смелость и безошибочность исполнения грандиозных пирамид. 6) Полное спокойной уверенности в своих силах и выучке исполнение кадетами самых рискованных упражнений на турнике, на брусьях и кольцах, встречных прыжков через лошадь и прыжков через три метра с колец, из-под балок манежа.

Горячо благодарю всех выступавших гимнастов, оркестр, песенников и всех кадет за дружность и любовь к своему корпусу, в чем и лежит тайна успеха. Гимнастами могут быть только здоровые духом».

21 апреля 1929 года состоялся Второй гимнастический праздник, прошедший с прежним успехом, а летом того же года кружок продемонстрировал на Краевом Сараевском слете свои достижения в упражнениях на кольцах.

После переезда в Белую Церковь кружком руководили: в 1929—1933 годах полковник А.П. Колосовский, преподававший ранее гимнастику в Крымском корпусе, а с 1933-го по 1935 год полковник

А.Р. Ган, принявший эту должность после закрытия Донского корпуса. С добавлением кадет-гимнастов крымцев, после того как Крымский корпус был закрыт, с 1929 года кружок продолжал успешно выступать на вечерах и на «академиях» местных соколов. В этот период кружок принимал участие в следующих слетах: в июне 1930 года во Всеславянском в Белграде, а в мае 1931 года в Окружном слете в Белой Церкви. В июне того же года кружок выступал на выпускном вечере XI выпуска, где заслужил бурные аплодисменты, которые были вызваны 9 богатырями, показавшими чудеса дерзкой смелости и ловкости на параллельных брусьях. Выдающимися гимнастами этого периода были: XI выпуска вице-унтер-офицер А. Тищенко, кадеты К. Жолткевич, В. Леушин, Е. Ляшенко и XII выпуска В. Новиков, В. Русанов, А. Лычев и К. Синькевич.

С 1935 года кружком стал руководить полковник Барышев[652]. Начало этого периода ознаменовалось тем, что в работу кружка внесли большое оживление кадеты VI класса (XVIII выпуска), составившие вскоре превосходную и дружную группу инструкторов. В нее входили кадеты — князь К. Голицын, З. Лобанов, В. Мандрусов, П. Маслов, А. Мурзин, А. Носак, О. Рябов, Е. Соловьев и XIX выпуска В. Высоцкий, под руководством старшего инструктора К. Курицкого. Кроме сокольской, в кружке велась тренировка и в партерной гимнастике, и в легкой атлетике. Для этих выступлений к группе инструкторов примыкали и кадеты XVII выпуска Г. Левчук, М. Гроссул-Толстой, Г. Сапегин и Л. Тахтамышев. Их работу в кружке успешно продолжили новые инструкторы, их же ученики, кадеты XIX, XX и XXI выпусков О. Лобов, А. Бурхинов, В. Ермаков, Л. Кисиль, В. Кольчик, А. Скивский, Г. Стефанский, В. Демьянов, Б. Земцов и В. Колгин, которых возглавлял старший инструктор-кадет В. Высоцкий.

Воодушевленная работа этих групп подняла кружок на большую высоту. Успехами этого периода и участием в выступлениях на XIV Окружном Петровградском слете в Белой Церкви в июне 1939 года кружок вновь представился достойным старой славы Русских военно-учебных заведений.

В 1936/37 учебном году директором корпуса была введена для старшей группы кружка гимнастическая форма Главной Офицерской фехтовально-гимнастической школы в Петрограде — черный Российский государственный герб на белой безрукавке. Эта форма придавала большую торжественность при выступлениях, и ею кадеты очень дорожили. На протяжении всего времени существования корпуса все гимнастические выступления были на достойной высоте и имели громадную воспитательную силу, особенно принимая во внимание, что на работу

кружка выделялись совершенно ничтожные суммы денег. И тем не менее кадеты-гимнасты с гордостью пронесли наше трехцветное знамя и русское имя на всех местных и всеславянских слетах до начала Второй мировой войны.

Музыкальная жизнь корпуса

Если на первых порах кадетские корпуса в России готовили кадет преимущественно для суровой военной службы, то в более поздний период, особенно благодаря личному влиянию Великого князя Константина Константиновича, кадетская жизнь стала приобретать художественное разнообразие. Зарубежные корпуса, последний из которых носил имя Великого князя, ревностно продолжали и расширяли это нововведение. Художественная деятельность корпуса была столь разнообразна, что культурную жизнь русской колонии, как и местного югославского общества в Сараеве и Белой Церкви, трудно себе представить без участия кадет.

Церковный хор

Основан 30 июня 1920 года. По прибытии в Сараево создание хора стало одной из самых насущных нужд корпуса. Вскоре был приглашен как учитель пения и регент хора Ф.С. Стефанович. Хор корпуса очень ценили в Сараеве, и знатоки отдавали ему должное, специально приходя его слушать в местный православный собор. Кадеты пели на молебнах в дни Славы Королевского дома, Военного госпиталя, отдельных патриотических организаций. Пели вторую заутреню в сербском соборе, на празднованиях «Дня ребенка» и т. п.

С переездом в Белую Церковь хор, удвоивший свои таланты в результате соединения корпусов, укрепил свое доброе имя под руководством полковника Пограничного, тонкого вокалиста и требовательного наставника. При сравнительно узком диапазоне кадет, регенту удалось укомплектовать примерный хор, в рядах которого преуспевали в разные годы звонкие дисканты и низкие альты, многообещающие басы, глубокие октавы и выдающиеся тенора. Более того, ограниченность выбора — отсутствие женских голосов — ничуть не умаляла достоинств хора, а, напротив, сообщала ему нарочитую однородность и слитность сродни духу православных монастырей. Многие кадеты по окончании корпуса посвятили себя дирижерской практике в церковных хорах.

Светский хор

Неотъемлемой частью жизни корпуса, праздничной и повседневной, был светский хор. Его выступления па концертах и вечерах, устраиваемых корпусом, вызывали всеобщее одобрение. Кадеты часто пели в корпусном саду, и когда Король Александр бывал в Сараеве, то проезжал не раз мимо, чтобы послушать пение кадет, о чем потом делился с директором корпуса.

В репертуар хора входили произведения Глинки, Танеева, Мендельсона, Чайковского, Мокраньца, композиции Шипулина на слова К.Р., а также народные песни славян, русские, украинские, сербские. По размаху и количеству участников следует выделить торжественное выступление в ознаменование 950-летия Крещения Руси, в 1938 году, когда хор кадет, подкрепленный голосами воспитанниц Донского Мариинского института, в сопровождении оркестра исполнил торжественные кантаты в честь святого князя Владимира.

Нет возможности перечислить все выдающиеся концерты внутри и вне стен корпуса, однако нельзя не отметить чрезвычайно важного события в культурной жизни корпуса — ежегодных межклассных состязаний в пении на Масленицу с присуждением призов. Ради более широкого поощрения хорового пения начиная с 1930 года было введено состязание на переходящие призы: для трех старших классов — Российский Императорский герб с миноносца «Могучий», для средних классов — бюст Императора Николая II с 1939 года, а для младших классов — чугунная фигура стрелка в положении с колена, называвшаяся «Сережа Бухвостов», в честь первого русского солдата. Выступление каждого класса производилось по жеребьевке на сцене за опущенным занавесом так, чтобы члены жюри не знали, кто выступает. Подготовка к состязанию поглощала много творческих сил и вызывала здоровое чувство товарищеского соревнования. Среди выдающихся, спетых ансамблей следует выделить XVIII выпуск, который взял, пожалуй, наибольшее количество призов.

Но особенно отличались кадеты как исполнители старинных солдатских песен.

Струнный (балалаечный) оркестр

Основан 11 октября 1924 года. Кроме духового оркестра, в корпусе существовал балалаечный. Инструменты были приобретены в апреле 1924 года, как более простые в обучении и содержании.

Жизнь оркестра проходила неровно: то она разгоралась и давала блеск, то вновь угасала, в зависимости от наличия в разные годы в среде кадет любителей этого рода музыки. Много блестящих музыкантов пользовались популярностью и после окончания корпуса.

Интересно отметить, что при покупке струнных инструментов у известной немецкой фирмы «Юлий Генрих Циммерман» корпус ожидал приятный сюрприз. Вместо скромного набора самых необходимых инструментов был получен полный набор, с письмом от хозяина фирмы. В нем г-н Циммерман сообщал, что всю свою карьеру и капитал он составил на заказах для Российской армии и поэтому он с удовольствием посылает полный набор для струнного оркестра, который просит принять от него в подарок.

Духовой (медный) оркестр

Существовал с февраля 1925 года. Достойные страницы вписал в историю корпуса этот оркестр. Бодрящие мотивы старинных русских маршей, до сих пор непревзойденных в художественном отношении, не раз звучали в городах и весях Югославии. Величественное зрелище представлял собою кадетский батальон во главе с оркестром, начинавшим каждое шествие по традиции маршем «Тоска по Родине». Оркестр играл и тогда, когда кадеты провожали товарища в последний путь под звуки похоронного марша.

Инструменты, привезенные в корпус группой кадет 1-го Сибирского корпуса, были очень стары и дважды пополнялись при соединении корпусов, сперва с Крымским, а потом с Донским. В жизни корпуса, в его представительстве вне корпуса, оркестру принадлежало очень важное место, как в Сараеве, так и в Белой Церкви. Целый ряд организаций ежегодно обращались с просьбой об участии в их торжествах кадетского оркестра.

Духовой оркестр был самым звучным и ярким проявлением всех праздников и торжеств. Богатый репертуар, который требовал регулярной подготовки, все окружающие принимали как должное. Но, по существу, без оркестровой канвы невозможно было бы провести строгий распорядок праздничной программы, и она была бы неизмеримо бледнее.

С уверенностью можно сказать, что мало оркестров располагало таким репертуаром Российской армии, как кадетский. Заслуга в этом первых капельмейстеров.

Касаясь оперного и классического репертуара, следует указать, что почти каждый год разучивались новые произведения. Если в 1929 году

играли отрывки из «Пиковой дамы», в 1932-м — из «Русланы и Людмилы», то в 1939-м подготовили «Травиату», а в следующем — «Евгения Онегина». Из выдающихся выступлений оркестра следует отметить торжественный акт, 29 мая 1938 года, по случаю 70-летия со дня рождения Императора Николая II, устроенный в театральном зале Русского Дома в Белграде, где кадетский оркестр под управлением М.С. Собченко вдохновенно исполнил увертюру из оперы «Жизнь за Царя» Глинки, а также гимны, подхваченные голосами тысячной толпы.

Оркестр в Белой Церкви. С первого же года существования удалось получить для корпуса пианино. Уроки музыки давались за особую плату по желанию родителей. Обучалась всегда небольшая группа кадет. До 1939 года преподавательницей была А.А. Левитская, а с этого года Е.В. Говорова.

Традиции

Говоря о корпусе, нельзя умолчать о той области внутренней жизни кадет, которая обычно бывала скрыта от посторонних глаз, — о традициях. Без них корпус не был бы корпусом и кадеты не были бы кадетами; без традиций не было в Российской армии ни одной части и ни одного военно-учебного заведения. Традиции не были сухими, казенными постановлениями, они создавались самой жизнью и условиями среды настолько, что связывали на всю жизнь сослуживцев и однокашников, свято береглись и передавались из поколения в поколение. Но невозможно ясно и коротко ответить на вопрос — что понимать под словом «традиции» и в чем заключалась «традиционная жизнь». Это был сложный, неписаный кодекс внутренней жизни и взаимоотношений, который подготовлял кадета, а потом юнкера к ответственной службе в армии.

Большинство традиций имело серьезно продуманный характер, но были и шуточные, особенно в корпусах и училищах, что вполне соответствовало молодости и настроениям кадет и юнкеров (ночные парады, похороны химии и даже всех наук по окончании курса и т. д.). Они вносили в суровую казенную обстановку свежесть, разнообразие и юмор, причем немалую роль играл соблазн риска, так как далеко не всегда начальство закрывало глаза на подобные нарушения порядка и дисциплины. Но были также традиции суровые и требовательные, учившие молодежь с ранних лет уважать и любить старших однокашников, уметь подчиняться раньше, чем получить право командовать, проникаться любовью к армии и к Отечеству. Они пробуждали жертвенность

по отношению к своим товарищам, учили поступаться личными интересами, дорожить именем своего корпуса, училища и полка, поддерживать дисциплину, развивали сообразительность, мужество и отвагу.

Такие пороки, как стяжательство, эгоизм, доносительство и «фискальство», все это искоренялось своими средствами в кадетской среде, а более тяжелые проступки карались суровыми мерами товарищеского воздействия, вплоть до изгнания. Такие меры были более эффективны, чем постановления педагогического персонала.

Вполне естественно, что внутренняя кадетская организация, со своими законами и своей иерархией, встречала нередко сильное противодействие со стороны воспитательского персонала, что еще больше укрепляло внутреннюю дисциплину и тесную спайку в кадетской среде. Эта среда готова была в полном составе нести наказание за одного необнаруженного виновника какого-либо проступка, за исключением бесчестных; она чутко реагировала на каждую несправедливость и нередко устраивала организованные бунты против особо нелюбимых педагогов, так называемые «бенефисы», но одновременно строго следила за соблюдением всех требований общевоинской дисциплины и за охраной репутации корпуса вне его стен.

В старое время во всех корпусах традиции были более или менее одинаковы, с некоторыми лишь различиями, в зависимости от местных условий. Так, например, в части корпусов был цук, занесенный в них близостью кавалерийских училищ, в других же цука не было совершенно. В большинстве корпусов полное участие в традиционной жизни начиналось с 6-го класса, то есть с переходом в строевую роту; в корпусах 4-ротного состава это начиналось с 4-го класса, который был уже во второй роте. Там, где был цук, старший 7-й класс именовался «корнетами», а все младшие «сугубыми», а иногда «сугубыми зверями». Во главе 1-й роты был «корнетский комитет», или «майорат», который состоял из «майоров» и «полковников», и возглавлялся «генералом выпуска». Все члены «майората» назначались предыдущим выпуском, во время последнего традиционного парада. Звание «майора» давалось иногда некоторым, особенно «отчетливым» кадетам 6-го класса; они получали все права «корнетов», но в заседаниях «майората» не участвовали. Эти заседания происходили по мере надобности; на них каждый мог высказать свое мнение, но последнее слово принадлежало «генералу» и имело силу приказа.

Описанные выше порядки, звания и должности были неодинаковы в разных корпусах, и, кроме того, на них часто сказывалось влияние местных обычаев, особенно в корпусах, находившихся в казачьих областях, на Кавказе, в Сибири и в других отдаленных местностях России. Но,

несмотря на разницу в названиях и в некоторых порядках, внутренний смысл их был одинаков и повсюду выпускной 7-й класс был хранителем традиций и руководителем внутренней жизни всего корпуса.

Влияние внутренней кадетской иерархии на корпусную жизнь было всеобъемлющим. Если нарушение воспитательской дисциплины считалось часто допустимым, то непослушание старшим кадетам было немыслимым. Происходило это не от страха перед силой, а из сознательного чувства восхищения и гордости за старших товарищей, из желания им подражать, стать такими же отчетливыми строевиками, лихими традиционерами и хранителями заветов старины. Как это ни звучит странно для тех, кто сам не жил этой жизнью, но в случаях необходимости восстановления общего порядка в корпусе, что иногда было не под силу всему воспитательскому персоналу, достаточно было одного слова «генерала выпуска», и подчинение было немедленным.

На хранении у выпуска был объемистый альбом, называвшийся «Звериада», или правильнее — «Звери-ада». Происхождение этого слова старинное и связано с тем наименованием, которое в старые времена давалось корпусному начальству. Родилось оно еще в дореформенное время, в суровую эпоху Императора Николая I, когда еще существовали телесные наказания и когда начальство считало карательные функции лучшим методом воспитания. Книга эта была священной реликвией, и ее могли видеть только кадеты 1-й роты. Звериада была украшена портретами, рисунками и виньетками, а на первых страницах обычно помещался стихотворный текст, приблизительно одинаковый во всех корпусах, который описывал рождение корпуса и его историю и начинался словами «Когда наш корпус основался...», а кончался прощанием с корпусом перед переходом в военное училище. На следующих страницах каждый выпуск вписывал свои новые куплеты, которые посвящались всегда насмешкам над воспитателями и педагогами и с немалой долей юмора описывали «страдания» бедных кадет и все несправедливости, которым они будто бы подвергались в стенах корпуса: «Скорей померкнет мира свет, на землю явится Создатель, чем прав окажется кадет, а виноватым воспитатель!»

Так было в старые годы, и повелось это еще с очень давних времен. Но едва лишь в зарубежье были созданы новые Звериады, как содержание их, по крайней мере в первые годы, стало совершенно иным: в них с большой выразительностью высказывалась тоска по Родине, описывалась белая борьба, вспоминались погибшие товарищи и выражалась твердая вера в воскресение России под сенью Двуглавого орла. Исчезло высмеивание педагогов и начальства, да и вообще отношение к ним, за некоторыми исключениями, перестало быть враждебным и сменилось

добродушным подшучиванием. А многих из них полюбили и оценили, зная, что и они перенесли те же невзгоды и лишения, что и кадеты.

Зарубежные корпуса создались из кадров разных корпусов: в Сараеве это были Киевский и Одесский, причем кадеты других корпусов примыкали к одной из этих групп. Хотя у обоих было много общего в традициях, некоторые существенные различия имелись, но главное заключалось в том, что киевляне прибыли в Одессу и продолжали свою жизнь в здании Одесского корпуса как самостоятельный организм. Одесситы же считали себя «хозяевами» и на этом основании претендовали на подчинение киевлян одесским традициям, в числе которых был цук, к чему киевляне относились резко отрицательно. Это привело к образованию двух лагерей, из-за чего во внутренней жизни появилась взаимная отчужденность, иногда переходившая в открытую вражду.

Примирение, происшедшее весной 1921 года, не привело к объединению, и каждый лагерь продолжал жить обособленно, соблюдая традиции своего основного корпуса так, как если бы он продолжал существовать и за рубежом.

Так продолжалось до конца 1925 года, когда VI выпуск установил полное примирение между обоими группами и создал для корпуса единые традиции. Решительным толчком к этому послужило прибытие в корпус группы кадет-сибиряков из Шанхая. Это были кадеты, спаянные крепким товариществом, прошедшие суровую школу и блестяще сохранившие дисциплину и кадетский дух, несмотря на все пережитые испытания.

В объединении кадет в одну семью и прекращении розни между двумя лагерями сыграл свою роль тот факт, что к этому времени в корпусе уже не оставалось старых кадет тех основных корпусов, при которых родилась и подогревалась рознь между двумя лагерями. Острота всего пережитого постепенно исчезала, забывались причины, породившие разделение, и в сознание кадет все больше входила мысль о том, что это уже не Сводный Киево-Одесский, а Русский кадетский корпус.

Радуясь наступлению мирной и объединенной кадетской жизни, генерал Адамович даже поступился некоторыми своими правами директора, закрыв глаза на новые вводимые традиции и предоставив самим кадетам устройство своей внутренней жизни и взаимоотношений между старшими и младшими. И даже делал вид, что не замечает ни похороны химии, ни ночные парады. Следуя его примеру, на это закрывали глаза и офицеры-воспитатели.

Установленные единые традиции, собственно, мало отличались от прежних, но в них было две новых основных черты: они были общими для всего корпуса без исключений и из них полностью и оконча-

тельно был исключен цук. Большое значение оказало также и следующее обстоятельство, вытекавшее из всей сложившейся обстановки, а именно то, что в Российской империи, поступая в корпус, молодежь вступала на первую ступень того жизненного пути, который с каждым годом приближал ее к избранной цели — военное училище и полк.

Но у кадет в зарубежье положение было другим: у них не было НИЧЕГО, ни училища, ни полка, ни самой России. У них был только корпус, и на нем, и только на нем, сосредоточивалась вся любовь к потерянной Родине. Кроме того, если в старое время в корпуса шли почти исключительно сыновья офицеров, то есть той среды, к которой и сами они готовились принадлежать, в зарубежных корпусах была молодежь из самых различных слоев русского беженства и даже сербы. Однако, несмотря на все эти исключительные обстоятельства, в основу новых традиций были по-прежнему заложены внутренняя дисциплина, иногда очень суровая, товарищеская спайка и, как главная руководящая мысль, любовь к родному корпусу и к прошлому Императорской России.

В 1925 году «Звериады» Киевской и Одесской частей корпуса были увезены последними генералами выпусков, и VI выпуск, ставший 1-м традиционным, создал новую общую «Звериаду». Это была книга в роскошном переплете из малиновой кожи с золотым тиснением и обрезом, с прекрасной меловой бумагой; на крышке переплета был прикреплен нагрудный знак корпуса, а страницы были украшены художественными орнаментами, портретами Государей и различными эмблемами. Начальный текст упоминал и о Киевском, и об Одесском корпусах, об их соединении в Сараеве и о создании Русского корпуса: «В горах средь Боснии, далеко в долине дикой и глухой...», а заканчивался выражением веры в грядущее возрождение Родины. Каждый выпуск, оканчивающий корпус, имел право вписывать в «Звериаду» свои собственные строки, изливая в них свои чувства к педагогам, к некоторым событиям или просто к окружающей среде. Надо признать, что стихи эти редко обладали литературными качествами, а были места и не совсем цензурные. Но они служили своеобразной «отдушиной», как это было и в старое время в России.

Внутренней жизнью корпуса руководил «Выпускной совет», который назначался уходящим выпуском во время последнего ночного парада и передачи «Звериады». Он состоял из «генерала выпуска», двух старших и двух младших «полковников», «адъютанта» и вице-фельдфебеля, входившего в Совет немного позже, после своего производства. Ему принадлежала дипломатическая и очень деликатная роль «офицера связи» с директором корпуса. Все решения проводились Советом сообща, и «генерал» являлся «первым между равными». Надо отдать справедли-

вость VI выпуску, что он умело подобрал традиции из обоих основных корпусов, а новые основал на том, что уже было в жизни корпуса. Так, например, девизом корпуса было утверждено — «Помните, чье имя носите!», что красивой вязью было изображено на первой странице «Звериады». Маршем корпуса была принята музыка и слова «Наш полк» (К.Р.). Малиновый цвет погона стал считаться своим, родным, что подтверждалось малиновыми гвоздиками на традиционных парадах. Конечно, сохранилась старинная общекадетская традиция по окончании корпуса оставаться на «ты».

Каждый учебный год начинался первым традиционным парадом, который обычно происходил в конце сентября, вне стен корпуса, на лоне природы. В день корпусного праздника традиционный парад устраивали ночью или рано утром в зале корпуса и с оркестром. В конце учебного года, в 12 часов ночи, происходила передача традиций следующему выпуску. «Звериада» передавалась новому генералу выпуска в торжественной обстановке, и тут же назначался новый Выпускной совет, которому предстояло дальше руководить традиционной жизнью корпуса. Начальство, конечно, не всегда было снисходительно к нарушению правил, как ночные парады, открывание зала без разрешения, уход в отпуск всех, в том числе и наказанных без отпуска, а также ночной уход младшей роты из ротного помещения. Но, несмотря на все препятствия со стороны начальства, все это выполнялось с военной точностью. Символом единства и кадетской спайки сделалось в дни парадов выпивание вина из общей чаши, которая называлась «Братина», а подчинение старшим выражалось в офицерских погонах и шашках, которые носили на этих парадах члены Выпускного совета.

После перевода корпуса из Сараева в Белую Церковь, где в него влилась часть кадет Крымского корпуса, был опять период антагонизма между двумя кадетскими группами. Но когда этот кризис был изжит, многие традиции Крымского корпуса стали достоянием Княже-Константиновцев, как, например, «Царский отбой» в день окончания занятий. В этот день после последнего урока выпуск во главе с фанфаристами собирался на лестничной площадке между вторым и третьим этажами, где висел колокол, сзывавший кадет по классам. Вслед за фанфарным сигналом выпускной хор оглашал стены корпуса словами:

Полно вздором заниматься,
Трубач, труби отбой!

Затем генерал выпуска бил в колокол по числу выпуска: XII — двенадцать раз, а XXIII — двадцать три раза. Потом весь корпус стекался в коридор роты Его Высочества, где уже были расклеены по стенам

кадетские карикатуры, в которых VII класс изливал свои чувства по отношению к оканчивающим и даже членам педагогического персонала.

В 1933 году в корпус была переведена большая часть состава донских кадет из Горажде, после закрытия Донского корпуса. Это не вызвало появление антагонизма, но традиционная преемственность временно нарушилась, из-за малого числа коренных кадет Первого Русского корпуса в 1-й роте. Кадеты продолжали жить старыми традициями своих корпусов, и традиционное единство стало возрождаться тогда, когда XVII, XVIII и XIX выпуски перешли в 1-ю роту; таким образом, к 1938/39 учебному году внутренняя жизнь приняла полную традиционную форму, во главе с генералом выпуска и Выпускным советом. «Звериада», увезенная из корпуса в начале описанного периода, была возвращена в корпус старыми кадетами в марте 1939 года, на традиционном параде на «Прудах», первом после перерыва в несколько лет. В день праздника Донского кадетского корпуса, 19 декабря, в течение целого дня давались кавалерийские сигналы в память традиций этого корпуса и генерал выпуска носил в этот день в петлице донской погончик.

На корпусной праздник 6 декабря 1940 года Белая Церковь была опять свидетельницей небывалого стечения гостей — старых кадет. С исключительным подъемом был проведен ночной традиционный парад, на котором слились единодушно в одну кадетскую семью и офицеры Югославской армии, и юнкера Военной Академии, и студенты, и юноши-кадеты. Все это оставило незабываемое воспоминание у всех участников этого торжества, так же как и слова основной «Звериады» запомнились на всю жизнь и будут помниться до тех пор, пока не уйдет в лучший мир последний кадет Княже-Константиновец. Вот текст этой основной «Звериады»:

Державной волей Николая,
Всесильной волею Царя,
Его заветы исполняя,
Возникли два монастыря.

Один безмолвно и угрюмо
В старинном Киеве стоял,
Другой, среди морского шума,
В Одессе стены возвышал.

Но не монахи обитали
В стенах тех двух монастырей,
Их корпусами называли
По всей Руси среди людей.

Угрюмо, мрачно, молчаливо
Они стояли много лет,
Храня в стенах своих ревниво
И строго множество кадет.

Но вот минули годы счастья,
Настал ужасный смуты год,
И знамя красное безвластья
Поднял в безумии народ.

Вскипели силы роковые,
И безмятежный день угас,
И кровью собственной Россия
Во мраке скорбно облилась.

И оба корпуса, гонимы
Пожара общего огнем,
Предел покинули родимый
И гнезда старые на нем.

И после долгих испытаний,
За рубежом родной земли,
Они предел своих страданий
В унылой Сербии нашли.

В горах средь Боснии, далеко,
В долине дикой и глухой,
Лежит Сараево глубоко,
Над быстрой горною рекой.

И там, на площади угрюмой,
Безмолвна, сумрачна на вид,
Как бы полна тяжелой думой,
Казарма старая стоит.

Она уныла как могила,
Над ней всегда висит туман,
Но та казарма приютила
И Одессит, и Киевлян.

В стенах казармы этой душной,
Забывши ненависть свою,
Они слились единодушно
В одну кадетскую семью.

Так Русский корпус был основан,
Сплоченный массою кадет,
Одною верой крепко скован,
Одной традицией согрет.

Далекой Родины заветы,
Средь гор чужой для нас земли,
В сердцах измученных кадеты
С любовью свято сберегли.

В нем сердце трепетной России
Хранит свой прежний гордый вид,
Наперекор чужой стихии
В нем дух воинственный горит.

Но не для праздности забавы
Собрался тесный круг кадет,
Но для созданья вечной славы
Гнезду, где жили много лет.

Седых заветов, Русь святая,
Мы не могли здесь позабыть,
Венок традиций заплетая,
Мы будем их в душе хранить.

Пусть муки жалкого изгнанья,
Наш путь тернист и не пригрет,
Но старины святой преданья
Рождают силы у кадет.

Мы верим в силу Провиденья,
Взойдет счастливая заря,
Когда в пылу святого рвенья
Умрем за Русь и за Царя.

Годы Второй мировой войны и немецкая оккупация Югославии

1940/41 учебный год начался в привычных условиях, и жизнь корпуса шла спокойно. Хотя в Европе уже разгорался пожар Второй мировой войны, но все надеялись, что Югославия не будет вовлечена в нее и останется в стороне от событий. 23 марта 1941 года Королевские наместники, управлявшие страной вместо малолетнего короля Петра II, и правительство Югославии подписали соглашение с Германией, но всего лишь через несколько дней, 27 марта, произошел переворот: Королевские наместники, во главе с принцем Павлом, были отстранены так называемым «путчем» генерала Симовича, и вся полнота королевской власти перешла к юноше-королю Петру II, которому не было еще и 18 лет. Новое правительство, во главе которого встал генерал Душан Симович, аннулировало подписанное с Германией соглашение, и обстановка сразу переменилась. Спокойствие было утеряно, и стало понятно, что угроза войны приблизилась. Была объявлена мобилизация, и шли слухи о том, что следует со дня на день ждать нападения войск Германии и союзных с нею стран.

Белая Церковь и находившийся в ней корпус были расположены почти на румынской границе, и, ввиду скученности трех казарм и бли-

зости аэродрома, были опасения, что корпус может подвергнуться воздушной бомбардировке. В создавшейся обстановке директор корпуса генерал Попов[653] решил распустить кадет на пасхальные каникулы раньше времени. Пасха в 1941 году была 13 апреля; в последних числах марта директор собрал всех кадет в зале корпуса, описал общую обстановку и объявил, что все кадеты должны приготовиться к отъезду и сразу же, письменно, оповестить об этом своих родителей. К этому было добавлено, что кадеты не должны возвращаться в корпус, пока не получат об этом распоряжения. Таким образом, между 29 марта и 1 апреля большинство кадет разъехалось по домам в штатской одежде, так как ношение формы было разрешено с 1940 года (после признания СССР Югославией) только в пределах Белой Церкви. В корпусе осталось лишь около 30 кадет, которым некуда было ехать или которые не смогли связаться с родителями.

Прощание с друзьями было очень тяжелым, всех угнетала неизвестность, и все боялись, что существование корпуса кончается. В воскресенье, 6 апреля, оставшиеся кадеты услышали по радио, что немецкие войска перешли границу и что Белград был бомбардирован.

К этому времени гарнизон Белой Церкви был из города выведен, а авиационные части переведены в глубь страны. Оставшихся кадет не выпускали в город, и старшие кадеты дежурили днем и ночью в коридоре 1-й роты. Связь с городом поддерживалась только через офицеров-воспитателей, приходивших на дежурства. Первые немецкие части появились в городе 9—10 апреля, и к этому моменту местные немцы уже организовали новое городское управление и милицию, причем было арестовано 80 заложников-сербов из всех слоев населения. Ни грабежей, ни беспорядков в городе не произошло.

Пасха 13 апреля прошла очень спокойно. Крестного хода вокруг здания на заутреню не было, вместо этого прошли с хоругвями по коридору. В пасхальные дни в корпусе началась эпидемия брюшного тифа и заболело около 12 человек младших классов, которых расположили в трех палатах лазарета. Кто-то из здоровых кадет пустил слух, что заболевание тифом можно предотвратить чесноком, и многие стали покупать целые «венки» чеснока и есть его в большом количестве. Запах в помещениях стоял невыносимый, пока директор не запретил такое «лечение». Так как в корпусе был объявлен карантин, то связь с городом почти прекратилась. Ходили слухи, что немцы имели намерение в эти дни занять корпусное здание, как самое благоустроенное в городе, но ввиду объявленного карантина, корпус оставили в покое. По счастью, эпидемия оказалась слабой и новых заболеваний не последовало.

Немецкие офицеры несколько раз заходили в корпус, интересовались им и хвалили внутреннее устройство, выправку и подтянутость кадет. Справедливость требует признать, что со стороны немцев корпус не подвергался никаким преследованиям, но одновременно никогда и никакой материальной помощи от них не получал, так же как не получал и разрешения на приобретение продовольствия за свой счет из немецких запасов. Между тем продовольствие тогда можно было достать только на «черном рынке», но он был дорог, а корпус не имел средств. Содержавшийся ранее на средства, отпускавшиеся Державной комиссией, корпус оказался после прихода немцев без определенной материальной базы, так как отпуск этих средств прекратился.

Последний директор, генерал Попов, в своих воспоминаниях об этом периоде говорит, что лица, заведовавшие тогда делами русской эмиграции в Югославии, пытались получить хоть некоторые средства от оккупационных властей, но это увенчалось лишь частичным успехом, в виде займа в банках, под обеспечение ценностями известной Петровградской ссудной казны. Но средств этих было недостаточно, и в 1941 году был закрыт Донской Мариинский институт, также находившийся в Белой Церкви. Для корпуса были установлены особые правила, по которым отменялось бесплатное обучение и родители обязывались вносить определенную плату за обучение и содержание в интернате своих детей, в зависимости от своего материального положения. Но плата эта поступала очень неаккуратно, так как положение большинства родителей значительно ухудшилось после оккупации.

В мае 1941 года вновь открылась в Белграде Русско-Сербская гимназия и кадеты XXI выпуска, находившиеся в отпуску, были вызваны в Учебный отдел Полномочного представительства по делам русской эмиграции, где им предложили ходить на занятия в гимназию, а затем держать там матуру. Но через два дня кадетам удалось получить разрешение на переезд для этой цели в Белую Церковь. Добираться туда было очень трудно, так как мост через Дунай у Панчева и железнодорожные мосты между Вршцем и Белой Церковью были взорваны. Приходилось ехать пароходом до Панчева, затем поездом до Вршца, а оттуда пешком (30 километров) до Белой Церкви. Съезд выпускных кадет начался к 25 мая, и сразу же в спешном порядке стали готовиться к экзаменам. По вечерам собирались в садике 2-й роты и пели песни, развлекая больных кадет.

В один из этих дней корпус посетила очередная группа немецких офицеров. В музее корпуса они обратили внимание на несколько хранившихся немецких знамен и передали через переводчика, что немецкое командование будет очень благодарно, если эти трофейные знамена

будут возвращены немецким войскам. Корпус был вынужден согласиться, и через неделю появился взвод немецких солдат в парадной форме: знаменщики вошли в музей, где им были переданы эти ополченские знамена, с которыми взвод под музыку вернулся в город.

20 июня начались письменные экзамены на аттестат зрелости, а 22-го устные. В этот день, около 10 часов утра, по радио было получено известие о начале войны между Германией и Советским Союзом, известие, породившее надежды на скорое освобождение России от безбожной большевистской власти, хотя все понимали, что эта война принесет много несчастий русскому народу.

Ввиду отсутствия в корпусе запасов продовольствия, по окончании экзаменов кадеты не задерживались в корпусе ни одного лишнего часа, и, как только группа в 7 человек сдавала устные экзамены, им сразу же давали аттестаты и отправляли домой. Это омрачило последние дни пребывания в корпусе и помешало прощанию с воспитателями и преподавателями. Покидая корпус и прощаясь друг с другом, кадеты сознавали, что грядущие события приведут к полной потере взаимной связи и что все будут втянуты в войну, предвидеть последствия которой будет невозможно.

Возвращаться домой приходилось на телегах до Паланки на Дунае, а оттуда пароходом по Дунаю до Белграда. Так последние кадеты XXI выпуска расстались навсегда с корпусом. В течение долгих месяцев до конца 1941 года положение корпуса было более чем неопределенным: большинство кадет разъехалось на лето, разрешения немецких властей на открытие корпуса осенью не было, средств и продовольствия также не было. Целое лето прошло в хлопотах для получения разрешения оккупационных властей на продолжение существования корпуса и на поиски материальных средств. Осенью того же года генерал Попов провел около месяца в Белграде, пытаясь получить это разрешение и денежные суммы, и только в конце сентября вернулся в корпус, привезя с собой деньги для уплаты жалованья персоналу. Ввиду тревожного положения, его сопровождал кадет Мих. Михеев, с которым они на пароме переехали Дунай и добрались на телеге до Панчева, а оттуда на поезде до Белой Церкви.

Только лишь к середине февраля 1942 года из Учебного отдела Полномочного представительства по делам русской эмиграции, находившегося в Белграде, пришло извещение, что занятия в корпусе начнутся 15 февраля. Число кадет, которым удалось вернуться к этому времени в корпус, сильно сократилось, так как территория прежней Югославии была разделена на зоны, оккупированные Германией и союзными с ней государствами — Болгарией, Италией и Венгрией;

граница между Сербией и «независимым государством Хорватия» была закрыта, а для Баната был введен специальный режим, ввиду большого количества проживавших там немецких колонистов. Связь между Банатом и Сербией была ограниченной и затруднительной.

Из Белграда до Панчева пришлось добираться всеми возможными способами: через Дунай переходили по льду и до Панчева ехали на санях, после чего поездом, но с пересадкой и задержкой в Вршце, где пришлось ночевать на полу в какой-то канцелярии, дожидаясь поезда на Белую Церковь, куда добрались к полуночи. Следующая большая группа кадет приехала на следующий день, и в корпусе сразу же начались занятия.

В конце марта 1942 года стало известно, что немецкое командование хочет выселить корпус из занимаемых казарм, которые собирается использовать для размещения своих новобранцев. Это были фольксдойче — дивизия Принца Евгения, и немцы не соглашались оставить одну из казарм для корпуса, считая, что это нарушит их систему охранения. На четвертой неделе Великого поста генерал Попов снова уехал в Белград, чтобы хлопотать о том, чтобы избавить корпус от выселения, но поездка эта не увенчалась успехом, и после Пасхи корпусу пришлось покинуть свое большое и удобное здание и перейти в небольшой и запущенный дом детского приюта, около станции, куда в 1939 году был переведен Донской Мариинский институт.

В корпус подали несколько десятков телег, присланных местным населением, и началось переселение в новое помещение. Знамена и реликвии из музея были перенесены кадетами на руках. Во время этого переселения, вернувшись с группой кадет третьей роты в старое здание, вице-унтер-офицер Михаил Михеев увидел, что немцы там уже хозяйничают и что один из них начал рубить иконостас, выброшенный во двор. Вместе с малышами удалось иконостас отобрать, погрузить на телеги и водворить на чердак нового здания; иконостас институтской церкви во имя Марии Магдалины оставался на месте и был сохранен для корпуса.

В здании на 2-м этаже разместились 2-я рота (2, 3 и 4-й классы), цейхгауз, музей, кабинет и спальня директора. На 1-м этаже размещена была рота Его Высочества, зал, церковь, лазарет и баня. Во дворе, во флигеле, были мастерские, столовая, кухня, кабинет инспектора классов. Ввиду полной невозможности разместить в новом здании все и всех, корпус был вынужден в самом спешном порядке и за большие деньги нанять особый дом поблизости, где поместилась 3-я рота со своими воспитателями. Классы находились в доме бывшей жандармской станции на Железничкой улице. Питались в две очереди, так как помещения не хватало для всех: сначала 1-я и 3-я роты, потом 2-я.

Все это ухудшило положение корпуса и невероятно осложнило корпусную жизнь. Было тесно и неудобно; недостаток денежных средств очень тяжело отражался на питании кадет, и бывало и холодно, и голодно! Все же корпус старался сохранить прежний порядок и уклад жизни. Учебная и воспитательная часть оставались на прежней высоте, торжественно праздновались традиционные дни корпусного и ротных праздников. Все как будто было по-старому, несмотря на все невзгоды, но все это было только «как будто». Надвигалась катастрофа, нарастала тревога, которая охватила и корпус, когда советские войска начали занимать территорию Румынии.

Эвакуация из Белой Церкви и конец корпуса

Перед лицом надвигавшихся грозных событий у русской эмиграции в Сербии теплилась слабая надежда на то, что после занятия Греции союзные войска продолжат свое наступление и займут весь Балканский полуостров. Но этого не случилось, и надежда на такой исход не оправдалась. Большинство русских сгруппировалось в Белграде, где в «Русском Доме» на улице Кралицы Наталии, 33, был центр всей русской жизни, особенно в те дни. Туда ежедневно приходили и кадеты, чтобы справляться о судьбе корпуса и ждать распоряжений о своей собственной судьбе.

Была осень 1944 года; весной этого же года последний XXIV выпуск сдал в корпусе матуру и в тот момент еще не думали, что это был действительно последний выпуск на территории Югославии. В течение лета обстановка настолько изменилась к худшему, что 5 сентября в Белграде было созвано совещание председателей русских колоний в Сербии и на это совещание прибыл и директор корпуса генерал Попов, с заведующим хозяйственной частью корпуса. Ознакомившись с обстановкой и выслушав доклады, собравшиеся получили предложение по возвращении оповестить о положении всех кадет и предупредить их, что отъезд корпуса из Белой Церкви назначен на 2 часа дня 10 сентября и что все желающие выехать с корпусом должны явиться в корпус не позже утра того же дня. Разрешено было и желающим родителям также ехать вместе с корпусом. Кадеты, проживавшие в Белграде, должны были собраться в Русском Доме рано утром, 9 сентября, чтобы ехать в Белую Церковь целой группой.

Добравшись в ночь с 9-го на 10 сентября в корпус, кадеты узнали, что никаких распоряжений об эвакуации сделано не было, хотя генерал Попов успел уже вернуться в корпус. Дежурные офицеры, встретившие кадет ночью, говорили, что отъезд намечен на 12-е число и что еще есть достаточно времени. Но в то же время на желез-

нодорожной станции уже были приготовлены три вагона-теплушки, чтобы принять корпус в 1 час 30 минут дня, и уже был готов немецкий солдат-проводник со всеми необходимыми документами для беспрепятственного проезда. И только буквально в последнюю минуту началась спешная работа, укладка книг в ящики, переодевание в форменную одежду, посылка извещений по домам персонала, все это под энергичным руководством исполнявшего должность фельдфебеля кадета Михаила Скворцова, который взял в свои руки всю инициативу.

Все драгоценное имущество музея было оставлено, и заведующий им не разрешал даже что-либо вывезти. Только одно знамя Полоцкого корпуса было в последнюю минуту снято и вывезено с корпусом. Все остальные реликвии попали в руки красных и были вывезены в Советский Союз, причем часть была разграблена по приходе Красной армии. Два других знамени кадетских корпусов, Сумского и Симбирского, как запрестольные образа, избежали общей участи; их удалось вскоре изъять из здания, и в настоящее время они находятся в наших храмах, в Соединенных Штатах.

Когда за полчаса до отъезда взвод старших кадет понес на станцию ящики с книгами, выяснилось, что вагоны уже реквизированы немцами; к счастью, железнодорожники вошли в положение и указали кадетам на три открытых вагона с дровами, которые кадеты быстро выгрузили и заняли их для корпуса. К этому времени прибыла группа чинов персонала с семьями, всего 21 человек, считая и жен, и детей. В самую последнюю минуту, когда погрузились и кадеты, и персонал, появились кадеты с приготовленными с утра одеялами, которые чуть было не забыли в спешке. Каждый кадет мог взять с собой лишь один чемодан с самым необходимым, некоторые родители решили тоже уезжать вместе со своими сыновьями. Из общего числа почти 300 кадет, числившихся по спискам, погрузилось лишь около 100 человек, к которым в пути присоединилось еще несколько отдельных кадет. Многие, находившиеся в летнем отпуску, об эвакуации ничего не знали или же не смогли добраться до Белой Церкви. Из персонала корпуса эвакуировались лишь единицы: эвакуация была добровольной, и у многих нашлись личные причины остаться в Белой Церкви и с болью в душе ожидать советскую армию, которая, по утверждениям просоветской пропаганды, якобы «сильно изменилась к лучшему». Как показали последующие события, решения этих лиц оказались фатальными и повлекли за собой для многих трагические последствия.

Старшие кадеты были вооружены винтовками и несли охрану в течение всей поездки. На последнем открытом вагоне был поставлен русский трехцветный флаг, который был долго виден после отхода поезда, пока он не исчез среди деревьев. На станции собрались провожающие и

те, кто не смог или не захотел выехать. Среди них были офицеры корпуса, полковники Потапов[654], Барышев, Филимонов[655], капитаны Кныш[656] и Лавров[657], преподаватели, многие члены русской колонии Белой Церкви и местные жители. На душе у всех было тоскливо; поезд медленно отошел, и последняя страница истории корпуса в Югославии закрылась навсегда.

В Вршце к корпусу присоединилась еще группа кадет. Среди них был один 9-летний мальчик, полусирота А. Кравченко, которого отец привел на вокзал и просил, чтобы корпус взял его с собой. Судьба этого мальчика оказалась трагичной: 12 сентября, после переезда венгерской границы, когда вагоны, стоявшие на запасном пути, прицепляли к поездному составу, произошел сильный толчок. Мальчик, несмотря на запрещение сидевший на борту открытого вагона, был этим толчком сброшен на землю и попал под колеса. Когда удалось остановить поезд, то было уже поздно и А. Кравченко был мертв. Полиция составила протокол, кадеты проводили погибшего пением «Со святыми упокой...» и «Вечная память», и тело его было увезено и предано погребению местной русской колонией.

11 сентября, в пути, недалеко от Субботицы, кадет М. Скворцов был произведен в вице-унтер-офицеры и сразу же в звание вице-фельдфебеля. Энергичный и распорядительный, он успел завоевать себе авторитет, и его производство было по душе всем кадетам.

Дальнейший путь поезда шел в течение двух дней по территории Венгрии, с задержкой на целую ночь на границе с Австрией. Ехали по земле, где уже происходили бомбардировки городов союзной авиацией и где приходилось иногда покидать поезд и прятаться среди деревьев и кустов, когда над транспортом пролетали союзные самолеты. Питались кое-как, обменивая свою штатскую одежду на продукты. Местное население не понимало, кто эти русские, стремящиеся уйти от «русских» же, которых сами жители ожидали с нетерпением.

По прибытии в Вену, которая тоже подвергалась бомбардировкам с воздуха, кадетам удалось обеспечить себя достаточным запасом продовольствия. Это произошло благодаря расторопности сопровождавшего корпус немецкого унтер-офицера, австрийца родом, у которого имелись документы на проезд, с указанием, что они выданы на две роты «кадетской школы» с персоналом. При его энергичном участии удалось достать из немецких складов продукты питания на целую неделю, причем там были даже копченые окорока.

Переждав в Вене очередной воздушный налет, поезд снова тронулся по территории Австрии и без особых приключений 17 сентября 1944 года, в два с половиной часа дня, прибыл в город Егер, находившийся в «Протекторате», вернее, в Судетской области, недалеко от Карлсба-

да и Мариенбада. Здесь кадетам сообщили, что нужно выгружаться и что они прибыли к цели своего путешествия. Покинув поезд, кадеты выстроились перед вокзалом, имея на правом фланге трехцветный флаг и четырех кадет с фанфарами. Строем и с песнями рота двинулась по улицам города, по направлению к лагерю бывшего аэродрома. Большая толпа жителей, немцев и чехов, с любопытством смотрела на это непривычное для них зрелище и на незнакомую для них кадетскую форму.

Семьи кадет были от них отделены и направлены в какое-то другое место. Прибывших с кадетами чинов персонала с их семьями не поместили в лагерь, а вернули в Австрию. С кадетами остался лишь один генерал Попов, которого устроили в том же лагере, в бывшем офицерском флигеле. По прибытии в лагерь всю одежду кадет передали в дезинфекцию, после которой ее вообще кадетам не вернули, а вместо нее выдали какие-то одеяния сизого цвета, не имевшие ничего общего с русскими формами. Это вызвало чувство большого разочарования и подозрения в том, что кадет собираются использовать для каких-то нежелательных целей. Нужно заметить, что первоначально были сведения о том, что корпус предполагалось сохранить, как школьную организацию, вместе с группой русских гимназистов из Белграда, которые уже находились в лагере. Для этой цели, благодаря хлопотам группы русских военных в Берлине, был снят замок близ Мюнстера, в Вестфалии. Сведения эти подтвердились по прибытии, и 20 сентября генерал Попов с двумя кадетами отправился в Вену, чтобы собрать персонал, который разрешено было перевести в Мюнстер, в количестве 20 человек.

Генерал Попов вернулся из Вены через неделю и сообщил, что после обсуждения было решено, что устройство корпуса в Западной Германии считается неудобным по ряду причин. Начались новые хлопоты и вместе с этим полная неопределенность положения, которая усложнялась неприятной обстановкой жизни в лагере, теснотой, шумом и не всегда доброжелательными отношениями с молодежью других национальностей. Довольно часто происходили воздушные налеты союзной авиации и бомбардировки города, когда приходилось и днем и ночью бежать в примитивные убежища, но в самом лагере разрушений не бывало. Чем дальше шло время, тем чаще происходили воздушные тревоги, и число их доходило иногда до 24 в сутки.

Так прошел весь 1944 год; приезжали представители различных организаций, давались обещания, тянулись хлопоты, но никаких перемен не происходило. В январе 1945 года старший взвод ушел к генералу Власову, а генерал Попов устроился служить и тоже покинул лагерь, где осталось теперь лишь 106 кадет, с очень малым количеством старших. В середине февраля 1945 года оставшиеся кадеты переехали в город Гмюнд,

где к ним прибыли несколько лиц, среди которых были две преподавательницы и мужской персонал, в том числе некоторые бывшие кадеты, офицеры Югославской армии. Кадеты были размещены в здании городской гимназии, где начали организовываться занятия и где снова удалось установить порядок и условия, напоминавшие корпус, — строй, отдание чести, вечерние поверки и привычные слова православных молитв. В другой половине здания разместились венгерские кадеты, которым удалось вырваться из Будапешта в конце 1944 года.

Но такое положение длилось недолго. После падения Вены кадетам пришлось в конце апреля 1945 года покинуть Гмюнд и уходить походным порядком в направлении на Зальцбург, входивший в зону американской оккупации. Шли по глухим дорогам, питались тем, что удавалось выпрашивать у крестьян и у местных жителей, но гордо несли свой трехцветный флаг и даже пели во время переходов. В Зальцбурге кадеты были встречены американской военной полицией, прошли через регистрацию и были помещены в лагерь, наполненный русскими беженцами из Югославии. Так кончилась страдная полоса в жизни последних русских кадет. Все эти события, изложенные здесь кратко на нескольких страницах, заслуживают более подробного описания, и надо надеяться, что это будет сделано теми, кто их пережил.

Судьба чинов персонала, оставшихся в Белой Церкви и не пожелавших выехать с корпусом, была трагичной. Одних забрали большевики, часть была расстреляна, другие были вывезены в СССР, многим другим пришлось скрываться и пережить много тяжелого. В настоящее время в Югославии уже не осталось в живых никого из тех, кто служил в корпусе и не смог или не захотел выехать вместе с ним.

Судьба чинов персонала корпуса[658]

Большинство воспитателей и преподавателей корпуса не эвакуировались с кадетами в сентябре 1944 года, а остались на своих насиженных местах. Судьба этих немолодых уже людей, посвятивших свою жизнь воспитанию кадет, оказалась печальной, а в некоторых случаях и трагической. Одна из причин такого промедления заключалась в том, что оккупационные власти вели ложную пропаганду о ненужности эвакуации ввиду стабилизации фронта. Столь безответственное поведение областного начальства не только ввело в заблуждение семьи персонала, но и привело к гибели всего корпусного имущества.

Советская армия вошла в Белую Церковь в воскресенье 1 октября 1944 года настолько неожиданно, что цыгане приграничного села Ку-

сич приветствовали входящие колонны возгласами «Живео Краль Петар!», и советскому командиру пришлось довольно долго разубеждать восторженных селян, что это не королевская армия под эгидой союзников, а советская.

Наспех собранные из местных коммунистов банды «партизан» со свеженашитыми красными звездами и с разнокалиберным оружием появились в городе значительно позже.

Дней через десять начал действовать СМЕРШ, и среди первых арестованных оказались местный судья Петр Волошинов и председатель русской колонии генерал Генералов[659]. Югославянские граждане были переданы прибывшим вскоре титовским комиссарам, которые уже в середине ноября расстреляли 50 арестованных, якобы в отместку за подобную же казнь сербских заложников со стороны немцев годом ранее. В списках, которые были расклеены по всему городу, среди казненных значились: Потапов, Хлодовский, Лавров, Генералов и другие. Их останки закопали на скотском кладбище южнее Рудольф-парка вдоль реки Неры.

Если бы титовцы продолжили свою расправу с невинными людьми тем же способом, то установить списки убиенных воспитателей было бы сравнительно легко. Но тут вмешались начальники НКВД, которые сделали выговор своим ученикам в ОЗНА и объяснили, что так не обделывают подобные дела, не объявляют имена во всеуслышание, а ликвидируют врагов тайно. Поэтому все остальные преступления партизан в Белой Церкви остались нераскрытыми.

Известно только, что в начале декабря вышел приказ всех местных немцев и русских эмигрантов сослать в концлагерь. Но перед этим им велели явиться на суд «тройки» партизан. Возглавлял ее преподаватель Сербской гимназии в Белой Церкви Светолик Суботич, впоследствии ее директор, а вторым членом был назначен полуцыган из села Кусич, Пера Белобабич, будущий начальник тюрьмы и концлагеря в Белой Церкви.

В явочном зале был поставлен стол, мимо которого должны были проходить арестованные и под угрозой расстрела класть все наличные драгоценности, как то: кольца, браслеты, цепочки, часы и т. п. Дошла очередь и до преподавателя французского языка, полковника В.А. Скалона. У него на руке было обручальное кольцо, которое он с пальца снять не мог. Понимая безвыходность положения, полковник Скалон сказал партизанам: «Если хотите отобрать у меня это единственное воспоминание о моей жене, отрубите палец». Члены «тройки» переглянулись, но рубить палец не посмели.

Весьма вероятно, что поначалу пожилые мужчины и женщины русской колонии были размещены в здании корпуса против железнодо-

рожной станции и там, по инициативе подполковника Филимонова, из гимнастического зала в спальни были перенесены кожаные матрацы, чтобы не спать на голом полу. Но ввиду того что армиям требовались казармы, все заключенные вскоре были переведены в городскую тюрьму, где отделили мужчин от женщин. Отношение к заключенным ухудшилось, и многие больные старики лежали без медицинской помощи. Стоял декабрь месяц, а помещения не отапливались.

В один из вечеров, а именно в сочельник 1945 года, в камеру вошли партизаны и, ругая заключенных за то, что у них спертый воздух, приказали открыть окна, вымыть пол, постелить чистую солому, а окна оставить открытыми на всю ночь, пока пол не высохнет. Продолжая издеваться над узниками и выкрикивая бранные слова, стражники поздравили всех с Рождеством, пожелав им «сречно Баднье вече». В ту ночь многие из заключенных простудились и вскоре умерли.

Однажды ночью в помещение вошли вооруженные «кнойевцы» (Корпус народной обороны), разбудили всех заключенных и стали вызывать по списку. Среди уведенных был преподаватель В.Н. Кожин[660], капитан М.Т. Кныш и капитан Борис В. Шестаков. О них больше никто ничего не слышал. Очевидно, в этот же период были расстреляны и другие офицеры-воспитатели. По некоторым сведениям, капитан В.К. Страдецкий[661] и капитан М.Т. Кныш были вывезены в СССР. Несколькими неделями позже в лагере села Шушара покончил с собой преподаватель математики Д.Д. Данилов[662], повесившись на своем ремне.

Только через 10 лет, когда супруге капитана Шестакова потребовались некоторые сведения о ее муже, чтобы получить пенсию, она обратилась к белоцерковским властям (ОЗНА или УДБА) и объяснила, что получение пенсии будет зависеть от того, жив ли ее муж, пропавший без вести. И тогда она получила ответ, что капитан Шестаков вместе с другими русскими был выведен из тюрьмы в Белой Церкви и расстрелян где-то по дороге в Вршац.

Выжившие и пережившие все издевательства и пытки и выпущенные на «свободу» офицеры-воспитатели были буквально выброшены на улицу без работы и без пенсии. Некоторые вынуждены были работать чернорабочими на складах или продавать на улицах газеты. Среди них оказались полковник И.П. Трофимов, подполковник Н.Е. Филимонов, подполковник Н.Е. Карпов[663], преподаватель Е.И. Козырева[664] и преподаватель рисования Н.И. Александров[665], который, кстати, утаил от своих мучителей, что у него сохранилась семейная табакерка. (Составлено на основании Бюллетеня белградских кадет и по воспоминаниям свидетелей и узников брозовских тюрем и концлагерей.)

Жизнь педагогов, покинувших Белую Церковь до эвакуации корпуса, сложилась несколько иначе. Когда Красная армия вошла в Белград, то НКВД сразу арестовал по спискам всех чинов Русского Общевоинского Союза, а также членов Национально-Трудового Союза. Среди последних оказался и Олег Кожин, «Солнышко», сын преподавательницы русского языка, Марии Мечеславовны Кожиной. Он, как молодой, подававший большие надежды археолог, надеялся «оправдать» себя, добровольно отправившись отбывать трудовую повинность в лагерь рудника Бор во время немецкой оккупации. Однако этот политический прием не произвел впечатления на чекистов. Олег Кожин был арестован, и мать ему некоторое время носила передачи на Баньицу, известную русским эмигрантам казарму, обращенную в тюрьму. Через несколько недель матери сказали, чтобы она больше не приносила посылок: ее сын расстрелян. При этом известии Мария Мечеславовна упала в обморок и сломала ногу. Вскоре после такого удара судьбы она подверглась операции, в результате которой ей заменили один, затронутый раком глаз стеклянным. Частично веря, что ее сын не расстрелян, а находится в СССР, а частично из боязни потерять работу в гимназии, Кожина даже избегала ходить в церковь, хотя смерть стояла уже у нее за спиной. Похоронена она на русском участке «Ново Гробля» в Белграде весной 1952 года. (Составлено по воспоминаниям Миливоя Секулича, XXII выпуска.)

К счастью, во всей этой трагической истории есть и светлая сторона. Когда старые кадеты узнали о судьбе своих воспитателей и когда политический террор в Югославии немного ослаб, со всех концов света полетели в Белую Церковь деньги, посылки и бодрящие письма, полные сыновней преданности. Но память о воспитателях и преподавателях была окончательно увековечена Памятником на кадетском участке кладбища в Белой Церкви. Собрав останки нескольких однокашников, кадеты, проживающие в Югославии, при технической и материальной поддержке членов Кадетского объединения в Нью-Йорке, установили этот Памятник 3 июня 1986 года, а освятили его 9 октября 1987 года.

В. Данилов

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ЧУЖБИНЕ[666]

Ранним утром 8 декабря 1920 года грузовой пароход Российского торгового флота «Владимир» стал на якорь в бухте Бакар, на севере Адриатического моря, где сходились границы Королевства Сербов, Хорватов, Словенцев и Италии.

На пароходе прибыли кадеты, эвакуированные из России, кадетских корпусов: Второго Донского, Сводного Полтавского-Владикавказского или Крымского. На берег никого не выпускали, стояли в карантине. Всем очень хотелось поскорее сойти на берег. Наконец желанный момент наступил, объявили, что на следующее утро будет разгрузка парохода и все пассажиры покинут его.

Рано утром раздался сигнал подъема Второму Донскому кадетскому корпусу; играли трубачи-кадеты. Все быстро вставали, приводили себя в порядок и по сигналу «сбор», взяв свой скромный багаж, поднялись из трюмов на палубу, построились на перекличку и утреннюю молитву.

Директор корпуса, поздоровавшись с кадетами, объявил, что корпус сегодня утром сойдет на берег, где должен будет пройти некоторые формальности, а затем поездом будет отправлен на север Словении и временно размещен в бараках лагеря.

Трубачи вышли перед строем и заиграли «Утреннюю Зарю», затем команда «На молитву шапки долой» — и кадеты запели молитву, последний раз на пароходе у берега чужой, неизвестной страны... Кончилась молитва. «Накройсь! Разойтись!» Кадеты, оставив свой багаж, разбрелись по палубе. Все с нетерпением ожидали начала выгрузки.

Наконец раздалась команда «строиться», кадеты быстро выстроились в две шеренги, взяв свой багаж, и замерли в ожидании следующей долгожданной команды.

«Справа по одному шагом марш!» — и, вытянувшись в цепочку, кадеты стали сходить по трапу с парохода. Странное состояние было на берегу, казалось, что земля под ногами качается, голова кружится и ноги не слушаются...

С пристани повели строем к каким-то зданиям, расположенным невдалеке. Это были здания, как после узнали, брошенного цементного завода, разбитого во время войны. Большинство зданий было без крыш, окон и дверей, и громадные дыры зияли в стенах.

Кадет ввели в одно из зданий. В большом помещении, в глубине, находилась группа штатских и военных, в русской и иностранной форме.

Вблизи у входа стояли походные кухни, столы, и около них суетились сестры милосердия, очевидно заканчивая приготовления. Из котлов шел пар, и помещение наполнялось приятным ароматом, предвещавшим вкусный завтрак. На столах лежали груды белого хлеба и котелки с ложками были выстроены ровными рядами.

Кадеты выстроились, положили перед собой вещи. От группы, стоящей в глубине помещения, направились к строю два офицера, один из них в иностранной форме. Директор корпуса и командир первой

сотни сопровождали их. Офицер в иностранной форме приветствовал кадет и поздравил их с благополучным прибытием в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев.

Строй разбили на отделения, для прохождения медицинского осмотра, а затем купания и дезинфекции обмундирования и вещей. Каждое отделение, под командой старшего, уходило в соседнее помещение, где кадеты раздевались, складывали обмундирование вместе с вещами, связывали поясами, оставляли на скамье и затем шли на медицинский осмотр. После беглого медицинского осмотра направляли в баню.

Импровизированная «баня» была устроена в длинном помещении, похожем на широкий коридор с высокими кирпичными стенами, бетонным полом и без крыши. Посредине, по всей длине, тянулся ряд стоящих на небольшом расстоянии друг от друга вагонеток, наполненных водой; темные пятна лизола плавали сверху, предназначенного, повидимому, для дезинфекции. Под вагонетками пылали костры, около стояли жестяные банки, заменяющие шайки. Дым, смешиваясь с паром, поднимался к небу.

И так все должны были пройти через «чистилище».

Время ожидания возвращения отделений из «чистилища» тянулось досадно медленно. Все с нетерпением ожидали начала раздачи пищи.

Наконец явилось последнее отделение и, оставив свои вещи, стало в хвост очереди. Открыли котлы. Сестры предложили кадетам по очереди подходить и брать котелок и ложку, каждому выдавали по большому куску белого, пушистого хлеба, а котелок наполняли наваристым густым супом с большим куском вареного мяса. Получившие отходили в сторону, быстро съедали свою порцию и становились снова в хвост очереди за добавкой. Сестры продолжали выдавать подходившим, очевидно намеренно не замечая движения очереди, конца которой не было видно; получался замкнутый круг. Когда же был выдан последний кусок хлеба и опорожнены все котлы, сестры выразили сожаление оставшимся в очереди кадетам, а их было то же количество, что и вначале, что у них, к сожалению, больше ничего нет. Очередь разошлась, и кадеты делились впечатлениями об обеде и хвастались успехами, кому сколько раз удалось получить добавку. Оказалось, что более проворным удалось проделать эту операцию два раза.

После сытного и вкусного обеда кадет перевели в другое здание, мало отличавшееся от прежних, тот же бетонный пол с углублениями и возвышениями, разбросанными в хаотическом беспорядке, очевидно служившими для установки машин; кирпичные голые стены с окнами без стекол и широкими проймами без дверей; крыша перекрывала все

здание, но в ней были громадные дыры, через которые проглядывало голубое небо, свежий морской воздух наполнял неуютное помещение, и слегка продувал ветерок.

Кадетам предложили устраиваться на ночлег. Выбирал каждый место в одиночку или располагались группами, некоторые спускались в углубления, надеясь устроиться в них уютнее. Избегали устраиваться под дырами крыши, боясь, что ночью может быть дождь. Аккуратно раскладывали на полу свои шинели, которые заменяли матрацы, а вещевой мешок служил подушкой. Спешили устроиться на ночлег до наступления темноты. Здание не имело освещения. День неожиданных переживаний приходил к концу. Время быстро шло. На дворе спускались сумерки. Наступал вечер.

Звуки сигнала «сбор» разнеслись по помещению, призывая кадет строиться на вечернюю молитву. Кадеты стягивались к дежурному офицеру и становились в строй, образуя незамкнутое каре. Директор, командиры сотен и воспитатели стали перед строем. Трубачи вышли вперед. «Корпус, смирно! На молитву шапки долой! Трубачи, Зарю!» — раздалась команда дежурного офицера. Звуки «Вечерней Зари», казалось, особо торжественно разливались в пустом здании, отдаваясь эхом в далеких углах, унося мысли кадет на далекую, недавно покинутую Родину. Замолкли трубы... Команда «на молитву» вернула кадет к действительности. Запели молитву. Первую вечернюю молитву на чужой земле. Молились о даровании им хлеба насущного... о спасении их... о победе православным людям... и последние слова молитвы «и сохрани крестом Твоим жительство» унеслись ввысь и растаяли в пространстве. Наступила торжественная тишина, длившаяся, казалось, очень долго.

«Завтра утром, — нарушив тишину, обратился к строю директор корпуса, — после завтрака будем грузиться на поезд. Станция находится в нескольких верстах. Больные и женский персонал будут перевезены на автомобилях. Остальные отправятся пешим порядком. Вещи перевезут на грузовиках. Подробный план погрузки на поезд будет сообщен завтра утром. Нас перевезут на север Королевства в Словению и разместят в бараках лагеря». Пожелав спокойной ночи, директор приказал распустить строй. После сигнала «отбой» и команды «разойтись» кадеты направились к своим импровизированным кроватям укладываться на ночлег. Через короткое время все погрузилось в глубокий сон.

В громадном, не жилом, холодном помещении воцарилась мертвая тишина. Абсолютный мрак ночи покрыл всех спящих, отдыхающих от необычайных переживаний первого дня на чужой земле.

В. Новицкий[667]

ПОХОРОНЫ ХИМИИ[668]

Весной 1927 года IX выпуск Русского кадетского корпуса в Сараеве кончил шестой класс, и этим заканчивался один важный этап нашей кадетской жизни, так как мы переходили в первую роту.

Но не только поэтому был для нас важен шестой класс, но еще и потому, что мы кончили изучение некоторых предметов и между ними была и химия. И вот, соблюдая одну из старых традиций кадетских корпусов в России, по которой класс, заканчивающий изучение химии, должен был ее «хоронить», и мы решили «похоронить» нашу химию.

Конечно, эти похороны были символическими, так как хоронилась только книга по химии нашего преподавателя Седлецкого, но все же это были своего рода похороны, так как книгу клали в гроб и сжигали ее и все закапывали в землю. И если описать похороны химии легко, то нам в то время было совсем не легко осуществить эту нашу затею.

Главным препятствием к осуществлению этой нашей затеи было то, что наш директор корпуса, генерал Адамович, не разрешал нам такие вещи, и потому можно было и надо было рассчитывать, что дежурный офицер попытается задержать нашу процессию еще при выходе из спальни.

Но даже если бы нам и удалось выйти благополучно из спальни, этим еще не были закончены наши затруднения, так как даже после выхода мы могли встретить на лестнице или далее при выходе на плац какого-нибудь другого офицера из другой роты и он тоже, конечно, попытался бы нас задержать и вернуть назад в помещение нашей роты. Поэтому мы выработали такой план: впереди нашей похоронной процессии должен был идти кадет с хорошими баллами за поведение и учение, и этот кадет должен был не исполнить приказания дежурного офицера и не возвращаться назад в помещение роты, а так как у этого кадета были хорошие баллы за поведение и учение, его не выгнали бы из корпуса за неисполнение приказания, и выбор пал на меня идти впереди.

Но это еще не было все, и мы решили выбрать день похорон тогда, когда был такой дежурный офицер, который редко выходил из своей комнаты после вечерней переклички и молитвы, и, таким образом, наши шансы проскочить на плац незамеченными были максимальные. Еще мы решили послать двух-трех кадет пятого класса к дежурному офицеру в комнату перед выходом из спальни, чтобы отвлечь его внимание от возможного шума при выходе тридцати человек из спальни в коридор и на лестницу.

Конечно, в нашу спальню были перенесены заранее все необходимые для похорон вещи: деревянный гроб, сделанный нашими «столярами», то есть кадетами, работавшими в столярном классе, затем, бумажные одеяния для кардиналов и папы, но не римского, а нашего сараевского кадета Бессонова, затем разные химические вещества, которые должны были гореть во время похорон, и, наконец, несколько десятков палок от городков — игры, которой увлекались кадеты на корпусном плацу.

Эти палки нам были нужны для факелов во время процессии, так как мы их обмотали тряпками, пропитанными долго горящим веществом.

И вот в назначенный день, вечером, после вечерней молитвы, мы все быстро выходим в нашу спальню и начинаем приготовления. Больше всего времени идет на облачение «папы» и «кардиналов», а мы надеваем на головы белые колпаки и заворачиваемся в простыни.

Но вот все готово и мне говорят — выходи! Я потихоньку открываю дверь в коридор и смотрю на кадет «на махалке». Один стоит около лестницы, а второй около комнаты дежурного офицера. И только после того, как я получил знак рукой, что путь свободен, я быстро выхожу из спальни, и мы быстро опускаемся вниз в коридор около столовых.

И тут происходят последние приготовления: мы зажигаем факелы и начинаем выходить на плац. Я иду первым, стараюсь идти очень медленно и «торжественно» и вижу, что начинают открываться окна в помещении первой роты, так как она, конечно, знала о наших похоронах химии.

Дохожу до турника и поворачиваю налево и вижу, что и окна третьей роты открыты и на нас тоже смотрят оттуда, и вижу, что выходят из конюшен солдаты, чтобы посмотреть на такое редкое зрелище.

Приближаюсь к конюшням и поворачиваю налево и, проходя теперь мимо конюшен, вижу солдат, которые вытягиваются и отдают нам честь.

Место похорон находится между виллой «Рифка» и конюшней, и, подходя к нашей цели, вижу, что и окна «Рифки» открываются и оттуда на нас с удивлением смотрит публика. Но вот подхожу к вырытой яме, и вся процессия стягивается и занимает свое место, и начинается «служба». Конечно, я забыл уже все возгласы «папы» и «кардиналов», и да и ответы хора, но даже если бы их и помнил, не смел бы их тут повторить.

Однако помню, что Гей-Люссаку, и Авогадро, и Жерару больше всего досталось. Пропитанная разноцветными химическими веществами, наша химия быстро сгорает, и мы все зарываем, тушим факелы и быстро возвращаемся в свою роту.

В роте полная тишина, никого не встречая, мы быстро раздеваемся и ложимся спать. А на следующее утро директор корпуса, генерал

Адамович, вызвал нашего «придворного», то есть корпусного фотографа кадета С. Вишневского, который сделал несколько снимков нашей процессии, и приказал ему принести негативы и «случайно» уронил их на пол, и потому возможно, что вообще и не осталось никаких «вещественных» следов нашей проделки.

А из нашего класса никто не пострадал и никого не вызывал ни наш воспитатель, ни директор корпуса, и мы вскоре разъехались на летние каникулы.

В. Ливай[669]

«БАМБУКОВ 5-Й»[670]

Маленький, даже для Югославии, городишко Белая Церковь в мое время был большим русским центром. Сюда часто приезжал Главнокомандующий, генерал Врангель, первоиерарх Русской православной церкви за границей, митрополит Антоний, и лучшие артистические силы зарубежья, включая знаменитого борца Ивана Заикина. В Белой Церкви были размещены Николаевское кавалерийское училище, Крымский кадетский корпус и «лихая гвардия Венеры» Донской Мариинский институт.

Присутствие в городке такого количества учебных заведений делало Белую Церковь фактически «оккупированной» русскими, — постоянно устраивались парады, гимнастические выступления, футбол. Бесперебойно работал театр, и часто устраивались лекции и балы. Амур не дремал, поражая юные сердца своей стрелой.

Институтки сохранили свою прелестную голубую форму, за что и получили прозвище «голубых улан», а когда появлялись на городской аллее, толпы кадет окружали их со всех сторон, выбирая местом своих прогулок именно эту аллею, но... подходить близко к прекрасному полу и разговаривать не разрешалось. Их зорко охраняли «класидры» (классные дамы), и нам оставалось лишь лицезреть милых подруг, да и то с почтительного расстояния.

Смельчаки рисковали — во время прогулок передавали письма своим симпатиям, и... самая прекрасная любовь расцветала в юных сердцах, лишний раз подтверждая всем известные слова Пушкина о том, что «любви все возрасты покорны».

Помню, перед Р. Х. у нас свирепствовала эпидемия скарлатины. Кадетам было строжайше запрещено появляться на аллее. Скарлатина заразна, легко передаваема, значит, может поразить «голубых улан». Тогда прощай все увеселения, встречи в частных домах, елки, балы. Но запрет-

ный плод всегда сладок и был нарушен еще прародительницей Евой, и наши «страдальцы» (так называли влюбленных кадет) нарушали приказ, рискуя попасть под арест, остаться без отпуска, а то и подвергнуться сбавке балла за поведение. Что делать? Любовь не картошка. Разве можно прожить день, не увидев «ее»? И «страдальцы», как правило, регулярно появлялись на аллее.

В день, о котором я хочу рассказать, «эскадрон голубых улан» вела княгиня Кугушева. Старенькая сморщенная старушка, почти вышедшая из ума, но еще исполняющая обязанности классной дамы, вероятно, за старые заслуги, а быть может, как титулованная особа, она, как английский премьер-министр Чемберлен, никогда не расставалась со своим зонтиком. Это «страшное» оружие она употребляла не только от дождя, но и против нас. Завидев на аллее «врага» — сиречь кадет, она, как Баба-яга, подняла свое оружие и остановила «эскадрон», а сама бросилась в атаку на врага, невинно сидевшего на скамье у края аллеи.

— Как вам не стыдно, а еще будущие офицеры! — выпалила классная дама.

Последующие «жалкие слова» приводить не буду. Старушка нападала на мирно сидевшую группу кадет, институтки хихикали, а кадеты делали вид, что фонтан красноречия ни в какой мере их не касается. Видя, что общее внушение не имеет никакого положительного действия, беспокойная дама выбрала жертву и с лихостью, не свойственной ее возрасту, устремилась к самому младшему кадету, скромно сидевшему и опустившему глаза.

— Да вы встаньте, когда с вами разговаривает дама! — выкрикнула она своим голосом княгини.

Кадет встал смирно, приложил руку к головному убору и спокойно смотрел на неунимавшуюся старуху.

— Ваша фамилия? — спросила разбушевавшаяся дама.

— Бамбуков 5-й, — не моргнув глазом ответил кадет.

В институтских рядах послышался сдержанный смех — им была хорошо известна настоящая фамилия кадета. Кадеты же сидели как изваяния, ни один мускул не дрогнул ни у кого.

Старушка опешила.

— Почему пятый? — нерешительно спросила она, вынимая из кармана записную книжку.

— Потому что нас пять братьев Бамбуковых, я самый младший — значит, пятый, — следовал убедительный ответ.

Фамилия была явно вымышленная, это знали все присутствующие и институтки. Чувство товарищества не было чуждо и им, они сразу перестали хихикать.

— Я доведу до сведения вашего директора о вашем поведении в присутствии дамы, — бросила класидра, повернула «эскадрон» в обратном направлении и, как победитель, зашагала рядом.

А через несколько дней, во время вечерней поверки, ротный командир читал приказ по корпусу, в котором упоминался случай, происшедший на аллее, и, когда дошел до места, что один кадет, «не имея гражданского мужества» назвать свою фамилию, назвал себя Бамбуковым 5-м, рота не выдержала, общую тишину нарушил дружный здоровый смех, не выдержал и сам командир роты, полковник Чудинов, и, чтобы стушевать происшедшую неловкость, подал команду:

— Разойтись!

А. Невзоров[671]

КАДЕТСКИЙ КОРПУС В САРАЕВЕ[672]

После эвакуации Крыма я был направлен с семьей в Югославию, в Банат. Провинция эта до войны была австрийской, а население ее было чрезвычайно разнообразно. Были сербы (40 процентов), болгары, словаки, мадьяры, немцы (швабы). По дороге в Банат пришлось нам проезжать через город Сараево, известный по убийству в нем австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены, что послужило поводом к нападению Австрии на Сербию в 1914 году.

Сараево, так же как большая часть Босны, до первой Великой войны принадлежало Австро-Венгрии. Население Босны — мусульмане, но говорят там по-сербски. Когда мы приехали в Сараево, я узнал, что мы будем стоять тут почти целый день, и вспомнил, что здесь расположен Русский кадетский корпус, директором которого был генерал Адамович, мой бывший начальник по Виленскому военному училищу, которое я в свое время окончил. Решив навестить генерала (без знания языка и не зная города), я поехал искать кадетский корпус.

И, как ни странно, я быстро его нашел. Русский язык несколько схож с сербским, и местные жители охотно указывали мне дорогу к корпусу, который помещался в сербских казармах. Там мне указали комнату генерала. Когда, попросив разрешения войти, я вошел в комнату, генерал сразу меня узнал, хотя я и был в английском обмундировании, с наганом в кобуре. Комната, в которой он жил, была очень скромная, небольшая и почти без мебели, а вся обстановка состояла из небольшого некрашеного стола, двух стульев и умывальника.

Генерал был болен и лежал на походной кровати под солдатской шинелью. Усадив меня, он начал меня расспрашивать, откуда я приехал и как вообще провел эти годы. Потом он начал рассказывать о жизни корпуса.

«В начале июня 1920 года в Сараево прибыли кадры Полоцкого, Одесского и Киевского корпусов, из которых был сформирован Сараевский кадетский корпус. Под влиянием коммунистической пропаганды местное население, католического или мусульманского вероисповедания, относилось к нам плохо, в газетах и журналах нас всячески травили в статьях и карикатурах. Сообщали о нас ложные сведения. Православные сербы, хотя и относились к нам благожелательно, жили своей собственной жизнью и мало интересовались нами. И только среди местного сербского офицерства корпус сразу нашел себе друзей, и особенно — в лице командующего 2-й армией генерала Хаджича, который в России командовал сербской дивизией.

Но настроение населения по отношению к нам резко изменилось после того, как корпус показал себя стройной, дисциплинированной воинской частью. Такая перемена произошла летом 1920 года, 12 июля, в день тезоименитства короля Петра I, когда генерал Хаджич предложил генералу Адамовичу прислать 1-ю и 2-ю роты корпуса для участия в параде Сараевского гарнизона. Надо было сделать репетицию парада, но кадеты были недовольны тем, что их заставляют репетировать такую простую вещь, как церемониальный марш. Но вот оркестр заиграл марш, раздались команды, и наши кадеты сбились с ноги и беспомощно затоптались на месте. Оказывается, что сербская пехота делает 130 шагов в минуту, то есть почти бежит, в то время как кадеты были приучены идти твердым, широким шагом, почти в два раза медленнее. Попробовали пройти второй раз, опять ничего не выходит, сбиваются с ноги и путаются самым скандальным образом.

Положение создалось неприятное. И кадеты приуныли, да и командный состав не мог найти выхода из создавшегося положения. 1-я рота долго совещалась. Потом доложили мне, что кадеты просят, чтобы я разрешил идти церемониальным маршем обыкновенным русским военным шагом, считая два такта музыки на один шаг. Командный состав да и я отнеслись к этому предложению недоверчиво, но пришлось все же на него согласиться, так как отказаться от участия в параде было невозможно. Вопрос стал вопросом нашей репутации.

В день праздника наши две роты были выведены на место парада и поставлены между унтер-офицерской школой и 15-м пехотным полком. Кончилось богослужение в церкви, и войска начали движение к зданию Босанского парламента. Перед зданием стояла конная группа, это был

генерал Хаджич со штабом. В этой группе был и я, — рассказывал генерал Адамович, — конечно, на коне. Волновался я сильно: как-то пройдут наши?

Шедший впереди нас 15-й пехотный полк шел не в ногу, почти бегом. Идти за ним было очень трудно, сбивали они наших с темпа марша. Тогда кадеты стали уменьшать шаг, чтобы дать 15-му полку уйти вперед. Как рассказывали потом кадеты, музыки они почти не слышали, и все внимание было обращено на головной взвод. Равнение и шаг были отличными, и роты шли как один человек. Когда кадеты проходили мимо генерала Хаджича, он сказал им по-русски: «Спасибо, русские кадеты!» — и наш ответ «Рады стараться, Ваше Превосходительство!» был произнесен так громко и дружно, что вызвал громкие аплодисменты толпы, запрудившей всю улицу. Послышались крики: «Живела Руссия! Живели русски кадеты!» — в воздух бросали шапки, и все время раздавались крики: «Живели, живели!» Такой прием населения очень растрогал кадет, и они еще долго вспоминали о нем, считая, что, приветствуя нас, сербы приветствовали нашу Родину. С этого дня отношение к корпусу очень изменилось и со стороны населения, и со стороны Сараевского гарнизона. Кадеты стали везде желанными гостями.

В том же году Сараево посетил королевич Александр. Он был Регентом Югославии, так как король Петр был уже очень стар. Генерал Хаджич опять предложил корпусу участвовать во встрече престолонаследника, и 1-я и 2-я роты были опять назначены представлять корпус.

В день приезда королевича войска были выстроены шпалерами по пути следования королевича, и нас опять поставили между унтер-офицерской школой и 15-м пехотным полком. Въезд королевича был очень эффектен, особенно для нас, отвыкших от форм мирного времени и привыкших к защитному обмундированию. Впереди ехал эскадрон Королевской гвардии в гусарской форме: зеленые доломаны, синие ментики и красные чакчиры. За ним шесть всадников в народных босанских костюмах, это был почетный конвой от Босны. Сзади них ехал в открытом экипаже королевич Александр. С ним сидел в экипаже председатель Босанского парламента, и шествие замыкалось вторым эскадроном Королевской гвардии. Народ очень любил королевича и встречал его восторженными, беспрерывными криками: «Живео!»

На другой день в поле за городом состоялся большой парад, где мы заняли то же место, за 15-м пехотным полком. Королевич, на коне, в сопровождении генерала Хаджича объезжал выстроенные войска. С

сербскими войсками он, конечно, здоровался по-сербски, а когда подъехал к кадетам, поздоровался с ними по-русски: «Здорово, кадеты!» Мы дружно ответили: «Здравия желаем, Ваше Королевское Высочество!» Начался церемониальный марш перед трибунами с почетными гостями, среди которых была с детьми сестра королевича, княгиня Елена Петровна, вдова князя Иоанна Константиновича. Королевич Александр принимал парад, сидя на коне как раз перед трибуной.

Шедшие впереди кадет сербские части опять шли не в ногу и сбивали наших с такта марша, и кадеты трепетали, как они потом говорили, от мысли, что могут осрамиться. Прохождение было трудным, так как поле было очень неровное, истоптанное конскими копытами, но, несмотря на это, парад и церемониальный марш прошли отлично. Роты прекрасно равнялись и шли широким, медленным и твердым шагом».

— В тот же день, на парадном обеде, по правую руку королевича сидел твой покорный слуга, — сказал мне генерал Адамович.

Во время обеда королевич во всеуслышание благодарил генерала Адамовича и сказал ему, что его кадеты были украшением парада. Генерал Адамович получил орден Белого Орла 2-й степени и, если я не ошибаюсь по давности лет, звезду Белого Орла, что было высокой наградой. Этот орден Белого Орла был шейный, и генерал Адамович всегда его носил.

После закрытия Сараевского корпуса генерал Адамович был назначен директором кадетского корпуса в городе Белая Церковь, но умер в Сараеве и там же был похоронен. По полученным мною сведениям из Югославии, кладбище это было уничтожено бульдозерами, место его перекопано, так как там строились «доходные дома».

В 1921 году в Сараеве был устроен праздник для детей и юношества. «Дечий дан» — по-русски значит «Детский день». Это было незадолго до второго выпуска из корпуса. Первый выпуск уехал в Крым, в армию генерала Врангеля. Были устроены процессии, в которых участвовали школы Сараева и также две роты Сараевского корпуса. В процессиях, проходивших по улицам города, первыми шли сокола в их сокольской парадной форме, за ними две наши роты, а потом местные школы и училища. Директор корпуса ехал на коне перед строем, за ним шли роты сдвоенными рядами. Когда прохождение процессии кончилось и все стали расходиться по домам, то при выходе на главную улицу мы увидели, что она занята большой толпой народа. «При нашем приближении, — рассказывал генерал Адамович, — толпа раздалась, и кадеты, твердо отбивая шаг, шли по образовавшемуся коридору. Раздались клики: «Живео, Велика Руссия!» — и в нас полетели

цветы. Я передал приказание поднимать цветы... Но когда запевала 1-й роты запел «Взвейтесь, соколы, орлами» и кадеты дружно подхватили песню, энтузиазм толпы достиг такого размера, что мы боялись, что нам не дадут пройти в корпус. Из окон нам махали платками, со всех сторон сбегались новые толпы людей, отовсюду неслись приветствия и аплодисменты. В корпус все мы пришли, украшенные цветами».

ОБЪЕДИНЕНИЕ СУВОРОВЦЕВ[673]

1921—1930 годы. Белград[674]

Нелегкая задача выпала на мою долю. Весь мой архив погиб в Белграде — пишу по памяти, за исправления и дополнения заранее благодарю.

1921 год, осень, октябрь месяц, Белград (Королевство С.Х.С.). Еще не остыла горечь изгнания — в недавнем прошлом крушение надежд, разбитая жизнь без Родины, настоящее полно неизвестности, будущее — загадочный сфинкс.

Мысль невольно скользнула в далекое прошлое, — детство, юность — дивная сказка и в ней родной корпус на первом месте. Я вспоминал пережитое в его стенах в течение 8 лет и воскрешал картины ушедшего, и как дороги они были.

На днях наш праздник, так захотелось в эти минуты встретить в этот день хоть одного однокашника, а как хорошо было бы их встретить нескольких.

С этими мыслями я пришел в церковь 14 октября 1921 года. Мечта исполнилась — не один я вспомнил наш корпус. После богослужения, в маленьком русском ресторане, собрались Иванов, Машкин Николай[675], Москвин (убит в последней войне), инвалид белой борьбы в Крыму вице-фельдфебель последних выпусков — фамилию не помню, и пишущий эти строки. До позднего вечера затянулась беседа. Были у фотографа. Расставаясь, решили не терять связи и объединить как можно больше суворовцев... Так создалась ячейка объединения суворовцев в Белграде.

Годы шли. В день Покрова, ежегодно, неизменно собирались суворовцы. И так — из года в год. Росло объединение, шли отклики из провинции, наладилась связь с ячейкой суворовцев в Загребе, во главе с Ореховым. Наши ежегодные встречи становились все многочисленнее.

Вспоминаю неизменного Суражевского с хризантемой в петлице; приезжал из провинции суворовец вице-фельдфебель Крейтер[676], всегда были Стадницкий-Колендо, Страшкевич[677], Иванов, Бубнов, братья Машкины, Москвин, Лобан и многие другие.

Бывали на наших праздниках и гости: генерал Балк[678], помощник Варшавского обер-полицмейстера, отец нашего кадета Е. Балка, геройски погибшего во главе своего эскадрона в атаке на немецких конно-егерей в 1915 году. Присутствовал на одной из встреч известный писатель Н.Н. Брешко-Брешковский, который в пламенной речи величал наш корпус.

В 1923 году, на берегу руки Савы, в Белграде, «матрос» — кадет 2-го Московского Императорского Николая I корпуса, Б.Д. Приходкин[679], дрессируя собак и кошек и жертвуя свое ничтожное матросское жалованье, скромно начал великое дело по объединению кадет и по собиранию материалов в музей «Родной Корпус». Энергия его была неиссякаема, все свободное время он отдавал делу кадетского единения. В Белграде возникли объединения кадетских корпусов, в музей потекли материалы со всех концов света — кадетское объединение достигло 1000 кадет.

В настоящее время музей «Родной Корпус» в Париже отметил 25-летний юбилей. Наш кадетский Иоанн Калита, вдохновитель и основатель этого великого дела, Б.Д. Приходкин до настоящих дней стоит у его руля.

В Белграде правой рукой Б.Д. Приходкина был Н.В. Мамонтов[680], скромную лепту помощи от суворовцев вел и пишущий эти строки.

Осень 1929 года. Громадный зал русского Офицерского собрания в Белграде переполнен. Общекадетское объединение устраивает обед. Суворовцы достойно представлены. Пропели молитву. Первое слово маститого генерала от инфантерии Экка[681], начальника Отдела РОВС. Затем полились речи представителей кадетских объединений. Подъем, единение. Блестящая речь генерала Пулевича[682]. Пением «Дружным кадеты строем сомкнитесь...» закончился этот исторический обед, в жизни кадетских объединений показавший так ярко силу кадетского единения и верность вековым кадетским традициям.

Но как и в жизни человеческой бывают будни, так наступили они и в нашем маленьком объединении суворовцев.

В 1929 году всего лишь 6 человек уныло сидело на очередной нашей встрече. Мы даже как-то стеснялись друг друга. Кто-то крепко ругнул отсутствующих — лед был пробит. Появилась бумага, и было написано обращение к однокашникам. Написано кратко и энергично и заканчивалось «тот не суворовец, кто в 30-м году забудет свой праздник и встречу».

3-й год... Опять русское Офицерское собрание в Белграде. Маленькая комната корниловцев не вмещает нас, суворовцев... прибыло более 30 человек.

Среди нас много старших кадет: Суражевский, Потапов, только что переведенный в Белград из провинции, Янковский и др.

Эта встреча стала исторической в жизни нашего объединения — нашим представителем стал Потапов.

И вот почти 20 лет жертвенно работает он во имя единения нас, оставшихся суворовцев. Ныне наше представительство в Париже — работа наших суворовцев Потапова и Главацкого налицо — в рассеянии отпразднован наш скромный 50-й юбилей — родного нам корпуса, печатается наша «Памятка» — мы взрослые в рядах кадетских объединений.

Суворовцы! Будем же помнить завет нашего мученически убиенного Державного основателя корпуса — Государя Императора Николая Александровича: «Имя Великого Полководца, которое вы носите, да будет вам путеводной звездой при всех жизненных обстоятельствах».

Будем помнить и носить в сердцах этот завет, и да будет он долгом нашим к единению!

1930—1949 годы[683]

С первых лет жизни за рубежом образовалось Объединение бывших кадет Суворовского кадетского корпуса, с сокращенным названием «Объединение суворовцев».

О первых годах жизни Объединения будет отдельный очерк, а в этом я дам краткий отчет о деятельности с 1930 года, когда мне довелось стать представителем Объединения, до нынешнего 1949 года, то есть за последние 20 лет его существования.

Почти с полной беспристрастностью можно сказать, что суворовцы в зарубежье наиболее сохранили связь и в их Объединении работа была больше и дружнее, чем в других корпусных объединениях.

Наше постоянное стремление к поддержанию жизни Объединения показывает, что заветы Шефа и первых руководителей наших в корпусе, во главе с незабвенным его директором генералом Степаном Ниловичем Лавровым, оставили глубокий след, и суворовцы старались их всегда хранить. Это убеждает также в том, что основы родной школы вложили в нас любовь к ней и желание не только сохранить, но и оставить для будущего память о Суворовском кадетском корпусе так, чтобы в дни его возрождения наследники повторили славное прошлое.

Центр Объединения находился в Белграде, в Югославии, а в других странах были его представители, возглавлявшие одноименные объединения или отдельные группы кадет-суворовцев.

Объединение поддерживало связь со всеми своими представителями и со своими членами, рассеянными по всем уголкам земли. В число членов Объединения входили не только бывшие кадеты, но и бывшие офицеры — воспитатели и служащие корпуса.

Объединение стремилось оказывать посильную помощь своим однокашникам, находившимся в тяжелом положении, и в этом отношении годы 1931—1934-й были самыми удачными, так как в объединении были средства, предоставлявшие эту возможность. Основанием средств Объединения был приход от первого и последнего бала, устроенного суворовцами и заставившего долгое время говорить о себе весь Белград. В последующие годы накопление средств было уже затруднено вследствие изменившихся жизненных условий.

Встречи суворовцев устраивались не только для решения деловых вопросов, но и по общему желанию, чтобы отдохнуть душой среди своих старых друзей.

В день 1 октября, Покрова Пресвятой Богородицы, дни корпусного праздника суворовцы в Белграде, Париже и Софии отмечали все эти годы неизменно; в этих самых крупных центрах собирались и живущие в провинциях, так как Объединение давало им возможность прибыть в эти места для участия в праздновании. В эти дни собирались не только бывшие кадеты, но и бывшие офицеры — воспитатели, преподаватели и служащие, то есть все суворовцы вообще. В Белграде почти неизменно присутствовали наши бывшие воспитатели, полкóвники: Н.П. Ревишин[684], Н.Я. Навроцкий и ныне покойный Ф.А. Черников.

Всегда в эти дни получалось много приветов от суворовцев, которые почему-либо не могли лично присутствовать, и чувствовалось, что эти приветы идут от горячего и искреннего кадетского сердца.

Даже во время минувшей войны суворовцы искали друг друга и собирались в этот день, чтобы вспомнить былое, помянуть погибших и перекликнуться с живыми, в рассеянии сущими.

Я не могу не отметить одну замечательную особенность наших суворовских встреч в день нашего праздника. В течение последних 20 лет я лично неизменно присутствовал на сборах суворовцев, и мне врезалось в память, что все эти годы в этот день нам благоприятствовала сама природа, даря прекрасную погоду, и как бы покровительствовала нам Пресвятая Богородица, осеняя нас Своим покровом.

Объединение в Белграде собирало материалы для архива-музея, и надо сказать, что в этом отношении достижения были очень велики. Начало этому было положено так: мне довелось быть в Белой Церкви в 1-м Русском Великого князя Константина Константиновича кадетском корпусе, в самом начале 30-х годов, и там осмотреть корпусной

музей, основанный с редкой тщательностью и любовью директором корпуса генералом Адамовичем. В музее я обнаружил, что Суворовский кадетский корпус был представлен лишь порванной страничкой приказа по корпусу. Тогда же я сказал генералу Адамовичу, что наше Объединение представит наш корпус самым достойным образом, что суворовцами и было исполнено.

Одновременно, но еще точнее и солиднее собирался архив-музей в самом Объединении. Перечислить все собранное в настоящее время нет возможности, но считаю необходимым указать главное:

а) списки личного состава — директоров, инспекторов, офицеров-воспитателей, преподавателей, служащих, вице-фельдфебелей и кадет по отделениям и выпускам;

б) списки георгиевских кавалеров суворовцев;

в) заметки, справки и воспоминания;

г) два больших альбома — в одном все, что относится к жизни корпуса до зарубежных лет, во втором — жизнь в зарубежье. Все виды корпуса, фотографии кадет, группы, картинки жизни и т. д.;

д) погоны кадетские и вице-унтер-офицерские;

е) выпускные группы III и IV выпусков.

Больше достать их в Варшаве не удалось, несмотря на особенные меры, которые были предприняты; там достаточно старательно уничтожалось все, что касалось русской жизни и жизни корпуса.

Закончив это перечисление, надо с глубочайшим душевным огорчением сказать, что все эти ценности суворовцев остались упакованными в подвалах здания корпуса, так как не были своевременно вывезены, как и весь музей. Наш архив-музей был сдан в корпус, так как оставить его на руках в обстановке того времени в Югославии (1941—1942) не было возможности, да он и погиб бы, как погиб весь мой личный архив при бомбардировках. Указания же, куда, когда и в каком состоянии все находилось и сдано, были оставлены в Русском музее и библиотеке в Белграде.

С глубокой благодарностью мы, кадеты, должны отметить всю ту помощь и стремление собрать музей, которые оказывали все без исключения суворовцы, а именно: наш старшейший воспитатель и последний командир 1-й роты полковник Григорий Маркович Еременко[685], проживавший на Шипке в Болгарии и приславший много самых интересных материалов; наши кадеты во Франции с представителем Н.В. Главацким[686]; в Болгарии — с А.В. Криштановским[687] (III выпуск); наши кадеты в Варшаве, Риге, Бельгии, Чехии, Тунисе, Алжире, Южной Америке, на Дальнем Востоке и других местах, наконец, наши кадеты в Белграде и Югославии вообще.

В Югославии же и зародилось наше Объединение по почину кадета VI выпуска Сергея Александровича Кашкина, который в своем очерке дает картину первых лет жизни Объединения.

В настоящее время связь налаживается и с заокеанскими странами. Работа должна продолжаться, базируясь на Париже, куда мы и перенесли наш центр 14 октября 1949 года. Родной корпус возродится. Все, что нам дорого, должно быть сохранено для будущего. Да здравствует Суворовский кадетский корпус!

***

В 1946 году поручик 8-го Финляндского стрелкового полка В.Н. Смолинский[688] обнаружил в городе Вейнгартене, в 2 километрах от католического монастыря «Капля крови», в лесу, который и поныне называется Russische Wald, кладбище, где когда-то был поставлен памятник. Из поисков в архиве города Вейнгартена были найдены документы, которые установили, что в 1799 году в этом монастыре был открыт лазарет для раненых суворовских чудо-богатырей; умершие раненые были похоронены на кладбище в русском лесу.

В 1947 году группой господ офицеров-эмигрантов в городе Равенсбурге был создан комитет под председательством подполковника Кесаря Карповича Македонова[689] (члена Объединения кадет-суворовцев). Этот комитет избрал место на вышеуказанном кладбище, поставил временный крест и осенью 1947 года организовал торжественное его освящение. На этом освящении присутствовало большое количество офицеров из всей французской зоны Германии, были возложены венки, а по поручению Объединения суворовцев член его, вице-фельдфебель II выпуска генерал-майор В.В. Крейтер произнес соответствующую речь. В дальнейшем русской эмиграцией были собраны средства, а в 1948 году был освящен уже и новый памятник.

В. Черепов[690]

ПОСЛЕДНИЕ КОРНЕТЫ[691]

Никола Вешний — 9(22) мая — праздник Николаевского кавалерийского училища — «Славной гвардейской школы». Вам, дорогие читатели, представляется низкое трехэтажное здание, украшенное по фронтону длиннокрылым, золотым «николаевским» орлом в далеком, сказочном городе Великого Петра. Вдоль улицы вытягивается «колонна

по три» на холеных, вычищенных до лоска лошадях. Хор трубачей, за ним — эскадрон, за эскадроном — сотня. «Тронулся, двинулся, заколыхался алою лентою наш эскадрон...» Да, все это было. Красивое далекое прошлое. Лермонтов, братья Панаевы[692] и целая плеяда заметных и незаметных героев, воспитанников Славной Гвардейской школы.

Они со школьной скамьи попадали в училище, проходили суровую кавалерийскую и военно-образовательную школу, традиционным цуком выковывались, сливались душою и телом с дружной, тесной семьей Российской Императорской конницы.

Об этом красивом прошлом написано много воспоминаний, и они вам известны. Я хочу рассказать о том, что никогда не было описано и поэтому мало кому известно — о последних годах Славной Гвардейской школы и ее последних воспоминаниях.

Гражданская война, основанная, главным образом, на маневре, дала широкое применение конницы. Для пополнения командного состава молодежью в 1920 году в городе Симферополе был сформирован Учебный дивизион, состоявший из двух эскадронов — Офицерского, игравшего роль Офицерской кавалерийской школы, и Юнкерского, в который строевые части командировали находившихся в их рядах юнкеров, вольноопределяющихся и кадет, достойных производства в офицеры. Эвакуация Крыма прекратила занятия в Учебном дивизионе. В Галлиполи приказом генерала Врангеля от 19 июля 1921 года юнкерский эскадрон, в память Николаевского кавалерийского училища, существовавшего с 1823 года, был переименован в Николаевское кавалерийское училище, с присвоением соответствующей формы, и снова пополнен молодежью из полков. Из Галлиполи в 1921 году училище переехало в Югославию, в город Белая Церковь. Младший курс был пополнен кадетами, окончившими Крымский, Сараевский и Донской кадетские корпуса, и небольшим количеством молодежи из частей, так же как и последовавший за ним через год 3-й выпуск.

Старший и младший классы были разбиты на два эскадрона, по 4 взвода каждый. Офицерский состав был из разных полков и училищ. Начальник училища, чугуевский улан, генерал Говоров[693]; инспектор классов, Генштаба генерал Линицкий[694], новороссийский драгун; командир дивизиона, одесский улан, полковник Синегуб[695]; командир 1-го эскадрона, казанский драгун, полковник князь Шаховской[696]; командир 1-го взвода 2-го эскадрона, нежинский гусар, полковник Левандовский[697], и 3—4 преподавателя были воспитанниками Николаевского кавалерийского училища; командир 2-го эскадрона и остальные сменные офицеры и преподаватели — Елисаветградского и Тверского кавалерийских училищ. За время своего существования за рубежом Николаевское кавале-

рийское училище успело сделать три выпуска корнетов и четвертый — эстандарт-юнкеров, всего 357 офицеров. В четвертый выпуск попали юнкера, не имевшие законного среднего образования. Они были выделены в особый класс, где помимо обычного военно-училищного курса проходились общеобразовательные предметы. По сдаче специальных экзаменов эти юнкера получали аттестат зрелости и выпускались эстандарт-юнкерами в полковые ячейки, находившиеся на пограничной службе Югославии (где наши офицеры занимали унтер-офицерские должности) или на постройках шоссейных дорог. Через несколько месяцев эстандарт-юнкера были произведены в корнеты.

Первый и второй выпуски почти поголовно, как и большая часть третьего, состояли из юношей, принимавших участие в Гражданской войне. Среди них было 3—4 первопоходника, а подавляющее число было галлиполийцами. Немало было кавалеров Георгиевских крестов и медалей, до 1-й степени включительно. Было 4—5 юнкеров, не успевших окончить последние выпуски Николаевского и Елисаветградского училищ. Возраст юнкеров колебался в массе от 18 до 26 лет, за исключением двух 16-летних и 34-летнего, с пышными рыжими усами, Павла Мартыновича Риса (из русских немцев), которого за почтенный возраст и усы даже многие офицеры называли по имени-отчеству. Все это была молодежь, вынесшая с полей Гражданской войны на чужбину непримиримую ненависть к коммунизму и горячую любовь к покинутой Родине и славной российской коннице. Эти юноши знали, что по окончании Школы их ожидает не служба в полку, красивая форма и жизнь кавалерийского офицера, а тяжелая служба пограничника или тачка и лопата на постройках дорог. Но, веря в глубине души в грядущее освобождение и возрождение России, они хотели вернуться туда настоящими, законченными офицерами, чтобы послужить ей в рядах родной конницы.

Получив наименование юнкеров Славной Гвардейской школы и ее форму, эти юноши хотели быть николаевцами и по духу. От своих товарищей юнкеров, бывших в Школе в Петрограде, и от офицеров, окончивших училище, они узнавали мельчайшие подробности традиций и быта старой Школы и немедленно их усваивали.

Еще в Галлиполи было восстановлено деление на «корнетов» и «зверей», «без должного английского пробора на кончике своего длинного пушистого хвоста», являвшихся пред очи «благородного корнета». Помимо изучения названий полков славной российской конницы, подробнейших деталей их формы, отличий, стоянок, девизов, изучалась со рвением история Школы. Особым почетом пользовались имена героев — воспитанников Школы, ахтырцев братьев Панаевых, полковника Левен-

ца[698] — командира эскадрона училища, доблестно погибшего на своем посту в Петрограде во время революции, и других. Зато весьма недружелюбно произносились имена «действительного статского советника» генерала Марченко и генерала Плеве, которые разновременно занимали должность начальника училища в Петербурге и преследовали цук и традиции, стремясь их искоренить. Традиционный цук, школьный марш, старые юнкерские песни, «приказ по курилке», «корнетские обходы», «похороны капонира» — все это крепко вошло в жизнь юнкеров, а также — «лермонтовский» и «малиновый» взводы, «генерал выпуска», «полковники» и «майоры», «земные боги» — вахмистры эскадронов, «пассажирское» и «красное» положение, для отказавшихся жить по традициям или исключенных из среды постановлением «корнетского комитета», который строго разбирал вопросы чести. Два раза столкновения между «благородными корнетами», по постановлению «корнетского комитета», закончились дуэлью на шашках. «Корнстский комитет» следил также за корректностью цука, преследуя корнетов, позволивших себе во время цука оскорбить «молодого». За этим следили и «дядюшки», так как каждый «молодой» имел «дядьку» — «благородного корнета», ответственного за его воспитание и поведение. «Родственные отношения» между «дядькой» и «племянником» проявлялись также в том, что «племянник» заботился, чтобы «дядька» не остался голодным, если тот, волею юнкерских судеб, попадал в карцер и находился под строгим арестом, то есть получал горячую пищу через двое суток на третьи. Если же «племянника» постигала такая судьба, «дядюшка» заботился, чтобы кто-либо из «молодых» передал «племяннику» пищу, а в исключительных случаях действовал самолично, не давая посторонним вмешиваться в их «семейные дела». Юнкера каждого выпуска были между собой на «ты». После выпуска, надев корнетские погоны, старший выпуск переходили на «ты» с младшим, сменившим его на положении «корнетов Школы».

Лошадей училище не имело; получали только несколько коней для вольтижировки от стоявшего в Белой Церкви дивизиона югославского 4-го кавалерийского полка, впоследствии получившего шефство Великого князя Константина Константиновича. Зато строевые занятия в поле «пешим по конному» велись ежедневно, невзирая на погоду. С течением времени взводы, эскадроны и, наконец, весь дивизион постепенно сколачивались в одно стройное целое. Чистота шашечных и ружейных приемов, как и отчетливость и стройность построений и перестроений, доходили до виртуозности, приводившей в восторг многих старых генералов и полковников, со стороны наблюдавших за строевыми занятиями или присутствовавших на парадах.

На том же поле и прилегающих к нему стрельбищных валах и окопах, давно заброшенных и покрытых кустами и зарослями бурьяна и крапивы, велись тактические занятия и топографические «съемки примерные, съемки глазомерные», проходившие, правда, без участия знаменитых «шакалов», но и не без интересных приключений.

Для полноты картины нужно описать и внешний вид юнкеров. Ни высоких киверов, ни мундиров с алым лацканом, ни шассер с генеральским лампасом, конечно, не было. Был лишь один комплект парадной формы малого размера, поднесенный юнкерам майором Симичем, югославским кавалерийским офицером, воспитанником Школы. В эту форму облачался один из маленьких юнкеров в дни училищного праздника, балов и тому подобных торжеств. Наша парадная форма состояла из алой бескозырки с двумя черными («воронеными» на юнкерском языке) кантами, алых погон с «вороным» кантом и золотым юнкерским басоном, гимнастерки, зимою защитного, а летом белого цвета, синих бриджей с алым кантом, сапог со шпорами, «владимирского» черно-алого кушака и желтого тишкетного шнура через правое плечо. В строю, в особо парадных случаях, поверх владимирского кушака надевался белый пояс. Портупеи на шашках и погонные ремни на винтовках были тоже белые. В обычной, не парадной выходной форме бескозырка заменялась защитной мягкой английской фуражкой, а владимирский кушак — белым поясом. Домашний наряд юнкеров для повседневных занятий в поле и классах состоял из английского защитного френча с юнкерскими погонами, таких же бриджей и солдатских ботинок — «танков» — с брезентовыми крагами. Из казенных принадлежностей парадной формы имелись только алые бескозырки, владимирские кушаки и тишкетные шнуры, как и белые — гвардейские — пояса, портупеи и погонные ремни. Бескозырки и тишкетные шнуры были неважного качества, почему все юнкера, кто имел хоть малейшую возможность, шили их за собственный счет, так же как и гимнастерки, синие бриджи и сапоги.

Жалованья юнкера получали 30 динар в месяц, которых не хватало даже на табак. Очень немногие имели родственников, которые могли бы снабдить их деньгами, так как в эти первые годы почти вся русская эмиграция все еще не имела службы и жила на крохи, получаемые от югославского правительства. Поэтому приходилось поражаться, как юнкера умудрялись шить себе форму, довольно дорого стоившую. Тем не менее, когда дивизион выстраивался для парада, вся первая шеренга и три четверти второй были в синих бриджах и сапогах и лишь одиночные юнкера — в казенном обмундировании. Этому, правда, сильно помогала система «займов», широко у нас применявшаяся. Юнкера, по тем или иным причинам остававшиеся в казарме, — больные, сидев-

шие в карцере или без отпуска или же находившиеся в наряде, — охотно давали свою парадную форму уходившим в отпуск в город, в церковь или на парад.

Средства на содержание училища, как и на все русские учебные заведения, отпускались Державной комиссией — государственным учреждением, составленным из сербов и русских. Так как это были, в некоторой части, господа довольно левого уклона, то естественно, что они не могли питать симпатий к такому гнезду монархизма, как Николаевское кавалерийское училище, где все стены были украшены портретами Особ Императорской Фамилии, а также фотографиями и рисунками из жизни и быта Российской Императорской конницы, что явно отражало настроения и дух юнкеров и их воспитателей. Поэтому Державная комиссия старалась урезать и без того скудные средства, отпускаемые на училище, елико возможно.

Довольствие оставляло желать много лучшего, а в особенности в 1922-м и начале 1923 года. Хозяйственная часть, стараясь свести концы с концами, решила летом кормить нас сезонным блюдом — зеленым борщом из крапивы, заросли которой были в изобилии разбросаны в поле, недалеко от училища. Для рубки крапивы назначался наряд юнкеров с шашками. Так как рубить старую, толстую крапиву было легче, чем молодую, то в наш борщ попадали почти древесные стволы. Уж на что был всеядным и вечно голодным мой «дядюшка», благородный корнет Зенченко, но и тот, обнаружив в своем котелке особенно толстый ствол крапивы, в порыве гнева швырнул котелок со всем содержимым в окно со второго этажа.

Не лучше дело обстояло и с учебной частью. Учебников не было, и преподавателям пришлось самим составлять конспекты, которые размножались на шапирографе и переплетались в твердые переплеты. Так как бумаги отпускалось тоже недостаточно, то перед сдачей зачетов, «репетициями», выдавался один конспект на 3—4 человека.

Весной 1923 года училище переселилось на противоположный край города, в большое помещение какого-то учебного заведения. Здание и все помещение были много лучше и уютнее казарменных. От улицы отделяла усадьбу высокая кирпичная стена с решетчатой калиткой. К дому вела широкая, выложенная кирпичом дорожка, проходившая метров 75 по тенистому, густо заросшему кустами и большими деревьями саду. С задней стороны дома был средней величины двор с несколькими большими деревьями и разными хозяйственными постройками, а отсюда калитка в стене вела в соседний большой двор, отделенный от улицы длинной кирпичной конюшней, переделанной для нас в четыре большие комнаты для столовой и классных занятий. В этом дворе были установлены

турник, параллельные брусья и прочие гимнастические принадлежности. Здесь юнкера занимались гимнастикой, фехтованием, рубкой лозы и строевым обучением в пределах взвода. Для эскадронных и дивизионных занятий в нашем распоряжении была довольно большая площадь перед входом в сад и прежний наш пустырь перед казармами.

9(22) мая Школа праздновала свой 100-летний со дня основания юбилей, к которому готовились, конечно, особенно старательно. Командир дивизиона ежедневно гонял нас в поле до седьмого пота развернутым строем эскадрона и во взводных колоннах, с бесконечными захождениями то правым, то левым плечом, ответами на приветствия с места и на ходу и шашечными приемами. После занятий, вместо заслуженного отдыха, наши художники бросались к своим кистям и краскам рисовать над главным входом значок и девиз Школы, транспаранты с вензелями Императоров Николая I и Николая II и т. д.

Во втором дворе, где дивизион должен был демонстрировать гимнастику на снарядах, остальные юнкера делали возвышения из земли, вроде подиума для Главнокомандующего и гостей, строили там арку из деревянных реек и укрепляли на ней зелень, делали гирлянды и т. п. По бокам подиума лепили из глины и покрывали позолотой училищный значок и даты: 1823—1923. Даже училищный карцер, на юнкерском языке называвшийся «Замком Бугенис» (фамилия командира дивизиона, читаемая наоборот), был украшен художественным рисунком средневекового замка, сделанным углем на белой стене. Кроме того, стены были покрыты еще раньше изображениями женских головок и ножек, роскошно сервированных столов, конских голов, бутылок шампанского и прочих недоступных предметов вожделения узников «Замка Бугенис», а также философскими изречениями вроде «Оставь всякую надежду входящий сюда» и тому подобными.

Наконец, приблизился долгожданный день праздника. Уже накануне начали прибывать гости — старые питомцы школы, которых собралось более 50 человек. Около 12 часов ночи сводный эскадрон, в качестве почетного караула, встретил на вокзале генерала Врангеля, который немедленно отправился в училище. Помещения и сад были декорированы и освещены разноцветными фонариками. У входа стояли два юнкера в исторических формах, а у входа в помещение Главнокомандующего — тщательно подобранные парные часовые. 9(22) мая, в 9 часов утра, в училищной церкви была отслужена божественная литургия, на которой присутствовали генерал Врангель в сопровождении адъютанта, лейб-казака есаула Ляхова[699], и личного секретаря, г-на Котляревского[700], а также большое количество генералов и штаб-офицеров, из которых могу вспомнить Донского атамана генерала Богаевского,

генерала Баратова[701]; начальника кавалерийской дивизии (в которую была еще в Галлиполи сведена вся конница), генерала Барбовича и начальника штаба дивизии Генштаба генерала Крейтера; бывшего в числе наших преподавателей «бога войны», генерала Карцева[702]; военного агента, Генштаба полковника Базаревича; Генштаба полковника Подчерткова[703] и многих других. Кроме того, присутствовали в большом количестве прибывшие старые николаевцы (был даже один приехавший на юбилей из США), во главе с генерал-лейтенантом Зановичем[704], выпуск 1868 года, и югославские офицеры, воспитанники Школы, возглавляемые полковником Христичем, выпуск 1876 года, а также делегации югославской военной авиации, прилетевшей на четырех аэропланах, и местного югославского гарнизона. Затем выделялись старшие классы Донского Мариинского и Харьковского институтов, Крымского кадетского корпуса, представители воинских и общественных организаций, местной русской колонии и т. д.

В 11 часов дивизион юнкеров был выстроен на учебном плацу против наших бывших казарм. Левее стали два взвода старых николаевцев, под командой генерала Зановича и полковника Христича. Гости — русские и югославские офицеры, представители местного гарнизона, городской администрации, двух институтов, воинских и общественных организаций и толпа местных жителей стояли на границах площади, намеченной для парада. Цепь кадет Крымского корпуса замыкала четырехугольник. Генерал Врангель поздоровался с господами офицерами и юнкерами и поздравил с праздником. Затем обошел строй кадет и институток, поздоровался с ними и поцеловал ручки начальниц институтов: Н.В. Духониной и М.А. Неклюдовой. После этого был отслужен торжественный молебен с нашим прекрасным хором певчих, по окончании которого раздалась команда:

— К церемониальному маршу! Повзводно. На двухвзводную дистанцию. Первый эскадрон...

Под музыку хора трубачей вытянулась взводная колонна. За маститым генералом Зановичем в штатском костюме и полковником Христичем шли два взвода старых николаевцев. Разноцветные формы славных полков российской конницы, вперемешку с тонными черкесками и скромными штатскими костюмами, составляли одно тело, один дух — выравненные, как по линейке, четыре шеренги бывших питомцев Славной Школы. За ними, с начальником дивизии и начальником училища, на правом фланге первого взвода первого эскадрона, промаршировали, блестя клинками шашек, взятых «в плечо», щеголяя выправкой и равнением, звеня шпорами на сверкающих от глянца сапогах, все восемь взводов юнкеров. Благодарность обожаемого юнкерами Глав-

нокомандующего каждому взводу в отдельности, дружные, радостные ответы юнкеров, улыбающиеся лица генералитета, старых николаевцев и публики создавали впечатление, да так оно было и в действительности, что это праздник не только наш, николаевцев всех возрастов, а общий, всех присутствующих.

После церемониального марша генерал Врангель еще раз поздравил училище со столетним юбилеем, указав на заслуги училища перед Царем и Родиной, и благословил юнкеров иконой, которой в 1920 году население Северной Таврии в городе Мелитополе благословило его на борьбу с большевиками, и провозгласил «Ура!» славному Николаевскому кавалерийскому училищу. Начальник училища прочитал перед строем:

«Распоряжение генерала Врангеля от 9(22) сего мая за № 50. Сремски Карловцы. Сегодня Николаевское кавалерийское училище празднует свой столетний юбилей. Сто лет подряд питомцы Славной Школы пополняли ряды бессмертной русской конницы. Сколько славных дел, сколько ярких страниц Русской истории связано с их именами... Великая Россия наша разорена и обесчещена. Русская армия в изгнании. Но жив Русский дух в ее рядах. Свято донесем его до родной земли. Восстанет Русь, воскреснет Великая армия, непобедимая русская конница. Ее ряды, как и встарь, пополнятся питомцами Славной Школы, потомками тех, кто кровью вписал свое имя в историю Русской земли.

Славному Николаевскому кавалерийскому училищу «ура».

Генерал *Врангель*
Генерал-лейтенант *Кусонский*[705]».

В приказе по училищу № 144, от 23 мая, начальник училища, объявляя это распоряжение генерала Врангеля, добавил:

— Счастлив объявить настоящее распоряжение нашего вождя и уверен, что все чины училища безусловно оправдают доверие и надежды нашего Главнокомандующего и так же высоко и непоколебимо будут стоять за честь и доброе имя своей Школы, как это делали наши предки и предшественники на протяжении целого столетия.

Прочитав приказ, начальник училища провозгласил «Ура!» в честь Главнокомандующего. Пропустив еще раз мимо себя юнкеров и поблагодарив «за блестящий парад», генерал Врангель отправился в училище, где снялся в группе со старыми николаевцами, гостями и всем составом школы. В час дня дивизион был построен во втором дворе училища. Генерал Врангель провозгласил «Ура!» во славу и возрождение России, после чего началось поднесение подарков и адресов депутациями, прибывшими на юбилей. Генерал-лейтенант Барбович и

генерал-майор Крейтер поднесли училищу от кавалерийской дивизии серебряную братину художественной работы; генерал-лейтенант Зданович, полковник князь Андронников[706] и майор Силич от имени Объединения бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища благословили Школу иконой святого Георгия Победоносца; директор Крымского кадетского корпуса генерал-лейтенант Римский-Корсаков прочел адрес. Затем прочли приветствия: от Белоцерковского подотдела Союза русских офицеров генерал-майор Пожарский[707], от русской колонии в Белой Церкви полковник Скучевский, от Мариинского Донского института инспектор классов г-н Сторошенко, от Общества бывших воспитанников Императорского Александровского лицея В.Д. Евреинов[708] и от сербских офицеров, воспитанников Школы, с исключительным подъемом, отставной майор Р. Симич.

После этого состоялся общий обед с гостями в столовой училища. Генерал Врангель произнес первые тосты — за здравие Его Величества Короля Александра I, за славу и процветание училища. Затем следовал целый ряд тостов, полных редкой сердечности и теплоты по адресу Славной Гвардейской школы. Особенно сильное впечатление произвел тост майора Симича, в ярких выражениях отметившего не только свою связь с родной Школой, но и вечную братскую любовь между русскими и сербами и значение России и Государя Императора Николая Александровича в деле спасения Сербии в мировой войне. Во время обеда было прочитано множество телеграмм и приветствий, полученных училищем со всех концов света ко дню юбилея.

По окончании официальной части обеда, когда господа генералы удалились на заслуженный покой, а также во время последовавшего вечером бала в укромных уголках, недоступных постороннему взгляду, шло объединение старых николаевцев с молодыми. Раздавался звон бокалов, неслась лихая кавалерийская песня, слышались вопросы: «Молодой, какие вальтрапы в пятом эскадроне синих кирасир?», «Что такое мартингал?», «Стоянка 18-го гусарского?» и тому подобные.

Бал с концертным отделением состоялся в «Бурге», лучшем помещении города. Инспектор классов, генерал-майор Линицкий, сделал короткий доклад о столетней истории училища, после чего начался концерт. Хор трубачей и певчих, декламация, пение и живая картина составили прекрасную программу, заслужившую полное одобрение публики, не скупившейся на аплодисменты. Затем танцы, гремит хор трубачей... Мазурка, вальс, па-де-катр, па-де-спань, институтские пелеринки, декольтированные бальные платья, звон шпор, томные взгляды...

На следующее утро, в 9 часов, во втором дворе училища генералу Врангелю и гостям были продемонстрированы всем дивизионом гим-

настические упражнения — вольные движения и на снарядах, затем выступления гимнастической группы на снарядах и фехтовальщиков. Во время гимнастики на снарядах генерал Врангель обратил внимание на юнкера Стацевича Александра, особенно легко и изящно работавшего на снарядах.

Главнокомандующему было доложено, что юнкер Стацевич был представлен к производству в портупей-юнкера, но полагающееся по штату количество представляемых уже заполнено.

— Произвести сверх штата, — был ответ генерала Врангеля.

Официальное описание столетнего юбилея Николаевского кавалерийского училища, выпущенное штабом Главнокомандующего, заканчивается описанием гимнастического праздника следующими словами:

«Под умелым руководством опытного инструктора (одесский улан, ротмистр Педь[709]) юнкера показали прямо чудеса ловкости и смелости. Сокольская гимнастика под музыку хора трубачей и упражнения на снарядах были проделаны лихо и отчетливо. Во всем видна солидная подготовка и тренировка. Блестящий праздник векового юбилея Славной Школы останется надолго в памяти всех на нем присутствовавших. Тяжелые испытания на чужбине не сломили славного духа Школы, и молодое поколение николаевцев показало на празднике, что оно достойно своих старых однокашников. Училище высоко держит свое знамя и свято хранит свои вековые традиции».

В час дня генерал Врангель, под звуки хора трубачей и кадетского оркестра, отбыл из Белой Церкви. Нужно отметить, что он, сдавший в свое время офицерский экзамен экстерном при Николаевском кавалерийском училище, очень любил нашу Школу — свое детище, — а юнкера его просто обожали. В каждый приезд его вносили на руках в стены Школы, причем неизменно исчезали шпоры с его сапог, и генерал Врангель потом просил дать их ему «взаймы» до отъезда, обещая вернуть захватчикам, и всегда честно держал свое слово. Уезжая, генерал Врангель приказал дать юнкерам три дня отдыха и отпуск в город до поздних часов, что и было, конечно, широко использовано.

После праздника начались будни, а для 2-го выпуска беготня с планшетами для топографических съемок по нашим «Кавелахтским высотам», так как к зданию училища действительно прилегали высоты с полями, виноградниками и садами, на которых юнкера производили заданные им съемки. Кроме того, началась пора последних перед выпуском экзаменов, предварительной «полюбовной» разборки вакансий для выхода в тот или иной полк, шитья полковой офицерской формы и т. д.

Затем официальная, окончательная разборка вакансий, традиционный «корнетский обход», похороны «капонира» с восковой фигурой

инспектора классов в гробу и ее сожжение, производство сугубства в «корнеты Школы». Наконец, день выпуска, парад, чтение приказа о производстве в настоящие корнеты, возвращение с парада в юнкерском строю, но с приказом о производстве под левым погоном и последняя команда:

— Господа офицеры. Разойтись!

После этого — спешное переодевание в полковую офицерскую форму. Торжественный обед в стенах Школы. А вечером выпускной бал там же, для чего все помещения взводов были превращены в сады, подводные гроты, полутемные гостиные и прочие уютные уголки. Для этого была произведена среди знакомых местных жителей юнкерами «реквизиция» декоративной зелени. Здесь особенно отличился Пуля Авчинников, притащивший несколько подвод таких растений в кадках. Снова хор трубачей, традиционная «корнетская мазурка», которую обязаны танцевать все новоиспеченные корнеты без исключения, танцует или нет он мазурку, вальс, институтские пелеринки, звон шпор, таинственный шепот в темных уголках, томные взгляды, звон бокалов и школьная или полковая лихая песня...

А на следующий день торжественный молебен во дворе училища. Последний строй «в стенах родимой нашей Школы», которая вошла в нашу плоть и кровь на всю жизнь, но уже не в юнкерской, а в офицерской форме драгунских, уланских, гусарских и казачьих полков славной русской конницы. А потом прощание со Школой, со вчерашними еще начальниками и преподавателями, с друзьями-однокашниками и разъезд.

Не такой разъезд, как в доброе старое время, когда юноше открывалась дорога в жизнь — 28-дневный отпуск к родным, а потом в новую семью, полковую, где все было ясно, понятно и определено вековым укладом. Мы же разъезжались не в полки, а в то, что осталось от полков, — то ли на пограничной страже, то ли на постройке шоссейных дорог. Светлое, ясное и определенное оставалось в стенах Школы, а ожидало весьма неопределенное будущее...

Первый выпуск из Школы состоялся 5 ноября 1922 года, второй — 12 июля 1923 года, третий — 2 сентября 1923 года, а эстандарт-юнкера были произведены в корнеты 7 марта 1924 года. 357 человек из юнкеров, вольноопределяющихся и кадет превратились в офицеров славной русской конницы, но не на Родине, а, к сожалению, в изгнании.

Много лет прошло с тех пор. Эмигрантская доля раскидала последних питомцев Славной Гвардейской школы по всему земному шару, но духовная связь, зародившаяся в стенах Школы, сохранилась до наших дней. Конечно, был и отсев — несколько человек, не больше 5—6, «ушли в

быт» и потеряли связь с однокашниками. Но на их место стали бывшие воспитанники Школы, ушедшие из нее по тем или иным причинам до производства, а брат одного из наших однокашников, так же уехавшего в Польшу, не дождавшись производства, всегда находился среди нас, никогда не быв николаевцем. Не помню точно, но мне кажется, на 110-летие Школы, в 1933 году, состоялся в Белграде съезд бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища, «белоцерковцев». Собралось больше 50 человек. Уже тогда нам было известно, что, кроме тех, кто проживал вне досягаемости Белграда, не смогут приехать корнеты Платонов[710], М. Трофимов[711], Ю. Поляков[712] и Занфиров[713], погибшие в СССР в борьбе с советской властью, а братья С. еще до сих пор работают там. Во время Второй мировой войны корнеты Тимченко, Карпинский[714] и Алексеев погибли в рядах Русского корпуса, Н. Иванов и Слободчуков — в русско-немецких частях, мой «племяш» Станиславский — одним из последних защитников «Линии Мажино»; Липина[715] убили «маки»; Шпиллер погиб на Восточном фронте; Брешко-Брешковского и Шугаевского расстреляли немцы; Чепурнов, при подходе советских войск, будучи в немецкой форме, несколько дней скрывался от них в болоте, сидя по горло в воде, простудился и умер; корнеты П. и Ф. (фамилии не называю по понятным причинам) увезены в СССР; 5 или 6 человек пропали без вести. Смело можно сказать, что 95 процентов последних питомцев Славной Гвардейской Школы во время последней войны честно исполнили свой долг русского офицера, как им подсказывала совесть и обстановка.

Много наших однокашников отошло в лучший мир в более мирной обстановке, как до, так и по окончании последней войны. В прошедшем апреле три панихиды по нашим однокашникам служилось в течение одной недели. Все они были верными солдатами своей Родины и служили ей верой и правдой до последнего издыхания.

Длинен список ушедших друзей, но немало еще осталось и живых, которые после каждого ушедшего теснее смыкают свои ряды и в день Николы Вешнего, помянув «тех, кто не с нами», поют старую школьную песню:

За друга друг стоял горою,
В беде друг друга выручал,
И были вечными друзьями
Солдат, корнет и генерал.

КОММЕНТАРИИ

[1] **Марков Анатолий Львович**, р. 28 декабря 1893 г. в Щигровском уезде Курской губ. Из дворян Курской губ., сын офицера. Воронежский кадетский корпус (1914), Николаевское кавалерийское училище (1914). Офицер Ингушского (Кабардинского) конного полка, в распоряжении военного генерал-губернатора занятых областей Турции. В Добровольческой армии; летом 1918 г. в Офицерском конном полку, в начале августа 1918 г. старший плац-адъютант комендантского управления Новороссийской области. Ротмистр. Эвакуирован из Новороссийска в Египет. Служил в египетской армии (капитан, с 1952 г. в отставке). Писатель. Умер 10 августа 1961 г. в Сан-Франциско (США).

[2] Впервые опубликовано: Кадеты и юнкера. Буэнос-Айрес. 1961.

[3] **Ипатов Николай.** Кадет Симбирского кадетского корпуса. В 1918 г. участник спасения корпусного знамени. В белых войсках Восточного фронта; юнкер Иркутского военного училища; 8 ноября 1918 г. отчислен в отдельную морскую роту в Харбине.

[4] **Россин Константин Борисович**, р. 2 марта 1901 г. в Бресте. Сын офицера. Кадет Симбирского кадетского корпуса. В марте 1918 г. участник спасения корпусного знамени. В белых войсках Восточного фронта; младший урядник во 2-м Оренбургском казачьем полку; с августа 1919 г. юнкер Иркутского военного училища. На 27 октября 1919 г. юнкер 2-го курса.

[5] **Потемкин Дмитрий Александрович.** Кадет Сумского кадетского корпуса. Во время большевистского переворота спас корпусное знамя. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Крымский кадетский корпус (1921), Николаевское кавалерийское училище, университет. Корнет 15-го гусарского полка. После 1945 г. в США. Умер 15 сентября 1978 г. в Нью-Йорке.

[6] Речь идет о контр-адмирале **Викторе Андреевиче Карцове**, р. в 1868 г. Морской корпус (1889).

[7] **Бригер Александр Михайлович**, р. в 1861 г. Морской корпус (1882), Морская академия (1886). Генерал-лейтенант флота, директор Морского корпуса. В эмиграции во Франции. Умер 20—21 мая 1931 г. в Коломбе (Франция).

[8] **Дутов Александр Ильич**, р. 5 августа 1879 г. в Казанлинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1896), Николаевское кавалерийское училище

(1898), академия Генштаба (1908). Полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 октября 1917 г.), не признал советскую власть. В белых войсках Восточного фронта; с 6 (11) декабря 1917 г. командующий войсками Оренбургского военного округа, с августа 1918 г. генерал-майор, с 17 октября 1918 г. командующий Юго-Западной армией (с 28 декабря 1918 г. — Оренбургская отдельная армия). С 23 мая по 16 октября 1919 г. генерал-инспектор кавалерии, с 2 июня 1919 г. одновременно походный атаман всех казачьих войск, с осени 1919 г. командующий Оренбургской отдельной армией, затем начальник гражданского управления Семиреченского края. Генерал-лейтенант (с 14 октября 1918 г.). В марте 1920 г. отступил в Китай. Смертельно ранен 24 января в руку и живот и скончался 25 января (6 февраля) 1921 г. в Суйдине при попытке похищения.

[9] Эти воспоминания помещены в 4-м томе настоящей серии «Сопротивление большевизму 1917—1918 гг.». Ниже публикуются его воспоминания, относящиеся к пребыванию в Одесском кадетском корпусе и походу из Одессы к румынской границе.

[10] **Чернецов Василий Михайлович**, р. в 1890 г. в ст. Калитвенской. Из казаков ст. Усть-Белокалитвенской Области Войска Донского. Каменское реальное училище (1907), Новочеркасское военное училище (1909). Есаул, командир сводной казачьей партизанской сотни при 4-й Донской казачьей дивизии, комендант Макеевских рудников. В ноябре 1917 г. организовал и возглавил партизанский отряд своего имени, с которым совершил ряд успешных рейдов на Новочеркасском направлении. Полковник (с января 1918 г.). Взят в плен и убит 21 января 1918 г. под Глубокой.

[11] **Семилетов Эммануил Федорович**, р. в 1872 г. Новочеркасское военное училище. Войсковой старшина (из отставки). В Донской армии; с конца 1917 г. командир партизанского отряда, полковник. Участник Степного похода, начальник собственного отдельного отряда; с 11 апреля 1918 г. командующий Северной группой. Вышел в отставку 8 мая 1918 г. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 10 октября 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 6 декабря 1918 г. командир Донского пешего батальона, с 11 января 1919 г. и на 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с марта 1919 г. командующий партизанскими отрядами Донской армии, затем начальник Сводно-партизанской дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. начальник 3-й отдельной Донской добровольческой бригады. Генерал-майор (с апреля 1918 г.). Умер в декабре 1919 г. в Новочеркасске.

[12] Юнкерский батальон. Одна из первых частей Добровольческой армии, созданных в Новочеркасске. 15 ноября 1917 г. юнкера, кадеты и учащиеся были выделены из Сводно-офицерской роты в Юнкерскую роту (штабс-капитан В.Д. Парфенов) и переведены в лазарет № 23 на Грушевскую ул. 1-й взвод состоял из юнкеров пехотных училищ (главным образом Павловского), 2-й — артиллерийских, 3-й — морских и 4-й — из кадет и учащихся. 19 ноября, по прибытии большой партии юнкеров-артиллеристов, 2-й взвод был развернут в отдельную часть — Сводную Михайловско-Константиновскую батарею, а сама рота развернулась в батальон (две юнкерские и «кадетская» роты). Во

второй половине ноября насчитывал свыше 150 человек. В начале декабря сведен в двухротный состав («юнкерская» и «кадетская»). Ко времени выступления в 1-й Кубанский поход насчитывал 120 человек. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Особого юнкерского батальона. Командир — штабс-капитан В.Д. Парфенов.

[13] **Скасырский Константин Иванович.** Александровский лицей (1915) (не окончил). Поручик (штабс-ротмистр) л.-гв. Гродненского гусарского полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. командир роты в Юнкерском батальоне, с декабря 1917 г. в управлении Главноначальствующего Ростова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Ротмистр. Убит до конца 1920 г.

[14] **Мезерницкий Мстислав Владимирович**, р. в 1895 г. Из дворян, сын офицера. 1-е Санкт-Петербургское реальное училище, Владимирское военное училище (1915). Поручик (штабс-капитан), командир роты л.-гв. Волынского полка. Участник боев октября 1917 г. в Петрограде. В Добровольческой армии с 4 ноября 1917 г. (7-й доброволец); командир роты в Юнкерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском ударном полку, затем создатель офицерской организации на Северном Кавказе. Участник взятия Ставрополя в июле 1918 г., затем командир пластунского батальона, партизанского отряда и конного дивизиона. Весной 1919 г. капитан (есаул) Кубанского казачьего войска, в октябре 1919-го — начале 1920 г. начальник конвоя командира 3-го армейского корпуса генерала Слащева, с весны 1920 г. командир 8-го кавалерийского полка до эвакуации Крыма. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник. В эмиграции, вернулся в СССР в ноябре 1921 г. с генералом Слащевым.

[15] **Лесевицкий Николай Петрович**, р. 8 декабря 1873 г. Полтавский кадетский корпус (1893), Александровское военное училище (1896), академия Генштаба (1907). Полковник, командир полка. Георгиевский кавалер. В конце 1917 г. генерал-квартирмейстер полевого штаба Кубанской армии, в январе—феврале 1918 г. командир добровольческого отряда на Кубани. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода остался больным в аулах. Расстрелян в марте 1918 г. в м. Горячий Ключ.

[16] **Шкуро Андрей Григорьевич (Шкура)**, р. 7 февраля 1886(1887) г. Из дворян, сын полковника, казак ст. Пашковской Кубанской обл. 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907). Полковник, командир 2-го линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского конного отряда особого назначения. В мае 1918 г. возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд, в июле 1918 г. присоединился к Добровольческой армии; начальник Кубанской партизанской отдельной бригады, с 9 ноября 1918 г. начальник Кавказской конной дивизии, с 30 ноября 1918 г. генерал-майор. До апреля 1919 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 г. командир 3-го Кубанского конного корпуса, с 29 января по март 1920 г. командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В эмиграции во Франции. Участник формирования

антисоветских казачьих частей в годы Второй мировой войны. Выдан в 1945 г. англичанами и казнен 16 января 1947 г. в Москве.

[17] **Скоропадский Павел Петрович**, р. 3 мая 1873 г. в Висбадене. Праправнук гетмана Украины в начале XVIII в. И.И. Скоропадского. Пажеский корпус (1893). Офицер л.-гв. Конного полка, командир 20-го драгунского полка, л.-гв. Конного полка. Генерал-лейтенант, командир 34-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. После «украинизации» корпуса продолжал им командовать в войсках Украинской народной республики до 29 декабря 1917 г. В марте 1918 г. возглавил опирающуюся на офицерство организацию «Украинская народная громада». Руководитель переворота, результатом которого стало упразднение 29 апреля 1918 г. Украинской народной республики и провозглашение Украинской державы во главе с гетманом. 14 ноября 1918 г. провозгласил федерацию Украинской державы с будущей небольшевистской Россией. В результате начавшегося тогда же петлюровского восстания 14 декабря 1918 г. вынужден был отречься от власти и выехал в Германию, где погиб при бомбардировке 26 апреля 1945 г. в Меттене (Бавария).

[18] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1974. Март. № 127.

[19] **Павлов Борис Арсеньевич**, р. в 1906 г. в Твери. Из дворян Тверской губ., сын преподавателя гимназии. Кадет 2-го Московского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с осени 1919 г. (поступил в Ливнах) доброволец Алексеевского полка, разведчик, в августе 1920 г. участник десанта на Кубань, затем как малолетний отправлен в кадетский корпус, кадет интерната при Константиновском военном училище до эвакуации Крыма. Награжден Георгиевским крестом 4 ст. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии. Крымский кадетский корпус (1926), Люблянский университет. Горный инженер. После 1945 г. — в США, член Общества Ветеранов, кадетского объединения, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 февраля 1994 г. в Монтерее или Кармеле (Калифорния).

[20] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1968. Сентябрь. № 93.

[21] **Матвеев Константин Константинович**, р. в 1873 г. В службе с 1893 г., офицером с 1895 г. Полковник (подполковник), воспитатель 2-го Московского кадетского корпуса. Осенью 1917 г. руководитель антисоветской организации в корпусе, участник боев в Москве в октябре 1917 г. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. с сыновьями. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Умер в 1919—1920 гг. на Дону.

[22] **Щепинский Борис Александрович.** Кадет Морского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с апреля 1920 г. сигнальщик судна «Веста», затем гардемарин Морского корпуса до эвакуации Крыма. На 24 июня 1921 г. в составе корпуса в Бизерте. Окончил Морской корпус 19 ноября 1922 г. Корабельный гардемарин. В марте 1923 г. убыл во Францию для поступления в университет. Умер после 1972 г.

[23] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1972. Май—июль. № 116—117.

[24] **Ворожейкин Сергей Николаевич**, р. 19 января 1867 г. Морской корпус (1886). Контр-адмирал, директор Морского корпуса в Севастополе. С 1918 г. в гетманской армии; начальник штаба главного командира портов Северной части Черного моря. Во ВСЮР и Русской Армии; весной 1919 г. эвакуирован из

Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»), с апреля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. С 14 октября 1919 г. директор Морского корпуса до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на линейном корабле «Генерал Алексеев» в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, в октябре 1921-го — августе 1922 г. заведующий библиотекой на линейном корабле «Георгий Победоносец», 11 октября 1922 г. назначен председателем распорядительной комиссии для общежития на том же корабле, в ноябре 1922-го — октябре 1924 г. председатель правления заемного капитала (с марта 1923 г. числится в штабе эскадры с этой должностью). Вице-адмирал (с 13 октября 1935 г.; по КИАФ). В эмиграции в Тунисе, бухгалтер в конторе. Умер 26 марта 1939 г. в Бизерте.

[25] Воспоминания В. фон Берга публикуются ниже.

[26] **Китицын Михаил Александрович,** р. 17 сентября 1885 г. в Чернигове. Сын чиновника. Морской корпус (1905), Офицерский класс подводного плавания (1909). Капитан 1-го ранга, начальник Отдельных гардемаринских классов, командир учебного отряда Сибирской флотилии. Георгиевский кавалер. В 1918 г. на крейсере «Орел» ушел в Японию. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; с ноября 1918 г. заведующий гардемаринами, с 1919 г. до января 1920 г. начальник Морского училища во Владивостоке. В январе 1920 г. на крейсере «Орел» ушел в Дубровник, где сдал крейсер Добровольному флоту и прибыл в Крым. 21 ноября 1920 г. командир канонерской лодки «Якут». Эвакуировался с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, в феврале 1922 г. помощник директора, заведующий обучением в Морском корпусе. В эмиграции с осени 1922 г. в США, инженер в Нью-Йорке, затем в Айдахо. Основатель, в 1923—1925 гг. председатель, на 31 января 1944-го и 20 января 1949 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 21—22 августа 1960 г. в Сент-Питерсберге (Флорида).

[27] **Голеевский Николай Николаевич.** Из дворян, сын офицера. Симбирский кадетский корпус. В белых войсках Восточного фронта; с 1918 г. в 1-м артиллерийском училище в Омске (окончил в 1920 г.). В январе 1922 г. в Волжской батарее Дальневосточной армии. Поручик. В эмиграции во Франции. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер в 1969 г.

[28] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1968. Июль—сентябрь. № 92—93.

[29] **Апостолов Николай Андреевич.** Николаевское артиллерийское училище (1916). Поручик артиллерии. С 1918 г. в русской добровольческой батарее в Киеве, затем в Добровольческой армии. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 18 декабря 1920 г. в 5-й батарее 5-го артиллерийского дивизиона. В эмиграции во Франции, сотрудник журнала «Военная Быль», в 1966—1967 гг. издатель журнала «Перекличка Николаевцев-Артиллеристов» в Безансоне. Умер 2 июня 1968 г. в Безансоне (Франция).

[30] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1968. Июль. № 92.

[31] **Граф Келлер Федор Артурович,** р. 12 октября 1857 г. в Курске. Приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища, офицерский экзамен при Тверском кавалерийском юнкерском училище, Офицерская ка-

валерийская школа. Произведен в офицеры за боевое отличие (1878). Командир л.-гв. Драгунского полка (1906—1910), начальник 7-й кавалерийской дивизии. Генерал от кавалерии, командир 3-го кавалерийского корпуса. Предполагаемый возглавитель Северной армии. 19—26 ноября 1918 г. Главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины в гетманской армии; в ноябре—декабре 1918 г. в Киеве. Убит петлюровцами 21 декабря 1918 г. в Киеве.

[32] **Кирпичев Лев Нилович**, р. 18 ноября 1876 г. Из дворян Псковской губ. Сын генерала. 6-я гимназия в Санкт-Петербурге, Константиновское артиллерийское училище (1899), Офицерская артиллерийская школа. Генерал-майор, командир 3-го дивизиона л.-гв. Конной артиллерии. Георгиевский кавалер. С 24 октября 1918 г. командир Киевской добровольческой дружины и Сводного корпуса в гетманской армии; в ноябре—декабре 1919 г. в Берлине и Лондоне, затем отправился к адмиралу Колчаку, на 1920 г. — во Владивостоке. В эмиграции. Умер 31 июня — 22 августа 1928 г. в Луксоре (Египет).

[33] **Святополк-Мирский Леонид Сергеевич.** Подполковник, командир 166-го пехотного полка. В Добровольческой армии; в ноябре 1917 г. участник формирования Георгиевского полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В ноябре—декабре 1918 г. командир 1-й Офицерской добровольческой дружины в Киеве. Взят в плен; с 14 декабря 1919 г. в Лукьяновской тюрьме. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Болгарии. Полковник. В эмиграции в Бразилии, в 1934 г. начальник 1-й группы Бразильского сектора ВФО в Рио-де-Жанейро.

[34] **Шуневич Митрофан Андреевич.** Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. Капитан гвардии, отделенный офицер Николаевского артиллерийского училища. В 1918 г. командир 1-й офицерской добровольческой батареи Особого корпуса в гетманской армии; в ноябре—декабре 1918 г. в Киеве. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; к марту 1920 г. в Сергиевском артиллерийском училище. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». Галлиполиец; с ноября 1920 г. старший офицер 2-й батареи того же училища. Полковник. В эмиграции в США. Умер 12 мая 1977 г. в Нью-Йорке.

[35] **Рклицкий Николай Павлович,** р. 4 декабря 1892 г. в с. Борки Черниговской губ. Сын священника. Черниговская духовная семинария, Киевский университет (1915), Николаевское артиллерийское училище (1916(?). Подпоручик, делопроизводитель Николаевского артиллерийского училища. С 1918 г. в составе русской добровольческой батареи в Киеве. В Вооруженных силах Юга России в управлении Главного военного прокурора, с 13 июля 1919 г. поручик. Штабс-капитан. В эмиграции в Югославии, редактор «Военного Вестника», до 1940 г. редактор «Царского Вестника» в Белграде, с 1941 г. священник. Служил в Русском Корпусе (старший священнослужитель). После 1945 г. в США. Архиепископ Флоридский и Вашингтонский Никон, 1-й заместитель председателя Архиерейского Синода. Умер 4 сентября 1976 г. в Нью-Йорке.

[36] **Штром Александр Александрович**, р. в 1893 г. в Санкт-Петербурге. Ростовская гимназия (1911), Санкт-Петербургский университет (1916),

Офицерские курсы морской артиллерии в Ревеле (1916). Мичман военного времени Балтийского флота (в плену с 1917 г.). В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии с 29 июля 1919 г. — вахтенный начальник на кораблях «Ростислав», «Страж», «Алмаз», канонерской лодке «К-16» до эвакуации Крыма; в ноябре—декабре 1920 г. прибыл в Югославию на корабле «Владимир». Лейтенант (26 апреля 1920 г.). В эмиграции в Югославии, к 1934 г. в Белграде. С 1948 г в Аргентине, секретарь и председатель Кают-компании, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 16 октября 1989 г. в Буэнос-Айресе.

[37] Впервые опубликовано: Русская газета. Буэнос-Айрес. № 50.

[38] Воспоминания П.А. Варнека публикуются ниже.

[39] **Барон Черкасов Иван.** Кадет Морского корпуса. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убит 30 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

[40] **Борейша Георгий.** Кадет Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; окончил корпус в 1919 г. Кадет Морского корпуса, доброволец Черноморского флота. Убит 18 июня 1919 г. на тральщике «Перикл» в десанте под Геническом.

[41] **Манулевич-Мейдано-Углу Владимир.** Кадет Морского корпуса. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убит в июне 1918 г. под Белой Глиной.

[42] **Терехов Георгий.** Кадет Морского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1920 г. вольноопределяющийся в эскадроне 9-го уланского (гусарского) полка. Взят в плен и расстрелян летом 1920 г. у Камышувахи в Северной Таврии.

[43] **Голубов Георгий.** Кадет Морского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии в эскадроне 9-го уланского полка. Убит в 1920 г. в Северной Таврии.

[44] **Былим-Колоссовский Иван Николаевич.** Кадет Морского корпуса. В белых войсках Северного фронта. Взят в плен в феврале 1920 г. в Петрозаводске, бежал, но схвачен на финской границе и убит.

[45] **Амбургер Николай Павлович.** Сын полковника. Кадет Морского корпуса. Участник Белого движения. Эвакуирован 28 января 1920 г. из Одессы на корабле «Баку». В эмиграции пропал без вести в Финляндии.

[46] **Александровский Георгий Борисович.** Одесский кадетский корпус (1919). Во ВСЮР и Русской Армии; вольноопределяющийся Черноморского флота, в 1920 г. подпоручик в офицерской роте 3-го Дроздовского полка, затем в корпусе корабельных офицеров Черноморского флота и в Морском корпусе до эвакуации Крыма. Дважды ранен. Эвакуирован из Севастополя на линейном корабле «Генерал Алексеев». Подпоручик (27 января 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте (с января 1921 г. на подводной лодке «Утка» в 3-м отряде судов). В октябре 1921 г. окончил Морской корпус (экзамен). Поручик по адмиралтейству. В эмиграции в Чехословакии (1937, Пильзен), окончил горный институт, инженер-металлург, историк. После 1945 г. в США, с 1964 г. издатель-редактор газеты «Россия». Умер 8 марта 1981 г. в Нью-Йорке.

[47] **Векслер Анатолий Александрович**, р. в 1901 г. Кадет Морского корпуса. В Добровольческой армии; в ноябре 1917 г. в Юнкерском батальоне,

в январе 1918 г. в морской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. С 1918 г. в 4-м Кубанском конном полку, затем в бронепоездном дивизионе, с 24 января 1919 г. прапорщик по адмиралтейству. В июне—сентябре 1919 г. в конном партизанском дивизионе Донской армии, затем в 4-м гусарском Мариупольском полку, корнет. Награжден орд. Станислава 3 ст. 10 ноября 1919 г. Поручик с 17 марта 1920 г. Георгиевский крест 4 ст. Орд. Св. Николая Чудотворца. Дважды ранен. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Штабс-ротмистр (с июня 1920 г.). На 18 декабря 1920 г. в 1-й полуроте автопулеметной роты Технического полка в Галлиполи. Поручик. В эмиграции в Бельгии, в 1953—1972 гг. член правления, с 1973 г. председатель Союза Инвалидов в Бельгии. Умер 31 октября 1984 г.

[48] **Карцов Георгий (Юрий) Николаевич**, р. в 1901 г. Кадет Морского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г. в Юнкерском батальоне. Тяжело ранен под Нахичеванью 27 ноября 1917 г. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м Марковском полку. Подпоручик. Ранен и представлен к производству в поручики. С осени 1920 г. в Морском корпусе. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Окончил Морской корпус 19 ноября 1922 г. Корабельный гардемарин. С 1922 г. на линейном корабле «Генерал Алексеев». В эмиграции в Германии, член Союза взаимопомощи служивших в Российском флоте в Берлине. Умер 27 февраля 1938 г. в Алжире.

[49] **Морозов Евгений Николаевич.** Одесский кадетский корпус (1919). Во ВСЮР и Русской Армии гардемарин Морского корпуса до эвакуации Крыма. Дважды ранен. Награжден Георгиевским крестом 4 ст. На 24 июня 1921 г. в составе корпуса в Бизерте. Окончил Морской корпус 19 ноября 1922 г. Корабельный гардемарин. К октябрю 1923 г. на линейном корабле «Генерал Алексеев». В эмиграции в Алжире.

[50] **Чурилов Феодосий Георгиевич**, р. в Курской губ. Кадет (гардемарин) Морского корпуса. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Дважды ранен. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Корнет. Эвакуирован на корабле «Решид-Паша».

[51] **Фон Каналоший-Лефлер Федор Федорович**, р. 15 августа 1900 г. в Санкт-Петербурге. Гардемарин Морского корпуса, на эсминце «Звонкий». В белых войсках Северного фронта с 13 марта 1919 г. переводчик в штабе Главнокомандующего войсками Северной области, в октябре 1919-го — феврале 1920 г. в Волчьей сотне. Юнкер флота. Взят в плен в феврале 1920 г. Бежал. Убит осенью 1920 г. при переходе фронта в Крыму.

[52] **Волков Иван.** Кадет Морского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии. Тяжело ранен в июле—сентябре 1920 г. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Умер от ран 28 марта 1921 г. в госпитале в Бизерте.

[53] **Сербулов Павел Михайлович**, р. в 1900 г. Кадет Морского корпуса. Тяжело ранен при десанте с эсминца «Жуткий», потерял ногу. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма в корпусе корабельных офицеров на боевых кораблях Черноморского флота. На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте на посыльном судне «Якут». Подпоручик Корпуса корабельных офицеров (27 января 1920 г.). Летом 1921 г. сдал экзамен за курс Морского корпуса. В эмиграции в Берлине (член Союза взаимопомощи служив-

ших в Российском флоте), затем в Бельгии; окончил Лувенский университет, инженер-электрик. Умер 10 июня 1936 г. в Брюсселе.

[54] **Зайцов (Зайцев) Алексей Михайлович**, р. 31 марта 1896 г. в Орле. Мариупольское реальное училище, Отдельные гардемаринские классы (1918). Старший гардемарин. В белых войсках Северного фронта; в 1918—1920 гг. на Мурманском фронте, с 12 марта 1919 г., в октябре 1919-го — феврале 1920 г. на бронепоезде «Адмирал Колчак». Мичман (2 октября 1919 г.). (По ошибочным данным — взят в плен и расстрелян в феврале 1920 г. в Холмогорах.) В эмиграции к 1931 г. в Норвегии. Умер 17 сентября 1958 г. в Осло.

[55] **Хмылина-Вдовиковский Артемий (Артамон)**. Отдельные гардемаринские классы (1918). В белых войсках Северного фронта; в декабре 1919 г. в десантной роте Онежской флотилии. Мичман. Взят в плен и расстрелян в марте 1920 г. на Медвежьей Горе.

[56] **Светухин Петр.** Отдельные гардемаринские классы (1918). Старший гардемарин. В белых войсках Северного фронта; на 4 октября 1919 г. в крепости Мят-Острова. Мичман. Взят в плен и расстрелян в марте 1920 г. в Медвежьей Горе.

[57] **Дьяков Георгий (Юрий) Кузьмич.** С 1916 г. гардемарин Отдельных гардемаринских классов, весной 1917 г. переведен в Школу прапорщиков флота. Старший гардемарин во 2-м Балтийском экипаже. В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. в Юнкерском батальоне. Ранен в Ростове. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Мичман. В эмиграции в США и Франции. Умер 22 января 1969 г. в Шелль (Франция).

[58] **Юрасовский Дионисий Константинович.** Морской корпус (общие классы — 7 марта 1918 г.). В белых войсках Северного фронта; на Мурманском фронте. Тяжело ранен. Георгиевский кавалер. Мичман (1920). В эмиграции в Бельгии. Умер 24 апреля 1962 г. в Брюсселе.

[59] Впервые опубликовано: Одесский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус, 1899—1924. Нью-Йорк, 1974. Эта памятка была составлена на основании воспоминаний отдельных кадет корпуса.

[60] **Бернацкий Владимир Александрович**, р. 25 мая 1879 г. в Москве. Из дворян. Нижегородский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1899), Военно-юридическая академия (1906). Полковник, преподаватель и директор Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г. помощник и и. д. директора того же корпуса. Остался в Одессе и взят в плен в январе 1920 г. в Одессе. Служил в РККА, зав учебной частью Одесской технической школы. Расстрелян в 1931 г. в Одессе по делу «Весна».

[61] **Гайдовский-Потапович Александр Михайлович.** Статский советник, инспектор классов и преподаватель Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1918—1920 гг. на той же должности. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920-го по 1 октября 1927 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса. Умер после 1945 г. в Звартберге (Бельгия).

[62] **Каледин Алексей Максимович**, р. 12 октября 1861 г. на хут. Каледина. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Усть-Хоперской Области Войска

Донского. Воронежский кадетский корпус (1879), Михайловское артиллерийское училище (1882), академия Генштаба (1889). Генерал от кавалерии, начальник 12-й кавалерийской дивизии, командир 12-го армейского корпуса, с 19 июня 1917 г. донской атаман. Георгиевский кавалер. Застрелился 29 января 1918 г. в Новочеркасске.

[63] **Самоцвет Матвей Феофилович**, р. в 1867 г. Сын генерал-лейтенанта. В службе с 1885 г., офицером с 1887 г. Подполковник, командир роты Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР на той же должности. Полковник. Эвакуирован с корпусом в Югославию, с марта 1920-го по 25 ноября 1921 г. командир роты Первого Русского кадетского корпуса, с 6 ноября 1921-го по 8 мая 1922 г. воспитатель Крымского кадетского корпуса. Умер 28 июня 1936 г. в Сараево.

[64] **Болецкий Евгений Богуславович**, р. в 1877 г. Из дворян, сын полковника. В службе с 1897 г., офицером с 1899 г. Поручик, воспитатель Одесского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии на той же должности. Подполковник. В эмиграции в Югославии, с 1921 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса.

[65] **Орлицкий Сергей Константинович.** Поручик, воспитатель Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР на той же должности. Подполковник. В эмиграции в Югославии, в 1921—1929 гг. командир роты Первого Русского кадетского корпуса, к 1940 г. воспитатель того же корпуса. Полковник.

[66] Крымский конный полк. Полк Императорской армии. После возвращения полка в конце 1917 г. с фронта в Крым на базе его (около 50 офицеров) была сформирована бригада (полковник Г.А. Бако) из 1-го и 2-го Конно-татарских полков (полковник М.М. Петропольский и подполковник О.-Б. Биарсланов), эскадроны которых поддерживали порядок в городах полуострова и участвовали в боях с большевиками в январе 1918 г. Возрожден в Добровольческой армии. 7 декабря 1918 г. сформирован эскадрон в составе 4-й пехотной дивизии (с января 1919 г. дивизион — 3 эскадрона) полка в Крымско-Азовской армии, который участвовал в боях в Крыму на Акманайских позициях. С 19 июня 1919 г. он входил в состав сформированного Сводно-драгунского полка, где в июле 1919 г. крымцы были представлены 2 эскадронами. 10 августа 1919 г. дивизион развернут в собственный полк (6 эскадронов). На 20 сентября 1919 г. насчитывал 354 сабли и 12 пулеметов. В сентябре—октябре 1919 г. входил в состав отряда генерала Розеншильд-Паулина Войск Новороссийской области. С 16 ноября 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады (I), действующей против банд Махно. Один эскадрон полка, находившийся при 2-м Лабинском полку Кубанского казачьего войска, принял участие в Бредовском походе. С 16 апреля 1920 г. обращен на формирование другой Отдельной кавалерийской бригады (II), 5 мая 1920 г. сведен в дивизион и влит во 2-й Туземный конный полк (с 8 августа 1920 г. 9-й кавалерийский полк), а 22 августа 1920 г., по его расформировании, — в 7-й кавалерийский полк. К августу 1920 г. насчитывал около 450 человек. Пеший эскадрон, откомандированый 9 октября 1920 г. в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, погиб 30 октября у д. Мамут под Джанкоем, конный эвакуировался с полком. Командиры: пол-

ковник Г.А. Бако (7 декабря 1918-го — начало февраля 1919 г.), полковник Д.И. Туган-Мирза-Барановский (начало февраля 1919-го — 5 мая 1920 г.), полковник Е.А. Зотов (5 мая—июнь, 3 августа—ноябрь 1920 г.), подполковник В.А. Тихановский (июнь — 3 августа 1920 г.). Начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник Г.А. Бако.

[67] **Федоров Константин Степанович**, р. около 1882 г. в Петрограде. Поручик, воспитатель Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Капитан. Эвакуирован в Зеленик (Югославия) в составе Сводного кадетского корпуса, с марта по 28 сентября 1920 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. 8 сентября 1920 г. прибыл на пароходе «Владимир» в Крым. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. Осенью 1925 г. хозяин Офицерского собрания Сергиевского артиллерийского училища в Болгарии.

[68] **Овсянников Павел Филиппович**, р. 6 января 1864 г. в Полоцкой губ. Полтавский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1884). Полковник, командир роты Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России в Одесском кадетском корпусе. Участник похода из Одессы к румынской границе. Расстрелян большевиками 6 июня 1920 г. в Одессе.

[69] **Стессель Александр Анатольевич**, р. в 1876 г. Сын генерал-лейтенанта. В службе с 1894 г., офицером с 1896 г. Полковник л.-гв. 2-го стрелкового полка, командир 152-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР командир сводного гвардейского стрелкового батальона и полка, с апреля 1919 г. начальник боевого участка Сводно-гвардейского батальона на Акманайских позициях, с 1 июля 1919 г. командир стрелкового батальона в Сводно-гвардейском полку, в июле 1919 г. командир 1-го батальона во 2-м Сводно-гвардейском полку, с 2 сентября 1919 г. командир 2-го сводно-гвардейского полка, затем в батальоне л.-гв. 2-го стрелкового полка 2-й гвардейской пехотной дивизии, в декабре 1919 г. начальник внутренней обороны и комендант Одессы, в январе 1920 г. фактический командир Овидиопольского отряда при походе из Одессы на румынскую границу. Участник Бредовского похода. Эвакуирован в Зеленик (Югославия). На май 1920 г. в Югославии. 8 сентября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Крым на пароходе «Владимир». В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу л.-гв. 2-го стрелкового полка в Париже, председатель полкового объединения. Умер 1 июня 1933 г. в Париже.

[70] **Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич**, р. в 1873 г. Из дворян. 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1891), академия Генштаба (1901). Генерал-лейтенант, командир 21-го армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 25 ноября 1918 г. в Киевском центре, с 24 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР; 13 июля 1919-го — 2 марта 1920 г. начальник 7-й пехотной дивизии, затем начальник 15-й пехотной дивизии, командующий войсками в Киеве, затем в Одессе, в начале 1920 г. возглавил поход из Одессы в Польшу. С июля 1920 г. в Крыму. В эмиграции в 1930—1931 гг. в распоряжении начальника РОВСа, председатель Союза «Долг Родине», возглавлял груп-

пу 2-й Галлиполийской роты в Софии, в 1930-х гг. заведующий Инвалидным домом в Шипке. В 1945 г. вывезен в СССР и погиб в лагерях.

[71] **Рогойский Георгий И.** Подполковник Полоцкого кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1917—1920 гг. воспитатель Одесского кадетского корпуса, в январе 1920 г. командир роты того же корпуса. Участник похода Одесса—Бессарабия.

[72] **Реммерт Г.Л.** Капитан, воспитатель Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР на той же должности. Участник похода из Одессы к румынской границе. В эмиграции в Югославии, с марта 1920-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса. Подполковник.

[73] **Геруа Александр Владимирович**, р. 24 марта 1870 г. Из дворян, сын генерал-майора. Пажеский корпус (1891), академия Генштаба (1898). Офицер л.-гв. Егерского полка. Генерал-лейтенант, командир 18-го армейского корпуса. Служил в Красной армии (начальник штаба Северного участка Петроградского района). С марта 1918 г. вел активную работу против большевиков, переправляя офицеров в белые войска Северного фронта. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии; с 13 октября 1918 г. представитель при генерале Бертелло (утвержден 2 февраля 1919 г.), с октября 1919 г. начальник русской военной миссии в Бухаресте от ВСЮР; с апреля 1920 г. военный представитель Главного командования и Великого князя Николая Николаевича в Румынии. В эмиграции в Румынии (Бухарест), на 10 августа 1928 г. в Бухаресте, член объединения л.-гв. Егерского полка, председатель Союза инвалидов в Румынии. В 1944 г. схвачен и вывезен в СССР.

[74] Эти фрагменты написаны бывшими кадетами В.Н. Дюкиным, В.Г. Музыкантовым и Д.В. Оссовским.

[75] **Поляков Георгий (Юрий) Петрович (4-й)**, р. в 1901 г. в Вознесенске. Из дворян, сын генерал-майора. Кадет Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1918 г. на бронепоезде, затем доброволец 11-го уланского полка, с 1919 г. снова в Одесском кадетском корпусе. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1921) и Николаевское кавалерийское училище (1923). Корнет 7-го гусарского полка. Член организации Кутепова, был в составе партизанского отряда в СССР. Убит в бою в 1930 г.

[76] **Шенгелая Александр Михайлович.** Кадет Одесского кадетского корпуса (выпуск 1918 г.). В Добровольческой армии в конном дивизионе полковника Гершельмана. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Корнет. Во ВСЮР в эскадроне 2-го драгунского полка. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Неоднократно ранен. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, затем в Любляне, издавал журнал «Всегда за Россию». Во время Второй мировой войны в РОА. Капитан. После 1945 г. — в Аргентине. Умер 19 января 1954 г. в Буэнос-Айресе.

[77] **Думбадзе Реваз Самсонович (2-й).** Одесский кадетский корпус (1918). В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Во

ВСЮР в том же полку; с 1 ноября 1919 г. прапорщик. В Русской Армии до эвакуации Крыма, с 1920 г. адъютант генерала Кутепова. Корнет. На 18 декабря 1920 г. в управлении 1-го армейского корпуса в Галлиполи. В 1922 г. выслан из Болгарии. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Югославии. Поручик.

[78] **Карцевадзе Валериан.** Кадет. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, доброволец в 1-м конном полку; с 1 ноября 1919 г. прапорщик.

[79] **Кикодзе Арчил Иосифович (Осипович)**, р. в 1900 г. Одесский кадетский корпус (1918). В Добровольческой армии. Участник боев под Ростовом в ноябре 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, доброволец в конном дивизионе полковника Гершельмана, затем в 1-м конном полку; с 1 ноября 1919 г. прапорщик, с 30 сентября 1919 г. корнет. Начальник пулеметной команды офицерского эскадрона полка. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Зачислен в кадр 2-го драгунского полка. В Русской Армии в эскадроне того же полка в 3-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Поручик. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Галлиполиец. Осенью 1925 г. прикомандирован в составе 1-й Галлиполийской роты в Болгарии. Поручик. Служил в Русском корпусе и в казачьих частях германской армии. Выдан в Лиенце 19 мая 1945 г. и вывезен в СССР.

[80] Князь **Цицианов Александр Давидович.** Кадет Одесского кадетского корпуса (выпуск 1918 г.). В Добровольческой армии в конном дивизионе полковника Гершельмана. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку; с 1 ноября 1919 г. прапорщик. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи. Поручик. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, в 1934 г. в Велико-Тырново.

[81] **Думбадзе Григорий Иванович (2-й).** Одесский кадетский корпус (выпуск 1915 г.; не окончил), Елисаветградское кавалерийское училище (1915). Прапорщик 5-го Заамурского конного полка. Корнет Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1919 г. в Чеченской конной дивизии, с января 1920 г. командир эскадрона 2-го Чеченского конного полка. Штабс-ротмистр. В Русской Армии с весны 1920 г. в Татарском конном полку, с мая 1920 г. в дивизионе Крымского конного полка. Ротмистр. В эмиграции. Служил в Русском корпусе. Убит 2 октября 1944 г. под Якубовцем на Дунае.

[82] Распространенное в армии название Елисаветградского кавалерийского училища.

[83] **Луцкевич Михаил Львович.** Одесский кадетский корпус (1918). В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1919 г. на бронепоезде «Офицер». Произведен в офицеры за боевое отличие. В Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона во Франции. Штабс-капитан.

[84] **Алексеев Михаил Васильевич**, р. в 1857 г. Сын солдата сверхсрочной службы. Тверская гимназия, Московское пехотное юнкерское училище (1876), академия Генштаба (1890). Генерал от инфантерии, Верховный Главнокомандующий до 11 сентября 1917 г. Основоположник Добровольческой армии. С сентября 1917 г. основал Алексеевскую организацию и формировал добровольческие офицерские отряды. 2 ноября 1917 г. прибыл в Новочеркасск; с декабря 1917 г. член триумвирата «Донского гражданского совета». Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 18 августа 1918 г. Верховный руководитель Добровольческой армии. Умер 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре.

[85] **Парфенов Василий Дмитриевич**, р. около 1892 г. Из дворян. Произведен в офицеры за боевое отличие (1914). Штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка. С октября 1917 г. член тайной монархической организации. В Добровольческой армии; с 4 ноября 1917 г. командир 1-й Сводно-офицерской роты — первой части Добровольческой армии, с 15 ноября в Юнкерской роте и Юнкерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 3-й роте Офицерского (Марковского) полка. С мая 1918 г. в Астраханской армии, в начале 1919 г. снова в Добровольческой армии в Сводно-гвардейском полку, в мае 1919 г. капитан, начальник команды конных разведчиков 3-го батальона в том же полку. Летом 1920 г. получил назначение командира пехотного полка. Полковник. Убит по дороге в полк.

[86] Эти фрагменты написаны бывшими кадетами Н.Г. Слюсаренко и А.М. Росселевичем.

[87] Этот фрагмент написан бывшим кадетом А.М. Росселевичем.

[88] Юнкера Сергиевского артиллерийского училища.

[89] **Молчанов Пантелеймон Сергеевич.** Полковник. В Вооруженных силах Юга России преподаватель Одесского кадетского корпуса. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. — в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920 г. по 25 июня 1921 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса, с 28 ноября 1921-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса.

[90] **Миляшкевич Федор Иосифович.** Полковник Ярославского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; преподаватель Одесского кадетского корпуса. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920 г. по 25 июня 1921 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса, с 21 марта 1922 г. по 1 сентября 1924 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса.

[91] **Порай-Кошиц Константин Николаевич**, р. 28 апреля 1867 г. Киевский кадетский корпус (1886), Константиновское военное училище (1888). Полковник, командир роты Полтавского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с 7 августа 1919 г. на той же должности, затем командир роты Киевского кадетского корпуса. Эвакуирован в начале 1920 г. с корпусом из Одессы в Югославию. В эмиграции там же, с марта 1920 г. по 25 мая 1923 г. командир роты Первого Русского кадетского корпуса.

[92] Этот фрагмент написан бывшим кадетом Н.Г. Смирновым.

[93] **Шеншин Петр Петрович**, р. в 1864 г. В службе с 1884 г., офицером с 1886 г. Полковник, командир роты Одесского кадетского корпуса. В Добро-

вольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии, до 30 марта 1918 г. начальник политической части того же штаба. В Вооруженных силах Юга России; до января 1920 г. Ставропольский вице-губернатор. Остался в Одессе. Умер в Центральной России.

[94] **Шеншин Петр Петрович**, р. 15 августа 1897 г. в Одессе. Одесский кадетский корпус (1915), Михайловское артиллерийское училище (1916). Подпоручик (поручик) 30-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 3-й отдельной батарее. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в 1-й батарее Корниловского артиллерийского дивизиона. Капитан. В эмиграции в Югославии, с 1 мая 1920-го по 1 июня 1935 г. эконом и помощник заведующего хозяйством Первого Русского кадетского корпуса. После 1945 г. в США, с 1948 г. секретарь Союза Первопоходников. Умер 21 сентября 1980 г. в Бурлингейме (США).

[95] Генерал-лейтенант **Николай Александрович Родкевич** был директором Киевского кадетского корпуса с 11 декабря 1919 г.

[96] Этот фрагмент написан бывшим кадетом Полоцкого кадетского корпуса М.А.

[97] **Авраменко Андрей (2-й).** Кадет Воронежского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; кадет Одесского кадетского корпуса. Участник похода из Одессы и боя под Канделем. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. В эмиграции в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1921).

[98] **Кобылин Василий Сергеевич.** Подполковник, воспитатель Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; до начала 1920 г. воспитатель Одесского кадетского корпуса. Полковник. Остался в Одессе.

[99] **Снитко Александр Николаевич**, р. 19 октября 1867 г. Симбирский кадетский корпус, Павловское военное училище (1887). Подполковник, воспитатель Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; воспитатель Одесского кадетского корпуса. Полковник. Расстрелян большевиками около 20 июня 1920 г. в Одессе.

[100] **Бышевский Николай Иосифович**, р. в 1869 г. В службе с 1887 г., офицером с 1889 г. Подполковник, воспитатель Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; до начала 1920 г. воспитатель Одесского кадетского корпуса. Полковник. Остался в Одессе. Расстрелян летом 1920 г. в Одессе.

[101] **Черкас Владимир Иванович**, р. в 1868 г. В службе с 1886 г., офицером с 1888 г. Генерал-майор. В Вооруженных силах Юга России; с 9 сентября 1919 г. в резерве чинов войск Киевской области, на 25 марта 1920 г. — войск Новороссийской области (не прибыл), в 1920—1922 гг. остался в Одессе с семьей, затем производитель работ СТУ ЛСПО в Ленинграде. Репрессирован в 1931 г. по делу «Весна» («сапер»).

[102] **Штабс-капитан П. Миляев** окончил Одесский кадетский корпус в 1907 г. и Александровское военное училище.

[103] **Буздижан Константин Иванович**, р. в 1880 г. В службе с 1898 г., офицером с 1900 г. Подполковник Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных

силах Юга России в 1917—1920 гг., воспитатель Одесского кадетского корпуса. В эмиграции в Польше, с 1926 г. капельмейстер в польской армии.

[104] **Есаулов Георгий Николаевич**, р. в 1905 г. в м. Кричевице Новгородской губ. Кадет Одесского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с мая 1919 г. доброволец в эскадроне л.-гв. Конного полка, затем в команде связи Сводно-кирасирского полка и в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, с сентября 1919 г. снова в корпусе. В январе 1920 г. участвовал с корпусом в походе из Одессы, затем в 8-м гусарском полку. Ранен. В эмиграции в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1922), Николаевское кавалерийское училище, Белградский университет. Инженер путей сообщения. С 1948 г. в Канаде. Умер 5 июля 1996 г. в Торонто (Канада).

[105] Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. 1977—1978. № 49—50.

[106] **Бочкарева Мария Леонтьевна.** Из крестьян. Прапорщик. Организатор и командир Женского ударного батальона. Защищала Зимний дворец. В Добровольческой армии в ноябре—декабре 1917 г. В белых войсках Северного фронта; с сентября 1918 г. занималась организацией женского батальона, весной 1919 г. участвовала в боях под Шенкурском. Расстреляна в 1921 г. в Томске, по другим данным — 18 сентября 1918 г. в Витебске, по другим данным — в эмиграции.

[107] **Есаулов Николай Михайлович**, р. в 1872 г. Киевский кадетский корпус (1888), Николаевское кавалерийское училище (1890). Полковник л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, заведующий ремонтом конского состава при Киевском военном округе. Расстрелян большевиками 20 января 1918 г. в Киеве.

[108] **Есаулов Виктор Михайлович.** Киевский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище. Офицер 3-го уланского полка. Штабс-ротмистр 12-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; в январе 1920 г. участник похода из Одессы с эскадроном 8-го гусарского полка. В эмиграции в Румынии.

[109] **Навроцкий Николай Яковлевич**, р. в 1869 г. В службе с 1887 г., офицером с 1889 г. Полковник, воспитатель Суворовского кадетского корпуса. С 1918 г. в гетманской армии; 17 ноября 1918 г. назначен командиром роты Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР до начала 1920 г. на той же должности. Эвакуирован в Югославию; в эмиграции там же, с марта 1920-го по 1 августа 1932 г. библиотекарь Первого Русского кадетского корпуса.

[110] **Гришин (Гришин-Алмазов) Алексей Николаевич**, р. в Кирсановском уезде. Полковник. Георгиевский кавалер. По заданию генерала М.В. Алексеева организовывал офицерское подполье в Сибири. Организатор свержения большевиков в Новониколаевске 27 мая 1918 г. С 28 мая по 12 июня командующий войсками Омского военного округа, с 13 июня по 5 сентября 1918 г. командующий Сибирской армией, с 1 июля одновременно управляющий Военным министерством. В сентябре 1918 г. отбыл в Екатеринодар, с 29 ноября 1918 г. в Одессе, с 4 декабря 1918 г. военный губернатор Одессы и (до 15 января 1919 г.) командующий войсками Добровольческой армии Одесско-

го района, с 24 февраля по 23 апреля 1919 г. врид командующего Войсками Юго-Западного края. В апреле 1919 г. послан в Омск во главе делегации к адмиралу Колчаку. Генерал-майор. Застрелился под угрозой плена 22 апреля (5 мая) 1919 г. в Каспийском море.

[111] **Буда-Жемчужников Георгий Михайлович.** Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с августа 1919 г. командир эскадрона.

[112] **Данилов Михаил Федорович**, р. 11 апреля 1879 г. Орловский кадетский корпус (1897), Николаевское кавалерийское училище (1899). Полковник, командующий л.-гв. Кирасирским Ее Величества полком. В Добровольческой армии с октября 1918 г. командир Сводно-гвардейского экадрона при Сводно-гвардейском полку, с 14 ноября 1918-го по 26 февраля 1919 г. командир эскадрона своего полка, на 24 марта 1919 г. командир дивизиона своего полка в 1-м гвардейском сводно-кирасирском полку, с 13 апреля по 3 августа 1919 г. командир Сводного полка гвардейской кирасирской дивизии, с 4 августа 1919 г. командир 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, с 15 декабря 1919-го по 12 марта 1920 г. командир Сводно-гвардейского кавалерийского полка. В Русской Армии командир 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, с 18 апреля 1920 г. командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор (с 28 ноября 1919 г.). Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции во Франции, на декабрь 1924 г. председатель (старший руководитель) объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Париже. Умер около 11 сентября 1943 г. в Венгрии.

[113] **Гросман Алексей Владимирович.** Николаевское кавалерийское училище (1907). Ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Вооруженных силах Юга России с марта 1919 г. в эскадроне своего полка, с 24 марта, на 12 мая 1919 г. начальник команды связи в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Летом 1919 г. ротмистр, адъютант Сводно-кирасирского полка, начальник команды связи, с июня 1919 г. начальник связи штаба кавалерийской дивизии. В Русской Армии; с августа 1920 г. в запасном кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Контужен 18 июня 1920 г. Полковник. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. В эмиграции в Греции, на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Афинах.

[114] **Деконский Федор Алексеевич.** Александровский лицей (1910). Произведен в офицеры из вольноопределяющихся (1911). Поручик запаса л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1918 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка (переведен в полк 7 ноября 1918 г.), с декабря 1918 г., на 12 мая 1919 г. начальник нестроевой команды в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Ранен 4 апреля 1919 г. С 15 июля по 15 сентября 1919 г. командир эскадрона в 1-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Штабс-ротмистр (март 1919 г.). Убит 15 сентября 1919 г. у с. Британы Черниговской губ.

[115] 8-й гусарский Лубенский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР 1 октября 1919 г. в составе 4 строевых и запасного эскадронов.

Насчитывал 500 человек. С 16 ноября 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады (I) Войск Новороссийской области, действующей против банд Махно. В январе—апреле 1920 г. запасный эскадрон полка в составе отдельной бригады генерала Сахно-Устимовича Конного отряда генерала Морозова защищал Перекопский перешеек. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 7-й кавалерийский полк. В эмиграции начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник Тамбиев (полковник Попов).

[116] **Васильев (Васильев-Чечель) Павел Михайлович**, р. 9 января 1875 г. в Одессе. Из дворян. Одесское военное училище (1895), академия Генштаба. Генерал-майор, начальник 78-й пехотной дивизии. В декабре 1917 г. командир «украинизированной» части, с 1918 г. в гетманской армии; 30 сентября 1918 г. назначен начальником 1-й Серожупанной дивизии; во ВСЮР с 1919 г., в январе—феврале 1920 г. начальник гарнизона и командир Овидиопольского отряда войск Новороссийской области, руководитель похода из Одессы к румынской границе. Покончил самоубийством в окружении 4 февраля 1920 г. у д. Раскейцы.

[117] **Гущин Василий Федорович.** Полковник, инспектор классов и преподаватель Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. В эмиграции в Югославии, с марта 1920-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса.

[118] **Адамович Борис Викторович**, р. 15 ноября 1870 г. Из дворян Полтавской губ., сын генерала. 3-й Московский кадетский корпус (1888), Константиновское военное училище (1890). Офицер л.-гв. Кексгольмского полка. Генерал-лейтенант, генерал для поручений при военном министре по инспекции школ прапорщиков (с 1917 г. в отставке). В Вооруженных силах Юга России с 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. Эвакуирован из Новороссийска в Югославию, где с марта 1920 г. директор Первого Русского кадетского корпуса. Председатель Общества офицеров л.-гв. Кексгольмского полка в Сараево. Умер 22 марта 1936 г. в Сараеве (Югославия).

[119] **Жуков Александр Александрович.** Штабс-капитан, воспитатель Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Подполковник. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920-го по 1 сентября 1924 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса.

[120] Впервые опубликовано: Кадетские корпуса за рубежом, 1920—1945. Монреаль, б. г.

[121] **Линдеман Александр-Роберт Юльевич**, р. 26 октября 1861 г. Полоцкий кадетский корпус (1880), Константиновское военное училище (1882). Полковник, и. д. директора, командир роты Киевского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии на той же должности в Одессе. Эвакуирован. В эмиграции в начале 1920 г. в Югославии с корпусом, с марта 1920-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса. Умер 13 (30) марта 1935 г. в Сараеве (Югославия).

[122] **Шиллинг Николай Николаевич**, р. 16 декабря 1870 г. Из дворян. Николаевский кадетский корпус (1888), Павловское военное училище (1890). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, командир 17-го армей-

ского корпуса. Георгиевский кавалер. С 1918 г. в гетманской армии в распоряжении Главнокомандующего. В Добровольческой армии и ВСЮР с 1 сентября 1918 г. в Киевском центре, с ноября по декабрь 1918 г. заместитель представителя Добровольческой армии в Киеве, с 1 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, с 28 мая 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с 10 июля 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с 12 июля одновременно главноначальствующий Таврической (с 11 августа также и Херсонской) губ., с 26 августа 1919 г. командующий войсками Новороссийской области, освобожден 18 марта 1920 г. В эмиграции в Чехословакии, председатель кружка Георгиевских кавалеров в Праге. Арестован в мае 1945 г. Умер в начале 1946 г. в Праге.

[123] **Кадьян Николай Петрович**, р. в 1879 г. Киевский кадетский корпус (1897), Константиновское артиллерийское училище (1899). Подполковник, воспитатель Киевского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии на той же должности. В эмиграции в Югославии, с марта 1920-го по 2 августа 1928 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. Полковник. Умер 3 июля 1937 г. в Загребе (Югославия).

[124] **Гончаров Василий.** Кадет Нижегородского кадетского корпуса. Во ВСЮР с 1919 г. в Киевском кадетском корпусе. При эвакуации Одессы вывел младший класс корпуса в порт. В эмиграции окончил Первый Русский кадетский корпус (1923), Загребский университет, Белградский университет. Инженер-строитель. После 1945 г. в лагерях в Югославии, в 1960-е гг. в Новом Саду. Умер в Югославии.

[125] **Латышев Иван.** Кадет Киевского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России в том же корпусе. При эвакуации Одессы вывел младший класс в порт. В эмиграции в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1923), Белградский университет, архитектор. После 1945 г. в Венгрии и СССР. Умер в Ленинграде.

[126] **Артамонов Виктор Алексеевич**, р. 9 октября 1873 г. Симбирский кадетский корпус (1890), Павловское военное училище (1892), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Волынского полка. Генерал-майор, военный агент в Сербии. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919—1920 гг. представитель Главнокомандующего ВСЮР и Русской Армии в Белграде. В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии. Умер 23 августа 1942 г. в Панчеве (Югославия).

[127] **Росселевич Анатолий Михайлович**, р. 28 декабря 1902 г. во Владаве Холмской губ. Кадет 2-го кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР в портовой охране г. Ейска, с июня 1919 г. в Одесском кадетском корпусе. Участник похода из Одессы и боя под Канделем. В эмиграции в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1921), Белградский университет, с 1924 г. Лувенский университет. С 1958 г. в США, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 24 марта 1977 г. в Нью-Йорке.

[128] Впервые опубликовано: Кадетские корпуса за рубежом, 1920—1945. Монреаль, б. г.

[129] **Никольский Глеб Николаевич**, р. в 1901 г. Кадет Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России. Участник похода из Одессы

и боя под Канделем. Эвакуирован в Сербию. Кадет сводного кадетского корпуса. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. В 1920 г. окончил Первый Русский кадетский корпус. 8 сентября 1920 г. прибыл на пароходе «Владимир» в Крым в Сергиевское артиллерийское училище. Окончил Сергиевское артиллерийское училище в Болгарии. Подпоручик.

[130] **Тарасенко Николай Георгиевич (1-й)**, р. в 1902 г. Кадет Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России. Участник похода из Одессы и боя под Канделем. Эвакуирован в Сербию. Кадет сводного кадетского корпуса. В 1920 г. окончил Первый Русский кадетский корпус. 8 сентября 1920 г. прибыл на пароходе «Владимир» в Крым в Сергиевское артиллерийское училище. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Юнкер Сергиевского артиллерийского училища. Умер 14 января 1921 г. в Сараеве (Югославия).

[131] **Голиков Павел Тарасович (1-й)**, р. в 1903 г. Кадет 7-го класса Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России. Участник похода из Одессы и боя под Канделем. Прибыл с эшелоном Сводного кадетского корпуса в Югославию. В 1920 г. окончил Первый Русский кадетский корпус. 8 сентября 1920 г. прибыл на пароходе «Владимир» в Крым в Сергиевское артиллерийское училище. В Русской Армии кадет Морского корпуса. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Окончил Морской корпус 19 ноября 1922 г. Корабельный гардемарин. В марте 1923 г. убыл во Францию для поступления в университет.

[132] **Худобашев Александр Николаевич**, р. в 1902 г. Кадет Тифлисского, затем 4-го класса Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России. Участник похода из Одессы. Эвакуирован в Югославию. Кадет сводного кадетского корпуса. В 1920 г. окончил Первый Русский кадетский корпус. 8 сентября 1920 г. прибыл на пароходе «Владимир» в Крым в Сергиевское артиллерийское училище. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Сцегед». Окончил Николаевское кавалерийское училище.

[133] **Гродский Сергей.** Кадет Одесского кадетского корпуса. Участник похода из Одессы и боя под Канделем. В эмиграции в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1921). Умер 15 июня 1926 г. в Югославии.

[134] **Сахно-Устимович Александр.** Кадет Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России. Участник похода из Одессы и боя под Канделем. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. В эмиграции в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1923). Подпоручик. Служил в Русском корпусе. Пропал без вести 18 октября 1944 г. под Авалой (Югославия).

[135] **Критский Владимир.** Кадет 2-го кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; кадет Одесского кадетского корпуса. Участник похода из Одессы и боя под Канделем. В эмиграции в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1921), Николаевское кавалерийское училище.

[136] **Лампси Валериан.** Кадет Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; участник похода из Одессы и боя под Канделем. Эвакуирован в Сербию, где в 1920 г. окончил Первый Русский кадетский корпус. Доброволец Русской Армии. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Убит в августе 1920 г. в Кубанском десанте.

[137] **Стойчев Владимир (4-й).** Кадет Одесского кадетского корпуса (выпуска 1921 г.). Участник похода из Одессы и боя под Канделем. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Окончил Крымский кадетский корпус (1921). В эмиграции в Румынии, окончил военное училище и служил в румынской армии.

[138] **Трофимов Михаил Михайлович.** Кадет Одесского кадетского корпуса. Участник похода из Одессы и боя под Канделем. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Эвакуирован в Сербию. Кадет сводного кадетского корпуса. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1920), 16—20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым. Кадет Морского корпуса. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Окончил Морской корпус 19 ноября 1922 г. Корабельный гардемарин. В октябре 1923 г. на линейном корабле «Генерал Алексеев». В эмиграции в Тунисе. Умер 22 марта 1959 г. в Бизерте (Тунис).

[139] **Толмачев Михаил (2-й).** Кадет Одесского кадетского корпуса (выпуска 1921 г.). Участник похода из Одессы и боя под Канделем. Ранен. В Русской Армии — в гвардейской артиллерии. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Окончил Первый Русский кадетский корпус.

[140] **Северьянов Николай.** Кадет Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России. Участник похода из Одессы и боя под Канделем, затем доброволец в Русской Армии. Награжден Георгиевским крестом 3-й и 4-й ст. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1921), Николаевское кавалерийское училище (1923). Корнет. Убит в 1930 г. в разведке при переходе границы СССР.

[141] **Яконовский Евгений Михайлович**, р. в 1903 г. Кадет 5-го класса Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. В январе 1918 г. участник обороны Оренбурга. В Вооруженных силах Юга России кадет Одесского кадетского корпуса (выпуска 1921 г.). Участник похода из Одессы и боя под Канделем, затем в Русской Армии. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1921), университет. Юнкер 4-й артиллерийской бригады и л.-гв. Гренадерского полка. В эмиграции во Франции, служил во французской армии, до 1956 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 мая 1974 г. в Монтобане (Франция).

[142] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1955. Июль. № 14.

[143] **Скалковский Сергей Сергеевич.** Кадет Полоцкого кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР в сводно-кирасирском полку. Участник похода из Одессы к румынской границе. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Галлиполиец. В Югославии окончил Первый Русский кадетский корпус (1921), Николаевское кавалерийское училище. Корнет 12-го уланского полка. В эмиграции в 1932—1934 гг. в Бейруте, к 1936 г. в Китае, член Офицерского собрания в Шанхае.

[144] **Тарасенко Сергей (2-й).** Кадет Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России. Участник похода из Одессы и боя под Канделем. В эмиграции в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1921), Николаевское кавалерийское училище.

[145] **Стацевич Александр Александрович**, р. 31 января 1905 г. Кадет Киевского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России. Окончил

Первый Русский кадетский корпус (1921), Николаевское кавалерийское училище (1923). Корнет 4-го гусарского полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1929—1933 гг. в Белграде, в 1934—1938 гг. представитель журнала «Армия и Флот» в Бейруте. Во время Второй мировой войны в итальянской армии. После 1945 г. в США. Умер 8 июля 1989 г. в Сан-Франциско.

[146] Впервые опубликовано: Кадетская перекличка. 1975. № 13.

[147] **Лайминг Георгий Михайлович**, р. 14 апреля 1865 г. в Путивле. Киевский кадетский корпус (1883), Павловское военное училище (1885), Военно-юридическая академия. Офицер л.-гв. Финляндского полка. Генерал-лейтенант, генерал для поручений при Главном начальнике военно-учебных заведений, управляющий делами Великого князя Дмитрия Павловича. В Вооруженных силах Юга России; с декабря 1919 г. начальник военно-учебных заведений ВСЮР, затем 3 года скрывался в Петрограде. В эмиграции во Франции (в Париже), с конца 1930-х гг. в США (Лос-Анджелес), к 1 мая 1939 г. член полкового объединения, с 1947 г. председатель объединения л.-гв. Финляндского полка и представитель его в США. Умер 3 января 1958 г. в Лос-Анджелесе.

[148] **Якимович Сергей Александрович.** Кадет Киевского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1919 г. доброволец на бронепоезде «Офицер». Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1925). Окончил Югославскую военную академию (1928). Капитан артиллерии, служил в югославской армии (взят в плен), после 1945 г. офицер французской армии, затем в Аргентине, председатель кадетского объединения. Умер 20 июля 1991 г. в Буэнос-Айресе.

[149] **Барон фон Гейкинг Георгий Александрович.** Подполковник, воспитатель Киевского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР на той же должности, с декабря 1919 г. заведующий довольствием того же корпуса. Полковник. В эмиграции в Югославии, с марта 1920-го по 16 сентября 1922 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса.

[150] **Аустрин Георгий Мартинович**, р. 14 апреля 1898 г. в Сухум-Кале. Киевский кадетский корпус (1915), Павловское военное училище (1915). Офицер 5-го Кавказского пограничного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 10 октября 1918 г. в 1-м конном полку, затем в Особом Черноморском, Крымском, Скадовском отдельных пограничных отрядах; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка в Болгарии. Ротмистр. В эмиграции член Союза Инвалидов, сотрудник журнала «Военная Быль», с 1975 г. председатель объединения Киевского кадетского корпуса в Париже. Умер 21 января 1977 г. в Риуперу (Франция).

[151] Раздел написан Г. Гуторовичем. **Гуторович Георгий Станиславович**, р. 17 января 1901 г. в Санкт-Петербурге. Кадет Воронежского кадетского корпуса. В Донской армии; с 1919 г. в 4-м Донском корпусе. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. В Вооруженных силах Юга России. После эвакуации зачислен в 6-й класс Сводного (Первого Русского) кадетского корпуса в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1921), университет

в Бельгии. Коммерсант. Председатель кадетского объединения в Бельгии. Умер 10 декабря 1990 г. в Брюсселе.

[152] Впервые опубликовано: Кадетские корпуса за рубежом, 1920—1945. Монреаль, б. г.

[153] **Голеевский Максимилиан Николаевич**, р. в 1862 г. В службе с 1880 г., офицером с 1882 г. Генерал-майор. В Вооруженных силах Юга России; в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 29 октября 1919 г. директор Владикавказского кадетского корпуса. В Русской Армии с 13 мая по 1 сентября 1920 г. директор Крымского кадетского корпуса.

[154] **Римский-Корсаков Владимир Валерианович**, р. 14 июля 1859 г. Полтавский кадетский корпус (1877), Александровское военное училище (1879), Военно-юридическая академия. Офицер л.-гв. Преображенского полка. Генерал-лейтенант, директор 1-го Московского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии, с 1 сентября 1920-го по 11 декабря 1924 г. директор Крымского кадетского корпуса, затем во Франции, с 1930 г. основатель и директор корпуса-лицея в Версале. Умер 8 ноября 1933 г. в Вилье-ле-в Бельгии (Франция).

[155] **Врасский Иеремий Яковлевич (Фенстер)**, р. в 1868 г. В службе с 1888 г., офицером с 1890 г. Академия Генштаба (1898). Генерал-майор, начальник Чугуевского военного училища. Участник боев в Чугуеве 15 декабря 1917 г. С 1 декабря 1918 г. в Донской армии, в Вооруженных силах Юга России; с 2 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Кавказской Добровольческой армии, с 1 апреля 1919 г. помощник начальника части военно-учебных заведений Военного управления. В Русской Армии начальник военно-учебных заведений в Крыму. В эмиграции в Югославии, с 20 октября 1922-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса, затем до 3 августа 1932 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса, затем во Франции, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, директор корпуса-лицея в Версале.

[156] **Чудинов Николай Александрович**, р. в 1871 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии, с 1 сентября 1920 г. по 1 сентября 1929 г. командир роты Крымского кадетского корпуса, затем с 1 сентября 1933-го по 1 августа 1939 г. — Первого Русского кадетского корпуса.

[157] **Князь Шаховской Петр Петрович**, р. в 1872 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Полковник, командир роты Сумского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. директор и командир роты интерната при Константиновском военном училище в Феодосии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии. С 14 марта 1921-го по 1 сентября 1929 г. командир роты Крымского кадетского корпуса. Умер в 1955 г.

[158] **Некрашевич Павел Михайлович**, р. в 1871 г. В службе с 1890 г., офицером с 1892 г. Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. воспитатель интерната Константиновского военного училища в Феодосии и Крымского кадетского корпуса до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югосла-

вии, с 1 сентября 1920-го по 1 июля 1929 г. воспитатель Крымского кадетского корпуса.

[159] **Шевцов Петр Алексеевич.** Капитан. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. воспитатель интерната Константиновского военного училища в Феодосии и Крымского кадетского корпуса до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии, с 14 марта 1921-го по 1 июля 1927 г. воспитатель Крымского кадетского корпуса.

[160] **Шестаков Борис Васильевич.** Капитан. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с января 1920 г. воспитатель интерната Константиновского военного училища и Крымского кадетского корпуса в Феодосии. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии, с 14 марта 1921-го по 1 августа 1928 г. воспитатель Крымского кадетского корпуса, затем до 1944 г. — Первого Русского кадетского корпуса. Остался в Белой Церкви. Арестован коммунистами, содержался в местной тюрьме. Расстрелян в январе 1945 г. по дороге во Вршац.

[161] **Казанский Валериан Андреевич.** Статский советник. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. в кадетском интернате в Феодосии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии, с 14 марта 1921-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса, затем до 1 ноября 1932 г. — Первого Русского кадетского корпуса.

[162] **Писаревский Николай Яковлевич.** Надворный советник. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. в интернате в Феодосии, затем помощник инспектора классов, преподаватель Константиновского военного училища до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии; с 14 марта 1921-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса, с 1940 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса.

[163] **Доннер Николай Николаевич**, р. в 1876 г. Николаевское инженерное училище. Подполковник, офицер-воспитатель 1-го кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. воспитатель интерната Константиновского военного училища в Феодосии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии, с 14 мая 1921-го по 1 сентября 1929 г. воспитатель Крымского кадетского корпуса. Умер 25 мая 1953 г. в Норвуде (Австралия).

[164] **Сердаковский Лев Викторович**, р. 12 мая 1904 г. во Владикавказе. Из дворян, сын офицера. Кадет Вольского и Тифлисского кадетских корпусов. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1920 или 1921), Николаевское кавалерийское училище, курсы Генерального штаба в Белграде. Корнет 18-го драгунского полка. Во время Второй мировой войны сотрудник Управления русской эмиграции в Белграде. После 1945 г. секретарь Толстовского фонда, преподаватель военной школы в Монтерее, консультант по русским делам при американском правительстве. Умер 17(19) мая 1980 г. в Вашингтоне.

[165] Впервые опубликовано: Кадетская перекличка. 1984. Август. № 36.

[166] **Карпушкин Виктор Васильевич**, р. 24 ноября 1901 г. в ст. Червленой Терской обл. Кадет Владикавказского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1919 г. вице-фельдфебель; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Терско-астраханского казачьего полка в Болгарии. Хорунжий. В эмиграции в Константинополе, в Болгарии и Чехословакии (Брно). Инженер-строитель. С 1949 г. в Бразилии, с 1954 г. в США. Умер 14 июня (июля) 1996 г. в Саут-Лейк-Тахо (США).

[167] **Дербек Владимир Альбертович.** Статский советник, доктор медицины, старший врач Полтавского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с 7 августа 1919 г. на той же должности, с 1919 г. во Владикавказском кадетском корпусе, с 1 сентября 1920-го по 1 сентября 1929 г. врач Крымского кадетского корпуса. В эмиграции в Югославии. Умер до 1965 г.

[168] **Андгуладзе Георгий Бежанович**, р. 17 октября 1866 г. Из крестьян. Тифлисское военное училище (1887). Полковник, командир 49-го пехотного полка. Генерал-майор, командир бригады 13-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июне 1918 г. ему поручена организация центра в Тирасполе, с 23 ноября 1918 г. формировал в Симферополе сводный полк 13-й пехотной дивизии, с 8 февраля 1919 г. командир Крымского сводного пехотного полка. Во ВСЮР и Русской Армии начальник 13-й пехотной дивизии, с августа 1920 г. командир группы войск из 13-й и 34-й дивизий. Генерал-лейтенант (30 декабря 1920 г.). В эмиграции председатель объединения 13-й пехотной дивизии. Умер 23 марта 1948 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

[169] **Думбадзе Леван Самсонович**, р. около 1896 г. Из дворян, сын генерала. Михайловское артиллерийское училище (1913). Штабс-капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м отдельном артиллерийском дивизионе, с 11 января 1919 г. капитан. С апреля 1919 г. командир батареи 3-й пехотной дивизии, командир батареи в Дроздовской артиллерийской бригаде, с 10 ноября 1919 г. командир 1-й батареи отдельного артиллерийского дивизиона 1-й отдельной пехотной бригады. В Добровольческой армии, ВСЮР в Дроздовской артиллерийской бригаде. В Русской Армии командир 2-й батареи в Алексеевской артиллерии до эвакуации Крыма. Полковник (1919). Награжден Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского артиллерийского дивизиона в Югославии. В эмиграции в Белграде. Член боевой организации Кутепова, несколько раз был в СССР. Служил в Русском корпусе, затем в полиции УНР. Убит около декабря 1947 г. в Мюнхене.

[170] О нем см. выше.

[171] **Кутепов Александр Павлович**, р. 16 сентября 1882 г. в Череповце. Из дворян Новгородской губ., сын лесничего. Архангельская гимназия, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командующий л.-гв. Преображенским полком. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г.; командир 3-й офицерской (гвардейской) роты, с декабря 1917 г. командующий войсками Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й роты 1-го Офицерского полка, Корниловского полка, с начала апреля 1918 г. командир Корниловского ударного полка, затем командир бригады, начальник 1-й пехотной

дивизии, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. Черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, с 23 июня 1919 г. генерал-лейтенант, с декабря 1919 г. — командир Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии (3 декабря 1920 г.). В Галлиполи командир 1-го армейского корпуса. В эмиграции во Франции. С 1928 г. начальник РОВС. Убит 26 января 1930 г. при попытке похищения в Париже.

[172] Корниловская дивизия (Корниловская ударная дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе 3 Корниловских полков 1-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Корниловских полков, запасного батальона, отдельной инженерной роты и Корниловской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса (I и II формирований). К 22 января 1920 г. включала также Запасный полк (сформирован 29 октября 1919 г.), Корниловский и Горско-мусульманский конные дивизионы. С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й и 3-й Корниловские ударные полки, Корниловскую артиллерийскую бригаду, запасный батальон, Отдельную генерала Корнилова инженерную роту (подполковник В.В. Добровольский) и Отдельный конный генерала Корнилова дивизион (полковник Ковалевский). Батальонами и ротами в дивизии командовали, как правило, младшие офицеры, например, в составе сформированных летом 1919 г. 2-го и 3-го Корниловских полков не было ни одного штаб-офицера. Младшие офицеры рот (1—3 на роту) в основном были прапорщиками. В момент наибольших успехов — к середине сентября 1919 г. состав Корниловской дивизии (в полках по 3 батальона, офицерской роте, команде пеших разведчиков и эскадрону связи) был таков: 1-й полк — 2900, 2-й — 2600 (в т. ч. вместо офицерской роты — офицерский батальон в 700 человек), 3-й — 1900 человек. К январю 1920 г. во всех трех полках дивизии осталось 415 офицеров и 1663 штыка. По советским данным, отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым части дивизии насчитывали 1860 штыков и сабель. Являясь одним из наиболее надежных соединений, обычно действовала на направлении главного удара и несла наибольшие потери. За время боев у Б. Токмака летом 1920 г. потеряла до 2000 человек. В конце августа 1920 г., после того как дивизия почти полностью полегла на проволочных заграждениях у Каховки, в ее полках осталось по 90—110 человек; всего в Каховской операции за семь основных боев потеряла примерно 3200 человек. Корниловские части носили красные фуражки с черным околышем и черно-красные (черная половина — ближе к плечу) погоны с белыми выпушками, для офицеров предусматривалась форма черного цвета с белым кантом. Всего в рядах корниловцев погибло около 14 тысяч человек. Начальники: полковник (генерал-майор) Н.В. Скоблин, генерал-майор М.А. Пешня (врид, 1920 г.), генерал-майор Л.М. Ерогин (врид, с 26 октября 1920 г.). Начштаба: капитан (полковник) К.Л. Капнин (6 ноября 1919-го — август 1920 г.), капитан (полковник) Е.Э. Месснер (с августа 1920 г.).

[173] Марковская дивизия (Офицерская генерала Маркова дивизия, с апреля 1920 г. Пехотная генерала Маркова дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе Марковских полков 1-й пехотной дивизии в соста-

ве 1-го, 2-го и 3-го Марковских полков, запасного батальона, Марковской инженерной роты и Марковской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса (I и II). В середине января 1920 г. дивизия насчитывала 641 офицера и 1367 солдат (по 30—35 в роте), но после 17 февраля ее состав снова сократился до 500 штыков и она с 17 февраля по март 1920 г. была временно сведена в Сводно-офицерский генерала Маркова полк. В марте 1920 г. насчитывала 900 человек (в том числе 245 офицеров). С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й, 3-й и 4-й генерала Маркова пехотные полки, Марковскую артиллерийскую бригаду, запасный батальон (полк), Марковскую инженерную роту и Отдельный конный генерала Маркова дивизион (образован 21 августа 1920 г.). В начале октября 1920 г. в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, во всей дивизии 1000 штыков и сабель. В 4 запасных батальонах дивизии в течение лета 1920 г. было по 1000 человек, запасный полк в конце октября — 2000.

Была одним из наиболее надежных соединений и несла особенно тяжелые потери. При окружении 18 декабря 1919 г. в с. Алексееве-Леонове потеряла около 500 человек убитыми (в плен попало 67 офицеров и около 400 солдат), в течение всего 1919 г. — свыше 10 тысяч человек, при обороне ст. Ольгинской 13—17 февраля 1920 г. — до 1000, всего же у Ейска, Ростова и Ольгинской — до 1500 (в том числе 500 раненых), причем среди офицеров потери достигали 50 процентов — до 275 человек. При выходе в Северную Таврию один день боя 25 мая 1920 г. стоил дивизии до 600 человек. В непрерывных боях с 12 июля до 20 августа потеряла до 2000 человек, в заднепровских боях 25 сентября — 2 октября — 500, у Днепровки 14 октября — 800 (в том числе 300 ранено), 16 октября у с. Б. Белозерка — более 200, у с. Н. Григорьева — 100, 21 октября в Геническе — 750, всего в последних боях в Северной Таврии до 1850; запасные батальоны потеряли до 1500 человек. Общие потери марковцев исчисляются до 30 тысяч человек кровавых потерь, в том числе 20 процентов — 6 тысяч — убитыми, кроме того, 1—2 тысячи дезертиров, несколько сот без вести пропавших и несколько тысяч пленных. После сбора в Галлиполи всех марковцев (с техническими ротами), их набралось 2030 человек (в том числе 500 человек артдивизиона). Дивизия была сведена в Марковский пехотный полк. Марковские части носили белые фуражки с черным околышем и черные (для офицеров — бархатные, рядовых — суконные) с белой выпушкой погоны, форма — черного цвета с белым кантом.

Начальники: генерал-майор Н.С. Тимановский (14 октября — 17 декабря 1919 г.), полковник А.Г. Биттенбиндер (врио, 18—22 декабря 1919 г.), полковник А.Н. Блейш (врио, 22 декабря 1919-го — 6 января 1920 г.), генерал-лейтенант П.Г. Канцеров (6 января — середина февраля 1920 г.), полковник А.Н. Блейш (середина февраля — начало марта 1920 г.), полковник В.П. Машин (врио, начало — 26 марта 1920 г.), генерал-майор А.Н. Третьяков (26 марта — 15 октября 1920 г.), генерал-майор В.В. Манштейн (врио, 15—21 октября 1920 г.), полковник А.Г. Биттенбиндер (врио, с 21 октября 1920 г.). Начштаба: полковник А.Г. Биттенбиндер.

[174] Алексеевская дивизия (Партизанская генерала Алексеева пехотная дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. (выделена из 9-й пехотной

дивизии) в составе 1-го и 2-го Алексеевских и Самурского полков, запасного батальона, Отдельной генерала Алексеева инженерной роты и Алексеевской артиллерийской бригады По прибытии в Крым 25 марта 1920 г. переформирована в Отдельную партизанскую генерала Алексеева пехотную бригаду. При десанте на Геническ на 1 апреля 1920 г. Алексеевская бригада имела 600 человек, потеряв до 340. 19 апреля 1920 г. была расформирована. Алексеевские части носили белые фуражки с синим околышем и синие с белой выпушкой погоны. Начальники: генерал-майор А.Н. Третьяков, полковник М.А. Звягин (апрель 1920 г.). Начштаба — полковник В.К. Шевченко (с 30 ноября 1919 г.).

[175] Дроздовская дивизия (Офицерская стрелковая генерала Дроздовского дивизия, с апреля 1920 г. Стрелковая генерала Дроздовского дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе созданой 30 июля Офицерской стрелковой генерала Дроздовского бригады 3-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Дроздовских полков, запасного батальона, Дроздовской инженерной роты и Дроздовской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса (I) В середине октября 1919 г. насчитывала свыше 3000 штыков и 500 сабель в конном полку. С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й, 3-й и 4-й стрелковые генерала Дроздовского полки, Дроздовскую артиллерийскую бригаду, Дроздовскую инженерную роту и Отдельный конный генерала Дроздовского дивизион. Отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым Дроздовские части насчитывали 3260 штыков и сабель. Была одним из наиболее надежных соединений и несла особенно тяжелые потери (например, в десанте на Хорлы дивизия потеряла 575 человек, 14 августа 1920 г. у Андребурга — 100 человек). Общие потери дроздовцев исчисляются в 15 тысяч убитых и 35 тысяч раненых. Среди убитых свыше 4,5 тысяч офицеров. В Галлиполи сведена в Дроздовский стрелковый полк. Дроздовские части носили малиновые фуражки с белым околышем и малиновые с белой выпушкой погоны с желтой буквой «Д». Начальники: генерал-майоры В.К. Витковский, К.А. Кельнер (июль—август 1920 г.), А.В. Туркул (август — 28 октября 1920 г.), В.Г. Харжевский (с 28 октября 1920 г.). Начштаба — полковник Ф.Е. Бредов.

[176] Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии. Сформирован во ВСЮР 2 февраля 1919 г. (формирование проходило при Инородческом полку). С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса (II). С 19 июня 1919 г. входил в состав 3-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона 16-го Тверского, 17-го Нижегородского и 18-го Северского драгунских полков. В сентябре—октябре 1919 г. сведен в Сводно-Кавказский кавалерийский дивизион. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польше. Командир — полковник А.В. Попов (май—октябрь 1919 г.).

[177] **Кривошеин Александр Васильевич**, р. 19 июля 1857 г. Сын подполковника. Гимназия в Варшаве, Санкт-Петербургский университет. Тайный советник, статс-секретарь, главноуправляющий землеустройством и земледелием. В 1917—1918 гг. председатель «Союза земельных собственников», один из руководителей Правого центра. В Русской Армии помощник Главнокоманду-

ющего по гражданской части, возглавлял правительство при Главнокомандующем бароне П.Н. Врангеле. В эмиграции в Германии. Умер 15 октября 1921 г. в Берлине.

[178] 18-й драгунский Северский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Дивизион полка (в июле 1919 г. — 2 эскадрона) входил в состав Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии. Участвовал в Бредовском походе. По прибытии в Крым с 8 августа 1920 г. дивизион полка входил в Кавказский кавалерийский полк. С начала 1919 г. в нем воевало 5 коренных офицеров полка и 1 прикомандированный. Полковое объединение в эмиграции — «Объединение Северских драгун» (Белград, Югославия; входило в состав IV отдела РОВС). Руководитель — генерал-майор М.А. Кобиев, адъютант — корнет Б.Н. Эрн. Начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции — полковник Туганов.

[179] **Туганов Хакиям Хазбиевич**, р. в 1877 г. Офицер 18-го драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Полковник. Эвакуирован в Сербию. 20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу 18-го драгунского полка в Риэле, затем в Париже.

[180] **Эрн Николай Францевич**, р. в июне 1879 г. 2-я Тифлисская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище (1900), академия Генштаба (1906), Офицерская кавалерийская школа (1907). Офицер л.-гв. Казачьего полка, 1-го Кавказского казачьего полка. Полковник, командир 18-го драгунского полка. Генерал-майор, начальник штаба экспедиционного корпуса во Франции. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с 19 ноября 1918 г. помощник дежурного генерала штаба Добровольческой армии (с декабря 1918 г. врид дежурного генерала). В Русской Армии помощник дежурного генерала штаба армии. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя. В эмиграции в Югославии, с 6 ноября 1923-го по 1 августа 1924 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса. Участник составления истории л.-гв. Казачьего полка. С 1923 г. в Парагвае, с 1925 г. начальник Парагвайского отдела РОВС, член ВМС; с 1936 г. преподаватель военной школы в Парагвае и генерал-инспектор парагвайской армии. Генерал-лейтенант, советник Генерального штаба и профессор военного училища и Академии Генштаба. Умер 19 июля 1972 г. в Асунсьоне.

[181] **Червинов Игорь Владимирович.** Елисаветградское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр 18-го драгунского полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Во ВСЮР в эскадроне своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции в Югославии, Франции, Марокко. Умер 3 ноября 1932 г. в Старосельцах (Польша).

[182] **Зеленский Павел Николаевич**, р. 23 января 1904 г. во Владикавказе. Сын офицера. Кадет Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России в том же корпусе. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1924), Загребский университет. Член НТС. С 1949 г. в США, инженер. Умер 12 октября 1978 г. в Вашингтоне.

[183] **Жуковский Анатолий Михайлович**, р. в 1905 г. Кадет Киевского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России с 1919 г. до эвакуации Новороссийска. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1922), Белградский университет, балетную школу. Главный балетмейстер Народного театра в Белграде. После 1945 г. в США. Умер 5 октября 1998 г. в Сан-Франциско.

[184] **Князь Бекович-Черкасский Федор Николаевич**, р. 14 мая 1870 г. в с. Бековичево в Малой Кабарде. Гимназия в Ставрополе (1891), Елисаветградское кавалерийское училище (1894), Офицерская кавалерийская школа (1903). Генерал-майор, командир л.-гв. Кирасирского Его Величества полка и 2-й бригады 1-й Кавказской Туземной кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в конце 1917 г. формировал горские части на Кавказе, с 1918 г. командир Кабардинских частей, с конца 1918 г. (с февраля 1919 г.) правитель Кабарды. С 8 декабря 1918 г. командир 2-й бригады Черкесской конной дивизии, с 17 марта 1919 г., на 5 октября 1919 г. начальник Кабардинской конной дивизии. Генерал-лейтенант (31 марта 1919 г.). В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции в 1921 г. член Национального комитета освобождения горских народов Северного Кавказа в Константинополе, затем во Франции, на декабрь 1924 г. почетный председатель, на ноябрь 1951 г. председатель объединения л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, в 1939 г. выступал как монархист-легитимист, в 1941—1945 гг. руководитель «Русского Национального Движения» в Париже. Умер 16 ноября 1953 г. в Париже.

[185] **Посажный Алексей Васильевич.** Офицер 18-го драгунского полка. Полковник 5-го гусарского полка. В эмиграции во Франции, к 1933 г. в Париже. Умер 15 марта 1964 г. в Монморанси (Франция).

[186] **Редин Иван Николаевич**, р. в 1865 г. В службе с 1879 г., офицером с 1884 г. Полковник (из отставки). Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с 1 сентября 1920-го по 1 июля 1928 г. командир роты Крымского кадетского корпуса. В эмиграции в Югославии.

[187] Конный корпус. Сформирован в Русской Армии 7 июля 1920 г. из Сводного корпуса (II) в составе 1-й и 2-й конных дивизий. С 4 сентября 1920 г. включен в 1-ю армию. Состав: 1-я и 2-я кавалерийские и 1-я Кубанская казачья дивизии, Запасный кавалерийский полк и конная саперно-подрывная команда. В середине октября 1920 г. насчитывал около 4 тысяч сабель. После эвакуации Крыма сведен в Галлиполи в Кавалерийскую дивизию. Командир — генерал-лейтенант И.Г. Барбович.

[188] **Барбович Иван Гаврилович**, р. 27 января 1874 г. в Полтавской губ. Из дворян, сын офицера. Полтавская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище (1896). Полковник, командир 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Летом—осенью 1918 г. сформировал отряд в Чугуеве и 19 января 1919 г. присоединился с ним к Добровольческой армии; с 19 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г. командир 2-го конного полка, с 5 июня по 7 июля 1919 г. врид начальника конной дивизии в Крыму, с 5 июня 1919 г. командир Отдельной ка-

валерийской бригады 3-го армейского корпуса, с 3 июля 1919 г. командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии, с 19 ноября 1920 г. командир конной дивизии, с 11 декабря 1919 г. генерал-майор, с 18 декабря 1919 г. командир 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии с 28 апреля 1920 г. командир Сводного (с 7 июля Конного) корпуса. Генерал-лейтенант (19 июля 1920 г.). Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. В Галлиполи начальник 1-й кавалерийской дивизии. В эмиграции почетный председатель Общества бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища в Белграде. С сентября 1924 г. помощник начальника, с 21 января 1933 г. начальник 4-го отдела РОВС, председатель объединения кавалерии и конной артиллерии. С октября 1944 г. в Германии. Умер 21 марта 1947 г. в Мюнхене.

[189] **Сагацкий Иван Иванович**, р. 27 декабря 1901 г. Кадет Донского кадетского корпуса. В Донской армии; с января 1918 г. во 2-й сотне партизанского отряда Семилетова. Окончил Донской кадетский корпус (1919). Доброволец в 42-м Донском казачьем полку; затем юнкер Атаманского военного училища. Старший портупей-юнкер в л.-гв. Казачьем полку до эвакуации Крыма. Хорунжий. 6 марта 1921 г. выпущен в л.-гв. Казачий полк на о. Лемнос. Сотник. В эмиграции во Франции, окончил в 1927 г. Парижский университет, инженер-геолог, к 1939 г. член полкового объединения, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 июня 1981 г. в Париже.

[190] Впервые опубликовано: Военная Быль. Ноябрь 1959 — январь 1960. № 39—40.

[191] **Лазарев-Станищев Павел Николаевич**, р. в 1856 г. В службе с 1874 г., офицером с 1876 г. Генерал от инфантерии, директор Донского кадетского корпуса (в отставке с 1917 г.). В Донской армии; с января 1919 г. председатель квартирно-реквизиционной комиссии. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на о. Лемнос на корабле «Брауенфелз». Умер 17 сентября 1920 г. на о. Лемнос.

[192] **Суровецкий Борис Васильевич**, р. в 1884 г. Сын офицера. 2-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1905). Есаул Терского казачьего войска, воспитатель Донского кадетского корпуса. В марте 1918 г. вышел в Степной поход с генералом Поповым, но 25 марта 1918 г. присоединился к Добровольческой армии в ст. Веселой. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й роте Офицерского полка. Весной 1918 г. вернулся в Донской кадетский корпус, с осени 1918 г. — войсковой старшина. Награжден орд. Анны 2-й ст. 21 июля 1920 г. В эмиграции в Югославии, преподаватель Донского кадетского корпуса. После 1945 г. в США. Умер 4 апреля 1960 г. в Нью-Йорке.

[193] **Жиров Александр Фемистоклович**, р. в 1889 г. Из казаков ст. Терновской Области Войска Донского. Николаевское кавалерийское училище (1909). Есаул л.-гв. Атаманского полка. В Донской армии с января 1918 г., занимал гражданские должности по Всевеликому Войску Донскому, затем в своем полку; с ноября 1919 г. врид командира, с марта 1920 г. командир л.-гв. Атаманского полка до эвакуации Крыма. Награжден орд. Владимира 3-й ст. 31 марта 1920 г. Полковник (30 апреля 1919 г.). В эмиграции в Константинополе и во Франции. Умер 27 октября 1928 г. в Париже.

[194] **Дроздовский Михаил Гордеевич**, р. 7 октября 1881 г. в Киеве. Из дворян, сын генерала. Киевский кадетский корпус (1899), Павловское военное училище (1901), академия Генштаба (1908). Офицер л.-гв. Волынского полка. Полковник, начальник 14-й пехотной дивизии. В начале 1918 г. сформировал отряд добровольцев на Румынском фронте (1-я отдельная бригада русских добровольцев), с которым 26 февраля 1918 г. выступил на Дон и 27 мая 1918 г. соединился с Добровольческой армией. В Добровольческой армии начальник 3-й дивизии. Генерал-майор (12 ноября 1918 г.). Ранен 31 октября 1918 г. под Ставрополем. Умер от ран 1 января 1919 г. в Ростове.

[195] **Иванович Григорий Рудольфович.** Кадет Донского кадетского корпуса. В Добровольческой армии в отряде Курочкина. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с мая 1918 г. прапорщик. Во ВСЮР в Кубанской учебной батарее. До декабря 1919 г. окончил курс офицерской артиллерийской школы. Хорунжий.

[196] **Курочкин Василий.** Поручик. В конце 1917-го — январе 1918 г. командир сотни в партизанском отряде полковника Чернецова. Ранен 18 января 1918 г. у Лихой. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, командир 1-го батальона. Убит 28—29 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

[197] **Суровецкий Николай Васильевич** — Брат Б.В. Суровецкого. Войсковой старшина, преподаватель Донского кадетского корпуса. В марте 1918 г. вышел в Степной поход с генералом Поповым, но 25 марта 1918 г. присоединился к Добровольческой армии в ст. Веселой. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й роте Офицерского полка. Весной 1918 г. вернулся в Донской кадетский корпус. Эвакуирован с корпусом в Египет. С 1920 г. инспектор классов и преподаватель 1-го Донского кадетского корпуса в Египте. Полковник.

[198] **Биркин Василий Николаевич.** Полковник 6-го гренадерского полка, преподаватель Донского кадетского корпуса. Участник Степного похода, начальник группы Донского кадетского корпуса, затем 25 февраля 1918 г. в ст. Веселой присоединился к Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й роте Офицерского полка, затем вернулся в Донской кадетский корпус. Эвакуирован с корпусом в Египет.

[199] **Тусевич Петр Николаевич.** Войсковой старшина, преподаватель Донского кадетского корпуса. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем вернулся в Донской кадетский корпус. В Донской армии; с 1920 г. в 10-м Донском казачьем полку до эвакуации Крыма. Полковник. Был на о. Лемнос. Генерал-майор (с 1 июня 1921 г.).

[200] **Арендт Александр Александрович.** Подполковник, преподаватель Донского кадетского корпуса. В Добровольческой армии: присоединился к армии из отряда генерала П.Х. Попова 25 февраля 1918 г. в ст. Веселой. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. После похода вернулся в Донской кадетский корпус, затем во 2-м запасном батальоне ВСЮР.

[201] **Какурин Артемий Федорович**, р. в 1887 г. Донской кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1906). Войсковой старшина,

преподаватель Донского кадетского корпуса. Георгиевский кавалер. В Донской армии. Участник Степного похода, затем вернулся в корпус воспитателем. Полковник (4 сентября 1919 г.). В эмиграции командир сотни Донского кадетского корпуса. Умер в 1923 г. в Билече (Югославия).

[202] **Поляков Владимир Александрович (2-й)**. Кадет Донского кадетского корпуса. В конце 1917-го — начале 1918 г. в партизанском отряде полковника Чернецова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, затем в л.-гв. 6-й Донской казачьей батарее Донской армии. Окончил Донской кадетский корпус (1919), затем юнкер в Атаманском военном училище, в 1920 г. в 1-м Донском саперном батальоне. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Был на о. Лемнос. Сотник (28 июня или 6 марта 1921 г.). В эмиграции в Германии. Умер 18 октября 1985 г. в Элавагене (Германия).

[203] **Чирков Федор Петрович.** Кадет Донского кадетского корпуса. В Донской армии в том же корпусе, затем юнкер в Донской гаубичной батарее до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донской офицерской батареи в Болгарии. Хорунжий (6 марта 1921 г.).

[204] **Граф Ребиндер Николай Николаевич**, р. в 1902 г. Кадет Пажеского корпуса. В Донской армии; с осени 1918 г. в Донском кадетском корпусе; весной—летом 1919 г. вольноопределяющийся в прикомандировании к л.-гв. Казачьему полку. Ранен в августе 1919 г., затем в Добровольческой армии. Во ВСЮР и Русской Армии в эскадроне л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Корнет (с 1920 г.). В эмиграции во Франции. Умер после 1938 г.

[205] **Тарасевич Борис Алексеевич.** Кадет 1-го кадетского корпуса. В Донской армии; осенью 1918 г. в Донском кадетском корпусе (окончил корпус в 1919 г.), в начале 1920 г. юнкер Кубанского Алексеевского военного училища. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Подпоручик (с 1920 г.) л.-гв. Измайловского полка. Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда в Югославии.

[206] **Кострюков Александр Иванович**, р. в 1901 г. Кадет 2-го кадетского корпуса. В Донской армии; осенью 1918 г. в Донском кадетском корпусе. Во ВСЮР и Русской Армии юнкер Атаманского военного училища до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Хорунжий (выпущен в л.-гв. Казачий полк на о. Лемнос 6 или 9 марта 1921 г.).

[207] **Алтухов Владимир Васильевич.** Кадет 3-й Московского кадетского корпуса. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии; осенью 1918 г. в Донском кадетском корпусе, затем юнкер Атаманского военного училища до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Хорунжий (6 марта 1921 г.).

[208] **Либис Виталий Михайлович**, р. в 1899 г. в Карсе. Кадет Тифлисского кадетского корпуса. В Донской армии; осенью 1918 г. в Донском кадетском корпусе, который окончил в 1919 г.; в начале 1920 г. юнкер Кубанского Алексеевского военного училища. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Кубанского Алексеевского военного училища в Болгарии. Сотник. В эмиграции во Франции. Умер 19 января 1975 г. в Париже.

[209] **Чеботарев Порфирий Григорьевич**, р. в 1873 г. Донской кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище (1893). Офицер л.-гв.

6-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командующий 58-й пехотной дивизией (в плену с 1915 г.). В Донской армии; летом 1918 г. в прикомандировании к посольству в Киеве, затем председатель Технического комитета Донской артиллерии, с 27 ноября 1918 г. директор Донского кадетского корпуса. Генерал-лейтенант (17 ноября 1918 г.). Умер от тифа в Новороссийске в марте 1920 г.

[210] **Богаевский Африкан Петрович**, р. 27 декабря 1872 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Каменской. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1892), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Атаманского полка, командир 4-го гусарского полка. Генерал-майор, начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с января 1918 г. командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир Партизанского полка и с 17 марта 1918 г. — 2-й бригады. В Донской армии; с 4 мая 1918 г., председатель Совета управляющих отделами ВВД (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом, с 6 февраля 1919 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. Генерал-лейтенант (с 27 августа 1918 г.). В эмиграции с ноября 1921 г. в Софии, с октября 1922 г. в Белграде, с ноября 1923 г. в Париже, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 21 октября 1934 г. в Париже.

[211] **Краснов Петр Николаевич**, р. 10 сентября 1869 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян ВВД, сын генерала, казак ст. Каргинской Области Войска Донского. Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889), Офицерская кавалерийская школа. Офицер л.-гв. Ааманского полка. Генерал-майор, командир 3-го конного корпуса. Георгиевский кавалер. С 25 октября 1917 г. возглавлял борьбу с большевиками под Петроградом. Зимой 1917/18 г. скрывался в ст. Константиновской. С 3 мая 1918-го по 2 февраля 1919 г. войсковой атаман ВВД, Генерал от кавалерии (26 августа 1918 г.). В Северо-Западной армии с 22 июля 1919 г.; до 9 сентября 1919 г. в резерве чинов при штабе армии, затем начальник отдела пропаганды, с января 1920 г. русский военный представитель в Эстонии, член ликвидационной комиссии Северо-Западной армии. В эмиграции в Германии, с марта 1920 г. под Мюнхеном, к ноябрю 1920 г. в Берлине, с 22 ноября 1921 г. в Сантени (Франция), с апреля 1936 г. в Далевице, под Берлином, на декабрь 1924 г. почетный вице-председатель объединения л.-гв. Атаманского полка. С 31 марта 1944 г. начальник Главного управления казачьих войск при министерстве восточных областей Германии. Выдан англичанами в Лиенце 19 мая 1945 г. и вывезен в СССР. Казнен в Москве 16 января 1947 г.

[212] **Леонтьев Федор Иванович**, р. в 1848 г. В службе с 1865 г., офицером с 1871 г. Офицер Отдельного корпуса жандармов. Полковник (из отставки). В Донской армии; с 1918-го по март 1920 г. командир сотни в Донском кадетском корпусе. Генерал-майор (с осени 1918 г.). Эвакуирован с корпусом в Египет, в Египте состоял в прикомандировании к Атаманскому военному училищу.

[213] **Абрамцев Александр Иванович.** Статский советник. В Донской армии; весной 1919 г. преподаватель истории Донского кадетского корпуса.

Награжден орд. Станислава 1-й ст. (20 июня 1920 г.). Действительный статский советник. В эмиграции в Югославии. С 12 ноября 1925-го по 1 сентября 1929 г. инспектор классов Крымского кадетского корпуса.

[214] **Прянишников Борис Витальевич**, р. 21 июля 1903 г. в Вилюне Калишской губ. Кадет 5-го класса Донского кадетского корпуса. В Добровольческой армии. Участник боев за Ростов в ноябре 1917 г. В мае 1918 г. в Партизанском (Алексеевском) полку. Участник 2-го Кубанского похода. С декабря 1919 г. снова в Донском кадетском корпусе, с января 1920 г. юнкер в Атаманском военном училище до эвакуации Крыма. Ранен под Каховкой. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Был на о. Лемнос. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. 28 июля 1921 г. Окончил Атаманское военное училище. Хорунжий (22 июля 1922 г.). Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. В эмиграции с 1925 г. во Франции, Германии, Румынии. Основатель и редактор журнала «Посев» (1945—1946), газеты «Эхо» (с 1947 г.). С 1949 г. в США, председатель отделения НТС в Нью-Йорке.

[215] Впервые опубликовано: Родимый край. № 106.

[216] **Слюсарев Сергей Леонидович**, р. в 1901 г. Кадет Донского кадетского корпуса. В Добровольческой армии; к декабрю 1919 г. снова в Донском кадетском корпусе. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. юнкер Атаманского военного училища до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Был на о. Лемнос. Служил во французском Иностранном легионе. Убит в Сирии.

[217] Алексеевский полк (Партизанский полк, с сентября по ноябрь 1918 г. Партизанский пеший казачий полк, с 27 ноября 1918 г. Партизанский генерала Алексеева пехотный полк, с 10 октября 1919 г. 1-й Партизанский генерала Алексеева пехотный полк, с апреля 1920 г. Партизанский генерала Алексеева пехотный полк). Сформирован 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 3 пеших сотен — бывшие партизанские отряды полковника Краснянского, есаула Лазарева и полковника Чернецова (главным образом из донских партизан — учащейся молодежи), в полк был влит также отряд киевских юнкеров во главе с полковником Дедурой. С середины марта 1918 г., пополненный батальоном Кубанского стрелкового полка (образовавшим 2-й батальон), входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. — 2-й пехотной дивизии. Под Екатеринодаром насчитывал 800 человек, после штурма — 300, в начале 2-го Кубанского похода в июне 1918 г. — 600 (2 батальона, 6 сотен). 25 сентября 1918 г. получил имя генерала Алексеева. Летом 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 1 сентября 1919 г. — 9-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Алексеевской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1118 штыков при 28 пулеметах. 10 октября 1919 г. из него был выделен 2-й Алексеевский полк. Участвовал в десанте в начале апреля 1920 г. у Геническа. 16 апреля 1920 г. сведен в батальон и влит в 52-й пехотный Виленский полк, 14 июня восстановлен и в августе участвовал в десанте на Кубань. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 1-й бригады 7-й пехотной дивизии.

Полк нес значительные потери. Под Екатеринодаром потерял 500 человек, 2—3 июля у Песчанокопской — около 300, под Ставрополем только в 1-м

(офицерском) батальоне осталось из около 600 лишь 30 человек. Понес также огромные потери в десанте у Геническа. Гренадерский батальон полка целиком погиб 2 августа 1920 г. при десанте на Кубань (убито и зарублено в плену более 100 человек). При отходе в Крым у с. Богдановка 15 октября 1920 г. полностью погибли все обозы, лазарет и нестроевые команды полка, а из полка осталось не больше роты. В Галлиполи в Алексеевский пехотный полк были сведены все остатки пехотных частей, кроме «цветных» и гвардейских, коренные алексеевцы составили 1-ю роту. Для чинов полка 22 декабря 1939 г. установлен нагрудный знак в виде креста с удлиненными вертикальными сторонами, разделенный по горизонтали на белую (верхняя) и голубую части, в центре — золоченая буква «А» славянской вязи, внизу — дата «1917». Командиры: генерал-лейтенант А.П. Богаевский (12 февраля — середина марта 1918 г.), генерал-лейтенант Б.Н. Казанович (середина марта — начало июня 1918 г.), полковник (генерал-майор) П.К. Писарев (начало июня — 15 декабря 1918 г.), полковник Е.Ф. Емельянов (врио, октябрь 1918 г.), полковник князь А.А. Гагарин (с 17 января 1919 г.), капитан (полковник) П.Г. Бузун (лето 1919-го — ноябрь 1920 г.). Командиры батальонов: капитан Курочкин (убит), подполковник Абрамов (убит), полковник Шклейник (убит), капитан Рачевский (убит), полковник Логвинов. Командиры рот: полковник Т.П. Краснянский (убит), есаул Р. Лазарев, есаул Власов (убит), войсковой старшина Ермолов, капитан Осипенко, поручик Лебедев и др.

[218] **Семенченков Александр Ипполитович**, р. в 1872 г. Офицер с 1893 г. Полковник. В Донской армии; с 4 мая 1918 г. начальник Атаманского военного училища. Генерал-майор. Умер от тифа 30 марта 1920 г.

[219] **Милоданович Всеволод Евгеньевич**, р. в 1892 г. Из дворян, сын генерала. Морской корпус (общие классы), Михайловское артиллерийское училище (1912). Капитан 32-й артиллерийской бригады. С 1918 г. в гетманской армии; с 30 ноября 1918 г. в чине сотника в 32-м артиллерийском полку 6-го корпуса, затем в русских добровольческих частях на Украине. В Вооруженных силах Юга России; 5 июля 1919 г. направлен из Тульчи в Новороссийск на корабле «Беглицкий». В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Инкерман». В эмиграции в Югославии (в Белграде), с 1924 г. в Чехословакии, майор чехословацкой армии, в 1939—1945 гг. в словацкой армии. Полковник-бригадир. После 1945 г. в Германии, Югославии; профессор и начальник офицерских курсов. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 30 октября 1977 г. в Конкорде (Австралия).

[220] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1972. Март. № 115.

[221] **Назаров Анатолий Михайлович**, р. в 1876 г. Донской кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1897), академия Генштаба (1903). Генерал-майор, командир 2-й Забайкальской казачьей бригады, в октябре 1917 г. назначен командиром корпуса на Кавказском фронте, но по приказу атамана Каледина остался на Дону; с ноября 1917 г. начальник гарнизона Таганрога, с 15 декабря 1917 г походный атаман Донского казачьего войска, с 29 января 1918 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. Расстрелян большевиками 18 февраля 1918 г. в Новочеркасске.

[222] **Волошинов Евгений Андреевич.** Войсковой старшина Донской артиллерии. Председатель Войскового Круга ВВД. Расстрелян 18 февраля 1918 г. в Новочеркасске.

[223] **Васильев Александр Иванович**, р. в 1873 г. Донской кадетский корпус, Александровское военное училище (1892). Полковник. В Донской армии. Участник Степного похода, затем командир сотни Донского кадетского корпуса, отстал в Новороссийске. Генерал-майор (20 июня 1920 г.). На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Югославии, заведующий хозяйством Донского кадетского корпуса, затем жил при корпусе в Горажде без должности (1926), с 1929 г. в Белграде.

[224] **Черячукин Александр Васильевич**, р. 18 марта 1872 г. Из дворян ВВД, сын чиновника, казак ст. Богоявленской. Донской кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище (1893), академия Генштаба (1899). Офицер л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командир 17-го Донского казачьего полка, начальник штаба 4-й кавалерийской дивизии, командующий 2-й казачьей сводной дивизией. В Донской армии; до 12 февраля 1918 г. командующий Северо-Западным фронтом, затем скрывался в районе ст. Грушевской. С 4 мая 1918 г. снова в армии, с 5 мая по июль и в сентябре—декабре 1918 г. заместитель и атаман «Зимовой станицы» — посол на Украине, в июле—сентябре 1918 г. в Германии (член делегации с герцогом Лейхтенбергским к императору Вильгельму). В декабре 1918 г. сыграл важную роль в спасении и эвакуации в Германию нескольких сот русских офицеров. С декабря 1918-го по начало 1920 г. посол ВВД в Польше, с марта 1920 г. директор Донского кадетского корпуса до его расформирования в 1923 г., эвакуирован с корпусом в Египет. Генерал-лейтенант (30 сентября 1918 г.). В эмиграции во Франции, рабочий на заводе, к 1931 г. член объединения л.-гв. Конной артиллерии, до 1 сентября 1930 г. председатель Союза Донской артиллерии в Париже, до 1934 г. заместитель войскового атамана ВВД, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 12 мая 1944 г. в Ницце (Франция).

[225] **Фон Берг Владимир Владимирович**, р. в 1881 г. Морской корпус (1900). Капитан 2-го ранга, командир роты Морского корпуса в Севастополе. Во ВСЮР и Русской Армии; заведующий зданиями Морского корпуса, с октября 1919 г. командир роты и преподаватель корпуса до эвакуации Крыма. Капитан 1-го ранга. Эвакуирован из Севастополя на линейном корабле «Генерал Алексеев». В эмиграции во Франции, в 1930—1935 гг. в Париже. Умер в январе 1963 г. в Эквадоре.

[226] Впервые опубликовано: *Берг В.* Последние гардемарины. Париж, 1931.

[227] **Машуков Николай Николаевич**, р. 22 января 1889 г. Морской корпус (1908) (офицером с 1909 г.), Михайловская артиллерийская академия. Старший лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР с осени 1918 г.; в 1919 г. старший офицер транспорта «Ольга», в августе 1919 г. командир вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий», с 14 октября 1919 г. капитан 2-го ранга и командир крейсера «Алмаз», в декабре 1919 г. начальник отряда Черноморского флота, с декабря 1919 г. (7 января 1920 г.), с марта по апрель 1920 г. командир отряда судов Азовского моря, организатор и

командир Азовской флотилии, в марте 1920 г. капитан 1-го ранга, с 12 октября 1920 г. начальник штаба Черноморского флота. Контр-адмирал (10 августа 1920 г.). Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в Марселе. В эмиграции во Франции, к январю 1923 г. в Париже, начальник группы соплавателей корабля «Цесаревич Георгий» и 3-й группы ВМС, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 12 октября 1968 г. под Парижем.

[228] «Цесаревич Георгий». Вспомогательный крейсер Черноморского флота. Бывший пароход Русского Общества пароходства и торговли. Вооружен 3 75-мм пушками. Экипаж — в основном из учащейся моложежи Армавира, Екатеринодара, Керчи и Ялты. В январе 1920 г. участвовал в эвакуации Одессы, в марте—апреле 1920 г. в составе 3-го отряда судов участовал в десантной операции в Хорлах. Разоружен в мае 1920 г. Командиры: старший лейтенант Н.Н. Машуков (1919), капитан 2-го ранга М.В. Домбровский.

[229] **Ставицкий Иван Павлович**, р. в 1873 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын инженер-механика флота. 1-й кадетский корпус (1892), Николаевское инженерное училище (1895), Николаевская инженерная академия (1902). Генерал-майор, начальник инженеров 8-й армии. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; заместитель начальника Военно-инженерного управления, с 20 октября 1918 г. и на 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего с назначением в распоряжение Главного начальника снабжений, с октября 1919 г. начальник базы в Феодосии, затем с июля 1920 г. начальник гарнизона Феодосии, с 15 августа 1920 г. начальник снабжений Русской Армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Болгарии, представитель генерала Врангеля в Софии, с 1925 г. во Франции. Умер 5 марта 1966 г. в Кормей-ан-Паризи (Франция).

[230] **Саблин Михаил Павлович**, р. в 1869 г. Морской корпус (1890). Контр-адмирал. В Добровольческой армии и ВСЮР с 1918 г. (перешел от красных); с 21 марта 1919 г. Главный командир Севастопольского порта (Главный командир судов и портов Черного и Азовского морей), весной 1919 г. эвакуирован из Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»). С 3 мая 1920 г. командующий Черноморским флотом. Вице-адмирал Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя на корабле «Великий князь Александр Михайлович». Умер 17 октября 1920 г.

[231] **Заборовский Иван Андреевич**, р. в 1873 г. в Санкт-Петербурге 1-й кадетский корпус (1891), Николаевское инженерное училище (1894), Николаевская инженерная академия (1899) Полковник морской строительной части, главный инженер Севастопольского порта. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. начальник строительного отдела Тыла флота ВСЮР, летом 1919 г. главный строитель Севастопольского порта. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Великий князь Александр Михайлович». В эмиграции в 1921 г. член Союза морских офицеров в Константинополе, с 1921 г. в Югославии, служил в военном министерстве. Умер 4 марта 1952 г в Дорнштадте (Германия).

[232] **Тихменев Александр Иванович**, р. в 1879 г. Морской корпус (1901), Морская академия (1906). Капитан 1-го ранга. Георгиевский кава-

лер. В Добровольческой армии с июля 1918 г. (перешел от красных; в июне 1918 г., временно вступив в командованием Черноморским флотом, уведенном в Новороссийск, не подчинился секретному приказу большевиков о затоплении кораблей флота в Цемесской бухте и увел часть кораблей обратно в Севастополь); в ноябре 1918 г. принял у немцев часть Черноморского флота, в начале 1919 г. в распоряжении начальника Морского управления штаба ВСЮР, с 21 марта 1919 г. начальник Морского отдела при начальнике Морского управления. В Русской Армии с октября 1920 г. начальник Морского управления до эвакуации Крыма. Контр-адмирал (14 апреля 1920 г.). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис), к 21 ноября 1920 г. начальник базы эскадры, с декабря 1921 г. до ноября 1924 г. начальник штаба эскадры в Бизерте, с октября 1923 г. член комиссии по делам русских граждан в Северной Африке. В эмиграции в Тунисе. Умер 25 апреля 1959 г. в Тунисе.

[233] **Пилипенко Александр Семенович**, р. в 1881 г. Морской корпус (1903). Капитан 2-го ранга, старший офицер крейсера «Диана». Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1919 г. по финансовой части Морского управления. Капитан 2-го ранга. К лету 1921 г. в Константинополе. В эмиграции во Франции (с 1929-го по 1938 г. в Париже). Умер 19 марта 1953 г. в Париже.

[234] **Пашкевич Владислав Карлович**, р. в 1883 г. В службе с 1903 г., офицером с 1904 г. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма; летом 1919 г. начальник оперативной части штаба флота. Капитан 2-го ранга (28 марта 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, флаг-капитан распорядительной части штаба эскадры. В эмиграции во Франции, к январю 1923 г. в Париже, к 1930 г. в Ницце.

[235] **Герасимов Александр Михайлович**, р. 14 ноября 1861 г. Морской корпус (1882), Офицерский минный класс (1886), Михайловская артиллерийская академия (1892). Вице-адмирал, начальник учебно-артиллерийского отряда и комендант морской крепости Петра Великого (Ревель). В Добровольческой армии и ВСЮР (из отставки); с 4 ноября 1918 г. Главный командир портов и судов, с марта 1919 г. в Петровске на Каспии, с 21 марта 1919 г. начальник Морского управления, с февраля по март 1920 г. начальник дивизиона речных судов, с марта 1920 г. в Константинополе, с 29 марта 1920 г. начальник Морского управления и командующий флотом до 3 мая 1920 г., в июне—июле 1920 г. старший морской начальник при представителе Главнокомандующего Русской Армией в Закавказье (в Батуме). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис), с ноября 1920 г. по май 1925 г. директор Морского корпуса. В эмиграции в Тунисе. Умер 2 (11) марта 1931 г. в Ферривиле (Тунис).

[236] **Ненюков Дмитрий Всеволодович**, р. в 1869 г. Морской корпус (1889), Морская академия. Вице-адмирал. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1 апреля до 1 декабря 1918 г. начальник Одесского центра армии (утвержден 2 февраля 1919 г.), с марта 1919 г. управляющий военно-морской базой Одессы, с 20 августа 1919 г. командующий Черноморским флотом. Эвакуирован из Крыма на корабле «Великий князь Александр Михайлович» и в Салоники на корабле «Константин». На май 1920 г. и к лету 1921 г. в Югославии. В эмиграции там же. Умер 5 июля 1929 г. в Белграде.

[237] **Зеленецкий Ростислав Дмитриевич**, р. 31 января 1865 г. Морской корпус (1886). Офицер Гвардейского Экипажа, командир яхты «Штандарт». Контр-адмирал. Эвакуирован из Одессы. К лету 1921 г. в Константинополе. В эмиграции в Югославии. Умер 18 ноября 1928 г. в Белграде.

[238] **Остелецкий Павел Павлович**, р. в 1880 г. Морской корпус (1899). Капитан 1-го ранга. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. эвакуирован из Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»), с 3 мая 1919 г. командир того же крейсера, затем младший флагман, начальник 1-го отряда судов Черноморского флота до эвакуации Крыма. Контр-адмирал (25 сентября 1919 г.). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, к ноябрю 1922 г. председатель правления заемного капитала. В эмиграции во Франции, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское собрание (член ВОМО). Умер в 1946 г. в Париже.

[239] **Евдокимов Сергей Владимирович**, р. в 1878 г. Морской корпус (1899), офицером с 1900 г. Капитан 1-го ранга. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. эвакуирован из Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»), с 1919 г. начальник службы связи Черноморского флота, с 18 апреля до начала мая 1920 г. и. д. начальника штаба Черноморского флота, с конца мая по 17 октября 1920 г. помощник начальника Морского управления эвакуации Крыма, затем в распоряжении Главнокомандующего. Контр-адмирал. К лету 1921 г. в Константинополе (с 11 декабря 1920 г. представитель морского ведомства при обществе «Шхуна»). В эмиграции в Югославии, Франции (таксист в Париже), в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское собрание (член ВОМО), с декабря 1947 г. в Нью-Йорке, работал на фабрике; на 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 22 апреля 1960 г. в Нью-Йорке.

[240] «Алмаз». Вспомогательный крейсер Черноморского флота. Входил в состав 1-го отряда судов. С ноября 1920 г. в составе 1-го отряда Русской эскадры. Эвакуирован в Бизерту. Командиры: капитан 2-го ранга Н.Н. Машуков (с 14 октября 1919 г.), капитан 1-го ранга В.А. Григорков.

[241] **Завалишин Александр Евгеньевич**, р. 29 марта 1867 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Морской корпус (1887). Генерал-майор корпуса гидрографов, помощник директора Морского корпуса (в отставке с 1917 г.). Во ВСЮР и Русской Армии; с 1919 г. преподаватель, с октября 1919 г. заведующий хозчастью Морского корпуса в Севастополе до эвакуации Крыма. На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, с апреля 1923 г. начальник строевой части Морского корпуса. В эмиграции в Тунисе, сторож в лицее и химик на цементном заводе. Умер 8 апреля 1936 г. в Тунисе.

[242] **Александров Николай Николаевич**, р. 2 октября 1886 г. Морской корпус (1906), Морская академия. Капитан 2-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии; с октября 1919 г. по октябрь 1920 г. инспектор классов Морского корпуса в Севастополе. Капитан 1-го ранга (26 октября 1920 г.). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис), на 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, с 1922 г. инспектор классов Морского корпуса В эмиграции

с 1 апреля 1922 г. во Франции, с 1926 г. в США (Род-Айленд), профессор физики, на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Декан Свято-Троицкой семинарии. Умер 25 апреля 1970 г. в Джорданвилле.

[243] **Марков Николай Македонович**, р. в 1873 г. В службе и классном чине с 1901 г. Коллежский советник, морской врач. Во ВСЮР и Русской Армии; с октября 1919 г. старший врач Морского корпуса в Севастополе до эвакуации Крыма. Статский советник (19 августа 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, с марта 1922 г. на той же должности. В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Кружка бывших воспитанников Морского корпуса и Отдельных гардемаринских классов в Лионе. Умер 4 мая 1951 г. в Гренобле (Франция).

[244] **Слащев Яков Александрович**, р. 29 декабря 1885 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Реальное училище в Санкт-Петербурге (1903), Павловское военное училище (1905), академия Генштаба (1911). Полковник, командир л.-гв. Московского полка. В Добровольческой армии с 18 января 1918 г., в июне 1918 г. начальник штаба отряда Шкуро, с июля 1918 г. командир Кубанской пластунской бригады, с 15 ноября 1918 г. начальник 1-й Кубанской пластунской отдельной бригады, затем начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, с апреля 1919 г. генерал-майор, начальник 5-й пехотной дивизии, с 2 августа 1919 г. начальник 4-й пехотной дивизии, с ноября 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с марта 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, с 19 августа 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с марта 1920 г.). В эмиграции, с 21 декабря 1920 г. в отставке. 3 ноября 1921 г. вернулся в СССР и служил в РККА. Убит 11 января 1929 г. в Москве.

[245] **Галанин Иван Валерианович**, р. 17 сентября 1893 г. Морской корпус (1914). Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919—1920 гг. воспитатель Морского корпуса в Севастополе, командир яхты «Забава». Лейтенант (28 марта 1920 г.). В эмиграции во Франции, в 1930—1934 гг. начальник 8-й группы, помощник заведующего распорядительной частью Военно-морского Союза в Париже. Умер 17—18 октября 1945 г. в Париже.

[246] **Иваненко Николай Васильевич**, р. 24 февраля 1892 (1891) г. в Ногайске. Морской корпус (1913). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; в 1919—1920 гг. воспитатель Морского корпуса в Севастополе, с 21 ноября 1920 г. командир буксира «Голланд». Старший лейтенант (30 ноября 1919 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте. В эмиграции во Франции. Умер 27—28 ноября 1963 г. в Абондане под Парижем.

[247] **Фон Брискорн Борис Васильевич**, р. в 1892 г. Морской корпус (1912). Лейтенант Гвардейского Экипажа. В Добровольческой армии и ВСЮР; с марта 1919 г. командир транспорта «Волга»; в 1919—1920 гг. воспитатель Морского корпуса в Севастополе. В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Старший лейтенант (24 ноября 1919 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, с октября 1923 г. на линейном корабле «Генерал Алексеев». В эмиграции в Алжире (в 1928—1937 гг. в Буги). Умер 5 сентября 1957 г. в Сеифе (Алжир).

[248] **Помаскин Иннокентий Иванович**, р. в 1888 г. Морской корпус (1910). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; в 1919—1920 гг. воспитатель Морского корпуса в Севастополе. Старший лейтенант (28 марта 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте. В эмиграции во Франции. Умер 3 марта 1952 г. в Париже.

[249] **Куфтин Евгений Алексеевич**, р. в 1893 г. Сын полковника. Морской корпус (1915). Мичман. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919—1920 гг. воспитатель Морского корпуса в Севастополе до эвакуации Крыма. Лейтенант (28 марта 1920 г.; старшинство 7 июня 1919 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, с октября 1921 г. в лагере Сфаят. В эмиграции к 1930 г. в Чехословакии, в 1933—1937 гг. в Ужгороде.

[250] **Богданов Иван Дмитриевич**, р. в Хороле. Из казаков Полтавской губ. Лесной институт, Курсы гардемаринов флота (1917). Мичман линкора «Андрей Первозванный». Во ВСЮР и Русской Армии; с марта 1919 г. комендант транспорта «Россия», в апреле 1919 г. комендант тральщика «Ольга», в мае 1919 г. затем командир роты, вахтенный начальник и штурманский офицер вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий», с ноября 1919 г. помощник коменданта Херсонского порта, с 1 марта 1920 г. воспитатель Морского корпуса в Севастополе, с 25 апреля 1920 г. помощник начальника базы 2-го отряда судов в Керчи, затем командир тральщика «Веха» до эвакуации Крыма, в Константинополе назначен начальником 3-го отделения кадетской роты. Лейтенант (23 октября 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту (прибыл на линейном корабле «Генерал Алексеев»). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, с апреля 1921 г. старший отделенный начальник, 9 июля 1921 г. прикомандирован на учебное судно «Моряк» для плавания, с 17 ноября 1921-го по 21 апреля 1923 г. заведующий хозяйственной части корпуса. В эмиграции во Франции, в 1929—1930 гг. в 14-й группе ВМС, с 1935 г. шофер в Париже, с 1954 г. в Марокко. Председатель объединения гардемарин, кадет и охотников флота. Умер 5 января 1969 г. в Иере (Франция).

[251] **Кольнер Иван Васильевич**, р. 27 июня 1883 г. Морской корпус (1903). Капитан 2-го ранга, преподаватель Офицерского артиллерийско класса. Во ВСЮР и Русской Армии; с октября 1919 г. преподаватель и командир 3-й роты Морского корпуса в Севастополе. Капитан 1-го ранга (26 октября 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, командир 1-й роты, с 10 мая 1922 г. инспектор классов корпуса, с 1923 г. в эмиграции во Франции. Умер 25 июля 1955 г. в Париже.

[252] **Элленбоген Александр Антонович**, р. в 1888 г. Морской корпус (1911). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919—1920 гг. воспитатель Морского корпуса в Севастополе, затем старший офицер на вспомогательном крейсере «Алмаз». Старший лейтенант (28 марта 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, в августе 1922-го — июле 1923 г. командир того же крейсера. В эмиграции в Алжире. Умер в 1953 г. в Константине (Алжир).

[253] **Глотов Михаил Леонидович**, р. в 1885 г. Морской корпус (1915). Мичман. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919—1920 гг. воспитатель Морского корпуса в Севастополе. Лейтенант.

[254] **Запольский Дмитрий В.** Морской корпус (1916). Мичман. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; в 1919—1920 гг. воспитатель Морского корпуса в Севастополе. Лейтенант (25 декабря 1918 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте. Старший лейтенант.

[255] **Подашевский Александр Николаевич**, р. в 1884 г. Морской корпус (1903). Капитан 2-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919—1920 гг. воспитатель Морского корпуса в Севастополе.

[256] **Кедров Михаил Александрович**, р. 13 сентября 1878 г. в Епифани. 4-й Московский кадетский корпус, Морской корпус (1899). Контр-адмирал, командующий морскими силами Рижского залива, помощник военного министра и управляющий Морским министерством. С 1918 г. в Лондоне — заведующий транспортом за границей по снабжению белых армий, с 12 октября 1920 г. командующий Черноморским флотом и начальник Морского управления. Вице-адмирал (с 3 ноября 1920 г.). На 25 марта 1921 г. командующий русской эскадрой в Бизерте, с 1921 г. в Париже. В эмиграции во Франции, председатель Военно-морского союза, заместитель председателя РОВС; на 31 января 1944 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 29 октября 1945 г. в Париже.

[257] «Генерал Алексеев». Линейный корабль Черноморского флота. Бывший «Император Александр III», переименованный при большевиках в «Волю» (с 25 сентября 1919 г. «Генерал Алексеев»). Возвращен англичанами русскому командованию 4 октября 1919 г. и полностью приведен в боевую готовность к началу 1920 г. Входил в состав 1-го отряда судов. В июле участвовал в операции под Очаковом. С ноября 1920 г. — в составе 1-го отряда Русской эскадры. Эвакуирован в Бизерту. Командир — капитан 1-го ранга Борсук.

[258] «Генерал Корнилов» (до 18 июня 1919 г. «Кагул»). Крейсер. Один из первых кораблей белого Черноморского флота. В апреле 1919 г. уведен из Севастополя в Новороссийск (экипаж состоял из 42 морских офицеров, 19 инженер-механиков, 2 врачей, 21 сухопутного офицера, нескольких унтер-офицеров и 120 охотников флота, в т. ч. 30 кубанских казаков, вместо положенных 570 человек). В апреле—мае 1919 г. участвовал в обороне Ак-Манайских позиций в Крыму, в августе играл ведущую роль в десантной операции по занятию Одессы. Входил в состав 1-го отряда судов. С июля 1920 г. в составе 3-го отряда судов. С ноября 1920 г. в составе 1-го отряда русской эскадры. Эвакуирован в Бизерту. Командиры: капитан 1-го ранга В. Лебедев (27 марта — 3 мая 1919 г.), капитан 1-го ранга П.П. Остелецкий (с 3 мая, в августе 1919 г.), капитан 1-го ранга В.А. Потапьев (с сентября 1919 г.). Старшие офицеры: капитан 2-го ранга В.А. Потапьев, капитан 2-го ранга Афанасьев. Старший инженер-механик — старший лейтенант М.М. Любимов.

[259] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1972. Сентябрь. № 118.

[260] **Воробьев Александр Аполлонович**, р. в 1881 г. Морской корпус (1902). Капитан 2-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии; в июне 1920 г. командир сводной роты Морского корпуса. Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте. До 1925 г. преподава-

тель и библиотекарь корпуса. В эмиграции в 1937—1938 гг. в Тунисе. Умер 8 сентября 1965 г. в Анжере (Франция).

[261] **Окрашевский Николай Адамович**, р. в 1895 г. Морской корпус (1915). Мичман. Во ВСЮР и Русской Армии; осенью 1920 г. командир роты Морского корпуса. Лейтенант (28 марта 1920 г.; старшинство 7 июня 1919 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, в ноябре 1921-го — июне 1922 г. на миноносце «Гневный». В эмиграции во Франции, в 1928—1930 гг. член Военно-морского исторического кружка в Париже. Старший лейтенант. Умер 1 января 1982 г. в Париже. Жена и сын остались в Батуме.

[262] **Рыбин Александр Гаврилович**, р. в 1889 г. Морской корпус (1911), Штурманский офицерский класс (1916). Лейтенант, старший штурманский офицер линейного корабля «Императрица Екатерина Великая». В белых войсках Восточного фронта, с осени 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован в январе 1920 г., с Калькутты командир канонерской лодки «Якут». С августа 1920 г. в Русской Армии; с 21 ноября 1920 г. командир учебного судна «Свобода». Старший лейтенант (26 октября 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, с января по май 1921 г. командир учебного судна «Великая княгиня Ксения Александровна». В эмиграции на 31 января 1922 г. в Тунисе, служил в Морском корпусе, с 1924 г. во Франции. Застрелился 25 ноября 1927 г. в Париже.

[263] **Максимович Михаил Михайлович**, р. 13 октября 1887 г. Морской корпус (1909), офицером с 1910 г., Офицерский класс подводного плавания (1916). Лейтенант, командир подводной лодки «А-13» («А-16»). Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма, воспитатель Морского корпуса в Севастополе. С 21 ноября 1920 г. командир эсминца «Звонкий». Старший лейтенант (с 28 марта 1920 г., старшинство 6 февраля 1918 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, с октября по декабрь 1921 г., с мая по сентябрь 1922 г. командир учебного судна «Моряк», в апреле, сентябре—октябре 1922 г. командир эсминца «Звонкий». В эмиграции к 1932 г. в Алжире, затем во Франции. Умер 8 января 1965 г. в Париже.

[264] **Борисов Владимир Александрович.** Во ВСЮР и Русской Армии. Кадет Морского корпуса. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Окончил Морской корпус 19 ноября 1922 г. Корабельный гардемарин. В эмиграции во Франции. Умер 10 июня 1927 г. в Париже.

[265] **Широкий Николай Константинович.** Старший гардемарин. В Вооруженных силах Юга России; с 1920 г. на крейсере «Генерал Корнилов», затем в Морском корпусе до эвакуации Крыма. На 24 июня 1921 г. в составе корпуса в Бизерте.

[266] **Мейрер Георгий Александрович**, р. в 1897 г. Морской корпус (1917). Мичман. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. основатель и до августа 1918 г. первый командующий Волжской флотилией, на 15 августа 1918 г. начальник 1-го речного боевого дивизиона Народной армии, затем на Камской флотилии, с августа 1919 г командир роты Морского учебного батальона в Омске В январе 1920 г. эвакуирован из Владивостока на транспорте «Якут». С августа 1920 г. в Русской Армии до эвакуации Крыма; командир роты Морского корпуса, старший офицер учебного судна «Свобода». Лейтенант (1 января

1919 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, с марта 1921 г. на учебном судне «Великая княгиня Ксения Александровна». В 1921—1922 гг. командир роты Морского корпуса. В эмиграции с 1922 г. в США, работал в фирме Сикорского, с 1934 г. в Стратфорде, затем в Нью-Йорке, на 31 января 1944 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 21 июля 1945 г. в Хантингтоне (Нью-Йорк).

[267] **Остолопов Алексей Алексеевич**, р. 4 октября 1883 г. Морской корпус (1908), офицером с 1909 г. Лейтенант, старший офицер эсминца «Лейтенант Шестаков». В Добровольческой армии с декабря 1917 г. в Морской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. В марте 1919 г. старший лейтенант, командир канонерской лодки «К-15», с 20 сентября 1919 г. командир вспомогательного крейсера «Слава» Каспийской флотилии; в начале 1920 г. командир эсминца «Капитан Сакен» до эвакуации Крыма. Капитан 2-го ранга (28 марта 1920 г. со старшинством 28 июля 1919 г.). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, с 1 июня 1922 г. командир роты Морского корпуса. В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Военно-морского исторического кружка в Париже. Капитан 1-го ранга (1932). Умер 1 апреля 1937 г. в Париже.

[268] **Данюшевский Александр Сергеевич (1-й).** Хабаровский кадетский корпус (1918). В белых войсках Восточного фронта в Гардемаринских классах (кадет Морского училища во Владивостоке). Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут» и зачислен в 1-ю роту Морского корпуса. Эвакуирован с флотом в Бизерту; с апреля 1922 г. на учебном судне «Моряк». Окончил Морской корпус 2 марта 1922 г. Корабельный гардемарин. Мичман (по КИАФ?). В эмиграции во Франции, с 1928 г. член Кружка бывших воспитанников Морского корпуса и ОГК в Лионе. Умер 2 января 1932 г. в Лионе (Франция).

[269] **Милорадович Кирилл Дмитриевич.** Полтавский кадетский корпус (1918). Во ВСЮР и Русской Армии кадет Морского корпуса. Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). Окончил Морской корпус 19 ноября 1922 г. Корабельный гардемарин. В эмиграции во Франции (к 1930 г. в Париже). Умер 8 февраля 1959 г. в Париже.

[270] **Оглоблинский Константин Николаевич**, р. в 1863 г. Морской корпус (1884). Генерал-лейтенант корпуса гидрографов (в отставке с 1917 г.). В Донской армии; с 1918 г. командующий Донской флотилией, затем начальник управления портами Азовского моря. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, с 1922 г. преподаватель Морского корпуса, в октябре—ноябре 1923 г. председатель комиссии для библиотеки на линейном корабле «Георгий Победоносец», до октября 1924 г. заведующий штурманским имуществом в штабе эскадры. В эмиграции во Франции, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание (член ВОМО). Умер 12 июня 1933 г в Ментоне (Франция).

[271] **Дюкин Василий Николаевич (2-й)**, р. 1 января 1901 г. в Порт-Артуре. Из дворян Херсонской губ. Одесский кадетский корпус (1918). Во ВСЮР

и Русской Армии; с 1919 г. по февраль 1920 г. юнкер Сергиевского артиллерийского училища, затем в Корниловской артиллерийской бригаде и снова в училище до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес» и на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского артдивизиона в Болгарии. Подпоручик. В эмиграции в Италии, с 1954 г. в Риме, председатель правления русской библиотеки, сотрудник журнала «Военная Быль». Поручик. Умер 7 апреля 1985 г. в Риме.

[272] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1967. Июль—сентябрь. № 86—87.

[273] **Нилус Андрей Александрович**, р. в 1858 г. Михайловское артиллерийское училище (1881). Генерал-лейтенант, начальник Сергиевского артиллерийского училища. С 1918-го в гетманской армии; 16 октября 1918 г. назначен начальником того же училища. В Вооруженных силах Юга России; в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 июля 1919 г. в распоряжении начальника части военно-учебных заведений, с октября 1919 г., на 8 ноября 1919-го до января 1920 г. начальник Сергиевского артиллерийского училища, затем преподаватель того же училища. В Русской Армии в Сергиевском артиллерийском училище до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции в Югославии, к 1936 г. в Белграде. Умер в 1941 г. Жена Софья Павловна (1866). Эвакуирован в декабре 1919-го — феврале 1920 г. из Одессы в Салоники на корабле «Рио-Пардо». На май 1920 г. в Югославии.

[274] **Казьмин Николай Андреевич**, р. 19 января 1880 г. Из дворян ВВД. Донской кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1901), Михайловская артиллерийская академия (1910). Полковник, командир 2-й батареи Сергиевского артиллерийского училища. С 1918 г. в гетманской армии; 29 ноября 1918 г. назначен командиром батареи Одесской артиллерийской школы с 1 ноября 1918 г. Во ВСЮР и Русской Армии с 1919 г. на той же должности, с 2 ноября 1919 г. командир дивизиона и помощник начальника, с января 1920 г. начальник училища до эвакуации Крыма Генерал-майор (с июля 1920 г.). Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». Галлиполиец. На 1931 г. начальник Сергиевского артиллерийского училища. С 1921 г. в Болгарии, откуда выслан в апреле 1922 г., с 1924 г., осенью 1925 г. в составе училища во Франции. Умер 2—3 июля 1965 г. в г. Шелль (Франция).

[275] **Краевский Виктор Петрович.** Капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР; с октября 1919 г. командир 1-й батареи Сергиевского артиллерийского училища, с февраля 1920 г. старший офицер той же батареи В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Галлиполиец. С ноября 1920 г командир 1-й батареи Сергиевского артиллерийского училища. Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, в 1931 г возглавлял группу училища в Софии.

[276] **Мамушин Владимир Николаевич.** Капитан. В Вооруженных силах Юга России; с октября 1919 г. командир 2-й батареи Сергиевского артиллерийского училища, с февраля 1920 г. начальник базы училища в Джанкое, с весны 1920 г снова командир 2-й батареи до эвакуации Крыма Полковник (с ноября 1920 г.). Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-

Виктор». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Сергиевского артиллерийского училища в Болгарии. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу училища в Париже. Управляющий русской колонией в Эленкур-Сент-Маргерит. Умер 1 марта 1947 г. там же.

[277] **Горунович Константин Андреевич**, р. в 1886 г. Михайловское артиллерийское училище. Капитан, курсовой офицер Сергиевского артиллерийского училища. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии; с октября 1919 г. на той же должности. В Русской Армии в том же училище до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». После эвакуации Крыма на беженском положении. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском корпусе. Полковник. После 1945 г. в США. Умер 20 сентября 1963 г. в Нью-Йорке.

[278] **Георгиевский Георгий Александрович.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Капитан. С октября 1919 г. курсовой офицер Сергиевского артиллерийского училища. Галлиполиец. С ноября 1920 г. старший офицер 1-й батареи, с 1921 г. курсовой офицер того же училища. Осенью 1925 г. в составе Сергиевского артиллерийского училища в Болгарии. Полковник.

[279] **Олехнович Алексей Семенович.** Капитан. В Вооруженных силах Юга России; с октября 1919 г. курсовой офицер Сергиевского артиллерийского училища. В Русской Армии в том же училище до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». После эвакуации Крыма на беженском положении. Полковник. В эмиграции во Франции, к 1927 г. в Париже, секретарь и редактор «Артиллерийского журнала». Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й выпуск). Генерал-майор, заведующий делами, затем председатель КИАФ. После 1945 г. в США. Умер 6 августа 1965 г. в Ричмонде (США).

[280] **Круссер Леонид Пафнутьевич**, р. в 1871 г. Офицер с 1893 г. Полковник, преподаватель Сергиевского артиллерийского училища. С 1918 г. в гетманской армии; 29 ноября 1918 г. назначен (с 1 ноября 1918 г.) начальником Одесской артиллерийской школы. В Вооруженных силах Юга России; с октября 1919 г. на той же должности. В Русской Армии в Сергиевском артиллерийском училище до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор».

[281] **Жагмен Владимир.** Капитан, преподаватель Сергиевского артиллерийского училища. С 1918 г. в гетманской армии; сотник, 7 декабря 1918 г. назначен в штаб 7-й тяжелой артиллерийской бригады. В Вооруженных силах Юга России; с октября 1919 г. преподаватель Сергиевского артиллерийского училища.

[282] **Гавликовский Константин Федорович**, р. в 1882 г. Киевский кадетский корпус (1900), Константиновское артиллерийское училище (1903), Офицерская кавалерийская школа (1909). Капитан конной артиллерии. С 1918 г. в гетманской армии; сотник, 29 ноября 1918 г. назначен (с 1 ноября 1918 г.) инструктором верховой езды Одесской артиллерийской школы. В Вооруженных силах Юга России; с октября 1919 г. инструктор верховой езды Сергиевского артиллерийского училища до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии. Служил в Русском кор-

пусе. Подполковник (полковник). После 1945 г. во Франции. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 6 июля 1977 г. в Ганьи (Франция).

283 **Арнольд Олег Максимилианович.** Во ВСЮР и Русской Армии; с октября 1919 г. адъютант Сергиевского артиллерийского училища. Капитан. В эмиграции в 1920-х гг. на той же должности.

284 **Грибовский Роман Ильич**, р. в 1881 г. Полковник артиллерии. С 1918 г. в гетманской армии; 30 сентября 1918 г. назначен помощником командира 3-й легкой артиллерийской бригады. В Вооруженных силах Юга России; с февраля 1920 г. командир 2-й батареи Сергиевского артиллерийского училища, с весны 1920 г. командир дивизиона училища; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес», на о. Проти на корабле «Кизил Ермак» и в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». Галлиполиец. В апреле 1922 г. в Болгарии. Осенью 1925 г. в составе Сергиевского артиллерийского училища в Югославии.

285 **Буряк Гавриил Прокофьевич**, р. в 1898 г. в Кубанской обл. В Добровольческой армии и ВСЮР; с февраля 1920 г. юнкер Сергиевского артиллерийского училища, в Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес» и на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского артдивизиона в Болгарии. Подпоручик. В эмиграции в Аргентине, член правления отдела РОВС. Умер 17 июня 1980 г. в Буэнос-Айресе.

286 **Морозов Василий Иванович**, р. 30 октября 1888 г. в ст. Семикаракорской Области Войска Донского. Из казаков той же станицы. Новочеркасское военное училище (1908). Подъесаул, командир сотни 58-го Донского казачьего полка. В Донской армии; с 1919 г. командир 76-го Донского казачьего полка, 6-го Донского казачьего полка, с ноября 1919 г. полковник, с января 1920 г. командир конного отряда своего имени, с февраля 1920 г. командир 2-й Донской отдельной бригады, с 29 марта 1920 г. начальник Сводной конной дивизии, с 4 мая 1920 г. — 2-й Донской конной дивизии, с 8 августа 1920 г. — 2-й кавалерийской дивизии, с 16 сентября 1920 г. в распоряжении Донского атамана, на 1 октября 1920 г. командир 2-й бригады 1-й Донской конной дивизии. Генерал-майор (29 марта 1920 г.). Награжден орд. Св. Николая Чудотворца 2 октября 1920 г. Был на о. Лемнос, с 12 декабря 1920 г. командир 2-й бригады 1-й Донской дивизии. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. Служил в Русском корпусе. Умер 30 января 1950 г. в Клагенфурте (Австрия).

287 **Стогов Николай Николаевич**, р. 10 сентября 1872 г. Николаевский кадетский корпус (1891), Константиновское военное училище (1893), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Волынского полка. Генерал-лейтенант, командир 16-го армейского корпуса, начальник штаба и командующий Юго-Западным фронтом. Георгиевский кавалер. Служил в Красной армии (в мае—августе 1918 г. начальник Всероглавштаба). В 1918—1919 гг. член «Национального Центра» в Москве, начальник его военной организации (в августе 1919 г. возглавлял Штаб Добровольческой армии Московского района). Арестован, бежал через линию фронта. В Вооруженных силах Юга России с сентября 1919 г., начальник укрепленной позиции у Ростова, с 18 января 1920 г.

начальник штаба Кубанской армии. В Русской Армии комендант Севастопольской крепости и командующий войсками тылового района до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии (Земун), с 1924 г. в Париже, помощник начальника военной канцелярии РОВС, с 6 июля 1930 г. до 1934 г. начальник той же канцелярии, к 1 июля 1939 г. член объединения л.-гв. Волынского полка, с февраля 1941 г. заместитель начальника 1-го отдела РОВС. Председатель Общества офицеров Генерального штаба, Союза Георгиевских кавалеров, почетный председатель Союза российских кадетских корпусов, с 1949 г. председатель объединения 3-й гвардейской пехотной дивизии, на ноябрь 1951 г. заместитель председателя объединения л.-гв. Волынского полка, заместитель председателя Распорядительного комитета Гвардейского объединения и представитель в Гвардейском объединении от 3-й гвардейской пехотной дивизии. Умер 17 декабря 1959 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

[288] **Елчанинов Георгий Иванович**, р. 16 августа 1871 г. Кадетский корпус (1891), Николаевское кавалерийское училище (1893). Полковник, командир 12-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. С 1918 г. в гетманской армии; 15 июля 1918 г. назначен командиром 2-й конной бригады 4-й конной дивизии. Генерал-майор. В Вооруженных силах Юга России; с 11 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 25 января 1919 г. начальник гарнизона Мариуполя, весной 1920 г. начальник гарнизона Севастополя. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Великий князь Александр Михайлович». В эмиграции в Польше, преподаватель военной школы армии УНР. Умер в 1924—1925 гг. в Вадовице (Польша).

[289] **Хаборский Валерий Сергеевич.** Сын подполковника. Полковник. В Вооруженных силах Юга России; с марта 1920 г. командир 1-й батареи Сергиевского артиллерийского училища. В Русской Армии в том же училище до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». После эвакуации Крыма на беженском положении.

[290] **Коврига Владимир Андреевич.** Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919—1920 гг. юнкер Сергиевского артиллерийского училища (фельдфебель 1-й батареи) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик кадра л.-гв. 2-го мортирного артиллерийского дивизиона и л.-гв. 3-й артиллерийской бригады. Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда в Болгарии. В эмиграции на 20 мая 1938 г. там же.

[291] **Штейфон Борис Александрович**, р. в 1881 г. в Харькове. Из мещан. Харьковское реальное училище, Чугуевское военное училище (1902), академия Генштаба (1911). Георгиевский кавалер. Полковник, штаб-офицер для поручений штаба Кавказского фронта. С 5 апреля 1918 г. в Харьковском центре Добровольческой армии (утвержден 2 февраля 1919 г.), летом 1918 г. начальник штаба Южной армии. Осенью 1918 г. начальник штаба 3-й пехотной дивизии, затем в начале 1919 г. командир Белозерского и Архангелогородского полков, начальник штаба Полтавского отряда, с декабря 1919 г. начальник штаба 7-й пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. Эвакуирован. 30 мая 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Поти». В Русской Армии в штабе 3-й армии и в отделе генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего до эвакуации

Крыма. Генерал-майор (с 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Сцегед». Галлиполиец, комендант города и лагеря Русской Армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, начальник штаба и командир Русского корпуса. Умер 30 апреля 1945 г. в Загребе (Югославия).

[292] **Перепеловский Константин Михайлович.** Тифлисский кадетский корпус. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В 1922 г. окончил Константиновское военное училище. Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка в Болгарии, с 1932 г. переведен в Константиновское военное училище. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (6-й выпуск; без выпускной темы). С 1952 г. помощник редактора журнала «Военная Быль», с осени 1986 г. начальник отдела РОВС в Европе.

[293] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1965. Май. № 73.

[294] Корниловский ударный полк (1-й Корниловский ударный полк). Создан приказом по 8-й армии (генерала Л.Г. Корнилова) 19 мая 1917 г. из добровольцев как 1-й Ударный отряд, 1 августа преобразован в полк (4 батальона). В августе 1917 г. переименован в Славянский ударный полк и включен в состав Чехословацкого корпуса. Принимал участие в октябрьских боях с большевиками в Киеве. После захвата власти большевиками чины полка группами пробрались в Добровольческую армию. Основной эшелон полка прибыл в Новочеркасск 19 декабря 1917 г., а к 1 января 1918 г. собралось 50 офицеров и до 500 солдат. На Таганрогском направлении сражалась сводная рота полка (128 штыков при 4 пулеметах), 30 января 1918 г. смененная офицерской ротой (120 человек). 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода в полк были влиты Георгиевская рота и Офицерский отряд полковника Симановского. При выступлении насчитывал 1220 человек (в т. ч. 100 человек Георгиевской роты), треть его составляли офицеры. С середины марта 1918 г. входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. — 2-й пехотной дивизии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 января 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии. На 1 января 1919 г. насчитывал 1500 человек, в сентябре 1919 г. — 2900 при 120 пулеметах (3 батальона, офицерская рота, команда разведчиков и эскадрон связи). На 5 октября 1919 г. имел 945 штыков при 26 пулеметах. С 12 июля 1919 г. 1-й Корниловский ударный полк; с формированием 14 октября 1919 г. Корниловской дивизии вошел в нее тем же номером.

Нес большие потери. Оборона Ростова в феврале 1918 г. стоила полку 100 человек. Из 18 человек командного состава (до командиров рот), вышедших в 1-й Кубанский поход, за войну погибло 13. В начале штурма Екатеринодара полк имел 1000 штыков и пополнился во время боя 650 кубанцами, после штурма осталось 67 (потери в 1583 человека). Всего за поход он потерял 2229 человек (теряя в отдельных боях от 6 до 60 человек, в двух наиболее крупных — под Кореновской и переходе через р. Белую — 150 и 200). За 2-й Кубанский поход полк трижды сменил состав, с начала его до 1 ноября 1918 г. он потерял 2693 человека. В первом же бою под Ставрополем потерял до 400 человек, к 1 ноября осталось 220 человек, а через несколько дней — 117. С 1 января по 1 мая 1919 г. в 57 боях в Донбассе

полк также переменил полностью три состава: при средней численности в 1200 человек убыло 3303, в т. ч. 12 командиров батальонов (2-й батальон потерял 6 и остальные по 3), 63 командира рот (3-я — 9, 9-я — 8, 1-я — 7, 6-я — 6, 8-я, 11-я и 12-я — по 5, 5-я и 10-я — по 4, 2-я и 4-я — по 3) и 683 офицеров, служивших в качестве рядовых. В Орловско-Кромском сражении потерял 750 человек. 31 июля 1920 г. в бою за Куркулак — 61 офицера и 130 солдат — четверть состава. В конце августа после Каховской операции в полку осталось 107 человек.

Для чинов корниловских частей установлен серебряный штампованный жетон (копия голубой нарукавной нашивки, носившейся на левом рукаве у плеча) — формы гербового щита, в середине которого — череп со скрещенными костями, над ним — дуговая надпись «корниловцы», внизу — скрещенные мечи рукоятью вниз, между рукоятями — пылающая граната и ниже даты «1917—1918». Нагрудный знак представлял собой черный равносторонний крест с белой каймой, наложенный на серебряный терновый венец, под которым — серебряный с золотой рукоятью меч (слева снизу вверх, рукоятью вниз), в центре — голубой щит, подобный жетону, но мечи опущены вниз и дата отсутствует (все изображения — золоченые).

Командиры: полковник М.О. Неженцев (до 31 марта 1918 г.), полковник А.П. Кутепов (31 марта — 12 июня 1918 г.), полковник В.И. Индейкин (12 июня — 31 октября 1918 г.), полковник Н.В. Скоблин (31 октября 1918-го — лето 1919 г.), полковник М.А. Пешня (лето — 14 октября 1919 г.), полковник К.П. Гордиенко (с 14 октября 1919 г.), штабс-капитан (подполковник) В.В. Челядинов (врид, январь, август 1920 г.), поручик (капитан) М. Дашкевич (врид, январь—февраль, июль — 21 августа 1920 г.), штабс-капитан (подполковник) Д. Ширковский (врио, февраль 1920 г.). Командиры батальонов: полковник Булюбаш, полковник Мухин (убит), есаул Кисель, полковник Шкуратов, полковник Ильин, капитан Морозов (убит), полковник Молодкин, поручик Федоров. Командиры рот и команд: подпоручик Андреев (убит), штабс-капитан Заремба, капитан Миляшкевич (убит), штабс-капитан князь Чичуа (убит), капитан Минервин (убит), капитан Пиотровский (убит), штабс-капитан Томашевский (убит), штабс-капитан Петров (убит), поручик Салбиев (убит), капитан Лызлов (убит), штабс-капитан Мымыкин (убит), есаул Милеев, поручик Дашкевич, поручик Потло, капитан Сапега, капитан Франц, капитан Трошин, поручик Бурьян, подпоручик Пинский, капитан Натус (убит), поручик Редько и др.

[295] **Калачев Николай Христофорович**, р. в 1866 г. В службе с 1883 г., офицером с 1885 г. Генерал-майор, начальник Киевского военного училища. В Добровольческой армии и ВСЮР; с ноября 1917 г. в Кубанской армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; с 23 ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 января 1919-го по 4 апреля 1920 г. начальник возрожденного Константиновского военного училища. 13 июля 1919 г. назначен членом военно-полевого суда над генералом Марксом. В эмиграции в Югославии. Умер в 1942 г. в Белграде.

[296] **Филимонов Александр Петрович**, р. в 1866 г. в ст. Григорополисской. Киевский кадетский корпус (1884), Александровское военное училище

(1886), Военно-юридическая академия, Археологический институт. Полковник, атаман Лабинского отдела Кубанского казачьего войска, с 1917 г. председатель Кубанского правительства, с 12 октября 1917 г. войсковой атаман Кубанского казачьего войска до 10 ноября 1919 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Генерал-лейтенант. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции в Югославии, председатель Союза Первопоходников. Умер 4 августа 1948 г. в Осеке (Югославия).

[297] 1-й Кубанский стрелковый полк. Сформирован 1 марта 1918 г. в ауле Шенжий в составе Кубанского отряда как 1-й стрелковый полк, насчитывая 1200 штыков и 4 пулемета (в том числе 700 офицеров, 400 юнкеров и 100 казаков) и 60 человек пулеметной прислуги; после соединения с Добровольческой армией вошел в состав ее 1-й бригады как Кубанский стрелковый полк. С начала июня 1918 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 16 января 1919 г. — 2-й пехотной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1324 штыка при 43 пулеметах. Летом 1920 г. входил в состав 1-й Сводной пехотной дивизии. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 2-й бригады 7-й пехотной дивизии. Командиры: подполковник (полковник) Р.М. Туненберг (1 марта 1918 г. — 26 июля 1919 г.), полковник Дмитриев (с 10 августа 1919 г.).

[298] **Туненберг Ростислав Михайлович.** Из дворян. Штабс-капитан (капитан), командир роты Киевского военного училища. В Добровольческой армии и ВСЮР; с февраля по март 1918 г. в войсках Кубанского края. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 17 марта 1918 г. подполковник, командир 1-го Кубанского стрелкового полка, затем полковник. С 9 ноября 1918 г. член комиссии по организации кубанских частей, с 30 ноября 1918 г. в составе комиссии для рассмотрения проекта новой организации армии. С 19 ноября 1918 г. командир 2-й бригады 1-й пехотной дивизии с оставлением командиром полка, с 11 марта 1919 г. командир 2-й бригады 2-й пехотной дивизии с оставлением командиром полка. Генерал-майор (с 15 июня 1919 г.). Уволен от службы 26 июля 1919 г. В марте 1920 г. начальник участка на Перекопе, в мае 1920 г. командир бригады 34-й пехотной дивизии Русской Армии. Умер в 1920 г. в Советской России.

[299] **Сребницкий Наркис Сампсонович.** Полковник. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Киевском Константиновском военном училище; с 1 января 1919 г. командир батальона того же училища, в начале 1920 г. командир сводного батальона училища. Убит 15 января 1920 г. на Перекопе.

[300] **Де Лобель Борис Петрович.** Капитан Киевского Константиновского военного училища. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В феврале 1919 г. командир роты Константиновского военного училища. Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии на той же должности до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона во Франции. В эмиграции в Париже. Умер 23 февраля 1967 г. в Монморанси (Франция).

[301] **Рейс Александр Иванович.** В Добровольческой армии и ВСЮР; с марта 1919 г. командир роты Константиновского военного училища. В Русской

Армии до эвакуации Крыма. Подполковник. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Константиновского военного училища в Югославии.

302 **Скрынник Николай Иванович.** Капитан. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с марта 1919 г. младший офицер Константиновского военного училища. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Константиновского военного училища в Болгарии. Подполковник. В эмиграции во Франции, в 1955—1959 гг. вице-председатель Союза Георгиевских кавалеров. Умер 5 марта 1970 г. в Монморанси (Франция).

303 **Роше Петр.** Полтавский кадетский корпус. Прапорщик Киевского военного училища. В Вооруженных силах Юга России; с марта 1919 г. младший офицер Константиновского военного училища, 25 марта 1919 г. установлено старшинство в чине, с 12 апреля 1919 г. подпоручик. Поручик. Убит 8 августа 1920 г. у ст. Брыньковской в десанте на Кубани

304 **Житецкий Павел.** Симбирский кадетский корпус, Киевское военное училище (1917). Прапорщик при Киевском военном училище. Участник боев в октябре 1917 г. в Киеве. В Добровольческой армии с июня 1918 г., участник 2-го Кубанского похода, с февраля 1919 г. младший офицер Константиновского военного училища. Поручик.

305 **Чеглов Михаил Петрович**, р. в 1876 г. Московский кадетский корпус (1894), Алексеевское военное училище (1896), академия Генштаба (1904). Генерал-майор, начальник штаба и командующий 55-й пехотной дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 4 ноября 1918 г. в Одесском центре (утвержден 2 февраля 1919 г. в резерв армии), с 4 апреля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с июля 1919 г. начальник Ставропольских военно-училищных курсов, начальник Корниловского военного училища, 10—27 марта 1920 г. начальник штаба войск Новороссийской области. Галлиполиец; с марта 1921 г. начальник Константиновского военного училища. В эмиграции во Франции, почетный председатель Объединения Киевлян-Константиновцев в Париже. Умер 4 августа 1931 г. в Шавиле (под Парижем).

306 **Борисевич Иван Терентьевич**, р. в 1875 г. В службе с 1895 г., офицером с 1897 г., академия Генштаба. Генерал-майор. В Донской армии (к 26 июня 1918 г.); во ВСЮР в резерве чинов при штабе Кавказской армии, с 12 сентября по октябрь 1919 г. командир 2-й бригады Астраханской казачьей дивизии. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя на корабле «Лазарев», с февраля 1921 г. начальник Константиновского военного училища (с апреля 1922 г. в Болгарии). В эмиграции во Франции. Умер в 1946 г.

307 **Сергеевский Борис Николаевич**, р. 27 февраля 1883 г. Из дворян Псковской губ., сын профессора Санкт-Петербургского университета и сенатора. Гимназия в Санкт-Петербурге, Константиновское артиллерийское училище (1904), академия Генштаба (1911), Археологический институт. Офицер л.-гв. Стрелковой артиллерийской бригады. Полковник, начальник службы связи при Ставке ВГК. Георгиевский кавалер. С декабря 1917 г. в войсках Закавказья: помощник начальника штаба Сводно-Армянского отряда, начальник штаба 1-й Русской Закавказской стрелковой дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 8 сентября 1918 г. штаб-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего ВСЮР, с 24 янва-

ря 1919 г. начальник штаба 5-й пехотной дивизии, затем преподаватель Константиновского военного училища. Участник Кубанского десанта в августе 1920 г. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец, командир офицерской роты. В 1922 г. выслан из Болгарии. Осенью 1925 г. в составе Константиновского военного училища в Югославии. В эмиграции там же, преподаватель Донского кадетского корпуса, Высших военно-научных курсов в Белграде, председатель Объединения Киевлян-Константиновцев в Горажде, и. д. генерала для поручений при начальнике РОВС, представитель Главнокомандующего. После 1945 г. в США. Умер 31 мая 1976 г. в Лос-Анджелесе.

[308] **Соколовский Василий Иоаникиевич**, р. в 1884 г. Академия Генштаба (1915). Подполковник. В Добровольческой армии и ВСЮР с 23 сентября 1918 г. в распоряжении начальника 1-й конной дивизии, с 23 октября 1918 г. начальник штаба 1-й конной дивизии, с 11 ноября 1918 г. начальник штаба 1-го конного корпуса, с декабря 1918 г. начальник штаба армейской группы генерала Врангеля, с мая 1919 г. начальник штаба корпуса Шкуро, осенью 1919 г. начальник штаба 1-й Кавказской казачьей дивизии. В Русской Армии к октябрю 1920 г. начальник штаба Терско-астраханской бригады до эвакуации Крыма. Полковник. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Константиновского военного училища в Болгарии. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу Константиновского военного училища, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, председатель Объединения Киевлян-Константиновцев в Париже, с 1930-х гг. начальник Константиновского военного училища. Умер в 1943 г. в Париже.

[309] Впервые опубликовано: Родимый край. 1976. Сентябрь—октябрь. № 124.

[310] 2-й конный генерала Дроздовского полк (2-й офицерский конный полк, с 10 октября 1919 г. 2-й конный генерала Дроздовского полк). Создан из офицеров-добровольцев на Румынском фронте ротмистром Гаевским 5 марта 1918 г. как Конный дивизион (2 эскадрона) в составе 1-й Отдельной бригады русских добровольцев и участвовал в Дроздовском походе Яссы—Дон. 29 апреля 1918 г. переформирован в Конный полк (4 эскадрона, конно-пулеметная и саперная команды), с 31 мая — 2-й конный полк. Состоял преимущественно из офицеров и учащейся молодежи. С июня 1918 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. В середине июня 1918 г. насчитывал 650 человек (6 эскадронов). К 7 августа состоял из 7, к концу августа — из 9 эскадронов. К 11 января 1919 г. в полку осталось только 78 сабель. С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады. С 19 июня по осень 1919 г. входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал 6 эскадронов. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польше. Дивизион полка (3 эскадрона), сформированный в Крыму, с 16 апреля 1920 г. обращен на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), с 28 апреля 1920 г. вошел в 5-й кавалерийский полк. Из Польши полк прибыл 25 июля в составе 650 человек. 8 августа 1920 г., соединившись со своим крымским дивизионом, переформирован в конный дивизион Дроздовской дивизии под названием Отдельного конного генерала Дроздовского дивизиона. В начале августа 1920 г. насчиты-

вал до 600 сабель, в середине октября — 500. Полк нес довольно большие потери (например, 14 мая 1919 г. — 71 человек, 5 июня — 87, 2 ноября 1919 г. у Жуковки — 50, 19 октября 1920 г. у Отрады — 30). Всего этот полк, каждый эскадрон которого в 1918-м — первой половине 1919 г. на три четверти состоял из офицеров, потерял за войну убитыми и ранеными до 2 тысяч человек. Для чинов полка в эмиграции установлен нагрудный знак в виде гербовой формы черного щита (копия нарукавной нашивки, носимой на левом рукаве у плеча) с серебряными буквами: в центре «Д», вверху «2», справа «о», слева «к», внизу «полка», т. е. «2-й офицерский генерала Дроздовского конный полк». Командиры: ротмистр Б.А. Гаевский, генерал-майор И.И. Чекотовский (с 11 июля 1918 г.), полковник Шумов (август 1918-го — 11 января 1919 г.), ротмистр Поспелов (с 11 января 1919 г.), полковник Б.П. Гаттенбергер, полковник И.Г. Барбович (1 марта — 7 июля 1919 г.), полковник Б.А. Гаевский (врио, 5 июня, 7—17 июля 1919 г.), полковник А.Г. Шапрон дю Ларре (7 июля — 26 ноября 1919 г.), подполковник (полковник) Д.А. Силкин (26 ноября 1919-го — 8 августа 1920 г.), полковник В.А. Амбразанцев (до августа 1920 г.), полковник М.А. Кабаров (с августа 1920 г.). Командиры эскадронов: полковник Кушелев, есаул Фролов (убит), ротмистр Михайловский (убит), ротмистр Сыкалов (убит), ротмистр Войцеховский (убит), штабс-ротмистр Малиновский (убит), ротмистр Спицын, капитан Галицкий, ротмистр Полторацкий и др.

[311] **Сидорин Владимир Ильич**, р. 31 января (3 февраля) 1882 г. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Есауловской, сын офицера. Донской кадетский корпус (1900), Николаевское инженерное училище (1902), академия Генштаба (1910), Офицерская воздухоплавательная школа (1910). Полковник, начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, затем в распоряжении начальника штаба Западного фронта, заместитель председателя Союза офицеров армии и флота. Георгиевский кавалер. В ноябре 1917 г. участник вербовочных организаций в Петрограде и Москве. С конца ноября 1917 г. на Дону, участник взятия Ростова, начальник полевого штаба атамана Каледина, с декабря 1917 г. по январь 1918 г. начальник штаба Северного фронта донских войск, с января 1918 г. начальник штаба походного атамана. Участник Степного похода (с 12 марта 1918 г. начальник штаба отряда), с 12 апреля по 5 мая 1918 г. начальник штаба Донской армии. С 5 мая 1918 г. уволен в отставку с производством в генерал-майоры. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 5 октября 1918 г. и на 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 2 февраля 1919 г. командующий Донской армией; с 24 марта 1920 г. до 6 апреля 1920 г. командир Донского корпуса. Генерал-лейтенант (2 февраля 1919 г.). Вышел в отставку 12 апреля 1920 г. В эмиграции с мая 1920 г. в Болгарии и Югославии, затем в Чехословакии (чертежник в чехословацком Генштабе). Умер 20 мая 1943 г. в Берлине.

[312] 4-й гусарский Мариупольский полк. К концу 1918 г. в Добровольческой армии было 23 офицера полка и несколько офицеров в Донской армии; полк был возрожден в Донской армии 12 июля 1919 г. 26 августа 1919 г. включен в Отдельную кавалерийскую бригаду, которая в конце сентября развернута в Сводную кавалерийскую дивизию. Мариупольцы входили также в

состав 3-го конного полка. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 4-й кавалерийский полк. В нем воевало более 30 коренных офицеров. В январе 1920 г. полк имел 46 офицеров и около 500 солдат. Мариупольского полка даже в начале 70-х годов насчитывалось 11 офицеров, произведенных не позже 1920 г.

[313] **Фролов Александр Григорьевич**, р. в 1886 г. Из мещан. 3-е реальное училище в Санкт-Петербурге, Владимирское военное училище (1908), академия Генштаба (1914). Капитан, преподаватель Виленского (Киевского?) военного училища. В Добровольческой армии и ВСЮР с 25 ноября 1918 г.; начальник Полтавского центра Добровольческой армии, и. д. начальника военных сообщений Крымско-Азовской армии, с 28 апреля 1919 г. преподаватель Константиновского военного училища, в 1919—1920 гг. начальник штаба 34-й пехотной дивизии, начальник оперативного отдела штаба 3-го армейского корпуса. В Русской Армии преподаватель Константиновского военного училища, затем начальник штаба 2-го армейского корпуса. Полковник (к январю 1919 г.). В эмиграции в Югославии (Зеленик). Умер после 1922 г.

[314] 5-й Донской казачий атамана Платова полк. Сформирован после эвакуации Русской Армии из Крыма в Чаталдже в составе Донского корпуса. После преобразования армии в РОВС до 1930-х гг. представлял собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть. С Лемноса убыл в числе 399 человек, осенью 1925 г. насчитывал 310 человек, в т. ч. 61 офицера. Командир — генерал-майор А.П. Попов.

[315] **Дадыкин Александр Федорович.** Вольноопределяющийся. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Окончил Корниловское военное училище. Подпоручик. В эмиграции в Аргентине. Умер 19 января 1976 г. в Буэнос-Айресе.

[316] Впервые опубликовано: Корниловцы. Юбилейная памятка, 1917—1967. Париж, 1967.

[317] **Протозанов Тарас Михайлович**, р. 25 февраля 1872 г. в Киевской губ. Чугуевское военное училище (1897), академия Генштаба (1908). Генерал-майор, начальник Чугуевского военного училища. С 1918 г. в гетманской армии; с 24 сентября 1918 г. начальник того же училища в гетманской армии, помощник начальника Учебного управления, член Военно-ученого комитета при Главном управлении Генерального штаба, 12 ноября 1918 г. назначен начальником Главного военно-учебного управления с зачислением по Генеральному штабу; с 1919 г. в украинской армии, в 1920 г. остался в окружении. Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1920 г. начальник Корниловского военного училища. В эмиграции.

[318] **Жнов Александр Иванович**, р. 3 декабря 1865 г. в Ростове. Из дворян Ярославской губ., сын офицера. Кадетский корпус (1883), Александровское военное училище (1885), академия Генштаба. Генерал-майор, начальник 132-й пехотной дивизии, в резерве чинов при штабе Минского военного округа. Георгиевский кавалер. С 1918 г. в гетманской армии: 3 июня — 17 декабря 1918 г. командир 13-й дивизии. Во ВСЮР и Русской Армии; с 26 января 1919 г. при штабе Главнокомандующего ВСЮР, 7 мая — 5 июля 1919 г.

член комиссии генерала Флуга по поверке личного состава учреждений Кубанской области, с 23 июля 1919 г. член суда над генерал-лейтенантом Бачинским, с 1 (4) октября 1919 г. до 6 апреля 1920 г. начальник снабжения войск Новороссийской области, затем председатель ликвидационной комиссии. С 19 мая 1920 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с ноября 1920 г. преподаватель и начальник Корниловского военного училища. Галлиполиец. С 27 декабря 1921-го по 9 апреля 1922 г. начальник гарнизона в Ямболе (в Болгарии), затем пенсионер при Александровском военном училище. Осенью 1925 г. в составе Александровского военного училища в Болгарии. Генерал-лейтенант (2 апреля 1920 г.). В эмиграции в Болгарии. Умер 20 января 1946 г. в Софии.

[319] **Зинкевич Михаил Михайлович**, р. в 1883 г. Сын генерал-майора. Киевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1902), академия Генштаба (1910). Полковник, начальник штаба Сибирской казачьей бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР; летом—осенью 1918 г. помощник командира Партизанского полка, с 1920 г. помощник начальника Алексеевской дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма, с 1920 г. начальник Корниловского военного училища. Генерал-майор. Галлиполиец. В 1922 г. выслан из Болгарии. Осенью 1925 г., на 1930 г. командир Алексеевского полка в Болгарии. В эмиграции там же, в 1931 г. возглавлял группу 1-го армейского корпуса и Алексеевского полка в Болгарии (Перник), с 1935 г. в Софии. Служил в Русском корпусе (командир батальона). Убит 24 декабря 1944 г. у Бусовачи.

[320] **Георгиевич Михаил Милошевич**, р. в 1883 г. Киевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1903), академия Генштаба (1909), Офицерская кавалерийская школа (1910). Полковник, начальник штаба пехотной дивизии (в плену с 1917 г.). В Вооруженных силах Юга России с начала 1919 г. в конном корпусе генерала Врангеля, с января 1919 г. начальник штаба 1-й Кубанской конной дивизии, затем в штабе Кавказской армии, начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии, в сентябре—октябре, до 11 ноября 1919 г. начальник штаба 4-го конного корпуса, затем в штабе Главнокомандующего ВСЮР, командирован к адмиралу Колчаку, вернулся в Крым; в Русской Армии до эвакуации Крыма, начальник Корниловского военного училища. Генерал-майор (с 29 сентября 1919 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе училища в Югославии. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. в Германии, затем в Австралии, начальник отдела РОВС. Умер 8 мая 1969 г. в Сиднее.

[321] **Черепов Александр Николаевич**, р. 17 августа 1877 г. Из дворян Курской губ. Орловский кадетский корпус, Одесское военное училище (1898). Генерал-майор 136-го пехотного полка, командующий 4-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 5 декабря 1917 г., командир сформированного им в Ростове 1-го добровольческого отряда. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир бригады 1-й пехотной дивизии. С июня 1918 г. командир бригады 2-й пехотной дивизии, с 27 ноября 1918 г. начальник 2-й пехотной дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. начальник 2-й пехотной дивизии и 6-й пехотной дивизии, с начала 1919 г. од-

новременно Черноморский военный губернатор, начальник Черноморского десантного отряда под Туапсе. В Русской Армии в августе 1920 г. во время Кубанского десанта командир отряда у Анапы, затем командир бригады 7-й пехотной дивизии, начальник Отдельного сводного отряда у Каховки, начальник 6-й пехотной дивизии. В эмиграции в Югославии, в 1931 г. возглавлял группу Союза Первопоходников в Нови-Сад. Служил в Русском корпусе (командир 4-го полка). После 1945 г. в Германии, председатель Союза Инвалидов в Германии, председатель Союза Первопоходников, вице-председатель СЧРК. С 1950-х гг. в США. Умер 15 февраля 1964 г. в Нью-Йорке.

[322] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1954. Октябрь. № 11; 1955. Январь. № 12.

[323] **Максимов Алексей Михайлович**, р. 16 марта 1876 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Верхне-Курмоярской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус (1894), Константиновское артиллерийское училище (1897), академия Генштаба (1903). Полковник, инспектор классов Владимирского военного училища. С 1918 г. в гетманской армии; начальник Инструкторской офицерской школы, затем начальник 2-й Киевской сводной школы (бывшего Алексеевского инженерного училища), в ноябре—декабре 1918 г. в Киеве. В Донской армии и ВСЮР; с 19 сентября 1919 г. начальник штаба инспектора кавалерии Донской армии, с 8 ноября 1919 г. до эвакуации Крыма начальник Атаманского военного училища. В Русской Армии одновременно с марта по 26 июля 1920 г. командир Донского пластунского юнкерского полка. Генерал-майор (с декабря 1918 г.). Эвакуирован на корабле «Лазарев». Был на о. Лемнос. В эмиграции с 1921 г. в Болгарии (в 1922 г. высылался из страны), председатель объединения Атаманского военного училища. Умер 22 февраля 1924 г. в Софии.

[324] **Чапчиков Григорий Иванович**, р. в 1897 г. в Петрограде. Политехнические курсы, Новочеркасское военное училище (1916). Есаул. В Донской армии в Цымлянском отряде, с 31 января 1919 г. войсковой старшина. В Русской Армии до эвакуации Крыма; с марта по декабрь 1920 г. командир 3-го Донского казачьего Калединовского полка. Полковник (22 апреля 1919 г.). Был на о. Лемнос. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца 1 сентября 1921 г.

[325] **Терлецкий Константин Александрович**, р. 2 июня 1888 г. Из крестьян Подольской губ. Чугуевское военное училище (1910), академия Генштаба (1917). Капитан. С 1918 г. в гетманской армии; сотник, и. о. младшего значкового штаба 4-го корпуса, 25 августа 1918 г. назначен офицером Генштаба штаба 4-го корпуса. В Вооруженных силах Юга России; с 5 октября 1919 г. в 5-й пехотной дивизии, с 11 декабря 1919 г. в Донской армии; командир 3-го батальона 2-го запасного стрелкового полка, с 28 января 1920 г. преподаватель в Атаманском военном училище и в Донском пластунском юнкерском полку, 26 июля — 4 августа 1920 г. старший адъютант штаба Сводной дивизии группы генерала Барбовича, затем в Атаманском военном училище до эвакуации Крыма. 7 марта 1921 г. исключен из списков с переводом на беженское положение.

[326] **Жуковский Борис Адамович**, р. в 1887 г. Офицер с 1908 г. Штабс-капитан. В Донской армии; с 6 ноября 1919 г. есаул, с 1920 г. командир сот-

ни Донского пластунского юнкерского полка, затем в Атаманском военном училище. Войсковой старшина (с 28 октября 1920 г.).

[327] **Минаев Леон Петрович**, р. в 1900 г. Во ВСЮР и Русской Армии юнкер в Атаманском военном училище до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Награжден Георгиевским крестом 3-й ст. 28 июля 1921 г.

[328] **Рубанов Михаил Андреевич**, р. в 1900 г. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии юнкер Атаманского военного училища. Ранен под Каховкой, до эвакуации Крыма в Севастопольском морском госпитале. Эвакуирован на корабле «Румянцев». Был на о. Лемнос. Хорунжий. Осенью 1925 г. в составе Атаманского военного училища в Болгарии.

[329] **Трунев Петр Михайлович**, р. в 1902 г. Во ВСЮР и Русской Армии юнкер в Атаманском военном училище до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Лазарев».

[330] **Попов Владимир Петрович**, р. 25 января 1877 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Ново-Николаевской. Донской кадетский корпус (1894), Константиновское артиллерийское училище (1897), академия Генштаба (1903). Офицер гвардейской артиллерии. Генерал-майор, начальник штаба и командующий 1-й Донской казачьей дивизией. В январе—апреле 1918 г. скрывался в Новочеркасске. В Донской армии с 4 мая 1918 г.; до 9 мая 1918 г. командир Северного отряда Южной группы, затем на 26 июня, 20 ноября 1918 г. правитель дел по учебной части Донской офицерской школы, одновременно с 9 мая 1918 г. преподаватель Офицерской артиллерийской школы и Атаманского военного училища до 26 марта 1920 г. В Русской Армии до эвакуации Крыма; летом 1920 г. начальник штаба сводной пешей дивизии 1-го Донского корпуса, с 1 сентября 1920-го по 12 октября 1922 г. (12 марта 1924 г.) инспектор классов Атаманского военного училища, затем начальник того же училища. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял училище, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 17 октября 1935 г. в Париже.

[331] **Кочетов Николай Иванович**, р. в 1890 г. Офицер с 1911 г. Подъесаул. В Донской армии; с 8 ноября 1918 г. есаул, с 21 июля 1920 г. войсковой старшина, с августа 1920 г. командир сотни в Донском пластунском юнкерском полку и Атаманском военном училище до эвакуации Крыма. Полковник (с 28 октября 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Лазарев». Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Атаманского военного училища в Болгарии.

[332] **Страхов Александр Иванович**, р. в 1897 г. Новочеркасское военное училище (1916). Сотник 53-го Донского казачьего полка. В Донской армии; подъесаул в 10-м Донском казачьем полку, с 18 апреля 1920 г. есаул, затем в Атаманском военном училище, в 1920 г. командир взвода в Донском пластунском юнкерском полку до эвакуации Крыма. Награжден орд. Св. Владимира 4-й ст. 18 апреля 1920 г. Был на о. Лемнос Войсковой старшина (28 октября 1920 г.). Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии.

[333] **Скрынник Павел Никифорович**, р. в 1900 г. Из казаков ст. Курской Терской обл. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; юнкер Атаманского военного училища. Тяжело ранен 2 августа 1920 г. под Каховкой. Эвакуирован на транспорте «Ялта». Умер от ран в 1921 г. на о. Лемнос.

[334] **Сохранов Георгий Аполлонович**, р. в 1894 г. Новочеркасское военное училище (1913), офицер с 1914 г. В Донской армии; участник взятия Ростова в ноябре 1917 г., участник Степного похода (командир взвода конно-офицерской сотни полковника Чернушкина). С 30 ноября 1919 г. войсковой старшина, в 1920 г. командир взвода в Донском пластунском юнкерском полку, затем командир сотни в Атаманском военном училище до эвакуации Крыма. Полковник (28 октября 1920 г.). Был на о. Лемнос. В эмиграции во Франции. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. в США. Умер 5 января 1974 г. в Вайнленде (США).

[335] **Колышкин Дмитрий Михайлович**, р. в 1896 г. Офицер с 1915 г. Подъесаул. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Донской армии в Донской офицерской артиллерийской школе, с 17 февраля или 3 марта 1919 г. есаул. В 1920 г командир взвода в Донском пластунском юнкерском полку, затем с августа 1920 г. в Атаманском военном училище. Войсковой старшина (28 октября 1920 г.). В эмиграции. Полковник. Служил в Русском корпусе (лейтенант). Убит 6 апреля 1945 г. в Джуричах (Югославия).

[336] **Ашуркин Иван Созонтович.** Учащийся Новочеркасского реального училища. В начале 1918 г. в отряде полковника Чернецова. В Донской армии; участник Степного похода; с 1919 г. вахмистр 42-го Донского казачьего полка, с августа 1920 г. юнкер Атаманского военного училища. В эмиграции во Франции. Умер 5 февраля 1971 г.

[337] **Никольский Константин Михайлович**, р. в 1900 г. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Юнкер в Атаманском военном училище. Тяжело ранен в августе 1920 г. под Каховкой. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Был на о. Лемнос, с 6 марта 1921 г. хорунжий. Осенью 1925 г. в составе Атаманского военного училища в Болгарии. Сотник.

[338] **Михайлов Леонид Петрович**, р. в 1899 г. Во ВСЮР и Русской Армии юнкер в Атаманском военном училище до эвакуации Крыма. Ранен в августе 1920 г. под Каховкой. Эвакуирован на корабле «Лазарев».

[339] **Номикосов Борис Аркадьевич.** Сын офицера. В Донской армии; юнкер Атаманского военного училища до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос, 6 (9) марта 1921 г. выпущен хорунжим в л.-гв. Казачий полк. В эмиграции во Франции. Сотник. Умер 17 января 1967 г. в Бовалоне (Франция).

[340] **Данилевич Михаил Казимирович.** Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1910). Капитан 5-й артиллерийской бригады. С 1918 г. в гетманской армии; сотник, с 1918 г. в гетманской армии; 30 ноября 1918 г. назначен в управлении начальника артиллерии 1-го корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Офицерской артиллерийской школы во Франции. В эмиграции там же (Бийянкур). Умер 7 февраля 1963 г. в Париже.

[341] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1961. Январь. № 46.

[342] **Красноусов Евгений Михайлович.** Кадет 7-го класа Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с января 1918 г. командир группы кадет на Ташкентском фронте. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, в начале 1919 г. юнкер Оренбургс-

кого военного училища, в декабре 1921 г. хорунжий, командир сотни Сибирского казачьего полка, затем в Сибирской казачьей батарее. Сотник. В эмиграции в Шанхае, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку, капитан, в течение 20 лет адъютант полка. После 1949 г. на Филиппинах, затем в Австралии, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 14 марта 1969 г. в Брисбене (Австралия).

[343] **Семенов (Семенов-Мерлин) Григорий Михайлович**, р. в 1890 г. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 19 ноября 1917 г. в боях с большевиками в Верхнеудинске, начальник сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 октября 1918 г. командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 декабря 1918 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 18 июня 1919 г. по 3 августа 1919 г. командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 29 августа 1919 г. помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, с 12 ноября 1919 г. командующий войсками Читинского (с 5 декабря Забайкальского) военного округа, с 24 декабря 1919 г. Главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с 11 февраля 1920 г. главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременно с 19 ноября 1918 г. походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апреля 1919 г. походный атаман Забайкальского и с 23 апреля 1919 г. Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 г. войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апреля 1920 г. походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 28 апреля 1921 г. походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае. Арестован 22 августа 1945 г. в своем доме в пос. Какахаши, под Дайреном. Расстрелян 30 августа 1946 г. в Москве.

[344] **Кирей Александр Фаддеевич**, р. в 1882 г. в Чернигове. Из дворян, сын офицера. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1901), Константиновское артиллерийское училище (1904). Подполковник. С 1918 г. в гетманской армии; войсковой старшина, 7 ноября 1918 г. назначен в 3-й полк армейской артиллерии. Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде. Полковник. Служил в Русском корпусе. Умер 14 августа 1959 г. в Дорнштадте или Дармштадте (Германия).

[345] **Кирей Иван Фаддеевич**, р. в 1876 г. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1893), Константиновское артиллерийское училище (1896). Полковник. С 1918 г. в гетманской армии; 7 сентября 1918 г. назначен командиром 35-го легкого артиллерийского полка. В эмиграции. Умер до 1961 г.

[346] **Кирей Василий Фаддеевич**, р. в 1879 г. в Оренбурге. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Константиновское артиллерийское училище (1901), Михайловская артиллерийская академия, академия Генштаба. Генерал-майор, инспектор артиллерии 6-го армейского корпуса, команду-

ющий 23-м армейским корпусом. Георгиевский кавалер. С 1918 г. инспектор артиллерии 4-го корпуса в гетманской армии. В Добровольческой армии и ВСЮР; начальник артиллерии 3-й дивизии, с 8 ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, затем начальник артиллерийского снабжения, с 13 апреля 1920 г. в распоряжении начальника штаба Главнокомандующего ВСЮР. В Русской Армии состоял при генерале Врангеле по делам Украины, затем начальник Военно-технического управления в Севастополе до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Чехословакии, с 1924 г. в чехословацкой армии, командир 11-й полевой артиллерийской бригады (с 1 сентября 1938 г. в отставке). Умер в 1942 г. в Праге.

[347] **Рещиков Яков Николаевич**, р. в 1880 г. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1897), Михайловское артиллерийское училище (1900). Полковник воздухоплавательных частей. В Вооруженных силах Юга России. В эмиграции в Польше, Югославии, воспитатель Донского кадетского корпуса, с 1 августа 1933-го по 1 июля 1934 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса; с 1945 г. в Германии, преподаватель русской гимназии. Умер 8 марта 1953 г. в Дорнштадте (Германия).

[348] **Хорошхин Борис Иванович.** Из казаков ст. Уральской Уральской обл. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Подполковник 9-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 1917-го по 8 января 1918 г. (26 декабря 1917 г.) начальник штаба войск Уральской области и войскового штаба Уральского казачьего войска, с начала 1918 г. по 17(4) февраля 1918 г. начальник штаба Уральской армии, в марте 1918 г. тайно прибыл в Уральск из Москвы и привез 1 млн рублей. В сентябре 1918 г. представитель во Временном Всероссийском правительстве от Уральского войскового правительства. С осени 1918 г. в Сибири, с 1919 г. начальник Главного управления по казачьим делам, глава представительства всех казачьих войск при ставке адмирала Колчака. Генерал-майор. В эмиграции в Югославии, затем во Франции, к 1931 г. помощник Уральского атамана, председатель Союза чинов Сибирских войск в Париже.

[349] **Еленевский Александр Петрович**, р. в 1902 г. Кадет Хабаровского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; окончил Читинское военное училище в 1920 г. Прапорщик. В эмиграции в Китае, до 1923 г. в Шанхае, в прикомандировании к Хабаровскому кадетскому корпусу, с 1925 г. в Югославии. Окончил Донской кадетский корпус в 1927 г. Служил в Русском корпусе (унтер-офицер). После 1945 г., в США. К 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 7 января 1975 г. в Сан-Франциско.

[350] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1958. Май. № 29—30.

[351] **Потапов Николай Михайлович**, р. в 1871 г. В службе с 1888 г, офицером с 1891 г. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; на 15 августа 1918 г. начальник 1-й стрелковой дивизии Народной армии, с 20 сентября 1918 г. начальник 3-й Иркутской запасной стрелковой бригады, 3-й Сибирской стрелковой кадровой дивизии, с 18 марта 1919-го — 14-й Сибирской стрелковой дивизии, в декабре 1919 г. в Иркутске. Генерал-лейтенант. Взят в плен, служил в РККА, в 1927 г. играл провокаторскую роль в деле «Треста».

[352] **Ханжин Михаил Васильевич**, р. 17 октября 1871 г. в Самарканде. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Михайловское артиллерийское училище (1893), Михайловская артиллерийская академия (1899), Офицерская артиллерийская школа (1903). Генерал-лейтенант, полевой инспектор при штабе ВГК. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. участник восстания на Урале. С 8 июля по 24 декабря 1918 г. командир 3-го Уральского армейского корпуса (Уральский отдельный корпус) в Челябинске, с 1 января (25 декабря 1918 г.) по 20 июня 1919 г. командующий Западной армией, с 6 октября 1919-го по январь 1920 г. военный министр Всероссийского правительства. Генерал от артиллерии (20 апреля 1919 г.). В эмиграции в Китае, начальник Дальневосточного отдела РОВС в Дайрене. В 1945 г. арестован и вывезен в СССР, до 1956 г. в лагерях. Умер 1961 г. в Ашхабаде или Джамбуле.

[353] **Лукин Н.В.** Войсковой старшина Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 г. командир повстанческого отряда, штурмовавшего 4 апреля 1918 г. Оренбург. Взят в плен и убит по дороге в Оренбург в апреле 1918 г.

[354] **Сычев Ефим Георгиевич**, р. 1 апреля 1879 г. Из казаков Амурского казачьего войска. Нерчинское горное училище, Иркутское военное училище (1899). Полковник, командир 2-й бригады Забайкальской казачьей дивизии, с 14 июля 1918 г. командир Забайкальской казачьей бригады, с августа по 14(15) сентября 1918 г. командир 1-й Забайкальской казачьей дивизии, с 14 сентября 1918 г. командир Отдельной Амурской бригады, с 6 ноября 1918 г. начальник Иркутского военного района, с 5 декабря 1918 г. начальник Иркутской военно-инструкторской школы. Одновремено с января по 19 августа и с 30 августа 1918 г. войсковой атаман Забайкальского казачьего войска. В начале 1919 г. — январе 1920 г. комендант и начальник гарнизона Иркутска. С 1922 г. командующий Амурской военной организации. Генерал-майор (с августа по сентябрь 1919 г.). В эмиграции в Китае, в 1921—1923, 1932 гг. в Харбине, в 1933—1935 гг. редактор журнала «Россия и казачество». Член правления Восточного Казачьего союза. В 1941 г. перешел с сыном в СССР.

[355] **Марков Сергей Владимирович**, р. в 1903 г. Кадет Сибирского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с лета 1918 г. в частях Каппеля. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции с корпусом в Шанхае, с 1925 г., по прибытии в Югославию, остался в 7-м классе Первого Русского кадетского корпуса. Окончил Первый Русский кадетский корпус в 1927 г., Белградский университет, Военно-училищные курсы РОВС. Подпоручик. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. в Германии, преподаватель гимназии, к 1969 г. сотрудник журнала «Военная Быль», на 10 мая 1972 г. член СЧРК в Сан-Франциско. Умер 28 апреля 1973 г. в Сан-Франциско.

[356] Впервые опубликовано: Кадетская перекличка. 1974. № 9.

[357] **Анненков Борис Владимирович**, р. в 1890 г. Из дворян Новгородской губ. Одесский кадетский корпус (1906), Александровское военное училище (1908). Есаул 1-го Сибирского казачьего полка, начальник партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с конца 1917 г. действовал в районе Омска со своим партизанским отрядом. С

28 июля 1918 г. войсковой старшина, с середины 1919 г. на Семиреченском фронте, командующий Отдельной Семиреченской армией. Генерал-майор. В эмиграции с весны 1920 г. в Китае. В 1925 г. выдан большевикам. Расстрелян 24 августа 1927 г. (25 августа 1926 г.) в Семипалатинске.

[358] **Красильников Иван Николаевич**, р. в 1880 г. Есаул. В белых войсках Восточного фронта; в июле 1918 г. начальник отряда, освободившего Иркутск; в июле—августе 1918 г. командир Отряда особого назначения, с ноября 1918 г. войсковой старшина, командир партизанского отряда в Сибири, участник Омского переворота, с ноября 1918 г. полковник. В сентябре 1919 г. командир партизанской бригады (отдельной Егерской бригады Сибирского казачьего войска), затем начальник северного антипартизанского фронта в Енисейской губ. Генерал-майор (с 17 августа 1919 г.).

[359] **Нарбут Владимир Дмитриевич**, р. 30 января 1873 г. Из дворян, сын офицера. Михайловское артиллерийское училище (1893). Полковник, преподаватель Оренбургского военного училища. В белых войсках Восточного фронта; с 8 сентября 1918 г. директор Сибирского кадетского корпуса, с октября 1921 г. инспектор классов Корниловского военого училища во Владивостоке. Генерал-майор (с 1918 г.). В эмиграции в Китае; служащий Хабаровского кадетского корпуса в Шанхае, директор русского Коммерческого училища. Умер 9 мая 1945 г. в Шанхае.

[360] **Иванов-Ринов Павел Павлович**, р. 26 июля 1869 г. в Семипалатинской обл. Из дворян, сын офицера. Сибирский кадетский корпус (1888), Павловское военное училище (1890). Полковник, командующий Отдельной Сибирской казачьей бригадой. В белых войсках Восточного фронта; глава офицерских организаций Омска и Петропавловска. 7 июня 1918 г. возглавил антибольшевистское выступление в Омске, начальник гарнизона, с 13 июня по 7 сентября 1918 г. командир Степного корпуса (с 2 июля 1918 г. генерал-майор), с 15 августа 1918 г. войсковой атаман Сибирского казачьего войска, с 5 сентября врио (с 7 сентября 1918 г. постоянно) до 15 октября (2 или 4 ноября) 1918 г. управляющий военным министерством и с 5 сентября по 13 октября 1918 г. командующий Сибирской армией (до 24 декабря 1918 г.), с 3 (23) декабря 1918 г. — одновременно помощник Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по военной части (до 15(20) мая 1919 г.), с 23 декабря 1918 г. командующий войсками Приамурского военного округа (до 11 мая 1919 г.). С августа 1919 г. командир Отдельного Сибирского казачьего корпуса (до 19 сентября 1919 г.). Осенью 1919 г. помощник командующего 3-й армией, с начала ноября 1919 г. помощник главнокомандующего Восточным фронтом по военно-административной части. Георгиевский кавалер (9 сентября 1919 г.). Генерал-лейтенант (10 августа 1919 г.). С 23 марта 1920 г. в Харбине, с 7 июля 1921 г. начальник штаба атамана Семенова (походного атамана казачьих войск Сибири и Урала) в Гродекове, с 1922 г. начальник тыла армии; в эмиграции в Китае. Осенью 1925 г. выехал в СССР.

[361] **Попов-Азотов Василий Иванович**, р. в 1868 г. В службе с 1886 г., офицером с 1888 г. Полковник, командир роты Сибирского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта на той же должности. В эмиграции в Китае, в 1922—1925 гг. в Шанхае, с 1923 (1924) г. и. д. директора того же

корпуса, с 1925 г. в Югославии, с 4 марта 1925 г. по 9 января 1926 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. Умер 4 июля 1932 г. в Болгарии.

[362] **Сейфулин Леонид Владимирович**, р. 19 ноября 1893 г. Хабаровский кадетский корпус (1913), Александровское военное училище. Георгиевский кавалер. Подпоручик 6-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта в Особом стрелковом полку, затем воспитатель Хабаровского кадетского корпуса, с лета 1921 г. командир роты из кадет Сибирского и Хабаровского кадетских корпусов — личной охраны атамана Семенова. Подполковник. В эмиграции в Китае, с 1923 г. воспитатель Хабаровского кадетского корпуса в Мукдене, в 1931—1943 гг. редактор журнала «Друг инвалида» в Шанхае, в 1939—1944 гг. редактор журнала «Кстати» там же, член Офицерского собрания в Шанхае. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 30 октября 1986 г. в Сиднее (Австралия).

[363] **Гайкович Георгий.** Сибирский кадетский корпус (1915 или 1916). В белых войсках Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода, в марте 1920 г. командир Добовольческого артиллерийского дивизиона; с лета по декабрь 1921 г. командир Добровольческой батареи Дальневосточной армии, с сентября 1922 г. командир Прикамской (бывшая Ижевско-Воткинско-Добровольческая) батареи. Подполковник. В эмиграции в Китае, командир бронепоезда китайской армии. Убит 4 декабря 1925 г. под ст. Таян-Фу.

[364] **Руссет Евгений Вильгельмович (Васильевич)**, р. в 1861 г. В службе с 1879 г., офицером с 1881 г. Полковник, командир роты Сибирского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с осени 1921 г. директор Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор (с 19 декабря 1921 г.). В эмиграции в Китае (в Шанхае), с 1924 г. в Югославии (к 1941 г. в Белграде).

[365] **Дитерихс Михаил Константинович**, р. в 1874 г. Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус (1894), академия Генштаба (1900). Генерал-лейтенант, с 3 ноября 1917 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего; 8 ноября 1917 г. уехал на Украину, где стал начальником штаба Чехословацкого корпуса (до января 1919 г.), с которым начал белую борьбу в белых войсках Восточного фронта; с января 1919 г. начальник штаба русских войск Западного фронта, с 20 июня по 4 ноября 1919 г. Главнокомандующий армиями Восточного фронта, в июле 1919 г. также и командующий Сибирской армией, с 10 августа по октябрь 1919 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего, 12 августа — 6 октября 1919 г. одновременно военный министр в правительстве адмирала Колчака. С 4 ноября 1919 г. в распоряжении адмирала Колчака. В июне 1922 г. избран Земским собором во Владивостоке единоличным правителем и воеводой Земской рати, 1(11) июня — 3 ноября 1922 г. воевода Земской рати. В эмиграции с 1923 г. в Шанхае, с 1924 г. начальник Дальневосточного отдела РОВС. Умер 8 (12) октября 1937 г. в Шанхае.

[366] **Баженов Леонид Петрович.** Подполковник. В белых войсках Восточного фронта в Сибирском кадетском корпусе; участник Сибирского Ледяного похода. В октябре 1922 г. командир отряда из кадет по охране железной дороги под Владивостоком. Полковник. В эмиграции в Шанхае, с 1924 г. в Югославии.

[367] **Корнилов Афанасий Алексеевич**, р. в 1868 г. В службе с 1886 г., офицером с 1888 г. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 1918 г. по июнь 1920 г. инспектор классов Хабаровского кадетского корпуса, с октября 1918 г. одновременно инспектор классов Калмыковского военного училища. С июня 1920 г. по 1 февраля 1925 г. директор Хабаровского кадетского корпуса. Генерал-майор (с октября 1918 г.). В эмиграции в Югославии и Франции.

[368] Ныне Вонсан.

[369] Ныне Пусан.

[370] **Мархинин Георгий.** Кадет 1—2 класса Сибирского кадетского корпуса. В октябре 1922 г. эвакуировался на плоту из Владивостока, с 1923 г. в Шанхае, с 6 ноября 1924 г. в Югославии в Донском кадетском корпусе. Окончил Крымский кадетский корпус. В эмиграции с 1938 г. в Брисбене (Австралия).

[371] **Эльснер Георгий Константинович.** Сын полковника. Одесский кадетский корпус (1908), Пажеский корпус. Капитан л.-гв. Егерского полка. В Добровольческой армии в Сводно-гвардейском отряде, затем в белых войсках Восточного фронта — начальник хозяйственной части Егерского батальона штаба 2-й армии. На 1920 г. в Харбине. Подполковник. В эмиграции в Китае, весной 1923 г. представитель русской колонии в Шанхае, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае. Полковник. Умер 11 августа 1973 г. в Тайбее (Тайвань).

[372] **Штрандтман Василий Николаевич.** Сын генерал-лейтенанта. Пажеский корпус (1897). Офицер л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Российский посланник в Югославии, к 1921 г. на той же должности. В эмиграции на Восточном побережье США. Умер 18 ноября 1963 г. в Вашингтоне.

[373] **Андреев Валентин.** Кадет 1-го (2-го) класса Сибирского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; в октябре 1922 г. эвакуировался на плоту из Владивостока, с 1923 г. в Шанхае, с 1 февраля 1924 г. в Югославии. Окончил Донской кадетский корпус.

[374] **Перрет Евгений Васильевич**, р. 17 июля 1876 г. в Полтаве. 1-й Московский кадетский корпус (1893), Михайловское артиллерийское училище (1896), Михайловская артиллерийская академия. Офицер л.-гв. 2-й и 1-й артиллерийских бригад, командир дивизиона л.-гв. Стрелковой артиллерийской бригады. Генерал-майор, командир 4-й Финляндской артиллерийской бригады, инспектор артиллерии 1-го гвардейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с конца 1918 г. на Дону при штабе Донского атамана Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на Антигону и в Константинополь на транспорте «Бриенн». Вышел в отставку генерал-лейтенантом 3 июля 1920 г. Вновь принят на службу инспектором классов 2-го Донского кадетского корпуса 7 июня 1921 г. В эмиграции в Югославии, инспектор классов, в 1921—1933 гг. директор Донского кадетского корпуса. Умер 19 июля 1940 г. в Белграде.

[375] **Соколов Валентин Александрович.** Кадет Сибирского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта в том же корпусе. В эмиграции к 1923 г. в Шанхае, остался в Китае, с 1929 г. в Шанхайском Русском полку (лейтенант). После 1949 г. в США. Умер 11 сентября 1992 г. в Сан-Бруно (под Сан-Франциско).

[376] Впервые опубликовано: Кадетская перекличка. 1989. Сентябрь. № 47.

[377] **Забуга Степан Федорович**, р. в 1871 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Полковник, инспектор классов Сибирского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; на той же должности. При эвакуации в октябре 1922 г. остался во Владивостоке.

[378] Впервые опубликовано: Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус, 1888—1978. Сан-Франциско, 1978.

[379] **Гириллович Юрий Юрьевич (Георгий Георгиевич)**, р. в 1901 г. Кадет Хабаровского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; Хабаровский кадетский корпус (1919), затем в отряде Орлова и Конно-Егерском полку. Прапорщик (с декабря 1919 г.). Георгиевский кавалер. В эмиграции в США. Умер 10 октября 1982 г. в Сан-Франциско.

[380] **Никонов Михаил Павлович**, р. в 1862 г. В службе и офицером с 1886 г. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; с 1918-го по июнь 1920 г. директор Хабаровского кадетского корпуса, с 18 октября 1918 г. одновременно начальник Калмыковского военного училища. В эмиграции в Японии.

[381] **Меди Сергей Николаевич.** Штабс-капитан 2-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с февраля по март 1918 г. командир отряда «Защиты Родины и Учредительного собрания» в Забайкалье. Генерал-майор. В эмиграции в Китае. Умер в феврале 1940 г. в Харбине.

[382] **Сейфулин Владимир Владимирович**, р. в 1900 г. Сын генерал-майора. Кадет Хабаровского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с февраля по март 1918 г. в отряде «Защиты Родины и Учредительного собрания», летом 1919 г. в отряде охраны ставки атамана Семенова в Чите. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Окончил корпус в 1920 г., с декабря 1919 г. в Калмыковском военном училище. Хорунжий. В эмиграции в Китае, служащий Хабаровского кадетского корпуса, до 1923 г. в Шанхае. После 1949 г. в США. Умер 23 декабря 1999 г. в Сакраменто (США).

[383] **Реутт Игорь Константинович**, р. в 1901 г. Кадет Хабаровского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; в феврале—марте 1918 г. в отряде «Защиты Родины и Учредительного собрания»; окончил корпус в 1920 г., поступив в Калмыковское военное училище, затем юнкер Корниловского военого училища, после эвакуации — в прикомандировании к Хабаровскому кадетскому корпусу в Шанхае. После 1949 г. в США. Умер 9 февраля 1989 г. в Сан-Франциско.

[384] **Калмыков Иван Михайлович.** Есаул Уссурийского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с 20 по 31 января 1918 г атаман Уссурийского казачьего войска, с 25 марта 1919 г. командир Уссурийского особого отряда, с 29 августа 1919 г. начальник Уссурийской отдельной бригады, с 1 января 1920 г. — Уссурийской отдельной сводной дивизии. Генерал-майор (1919). Убит в 1920 г. в Китае.

[385] **Хорват Дмитрий Леонидович**, р. 25 июля 1858 г. Николаевское инженерное училище (1878). Офицер л.-гв. Саперного батальона. Генерал-лейтенант, управляющий и глава военной администрации КВЖД. В белых войсках Восточного фронта; с 10 июля по 14 ноября 1918 г возглавлял «Деловой

кабинет» в Харбине и Владивостоке. Временный верховный правитель России. С 28 октября по 18 августа 1919 г. Верховный уполномоченный Всероссийского правительства на Дальнем Востоке, с 11 мая по 18 июля 1919 г. командующий войсками Приамурского военного округа. В эмиграции в Китае. Умер 16 мая 1937 г. в Пекине.

[386] **Грудзинский Николай Цезарьевич**, р. в 1865 г. В службе с 1886 г., офицером с 1888 г. Полковник, воспитатель Хабаровского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; в 1918—1925 гг. командир роты Хабаровского кадетского корпуса, с 18 октября 1918 г. одновременно помощник начальника Калмыковского военного училища, затем начальник Хабаровского военного училища. В эмиграции в Китае, с 1925 г. в Югославии.

[387] **Розанов Сергей Николаевич**, р. в 1869 г. В службе с 1886 г., офицером с 1889 г. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных); с 25 сентября 1918 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего, командующий войсками в Енисейской губ., с лета 1919 г. начальник Приамурского края, 18 июля 1919 г. — 31 января 1920 г. командующий войсками Приамурского военного округа. Генерал-лейтенант. В эмиграции во Франции, в начале ноября 1920 г. в Париже. Умер 28 августа 1937 г. в Медоне (Франция).

[388] **Мартьянов Дмитрий Павлович**, р. в 1864 г. В службе с 1882 г., офицером с 1884 г. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; в 1918—1925 гг. командир роты Хабаровского кадетского корпуса. В эмиграции в Китае, до 1925 г. воспитатель того же корпуса в Шанхае, с 1925 г. в Югославии.

[389] **Шлегель Андрей Андреевич**, р. в 1874 г. В службе с 1895 г., офицером с 1898 г. Подполковник артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; в 1918—1920 гг. воспитатель Хабаровского кадетского корпуса.

[390] **Косенко Владимир Александрович.** Штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта; в 1918—1924 гг. воспитатель Хабаровского кадетского корпуса. Капитан. В эмиграции в Шанхае.

[391] **Снопов В.П.** Коллежский асессор. В белых войсках Восточного фронта; в 1918—1919 гг. преподаватель, с декабря 1919-го по 1922 г. секретарь Хабаровского кадетского корпуса. При эвакуации 1922 г. остался во Владивостоке.

[392] **Болдырев Василий Георгиевич**, р. в 1875 г. Военно-топографическое училище (1895), академия Генштаба. Генерал-лейтенант, командующий 5-й армией. В декабре 1917 г. — мае 1918 г. в тюрьме, затем в белых войсках Восточного фронта; 24 сентября — 18 ноября 1918 г. Главнокомандующий войсками Уфимской Директории, затем выслан в Японию, с апреля 1920 г. вернулся во Владивосток, член правительства ДВР, 7 апреля — 12 декабря 1920 г. Главнокомандующий войсками Временного правительства Приморской областной земской управы во Владивостоке. Остался в СССР, в октябре 1922 г. арестован, летом 1923 г. освобожден и служил в советских учреждениях. Расстрелян 20 августа 1933 г.

[393] **Антонович Александр Трифонович.** Академия Генштаба. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с апреля 1919 г. начальник Томского военного училища, с мая 1919 г. в штабе адмирала Колчака, в июне 1919 г. и. д. 3-го генерал-квартирмейстера Ставки ВГК. В 1918—1922 гг. преподава-

тель Академии Генштаба, 12 апреля — 12 декабря 1920 г. начальник штаба войск Приморской области. Генерал-майор (с 27 июня 1919 г.). Остался в России. Умер в Красноярской тюрьме.

[394] **Романов Герасим Федорович**, р. в 1868 г. В службе с 1886 г., офицером с 1889 г. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; с апреля 1920 г. генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего во Владивостоке, с 12 декабря 1920 г. по 17 марта 1921 г. начальник штаба сухопутных и морских сил Приморской обл.

[395] **Травников Константин Авксентьевич**, р. в 1874 г. В службе с 1893 г., офицером с 1895 г. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; с апреля 1920 г. комендант крепости Владивосток, 12(16) декабря 1920 г. — 16 февраля 1921 г. врид командующего сухопутными и морскими силами временного правительства Приморской областной земской управы.

[396] **Федоров Александр Львович**, р. в 1866 г. Николаевское инженерное училище (1888). Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с апреля 1920 г. до июня 1921 г. главный начальник снабжений при командующем сухопутными и морскими силами Приморского района и крепости Владивосток. Генерал-майор.

[397] **Гроссевич Александр Петрович.** Капитан. В белых войсках Восточного фронта; воспитатель Хабаровского кадетского корпуса. Подполковник. Убит 4—5 апреля 1920 г. на р. Амур.

[398] **Пинчук Аристарх.** Капитан. В белых войсках Восточного фронта; воспитатель Хабаровского кадетского корпуса. Убит 4—5 апреля 1920 г. во Владивостоке.

[399] **Каппель Владимир Оскарович**, р. в 1881 г. в Белеве. Из дворян, сын офицера. 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1900), академия Генштаба (1913). Офицер 17-го уланского полка. Подполковник, начальник штаба 37-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. во главе отряда особого назначения Народной армии («Добровольческого Партизанского отряда подполковника Каппеля»), на 15 августа 1918 г. командир бригады своего имени, с сентября 1918 г. полковник, командир Самарского отряда, с 20 августа 1918 г. возглавлял объединенные Симбирскую и Казанскую группы Поволжского фронта, с 17 ноября 1918 г. командир Сводного корпуса (генерал-майор), с 3 января 1919 г. — 1-го Волжского армейского корпуса Западной армии, с 14 июля 1919 г. — Волжской группы 3-й армии, с 4 ноября 1919 г. командующий 3-й армией и Московской группой армий, с 9 декабря 1919 г. Главнокомандующий Восточным фронтом. Генерал-лейтенант. Награжден орд. Св. Георгия 3-й (12 сентября 1919 г.) и 4-й (22 июня 1919 г.) ст. Умер 26 января 1920 г. у раз. Урей.

[400] **Вержбицкий Григорий Афанасьевич**, р. 25 января 1875 г. Из мещан г. Летичева. Каменец-Подольская гимназия (не окончил), Одесское пехотное юнкерское училище (1897). Полковник, командир бригады 134-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. При большевиках отказался от предложенной ему должности начальника 134-й пехотной дивизии, был приговорен за неповиновение к смертной казни, но, спасенный солдатами, уехал в Омск 8 декабря 1917 г. Спасаясь от преследования большевиков, перебрался в Усть-Камено-

горск. В белых войсках Восточного фронта. Участник свержения большевиков и организации Усть-Каменогорского офицерского отряда, с 20 июня 1918 г. начальник 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, с 20 июля 1918 г. генерал-майор. По очищении района р. Туры назначен уполномоченным правительства с правами генерал-губернатора по насаждению государственного и общественного аппаратов управления освобожденных районов Западной Сибири. В дальнейшем командовал Западно-Сибирским отрядом, с 1 января 1919 г. командир 3-го Западно-Сибирского стрелкового корпуса, с 10 апреля 1919 г. командующий Южной группой Сибирской, затем 2-й армии. Награжден орд. Св. Георгия 3-й ст. 20 февраля 1919 г., орд. Св. Владимира 3-й ст. 2 мая 1919 г. Участник Сибирского Ледяного похода: начальник колонны на правах командующего армией в составе Южной и Тобольской групп, с января 1920 г. командующий 2-й армией, с 25 марта 1920 г. командир 2-го Отдельного Сибирского стрелкового корпуса, с 22 августа 1920 г. командующий Дальневосточной армией, командующий Вооруженными силами Приморской обл., с 31 мая 1921 г. командующий войсками Временного Приамурского правительства и с 12 октября 1921 г. одновременно управляющий Военным и Морским ведомством, в декабре 1921 г. — июне 1922 г. Главнокомандующий Дальневосточной армией. Генерал-лейтенант (с января 1919 г.). В эмиграции в Китае; с 1930 г. помощник начальника Дальневосточного отдела РОВС, с 1932 г. начальник отдела РОВС в Харбине, с 1936 г. — Тянцзиньского отдела РОВС. Умер 20 декабря 1941(1942) г. в Тяньцзине.

[401] **Глебов Фаддей (Федор) Львович**, р. 25 июня 1887 г. в пос. Казанском Петропавловского уезда. Из казаков Сибирского казачьего войска. Произведен в офицеры из вахмистров в 1916 г. Подъесаул. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. сформировал в ст. Пресновской 5-ю сотню 1-го Сибирского казачьего полка, затем командир 1-й сотни того же полка. К маю 1919 г. есаул, помощник командира полка, с 6 августа 1919 г. командир 10-го Сибирского казачьего полка (с 9 сентября 1919 г. войсковой старшина), с ноября 1919 г. полковник, командир Сибирской казачьей бригады. Участник Сибирского Ледяного похода. С весны 1920 г. командир Сибирского казачьего полка, с осени 1920 г. генерал-майор, с весны 1921 г. командир Сводной казачьей бригады, затем начальник Сводной казачьей дивизии; 1 сентября — 6 декабря 1921 г. командующий Гродековской группой войск. 9 декабря 1921 г. отстранен и арестован, 1—18 июня 1922 г. командир Особой группы частей армии Приамурского Временного правительства, 4-го казачьего корпуса, с 18 июля 1922 г. командир Дальневосточной казачьей группы. Генерал-лейтенант (1921) В эмиграции в Китае. С 29 июня 1925 г. заместитель атамана Сибирского казачьего войска, в 1942—1944 гг. председатель Российского эмигрантского комитета. Умер 23 октября 1945 г. в Шанхае.

[402] **Старк Георгий (Юрий) Карлович**, р. 20 октября 1878 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Выборгской губ., сын чиновника. Морской корпус (1897). Контр-адмирал, начальник минной дивизии Балтийского флота. В белых войсках Восточного фронта; с августа 1918 г. рядовой в Народной армии в Казани, командир отряда судов на Волге, командующий Волжско-Камской флотилией, с осени 1918 г. командир бригады и дивизии Морских стрелков в

Красноярске. Участник Сибирского Ледяного похода. В 1920—1921 гг. в Харбине, с 18 июня 1921 г. командующий Сибирской флотилией, с 10 августа 1922 г. одновременно помощник по морской части правителя Приамурского края, с сентября 1922 г. начальник тыла Приморья. При эвакуации в 1922 г. командующий Сибирской флотилией в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции с 1923 г. в Маниле, с 1931 г. в Шанхае (член Офицерского собрания), затем во Франции (в Париже), на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке, в 1946—1949 гг. председатель Всезарубежного объединения русских морских офицеров. Умер 2 марта 1950 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

[403] **Бердников Иван Миронович.** Полковник. В белых войсках Восточного фронта; помощник инспектора классов Хабаровского кадетского корпуса. В эмиграции в Шанхае, в 1922—1925 гг. воспитатель того же корпуса, с 1925 г. в Югославии.

[404] **Шелавин Алексей Николаевич.** Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 18 июня по 13 сентября 1918 г. начальник штаба Омского военного округа, затем и. д. начальника штаба 1-го сводного Сибирского (на 9 мая 1919 г. — 4-го Сибирского армейского корпуса) и Северной группы войск 2-й армии, с мая 1921 г. начальник управления военно-учебных заведений во Владивостоке. Генерал-майор (с 20 августа 1919 г.). В эмиграции, в 1927 г. вернулся в СССР.

[405] **Шеффер Владимир Иванович.** Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; воспитатель, к 1922 г. секретарь Хабаровского кадетского корпуса. Полковник. В эмиграции в Китае, до 1923 г. служащий того же корпуса в Шанхае, к 1938 г. в Мукдене.

[406] **Князь Чегодаев Николай Владимирович.** Подполковник. В белых войсках Восточного фронта до эвакуации Приморья; в 1918—1922 гг. служащий Хабаровского кадетского корпуса. Остался во Владивостоке. В декабре 1922 г. — феврале 1923 г. выслан с Дальнего Востока. Расстрелян большевиками в 1923 г.

[407] **Манковецкий Петр Захарович**, р. в 1879 г. В службе с 1896 г., офицером с 1898 г. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; в 1918—1922 гг. воспитатель Хабаровского кадетского корпуса. При эвакуации в 1922 г. остался во Владивостоке.

[408] **Безуар Василий Викторович**, р. в 1887 г. Морской корпус (1907). Старший лейтенант Отдельных гардемаринских классов. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии, летом 1918 г. в добровольческой морской роте в Харбине; с октября 1918 г. председатель комиссии для выработки временной необходимой комплектации Сибирской и Амурской флотилий, с 5 декабря 1918 г. командующий Амурской флотилией, с несколькими кораблями которой в январе 1920 г. ушел в Китай, с февраля 1920 г. командир морской роты при отступлении из Хабаровска. Капитан 2-го ранга. К лету 1921 г. в китайской тюрьме в Гирине. С июня 1921 г. член военного совета Сибирской флотилии, с октября 1922 г. начальник отряда транспортов, заведующий эвакуацией Владивостока. Контр-адмирал. При эва-

куации в 1922 г. остался в Гензане. В эмиграции в Шанхае, служил в торговом флоте, редактор журнала «Штандарт», в 1939 г. член кают-компании в Шанхае. Убит японским снарядом, командуя пароходом, в первый день войны 7 декабря 1941 г.

[409] **Яковлев Пантелеймон Алексеевич**, р. в 1875 г. В службе с 1893 г., офицером с 1895 г. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; в 1918—1925 гг. воспитатель Хабаровского кадетского корпуса. В эмиграции в Китае.

[410] **Цеханович Иосиф Александрович.** В белых войсках Восточного фронта; в 1920—1925 гг. старший врач Хабаровского кадетского корпуса. В эмиграции в Китае.

[411] **Зимин Константин Николаевич.** Надворный советник. В белых войсках Восточного фронта; в 1918—1925 гг. преподаватель Хабаровского кадетского корпуса. Статский советник. В эмиграции в Китае, к октябрю 1924 г. в Шанхае, с 1925 г. в Югославии.

[412] **Подполковник Теляковский** был командиром 1-й батареи 1-го артиллерийского училища во Владивостоке.

[413] **Блонский Василий Васильевич.** Восточный институт (1908). Полковник, помощник военного агента в Китае (Мукден). В белых войсках Восточного фронта на той же должности до 1923 г. В эмиграции там же, в 1928—1936 гг. директор русского реального училища, с 1935 г. член БРЭМ. Умер до 1949 г.

[414] **Гаттенбергер Петр Георгиевич**, р. 11 января 1906 г. Кадет Хабаровского кадетского корпуса. В эмиграции к 1925 г. в Шанхае, из 5-го класса переведен в Донской кадетский корпус, затем из 7-го класса Крымского кадетского корпуса — в Первый Русский кадетский корпус. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1929—1933 гг. в Белграде. Вольноопределяющийся 4-го гусарского полка. Окончил военно-училищные курсы до 1945 г. Корнет. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. в США. Умер 14 февраля 1991 г. в Сан-Франциско.

[415] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1974. Январь. № 126.

[416] **Крузе Евгений Борисович**, р. в 1861 г. В службе с 1878 г., офицером с 1880 г. Генерал-майор, начальник штаба Уссурийского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; служащий Хабаровского кадетского корпуса. Убит большевиками в 1922 г.

[417] **Магденко Виктор Владимирович.** Подполковник. В белых войсках Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Китае, к 1923 г. эконом Хабаровского кадетского корпуса, с октября 1924 г. в Шанхае, с 1925 г. в Югославии, эконом Донского кадетского корпуса в Билече до его расформирования.

[418] **Никифоров Борис Васильевич.** Полковник конной артиллерии. В белых войсках Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода; и. д. инспектора классов, преподаватель и воспитатель Сибирского кадетского корпуса. В эмиграции в 1922—1925 гг. в Шанхае, с 1924 г. в Югославии, до 1928 г. воспитатель и служащий Донского кадетского корпуса, затем землемер. Служил в Русском корпусе. Умер в США.

[419] Впервые опубликовано: Кадетская перекличка. 1974. № 9.

[420] **Вальтер Ричард-Кирилл Францевич**, р. в 1870 г. В службе с 1888 г., офицером с 1890 г. Академия Генштаба. Генерал-лейтенант, начальник штаба Западного фронта. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае, с 9 января 1922 г., на 1929 г. председатель Союза военнослужащих (Союза служивших в Российской Армии и Флоте в Шанхае), служил на почте и в муниципалитете. Умер в январе 1945 г. в Шанхае.

[421] **Рахманинов Андрей Александрович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Награжден Георгиевской медалью 4-й ст. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). В эмиграции в Югославии. Застрелился в 1936 г.

[422] Приложение к «Морскому журналу». Прага, б. г.

[423] **Кавтарадзе Алексей Павлович.** Из дворян, сын генерала. 2-й кадетский корпус. Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Награжден Георгиевской медалью 4-й ст. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). В Русской Армии с 11 апреля 1920 г. в Морском корпусе. В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Кружка бывших воспитанников Морского корпуса и Отдельных гардемаринских классов в Лионе. Мичман. Умер 21 января 1967 г. в Бретани.

[424] **Паскин Степан Александрович**, р. в 1880 г. Морской корпус (1899).

[425] **Шестаков Александр Александрович**, р. в 1891 г. Морской корпус (1913). Лейтенант Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел», с 1918 г. на том же крейсере во Вьетнаме. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии, с ноября 1918 г. преподаватель Морского училища во Владивостоке. Умер весной 1919 г. во Владивостоке.

[426] **Халкевич Николай Петрович**, р. в 1881 г. Морской корпус (1902).

[427] **Запольский Михаил Валерианович**, р. в 1891 г. Морской корпус (1911). Лейтенант. В Донской армии; командир канонерской лодки «К-14». Старший лейтенант (с 24 июня 1920 г.).

[428] **Берлинский Николай Иванович**, р. в 1873 г. Морской корпус (1893).

[429] **Пономарев Владимир Федорович**, р. в 1860 г. Морской корпус (1881). Генерал-лейтенант флота, начальник Петергофской военной гавани. К лету 1921 г. в Константинополе. В эмиграции в Югославии. Умер в октябре 1927 г. в Ергдичнови (Югославия).

[430] **Федоров Федор Иванович**, р. в 1867 г. Морской корпус (1888).

[431] **Скупенский Евгений Сигизмундович.** Морской корпус (1916). Мичман, преподаватель Морского корпуса и Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке, до осени 1919 г. командир роты Морского училища и Сибирской флотилии. Эвакуирован в январе 1920 г В Русской Армии с августа 1920 г.; вахтенный на-

чальник учебного судна «Свобода». Лейтенант (23 октября 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте на учебном судне «Великая княгиня Ксения Александровна», в декабре 1921 г. на учебном судне «Моряк». В эмиграции во Франции, на 31 января 1922 г. в Париже. Застрелился в 1920-х гг.

[432] **Фролов Сергей Иванович**, р. в 1869 г. Морской корпус (1890). Контр-адмирал, начальник Отдельных гардемаринских классов. Умер весной 1919 г. в Киеве.

[433] **Афанасьев Михаил Митрофанович**, р. в 1884 г. Морской корпус (1905). Старший лейтенант Отдельных гардемаринских классов. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; командир крейсера «Орел» во Вьетнаме. Осенью 1919 г. прибыл с кораблем во Владивосток и убыл в Особый Маньчжурский отряд. Капитан 2-го ранга. В эмиграции в Париже, с начала 1930-х гг. в Гонконге. Умер в 1950 г. в Гонконге.

[434] **Гнида Владимир Дмитриевич**, р. 23 марта 1885 г. Морской корпус (1905). Старший лейтенант, врио командующего Сибирской флотилией. В эмиграции в Китае. Умер 28 февраля 1934 г. в Шанхае.

[435] **Феодосьев Николай Евгеньевич**, р. в 1887 г. Морской корпус (1908) (офицером с 1909 г.). Старший лейтенант. Умер в декабре 1918-го — 1919 г.

[436] **Вереницын Георгий Федорович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). Вернулся в СССР после 1944 г. Умер после 1950-х гг.

[437] **Степанов Юрий Петрович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел», в конце 1918 г. в Сайгоне. В белых войсках Восточного фронта; с 16 января 1919 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). В эмиграции в Чехословакии (с 1934 г. в Братиславе). После 1945 г. в Аргентине. Умер 28 марта 1966 г. в Буэнос-Айресе.

[438] **Тимофеев Павел Александрович**, р. в 1891 г. Морской корпус (1911). Лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. в добровольческой морской роте в Харбине. Старший лейтенант. В эмиграции в Китае, в 1936 г. член кают-компании в Шанхае, в 1937 г. в Чифу, служил на пароходе Добровольного флота «Симбирск». После 1949 г. в США. Умер 1 января 1966 г. в Сан-Франциско.

[439] **Вальронд Сергей Александрович**, р. в 1888 г. Морской корпус (1910). Лейтенант.

[440] **Шахов Павел Васильевич**, р. в 1891 г. Морской корпус (1914). Лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. в добровольческой морской роте в Харбине. Старший лейтенант. Эвакуирован в Турцию, в 1921 г., к 1 январю 1922 г. член Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции в США (Нью-Йорке), на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член,

позже вице-председатель Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 30 сентября 1972 г. в Нью-Йорке.

[441] **Покровский Александр Алексеевич**, р. в 1894 г. Морской корпус (1914). Мичман. В Вооруженных силах Юга России. Лейтенант (28 марта 1920 г.). В эмиграции в США, в 1930—1939 гг. в Сиэтле. Умер 4 января 1957 г. в Сан-Франциско.

[442] **Артемьев Николай.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1918 г. в добровольческой морской роте в Харбине, с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Прапорщик по адмиралтейству (с весны 1918 г.). Подпоручик. Убит на транспорте «Магнит» 12 апреля 1919 г. в бухте Находка.

[443] **Федорович Михаил Иосифович**, р. 14 октября 1872 г. Морской корпус (1892), Морская академия (1914). Капитан 1-го ранга, командир линейного корабля «Евстафий». В белых войсках Восточного фронта; начальник гарнизона и комендант Томска и Красноярска, начальник технической части Морского министерства, с весны 1919 г. командующий Морскими силами на Дальнем Востоке. Контр-адмирал (1918). В эмиграции в Китае: к лету 1921 г. в Харбине, с 1930 г. в Шанхае, организатор там морской школы. Умер 7 декабря 1936 г. в Шанхае. Жена, 3 дочери (эвакуированы до осени 1920 г. из Севастополя).

[444] **Рыбин Александр Гаврилович**, р. в 1889 г. Морской корпус (1911), Штурманский офицерский класс (1916). Лейтенант, старший штурманский офицер линейного корабля «Императрица Екатерина Великая». В белых войсках Восточного фронта с осени 1918 г., в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован в январе 1920 г., с Калькутты командир канонерской лодки «Якут». С августа 1920 г. в Русской Армии; с 21 ноября 1920 г. командир учебного судна «Свобода». Старший лейтенант (26 октября 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, в январе—мае 1921 г. командир учебного судна «Великая княгиня Ксения Александровна». В эмиграции на 31 января 1922 г. в Тунисе, служил в Морском корпусе, с 1924 г. во Франции. Застрелился 25 ноября 1927 г. в Париже.

[445] **Бунин Петр Николаевич**, р. в 1886 г. Морской корпус (1908) (офицер с 1909 г.). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1919 г. командир роты Морского училища во Владивостоке, эвакуирован с училищем в январе 1920 г., с августа 1920 г. первый помощник капитана крейсера «Орел» при передаче его в Добровольный флот в Югославии. В эмиграции в Югославии, на 31 января 1922 г. в Сараево, в 1934—1936 гг. в Дубровнике. Умер 13 сентября 1958 г. в Дубровнике.

[446] **Потолов Николай Владимирович**, р. 5 декабря 1887 г. Морской корпус (1907) (офицером с 1908 г.). Старший лейтенант, старший офицер эсминца «Азард». В Добровольческой армии с 2 января 1918 г. в Морской роте. В феврале 1918 г. пробрался в Баку и летом 1918 г. служил на английской службе в Персии, затем на пароходе «Вентюр» в Каспийской флотилии ВСЮР. В белых войсках Восточного фронта: с конца 1919 г. на Сибирской флотилии, с декабря 1919 г. начальник морской учебной команды во Владиво-

стоке, затем в Морском училище во Владивостоке, с января 1920 г. командир крейсера «Орел». Капитан 2-го ранга. При эвакуации Владивостока в январе 1920 г. остался в Японии. В эмиграции на 31 января 1922 г. в Шанхае, служил в английском флоте, с 1922 г. командир канонерки таможенной службы, затем в Ревеле. Умер 19 сентября 1935 г. под Вириньи (Франция).

[447] **Коренев Михаил Михайлович**, р. в 1886 г. Морской корпус (1907) (офицером с 1908 г.). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; с 1919 г. командир посыльного судна «Якут» Сибирской флотилии, в январе 1920 г. командир того же судна при оставлении Владивостока, после эвакуации остался в Калькутте. На 31 января 1922 г. в Морском училище во Владивостоке, затем командир канонерской лодки «Диомид» Сибирской флотилии. Капитан 2-го ранга. При эвакуации 1922 г. в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в Китае, в 1930-х гг. в Шанхае, служил на пароходе Добровольного флота «Пенза». Умер 13 октября 1961 г. в Брисбене (Австралия).

[448] **Дихт Гавриил Евгеньевич**, р. в 1888 г. Морской корпус (1907) (офицером с 1908 г.). Лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; с осени 1919 г. по январь 1920 г. командир роты в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован с училищем в январе 1920 г., остался в Порт-Саиде, на 31 января 1922 г. в Александрии. В эмиграции в Египте (в 1930-х гг. в Александрии). Умер после 1933 г.

[449] **Иевской Виктор Александрович**, р. в 1891 г. Морское инженерное училище (1913). Лейтенант, инженер-механик. В белых войсках Восточного фронта; в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован в январе 1920 г. В Русской Армии в Черноморской минной бригаде. Эвакуирован в Турцию, к 1 января 1922 г. член Союза морских офицеров в Константинополе (находился в Болгарии). В эмиграции к 1930 г. в Болгарии, к 1931 г. во Франции (Париж), в 1937—1949 гг. в Болгарии.

[450] **Веселаго Георгий Михайлович**, р. в 1892 г. Морской корпус (1911). Старший лейтенант Гвардейского Экипажа, начальник оперативной части, и. о. начальника штаба Главного начальника Мурманского укрепленного района и отряда судов. В белых войсках Северного фронта; с февраля 1919 г. управляющий делами Мурманского Совета. С августа 1919 г. в белых войсках Восточного фронта, к 1920 г. в Морском училище во Владивостоке; эвакуирован в январе 1920 г. из Калькутты в США. В эмиграции на 31 января 1922 г. в Мексике, затем в США (Филадельфия, затем Пенсильвания), инженер и управляющий отделением фирмы; на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 4 июня 1971 г. в Менло-Парке (Калифорния).

[451] **Гарин Алексей Николаевич.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). В эмиграции в США. Умер 20 апреля 1964 г. в Питтсфилде (шт. Массачусетс).

[452] **Захарченко Константин Львович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке, участник подавления мятежа Гайды. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. (1919). Окончил Морское училище во Владивостоке в 1920 г. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). В эмиграции из Калькутты с 1920 г. в США, в 1923 г. окончил Массачусетский технологический институт. Инженер, конструктор вертолетов, в 1934—1943 гг. советник ВВС Китая в Кантоне; на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. в Пенсильвании. Умер после 1956 г. в США.

[453] **Булашевич Сергей Михайлович,** р. в 1889 г. Морской корпус (1911). Лейтенант. В белых войсках Восточного фронта в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован в январе 1920 г. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Старший лейтенант (28 марта 1920 г.). В октябре 1922 г. на крейсере «Алмаз».

[454] **Ягупов Анатолий Александрович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). С июня 1920 г. в Коломбо (секретарь российского консульства), с марта 1921 г. на о. Ява, с февраля 1955 г. в Голландии.

[455] **Фельдман Рудольф Карлович,** р. в 1864 г. Морской корпус (1886). Капитан 1-го ранга (из отставки; с 1917 г. вновь в отставке). В эмиграции в Эстонии, к 1936 г. в Ревеле, затем в Польше. Умер в 1943 г. в Познани (Польша).

[456] **Шевелев Клавдий Валентинович,** р. 29 октября 1881 г. в Калише. Псковский кадетский корпус, Морской корпус (1901), Офицерский артиллерийский класс, Морская академия. Капитан 1-го ранга, командир 13-го дивизиона эсминцев Балтийского флота. В белых войсках Северного фронта с 9 августа 1918 г.; с 11 августа 1918 г. штаб-офицер для поручений при штабе флотилии Северного Ледовитого океана. В белых войсках Восточного фронта; помощник морского министра правительства адмирала Колчака. Контр-адмирал (3 ноября 1919 г.). В августе 1920 г. морской агент Русской Армии в Белграде. В эмиграции в Югославии; с 1937 г. в Загребе. После 1945 г. в США, член Общества бывших русских морских офицеров. Умер 28 мая 1971 г. в Сан-Франциско (США).

[457] **Скупенский Владимир Сигизмундович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). Прибыл в Русскую Армию в августе 1920 г. из Порт-Саида. Мичман (с 10 декабря 1920 г., старшинство 11 апреля 1920 г.). Погиб 5 ноября 1920 г. при эвакуации из Крыма в Черном море на миноносце «Живой».

[458] **Гедле Александр Владимирович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). В эмиграции в Англии. Умер 13 февраля 1923 г. в Лондоне.

[459] **Юзефович Оттон Петрович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут». Мичман (10 декабря 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту. Застрелился 2—3 марта 1921 г. в Бизерте.

[460] **Сербулов Павел Михайлович**, р. в 1900 г. Кадет Морского корпуса. Тяжело ранен при десанте с эсминца «Жуткий», потерял ногу. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма в корпусе корабельных офицеров на боевых кораблях Черноморского флота. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте на посыльном судне «Якут». Подпоручик Корпуса корабельных офицеров (27 января 1920 г.). Летом 1921 г. сдал экзамен за курс Морского корпуса. В эмиграции в Берлине (член Союза взаимопомощи служивших в Российском флоте), затем в Бельгии; окончил Лувенский университет, инженер-электрик. Умер 10 июня 1936 г. в Брюсселе.

[461] **Репин Павел Васильевич.** Морской корпус (1918). Старший гардемарин. В белых войсках Северного фронта; на 4 октября 1919 г. в крепости Мят-Острова. В Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Мичман. На 25 марта 1921 г в составе Русской эскадры в Бизерте, в марте—мае 1921 г. вахтенный офицер на линейном корабле «Генерал Алексеев», с октября 1921 г. в 3-м отряде судов В эмиграции в Чехословакии (Зволен), в 1925—1927 гг редактор журнала «Звено» в Брно, с 1933 г. подписчик «Морского журнала».

[462] **Пузанов Николай Сергеевич.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). Вернулся во Владивосток. Погиб в 1921 г. на Камчатке.

[463] **Александров Константин Федорович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. Участник Белого движения на Западе России. В белых войсках Восточного фронта (прибыл на транспорте «Иерусалим»); с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке; в 1919 г. участвовал в бою на пароходе «Джон Кокерилл» у д. Малмык на Амуре Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. в 1919 г Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле» Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут». Мичман (10 декабря 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте. В эмиграции во Франции. Умер в 1920-х гг.

[464] **Цветков Сергей Иванович**, р. в 1892 г. Морской корпус (1912). Лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; с осени 1918 г. в Морском училище во Владивостоке, с 1919 г. штурман судна «Улисс» Сибирской флотилии. Эвакуирован в январе 1920 г., вернулся во Владивосток. На 31 января 1922 г. в Усть-Камчатске. При эвакуации в 1922 г. остался во Владивостоке. Погиб в 1920-х гг.

[465] **Ремер Михаил Михайлович**, р. в 1889 г. Морской корпус (1912). Лейтенант, преподаватель Морского корпуса и Отдельных гардемаринских классов, вахтенный начальник на крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с осени 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован в январе 1920 г. Застрелился в 1920-х гг.

[466] Впервые опубликовано: Военная Быль. Июль 1963 — май 1967. № 61—67.

[467] **Скипетров Леонид Николаевич**, р. 23 марта 1883 г. в Виленской губ. Сын надворного советника. 1-я Виленская гимназия, Виленское военное училище (1904). Георгиевский кавалер. Полковник, командир 170-го пехотного полка, и. д. генерала для поручений при командующем Иркутским военным округом. Руководитель восстания юнкеров в Иркутске в декабре 1917 г. В белых войсках Восточного фронта; с начала января 1918 г. начальник штаба Особого Маньчжурского отряда, затем помощник атамана Г.М. Семенова по политической и дипломатической части и по снабжению войсковых частей. С осени 1918 г. начальник 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, инспектор пехоты и военно-учебных заведений Дальневосточной армии, начальник Читинского (Забайкальского) военного района. Ранен и контужен. С конца декабря 1919 г. командир отряда, созданного с целью освобождения адмирала Колчака. Генерал-майор (6 сентября 1918 г.). В эмиграции в Польше, затем в США. Инициатор создания Южно-Калифорнийского отдела Союза русских военных инвалидов. Умер 22 августа 1956 г. в Лос-Анджелесе (США).

[468] **Исаев Григорий Николаевич**, р. в 1872 г. Офицер с 1893 г. Полковник Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; около 1 апреля 1919 г. начальник школы прапорщиков Уральского казачьего войска, с 14 июня 1919 г. начальник штаба Илецкого корпуса.

[469] **Донсков Виктор Иванович.** Войсковой старшина Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; с весны 1918 г., на 6 апреля 1919 г. командир 1-го Уральского учебного конного полка, к ноябрю 1919 г. начальник школы прапорщиков Уральского казачьего войска. Полковник. Взят в плен и расстрелян в декабре 1919 г. (феврале 1920 г.) в пос. Прорва.

[470] **Мартынов Матвей Филаретович**, р. 16 мая 1881 г. на х. Мартынова ст. Каменской Уральского казачьего войска. Уральское войсковое реальное училище (1901), Московское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командир 3-го Уральского казачьего полка. Участник похода генерала Крымова на Петроград. В начале 1918 г. сформировал из состава полка добровольческую Уральскую сотню и направился с ней на помощь астраханским казакам. 19 февраля 1918 г. до начала июня 1918 г. командующий войсками Уральской области и Уральского казачьего войска (избран Войсковым Съез-

дом), 13 июня 1918 г. направлен с особым отрядом в Самару для установления контакта с чехословаками и Комучем, с июля 1918 г. генерал-майор. С 25 июля 1918 г. командующий Шиповским фронтом армии. Тяжело ранен в августе 1918 г. С конца сентября 1918 г. командующий северным Соболевским фронтом, 9—27 ноября 1918 г. временно командующий Уральской армией. Генерал-лейтенант. Ранен 18 ноября у форпоста Красный. С конца ноября 1918 г. командир 2-го Уральского корпуса, в январе 1919 г. начальник обороны Уральска. Тяжело ранен. Умер от ран 31 марта 1919 г. в Гурьеве.

[471] **Толстов Владимир Сергеевич**, р. 7 июля 1884 г. Из дворян, сын генерала, казак ст. Гурьевской Уральского казачьего войска. Николаевское кавалерийское училище (1905). Полковник, командир 6-го Уральского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта; 23 марта 1919 г. избран войсковым атаманом Уральского казачьего войска с неограниченной властью в соответствии с приговорами станиц и остатков строевых частей армии. Генерал-майор. С 21 апреля 1919-го по январь 1920 г. командующий Уральской отдельной армией. 20 декабря 1919 г. сложил с себя обязанности войскового атамана и передал власть «Комитету Спасения Войска», оставаясь командующим Уральской отдельной армией. 5 апреля 1920 г. ушел из Форта Александровского с отрядом офицеров и казаков из 214 человек (пересекли границу Ирана 4 июня 163 человека). К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). С 1921 г. член Русского Совета генерала Врангеля, с августа 1922 г. председатель правления казачьих войск и помощник Правителя по казачьим войскам. Генерал-лейтенант. В эмиграции с 1923 г., с 1942 г. в Австралии. Умер в 1956 г. в Сиднее.

[472] **Князь Трубецкой Владимир Юрьевич**, р. в 1895 г. Поручик 14-го гусарского полка. В белых войсках Восточного фронта; с 21 июля 1918 г. в Оренбурге, летом 1918 г. младший офицер Оренбургского военного училища. Штабс-ротмистр. В эмиграции в Берлине.

[473] **Слесарев Константин Максимович**, р. в 1870 г. В службе с 1890 г., офицером с 1892 г., академия Генштаба. Генерал-майор Терского казачьего войска, начальник Оренбургского военного училища. В белых войсках Восточного фронта; в марте 1918 г. увел Оренбургское военное училище в Уральск, к январю 1920 г. начальник того же училища. Взят в плен в марте 1920 г., начальник военной школы РККА. Арестован по обвинению в связи с повстанцами. Расстрелян в марте 1921 г. на Северной Двине.

[474] **Февралев Георгий Федорович**, р. в 1874 г. Из казаков Уссурийского казачьего войска. Офицер с 1894 г. Полковник Уссурийского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в августе 1918 г., апреле 1919 г. в белых частях в Приморье. Убит 26 сентября 1919 г. во Владивостоке.

[475] **Лихачев Михаил Михайлович.** Военное училище (1912). Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 14 ноября 1918 г. до лета 1920 г. начальник Читинского военного училища. Генерал-майор (22 января 1919 г.). В эмиграции в США. Один из руководителей Общества взаимопомощи. Умер в 1948 г. в Лос-Анджелесе.

[476] **Хилковский Валентин Иванович**, р. в 1865 г. В службе с 1882 г., офицером с 1886 г. Полковник, начальник школы прапорщиков. В белых вой-

сках Восточного фронта; с 14 ноября 1918 г. инспектор классов Читинского военного училища. В эмиграции в США. Член Общества Ветеранов. Умер в 1936 г. в Сан-Франциско.

[477] **Буйвид Владимир В.** Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 14 ноября 1918 г. командир роты Читинского военного училища, с конца 1920 г. командир Отдельной Маньчжурской дивизии, летом 1921 г. командир Отдельной стрелковой бригады в Гродекове, Сводно-стрелковой бригады, в 1921 г. семеновец, командир конной бригады Гродековской группы, в декабре 1921 г. отстранен, с июня 1922 г. снова в армии, с августа 1922 г. командир Пластунской дружины (бывший 1-й Пластунский полк). Убит 13 октября 1922 г. у Монастырища.

[478] **Кобылкин Иннокентий Васильевич.** Из казаков Забайкальского казачьего войска. Хабаровский кадетский корпус (1907), Николаевское кавалерийское училище (1910 или 1911). Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 14 ноября 1918 г. командир сотни Читинского военного училища. В эмиграции в Китае, в 1927—1928 гг. командир роты русского военного училища в Китае, затем жил в Харбине. Член Братства Русской Правды, НТС и РФС. Арестован в Иркутске и расстрелян в сентябре 1935 г.

[479] **Вдовенко Михаил Михайлович.** Полковник пехоты. В белых войсках Восточного фронта; с 14 ноября 1918 г. командир пулеметной роты Читинского военного училища. В эмиграции в Шанхае, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку. Умер 12 августа 1944 г. в Харбине.

[480] **Бельский Валентин Яковлевич**, р. 24 октября 1898 г. в Санкт-Петербурге. Сын коллежского советника, военного ветеринарного врача. 2-й кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1915). Офицер 4-й Сибирской артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта в 8-й Сибирской артиллерийской бригаде, затем младший и старший офицер и в июле 1919 г. командир батареи Читинского военного училища; с января 1922 г. командир артиллерийской сотни 1-го Пластунского полка и старший офицер Добровольческой батареи 2-го корпуса, с сентября 1922 г. командир Добровольческой батареи Сибирского артдивизиона. Полковник (с 6 сентября 1921 г.). В эмиграции в Харбине, затем в США. Член Общества Ветеранов. Умер 26 июня 1974 г. в Сан-Франциско (США).

[481] **Тирбах Анатолий (Артемий) Игнатьевич**, р. 18 сентября 1890 г. в Туркестане. Сын статского советника. Подъесаул Аргунского полка Забайкальского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в декабре 1917 г. участник разгона Маньчжурского совдепа, затем в Особом Маньчжурском отряде, в 1918—1919 гг. командир того же отряда, до мая 1920 г. начальник 1-й Маньчжурской сводной дивизии, с лета 1920 г. начальник Читинского военного училища, в июле 1920 г. начальник укрепленного района Даурия. Генерал-майор. В эмиграции в Китае, сотрудник БРЭМ. Убит в августе 1935 г. в пос. Трехречье (Маньчжурия) или 18 ноября 1936 г. в Шанхае.

[482] **Барон Унгерн фон Штернберг** (Унгерн фон Штернберг фон Пильскау) **Роман Федорович**, р. в 1887 г. Павловское военное училище (1908). Есаул 3-го Верхнеудинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в конце 1917 г. начальник отряда в Дау-

рии, с 8 декабря 1918-го по 18 июня 1919 г. командир Туземного (Азиатского) корпуса, затем — Азиатской конной дивизии. Генерал-лейтенант. Взят в плен и расстрелян большевиками 15 сентября 1921 г. в Новосибирске.

[483] **Репчанский Ефим Георгиевич**, р. 8 августа 1898 г. в Херсонской губ. Из дворян. Нерчинское реальное училище. В белых войсках Восточного фронта; в 10-м Байкальском Сибирском стрелковом полку; с 1 октября 1918 г. юнкер Иркутского военного училища. Окончил училище в 1920 г. Подпоручик. В эмиграции в Китае, полковник китайской армии.

[484] **Чеславский Игорь В.** Кадет Хабаровского кадетского корпуса. Хабаровский кадетский корпус (1920). Юнкер с января 1920 г. в Читинском военном училище. Юнкер Корниловского военного училища; откомандирован в Хабаровский кадетский корпус в Шанхае. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Подпоручик. Служил в Русском корпусе (лейтенант). Поручик. Убит 29—31 декабря 1944 г. под Бусовачей или в феврале 1945 г. под Травником.

[485] **Мясоедов Дмитрий Николаевич**, р. 9 февраля 1873 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Смоленской губ. 1-й кадетский корпус (1893), Елисаветградское кавалерийское училище (1895), академия Генштаба (1901), Офицерская кавалерийская школа (1904). Офицер гвардейской кавалерии. Полковник, командир 36-го транспорта. В белых войсках Восточного фронта с 10 августа 1919 г. в Омске, с лета 1919 г. до начала 1920 г. начальник Томского военного училища. Генерал-майор. Взят в плен в Иркутске (или весной 1920 г. в Верхнеудинске), к 1923 г. в РККА. Репрессирован в начале 1930-х гг.

[486] Добровольческая дивизия. Начала формироваться летом 1919 г. в Омске как Особый отряд, создаваемый с целью установления в будущем связи между левофланговыми частями Восточного фронта и правофланговыми частями ВСЮР. Руководящую роль в создаваемых частях должны были играть и играли так называемые «южане», то есть чины Добровольческой армии, пробравшиеся в Сибирь с Юга России через южнорусские и среднеазиатские степи. Ко времени окончания формирования частей Особого отряда обстановка на фронте уже не позволяла осуществить задуманный план. Поздней осенью 1919 г. Особый отряд, переименованный в Добровольческую дивизию, принял участие в боях к востоку от Уральских гор, на территории Западной Сибири. Дивизия состояла из четырех (фактически из трех) стрелковых добровольческих полков и артиллерийского дивизиона. Приблизительно в это же время ей был придан Отдельный отряд Бахтерева в составе двух эскадронов и двух рот, сформированный в августе 1919 г. из чинов различных частей. Во время Сибирского Ледяного похода к остаткам дивизии присоединялись группы чинов различных частей, а также мелкие части: 4-й батальон Морских стрелков, отряд генерала Макри и др. По приходе в феврале 1920 г. в Забайкалье дивизия была сведена в бригаду, состоявшую из 1-го Добровольческого полка, 3-го Сводного Добровольческого полка и Добровольческого артиллерийского дивизиона (две батареи) Отряд полковника Бахтерева, сведенный в Отдельный конный дивизион, остался при бригаде. Бригада вошла в состав 2-го стрелкового корпуса. В Приморье в марте 1921 г. бригада раскололась. На общем собрании чинов бригады генерал Осипов (комбриг), полковник Черкес (командир 1-го полка), полковник Хромов (командир Красноуфимского

дивизиона) и подполковник Гайкович (командир батареи) заявили о своем переходе в Гродековскую группу войск, а полковник Урняж (командир 3-го полка) и полковник Бахтерев (командир конного дивизиона) остались в составе корпуса. Добровольцы носили черные погоны с красным кантом, офицеры — такие же погоны с красными просветами. На погонах — большая прописная буква «Д». Золотых погон офицеры-добровольцы не носили. Начальники дивизии и бригады: генерал-майор Крамаренко (до марта 1920 г.), генерал-майор Осипов.

[487] **Крамаренко Петр Павлович**, р. в 1873 г. в Киеве. Киевская гимназия (1891), Чугуевское пехотное юнкерское училище (1895). Полковник, командир бригады и командующий 56-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР, с июля 1919 г. в белых войсках Восточного фронта, формировал в Омске Особый отряд (с осени 1919 г. Добровольческая дивизия), начальник той же дивизии до марта 1920 г. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал-майор. В эмиграции в Китае, с 1921 г. на КВЖД (к 1935 г. в Харбине). Умер 16 сентября 1944 г. в Харбине.

[488] **Шнаперман Николай Феофилактович.** Штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1918 г. начальник организационного отдела Томской офицерской организации, участник восстания 29 июня 1918 г., с 1918 г. командир 4-го Томского (затем 8-го Бийского) стрелкового полка, на 9 мая 1919 г. подполковник, командир 1-й Сибирской прифронтовой бригады, с начала 1920 г. начальник Томского военного училища. Полковник.

[489] **Милович Дмитрий Яковлевич**, р. в 1870 г. Из дворян, сын полковника. В службе с 1887 г., офицером с 1890 г. Офицер 5-го конно-артиллерийского дивизиона и 30-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант, начальник 14-й кавалерийской дивизии. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. в Самаре (в армию не вступил), с осени 1918-го до января 1920 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии, летом 1919 г. начальник отряда Северной группы 2-й армии.

[490] **Смолин Иннокентий Семенович**, р. в 1881 г. Иркутское военное училище (1905). Подполковник 43-го Сибирского стрелкового полка, 4-го Финляндского стрелкового полка, помощник командира 3-го Финляндского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1918 г. возглавлял подпольную организацию в районе Туриинска, с 20 июня 1918 г. командир партизанского отряда своего имени, с июля 1918 г. полковник, затем командир 15-го Курганского стрелкового полка, особой колонны из нескольких полков, с января 1919 г. начальник 4-й Сибирской стрелковой дивизии, на 9 мая 1919 г. командир 3-го Степного армейского корпуса. С 27 января 1920 г. генерал-майор, командующий Южной группой войск, с 23 августа 1920 г. командир 2-го стрелкового корпуса Дальневосточной армии, с августа 1922 г. командир Сибирской группы. Награжден орд. Св. Владимира 3-й ст., орд. Св. Георгия 4-й ст., французским крестом с пальмовой веткой. Генерал-лейтенант (1921). В эмиграции в Китае и США. Член Общества Ветеранов. Умер 23 марта 1973 г. в Папеэте (Таити).

[491] **Герцо-Виноградский Николай Александрович**, р. 20 марта 1875 г. 1-й кадетский корпус (1894), Михайловское артиллерийское училище (1897).

Полковник л.-гв. 3-й артиллерийской бригады, командир батареи Константиновского артиллерийского училища, начальник сводной бригады 188-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта с октября 1918 г.; с 1 ноября 1918 г. командир 9-й стелковой артиллерийской бригады, с 1 июня 1919 г. начальник Омского артиллерийского училища, с ноября 1919-го до 31 января 1921 г. начальник 1-го артиллерийского училища во Владивостоке. В эмиграции в Харбине, на 8 января 1922 г. член общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке, к 20 мая 1938 г. в США. Инициатор создания Общества ветеранов Великой войны (ОВВВ) в Сан-Франциско. Умер 29 мая 1941 г. в Сан-Франциско.

[492] **Сполатбог Евгений Николаевич.** Сын офицера. Полковник, курсовой офицер Константиновского артиллерийского училища. В белых войсках Восточного фронта; с 1 июня 1919 г. помощник начальника Омского артиллерийского училища, с января 1920 г. командир дивизиона (помощник по строевой части) 1-го артиллерийского училища во Владивостоке.

[493] **Коневега Владимир Иосифович**, р. в 1885 г. Офицер с 1905 г. Полковник артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; с 1 июня 1919 г. инспектор классов Омского артиллерийского училища, инспектор классов (помощник по учебной части) 1-го артиллерийского училища. В эмиграции в США. Член Общества ветеранов, с 1926 г. редактор «Вестника ОВВВ». Умер в 1934 г. в Сан-Франциско.

[494] **Тучапский Александр Гаврилович**, р. в 1869 г. В службе с 1887 г., офицером с 1889 г. Генерал-майор. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с октября 1921 г. начальник Корниловского военного училища во Владивостоке.

[495] **Климочкин Павел Михайлович.** Полковник. В белых войсках Восточного фронта; командир 4-го Уржумского полка 1-й Казанской стрелковой дивизии Народной армии, с октября 1921 г. командир роты Корниловского военного училища во Владивостоке.

[496] **Напалков Владимир Петрович**, р. 14 июля 1899 г. в Уфимской губ. Из мещан. Уфимская духовная семинария. В белых войсках Восточного фронта в 13-м Уфимском стрелковом полку. Младший унтер-офицер. С августа 1919 г. юнкер Иркутского военного училища, на 27 октября 1919 г. юнкер 2-го курса. Поручик 4-й Уфимской стрелковой дивизии, с октября 1921 г. младший офицер Корниловского военного училища во Владивостоке. В эмиграции в Китае. Умер 11 июля 1944 г. в Харбине.

[497] **Муромцев Петр Сергеевич**, р. в 1897 г. Штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта; с октября 1921 г. младший офицер Корниловского военного училища во Владивостоке, преподаватель Хабаровского кадетского корпуса. В эмиграции в Китае, с октября 1924 г. в Шанхае, с 1925 г. в Югославии. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. в США. Умер 27 сентября 1973 г. в Джексоне (США).

[498] **Язвин Евгений Федорович.** Николаевское кавалерийское училище (1913). Ротмистр 1-го гусарского полка. В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. в Казани, затем в Сибирской армии. Тяжело ранен. С октября 1921 г. младший офицер Корниловского военного училища во Владивостоке. Полковник.

В эмиграции в Харбине и Шанхае, к 1949 г. в Индонезии. Умер 4 марта 1956 г. в Гаруте (о. Ява).

[499] **Андогский Александр Иванович**, р. 25 июля 1876 г. Из дворян Новгородской губ. Вологодская гимназия, Санкт-Петербургский университет (1898), офицерский экзамен при Павловском военном училище (1899), академия Генштаба (1905). Офицер л.-гв. Московского полка. Генерал-майор, начальник академии Генштаба. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных); до 23 октября 1922 г. начальник академии Генштаба; с 18 сентября 1918 г. помощник управляющего военным министерством по снабжению с оставлением в прежней должности, с 18 июня 1919 г. 1-й генерал-квартирмейстер Ставки, с октября 1921 г. преподаватель Владивостокского военного училища, с 1922 г. городской голова Владивостока. В эмиграции в Китае. Покончил самоубийством 25 февраля 1931 г. в Харбине.

[500] **Воротников Константин Алексеевич**, р. 8 октября 1880 г. Сибирский кадетский корпус, Павловское военное училище. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 5 декабря 1918 г. командир офицерской роты Иркутской военно-инструкторской школы, с 1 октября 1922 г. начальник Владивостокского военного училища.

[501] **Заалов Александр Михайлович.** Из дворян, сын полковника. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с октября 1918 г. начальник Тюменской инструкторской школы, с декабря 1918 г. командир 58-го Казанского стрелкового полка, на 9 мая, в июле 1919 г. командир 59-го Лаишевского (бывшего 3-го Воткинского) полка. В эмиграции в Китае. Умер 20 июля 1944 г. в Харбине.

[502] **Ярцев Георгий Владимирович**, р. в 1890 г. Академия Генштаба. Полковник л.-гв. Гренадерского полка. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. в пятерке организации помощи Царской Семье. С 5 мая 1919 г., с января 1920 г. начальник Екатеринбургской учебно-инструкторской школы, затем начальник школ в Томске и под Читой. Участник Сибирского Ледяного похода, на 1920 г. в действующей армии. В эмиграции в Китае, к 1932 г. в Шанхае. После 1949 г. в США. Умер в 1957 г. в Сан-Франциско.

[503] **Малиновский Дмитрий Аполлонович.** 2-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1913). Капитан л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. послан из Петрограда в Екатеринбург генералом Шульгиным, в июне 1918 г. в пятерке организации помощи Царской Семье. С офицерским отрядом пробился к чехам и участвовал во взятии города. Участник следствия об убийстве Царской Семьи. С конца 1918 г. начальник штаба 2-й Оренбургской казачьей дивизии, с 5 мая 1919 г. помощник начальника Екатеринбургской учебно-инструкторской школы, в середине 1919 г. в управлении генерал-квартирмейстера Ставки. Участник Сибирского Ледяного похода. Выдан красным в Иркутске, бежал к атаману Семенову, на 1920 г. в Харбине, на 8 января 1922 г. в управлении КВЖД, член общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. Подполковник. В эмиграции к 1931 г. в США. Умер 29 июля 1972 г. в Лос-Анджелесе (США).

[504] **Орлов Георгий Алексеевич.** Академия Генштаба. Полковник л.-гв. Павловского полка. В белых войсках Восточного фронта с 1918 г.; с 5 мая

1919 г. командир батальона Екатеринбургской учебно-инструкторской школы, с августа 1919 г. помощник начальника той же школы. Участник Сибирского Ледяного похода. На 1920 г. в Харбине, на 8 января 1922 г. во Владивостоке, член общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке.

[505] **Дурасов Александр Александрович.** Академия Генштаба. Полковник л.-гв. Гренадерского полка. В белых войсках Восточного фронта с 1918 г. в Екатеринбурге, с 5 мая 1919 г. командир батальона в Екатеринбургской учебно-инструкторской школе. С 1919 г. начальник штаба Уральского корпуса (группы). Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции на 1920 г. в Харбине, член общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке и Союза Георгиевских кавалеров. Умер от тифа 29 августа 1921 г. в Харбине.

[506] **Сахаров Константин Вячеславович**, р. 18 марта 1881 г. Кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, академия Генштаба (1908). Полковник. В белых войсках Восточного фронта с осени 1918 г. (бежал из Астраханской тюрьмы). С 2 ноября 1918 г. во Владивостоке, с 15 ноября 1918 г. генерал-майор, с 23 ноября 1918 г. начальник гарнизона Русского острова, с 5 декабря 1918 г. начальник Учебно-инструкторской школы («школы Нокса»), с 23 марта 1919 г. генерал для поручений при Верховном Главнокомандующем, с 5 июня 1919 г. начальник штаба, с 20 июня командующий Западной армией, с 14 июля 1919 г. — 3-й армией, с 10 октября 1919 г. командующий Московской группой армий, с 4 ноября 1919 г. главнокомандующий армиями Восточного фронта, с 9 декабря 1919 г. в распоряжении Верховного Главнокомандующего, с 23 января 1920 г. (с декабря 1919 г.) до 22 февраля 1920 г. снова командующий 3-й армией. Генерал-лейтенант (с октября 1919 г.). В эмиграции в Германии. Умер 23 февраля 1941 г. в Берлине.

[507] **Барон Будберг Алексей Павлович**, р. в 1869 г. Орловский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1889), академия Генштаба (1895). Офицер л.-гв. 3-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант, командир 14-го армейского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с 19 ноября 1919 г. начальник штаба Приамурского военного округа. В эмиграции с 1921 г. в Сан-Франциско, начальник 1-го отдела РОВС в США, председатель Общества ветеранов Великой войны. Умер 14 декабря 1945 г.

[508] **Плешков Михаил Михайлович.** Полковник л.-гв. Кирасирского Ее Величества и л.-гв. Уланского Его Величества полков, командир 13-го гусарского полка, стрелкового полка 13-й кавалерийской дивизии, 7-го драгунского полка. В белых войсках Восточного фронта; до 4 июня 1919 г. врид, затем начальник Владивостокской учебно-инструкторской школы («школы Нокса»). Генерал-майор. В эмиграции на 1 января 1921 г. член объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Умер 12 ноября 1956 г. в Нью-Йорке.

[509] **Рубец-Масальский Борис Иванович**, р. в 1874 г. 1-й кадетский корпус (1894), Павловское военное училище (1896). Полковник, командир 20-го запасного Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; с начала 1918 г. в офицерской организации во Владивостоке, осенью 1918 г. командир 1-го Сибирского стрелкового полка, затем командир батальона Владивостокской учебно-инструкторской школы; 28 января — 5 апреля 1920 г. в тюрьме. В эмиграции в Китае. Умер 21 декабря 1933 г. в Харбине.

[510] **Родзянко Павел Павлович.** Пажеский корпус (1901). Полковник Кавалергардского полка. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1918 г. в английской армии в Омске; летом 1919 г. преподаватель Владивостокской учебно-инструкторской школы («школы Нокса»). Полковник английской армии. В эмиграции в Англии. Умер 17 апреля 1965 г. в Лондоне.

[511] **Москаленко Митрофан Иванович**, р. 2 июня 1877 г. в Харьковской губ. Борисоглебская гимназия, Чугуевское военное училище (1902), академия Генштаба (1918). Полковник, слушатель академии Генштаба. В белых войсках Восточного фронта с августа 1918 г. в Казани (перешел от красных с академией), с 21 декабря 1918 г. врид начальника штаба Уфимского отдельного корпуса, с 1919 г., в июле 1919 г. начальник Челябинской инструкторской школы. Взят в плен в декабре 1919 г. под Красноярском. Остался в СССР, преподаватель военных школ в Москве. В 1931 г. осужден в Москве на 10 лет лагерей по делу «Весна».

[512] **Лебедев Дмитрий Антонович**, р. в 1883 г. Сибирский кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище (1903), академия Генштаба (1911). Полковник, член Главного комитета Союза офицеров. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., на 30 декабря 1917 г. начальник штаба 1-го отряда армии. В феврале 1918 г. направлен в Сибирь (в январе 1918 г. через Москву или в марте 1918 г. с отрядом через степи на Волгу). В белых войсках Восточного фронта; с 21 ноября 1918 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего, в январе 1919 г. командир Степной группы, 23 мая — 12 августа 1919 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего и военный министр. С 9 августа по 16 ноября 1919 г. командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 ноября 1919 г. командующий Уральской группой войск. В октябре 1922 г. начальник вооруженных сил Владивостока. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, основатель газеты «Русская Мысль». Умер в 1928 г. в Шанхае.

[513] **Ефимов Авенир Геннадьевич**, р. 19 октября 1888 г. Симбирский кадетский корпус (1907), Николаевское инженерное училище (1910). В белых войсках Восточного фронта; со взятия Казани. Участник Ижевско-Воткинского восстания. В сентябре—октябре 1918 г. командир Ижевского стрелкового полка. По окончании курсов военного времени академии Генштаба — в штабе 2-го Уфимского корпуса, с 24 февраля 1919 г. начальник штаба Ижевской бригады, капитан, затем Ижевской дивизии, с 11 декабря 1919 г. командир Ижевского конного полка, с 12 марта 1920 г. командир Ижевского полка, с 25 августа 1921 г. командир Ижевско-Воткинской бригады и колонны в Хабаровском походе, в сентябре 1922 г. командир Прикамского стрелкового полка. Полковник. В эмиграции с 1923 г. в Гирине и Шанхае, затем с 1932 г. в США. Член Общества Ветеранов, редактор «Вестника Общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско», к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 25 апреля 1972 г. в Сан-Франциско.

[514] **Войцеховский Сергей Николаевич**, р. 16 октября 1883 г. в Витебске. Из дворян Витебской губ., сын офицера. Великолукское реальное училище, Константиновское артиллерийское училище (1904), академия Генштаба (1912). Подполковник, начальник штаба 1-й Чехословацкой дивизии, командир 3-го Чехословацкого полка. В белых войсках Восточного фронта; 26 мая 1918 г. во

главе группы Чехословацкого корпуса освободил Челябинск, с 11 июня 1918 г полковник, с 12 октября по 25 декабря 1918 г. командующий Самарской группой, затем генерал-майор, с осени 1918 г. командир 6-го Уральского армейского корпуса, с 1 января 1919-го по 18 августа 1919 г. командир 2-го Уфимского армейского корпуса, 29 августа — 1 октября 1919 г. командующий Уфимской группой, с 12 сентября 1919 г. командующий Уральской группой войск, затем командующий 2-й армией, с 25 января 1920 г. Главнокомандующий Восточным фронтом, с 20 февраля 1920 г. командующий войсками Российской восточной окраины (Дальневосточной армии). В эмиграции в Чехословакии, военный министр, генерал армии. Арестован 11 мая 1945 г. в Праге. Умер 7 апреля 1951 г. в лагере под Тайшетом (Иркутская обл.).

[515] 5-й гусарский Александрийский полк. Возрожден на Восточном фронте как Самарский гусарский полк.

[516] 5-й уланский Литовский полк. Полк Императорской армии. Большинство офицеров полка были в Сибири. Возрожден на Восточном фронте как Симбирский уланский полк.

[517] 5-й драгунский Каргопольский полк. Полк Императорской армии. Возрожден на Восточном фронте летом 1918 г. как Казанский драгунский полк. Кроме того, на базе части кадра полка там же был сформирован Волжский драгунский полк.

[518] Приморский драгунский полк. Возрожден на Восточном фронте на базе кадра этого полка Императорской армии. В состав соединений не входил. Располагался в Раздольном под Владивостоком, месте своей довоенной стоянки. В эмиграции кадр полка находился в Югославии (Белград) и входил в состав IV отдела РОВС. Начальник — полковник И.Ф. Проходовский.

[519] **Хрущов (Хрущев) Александр Михайлович**, р. 31 октября 1885 г. в Радзивилове Волынской губ. Ярославский кадетский корпус (1904), Елисаветградское кавалерийское училище (1906) Подполковник 11-го драгунского полка. В белых войсках Северного фронта; до 17 июня 1919 г. при штабе Главнокомандующего войсками Северной обл. В белых войсках Восточного фронта в Уфимской стрелковой дивизии и 1-й кавалерийской дивизии, командир Томского гусарского полка, 2-й бригады Маньчжурской конной дивизии, Сводно-Конной бригады, осенью 1921 г. командир Сводно-Конного полка, летом 1922 г. командир 1-го кавалерийского полка, с сентября 1922 г. командир Московского конного полка. Генерал-майор. В эмиграции в Шанхае, служил в муниципальной полиции, учредитель Шанхайского офицерского собрания, затем в США. Умер 13 июня 1976 г. в Сан-Франциско.

[520] **Христиани Григорий Григорьевич**, р. в 1863 г. В службе с 1879 г., офицером с 1881 г. Офицер гвардии. Генерал-лейтенант, профессор академии Генштаба. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных); в 1918—1920 гг. преподаватель академии Генштаба, в 1919 г также преподаватель Челябинской кавалерийской школы. Остался в России. Умер в красноярской тюрьме.

[521] **Колюбакин Борис Михайлович**, р. в 1853 г. В службе с 1870 г., офицером с 1872 г. Генерал-лейтенант, профессор академии Генштаба. В белых войсках Восточного фронта; с 1919 г. преподаватель Челябинской кавале-

рийской школы, 26 января — 16 июня 1919 г. и. д. начальника академии Генштаба. Остался в России. Умер в красноярской тюрьме.

[522] **Чухнин Виктор Георгиевич.** Из дворян, сын адмирала. Морской корпус (1917). Мичман Сибирской флотилии. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; 15 августа 1920 г. командиром на захваченном у красных посыльном судне «Патрокл» ушел из Владивостока в Японию, затем при атамане Г.М. Семенове. Капитан 2-го ранга. При эвакуации 1922 г. остался в Шанхае. В эмиграции в Китае, с 1932 г. в Шанхае, к 1937 г. в Гонконге.

[523] **Петровский Леонид Михайлович**, р. в 1889 г. Морской корпус (1909) (офицер с 1910 г.). Лейтенант. В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии; в сентябре—октябре 1921 г. командир корабля «Батарея». Капитан 1-го ранга. При эвакуации 1922 г. командир того же корабля в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях.

[524] **Гарковенко Сергей Николаевич**, р. в 1893 г. Морской корпус (1914). Лейтенант Гвардейского Экипажа. В Вооруженных силах Юга России; 1919 г. на Каспийской флотилии. В белых войсках Восточного фронта с июня 1921 г., сформировал гардемаринскую группу Сибирской флотилии, старший лейтенант, с сентября 1921 г. флаг-капитан по оперативной части той же флотилии. Капитан 2-го ранга. В эмиграции в Шанхае.

[525] **Киркор Всеволод Александрович.** Хабаровский кадетский корпус (1919). В белых войсках Восточного фронта; с 1919 г. гардемарин 2-й роты Морского училища во Владивостоке, летом 1921 г. в Гардемаринском классе Сибирской флотилии. Корабельный гардемарин. В эмиграции в Китае, в 1936 г. член кают-компании в Шанхае.

[526] **Лашков Павел Вячеславович.** В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. окончил школу радиотелеграфистов во Владивостоке, затем в Гардемаринском классе Сибирской флотилии. Корабельный гардемарин. В эмиграции в США. Умер 23 августа 1962 г. в Сан-Франциско.

[527] **Винокуров Евгений Петрович**, р. в 1883 г. Морской корпус (1904). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; с 1919 г. командир судна «Улисс» Сибирской флотилии. Капитан 2-го ранга. В эмиграции в Китае, в 1936—1939 гг. член кают-компании в Шанхае. Умер до 1945 г.

[528] **Троян Аркадий Михайлович.** Отдельные гардемаринские классы (1917). Мичман. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; с осени 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. В 1919 г. штурман судна «Диомид» Сибирской флотилии. На 31 января 1922 г. местонахождение неизвестно. В эмиграции в Китае, в 1934—1939 гг. член кают-компании в Шанхае.

[529] **Давыдов Борис Владимирович**, р. в 1883 г. Морской корпус (1901). Полковник корпуса гидрографов Сибирской флотилии. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии. При эвакуации 1922 г. остался во Владивостоке.

[530] **Беренс Михаил Андреевич**, р. 16 января 1879 г. Морской корпус (1898). Капитан 1-го ранга, и. д. начальника Морского Генерального штаба.

Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с января 1920 г. командующий морскими силами на Дальнем Востоке. Эвакуирован. 28 августа 1920 г. выехал в Крым (Севастополь) на корабле «Константин». В сентябре 1920 г. комендант крепости Керчь, в октябре—декабре 1920 г. начальник 2-го (Азовского) отряда Черноморского флота, в декабре 1920 г. начальник 4-й группы судов Русской эскадры (при переходе из Константинополя до Бизерты держал свой флаг на миноносце «Беспокойный»). Контр-адмирал (8 июля 1919 г.). С декабря 1920 г. по октябрь 1924 г. врид командующего Русской эскадрой. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции в Тунисе, служил в сельскохозяйственной дирекции. Умер 20 января 1943 г. в Мегрине (Тунис).

[531] **Рябиков Павел Федорович**, р. 24 марта 1875 г. Сын подполковника. Полоцкий кадетский корпус (1893), Константиновское артиллерийское училище (1896), академия Генштаба. Офицер л.-гв. Финляндского полка. Генерал-майор, профессор академии Генштаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного правителя, 2 октября — 8 ноября 1919 г. начальник штаба Восточного фронта, одновременно в 1918—1919 гг. профессор академии Генштаба. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Японии, в Шанхае, в Чехословакии, в 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже. Умер 27 августа 1932 г. в Праге.

[532] **Иностранцев Михаил Александрович**, р. 26 июля 1872 г. Сын академика. Ларинская гимназия в Санкт-Петербурге (1891), офицерский экзамен при Константиновском военном училище (1893), академия Генштаба. Офицер л.-гв. Финляндского полка. Генерал-майор, профессор академии Генштаба. В белых войсках Восточного фронта; в 1918—1919 гг. преподаватель академии Генштаба, в 1919 г. в Ставке Верховного Главнокомандующего, генерал для поручений при адмирале Колчаке. В эмиграции в Чехословакии. Умер 7 августа 1938 г. в Праге.

[533] **Медведев Александр Иванович**, р. в 1853 г. В службе с 1872 г., офицером с 1884 г., академия Генштаба. Генерал-лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; главный начальник снабжений Западной армии, в 1918—1920 гг. преподаватель академии Генштаба, с 23 октября 1922 г. врид начальника академии Генштаба. Остался в России. Умер в красноярской тюрьме.

[534] **Коханов Николай Иванович**, р. 7 июня 1875 г. в Керчи. Из интеллигенции. Гимназия, кадетский корпус (1895), Николаевское инженерное училище (1898), Николаевская инженерная академия (1904). Полковник, профессор Николаевской инженерной академии. В белых войсках Восточного фронта с 1918 г. в Омске, и. д. начальника Главного инженерного управления, затем профессор академии Генштаба. Генерал-майор (с 19 декабря 1918 г.). Взят в плен в 1920 г., профессор ВТА в Ленинграде. Репрессирован в 1931 г. по делу «Весна» («михайловец»).

[535] **Смелов Иван Иванович.** Академия Генштаба. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; в 1918—1919 гг. преподаватель академии Генштаба, 12 июня — 3 июля 1919 г. начальник штаба Уральской группы войск,

начальник штаба конной группы Сводного казачьего корпуса (с 20 ноября 1919 г. Сибирской казачьей группы).

[536] **Киященко Георгий Титович.** Полковник. В белых войсках Восточного фронта; и. д. главного полевого интенданта при ВГК, в 1918—1919 гг. преподаватель академии Генштаба, с 27 июня 1919 г. начальник военных сообщений Дальневосточного района. Генерал-майор (с 27 июня 1919 г.).

[537] **Смирнов Михаил Всеволодович**, р. 22 октября 1893 г. Реальное училище, Рижский политехнический институт (не окончил), Сергиевское артиллерийское училище (1915). Командир батареи 1-й Сибирской тяжелой артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта; с июля 1918 г. в Сибирской армии, командир сформированной им 7-й Уральской отдельной батареи. С декабря 1918 г. в академии Генштаба, по окончании которой занимал должности по Генеральному штабу, обер-квартирмейстер штаба 1-го Сводно-Казачьего корпуса. Участник Сибирского Ледяного похода. Полковник. В эмиграции с 1922 г. в Китае, затем в США. Член Общества Ветеранов. Умер 23 августа 1996 г. в Сан-Франциско.

[538] **Нечаев Константин Петрович.** Тверское кавалерийское училище (1904). Офицер 5-го уланского полка. Полковник 5-го драгунского полка. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командир кавалерийского отряда, на 27 августа 1918 г. командир 1-го Казанского кавалерийского Добровольческого полка Народной Армии, затем в Казанском (бывшем Каргопольском) драгунском полку, с начала 1919 г. генерал-майор, командир кавалерийской бригады 3-го корпуса (Отдельная Волжская кавалерийская бригада). Участник Сибирского Ледяного похода; с марта 1920 г. начальник 1-й Маньчжурской конной дивизии, с начала сентября 1920 г. начальник 1-й Сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, с 1925 г. военный советник, начальник русского отряда в армии Чжан Цзо-лина.

[539] **Шайдицкий Владимир Иоаннович**, р. 24 марта 1890 г. Виленское военное училище (1912). Капитан 117-го пехотного полка и 1-й Особой дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с августа 1919 г. на Дальнем Востоке, в ноябре—декабре 1919 г. в конвоях в Иркутске, с марта 1920 г. в Азиатской конной дивизии, помощник командира, командир Даурского конного полка, с октября 1920 г. при атамане Семенове. Полковник. С весны 1921 г. в эмиграции в Китае (Харбин), затем в США, редактор «Всезарубежного Объединения Виленцев», сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 10 марта 1981 г. в Сан-Франциско.

[540] **Русин Петр Петрович.** Капитан. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных в 1918 г. со своей дивизией под Пермью); летом 1919 г. командир роты добровольческой Дружины Св. Креста в Омске, с декабря 1919 г. комендант отряда той же дружины, участник Сибирского Ледяного похода; с 21 апреля 1920 г. в Ижевской дивизии. Полковник. В эмиграции в Китае, с осени 1925 г. командир Отдельной юнкерской роты войск Чжан Зун-чана, к 1927 г. в Харбине.

[541] **Еленевский Петр Иванович**, р. 21 декабря 1864 г. Гимназия. Офицер с 1890 г. Подполковник, командир батальона. В белых войсках Восточно-

го фронта; летом (в июле—августе) 1918 г. в 3-й роте, летом—осенью 1918 г. в резерве Оренбургского офицерского батальона. Убит до 1920 г.

[542] **Варнек Петр Александрович.** Во ВСЮР и Русской Армии охотник флота, с 10 апреля 1919, в июне—сентябре 1919 г. матрос эсминца «Поспешный». Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Затем кадет Морского корпуса. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Окончил Морской корпус 5 июля 1922 г. Корабельный гардемарин. В эмиграции в Бельгии (в 1948 г. в Брюсселе), инженер, на 20 января 1949 г. член Исторической комиссии Общества бывших русских морских офицеров в Америке, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 23 февраля 1980 г. в Брюсселе.

[543] Приводится по изданию: Узники Бизерты. М., 1998

[544] **Варнек Евгений Александрович**, р. в 1906 г. Во ВСЮР и Русской Армии гардемарин Морского корпуса до эвакуации Крыма. Эвакуирован с флотом в Бизерту. В эмиграции во Франции (в 1931 г. в Париже). Умер 14 августа 1951 г. в Брюсселе.

[545] **Кулябко-Корецкий Григорий Александрович.** Во ВСЮР и Русской Армии. Кадет Морского корпуса. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Окончил Морской корпус 5 июля 1922 г. Корабельный гардемарин; до января 1923 г. на подводной лодке «Утка». В эмиграции во Франции. Умер до июня 1948 г. в Париже.

[546] **Нифонтов Евгений Иванович**, р. в 1894 г. Морской корпус (1915). Мичман Сибирской флотилии. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; в январе 1920 г. эвакуирован из Владивостока на транспорте «Якут». Лейтенант. С августа 1920 г. в Русской Армии в Крыму, командир эсминца «Живой», с которым погиб при эвакуации 5 ноября 1920 г. в Черном море.

[547] **Одишария Петр Кириллович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). Прибыл в Русскую Армию из Порт-Саида самостоятельно. Из Батума ушел в Константинополь на английском катере. Мичман (10 декабря 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту. В эмиграции с января 1922 г. в Чехословакии, затем во Франции, с 1936 г. доброволец армии генерала Франко в Испании, с 1940 г. во французском Иностранном легионе, с 1950 г. в Бразилии, с 1961 г. в США. Умер 23 августа 1965 г. в Сан-Франциско.

[548] **Ромушкевич Евгений Васильевич**, р. в 1890 г. Морской корпус (1912) Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; с 1920 г. в Морском корпусе в Севастополе до эвакуации Крыма. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции в 1938—1948 гг. в Тунисе, затем председатель кают-компании в Марселе. Старший лейтенант. Умер 9 апреля 1975 г. в Марселе.

[549] **Сперанский Виктор.** Морской корпус (1916). Мичман. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, до сентября 1921 г. на учебном судне «Моряк».

[550] **Морошкин Павел Иванович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел», в конце 1918 г. в Сайгоне. В белых войсках Восточного фронта; с 16 января 1919 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут». Мичман (10 декабря 1920 г.; старшинство 11 апреля 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте на линейном корабле «Генерал Алексеев». В марте 1922 г. убыл в Прагу. В эмиграции в Чехословакии. Умер в 1943 г. в Германии.

[551] **Жук Александр Александрович**, р. 15 марта 1895 г. Морской корпус (1914). Мичман. Во ВСЮР и Русской Армии воспитатель Морского корпуса в Севастополе до эвакуации Крыма. Лейтенант (24 ноября 1919 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, к июлю 1922 г. в Морском корпусе. В эмиграции во Франции. Умер 12 февраля 1960 г. в Париже.

[552] **Чайко Михаил Владимирович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. (1919), Георгиевской медалью 3-й и 4-й ст. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут». Мичман (10 декабря 1920 г.; старшинство 11 апреля 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте на учебном судне «Великая княгиня Ксения Александровна». В эмиграции с 1922 г. в США, к 1933 г. на заводе Сикорского.

[553] **Дорошенко Константин К.** Хабаровский кадетский корпус (1918). В белых войсках Восточного фронта; с 1918 г. в Калмыковском военном училище, с 1919 г. гардемарин 2-й роты Морского училища во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут» и зачислен в 1-ю роту Морского корпуса. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Окончил Морской корпус 2 марта 1922 г. Корабельный гардемарин. В эмиграции в Югославии, к 1937 г. в Злине.

[554] **Соллогуб Владимир Владимирович**, р. в 1885 г. Морской корпус (1905). Капитан 2-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма, с декабря 1920 г. на французском крейсере «Вальдек Руссо» в Константинополе. Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г в составе Русской эскадры в Бизерте, в январе 1921 г. — июне 1922 г. флагофицер для связи с сухопутным командованием, в январе 1923-го — августе 1924 г. в штабе эскадры.

[555] **Гильдебрандт Георгий Фридрихович**, р. в 1882 г. Морской корпус (1901). Капитан 2-го ранга, старший офицер линкора «Ростислав», командир посыльного судна «Колхида». Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Капитан 1-го ранга (старший офицер старшинством 25 декабря 1917 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, командир посыльного судна «Якут», позднее

состоял при штабе командующего Русской эскадрой В эмиграции в Тунисе. Умер 1943 г в г Тунисе.

[556] **Ульянин Анатолий Федорович**, р. в 1890 г Морской корпус (1912) Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; в мае—июне 1919 г. и. д. флаг-капитана оперативной части штаба Черноморского флота, в июле — и. д. начальника той же части, с 28 марта 1920 г. начальник оперативного отделения, в мае—июне 1920 г. начальник оперативной части в Севастополе, с ноября 1920 г. флаг-капитан оперативной части штаба Русской эскадры. Капитан 2-го ранга (12 июня 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с мая 1921-го по август 1922 г. командир судна «Якут», затем в штабе эскадры. В эмиграции в 1923—1948 гг. в Тунисе, затем во Франции. Умер 26 марта 1975 г. в Париже.

[557] **Андреев Николай Николаевич.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке, участник подавления мятежа Гайды. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. (1919). Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут». Мичман (10 декабря 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту, преподаватель Морского корпуса На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, в октябре 1921-го — апреле 1922 г. на посыльном судне «Якут». В эмиграции с 1922 г. в США, в 1927 г. окончил университет Умер после 1969 г. в Сиэтле (США).

[558] **Сокольников Александр Александрович**, р. в 1886 г. Морской корпус (1908) (офицером с 1909 г). Старший лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии воспитатель Морского корпуса в Севастополе до эвакуации Крыма. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте В эмиграции с декабря 1921 г. в Латвии, затем в Германии (с 1948 г. во Франкфурте), член ОМФ и РМО. Умер 22 сентября 1964 г. в Сиднее (Австралия).

[559] **Ощевский-Круглик Евгений Георгиевич**, р. 27 декабря 1887 г. В службе с 1905 г., офицером с 1906 г. (переведен из армии). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма: с 1919 г. второй артиллерийский офицер, потом помощник старшего офицера на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»). Старший лейтенант (28 марта 1920 г) На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте с января 1922 г. командир 6-й роты Морского корпуса. В эмиграции к 1930 г. в Судане, председатель группы ВМС, затем во Франции. Умер 16 сентября 1956 г. в Париже.

[560] **Макухин Евгений Александрович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут»; воспитатель Морского корпуса в Севастополе Мичман (10 декабря 1920 г ; старшинство 11 апреля 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту, командир роты Морского корпуса,

с октября 1921 г. по декабрь 1922 г. на учебном судне «Моряк». В эмиграции к 1928 г. в Буги (Алжир), затем в Марокко. Умер после 1951 г.

[561] **Арбузов Владимир Александрович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут». Мичман (10 декабря 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту, в 1921 г. окончил класс подводного плавания. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с октября 1921 г. в 3-м отряде судов. В эмиграции в Чехословакии, в 1935—1936 гг. в Пильзене.

[562] **Калинович Борис Александрович**, р. в 1894 г. Морской корпус (1914). Лейтенант. Во ВСЮР и Русской Армии; в ноябре 1919 г. и. д. ревизора на посыльном судне «Лукулл», с марта 1920 г. старший офицер, с апреля 1920 г. командир канонерской лодки «Гайдамак» 2-го отряда судов Черноморского флота, затем воспитатель Морского корпуса в Севастополе до эвакуации Крыма. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, в июне 1921 г. помощник коменданта форта Джебель-Кебир, с 1922 г. на учебном судне «Моряк». В эмиграции с 1931 г. в Алжире, затем во Франции, воспитатель Версальского русского кадетского корпуса. После 1945 г. в Канаде, к 1974 г. председатель морской организации в Монреале. Умер 24—25 июня 1982 г. в Роудоне (Канада).

[563] **Дмитриев Владимир Иванович**, р. 3 июня 1879 г. Морской корпус (1899), Морская академия. Капитан 1-го ранга, морской агент во Франции. Во ВСЮР и Русской Армии на той же должности. В эмиграции во Франции (1933—1934 гг. в Чехословакии), руководил поддержкой Морского корпуса в Бизерте и устройством военнослужащих армии в вузы, в 1929—1936 гг. председатель Всезарубежного объединения морских организаций в Париже, на 20 января 1949 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 18 февраля 1965 г. в Париже.

[564] **Насонов Сергей Александрович**, р. в 1887 г. В службе с 1906 г., офицером с 1910 г. Штабс-капитан корпуса корабельных инженеров. Во ВСЮР и Русской Армии в Морском корпусе в Севастополе до эвакуации Крыма. Капитан (10 февраля 1919 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. До 1925 г. служащий корпуса.

[565] **Монастырев Нестор Александрович**, р. в 1887 г. Московский университет (1909), экзамен при Морском корпусе (1912), Офицерский класс подводного плавания (1914). Лейтенант, командир подводной лодки «Скат». Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте; минный офицер подводной лодки «Тюлень», в мае—ноябре 1920 г. старший лейтенант, командир подводной лодки «Утка». Капитан 2-го ранга (26 октября 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с апреля 1921 г. командир подводной лодки «АГ-22», с 1921 г. по июль 1922 г. командир подводной лодки «Утка», с октября 1922 г. по декабрь 1923 г. начальник дивизиона подводных лодок, член правления заемного капитала при штабе

эскадры, в 1921—1924 гг. редактор «Морского Сборника». Морской писатель, на 20 января 1949 г. член Исторической комиссии Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 13 февраля 1957 г. в Табарке (Тунис).

[566] **Высочин Владимир Иванович.** Военное училище (1914). Офицер Сибирской артиллерийской бригады. Во ВСЮР и Русской Армии в корпусе корабельных офицеров Черноморского флота; весной 1919 г., в 1919—1920 гг. комендор на крейсерах «Кагул» («Генерал Корнилов») и «Очаков», в июне 1920 г. командир десантной роты крейсера «Генерал Корнилов» у Николаева на Тендре, затем преподаватель гимнастики Морского корпуса в Севастополе до эвакуации Крыма. Поручик (22 января 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. Строевой офицер и преподаватель гимнастики Морского корпуса. В эмиграции с 1922 г. в Чехословакии, окончил политехнический институт, до 1945 г. инженер пражского муниципалитета. После 1945 г. в Баварии, с 17 апреля 1948 г. в США; на 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке.

[567] **Дембовский Иван Владиславович.** Во ВСЮР и Русской Армии; преподаватель Морского корпуса в Севастополе. Эвакуирован с флотом в Бизерту, в 1923—1925 гг. инспектор классов корпуса.

[568] **Барон Соловьев Николай Николаевич**, р. в 1893 г. Морской корпус (1914). Мичман Черноморской гидроавиации. Во ВСЮР и Русской Армии; с 28 марта 1920 г. лейтенант; адъютант Морского корпуса в Севастополе, затем в штабе Черноморского флота до эвакуации Крыма. Старший лейтенант. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с 1921 г. по март 1922 г. адъютант Морского корпуса. С 1923 г. в эмиграции в США (Нью-Йорк), на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке, в 1933—1935 гг. на заводе Сикорского в Стратфорде, инженер-конструктор. Умер 9 сентября 1960 г. в Нью-Йорке.

[569] **Леммлейн Василий Васильевич**, р. 14 ноября 1894 г. Одесский кадетский корпус (выпуск 1912 г., не закончил), Морской корпус (1914). Мичман. Во ВСЮР и Русской Армии в Морском корпусе. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте; с июня 1922-го по 1925 г. адъютант Морского корпуса. Лейтенант. В эмиграции во Франции, в 1928—1934 гг. член Кружка бывших воспитанников Морского корпуса и Отдельных гардемаринских классов в Лионе. Умер 20 февраля 1967 г. в Париже.

[570] **Якушев Сергей Александрович**, р. в 1880 г. Морской корпус (1901). Капитан 2-го ранга. Во ВСЮР и Русской Армии; преподаватель Морского корпуса. Эвакуирован с флотом в Бизерту, с 23 ноября 1923 г. командир роты корпуса.

[571] Продолжение публикации, помещенной во 2-м разделе.

[572] **Солодков Николай Петрович**, р. в 1892 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Морской корпус (1912), Офицерский артиллерийский класс (1915). Лейтенант Главного Морского Штаба. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии; с 1919 г. командир гардемаринской роты, воспитатель Морского корпуса в Севастополе до эвакуации Крыма. Старший лей-

тенант (28 марта 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте на учебном судне «Великая княгиня Ксения Александровна». В эмиграции в Данциге, затем в Германии, член Союза взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине. С 1944 г. в Германии Умер 22 марта 1964 г. в Зигбурге (Германия).

[573] Воспоминания Н.Н. Кнорринга публикуются ниже.

[574] **Парфенов Дмитрий Дмитриевич**, р. 26 февраля 1900 г. Гардемарин Морского корпуса и Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут». Мичман (с 10 декабря 1920 г., со старшинством 11 апреля 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту, на 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с ноября 1921 г. на учебном судне «Моряк», до 1925 г. командир роты Морского корпуса. В эмиграции с 1926 г. во Франции. Умер 13 мая 1969 г. в Париже.

[575] **Васильев Сергей Владимирович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут». Мичман (10 декабря 1920 г.; старшинство 11 апреля 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с ноября 1921 г. на учебном судне «Моряк». Умер 13—14 августа 1939 г. в Алжире.

[576] **Аксаков Сергей Сергеевич.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут». В Русской Армии воспитатель Морского корпуса в Севастополе до эвакуации Крыма. Мичман (10 декабря 1920 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с марта по октябрь 1922 г. вахтенный начальник на учебном судне «Моряк». В эмиграции с 1926 г. в Париже, член организации Кутепова, в 1927—1938 гг. 4 раза был в СССР (в 1937 г. шофер секретаря Ленинградского обкома), во время Второй мировой войны на Восточном фронте. После 1945 г. в Аргентине. Умер 19 сентября 1987 г. в Буэнос-Айресе.

[577] **Макшеев Платон Николаевич.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут»; воспитатель Морского корпуса. Мичман (10 декабря 1920 г.; старшинство 11 апреля 1920 г.). На 25 марта

1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, к июлю 1921 г. в Морском корпусе В эмиграции во Франции, в 1928 г. член Кружка бывших воспитанников Морского корпуса и Отдельных гардемаринских классов в Лионе. Умер 9 января 1972 г. под Парижем.

[578] **Майданович Лев Александрович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Награжден Георгиевской медалью 4-й ст. (1919). Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут»; воспитатель Морского корпуса в Севастополе. Мичман (10 декабря 1920 г.; старшинство 11 апреля 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте; в октябре 1921 г. — июле 1922 г. ревизор на учебном судне «Моряк». После попытки самоубийства в марте 1923 г. вернулся в СССР, жил в Сергиевом Посаде.

[579] **Дунаев Николай Александрович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую Армию в Севастополь на посыльном судне «Якут», назначен воспитателем Морского корпуса. Мичман (10 декабря 1920 г.; старшинство 11 апреля 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В 1922 г. вернулся в СССР.

[580] **Кнорринг Николай Николаевич**, р. в 1880 г. Самарская гимназия. Коллежский советник. Во ВСЮР и Русской Армии с лета 1919. С осени 1920 г. до мая 1925 г. преподаватель истории Морского корпуса в Севастополе. Эвакуирован с флотом в Бизерту. В 1955 г. вернулся в СССР. Умер в 1967 г.

[581] Впервые опубликовано: Сфаят. Очерки из жизни Морского корпуса в Африке. Париж, 1935.

[582] Впервые опубликовано: Кадетские корпуса за рубежом, 1920—1945. Монреаль, б. г.

[583] **Казанцев Николай Дмитриевич**, р. в 1868 г. В службе с 1886 г., офицером с 1888 г. Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. С 1 сентября 1920-го по 24 мая 1923 г. преподаватель географии Крымского кадетского корпуса. Умер 21 октября 1923 г. в Белой Церкви (Югославия).

[584] **Промтов Михаил Николаевич**, р. в 1857 г. Из дворян. Полтавский кадетский корпус (1874), Михайловское артиллерийское училище (1877), Офицерская артиллерийская школа. Генерал-лейтенант, начальник 82-й пехотной дивизии, командир 23-го армейского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с 24 февраля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 11 марта 1919 г. член особой комиссии, с сентября 1919-го по январь 1920 г. командир 2-го армейского корпуса войск Новороссийской области. В эмиграции в Югославии. С 11 декабря 1924-го по 1 сентября 1929 г. директор Крымского кадетского корпуса. Умер в 1951 г. в Белграде.

[585] **Потемкин Дмитрий Александрович.** Кадет Сумского кадетского корпуса. Во время большевистского переворота спас корпусное знамя. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1921), Николаевское кавалерийское училище, университет. Корнет 15-го гусарского полка. После 1945 г. в США. Умер 15 сентября 1978 г. в Нью-Йорке.

[586] **Маслов Григорий Константинович**, р. в 1878 г. В службе с 1896 г., офицером с 1899 г. Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии инспектор классов в Крымском кадетском корпусе до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Константин». В эмиграции в Югославии. С 1 ноября 1920-го по 12 ноября 1925 г. инспектор классов и преподаватель того же корпуса. Умер 18 июня 1929 г. в Белой Церкви (Югославия).

[587] **Савченко Петр Севастьянович**, р. в 1881 г. Из дворян, сын генерал-майора. Подполковник артиллерии, юрист. С 1918 г. в гетманской армии; войсковой старшина, 7 ноября 1918 г. назначен помощником инспектора классов Чугуевской сводной военной школы. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Директор русской гимназии в Галлиполи. В эмиграции в Югославии. С 1 сентября 1923-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса, к 1931 г. возглавлял группу Общества Галлиполийцев в Горажде, с 1 сентября 1936-го преподаватель Первого Русского кадетского корпуса, к 1938 г. в Белграде.

[588] **Боголюбов Семен Николаевич**, р. в 1889 г. в Хабаровске. Хабаровский кадетский корпус (1909), Санкт-Петербургский университет. Произведен в офицеры за боевое отличие. В Вооруженных силах Юга России. В эмиграции в Югославии. Преподаватель Харьковского института, с 1 сентября 1926-го по 1 сентября 1929 г. — Крымского кадетского корпуса, в 1940—1944 гг. — Первого русского кадетского корпуса, с 1945 г. в Германии, до 1951 г. инспектор классов и директор русской гимназии генерала Попова, затем в США. Умер 19 августа 1971 г. в Нью-Йорке.

[589] **Цареградский Михаил Михайлович.** Полковник, воспитатель Владикавказского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии. С 1 сентября 1929 г. по 1 августа 1935 г. воспитатель и преподаватель Первого Русского кадетского корпуса и Донского Мариинского института. Служил в Русском корпусе. Умер 20 мая 1962 г. в Гаутинге (Германия).

[590] **Эльснер Евгений Феликсович**, р. в 1867 г. Из дворян. Тифлисский кадетский корпус (1885), Михайловское артиллерийское училище (1888), академия Генштаба (1895). Генерал-лейтенант, главный начальник снабжения Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. Участник боев в Киеве в октябре 1917 г. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., с января 1918 г. начальник снабжения армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник обоза, с лета 1918 г. по март 1919 г. представитель Добровольческой армии при атамане ВВД. В начале 1920 г. выехал в Югославию. В эмиграции там же, с 23 ноября 1921-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского, затем Первого Русского кадетских корпусов. Умер 5 июля 1930 г. в Белой Церкви (Югославия).

[591] **Зиолковский Николай Венедиктович**, р. в 1872 г. В службе с 1892 г., офицером с 1894 г. Подполковник, командир роты Полтавского кадетского корпуса. Во ВСЮР с 7 августа 1919 г. на той же должности. В эмиграции в Югославии. С 1 сентября 1920-го по 1 сентября 1929 г. командир роты Крымского кадетского корпуса, 1 сентября 1933 г. — 1 июля 1939 г. воспитатель Первого русского кадетского корпуса.

[592] **Худыковский Евгений Александрович.** Сын подполковника. Подполковник, воспитатель Полтавского кадетского корпуса. В эмиграции в Югославии. С 1 сентября 1921-го по 12 октября 1928 г. воспитатель Крымского кадетского корпуса. Умер до 1965 г.

[593] **Колосовский А.Н.** Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии, преподаватель Крымского, а с 1 сентября 1929-го по 1 сентября 1933 г. — Первого Русского кадетского корпуса.

[594] **Маевский Владислав Владиславович.** Михайловское артиллерийское училище. Капитан, курсовой офицер того же училища. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии, затем во Франции; воспитатель Крымского кадетского корпуса и корпуса-лицея в Версале. Умер 2 июня 1963 г. в Сан-Франциско (США).

[595] **Каратеев Михаил Дмитриевич**, р. в 1904 г. Кадет Полтавского кадетского корпуса (окончил в 1919 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР; с весны 1920 г. на эсминце «Беспокойный». Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. В эмиграции в Югославии и Болгарии. Окончил Крымский кадетский корпус в 1921 г., Сергиевское артиллерийское училище (1923), университет. Подпоручик конной артиллерии. Писатель, автор исторических романов, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 24 октября 1978 г. в Ласт-Тоскас, Монтевидео (Уругвай).

[596] **Лазаревич Лонгин.** Кадет Полтавского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус в 1921 г. Умер до 1965 г.

[597] Впервые опубликовано: Кадетские корпуса за рубежом, 1920—1945. Монреаль, б. г.

[598] **Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович**, р. 16 октября 1869 г. Из дворян Минской губ., сын офицера, казак ст. Нижне-Чирской Области Войска Донского. Николаевский кадетский корпус (1888), Николаевское кавалерийское училище (1890). Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Полковник, командир 6-го Донского казачьего полка. В Донской армии; Участник Степного похода, комендант отряда. В марте 1918 г. руководитель восстания во 2-м Донского округе, в апреле 1918 г. командующий войсками 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов, в мае 1918 г. начальник самостоятельного отряда и группы. С июля 1918-го по 23 февраля 1919 г. командующий войсками Чирского и Цимлянского района, командующий Восточным фронтом (с 7 мая 1918 г. генерал-майор), с 23 февраля 1919 г. командующий 1-й Донской армией, командир 2-го сводного казачьего корпуса, в июле 1919-го — феврале 1920 г. командир 4-го Донского отдельного корпуса, в ноябре 1919 г. командир конной группы. Генерал-лейтенант. Умер от тифа 1 февраля 1920 г. в Екатеринодаре.

[599] **Аладьин Алексей Федорович**, р. 15 марта 1873 г. в с. Новиково Самарской губ. Из крестьян. 3-я Казанская гимназия, Казанский университет. Член Государственной Думы, журналист, общественый деятель. Лейтенант английской армии. Летом 1917 г. поддерживал связь с генералом Корниловым. Участник выступления генерала Корнилова, быховец. Участник Степного похода. Во ВСЮР и Русской Армии (с апреля 1920 г. в Севастополе). Участник организации эвакуации Крыма. В эмиграции в Константинополе, Париже и Лондоне. Умер 30 июля 1927 г. в Лондоне.

[600] **Гилленшмидт фон Яков Федорович**, р. в 1870 г. Пажеский корпус (1890). Офицер 17-го драгунского полка, л.-гв. Кирасирского Его Величества полка и л.-гв. Конной артиллерии. Генерал-лейтенант, командир 4-го кавалерийского корпуса. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Погиб в апреле 1918 г. при попытке прорваться из окружения из колонии Гначбау.

[601] **Чеботарев Григорий Порфирьевич**, р. 15 февраля 1899 г. в Павловске. Из дворян. Сын генерала. Училище Правоведения (1917) (не окончил; 3-й класс), Михайловское артиллерийское училище (1916). Хорунжий л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. В Донской армии; в начале 1918 г. в добровольческом артиллерийском взводе есаула Конькова, с лета 1918 г. переводчик при Донском атамане, в начале 1919 г. во 2-й Донской казачьей батарее, затем адъютант-инспектор артиллерии Донской армии; в марте 1920 г. эвакуирован с Донским кадетским корпусом в Египет, с 5 марта 1920 г. по 9 июня 1921 г. адъютант того же корпуса, затем преподаватель в Египте. В эмиграции в Германии, в 1925 г. окончил Высшую техническую школу в Берлине, с 1937 г. в США, инженер, с 1936 г. профессор Принстонского университета. Умер 22 апреля 1985 г. в Холланде (США).

[602] **Филин Георгий Феогнеевич**, р. в 1869 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Сын подполковника. В Донской армии в Донском кадетском корпусе. Полковник. Эвакуирован с корпусом в Египет, казначей, командир сотни и преподаватель того же корпуса в Египте, затем в Югославии.

[603] **Артамонов Павел Алексеевич**, р. в 1872 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Полковник. В Донской армии; командир сотни Донского кадетского корпуса. Эвакуирован с корпусом в Египет. Умер весной 1920 г. в Исмаилии (Египет).

[604] **Артамонов Виктор Алексеевич**, р. 9 октября 1873 г. Симбирский кадетский корпус (1890), Павловское военное училище (1892), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Волынского полка. Генерал-майор, военный агент в Сербии. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919—1920 гг. представитель Главнокомандующего ВСЮР Русской Армии в Белграде. В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии. Умер 23 августа 1942 г. в Панчеве (Югославия).

[605] Этот и следующий разделы написаны Н.Н. Воробьевым (в эмиграции окончил 1-й Донской кадетский корпус, к 1960 г в США, умер после 1970-х гг. в Пебл-Бич, Калифорния).

[606] Этот и следующий разделы написаны М.Н. Залесским. **Залесский Михаил Николаевич**, р. 4 июня 1905 г. в Симферополе. В Добровольческой ар-

мии доброволец 7 запасного батальона, с 1919 г. в Донском кадетском корпусе, с 6 августа 1920 г. во 2-м Донском кадетском корпусе. В эмиграции в Югославии. Окончил Загребский университет. Член НТС. После 1945 г. в Германии и США. Умер 22 марта 1979 г. в Сан-Франциско.

[607] **Рыковский Иван Иванович**, р. 2 февраля 1868 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Усть-Белокалитвенской Области Войска Донского. Киевский кадетский корпус (1885), Александровское военное училище (1887), педагогический курс при ГУВУЗ. Полковник, командир сотни Донского кадетского корпуса. В Донской армии; к началу 1919 г. помощник директора Донского кадетского корпуса, затем дежурный генерал штаба Донской армии, с марта 1920 г. по 12 февраля 1921 г. директор 2-го Донского кадетского корпуса. Награжден орденом Станислава 1-й ст. 20 июня 1920 г. Генерал-майор (7 февраля 1919 г.). В эмиграции в Югославии, к 1931 г. в Осеке.

[608] **Букин Николай Федорович**, р. 27 октября 1903 г. Из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Учащийся реального училища. Кадет Донского кадетского корпуса (37 выпуск). Участник Степного похода. С 1920 г. в Атаманском военном училище и Донском юнкерском полку. Участник боев в Северной Таврии; осенью 1920 г. отчислен из училища в 3-й класс 2-го Донского кадетского корпуса в Крыму. В эмиграции в Югославии. Окончил Донской кадетский корпус в 1927 г. и университет. Инженер-лесовод. Умер 12 июня 1994 г. в Новом Саду (Югославия).

[609] **Басов (Бассов) Николай Иванович**, р. 30 ноября 1903 г. в Новочеркасске. Сын офицера. Кадет Донского кадетского корпуса. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 6-й роте Корниловского полка. Затем с 1919 г. в Атаманском военном училище, откуда в 1920 г. отчислен в 4-й класс 2-го Донского кадетского корпуса, с которым эвакуирован из Крыма. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. В эмиграции в Югославии. Окончил Донской кадетский корпус в 1925 г., Пражский политехнический институт. Инженер-строитель, с 1948 г. в Канаде. Умер 28 июля 1975 г. в Монреале.

[610] **Готуа Георгий Сименович**, р. в 1871 г. В службе с 1889 г., офицером с 1896 г. Полковник Особой бригады во Франции. В Добровольческой армии и ВСЮР с начала 1919 г.; во 2-м армейском запасном батальоне, с 3 ноября 1919 г. командир 7-го запасного батальона. Генерал-майор. В эмиграции в Югославии, с 1921 г. жил при Донском кадетском корпусе в Билече. Умер после 1935 г.

[611] **Попков Николай Иванович**, р. в 1887 г. Донской кадетский корпус (1905), Николаевское кавалерийское училище (1907). Есаул. В Донской армии; воспитатель Донского кадетского корпуса, с весны 1920 г. — 2-го Донского кадетского корпуса. Награжден орденом Анны 2-й ст. 21 июля 1920 г. Войсковой старшина (с 17 января 1918 г.) В эмиграции в Югославии, преподаватель Донского кадетского корпуса.

[612] **Бабкин Александр Иванович**, р. 13 июня 1882 г. Из казаков ст. Мигулинской, сын офицера ВВД. Донской кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище (1903), академия Генштаба (1909). Офицер л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. Полковник, помощник начальника шта-

ба ВВД. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с 9 февраля по 19 мая 1918 г. начальник войскового штаба ВВД. Участник Степного похода. Вышел в отставку 19 мая 1918 г.; с 8 марта 1919 г. вновь на службе с назначением начальником канцелярии председателя Донского правительства, с 15 сентября 1919 г. начальник 2-й Донской конной дивизии; с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве, в июле—октябре 1920 г. в штабе ВВД, адъютант Донского атамана. Эвакуирован до 15 сентября 1920 г. В эмиграции в Югославии, с 12 февраля 1921 г. директор 2-го Донского кадетского корпуса. Генерал-майор (12 февраля 1921 г.). С 1925 г. во Франции, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, с 1948 г. в Канаде, с 1955 г. атаман Донской казачьей станицы в Монреале. Умер 24 декабря 1974 г. в Монреале.

[613] **Сутулов Александр Михайлович**, р. 17 августа 1881 г. Из казаков ст. Распопинской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1902). Есаул гвардии, командир сотни Николаевского кавалерийского училища, помощник командира 19-го Донского казачьего полка. В Донской армии; с февраля 1918 г. заместитель начальника штаба походного атамана ВВД, участник Степного похода, в апреле 1918 г. участник восстания в ст. Усть-Хоперской, с июля 1918 г. командир 3-го пешего отряда, на 29 августа 1918 г. командир отряда войск Усть-Медведицкого района, с марта 1919 г. войсковой старшина, врио начальника 5-й конной дивизии, с марта 1919 г. помощник начальника 4-й конной дивизии (полковник), до 12 мая 1919 г. начальник 1-й Донской пешей дивизии (с 12 мая — 3-я Донская пластунская бригада), в июне 1919 г. начальник пешего отряда, с августа 1919 г. командир пешей бригады, в конце 1919-го — марте 1920 г. командир 2-го Донского корпуса, с 25 марта по апрель 1920 г. начальник 2-й Донской дивизии. В Русской Армии в штабе 3-й армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант. Эвакуирован на корабле «Сцегед». В эмиграции в Югославии, в 1920—1929 гг. командир сотни Донского кадетского корпуса. После 1945 г. во Франции. Умер 3 июля 1958 г. в Каннах (Франция).

[614] **Кучеров Николай Матвеевич**, р. 4 февраля 1879 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Пятиизбянской. Донской кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище (1900). Полковник 53-го Донского казачьего полка. В Донской армии; к марту 1919 г. командующий группой войск Западного фронта, затем начальник 8-й Донской конной дивизии, с 12 мая 1919 г. командир 8-й Донской конной бригады. В Русской Армии с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве, затем командир 5-го Донского казачьего Платовского полка до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 31 января 1919 г.). В эмиграции в Югославии, воспитатель Донского кадетского корпуса. Умер в июне 1923 г. в Бичее (Югославия).

[615] **Еманов Павел Михайлович**, р. 25 августа 1877 г. Из дворян ВВД, казак ст. Елизаветовской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1898). Есаул (с 1912 г.) Новочеркасского военного училища. Полковник. В Донской армии; участник Степного похода, затем полковник, командир Донского учебного полка, с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве до эвакуации Крыма. Награжден ор-

деном Св. Владимира 3-й ст. 21 июля 1920 г. Генерал-майор (1919). В эмиграции в Югославии: воспитатель и командир сотни Донского кадетского корпуса. Умер в 1936 г. в Гаражде (Югославия).

[616] **Золотов Александр Федорович**, р. в 1892 г. Войсковой старшина, военный юрист. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии помощник атамана 2-го Донского округа до эвакуации Крыма. Полковник (с 18 апреля 1920 г.). Эвакуирован из Евпатории на тральщике «Т-412». В эмиграции преподаватель Донского кадетского корпуса. Умер 5 февраля 1966 г. в Монморанси (Франция).

[617] **Ерофеев Николай Ефимович**, р. 7 мая 1864 г. Из казаков ст. Калитвенской, сын дьяка. Гимназия, Харьковский университет, экзамен при Новочеркасском казачьем юнкерском училище (1890). Полковник, помощник инспектора классов Новочеркасского военного училища. В Донской армии; инспектор классов Донского кадетского корпуса. Награжден орденом Станислава 1-й ст. 20 июня 1920 г. Генерал-майор (7 февраля 1919 г.). Вышел в отставку действительным статским советником 28 мая 1921 г., с 7 июня 1920 г. определен вновь на службу генерал-майором, инспектор классов 2-го Донского кадетского корпуса. Действительный статский советник (7 июня 1921 г.). В эмиграции в Югославии, к 1933 г. в Нише.

[618] **Чернокнижников Алексей Елисеевич.** Из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус (1902), Константиновское артиллерийское училище (1905), Михайловская артиллерийская академия (1913). Офицер Свеаборгской крепостной артиллерии. В Донской армии; войсковой старшина, руководитель Донской офицерской артиллерийской школы, штаб-офицер для поручений при инспекторе артиллерии Донской армии. В Русской Армии преподаватель Офицерской артиллерийской школы до эвакуации Крыма. Полковник (22 сентября 1920 г.). В эмиграции в Югославии. В 1921—1933 гг. инспектор классов Донского кадетского корпуса, с 1 августа 1933-го по 1 июля 1935 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса, затем в женском институте в Белой Церкви. Служил в Русском корпусе. Умер 11 июля 1966 г. в Виллахе (Австрия).

[619] **Рещиков Владимир Николаевич.** Полковник 11-го гусарского полка. В Вооруженных силах Юга России. В эмиграции в Югославии, с ноября 1921 г. преподаватель, воспитатель и служащий Донского кадетского корпуса. Служил в Русском корпусе.

[620] **Татаркин Григорий Васильевич**, р. 27 ноября 1873 г. Сын чиновника ВВД, казак ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Новочеркасская гимназия, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1895) (офицером с 1896 г.), академия Генштаба. Полковник, командир 33-го Донского казачьего полка. В Донской армии; командир отряда своего имени, в конце апреля 1918 г. командир 1-го конного полка Северного казачьего отряда Южной группы, с 19 мая 1918 г. командир Северного отряда, с 17 июля 1918 г. командир 1-го конного отряда, на 29 августа 1918 г. генерал-майор, командир отряда войск Усть-Медведицкого района, с 11 марта 1919 г. начальник 4-й конной дивизии, с 12 мая 1919 г. командир 9-й Донской конной бригады, с 19 октября 1919 г. помощник начальника 2-й Донской конной дивизии. В Русской Армии в июне 1920 г. командир бригады той же дивизии, с 18 августа 1920 г. начальник 2-й Донской

конной дивизии до эвакуации Крыма (и на 15 января 1921 г.). Генерал-лейтенант (19 октября 1919 г.). Был на о. Лемнос. С 1921 г. начальник 1-й Донской казачьей дивизии. В 1922 г. выслан из Болгарии в Сербию, осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. В эмиграции в Белграде. Во время Второй мировой войны участвовал в формировании казачьих частей германской армии и РОА. С 1942 г. Донской атаман. Умер 14 октября 1947 г. под Мюнхеном.

[621] **Посевин Николай (Никита) Митрофанович**, р. в 1869 г. Офицер с 1891 г. Полковник Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии и ВСЮР; с октября 1919 г. командир 3-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска В Русской Армии до эвакуации Крыма. 18 декабря 1920 г. подлежал эвакуации на корабле «Херсон». Был на о. Лемнос, в 1921 г. командир 1-го Кубанского казачьего полка, до 1924 г. заведующий вещевым складом Донского кадетского корпуса, затем в Болгарии.

[622] **Богаевский Митрофан Петрович**, р. в 1881 г. Новочеркасская гимназия (1903), Санкт-Петербургский университет (1911). Директор гимназии в ст. Каменской. С 18 июня 1917 г. помощник войскового атамана ВВД и председатель Войскового Круга. Расстрелян большевиками 1 или 10 апреля 1918 г. в Ростове.

[623] **Карпов Николай Павлович**, р. 21 ноября 1955 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Новочеркасская гимназия, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1877), Офицерская кавалерийская школа. Офицер л.-гв. Атаманского полка. Генерал-майор в отставке (1907). В Донской армии. Участник Степного похода, затем преподаватель. В эмиграции в Югославии, до 1926 г. преподаватель Донского кадетского корпуса, затем в Болгарии. Генерал-лейтенант. Умер 20 октября 1929 г. в Софии.

[624] **Хрисоногов Михаил Михайлович**, р. в 1892 г. В эмиграции в Югославии, преподаватель рисования Донского кадетского корпуса, с 1 августа 1933-го по 1 августа 1938 г. — Первого Русского кадетского корпуса. После 1945 г. в Венесуэле. Умер 11 июня 1982 г. в Каракасе (Венесуэла).

[625] **Ган Александр Рудольфович.** Полковник. В эмиграции в Югославии, с ноября 1921 г. служащий Донского кадетского корпуса, с 1 августа 1933-го по 1 сентября 1935 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса.

[626] Этот и предыдущие разделы написаны Н.Н. Воробьевым.

[627] Этот и следующий разделы написаны В.С. Даниловым. **Данилов Владислав Сергеевич**, р. 26 ноября 1901 г. в Воронеже. Кадет Воронежского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; доброволец в Корниловской дивизии, с 1920 г. в Донском кадетском корпусе. В эмиграции в Югославии. Окончил Донской кадетский корпус (1924), Белградский университет, архитектор. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. в США. Умер 5 декабря 1990 г. в Санта-Розе (США).

[628] Впервые опубликовано: Кадетские корпуса за рубежом, 1920—1945. Монреаль, 6 г.

[629] **Ракитин Николай Семенович**, р. в 1868 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г Подполковник, воспитатель Одесского кадетского корпуса.

В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1918—1920 гг. на той же должности. Полковник. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920-го по 1 сентября 1923 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса.

[630] **Протопопов Борис Николаевич.** Полковник, помощник инспектора классов Киевского кадетского корпуса. В эмиграции с ним в Югославии; с марта 1920 г. по 18 марта 1929 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса.

[631] **Красовский Константин Данилович**, р. в 1879 г. В службе с 1897 г., офицером с 1899 г., Военно-юридическая академия. Полковник. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции в Югославии. С 29 октября по 1 ноября 1920 г. и с 1 августа 1933-го по 1 сентября 1938 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса.

[632] **Гайдовский-Потапович Александр Михайлович.** Статский советник, инспектор классов и преподаватель Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1918—1920 гг. на той же должности. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920-го по 1 октября 1927 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса. Умер после 1945 г. в Звартберге (Бельгия).

[633] **Седлецкий Николай Константинович.** Чиновник Министерства народного просвещения. В Вооруженных силах Юга России; до 1920 г. преподаватель Одесского кадетского корпуса. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920 г. по 13 сентября 1936 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса.

[634] **Старк Павел Федорович**, р. в 1846 г. В службе с 1874 г., офицером с 1876 г. Генерал-майор. С 1918 г. в гетманской армии; 12 ноября 1918 г. назначен библиотекарем Государственной военной академии. В Вооруженных силах Юга России в резерве чинов войск Киевской области, на 25 марта 1920 г. — войск Новороссийской области, местонахождение неизвестно. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса. Умер 13 января 1926 г. в Сараеве (Югославия).

[635] **Гизе Александр Федорович**, р. в 1860 г. Статский советник, преподаватель Киевского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Эвакуирован из Одессы в Салоники на корабле «Рио-Пардо». На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции с корпусом там же. С 28 февраля 1920 г. по 9 марта 1927 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса.

[636] **Скалон Владимир Александрович**, р. в 1874 г. В службе с 1894 г., офицером с 1896 г. Полковник кавалерии. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, преподаватель и воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. Арестован в октябре 1944 г. в Белой Церкви (Югославия). Дочери, София, Ксения (на 16 июля 1920 г. в 4-м классе Харьковского женского института).

[637] **Розанов Владимир Александрович**, р. в 1880 г. Киевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Михайловская артиллерийс-

кая академия. Полковник, инспектор классов 2-го кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; инспектор классов Киевского кадетского корпуса. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя. В эмиграции в Югославии, с 1920 г. инспектор Первого Русского кадетского корпуса до 1942 (1944) г., затем в Германии. Умер в 1951—1957 гг.

[638] **Селицкий Владимир Иванович**, р. в 1875 г. В службе с 1894 г., офицером с 1897 г. Полковник, инженер. В Вооруженных силах Юга России; с 11 декабря 1919 г. преподаватель Одесского военного училища. Эвакуирован в начале 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920 г. по 26 марта 1921 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса. Умер 26 марта 1921 г. в Сараеве.

[639] **Енько-Даровский Юрий (Георгий) Николаевич.** Капитан, воспитатель Киевского кадетского корпуса. Эвакуирован с корпусом в начале 1920 г. из Одессы. В эмиграции с ним в Югославии, с марта 1920 г. по 2 сентября 1929 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. Подполковник.

[640] **Волков Николай Васильевич.** Подполковник. С 1918 г. в гетманской армии; войсковой старшина Киевской войсковой Св. Владимира гимназии, 28 октября 1918 г. утвержден в чине полковника со старшинством с 2 мая 1917 г. В Вооруженных силах Юга России командир роты Киевского кадетского корпуса. Эвакуирован до 15 сентября 1920 г. В эмиграции с ним в Югославии; с марта 1920 г. по 1 сентября 1934 г. командир роты Первого русского кадетского корпуса.

[641] **Клопотовский Николай Николаевич**, р. в 1869 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Подполковник, воспитатель Киевского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Эвакуирован с корпусом из Одессы. В эмиграции в Югославии; с марта 1920 г. по 1 ноября 1924 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. Умер 26 октября 1938 г.

[642] **Черненко Иван Григорьевич.** Поручик, воспитатель Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, с марта 1920 г. по 1 октября 1924 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. Штабс-капитан (капитан). Умер 2 июня 1938 г. в Белграде.

[643] **Греков Валериан Иванович**, р. в 1865 г. В службе с 1884 г., офицером с 1886 г. Полковник, командир роты Киевского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Эвакуирован с корпусом из Одессы в Югославию. В эмиграции там же, с марта 1920 г. по 1 сентября 1928 г. командир роты Первого Русского кадетского корпуса. Умер в 1940 г. в Югославии.

[644] **Левитский Мстислав Аполлонович.** Капитан, воспитатель Киевского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Эвакуирован с корпусом из Одессы. В эмиграции в Югославии, воспитатель, начальник хозяйственной части, к 1940 г. снова воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. Подполковник.

[645] **Долматов Алексей Сергеевич**, р. в 1861 г. Действительный статский советник, старший врач Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах

Юга России на той же должности. Эвакуирован из Одессы в Салоники на корабле «Рио-Пардо». В эмиграции в Югославии, с марта 1920-го по 15 апреля 1937 г. врач Первого Русского кадетского корпуса. Умер 15 апреля 1937 г. в Белой Церкви (Югославия).

646 **Потоцкий Дмитрий Николаевич**, р. 5 ноября 1880 г. Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус (1900), академия Генштаба (1909). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Генерал-майор, начальник 7-й Донской казачьей дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. комендант и командующий войсками Ростова. Взят в плен в декабре 1917 г., бежал в Киев, с конца 1918 г. председатель комиссии по вопросу о военнопленных, с начала 1919 г. в Германии, уполномоченный Красного Креста. В 1920—1923 гг. военный агент и представитель Главнокомандующего в Югославии. В эмиграции в Югославии, Франции и Алжире; с 1931 г. секретарь Офицерского Общества лейб-казаков, на 1934 г. член-кандидат главного правления Союза Пажей, с 1946 г. в США. Умер 31 марта 1949 г. в Нью-Йорке.

647 **Базаревич Владимир Иосифович.** Генштаба полковник. Во ВСЮР и Русской Армии; с 1926 г. военный агент в Югославии; начальник отдела Делегации, ведавшей интересами русской эмиграции. В эмиграции в Белграде.

648 **Азарьев Александр Николаевич**, р. 16 ноября 1871 г. Полтавский кадетский корпус (1890), Павловское военное училище (1892). Полковник, воспитатель Киевского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии на той же должности. В эмиграции в Югославии, до 1942 г. командир роты и заведующий хозяйством Первого Русского кадетского корпуса. Умер в 1965 г. в Белой Церкви (Югославия).

649 **Прибылович Сергей Николаевич.** Капитан, воспитатель Киевского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Эвакуирован в начале 1920 г. из Одессы в Югославию. В эмиграции там же, до 1940 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. Подполковник.

650 **Трофимов Иван Павлович**, р. в 1874 г. В службе с 1894 г., офицером с 1895 г. Подполковник. Воспитатель Полтавского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии, 1 сентября 1920 г. — 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса, затем до 1 августа 1933 г. — Первого Русского кадетского корпуса. После ареста в октябре 1944 г. по 1945 г. остался в Белой Церкви. Умер в 1962 г. там же.

651 **Билетов Алексей Дмитриевич.** Штабс-капитан, воспитатель Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности, в начале 1920 г. г.командир роты того же корпуса. Участник обороны Одессы. Капитан. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. С марта 1920-го по 16 сентября 1922 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса и преподаватель гимназии.

652 **Барышев Петр Владимирович**, р. около 1879 г. Виленское военное училище. Подполковник. В Добровольческой армии; с октября 1918 г. в 1-м Ставропольском стрелковом полку, с января 1919 г. помощник командира 1-го отдельного осетинского батальона, затем в Одесском военном училище. Полковник (с декабря 1918 г.). Эвакуирован до марта 1920 г. на корабле «Новахо». На май 1920 г. в Югославии. 21 июля—1 августа 1920 г. возвра-

тился в Крым. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на шхуне «Орлик». В эмиграции в Югославии. С 1940 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса. Остался в Белой Церкви (Югославия).

[653] **Попов Александр Григорьевич**, р. 13 ноября 1884 г. в Ейске. Ейское реальное училище (1903), Киевское военное училище (1905), Военно-юридическая академия (1912). Делопроизводитель начальника отдела Главного Военно-Судного управления. В Добровольческой армии с октября 1918 г. в Кисловодске в отряде Шкуро. С конца 1918 г. в судном отделе штаба Главнокомандующего ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Константинополе помощник Главного военного прокурора до 1926 г. Генерал-майор (18 апреля 1922 г.). С 1926 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса, с 2 августа (1 сентября) 1936 г. до 1945 г. директор того же корпуса, с 1945 г. создатель и директор русской гимназии в Регенсбурге. Участник монархического движения. С 1952 г. в США. Умер 19 марта 1968 г. в Глен-Кове (США).

[654] **Потапов Илья Николаевич**, р. в Витебске. Генштаба полковник. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии, начальник штаба 3-й группы Кубанской казачьей дивизии, к 1940 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. Остался в Белой Церкви. Расстрелян коммунистами в середине ноября 1944 г. там же.

[655] **Филимонов Николай Евгеньевич.** Капитан, воспитатель Киевского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Эвакуирован с корпусом из Одессы. В эмиграции в Югославии, к 1940 г. командир роты Первого Русского кадетского корпуса. Полковник. После ареста в октябре 1944-го — 1945 гг. остался в Белой Церкви.

[656] **Кныш Михаил Терентьевич**. Капитан. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии, к 1940 г. секретарь и казначей РКК. Остался в Белой Церкви. В январе 1945 г. вывезен в СССР и погиб.

[657] **Лавров Павел Иванович.** Капитан, воспитатель Киевского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Эвакуирован с корпусом из Одессы. В эмиграции в Югославии, с 11 марта 1925-го по 1 сентября 1929 г. воспитатель Крымского кадетского корпуса, к 1940 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. Остался в Белой Церкви (Югославия). Расстрелян коммунистами в середине ноября 1944 г. там же.

[658] Впервые опубликовано: 7-я кадетская памятка.

[659] **Генералов Герман Эрастович**, р. 12 мая 1872 г. Из казаков ст. Потемкинской Области Войска Донского. Новочеркасское военное училище (1893) (офицером с 1895 г.). Полковник, помощник окружного атамана 2-го Донского округа. В Донской армии; окружной атаман 2-го Донского округа. Генерал-майор (с 18 апреля 1920 г.). В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии, к 1936 г. председатель русской колонии и станичный атаман в Белой Церкви. Расстрелян коммунистами в середине ноября 1944 г. там же.

[660] **Кожин Владимир Николаевич.** В эмиграции в Югославии, с 1940 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса. Расстрелян большевиками в январе 1945 г. по дороге во Вршац (Югославия).

[661] **Страдецкий Вячеслав Константинович.** Капитан, воспитатель Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР на той же должности. В Русской Армии в 1-м Днепровском речном отряде до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на линейном корабле «Генерал Алексеев». В декабре 1920 г. перевезен из лагеря «Селемие» в Румынию. До мая 1922 г. снова в лагере «Селемие» (Турция), затем в Константинополе. В эмиграции в Югославии, в 1921—1929, 1940 гг. бухгалтер Первого Русского кадетского корпуса. В январе 1945 г. вывезен в СССР и погиб.

[662] **Данилов Даниил Данилович.** Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии, с 1 сентября 1920-го по 7 сентября 1921 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса, с 1940 г. преподаватель математики Первого Русского кадетского корпуса. Арестован коммунистами. Повесился в феврале 1945 г. в лагере в с. Шушара (Югославия).

[663] **Карпов Николай Евгеньевич.** Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. Подполковник, воспитатель Киевского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии на той же должности. Эвакуирован с корпусом из Одессы. В эмиграции в Югославии, к 1940 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. После ареста в октябре 1944-го по 1945 г. остался в Белой Церкви (Югославия). Умер в 1955 г.

[664] **Козырева Елена Ивановна.** В эмиграции в Югославии. С 1 сентября 1926-го по 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса, затем до 1 августа 1933-го и в 1940 г. — Первого Русского кадетского корпуса. После ареста в октябре 1944 г. — 1945 г. осталась в Белой Церкви (Югославия).

[665] **Александров Николай Иванович.** В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в декабре 1919 г. — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. На 16 июля 1920 г. помощник эконома Донского Мариинского института, в 1940 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса. После ареста в октябре 1944-го — 1945 г. остался в Белой Церкви (Югославия).

[666] Впервые опубликовано: Кадетская перекличка. 1979. № 13.

[667] **Новицкий Василий Иванович.** В Вооруженных силах Юга России; кадет Киевского кадетского корпуса. В эмиграции в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус (1929), университет. После 1945 г. во Франции (Париже), США, затем в Белграде. Умер после 1991 г.

[668] Впервые опубликовано: Кадетская перекличка. 1979. № 13.

[669] **Ливай Валентин.** В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус в 1928 г. Служил в Русском корпусе. Юнкер. После 1945 г. в США. Священник. Умер 1 ноября 1970 г. в Вашингтоне.

[670] Впервые опубликовано: Кадетская перекличка. 1979. № 13.

[671] **Невзоров Андрей Геннадьевич**, р. 1 ноября 1889 г. в Егорьевке Рязанской губ. Сын директора гимназии. Гимназия, Виленское военное училище (1913). Штабс-капитан 98-го (97-го) пехотного полка, преподаватель и командир роты 4-й Московской школы прапорщиков. Георгиевский кавалер. Участник боев в октябре 1917 г. Москве. С конца 1917 г. командир бронеавтомобиля в Донской армии. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в 3-м автоброневом

отряде до эвакуации Крыма. Подполковник. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии Служил в Русском корпусе (обер-лейтенант). Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 30 апреля 1978 г. в Сиднее (Австралия).

[672] Впервые опубликовано: Военная Быль. 1972. Сентябрь. № 118.

[673] Впервые опубликовано: Суворовский кадетский корпус. Памятка, 1899—1949. Б. м, 1949 г.

[674] Раздел написан С. Кашкиным. **Кашкин Сергей Александрович.** Сын полковника. Суворовский кадетский корпус (1911), Александровское военное училище (1913). Полковник л.-гв. Волынского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР. В эмиграции в Югославии, в 1931 г. член редколлегии «Вестника Российского объединения Пажеского, Морского и кадетских корпусов в королевстве Югославия». После 1945 г. во Франции, в 1949 г. издал сборник о Суворовском кадетском корпусе, затем в Германии и США. Участник монархического движения. Заместитель руководителя КИАФ в США. В эмиграции в Югославии. Умер 4 мая 1972 г. в Нью-Йорке.

[675] **Машкин Николай Николаевич.** Суворовский кадетский корпус (8-й выпуск), Тверское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр 4-го уланского полка. В Русской Армии с июля 1920 г. адъютант 2-го Туземного конного полка, затем в 4-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, с 1921 г. в Белграде. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. — в США, к 1951 г. член Общества Галлиполийцев в Калифорнии, председатель кадетского объединения в Лос-Анджелесе. Умер 9 июля 1977 г. в Спокане (США).

[676] **Крейтер Владимир Владимирович.** Суворовский кадетский корпус (1907), Николаевское кавалерийское училище (1909), академия Генштаба. Полковник 1-го гусарского полка, начальник штаба бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1 октября 1918 г. начальник особого отделения части Генерального Штаба Военного и Морского отдела, с 22 июля, осенью 1919 г. начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма; начальник штаба конного корпуса генерала Барбовича, командир 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Генерал-майор. На 28 декабря 1920 г. начальник штаба Кавалерийской дивизии в Галлиполи. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже. Служил в Русском корпусе (начальник штаба корпуса). Издатель сборника о Суворовском кадетском корпусе (Париж, 1949). Умер 23 июня 1950 г. в Дахау (Германия).

[677] **Страшкевич Николай Николаевич.** Суворовский кадетский корпус (1909). В Вооруженных силах Юга России. В эмиграции в Югославии, к 1949 г. в Мюнхене, затем в США, представитель объединения корпуса на Востоке США, член отдела Общества Галлиполийцев. Умер после 1959 г..

[678] **Балк Александр Павлович**, р. 7 февраля 1866 г. В службе с 1884 г., офицером с 1886 г. Офицер л.-гв. Волынского полка. Генерал-майор, помощник Варшавского обер-полицмейстера, градоначальник Петрограда. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1918 г. в Ставрополе. Эвакуирован в декабре 1919 г. — марте 1920 г. из Крыма в Салоники на корабле «Константин». На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Югославии; на 1938 г. предста-

витель там полкового объединения. Возглавлял объединение л.-гв. Волынского полка. После 1945 г., в Бразилии. Умер 20 октября 1957 г. в Сан-Пауло.

[679] **Приходкин Борис Дмитриевич**, р. 11 ноября 1877 г. Полтавский (2-й Московский?) кадетский корпус (1896), Константиновское артиллерийское училище (1899). Полковник. В эмиграции во Франции, в 1948—1950 гг. редактор журнала «Кадеты» в Париже. Умер 16 июня 1950 г. в Париже.

[680] **Мамонтов Николай Владимирович**, р. около 1893 г. Михайловское артиллерийское училище (1914). Полковник л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. В эмиграции в Югославии, в 1931 г. член редколлегии «Вестника объединения Российских Пажеского, Морского и кадетских корпусов в королевстве Югославии». Служил в Русском корпусе на офицерской должности. В 1945—1946 гг. в лагере Келлерберг (Австрия), затем в Венесуэле. Умер 15 сентября 1963 г. в Валенсии (Венесуэла).

[681] **Экк Эдуард Владимирович**, р. 11 апреля 1851 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын тайного советника. В службе с 1868 г., офицером с 1869 г., академия Генштаба (1878). Офицер л.-гв. Семеновского полка. Генерал от инфантерии, командир 23-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 31 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 13 июля 1919 г. председатель военно-полевого суда над генералом Марксом. В Русской Армии председатель высшей комиссии правительственного надзора до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, председатель Совета объединенных офицерских организаций, до 21 января 1933 г. начальник 4-го отдела РОВС, председатель Главнокомандующего в Белграде. Член объединения л.-гв. Семеновского полка. Умер 5 апреля 1937 г. в Белграде.

[682] **Пулевич Вениамин Михайлович**, р. в 1878 г. Из дворян, сын офицера. Киевский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище (1898), академия Генштаба. Офицер 5-го гусарского полка. Генерал-майор, командир 8-го гусарского полка. С 1918 г. в гетманской армии; и. о. начальника штаба 6-го корпуса, 17 августа 1918 г. назначен членом военно-ученого комитета при Главном управлении Генштаба, 29 октября 1918 г. назначен 2-м генквартом того же управления. Эвакуирован в 1919 г. из Одессы на корабле «Кавказ». Во ВСЮР и Русской Армии; начальник штаба 3-й Донской казачьей дивизии. Эвакуирован до августа 1920 г. из Севастополя. В Русской Армии в штабе войск армейского постового района до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции в Югославии. Служил в Русском корпусе (командир батальона). С 1945 г. в Австрии, с 1949 г. в США. Умер 1 апреля 1954 г. в США.

[683] Раздел написан А. Потаповым. **Потапов Александр Николаевич.** Суворовский кадетский корпус (1906 или 1907), Михайловское артиллерийское училище. Капитан Кавказской гренадерской артиллерийской бригады. Участник Белого движения. Полковник. В эмиграции в 1930—1956 гг. председатель объединения корпуса, редактор журнала «Суворовцы», к 1953 г. в Нью-Йорке, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер в ноябре 1971 г.

[684] **Ревишин Николай Петрович**, р. в 1868 г. Из дворян, сын подполковника. В службе с 1886 г., офицером с 1888 г. Полковник кавалерии, вос-

питатель Суворовского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России по ведомству министерства торговли и промышленности. Летом 1920 г. на о. Лемнос. В эмиграции в Югославии и Венгрии, к 1944 г. в Сегедине.

[685] **Еременко Григорий Маркович**, р. в 1862 г. В службе с 1882 г., офицером с 1884 г. Полковник, командир роты Суворовского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Инкерман». В эмиграции в Болгарии (Шипка).

[686] **Главацкий Николай Владимирович**. Суворовский кадетский корпус (1907), Елисаветградское кавалерийское училище (1909). Офицер 8-й артиллерийской бригады. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Офицерской артиллерийской школы во Франции. Капитан. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (6-й выпуск). Представитель корпусного объединения во Франции, заместитель, затем председатель объединения корпуса. В 1950-е гг. в Нью-Йорке, редактор журнала «Суворовцы». Умер 20 мая 1978 г. в Париже.

[687] **Криштановский Александр Владимирович**. Сын полковника. Суворовский кадетский корпус (1909). Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона в Болгарии. Подполковник. В эмиграции в Болгарии, в Чехословакии, к 1934 г. член Общества Галлиполийцев в Праге, с 1949 г. в Аргентине (с 1951 г. в Буэнос-Айресе). Полковник. Умер 7 июля 1958 г.

[688] **Смолинский Виталий Николаевич**, р. 12 апреля 1898 г. Прапорщик 8-го Финляндского стрелкового полка. В Северо-Западной армии (зачислен с 10 июля 1919 г.), в декабре 1919 г. в 17-м пехотном Либавском полку. Поручик. В эмиграции к 1946 г. в Германии, затем в США. Умер 4 апреля 1979 г. в США.

[689] **Македонов Кесарь Карпович**. Суворовский кадетский корпус. Поручик. В Вооруженных силах Юга России; с апреля 1919 г. в прикомандировании, на 15 октября, 2 ноября 1919 г., январь 1920 г. обер-офицер для поручений управления инспектора артиллерии штаба войск Новороссийской области. Капитан (подполковник) артиллерии. В эмиграции в Германии. После 1947 г. в США. Умер 11 апреля 1965 г. в Нью-Йорке.

[690] **Черепов Владимир Александрович**, р. в 1902 г. Из дворян Курской губ., сын офицера. В Добровольческой армии. Доброволец-рядовой. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1922 или 1923). Корнет 18-го драгунского полка. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. в США. Умер 26 января 1981 г. в Глен-Кове (США).

[691] Впервые опубликовано: *Марков А.Л.* Кадеты и юнкера. Буэнос-Айрес, 1961.

[692] Имеются в виду три брата — Борис, Гурий и Лев Панаевы, офицеры 12-го гусарского Ахтырского полка, погибшие в Первую мировую войну.

[693] **Говоров Алексей Владимирович**. Сын священника. Тверское кавалерийское училище (1907), академия Генштаба (1914). Подполковник 11-го

уланского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник штаба конной бригады. В Донской армии; с 4 мая 1918 г., на 26 июня, 20 ноября 1918 г. начальник штаба 1-й Донской конной дивизии, с мая—июня 1918 г. полковник, затем генерал-майор, начальник штаба 3-го Донского корпуса, с 25 марта 1920 г. начальник штаба 3-й Донской конной дивизии, с сентября 1920 г. начальник штаба 1-й или 2-й конной дивизии, на 1 октября 1920 г. начальник штаба Донского корпуса Русской Армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, с 1921 г. начальник Николаевского кавалерийского училища, с 1929 г. член правления объединения училища. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу Союза Первопоходников в Париже. Умер после 1941 г. во Франции.

[694] **Линицкий Александр Иванович**, р. в 1871 г. Николаевское кавалерийское училище (1894), академия Генштаба. Офицер 3-го драгунского полка, начальник штаба 4-й и 3-й кавалерийских дивизий. Генерал-майор. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 11 августа 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 21 октября 1919 г. член комиссии по рассмотрению положений о прохождении службы и устройству войск. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на о. Лемнос на корабле «Брауенфелз». 16 октября 1920 г. выехал в Русскую Армию в Крым на корабле «Херсон». Галлиполиец, с 1921 г. инспектор классов Николаевского кавалерийского училища. В эмиграции в Югославии, в 1931 г. возглавлял группу Общества Галлиполийцев в Крагуеваце.

[695] **Синегуб Валентин Константинович**, р. в 1877 г. Полтавский кадетский корпус (1895), Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник 10-го уланского полка, командир 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Летом 1918 г. в Ахтырке. В Северо-Западной армии (зачислен с 1 июня 1919 г.), с августа 1919 г. командир 1-го экадрона стрелкового дивизиона 2-го полка Ливенской дивизии, в декабре 1919 г. командир 1-го экадрона Стрелкового дивизиона 5-й пехотной дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Лазарев». С 1921 г. командир дивизиона Николаевского кавалерийского училища. В эмиграции в Югославиии, жил в Земуне, служил в югославской армии. Умер до 1965 г.

[696] **Князь Шаховской Борис Андреевич**, р. в 1883 г. Киевский кадетский корпус (1901), Елисаветградское кавалерийское училище (1903). Ротмистр штаба 9-й кавалерийской дивизии и 9-го драгунского полка, штаб-офицер для поручений при генерал-губернаторе в Черновицах. В Вооруженных силах Юга России в эскадроне 9-го драгунского полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Подполковник. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе, с 1921 г. командир эскадрона Николаевского кавалерийского училища. В эмиграции в Югославии. Умер 23 января 1931 г. в Белграде.

[697] **Левандовский Михаил Александрович**, р. в 1889 г. Николаевское кавалерийское училище. Штабс-ротмистр 18-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с мая 1918 г. во 2-м конном (Дроздовском) полку. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Галлиполиец, с 1921 г. командир взвода Николаевского кавалерийского училища. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. — в США. Умер 13 апреля 1967 г. в Нью-Йорке.

[698] **Левенец Георгий Владимирович**. Офицер 2-го гусарского полка. Полковник, командир эскадрона Николаевского кавалерийского училища. Убит в октябре 1917 г. в Петрограде.

[699] **Ляхов Николай Дмитриевич**, р. в 1897 г. Из казаков ст. Раздорской Области Войска Донского. 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1917). Хорунжий л.-гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. Ранен 31 марта 1918 г. В Донской армии в л.-гв. Казачьем полку, с 1918 г. сотник; летом 1920 г. адъютант штаба Ставки. Подъесаул (1920). В эмиграции с 1926 г. адъютант Главнокомандующего генерала Врангеля. Есаул. Умер 30 апреля 1962 г. в Англии.

[700] **Котляревский Николай Михайлович**, р. 20 октября (ноября) 1890 г. Одесская гимназия, Новороссийский университет. Статский советник министерства земледелия (юстиции), уполномоченный Красного Креста. В Вооруженных силах Юга России; весной 1920 г. командирован в Константинополь, Софию, Белград и Париж. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции до 1928 г. секретарь генерала Врангеля. Умер 5 июня 1966 г. в Брюсселе.

[701] **Баратов Николай Николаевич**, р. в 1865 г. во Владикавказе. Владикавказское реальное училище, Константиновское военное училище, Николаевское инженерное училище, академия Генштаба (1891). Генерал от кавалерии, командующий русским экспедиционным корпусом в Персии. В Добровольческой армии и ВСЮР на Кавказе: с 1918 г. представитель Главнокомандующего в Закавказье, тяжело ранен 13 сентября 1919 г., с декабря 1919 г. в управлении иностранных дел, в марте—апреле 1920 г. министр иностранных дел Южнорусского правительства до эвакуации Новороссийска. Эвакуирован до августа 1920 г. из Батума. В эмиграции во Франции. Председатель Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов, с 1930 г. редактор газеты «Русский инвалид». Умер 22 марта 1932 г. в Париже.

[702] **Карцов Владимир Александрович**, р. 15 июля 1860 г. Из дворян. Пажеский корпус (1879), академия Генштаба (1885). Офицер л.-гв. Конногренадерского полка. Генерал-лейтенант, командир бригады 1-й бригады Кубанской казачьей дивизии (с 1915 г. в отставке). Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской дружине, начальник обоза Кубанского отряда. С 11 мая 1918 г., с 15 ноября 1918 г. и на 22 января 1919 г. до 4 августа 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, затем в белых войсках Восточного фронта. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец, председатель офицерского суда чести. Летом 1921 г. ближайший помощник и переводчик Кутепова. В эмиграции в Югославии, председатель объединения 5-го гусарского полка. Умер 15 октября 1938 г. в Белой Церкви (Югославия).

[703] **Подчертков Александр Александрович**, р. в 1889 г. в Санкт-Петербурге. Сын полковника. Александровский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1908), академия Генштаба (1916). Офицер л.-гв. Семеновского полка. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; на 31 января 1919 г. начальник оперативного отделения штаба Главнокомандующего

ВСЮР, с 2 мая 1919 г. в распоряжении штаба армейской группы на Маныче, затем вновь в оперативном отделении штаба ВСЮР. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В мае 1921 г. входил в состав ближайшего окружения генерала Врангеля; старший адъютант штаба Русской армии. В эмиграции с 1923 г. в Югославии, к декабрю 1926 г. в Париже, с 1939 г. в Марокко, начальник подотдела РОВС. Член полкового объединения. Умер 14 декабря 1954 г. в Касабланке (Марокко).

[704] **Зданович Александр Иванович**, р. 11 марта 1849 г. Николаевское кавалерийское училище (1868). Офицер л.-гв. Драгунского полка. Генерал-лейтенант, присутствующий в Правительствующем Сенате. В Вооруженных силах Юга России по ведомству министерства внутренних дел. Летом 1920 г. на Принцевых островах. В эмиграции с 1923 г. в Югославии. Умер 18 марта 1936 г. во Франции.

[705] **Кусонский Павел Алексеевич**, р. в 1880 г. Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1900), академия Генштаба (1911). Полковник, начальник оперативного отдела Ставки ВГК. В Добровольческой армии и ВСЮР; с июня 1918 г. генерал для поручений при Главнокомандующем, с 1 января 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии (с мая — Кавказской армии), летом—осенью 1919 г. начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии и. д. начальника гарнизона Симферополя, с августа 1920 г. начальник штаба 3-го армейского корпуса, к октябрю 1920 г. начальник штаба 2-й армии до эвакуации Крыма. Затем помощник начальника штаба Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с 16 февраля 1922 г.). В эмиграции во Франции, в распоряжении председателя РОВС, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, с 1934 г. начальник канцелярии РОВС, с 1938 г. в Бельгии. Арестован немцами в 1941 г. в Брюсселе. Умер 22 августа 1941 г. в лагере Бреендонк.

[706] **Князь Андроников Владимир Михайлович**, р. 24 февраля 1878 г. Псковский кадетский корпус (1895), Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник. л.-гв. Уланского Ее Величества полка. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в декабре 1919 г. — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Германии, к 1931 г. в Вюртемберге. Умер 29 декабря 1942 г. в Мюнхене.

[707] **Пожарский Иосиф Фомич**, р. в 1866 г. В службе с 1888 г., офицером с 1891 г. Генерал-майор, начальник Морской дивизии Черноморского флота. С 1918 г. в гетманской армии; в Вооруженных силах Юга России в резерве чинов при штабе Добровольческой армии, с 21 ноября 1919 г. начальник гарнизона Харькова. В Русской Армии в резерве чинов при штабе Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии (к 1923 г. в Белой Церкви).

[708] **Евреинов Владимир Дмитриевич**, р. в 1872 г. Александровский лицей (1894). Камергер, уполномоченный Красного Креста. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован 23 февраля 1920 г. из Новороссийска в Салоники и затем в Югославию на корабле «Иртыш». На 1 июня 1921 г., к 1923 г. в эмиграции в Югославии, затем в Италии. Умер 22 июня 1927 г. во Флоренции.

[709] **Педь Николай Павлович.** Офицер 10-го уланского полка. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. Штабс-ротмистр. В эмиграции в Югославии, в 1923 г. преподаватель Николаевского кавалерийского училища. Ротмистр.

[710] **Платонов Леонид.** Кадет Одесского кадетского корпуса (выпуск 1920 г.). Во ВСЮР и Русской Армии рядовой в эскадроне 12-го гусарского полка до эвакуации Крыма. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. На 18 декабря 1920 г. в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи. Окончил Николаевское кавалерийское училище в 1922 г. Корнет. Убит в 1928 г. в разведке в СССР.

[711] **Трофимов Михаил Николаевич.** Полтавский кадетский корпус (1919). В Вооруженных силах Юга России. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Крымский кадетский корпус (1921), Николаевское кавалерийское училище (1923). Корнет. В эмиграции во Франции, член боевой организации РОВС. Убит до 1933 г. при переходе румынской границы.

[712] **Поляков Георгий (Юрий) Петрович (4-й),** р. в 1901 г. в Вознесенске. Из дворян, сын генерал-майора. Кадет Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. на бронепоезде, затем доброволец 11-го уланского полка, с 1919 г. снова в Одесском кадетском корпусе. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. Окончил Первый Русский кадетский корпус в 1921 г. и Николаевское кавалерийское училище в 1923 г. Корнет 7-го гусарского полка. Член организации Кутепова, был в составе партизанского отряда в СССР. Убит в бою в 1930 г.

[713] **Занфиров Михаил.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Крымский кадетский корпус в 1922 г., Николаевское кавалерийское училище в 1923 г. Корнет 4-го гусарского полка, член боевой группы РОВС. Погиб в 1930—1933 гг. в СССР.

[714] **Карпинский В.И.** В эмиграции в Югославии. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1922—1923). Корнет. Служил в Русском корпусе. Убит 27 сентября 1944 г. в М. Каменице (Югославия).

[715] **Липин Борис Георгиевич.** Кадет Полтавского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1922), Николаевское кавалерийское училище (1922—1923). Корнет. В эмиграции во Франции. Убит во время Второй мировой войны во Франции.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Раздел 1

А. Марков. Кадеты и юнкера в Белом движении 11
М.С. Последние дни Первого кадетского корпуса 19
Б. Павлов. Конец 2-го Московского Императора Николая I кадетского корпуса 24
Б. Щепинский. Рота Его Высочества Морского Е.И.В. Наследника Цесаревича кадетского корпуса 32
Н. Голеевский. Симбирский кадетский корпус до и в дни революции 38
Н. Апостолов. Николаевское артиллерийское училище 51

Раздел 2

А. Штром. Памяти «белой молодежи» 54
Одесский кадетский корпус в период «лихолетья» 1917—1920 годов 56
Г. Есаулов. История конца Одесского кадетского корпуса 90
Эвакуация Одесского кадетского корпуса в январе 1920 года 104
А. Росселевич. Отход Одесского кадетского корпуса на румынскую границу в 1920 году 109
Е. Яконовский. После Канделя 124
А. Стацевич. Киевский кадетский корпус в годы Гражданской войны 133
Л. Сердаковский. Чему Господь свидетелем меня поставил 152
И. Сагацкий. XXX выпуск 166
Б. Прянишников. После бала веселого... 180
В. Милоданович. Долгий путь Донского Императора Александра III кадетского корпуса 183
В. фон Берг. Последние гардемарины 195
Б. Щепинский. Последние годы военной жизни воспитанников кадетских рот Морского училища 234

В. Дюкин. Сергиевское артиллерийское училище в годы Гражданской войны ... 244
К. Перепеловский. Киевское Великого князя Константина Константиновича военное училище ... 269
И. Сагацкий. Фельдфебель 1-й роты Константиновского пехотного военного училища ... 275
А. Дадыкин. Корниловское военное училище ... 285
И. Сагацкий. Атаманское военное училище под Каховкой ... 288

Раздел 3

М. Данилевич. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус ... 299
А. Еленевский. Конец Оренбургского Неплюевского корпуса в 1920 году ... 301
С. Марков. Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус ... 316
В. Соколов. Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус ... 347
Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус в годы Гражданской войны ... 352
П. Гаттенбергер. С Амура на Дунай. Трагедия Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса ... 377
Хабаровский кадетский корпус в Шанхае ... 386
А. Рахманинов. Краткая история выпуска 1920 года из Морского училища ... 388
А. Еленевский. Военные училища в Сибири (1918—1922) ... 408

Раздел 4

П. Варнек. Поход в Бизерту ... 471
В. фон Берг. Морской корпус в Африке ... 484
Н. Кнорринг. Сфаят. Очерки из жизни Морского корпуса в Африке ... 509
Крымский корпус в Югославии ... 563
Донской Императора Александра III кадетский корпус на чужбине ... 617
Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус ... 710
В. Данилов. Первый день на чужбине ... 777
В. Новицкий. Похороны химии ... 781
В. Ливай. «Бамбуков 5-й» ... 783
А. Невзоров. Кадетский корпус в Сараеве ... 785
Объединение суворовцев ... 789
В. Черепов. Последние корнеты ... 794

Комментарии ... 809